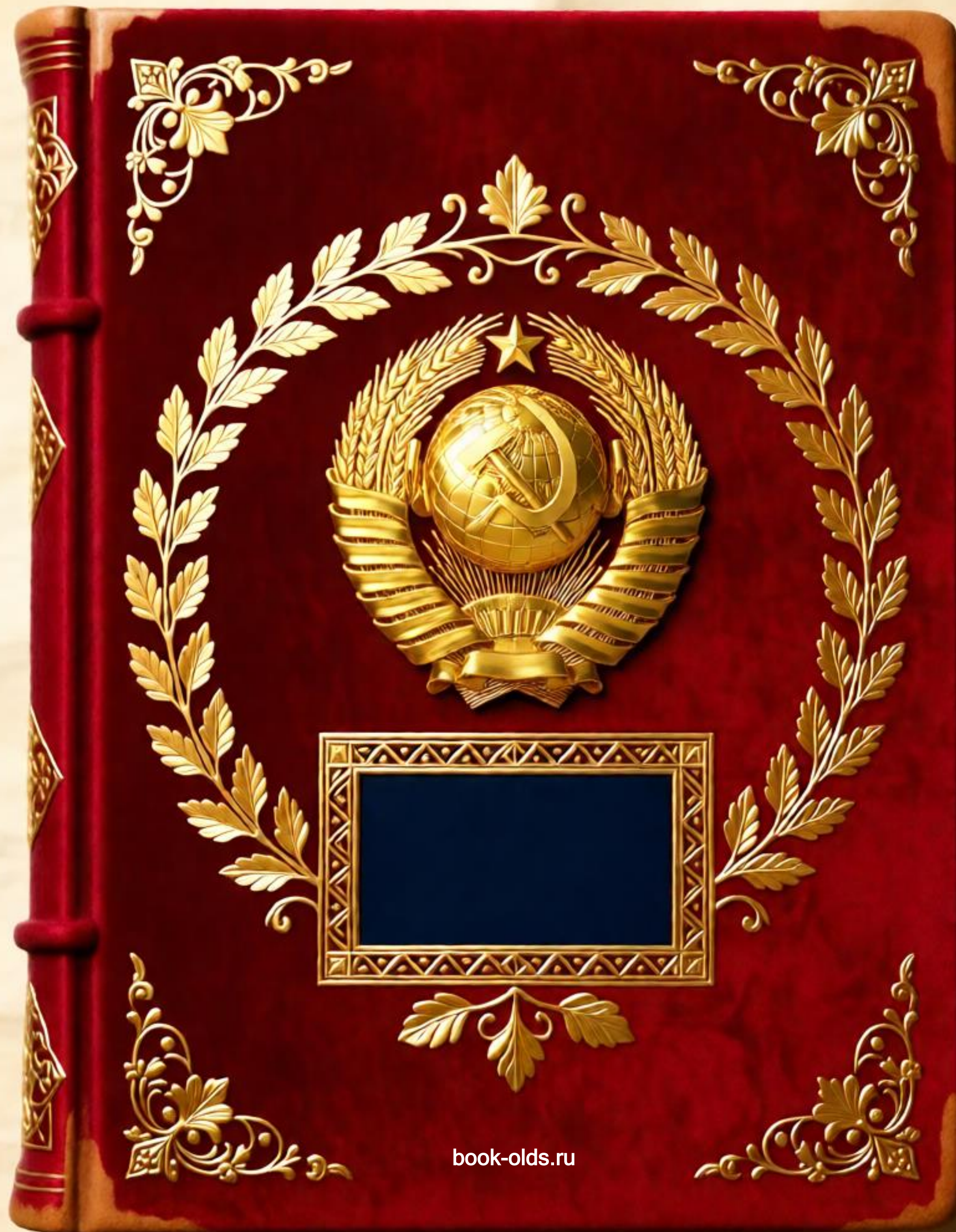

ИСТОРИЯ ПУТИЛОВСКОГО ЗАВОДА

Автор

Мительман Мордух Израилевич,
Глебов Б., Ульяновский А.,
Быстрянский Вадим Александрович

Описание**Мительман, Мордух Израилевич**

История Путиловского завода : [1789-1917] / М. Мительман, Б. Глебов, А. Ульяновский ; под редакцией В. А. Быстрянского. - Москва ; Ленинград : Государственное социально-экономическое издательство, 1939. - 756 с., 15 вкл. л. ил., портр. : ил., факс., портр. ; 26 см. - (История Кировского (бывшего Путиловского) металлургического и машиностроительного завода в Ленинграде/Ленинградский институт истории ВКП(б) ; [Кн. 1]). - Библиография: с. "Основные источники", с. 748-754.

.
I. Глебов, Б.. II. Ульяновский, А.. III. Быстрянский, Вадим Александрович (псевдоним). 1. "Кировский завод", открытое акционерное общество (Санкт-Петербург, город) -- История. 2. Народ (коллекция). 3. Санкт-Петербург: страницы истории (коллекция). 4. Территория России: Санкт-Петербург, город (коллекция).

ББК 63.3(2)5-2

ББК 63.3(2)6-2

ББК 65.03(2)5

ББК 65.03(2)6

Источник электронной копии: ЦБС
Красногвардейского района, Санкт-Петербург

Место хранения оригинала: ЦБС
Красногвардейского района, Санкт-Петербург

Издательство

Государственное социально-экономическое издательство (/search?f%5B0%5D=field_book_publisher%3A118868)

Объект в каталогах

Россия в кон. XVII в.,
Россия с октября 1917 г.,
Экономика. Экономические науки

1917

Не было в истории революционного движения в России такого момента, когда не было бы слышно могучего имени путиловского рабочего. В самые тяжелые, в самые мрачные времена царской России, в стенах „Красного путиловца“ ни разу не потухало революционное пламя. И как только раздвигались жестокие застенки царизма, первые призывные революционные песни шли из этих исторических стен „Красного путиловца“

С. Киров

43
ЛЕНИНГРАДСКИЙ ИНСТИТУТ ИСТОРИИ ВКП(б)

**ИСТОРИЯ
КИРОВСКОГО (БЫВ. ПУТИЛОВСКОГО)
МЕТАЛЛУРГИЧЕСКОГО И
МАШИНОСТРОИТЕЛЬНОГО
ЗАВОДА В ЛЕНИНГРАДЕ**

МОСКВА — 1939 — ЛЕНИНГРАД

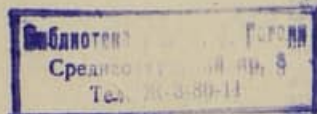
РЕДКАЯ КНИГА

3319(c)
M66

М. МИТЕЛЬМАН, Б. ГЛЕБОВ, А. УЛЬЯНСКИЙ

ИСТОРИЯ ПУТИЛОВСКОГО ЗАВОДА

Под редакцией В. А. Быстрицкого

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

ЗАЛ РЕДКОЙ КНИГИ
БИБЛИОТЕКА НОВИНОК
195112, ул. Стахановцев, д. 4А
тел. 528-17-03

42863

(3) 8 155

«История Путиловского завода» посвящена одному из старейших и крупнейших русских заводов, сыгравшему выдающуюся роль в истории рабочего революционного движения в России. Книга охватывает период в 128 лет — от основания завода до момента его национализации Советской властью.

В книге показаны экономическое развитие завода, условия труда и быта рабочих, борьба рабочих против самодержавия и капиталистической эксплуатации, работа и борьба большевистской организации завода.

Составленная на основе большого документального, литературного и мемуарного материала, книга написана популярно и рассчитана на массового читателя.

Выступление В. И. Ленина на Путиловском заводе 12 мая 1917 г.

(С картины Н. Бродского)

1789—1917

ПРЕДИСЛОВИЕ

В сентябре 1902 года в «Письме к товарищу о наших организационных задачах» товарищ Ленин писал о заводских кружках: «Они для нас особенно важны: ведь вся главная сила движения — в организованности рабочих на *крупных* заводах, ибо крупные заводы (и фабрики) включают в себя не только преобладающую по численности, но еще более преобладающую по влиянию, развитию, способности ее к борьбе часть всего рабочего класса. Каждый завод должен быть нашей крепостью».¹

Такой крепостью большевизма и стал Путиловский завод, один из старейших и крупнейших русских заводов. По политическому развитию и способности к борьбе пролетарии-путиловцы действительно показывали пример рабочим России.

История Путиловского завода, предлагаемая вниманию читателей, является куском из истории СССР, из истории русского революционного движения, из истории ВКП(б). Рабочие Путиловского завода занимали одно из первых мест в борьбе, которую вел российский пролетариат против царизма и капитализма. Путиловские пролетарии выступали первыми во многих революционных боях, развертывавшихся в старой царской столице — Петербурге.

Путиловцам принадлежит инициатива январского выступления 1905 года.

«Стачка, начавшаяся 3 января на Путиловском заводе, разыгрывается в одно из наиболее величественных проявлений рабочего движения»,² — писал Ленин о путиловской стачке.

С Путиловским заводом связана и деятельность великих вождей нашей революции — Ленина и Сталина.

В 1894—1895 годах Ленин за Нарвской заставой — в рабочих кружках путиловцев, членов «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», — пестовал и растил передовиков, организаторов массового рабочего движения. В 1905—1906 годах Владимир Ильич был непосредственно связан с путиловской социал-демократической организацией и неоднократно бывал на собраниях путиловских большевиков.

В октябре 1912 года Сталин выступает за Нарвской заставой — на собрании большевистской организации путиловцев в дни избирательной кампании в IV Государственную думу.

На Путиловском заводе началась поднятая по инициативе товарища Сталина забастовка протеста против кассации выборов по Путиловскому и другим заводам.

¹ Ленин, Сочинения, т. V, стр. 185.

² Там же, т. VII, стр. 76.

Стачечное движение на Путиловском заводе в этот период отличалось особенным упорством. За два с половиной года — февраль 1912 — июль 1914 года — на Путиловском заводе было 108 стачек. Число стачечников равнялось 385 тысячам. Каждый путиловский рабочий бастовал в среднем 20 раз.

С выступлением рабочих Путиловского завода в июле 1914 года связан могучий взлет революционной волны в связи с забастовками протеста против преследования бакинских стачечников.

Путиловцы явились застрельщиками свержения царизма в 1917 году. Толчком к разворачиванию движения в Петрограде явилась начавшаяся 18 февраля стачка путиловцев, поднятая и организованная местной большевистской ячейкой по прямому указанию Петербургского комитета большевистской партии. В борьбе за пролетарскую социалистическую революцию рабочие-путиловцы всегда были в первых рядах российского пролетариата.

Колоссальную роль сыграло выступление путиловцев и в июльской демонстрации 1917 года против Временного правительства. Путиловский завод был неизбежной опорой ленинско-сталинской партии. VI съезд большевистской партии (1917 год, конец июля — начало августа) происходил за Нарвской заставой под охраной рабочих-путиловцев.

В дни Октябрьского восстания путиловцы с оружием в руках боролись за диктатуру пролетариата. Вместе с революционными солдатами, матросами и рабочими Петрограда они сражались на улицах столицы и штурмовали Зимний дворец.

В дни Октября на Путиловском заводе появляется Ленин.

В годы гражданской войны Путиловский завод дает Красной армии свыше 10 тысяч бойцов. 25 боевых воинских единиц (отряды, полки, батальоны, дивизионы) выставили путиловцы на защиту Советской страны от белогвардейцев и интервентов.

В годы восстановления и реконструкции народного хозяйства путиловцы остались верны своим традициям: они взялись за оснащение первого ленинского плана электрификации — Волховстроя — гидротехническими сооружениями и стали пионерами строительства механизмов для гидроэлектростанций страны. Под руководством и с помощью С. М. Кирова они первыми поставили производство тракторов, этих снарядов, взрывавших самые глубокие устои капитализма в СССР.

«Десятилетиями складывались краснопутиловские традиции, завод был все время на вышке, на виду у всей страны, и всегда, как в годы борьбы с самодержавием, так и сейчас в период строительства социализма, Центральный комитет большевиков придавал и придает огромное значение этому заводу.

...Имя «Красного путиловца» звучит гордо! Это имя — гордость всей страны, всего рабочего класса, ленинской партии, руководимой тов. Сталиным, воспитавшей из сынов нужды стойких революционеров, уверенно строящих социализм», — писала «Правда» в июле 1933 года, в дни 30-летнего юбилея II съезда партии.

Вот почему предлагаемая вниманию читателей «История Путиловского завода» является вкладом как в историю великого русского народа, так и в историю героической партии большевиков.

В. Быстрянский

О Т А В Т О Р О В

Настоящая книга является результатом пятилетней работы, начатой по инициативе Алексея Максимовича Горького.

Указаниями Горького руководствовалась авторская бригада, стремясь полно, последовательно, связно и в наиболее яркой и доступной форме рассказать о жизни и борьбе рабочего коллектива крупнейшего русского завода.

Авторы ставили своей целью показать роль Путиловского завода «как двигателя промышленности, как школы техников и школы революционеров, завода как воспитателя классового, революционного самосознания рабочих и как организатора, участника гражданской войны» (Горький).

«История Путиловского завода» составлена на основе большого документального материала (просмотрены сотни дел, хранящихся в архивах Москвы и Ленинграда) и воспоминаний более тысячи старых путиловцев, помощи которых, прежде всего, обязана эта книга своим появлением в свет. Использована также вся литература и периодическая печать, имеющие прямое или косвенное отношение к Путиловскому заводу за описываемый период (1789—1917 гг.).

«Надо знать завод и в его современном значении как организатора социалистического сознания и социалистического производства», — писал Алексей Максимович.

Выполнению этой задачи посвящается вторая книга по истории Кировского завода, работа над которой ведется в Ленинградском институте истории ВКП(б).

Постоянную помощь авторам в работе над историей завода оказывали и оказывают партийные организации завода и цехов.

«История Путиловского завода» — коллективный труд авторской бригады в составе М. Мительмана, Б. Глебова и А. Ульяновского. Б. Глебовым написаны главы I, IV и VII (за исключением подразделов «Война и завод», «Царь на заводе», «Сделаем большого Круша», написанных А. Ульяновским). М. Мительманом написаны глава II (подразделы «Хозяин Ляшка» и «Застава» написаны совместно с А. Ульяновским), глава III (кроме подраздела «День смотрителя Чачи», написанного Б. Глебовым), часть главы IV, часть главы VI (подразделы «Торговцы смертью», «Страховая кампания», «Завоевание большинства», «Георгий Шкапин», «Улица Стачек», «Путиловский инцидент», «Июльские события») и глава VIII. А. Г. Ульяновский работал преимущественно над главами V и VI — период реакции и нового революционного подъема. Он умер в 1935 году, не

закончив своей работы. Написанные им подразделы были переработаны и дополнены М. Мительманом.

Писатель А. Г. Ульяновский последние два года своей жизни целиком отдал делу создания «Истории Путиловского завода». Чтобы связаться с рабочими — старожилками Нарвской заставы, он поселился в Нарвском районе. Ульяновский был связан с сотнями старых путиловцев, собирал среди них материалы о прошлом, и в рабочих кругах получил почетное имя: «литератор Кировского завода». Его литературному опыту, вдумчивой товарищеской помощи обязаны во многом остальные авторы этой книги.

Следует отметить, что в первоначальной разработке материалов участвовала М. Е. Левберг, умершая в 1934 году.

В редактировании настоящей книги принимал участие коллектив работников Ленинградского института истории ВКП(б).

Все приводимые в тексте даты даны по старому стилю.

ГЛАВА I

1789—1880

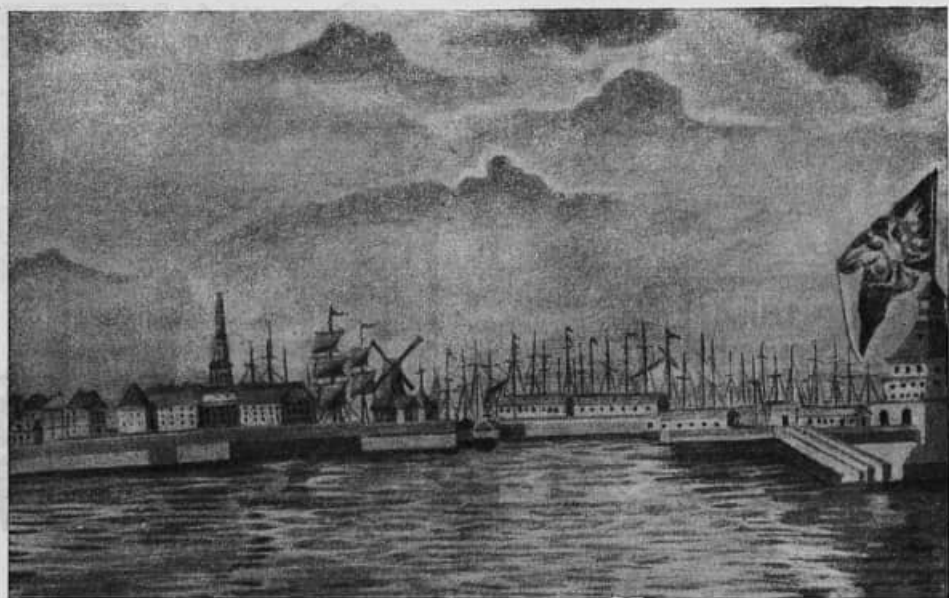
НА СЕДЬМОЙ ВЕРСТЕ ОТ СТОЛИЦЫ

Вблизи Петербурга, на острове Котлин, где стоит Кронштадтская крепость, в 1789 году был построен новый казенный чугунолитейный завод.

В ту пору Россия воевала со Швецией. Русский флот нуждался в снарядах для своей артиллерии. Привозить снаряды из Петрозаводска, с Александровского литейного завода, было делом длительным, а осенью и весной из-за распутицы — почти невозможным. В Кронштадте же имелись огромные запасы чугунного лома и устаревших, вышедших из употребления пушек. Для снабжения судовой и крепостной артиллерии боеприпасами, или, как тогда объясняли в одном из рапортов, «для переливки негодных пушек и снарядов», в мае 1789 года в Кронштадте спешно установили примитивный копер, чтобы разбивать чугунные пушки, и начали строить плавильную печь — основу будущего завода.

В начале декабря того же года на новом заводе уже отливали трех-, шести- и двенадцатидюймовые ядра, разнокалиберную дробь, трехдюймовые гранаты (по-тогдашнему «гренады») и трехпудовые зажигательные снаряды, именовавшиеся «брандскугелями».

Завод был невелик. Его единственная плавильная печь была рассчитана на отливку до 30 тысяч пудов чугуна в год. Рабочих на заводе было 190 человек, присланных из Петрозаводска. Руководили работами десять «художников» — специалистов по чугунному литью. Их выписали из Англии.

Кронштадт XVIII столетия

Строителем завода был знаменитый в то время в Европе шотландец Чарльз Гаскойн — большой знаток литейного производства. Он приехал в Россию в 1786 году по приглашению русского правительства и помог адмиралтейству реорганизовать литейное дело на Олонецких заводах. Ему платили громадные по тому времени деньги в английском исчислении — две с половиной тысячи фунтов стерлингов в год. Гаскойн был управляющим Олонецких чугунолитейных заводов, и новый завод также попал в его ведение.

Кронштадтский чугунолитейный завод был одним из немногих металлургических предприятий России. На тысячи верст простиралась темная, закабаленная, крепостная Россия. Миллионы крепостных крестьян деревянной сохой пахали землю, отдавая плоды своих тяжелых трудов помещикам и царской казне. На редких заводах и мануфактурах работали те же крепостные, что и на полях.

Под кнутом и палкой заводской стражи работали строители чугунолитейного завода и первые его мастеровые. Большинство их принадлежало казне. Были среди них и помещичьи крепостные, главным образом костромичи, отработывавшие оброк. По договору с костромскими помещиками заводское начальство обязано было платить по десять рублей на душу в месяц: половину помещику, половину крепостному. Помещики свои деньги получали сполна, крепостным же рабочим выдавали на руки не более трех рублей, обрекая их на полуголодную жизнь. Даже правитель Костромского наместничества в одном из своих писем признавал, что мастеровые «при теперешней тамо дороговизне оными деньгами содержать себя не могут».

Рабочие надрывались от непосильного труда и гибли несчетно от голода, холода и болезней. Они пели про свое житье:

Расскажи, хрещеный люд,
Отчего народы мрут
С покрову до покрову
На проклятом острову.

Рабочие роптали на каторжную жизнь, нанимали грамотеев писать жалобы начальству, бежали с проклятого острова. Еще во время постройки завода видный чиновник морского министерства, граф Чернышев, посылая на завод рабочих, писал: «Смотреть надо за сими молодцами, чтоб не разбежались или чего и хуже не сделали». В 1797 году, в царствование Павла I, три седобородых старика отправились ходоками к самому императору. Несколько дней бродили они по улицам и площадям столицы в надежде встретить царя, но не встретив его, опустили жалобу в ящик для прошений, установленный возле царского дворца. Павел I приказал схватить жалобщиков и, не взирая на их преклонный возраст, отдать в солдаты. Эта жалоба, как и прежние, осталась без ответа.

Двенадцать лет стоял завод на острове Котлин. Угроза новой войны — на этот раз с Англией, имевшей более мощный флот, чем Россия, — заставила перенести завод в Петербург. Его перенесли за Нарвскую заставу, на седьмую версту от центра столицы, в район аристократической Петергофской перспективы, где находились летние дворцы петербургской знати. В 1801 году на новом месте задымили низкие железные трубы Санкт-Петербургского казенного чугунолитейного завода.

Перед дворцами князей Трубецких, графов Шереметьевых и Строгановых на зеркальных прудах плавали лебеди; похожие на лебедей кони мчали в Северный Версаль — Петергоф — придворную знать. Наглухо

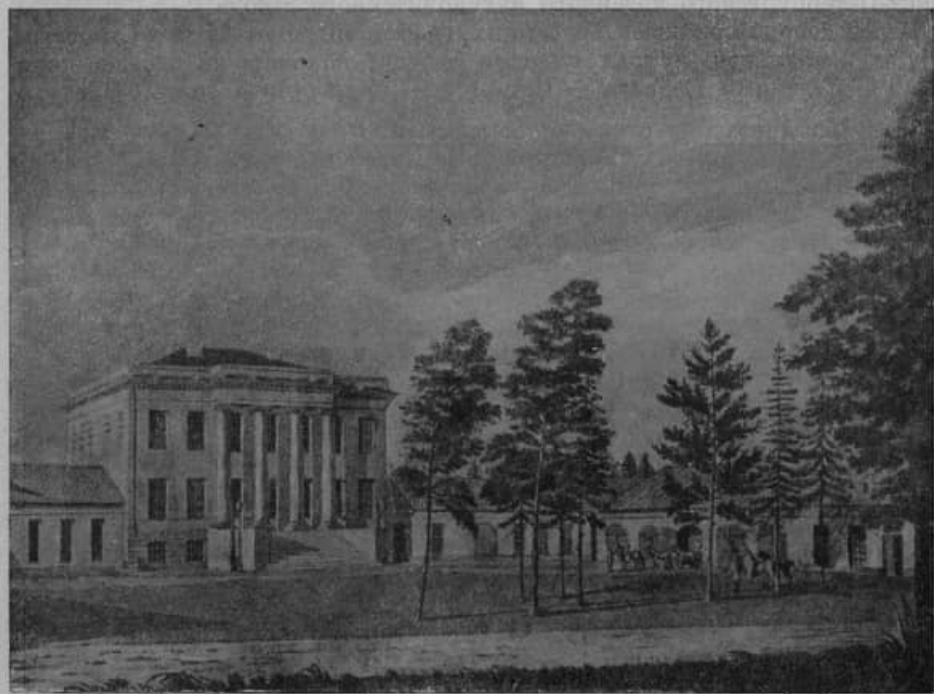

Петергофская перспектива

отгороженный от мира, стоял завод по соседству с великолепной столицей — гранитным городом Санкт-Петербургом. Окруженные высоким забором, как прежде — водой, проводили мастеровые дни, месяцы, годы. Словно мрачный, черный остров, возвышался завод среди зеленого моря садов, парков, оранжерей Нарвской заставы.

Мастеровые обязаны были работать 14 часов — с пяти утра до семи вечера. Но работать приходилось значительно больше. По 16—18 часов в сутки проводили они в дымных, грязных и холодных бараках-мастерских, остальное время — в таких же душных, грязных и холодных бараках-казармах. Заработок мастерового состоял из двух частей: твердого казенного жалованья и «наградных», которые целиком зависели от произвола начальства. Большинство мастеровых получали 31 рубль в год — 2 рубля 58 с четвертью копейки в месяц. Некоторым платили еще меньше — 2 рубля 29 копеек и 2 рубля 5 копеек в месяц. Иногда жалованье выдавалось мукой — по 1 пуду 39 фунтов в месяц и меньше. Мука была затхлая, горькая и рассчитывалась по дорогой цене.

Наградные, полагавшиеся «за усердную работу», составляли от 3 до 5 рублей в месяц. Всего, таким образом, в лучшем случае рабочий зарабатывал 7—8 рублей в месяц. При этом мастеровых штрафовали на каждом шагу — за угар металла, за нерадивость на работе, за порчу инструмента. За остальные провинности — неповиновение начальству, отлучку и т. п. — рабочих беспощадно били палками, секли розгами или приговаривали к самому страшному наказанию — битью кнутом.

Дворец княгини Дашковой (впоследствии дача купца Екимова)

Департамент горных и соляных дел в одной из своих инструкций писал, что горный начальник пользуется правами помещика и может «чинить расправу головам на мирской сходке и виновных наказывать домашним образом».

Вместе со взрослыми работали дети 8—12 лет — сыновья мастеровых. Они были с рождения приписаны к заводу, назывались «малолетами». Их заставляли исполнять «самые огненные и тягостные» работы. В одной из жалоб на непосильные условия труда рабочие писали о «малолетах»:

«С оными поступают не по-детски, употребляя наравне с большими на работу и не щадя слабых еще сил их и не имея никакого снисхождения, когда такой малолеток каким ни есть получасом опоздает притти на сборное место, жестоко по приказанию мастера Купера бывали наказываемы розгами».

Всего к 1809 году на заводе работало 390 человек, из них «казенных мастеров и мастеровых» — взрослых — 247 человек и «малолетов» — 64, вольнонаемных — 39 человек и 40 человек обслуживающей команды и мастеров.

Завод был перестроен и расширен. Он разделялся на цеха: фурмовый (литейный), кузнечный, слесарный, вальцовый, платинированный (медь-обрабатывающий). Завод исполнял, в основном, военные заказы. Царь Александр I вел войны на берегах Черного моря, в Закавказье. Воевал со Швецией, Турцией, Францией. Войны следовали одна за другой. Работы военным заводам было много.

Помимо спешной выделки военных припасов, мастеровых заставляли выполнять заказы «приватного свойства». На заводе делали чугунные

Нарвские ворота в начале XIX века

памятники, железные кандалы, нательные кресты, меры «для раздробительной продажи напитков», медные пуговицы, медные чешуйки для сбруй. Мастеровые работали не разгибаясь. Им не давали передохнуть ни минуты.

По воскресеньям и праздникам всю заводскую команду гоняли в строю за несколько верст в церковь на Ульянку. Каждым часом мастерового, его работой и отдыхом, распоряжались самодуры-начальники, надсмотрщики-офицеры да английские мастера.

У рабочих было отнято все. Высочайший указ от 13 апреля 1808 года лишил их даже права на отдых в воскресные и праздничные дни. В стране царил произвол, не знавший ни предела, ни удержу. Царь готовился к новым войнам, ему нужны были новые партии снарядов. Целый год забитые и темные люди безропотно сносили непрерывную каторгу и только на масляной неделе 1809 года осмелились попросить три дня отдыха. Прошение исходило от мастеровых фурмового цеха и было подано на имя англичанина Адама Армстронга, начальника казенных Олонецких и Петербургских чугунолитейных заводов, преемника Гаскойна. Армстронг удовлетворил просьбу. Однако смотритель завода Купер, оскорбившись тем, что мастеровые действовали через его голову, под видом срочной работы лишил передышки весь фурмовый цех.

Рабочие фурмового цеха, проработав два дня, на третий все, как один, ушли с работы, «оказав неповиновение» начальству. Это было 6 февраля 1809 года. В этот день произошла первая в истории завода стачка — неслыханное для той поры дело. Фурмовщики поплатились за стачку: пятерых зачинщиков жестоко избили палками на глазах у всей заводской команды, а остальных принудили работать в праздники.

Этот первый протест многomu научил мастеровых. Недаром впоследствии прокатилась о рабочих этого завода слава бунтарей. Недаром потом возникла пословица: «Путиловский мастеровой на дерзость скор и на стачку легок».

Несколько месяцев спустя Армстронг доносил по начальству, что мастеровые завода «делают некоторый род возмущения, уклоняясь между тем от надлежащего исполнения их обязанности». Он писал о «зловредных внушениях», коим легко поддаются мастеровые «по слабости их и по обыкновенной более ко злу, нежели к добру, наклонности». Стремление рабочих постоять за свои права именовалось склонностью «ко злу» и жестоко преследовалось розгами и кнутом. Но это не останавливало рабочих.

В ночной тишине собирались возмущенные люди на тайные собрания, озабоченно говорили о несправедливости, составляли прошения властям. У них нашелся руководитель — кузнец Иван Гаврилович Сучков, грамотный, знающий себе цену, с начальством дерзкий и неуживчивый. По его предложению во всех цехах были тайно выбраны старшины. Они собирали деньги на ходяков, составляли жалобы и согласовывали действия всех мастеровых. Сучков учил товарищей всячески таиться от подозрительных людей и не выдавать своих даже под пыткой. Жалобу за жалобой подавали через старшин мастеровые начальнику завода, министру, самому царю.

В этот жестокий век даже подача жалобы считалась бунтом. Сучков едва не поплатился жизнью. Сначала его сослали в Петрозаводск, на Александровский завод. Но и там он «возмущал» мастеровых, переписывался со старшинами Петербургского завода и пытался подготовить совместное выступление обоих казенных заводов. За это военный суд вынес ему

приговор: сто пять ударов кнутом и ссылка в Нерчинские рудники. Сто пять ударов означали смерть; о рудниках было записано лишь на случай, если высеченный окажется чрезмерно живучим.

Но не пришлось начальству привести приговор в исполнение. Уже в ту пору показала свою великую силу рабочая солидарность. Мастерские С.-Петербургского казенного завода еще на суде всячески выгораживали своего руководителя, отказывались подписываться под показаниями, а когда узнали о приговоре, подали прошение царю, жалуясь на несправедливость к Сучкову. Им грозили, их били розгами, сажали в тюрьму. Но они добились своего. Сучков был освобожден, а на завод прибыла правительственная комиссия.

Положение мастеровых было таково, что даже эта комиссия, состоявшая из крупных чиновников, сочла необходимым предложить некоторые меры для облегчения непосильных условий работы: не загружать в праздники, смягчить меры наказания, не вычитать за угар металла. Но медленно ворочались колеса бюрократической машины самодержавного государства, особенно когда дело касалось облегчения участи угнетенных классов общества. Три года прошло от первой стачки до образования комиссии, два года — до конца ее работы. Еще два года ждали мастера, чтобы им сообщили о решениях комиссии. Наконец в 1814 году они осмелились спросить, когда будут проведены объявленные им облегчения. Ответа мастерам не получили. Немало просьб подавали они и в последующие годы, но им или не отвечали вовсе, или присылали на имя начальника заводов такие ответы:

«Рассмотрев сие прошение, департамент горных и соляных дел находит, что мастерам к подаче оного побуждены одним лишь своевољством, а основательной к тому причины не имели...»

«...просьба, не имея никакого справедливого основания, означает одно лишь своевољство мастеровых, подписавших оную... Мнением своим департамент полагает к удержанию как их самих, так и прочих от подобных поступков отослать всех троих [подписавших прошение] на дальние заводы хребта Уральского».

К этому времени бесправный народ еще сильнее был зажат в железный кулак произвола. Палач Аракчеев гнал его в военные поселения. Несколько раз рабочих за напоминание об обещании улучшить их положение ссылали на уральские рудники. Еще сильнее стал гнет, еще беззащитней — жестокости начальства, еще тяжелее — подневольная казарменная жизнь.

Завод продолжал расширяться. В 1816 году был построен новый флигель, где помещались молотная и плющильная мастерские. Из Англии выписали для них паровую машину «в силу 50-ти лошадей», плющильную машину, токарный станок, ножницы и вóрот. Литейный цех в большом количестве отливал чугунные колонны, архитектурные украшения, статуи, строила.

Так продолжалось до 1824 года, когда произошло небывало большое наводнение. Из семнадцати казарм уцелело только четыре. Сильно пострадали все цеха. Сто пятьдесят восемь человек, главным образом женщины и дети, погибли, запертые в тесных казармах, как в клетках. Они погребены в братской могиле на Красеньком кладбище.

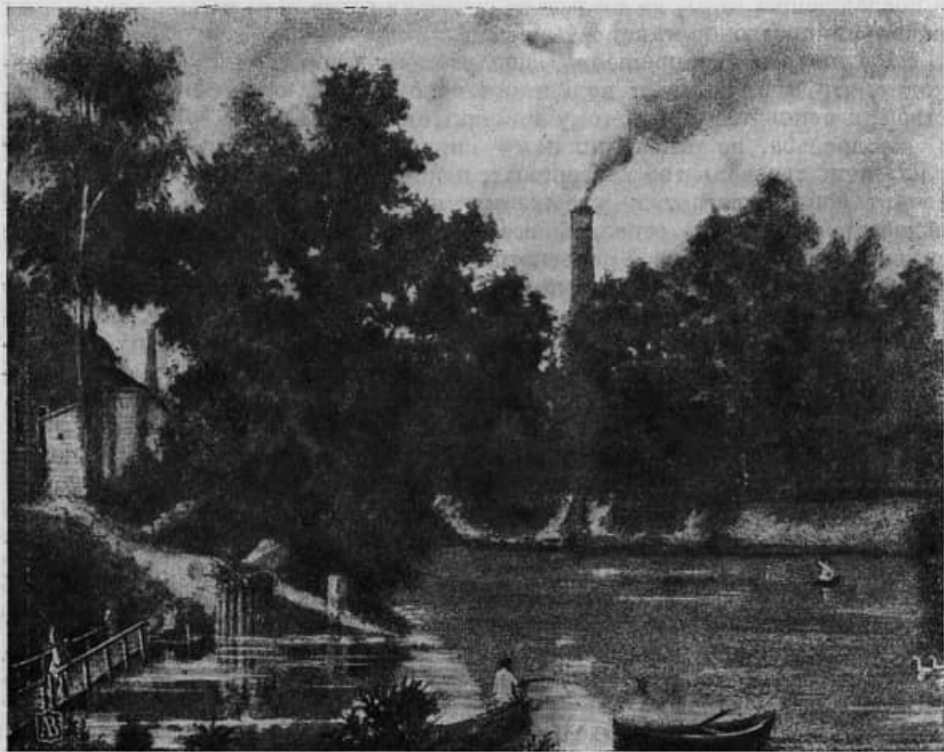
Рабочие Александровского завода в Петрозаводске отнеслись к беде своих петербургских товарищей с искренней отзывчивостью. Они со-

брали деньги в пользу потерпевших от наводнения. Кронштадтские рабочие и рабочие Луганского завода также оказали денежную помощь.

Наводнение сильно разрушило завод. Часть машин перевезли на новое место — на Шлиссельбургский тракт. Там был построен новый завод — Александровский чугунолитейный. На старом заводе работы продолжались, но производство постепенно свертывалось, рабочих переводили в другие места.

Царское правительство попыталось сбыть с рук разрушенный, остановившийся завод. Было решено продать его с торгов. Но на торги никто не явился. Восемь лет, с 1834 до 1842 года, завод стоял заброшенный, заколоченный. Только один раз за это время оживились его мастерские. Это было в 1837 году, когда он выполнял работы, связанные с восстановлением сгоревшего Зимнего дворца.

В 1842 году завод был передан в безвозмездное пользование Обществу владельцев горных заводов (фактически — промышленнику Мальцеву). Три года Общество катало на заводе рельсы для Николаевской железной дороги. Но предприятие оказалось не прибыльным: по-настоящему в России рельсы катать еще не умели, они были низкого качества — хрупкие и плохого профиля. В 1845 году завод снова заглох. Некоторые его постройки пришли в полную негодность, печи разрушились, мастерские остались без хозяина, и завод снова перешел в казну.

Путиловский завод в середине XIX века

В 1848 году завод был сдан бесплатно в аренду, а вскоре подарен полковнику Огареву, племяннику всесильного графа Клейнмихеля, любимца и верного пса царя Николая I. Огарев пустил в ход заглошшие мастерские и на одной из промышленных выставок получил даже похвальную премию. Завод при нем назывался: «Механический, железопрокатный, железоковальный и литейный завод». Он производил части мостов для железных дорог, лафеты, станки, небольшие суда, рельсы. До тысячи восьмисот рабочих было занято на заводе. Это были уже не те рабочие, что полвека назад. Фабрики и заводы дымили теперь во многих, даже дальних губерниях России, хотя страна попрежнему оставалась отсталой. На заводах уже часто работали вольнонаемные, — фабриканты поняли, что крепостной, подневольный труд малопроизводителен и невыгоден. Были вольнонаемные и на огаревском заводе — одном из самых крупных предприятий в Петербурге.

Но крепостные порядки на заводе сохранились еще во многом. Огарев был барин. Он мало интересовался производством, не понимал всех преимуществ труда вольнонаемных перед трудом крепостных.

С рабочими и служащими завода Огарев вел себя, как помещик: бил палкой крепостных конторщиков и вольнонаемных рабочих, требовал рабского подчинения, самодурствовал. На завод он смотрел, как на имение, и, запутавшись в делах, заложил его в Государственном заемном банке.

Такое крупное предприятие, как огаревский завод, нельзя было вести старыми крепостническими методами. Мало-помалу непроизводительный труд подневольных рабочих привел завод к упадку. Огарев закрыл завод, сдал его в аренду, а затем и продал за бесценок фирме Дей и К°. Но и эта фирма скоро прогорела. Работы на заводе прекратились. Завод снова остался без хозяина и снова был взят в казну.

ЧЕТВЕРТЫЙ МИЛЛИОН

Толпы бородатых людей, обутых в лапти, одетых в рваные домотканые армяки и полушубки, двигались с котомками на плечах от деревень к станциям железных дорог. Юркие, расторопные вербовщики поспешно грузили их в вагоны поездов, шедших в Петербург. Тверяки, псковичи, владимирцы, новгородцы большими партиями ехали в столицу катать рельсы на новом железопрокатном заводе. Им были выданы задатки. Они запомнили название завода: Путиловский.

Предприимчивый заводчик Путилов набирал людей для своего рельсопрокатного завода. Он сразу почуял, как можно получить дешевую рабочую силу. После реформы 1861 года тысячи крестьян уходили из разорившейся и голодающей деревни в город на заработки. По глухим углам и захолустьям разослал Путилов своих вербовщиков. Изнуренные голодом, люди соглашались на любые условия.

12 января 1868 года отставной чиновник морского министерства, инженер и математик Н. И. Путилов, купил в долг у казны огаревский завод, а уже 30 января началась прокатка рельсов. Тысячи золотых рублей потратились из-под прокатных станов в карманы нового хозяина. Момент был выбран удачно. В конце 1867 года Николаевская железная дорога неожиданно осталась без рельсов: бельгийские и английские рельсы изнашивались гораздо ранее положенного срока. Новых взять было негде — сто-

яла зима, навигация была закрыта. Это угрожало остановкой движения по всей линии. Тут-то и подоспел Путилов, владелец небольшого завода «Аркадия». Он явился в министерство путей сообщения и предложил выход. Из русских материалов русскими руками он брался в кратчайший срок изготовить нужное количество рельсов. Гарантировал их прочность, предложив катать рельсы не железные, которые легко прогибались, и не стальные, которые были очень хрупкими, а по своему способу: железные со стальной головкой. Опыты производились им уже ранее на заводе «Аркадия» и дали блестящие результаты.

Путилов делал крупную ставку. Мелкопоместный дворянин, долгое время прозябавший в недрах министерских канцелярий и затираемый титулованными бездарностями, он теперь вместе с купцами из бывших кулаков и мелкими промышленниками ринулся в море капиталистической наживы. Он хорошо понимал, что только предпринимательская деятельность сможет вывести его в первые ряды общества, дать власть и силу. Это были годы, когда, в связи с отменой крепостного права, начал быстро расти русский капитализм. «Россия сохи и цепа, водяной мельницы и ручного ткацкого станка стала быстро превращаться в Россию плуга и молотилки, паровой мельницы и парового ткацкого станка». ¹ Основывались новые акционерные общества (в 1860 году их было только 100, в 1870 — около 300); строились фабрики, заводы, железные дороги, заключались миллионные сделки. В атмосфере невиданных до той поры спекуляции, биржевой игры, строительной горячки Путилов почувствовал себя, как рыба в воде.

Предложение Путилова — самостоятельно и в короткий срок поставить рельсовое производство — было для того времени неслыханной смелостью. Но Путилов уже имел репутацию способного инженера и предпринимателя и пользовался покровительством брата царя — Константина Романова. В промышленных и министерских кругах его знали еще по Крымской войне (1853—1856 гг.), когда он сумел в короткий срок изготовить партию паровых судов и этим облегчил тяжелое положение русского флота. За это ему тогда преподнесли серебряный лавровый венок.

Министерство путей сообщения удивилось предложению Путилова и, не веря в возможность его выполнения, колебалось. Но другого выхода не было, и оно вынуждено было принять это предложение. По просьбе Путилова министерство передало ему запущенный огаревский завод и заключило контракт: сначала на железные рельсы, а потом на рельсы со стальными головками.

Путилов теперь расправил крылья и сразу выскочил в первые ряды заводчиков. Он поразил промышленников, пустив в ход заброшенный завод всего в восемнадцать дней. Вводил новые усовершенствования, выписывал отовсюду опытных мастеровых и лучших техников. Целые дни находился он на заводе, лично наблюдая за перестройкой мастерских, присматривая за рабочими, беседуя с мастерами. Он прикидывал, как бы устранить потери времени и материала, как бы заставить мастеровых работать еще производительнее, еще прибыльнее.

Путилов торопился. Он уже имел первые тысячи и чувствовал запах миллионов. Ему незачем было строить прочные каменные мастерские, он строил их по своему способу: огромные рельсовые дуги устанавливали на цементные фундаменты — получался металлический каркас. Каркас

¹ Ленин, Сочинения, т. III, стр. 466.

обшивался досками, покрывался толем — и мастерская считалась готовой. В таком виде она походила на вышедший из-под земли тоннель. В этих мастерских гулял ветер, зимой было холодно, летом жарко, они были непрактичны, быстро изнашивались, и тем не менее этот тип построек, при содействии самого Путилова, был широко рекламирован как образец заводской постройки.

В 1869 году уже около двух тысяч человек работало на Путилова в мастерских — прокатной, литейной, кузнечной, механической, бессемеровской. Прокатчики, задыхаясь от невыносимой жары, зимой по несколько раз в день выскакивали на занесенный снегом двор, бросались грудью в сугроб и, вывалившись в снег, бежали обратно в цех. В прокатную допускались лишь силачи, одной рукой поднимавшие пятипудовую гирию, но и они не выдерживали. Работали до изнеможения, до полного износу и, прокатав миллион пудов рельсов, если дело было зимой, строили по приказу хозяина снеговые горы, чинили сани, смолили факелы, готовились к празднику. Самые старые и почтенные мастера, работавшие еще на «Аркадии» или на огаревском заводе, надевали даренные хозяином черные кафтаны с золотым позументом, расчесывали паленные бороды, шли поздравлять Николая Ивановича с миллионным днем. Затем пили вино из хозяйских бочек, а вечером с факелами в руках бешеной вереницей катились с гор, веселя хозяина. В тот же день пригонялись к заводу со всего города наемные тройки. В первую тройку усаживался сам Путилов, а все, кто мог еще двигаться, набивались в остальные и ехали до города — провожать хозяина. Население заставы выбегало глазеть на веселую гурьбу. Звенели сотни бубенцов. Сотни пьяных глоток неистово вопили:

— Берегись, Путилов едет!

Через день строгий хозяин Путилов являлся на завод в обычном сюртуке и попрежнему был суров и придирчив. Праздничные черные кафтаны с золотым позументом уже лежали на дне сундуков. В печах калился металл. Вальцовщики начинали новый миллион пудов.

С особым размахом праздновалось окончание четвертого миллиона — 13 июня 1870 года. Дела Путилова тогда шли блестяще. Рельсы со сталь-

П. И. Путилов. (Карикатура из современного журнала.)

ными головками начали входить в моду. Связи Путилова в промышленных, правительственных, придворных кругах упрочились. Самые широкие планы, самые честолюбивые замыслы теснились в его голове. Праздник должен был подвести итог всей его прошлой деятельности, послужить своеобразной рекламой. На праздник были приглашены видные сановники и промышленники.

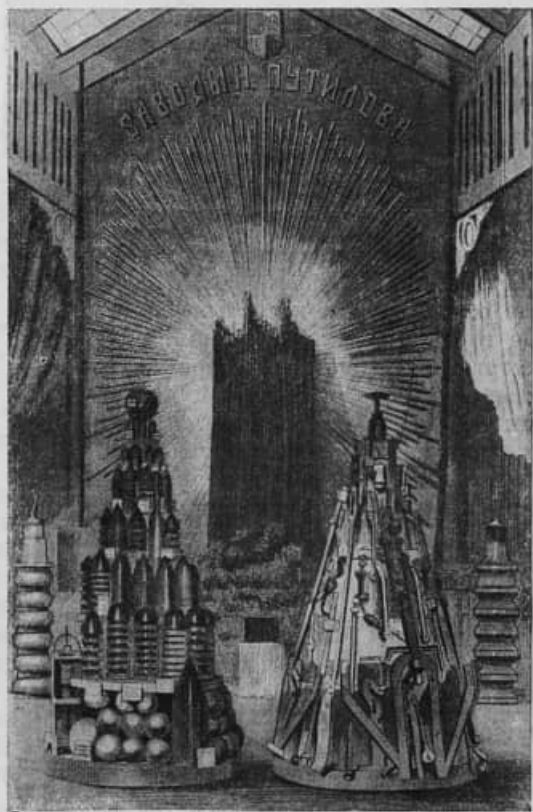
Огромное здание кузницы было свежее выбелено, украшено зеленью. В кузнице, так не похожей теперь на остальные грязные и закопченные цеха, поставили длинные дощатые столы для рабочих и особо — в павильонах из зелени — столики для гостей. Прогудел гудок, возвестивший об окончании работ. Ввели рабочих, подали команду садиться. Некоторые из них, из ночной смены, успели приодеться, помыться, другие, грязные и потные, явились, в чем были на работе. Штофы и четверти с водкой, миски с колбасой и хлебом были расставлены на длинных нестроганных столах. Разморенные, усталые люди, с шапками в руках, уселись за столы.

На небольших столиках, покрытых белоснежными скатертями, сервированных тонкой фарфоровой и хрустальной посудой, стояли изысканные блюда. Возвышались батареи бутылок с заморскими винами. Живописно расположенные фрукты радовали глаз гостей. Этот обед на двести

пятьдесят человек стоил в двадцать раз больше, чем угощение для двух с половиной тысяч рабочих. Путилов не пожалел денег для высокопоставленных гостей. Слегка утомленные осмотром завода, довольные гостеприимным хозяином, гости шумно уселись за белоснежные столы. Подняли бокалы. Начались приветственные речи и тосты.

Праздник совпал по времени с промышленной выставкой в Петербурге и первым всероссийским съездом фабрикантов и заводчиков. Большинство гостей были участниками съезда, почти все они побывали на выставке. Путилов на выставке обратил на себя всеобщее внимание, представив рельсы такого размера, что для них пришлось пробивать крышу. Рельсы были расположены лучеобразно. Это должно было изобразить зарю освобождения русской промышленности от иностранной зависимости.

Путилов любил выказывать себя патротоном: он знал,

Завод Путилова на выставке 1870 года

во что обходится конкуренция иностранцев, разорившая его после войны 1853—1856 годов. Рельсы Путилова были крепче иностранных, — на него смотрели как на победителя. Кое-кто видел в нем образец для русских капиталистов. И сейчас на празднике присяжный оратор русских заводчиков, совладелец Семяниковского завода В. Полетика, произнес по адресу хозяина хвалебную речь. Подняв тост за процветание завода, он воскликнул:

— И я царь-пушку поднимал, да не поднял, а вот Николай Иванович поднял!

Под «царь-пушкой» он подразумевал большое промышленное предприятие, успешно конкурирующее с иностранцами.

Гости завистливыми глазами смотрели на Путилова. Он выколачивал деньги более умело, чем они. Им хотелось разгадать секрет его быстрого обогащения, тоже поднять «царь-пушку».

Путилову предсказывали блестящее будущее, пели ему дифирамбы. В свое время он участвовал в разработке таможенных тарифов и был ярким сторонником покровительственной политики. Вопрос о тарифах оживленно обсуждался и на съезде фабрикантов и заводчиков. Это был для них вопрос жизни и смерти. Фабриканты и заводчики клялись «не щадить живота своего во славу России» — лишь бы правительство облегчило им конкуренцию с иностранцами. Успешные опыты Путилова, его связи с придворными кругами заставляли надеяться, что правительство пересмотрит свою тарифную политику и даст большие льготы своим отечественным капиталистам.

Другой вопрос, волновавший гостей Путилова, был вопрос о рабочей силе, о людях, приводящих в движение станки и машины на их фабриках и заводах.

Эти люди, делавшие хозяину золото, находились тут же. Гости взглядывали на рабочих брезгливо и отчужденно. Во время обхода мастерских многие из гостей заботились больше всего о том, чтобы не запахнуть при встрече с каким-нибудь рабочим.

Рабочие сидели безучастно, многие пришли сюда с затаенной злобой. Чуть не каждый день, проклиная хозяина, тащились обратно в деревни калеки, потерявшие на заводе здоровье. Истинные виновники праздника, все эти люди, усталые, измученные, не слушали, что говорилось о них в дальнем конце кузницы, где сидели богатые гости хозяина.

В окно была видна знакомая картина: заводский двор, покрытый пыльной травой, вдалеке груды болванок и рельсов, черные полукруглые мастерские с маленькими окошечками, окруженные густолиственными деревьями. На валу перед кузницей стояла толпа женщин и ребятишек. Некоторые из мастеровых совали за паузу угощение — поделиться с семьями.

С бокалом в руке поднялся хозяин. Путилов был одет с иголочки, серебряная звезда сверкала на груди. Он вытер пот с лысины, ласково посмотрел из-под очков на гостей. Неожиданно для всех свою речь он посвятил рабочим, хотя обращался к сановникам и фабрикантам.

«— Милостивые государи! — торжественно начал он. — Я прошу позволения продиктовать во всеуслышание одну страницу будущему историку развития русской промышленности о четырех фактах, бывших на моей практике, в доказательство изумительной способности русского народа к заводскому делу. Факты эти до такой степени поразительны необычай-

ностью своею, что о них можно говорить лишь при тысячах свидетелей из самих же рабочих. Иначе невольно может явиться сомнение в достоверности фактов...»

Он рассказал о том, как строил свои суда во время войны. Были привезены из Ржева безработные прядильщики и расписаны по мастерским. Через три месяца 32 паровых канонерки уже плавали в Финском заливе и бывшие прядильщики работали на них машинистами.

« — Милостивые государи! Разве факт этот не доказывает способность русского народа к заводскому делу и разве не следует его внести на страницу истории русских заводов?»

Гости встретили слова Путилова с одобрением. А он, воодушевляясь, уже говорил о втором факте — сказочном пуске завода в 1868 году.

« — Кликнули клич по губерниям — ехать свободному народу по железным дорогам и на почтовых. Через несколько дней приехало до тысячи пяти-сот человек; сделали расписание: кому быть вальцовщиком, кому пудлинговщиком, кому сварщиком, кому идти к молоту, кому к прессу, кому к ножницам. Через 18 дней началась прокатка рельсов по 5000 пудов в сутки. Когда прогревали подземные трубы, из-под полу валил клубом пар оттаивающей земли и в расстоянии сажени не видно было ни человека, ни машин. В этом хаосе, понятном для каждого при открытии вновь работ в заводе, молодцы-новички, помолясь богу, дружно принялись за работу рельсов и притом с новинкою — со стальной головкою. Сидящие здесь тысячи народа подтвердят слова мои. Милостивые государи! Доказывает ли факт этот способность русского народа к заводскому делу и заслуживает ли быть занесенным на страницу истории развития русских заводов?»

Третий факт. В 1869 году повелено было экстренно открыть на шести петербургских заводах переделку машинистами и машинными слесарями 10 000 ружей, заряжающихся с казенной части. На шесть заводов дан был один образец; ни одного лекала, ни одного чертежа. Через два месяца началась уже приемка переделанных ружей...

Четвертый факт. Когда начата была постройка этой кузницы на тысячу человек, невольно задавали вопрос: откуда взять кузнецов? Ответ был: с улиц, с деревень, свободных людей. И действительно, между молодцами, которых вы видели сегодня на работе в этой кузнице, может быть десять или двадцать старых кузнецов. Остальные — новички из чернорабочих. Вы видели, как они куют буфера, стяжные винты и прочее. Правду слов моих засвидетельствуют тысячи народа, сидящего вокруг нас...»¹

Гости слушали, стараясь не проронить ни одного слова. В наплыве патриотизма и народолюбия, подогретых вином, с восторгом приветствовали они последние слова Путилова. Способности русского народа были для них лишним козырем в борьбе с иностранными капиталистами за российский внутренний рынок. Недаром вопрос о рабочей силе так подробно обсуждался на съезде фабрикантов и заводчиков. «В интересах хозяев как можно скорей обучить своих рабочих» — таково было мнение большинства съезда. В своей речи Путилов как бы говорил: «Смотрите, что может сделать русский предприниматель без помощи иностранцев!»

Говоря о способностях своих рабочих, он рекламировал самого себя. И он и его гости относились к рабочим, как к выючному скоту, который нужно погонять. Он хвалился своими кузнецами и слесарями, как его

¹ «Голос» № 164, 16 июня 1870 г.

друг и приятель князь Оболенский хвалился своими породистыми лошадьми.

« — Милостивые государи! — воскликнул Путилов, поднимая бокал. — Позвольте мне предложить тост за здоровье русского рабочего люда вообще и в особенности за молодцов, закоптелых тружеников этого завода!»

Рабогатевший в несколько месяцев, он не прочь был выпить лишний бокал за людей, создавших ему богатство. Полупьяные гости приняли тост восторженно. Отчего не выпить? Отчего не поиграть в единение с народом? Однако они старались не терять своего достоинства и подняли бокалы, не вставая с мест.

«Закоптелые труженики» дожевывали колбасу, допивали водку. Стоял ровный и тихий гул голосов — мастеровые говорили о своих делах. В этот день случилось несчастье: на глазах у гостей попал под раскаленный рельс крючечник Никита Голиков и сгорел. Он был болен, едва держался на ногах, но работать ходил: у него была большая семья. Передавали: хозяин сильно разгневался, — во всем винит самого Никиту.

Перед лицом знатных гостей труженики молчали. Они служили декорацией, их мнения не спрашивали, даже речь от их имени сказал миллионер-откупщик Кокорев. Во время торжества им роздали карманные евангелия, а после они отправились на луг, где были устроены карусели и раздавали мешочки с орехами и сладостями.

Через два дня после праздника к Путилову пришла вдова Никиты Голикова с ребенком на руках. Она плакала, причитала, просила помочь: жить нечем, итти некуда.

Путилов сухо ответил Голиковой, что помочь ничем не может: ее муж, видимо, был в нетрезвом состоянии и в несчастье виноват сам. Голикова долго стояла у дверей кабинета, Путилов несколько раз проходил мимо, но не обращал на нее внимания.

У Путилова была своя, строго разработанная система отношений с рабочими. Обстановка патриархальности, которую он стремился создать, была лишь прикрытием жестокой эксплуатации, царившей на заводе. Народолюбивые литераторы приходили в восторг, видя, как Путилов здоровается с мастеровыми за руку, называет их по имени-отчеству, расспрашивает о домашних делах. Случалось, хозяин помогал деньгами, если у кого-нибудь в деревне пала лошадь или околела корова. Он старался, чтобы этот случай получил широкую огласку. Он хотел прослыть милостивцем и благодетелем. На деле же был расчет: «благодетельствованный» им мастеровой будет сам стараться и смотреть, чтобы и другие старались. Опытным, умелым рабочим хозяин спускал частые запой, пьяницы были даже выгодны ему: одев пропившегося до нитки человека, он заставлял его работать в три жилы. Старых рабочих — тех, кому дарил кафтаны, — он делал надсмотрщиками и подкармливал: платил больше, чем другим, продвигал в мастера.

Мастеровые работали артельно, заработок получали на всю артель и делили сами. Эта круговая порука была Путилову на пользу. Чтобы сделать ее крепче, он старался всегда подбирать в артели родственников и земляков. По просьбе рабочего охотно выписывал из деревни сына, брата, кума, племянника, давал работу. Ему хотелось привязать к заводу тысячи покорных ему людей. Как расчетливый кулак, стремился он закабалить своих рабочих, сделать каждого чем-нибудь обязанным хозяину.

На съезде фабрикантов и заводчиков один провинциальный промышленник, говоря о том, что нужно заботиться о рабочих, с престодушным цинизмом заявил:

— Разумный хозяин всегда хорошо кормит лошадь или корову, а ведь мы имеем дело с людьми.

Путилов был «разумный» хозяин. Его система подкармливания и закабаления приносила плоды. Мастеровые работали, как на вечной страде. Путилов подгонял их, — его рельсы были в цене, из-под прокатных станов текли миллионы рублей.

С первых же дней работы на заводе он ввел сдельщину. Уроки (нормы) были установлены такие, что выполняли их немногие. Расценки систематически снижались. Путилов заставлял рабочего отдавать все свои силы.

Грубая прокатная работа требовала лишь технического надзора и для нее было достаточно одной сноровки русского мужика. Но для механического дела одной сноровки было мало. Путилов хотел строить вагоны и паровозы. Одним из первых в России он ввел на своем заводе производство сложных машин. Требовались квалифицированные мастеровые. Он научил рабочих посмышленнее разбирать чертежи и в 1876 году открыл при заводе школу для детей и вечерние классы для взрослых. В школе преподавали черчение, геометрию, технологию. Путилов готовил себе опытных мастеров.

Однажды в вечерние классы приехал градоначальник. Путилов, любивший похвастать своими успехами, с жаром говорил ему:

— Я хочу, чтобы из этих учеников вышли руководители работ в цехах с законченным младшим техническим образованием. Я прошу вас, ваше сиятельство, посодействовать утверждению устава и программы.

Градоначальник помолчал, а затем неожиданно при учениках сказал:

— А не лучше ли из этих ваших учеников готовить просто рабочих, нежели давать им несвойственное их положению образование?

Устав и программа были утверждены только для детской школы. Вечерние классы для рабочих были закрыты. Это объяснялось не только личными вкусами градоначальника: среди слушателей появилась «крамола» — та страшная «крамола», проникновения которой в рабочую среду больше чем огня боялось начальство. Некоторые ученики часто посещали общежитие практикантов, студентов-технологов, устроенное Путиловым неподалеку от завода. Кое-кто из студентов был замешан в народнических кружках. Этого оказалось достаточным для закрытия классов.

После трех лет процветания дела Путилова пошли хуже. Все деньги, получаемые от казны на рельсы, он бросил на устройство задуманного им коммерческого порта и железной дороги к нему. Как в бездонную пропасть, валились туда сотни тысяч рублей.

Для постройки порта Путилов не жалел ничего. Планы его были грандиозны, и он ожидал, что они принесут ему не только золотые горы, но и славу великого экономического преобразователя. Ему мерещились дворцы, деньги, венки — уже не серебряные, а золотые, и памятник «от благодарной России». В эту новую эпоху — эпоху юности русского капитализма — он чувствовал себя победителем. Временные неудачи не могли смутить Путилова. Капиталист и хищник до мозга костей, ставящий себе лишь одну цель — наживу, он был в то же время человеком талантливым, человеком большого размаха. Порт был еще более крупной ставкой, чем производство рельсов в России.

Открытие канала Путиловского порта

В те времена порт находился в Кронштадте. Провоз товаров от Лондона до Кронштадта обходился дешевле, чем от Кронштадта до Петербурга. Перегрузка на пристанях отнимала много времени и сильно удорожала стоимость товаров. Путилов говорил, что хочет уничтожить все препятствия, мешающие потокам грузов двигаться из России за границу и оттуда в Россию через Петербург. Он говорил:

— Я хочу, чтобы какой-нибудь куль муки, погруженный в Саратове, выгружался прямо на океанический пароход.

С каждого куля русской пшеницы, с каждого пуда английского угля хотел он получать свою толику. Внешняя торговля росла, грузооборот увеличивался с каждым годом. Построив порт, Путилов стал бы миллионером, одним из самых богатых людей в России. Ради этого стоило рискнуть.

Великий русский поэт Некрасов в сатирической поэме «Современники» среди пестрой галереи дельцов семидесятих годов изобразил Путилова под видом помешанного на постройке порта заводчика Ладына. Экзальтированный и любящий внешний эффект, Ладын произносит патетическую речь:

Как маяк, горящий ярко,
Будет порт мой на Руси!
Я уж рельсы дал дорогам,
Я войскам оружие дал...
В новый путь иду я с богом...
Составляйте капитал!

Путилов хотел построить большой порт с морским каналом и железной дорогой.

— Петр Великий прорубил окно в Европу, нам нужно открыть туда дверь, — бросил он хвастливую фразу.

Некрасов по этому поводу иронически заметил:

Наживаться воровством
Сродно подлому холопу!
Цель моя: к окну в Европу,
Что прорублено Петром,
Вековой пристроить дом!

Обуреваемый честолюбивыми планами, Путилов очертя голову бросился в авантюру. Он не стал ожидать даже правительственной гарантии, без которой такое грандиозное предприятие поднять было невозможно. Между тем, правительство не захотело взять на свой счет постройку порта. Крупные финансисты того времени предпочли смотреть со стороны, как разоряется Путилов, до тех пор удачливый во всех начинаниях. Владельцы невских пристаней, которым порт грозил разорением, повели против Путилова борьбу и оказались победителями.

Путилов, хваставший своей независимостью от заграницы, вынужден был пойти в кабалу к иноземным капиталистам. Иностранный капитал пробивал себе дорогу в Россию. Чтобы поправить свои дела, Путилов создал в 1873 году «Акционерное общество Путиловских заводов». Главным учредителем этого общества был Немецко-Русский торговый и промышленный банк в Берлине. Банк вводил в правление акционерного общества двух своих представителей и принимал на себя заботы о погашении долгов Путилова: денежных — 1800 тысяч рублей, по ипотеке (залог недвижимого имущества) — 180 500 рублей и долгов, лежащих на имуществе Путилова, — свыше 2 миллионов рублей.

Однако и это не помогло Путилову. В связи с европейским кризисом банк не выполнил своих обязательств, а Путилов с каждым годом все больше запутывался в долгах. Попытался было найти выход в производстве паровозов, но взяв аванс, истратил и эти деньги на порт и вынужден был заключить мало выгодный договор на постройку вагонов. Все более терял он доверие в промышленных кругах, начиная приобретать среди бывших друзей славу авантюриста и неудачника.

Среди рабочих Нарвской заставы о Путилове говорили:

— Копал, копал и закопался.

Все свои плохие дела пытался Путилов поправить за счет рабочих. Еще крепче почувствовали они тяжелую хозяйскую руку. Показная патриархальность начала быстро исчезать. Все чаще поговаривали путиловские рабочие, вздыхая:

— Николай Иванович народа не гнушается, иногда и вином напоит, а все же несправедливости в нем с достатком.

Путиловские рабочие еще не знали слова **эксплуатация**. Все свои обиды на хозяина, на управляющего, на всю свою многотрудную жизнь укладывали они в одно слово — «несправедливость»:

— Несправедливая наша жизнь!

ПУТИЛОВСКАЯ ПОЛУЧКА

Едва заводский колокол прозвонил шабаш, к низкому деревянному зданию конторы начали сбегаться мастеровые. Бежали пудинговщики с кирпичными лицами, обожженные мартеновцы, могучие бородатые прокатчики. Бессемеровцы, на ходу натягивая рубахи, — они работали полубогаженными, — тяжело хлопали деревянными башмаками. Ручьи пота растекались по их лицам грязными полосами.

У конторы под густыми деревьями стоял длинный стол, за которым летом выдавали получку. Его окружили артельщики, получавшие деньги каждый на свою артель; рабочие встали за ними, готовые словом и делом ввязаться в спор, если кто-нибудь нарушит черед. Хозяин за последнее время стал задерживать получку. Иногда на всех нехватало, могло нехватить и сегодня.

Прибывали новые группы — из цехов, расположенных подальше: закоптелые кузнецы в кожаных фартуках, столяры из вагонной, мастера из механического цеха в русских сапогах и картузах с блестящими козырьками. Толпа под деревьями стала гуще, шум — громче.

— Эй, самоварник, куда прешь? — раздался среди шума задорный голос.

К столу проталкивалось несколько рабочих механического цеха, впереди всех — бойкий слесарь-туляк. Он огрызался, отшучивался, но лез вперед. Между «механиками» и остальными начались споры. В дверях конторы показались трое служащих. Двое несли объемистый мешок, в руках у третьего была кожаная сумка и пачка бумажек.

Конторщики сели у стола, попросили отодвинуться. Рабочие смотрели на них с сомнением: все знали, что в мешке — медяки, а в сумке — ассигнации, но обычно выносили два мешка, а сегодня только один. Это был плохой признак. Другим нехорошим признаком были слова старшего конторщика:

— Подождите немного. С вами хочет говорить Николай Иванович.

Путилов, с тех пор как дела его пошли хуже, стал не так часто бывать на заводе. Он теперь редко вступал в разговоры с рабочими, а если и разговаривал, то почти всегда об одном: просил подождать с получкой, напоминая своим мастеровым, что не раз выручал их в беде. Он считал вполне естественным, что рабочие терпят лишения из-за его неудавшихся планов. Он вышел озабоченный и сердитый, подошел к столу и, поздоровавшись с мастеровыми, сказал сухо и деловито:

— Я опять к вам за помощью. Денег у меня не хватает, в делах задержка... Везде трудно сейчас с деньгами... Могу выдать вам сегодня только половинную долю...

Глаза его смотрели из-под очков строго и испытующе. Он сделал паузу. В ответ послышались вздохи, лица помрачнели, но никто не осмелился громко выразить недовольство, ответить хозяину, что они страдают от его неудач больше, чем он сам. Рабочие вздыхали и опускали головы.

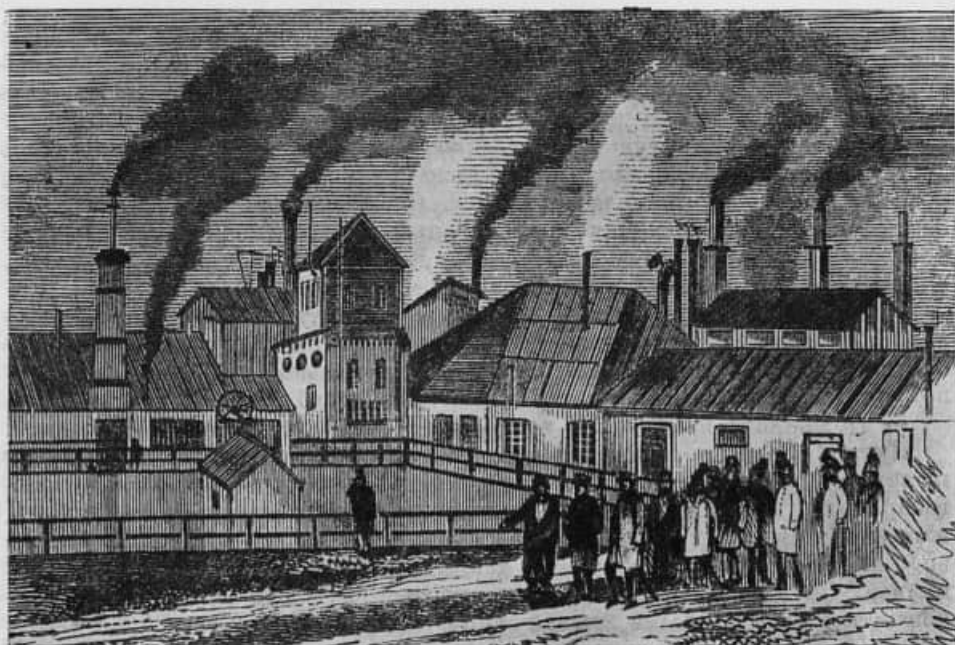
— Вы получите половину, — повторил Путилов, — а на остальную сумму я вам выдам расписки... Тяжелое время скоро кончится. Тогда приходите в контору и получайте сполна.

Путилов приказал приступить к раздаче денег и удалился.

В ожидании получки рабочие расположились в разнообразных позах прямо на траве, на бревнах, на кучах кирпича. Получив деньги и расписки, некоторые артельщики тут же начали их делить, другие отправились со своей артелью домой или в трактир. У проходных ворот рабочие задерживались, вынимали палочки из отверстий номерных досок. Этими палочками отмечался приход и уход: под отверстиями стояли номера, каждый помнил свой номер наизусть. К девяти часам вечера двор опустел.

Много путиловцев жило в деревнях Нарвской заставы: Емельяновке, Тентелевке, Автове, Волюнкиной. Когда-то эти деревни были заселены крепостными крестьянами. Во времена Путилова у некоторых жителей деревень оставались крошечные наделы земли, многие имели свои огороды, держали коз и коров. Везили в город молоко, овощи, кое-как могли перебиваться.

Большинство населения заставы, однако, было пришлым. Деревенские располагались артелями, земляк к земляку, каждая артель ела из одной чашки, пила в трактирах на один счет. Они старались беречь каждую копейку: им нужно было не только посылать деньги семье, но и платить подати.

Вид завода в семидесятых годах

Многие рассчитывали на эту получку, — теперь приходилось питаться одной кислой капустой. Надо было как-нибудь выкроить рубль или два, которые аккуратно после каждой получки зашивались в подкладки кафтанов и армяков, пока не наберется там сумма для уплаты царской подати. Некоторые отправились к кабатчику Семену Богомолу просить в долг. Богомол, будущий заставский миллионер, только еще начинал богатеть. Он топил молоко, торговал селедкой и рубцом, поил чаем и казенным вином, а главным образом давал под залог деньги. К нему потащили валенки, полушубки, самовары.

Туляки и другие потомственные пролетарии раньше других повели между собой разговоры о том, что хозяин поступает неправильно и что терпеть этого не следует. Они громко выражали недовольство. Их слушали сочувственно.

С большим опозданием пришла следующая получка. Путилов не только не принял старых расписок, но выдал еще новые. Деньгами он заплатил только четвертую часть заработка. Он заявил нагло:

— Хотите работать в долг — работайте. Не хотите — закрою завод.

Рабочие согласились работать в долг. Некоторые ушли в деревню — косить сено, убирать рожь, но таких было немного: в деревне своих людей хватало с избытком. Кое-кто перебрался на рытье канала, — там платили хотя и меньше, зато каждый день. Но большинству идти было некуда. На всех заводах происходило то же, что у Путилова: хозяева задерживали заработки, выбрасывали на улицу сотни людей, снижали расценки. В стране свирепствовал жестокий промышленный кризис.

Неуплата заработков повторялась несколько раз. Путилов выдавал половинную, четвертую, восьмую долю, иногда совсем не платил, иногда

платил полностью, но расписок своих не выкупал. Многим приходилось, вздыхая, вынимать зашитые рубли и полтинники. На руках у мастеровых скопились пачки бумажек — расписок Путилова. Их хранили бережно: все-таки будущие деньги.

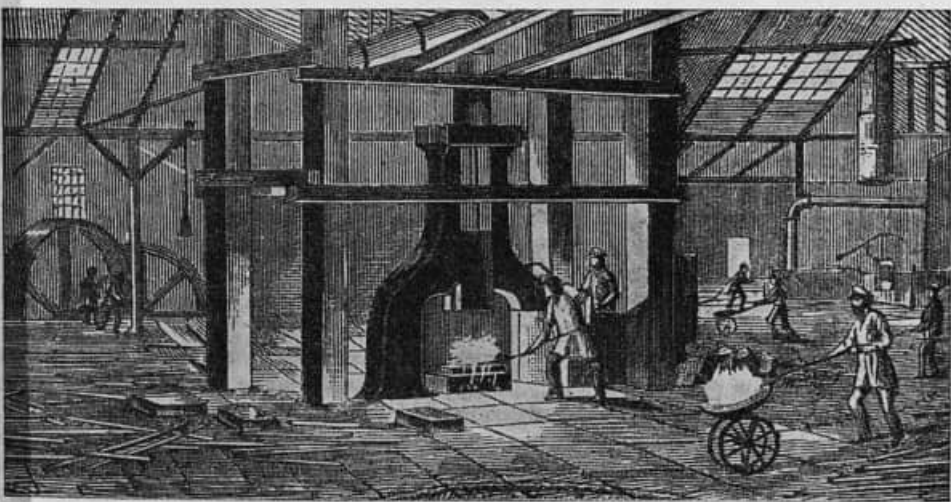
По заставе прошел слух: некоторые купцы и кабатчики принимают расписки и дают за них продукты. Рабочие повалили в лавки и кабаки. Расписки, действительно, принимались, но со скидкой против проставленной в них суммы: за пятирублевую расписку торговец отпускал товаров на четыре с полтиной, а то и на четыре рубля. Приходилось соглашаться — бумажками семью не накормишь, а ждать, пока Путилов заплатит, было невмогуту.

Приходилось всячески изворачиваться, чтобы добыть наличные деньги. Многие копали осенью на огородах картошку. Весной 1876 года рабочая сила потребовалась в садоводство купца Ушакова, у Нарвских ворот. Каждый день после семи часов вечера шли сотни людей по шоссе к Ушакову, чтобы, поработав два-три часа, добыть себе гривенник на пропитание.

В течение 1875 и 1876 годов партиями увольняли рабочих с завода — не было заказов, не хватало денег на уплату рабочим. Однажды сразу рассчитали до восьмисот человек, около трети рабочих. Некоторых потом причалили обратно, но плохие времена продолжались, и никто не был уверен в завтрашнем дне. Путилов продолжал заниматься финансовыми комбинациями и все меньше обращал внимания на завод. Нередко он платил одними расписками. Лавочники давали за них уже половинную цену и даже меньше. Богомоллов с большой выгодой распродал невыкупленные заклады.

Торговцы, узнав, что на заводе получены деньги, надевали сюртуки, шли в контору завода, чинно кланялись, предъявляли расписки и получали по ним деньги.

— Несправедливо это, — говорили рабочие и вздыхали тяжело и беспомощно.

Кузнечная мастерская в семидесятые годы

На заводе вошли в обычай большие штрафы. За прогульный день считывали два дня, за опоздание — целый день. Управляющий заводом Степанов был груб, прижимист, имел любимчиков, увольнял за пустяки. Машиниста паровозика «Малютка» он уволил лишь за то, что тот случайно задавил собаку, принадлежавшую мастеру. Рабочие ненавидели Степанова.

В каждой рабочей артели обсуждали положение дел на заводе. Люди ходили друг к другу, спрашивали, что делать, как избавиться от невыносимого положения, в которое поставил их хозяин? Теперь уже не только бойкие туляки, ругаясь, говорили о несправедливости. Недовольство среди путиловских мастеровых росло.

Они еще не понимали того, что несправедливы не только поступки их хозяина, но несправедлив весь существующий строй. Им казалось, что где-то наверху есть справедливые люди и, если обратиться к ним с жалобой, можно помочь делу. Как во времена Сучкова, возникла мысль подать высокому начальству жалобу на заводские порядки. Эту мысль оживленно обсуждали. Говорили: не поможет градоначальник, можно обратиться к министру, к самому царю. У некоторых этот план вызывал возражения, они предлагали не трепать сапог в беготне с прошениями, а проучить кое-кого из заводского начальства кулаком.

Группа молодых рабочих механического цеха, прихватив с собой двух дюжих прокатчиков, несколько вечеров подкарауливала управляющего Степанова, чтобы рассчитаться с ним. Но управляющий, зная настроение рабочих, остерегался по вечерам выходить из дому и вскоре был вынужден вовсе уйти с завода. Агент третьего отделения «собственной его императорского величества канцелярии» весной 1876 года донося о крайне возбужденном состоянии путиловских мастеровых, указывал: «Состояние это все увеличивается и готово перейти в открытое возмущение».

26 июня 1876 года мастеровые опять сошлись у конторы получать заработок. Все были взволнованы. Путилов обещал сегодня выдать деньги полностью. Но время шло, а кассиров все не было. Наконец, на крыльцо вышел новый управляющий заводом — одорукий инженер Воронцов. Он объявил, что сегодня полочки не будет, и приказал идти по домам. Прежде в таких случаях толпа покорно расходилась. Теперь сразу, точно по сигналу, раздались возмущенные возгласы, ругательства, угрозы. Толпа волновалась: лавочники уже не принимали расписок, требуя уплаты наличными. Домовладельцы выселяли из квартир. Жить было нечем, многие уже позакладывали последнюю одежду.

Высокий человек в холщевой рубаше и лаптях выбежал вперед и, с сердцем бросив о землю помятый картуз, лег поперек входа в контору. Служащие кинулись его поднимать. Он сопротивлялся.

— Подохну здесь! Мне жрать нечего!

Привлеченный шумом, из конторы вышел сам хозяин. Минуту он стоял молча, вглядываясь в красные, разгоряченные лица рабочих. Ему стало не по себе. Только один раз видел он их такими — ровно пять лет назад, летом 1871 года. Тогда на заводе произошла настоящая забастовка. Она явилась ответом на увеличение рабочего дня с одиннадцати с половиной до двенадцати с половиной часов. В первый же день работы по-новому мастеровые ушли с завода, проработав ровно одиннадцать с половиной часов, а на второй день, увидев ворота запертыми, сломали их. Они не

подозревали, что увеличение рабочего дня произведено по прямому указанию Путилова, и когда на третий день он приехал на завод, наперебой начали жаловаться ему на управляющего. Путилов тогда сильно рассердился, но увидев своих мастеровых — непокорных, могучих, готовых решительно и до конца отстаивать свои требования, покричал только для виду. Он предпочел уступить. Завод заработал по-старому.

Теперь Путилов почувствовал: еще немного — и дело может дойти и до ломиков. Он сам был виноват в этом: всего несколько дней назад крупные суммы были брошены им на постройку все того же канала. Подождав, пока шум стих, Путилов сказал, что его обманула казна, не уплатив в срок денег, но что на-днях он выдаст заработки полностью. Слушали его нетерпеливо; когда же Путилов начал расписывать будущие прибыли завода, кто-то перебил его:

— Соловья баснями не кормят! Нам деньги сейчас подавай!

Путилов загнулся. Продолжать ему не дали. Голоса сливались в грозный шум. Поднялись кулаки. Растерянный, вспотевший, стоял Путилов перед огромной бушевавшей толпой рабочих. Они уже не хотели слушать его, хозяина, — это было похуже прошлой стачки. Он понял: надо отступать. В кассе хранили кой-какую наличность для уплаты поставщикам кирпича. Не уплатить им завтра — означало лишиться у них в дальнейшем кредита. А не уплатить рабочим? Путилов взглянул на них и перестал колебаться. Уловив минуту затишья, он сказал:

— Деньги будут сегодня.

В конторе бухгалтер разводил руками, доказывая безрассудность такого решения. Путилов утирал с лысины пот.

— Ничего, подождут, — заметил он о поставщиках. — Они, по крайней мере, ломиков на меня не поднимают.

Ломики все же поднялись еще раз. Это было 2 октября того же года. Рабочие сталелитейного и чугунолитейного цехов, не получив заработка, принялись бешевать под окнами конторы. Путилова на заводе не было. Воронцов успокоить толпу не мог. Рабочие грозили разгромить контору. Воронцов выругал их и ушел, пригрозив немедленно позвать полицию.

Тогда зазвенели оконные стекла... Камни, гайки, обрезки железа посыпались на старое здание конторы. Через несколько минут в окнах не осталось ни одного целого стекла. В руках мастеровых взметнулись ломики, палки, железные прутья.

Около двух часов осаждали контору рабочие. Но посланный Воронцовым мальчик уже передал письмо начальнику пригородной полиции, подполковнику Редингеру. Захватив с собой трех стражников, Редингер поскакал за Нарвскую заставу наводить спокойствие и «порядок». При виде полиции толпа затихла, насторожилась. Подойдя почти вплотную, Редингер скомандовал:

— Снять шапки!

Мастеровые выступали не против властей, а против хозяина. Приказ Редингера был воспринят как обычный кураж начальства, которое с простым народом иначе не разговаривает. Поспешно стянули они свои картузы, шапки, войлочные шляпы.

— В чем дело? — спросил подполковник.

Ему начали наперебой объяснять. Он слушал с брезгливым выражением, не глядя на рабочих. Не дослушав, указал на выбитые стекла:

— Знаете, что за это полагается каторга?

Мастеровые смолкли. Только один пожилой рабочий в переднем ряду негромко произнес:

— На каторге хуже не будет.

Стражники оттеснили толпу. Прежнее возбужденное состояние прошло. Люди утомились двухчасовым волнением, вспышка гнева погасла. Некоторые, поняв, что толку не добиться, начали поспешно уходить. Когда управляющий вновь появился на крыльце, перед ним стояла стихшая уже толпа. Только несколько передних продолжали кричать и ругаться. Сразу оценив положение, Редингер приказал:

— Схватить крикунов!

Стражники и сторожа схватили троих первых попавшихся, скрутили им руки, потащили в контору.

— За деньгами наведаетесь через неделю, — сказал Воронцов, принимая прежний гордый и надменный вид. — А сейчас можете расходиться.

Подполковник повторил приказание управляющего. Представитель власти и представитель хозяина действовали заодно. Мастеровые медленно разошлись.

В семидесятых годах волнения и стачки происходили на многих фабриках и заводах Петербурга: семяниковцы бросали работу и громили контору из-за невыплаты заработков в срок, рабочие Александровского завода выступали против новых, жестких правил, текстили многих фабрик требовали повышения расценок, сокращения рабочего дня, удаления ненавистных мастеров и начальников. Иногда эти волнения и стачки протекали очень бурно, — в них участвовало много рабочих. Рабочие семидесятых годов в массе своей еще не понимали, что для успешной борьбы с капиталистами нужна организация.

Но уже тогда появились среди рабочих передовики, стоявшие намного выше своей среды и видевшие дальше рядового рабочего. Были такие и на Путиловском заводе, и от них впервые слышали путиловцы неслыханные прежде слова.

Многие знали мастерового Григория Муравьева, заставского старожилы. Муравьеву было за тридцать, он считался хорошим, опытным работником, был насмешлив, уверен в себе. Он снимал квартиру и сдавал комнаты жильцам, но пускал с разбором: только людей хорошо ему известных, таких же смелых и непокорных, как он. К нему ходило много народу. Иной раз, распалясь разговорами о несправедливости, он начинал упрекать собеседников в том, что они дальше своего носа не видят, говорил, что только он и еще немногие знают настоящую правду. В тесном кругу друзей ругал порядки в России, добирался и до самого царя, понося его последними словами.

— Смотри, Григорий, доведет тебя язык до каторги, — говорили ему. — Ты о царе молчи...

Царь в представлении большинства стоял еще на недостижимой высоте, чуть пониже бога. О Муравьеве говорили, что он свихнулся, советовали ему бросить такие мысли, перестать умствовать. Некоторые прежние знакомые отшатнулись от него. Но Муравьев не унимался. Иногда он давал своим жильцам читать тонкие книжки, с мелкой печатью, предупреждал, что книжки эти — запрещенные.

Муравьев не был ни зачинщиком, ни руководителем путиловских волнений. Как и все, он кричал под окнами конторы и даже помогал ли-

тейщикам бить стекла. Однако 2 октября 1876 года, едва успели возмущенные рабочие разойтись по домам, на квартиру Муравьева явилась полиция с обыском. Все соседи сбежались смотреть на невиданное зрелище. На Муравьева незадолго до этого был подан донос о том, что он хранит запрещенные книги. Подполковник Редингер связал этот факт с волнениями на заводе и решил не медлить. У Муравьева и его двух жильцов под тюфяками нашли крамольные книжки. В полицейском участке его спросили, знает ли он, что, распространяя такие книжки, он идет против царя. Муравьев ответил неслышанно дерзко:

— А ну вас к чортовой матери вместе с вашим царем!

За «оскорбительные выражения против царя» и хранение запрещенной литературы он провел четыре месяца в одиночном заключении, а потом был сослан в Архангельскую губернию. Он ушел навсегда, оставив по себе славу справедливого и смелого человека.

Очень недолгое время в 1876—1877 годах работал на заводе молодой слесарь Степан Шмидт, уволенный с завода Макферсона за подстрекательство к стачкам. Шмидт состоял членом революционной рабочей организации в Петербурге, из которой двумя годами позже вырос «Северный союз русских рабочих», во главе которого стояли столяр Степан Халтурин и слесарь Виктор Обнорский.

Во взглядах членов этой рабочей организации было многое от народничества. Но они — как позже и члены «Северного союза русских рабочих» — понимали, что у рабочего класса есть свои самостоятельные задачи, и хотели бороться за политические права, в то время как русские народники ошибочно считали, что главной революционной силой является не рабочий класс, а крестьянство.

Члены организации были знакомы с западноевропейским рабочим движением. Путиловец Степан Шмидт среди своих друзей славился тем, что прочел и знал первый том «Капитала» Маркса. Он состоял в центре группы, был связан с Халтуриним, Обнорским, Виноградовым. Через них он знал о рабочем движении на Западе: Обнорский и Виноградов побывали за границей и там познакомились с деятелями I Интернационала. Шмидт стремился к действию, вел на заводе среди рабочих пропаганду, распространял нелегальную литературу и пытался во время стачек объединить рабочих, организовать их на длительное сопротивление. От путиловца Андрея Герасимова, ближайшего помощника Шмидта, получал запрещенные книжки и Григорий Муравьев.

Руководитель рабочей организации Степан Халтурин часто бывал за Нарвской заставой. Там, на квартирах надежных рабочих, встречался он со Шмидтом и другими членами организации. Несколько позднее, там же, в Емельяновке, у студентов Садовникова и Жулковского, поступивших на Путиловский завод весовщиками, бывал молодой студент Георгий Плеханов. Будущий организатор первой марксистской группы «Освобождение труда» принадлежал в то время к активным народникам-бунтарям.

Таких, как Шмидт, Герасимов, Муравьев, на заводе было не больше десятка. К тому же все они, кроме Муравьева, работали на заводе очень недолгое время и уходили, как только следы их деятельности обнаруживались царской полицией. Тем не менее их влияние сказывалось. Волнения на заводе продолжались и в следующие годы, стачки проходили организованной и сплоченной. Все чаще приходилось слышать путилов-

цам о стачках на других фабриках и заводах. Бастующие выпускали прокламации — обращения ко всем петербургским рабочим. Путиловцы читали прокламацию забастовавших ткачей фабрики Шау. Фабрика находилась возле Нарвских ворот. Ткачи жили на шоссе, в деревне Волюнкиной или в Тентелевке, встречались с путиловцами.

Многого из окружавшей жизни путиловцы еще не понимали, многому верили слепо, по традиции. Но жизнь учила, жизнь заставляла задумываться. Волнения на заводе приучали действовать сплоченно. Заводская жизнь быстро переделывала недавних крестьян, делала их пролетариями-металлистами. Иной раз вспоминали путиловцы смельчака Григория Муравьева, молодого слесаря Степана Шмидта, Андрея Герасимова и молодого голубоглазого стрелочника, которого управляющий Воронцов судил перед всеми рабочими за тайные письма. Возникала мысль: может быть и правы эти люди, что за свои слова не побоялись пойти на каторгу? Вспоминалось обращение ткачей фабрики Шау. Ткачи прямо утверждали, что слишком долго рабочие терпели и ждали заступничества властей, настал черед терпеть хозяевам. «Плохо придется им всем, когда мы возьмемся за ум, когда все будем стоять друг за друга и отвечать».

Прокламация ткачей заканчивалась словами:

— Все за одного, один за всех!

Выходило, что у всех рабочих один общий враг — хозяева, что единение — большая сила и лучшее оружие.

ГЛАВА II

1880—1899

РЕЛЬСЫ, ПАРОВОЗЫ, ПУШКИ

К весне 1883 года на Путиловском заводе скопилось свыше шести миллионов пудов рельсов. Этих рельсов хватило бы для укладки железнодорожного пути длиной в три тысячи верст. Высокие, в человеческий рост, штабеля загромодили обширный заводский двор. Штабеля рельсов были опутаны проволокой, опечатаны свинцовыми пломбами, и возле них постоянно дежурил банковский артельщик. Звонкий стальной рельс, создавший всероссийскую известность заводу и славу Путилову, стал мертвым грузом, под тяжестью которого зашатался старый Путиловский завод. Кризис восьмидесятых годов приостановил железнодорожное строительство. Нароботав в запас миллионы пудов рельсов, Путиловский завод свернул производство своих основных прокатных цехов.

Николай Иванович Путилов умер за три года перед этим. Пока Путилов был жив, казалось, что своим умом и изворотливостью он выведет завод из затруднительного положения. Но долги все росли. Путилов задолжал не только Государственному, но и частным банкам, которые вместе с заводом потянул к краху. Со смертью Путилова дела пошли еще хуже. В Государственном банке в обеспечение долгов были заложены и рельсы, и заводские постройки, и акции завода. Долг казне составлял 16 миллионов рублей. Банк решил, наконец, разделаться с путиловскими акциями и в 1883 году продал их «Синдикату Брянского и Варшавского сталелитейных заводов».

Синдикат прибирал к рукам русский рельсовый рынок, на котором до того первое место занимал Путиловский завод. Брянский завод находился в Екатеринославе, вблизи от Донецкого угольного и железнорудного бассейна, и работал на собственном чугуне. Рельс обходился ему дешевле, чем Путиловскому заводу, работавшему на английском угле и привозном заграничном металле. Но у Брянского завода не было связей в министерствах, его еще плохо знали, а путиловский рельс уже зарекомендовал себя и имел славу. Вырвать у Путиловского завода завоеванное им первенство и овладеть рынком — такова была цель синдиката.

Продавая завод синдикату, министерство финансов, Государственный банк и сам царь, утвердивший эту комбинацию, рассчитывали получить крепкого хозяина, способного поставить на ноги разоренный Путиловский завод. Правительство всегда поддерживало завод заказами, субсидиями и ссудами, рассматривая его как резервную базу на случай войны, хотя он давно уже не лил ни пушек, ни ядер. И на этот раз ему был предоставлен заказ на рельсы и крепления на сумму около шести миллионов рублей. По условиям продажи акционерное общество Путиловских заводов сохранялось как самостоятельное предприятие.

Правления Брянского и Путиловского заводов находились в Петербурге и помещались на Невском, у Главного штаба, друг против друга. Одни и те же люди входили в оба правления, и видную роль в обоих играл князь В. Н. Тенишев, тщеславный аристократ с душою биржевого спекулянта. Впоследствии он показал свою финансовую ловкость: в два приема на покупке путиловских акций по пониженной цене Тенишев, как он сам выражался, «честно схватил» 190 тысяч рублей.

Уплатив банку первый взнос в 500 тысяч рублей, синдикат стал действовать как полновластный хозяин Путиловского завода.

Князь Тенишев вел линию в интересах Брянского завода. От него путиловское правление получило указание: сумма годового производства рельсов на Путиловском заводе не должна превышать 300 тысяч рублей.

Через два с половиной года Брянский завод завоевал прочное место на рынке. Дешевая цена южного проката стала общеизвестной. Путиловский завод как конкурент уже не был опасен, и синдикат разделался с его акциями. Главным покупателем был Н. Н. Анцыфоров, председатель Международного банка, он же управляющий имуществом графа Строганова, крупнейшего богача России. Старая слава Путиловского завода, постоянная помощь заводу со стороны казны и, наконец, военные заказы, начавшие поступать, дали Анцыфорову уверенность, что путиловские акции купить выгодно: рано или поздно завод воспрянет.

Несколько лет Путиловский завод перебивался случайными заказами и ждал благоприятной конъюнктуры. В начале девяностых годов наступило некоторое оживление русской промышленности. И вкладывая в завод свои средства, деньги графа Строганова, банковские субсидии и капиталы акционерной мелкоты, Анцыфоров повернул его на путь новых производств.

К этому времени в двенадцати цехах Путиловского завода работало около трех тысяч человек. Многочисленные и довольно убогие постройки были беспорядочно раскинуты на обширной заводской территории. Мартеновская, литейная, кузнечная и прокатная были построены еще при Н. И. Путилове. Позже выстроили новые — вагонную и механическую мастерские. Деревья, росшие во дворе около мастерских, придавали заводу

необычный вид. Позади вагонного цеха до самого залива тянулась болотная пустошь. В стороне, слева от главной дороги, сохранилась большая роща. Южную часть ее называли заводским парком; там стояли директорский дом и дома, где жили высшие служащие.

Расширение завода началось с рубки деревьев между мастерскими. Рубили и старую рощу. Молодецки ухая, заносили топоры голубоглазые рязанцы. Перекликаясь, весело позванивали они стальными пилами: — Так им и надо, барским деревьям!

Рязанцы пришли на завод в 1891 году, спасаясь от тифа и холеры, убегая от голодной смерти. В тот год смерть собирала небывало обильную жатву: голодало сорок миллионов крестьян — половина всего населения России. В Рязанской губернии ели лебеду, а когда и ее не стало, молодежь, побросав семьи и родные места, ринулась в Москву. Оттуда, небольшой партией, добрались до Петербурга. Земляк Касаткин приютил их, сбил в артель и, взяв подряд на Путиловском заводе, пустил от себя на самую тяжелую заводскую работу. Молодые парни пели «Дубинушку», по-бурлацки впрягались в шлею, перетаскивали двухметровые прокатные валки, грузили рельсы и балки. Рубить деревья после такой работы было приятно.

Рязанцы работали весело. Давно уже не приходилось им орудовать топорами, и теперь, как бы возмещая потерянное, они безжалостно валили

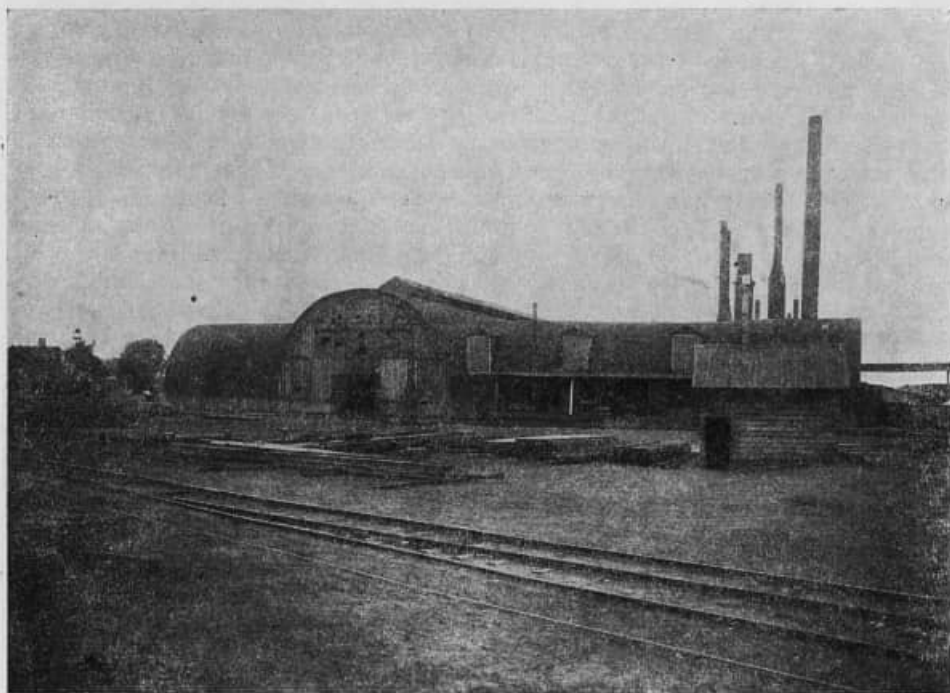

В голодный 1891 год. (Иллюстрация из журнала 1891 года.)

дерево за деревом. Они вырубали рошу сплошняком, вслед за ними артели псковских и тверских крестьян корчевали пни и сравнивали землю, как будто там и не было никогда деревьев. От мартена и литейных габари подвозили гарь и шлак, засыпали канал посреди двора. Завод расчищали от зелени, подымали низины, осушали болота под постройки.

Новые мастерские понадобились для выполнения важнейших правительственных заказов — на вагоны, паровозы и пушки. На расчищенном месте поднялись здания лафето-снарядной, паровозомеханической, пушечной, прессовой и сборочной мастерских. Они не были похожи на старые арочные цеха системы Путилова. Строили основательно, по промышленному образцу: каменные корпуса, крытые железом, с железными клепаными колоннами, подкрановыми путями. Там, где раньше гуляла вода, где шумели густые вековые дубы, расположились десятки небольших зданий, стояли штабеля кирпича и высились горы строительного леса. Исчезали последние черты былого патриархального облика завода.

В последние годы прошлого века Россия далеко шагнула по пути капиталистического развития. По стране тяжелой поступью, ломая старые устои жизни, шагал развивающийся русский капитализм. В стране происходил небывало быстрый рост промышленности. Строились заводы и фабрики — 40 процентов всех предприятий России, существовавших в 1900 году, было основано за предыдущее десятилетие. Прокладывались новые железные дороги: Сибирская, Уральская, Сызрано-Вяземская, Уссурийская. За десять лет (1890—1900 гг.) было проложено свыше двадцати одной

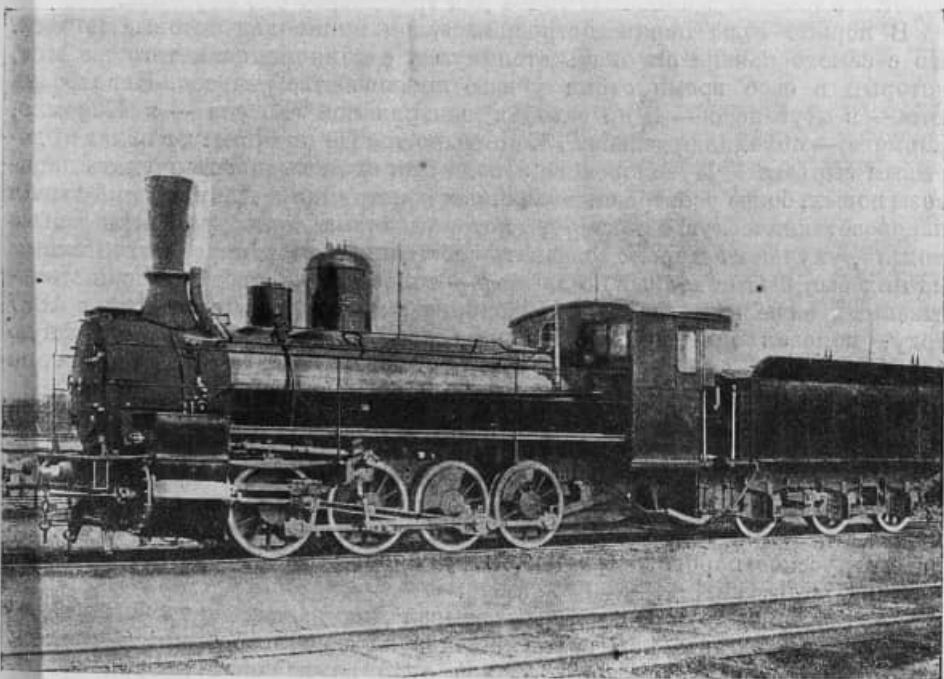
Железопрокатная мастерская

тысячи верст новых путей — почти столько же, сколько за все тридцать лет со времени отмены крепостного права (1861 г.). Постройка одного Сибирского пути протяжением в шесть тысяч верст потребовала увеличения русской металлургии чуть ли не вдвое. За десятилетие (1886—1896 гг.) выплавка чугуна в России утроилась, тогда как Франция достигла таких результатов в двадцать восемь лет, Соединенные Штаты Америки — в двадцать три года, Англия — в двадцать два года.

В русскую промышленность стремительно вливался иностранный капитал, главным образом французский и бельгийский. Иностранные акционерные общества росли, как грибы: в 1894 году их возникло только три, а за шесть лет (к 1900 г.) возникло 151 иностранное акционерное общество. Началась быстрая концентрация производства. В 1894—1895 г. крупные фабрики и заводы (от 100 рабочих и выше) составляли 10,1 процента всех фабрик и заводов, сосредоточивали 74 процента всех фабрично-заводских рабочих и 70,8 процента всей суммы производства.

Яркую иллюстрацию этого быстрого темпа промышленного развития дал Путиловский завод. Под покровительством и при поддержке правительства он за десять лет вырос в крупнейшее предприятие России.

Старый завод попал в самый быстрый поток промышленного развития. Новое железнодорожное строительство потребовало огромного подвижного парка — завод перешел на паровозостроение и вагоностроение; царское правительство исподволь готовилось к войне, к продвижению на Дальнем Востоке — завод заново ставил пушечное производство;

Товарный паровоз

замыслы путиловских хозяев метили еще дальше — завод переходил к машиностроению, — это была наиболее отсталая отрасль русской промышленности.

Директором завода был поставлен Н. И. Данилевский, большой специалист-паровозник. Производственник и изобретатель, он мало сидел в конторе, предпочитая находиться в мастерских. Он пускался в объяснения с рабочими, при этом часто вынимал из кармана мел и чертил на полу детали. По некоторым чертам характера и даже по внешности Данилевский походил на Н. И. Путилова.

Различие между Путиловым и Данилевским заключалось в том, что Путилов вел себя как единоличный хозяин (и после того как учредил акционерное общество), а Данилевский был лишь толковый ставленник правления. Данилевский обязался развить на заводе паровозостроение и артиллерийские производства, сделать завод прибыльным. Имея связи в министерстве путей сообщения, он сам добывал заказы на паровозы и вагоны. Но артиллерийские заказы добывались непосредственно правлением. В эту область Данилевский не был посвящен вполне.

Получив в 1892 году заказ на 28 паровозов, завод приступил к изготовлению первого паровоза по чертежам министерства путей сообщения. Паровоз был нормального типа, четырехосный, системы «Компаунд». Делали его в механических мастерских два года. За это время построили паровозные цеха. Вслед за первой партией паровозов правительство обеспечило заводу гарантийный заказ на восемь паровозов в месяц. За короткое время Путиловский завод стал поставщиком многих частных железных дорог и в течение девяти лет дал транспорту 673 паровоза.

В первые годы паровозостроения завод копировал готовые модели. Но с самого начала он опять столкнулся с конкуренцией того же юга, который в свое время отбил у него производство рельсов. Паровоз на юге — в Луганске — и на заводах центральной России — в Коломне, Сормове — обходился дешевле. И опять по той же причине: юг обладал дешевым сырьем. У Путиловского завода был один выход: выпускать паровозы новых, более усовершенствованных конструкций. Данилевский создал паровозотехническую контору, которая стала конструировать новые модели, улучшать старые, создавать собственные типы паровозов. Первым из них был быстроходный, а за ним — товарный паровоз для правительственных железных дорог. Быстроходный паровоз, выпущенный в 1897 году, показал при испытании на особо легких участках небывалую тогда скорость — до ста верст в час. Три года спустя паровоз этого типа прокатился в Париж на всемирную выставку.

Вся история путиловского паровозостроения в сущности была гонимой за новыми моделями. Выработав модель, завод получал первый небольшой заказ на паровоз этого типа, но в массовое производство новую модель часто передавали на другие заводы. Данилевский, сталкиваясь с этим явлением, не раз говорил заказчикам, что Путиловский завод отдувается за все русское паровозостроение. Ему приходится изобретать, а плоды пожинают другие.

— Тут какое-то горе от ума, — взывал Данилевский и требовал справедливости. — Дайте нам валовой заказ на нашу собственную модель.

Паровозостроение надолго заняло одно из главных мест в производстве Путиловского завода. В 1898 году он подошел к выпуску 160 паровозов в год. Ни один завод в России не выпускал паровозов в таком

количестве, как Путиловский. Но юг продолжал бить его все тем же сильным оружием — более дешевой ценой. Надо было предвидеть то время, когда никакая изобретательность не поможет и первое место в паровозостроении придется уступить.

В 1894 году Путиловский завод вновь вступил в борьбу за рельсы. Благодаря связям правления и близости его к правительственным кругам завод вышел на время победителем. Узнав о предстоящем заказе на 12 миллионов пудов рельсов, путиловское правление спешно собралось, чтобы обсудить вопрос, как перехватить у конкурентов эту крупную добычу. Собрание было необычайно оживленным. Даже тучный, медлительный акционер А. Л. Ляский вышел из полусонного состояния, в котором он обычно пребывал. Особенно много говорил юрисконсульт В. К. Гимбут, преданный служака правления. Именно Гимбут первый подхватил кем-то высказанную мысль о восстановлении горнорудных работ в Олонецкой губернии.

— Своя собственная руда! — восклицал он. — Свой собственный чугуун, своя северная металлургия, — вот что обеспечит нам славное продолжение рельсопрокатного дела, прерванного под натиском конкуренции...

Приняли решение: ходатайствовать перед правительством о предоставлении Путиловскому заводу заказа на рельсы, — взамен правление разовьет выплавку чугуна из северных руд.

Выплавка чугуна из болотной руды была затеей, заведомо обреченной на неудачу. Еще в конце восьмидесятых годов, в связи с введением пошлины на чугуун (45—52 копейки с пуда), путиловское правление занялось изысканиями руд в Олонецкой губернии. Пробные плавки показали, что этот чугуун непригоден ни для рельсов, ни, тем более, для паровозов и военного производства. И все же северные руды выставляли перед правительством как самый веский аргумент.

— Мы берем на себя миссию государственного значения, — говорили путиловские хозяева. — Мы дадим Петербургу свое сырье, удешевим производство металлических заводов, сбросим зависимость от заграницы. В столице будет все необходимое для производства машин.

Чугуноплавильное дело издавна поощрялось правительством. Постепенно идея использования северных руд была внушена чиновникам. Это было сделано так искусно, что министерство стало считать себя творцом этой идеи. Теперь оно заговорило с путиловским правлением языком ультиматума:

— Вы просите заказа на рельсы, вы ходатайствуете о повышенной цене за пуд рельса. Все это может быть дано не раньше, чем вы возьметесь за изыскания сырья на севере.

Срочно правление купило в Финляндии два рудника — Валимяки и Чубукомяки. Послали помощника директора завода, инженера Липина, строить чугуноделательный завод в Видлицах, поблизости от рудников. В Петербурге, у себя на заводе, выстроили опытную плавильную печь системы Хусгавеля.

Заказы на одиннадцать с половиной миллионов пудов рельсов путиловское правление получило. Правительство платило заводу в 1894 году по 1 рублю 68 копеек за пуд, тогда как на рынке пуд рельсов стоил 85 копеек. Переплата на весь заказ, составившая сумму круглым счетом в 10 миллионов рублей, рассматривалась как поощрение и финансовая поддержка важного дела производства чугуна из северных руд.

Видлицкий завод был выстроен кое-как, хотя и обошелся около двух миллионов. Подъездных путей к нему не было. Весной и осенью завод был отрезан болотами, к нему нельзя было подвезти ни топлива, ни других материалов. Годовая выплавка чугуна в Видлицах не покрывала и месячной потребности Путиловского завода. К тому же Видлицкий чугун мог пойти в дело лишь небольшими частями, как примесь к привозному — южному и заграничному. Он был крупнозернистый, крошился и кололся, как сахар.

В 1898 году, дождавшись последнего заказа на рельсы, путиловское правление прекратило изыскания руд. Видлицкий завод опустел, а печи Хусгавеля были разобраны. Все убедились: эксплуатация болотных руд невозможна. Обреченная на неудачу затея оказалась просто крупным мошенничеством. Путиловское правление получило восемь миллионов чистой прибыли.

Еще большую прибыль сулили казенные артиллерийские заказы. Военные замыслы царизма открывали перед Путиловским заводом обширный и прочный рынок. Половина всех средств, затраченных в девяностые годы на заводе на новое строительство, пошла на артиллерийские мастерские. Они были лучшими на заводе, их оборудовали заграничными, наиболее совершенными станками. Все больше внимания и средств завод отдавал постановке производства легкой полевой артиллерии — области, в которой он был застрахован от русских конкурентов.

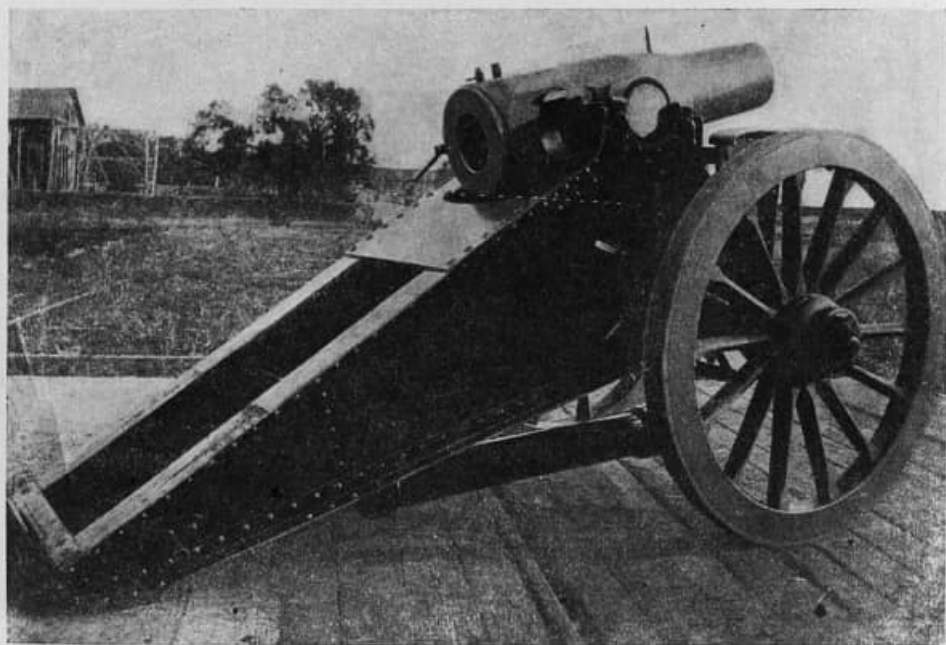
Для производства артиллерии нужна была высококачественная сталь — завод научился вырабатывать ее. Пушечное производство требовало непосредственной близости к военным кругам — завод издавна был связан с орудийными конструкторами и военным министерством. Свой первый береговой лафет полковник Дурляхер изготовил на Путиловском заводе. Генерал Энгельгарт, специалист по легкой артиллерии, производил испытания своей пушки на заводском стрельбище. Станок одиннадцатидюймовой мортиры системы генерала Кокорина выполнялся на Путиловском заводе.

Артиллерийское производство началось с заимствования чужих чертежей и с учебы у иностранцев. По способу французской фирмы «Жакоб Гольцер» поставили изготовление бронебойных снарядов. По указаниям этой же фирмы построили тигельную и закалочную мастерские. Французский инженер Канэ был консультантом при постройке гидравлических башен для военных судов. Проект такой же электрической башни разработали с помощью фирмы «Сеттер Гарле». Чертежи минного аппарата купили у английской фирмы «Армстронг-Витворт». Первая легкая полевая пушка, выпущенная в 1892 году, вырабатывалась с помощью французского треста «Шнейдер-Крезю», с которым завод поддерживал постоянную связь.

Как это было в паровозостроении, Путиловский завод и в артиллерийском производстве пытался выйти из-под зависимости от других фирм. Вслед за паровозотехнической конторой была создана артиллерийско-техническая (конструкторская) контора для разработки своих образцов пушек и лафетов. Впоследствии артиллерийская контора создала свой непревзойденный образец легкого трехдюймового полевого орудия. Путиловский завод был одним из крупнейших центров конструкторской мысли в России. Однако выйти из-под зависимости от иностранной техники ему так и не удалось.

Двенадцатидюймовое орудие

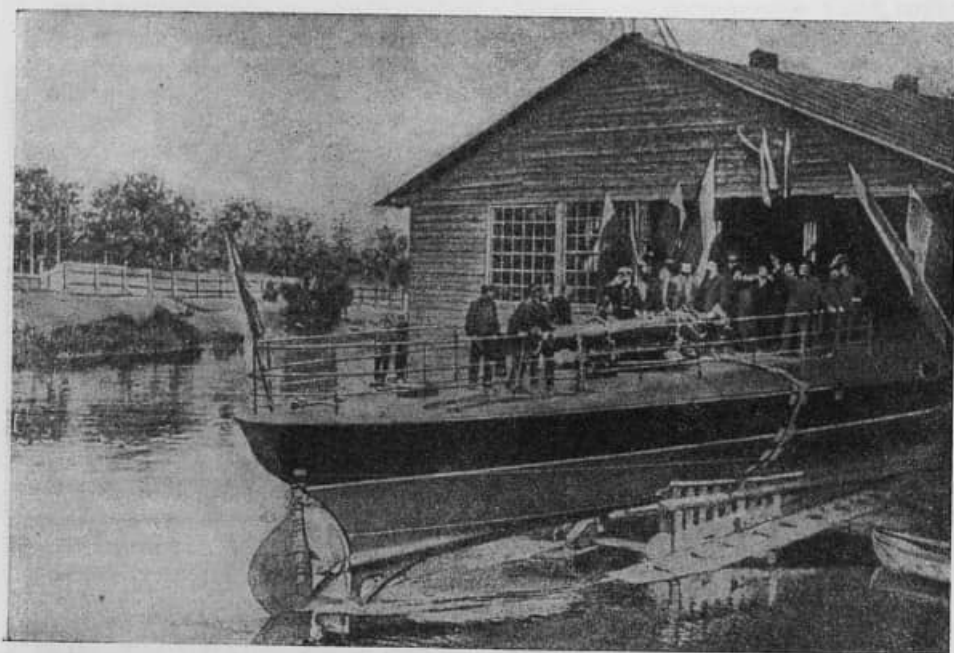

Восьмидюймовая мортира

За одно десятилетие завод вырос в четыре раза и вышел на первое место среди заводов России. Путиловские хозяева сумели добиться для завода главенствующего положения в металлической промышленности. В условиях общего подъема промышленности, поощряемый покровительственной политикой правительства, завод стал огромным по тому времени комбинатом важнейших для военно-феодалного империализма производств.

Продукция завода вторгалась на территорию Дальнего Востока и Манчжурии. К самому Тихому океану тянулись рельсы, изготовленные Путиловским заводом. Туда бежали им же сработанные паровозы и вагоны. Завод готовил снаряды и строил суда для будущей русско-японской войны. Вагонный отдел, выпускавший прежде только товарные вагоны, поставил производство пассажирских вагонов, стал выпускать цистерны, вагоны специального назначения — двухэтажные для перевозки скота, ледники, рестораны и даже построил походный вагон-церковь. Котельно-мостовая делала пловучий док для Владивостокского порта, затвор сухого дока в Севастополе, железные конструкции моста через Волгу у Твери, мост в Вильне. В артиллерийских мастерских, кроме пушек и снарядов, изготавливали щитовые прикрытия для стрелков, полевые хлебопечарни, походные кухни. Тигельные мастерские выпускали рыночную инструментальную сталь. Новомеханическая изготавливала мельничные поставы, маслобойные аппараты, а также простейшего типа станки, которые шли для нужд самого завода.

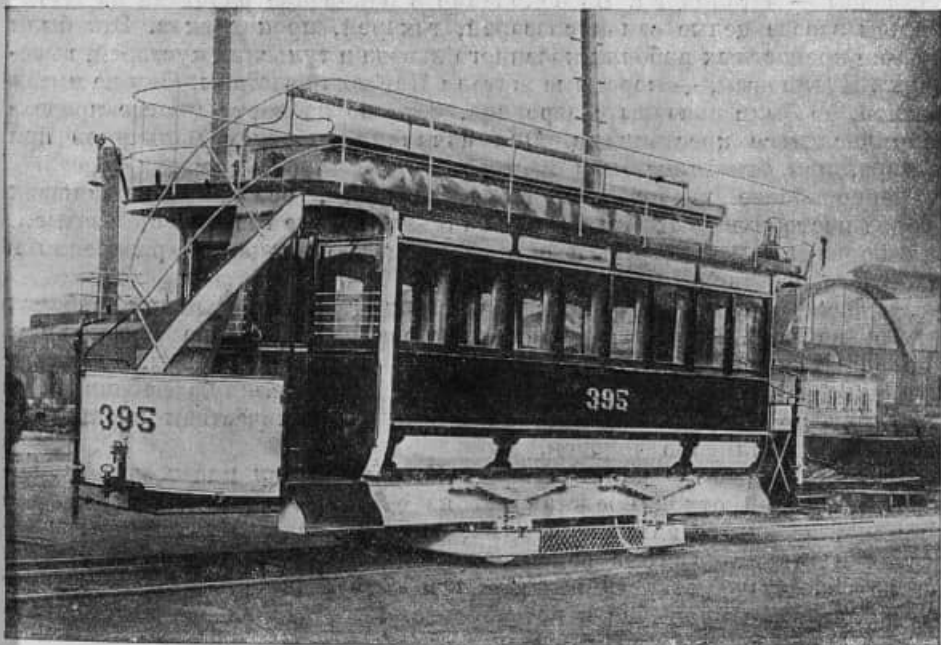
Выпуская столь разнообразную продукцию, Путиловский завод развивался беспорядочно, без плана, хаотически. Правление, в ожидании заказа, нередко тратило громадные средства на постройку новых цехов

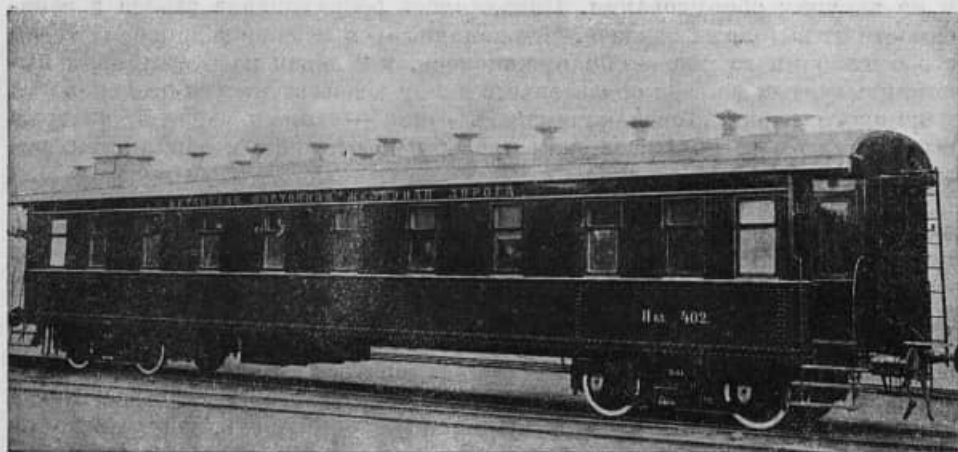
Заводский флиг. Спуск миноносца, 1893 год.

и на закупку оборудования. Пополнялось оборудование завода в зависимости от выгодных заказов. Неожиданно — в течение девяностых годов это бывало много раз — обнаруживалось, что завод не в состоянии выполнить взятых на себя обязательств ввиду недостаточности или слабости машинного парка. Тогда начиналась гонка — поиски заводов, которые выполнили бы часть заказа, или просьбы об отсрочке и дополнительном авансе для покупки станков.

Но ничто не стояло на таком низком уровне на заводе, как обслуживающее хозяйство: паровое, железнодорожное, водопровод. Котлов в 1896 году было 103, однако они были маломощны и никогда не покрывали потребности завода в паре. Протяженность железнодорожных путей была достаточной, но дикие изгибы, случайные повороты, закругления, разбросанность мастерских — были такими препятствиями, с которыми внутризаводский транспорт не мог справиться. Водопровод представлял собой самую таинственную часть заводского хозяйства. Когда где-нибудь портились трубы и нужно было остановить воду, никто не знал, где и какой вентиль следует закрыть. Срочно разыскивали стариков, когда-то прокладывавших трубы, — только они и могли разобраться в фантастической запутанности путилового водопровода. Река Екатерингофка, один из питающих завод источников воды, от сильных северных ветров часто мелела, насосы переставали подавать воду, — производство частично прекращалось. При южных ветрах, наоборот, некоторые мастерские заливала вода. Построить заново водопровод, осветить мастерские электричеством (в 1896 году на заводе горели 742 шестнадцатисвечовые лампочки), переложить железнодорожные пути, наладить паровое хозяй-

Вагон городской конно-железной дороги

Вагон для Китайско-восточной железной дороги

ство — на это правление не находило средств. Дешевая рабочая сила в конечном счете покрывала все убытки от хищнической организации производства на заводе.

К концу девяностых годов на Путиловском заводе работало 12 тысяч человек. Ни один завод в России не имел такого количества рабочих. Под одну крышу капитал согнал огромную армию труда. В начале девяностых годов основную массу рабочих завода составляли кадровые путиловцы — металлисты. Из поколения в поколение работали на Путиловском заводе целые семьи слесарей, токарей, прокатчиков. Это были потомки крепостных рабочих казенного завода и тульских кустарей, вывезенных Путиловым, — коренные жители Нарвской заставы. Они не имели наделов, не были связаны с деревней, хотя по паспорту многие продолжали числиться крестьянами. Они начинали работу с мальчиков при конторе, при отметчике, при мастере.

Чернорабочие вербовались из деревенских, особенно поваливших в город после голода 1891 года. «... За 80-ые и 90-ые годы вместе взятые... шел поразительно-быстрый и острый процесс обнищания, разорения и голодания крестьянства».¹

Развитие же промышленности в городе требовало новых рабочих рук, и по всей России началось массовое передвижение разоренных, обнищавших крестьян. Уход в город принял такие размеры, каких до того никогда не видала Россия. Уходили на постоянную фабричную и заводскую работу, на отхожий промысел. Отходничеством занималось пять-шесть миллионов человек.

В книге «Развитие капитализма в России» Ленин писал, что «... не-земледельческий отход представляет из себя явление прогрессивное. Он вырывает население из заброшенных, отсталых, забытых историей захолуствий и втягивает его в водоворот современной общественной жизни. Он повышает грамотность населения и сознательность его, прививает ему культурные привычки и потребности. Крестьян влекут в отход мо-

¹ Ленин, Сочинения, т. V, стр. 58.

*тивы высшего порядка», т.е. большая внешняя развитость и вылощенность питерщика; они ищут «где лучше».*¹

На Путиловский завод приходили из многих губерний центральной России. За 1894/1895 год из 9 тысяч рабочих было: тверяков — 2 тысячи, крестьян Псковской губернии — 750 человек, Смоленской — 700, Новгородской — 600. Из-за сотен верст приезжали они в вагонах четвертого класса, шли пешком, ехали на подводах. Почти каждый вез с собой подарок: живого петуха в корзинке, гуся, окорок или что другое из домашней живности в соленом или копченном виде. Их учили этому в письмах земляки, уже работавшие на большом Путиловском заводе и успевшие ознакомиться с заводскими обычаями: будешь проситься в паровозомеханическую к мастеру Малису — тащи ему на квартиру кадку масла с пуд; мастерам из горячих цехов можно угодить горшком деревенского меда, гусем, поросенком; а в старомеханическую попадешь, если есть в запасе золотая десятирублевка.

Долго мыкались крестьянские парни, сбывая свои подарки, неделями обивали пороги квартир мастеров, пока наконец не попадали в гремящие путиловские цеха на долгожданную черную работу. Они приходили в мастерские чернорабочими, на погрузку, к прокатным вальцам, к печам, где сутками безостановочно бились языки неистового пламени. В мастерских их подстерегала опасность на каждом шагу. Машины, ремни и станки они видели впервые, боялись каждого движения этих коварных, грызущих и когтистых чудовищ, готовых в любую минуту захватить рубаху, отрезать пальцы, раздробить руку, шарахались в сторону от громящих электрических кранов. Для заводских новичков все на заводе было удивительным. Они ходили по цехам, приглядывались к машинам, с робостью смотрели на выпуск плавки, на прокатку рельсов, выскивали себе место получше, повыгоднее. Их привлекали больше всего механические мастерские — станочная и слесарная работа. Но туда брали с выбором, прежде всего детей коренных путиловских рабочих, ребят грамотных и уже понимающих кое-что в механическом производстве. Молодые деревенские парни тянулись за заставской молодежью и через несколько лет заводской работы превращались в пролетариев. Постепенно привыкая к обстановке, они уже спокойно смотрели, как над их головами проносились многопудовые тяжести. «Серый» крестьянский парень свылался с заводскими порядками, становился грамотнее, а чаще всего научался грамоте именно здесь. Он узнавал многое, начинал понимать и ценить городскую жизнь и плотно вживался в заставу. Он научался давать отпор мастерам, видеть свой интерес в интересах товарищей и втягивался в общую борьбу путиловских рабочих против штрафов, за увеличение расценок, за улучшение условий труда. По внешности он уже не отличался от любого заставского парня, — вместо армяка надевал пиджак, деревенский картуз заменял фуражкой или шляпой.

Молодые рабочие попадали в руки мастеров, из которых редкий по-человечески относился к ним. Были мастера-«кнуты» — беспощадные истязатели подручных, были «глоты» — взяточники и вымогатели, были «шкуры» — хитрые и бездушные доносчики. В мартеновской мастерской Крегер называл рабочих не иначе как обезьянами, Лядов из механической —

¹ Ленин, Сочинения, т. III, стр. 449.

коровами, а в рельсообделочной мастер Яковлев был до того лют с подчиненными, что получил кличку «царь Диоклетиан-гонитель».

Над всеми мастерами и цеховыми начальниками стоял главный начальник — директор завода Н. И. Данилевский. У него было правило: «мастера в руках держать, значит и рабочие будут в строгости и послушании». Он никогда не ругал за неисправность рабочего, а направлялся прямо к мастеру, которого жестоко распекал при всех. Он знал: все пойдет своим чередом. Обруганный им мастер выместит свою неудачу на рабочих и добьется должной покорности и порядка.

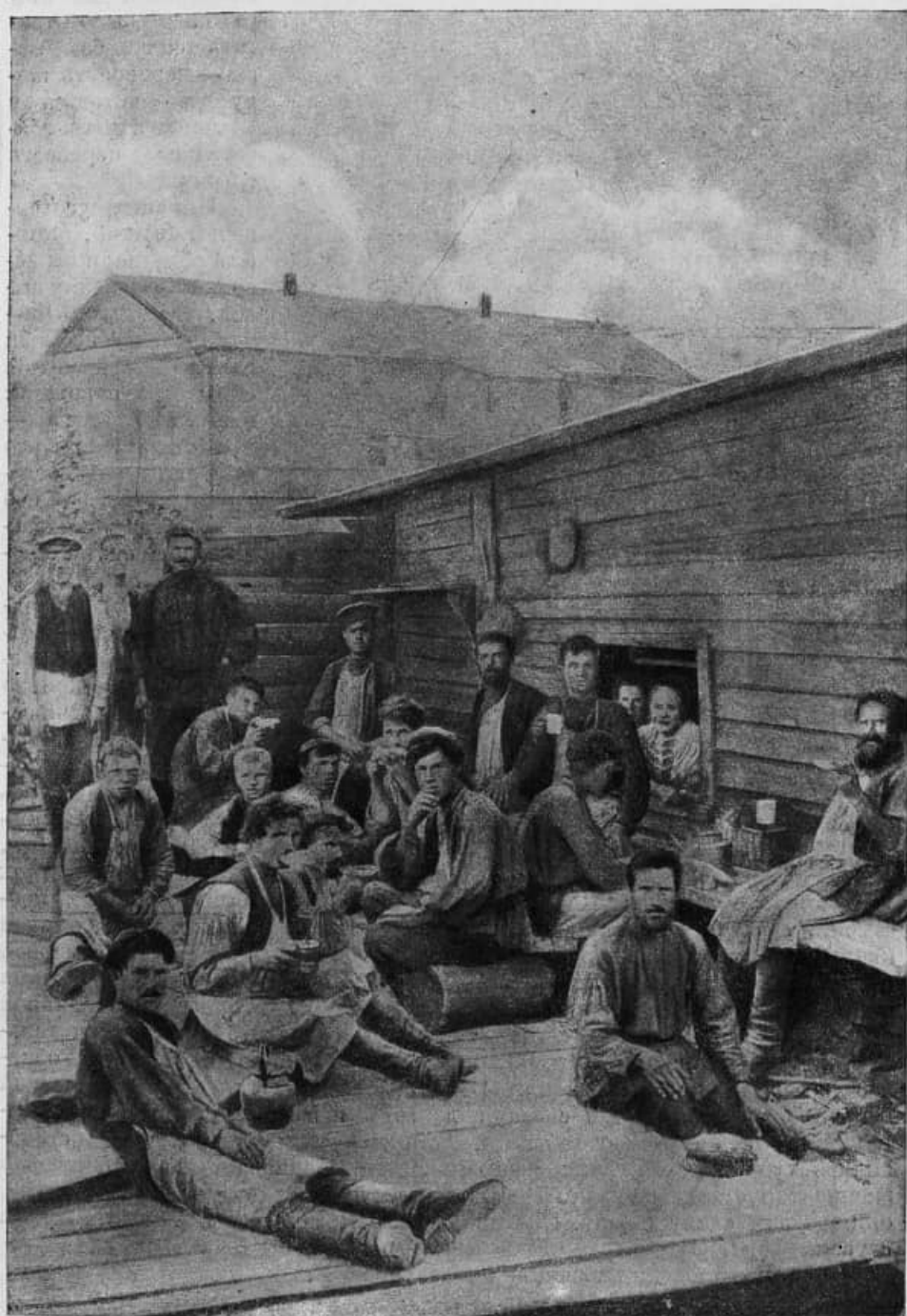
Подражая Путилову, память о котором еще сохранилась у стариков, Данилевский поддерживал патриархальные обычаи на заводе. В праздники, после молебнов, он выходил к рабочим, произносил речь. В Николин день — день своих именин — он напоказ проходил по всем мастерским под руку с чудаком-сверловщиком Играшкой. Директор в котелке, с тростью, рядом с чумазым и вихрастым сверловщиком — эта картина вселяла умиление в души некоторых стариков, помнивших еще, как тезка директора, Николай Иванович Путилов, проделывал подобные штуки. В тот же день к вечеру к Данилевскому привозили слесаря семянниковца, у которого он в молодости работал практикантом. Снова повторялась умилительная картина. Худощавый слесарь в промасленной и грязной рабочей одежде — так было приказано — шел рядом с директором к нему на квартиру, а через пару часов выходил оттуда хмельной, патающийся и, поддерживаемый самим Данилевским, усаживался в директорскую коляску.

Новые рабочие вначале находили все это необыкновенным, умилялись и преисполнялись добрым чувством к директору. Но вскоре они узнавали истинную цену Данилевскому. Жалоб на мастеров он не принимал, взыскания не искоренял, — наоборот, жалобщиков увольнял без всякого снисхождения.

Надрываясь, не щадя сил, покорно вынося все глумления начальства, работали молодые рабочие, лишь бы попасть к станку, машине, сварочной печке. Они работали по 340, а то и по 350 дней в году — без отдыха, без перерыва. Из всех заводов Петербурга на Путиловском был самый долгий рабочий год, так как Путиловский всегда, а в особенности в девяностые годы, был обеспеченнее других заказами и здесь была постоянная гонка.

Продолжительность работы в разных цехах была различна. В горячих мастерских — мартеповской, тигельной, литейной, прокатных — рабочий день длился двенадцать часов непрерывно; в механических цехах был перерыв на обед в полтора часа. Практически рабочий день, особенно в мастерских, связанных с литьем металла, был значительно больше. Работа зависела от плавки и готовности металла, от продолжительности заливки форм, и рабочее время с 12 часов порой растягивалось до 14—16 и даже до 18 часов без перерыва.

Основу производства в горячих цехах составляла мускульная сила рабочих. Миллионы пудов литья, ежегодно проходившие через мартеповские печи, передвигались по цеху вручную — сначала в виде шихты, потом как готовые болванки. В прокатных цехах эти же миллионы пудов вручную загружали в печи, вручную кантовали. Так создавался особый тип рабочего горячих цехов — человека сильного, нередко богатыря, не имевшего квалификации, но желавшего зарабатывать наравне

Рабочая артель строительного цеха

18) Для мастерских: Мартеновской, Бес-
семеровской, Тигельно-Литейной, Тигельно-
Дблательной, Сталепрокатной, Желѣзпро-
катной, Шинопрокатной, Закалочной, Кир-
пичной; рабочимъ днемъ считается: для ден-
ной смѣны время съ 6 $\frac{1}{2}$ ч. утра до 6 $\frac{1}{2}$ ч. в. и для
ночной смѣны съ 6 $\frac{1}{2}$ ч. вечера до 6 $\frac{1}{2}$ ч. ут-
ра. Въ этихъ мастерскихъ производится ра-
бота непрерывно и рабочіе для обѣда домой
не отпускаются. Въ субботу въ Желѣзпро-
катной маст. работа производится для денной
смѣны съ 6 $\frac{1}{2}$ ч. утра до 5 ч. пополудни и
для ночной смѣны съ 5 ч. пополудни до 5 ч.
пополуночи. (Ст. 9 зак. 2 Іюня 97 г. и ст. 13
прав. о прод. раб. вр.).

19) Для мастерскихъ и отдѣловъ: Ремонт-
ной-механической, Желѣзнодорожнаго по под-
возкѣ матеріаловъ и водоснабженію цеха,
строительнаго по ремонту, освѣтительнаго и
сторожеваго: рабочій день считается для ден-
ной смѣны съ 6 $\frac{1}{2}$ ч. утра до 6 $\frac{1}{2}$ ч. вечера
и для ночной смѣны съ 6 $\frac{1}{2}$ ч. вечера до
6 $\frac{1}{2}$ ч. утра, причемъ рабочіе Сторожеваго
цеха во время рабочаго дня домой не от-
пускаются, принимая пищу въ заводѣ. (Ст. 9
зак. 2 Іюня 97 г. 14 пр. о прод. р. вр.).

Страница из правил внутреннего распорядка о продолженности рабочего дня

условиях, собственным горбом они приобретали навыки сложных профессий. Беспорядочная смена заказов содействовала их разносторонней квалификации. Они перебрасывались от производства трехфунтовой втулки к сложной отливке в три-четыре тысячи пудов, от изготовления колесной походной кухни к производству электрической башенной установки для дредноута. В модельной сосредоточились значительные кадры высококвалифицированных модельщиков, какими не обладал ни один русский завод. В пушечной, лафетной, механической первоклассные токаря и слесаря достигали высокого мастерства. Литейщики и инструментальщики, сталевары и тигельщики становились художниками своих специальностей. Подневольные, хищнически эксплуатируемые, не заинтересованные в результате своего труда, они создали славу заводу. Благодаря им о Путиловском заводе говорили с уважением:

— О, Путиловский завод — он все может...

с токарями. Для этого надо было тратить силу без меры — переносить жару, не считаться о временем и почти обязательно перенести грыжу.

Никаких усовершенствований, которые облегчали бы загрузку и завалку печей, не было. Расчет был на избыток свежей деревенской силы за воротами: одни надорвутся — придут другие, а кто выдержит — останется навсегда, ибо выхода на более легкую работу из прокатки не было.

Рязанцы, тверяки, псковичи — сотни недавних крестьян, еще несколько лет назад расчищавшие завод от зелени, засыпавшие канал, превращались в слесарей, вальцовщиков, мартеновцев, литейщиков. В диких

ХОЗЯИН ЛЯШКА

Необыкновенно толстый, с сонными выпуклыми глазами, он сидел прямо, как каменная баба, и под его тяжестью низко гнулись рессоры массивной коляски. На заводе он бывал не часто и каждый раз замечал изменения. За забором вблизи мартена подымалась свежая кирпичная кладка и торчали вверх рельсы. Он спрашивал себя: что бы эта кладка означала и была ли она в прошлый раз? Он никак не мог вспомнить, состоялось ли решение строить что-либо около мартена. Запомнить немудрено: завод растет, ширится, равного ему в столице нет — золотое дно. И привычные мысли о дивиденде, о прибыли нахлынули и завладели им целиком.

У ворот коляска проезжала сквозь толпу людей, которые пришли заниматься на завод. Среди ожидающих всегда были люди в деревенских домотканых кафтанах. Деревенские с надеждой смотрели на него: не он ли тут главный, не к нему ли обратиться. Он отводил от них сонные глаза, не слушая почтительного и робкого шопота, и брезгливо морщился, сосредоточенно уставившись в широкую кучерскую спину.

Мастеровые, рассчитанные с завода за непослушание, протест или требование прибавки, стоявшие у ворот в надежде попасть обратно, знали этого тучного барина:

— Хозяин Ляшка приехал.

Вслед хозяину они бросали иронические замечания и говорили, что хотя он толст, но карман его еще толще. И работы от него все равно не получишь, — не такой человек, чтобы выгнанного на завод взять...

— Весу в нем пудов десять будет, — сказал кто-то из толпы.

— Восемь, — откликнулся один мастеровой. — Мы однажды провезли его сквозь вагонные весы — свешали хозяина незаметно.

Коляска доезжала до места, где начиналась заводская узкоколейка. Паровозик «Малютка» и специальный вагончик с диванами, обитыми сукном, стояли наготове. Двое служащих помогали приехав-

Хозяин Ляшка
(Карикатура Н. Редлова.)

шему переместиться из коляски в вагончик. Он устраивался на диване, важный, массивный, с палкой между колен. «Малютка» вез его мимо мастерских, а он медленно поворачивал голову, обозревая завод.

Хозяин Ляшка, или А. И. Ляский, не был, строго говоря, хозяином Путиловского завода. Завод принадлежал акционерному обществу, состоявшему из многих мелких держателей акций и нескольких крупных акционеров. Мелкие держатели не имели никакого влияния на дела завода. Они пользовались одним правом — раз в году получать на свою акцию пять-шесть рублей дивиденда. Вся власть была у крупных акционеров, связанных с Международным банком. Председатель правления этого банка Анцыфоров был в то же время председателем путиловского правления. Крупный акционер завода и финансист Ляский также входил в оба правления. Путиловские рабочие, которые никогда не встречали ни Анцыфорова, ни других членов правления, а видели только Ляского, без большой ошибки называли его хозяином. Его посещения завода расценивались рабочими просто:

— Прибыл от завода получает немалые, вот и приезжает посмотреть...

Ляский любил почет при встрече, но разговоров не выносил. Он предпочитал смотреть молча, раздумывая, сопя, почти погружаясь в сон. Из вагончика, обвешанного короткими узорчатыми занавесками, он глядел поверх людей, занятых созерцанием расстилавшейся перед ним панорамы заводских мастерских. Промелькнули свежееккрашенные классные вагоны, пробежал новый паровоз, отправляемый в обкатку. За каждый пассажирский вагон завод получал 6200 рублей. За паровоз — 30 тысяч. Эти цифры Ляский мгновенно умножал на число паровозов, вагонов, выпускаемых заводом в месяц, в год. Балки, рельсы, паровозы, мастерские, люди — все у него укладывалось в ровные ряды цифр. Других сравнений у него не было. Он не был специалистом-техником и не вдавался в технические подробности, он знал — Данилевский все сделает. Он был финансист. Новые заказы, их прибыльность, финансовое положение завода — вот что занимало его мысли. Ему случалось во время поездок за границу для покупки чертежей у иностранных фирм бывать на заводах Германии и Франции. Он видел европейские порядки и мог сравнивать их с путиловскими. Там же он усвоил правило: в сварочных печах расход горючего на пуд проката не должен превышать коэффициента ноль целых восемь десятых.

— Ноль komma ¹ восемь, — говорил он на иностранный манер и требовал от конторы рапортики о расходе горючего.

У мартеновской он медленно высаживался и входил внутрь, подпержаемый с обеих сторон. Он еще мог ходить самостоятельно, но из-за живота не видел, куда ступают его ноги, а путь в мартеновскую был неровный. Его усаживали где-нибудь внизу, откуда он мог видеть струю плавки. Начальник мастерской, инженер Вериге, держался поблизости на случай вопросов. Ляский смотрел, сопел и молчал.

Мартеновская, загроможденная болванками, кирпичом, металлическим ломом, явно устарела. Восемь печей вмещали не больше, чем по семи тонн каждая. Паровой кран, приспособленный для разборки изложниц, был тихоходен и назывался «раком». Ковш с жидкой сталью

¹ Комма (comma) — запятая (на английском и немецком языках).

Мартеновская мастерская

перевозили на блоке вручную, и мастер, боясь охлаждения металла, понукал рабочих, как лошадей.

В литье шли обрезки и лом, собранные со всей России: брак, старые железнодорожные рельсы, спрессованные в пакеты обрезки, костыли, машинные части и т. д. Все это были громоздкие вещи разной формы и разного происхождения: иная вещь начинала жизнь где-нибудь на Урале или даже в Америке, а успокаивалась в путиловской печи, чтобы затем вернуться в жизнь в новом виде. В мартене находили успокоение и некоторые неудачные изобретения, предпринятые на самом заводе, например арифмометры системы «Миллионер». Когда эта затея оказалась невыгодной, все готовые металлические части для девятнадцати арифмометров были брошены в мартен. Для мартена это был плевок, хотя этот плевок и стоил заводу 20 тысяч рублей.

Лопата у мартеновцев была металлическая, той же формы, что и хлебная лопата, которой орудуют хозяйки, но на конце ее лежало сто пудов. Иногда она не выдергивалась назад — болванка не отпускала ее. Тогда попросту прикрывали заслонку. Лопата плавилась вместе с болванкой, а конец ее, торчавший наружу, отваливался. Это называлось: «лопата сгорела».

Катали, надрываясь, втаскивали наверх тачки с грузом. Сверху, где шла завалка печей, слышалась бурлацкая «Дубинушка». На завалку маленькой печки уходили часы.

При завозке шихты надо было преодолеть подъем к мартеновским печам градусов в пятнадцать. Тачки были первобытные, с одним колесом и двумя ножками. Вместе с грузом такая тачка весила шестьдесят и более пудов. Толкал ее один человек, а при подъеме впрягалось еще несколько и крючьями вгоняли ее наверх. Перед печью было другое трудное место. Груз надо было поднять и посадить в печь. Тут также брали числом. В трудных случаях, если тяжесть была очень велика, звали людей с канавы. Мастер кричал:

— Гони всех как есть!

Брали два длинных ломика. На каждый конец становилось по шесть человек — всего двадцать четыре. Еще несколько человек лопатами просовывали болванку в печь.

Ляский молча, с сонным лицом наблюдал за работой мартеновцев. Люди были отборные, не все рослые, но все крепко сложенные.

— Вот мы чем знамениты, — Веригу нагнулся к Ляскому, — народом знамениты. Таких силачей, как у нас, мало где найдете... Голиафы. Тут есть один — начнет печку чистить, его за пять сажен надо обходить: ноги расставит — сажень, кочерга — две сажени, да размаху полторы. Когда горячую кочергу бросает, а холодную берет, он вбок на сажень дергается... Страшно мимо идти.

— Европа... — сказал вдруг Ляский, показывая глазами на путиловский мартен. — У Круппа печка сорок тонн. Никаких голиафов. Мелкий народ. Шаржирный кран, мульды. Двадцать пять минут вся загрузка. У вас печи в семь тонн. Голиафы, — загрузка два часа!

Веригу по наслышке знал о сорокатонных печах и загрузочных кранах. Он ждал, что Ляский скажет: необходимо последовать примеру Круппа, завести краны и выгнать голиафов. Но Ляский был далек от таких выводов:

— В конце концов, — сказал он примирительно, — во всем этом есть что-то самобытное, путиловское. У них — так, у нас — этак...

Ляский любил применять аргумент о самобытности, взятый из арсенала модных тогда народнических взглядов. Он только переделывал его на свой лад, применительно к интересам русского предпринимателя-капиталиста, оправдывающего всякую азиатчину и отсталость.

Веригу не возражал. Он знал, что правление ни копейки не даст на облегчение условий труда рабочих. И тем же примирительным тоном, что и хозяин, он заметил:

— В конце концов это так. И мы от этого не страдаем.

В сталепрокатке начальник мастерской Жан-Батист Лисмонд — переименованный рабочими в Ивана Ивановича Батистового — тоже не мог похвастать ничем, кроме людей.

— У нас есть Амосов. В одиночку забрасывает в печь болванки по восемнадцать пудов. Есть Агеев — гоняет на тачке горячие штуки пудов на триста...

Церемония перевоза такой болванки была проделана на глазах Ляского. Целый полк бежал с боков, помогая крючьями, но равновесие держал Агеев. Поручни тачки были длинные, они увеличивали расстояние между каталом и раскаленной массой, но и они же затрудняли управ-

вление тачкой. Тачка виляла. За короткое время перевоза болванки от печи к стану поручни нестерпимо нагревались. Агеев удерживал их голыми руками.

— Был проект, — говорил Лисмонд, стараясь поймать сонный взгляд акционера, — проложить здесь рельсы. Я подавал смету. Ответа не получил.

— Рельсы? — переспросил Ляский, довольный тем, что перевоз окончился благополучно и на него ничем не брызнуло. — Рельсы тут действительно были бы кстати.

Нагревательные печи в прокатке были малые, и загрузка их была делом канительным. Загружать их надо было вручную, так же как вручную надо было кантовать болванки, подвигая их к огню. Работа была хребтовая, потная, от нее на рубаху выступала соль. За двенадцатичасовую смену каждый выпивал огромное количество воды. В разных местах цеха виднелись ведра, подвешенные на крючьях. Пили, наклоняя ведро, в расчете и напиться и облиться.

Рельсы или вделанные в пол крутящиеся валики — рольганги, по которым тащить болванку легче, чем просто по полу, стояли совсем дешево. Но правление отказывало и в этих расходах, предпочитая обходиться мускульной силой рабочих.

— Народу хватит, народ выдержит...

Жан-Батист Лисмонд был француз, обрусевший не настолько, чтобы не читать иностранной литературы. Иногда он вдруг вспоминал, что он представитель передовой технической нации, говорил, что путилевская металлургия основана на грыже и сильно отстала от заграничной. Но Лисмонд уже давно привык к этой обстановке, тоже находил в ней черты русской самобытности и добросовестно вербовал в мастерскую богатырей. За долгую службу он научился, поглядев на спину человека или на его походку, сразу определять, куда его поставить: к печке или к вальцам, и к каким именно вальцам — крупным, средним, мелким.

Из прокатки Ляский проехал в чугунолитейную. Его вагончик остановился в самом начале мастерской. В полутьме, при свете керосиновых ламп и восковых фитилей, в кучах земли копошились люди. Ляский поглядел, но ничего не разобрал. Он собрался уже отдать приказание следовать дальше, как заметил, что справа у киота, где постоянно теплилась лампада, было темно.

— Почему не горит? — строго спросил Ляский у проходившего рабочего, кивнув на образа.

— Не выдерживает воздуха святой огонь... Тухнет, — ответил ему рабочий и быстро прыгнул за высокую кучу непросеянной земли.

Тяжело перегибаясь, Ляский подозвал сопровождавшего его служащего:

— Узнать кто... Немедленно, тотчас же, — большое тело его заколыхалось, — уволить за богохульство.

Ляский приказал зажечь лампаду и неукоснительно следить, чтобы горела. Он проверит в другой раз.

Вслед за чугунной хозяин Ляшка посетил наугад еще два-три места. Он избегал кочегарок, зная, что многие котлы на заводе изношены и могут взорваться; объезжал котельную, где от множества горнов воздух был так дымен и отравлен газами, что даже чувствовался на вкус; выбирал места потише и, если где усаживался, то усаживался надолго. В пило-

рубном отделении он долго смотрел, как обтачивают и насекают старые напильники.

Напильник врубали в оловянную пластинку, вставленную в деревянную колодку. Эта колодка имела железный стержень без рукоятки. Точильщик держал руками верхний конец стержня, а ногами, на которые были надеты деревянные чехлы в форме буквы П, прижимал колодку к точильному камню. Рабочий представлял собою клин. Когда ему нужно было сильнее прижимать колодку к камню, он опускался ниже, упираясь в наклонную доску, установленную за его спиной. На точиле были нарублены канавки. Руки у пилюрuba дрожали. Дрожало все тело. Колодка иногда срывалась, руки попадали на точило и стирались до крови.

— Давно работаешь? — спросил пилюрuba Ляский после долгого полу-сонного созерцания.

— Полтора года.

— Недавно.

— Для нашей работы давно, — ответил рабочий. — У нас больше как три года никто не держится.

— Почему?

— Сейчас дрожу, пока работаю. А после трех лет буду дрожать и без работы. Пальцы белыми станут, ноги опухнут.

Ляский больше не спрашивал, но его густые седые брови поднялись вверх и остановились в этом положении.

Он посидел еще некоторое время, поерзал на низком неудобном табурете. Затем поднялся, пошевелил мясистыми губами:

— Пьешь много...

Это была обычная фраза, которой он отделялся от рабочих, когда они жаловались на низкий заработок и тяжелую работу.

Пилюруб отставил колодку, намереваясь ответить хозяину. Но тот уже вышел. Лицо у пилюрuba было злое, и он сердито выругался.

В паровозомеханической начиналась «Европа» и было, как на заграничном механическом заводе, но только погрязнее. Здесь Ляский садился отдохнуть в каморке кладовщика и долго смотрел, как тот возился с инструментом и изделиями. После пятнадцати минут молчания, он задавал кладовщику вопрос:

— Сколько получаешь?

— Тридцать пять рублей, — отвечал кладовщик.

Внешность мелких служащих довольно точно определяла их оклады. В самом низу дело начиналось с крахмальных бумажных воротничков. Каждая лишняя пятерка прибавляла упитанности, солидности, сказывалась на качестве материи, на сапогах, в осанке. Ляский внимательно оглядывал кладовщика и чего-то в нем не находил. Он словно сличал его с десятками других, оценивал его платье, его подстриженную бородку, обручальное кольцо на его руке.

— Получаешь тридцать пять рублей, — сказал он, когда прошло еще минут пять в молчании, — а выглядишь рублей на восемьдесят. Крадешь...

Он знал, что кладовщик крадет, как бы тот ни отрицал; он верил своему наметанному глазу, но на кладовщика смотрел добродушно, — воровство тоже было частью путиловской самобытности, — и Ляский имел в виду не столько читать мораль, сколько установить факт. Он уже прикинул, во что обходится заводу этот молодчик: крадет рублей

на тридцать-сорок. Но от этого не уберешься. Да и мелочь. Зато верен. Сам крадет — другим не дает украсть.

По дороге из паровозомеханической Ляский встречался с Данилевским. Директор подходил с радужным лицом, но без особой торопливости. Правленческих посещений он не долюблял: приходилось тратить время на людей технически неосведомленных, показывать им достопримечательности, между тем действительно деловые вопросы о финансировании завода все равно решались не здесь, а на заседаниях правления.

Директор повез Ляского к паровозосборочной показать выпуск очередного паровоза. Паровоз, блестящий свежей окраской, стоял под парами. Машинист сидел в будке наготове. По знаку Данилевского он дал предупредительный свисток. Первый свисток прозвучал торжественно и хрипло, — паровоз как бы прочищал горло. Клубы пара заполнили мастерскую. Нехотя двинулись поршни, шатуны потащили пальцы ведущих колес. Но вдруг поршни стали: где-то заело. Машинист завалился в будке, дергая рычаги. Паровоз не двигался.

— Опять гайки зажаты, — сказал Данилевский, оглядывая поршни и шатуны, — позвать Карасева.

Данилевский повернулся от Ляского и с подчеркнутой вежливостью сказал несколько слов начальнику цеха. Начальник цеха без особой вежливости повернулся к мастеру. Мастер свирепо махнул старшему. До рабочих распоряжение директора дошло в виде ругани, приглушенной по случаю присутствия высокого гостя. Ляский заметил, что рабочие, кроме изруганных, остались равнодушны к истории с паровозом. Кой у кого он увидел насмешливую улыбку, — горечь неудачи их не коснулась.

С несвойственной ему живостью Ляский повернулся к Данилевскому. Рабочие поняли: будут теперь дела — выгонят кого-нибудь. Директор и без того крут, а тут еще Ляшка подкручивает.

Слесаря Карасева не оказалось на месте. Мастер виновато доложил, что номер его висит на доске, но сам он куда-то ушел, должно быть за инструментом.

— Никуда он не пошел, — сердито сказал Данилевский. — Его в заводе нет. У него номер работает, а он сам в кабаке сидит. Взыскать...

Он повез Ляского дальше, распорядившись немедленно ослабить гайки, а паровоз испытать еще раз. Неудача с паровозом была случайная, но неприятная тем, что произошла как раз в присутствии гостя. Путь лежал мимо одной из трех канав, пересекавших завод. В эти канавы рабочие издавна сбрасывали брак. Болты, болтики и разные испорченные предметы, включая паровозные топки, части пушек и целые вагонные скаты, в огромном количестве попадали сюда при молчаливом потворстве мастеров. Мастерам было выгодно, чтобы их мастерские показывали меньше брака; они старались не замечать, если в ночную смену брак исчезал из мастерской. Канавы долгое время покрывала все грехи, но с развитием нового строительства понадобилось спустить воду, и огромное кладбище ржавого металла появилось на свет. Ляский, проезжая, спросил, что это за предметы. Данилевский не очень охотно объяснил их происхождение.

— Присмотр плохой, — заметил Ляский. — Видимо, они слишком много получают. Распустились. Вы, Николай Иванович, посмотрите там. Да и паровоз дороговат. Себестоимость надо уменьшить.

Данилевский понял хозяина:

— Процентом на десять можно.

Ляский молча кивнул головой. Цифра его удовлетворяла. Директор искоса посмотрел на хозяина: не в претензии ли он за погубленный металл? Но Ляский смотрел миролюбиво и, казалось, не придавал неудачам большого значения. Когда-нибудь завод освободится от этих расходов. Из-за них не стоит ссориться с Данилевским, который не любит замечаний, — вдруг он обидится, уйдет на другой завод, и вместе с ним уйдут его связи в министерстве путей сообщения, уйдут и паровозные заказы.

— Кстати, — вспомнил Ляский. — Что это у вас... Выпирает из-за забора... Если смотреть с улицы... Приблизительно там, где мартен. Я, проезжая, обратил внимание. Не мог понять...

— Мы расширяем мартен.

— На какие деньги?

— Мы не просим денег у правления, мы сэкономили средства.

Вот это уже серьезное дело... Это означало, что на заводе утаивают часть прибыли и расходуют без ведома правления. Такая самостоятельность не могла нравиться Ляскому, но и это он оставил пока без внимания. Он смотрел в сторону залива, где на пустыре, почти у самой воды, подымались новые постройки. Постройки еще были в лесах. Там работали каменщики и штукатуры. Со стороны горячих мастерских на подводах подвозили гарь для засыпки болота. Новые здания строили основательно.

— Вон там, — показал Данилевский в сторону залива, — мы заложили фундамент для новой механической. Полгода назад здесь была вода, люди купались, ловили рыбу. Нам приходится отодвигать залив. Нам тесно, и чем дальше, тем будет теснее...

Тема покорения залива занимала Данилевского. Об этом он любил говорить. Но он был суров, одушевление его пряталось в производственных терминах и цифрах: сколько возов гарь и мусора высыпано в болото, сколько свай забито под фундаменты, в каких местах испытание почвы дало наилучшие результаты. Борьбу с болотом завод ведет давно. Ежедневно десятки возов гарь и камня выбрасывают на слабые участки. Вся территория завода поднята и утрамбована.

— И, заметьте, — подчеркивал Данилевский, — вся эта операция отнесена нами за счет хозяйственных расходов. От правления на устройство территории не взято ни копейки.

Ляский невозмутимо выслушивал цифры и соглашался, что это было сделано хорошо.

— Николай Иванович, — вдруг сказал он, выходя из сонливости, чтобы сказать то важное, ради чего он приехал. — Вопрос о перевооружении артиллерии решен в военном совете окончательно. Будет объявлен конкурс на лучший тип легкого орудия. Как у вас подвигается постройка пушечной мастерской?

— Мастерская вчерне готова.

— Кончайте скорее. Выписывайте оборудование. Ищите людей.

— А деньги? — спросил Данилевский. — Николай Николаевич говорил мне, что с деньгами у него сейчас плохо.

— Деньги найдутся... Николай Николаевич поручил мне сказать это вам совершенно точно.

Данилевский не спрашивал, откуда Николай Николаевич Анцыфоров возьмет эти деньги. У Анцыфорова под рукой был Международный банк и строгановские богатства. Не так трудно было временно вложить миллион-два в путиловское дело.

— Но предположим, — сказал Данилевский, — что наш тип орудия, который еще надо выработать, не окажется на конкурсе лучшим и не получит преимуществ. Как тогда быть со всеми затратами?

— Это предусмотрено. Серьезным конкурентом на конкурсе будет Шнейдер-Крезо. Остальное — мелочь, случайные фирмы. Со Шнейдером ведутся переговоры. Если получит одобрение шнейдеровская пушка, делать ее будем все же мы, а Шнейдеру будем платить комиссионные...

Оба замолчали — все ясно. Оба были готовы к деятельности. Данилевскому новая работа представлялась как комбинация кирпичей, станков, людей, — производственная задача, которую надо разрешить. У Ляского вся операция сводилась к нескольким итоговым цифрам: затраты, количество пушек первого заказа, возможная себестоимость пушки.

В конторе Ляскому была предложена закуска. Разговор был бессодержательный. Данилевский, разбирая бумаги, показал ведомость, которая развеселила обоих.

— Вот чем занимаются наши чертежники. Есть у нас такой Сильверберг, пишет ведомости стихами:

Стержень стальной для руля кормового — 2 шт.

Румпель железный в корму — 2 шт.

Болт не стальной, а железа простого — 80 шт.

Гайка с контргайкой к нему — 80 шт.

— Глинского я принял на сорок рублей, — вдруг сказал Данилевский.

— Это хорошо. Только не мало ли сорок рублей? Ведь за него просил фон Валь.

Данилевский согласился: возможно, сорок рублей мало для протеза градоначальника. Он увеличит Глинскому жалованье.

Перед отъездом Ляскому по обычаю была подана рапортничка о расходе горючего на пуд проката. Коэффициент был выведен, как требовалось:

— Ноль komma восемь...

Ляский заметил, что эту же рапортничку подавали ему в прошлый приезд. Повидимому, некоторые служащие конторы принимают его за чудака. Но ему лень было сердиться. Он одобрил рапортничку, распрощался, пошел к выходу, поддерживаемый с обеих сторон. Устроившись в коляске и поставив палку между ног, он погрузился в сонливость.

Тяжелый и неподвижный, он проезжал по улицам, привлекая любопытствующие взгляды прохожих. Только в правлении, попав в свою сферу — в мир банковских комбинаций и торговых сделок, он снова оживился. Беспрерывно шевеля и постукивая по столу короткими толстыми пальцами, он рассказывал членам правления о делах завода и об идеях, возникших у него во время поездки:

Акція общества Путиловскихъ заводовъ

Копейка в копейку. Данилевский уменьшает стоимость паровоза на десять процентов.

— Выпустить дополнительную партию акций. Деньги будут...

Путиловская акция на бирже была в цене. В 1894 году она даже поднялась на пятьдесят пунктов выше номинала. Председатель правления ухватился за идею Ляского. Он вызвал бухгалтера и приказал тотчас же произвести необходимые подсчеты. Ляский сел сочинять письмо в министерство финансов с просьбой разрешить выпуск новых акций.

Член правления Нератов высказал сомнение: деньги нужны сейчас — предстоит выплата дивиденда, а результаты выпуска акций будут не раньше, чем через несколько месяцев.

Ляский оторвался от своих заметок и бросил:

— Это предусмотрено Уменьшим платежи рабочим. Дивиденд есть дивиденд. Мы дадим семь рублей на акцию.

ЗАСТАВА

К юго-западу от центра столицы, вдоль Петергофского шоссе, расположилась Нарвская застава — крупнейшее рабочее предместье царского Петербурга. К девятистым годам застава окончательно превратилась в типичную окраину большого капиталистического города. Над всей заставой возвышался и господствовал Путиловский завод. Он перешел на паровоз, на пушку, потребовал вчетверо больше людей, двинулся вширь. Вместе с ним росла и изменяла свой облик Нарвская рабочая окраина.

Петергофское шоссе — некогда аристократическая «Петергофская перспектива» — погрязнело, поблекло, стало обычной улицей рабочего предместья. Родовые дворцы князей Трубецких, графов Строгановых и Шереметьевых давно перешли во владение купцов Масловых, Квасниковых, Овсянниковых. В бывшем дворце Строгановых разместился трактир, на месте оранжерей княгини Дашковой раскинулось коммерческое садоводство купца Ушакова. От прошлого сохранилась лишь полосатая заставская будка у самых Нарвских Триумфальных ворот и попрежнему,

Нарвские ворота в конце XIX века

как встарь, угрюмые финны возили в город мелкую рыбу — корюшку, салаку. Поверх рыбы, крытой рогожей, лежали камни — налог за въезд в город. Камни нужны были для замощения улиц, их сваливали у Калинкина моста.

Черты загородной дачной местности, которые были свойственны старой заставе, быстро исчезли. Отодвинулись стога, поределли рощи, обмелела и загнила речка Ольховка, отравленная нечистотами и химическими отходами фабрик. В обиходе речку называли Воняловкой.

Кабатчик Семен Богомолов из «Финского залива» в Емельяновке продвинулся на шоссе, занял углы под кабаки и в короткое время оброс деньгами, почетом, шубами и собственными домами. Сын его Степан старался быть похожим на европейца, носил эспаньолку и азбитый кок, ездил на рысаках и хозяйски высматривал, где можно скупить землю, чтобы потом перепродать ее мелкими участками.

Рабочая окраина стала особым мирком, где были свои богачи и свои нищие, свои попы и трактирщики, своя полиция, свои интеллигенты-одиночки — врачи и учителя — и даже свой благотворитель — купец Ушаков, владеец садоводства и многих домов, построивший под конец жизни школу, больницу и церковь.

Появились домовладельцы, строители новых деревянных флигелей — народ мелкий в городе, но почтенный на окраине. Они покупали участки земли у Степана Богомолова, вырубали деревья, строили первый лицевой дом, подводили его под крышу и закладывали в банке; отступая

шесть шагов от первого дома, строили второй, потом третий, четвертый, пока весь участок не оказывался застроенным до последней сажени. Дома были двухэтажные, деревянные, с множеством квартир по две-три комнаты, отделенных друг от друга тонкими стенками, с одним общим коридором и общей холодной уборной. Мусорных и помойных ям не полагалось. Все отбросы и помои выливали прямо во двор, в канавы, прорезавшие улицы. Мысли строителей были устремлены к одному: как можно больше квартир, комнат, дохода. Оклеенные дешевыми обоями, новые квартиры до сдачи в наем имели приятный, чистенький вид, но скоро теряли его и вместе с ним теряли способность воспринимать чистоту.

По обе стороны Петергофского шоссе возникли улицы, ряды домов, битком набитых людьми. Особенно отличалась Богомолдовская улица, прозванная за тесноту Миллионной. Двухэтажные строения на ней были расставлены так близко, что в некоторых дворах из окна в окно можно было здороваться за руку.

На Богомолдовской селились псковичи, новгородцы — деревенские люди, земляк к земляку, племянник к дяде. Левая Тентелевка была заселена рабочими Химического завода и извозчиками. Болдырев переулочек и деревня Волянкина — преимущественно текстилями. Квалифицированный народ — токаря, слесаря, модельщики — селились в Огородном переулке, на Ушаковской и на самом Петергофском шоссе.

Каждая улица имела свое лицо, хотя домишки, построенные разными людьми и в разное время, были совершенно одинаковы. На всю Богомолдовскую был один балкон, пристроенный немкой-булочницей для себя. В первых этажах домишек помещались многочисленные пивные, полупивные,

Таблица на дверях угловой квартиры

Угловая квартира за Нарвской заставой

кипяточные, кислощейки, ренсковые погребя, ларьки с селедкой, печенкой, с горячей колбасой. Каждое торговое заведение отмечалось вывеской, а на углу Новой улицы висел жестяной крендель, у которого заводская копоть съела позолоту.

Дважды в месяц, по субботам, ранним утром, вдоль шоссе появлялись палатки, разбитые ящики, камни, лотки, базарные столики. Товаров на столах еще не было, но вся застава уже знала, что сегодня на Путиловском получка. Торговцы лучше заводских узнавали, когда на каком заводе получка. Они бросались за Невскую заставу, если получка была на Обуховском или Семяниновском, перекочевывали на Обводный, в район текстильных фабрик, или на Выборгскую. Больше всего было торговцев за Нарвской заставой в дни путиловской получки.

«Базар-получка» занимал несколько кварталов — от Чугунного переулкa до шлагбаума и дальше, а на пустырях Новопроложенной и Новоовсянниковской улиц расползался в шумную толкучку. Сюда сносили всю базарную дешевку: грубое domestikовое белье, бумажные брюки, перелицованные костюмы с наскоро пришитыми пуговицами, пестрые кофты и юбки, фольговые зеркала, лубочные картины с изображением страшного суда, любые товары — от семейных комодов до игрушечного шара ребенка и соленого огурца на закуску отцу.

Заставские ребята, полуголые и всегда полуголодные, промышляли тряпьем и старым железом, еще раз основательно осматривали мусорные ямы, чтобы к «базару-получке» быть при деньгах. На базаре их прельщали леденцы, пряники, горячий сбитень.

Вся застава готовилась к получке. Лавочки подбивали итоги в заборных книгах. Домовладельцы подсчитывали долги квартиронанимателей, квартиронаниматели — долги угловых жильцов. В игорных притонах шулеры подбирали свежие крапленые колоды. В рублевом доме терпимости на Новосивковской улице и в жилищах дешевых проституток «тридцаток» по Болдыреву переулку готовились к приему посетителей. Трактирщики выкатывали из подвалов бочонки и полубочонки пива, выносили четвертные с водкой, уставляли буфетные стойки тарелками с убойной закуской: мелко нарезанным хлебом, рубцом, редькой в масляной воде, грибами, квашеной капустой. Здесь были такие закуски, которые путиловец мог позволить себе только в день получки.

Средняя заработная плата путиловского рабочего в 1891 году, по данным заводоуправления, равнялась тридцати рублям в месяц. При подсчете средней цифры оплату сверхурочных часов прибавляли к оплате нормальных, число сдельщиков к числу повременщиков, и всю выплаченную сумму делили на общее число рабочих. На самом деле по отдельным мастерским средний заработок колебался от сорока восьми рублей в паровозных и артиллерийских цехах до восемнадцати рублей в дворном цеху. Такие же резкие колебания были внутри каждого цеха между разными квалификациями: в кузнице при двух молотобойцах кузнец подчас зарабатывал до трех рублей в день, молотобоец же получал шестьдесят-семьдесят копеек. Более трех четвертей путиловских рабочих зарабатывали много меньше одного рубля в день. К 1895 году средняя дневная плата по заводу увеличилась на двенадцать копеек, а к концу десятилетия на тридцать пять копеек, но прибавка в основном коснулась опять-таки паровозных и артиллерийских цехов и, кроме того, наполовину была съедена ростом цен на товары. Чернорабочий за все десять лет получил прибавку в двенадцать копеек.

Людей различали не по разрядам, а по копейкам цехового оклада. Заработок «партии» — рабочей бригады — распределялся мастером. Значительный куш он выделял старшему, который чаще всего сам не работал. Если оказывалось, что партия заработала слишком много, мастер при подсчете снижал расценки и подводил заработок к «норме» так, чтобы сдельщик получал не больше двойного цехового оклада. Подневный рабочий получал только цеховой оклад. Заработать больше он мог лишь сверхурочными. Тогда его рабочий день растягивался до четырнадцати-шестнадцати часов в сутки.

Мастер Н. М. Гайдаш в механической мастерской при подсчете заработной платы смотрел не на приемные квитанции, а на человека. Если он оценил человека в какую-либо цифру, тот получал не больше и не меньше. Если квитанций было много, Гайдаш откладывал часть на следующий месяц или исправлял что-нибудь в цифрах. Не всякий рабочий понимал, как это получается: работы были разные и расценки разные, а итог один и тот же. Но спрашивать не полагалось. И прибавки и отбавки надо было принимать с одинаковой покорностью.

Две недели труда отмечались в расчетной книжке скупыми цифрами. Эти цифры сокращались после вычетов: на штрафы за прогулы и брак,

В день получения на Петербургском шоссе

на масло для цеховой лампы, на церковь, которую начальство строило с 1897 года, высчитывая один процент с заработка рабочего. Штраф, падавший на каждого рабочего, в среднем не был велик — в год набегало до трех рублей. Но произвольная система штрафования давала в руки мастера бич, хлеставший каждого. Некоторые рабочие, не желавшие подчиняться произволу, платились большими вычетами, до трех-пяти рублей в получку. Главную же графу в удержаниях, до 40 процентов всей суммы заработной платы, составлял вычет в потребиловку за товары, взятые в кредит. Иногда этот вычет поглощал всю получку, и в графе «выдается на руки» вместо цифры стояла волнистая линия:

— Змея.

В других цехах, в зависимости от манеры конторщика, итоговую графу прочеркивали не волнистой линией, а углами, зигзагами. Тогда говорили:

— Топор.

Рабочий со «змеей» или «топором» не видел в получку денег и должен был жить снова в кредит. Наличные же деньги добывал посредством «перегоночки»: он брал в кредит продукты в потребиловке и «перегонял» их со скидкой мелким лавочникам, гнездившимся вокруг завода.

Получку выдавали с утра. По случаю субботы путиловцы на обед не

уходили и работали вяло. День получки был днем больших раздумий для каждого. Жизнь больше размерялась получками, чем неделями и месяцами. Получку ждали с нетерпением, со злобой и ненавистью: «Будь ты проклята!» — восклицал мастеровой и швырял расчетную книжку со «змеей». Проклиная получку, плакала мать большой семьи, подсчитывая, сколько принесет муж и сколько дней еще впереди до следующей получки. Из грошового двухнедельного заработка, едва покрывавшего самые насущные нужды рабочего, требовалось выкроить и на случай болезни, и на родственников в деревне, и на взятку мастеру.

В день получки Н. А. Сметухин, мастер паровозомеханической, наведывался к станкам гораздо чаще, чем обычно. Он ходил с незакуренной папироской между станками, останавливался:

— Спички есть? Дай прикурить.

— 59 —

№ половина.

Удерживается.	Сумма.	
	Р.	К.
Въ Великую Кассу		
За выданные въ счетъ заработка		
Произведенныя за 1-ю полов. мѣсяца		
Штрафы:		
За прогулъ		
" неиспр. работу		
" наруш. порядка		
За продукты О-ву Потребителей	11	55
По исполнителнмъ листамъ		
По подпискамъ		
Всего удерживается	11	55
Выдается на руки Р.		

«Змея»

Рабочий молча протягивал спички. Сметухин закуривал, делал карандашом знак на коробке и опускал в карман.

— Ладно. Коробок после отдам.

Папираса его сразу же тухла. Он подходил к другому:

— Спички есть...

Потом, уединившись в конторке, он вытряхивал из коробков деньги. По отметкам на коробках он знал, от кого сколько получено.

Подростки в старомеханической в день получки ловили взгляд старшего Степанова. Степанов говорил:

— Принесешь в «Россию» в четыре часа. Я буду в бильярдной.

— Слушаю, господин старшой, — отвечал подросток.

Он зарабатывал гроши, но если хотел удержаться в мастерской и чему-нибудь научиться, то отсчитывал половину на взятку.

Мастер А. М. Лядов действовал открыто. Он подходил к рабочему, который, по его расчетам, неплохо заработал:

— Что же ты, Павлуша, забыл со мной поделиться?

— Чем делиться-то, Алексей Михайлович?

— Ты, корова, разве не понимаешь, подумай-ка...

Лядов отходил уверенной походкой: в следующую получку Павлуша не увидит хорошего заработка и сам принесет мастеру его «законную» часть.

Мастер Н. И. Зубов облагал данью всех, кому записывал высокие заработки. В день получки он составлял список: с такого-то столько-то. Доверенный человек ходил с этим списком по станкам и собирал деньги.

Другие сметливые мастера в этот день затевали лотереи. В оборот обычно пускали дешевые часы или портсигар. Старшие вербовали охотников на билетик. Розыгрыш, в зависимости от времени года, происходил на полянке или в кабаке. Часы доставались кому-либо за полтинник или за рубль, мастеру же — сумма, в пять-десять раз превосходившая стоимость часов. Выигравший водил всех в трактир и там нередко пропивал часы.

Новичок в день получки испытывал беду еще и с другой стороны. Подходил кто-нибудь из товарищей, работающих в той же партии, говорил выжидательно:

— Ну, что же, Тарас, как оно будет? После гудка все вместе в «Ливадию»? Так, что ли?

С первого дня работы все точно сговорились называть новичка Тарасом. Чужое имя обижало его. Он сердился, возражал, но люди продолжали именовать его Тарасом, намекая, что так бывает со всяким новичком, пока он не поставит привальных и не сведет всю партию в трактир. До тех пор он как бы некрещеный, не принятый в компанию, чужой. Он сопротивлялся, говорил, что это будут первые его деньги, — у него нужда, надо послать в деревню, там голодают. Но люди не слушали его доводов:

— Такой обычай. Новичок без привала то же, что жена невенчанная: то да не то... И с нами бывало такое же.

Новичок успел узнать, что будет хуже, если сегодня, в день получки, он не исполнит обычая. До сих пор его называли Тарасом добродушно, а теперь чужое имя будет звучать обидной кличкой и пристанет к нему навсегда. Он еще раздумывает, — надо бы идти прямо на почту, чтобы скорее отослать деньги в деревню, там ждут, но люди после гудка насыдут на него

еще раз, и он пойдет вместе со всеми. Если же новичок упорствовал, ему напоминали об этом по-иному. На его ящике с инструментами и одеждой появлялся кусок кровельного железа, и на нем мелом был нарисован ребус: по одну сторону цифра 3, бутылка и рюмка, по другую — большой гвоздь без шляпки, так называемый «секрет». Ребус означал, что предстоит неприятности. Если и на этот раз не поставит привальных, вдру окажется, что ящик не открывается: через крышку пробит восьмидюймовый гвоздь без шляпки, который не сразу заметен, и не так-то просто его выдернуть. В случае, если новичок пожалуется мастеру, тот ему скажет:

— Сам виноват. Надо блюсти обычай...

К двум часам у заводских ворот собирались женщины. Многие приходили по уговору с мужем, чтобы вместе пройти через базар-получки. Но много жен встречали мужей, не надеясь, что те сами благополучно донесут получку до дому. Иной муж был заботлив, любил семью, но от компании отстать не мог: он отдавал жене получку, оставляя себе рубль или два:

— Хоть с получки-то дай погулять...

Иной, завидев жену у главных ворот, поворачивал к морским воротам и выходил на шоссе через переулки.

Пьяницы помогали друг другу прятаться:

— Я видел, твоя женка только что в «Китай» заходила.

Он шел именно в «Китай», где жена будет не скоро. Много женщин с восторженными заплаканными лицами металась в этот день от кабака к кабаку. Они заглядывали в окна, в открытые двери. Иная припасала сороковку, чтобы заманить мужа домой, — если его не найти теперь, нечем платить за квартиру, завтра же придется съезжать, детям совсем нечего будет есть. От кабака к кабаку металось горе женское, нескрываемое, всем понятное. У пивных, у трактиров дети с покупками в руках стояли, как на дежурстве. Это значило, что отец отбыл базар-получку, идет домой, но по дороге пользуется правом заходить в кабаки выпивать по рюмке. Сыны или дочка ждут снаружи.

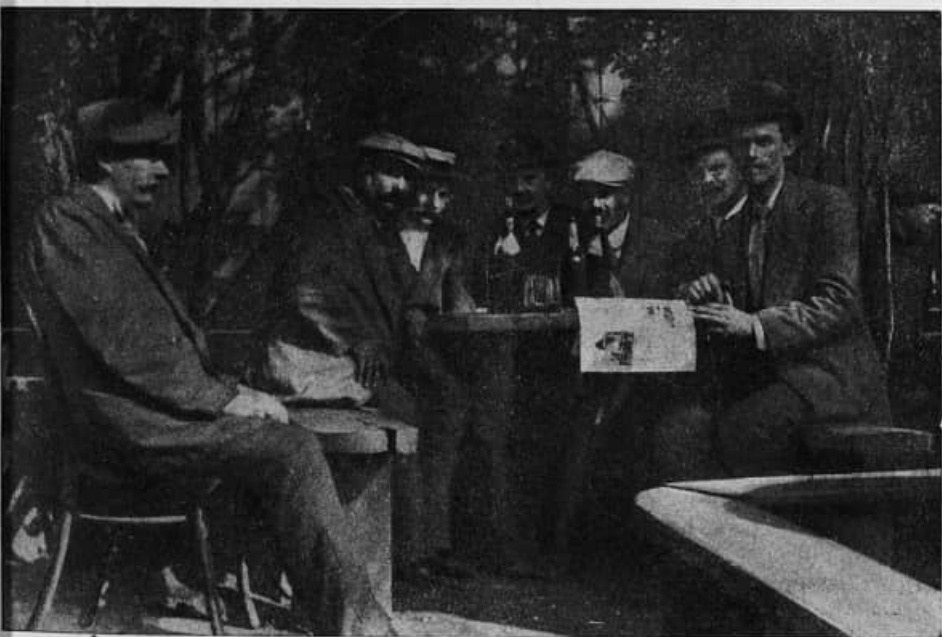
В получку не хотелось идти домой. В этот день яснее, чем в другое время, была видна теснота и нищета своего жилья. Отдельная комната, и еще реже отдельная квартира, была доступна только высококвалифицированным рабочим. Обычно в комнате жило по несколько семей, разгородившись занавесками. Многосемейным рабочим приходилось особенно трудно. Они снимали квартиру, впускали жильцов во все углы, а для себя оставляли комнатку похуже или одну кухню. Хозяйка варила обеды для всех жильцов, стирала им, поила чаем, будила на работу. Так иногда оправдывалась высокая квартирная плата, и даже получалась некоторая выгода. Угловых жильцов подбирали по-двое на одну койку из работающих в разные смены: один работает, другой спит. За Нарвской на 655 домов приходилось 1420 квартир, занятых угловыми жильцами. По скученности населения квартиры Нарвской заставы уступали только трущобам босяков около Сенной площади. Средняя жилая площадь углового жилья, по данным санитарной комиссии 1898 года, не превышала трех квадратных метров — немногим более площади могилы. Угловая жизнь, грубая, копеечная, грязная, увеличивала смертность так, что она в два с половиной раза превышала смертность в центральных районах города. Детская же смертность была выше в несколько раз.

Ученые и врачи, благотворители и санитарные инспектора, особенно после холеры 1892 года, шли за Нарвскую обследовать жилищные усло-

вия рабочих. Они ходили из квартиры в квартиру, со двора во двор, мужественно переступая лужи и зловонные канавы. Затем писали длинные сухие статьи. Статьи печатались в толстых журналах, читались интеллигенцией, а застава попрежнему оставалась грязной, без мостовых, без водопровода, без выгребных ям. С каждым годом скученность увеличивалась, улицы и дома становились грязнее, жизнь — гаже.

Преобладающее число путиловцев жило тяжелой и смрадной жизнью артельного, углового жилья. В Шелковом переулке появился дом с битыми стеклами в окнах — «Смурыгин дворец», ночлежка. И там жили рабочие. Угол, нары были ночлегом, свободное время надо было проводить в другом месте: во дворе, на улице, в кабаке. В кабаке можно было потолковать с товарищем, дать выход потребности в человеческом общении. За штофом вина забывалось семейное горе, штраф мастера, оборванная жена, голодные дети.

Перед путиловским рабочим за Нарвской заставой и в деревнях Волынкиной и Емельяновке раскрывались двери свыше пятидесяти питейных заведений. Кабаки размножались одновременно с расширением завода и даже быстрее. Пока лафето-снарядная, пушечная и паровозомеханическая стояли в лесах, по Петергофскому шоссе, как раз напротив завода, открылись три новых кабака, восемь трактиров и несколько портерных. На углу Чугунного переуллка находилась «Ливадия», в сторону Нарвских ворот — «Базар» и «Яр» с номерами и проститутками; на углу Богомоловской — «Россия». «Марьяна роща» — трактир с цыганским хором и арфами — стояла напротив завода. Когда-то сюда приезжали из города, но застава

В трактире «Марьяна роща»

Гостиница «Яр»

перестала быть дачным местом, и «Марьино роца» стала попроще: путников рабочий оказался более выгодным клиентом, чем городские кутилы. В сторону Красенького, на углу Шелкового переулка, находился «Китай», а почти у ворот кладбища — «Красный кабачок», самый бойкий трактир заставы. Возвращавшиеся из города крестьяне останавливались в нем потому, что он был последним в черте города; приезжавшие — потому, что он был первым. Пьяницы, убегавшие в получку от жен, приходили в «Красный кабачок»: он был самым дальним, — жена добиралась сюда не скоро.

В день получки в залах «России», «Ливадии», «Марьиной роцы» с двух часов полно. За стойкой на чистой половине «России» стоит буфетчик Евграф Федорович. Он смотрит на человека, улыбаясь и щурясь, и по памяти называет цифру его долга, — в книги он ничего не записывал. Он знает всю округу — кому можно дать в долг до следующей получки, а кому только за наличные. Для пьяниц Евграф Федорович — благодетель. Он говорит:

— Если человек ко мне пришел с душой, я его всегда выручу, дам в долг.

Наверху около бильярдной стоит подросток — токарь из механической мастерской, которому старшой Степанов велел принести взятку. Старшого приходится ждать, он играет на бильярде, не замечает ученика. Наконец, Степанов кладет кий, направляется в уборную, подросток догоняет его, отдает деньги. Старшой кладет их в карман, точно они ему причитаются:

— Можешь идти...

— Я, дяденьк... босый, — срывающимся голосом говорит ученик, задерживаясь. — Нельзя ли мне сколько-нибудь на сапоги... на пиджак...

Старшой тем же равнодушным жестом вынимает деньги:

— Возьми. Но в понедельник на работу не приходи. Получишь расчет.

Подросток пугается, отводит руки назад, отказываясь от денег. Он готов всю получку отдать, лишь бы не вылететь с завода.

— Чудак, — говорит старшой, смягчаясь. — Я не себе деньги беру. Я с мастером делюсь.

Чернорабочие, человек пятнадцать, сидят на грязной половине, потому что тут проще и водка на две копейки дешевле. Они земляки, артелью работают, артелью живут. Получку справляют по церемониалу: с завода — домой для расчета с «маткой», у которой кормятся, с квартиро-хозяином, с лавочником. Староста снимает бумажки, наколотые на два гвоздя: на одном висят записки с артельным расходом на харчи, общие для всех; на другом — «подхарчики», если кто особо покупал себе колбасу, селедку, хлеб. После расчетов — в баню, из бани — в кабак. Утром, в воскресенье, они артелью пойдут в церковь, к ранней обедне.

Здесь же сидит бывший Тарас. Его еще покалывает мысль: надо на почту — отослать деньги домой. Но уже со всеми он друг.

— Вот видишь, ты не хотел, наперекор шел, а мы тебя все-таки опиваем. Поставь еще, будем тебя по батюшке величать.

И он ставит. Особо ставит человеку, который умеет хорошо стружку из глаз вынимать, и другому, который может мастерству научить, и третьему, у которого есть заручка у начальства.

Трактир «Лондон»

Здесь же за почетным столом сидят двое. Старик пьет, заказывает музыку для органа; напившись, плачет или привередничает. Молодой с угодливой улыбкой слушает его воркотню, расплачивается за старика. Молодой насторожен и втайне тосклив. Он уже второй месяц водит мастера по трактирам, желая пробиться в старшие. Он с ненавистью думает о мастере, мысленно считает съеденные им куски, но внешне почитает и выполняет каждое желание мастера. Неизвестно, когда еще он выйдет в старшие и хватит ли у него денег до этого времени; но, даже оставшись без копейки, он возьмет займы, потому что вкладывать деньги в мастера выгоднейшее дело. Оба понимают это. Сущность отношений, связывающих этих двух людей, ясна окружающим, и будущий старшой держится робко под косыми взглядами рабочих. В свое время он себя покажет.

В одном из углов «Ливадии» сидит токарь В. Шувалов, известный среди путиловцев тем, что умеет складно говорить. Им интересуются студенты. Шувалов — поэт, в стихах подражает Надсону. Он воображает себя человеком обреченным, неспособным к борьбе, пережившим гибель своих идеалов. Но, касаясь рабочей жизни, он невольно делается бунтарем. За бутылкой вина и ему самому и приятелям его нужны именно эти стихи. Он читает:

Трудись, как узник за стеной,
В суровой области металла,
Надвор сторожающий за мной,
Я раб нужды и капитала.

Декламируя, он размахивает руками, голос его теряется в кабацком шуме и гомоне.

В хмельном пару кабаков голоса переходили в крики, разгорались страсти, оживали старые претензии к начальству. Только что причиненная свежая обида, подогретая вином, искала выхода. Старшому, обещавшему при получении рабочих и в такую минуту попавшемуся под руку, приходилось круто. Происходила сцена, описанная в стихах поэтом Шуваловым:

А уж там народу сборище
Любовалось на побоище,
Хохотало всей оравой
На расправу на кровавую:
Как старшой-то встать старается,
Кровь смывает, вытирается,
И как ребра целы ль щупает,
И как кость под пальцем хрупает.

К ночи по канавам лежали пьяные, не добредшие до своих домов. В мутных полосах света, падавших из окон трактиров, появлялись и исчезали одинокие качающиеся тени. Молодежь с Богомолдовской и Огородного, в ожидании завтрашнего кулачного боя, заранее начинала драку. В трактирах или на шоссе обе стороны вели себя мирно, но если богомолдовский парень забредал в Огородный переулок, ему приходилось плохо. Первый увидевший его кричал, точно звал на пожар:

— Богомолдовский!..

Один из многих домов Нарвской заставы

Заставские богатыри отрывали доски от заборов и тротуаров и, размахивая ими, бежали на крик. Сбегались взрослые и дети. Начиналась погоня.

Так кончался субботний день — день получки.

В воскресенье, после церковной службы, народ сходил к местам, где происходили кулачные бои. Бойцы деревни Волинкиной шли к Резерву, на огороды за Новоовсянниковской. Ребята с Елизаветинской и Зимина переулка сходились с богомоловцами на насыпи путиловской ветки железной дороги. Дом бросал вызов дому, одна улица дралась с другой. Застава была разделена на партии: улицы от железнодорожной ветки до Нарвских ворот — одна сторона; все остальные к заводу — другая.

Власти не мешали кулачным боям. Полиция находилась в толпе зрителей на железнодорожном валу и вместе с нею ждала зрелища. Начinalи бой мальчики-подростки. Их схватки были вступлением. Постепенно подходили лучшие бойцы — взрослые. Каждая партия выстраивалась по неровной линии. Это был фронт. Вначале бились с шуточками, иногда очень злыми и меткими, старались не терять самообладания, соблюдали правила. Первое из них гласило: «лежащего и присядку не бить», второе — «сзади не налетать». Постепенно бой разворачивался, шутки смолкали; участники и зрители входили в азарт. Чаше раздавались стоны. Удары в грудь, под ребра становились все сильнее и глуше.

Отхаркиваясь кровью, сплевывая выбитые зубы, уже не задорно, а яростно, не с красным словом, а с руганью люди наносили друг другу удар за ударом. В разгаре боя кое-кто пускал в ход ножи. И только под самый конец, когда уже валялись на снегу раненые, появлялась конная полиция. Бойцы не обращали на конных городских внимания. Городовые вели себя благодушно и разгоняли толпу зрителей только для видимости.

Потерпевших развозили по больницам. Бывало, что они умирали или оставались на всю жизнь инвалидами.

Большие праздники отличались от воскресных дней еще более сильным разгулом. К рождеству, к пасхе, к троице начальство разрешало рабочим увеличенный кредит в потребиловке. Рабочим предоставляли возможность забыться в винном угаре, гульбе и кулачном бою. После праздника рабочий вернется на завод покорным, крепче связанным путами заводского кредита и нужды. Путиловское общество потребителей подгоняло к пасхе выдачу дивиденда пайщикам. Всем рабочим, имевшим заборные книжки, выдавали «дуван» — двух-трехпроцентную премию. Путиловец, круглый год ходивший со «змеей» или «топором», благодаря «дувану» к празднику получал несколько рублей наличными. Раньше он добывал себе мелочь на махорку, на баню «перегонкой» потребиловских товаров.

По праздникам гудели колокола девяти церквей. Крестные ходы в Сергиевскую пустынь, близ Стрельны, собирали тысячи богомольцев со всего города. Хоругвеносцы шли облаченные в кафтаны с серебряным позументом. Кликуши и блаженные припадали к иконам и десятки сажень ползли на коленях. В праздник особенно сильно сказывалось могущественное влияние церкви, подстерегавшей человека при рождении, провожавшей его в могилу, сопутствовавшей его горестным и праздничным дням. Во всех мастерских красовались иконостасы, в конторках — иконы. При иконостасах состояли образные старосты; они следили за неугасимой лампадой, производили сборы «на масло». Сборы на лампадное масло служили рабочим, оставшимся без получки, еще одним способом раздобыть наличными рубль-другой. Записав пожертвование в один рубль двадцать копеек, староста шел в конторку, получал за рабочего деньги вперед, двадцать копеек оставлял «на масло», рубль, по условию, возвращал рабочему. Начальство выдавало старостам деньги беспрепятственно, оно поощряло всякие «богоугодные дела».

Общезаводские молебны справляли пышно и по-церковному торжественно. Во двор завода выносили все хоругви и иконы. Строили помосты для попов, для церковного хора и для начальства. Помосты украшали зеленью. Являлся толстый заводский поп Павский с дьяконом и членами церковного совета. Являлось начальство. После богослужения на край директорского помоста выходил Данилевский. Он поздравлял рабочих с праздником, желал им весело и приятно провести его. Затем произносил речь о предстоящих заказах, о процветании завода. Перед лицом рабочей толпы он считал необходимым сказать, что послушание богу, верность царю и престолу суть такие качества, которые дали возможность акционерам обеспечить завод заказами, а многотысячное население заставы — хлебом насущным и работой.

Народу в дни молебнов собиралось много. Многие рабочие приходили не столько для молебствия, сколько из-за того, что в эти дни можно было приводить в завод родных и знакомых. Путиловцы показывали своим знакомым, женам и детям машины, станки, на которых они работают, и с гордостью водили по цехам изумленных родных.

В старой кузнице — самом богомольном цеху, где рабочий день начинался с молитвы, чтили Николая чудотворца и ежегодно 9 мая на внешнего Николу устраивали свой цеховой молебен. Рано утром сторож заправлял лампаду, встречал начальство поясным поклоном. Дьякон провозглашал

В Екатерининском саду в день праздника (90-е годы)

«многая лета служащим и трудящимся завода сего». После молебна качали начальство. Инженер Денис Мартынович Прекс служил в кузнице двадцать лет и столько же раз на цеховых праздниках проходил через обряд качания. Из конторки выносили стул и подводили под Прекса. Он садился на него, чтобы трижды вознестись над толпой кузнецов и молотобойцев. Садился без сопротивления, хотя страдал одышкой. После окончания говорил всегда одни и те же слова: «Поздравляю вас с праздником». Из бумажника доставал приготовленную десятирублевку на цеховой пропой. Образный староста перехватывал бумажку. Молебны в кузнице проходили оживленно, кузнецы поздравляли начальство истово, шумно; стул переходил из рук в руки, потому что главные опивалы каждой «партии» хотели качнуть своего старшего. На собранные от начальства деньги подручные приносили ящики с бутылками, — проходная в эти дни пропускала водку беспрепятственно. На наковальню ставили запасенный стаканчик. Пропив угощение начальства, шли в трактир допивать на свои деньги.

Рослый, пожилой молотобоец Дмитрий Скляр во время молебна стоял в стороне, исподлобья смотрел на начальство, на дьякона, на умиленные лица цеховых пропойц и тихо ругался. Скляр был безбожник, ненавидел попов и по-своему понимал жизнь, которую и любил по-своему — тяжелой, жестокой любовью. Его не радовала шумная заставская свадьба с каретами, дешевыми цветами и бубенцами. Ему не нравился гул кулач-

ного боя. Его не привлекала азартная, картежная игра, дикие вопли из-за подтасованной колоды карт. Его не умиляла картина весеннего вечера, когда народ высыпал на улицы, бабы постарше сидели на крылечках, грызли семечки, искали в головах у детей и друг у друга. Скляр не приходил в восторг от семейного похода в город: жена несет грудного, муж ведет за руку наименьшего, а старшенькие двое или трое, держась за руки, важно вышагивают за родителями. За всем этим Дмитрий Скляр видел недостаток, нищету, голодную и холодную жизнь. Он считал виновником всех бед извечный поповский обман. Он презирал своих товарищей, верующих в бога, слушающих с умилением пышную ложь пьяницы и развратника попа Павского.

Скляр мог не приходиться на молебен, но приходил, чтобы видеть своих врагов. Он уходил, не дождавшись конца молебна, взбешенный, полный бессильной ярости, сжимая кулаки. Напившись допьяна, он возвращался к себе во двор и, зайдя в первую попавшуюся квартиру, начинал скандалить:

— Тут я кому-то должен...

Люди не понимали, о каком долге идет речь, кому и что должен молотобоец, но по опыту знали, что спустя некоторое время Скляр сорвется с места и, ругая бога и святых, начнет крошить, что попадет под руку. Не дожидаясь этого, Скляра связывали и волокли в угол на койку проспать.

Однажды Скляр, придя домой, запустил сапогом в хозяйскую икону и разбил ее вместе с неугасимой лампадой. Люди бросились к нему в ужасе. Скляр, отрезвев, спокойно отвел их от себя:

— Я разбил, чтоб вы, дураки, зря не молились деревьяжкам. Разобью тысячу икон, и никакой бог мне не страшен. Нет его и не было.

Поднялся крик. Некоторые советовали сообщить сразу в полицию, другие говорили, что Скляра надо отправить в сумасшедший дом.

Скляр махнул на них рукой и побрел обратно в «Марьину рощу». Вошел, нагибая голову, чтобы не удариться о косяк двери, сел за первый свободный стол и погрузился в свои думы. Мимо него проходили важные мастера, направлявшиеся в чистую половину трактира, пробегали юркие половые; кругом стоял шум, слышались песни. За стойкой, наблюдая за всем, поворачивался трактирщик.

Молодой, очень высокий рабочий, которого все называли Жареным, шатаясь вышел на середину трактира и, бессмысленно вой на собственный мотив, «жарил» в рифму:

Волк волчицу уволок,
Потащил в уголок.
Ты послушай, голубок,
Милый, миленький милоч,
Вот он тонкий волосок...

Жареный потянулся к храпевшему за столом пьяному, захватил клочок волос и с силой дернул его. В руке осталось несколько волосков. Дико взвизгнув, он снова начал свою бессмысленную песню:

... вот он тонкий волосок,
Волк волчицу уволок...

Скляр поднялся, подошел к Жареному:

— Для чего ты это делаешь?... Поешь...

Мутные глаза пьяного на минуту приобрели ясность:

— Скучно, повеселиться надо.

— Ты бы шел домой.

— Во мне сколько расту? — вместо ответа спросил Жареный.

— Аршина три будет.

— То-то, а у меня дома места — два аршина двенадцать вершков.

И опять началась дикая, непонятная песня.

Мрачный, хмельной Скляр, тяжело ступая, побрел по шоссе. Навстречу ему, шатаясь, шел лохматый козел. Ежедневно к вечеру козел приходил в трактир, стучал рогами в стойку, пока кто-нибудь ради потехи не вливал ему водки в предупредительно раскрытую пасть. Проглотив отраву, козел шел домой.

Скляр остановился, посмотрел в воспаленные глаза пьяного козла и пробормотал ему вслед:

— Бедная животина. И у тебя жизнь человечья...

ВАСИЛИЙ БУЯНОВ

Солдатский сын Василий Буйнов происходил из рода костромских крестьян, издавна прозванных «буйнами» за беспокойный нрав. Среди товарищей Васи Буйна было немало строптивых и непокорных мастеровых, исконных путиловских бунтарей, не раз бросавших скопом работы то из-за неуплаты заработка, то из-за невыданных больничных денег. С нескрываемым восторгом слушал молодой путиловский токарь рассказы взрослых рабочих о тех днях, когда тишина покорного дедовского быта нарушалась шумом рабочей стачки.

Весь 1880 год был особенно тяжел. В стране свирепствовала безработица. У заводских ворот в жару и в холод, в дождь и в снег толпились сотни уволенных рабочих. По городу, от завода к заводу, артелями брели крестьяне, вытолкнутые голодом из деревень. Как прожить? Как получить работу? Предлагалось собраться всем и пойти к царю с просьбой о милости. Вася слышал ропот обездоленных, голодных людей. Часто речи о царских милостях перебивались уверенными голосами, требовавшими не только работы и куска хлеба, но и всего... земли и свободы.

В девятнадцать лет Василий Буйнов, при посредстве своего квартирохозяина Иллариона Тимофеева, встретился со студентами и вошел в рабочий народовольческий кружок. Руководил кружком интеллигент-народоволец Н. М. Ивановский, по прозвищу «Смак». Для коротких свиданий «Смак» приходил, по уговору, в один из трактиров Нарвской заставы, чаще всего в трактир Богомолова. Там, в укромном уголке, под кабацкий шум, Ивановский встречался со своими учениками. Собрания кружка происходили у путиловского рабочего Ивана Тимина или на квартире рабочего Павла Победимского, жившего за Московской заставой, на Цветочной улице, в доме № 74. На собраниях занимались арифметикой, географией, говорили об экономическом положении рабочих.

Народовольцы исходили из теории активных «героев» и пассивной «толпы», ждущей от героев подвига. Бессильные поднять крестьянство, которое они рассматривали как основную силу в революции, они избрали

главным методом борьбы с царизмом — индивидуальный террор. Рабочий класс они считали лишь подсобной силой в революции. Но в рабочих кружках, созданных народовольцами, рабочие, вопреки своим руководителям, переходили к близким для них вопросам: к положению рабочего класса, стачкам, борьбе с хозяевами.

Всей душой Василий отдался работе в кружке. Веселый, жизнерадостный юноша, он стал таиться от родных и товарищей. Впервые познакомившись с литературой, он благоговел перед печатным словом и знающими людьми. Ходил к студентам, брал у них уроки по общеобразовательным предметам, покупал на рынке книги, а однажды после полудни приволок домой многотомную «Историю Государства Российского» Карамзина. Идея борьбы «за полную свободу и за счастье народа» захватила Буянова целиком. Он горячо принимал к сердцу все, о чем говорилось в кружке, усердно учился, много читал.

Но постепенно молодого артельного парня начали одолевать сомнения. Был он по натуре человеком общительным, привыкшим к действительному скопом, а народovolьцы прививали ему сознание одиночки-героя, жертвующего своей жизнью за благо народа.

Буянов жаждал таких действий, в которых, как в кулачном бою, участвовали бы толпы. Когда на собраниях заходила речь о терроре, он неизменно утверждал, что лучше уж убивать царских опричников сразу — пачками, чем уничтожать их поодиночке. Он ссылался при этом на примеры из рабочей жизни: одного мастера избили чуть ли не до смерти — другие от этого лучше не стали... На заводе рядом с Буяновым работали сотни людей. Весь уклад заводской жизни толкал Буянова на мысль об организации рабочих, объединенных общими условиями труда и жизни. И ему становилось обидно за своих товарищей, за таких же, как он, рабочих, которым в борьбе за свободу народovolьцы отводили последнее место. Среди потоков рабочих, спешащих на завод, Буянов остро ощущал себя одиноким, выбитым из своей среды. Партия «Народной воли» отрывала его от воспитавших и близких ему людей. Иногда на Буянова нападала тоска, и в эти дни он плохо работал. Старшой, ценивший сметливого мастерового, но робевший перед его дерзкой натурой, советовал ему:

— Ты бы, Василий, опохмелился. Легче будет...

— Не пил я, — сумрачно отвечал Буянов.

На кружке Буянов говорил горячо и резко. Свою речь он подкреплял примерами из заводской жизни. Постепенно, с помощью своих друзей, Победимского и Ивана Тимина, он добился того, что вопрос о положении рабочих стал одной из постоянных тем разговоров в кружке.

У себя в мастерской Буянов действовал осторожно. Выбирая людей для задушевных бесед и разговоров, он долго присматривался к ним. И однажды очень обрадовался, когда, распропагандировав товарища, услышал от него то, что год назад сам говорил после первых встреч со студентами:

— Так вот оно, отчего бедные и богатые! Теперь-то я уразумел.

Убийство царя Александра II произвело на рабочих — членов кружка — сильное впечатление. Они долго, горячась, спорили между собой — хорошо это или нет и стоило ли совершать цареубийство. В заводе же, кроме кратковременного замешательства начальства, ничего не произошло. Попы отслужили панихиду по убитому царю и вслед за панихидой — торжественный молебен с присягой новому.

Среди рабочих, как и среди крестьян, распространился слух, что царя убили дворяне, желавшие восстановить крепостное право. Многие, однако, недоверчиво качали головами. Федор Петров, машинист из бессемера, не верил слуху: разве царевича, котельщик Тимоша Михайлов, его одноклассник, был дворянин?

На сходке, происходившей в трактире Богомолова 2 мая 1881 года, Ивановский-«Смак» убеждал своих учеников, что царевичство 1 марта «совершенно в их интересах». Иван Тимин возражал. Он привел старый пример об избении мастера и утверждал, что после убийства царя ничего не изменилось. Ивановский поспешил напомнить:

— Вы, может быть, не знаете, к какой партии принадлежите? Вы принадлежите к партии «Народная воля», которая убила царя.

Но члены кружка так и не успели разобраться во всем происшедшем. 5 мая 1881 года, в день, назначенный для следующей сходки, почти все члены кружка были арестованы во время собрания на квартире Победимского. У Буянова обнаружили № 1 «Рабочей газеты». У других членов кружка нашли разную литературу. У Победимского отобрали три прокламации, «программу народной партии» и тетрадь с противоправительственными стихами: «У гроба», «Тайное собрание». В тюрьме арестованные просидели около года, а затем по «высочайшему повелению» были высланы из Петербурга под надзор полиции.

Три года скитался Василий Буянов по городам и селам России. За это время ему пришлось увидеть разнообразную рабочую жизнь и много услышать о рабочем движении. Сомнения его в необходимости террора углубились. Он видел урядников и писарей, жандармов и старост, поднявших голову при новом царе еще выше, чем при старом. И окончательно развеяли в нем почтение к террору стачки, перекачывавшиеся в ту пору по всей России. Особенно сильно поразила его небывало крупная и упорная Морозовская стачка, вспыхнувшая в январе 1885 года. Стачка орехово-завесских ткачей как бы встряхнула Буянова, показав ему, какой силой является рабочий класс. Буянов вернулся в Петербург и в том же году снова поступил токарем на Путиловский завод.

Он пришел в мастерскую в дни, когда путиловцы еще жили своей только что закончившейся стачкой: между выборными от рабочих и путиловской администрацией шел длительный и упорный торг.

Стачка на заводе началась 7 марта 1885 года. Утром, при входе в мастерские, рабочие натолкнулись на объявления о новом способе расчета — «задельном, взамен практиковавшегося до этого помесячного и поденного». Одновременно с этим в вагонных мастерских, где сделанная оплата была введена раньше, понизили расценки. Вагонщики сошлись посередине мастерской. Распаленные несправедливостью, они готовы были идти напролом, на «бунт», но не знали, с чего начать. Долго препирались между собой, а когда пришло начальство, закричали, что не будут работать. Наконец, какой-то шустрый столяр с ремешком вокруг головы вскочил на возвышение, тряхнул головой и прокричал:

— Давай к механикам, токарям!

Пятьсот человек двинулось во двор завода. Кто-то ударил в колокол и зазвонил часто, как на пожар. Из рельсопрокатной мастерской, ближайшей к воротам, выбежал бородатый человек в одних штанах, с задымленной голой грудью. Он посмотрел на солнце: колокол не мог означать

обеда. Тогда он повернулся кругом, высматривая, не горит ли где-нибудь, но и дыма не было видно. Через мартовскую непролазную грязь, покрывавшую завод, бежали люди из дальних мастерских: из кузницы, из костыльной, из механической. Сокращая путь, они поднимались на штабеля рельсов, пробегали один штабель, ныряли вниз, снова поднимались наверх. Многие бежали налегке, как захватил их колокол: слесаря в прочерненных блузах, подпоясанные по-солдатски, столяры, запыленные опилками, кузнецы, закоптелые, неостывшие от работы. Столяр с ремешком вокруг головы посмотрел со штабеля вперед, обернулся к своим и махнул рукой:

— Бегут! Отовсюду!

Человек без рубахи скоро озяб на ветру и вернулся в мастерскую. В бессемеровской, где работала ветрогонная машина (воздуходувка), почти все остались на месте. Из мартеновской убежали катали и чернорабочие, но печные, у которых в печах поспела плавка, остались. В прокатку, бессемер и мартен пришли мастеровые из вагонной и кузницы. Пуская в ход кулаки, они силой выгоняли сварщиков и печных. Недалеко от проходной, возле деревянного здания главной конторы, сбилась двухтысячная толпа.

К рабочим вышел новый директор, инженер Н. Воронцов. Еще два года назад он был убежден, что хорошо знает «русского мужика», и не верил в строптивость путиловцев. Тогда он не побоялся перед толпой рабочих прочесть крамольное письмо, найденное у стрелочника железнодорожного цеха, и выставить этого преступника напоказ.

Через год, в 1884 году, Воронцов уже убедился в справедливости мнения, что путиловский рабочий на дерзость скор и на стачку легок. На заводе вспыхнула быстрая, как пожар, стачка. Тогда Воронцов растерялся и вынужден был уступить; сбавки расценок были отменены. И все же теперь, при новой стачке, — Воронцов рассчитывал на твердость. Властный и надменный, он вышел на заводский двор и молча стал выжидать, что скажут рабочие. Он высматривал в толпе людей, вывезенных им с Мотовилихи и поставленных на хорошие места. Он старался найти тех, которые шли к нему за авансами, если в деревне околевала лошадь, или приходили с поклоном и покаянием при увольнении. С ними в первую очередь он хотел посчитаться за «бунт». Но мотовилихинские спрятались в толпу, и лица у рабочих были необычные, гневные.

Вожаков у забастовщиков не было. Рабочие кричали разом, перебивая друг друга, и долго препирались с директором. Было видно, что до удовлетворения их требований — отменить сбавку и уничтожить задельный способ расчета — они работать не станут.

Посредниками в споре между рабочими и директором выступили двое: чиновник — представитель «высочайше учрежденной комиссии по фабрично-заводским делам» — и полицмейстер, присланный петербургским градоначальником. Они вступили было в переговоры с толпой, но затем предложили рабочим избрать своих представителей. Выборы происходили тут же, на месте. Некоторые смельчаки из вагонной вышли вперед. Других, подталкивая, выдвинули сами рабочие. Перед начальством стояла кучка в пятнадцать человек. Толпа долго не хотела расходиться. Но полицмейстер уговорил: все будет улажено с выборными. Рабочие согласились, однако в мастерские не вернулись, а разошлись по домам и только на следующий день приступили к работе.

Директор и представители рабочих упорно стояли каждый на своем. Полицмейстер и чиновник старались склонить обе стороны к уступкам.

В самый разгар этого торга Василий Буянов пришел на завод. Несколько раз, когда выборных вызывали в контору, он вместе с ними шел к начальству. Это было как раз кстати: из представителей, выбранных рабочими, отстало уже человек пять, запуганных мастерами и администрацией. В конторе Буянов вмешался в спор. Его манера говорить изобличала человека решительного, опытного и грамотного. Начальство попыталось отстранить его. Кто-то сказал, что он новый человек, толпой не выбран, раньше его не было. Но представители закричали:

— Был! Сами выбирали!

Торг продолжался долго и шел уже вторую неделю. За это время брожение на Путиловском заводе перекинулось на другие заводы и фабрики. Власти нажимали на заводское начальство — кончать поскорее. В конце второй недели переговоров градоначальник Грессер получил от полицмейстера уведомление, что в результате «все сомнения разъяснены и устранены путем склонения враждовавших сторон к взаимным уступкам».

Буянов работал в механической мастерской среди наиболее квалифицированных рабочих. Но и там большинство было неграмотных. Грамотным считался тот, кто умел расписаться. Лишь одиночки могли бегло читать, и редко кто разбирался в чертежах. Василий Буянов умел работать по чертежу, сам подбирал шестерни для резьбы и, не сбиваясь, считал на дюймы. По утрам, до звонка, когда многие занимались своим делом — исправляли замочек, делали крючки, покуривали, — у станка Буянова собирались токаря. Там, наряду с токарными премудростями, они узнавали от него о том, как живут люди в других городах и местностях. Свою речь Буянов уснащал подробностями и остроумными сравнениями. Слушатели покатывались со смеху, и со стороны получалось, что парень балагурит, говорит о пустяках. Но рассказы его доходили до слушателей, надолго оставались в памяти. После шумной потехи над тем, как живут ткачи в казармах, где интимная семейная жизнь у всех на виду, рабочие становились серьезными, сокрушенно качали головами. Вспоминалось, что они живут в таких же условиях. Выводов Буянов не делал и на оценки фактов был сдержан. Но за его словами угадывалась какая-то целеустремленность. Иногда он употреблял новые слова вроде «пролетариат», «эксплоатация». За этими словами чувствовался тайный, волнующий смысл. К Буянову приставали с расспросами, но он отмалчивался, а особенно настойчивым говорил:

— Придет время, скажу...

Многое еще не было ясно ему самому. Товарищей по народовольческому кружку Буянов не нашел, к интеллигентам не имел путей. Попрежнему мучительно искал ответа в книгах, много читал и по старой привычке ходил по толкучкам, выискивая литературу. Покупал старые журналы: «Отечественные записки» — из-за печатавшихся там рассказов Глеба Успенского и Златовратского, «Русское слово» — за вдумчивые обзоры Н. Шелгунова и острые статьи Писарева, «Современник» — за произведения Чернышевского, Добролюбова и сатиры Салтыкова-Щедрина. Три года тому назад он не встречал в книжных рядах на Александровском рынке рабочих, покупающих книги. Теперь он часто сталкивался с людьми рабочего облика, которые так же, как и он, бродили по книж-

ным рядам. Они оглядывали друг друга, иной раз перебрасывались незначительными фразами, но в разговоры не вступали.

В воскресные дни Буянов брал с собой книжки, уходил далеко за завод, к взморью, выбирал камень поближе к воде и долго смотрел в безбрежную даль залива. Он сравнивал себя с унесенным в море человеком, который, выбиваясь из сил, гребет на одиноком челноке к далекой полоске земли. Вытаскивал из-за пазухи книгу. Читал медленно, шевеля губами, часто останавливался, закладывая пальцем страницу, чуть откидываясь назад и снова смотрел в море, продумывая прочитанное. Так сидел он часами: читал, думал, опять читал.

Вечерами Василий Буянов ходил по заставе — смуглый, с копной черных волос, похожий на цыгана. Растегнутая рубашка открывала крепкую волосатую грудь. Как и у всех мятущихся людей, у него не было постоянного, облюбованного места. Он заходил то в один, то в другой трактир. Беспокойным взглядом окидывал трактир; люди подходили к нему и, зная, что в трактирах Буянов не разговорщик, говорили пьяно и приветливо:

— Сидишь, беспокойной души человек? Ну и сиди... А то запоем?

Буянов запевал приятным баритоном, и вместе с ним пела вся зала. Пели «Стеньку Разина», «Долю», старинную песню «Ермак»:

За Уральским хребтом, за рекой Иртышом,
На далеких отрогах Алтая,
Стоит холм, и на нем, под кедровым шатром,
Есть могила совсем забытая...

В трактирах перед Буяновым вереницей проходили люди, выбитые из колеи жизни. Были среди них рабочие, были и люди, работавшие изредка, были и бездомные бродяги.

Прошел Тихон Неписьменный — украинец, о котором известно было, что после службы в солдатах он остался в Петербурге, потому что дома у него сгорели хата и двор и в пожаре погибли все родные. Тихон был безбожником, любил порассуждать о вечности, об истине. Он не ломал икон, как Скляр, но не меньше его был упорен в своем безбожии. Жил тихо, работал несколько дней в месяц. Остальное время бродил по заставе.

Прошел Тимоха-кочегар, ушибленный при взрыве котла и после этого отказавшийся от всякой работы на заводе.

— Что я буду там смерть принимать, — говорил он. — Я уж лучше так, на воле проживу.

Он бродил по базарам, занимался подноской небольших тяжестей и, накопив пару рублей, целыми днями пропадал в трактирах.

Прошел Степан Водопьян, прозванный так потому, что, будучи похож на завязного пьяницу, совсем не пил водки. В трактиры и чайные он приходил искать новых собеседников. Он надеялся, что когда-нибудь найдет такого человека, который не только выслушает его, но и даст деньги, чтобы сделать выдуманную им машину. Неграмотный фантазер-изобретатель, он был выгнан с завода за попытку вынести кусок меди, которая нужна была для модели изобретенной им машины.

Мимо Буянова проходили многие люди: Лешка-пудик — силач, который шута поднимал бочку, полную воды; Лешка-сатана — водяной пират из Емельяновки; знаменитые кулачные бойцы, религиозные фанатики и сектанты; искатели правды разных оттенков и бегуны, много раз

уезжавшие в другие города и не желавшие оставаться на одном месте более полугода.

По-разному искали люди правду и правильную человеческую жизнь. Однако всех их топтал тяжелый сапог царского городского, давила беспощадная эксплуатация хозяина, душил гнетущий быт рабочего предместья. Нищета, горе, невежество окружали Василия Буянова в его поисках путей к свободе и человеческому счастью. И так, в беспокойстве, доходя порой до отчаяния, кружил он по рабочему Петербургу, пока счастливый случай не столкнул его с выдающимся рабочим того времени, Егором Афанасьевичем Климановым, который был уже знаком с идеями Маркса.

Учение Маркса о неизбежности победы пролетариата и гибели капитализма открывало перед рабочими путь от беспросветного отчаяния к бодрости и сознанию собственной силы. Учение Маркса превращало туманные мечты об освобождении рабочих в ясные цели классовой борьбы пролетариата за уничтожение эксплуатации человека человеком.

Марксизм открыл широкие горизонты перед кузнецом Егором Климановым. Юношей Егор был фанатически религиозен, помышлял об уходе в монахи. Столкнувшись с народовольцами, он уверовал в народ, и народovolьческие идеи вначале казались ему той желанной истиной, которую он искал. И только марксизм поставил Егора прочно на ноги, навсегда повернув его жизнь на путь революционной борьбы.

Буянов не то что уважал и любил Климанова, а преклонялся перед ним. Он любил Егора за сердечность, отзывчивость и за то, что тот при его молодости — двадцать два года — значительно опередил Василия в знаниях. Буянов отошел от народovolьчества стихийно, в силу неосознанного протеста. Климанов же боролся с народovolьцами, зная, в чем он с ними не согласен.

Егор имел обширный круг знакомых. Была у него способность завести знакомства в разных слоях общества, и с каждым он мог разговаривать, как равный. Через Климанова Василий в 1888 году вошел в кружок, связанный с группой П. Л. Точиского, одного из первых русских марксистов. В кружке Буянов, наконец, услышал ответ на вопросы, которые долгие годы терзали его. Перед ним упала завеса, скрывавшая путь вперед. В кружке говорили об экономической и политической борьбе рабочих. О рабочем классе говорили как о революционной силе, способной самостоятельно вести борьбу против угнетателей. Точиский выступал против народovolьчества как против негодной, неправильной и вредной системы взглядов. Он отрицал террор и признавал самым важным делом организацию пролетариата.

Буянов почувствовал, что теперь он прочно, обеими ногами встал на твердую почву. Его не отрывали от родной среды, не превращали в «героя», а всех остальных — в бессловесную толпу.

Буянов недолго пробыл в кружке. В том же 1888 году полиция разгромила группу Точиского.

На этот раз Буянов не потерял обретенного пути. В мастерской он уже не отмалчивался. Он сам искал собеседников, переводил разговоры у станков на тему о положении рабочих и пускался в объяснения о том, как живут рабочие на Западе. По-прежнему был осторожен; его знали как смелого и свободолюбивого человека, но никому он не давал повода говорить о себе как о противоправительственном агитаторе. Он сохранял

связи с новыми друзьями: кузнецом Егором Климановым, слесарем Василием Шелгуновым и старым товарищем Павлом Победимским, который работал теперь на Путиловском заводе конторщиком.

В конце восьмидесятых годов после длительного застоя в делах Путиловского завода наступило некоторое улучшение. Завод набрал у казны заказы на минное вооружение, паровые машины и приступил к постройке миноносцев. Первым в наспех сколоченном деревянном эллинге был заложен миноносец «Бизркэ». У ворот заводов попрежнему толпились люди, но мастеровых-специалистов среди них становилось все меньше. Квалифицированные рабочие, ранее выгнанные за непослушание и озорство, за неподчинение мастеру или за отказ дать взятку, понемногу возвращались на завод. Они вносили новый дух в застойную заводскую жизнь. Требовали большей оплаты, не слишком боялись штрафов, давали отпор мастерам, не страшась увольнения, как раньше, когда безработному приходилось годами искать работу.

Все чаще сталкивался Буянов с людьми, которые готовы были встать на защиту своих прав. Он старался ближе подойти к ним. Сблизился с молодым литейщиком Николаем Ивановым, который хотя и любил повеселиться, но был парнем вдумчивым и серьезным. Буянову понравился и другой рабочий, Иван Хлопов, душа партии слесарей, державшихся явно независимо перед начальством. Слесаря собирали сложные паровые машины, в случае нужды их перегоняли на сборку минных аппаратов или станков для крепостных орудий. Администрация вынужденно мирилась со строптивостью слесарей, прощая им то, что другим не сходило с рук.

Василий Буянов недолго оставался вне организации. В 1889 году в Петербурге создавалась новая марксистская группа, во главе которой стояли студенты М. И. Бруснев, братья Л. Б. и Г. Б. Красины, В. Ф. Цивинский. В группе были люди, еще связанные с идеологией народничества, но в целом группа придерживалась марксистских взглядов. Егор Климанов одним из первых связался с брусневцами. Вслед за ним в организацию вошел и Буянов. Вскоре они оба стали членами рабочего центра брусневской организации.

Брусневцы ограничивались пропагандой среди небольшого числа передовых рабочих. Они создавали рабочие кружки, однако не думали о работе в массах. Их цель была — воспитание рабочих-интеллигентов. В организацию они вербовали с большой осторожностью. Если рабочий оказывался подходящим, его приглашали на свидание со студентом. Это был пробный камень для вовлекаемого. Согласиться на тайную встречу со студентом — означало пойти на риск. Выдержавшего это испытание новичка привлекали к занятиям в кружке.

Буянов долго обхаживал Егора Белована, известного всей заставе чудака и фантазера. Белован мечтал о большом рабочем дворце, разделенном на много комнат. В каждую комнату рабочему человеку можно войти, а в комнатах все, что нужно и для еды, и для питья, и даже для души. К книгам Белован относился подозрительно. Он поднимал на Василия свои тяжелые, будто оловянные глаза и решительно отклонял предложение прочесть даже самую невинную книжку. Белован говорил, что грамотные люди что хочешь написать могут. Написали вот сколько книг о любви к человеку, а где она, любовь эта? Привлечь Белована в кружок Буянову не удалось, как он ни пытался доказать этому тронутому навяз-

чивой идеей человеку, что есть настоящий путь к рабочим дворцам, путь настоящей любви к человеку.

Первым руководителем путиловского кружка был студент Гурий Петровский. Он полюбился путиловцам за общительность, приветливость и за речь, горячую и убедительную. Петровский вел кружок недолго. После его ареста за Нарвскую заставу был прислан руководителем Иосиф Бурачевский — студент первого курса Технологического института, поляк. Для посещений кружка ему не приходилось маскироваться, переодеваться в рабочую одежду. Бурачевский походил на рабочего, на правой руке у него, как у заправского мастерового, был след увечья — нехватало когда-то отрезанных кончиков двух пальцев.

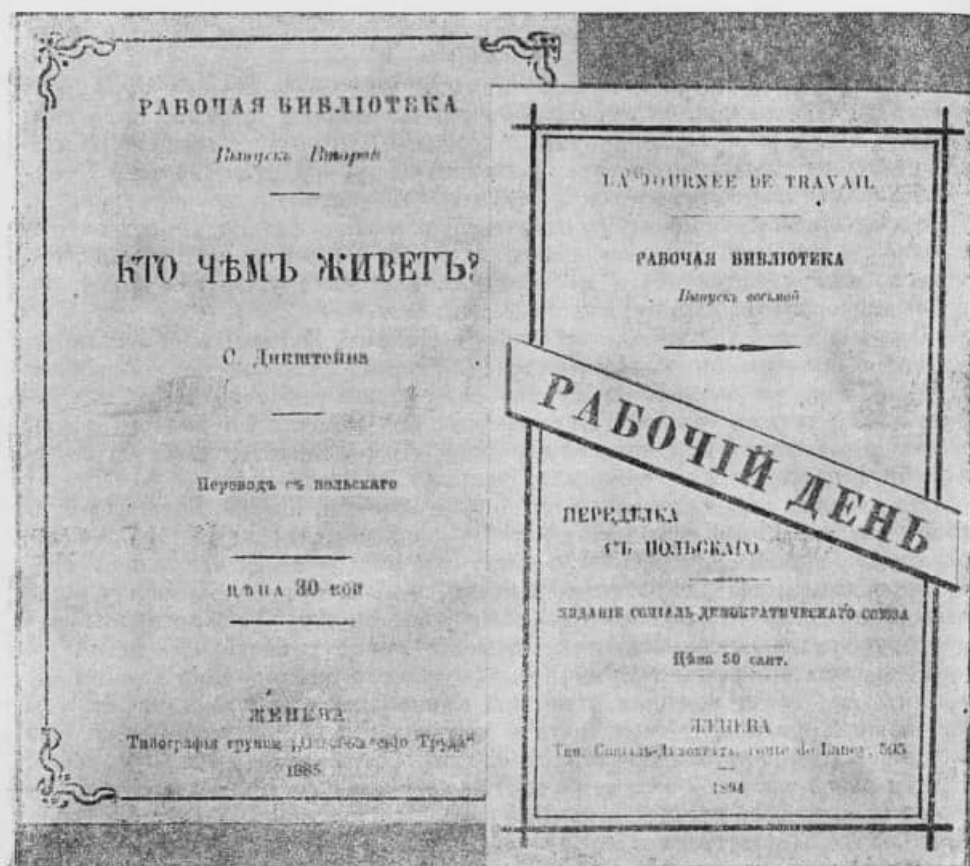
Встретившись в кружке с рабочими-поляками, Бурачевский заговорил с ними по-польски. Они подали ему мысль об организации особого польского кружка, так как поляков на Путиловском заводе работало много. В кружок вошло восемь человек. Бурачевский вел занятия на родном языке, пользуясь литературой польской партии «Пролетариат», которую получал благодаря личным связям с Вильной и Варшавой.

Из русских рабочих составилась другой кружок, которым сперва руководил студент Голубев, а потом сам Буянов. Он считал, что все необходимое для пропагандиста у него есть: знакомство с некоторыми сочинениями Маркса, знание рабочего вопроса, умение привлечь и заинтересовать слушателей. Буянов настоял на том, чтобы в кружок не присылали другого руководителя. Интеллигентов все равно нехватало — спорить с ним не стали. На кружке Буянов читал сначала книжку «Кто чем живет» Дикштейна, затем перешел к чтению «Коммунистического манифеста» и брошюры Маркса «Наемный труд и капитал». Теперь Буянов — он был знаком с сочинениями Плеханова «Социализм и политическая борьба», «Наши разногласия» — мог самостоятельно выступать против народников. По привычке своей возражал резко и грубо. Не раз сталкивался он с Василием Волковым, путиловским рабочим, который все еще был в плену народных вожделений и держался одиночкой. Буянов говорил Волкову зло и раздражительно:

— Знаю я вас, мужичьих доброхотов. Силу-то в одном мужике нашли и молитесь на него. А мы, двадцать рабочих, сильнее целой твоей деревни.

В своем цеху Василий Буянов попрежнему часто говорил о положении путиловских рабочих. Разговоры свои он облакал в невинную форму рассуждений о том, что трудно рабочему живется: работа тяжела, того гляди убьет или задавит на заводе. Он часто повторял рассказ о несчастном случае, происшедшем в новомартеновской мастерской в январе 1890 года.

Случай был действительно страшный. В литейном отделении мастерской формовщики, выполняя «экстру», работали по двенадцать-шестнадцать часов кряду; после нескольких часов сна снова принимались за формовку. В два часа ночи 24 января они, проработав шестнадцать часов, легли спать в сушиле. В шесть утра формовщиков пошли будить, открыли сушило — все отдыхавшие, шесть человек, лежали неподвижно: они угорели насмерть. Начальство вызвало полицию, составили протокол о том, что рабочие задохнулись по собственной вине. Тем бы и кончилось это дело, такое обычное для Путиловского завода, если бы не вмешался Буянов. Он надушил жену одного погибшего рабочего, Солину, потребовать пенсии для детей. Солина, собрав других вдов погибших

Незаконные брошюры, распространявшиеся в рабочих кружках

рабочих, явилась в контору. Сначала начальство отказывалось разговаривать, но затем, услышав, что вдовы собираются подать в суд, сдалось и предложило им по сто рублей. Пятеро женщин согласились принять эту сумму и дали подписку в том, что никаких претензий к заводу не имеют. Только Солина отказалась взять «пособие». По совету Буянова она стала судиться с заводом и в конце концов высудила небольшую пенсию для детей. Заводя разговор об этом, Буянов добивался у рабочих ответов, подталкивая их к мысли, что рабочим можно бы многого добиться, если бы бороться сообща. В организации Буянов скоро выделился как человек способный, умеющий подойти к рабочему.

Связи с рабочими других районов поддерживал токарь Николай Поршук, имевший обширный круг знакомых. Он работал на многих заводах Выборгской стороны, за Невской заставой, а оттуда перешел за Нарвскую. Мытарства по заводам наложили на него тяжелую печать. Ему было всего тридцать пять лет, но выглядел он значительно старше. Был он нетороплив, аккуратен, всегда ровен и ласков. Раздавая книжки, он постоянно — из полочки в полочку — напоминал членам кружка об

очередном взносе в пятнадцать — двадцать пять копеек для нужд организации.

Никто не спрашивал у членов кружка, знают ли они, на что идут, посещая тайные собрания. Это было время мрачной реакции в стране — время царствования всероссийского городского Александра III, и каждый приходящий в кружок знал, что в случае провала пощады не будет.

Опытный конспиратор, Буянов воспитывал в своих кружковцах осторожность, выдержку, наблюдательность. Он упорно твердил им о конспирации:

- Не ходите попусту друг к другу.
- Своего на улице не признавай, держись как чужой.
- Не показывайся на народе с книжкой.
- Не пали свет допоздна или ночью.
- Не чуждайся вина, только знай меру.
- Не болтай много на людях.

Сам Буянов тщательно выполнял эти неписанные правила конспирации. Время от времени, вечерами, он попрежнему бродил по заставе, лохматый и похожий на цыгана, сидел в трактирах, пел «Стеньку Разина», «Ермака», пил вино. Иногда на народе позволял себе вольность: какую-нибудь двусмысленную фразу или многозначительное замечание. Однажды, после того как пропели «Долю горькую», он сказал с чувством и торжеством:

— Мы не рабы. И для нас светит солнце. Мы это докажем!

Изредка Буянов заходил в коммуны членов брусневской организации, помещавшуюся в Сивковом переулке. Одним из организаторов коммуны был член рабочего центра Гаврила Александрович Мефодиев, работавший в это время в мастерских Варшавской железной дороги. Жена Мефодиева готовила обед, мыла полы, стирала и считалась работницей, получая жалованье от коммуны. Позднее на Выборгской стороне у брусневцев была вторая коммуна. Все участники и друзья коммуны получили клички по книге «Спартак» Джованьоли. Путиловец Николай Яковлевич Иванов, часто заходивший туда, носил кличку «Митробий». Была «Лукреция», был «Спартак», была «Эвтибиде». Коммунаров Василий Буянов уважал, но, приходя в коммуны в Сивков переулок, чувствовал себя неловко. Он невольно понижал голос, следил за собой, чтобы ненароком не выругаться, ибо нравы в коммуне были строгие и ругань не допускалась. В коммуне Буянова встречали пушкинскими стихами:

Буянов, братец мой задорный...

Когда же, разойдись, Буянов невзначай выражался по привычке грубовато, его перебивали опять же стихом из «Евгения Онегина»:

... Буянова каблук
Так и ломает пол вокруг;
Треск, топот, грохот по порядку:
Чем дальше в лес, тем больше дров.

В марте 1890 года полиция напала на след путиловских кружков. В связи со студенческими беспорядками был арестован и выслан из Петербурга И. Бурачевский. Перед отъездом он успел передать руководство

Кружок братаевской организации. (С картины Ильяева.)

польским кружком другому члену группы, — работа среди польских рабочих не приостановилась. Вслед за Бурачевским арестовали Василия Буянова и еще нескольких рабочих: полиция нагрянула на квартиру Буянова к вечеру, когда он занимался с кружком.

Через три месяца, в июне 1890 года, был взят полицией Павел Победимский. При переоборудовании механической мастерской в одном из токарных станков обнаружили брошюру и рукописи революционного содержания. На станке работал член кружка Николай Данилов, по прозвищу «Колька Хромой». Данилов показал полиции, что принял литературу на хранение от конторщика завода Победимского, а тот получил ее от высланного Бурачевского. За откровенность Данилов был отпущен без последствий. Победимского арестовали.

Второй раз по одним и тем же делам земляки Победимский и Буянов попали в заключение. Обоим ждала одинаковая участь. Просидев несколько недель в тюрьме, они были выпущены с предписанием в трехдневный срок покинуть столицу. Перед отъездом из Петербурга на новое местожительство, в Тулу, Буянов и Победимский решили в последний раз походить по городу. Они покончили со всеми делами, получили на заводе расчет, приделались и пошли в центр — на Невский проспект.

Огромный царский Петербург жил своей обычной жизнью. Маршировали солдаты. Гремел военный оркестр. Мелькали красные, голубые и желтые мундиры офицеров. Сверкали блестящие, лакированные экипажи. Мимо катились вереницы извозчиков, с гиком пронеслись лихачи. Городовые, с расчесанными бородами, как монументы стояли на перекрестках. Чиновники повыше, с одной полоской и тремя звездочками на петлицах, не замечали чиновников пониже — с одной звездочкой. Гвардейский офицер, гремя палахом, шел, не сворачивая ни перед кем. Рас-

франценная публика напоказ выставяла свою цену, богатства и власть.

Буянов угрюмо буркнул товарищу:

— Вот, какая спесь!

Друзья прошли по всему Невскому, мимо каменных громад, мимо выставки тщеславия и роскоши. Они долго стояли у гранитных барьеров Цевы. Наконец, Буянов сказал:

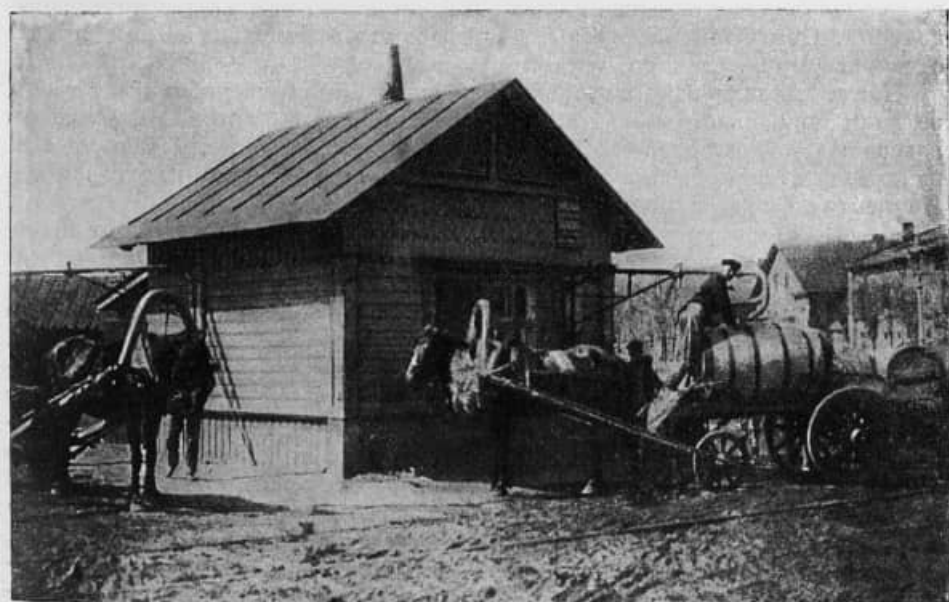
— Хороша река. И уезжать жалко!

Утром, сидя в вагоне тронувшегося поезда, Буянов высунулся из окна и крикнул стоявшему на перроне жандармскому унтеру:

— Дальше солища не сошлют. Так и знай!

Унтер строго оглянулся. Из окна уходящего вагона издевательски-приветливо махал ему рукой Василий Буянов.

После высылки Буянова Поршукон связался с центром, раздобыл новых руководителей. Попрежнему он раздавал книжки. Когда не было подпольной литературы, доставал легальные брошюры и книги по истории и общественным вопросам. Он выписывал на собранные деньги газету «Русские ведомости» и устраивал совместные чтения. Держал связь с высланными путиловцами и время от времени производил сборы для них и их семей. Кружки не угасали, еще целый год продолжали работать, но притока новых людей не было. Интеллигентский центр брусневской организации из опасений разгрома не расширял своей деятельности. В рабочем центре организации назревало противоположное настроение. Передовые рабочие тянулись теперь уже к большому делу, чем саморазвитие в кружках. И когда в марте 1891 года умер писатель-публицист Н. В. Шенгунов, рабочие, вопреки своим руководителям, решили принять участие в его похоронах. Писатели

Водоразборная будка Нарвской заставы

Шелгунова знали по его статьям о рабочем классе России, Англии, Франции, которые читались на кружках. Рабочие уважали и любили Шелгунова за то, что он знакомил их с положением и борьбой пролетариата на Западе, за то, что бичевал существующие порядки, капиталистов и промышленных тузов. Незадолго до его смерти петербургские рабочие преподнесли Шелгунову адрес.

Похороны были назначены на понедельник. Еще накануне группа рабочих, собравшись у квартиры Шелгунова, решила приготовить венок. К выносу тела умершего писателя, несмотря на то что день был будний, собралось человек сто петербургских рабочих. Поршукон пришел с десятком своих товарищей. Он продвинулся с путиловцами к рабочим, держащим венок, и стал около него, как часовой. Прямой и строгий взгляд его серых глаз был устремлен вперед к подъезду, откуда должны были вынести того, кого он никогда живым не видел, но кого знал как доброго друга рабочих.

У себя в кружке Поршукон когда-то читал вслух статью Шелгунова из старого журнала в синей обложке, купленного на толкучем рынке. Статья касалась происходившей много лет назад мануфактурной выставки в Петербурге. Писатель гневно спрашивал в статье, почему, проходя длинными галереями по выставке, он не видит имен тружеников, руками которых были созданы выставленные здесь машины, пушки, роскошные ткани, локомотивы и вагоны; почему кругом, направо и налево, вверх и вниз, мелькают имена капиталистов и фабрикантов; почему они умолчали о 400 тысячах тружеников, создающих им капиталы и производящих все.

Рабочих эта статья тронула до слез, и сам Поршукон, не стесняясь, вытирал глаза. Поочередно члены кружка передавали друг другу статью Шелгунова и дома внимательно прочитывали их. Теперь, охваченные суровой грустью, стояли они в ожидании выноса гроба из квартиры, помещавшейся далеко на заднем дворе. На улице и во дворе было много полицейских. Они были растеряны, ибо до сих пор никогда не имели дело с демонстрирующими рабочими.

Когда вынесли покойного, полицейские, оттолкнув рабочих от гроба, не дали поднять его на руки. Гроб установили на катафалк. Раздался возглас: «Рабочих вперед!» Рабочие подняли свой венок. Темнозеленый, из дубовых листьев, простой, суровый, венок закачался над головами. На лентах была надпись:

«Н. В. Шелгунову, указателю пути к свободе и братству, от петербургских рабочих».

В большой толпе провожающих резко выделялась группа рабочих. Почти все пришли прямо с заводов, как были, в рабочем платье. Они вышли вперед, готовясь принять на себя первый удар полицейских.

Путь на Волково кладбище шел по Знаменской улице. Но манифестация свернула от Воскресенского проспекта направо, к Литейному, затем прошла в центре города по Невскому и по Николаевской улице. Необычайная процессия изумляла прохожих: впереди всех, высоко подняв дубовый венок, сплоченной группой шли десять десятков представителей петербургских рабочих. В первых рядах шел невысокий, сухопарый путиловец Николай Поршукон, рядом с ним, поддерживая одной рукой венок, его товарищ Федор Петров, бессемеровский машинист. Появление рабочих, суровых и торжественно молчаливых, внушало полицейским растерянность. Всю дорогу полиция следовала рядом с манифестирующей

Похороны писателя Н. В. Шелунова — 1891 г.

(Рисунок В. Серова)

колонной и не делала даже попыток разогнать ее. Вслед за рабочими, тоже с венками в руках, шли многочисленные почитатели и друзья покойного писателя.

У Обводного канала к манифестации присоединилась новая группа рабочих. Среди них был литейщик Николай Иванов, ученик Буянова. Он протолкался к Поршукову и, кивнув головой на глазевшую с тротуаров толпу, сказал:

— Спрашивают, кто представился, директор, что ли?

Поршуков оглянулся. Печальное лицо его вдруг осветилось улыбкой. Всю дорогу он шел, погруженный в свои грустные думы, и только теперь увидел, что рабочих стало больше, что идут они сплоченной группой впереди всех и их-то боится полиция. Он глазами указал на них Николаю Иванову:

— Погляди, сколько нас собралось. Сила!

До тех пор передовые рабочие виделись друг с другом на занятиях небольших тайных кружков. Редкие из них встречались с рабочими других районов. Каждый раньше думал, что за пределами кружка сплошная беспросветная темь, — больше пяти-восьми членов организации он не знал. На похоронах писателя, в будний день, в часы заводской работы, они увидели больше сотни организованных рабочих.

Представители всего петербургского пролетариата впервые собрались на открытую демонстрацию.

МАЕВКА ПЕТЕРБУРГСКИХ РАБОЧИХ

Дома Егора Климанова ожидало письмо. Василий Буянов сообщал важные вести — это Егор понял сразу, хотя письмо от начальных слов «Многоуважаемый брат Егорушка» до знакомой размашистой подписи состояло из выражений любви и дружбы, говоривших о чем угодно, только не о деле.

В своем первом письме из Тулы Буянов много писал об отсутствии живого дела, о поднадзорном положении в незнакомом городе. Чувствовалось, что на новом месте Василий не успел еще пустить корней, тяготеет одиночеством и оторванностью от родной организации. Потом начали приходить все более бодрые письма и вот, наконец, последнее, в котором недвусмысленно, хотя и в нарочито вносказательной форме, сообщалось: «Народился ребеночек» (в Туле создан кружок), «нужны руководство к жизни и воспитатели к новорожденному» (необходима литература и хорошо, если бы приехал кто-нибудь из интеллигенции для помощи).

В рабочем центре брусневской организации письмо из Тулы произвело большой эффект. Оно подтолкнуло давно зреющую в умах у передовых рабочих мысль о необходимости выйти, наконец, на более широкую дорогу революционной борьбы. Ткач Федор Афанасьев и Егор Климанов сравнивали переживаемое время с периодом исключительного закона против социалистов в Германии. Там высылали, разбрасывали рабочих по разным городам, но это не остановило движения. Наоборот, высланные продолжали свою пропаганду, создавали на новых местах новые кружки революционных рабочих, покрывая ими всю страну. Так будет и в России.

Разошлись возбужденные, взволнованные, в сотый раз обдумывая:

жак, сохраняя все условия конспирации, заявить о себе громогласно, выйти наружу, повести работу шире, чем это было до сих пор, в небольших, таящихся от всякого постороннего взгляда кружках.

Дело происходило после похорон писателя Шелгунова. Рабочие, ободренные успехом проведенной тогда демонстрации, искали случая снова собраться вместе.

И как только вести о 1 мая дошли до Петербурга, рабочие — члены брусневской организации — сразу откликнулись на призыв организовать в России первую пролетарскую маевку.

Мысль о первомайской демонстрации долго и горячо обсуждалась центральной группой организации. Из газет всем уже было известно решение I конгресса II Интернационала ежегодно в один и тот же день устраивать повсюду демонстрации «белых, желтых, красных и черных рабов капитала» с одними требованиями и с одними и теми же лозунгами братской солидарности трудящихся всех стран. Кроме того, по рукам ходила брошюра Плеханова «Ежегодный всемирный праздник рабочих», изданная за границей группой «Освобождение труда».

Первоначально дебатировался вопрос, выступать ли с демонстрацией. Опасаясь, что открытое политическое выступление повлечет за собой полный разгром организации, от этого предложения отказались. Некоторые члены группы выдвинули идею: воспользовавшись традиционными гуляниями, происходящими в день 1 мая в Екатерингофском парке, устроить, под видом пирושки с самоваром, маевку в Екатерингофе. Но и это отвергли. Решили по примеру немецких рабочих перенести празднование 1 мая на одно из первых майских воскресений, но зато провести его организованно, без лишнего риска и по-настоящему. Приглашать лишь самых доверенных людей, человек сто — сто пятьдесят.

Место для проведения маевки выбирали осторожно. Егор Климанов и руководитель центральной группы М. Бруснев съездили на Крестовский остров, побывали и в Екатерингофском парке и на взморье у реки Екатерингофки. Нужно было найти место, в достаточной мере глухое и защищенное от внезапного нападения полиции, такое место, чтобы притти туда можно было с нескольких сторон, и притом незаметно для постороннего, особенно полицейского глаза. Ни Крестовский остров, ни Екатерингоф этим условиям не удовлетворяли: остров был пустынен, гол — на нем издали был заметен каждый отдельный человек; Екатерингоф же по воскресеньям был многолюден.

За Путиловским заводом, в лесу, нашли подходящее место. Лес доходил почти до самого взморья. Там было тихо, безлюдно. Добраться туда можно было со стороны залива — на лодках, полем — мимо Княжева, или по Петергофскому шоссе, повернув к деревне Емельяновке. Нашлась в лесу удобная, довольно живописная полянка, затерявшаяся меж деревьев, недалеко от взморья.

Сбор был назначен на 11—12 часов. Ровно к одиннадцати первыми на лодке приехали Егор Климанов и Бруснев. Егор, празднично одетый, с подстриженной бородкой, весь какой-то ликующий, как бы озаренный внутренним светом, походил на человека, только что открывшего какую-то сокровенную тайну. Вместе с тем в нем сразу был виден квалифицированный рабочий-металлист, причем не Путиловского или какого-либо иного завода, а именно Экспедиции заготовления государственных бумаг — государственного предприятия, создававшего особый тип привилегиро-

ванного рабочего. Студент Бруснев нарядился под рабочего. Он выглядел неказисто в своем не по плечу пиджаке и напоминал мастерового на два класса ниже, чем Егор. Они вытащили лодку на берег, обошли полянку кругом, испытали, как далеко разносится звук голоса, и снова убедились, что поляна замечательная и вполне подходящая.

Постепенно стали появляться рабочие — группками по три-пять человек. Пришли семяниковцы во главе с токарем Сергеем Фунтиковым. Они порядком устали, так как пересекли поле напрямик, от Невской заставы до взморья. Фунтиков подсел к Егору и тотчас же начал излагать свои извилистыми путями идущие мысли о великом значении международной пролетарской борьбы. Он был высок, широк в плечах, и Егор казался в сравнении с ним маленьким и хрупким. Одет он был по-обычному — в старом пиджачишке, в поношенных штиблетах, которые носил и зимой и летом на босу ногу. Фунтиков не признавал никаких забот о себе, — ему некогда было этим заниматься. Это была своеобразная и самобытная фигура. Он был глубоко предан интересам рабочего дела. Всякий вопрос о неустойчивости жизни, всякую трудность и неудачу, даже в личной жизни рабочего, Фунтиков обязательно подводил к одному и тому же объяснению: в этом виноват капиталист. Он был прям до грубости, резок и решителен. Он потребовал от жены, проживавшей в деревне, чтобы она приняла участие в общей борьбе против капитала, сожгла иконы, бросила хозяйство и отрешилась от старой жизни. И когда жена отказалась, он повел с ней упорную борьбу и, наконец, порвал всякие связи с деревней, с семьей и целиком отдался рабочему движению.

Пришел путиловец-литейщик Николай Иванов, франтоватый двадцатидвухлетний юноша, — сразу на полянке раздался смех, веселые шутки и прибаутки, которыми Иванов славился у себя в цеху и в «коммуне» членов брусневской организации, куда часто заходил.

Появился студент «Осип Иванович», немногим знакомый по своей настоящей фамилии — Цивинский. Он также был одет под рабочего, и его действительно нельзя было бы отличить в рабочей толпе. Вокруг него столпились. По обыкновению он принес с собою карикатуры, рисованные от руки, изображавшие царскую персону в виде свиньи, лакающей водку, и другие — все запретные, политического содержания.

На большой лодке приехала группа участников Гаванского кружка вместе с Владимиром Фоминым, у которого постоянно собирались для занятий. Среди них выделялся могучий Иван Егоров — балтиец, обладавший огромной физической силой. Егоров был известен тем, что свободно разбирался в теории стоимости Маркса и иногда сам проводил занятия кружка. Оратор он был превосходный, организатор — также неплохой.

Пришел Федор Афанасьев с братом Егором — оба ткачи, один фабрики Воронина, другой Паля. Федора встретили с радостью. Его называли «учителем», «учителем жизни». Он был худощав, носил очки, борода его, густая и черная, была чуть всклокочена. В нем что-то напоминало пророка, хотя он религиозным не был и священным писанием не интересовался. Глаза его, чистые, ясные, полные доброты и привета, выражали всю его натуру. Недаром он впоследствии получил среди иваново-вознесенских ткачей кличку «Отец». До конца дней своих Федор Афанасьев был учителем рабочих и сложил голову в 1905 году в борьбе с царско-полицейскими черносотенными бандами.

Пришли: рабочий-резинщик Владимир Прошин, путиловский токарь Николай Полетаев, литограф Карелин, гимназист Святловский. Появились путиловцы — Митрофан Петров и Федор Игнатьев. Пришел какой-то молодой парень со своей невестой — тоже участницей кружка. Поляна загудела многоголосым гулом, то громким, то вдруг затихающим. На бугорке, в центре полянки, появился оратор, ткач Федор Афанасьев. Все смолкли. Раздались первые слова на первой маевке русских рабочих:

«— Товарищи! Сегодняшний день для нас должен неизгладимо остаться у каждого в памяти. Только сегодня, в первый раз, нам пришлось собраться со всех концов Петербурга на это скромное собрание и в первый раз слышать от товарищей рабочих горячее слово, призывающее на борьбу с нашими сильными политическими и экономическими врагами. Да, товарищи! Видя такого врага и не зная, в чем его сила, видя свою небольшую горсть людей, которые берут на себя эту борьбу, некоторые из нас не могут надеяться на успех нашей победы; они в отчаянии и трусости покидают наши ряды. Нет, товарищи! Мы твердо должны надеяться на нашу победу. Нам стоит только вооружить себя сильным оружием, — а это оружие есть знание исторических законов развития человечества, — нам стоит только этим вооружить себя, тогда мы всюду победим врага. Никакие его притеснения и высылки в Сибирь не отнимут от нас этого оружия. Мы всюду найдем поле победы...»¹

День был ясный, солнце стояло высоко. Воздух был чист и свеж. Деревья тихо шелестели, и в моменты, когда затихал голос оратора, казалось — поляна пуста и безмолвна. Каждое слово проникало в душу, каждая мысль уходила вглубь, и люди, широко раскрыв глаза, в первый раз слушали проникновенные слова в такой необычной обстановке. Всегда таясь, прячась в глухих каморках, занавесив окна, при свете керосиновых ламп, полушопотом делились они мыслями на кружках — мыслями большими, волнующими, вдохновляющими на упорную борьбу за освобождение труда.

Второй оратор, Николай Богданов, говорил горячо и чеканно. На каждое его слово откликалось негромкое звенящее эхо. Он напомнил о первом выступлении рабочих в день похорон писателя Шелгунова:

«— Наша проба и успех ее припились не по губам правительству, а оно распорядилось наказать рабочих, осмелившихся думать об улучшении своей жизни, выслав троих из них в уездные городишки... Но я надеюсь, товарищи, что такие меры правительства не запугают никого из нас, а лишь только возбудят большую ненависть к нему и к существующему строю, который оно оберегает, и большее желание поскорее добиться такого строя, при котором не было бы ни бедных, ни богатых...»²

Резинщик Прошин прочитал речь, заготовленную заранее. Порывисто, чуть-чуть сбиваясь, он заговорил о том, что счастье достается всегда нелегко, оно стоит очень дорого, за него нужно бороться долго и платить дорогой человеческой кровью.

«— У нас, как вы сами знаете, еще всякие заявления о правах народа сейчас считаются бунтом. Только и есть одни окрики, штыки, пушки,

¹ Сб. «От группы Благоева к «Союзу борьбы», ГИЗ, Донское отделение, 1921, стр. 121. Авторство речей на первой маевке установлено по данным, опубликованным в «Красной летописи» № 2 (13), 1925, стр. 271—272.

² Сб. «От группы Благоева к «Союзу борьбы», стр. 123.

Первая масска. (С картины Янкова.)

розги, Сибирь, тюрьма, каторга да казацкие нагайки... Мы должны шапку ломать перед последним становым, околоточным, городовым...»¹

Прошин развернул картину борьбы рабочих на Западе за свою политическую свободу, добившихся в этой борьбе многих побед. Он говорил, что их настойчивость, жертвы все же дали свои результаты. Семя революционной борьбы уже проникло в Россию, дает отростки по всей русской земле и даст свой плод.

«— Растет оно, но и страшных врагов оно имеет в лице кулаков, попов, господ и царя со своим войском и полицией... Нелегко в начале нам придется: каждый шаг наш, каждый проступок грозит нам тюрьмой или высылкой, но что же делать, товарищи! Не без этого, когда дело идет о жизни или смерти!.. Сознание говорит, что мы тоже люди! Но пока мы все еще бесправные рабы русского царя с пятном возложенного на нас позора. Так смоем же, товарищи, это рабское пятно позора!.. Будем, друзья, бороться за истину, не отступим шага назад до самой своей смертной агонии, за правду, за равенство, братство, свободу! Будемте учиться объединяться сами и, товарищи, будемте организовываться в сильную партию. Будемте, братья, сеять это великое семя с восхода и до захода солнца во всех уголках нашей Русской земли!»²

На бугорок, служивший трибуной, вышел Егор Климанов. Он выступал экспромтом, без подготовки. Горячо говорил о задачах борьбы, о великой силе революционных идей. В каждом его слове звучала глубокая убежденность и вера в победу рабочего класса.

Речи окончились, и на поляне долго еще царило молчание. Люди продумывали свою жизнь — тяжелые и смрадные годы тяжелой работы, без

¹ Там же, стр. 126.

² Там же, стр. 126—127.

настоящего отдыха, без счастья, без радости. Но впереди... конец этой вечной черной ночи.

Собравшиеся разбились на группы: вспоминали друзей и товарищей, загнанных царскими сатрапами в ссылку, сопоставляли свою жизнь с заграницей. Егор рассказывал кое-кому о письмах, полученных от Буянова из Тулы. Туда же полиция выслала за демонстрацию на похоронах Шелгунова трех членов организации: рабочего мастерских Варшавской железной дороги Мефодиева, балтийца Крутова и путиловца Поршукова. Вместе с Буяновым они создали в короткий срок несколько кружков. Теперь Буянов на новом месте ссылки, в Костроме.

— И вот привез вести от него, — Егор указал на молодого парня, скромно прислонившегося к деревцу.

То был Николай Полетаев, член костромского кружка, организованного Буяновым, приехавший в Петербург на выучку.

— Дает ростки наше семя, — улыбаясь говорил Егор. — А что будет, когда мы вот развернем еще шире деятельность. Дух захватывает...

Зашел разговор о путях развития организации и ее работы. И тут-то пошли споры и недоумения. Никто, даже сами руководители толком себе не представляли пути развития организации, пути пролетарской борьбы. Нехватало ясного и всеобъемлющего плана развития революционной организации.

И никто сейчас этого сказать не смог, как ни спорили первые петербургские социал-демократы. В этом и состояла слабость и ограниченность рабочего революционного движения на заре своего развития. Руководители не дали и не могли еще дать зарождающейся русской социал-демократии программы и ясного понимания задач пролетарской борьбы.

Споры были часты, обычны и естественны и потому несколько не омрачили праздника, не разбили впечатления от первой маевки. Расходились так же, как и пришли — небольшими группами. К дереву прибили щит с лозунгом: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» Гимназист Святловский вырезал на дереве дату.

Брошюра о первой маевке в России

Последними уехали на лодке Егор Климанов и Михаил Бруснев. Егор, полулежа в лодке, глядел вверх, задумавшись. Небо было попрежнему ясное и голубое. Солнце ласково пригревало и землю и воду. Бруснев греб, едва опуская весла, и тоже задумчиво глядел на голубое небо, на синюю полосу удалявшегося залива.

— Эх, кабы знать все, что надо знать! — заметил Егор.

Бруснев молчал.

— Как пойдет дальше? Как должно пойти? — продолжал Климанов. — Вот вышли раз, потянулось за этим другое. Там пойдет еще большее. Знать-то мы должны наперед, как идти дальше?

Ответа не было.

Только три года спустя после первой маевки Егор понял, как пойдет и куда пойдет молодое рабочее движение. Он узнал это от человека, организовавшего и возглавлявшего первую ячейку будущей марксистской социал-демократической партии России — петербургский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса». Этот человек дал рабочему движению цель, указал пути и методы борьбы, дал программу действий. Егор знал, что в узком кругу этого человека называли «волжаниным». И только позже, много лет спустя, Егор Климанов узнал, что этот человек — Владимир Ильич Ленин.

ПЕРВАЯ ЯЧЕЙКА

Промышленный подъем девяностых годов подготовил «...материальные условия и социальные силы...», ¹ необходимые для борьбы рабочего класса за свое освобождение. Вместе с ростом крупной машинной индустрии вырастало фабричное население городов; заводы, насчитывавшие тысячу и больше рабочих, стали в России нередким явлением; число металлистов — самого сплоченного и сознательного отряда пролетариата — за последнее десятилетие XIX века удвоилось, дойдя до 400 тысяч человек.

В девяностых годах началось массовое рабочее движение в России. В течение четырех лет (1891—1894 гг.) волна стачек захватила свыше двухсот тысяч человек. Бастовали горняки Юзовки и Домброва, текстильщики Шуи и Лодзи, железнодорожники Харькова и Ростова-на-Дону, строительные рабочие Варшавы, металлисты Риги и Петербурга, рабочие Москвы, Минска, Ярославля, Тифлиса.

Но подымающееся массовое рабочее движение еще не имело своего руководителя и вождя — своей политической партии. Марксистские группы интеллигентов и рабочих не были еще практически связаны с рабочим движением, не руководили им. Чтобы превратить распыленные, стихийные выступления рабочих в организованную и сознательную классовую борьбу, необходимо было соединить рабочее движение с социализмом, указать движению цель и дать лозунги борьбы.

Эту задачу всемирно-исторического значения выполнил Владимир Ильич Ленин.

Ленинские тетради в желтых обложках — «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» — произвели пере-

¹ Ленин, Сочинения, т. I, стр. 494.

ворот в умах русских марксистов и показали, что молодая русская социал-демократия, наконец, обрела руководителя, теоретика и вождя. Впервые русское революционное движение получало такую ясную перспективу и цель борьбы.

«На класс рабочих и обращают социал-демократы все свое внимание и всю свою деятельность. Когда передовые представители его усвоят идеи научного социализма, идею об исторической роли русского рабочего, когда эти идеи получат широкое распространение и среди рабочих создадутся прочные организации, преобразующие теперешнюю разрозненную экономическую войну рабочих в сознательную классовую борьбу, — тогда русский *рабочий*, поднявшись во главе всех демократических элементов, свалит абсолютизм и поведет *русский пролетариат* (рядом с пролетариатом *всех стран*) *прямой дорогой открытой политической борьбы к победоносной коммунистической революции*.¹

Ленин приехал в Петербург осенью 1893 года. Двадцатитрехлетний юноша, он тогда уже обладал огромными знаниями и в совершенстве владел методом марксизма. Он приехал в Петербург с ясной целью: здесь, в центре русского рабочего движения, положить начало марксистской социал-демократической рабочей партии.

В Петербурге к тому времени среди рабочих вела революционную пропаганду марксистская группа технологов. Участниками ее были главным образом студенты Технологического института, двое из которых ранее были членами брусневской организации. Ядро группы составляли: Г. М. Кржижановский, В. В. Старков, П. К. Запорожец, С. И. Радченко, А. А. Ванеев, Н. К. Крупская. Ленин встал во главе этой группы.

В этот период своей работы Ленин осуществил важнейшую задачу — соединения социализма с рабочим движением. Это был резкий, революционный поворот в судьбе всего русского рабочего класса. Ленин дал рабочим лозунги борьбы, определил их историческую задачу и указал путь к ее осуществлению — заложил основы будущей пролетарской партии, создав петербургский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса».

«Значение петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» заключалось в том, что он, по выражению Ленина, представлял первый серьезный зачаток революционной партии, опирающейся на *рабочее движение*». ²

Социал-демократические группы в это время находились в состоянии полной раздробленности. После окончательного разгрома брусневской организации в Петербурге уцелело всего несколько кружков, мало связанных между собой. За Нарвской заставой не осталось ни одного рабочего кружка. Николая Поршукowa полиция выслала в Тулу за участие в похоронах писателя Н. Шелгунова. Другие участники кружка были арестованы за маевку 1892 года. Из путиловских кружковцев на свободе остался лишь один Николай Иванов. Вместе со своим младшим братом Константином он пытался нащупать новые связи. Он посещал кружок рабочих Резиновой мануфактуры, собиравшийся в 1893 году у резинщицы Фени Норинской. Иногда встречался с Василием Шелгуновым, связанным с техноло-

¹ Ленин, Сочинения, т. I, стр. 194.

² История Всесоюзной Коммунистической партии (большеви́ков), Краткий курс, 1938, стр. 19—20.

гами. Но кружка за Нарвской ему не удалось создать. Пропагандистских сил в группе технологов было недостаточно, да и они вели углубленную пропаганду лишь с одиночками.

С приходом Ленина положение в марксистской группе технологов резко изменилось. Ленин потребовал расширения пропагандистской работы. По настоянию Ленина группа начала создавать рабочие кружки во всех районах Петербурга, особенное внимание обращая на крупные заводы столицы.

Ленин лично занялся созданием и воспитанием кадров рабочих организаторов. Он стремился приблизить к себе самых способных и деятельных рабочих, занимался с ними, готовя из них передовиков и вожakov поднимающегося массового движения. Через Германа Красина, члена группы технологов, Ленин познакомился со слесарем Василием Шелгуновым, а через него с другими передовыми рабочими.

Ленин руководил несколькими рабочими кружками за Невской заставой и на Васильевском острове и пользовался горячей любовью передовых рабочих, с которыми занимался в кружках. Ленин давал им книги для чтения, читал главы из «Капитала» Маркса, свои статьи и заботился, чтобы каждая мысль была ими понята и усвоена. Расспрашивал о заводских порядках, об условиях жизни и работы на заводах. Часто заставлял давать ответы в письменной форме и требовал их не тотчас, а предоставлял несколько дней для обдумывания.

Одним из самых способных учеников Ленина был рабочий Семяниковского завода Иван Бабушкин, впоследствии ставший крупным организатором социал-демократического движения. В 1905 году Бабушкин был расстрелян карательным отрядом Ренненкампа. О Бабушкине, после его смерти, Ленин писал как об одном из народных героев, посвятивших себя целиком борьбе за освобождение рабочего класса, действовавших «...упорно, неуклонно среди пролетарских масс, помогая развитию их сознания, их организации, их революционной самостоятельности».¹

Владимир Ильич приучал своих учеников-рабочих — Бабушкина, Шелгунова и других — сочетать полученные знания с революционной работой, наблюдать, проверять, делать свои выводы. Настойчиво и искусно подталкивал их к мысли: революционер должен видеть и знать многое, — без знаний, без теории он превратится в пустышку, неспособную служить интересам рабочего класса.

Шелгунов с горячностью набросился на открывшееся перед ним широкое поле разносторонних знаний. Его можно было встретить на публичной лекции в аудитории высших женских курсов, в университете — на защите ученой диссертации. Позже, где-нибудь на Васильевском острове у балтийцев или за Невской заставой, он рассказывал рабочим о спорах среди интеллигенции по вопросам общественного движения.

К этому времени в Петербург после высылки возвратился старый друг Шелгунова, путиловский токарь Николай Полетаев. Появился выпущенный из тюрьмы Егор Климанов. Они поступили на Путиловский завод. Вместе с Шелгуновым они взялись за организацию рабочего кружка. Разыскали Николая Иванова, выбрали несколько рабочих, группа технологов выделила руководителя — Петра Запорожца, и в начале 1894 года, после двухлетнего перерыва, на Путиловском заводе создан новый кружок.

¹ Ленин, Сочинения, т. XIV, стр. 398.

Шелгунов подробно рассказывал Егору о своих встречах с молодым «волжанином», как называли Ленина в группе технологов. Он передавал, что Ленин добивается от своих учеников работы непосредственно в массах. Рабочие же кружки должны стать ячейками политической партии, задачей которой является организация масс для борьбы против самодержавия и капитализма.

Всего лишь три года назад какая-нибудь сотня организованных рабочих представлялась Егору пределом мечтаний. Тогда, на первой маевке в лесу за Путиловским заводом, брусневской организации удалось собрать эту сотню. Ему казалось, что они достигли вершин своей революционной деятельности.

Новые горизонты открылись теперь перед Егором. Он почувствовал, что «волжанин», фамилии которого он не знал и по конспиративной привычке не спрашивал, именно тот человек, который ставит революционное дело на твердый забытый фундамент.

Василий Шелгунов и Егор Климанов стали горячими сторонниками новой ленинской тактики — агитации в массах. Они еще не знали, как начать эту работу. Еще приходилось среди самих участников кружков добиваться признания новой тактики, но они пристально следили за настроениями рабочих, стремясь не упустить случая ввязаться в борьбу рабочих, организовать массовое выступление против хозяев у себя на заводе. И случай такой вскоре представился. Это была стачка прокатчиков, вспыхнувшая в июне 1894 года.

Егор пришел к прокатчикам сразу же, как только узнал, что на воротах цеха появилось объявление о снижении расценок. Вальцовщикам за прокатку каждых ста пудов тонких листов вместо 9 рублей 20 копеек назначалась цена в 8 рублей 40 копеек; за толстые листы 7 рублей вместо 8 рублей 20 копеек. Сварщикам вместо 6 рублей 36 копеек — 5 рублей. В течение последних трех месяцев сбавка проводилась уже в четвертый раз, и рабочие возбужденно и беспорядочно шумели. Громче всех кричали сварщики. Завалив печи, они собирались кучками, угрюмо обсуждая, как воспротивиться сбавке.

Вначале сварщики отнеслись к Климанову недоверчиво, как к чужаку, но потом, поговорив с ним и к тому же узнав, что он кузнец, работает на заводе, поведали ему о своих горестях. Климанов обратил внимание на троих сварщиков, которые смелее других кричали против сбавки. Он решил, что с ними надо начать подготовку стачки. После гудка он подождал их у ворот прокатной, увел на поляну возле завода и долго объяснял, как организовать отпор хозяевам. Егор говорил им, что одними криками и руганью с начальством они добьются немногого. Нужно остановить весь цех. Сварщики должны начать первыми, вслед за ними остановятся и прокатные станы — остановится вся мастерская. Надо будет держаться дружно, не поддаваться на уговоры начальства, и тогда оно пойдет на попятный.

Три дня Егор убеждал сварщиков, и с каждым разом число сторонников стачки среди прокатчиков увеличивалось. Климанов рассказывал им, что всюду бастуют рабочие — и в Прибалтике и по всей России. Везде, где рабочие упорно держатся, они добиваются успеха. 25 июня, на четвертый день переговоров Климанова со сварщиками, тонколистый стан прекратил работу. Вслед за ним остановилась прокатка толстых листов и, наконец, стала вся мастерская.

Прокатчики не уходили из цеха. Собирались кучками, проверяли, везде ли погашены сварочные печи, и мрачные тени их, огромные и косые, ломаясь, падали на груды листов и рельсов.

Егор несколько раз заходил в прокатку, поглядывал на забастовавших и подбадривал их. Прокатчики держались стойко. Начальник мастерской бросился к директору завода и, вернувшись, повесил объявление, что прежние распоряжения отменяются. Стачка окончилась победой рабочих.

Егор торжествовал. Он мечтал теперь встретиться с «волжанином» и лично ему рассказать о первом своем опыте. Но увидеть Ленина Егору не довелось. Климанов был вскоре арестован и, по совокупности дел, числившихся за ним в прошлом, выслан на пять лет в Вологодскую губернию.

В конце августа 1894 года Ленин, выезжавший на летние месяцы в Самару, вернулся в Петербург. Шелгунов, зная, как Ленин интересуется каждым случаем рабочих волнений, подробно рассказал ему о путиловской стачке. Вскоре Ленин сам побывал на этом заводе. Через своего знакомого И. Чеботарева, служащего управления железных дорог, Ленин раздобыл разрешение на осмотр Путиловского завода.

В один из осенних дней Владимир Ильич вместе со своей сестрой Анной Ильиничной проехал через всю Нарвскую заставу, мимо старых и новых улиц, мимо длинного серого забора, направляясь на Путиловский завод.

Обход мастерских обычно начинался со сталепрокатки и мартеновской. Ленин обходил цех за цехом. Везде он долго и внимательно беседовал с инженерами и мастерами. Инженеры охотно рассказывали обо всем, что знали. По тому как вопрос следовал за вопросом, инженеры чувствовали, что перед ними не праздный обозреватель, а человек, глубоко интересующийся заводом. Беседа была такой простой и непринужденной, что даже несловоохотливые люди становились разговорчивыми. Инженеры водили Ленина во все закоулки мастерских, показывали то, что обычно не показывалось посторонним, которым достаточно было посмотреть прокатку и выпуск славки из мартеновской печи.

За котельной и кузницей открывалась новая часть завода. В глаза бросались леса новых строящихся мастерских. Строения, возвышавшиеся здесь, резко отличались от прокатки, бессемера и кузницы. Завод в это время переживал период быстрого развития.

Путиловский завод с его многочисленными мастерскими, разнообразным производством и шестью с половиной тысячами рабочих произвел на Ленина большое впечатление. Здесь на небольшой площадке наглядно вырисовывались отдельные черты бурного роста капитализма — его стремительное движение вперед, и здесь же в низких закопченных цехах скапливалась и крепла другая сила — организованная армия труда, армия будущих могильщиков капитализма.

КРУЖОК «СОЮЗА БОРЬБЫ»

В небольшой квартире, в доме № 64 по Петергофскому шоссе, часто по вечерам раздавались звонкий смех, пение, музыка. Хозяин квартиры, литейщик Николай Иванов, его брат, девятнадцатилетний Константин, и жившая в той же квартире работница Резиновой мануфактуры Феня Но-

ринская слыли в доме людьми беззаботными, любящими погулять, хорошо приодеться, поплясать. И никто во дворе не догадывался, что эта веселая молодежь занимается делами, за которые по царским законам полагается тюрьма и ссылка.

Руководитель рабочего кружка «Василий Федорович» — П. Запорожец, высокий коренастый человек с копной темных волос, являлся сюда запросто, не переодеваясь под рабочего: квалифицированная путиловская молодежь его возраста одевалась в это время лучше многих студентов.

С приходом руководителя гитары и мандолины откладывали в сторону, члены кружка усаживались вокруг стола. Запорожец приступал к чтению очередной главы из книги «Наемный труд и капитал» или же из «Капитала» Маркса. Обсуждая прочитанное, говорили о положении рабочих, о заводской жизни, о задачах организации и путях борьбы.

В чистенькой квартирке Николая Иванова все чувствовали себя как дома, а некоторые откровенно сознавались: лучше, чем дома. Проголодавшись, кружковцы извлекали без стеснения из буфета гостеприимного хозяина запасы съестного, которые он заботливо заготавливал к каждому занятию кружка. Иногда, в самый разгар споров, Николай вносил кипящий самовар и шутливо предлагал спорящим охладить свой пыл... горячим чайком. После занятий Иванов часто устраивал танцы и упорно добивался, чтобы каждый член кружка умел танцевать.

— Пляши под свою дудочку, пока на свободе... — говорил он, втаскивая в круг особенно упорствовавших.

Чувствуя себя ответственным за безопасность собраний, Иванов часто выходил проверять, нет ли слежки за домом. Был он непоседлив, и хлопотливые обязанности хозяина конспиративной квартиры приходились ему по душе.

У Иванова сохранилась часть библиотеки, собранной еще пять лет назад Буяновым на взносы членов кружка. Среди книг было несколько сборников революционных стихов, переписанных от руки или вырванных из журналов и склеенных в самодельные брошюры. Он бережно хранил эти сборники. Любовь к стихам была традицией революционеров. Николай читал свободолюбивые стихи с подъемом, вкладывая в них всю душу. Особенно любил он декламировать издавна ходившую в революционных кругах «Песню работников»:

Мы, чьи огни до зари зажигаются,
Только лишь крикнет петух в ночь бессонную;
Чьи истомленные спины сгибаются
Пред наковальней, в огне раскаленной;
Мы, у которых работа гнетущая
С детства замучила живость природную,
А впереди посулило грядущее —
Холод, недуги да старость голодную...

Собрания кружка затягивались допоздна. Запорожец давно уже шатал где-нибудь по улицам города, осторожно оглядываясь, нет ли слежки, а в квартире у Николая Иванова еще гремели споры, перемежавшиеся песнями и взрывами веселья.

Число путиловских социал-демократов росло медленно, по одному. Василий Шелгунов познакомил Николая Иванова с рабочим Филиппом

Петровым, перешедшим из-за Невской заставы на Путиловский завод. В квартире Иванова появился и Петр Грибакин, одновременно посещавший кружок за Невской заставой, которым руководил Владимир Ильич Ленин.

Частым посетителем кружка был молодой путиловский токарь Полетаев, живший в одном доме с Николаем Ивановым. Они были знакомы давно, но близко сошлись только теперь, в 1894 году, когда Полетаев вернулся на завод после отсидки в тюрьме. За спиной Полетаева уже был хотя и недолгий, но богатый опыт революционера. Николай Иванов относился к нему с большим уважением: за короткое время Полетаев успел дважды посидеть в тюрьме и пройти через высылку. Полетаев стал деятельным членом кружка и выполнял роль хранителя подпольной литературы.

Николай Иванов был ловок и быстр, и потому его частые отлучки из цеха не влияли на его заработок. Он заходил в механические мастерские, в вагонную, в котельную, — всюду у него был обширный круг знакомых. Стоило ему встретиться с человеком непокорным или просто вдумчивым и рассудительным, он уже от него не отставал, пока не убеждался, есть ли смысл вовлечь его в работу кружка. Со слесарем Борисом Зиновьевым разговоров у него было немного. Борис сразу же стал посещать кружок и очень быстро обнаружил замечательные качества организатора и природного агитатора.

На Путиловский завод Борис Зиновьев поступил семнадцатилетним юношей в 1892 году. В семье его отца читалась трудовая копейка, и хотя достатков больших не было, дети жили в сытости и чистоте. До заводской работы будущее представлялось Борису в красочных перспективах. Он думал, что сможет свободно выбрать путь жизни, объедет весь мир, все моря и океаны, побывает в тех местах, куда не ступала человеческая нога, и может быть даже откроет новые земли, острова и народы. Но родители по окончании ремесленного училища сказали ему:

— Теперь, Борис, тебе одна дорога — на завод.

Завод ошеломил молодого слесаря. Боевой, задорный, он сразу притих и стал задумчив. Он старался сжиться с новым для него миром, понять завод, понять людей. Но мир был сложным и запутанным — мир грубых окриков, раболепия, тяжелой работы и нужды. Решающее влияние оказало на Бориса ничтожное как будто бы обстоятельство. Он увидел однажды, как старый слесарь, работавший с ним рядом, опустил на тиски голову, тяжело вздохнув. Борис участливо спросил слесаря, не устал ли он работать.

— Мне уставать не приходится, — ответил старик, — я привычный. Надоело только.

— А нельзя ли так сделать, чтоб не надоедало?

— Нельзя, — сурово ответил старик, — от веку так было: работа — каторга.

— Можно, — задорно сказал Борис.

Но потом подумал и сказал тихо:

— Думаю, что можно.

Первая встреча с интеллигентом — руководителем кружка, первые объяснения, что такое прибавочная стоимость, рассказы о том, как английские и немецкие рабочие достигли уменьшения рабочего дня, — открыли Борису глаза. Он в книгах искал ответа на мучившие его вопросы,

стал запоем читать экономическую и политическую литературу, увлекаясь ею так же, как раньше увлекался романами Фенимора Купера и Майн-Рида. Со всем жаром молодой порывистой натуры он взялся за революционную работу.

Осенью 1894 года социал-демократические кружки появились уже на всех рабочих окраинах Петербурга. Требование Ленина расширить сеть кружков было подхвачено рабочими организаторами. «Союз борьбы» стал центром разветвляющегося социал-демократического движения. За Нарвской заставой, кроме кружка, собиравшегося у Николая Иванова, создавался еще один кружок в деревне Тентелевке. В кружке было всего три-четыре человека, живших в одной квартире, но занимались они регулярно. Руководителем был член центральной группы В. Старков.

Борис Зиновьев собирал у себя в комнате третий кружок из рабочих паровозомеханической мастерской. Организатором кружка был токарь Семен Шепелев. Занятия четвертого кружка происходили на новой квартире Фени Норинской, на Фонтанке, в доме № 179, куда она переехала из-за заставы. Этот кружок посещали не только путиловцы, но и рабочие прядильных фабрик. Бывали здесь и Борис Зиновьев и Николай Иванов. В кружок, собиравшийся у Норинской, «Союз борьбы» направил руководителем Анатолия Ванеева, сразу полюбившегося кружковцам.

В конце 1894 года Ленин поставил перед всеми социал-демократическими кружками вопрос о решительном переходе от пропаганды к агитации. Были созваны совещания, на которых присутствовали и путиловцы. Среди некоторых интеллигентов и среди небольшой части рабочих была попытка задержаться на старых позициях — ограничиться одной лишь пропагандой в кружках. Иван Бабушкин, Василий Шелгунов, Борис Зиновьев и другие горячо поддержали предложение Ленина. «Союз борьбы» вынес решение о переходе к новым методам революционной работы.

В своей книге «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» Ленин во весь рост поставил вопрос о создании в России марксистской рабочей партии. Разгромив идеологию народничества, отрицавшего самостоятельную роль рабочего класса в революционном движении, Ленин показал путь борьбы за полное освобождение от всякого рабства и угнетения. Гектографированные тетрадки — книга Ленина — читались и обсуждались во всех рабочих кружках, вызывая страстные споры, как практически осуществить задачу создания рабочей социал-демократической партии.

Путиловским кружковцам приходилось не раз сталкиваться в спорах с народниками, пытавшимися проникнуть в рабочую среду. Борис Зиновьев показал себя в этих спорах ярким полемистом, умело отражавшим доводы противников. Свои речи он всегда строил, как бы отвечая противнику. «Находятся люди, — говорил он, — которые этому не верят, думают иначе». И начинал громить тех, кто думает иначе, доказывая, почему они неправы.

На диспутах с народниками Борис прочитывал отрывки из сочинений теоретиков и вождей народничества и по пунктам разбивал их доводы. Глубоким знанием вопроса он поражал слушателей-интеллигентов, которые никак не предполагали встретить в рабочем такого сильного оппонента.

Путиловские кружки «Союза борьбы», следуя ленинским указаниям, стали проводить агитационную работу. Они стремились использовать

каждый случай брожения в цехах, чтобы поднять массовое выступление путиловцев.

В мае 1895 года, во время перевыборов правления Путиловского потребительского общества, такой случай представился. Из шести с половиной тысяч путиловцев — пайщиков было только семьсот-восемьсот, главным образом служащие, мастера, старшие. Стать членом потребительского общества рабочему было не под силу: пай был высок — пятьдесят рублей. Хозяйничали в потребилровке, или, как ее называли рабочие, «грабилровке», высшие служащие, ставленники заводской администрации. Рабочим сбывали в кредит недоброкачественные, гнилые продукты. Покупатели роптали, но из-за кредита вынуждены были пользоваться лавками потребилровки. Ропот переходил в брожение в каждую получку, когда рабочий, заглянув в расчетную книжку, вновь убеждался, что за плохой продукт он платит во-время и притом полную цену.

В 1893 году нашелся рабочий, осмелившийся выступить на собрании пайщиков против председателя общества потребителей, начальника вагонных мастерских Г. Лабунского. На другой день он получил расчет. В следующем году рабочие-пайщики просили инженера Горного округа присутствовать на отчетном собрании общества потребителей, чтобы он вступился за людей, имеющих мужество высказать правду. Но горный инженер не приехал.

Теперь путиловские социал-демократы повели широкую агитацию по цехам в защиту прав рабочих-пайщиков. Семен Шепелев в паровозомеханической и Николай Полетаев в лафето-снарядной заводили разговоры в получку — самый удобный день для бесед о потребилровке. Евграф Калинин, разбитной модельщик, в своей мастерской, где работало много пайщиков, говорил о том, что на этот раз хозяевам спуска давать не следует. Он сколотил группу модельщиков и договорился, что все они на собрании будут и постоят за правду. Евграф обещал, что люди, которые не боятся начальства, найдутся.

Перед собранием социал-демократы подготовили одного пайщика к выступлению. Борис Зиновьев дал ему записку, в которой были перечислены самые возмутительные случаи злоупотреблений правленцев. В записке были также требования, которые следует предъявить от имени пайщиков. На собрании рабочий выступил и доказал, что старое правление хозяйничало убыточно, нарушало интересы рабочих в пользу служащих и раболепствовало перед администрацией.

После его речи в рядах открыто заговорили:

— Нельзя терпеть этого больше...

Большинством голосов собрание утвердило предложенные меры: обязательное участие в правлении рабочих, уменьшение пая до двадцати пяти рублей, предоставление рабочим, членам правления, права контролировать лавки без особого на то разрешения.

Удача окрылила путиловских кружковцев, и они ждали случая поднять рабочих на новые, еще большие выступления. В июне 1895 года в сталепрокатной мастерской неожиданно понизили расценки. В течение двух недель Борис Зиновьев с товарищами агитировали среди прокатчиков за стачку. Жан-Батист Лисмонд, начальник мастерской, знавший в лицо всех своих рабочих, встретив однажды в прокатке Бориса, спросил:

— Откуда?

Жан-Батист был толст, румян, самодоволен, напускал на себя грозный вид. Бориса взорвало именно последнее: пугает. И он задорно ответил: — Оттуда, откуда и ты...

И медленно пошел от него качающейся походкой.

Жан-Батист проследил за Борисом. Тот заходил к его брату Иосифу-Жану, старшему на обточке токарных валков. Братья-французы, один — начальник, другой — старшой, жили во вражде. Иосиф-Жан не любил брата за прижимистость, обвиняя его в том, что он изменил свою любовь французского рабочего.

Жан-Батист подошел к брату:

— Откуда парень? — спросил он по-французски.

Между братьями завязался крупный разговор, вскоре зазвучавший по-русски, когда оба дошли до ругани. Жан-Батист ругал брата вежливо: дурак, бродяга. Иосиф-Жан в ответ ругался крепче. Под конец Иосиф бросился в драку. Жан-Батист убежал, в драке потеряв калошу.

Борису удалось сколотить группу прокатчиков, готовых к выступлению. После упорной агитации среди рабочих сталепрокатная забастовала. Эта забастовка не была похожа на стачку железякопрокатчиков, организованную год назад Егором Климановым. Рабочие не остались в цехах, а бросив работу, вышли во двор завода. Толпой подошли к воротам и потребовали выпуска. Перед рослыми, могучими прокатчиками, которых Жан-Батист подбирал в течение долгих лет, заводские стражи не устояли. Рабочие разошлись по домам.

Предугадывая, что дело это вряд ли кончится спокойно, Борис спрятал всю запрещенную литературу, которая у него была. И не ошибся. В тот же вечер было арестовано несколько человек, в том числе и он.

Однако и после ареста стачка не закончилась, хотя директор Данилевский объявил о восстановлении расценок некоторым группам рабочих. Первая артель стала на работу; вторая продолжала бастовать. Среди рабочих этой артели еще до стачки было настроение бросить работу на Путиловском заводе. Совсем недавно молодой рослый вальцовщик, один из лучших работников артели, упал на раскаленную болванку. Одежда на нем была масляная, горячая, она вспыхнула мгновенно. Обезумев от боли, он огненным столбом носился по мастерской. В притихшей от ужаса прокатке люди слышали шипение и треск жарившегося человеческого мяса. Они старались поймать горевшего человека, но схватили его только тогда, когда он упал. На полу лежал черный, обуглившийся труп. Люди молча крестились, вытирали слезы. Тогда у прокатчиков второй артели зародилась мысль: бежать, бросить эту адскую работу. Теперь, столкнувшись с начальством по вопросу о расценках, они твердо порешили уйти с этого завода.

В цех прибежал помощник директора Липин. Его встретили криками:

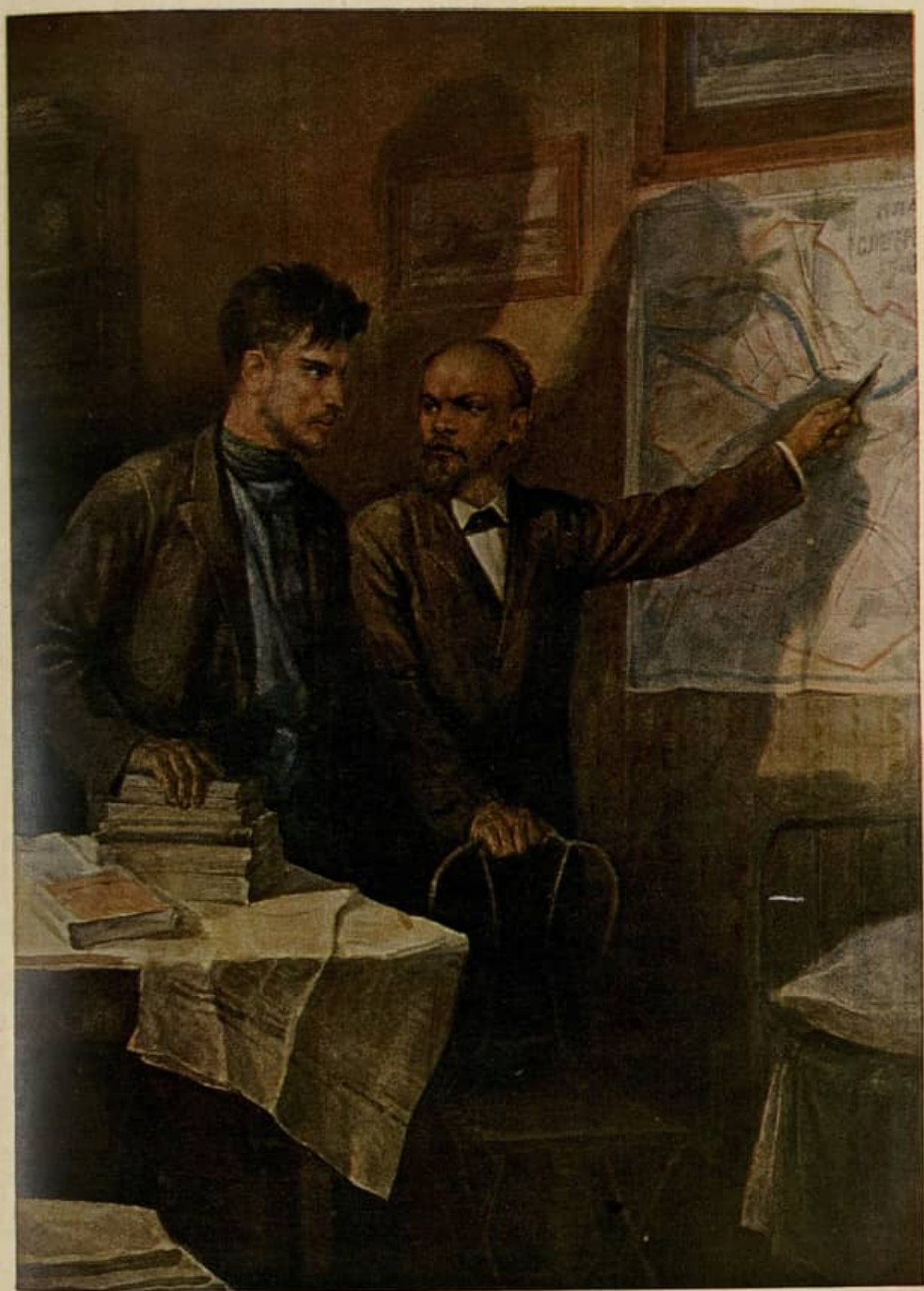
— Давай расчет!

Вся вторая артель подхватила:

— Расчет!

Липин попытался уговорить: ведь цех закроется из-за этого. И отказался дать расчет. Но прокатчики не соглашались работать, и когда 19 июня они остановили цех, вся вторая артель — больше ста человек — была уволена с завода.

Несколько прокатчиков, арестованных во время стачки, было выслано из Петербурга. Бориса Зиновьева выпустили за недостатком улик.

В. И. Ленин у рабочего Б. Зиновьева — 1895 г.

(С картины В. Серова)

К осени 1895 года петербургский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса» превратился в широкую для того времени рабочую организацию, разделенную на три района. Работа петербургского «Союза борьбы» была поставлена на прочный фундамент централизма, твердой и строгой дисциплины. В районе Нарвской и Московской застав центром всей работы были кружки Путиловского завода, насчитывавшие к этому времени около пятидесяти человек.

Центр рабочих кружков Нарвско-Московского района, их штаб, помещался в небольшой комнате Бориса Зиновьева, в доме № 6 по Огородному переулку. Сюда приходили за литературой, за советом, за помощью. Здесь можно было достать заграничные издания группы «Освобождение труда», а также нелегальные брошюры, которые приносил Николай Полетаев. На подвесной полке стояли книги, принадлежавшие Борису Зиновьеву: «Капитал» Маркса, «История французской революции» Блосса, стихотворения Лермонтова, «Критика чистого разума» Канта. Пропагандисты поражались тому, как свободно и легко Борис Зиновьев разбирался даже в таком трудном сочинении Маркса, как «Введение к критике философии права Гегеля». На стене в комнате Бориса висел план Петербурга. На столике лежал деревянный метр, которым он отмерял расстояния, определяя удобнейшие места для сходов.

У Бориса Зиновьева неоднократно бывали собрания. В них участвовали и руководители «Союза борьбы»: Кржижановский, Старков, Запорожец. Несколько раз приходил сюда Владимир Ильич Ленин. Часто он бывал за Невской и Нарвской заставами, на Васильевском острове. Встречаясь с передовыми рабочими, Владимир Ильич учил их, как нужно вести агитацию, как поднимать на выступления рабочую массу.

Таких рабочих, как Борис Зиновьев, в Петербурге было уже немало. Они были во всех районах города, и с каждым днем число их становилось все больше. Ленин внимательно следил за их развитием и направлял их рост. Он привлекал их на совещания центральной группы, втягивал в дискуссии с народниками и группами, существовавшими вне «Союза борьбы». Он оберегал передовых рабочих от чуждых влияний и заботливо воспитывал будущих руководителей социал-демократических организаций.

В начале ноября 1895 года в связи с волнениями на ткацкой фабрике Торнтон «Союз борьбы» созвал представителей районов. Вопрос о подготовке выступления торнтоновских ткачей перерос на собрании в дискуссию об общих задачах агитации. В защиту ленинских позиций против кружковщины горячо выступил Шелгунов. Борис Зиновьев сказал яркую речь, доказывая, что образование кружков старого типа не принесет пользы революционной деятельности. Все силы надо направить на агитацию среди массы рабочих, пользуясь для этого каждым недоразумением между ними и фабрикантами. Он закончил свою речь словами:

— Мы, наиболее передовые рабочие, станем во главе движения.

Листовка «Союза борьбы» к рабочим фабрики Торнтон была отпечатана на гектографе и распространена по отделениям фабрики. Ткачи дружно отозвались на призыв к стачке. Хозяева, столкнувшись с упорством рабочих, вынуждены были пойти на уступки.

Такое действие листовок произвело огромное впечатление на рабочих. Еще листовка, обращенная к бастующим рабочим Семянниковского завода, показала, что рабочие охотно откликаются на ее призывы. Борис после этих опытов задумал соорудить свой гектограф. Он поделился этой

Огородный 6

мыслью с Полетаевым, зная, что тот имеет связи с работниками подпольной типографии петербургской группы народовольцев. Полетаев придавал подпольным типографиям исключительное значение в революционной работе. Он увлекался типографией и забывал про все остальное. Еще в детстве, впервые познакомившись с нелегальными книжками, он мечтал стать участником тайной типографии, в которой можно было бы печатать много-много книжек, нужных для рабочих. Он считал теперь свою работу по связи с типографией на Крюковом канале, откуда доставал литературу, самой важной и от других дел отстранялся. К идее Бориса завести гектограф он отнесся чуть свысока, как опытный мастерской к ученику, впервые взявшему в руки молоток. Борису показалось, что Полетаев холоден к массовой агитации. Он спросил Полетаева, долго ли тот будет болтаться так, почти без дела. Полетаев уверял, что литература, которую он распространяет, есть тоже дело. Но Борис требовал большего. Он стал выяснять, читал ли Полетаев книгу «Что такое «друзья народа», и когда узнал, что Николай до сих пор не прочитал этого замечательного произведения, рассердился:

— И как после этого с тобой разговаривать!

На следующее утро Борис принес Полетаеву в мастерскую тетради в желтых обложках. Незаметно сунув их ему в карман, он сказал с сердцем:

— Завтра зайду, проверю, прочитал ли.

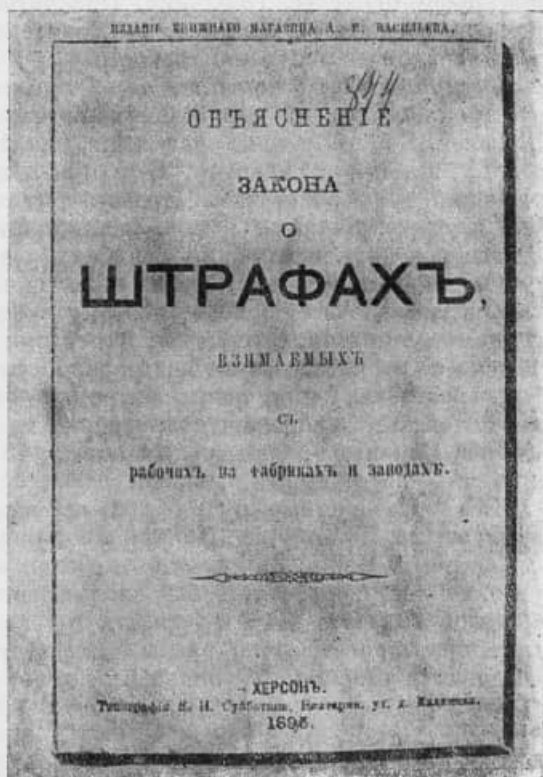
Впервые пришлось Полетаеву читать такую беспощадную критику народничества, впервые он по-настоящему понял подлинную сущность этих лжедрузей народа. Особенно поразила его идея создания политической партии пролетариата, идея превращения разрозненной экономической войны в сознательную классовую борьбу. Он понял, в чем упрекал его Борис Зиновьев, и иначе стал понимать то, о чем говорили на кружке, и по-иному стал относиться к своим обязанностям.

В путиловских кружках теперь чаще, чем когда-либо, ставились вопросы заводской жизни. Прежде каждый факт рассматривался как иллюстрация тяжелого положения рабочих. Теперь всякое сообщение интересовало кружковцев прежде всего с точки зрения возможности организовать выступление рабочих, и притом не только у себя на Путиловском заводе.

В кружке Семена Шепелева на одном из занятий кто-то принес сведения о забастовке на сапожной фабрике за Московской заставой. Кружок начал обсуждать, как помочь бастующим. На другое собрание один из кружковцев привел ткачей с фабрики Кенига. Ткачи пришли поговорить о своих делах: сознательных у них на фабрике совсем мало, а хозяйский прижим куда сильнее, чем на Путиловском. Они просили помощи и прежде всего «листочков» о поряд-

ках. Кениговцам составили листовку. Как и другие листовки «Союза борьбы», прокламация, обращенная к кениговцам, обличала хозяев и в простых словах говорила о тяжелом положении рабочих, об издевательствах мастеров и начальства.

С листовками за пазухой Борис Зиновьев подошел к ткацкой фабрике в момент, когда гудок возвестил об окончании рабочего дня. День был сырой и темный. Борис стал у ворот фабрики. Густая толпа фабричных высыпала на набережную Обводного канала, направляясь по домам. Вдруг раздался отчаянный свист. Свистел товарищ Бориса, который стоял шагах в пятидесяти от него и должен был в условленный момент отвлечь внимание толпы. Рабочие стали искать глазами свистевшего. В это время у ворот взлетели в воздух белые листки.

Брошюра В. И. Ленина

За ними другие. Борис Зиновьев пускал пачки прокламаций «веером». Никто не успел заметить, откуда они были брошены. Листовки сразу же расхватили по рукам. Ни фабричные сторожа, ни городовые не успели помешать этому.

Борис, довольный удачей, не спеша побрел домой по Обводному. Опыты по раскидыванию листовок «веером», которые производил он себя в комнате, не пропали даром. Прокламации кружились в воздухе и падали не кучами, а поодиночке — именно так, как он и рассчитывал.

В начале декабря Полетаев и Шепелев пришли к Борису с предложением организовать стачку в паровозомеханической мастерской. В мастерской было объявлено снижение расценок, и среди рабочих началось брожение. 4 декабря в комнатке у Бориса собралась сходка. Помимо рабочих из кружка паровозников, присутствовал Старков — представитель центральной группы. Борис ознакомил товарищей с написанной им прокламацией. Текст листовки был утвержден. Она понравилась всем простой, ясностью и прямым призывом к действию:

«Товарищи!

В паровозомеханической мастерской сбавка...

...Мы создаем своим трудом все, и это все берут у нас богачи, отдавая лишь жалкие гроши для поддержания нашей рабочей силы, нужной им для новой наживы. Товарищи! Прекратим работу и не будем работать, пока не согласятся ввести старые расценки, которые должны вывесить в мастерской на основании закона.

Товарищи! Не уступайте новой прижимке!»¹

Прокламации в паровозомеханической разбрасывали Полетаев и Шепелев. Борис Зиновьев расклеивал их по району и опускал в почтовые ящики на дверях квартир. В уборных появились кучки людей, обсуждавших призыв к стачке. Первыми прекратили работу токаря и паровозные слесари. За ними встала медницкая. Администрация Путиловского завода под дружным нажимом рабочих уступила.

Охранное отделение, которое через провокаторов давно следило за деятельностью «Союза борьбы», к этому времени уже знало всех активных социал-демократов. В ночь на 9 декабря полиция произвела массовые обыски и аресты. Особенно пострадало руководящее ядро «Союза борьбы». Был арестован Ленин, члены центральной группы: Кржижановский, Старков, Ванеев, Запорожец и другие. В ту же ночь забрали путиловцев: Бориса Зиновьева, братьев Ивановых, Полетаева, Ефремова, Петрова и других — всего десять человек.

Все арестованные путиловцы, просидев в тюрьме около года, были высланы из Петербурга. Полетаев попал в Тифлис, а оттуда на родину — в Кострому. Борис Зиновьев был сослан в Тверь. В Твери он продолжал революционную работу, но был снова арестован и в начале 1900 года, после тяжелой болезни, умер в тюрьме. Другие путиловцы, разбросанные царским правительством по разным захолустьям России, не взирая на преследования упорно продолжали свое дело, которому их научил ленинский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса».

¹ Листовки петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», М., 1934, стр. 13—14.

ПРОДОЛЖАТЕЛИ

Декабрьские аресты нанесли тяжелый удар социал-демократической организации Петербурга, но она не прекратила своей работы. Ленин, находясь в тюрьме, продолжал руководить «Союзом борьбы». Он разработал «Проект и объяснение программы социал-демократической партии», переписывался с оставшимися на воле руководителями «Союза борьбы», давал указания и писал листовки. 15 декабря «Союз борьбы» выпустил воззвание о том, что он существует и никакие аресты не смогут приостановить его деятельность. «...Листки появляются попрежнему, читаются и встречают повсюду сочувствие, а Союз борьбы за Освобождение Рабочего Класа, который их распространяет, остается невредим и будет продолжать свое дело...»

На Путиловском заводе почти целиком сохранился кружок паровозника Семена Шепелева. Кружок состоял из восьми квалифицированных рабочих токарей и модельщиков. Семен Шепелев выделялся в кружке активностью, умением находить связи, был общителен и отзывчив. Небольшого роста, худощавый, с тщательно подстриженной бородкой, он был знаком всему цеху. Ему было известно все: кто сколько получает, кто на большой штраф напоролся, у кого дома беда случилась, кому надо помочь. После арестов, когда группа социал-демократов на заводе сильно поредела, Шепелев вместе с членом кружка, тоже паровозником, Дмитрием Морозовым взялся за все дела кружка. Им удалось наладить распространение по цехам прокламаций и литературы — агитационных брошюр, привозимых через Вильну из-за границы.

Относительно мало пострадала петербургская социал-демократическая группа «молодых». С нею некоторые путиловские кружковцы были связаны и раньше. Участникам группы «молодых» путиловцы дали кличку «петухов»; социал-демократов из группы К. Тахтарева они называли «обезьянами». В «Союз борьбы» эти группы не входили. Ленин категорически выступил против приема этих групп в «Союз борьбы» из-за оппортунистических тенденций в их установках. Впоследствии эти группы перешли к пропаганде «экономизма». Мартов, один из уцелевших от арестов руководителей «Союза борьбы», сам склонный к оппортунизму, теперь сблизился с «молодыми» и связал их с путиловцами. В середине декабря 1895 года представители «молодых» — Малишевский, Муромов и Чернышев — встретились на поле, у полотна Балтийской железной дороги, с Шепелевым и Морозовым и предложили выпустить прокламацию по поводу новых сбавок. 18 декабря по заводу было разбросано около ста листов, отпечатанных на мимеографе.

Не прошло и месяца, как на социал-демократическую организацию обрушились новые аресты. 5 января 1896 года были арестованы Бабушкин, Мартов и вместе с ними путиловцы: Морозов, Шепелев, Демичев, Львов, Богатырев. Но кружок в паровозомеханической мастерской, созданный Шепелевым, продолжал существовать. Связи с центром он получил в марте 1896 года через В. Богатырева, выпущенного из тюрьмы под подписку о невыезде. Листовки попадали на завод беспрерывно. В одном из первых своих воззваний «Союз борьбы» заявил, что «стачки и борьба не прекратятся до тех пор, пока не будет достигнуто полное освобождение

рабочего класса из-под гнета капитализма». ¹ Рабочее движение ширилось и принимало все более массовый характер. Социал-демократия доказала свою силу и устойчивость. Первомайская листовка 1896 года была отпечатана в небывалом для того времени количестве — две тысячи экземпляров — и распространена по заводам.

В путиловском кружке «Союза борьбы» появились новые люди: Василий Белоусов из вагонной, Алексей Мухин и Феоктист Воробьев из корабельной. Воробьев вскоре был послан заводом на работу по оборудованию военного судна «Адмирал Сенявин» и на корабле начал вести пропаганду. До двадцати активных социал-демократов, составлявших путиловскую организацию «Союза борьбы», вели агитацию среди рабочих почти всех мастерских завода.

В марте 1896 года кружок получил текст адреса петербургских рабочих французским рабочим в связи с двадцатипятилетним юбилеем Парижской коммуны. Под адресом собирались подписи петербургских рабочих. Перед путиловскими социал-демократами встала новая задача: познакомить путиловцев с величайшим событием в истории борьбы пролетариата. В цехах завода прозвучали слова о *международной солидарности рабочих*. Впервые многие путиловцы узнали о героических днях Парижской коммуны. Петербургские рабочие, положившие прочное основание своей политической организации, писали братьям — парижским пролетариям:

«Русскому пролетариату приходится мерить свои успехи числом братьев, павших в бою. Истекший год беспримерен в летописях русской истории по количеству стачек и других проявлений классовой борьбы, беспримерен он также и по числу жертв, понесенных русской социал-демократией.

Оглянувшись взад, мы смело можем заявить нашим товарищам [во] Франции, что русскому рабочему движению положено прочное основание, и никакая сила в мире не в состоянии задержать его поступательного хода». ²

Стачки, разразившиеся вскоре и названные Лениным знаменитой петербургской промышленной войной 1896 года, ³ показали, как выросло рабочее движение России. В мае 1896 года забастовали ткачи и прядильщики всех петербургских ткацких фабрик и бумагопрядилен. Поводом к забастовке послужил отказ фабрикантов уплатить рабочим за дни царской коронации.

Последний русский царь Николай II короновался в Москве 14 мая 1896 года. По этому случаю был объявлен «народный праздник» и рабочие были отпущены на три дня. В Петербурге на Марсовом поле и на больших площадях столицы в дни коронации устроили «народные гулянья» с каруселями, лазаньем на столбы и даровыми балаганными представлениями. Градоначальник, городской голова, думские гласные приезжали на площади, в Екатерингофский парк, бросали в народ медяки, пряники и провозглашали «ура» в честь нового царя. Толкая друг друга, с шутками и с криками подхватывали люди деньги и сласти, вопили «ура» и не задумывались о том, будет ли от нового царя больший толк, чем от старого. В Москве при раздаче «подарков» разразилась потре-

¹ Листовки петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», стр. 15—16.

² Там же, стр. 33.

³ Ленин, Сочинения, т. IV, стр. 283.

сающая катастрофа. Весть о том, что на Ходынском поле были задушены, задавлены и затоптаны тысячи людей, докатилась до Петербурга в те дни, когда хозяева столичных фабрик уведомили своих рабочих, что за прогул, вызванный коронацией, они платить не будут. На Екатерингофской мануфактуре директор-англичанин заявил прядильщикам:

— За что платить? Короновался-то ведь ваш обожаемый монарх...

В деревне Волинкиной, густо населенной текстилями, и по всей Нарвской заставе поднялся глухой ропот. Рабочих-текстилей в Нарвском районе было около семи тысяч. Их возбуждение неизбежно передавалось рабочим других заводов и в первую голову путиловцам, жившим вперемежку с текстилями. Летнее время располагало к уличным сборищам, беседам, и всюду — во дворах деревень Волинкиной, Тентелевки, в Болдыревом переулке, где сгруппировались жилища текстилей, — стоял неумолчный говор.

Старый ткацкий подмастерье, дядя Савостий, зарабатывал шестьдесят копеек в день — пятнадцать-шестнадцать рублей в месяц. За угол платил пять рублей; десяти рублей ему едва хватало, чтобы поддерживать силы для ежедневной работы с пяти утра до восьми вечера. В тот же день, когда директор фабрики отказался уплатить за коронационные дни, дядя Савостий сказал своему квартирохозяину — путиловскому рабочему:

— В этом месяце будет у меня на два рубля меньше; может, за помещение рублишко скинешь, а?..

— Вот ты какой! — возразил квартирохозяин, — а я-то чем платить буду?

Затем укоризненно добавил:

— Ходите вы у себя, головы повесив, слово наперекор начальству боитесь сказать. Вот оно и гнет вас в три дуги. Нам-то на заводе, небось, за два дня заплатят...

Дядя Савостий согласился, что всему причиной хозяйская жадность, которой нет отпора со стороны забитых ткачей. На следующий день он ходил по отделениям фабрики и, весь дрожа от неожиданно проснувшейся в нем ярости, говорил:

— Устроили народу гибель, давят, в Москве тыщи подушили, а еще законного, что полагается, не платят...

Всюду, где появлялся дядя Савостий, он встречал уже разгоряченных обидой людей. Во всех отделениях Екатерингофской мануфактуры рабочие требовали уплатить за коронационные дни, — гуляли не по своему почину и свое получить обязаны. На Российской бумагопрядильне с 15 мая в течение десяти дней отдельные группы работниц и рабочих то бросали работу, то вновь становились к машинам. Наконец 27 мая на Екатерингофской вспыхнула общая стачка. Главным требованием было: сократить безмерно длинный рабочий день.

Накануне, 26 мая, восемнадцатилетний слесарь фабрики Николай Панин собрал своих сверстников-подручных и весь вечер читал им книжку Швейцера «Эмма». Потом объявил, что действовать теперь они будут не по-прежнему, а так, как говорит эта умная книга. Прежде он боролся против произвола мастеров просто: подобрав себе приятелей, таких же сильных и беспашающих фабричных парней, как и сам, Николай Панин организовал кружок «мстителей». Они намечали мастера или старшего, отличавшегося зверским отношением к подросткам, отслеживали его ве-

чером где-нибудь в глухом месте и, налетев всей гурьбой, жестоко избивали. Парни вошли во вкус мщения: результаты сказывались очень часто на следующий же день. Раньше мастер, бывало, действовал подзатыльниками, рабочих по имени не называл, а просто кричал «эй» или отдавал приказания в безличной форме: «принести надо», «сделать надо». После урока, полученного от «мстителей», мастер удивительно быстро, хотя и не надолго, изменял отношение к подручным и даже вспоминал их имена. Теперь же молодые подручные решили выступить организованно, по примеру немецких рабочих — героев повести «Эмма».

27 мая, днем, после обеда, подручные бросили работу и пошли снимать прядильщиков. Вслед за ними остановилась вся Екатеринбургская фабрика. На следующее утро Панин с товарищами, став неподалеку от ворот, задержал пришедших на работу. Взрослые охотно повиновались молодежи, а ребята, видя, что их слушают, становились все смелее. Когда какой-то мюльчик прорвался сквозь толпу и побежал к фабричной калитке, парни бросились догонять его. Он уже готов был переступить порог, как его настиг Николай Панин и, схватив за ворот, оттащил назад. В этот день стали Российская бумагопрядильня и фабрика Кенига. За ними — Резвоостровская и Триумфальная фабрики, а через несколько дней стачка охватила почти все ткацкие и прядильные предприятия. Бастовало тридцать тысяч петербургских текстильщиков.

Николай Панин не представлял себе, к чему может привести эта стачка. Утром он действовал со своими товарищами так, как вычитал из повести: останавливал рабочих, избивал штрейкбрехеров, бегал по соседним фабрикам, призывая присоединиться к забастовке. Но уже в тот же день книга стала не годна как руководство — своими масштабами и быстротой развития движение через несколько часов переклестнуло события, о которых говорилось в книге. Панин думал, что придется побушевать, побить стекла, поломать кой-какие машины на фабрике, а вышло иное. Он вместе с товарищами потерялся в толпах рабочих и работниц, бродивших неподалеку от своих фабрик.

На второй день стачки рано утром к Николаю на квартиру пришел токарь с Путиловского завода. Он предложил Панину созвать собрание забастовщиков для выработки требований и организовать распространение прокламаций.

— Что такое... прокламация? — недоумевающе спросил Панин.

Вместо ответа путиловский токарь протянул ему выпущенную еще в апреле листовку «Союза борьбы», обращенную к рабочим Калинкинской бумагопрядильни. Прокламация поразила Николая. Он обещал сделать все, чтобы листки попали к бастующим. Целый день ходил он по Екатеринбургскому парку и деревне Волюнкиной, показывая прокламацию. Много раз переходила она из рук в руки, пока в местах сгиба окончательно не стерлись буквы. Вечером путиловец вновь пришел к Панину, но уже в сопровождении переодетого студента, представителя петербургского «Союза борьбы». Студент был руководителем одного из путиловских кружков. Впервые услышал молодой слесарь об организации, о «Союзе борьбы», о политических требованиях. В течение долгой двухчасовой беседы с его румяного лица не сходило изумление. Он поражался тому, откуда узнали о нем и как это до сих пор он не замечал таких людей.

Петербургский «Союз борьбы» с самого начала стихийно вспыхнувшей стачки встал во главе массового выступления ткачей. 30 мая в Екатеринбу-

гофском парке собрались представители бастующих. Выступали главным образом путиловские рабочие, среди них высокий порывистый юноша, говоривший с финским акцентом, слесарь Оскар Энгберг. Под конец митинга были оглашены сформулированные «Союзом борьбы за освобождение рабочего класса» требования рабочих бумагопрядилен — установить рабочий день в десять с половиной часов вместо тринадцатичасового, по субботам работать до двух, увеличить расценки, заработок платить во-время, уплатить за коронационные дни.

В те же часы, когда прядильщики договаривались держаться твердо и до конца, у петербургского градоначальника происходило совещание полицейских властей. Решено было привлечь к уголовной ответственности рабочих Екатерингофской фабрики, которые первыми начали стачку. На улицах и по квартирам стали хватать активных рабочих, кто попадался под руку. Многие прядильщики ушли на близлежащие острова и там, у разведенных костров, проводили ночи. Николай Панин, с первой встречи сдружившийся с путиловцами, ночевал у Энгберга. Каждый день он получал от Оскара и от другого социал-демократа, Алексея Мухина, новые, свежие листовки и мчался с ними к своим товарищам-подручным, ожидавшим его в условленных местах. Парни, разобрав листовки, расходились по заставе, разносили прокламации по квартирам, приклеивали их хлебным мякишем к заборам и бесстрашно разбрасывали прямо на улице. На вопросы, откуда он добывает листовки, Николай Панин указывал подпись: «Союз борьбы за освобождение рабочего класса». Ребята проникались большим уважением к нему, а сам Панин вырастал в собственных глазах.

2 июня 1896 года он был на сходке текстилей, происходившей у Путиловского пруда. После речей о продолжении стачки приезжие из города рассказали о предстоящем международном социалистическом конгрессе и предложили избрать делегатом от русских рабочих находящегося за границей социалиста Плеханова. Панин с горячим рвением кричал: «Согласны!» О том, что есть социалисты во всем мире, во всех странах, что они съезжаются, помогают друг другу, что рабочие всех стран хотят того же, что и русские рабочие, — Панин услышал впервые, и он решил с этого момента никогда не порывать связи с товарищами с Путиловского завода, открывшими ему новый, большой и влекущий к себе мир.

В эту стачку с особой силой проявилась крепнущая пролетарская солидарность русских рабочих. Массовое рабочее движение показывало на опыте общность интересов разных групп пролетариата. Металлисты-путиловцы, рабочие с Резиновой мануфактуры почувствовали себя заинтересованными в исходе забастовки текстилей. Семена, брошенные «Союзом борьбы», давали всходы. Полиция своими действиями каждый день подтверждала то, что читали в листовках прядильщики, галошницы, ткачи, кузнецы, токаря и прокатчики — рабочие всех заводов заставы и города. Власть резко и открыто выступила за хозяев, всеми мерами стараясь заставить рабочих прекратить забастовку. Они уговаривали бастующих, силой втаскивали их в помещения фабрик, избивали и арестовывали. Ничто не помогало. Текстиль держались упорно.

Полицейские власти, встревоженные многотысячной стачкой текстилей, боялись выступлений на заводах. Они предостерегали путиловскую дирекцию: не обостряйте отношений с рабочими. Предлагали воздержаться на время стачки текстилей от всяких столкновений на заводе. И было чего опасаться. Путиловцы живо интересовались судьбами забастовщиков:

ной. Путиловцы привыкли бастовать из-за своих нужд, а в письме ничего не было сказано об их, путиловских, требованиях, из-за которых следовало бы начать забастовку.

Но вскоре стачка текстилей пошла на убыль.

В следующей прокламации «Союз борьбы» выдвинул требования, непосредственно затрагивавшие каждого путиловского рабочего. Главным требованием был — *восьмичасовой рабочий день*. 16 и 17 июня по мастерским распространились воззвания «К путиловским рабочим»:

«Товарищи! У нас перед глазами беспримерный, невиданный случай: 30—40 тысяч рабочих прядильных и ткацких фабрик бросили работу, все, как один человек, заявили свои требования и больше двух недель упорно их отстаивали.

И в то время, когда рядом с нами наши товарищи, измученные тяжелой нуждой и непосильной работой, стойко и мужественно боролись за улучшение своего положения, мы спокойно и терпеливо переносили все притеснения и безобразия нашего начальства...

Начальство, перепуганное не на живот, а на смерть стачкой ткачей и прядильщиков, больше всего боится теперь забастовки заводских рабочих. Неужели же мы упустим такое удобное для нас время?..»¹

На призыв «Союза борьбы» откликнулись лишь паровозные слесари, среди которых возбуждение было особенно велико: накануне им сбавили расценки. 18 июня сто слесарей бросили работы и, не уходя из цеха, собрались у верстаков, оживленно обсуждая свои дела. Тотчас же приехал фабричный инспектор. Он направился с начальником мастерской прямо к верстакам и спросил первого попавшегося ему на глаза рабочего, почему он не работает. Слесарь ответил односложным «так» и вернулся к товарищам. Через головы слесарей, откуда-то сзади, от одного к другому передавалась какая-то бумага. Передние вручили ее инспектору. Инспектор, взглянув на нее, отшатнулся. Это была гектографированная листовка «Союза борьбы».

— Кто дал? От кого? — спросил инспектор.

— От всех, оттуда, — сказали передние, указывая назад.

Воцарилось молчание. Инспектор читал. Начало листовки и подпись были тщательно отрезаны. Остались лишь концовка и текст требований: «...Потребуем сейчас же:

1) Сокращения рабочего дня до 8-ми часов.

2) Отмены старших, которые, не работая сами, живут на счет своих подручных.

3) Чтобы воскресные и праздничные дни, а также в вечернее время, работа не производилась».²

Завязался шумный спор. Начальник цеха отвергал обвинения старших во взяточничестве и отрицал, что штрафы накладываются за отказ от работы в праздники. Его прерывали из толпы. Реплики были насмешливые и злые. Начальник старался не обращать на них внимания и договаривался со стоящими впереди, которые успели уже прибавить новое требование: уплатить за неоплаченный коронационный день и упорядочить дела в потребительской лавке. Фабричный инспектор, человек лет сорока, в форменной фуражке и куртке с гербами на пугови-

¹ Листовки петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», стр. 69.

² Там же.

пах, оказался болтливым человеком. Он не боялся давать ложные обещания. Пообещал навести должный порядок в потребительской лавке, проверить, как обстоят дела со старшими, и сказал даже, что восьмичасовой рабочий день будет, — вопрос этот-де разрабатывается в высших инстанциях.

Слесаря прекратили стачку на следующий день, потому что другие группы рабочих их не поддержали, а начальство пообещало уменьшить сбавку. Вместе с тем дирекция, через окружного инженера горного надзора Дрейера, сообщила департаменту полиции о четырех рабочих — организаторах брожения слесарей. А через несколько дней был установлен у проходной полицейский пост из трех городских за счет завода.

Замеченные полицией еще при стачке текстилей Митрофан Петров и Алексей Мухин были арестованы. Вместе с ними взяли еще двух членов путиловского кружка «Союза борьбы». Всех их посадили в Дом предварительного заключения, где находилось немало арестованных за стачку. Среди них был и Николай Панин. В тюрьме он немного побледнел, осунулся, стал вдумчивей, но не изменил намерения посвятить себя революционной борьбе.

Когда Панин вышел из тюрьмы, он через Энгберга и других своих друзей поступил на Путиловский завод в механическую мастерскую. Старых связей с Екатерингофской и другими текстильными фабриками Панин и его друг Энгберг не утеряти. Они передавали туда листовки и литературу. Молодого текстильщика Васю Донцова из Триумфальной мануфактуры они втянули в свою группу. Получив первые сведения о прибавочной стоимости, об эксплуатации рабочих, Донцов через несколько дней заявил:

— Что я буду работать на них, на капиталистов, — буду лучше воровать.

Сперва никакие уговоры не могли убедить Васю в бесполезности подобной борьбы с капиталистами. Он стал вором. Изредка приходил к Панину и рассказывал о своих похождениях. Стал хорошо одеваться, но значительную часть ворованного раздавал. Всячески убеждали товарищи Васю не идти по неверному пути.

— Не ищи счастья на зеленом лужку, — говорил ему Панин, — пропадешь за картами и орлянкой. И людям пользы не принесешь.

Наконец, после длительного спора Васю уломали бросить эти дела. Его вновь устроили на фабрику. Не было лучшего распространителя листовок, чем Вася Донцов. Он раскладывал прокламации аккуратно по станкам, рассовывал по карманам рабочим, обязательно подкладывал листовки мастерам, чтобы позлить их. Умудрялся доставлять листовки в такие места, куда трудно было попасть рабочему. Спустя месяц Донцов явился к своим друзьям сумрачный и злой. На фабрике кому-то засчитали в брак годную пряжу и при этом несправедливо оштрафовали.

— Не могу работать, — сказал Донцов, — не буду. Пойду опять отнимать наше добро у богатых.

Никто теперь не в силах был удержать его. Он снова стал воровать. Первое время он еще появлялся у Панина и даже приходил на вечеринки путиловских рабочих, но вскоре исчез неизвестно куда.

Оскар Энгберг устраивал вечеринки, чтобы познакомить рабочих, не затронутых пропагандой, с интеллигентами. Вечеринки устраивались обычно в квартире, где по крайней мере были две комнаты, чтобы серьезная публика могла поговорить вне шума и плясок. Девушки-работницы

с шоколадной фабрики танцовали от души. Оскар и Панин были желанными людьми в обеих комнатах. Веселый, жизнерадостный Панин вносил оживление в любую компанию. В комнате, где шли серьезные разговоры, он горячо ввязывался в споры. Здесь иногда появлялся и энергичный и живой Н. Э. Бауман.

Руководил кружком «Союза борьбы» студент-медик В. Катин-Ярцев. Он склонялся к только еще начинавшему развиваться «экономизму», носился с идеей создания рабочей кассы. Под предлогом создания кассы и в связи с планом «демократизации» «Союза борьбы», «экономисты» хотели выделить самостоятельную рабочую организацию, со своим рабочим центром. Катин-Ярцев требовал, чтобы ни один ответственный шаг «Союза борьбы» не был предпринят без одобрения этого центра. Создавалась, таким образом, особая рабочая организация, стоящая над центральной группой «Союза» и проводящая свою особую «рабочую политику». «Союз борьбы» как единая организация пролетариата переставал существовать, и роль его как зародыша политической партии уничтожалась.

Идея рабочей кассы увлекла Оскара Энгберга, он горячо защищал ее в спорах на вечеринках. Но вскоре охладел к ней. Вместе с Николаем Паниным он замыслил теперь поднять Путиловский завод на большую стачку. Обоим им казалось, что, подобрав себе десятка полтора-два таких же неусидчивых боевых ребят, они в один прекрасный день остановят весь завод. Они стали искать себе помощников и товарищей.

Время от времени они отдавали дань своим бунтарским натурам. Сестра Бориса Зиновьева, Ольга, как-то сообщила им, что ее брата жестоко избили в тюрьме в Твери. В отместку Оскар и Николай напали на одиночных городских, били их, а однажды, преследуемые шпиком, заманили его на Горячее поле и там досрести его избили. Раздавая листовки, они действовали, не соблюдая конспирации, совали их каждому. Из-за одного несмышленного рабочего, которому Энгберг дал нелегальную брошюру в марте 1897 года, Панин и Энгберг были арестованы. На этот раз они сели надолго, а затем были высланы на три года в Восточную Сибирь — в Минусинский округ. Панин попал в село Ермаковское, Энгберг — в Шушенское, туда, где находился в ссылке организатор «Союза борьбы» — Владимир Ильич Ленин.

Под влиянием Ленина молодые путиловцы постепенно изживали бунтарство. Владимир Ильич был к ним очень внимателен, в беседах на политические темы заботливо справлялся, все ли понимают путиловцы, задавал им вопросы, заставляя подумать, поразмыслить. Приезжая в село Ермаковское, Ленин с Энгбергом заходили к Панину, который жил в крайнем доме, выходившем на реку Бую. Между беседами, во время прогулок к реке, Оскар и Николай, для того чтобы поразмяться, начинали бороться. Ленин был их арбитром, критиковал их приемы и присуждал победу. Зимой устраивали катанья на лыжах, на коньках. Часто Оскар и Николай вдвоем играли с Лениным в шахматы. Сделав ход, Ленин ложился на кушетку и читал, пока путиловцы обдумывали ответный ход. Во время игры он искоса следил за ними, а когда видел, что они не знают, как выпутаться из положения, и окончательно этим расстроены, делал ход, дававший им возможность продолжать игру. Затем вдруг самым неожиданным образом объявлял мат.

За полтора года, проведенные в ссылке вблизи Ленина, путиловцы, трудно поддававшиеся дисциплине, прошли хорошую школу ленинского

воспитания. И когда в 1899 году Ленин выступил с протестом против знаменитого манифеста «экономистов» — «Credo», в числе семнадцати социал-демократов, подписавших протест, были и путиловцы Оскар Энгберг и Николай Панин.

ГРУППА МИХАИЛА КАЛИНИНА

Михаил Калинин поступил на Путиловский завод токарем в пушечную мастерскую в апреле 1896 года. До того он работал два с половиной года на маленьком казенном заводе «Старый арсенал». Первые впечатления, полученные на большом заводе, кипящем недовольством и борьбой, глубоко запали в сердце пытливого, стремящегося к действию юноши. На Путиловском заводе ключом была шумная, неугомонная жизнь. Во время стачки текстилей молодой токарь мог за Нарвской заставой наблюдать невиданные до тех пор картины: сходки рабочих, волнующиеся толпы текстилей, путиловцев, резинщиков.

Калинин пришел на завод двадцатилетним юношей с твердо сложившимися убеждениями о необходимости борьбы рабочих против хозяев. Мысли о несправедливостях жизни назревали в нем уже давно. Еще будучи «мальчиком для услуг» в доме инженера путей сообщения, генерала Мордухай-Болтовского, пытливый и любознательный подросток набросился на книги. Он хотел узнать обо всем — о природе, об устройстве мироздания, в особенности о том, как живут люди на белом свете и почему так много людей живет бедно. У Болтовского была большая библиотека, в доме каждый день получали газету «Новое время». Михаил Калинин все свободное время отдавал чтению. Он перечитал всех классиков, «Жизнь животных» Брема, ряд исторических и даже философских произведений. В газете изо дня в день читал «Политический обзор», в котором изредка попадались сведения о рабочем движении на Западе. Михаил Калинин пробыл у Болтовских четыре года и ушел от них на завод «Старый арсенал».

Годы, проведенные на этом заводе, укрепили его мысли о необходимости искать выхода из тяжелой обстановки, в которой жили рабочие, жил и он сам. Он уже слышал о революционерах. Активный по натуре, Калинин стремился войти в этот таинственный мир и, когда товарищ предложил ему перейти на Путиловский завод, с радостью согласился: в то время слава завода-бунтаря и непокорных путиловцев уже гремела по всему Петербургу. Там скорее всего можно было познакомиться с революционерами. С самого начала работы в пушечной мастерской Калинин искал тех, с кем можно было бы поделиться своими мыслями и планами.

В 1897 году Михаил Калинин начал учиться на путиловских вечерних курсах Русского технического общества. На этих курсах подобралась наиболее квалифицированная путиловская молодежь, восприимчивая к революционной агитации. Калинин сблизился со слесарем Антоном Митревичем. Оба они в это время работали в старомеханическом цеху. Митревич тоже искал связи с организацией, но Калинин не знал об этом.

Антон Митревич был на два года моложе Калинина. Он приехал из деревни Режицкого уезда, Витебской губернии, в Петербург с мыслью поступить в католическую семинарию. Но отец, чернорабочий Путиловского завода, пристроил его мальчиком в контору к мастеру Лядову, и жизнь Митревича пошла в сторону, противоположную семинарии и ре-

лигии. Первая прокламация, которая попала к Антону, поразила его и одновременно испугала: он верил, что в Петропавловской крепости есть мельница, через которую пропускают пойманных революционеров, разбрасывающих прокламации. Кто-то открыл перед ним мир литературы: Толстого, Тургенева, Некрасова, Белинского, Писарева. Он начал говорить книжно, и от этого речь его становилась искусственной и натянутой. Но долго выдержать такую манеру не мог. В разговорах Митревич увлекался, обнаруживая свою истинную натуру — очень молодого восторженного человека, ищущего знания и правды. Ему, как и Калинину, стачка текстилей открыла глаза на многое: уже не только в книгах, а и в самой окружавшей его действительности он увидел правду жизни. У него был друг Пименов, рабочий Резиновой мануфактуры. Пименов втянул Митревича в самую гущу стачки, связал с участниками подполья. Митревич несколько раз бывал на занятих кружка, слушал рассказы о германских социал-демократах, о Бебеле. Теперь ему самому случалось распространять прокламации. Но настоящего участия в организации он не принимал и после ареста Пименова окончательно потерял связь с революционерами.

Калинин и Митревич стали друзьями. Вместе уходили с курсов и подолгу бродили по шоссе, разговаривали о прочитанных книгах, обсуждали свои заводские дела и порядки.

По соседству с Калининым работал токарь средних лет, совершенно седой. Вокруг него вертелась молодежь, которой он охотно рассказывал о своей жизни в Туле, где был в ссылке, о похоронах писателя Шелгунова, за участие в которых был арестован. Это был Николай Поршук. Он вернулся на Путиловский завод, прожив в Туле сверх положенного срока ссылки еще несколько лет. Здоровье его было окончательно подорвано годами лишений, безработицы, арестов. В сорок три года он казался стариком. К подвижной, полной неожиданностей и опасностей подпольной работе Поршук уже не был способен. Свои когда-то обширные связи с социал-демократической организацией Поршук растерял и давно выбыл из строя активных участников рабочих кружков. С ним-то Калинин впервые открыто поделился мыслями о создании революционного кружка. Но Поршук ничем не мог помочь молодому, рвущемуся к настоящему делу товарищу и главного — путей к «Союзу борьбы» — указать Калинину не мог. Всем сердцем желая помочь ему, он уверял, однако, что связи найдутся — при настойчивости успех дела наверняка обеспечен. И был прав.

Связи нашлись неожиданно, в той же старомеханической мастерской. Однажды высокий белокурый токарь, работавший неподалеку от Калинина, заспорил с мастером Гайдашем о расценках. Калинин подошел к спорящим, вмешался в разговор, поддержал токаря. Гайдаш обозлился. Обрывая спор, он повернулся и сердито бросил:

— Два сапога пара...

Молодые токаря пристально посмотрели друг на друга, оба с веселой усмешкой, как бы проверяя слова мастера. У обоих мелькнула одна мысль: возможно, мастер и прав. И они засмеялись. Так состоялось их знакомство, начало дружбы, в первые же дни которой они выяснили, что взгляды их сходятся, намерения также.

Новый знакомец Калинина, Иван Кушников, был уже тронут революционной пропагандой. Первую политическую школу Кушников прошел

Путиловский завод в конце 90-х годов

на Тульском патронном заводе, в кружке, где изучали политическую экономию. Ему приходилось в Туле встречаться с Буяновым и Мефодиевым. Знал он и Поршукова. Из Тулы Кушников приехал в апреле 1898 года с явкой к петербургским интеллигентам. Он заручился у них обещанием прислать, в случае необходимости, руководителя и на Путиловском заводе искал людей для кружка. Работал он недавно, и вербовка ему не давалась, пока он не столкнулся с Калининым, имевшим на примете людей, но не находившим связей с интеллигентами. Кушников съездил в город, договорился о руководителе и привез прокламации «Союза борьбы». Калинин указал ему на Митревича, которого Кушников до того не знал. С пачкой прокламаций Кушников пошел к Митревичу, сунул ему листки, подмигнул как старому знакомому, и сказал: «Разбросаешь, раздашь». Митревич смотрел вслед уходящему долговязому парню и гадал — от кого мог бы тот узнать о его готовности принять участие в таком деле. Прокламации были разбросаны умело, часть их была расклеена в уборных. Митревич видел, какой эффект они произвели. Листовки уже давно не появлялись на заводе. Рабочие с удивлением, радостно говорили:

— Живы! Живые!..

В тот же день Калинин пригласил Митревича на собрание на квартиру Кушникова по Петергофскому шоссе, угол Огородного. На первом занятии нового кружка народу было немного. Приглашали строго, с разбором. Калинин привел своего товарища Ивана Дмитриевича Иванова, Кушников — своих земляков, Татаринова и Конькова. Пришел студент-

технолог В. А. Фоминых, присланный петербургским «Союзом борьбы». Представился «Петром Николаевичем». Пропагандист начал с чтения и объяснения «Эрфуртской программы». Занятия прошли оживленно, пропагандиста засыпали вопросами и просьбами достать литературу. Члены кружка, все квалифицированные рабочие-путиловцы, быстро сдружились между собой и стали действовать организованно. Не удовлетворяясь занятиями с пропагандистом, они собирались без руководителей, читали, спорили, обсуждали свои дела. Стремились претворить в дело полученные знания.

Первым их совместным выступлением был отказ подписаться на церковь. Путиловская администрация, задумав построить свою собственную церковь, объявила о «единодушном желании» рабочих отчислить на постройку по одному проценту от месячного заработка. Отказавшихся вызывали в контору и ясно давали понять, что отказ может кончиться расчетом, потому что не уважающий церковь — плохой рабочий. Вновь принимаемых предупреждали об обязательном взносе на церковь. Вступать в спор почти никто не решался. Но неожиданно в старомеханической два токаря, Калинин и Кушников, наотрез отказались дать свое согласие на вычеты. В других цехах поодиночке отказались платить на церковь все остальные члены кружка. На личных карточках Калинина и Кушникова конторой по делам рабочих и служащих была сделана надпись:

«На храм жертвовать не желает».

Представление к приему на работу.			
мастерская № 14 дня 15-го месяца 1898 г.			
Имя, отчество и фамилия	Мастерство, занимаемое им	Когда рабочий приступил к работе	Заключение доктора при освидетельствовании
М. И. Калинин	Токарный	15-го 10-го	Здоров
Разрешительную книжку и правила предосторожности, прочитанные им, получил	И. И. Калинин		На храм жертвовать не желает
Исполнитель: мастерская	Утверждает: директор	По назначению: мастер	

Личная карточка М. И. Калинина

Однако их не уволили. Они были хорошими токарями, а завод нуждался в квалифицированных рабочих. Администрация имела в виду посчитаться с ними при первой заминке с заказами.

Мастер Гайдаш, невольно почувствовавший уважение к молодым токарям за достоинство, с которым они себя держали, подошел однажды к Кушникову и сказал:

— Люблю я вас, чертей отчаянных, но пропадете вы за зря.

Кушников весело вскинул голову:

— А бог-то на что?..

Гайдаш посмотрел на него с укором и пробормотал:

— Вот святотатцы!

Теперь больше прежнего мастер навещал их станки. Заметив, что молодых токарей часто не бывает на месте, говорил им хитро и насмешливо:

— Опять новую ось ходили смотреть? Конечно, новый паровоз делают, интересно посмотреть, какая там ось.

— Да нет, — отмахивались токаря.

— Смотри, придется с тобой расстаться, — заявил Гайдаш Кушникову. — Шляешься много...

— Как?! — возмутился Кушников. — Работу подаю, не задерживаю. Что прогуляю, проворством рук беру...

Кружок собирался часто — два раза в неделю для занятий и два раза вне плана, в порядке общения и дружбы. Руководители менялись. Первые занятия провел «Петр Николаевич». За ним в кружок явился интеллигент с окладистой бородой, по кличке «Захар Иванович» — И. Н. Леонтьев. Он думал, что обоснуется за Нарвской надолго; перезнакомился со всеми кружковцами и записал их адреса и фамилии особыми значками и рисунками: Калинин — куст, Огородный переулочек — морковь и капуста, Татаринцов — тубитейка, Кушников — кувшин. Но вскоре «Захар Иванович» исчез.

Руководители продолжали часто меняться, пока в кружок не пришла фельдшерица Юлия Алексеевна Попова. В организации она была известна под именем «Елены Петровны». В строгой кофточке, с густой темнорусой косой до пояса, с правильным красивым лицом она казалась путловцам идеалом женщины-революционера. Ее любили за искренность, за отзывчивость, за твердый и властный голос, заставлявший себя слушать. Юлия Попова умело вела занятия, развивая в слушателях интерес к обсуждаемому предмету. Она давала задания и указывала, что следует прочесть. Была она жизнерадостна и перемежала занятия веселыми рассказами и смехом. Иногда просила Ивана Татаринцова, рыжеволосого паренька, прочесть свои стихи. Татаринцов увлекался Надсоном, знал наизусть много стихов, любил декламировать и в кружке слыл по-этом. Он переделывал по-своему многие стихотворения, а одно из них, «Вольный рабочий», напечатанное в заграничном нелегальном журнале, часто декламировал в кружке. Вставал с места и напевно, с чувством читал:

Улицей темной шел вольный рабочий,
Опустив воспаленные очи.
Волен о рабстве он петь,
Волен по свету скитаться,

В каждые двери стучаться,
Волен в тюрьме умереть...

Занятия кружка, несмотря на частую смену руководителей, проводились систематически. Калинин сразу выдвинулся на первое место. Он обладал знаниями, значительно большими, чем любой из его товарищей. Марксизм, которому он впервые учился в кружке, осветил весь его достаточно богатый опыт. Случайные разрозненные сведения и впечатления — из книг, из наблюдений — приобрели свой смысл, значение и место. Дело, которого он добивался почти целых два года, наконец начало осуществляться.

Ленин, находившийся в те годы в ссылке, связанный многими нитями с развивающимся рабочим движением, писал о передовиках, подобных Михаилу Калинин:

«...Среди рабочих выделяются настоящие герои, которые — несмотря на безобразную обстановку своей жизни, несмотря на оупляющую каторжную работу на фабрике, — находят в себе столько характера и силы воли, чтобы учиться, учиться и учиться и вырабатывать из себя сознательных социал-демократов, «рабочую интеллигенцию». В России уже есть эта «рабочая интеллигенция», и мы должны приложить все усилия к тому, чтобы ее ряды постоянно расширялись, чтобы ее высокие умственные запросы вполне удовлетворялись, чтобы из ее рядов выходили руководители русской социал-демократической рабочей партии».¹

Почувствовав себя крепкой и спаянной, группа Калинина решила выйти за рамки кружковой работы, объявив кружок центральной группой Нарвской заставы. Калинин и Кушников выработали план действий, вменили в обязанность каждому члену группы организовать у себя в цеху или на каком-либо близком предприятии по новому кружку. В течение нескольких месяцев незаметной и настойчивой работы были завязаны связи с рабочими Экспедиции заготовления государственных бумаг, с текстильной фабрикой Кенига, Резиновой мануфактурой и конфетной фабрикой, помещавшейся за Нарвской заставой, с заводом Речкина и фабрикой механической обуви.

Первым серьезным выступлением новой путиловской социал-демократической организации была подготовка маевки 1898 года. Хотя это выступление «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» и ограничилось предмайской агитацией и распространением листовок, но оно сильно встревожило правительство. Еще до этого дня власти выяснили, что задуманное празднование 1 мая предполагалось провести главным образом в среде путиловских и обуховских рабочих. Устроить маевку в лесу не удалось. Накануне 1 мая в районе появилось много подозрительных людей. Зато на Путиловском заводе группа разбросала около тысячи прокламаций, — во все цеха были заброшены первомайские листовки. Распространением занимались все участники кружков. Один из членов кружка, по имени Василий, сумел в один прием раздать несколько десятков листовок. Напротив завода, неподалеку от ворот, торговала известная всем за Нарвской заставой бабка Матрена. Она сидела на скамеечке, перед нею стоял прикрытый старым платком

¹ Ленин, Сочинения, т. II, стр. 553.

чугунок. За две-три копейки она отпускала покупателям кусок вареной печенки, легкого, рубец. К ней и пришел Василий за покупкой.

— Ты что ж, бабка, бумаги не держишь? — спросил он ее. — Прямо в руки съешь?

Бабка заворчала:

— А где ты эту бумагу достанешь? Дорога она.

— Я тебе устрою, — пообещал Василий.

Он принес ей пачку прокламаций и сказал:

— Только заворачивать будешь, смотри, чтоб в чистую сторону, печатной наружу.

У торговки быстро расхватили и печенку, и рубец, и легкое. А на следующий день бабку забрали в полицию.

Пристав заорал на нее:

— Где ты, нечистая сила, достала эти бумаги?

Матрена рассердилась:

— Что ты меня нечистой силой зовешь? Я крест ношу.

И расстегнув ворот, вытащила медный крест.

Целую неделю просидела Матрена в участке, а когда ее выпустили, снова уселась на свое торговое место.

Василий навестил ее. Она его припомнила:

— Знаю, чорт, что ты мне сунул за бумагу-то. Да вот, так и не сказала, кто дал...

Петербургский «Союз борьбы» ко дню 1 мая выпустил две прокламации. В одной говорилось только об экономической борьбе; в другой, кроме того, выдвигались политические лозунги и требования — парламента, политических свобод, восьмичасового рабочего дня. Обе прокламации обсуждались в центральной группе. Общим мнением было, что вторая, более широкая, политическая листовка интересней и полезней. Не отвергалась и первая, но Калинин и туляки, воспитанные на революционной литературе, упорно настаивали, что перед рабочими в первую голову должны быть поставлены настоящие политические лозунги. Недаром на товарищеских собраниях, происходивших то у Кушников, то в деревне Волюкиной, в доме № 22, у Калинина, произведений Маркса, Энгельса, Плеханова часто бывали предметом долгих бесед и дискуссий. Часами спорили о том, прав или не прав Лассаль, выступивший на суде в качестве адвоката — защитника частной собственности. Целые вечера пролетали в разговорах о Дантоне, Марате, Демулене, Робеспьере. Кружковцы интересовались причинами падения Парижской коммуны. Читали брошюры о французской буржуазной революции, книги по философии, о крестьянском и рабочем движении на Западе. В группе Калинина каждый готовился к роли рабочего агитатора. Между собой кружковцы говорили: старайся говорить просто, убедительно, интересно — так, как писали Чернышевский, Добролюбов, Писарев. Крестьянский вопрос тоже не обходили на занятиях. Живой интерес к этому вопросу принес в группу Михаил Калинин, не порывавший связи с родной деревней.

Группа Калинина, почти без всякого руководства со стороны, взяла сразу правильное направление борьбы, выступая против ограничения ее узкими рамками экономических нужд рабочих. Но признавая, что политическая борьба является главной задачей рабочего класса в данный момент, группа одновременно не упускала случая поднять путиловцев на экономические бои.

В субботу 19 сентября 1898 года штрафной гудок прогудел на пять минут раньше обычного. Подойдя к воротам, путиловцы убедились, что это не случайность: цеховые номерные кружки были убраны, и уже стояла вместо них общая для всех мастерских штрафная кружка. У проходной собралось около трехсот человек. Скучившись у конторы, они требовали немедленных объяснений, почему уменьшили льготное время для опаздывающих, почему увеличили штраф. Решили на работу не идти и не расходиться, пока начальство не даст ответа. Человек двести, постарше, расселись на кучах угля, заготовленного для прокатки. Остальные стали вызывать из проходной начальство.

Наконец, минут через сорок, вышел управляющий главной конторы Кавецкий. Он остановился в нерешительности перед возбужденной толпой. Рабочие затихли, чтобы управляющий мог объяснить причины уменьшения льготного времени. Кавецкий, беспомощно озираясь, пробормотал, что по распоряжению директора отныне будут штрафовать по семьдесят пять копеек всех, кто опоздает больше чем на пять минут; о том, что рабочие не согласны с этим, он доложит начальству. Сторожа и хозяева вышли из своей будки. Из проходной появился смотритель завода Чачи. Он подошел уверенным быстрым шагом и молча стал рядом с управляющим конторой. Кавецкий осмелел и, уже решительно заявив, что больше разговаривать не о чем и лучше становиться на работу, ушел в контору.

Вечером путиловские социал-демократы собрались на квартире у Кушникова, чтобы обсудить вопрос, как организовать стачку на заводе. Горячих разговоров было много. Слышались голоса, что поднять рабочих на большую стачку вряд ли удастся, потому что повод невелик, да и народ давно уже не бастовал. Кушников утверждал, что действовать надо непременно; всякое недовольство следует использовать. Его поддержал Василий Зотов, горячо доказывавший, что путиловцы на стачку пойдут, стоит только у ворот собрать толпу побольше.

Спор решил Калинин. Он целиком стоял за то, что всякий конфликт надо развигивать до серьезного столкновения. Надо приучать народ к выступлениям. Дело, конечно не в уменьшении льготного времени, а в штрафах, и против них можно поднять всех рабочих. Группа должна взяться за организацию протеста против штрафов. Это будет для нее первой пробой настоящего дела.

Решили: всем притти в понедельник к штрафному гудку и постараться организовать толпу у ворот, а затем, разойдясь по цехам, агитировать за стачку против штрафов и выдвинуть требование уменьшить рабочий день.

Никто лучше Зотова не мог «заварить кашу» — дать начало выступлению. Ему это и поручили. В понедельник 21 сентября Зотов пришел на завод раньше всех. В мастерской, для того чтобы отвести от себя подозрения, он постарался попасть на глаза мастеру и заговорил с ним о работе. Потом незаметно ускользнул и пошел к конторе — там уже собралось около тысячи человек. Новые люди все прибывали. По пути Зотов направо и налево сообщал, где с шуткой, где серьезно, где со вздохом: «Пропало сегодня семь гривен, штраф обеспечен!» Толпа шумела, в разных концах ее шла агитация за то, чтобы не сдаваться, а требовать отмены штрафов. Членов группы Калинина было немного, всего лишь человек десять, но никто из них не стоял на месте. По несколько раз пе-

ресекали они толпу в разных направлениях, всюду говоря о стачке. Зотов добрался до передних рядов, снял фуражку и громогласно заявил:

— Правильно с нами поступают. Ничего не скажешь. Одиннадцать часов работаем, что ж нам стоит еще пять минут поработать...

А затем, обернувшись к хозяевам, сказал:

— А вы завтра еще на пять минут пораньше гудок дайте. Чего жалеть-то рабочий карман. Штрафуйте по рублю...

Так, обходя кругом толпу и вмешиваясь в нее, везде агитировал он за немедленный отпор. Встретив своих товарищей, Зотов уверенно сказал: «Будет дело!»

Дело началось с того, что в смотрителя завода Чачи, угрожавшего рабочим, бросили грязную веревку. Белая манишка смотрителя покрылась пятнами, котелок слетел на землю. Поднялись свист, возгласы. Толпа угрожающе двинулась к зданию конторы. В окна было видно, как заметались испуганные служащие. Но путиловцы и не думали вламываться в контору. Они подходили с мирными намерениями — потребовать от спрятавшегося начальства ответа. Толпа шумела больше часа, то откатываясь назад к угольным кучам, то наваливаясь на контору так близко, что передние заглядывали в окна. Заводской администрации не дождалось. Больше тысячи рабочих, громко крича о недобросовестности трусливого начальства, разошлись по мастерским. Брожение перебросилось в цеха. В старомеханической — наверху — и в находившейся внизу вагонной вели агитацию в каждом пролете. Группа Калинина правильно учуяла боевое настроение путиловцев.

За последние два года администрация не осмелилась провести ни одной сбавки. Путиловцы добились того, что заработок рабочих артиллерийских, механических и паровозных мастерских вырос за эти два года больше, чем за все предыдущие шесть лет. Теперь рабочие не хотели отдавать без боя ни минуты своего времени, ни копейки своего заработка.

Член кружка Иван Смирнов у себя в мастерской, в группе токарей, рассуждал:

— Живешь ты, положим, в Лигове. Разве можешь — он хлопал себя по бедрам — на своих на двоих добраться до завода всегда в точности?

Он бил в цель наверняка. Многие рабочие на завод приходили пешком за восемь, а то и за десять верст — из Лигова, Ульяновки, из-за Московской заставы, из города. Его рассуждения подхватывали и развивали.

— А конка? — горячился кто-то, — на ней поедешь — непременно к штрафному гудку попадешь. Да и не по карману в конках разъезжать.

Из своих мастерских члены группы переходили в другие. Всюду они призывали после обеда выйти к конторе с требованием отмены штрафов. В паровозомеханической Кушников окликнул Гаврила Сорокоумов, старшой по группе токарных станков. Они были знакомы по Тульскому патронному заводу, где вместе работали. Сорокоумов знал, что в чужую мастерскую революционеры без дела не ходят, и иронически улыбнувшись, спросил:

— Перешел сюда токарить?

— Думаю, — также улыбаясь, ответил Кушников.

Сорокоумов никогда не был в организации, но от него не таились, знали, что он свой — не выдаст. Наоборот, при беде пустит переночевать,

в случае высылки даст денег, может устроить на завод. Сорокоумов снова вернулся к своему давнему спору с Кушниковым:

— Ну, к чему это, скажи, восьмичасовой день? Ну, что народ будет делать? Все одно баклуши бить да в кабаке сидеть. Опять же, какая тебе свобода печати нужна? Какой хочешь журнал и без нее выпишу.

— Ладно, ладно, в другой раз. Народ-то у вас двинется к конторе? — спросил Кушников.

— Чего же ему на месте стоять! Сотни две уже утром там было, нынче больше пойдет.

После перерыва на обед повторилась утренняя демонстрация. Толпа, уже более значительная, полторы тысячи человек, была настроена воинственно. Утром только грозили камнями да прогнали ненавистного смотрителя Чачу. Теперь камни и шлак полетели в жандарма и полицейского, вышедших из будки у проходной. Со звоном выпало стекло из окна в конторе.

— Да выходите, чего вы, — кричали путиловцы начальству.

Вместо администраторов к рабочим вышел вызванный срочной депешей фабричный инспектор Дрейер. Он долго увещевал не шуметь и «прекратить беспорядки». Ему обещали разойтись только после ясного и точного ответа. Из передних рядов кричали:

— Это порядок, чтобы штраф весь заработок съедал?

— За пять минут с меня семьдесят пять копеек штрафа берут, а я в день шесть гривен всего получаю, — волнуясь и негодуя, докладывал инспектору какой-то рабочий.

Дрейер обещал все уладить. Но рабочие не хотели расходиться: раз все равно многим придется пострадать за «беспорядки», они не уйдут, пока здесь на месте не получат ответа. Верный своей привычке обещать все, что только можно, лишь бы прекратить волнения, Дрейер сказал, что за «беспорядки» рабочие будут прощены. Пусть они только разойдутся по своим местам.

У конторы путиловцам делать было нечего. Они сказали фабричному инспектору, что рабочие всего завода соберутся у конторы, если к следующему дню начальство не выполнит их требований.

Утром 22 сентября требования были выполнены: штрафной гудок прозвучал спустя десять минут после рабочего, а в объявлении директора сообщалось, что штраф будет снижен до пятнадцати копеек.

Во всех мастерских ликовали — победа рабочих была полная. Влияние группы Калинина после массового выступления из-за штрафов сильно выросло. Михаил Калинин стал пользоваться в своем цеху большим авторитетом у всех рабочих. Кадровые путиловцы видели в нем своего сотоварища, грамотного, передового, знающего. Чернорабочие также видели в нем своего: в дни получек он, как и они, первым делом вместе с ними шел на почту и отправлял часть заработка в деревню — семье.

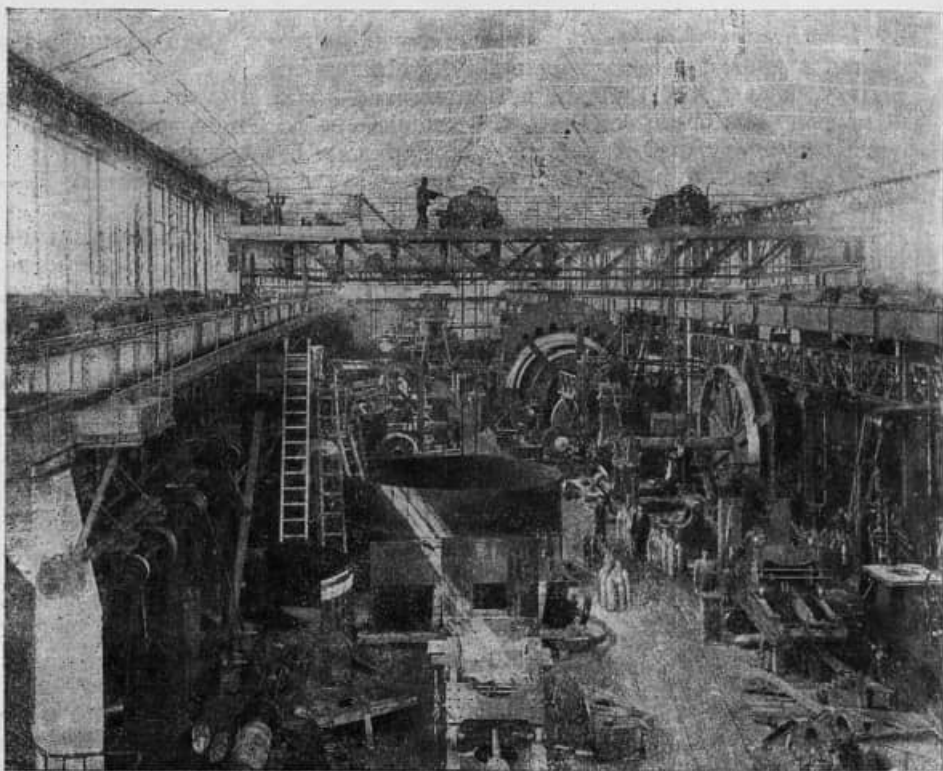
Рабочие окружали членов кружка вниманием и заботой. Знавшие или догадывавшиеся о подпольной работе Калинина и его товарищей, Кушникова и Иванова, иногда подходили к ним и сообщали:

— Того опасайся — у него брат в полиции.

— Этого избегай — у него сестра у мастера в кухарках.

— Туда не ходи — там шпион есть.

Связи с «центром» и с кружками других заводов постепенно сосредоточились в руках Калинина. Он где-то часто пропадал и иногда, беря с собой товарищей, говорил на морской манер:

Лафето-снарядная мастерская

— Снимайся с якоря, а в открытом море направление получишь. И только по пути давал знать, что идут они за прокламациями на Невский, к памятнику Екатерины.

Уже тогда в Калинин проявились замечательные качества подлинного организатора. Он подмечал склонности и способности своих товарищей, умел подходить к ним, заинтересовать делом, дать толчок к развитию. Революционная работа захватила Михаила Калинина целиком.

— Чорт возьми, опять колесо запорол, — сказал он однажды Кушникову. — Как сосредоточишься на прокламациях да на спорах, так и запорешь...

Калинин указал на колесо, которое обтачивал на своем станке.

— Что-нибудь одно надо — пропагандой заниматься или работать, — добавил он после некоторого раздумья.

Затем улыбнулся:

— Пойду-ка я в лафетную, на пропаганду.

И остановил станок.

Кушников бросил ему в ответ:

— Известно, еще поэт сказал: «В одну телегу впрячь не можно коня и трепетную лань».

И сам пошел в пушечную к товарищам справиться о делах.

Начав заниматься широкой агитацией в массах, группа Калинина столкнулась с другим путиловским кружком. Руководил кружком студент-технолог Матвей Миссуна. Это был яркий образец тех руководителей, которых Ленин называл «кустарями». Он пришел в кружок без серьезной подготовки, без мысли объединить движение хотя бы в масштабах района. Знал, что на Путиловском заводе есть другая организация, но не искал связи с ней и не толкал к тому своих учеников. Об этих «кустарях», приходивших к рабочим с единственной целью навязать им свои буржуазные представления о роли движения, ограничить движение рамками экономической борьбы, Ленин писал в своей замечательной книге «Что делать?»: «...Новые ратники шли в поход с удивительно первобытным снаряжением и подготовкой. В массе случаев не было даже почти никакого снаряжения и ровно никакой подготовки. Шли на войну, как мужики от сохи, захватив одну только дубину».¹

Михаил Калинин рассматривал путиловскую группу как центр всех кружков за заставой. Он уже слышал о первом съезде РСДРП, хотя сведения были скудны и недостаточны. Рабочие кружки он считал ответвлениями будущей большой и крепкой политической партии. Решив связаться с новым кружком, он пришел на квартиру путиловца Сизова, где 13 декабря 1898 года была устроена сходка членов кружка Миссуны. Собралось десять человек.

Миссуна в своих рассуждениях не выходил за пределы той мысли, что рабочему лишняя копейка всегда пригодится. В этот раз на кружке Миссуна рассказывал о стачках. Он говорил с путиловцами так, как будто они никогда не бастовали и не понимают, для чего нужны стачки. Калинин привык к иным занятиям, более интересным и широким, когда отдельные мелкие вопросы связывались с большими задачами рабочего класса. Члены группы Калинина не ограничивались вопросами одного лишь рабочего движения. Их интересовало все: и рабочее движение на Западе, и французская революция, и внешняя политика. Безыдейная, тусклая речь руководителя кружка задела Калинина за живое. Необычно волнуясь, он стал рассказывать о стачках по-иному. У него выходило, что стачка за копейку и за кипяток — только начало настоящей борьбы. У рабочего класса есть свои большие требования и своя задача — добиться свободы, добиться уничтожения эксплуатации человека человеком. Напрасно думает кое-кто, что рабочий класс не в состоянии бороться за свои политические права. Пусть они вспомнят Парижскую коммуну. Рабочий класс может решать свои политические задачи.

Даже ученик Миссуны, Егоров, на этот раз выступил против своего руководителя. Он сказал ему резко и запальчиво:

— Вы нас не удивите. Я с 1891 года знаком с тем, что вы рассказываете. А с тех пор сколько воды утекло!

Миссуна больше за Нарвскую не пришел, и кружок его, составленный из случайных людей, распался; некоторые члены кружка связались с группой Михаила Калинина.

Руководство петербургским «Союзом борьбы» в это время находилось в руках у «экономистов». Неоднократно приходилось группе сталкиваться с представителями «Союза». Путиловцы получали от них газету «Рабочая

¹ Ленин, Сочинения, т. IV, стр. 438.

мысль», даже передавали туда корреспонденции, но от агитации за необходимость политической борьбы не отступали. «Экономистов» они называли крохоборами, копеечниками, а порывистый Кушников как-то по-особенному презрительно говорил:

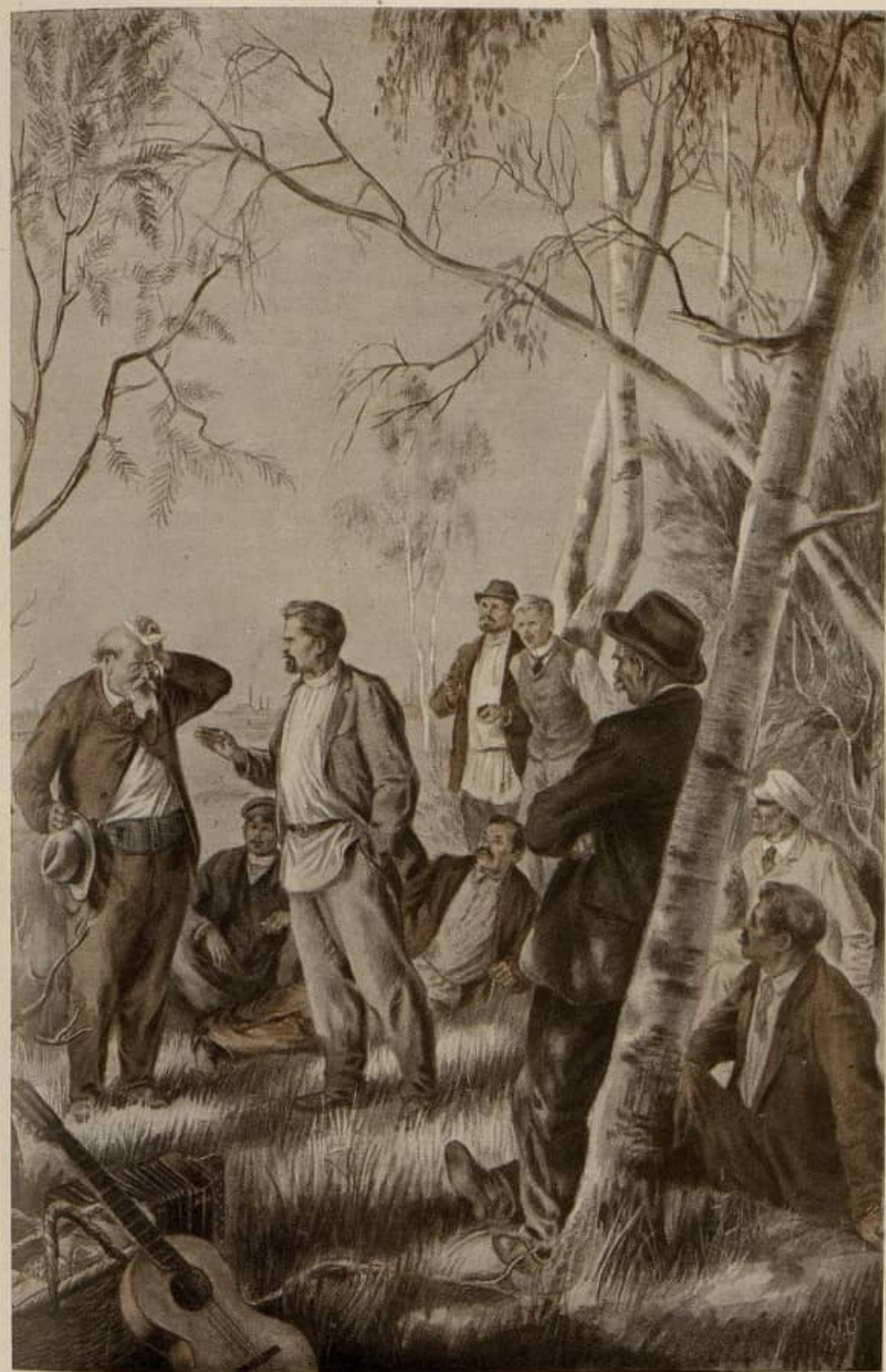
— Пошехонцы. В трех соснах заблудились. Просят каши, о масле не спрашивают, считают это политическим делом. Слепороды...

Идейный и организационный разброд господствовал в петербургских марксистских организациях. «Экономисты», засевшие в «Союзе борьбы», дробили и обессиливали рабочее движение, стремясь, как проводники буржуазного влияния на пролетариат, выхолостить из него революционную сущность. Они отрывали экономическую борьбу от борьбы политической, становились на путь реформизма и уводили движение рабочего класса с революционного на буржуазный путь. «Русские «экономисты» проповедывали те же взгляды, что и противники марксизма в заграничных социал-демократических партиях, так называемые бернштейнцы, то-есть сторонники оппортуниста Бернштейна».¹ В противовес «экономистам» в Петербурге образовались группы разных толков и направлений: «Группа рабочих для борьбы с капиталом», группа «Рабочее знание», полународнические кружки. Кое-кто из членов этих групп проникал и в среду путиловских рабочих. Со всеми этими кружками — с кем связываясь, с кем борясь — сталкивалась группа Калинина, представлявшая собой центральную группу всей организации Нарвского и Московского районов. Группа Калинина выдержала много битв с крайними «экономистами», так и не допустив их овладеть рабочими кружками заставы.

В рабочих районах в это время появились представители разных буржуазно-интеллигентских течений, искавшие себе последователей среди рабочих. Приходили толстовцы, кооперативные «социалисты», организаторы обществ взаимопомощи. Сражаться группе Калинина приходилось много и с разнообразными противниками. После обычно недолгих разговоров на лужку, вблизи Чортова моста, или на полянке в лесу у бродячих агитаторов отпадала охота идти к путиловцам со своими проповедями. Один из таких агитаторов, по фамилии или по прозвищу «Левицкий», также пришел побеседовать с передовыми путиловскими рабочими. Беседа происходила в воскресенье на Горячем поле. Встреча была обставлена конспиративно: заготовили закуски, немного вина, гармонь и гитару, чтобы в любой момент дискуссию можно было превратить в гулянку. Путиловцы, квалифицированные токаря и слесаря, пришли одетыми в пиджаки, в воротничках и галстуках. По опыту Калинин и его друзья полагали, что с «Левицким» они разделяются часа за три-четыре, потом погуляют по заставе и к вечеру пойдут в Екатерингофский парк.

Дискуссии начинались со вступительного слова пришедшего; затем вопросами и замечаниями заставляли докладчиков высказаться до конца. Люди одной навязчивой идеи, они быстро иссякали и начинали повторяться. Под градом бесчисленных вопросов «бродячий» агитатор обессиливал и сдавался. «Левицкий» обманул надежды путиловцев. Не снимая мягкой шляпы, как бы собираясь скоро закончить беседу, он довольно быстро и даже с некоторым жаром изложил свои воззрения о том, что единственный путь рабочих — организация кооперативных обществ на-

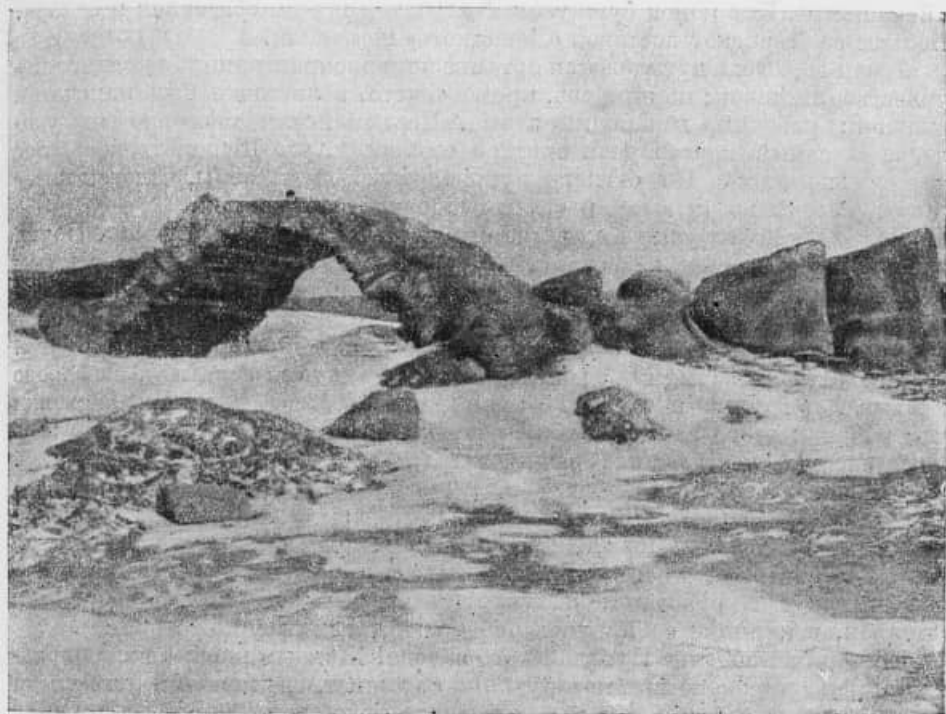
¹ История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков), Краткий курс, 1938, стр. 24.

М. И. Калинин на диспуте — 1899 г.

(Рисунок П. Фитингофа)

Лаутрова дача — Чортів мост, місце нелегальних зборищ і масових

подобие харьковских рабочих домов. Это были ловко перемешанные идеи толстовства, кооперативного «социализма» и других модных интеллигентских течений. От него потребовали примеров, фактов. Он отвечал. Ему возражали. Он находил новые доказательства. Ему высказывали сомнения в правильности его рассуждений. Он, не жалея слов и времени, снова доказывал правильность своего хода мыслей.

Десять часов длилась дискуссия. Спорили о значении кооперации, о ее месте в бельгийском рабочем движении, спорили о толстовских колониях и непротивлении злу, спорили о том, каков путь улучшения жизни рабочего класса. «Левицкий», больше всего отвечавший язвительному, проническому Кушникову, обратил теперь внимание на худощавого белокурого молодого человека в очках, который раньше только изредка вставлял острые замечания.

Просто и свежо говорил Калинин, разбивая доводы «Левицкого». Сами по себе рабочие дома, вроде таких, о которых думают в Харькове, не плохи. Но не в этом насущная задача рабочего класса. Единственно верный путь организации рабочих — это создание нелегальной социал-демократической партии. И от этой задачи отвлекать рабочих не следует всякими посторонними затеями. Из всех доводов и доказательств «Левицкого» Калинин выбирал, казалось, самые бесспорные, как будто неопровержимые и, остроумно издеваясь над ними, сводил на-нет всю аргументацию проповедника. В большом количестве примеров и фактов, приведенных Калининым, утонули и исчезли красиво изложенные идейки

«Левицкого». Под конец буржуазный агитатор иссяк, обессилел и сдался. Больше за Нарвской заставой «Левицкого» не видели.

1 мая 1899 года путиловская организация распространила изрядное количество листовок; на этот раз, кроме текста, в листовке был напечатан рисунок: рабочий, держащий знамя. Первомайская массовка не удалась. В самый разгар речи оратора сообщили, что Шереметьевский лес окружен полицией. По сигналу руководителей путиловцы, человек пятьдесят, разошлись кучками и стали изображать гуляющих.

После маевки группа Калинина стала готовить общую стачку. Почва для стачки на заводе назревала. По многим незначительным, но частым столкновениям в цехах было ясно, что, объединив требования различных групп рабочих, можно поднять весь завод. Калинин обратился в центр с просьбой составить и отпечатать листок для путиловских рабочих. Но неожиданно вспыхнули волнения за Московской заставой, на заводе Речкина, и группа в первую очередь позаботилась получить листовки для рабочих этого завода. Листовки имели успех, подняв на стачку весь механический цех. Стачка речкинцев закончилась частичной победой. Некоторые требования рабочих были удовлетворены.

Путиловский листок был отпечатан в 1300 экземплярах и распространен 3 июля 1899 года по заводу. Он был выпущен по поводу очередной сбавки в вагонных мастерских. В тот же день начались волнения в вагонном цеху. В огромных полупустых вагонных сараях, в сборочных канавах, в курилке собирались рабочие и читали прокламацию:

«Товарищи-рабочие Путиловского завода! Жадным нашим экспроприаторам мало той экономии, которую они нагоняют, где можно и где нельзя, экономии, благодаря которой еще недавно погиб один из нас, убитый на месте негодным, но тем не менее работавшим маховиком. Они начали экономию теперь и на заработной плате. Товарищи, пока все это творится в одной только мастерской, но ведь очевидно, что, покончив с вагонной и ободренные успехом, эти грабители на законном основании перейдут и к другим мастерским и таким образом могут обойти весь завод. Неужели же мы, как бессловесное стадо, дадим драть с себя по две шкуры...»

Прокламация заканчивалась словами:

«Помните, что мы сила, которую признает и которую боится правительство. Терять нам нечего, а завоевать мы можем весь мир».

Кроме экономических требований, прокламация выставяла еще два следующих:

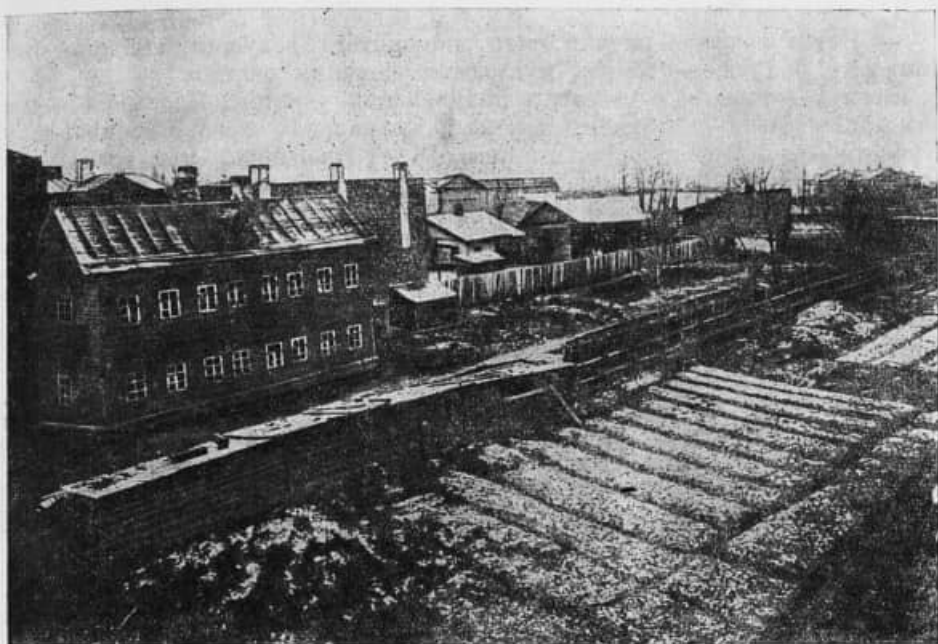
1. Полиция не должна вмешиваться во взаимные отношения между рабочими и капиталистами-хозяевами.

2. Должна быть уничтожена административная высылка».

Полиция поторопилась вмешаться в конфликт рабочих с хозяевами. На заводе появились городовые и какие-то темные, пронырливые люди, выпытывавшие, откуда и кто приносил прокламации. Предчувствуя провал, члены группы Калинина вечером 4 июля решили съездить оставшиеся прокламации. Жгли их на квартире у Кушника. Занимались этим Татаринов и Коньков. Кушников, работавшего в вечернюю смену, не было дома. Только бумага успела прогореть, как нагрянули незваные гости. Полицейские заглянули в печку:

— Что это вы жгли?

— Сожитель скоро придет с работы, — спокойно ответил Татаринов. — Может быть и не один. Я чай им газетами подогревал.

Деревня Волюнкина (ныне улица им. Калинина)

Вскоре пришел Кушников. Обыск он застал в полном разгаре и отнеся к нему спокойно. Составляя протокол, пристав задумался и начал разглядывать висящие на стене фотографии. Между ними был портрет человека с большой бородой и зоркими глазами. Взгляд пристава задержался на нем. Ткнув карандашом в направлении портрета, он спросил:

— Кто этот старик?

— Это мой дедушка, — ответил Кушников.

Остальные переглянулись. Пристав заметил это, но снова взялся за протокол.

К концу обыска пришел Калинин в сопровождении Иванова. Они направлялись домой, но узнав, что к ним на квартиру в деревню Волюнкину поехали охранники и производят обыск, пошли предупредить Кушникова.

Увидев полицию, Калинин обратился к Кушникову:

— А, у тебя гости. Нам здесь делать нечего...

— Нет, нет, молодой человек, подождите, будьте и вы гостем, — предупредительно сказал пристав.

— Зачем, — спокойно возразил Калинин, — нам здесь, действительно, незачем оставаться.

— Найдется зачем, — ответил ему пристав.

Неожиданно в квартиру вошел какой-то крупный чин из петербургского охранного отделения. Он оглядел комнату, увидел портрет Маркса, приказал снять его. Пристав поспешил заметить:

— Они говорят, это их дедушка...

Охранник посмотрел на путиловцев и медленно и четко сказал приставу:

— Когда повезете внучат этого знаменитого дедушки, выберите им комнатку получше — такую, куда сажают таких внуков.

Всех арестованных увезли в полицейский участок. Калинина через несколько часов отпустили, как не подлежащего аресту на квартире Кушникова, и арестовали вторично в ту же ночь, как только он вернулся домой. Калинин просидел в Доме предварительного заключения десять месяцев. Не теряя времени напрасно, он превратил тюремную камеру в «университет». В Доме предварительного заключения в то время была неплохая библиотека. Калинин прочитал множество книг, преимущественно политических и исторических. Он проштудировал первый том «Капитала» Маркса, курс истории, курс геологии. Накапливая знания для будущей революционной работы, он знал, какой путь ему предстоит, и был готов к нему. Еще в группе, на заводе, путиловцы говорили о том, что следует быть готовыми ко всему:

— Будут гонять по России из города в город, с места на место — подготовься к этому: умей слесарничать, умей работать на разных станках, учись революционному делу — пригодится, тем легче будет вести свою работу нашему неистребимому революционному сословию. А наше дело на заводе не пропадет.

ГЛАВА III

1900—1904

НОВЫЙ ВЕК

В шесть утра, в морозной мгле, над сиящей заставой раздавался первый заводский гудок. Застава пробуждалась. Распахивались двери, хлопали калитки, выходили люди, на ходу застегивая ватные пиджаки и полушубки.

Сто лет стоял за Нарвской Путиловский завод, и каждый день этого столетия начинался по сигналу. В непогоду и снег, в будень и праздник в точно назначенное время звучали сигналы. Вначале их подавали дребезжащим медным колоколом, — он слышен был во всех восемнадцати казармах, окружавших завод. Затем пронзительным паровым свистком, доносившимся до Тентелевки и Автова. И, наконец, к началу XX столетия над центральной кочегаркой был установлен мощный заводский гудок. Своим ревом он оглушал всю заставу и был слышен далеко по всей окраине.

Гудок ревел. За темными корпусами мартена проступала еле видимая дрожащая пелена белого пара. Густые клубы дыма подымались из заводских труб, и тяжелые крушинки гари дождем падали на людей, на грязно-серый истоптанный снег. Ежась от холода, шли невыспавшиеся, перетруженные люди. Во взгляде, в походке, в их плечах застыла извечная усталость. А гудок все ревел, подстегивал, торопил.

— Гудит, проклятый кормилец... гудит в новом веке, все равно как в старом...

Маленький горбун, строгальщик механической мастерской, едва поспевая за товарищами, размахивал длинными худыми руками. И с каждым взмахом выталкивал из сдавленной груди слова:

— Новый-то век пришел... а когда же придет хороший...

Новый век! О нем прожужжали уши: двадцатый век будет золотым, счастливым. Новый век! Его встречали в Петербурге пышно и торжественно. Римские цифры XX, яркие и разноцветные, обвитые елочными ветками, пестрели в окнах магазинов и ресторанов всего города. Во всех тринадцати церквях Нарвской заставы «новолетие» встречали богослужениями и проповедями. «Жизнь ваша воссияет в новом веке, — твердили попы рабочим, — уничтожьте тлетворный дух возмутительства, возвратите потерянное благоразумие. Терпите...»

У запертых еще калиток в ожидании второго гудка рабочие рассказывали, как всю ночь под новый год в трактирах заставы шла безудержная гульба; как в клубе на Екимовой даче заводские служащие, встречая новый век, дрались стульями; как поп Болдыревой церкви гнусаво и долго тянул служение в честь новолетия. Кто-то в толпе тут же придумал стишок:

Поп, окончив пение
Во славу новолетия,
Привывал к терпению
На целое столетие.

Рабочие рассматривали вывешенное у ворот объявление. Горбун-строгальщик пробрался вперед. Высоко закинув голову, он прочитал вслух о том, что прием новых рабочих на завод временно прекращается. У горбуна была манера говорить в рифму. После слов «временно прекращается» он добавил: «а расчет предполагается, жизнь рабочего ухудшается». И заключил:

— Так-то для нашего брата новый век начинается...

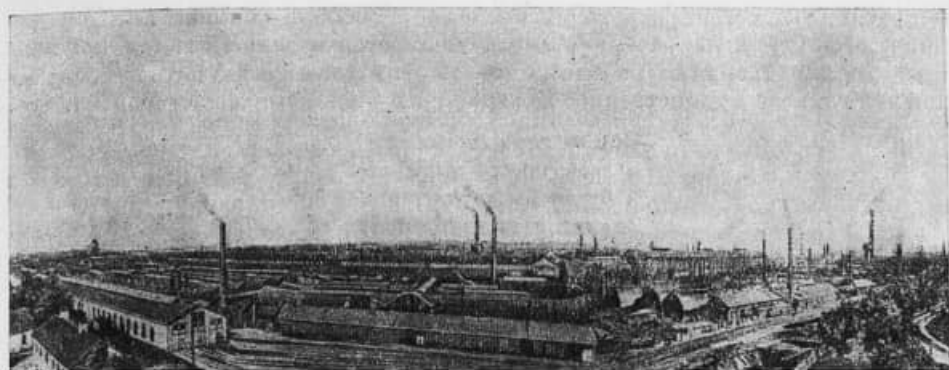
Слухи о расчете ходили уже давно. Мастера в цехах грозили: скоро погонят многих. Стали еще придирчивей, чем прежде. На всякий protest рабочего грубо кричали:

— Не нравится? Иди на другой завод, там больше дают.

На других заводах уже происходили массовые увольнения.

А в газетах, журналах и биржевых бюллетенях двадцатый век встречали статьями, воспевающими зарю новой эпохи, несущей стране и промышленности блестящие перспективы развития. Журналисты и биржевики наперебой кричали о благополучии, о справедливости, о благоденствии и все эти слова писали с большой буквы. Они не говорили о кризисе, надвинувшемся на страну, ни единой строки не посвящали голодавшим, разорявшимся российским селам, умалчивали о тысячных толпах безработных, блуждавших в поисках заработка по всей стране, долгие месяцы стоявших у ворот фабрик и заводов.

На заре нового века рабочим жилось хуже, чем в последнее десятилетие старого. В годы промышленного подъема петербургские рабочие стачками добились некоторого повышения заработной платы — на 15—20 процентов. Теперь же, в связи с кризисом, капиталисты в несколько месяцев отобрали то, что было завоевано рабочими упорной многолетней борьбой. И хотя на Путиловском заводе заработная плата понизилась в среднем лишь

Путиловский завод к началу XX века

на 10 процентов, жить было значительно труднее, так как цены на важнейшие продукты (хлеб, мясо, крупа) возросли на 25 процентов. Голод, нужда и безработица царили в рабочих кварталах. Полиция высылала безработных тысячами на родину, чтобы обезопасить Петербург от рабочих волнений.

Русский рабочий класс вступал в двадцатый век неорганизованным. В России еще не было революционной партии пролетариата. В стране существовали многие неустойчивые, кустарные, не связанные между собой социал-демократические группы. Во главе петербургского «Союза борьбы» попрежнему стояла оппортунистическая группа «экономистов». Они преклонялись перед стихийностью движения, принижали роль социал-демократии, совлекали движение с революционного пути. К началу XX столетия в рядах русской социал-демократии господствовали идейный разброд, политические шатания и организационная неразбериха. Казалось, что новый век не принес рабочему ничего нового, радостного, никаких надежд и перспектив, — впереди только безработица, нужда и вечное рабство. На самом деле в это время происходил незаметный, но резкий перелом в рабочем движении — «...брели розно и шли назад только руководители: само движение продолжало расти и делать громадные шаги вперед».¹

Начало XX столетия ознаменовалось крупнейшим событием, обесчечившим, наконец, создание в России единой социал-демократической партии. В феврале 1900 года Владимир Ильич Ленин возвратился из ссылки и к концу года организовал газету «Искра», положив начало широкой — идейной и организационной — подготовке создания революционной партии рабочего класса. В два года «Искра» сплотила вокруг себя социал-демократические группы и кружки всей страны, объединила их и подготовила созыв второго съезда РСДРП.

Прошел первый год нового века. В среде путиловских социал-демократов уже назрело сильное недовольство своими руководителями — «экономистами», в течение нескольких лет господствовавшими в петербургских рабочих организациях. Политические вопросы все больше привлекали внимание передовых рабочих. «Экономисты» уклонялись от этих

¹ Ленин, Сочинения, т. IV, стр. 500.

вопросов, не хотели давать разъяснений. Рабочие спрашивали, почему волнуются студенты, зачем Россия вмешивается в дела Китая. «Экономисты» упрямо твердили рабочим, что об этих вещах им думать не следует, так как главное и единственное дело рабочих — экономическая борьба.

Нам некогда стремиться
К заоблачному миру,
А будем мы трудиться
За стол и за квартиру.

Эта экономистская программа для рабочих, изложенная в стихах путиловским поэтом В. Шуваловым, выражала интересы и настроения отсталой полукрестьянской части рабочих. Шувалов сам говорил, что пишет для той публики, которая, как говорится, «от деревни отстала, а к городу не пристала и среди которой я у себя дома».

Программа медленного улучшения жизненных условий путем экономической борьбы удовлетворяла и другую, очень незначительную прослойку путиловцев — хорошо оплачиваемых высококвалифицированных рабочих. Пушечное производство потребовало специалистов, и к началу девятисотых годов создавалась такая прослойка опытных мастеровых. Они не чувствовали на себе ударов кризиса, их положение в цехах было устойчивым, их жизнь обеспечена «столом и квартирой». Но их было ничтожное количество, и в рабочих кружках из них принимали участие очень немногие. Участники путиловских кружков в подавляющем числе не удовлетворялись проповедями «экономистов» и рвались к политической борьбе.

31 декабря 1900 года явилось поворотным моментом в работе и жизни социал-демократической организации Нарвской заставы. Районный комитет под видом встречи нового года устроил собрание членов организации. Пригласили свыше пятидесяти рабочих и несколько интеллигентов из петербургского «Союза борьбы». Вечеринка происходила в квартире путиловского слесаря Николая Петрова — в доме № 48а по Петергофскому шоссе. Хозяйка, Татьяна Ивановна Петрова, румяная пышноволосая женщина, хлопотала, чтобы к двенадцати часам ночи стол предстал во всем великолепии. Вечеринку устраивали в складчину — по рублю с каждого. У входных дверей дежурил Михаил Шебеко, рабочий завода Рештке. Он принимал гостей, приходивших по паролю «Пузырев». Интеллигенты предъявляли вместо пароля билеты подпольной лотереи. К полуночи сели за стол. Руководитель районной организации Петр Андреев предложил первый тост. Он поздравил всех с наступающим новым годом, выразил надежду на дружную, согласованную работу. Говорил о задачах организации, но тщательно обходил задачи политической борьбы рабочего класса. Слушали его внимательно, не перебивая, но под самый конец длинной речи Андреева раздался недоумевающий возглас:

— Обо всем сказано, о социализме только позабыли.

Андреев смешался, но быстро оправился и уверенно закончил речь.

Тост оказался недружным. Новый год с первых же минут начался острой дискуссией о целях организации рабочего класса. Руководители организации пришли в замешательство. Николай Петров и Петр Андреев тут же посоветовались с интеллигентами и решили в ближайшие дни созвать представителей кружков, чтобы заглушить голоса протеста.

Оба они, вместе с формовщиком Василием Серовым, составляли Нарвско-Московский комитет «Рабочей организации». Но и среди них не существовало единодушия в вопросе о направлении деятельности кружков. Андреев был «экономистом». Петров, работавший в свое время под влиянием «политиков» — сторонников политической агитации, — склонялся к более широкой борьбе. Серов, участвуя в кружке, где руководитель тянул к политике, чаще всего присоединялся к Петрову.

Среди руководителей-интеллигентов были также пропагандисты разных оттенков. «Владимир Владимирович» — студент-политехник С. Мавромати — развивал перед слушателями «теорию стадий», рассказывал о «тактике-процессе», и по его словам выходило, что рабочему классу незначительно думать о политической борьбе — ему еще долго придется пребывать на первой стадии, стадии экономической борьбы. Это была откровенная проповедь тред-юнионизма, которую «экономисты» усердно прививали русскому рабочему движению. Другой пропагандист, «Николай Николаевич» — руководитель кружка, где занимался Серов, наоборот, прямо утверждал, что свержение самодержавия стало непосредственной задачей рабочего класса, и подчеркивал решающую роль рабочих в политической борьбе.

5 января 1901 года вновь собрались представители кружков Нарвско-Московского района. Андреев открыл собрание длинной речью. Он путал, вертелся вокруг основного вопроса, говорил о задачах экономической борьбы, но о конечных целях организации не сказал. Только после настойчивых требований дать ясный ответ Андреев заявил:

— Каковы бы ни были средства и способы нашей организации, конечной целью ее все-таки должно быть свержение самодержавия и установление земского собора...

Но и эту «конечную цель» Андреев, как и все оппортунисты, отодвигал на далекое будущее, считая, что рабочий класс еще не созрел для политической борьбы. О социализме опять ничего не было сказано. «Средства и способы» Андреев оставлял старые — одна лишь агитация за частичное улучшение положения рабочих.

Многие участники собрания не удовлетворились объяснением Андреева. Они настаивали на необходимости вмешаться в движение петербургских студентов. На заре нового столетия под влиянием рабочего движения на арену политической борьбы выступило студенчество. Студенческие забастовки и демонстрации происходили в столице, в Киеве, Харькове и в других городах. Часть путиловских социал-демократов настаивала на том, что рабочие должны выступить вместе со студентами против самодержавного режима. Андреев, заметив, что большинство склоняется к необходимости выступить, попытался отговорить рабочих-кружковцев от участия в студенческом движении. Но это ему не удалось. После долгих споров решение вопроса было перенесено на следующее собрание.

За десять дней до второго собрания в стране произошел новый взрыв студенческих волнений. Правительство жестоко расправилось со студентами. В Киеве полиция закрыла университет, избила студентов, а министр просвещения опубликовал распоряжение о сдаче 183 студентов в солдаты. В столице в ответ на расправу готовилась демонстрация протеста. На собрании путиловских социал-демократов 14 января вопрос об участии в студенческом движении опять вызвал острую дискуссию. На помощь Андрееву пришел пропагандист «Владимир Владимирович». Он убеждал путиловцев не ввязываться в студенческие дела. Как истый «друг» рабочих, он

предупреждал, что участие в протесте рабочим ничего кроме худого не принесет. Он говорил: «Хотя всякий протест нам на руку, но мы, то есть наша организация, не будем принимать в нем активного участия, так как наше дело, рабочее — важнее».

— Зачем связываться со студентами? — говорили «экономисты», в большинстве сами студенты. — Этим рабочие добьются лишь одного — навлекут на себя излишние репрессии и ухудшат свое положение.

Им возражали:

— А за то, что бастуем, разве не арестуют, не высылают?

— Уж если идти на врага, так сразу.

— Только тогда мы легче вздохнем, когда свергнем самодержавного тирана.

Собрание раскололось. В нарвской организации создались два течения. Одно твердо стояло за участие в общих демонстрациях; другое, во главе с Андреевым, резко противилось этому. Большую роль в решении путиловских социал-демократов участвовать в демонстрациях сыграл писатель Н. Г. Гарин-Михайловский, в то время сильно увлекавшийся марксизмом. Некоторые путиловские кружковцы встречались с ним. 20 января они были на квартире у Гарина на вечеринке в память декабристов. Гарин резко выступал против модного тогда в интеллигентских кругах афоризма Бернштейна: движение — все, конечная цель — ничто.

Гарин-Михайловский разъяснял путиловцам, что значит работать без цели и в какой лагерь может привести рабочих подобная «бесцельная» тактика. Он рассказывал о том, откуда «экономисты» черпают свою мудрость, о Бернштейне, который искажает и ревизует марксизм. Живой, подвижный, Гарин вскакивал, ходил, похлопывал то одного, то другого своего собеседника по плечу и спрашивал, что получилось бы, если он, путевский инженер, стал бы строить дорогу по принципу: движение — все, конечная цель — ничто. Клад бы шпалы и рельсы, строил мосты и станции, а куда дорога пойдет — неизвестно. Конечной цели нет. Вышло бы что-нибудь полезное? Он советовал путиловцам обязательно выступать вместе со студентами.

Не будучи в силах сдержать напора передовых рабочих, «экономисты» из петербургского «Союза борьбы» решили устроить самостоятельную демонстрацию. Но с ней не торопились, срок наметили дальний — 1 мая. Это был маневр, которым «экономисты» хотели отвлечь рабочих от участия в студенческом движении. При этом они не отказались от своих установок: демонстрация мыслилась только как протест против безработицы. Политических лозунгов «экономисты» для демонстрации не выдвигали.

Однако, не дожидаясь первомайской демонстрации, 19 февраля 1901 года, в день сорокалетия стмены крепостного права, путиловские социал-демократы вышли на Невский проспект и присоединились к учащейся молодежи. «Экономисты» были биты жизнью: рабочие показали, что им близки интересы всех угнетаемых царским правительством слоев общества. В Нарвском районе во главе организации теперь уже были преимущественно «политики».

29 января полиция арестовала всех членов районного комитета. На некоторое время путиловские социал-демократы остались без связей и руководства. Но уже через несколько недель они объединились в «Путиловскую группу РСДРП» и возобновили работу. К этому времени уже вышел первый номер «Искры». Появление «Искры» показало, что есть

центр, который выдвигает перед рабочим движением иные задачи, чем экономистский «Союз борьбы»: не преклонение перед стихийным движением рабочих, а организация пролетариата для борьбы против самодержавия; не разброд и кустарщина, а революционная партия пролетариата, исключаящая идейную разноголосицу; не объединение во что бы то ни стало всех социал-демократических групп, а прежде всего, в целях подлинного объединения, решительная и определенная размежевка с оппортунистами.

«Путиловская группа РСДРП» сразу определилась как искровская и резко выступила против «экономистов».

Из участников «Путиловской группы РСДРП» своей активностью и энергией выделялись Николай Жилкин и Георгий Шкапин. Первой своей практической задачей группа выдвинула участие в демонстрациях 4 марта путиловские социал-демократы, увлекая за собой десятки рабочих, вновь появились у Казанского собора. Пробыться в город было нелегко. Столичные власти поспешили предупредить выступление рабочих. В рабочие районы послали войска. Нарвскую заставу оцепили четыре роты солдат. Они задерживали всякого, кто направлялся в город. Глубокими обходами пробивались рабочие в центр, к Казанскому собору. За колоннами огромного здания, расположенного полукругом, собирались рабочие — путиловцы, семяниковцы, обуховцы — и студенты. Постепенно они заполнили всю площадь. Подняв знамя, демонстранты двинулись с песней по Невскому проспекту. Полиция и казаки налетели с двух сторон. Началось зверское побоище. Казацкий офицер, сильно наседавший на демонстрантов, получил в ответ удар молотком от путиловца. В рабочих районах позже распевали песенку:

Издание об издании «Искры»

Молоток пошел тут в дело,
Офицеру влетело,
Кровью залился,
Эх, кровью залился...

Полицейский резерв в ожидании вызова

Градоначальник, генерал Клейгельс, присутствовавший при столкновении демонстрантов с полицией, заметил, что перевес на стороне рабочих, и спешно вызвал резервные полицейские силы. Рабочих и студентов отеснили с Невского проспекта. Но уже через несколько минут Невский опять был захвачен демонстрантами. Снова началась дикая полицейская расправа, и демонстрация была рассеяна.

Многие путиловцы получили первое политическое крещение именно здесь, на демонстрациях у Казанского собора. Здесь мелькали красные флаги, на всю площадь раздавались дружные возгласы «Долой самодержавие». Налетали казаки, били стариков, девушек, подростков. Кровь и насилие вызывали в рабочих ответное чувство ненависти и упорство в борьбе.

11 марта путиловцы в третий раз прорвались в город. Они вышли теперь по прямому зову нового центра — искровской группы «Рабочее знамя». Рабочее движение переходило к активной и упорной политической борьбе с самодержавием. Раз от разу выступления становились все более массовыми и более решительными. Ко дню 1 мая «Путиловская группа» готовила выступление всего завода. По цехам распространялись прокламации:

«Россия переживает знаменательное время, — говорилось в листовке. — Долго накопившееся в сердцах чувство неудовлетворенности современным государственным строем вдруг прорвалось наружу и широким потоком разлилось по всем слоям русского общества... Для всех слоев русского общества ближайшую насущнейшую нужду составляет поли-

тическая свобода. В день 1 мая (18 апреля) мы ставим ее во главе наших требований и зовем под наши знамена всех, кто не хочет быть бесправным рабом. Демонстрация состоится в воскресенье 22 апреля, на Невском, в 12 часов дня». ¹

Демонстрация была назначена на 22 апреля, но уже 18 апреля на «Путиловскую группу» обрушился удар. В одну ночь было арестовано пятьдесят человек, в том числе много членов организации. Обще заводская стачка, назначенная на этот день, не состоялась. Несколько сот рабочих разных цехов, бросив работу, пошли на Невский проспект, но там им не дали собраться.

Ближайшие же дни, однако, показали, что рабочее движение продолжает расширяться и приобретает боевой характер. 4 мая на Выборгской стороне забастовали рабочие. Толпа двинулась в город. На Сампсоньевском мосту ее встретила полиция. Произошла схватка, продолжавшаяся несколько часов. С камнями и ножами вышли рабочие против вооруженных городских. С обеих сторон было около семидесяти раненых. 7 мая за Невской заставой произошло знаменитое сражение рабочих с войсками — Обуховская оборона. Обуховцы долго и упорно сражались с полицией и войсками. Как только за Нарвской узнали об этом, многие путиловцы бросились на выручку к своим товарищам «рыбацким», с которыми у них была постоянная связь. Но Невская застава была плотно оцеплена войсками.

Даже неудавшаяся попытка путиловцев помочь обуховцам испугала полицейские власти. Через три дня, 10 мая, двадцать восемь рабочих Путиловского завода были арестованы. Еще через несколько дней взяли четырех членов социал-демократической группы. Все они были высланы из Петербурга.

Взамен арестованных революционеров на заводе появились новые. Теперь уже начало входить в употребление новое имя революционных социал-демократов — «искровцы» или «искряки». «Искру» доставляли на завод несколько человек. Николай Жилкин получал газету по почте, Георгий Шкапин — на конспиративной квартире петербургской группы «Искры», возглавлявшейся В. Ногиным и С. Радченко. На завод «Искру» проносили под платьем, а один изобретательный рабочий, имевший велосипед, использовал его для доставки «Искры». Листы газеты, печатавшейся на папиросной бумаге, он свертывал в тонкие пачки и опускал их под сиденье, в трубу велосипедной рамы. С велосипедом на завод проносили беспрепятственно.

На путиловских вечерних технических курсах «Искру» читали почти открыто, вкладывая ее в номер «Петербургского листка». Читали группами, передавали из рук в руки до тех пор, пока тонкая папиросная бумага не распадалась на куски. «Искру» рабочие социал-демократы встречали с радостью. Котельщик паровозомеханической мастерской Иван Изосимов говорил:

— Непривычно читать такую газету. Всегда, бывало, что прочитаю в газетах, толкую в обратном смысле. Иначе до правды в них не доберешься. А тут как написано, так и понимаешь...

Социал-демократом Изосимов сделался благодаря «Искре». Вначале он старался доставать ее для прочтения, затем стал ходить на собрания

¹ «Искра» № 4, май 1901 г.

и наконец начал работать в организации. На собраниях кружков читали искровский журнал «Заря», и теперь уже не было дискуссий — следует или не следует вести политическую агитацию. Этот вопрос был решен жизнью. Зато часто обсуждались вопросы техники демонстраций: как успеть, например, во-время выкинуть флаг, чтобы его видели не минутой, а две, а десять, двадцать минут.

Если кто-либо из провозвестников «экономизма» пытался повторить старую затверженную формулу — наше рабочее дело важнее всяких демонстраций, — его встречали язвительным смехом, не слушали и иногда напевали известный в социал-демократических кружках стишок, высмеивавший «экономистов»:

Медленным шагом,
Робким зигзагом,
Не увлекаясь,
Приспосаблиясь,
Если возможно,
То осторожно,
Тише вперед,
Рабочий народ.

Путиловские социал-демократы откликались теперь на политические выступления в столице, на события, происходившие в стране. На одном из собраний кружка возник вопрос о положении в Финляндии. Николай Жилкин привел двух финнов — путиловских рабочих. Они рассказали о репрессиях, обрушившихся в последнее время на финнов. Царское правительство лишило их свободы собраний — право, которое они всегда имели по закону, и ввело в Финляндии делопроизводство на русском языке. Для финнов, в большинстве не владеющих русским языком, это было равносильно полному лишению их всяких прав и средств защиты. Путиловские социал-демократы долго обсуждали вопрос о национальной свободе и пришли к выводу, что только общая борьба всех рабочих и всего народа против самодержавия может обеспечить каждой национальности право на свободное развитие.

За три месяца «Путиловская группа» сумела создать четыре искровских кружка, объединявших около сорока человек. Существовали эти кружки недолго. В декабре 1901 года петербургская организация «Искры» понесла большой урон. Взяли и путиловских социал-демократов. К Николаю Жилкину полиция явилась поздно вечером. Жилкин сидел за книгой. Околоточный, производивший обыск, пренебрежительно сказал:

— Читатель!.. Закрывать бы печатные заведения, не было б чего читать, не бунтовали бы.

Жилкин усмехнулся. Он не отказал себе в удовольствии сказать околоточному, что мысль эта уже высказана раньше и чином повыше, чем околоточный надзиратель. При Николае I шеф жандармов Орлов, провожая своего друга за границу, дал ему поручение: когда он будет в Нюренберге, подойти к памятнику изобретателя книгопечатания Гутенберга и плюнуть ему в лицо.

Надев пальто и уже готовясь уходить, Жилкин вдруг вернулся, достал валенки и стал переобуваться. Околоточный нетерпеливо спросил:

— Зачем валенки, ведь без них ходил?

— Запасливый лучше богатого, — ответил Жилкин. — Знаем, куда погоните.

Несмотря на частые разгромы, на заводе возникали новые кружки, приходили новые люди. Из рядов путиловцев вырывали наиболее передовых, энергичных рабочих. Вместо них, как из-под земли, вырастали другие, не менее упрямые, настойчивые революционеры.

Тульские рабочие, издавна имевшие связи с петербургскими социал-демократами, в начале 1902 года прислали на Путиловский завод нескольких товарищей, чтобы «работать и учиться, как добывать свободу». На завод вернулся Иван Дмитриевич Иванов, участник кружков девяностых годов. Он нашел старых друзей. Накупив на базаре гутаперчевых букв, устроил подпольную типографию, стал печатать листовки. Листовки были немногословны. В них говорилось о необходимости единения рабочих в борьбе с правительством.

Корреспондент «Искры» из Петербурга писал о все возрастающей активности революционных рабочих:

«Собрания делаются чаще и многочисленнее. Раздаются горячие речи о рабочем движении, о социализме, насмешки и ругательства по адресу правительства. Выдвигаются новые лица, сознательность которых раньше никто не подозревал. Возникают новые кружки... Наиболее энергичные рабочие, которых в Петербурге называют «орлами», приобретают все большее влияние на массу».¹

В начале 1902 года в Петербурге одна за другой произошли две крупные студенческие и рабочие демонстрации. Особенно значительным было выступление 3 марта 1902 года. С полудня на Невском проспекте начались столкновения рабочих и студентов с полицией и казаками. От Фонтанки до Мойки, по обе стороны проспекта, тротуары были заполнены студентами, курсистками, рабочими. У Гостиного двора прогремело рабочее «ура» и было поднято красное знамя. Полицейские, как взбешенные быки, бросились на него. Многих рабочих загнали внутрь дворов и там учинили над ними зверскую расправу. Через час снова пустили публику на проспект. И опять зазвучали революционные лозунги, песни, опять поднялись красные знамена. Знамя путиловцев так и не попало в руки полиции. Его бережно спрятали и принесли обратно в район. Разговоры о технике уличных демонстраций пригодились.

По всей стране, как зарницы восстания, вспыхивали бои рабочих с полицией. На юге бастовали тысячи рабочих. В марте 1902 года в Батуме происходили грандиозные стачки и демонстрации рабочих. Войска расстреляли демонстрацию, и батумские рабочие показали образец организованности и стойкости. Руководителем революционных выступлений в Батуме был товарищ Сталин.

Петербургский «Союз борьбы» к этому времени уже официально принял платформу «Искры», окончательно изгнав «экономистов». В письме к И. И. Радченко 3 июля 1902 года Ленин писал:

«Дорогой друг! Прежде всего от всей души поздравляю Вас (и ваших друзей) с громадным успехом: приступом к реорганизации местного комитета. Это дело может стать поворотным пунктом во всем нашем движении, и поэтому довести эту реорганизацию до конца — самая важная и самая настоятельная задача».²

¹ «Искра» № 16, 1 февраля 1902 г.

² Ленин, Сочинения, т. V, стр. 135.

☛ *Казанского собора — место демонстраций в 1900—1904 годах*

В этом письме Ленин указал ряд мероприятий, безусловно необходимых для реорганизации. Новый Петербургский комитет решительно взялся за осуществление ленинских указаний по строительству партии. Он обратился с воззванием ко всем социал-демократическим организациям:

«...СПБ комитет пришел к убеждению, что надо закончить, выражаясь словами автора брошюры «Что делать?», ликвидацию периода кустарничества, периода местной раздробленности, организационного хаоса и программной разногласицы... СПБ комитет заявляет о своей солидарности с теоретическими воззрениями, тактическими взглядами и организационными идеями «Зари» и «Искры», которые он признает руководящими органами русской социал-демократии... Мы не можем пассивно ждать одного только формального восстановления всероссийской партийной организации, мы должны немедленно активно взяться со всех сторон за ее созидание, чтобы оказаться на высоте своей задачи: руководить решительным натиском масс на русское самодержавие». ¹

«Экономизм» в Петербурге был окончательно разгромлен идейно и организационно. Ленинская «Искра» завоевала рабочий Петербург, — наступил новый этап в развитии русского рабочего движения.

¹ «Красная летопись» № 4, 1925, стр. 235—236.

ДЕНЬ СМОТРИТЕЛЯ ЧАЧИ

Номер — увесистый медный квадрат с цифрой, с названием мастерской и распластанным двухглавым орлом. Под цифрой, выбитой в номере, рабочий числился по заводским книгам. Его называли по номеру, он был занумерован, как станки, машины и прочий инвентарь.

Рабочий сам был номером. Людей, предоставлявших ему работу, нисколько не занимала его личность, его жизнь — им требовались лишь его сильные и умелые руки. Все рабочие были для этих людей номерами — многочисленными, различающимися лишь цифрой и названием мастерской.

В одном случае хозяева завода интересовались отдельным рабочим: когда он делал попытку превратиться из номера в человека. Для такого случая у хозяев имелись вышколенные, бездумные и бездушные слуги, а во главе слуг — хорошо известный путиловцам смотритель завода М. Я. Чачи, или попросту — смотритель Чача.

Чачу разбудили около пяти часов утра. У входных дверей в почтительной позе стоял пожарный. Он доложил: в лесообделочной от неизвестной причины загорелись стружки, команда выехала. Сердито выругавшись, Чача стал одеваться. Он еще пристегивал крахмальные манжеты, когда прибежал хожалый: пожар потушен, и господин смотритель могут не беспокоиться. Не ответив, Чача быстро оглядел себя в зеркало и вышел из дому.

Белая петербургская ночь плыла над городом. На востоке занималась заря. За силуэтами труб дрожал красноватый отблеск мартезовских печей. Лампочки не горели. Чача шел по заводскому двору, не торопясь, бросая кругом острые подозрительные взгляды. Вот маляры быстрыми движениями кистей красят вагоны. Они торопятся закончить заказ, приходят на завод задолго до гудка. Но партия вагонов, которую они докрашивают, — последняя: работа из-за кризиса идет с перебоями, и чем больше стараются маляры, тем ближе расчет и безработица. Вот груды деталей у стен паровозомеханической, детали уже много времени лежат на открытом воздухе, покрываясь ржавчиной, — они никому не нужны. Вот пара лошадей с грохотом везет пушку. В артиллерийских мастерских попрежнему оживленно: путиловские пушки даже продают за границу и при помощи их недавно было подавлено восстание в Китае. На полигоне целые дни раздаются гулкие выстрелы.

Все как будто в порядке. Ни пьяных, ни спящих; не видно, чтобы кто-нибудь шел без дела. Нет сборищ. Но Чача смотрит подозрительно: на заводе последнее время неспокойно — появляются прокламации, слышатся противоправительственные разговоры, настроение возбужденное. И он пользуется случаем лишний раз заглянуть в мастерские.

Рабочий номер (в натуральную величину)

Возле лесобделочной во дворе большими кучами лежали стружки. Пожарные уже уехали, рабочие расходились. Жизнь мастерской входила в обычную колею.

— Сидят, как собаки на сене, — услышал Чача, — ни себе, ни людям.

Прежде хозяйки со всей заставы приходили за стружками, но новый директор Смирнов строго запретил это, и стружки, вырастая в горы, лежали без пользы.

Чача рванулся вперед. Его хрящеватый нос с горбинкой несколько раз повернулся из стороны в сторону. Рабочие, увидев смотрителя, скрылись. Он спрятался за стену, в тень. Минуты через две деревенского вида парень, оглянувшись, пробрался к самой дальней куче стружек, разрыл ее и улегся спать. Этого Чача только и ждал. С торжествующим видом подошел он к нарушителю порядка, толкнул ногой, заставил подняться и выйти из убежища.

Прибежал ночной мастер Тетявкин, толстый человек с грубым лицом, и набросился с руганью на рабочего. Тот смущенно оправдывался: «Все равно сию без дела, работы старшой не дает». Мастер не слушал: его разозлил не столько сам поступок, сколько то, что спящего обнаружил смотритель и могли быть неприятности.

— Штраф один рубль! — гневно определил он.

Чача знал, что по графе таблицы взысканий за «прочие нарушения порядка», куда входил и сон во время работы, полагался штраф в семьдесят пять копеек, но смолчал.

— Нет, рубля для тебя мало, — передумал мастер. — Иди, погуляй два дня. На досуге выспишься. Сегодняшний день тебе тоже не засчитываю.

Чача с интересом взглянул на мастера. В условиях кризиса штраф прогулом представлял прямую выгоду для хозяев: рабочий «гулял», деньги ему за эти дни не платили, станок стоял без дела. Из-за той же выгоды к церковным праздникам, в которые обычно не работали, в начале 1900 года путиловское правление прибавило еще три: сретенье, воздвижение, введение. Это был тоже своеобразный штраф прогулом, который капиталисты наложили на рабочих за то, что они произвели слишком много товаров.

Был шестой час утра — заводский двор оживился: шли рабочие ночной смены, кончавшие в пять. Они шли усталые, изможденные, с воспаленными до красноты веками и побледневшими лицами. Увидев смотрителя, сторонились, оглядывались угрюмо и настороженно. Многие недоумевали: «Что его, коршуна, носит? Покою от него нет ни днем, ни ночью...»

Неожиданно вблизи послышались стоны. Чача остановился. Пронесли носилки, на которых лежал раненый. Нога раненого была неестественно согнута, руки свешивались и качались в такт шагам несущих. Чача остановил носилки, строго спросил, в чем дело. Откуда-то вынырнули двое, один из них назвался мастером паровозомеханической мастерской. Он торопливо объяснил: несчастный случай — рабочему колесом переломило ногу.

— Сам виноват, ей богу, сам виноват, — скороговоркой повторял он.

— В проходную за полицейским послано?

— Послано, господин смотритель.

Обычно Чача присутствовал при составлении протоколов о несчастных случаях, но сейчас надо было идти встречать утреннюю смену. Он знал, что полицейский и вызвавшиеся быть свидетелями мастер и старшой и без него докажут, что несчастие произошло по вине рабочего.

При виде раненого многие останавливались, смотрели вслед, вздыхали. Кто-то с тревогой произнес:

— Беда, если к доктору Миценке попадет... От такого живодера одна дорога — на Красненькое.

Его поддерживали:

— Известно, доктор, фершал и аптека — это смертность человека.

Чача отправился домой пить чай. Он сел за стол и, пока жена приготавливала чай, читал «Петербургский листок». Он любил эту газету, хотя соглашался, что директорское «Новое время» серьезней и солидней. В «Листке» не было длинных политических статей, всегда казавшихся Чаче скучными. Даже все злободневные вопросы — англо-бурская война, события на Дальнем Востоке — подавали в этой газетке коротко и бегло.

Чача просматривал эти сообщения мельком. Больше всего его привлекал отдел «В обществе и свете», где подробно сообщали о приемах во дворце, о балах, выездах, свадьбах. Сейчас, раскрыв газету, он сразу же отыскал глазами описание грандиозного бал-маскарада в одном из знатных домов. «Хозяйка бала была в атласном персикового цвета платье, только что полученном из Парижа», — прочел он вслух. Сердце его замирало. Он переносился в мир избранных, которым дано управлять и владычествовать. Он благоговел перед этим миром.

В списке принятых за вчерашний день во дворце он встретил знакомое имя и, покосившись на жену, важно сказал:

— Слышишь, генерал Дурляхер удостоился высочайшей аудиенции... Знаю его... Зимой к нам в завод приезжал. Остался доволен. Я угощал его в приемном доме... Впрочем, где тебе понять...

И он в десятый раз принялся рассказывать этот случай, попутно вспоминая, как князь Тенишев пожал ему руку, а военный министр отметил, что порядок на заводе образцовый. Жена смотрела на него с обожанием и испугом.

Впрочем, иногда внимание Чачи привлекали и серьезные вещи. Так однажды, прочтя сообщение о приказе виленского губернатора фон Валя выпороть участников первомайской демонстрации, он одобрительно крикнул и после не раз говорил приставу: «Вот человек, не то, что здесь у нас...» В другой раз поразился, узнав о том, что правительственным указом крестьяне Полтавской и Харьковской губерний оштрафованы на 800 тысяч рублей в пользу помещиков.

— Правильно, — произнес он. — Если не штрафовать, так они на голову сядут...

В седьмом часу Чача был уже в проходной. От каждой узкой калитки, а их было десять, тянулись перила, между которыми проходили рабочие. Отполированные ладонями, перила напоминали оглобли, и рабочие, входя вереницей, точно впрягались в огромную повозку, которую никак не могли сдвинуть с места.

В конце каждой пары перил стояли железные кружки — по одной на мастерскую. Возле кружек дежурили сторожа. Тут же похаживал горо-

довой. Это был собственный путиловский городской, состоящий на службе у хозяев завода: по настоянию Чачи в 1900 году на заводе учредили полицейский пост из четырех человек. Сегодня пришел встречать смену и околоточный надзиратель. Чача поздоровался с ним сухо, с оттенком пренебрежения. Он сам когда-то был околоточным. Теперь служба в наружной полиции казалась ему жалкой и нестойкой; там, по его мнению, умным людям нечего было делать — выше пристава не пойдешь, а здесь на заводе он — смотритель, большое начальство, правая рука директора.

Один за другим несколькими потоками проходили перед Чачей рабочие. Медные номера падали в кружки с однообразно унылым звяканьем. Чача ушел. Когда часа через полтора он вновь заглянул в проходную, через особую калитку шли служащие цехов. Прошел мастер баковой мастерской Иван Апарин, на груди которого блестела серебряная медаль за постройку корабля «Император Александр III». Чача завидовал Апарину. Не спеша, прошел мастер железнодорожного цеха Давыдов — низколобый человек с гладко прилизанными волосами и ровным пробором. Увидев Чачу, он оскалил зубы и подмигнул своему собутыльнику. Чача, редко с кем допускавший такую фамильярность, в ответ улыбнулся тонкими губами. Быстро пробежал начальник котельно-мостовой Софронов — длинноволосый, в развевающемся балахоне и круглой шляпе. Чача презирал его: Софронов был самоучка, с рабочими обращался запросто, разговоров со смотрителем избегал.

Чача знал, что в последнее время некоторые инженеры и служащие завода собираются друг у друга, говорят о политике, сочувственно отзываются о растущем недовольстве рабочих. Это заставило его относиться кое к кому с большим подозрением. Такие, как, например, инженер лаборатории Рабинович, всегда старавшийся проскользнуть мимо Чачи, не адосякаясь, были у него на особом счету.

Подъехала коляска помощника директора завода Блюммера. Сторож торопливо открыл ворота. Чача низко поклонился. Блюммер получал 7200 рублей в год, 1500 квартирных и полтора процента от чистой прибыли — еще несколько тысяч. В три дня он зарабатывал столько, сколько Чача в месяц. Чача не смел ему завидовать, однако считал, что судьба не совсем справедлива.

Чача поднялся в свою контору, во второй этаж проходной. Там хранились дела рабочих и служащих завода с особыми карточками о каждом. Прием и увольнение проходили через руки смотрителя. Это являлось самой важной его обязанностью. В последнее время Чача сидел в конторе целые дни, почти не показываясь в мастерские. Еще год назад, в 1901 году, на заводе из-за кризиса рассчитывали небольшие партии рабочих. Мастерские, кроме артиллерийских, работали с неполной нагрузкой. Чуть не каждый месяц появлялись объявления директора об отсутствии приема на работу. Теперь увольнения приняли массовый характер.

Чача сидел вдвоем с Фортунато — поручиком в отставке, начальником конторы по делам рабочих и служащих. Оба просматривали списки увольняемых, поступившие из цехов. Время от времени они заглядывали в ящики с карточками. В этих карточках было отмечено все: кто подавал жалобу, кто отказывался жертвовать на церковь, кто грубил мастеру, кто участвовал в стачке.

«Вследствие частых случаев приема на работу лиц, коим поступление на завод по разным случаям воспрещено, прошу господ начальников мастерских не принимать рабочих на пробу ранее наведения соответствующих справок о них в проходной конторе».

Чача ревностно следил за выполнением циркуляра. Всегда тщательно наводил он справки о принимаемых, и не раз случалось, что рабочий получал обратно паспорт и к нему совет — никогда больше не соваться на Путиловский завод.

В контору тихо вошел саженного роста детина с военной выправкой, подал Чаче конверт. Какой-то генерал просил принять на завод своего бывшего денщика. Хотя генерал был Чаче незнаком, но Чача решил принять парня. Однако он довольно прозрачно наметнул насчет трудности поступления на завод и большой любезности, которую он оказывает генералу. В ответ на это денщик вытащил из-за пазухи другой конверт, довольно засаленный, подал смотрителю. В конверте лежало десять рублей.

Конверт польстил Чаче: «Точно полицеймейстеру!» Другие дают просто, без конвертов, и ограничиваются трешкой. Он записал фамилию бывшего денщика и сказал: «Приходи завтра».

Незадолго до перерыва прибежал сторож Лыга. По его лицу Чача догадался: произошло что-то важное. Пройдя со сторожем в другую комнату, он плотно прикрыл дверь. Лыга вытащил из кармана смятый кусок бумаги и протянул Чаче. Это была рукописная прокламация, захватанная по краям масляными пальцами. Косые неровные буквы показывали, что писал ее не очень грамотный человек. Сторож торопливо пояснил, что сорвал ее со столба во дворе завода, — хлебный мякиш еще не успел засохнуть. Чача нахмурился, сунул прокламацию в карман и отослал сторожа. Потом вышел в коридор. Конторский мальчик сидел на связке книг и, прикрыв глаза, тянул, не переставая:

Трансвааль, Трансвааль, страна моя,
Ты вся горишь в огне.

Чача сердито дернул его за ухо, мальчик испуганно вскочил:

— Распелся? — грозно произнес Чача. — Ты где, на службе или в трактире? Марш в проходную на Волюнку! Скажешь: обыск сегодня после работы...

Сторожа он приказал сейчас же в перерыв осмотреть котелки и судки, в которых женщины принесут рабочим пищу. Ко всему привыкшие сторожа ревностно принялись исполнять приказание смотрителя. Женщины стояли на специально отведенном месте на шоссе у ворот. Они озлобленно ругали сторожей, со всех сторон осматривавших их незатейливую посуду, вырывали ее, но при появлении Чачи смолкли: смотритель был хорошо известен за заставой, связываться с ним остерегались.

Напротив ворот стояли торговки, наперебой предлагавшие свой товар. Больше всего народу толпилось у двух толстых старух, перед которыми стояли большие чугуны, наполненные вареными коровьими желудками — сычугами. Сычуги были плохо промыты, нехорошо пахли. Молодой рабочий стоял в нерешительности возле одного из чугунов, вертя медную монету. Он недовольтно заметил:

— Ты бы, тетка, помыла их. Этим поля удобрять, а не обедать.

На шоссе в обеденный перерыв

Торговка раскричалась:

— Вот барин, за три копейки рябчиков захотел! И это слопаешь.

Года три назад только самые низкооплачиваемые рабочие употребляли в пищу сычуги. Теперь сычуги ели многие. Стоявшие у ворот завода безработные голодными глазами смотрели на коровьи желудки. Безработные могли себе позволить купить на копейку только пару тухлых, круто сваренных яиц — «тумаков». Один из них, прежде квалифицированный токарь, сказал с горечью:

— Мастеровой не собака, все съест.

Чача подошел к торговкам, смешался с толпой. Разговоры и смех мгновенно смолкли, толпа поредела. Морща нос, Чача постоял немного возле чугунов с сычугами, посмотрел во что торговки заворачивали свой товар.

Чача вернулся на завод. Бумажка, переданная сторожем, не давала ему покоя. Завод молчал, мастерские опустели, только у мартеновских печей и вагранок попрежнему находились люди: им перерыва не полагалось. Чача прислушался — разговоры были обычные, будничные, о своих личных делах.

Чача знал много укромных мест на заводе, где могли собраться рабочие. Он прошел к механической мастерской. В закоулке между стеной и грудой железа раздавались голоса. Прислушавшись, Чача замер. Он слышал быстрый олонецкий говорок:

— У нас, брат, похуже твоего Тетякина зверь. Рессинг — фамилия. Недавно удрил одного чернорабочего по затылку — тот и без того здоровым был слаб, а теперь ума рехнулся... В деревню отправили.

— И мастеру ничего? — спросил мальчишеский голос.

— Известно. Ворон ворону глаз не выклюет.

Рабочие помолчали. Потом третий голос, неторопливый, солидный, произнес:

— Жаловаться надо... Закону такого нет, чтобы бить.

— Законы не про нас писаны, — перебил олонецкий.

Чача затаил дыхание. Солидный голос упорствовал:

— Нет такого закону... Это потому такие тигры, как Рессинг или, к примеру, Чача, свирепствуют, что мы молчим. Жаловаться надо. Помню — годов двадцать назад ходили ткачи к наследнику престола...

— Ну и что?

— Да ничего... ходили, говорю.

В разговор вмешался четвертый.

— Ходили, да не выходили. Слыхал, что в прошлом году обуховцы устроили? Вот это дело...

— Так побили же их!

— Побили потому, что мало их было... Вот кабы все!

— Чача!

Рабочие вскочили, и все бросились бежать. Их было четверо, он видел: два молодых парня, один пожилой с седыми усами, один подросток. На крик Чачи прибежал хозяин, но задержать никого не удалось.

Перерыв кончился. Чача закончил в конторе проверку списков, отдал их переписать и пошел с докладом к директору. Каждый раз, когда перед докладом он брал папку с бумагами, лицо его становилось особенно значительным.

Смирнов сидел за широким столом, уставленным моделями пушек и снарядов. Это был видный широкоплечий мужчина средних лет, с озабоченным всегда лицом, одетый в путевскую форму. Кивнув Чаче, он жестом указал на стул и продолжал писать.

Смирнов был директором иного склада, чем его предшественник Данилевский, — бюрократ, а не производственник. Ровно в девять являлся он в кабинет, вынимал золотой портсигар, закуривал и погружался в бумаги. Над бумагами проводил он дни, сочиняя и подписывая приказы, распоряжения, составляя доклады, читая записки подчиненных. Он не ходил часами по заводу, не разговаривал с рабочими, не пугал громкими окриками мастеров. В определенные часы вызывал к себе нужных начальников. Был педантичен и холоден. Административный персонал он увеличил вдвое, установил новые, жесткие правила внутреннего порядка.

Кончив писать, Смирнов отложил бумаги в сторону и спросил, что нового. С Чачей он держался другого тона, чем с остальными, — не такого строго официального, а почти домашнего, и притом презрительного, каким разговаривали бары с приближенным холоуем. Чача доложил, что увольнение идет успешно, очередной список готов. Вынув записную книжку, рассказал о происшествиях. Он сообщил о растущем среди рабочих недовольстве штрафами и расчетами, упомянул о разговоре в перерыве, прибавив, что, по слухам, рабочие снова собираются бить мастера Рессинга, как били его год назад.

— Дурак, не умеет держаться, — сказал Смирнов.

Избиения мастеров за последнее время происходили все чаще. Иногда, поймав в темном закоулке заставы какого-нибудь особенно зверствовавшего мастера, рабочие приказывали ему плясать, приговаривая:

— Мы все от тебя плачем, так повесели нас хоть разок.

Или в день семейного торжества присылали гроб с надписью: «Не изменишься — ляжешь сюда». А теперь и до директора добрались.

Вздыхнув, Чача вынул листовку:

— Вот что пишут, негодяи.

Смирнов прочел:

«Господа мастеровые. Не посраим имя Путилова. Вон вора, вон мазурика Смирнова. Смерть ему поскорей».

Это не походило ни на одну из многочисленных листовок, которые прежде попадали к директору. Было ясно: писали не революционеры, а кто-то из стариков рабочих, и Смирнова это особенно задело. Он побагровел:

— Какие приняты меры?

Чача сказал, что намерен сегодня же произвести обыск и, кроме того, будет сам и через верных людей внимательнее следить за настроением в мастерских.

— Мало, — отрезал Смирнов. — Начальники и мастера распустились. Я их подтяну...

Чача пожаловался на мастеров, принимавших на работу неблагонадежных, на начальников, слишком «распустивших» рабочих, на инженеров, занимавшихся политикой, на рабочих, замеченных в подстрекательстве к забастовке. Он передавал слухи, сплетни. Директор внимательно слушал. Рабочие знали о таких разговорах и метко отзывались:

— Директор себе «Путиловский листок» завел.

В разговоре Чача вспомнил: в маленькой лесообделочной есть ночной мастер Тетякин, который штрафует прогулом. Человек он, кажется, услужливый. Его надо иметь в виду. Неплохо бы поставить на работу повыше. Смирнов задумчиво перебирал бумаги:

— Скоро освободится место дневного лесообделочного мастера. Начальник цеха, кажется, уже наметил человека. Но, впрочем, можно и этого... вашего... как его — Лайкина или Тетеркина...

В конце разговора Смирнов передал Чаче несколько прошений, полученных от рабочих. Среди них оказалась жалоба на самого смотрителя. Сторож, уволенный Чачей за непочтительность, — он не сразу снял перед ним шапку, — просил принять обратно и дать работу где-нибудь в цеху. В жалобе смотритель именовался алчущим крови свирепым волком, от которого нет спасения.

— Это ему Романов писал, — сердито произнес Чача. — По словам вижу... И доберусь же я когда-нибудь до этого длинноволосого адвоката.

Романов славился по заставе тем, что умел писать прошения и жалобы начальству. Выходило у него не всегда гладко и грамотно, зато хватало за душу. В свое время он написал рабочим рельсообделочной мастерской жалобу на мастера Яковлева: «Яковлев не господин, а как в прошлые времена был царь Диоклетиан, гонитель на христиан, бросающийся на людей... с ревом, что лев». Прощение кончалось характерно: «Разберите наше дело и окажите какую-либо милость, а то придется нам самим разбираться с Яковлевым». Романов учил, как подавать прошения, с какой стороны подойти к начальству, как сложить бумагу, чтобы при подаче она сразу развернулась лицевой стороной.

Прочтя жалобу на себя, Чача нахмурился. Но уже через минуту он был вознагражден: директор тут же подписал заранее заготовленный приказ о выдаче смотрителю завода наградных — пятидесяти рублей.

Чача поблагодарил и вышел. Он был доволен жизнью: жалованье 125 рублей в месяц, квартира казенная, наградные чуть не к каждому празднику. Директор обращался с ним запросто, доверял ему.

В половине седьмого вечера Чача снова был в проходной. Сплошным потоком двигались рабочие по двору. У самого входа образовался затор. Толпа росла. Задние недоумевали. Потом от одного к другому покатилося короткое слово: «Обыск!»

У кого в кармане была пустая полубутылка, поспешно выбрасывал ее. Кто нес несколько гвоздей для хозяйства или сделанный на досуге замок, поворачивал обратно. Согласно правилам внутреннего распорядка, любой сторож у дверей мастерской или у ворот завода имел право обыскать каждого рабочего. Обыски случались нередко, но обычно ограничивались похлопыванием рабочего по бокам, там, где карманы. Сегодня обыскивали не так. Рабочему выворачивали все карманы, вытаскивали все бумаги, наспех просматривали их. Обыскивали с издевкой, каждым жестом стараясь унижить человека.

Обыск продолжался долго, но результатов не дал. Несколько рабочих Чача на всякий случай задержал в проходной, чтобы выяснить, действительно ли они рабочие завода.

Вечером Чача заглянул в бухгалтерию завода. Он подозревал некоторых заводских служащих в распространении прокламаций. У пишущей машинки, бывшей тогда редкостью, он увидел кучку разорванных бумажек с печатными буквами. Работавшим сверхурочно служащим приказал не расходиться и вызвал пристава. Вместе, заранее торжествуя, они стали складывать бумажки в одно целое. Работа их окончилась разочарованием. Перед ними лежала не прокламация, а испорченный экземпляр делового письма. Уходя из бухгалтерии, Чача слышал сдержанный смех.

Как нередко бывало, по вечерам Чачу, когда он оставался один, охватывала непонятная, безотчетная тревога. Он боялся. Боялся все растущего недовольства рабочих, их косых, угрюмых взглядов, резких возгласов. Рабочие стали явно не те, что прежде. Прежде было просто: рабочим мало платят, они хотят, чтобы платили больше, и устраивают забастовки. Чача по долгу службы препятствует забастовкам и ловит подстрекателей. Теперь не то: рабочие выходят на улицу со знаменами, берут нарасхват листовки, в которых говорится о порядках в стране, ругают правительство. Их интересует политика. Работы Чаче прибавилось, работа стала трудней и беспокойней.

Время от времени выезжал Чача в коляске с поднятым верхом, направляясь к центру города. Недалеко от Фонтанки коляска останавливалась. Чача приказывал кучеру ждать. Кучер понимающе ухмылялся, уверенный, что барин ловко обманывает свою жену. На самом деле смотритель, подняв воротник, направлялся в охранное отделение. Чача сообщал знакомому чиновнику все, что знал о настроении рабочих, о лицах, ведущих противоправительственную пропаганду, о листовках. Но в охранке не были им довольны. Он плохо разбирался в политике, в полицейских приемах был старомоден, действовал неосторожно и грубо. Иногда в охранке ему сообщали факты, касающиеся Путиловского завода, о которых он не знал. У него были основания думать, что на заводе кто-то, кроме него, связан с охранкой и выполняет ее задания лучше.

Обойдя завод, встретив вторую смену и проводив первую, Чача пошел домой. Круг его близких знакомых был невелик: Фортунато, мастер Давыдов, доктор Мищенко, пристав. Большинство служащих относилось к нему с брезгливостью и опаской. Дома Чача садился к столу и погружался в чтение старых приказов по заводу, взятых на прочтение у архивархуса. Читал он медленно, с наслаждением, смакуя и размышляя. Мысли его переходили к сослуживцам. Он знал все прозвища, даваемые рабочими своим начальникам, и когда поступал кто-нибудь новый, с нетерпением и злорадством ждал, как его прозовут.

Сегодня он был слишком встревожен, чтобы читать старые бумаги. Угрюмый и злой, снова прошел он туда, где в спешном порядке по его приказанию возводили новый забор. Чача каждый вечер ходил сюда, смотрел, как на глазах вырастала крепкая ограда почти в два человеческих роста, для острастки свирепо ругал плотников, подозрительно осматривал каждую доску. Полный лакейского рвения, он хотел как можно лучше услужить хозяевам, поскорее воздвигнуть забор, которым он думал оградить завод от постороннего влияния. Ему мерещились новые подачки, новые кости с хозяйского стола.

Было поздно, но Чача не мог успокоиться. Он долго рыскал в ночной темноте по заводу, словно вынюхивал что-то. Встречные, увидев его, парахались прочь и с ненавистью смотрели вслед.

Так проводил свой день смотритель Чача — цепной хозяйский пес, грязный и мелкий, подбострастный и жестокий, готовый из-за куска пожирнее перегрызть горло кому угодно.

ПУШКА ОБРАЗЦА 1902 ГОДА

Большие директорские объявления, расклеенные по всему заводу, извещали о предстоящем молебствии в связи с выпуском тысячного паровоза: «...Мастеровые, работавшие по паровозам с самого начала паровозостроения, и некоторые другие, по выбору, коим будут розданы билеты, приглашаются после молебна в помещение паровозосборочной, где им будет предложено угощение».

Тысячный паровоз стоял нарядный, увешанный зеленью — от дымогарной трубы до больших, еще необъезженных колес. Весь он сверкал лаком. Медную арматуру товарного паровоза начистили до блеска, рукоятки рычагов и поручни отполировали, дышла и кулисы тщательно отделали и покрыли узорчатой сеткой шавровки. Вокруг паровоза-юбилея толпились гости из министерств: военного, путей сообщения, финансов, представители банков, члены правления и администраторы Путиловского завода. Среди гостей были люди, знавшие толк в паровозном деле — казенные приемщики, инженеры, конструкторы. Они взбирались на паровоз, на тендер, осматривали арматуру, пробовали свисток, ощупывали взглядами машину со всех сторон. Поодаль стояли рабочие, приглашенные на торжество. Для них в паровозосборочной приготовили угощение: каждому полбутылки водки, две бутылки пива и закуски.

Тысячный паровоз сиял всеми своими частями. Он вздрагивал от малейшего прикосновения к рычагам, заливался свистом, попыхивал молочным белым паром, тяжело пофыркивал от нетерпения.

Осмотр закончился. Машинист дал протяжный предупредительный сигнал и рванул машину с места. Клубы дыма и пара заволкли все вокруг. Юбилейный паровоз, пыхтя и гремя, помчался по заводским путям прямо к паровозному парку, где вплотную друг к другу сгрудилось немало таких же машин, ненужных, застоявшихся в заводе, по терминологии дирекции — «изготовленных в запас».

Начальство справляло поминки по лучшим месяцам паровозостроения. Промышленный подъем девяностых годов сменился жестоким кризисом 1899—1903 годов. Кризис был общеевропейский, он захватил и Россию и, совпав с аграрным, обострился и затянулся надолго. Путиловский завод был втянут в промышленный кризис несколько позже других предприятий. Зато он сразу понес значительные потери. К августу 1901 года заказы на паровозы Путиловским заводом были исчерпаны. Вместо двадцати пяти паровозов, выпущенных в июле, завод делал теперь по десять штук ежемесячно и гнал все эти десятки паровозов в запас. Вагонные мастерские работали с недогрузкой наполовину, металлургический отдел свертывали, окончательно закрыли бессемеровскую мастерскую. На заводе скопились огромные запасы готовой продукции и большие запасы сырья: чугуна русских марок — на двадцать один месяц, иностранных марок — на пятнадцать месяцев, общим весом свыше трех миллионов пудов.

Празднование выпуска тысячного паровоза 7 октября 1901 года имело целью обратить внимание высших правительственных кругов на плачевную судьбу завода, вынужденного сокращать производство и оставшегося без оборотных средств и источников финансирования. Международный банк, снабжавший Путиловский завод деньгами, сам пострадал от кризиса настолько, что потерял все свое обеспечение. Путиловское правление посылало одну за другой докладные записки то в военное, то в финансовое ведомство. В записках подробно перечислялись заслуги завода, ежегодно выполнявшего правительственные заказы на сумму до восьми миллионов рублей. В конце каждой записки путиловские хозяева обращались со смиренной просьбой не оставить вниманием их «столь государственно-важный Путиловский завод». Записки нашли отклик в высших правительственных кругах. Сам царь благоволил к Путиловскому заводу. В 1899 году правлению было разрешено выпустить дополнительные акции на три миллиона рублей, а в июле 1901 года по «высочайшему соизволению» Государственный банк выдал заводу полуторамиллионную ссуду.

Во главе правления общества Путиловских заводов стояли прожженные, опытные дельцы, хорошо знавшие, как ловить рыбку в мутных правительственных водах. Председатель правления А. К. Фойгт был многими нитями связан с чиновным миром. Он прислушивался к запросам ведомств и учитывал интересы сановных лиц, во-время предоставляя «взаимы» всегда им необходимые деньги. Фойгт многому научился с тех пор, как вышел из-под опеки правления Брянского синдиката и стал самостоятельно хозяйничать в акционерном обществе Путиловских заводов. Отставной гвардии поручик, он теперь играл командующую роль в «Совецательной конторе железозаводчиков» — предшественнице Общества заводчиков и фабрикантов. Он председательствовал на съезде металлопромышленников Северной области и в стане петербургских капиталистов был самым ярким и самым последовательным защитником единой хозяйской линии против рабочих.

В поисках постоянных заказов Фойгт решительно поворачивал Путиловский завод на путь военных производств: артиллерийский отдел приобретал все большее значение, обгоняя все другие цеха. За девяностые годы выпуск пушек и артиллерийского снаряжения возрос в десять раз, в то время как другие производства увеличились только в четыре раза. К началу XX века Путиловский завод стал самым крупным поставщиком легкой артиллерии для царской армии.

Готовясь к войне на Дальнем Востоке, военное министерство обратило внимание на артиллерию. В армии до того на вооружение была принята полевая 75-миллиметровая пушка — тяжеловесное, малоподвижное орудие. Замок этой пушки был тяжелой, неудобной конструкции. При стрельбе пушка так сильно подпрыгивала, что нередко калечила орудийную прислугу.

Артиллерия крепостная и осадная была вооружена орудиями старых систем. Шестидюймовая пушка образца 1877 года давала лишь один выстрел в минуту. Были и медные пушки, сохранившиеся со времен Крымской кампании. За границей, на Западе, уровень военной техники за девяностые годы заметно поднялся. Артиллерия Шнейдера во Франции, Круппа в Германии, английские пушки — были выносливы, не сдавали после незначительного количества выстрелов, как это было с русской. Заграничные пушки были дальнобойны, скорострельны и снабжались приличными прицелами.

Равняясь по Западу и участвуя в гонках вооружений европейских стран, царское правительство решило перевооружить в первую очередь свою полевую легкую артиллерию. В 1899 году комиссия по перевооружению объявила конкурс на трехдюймовую полевую скорострельную пушку. К соревнованию были привлечены все лучшие мировые военные фирмы — «Шнейдер», «Крупп», «Гочкис», «С.-Шамон», «Норденфелдт» — и русские пушечные заводы — казенные Обуховский, Пермский и частный Путиловский завод.

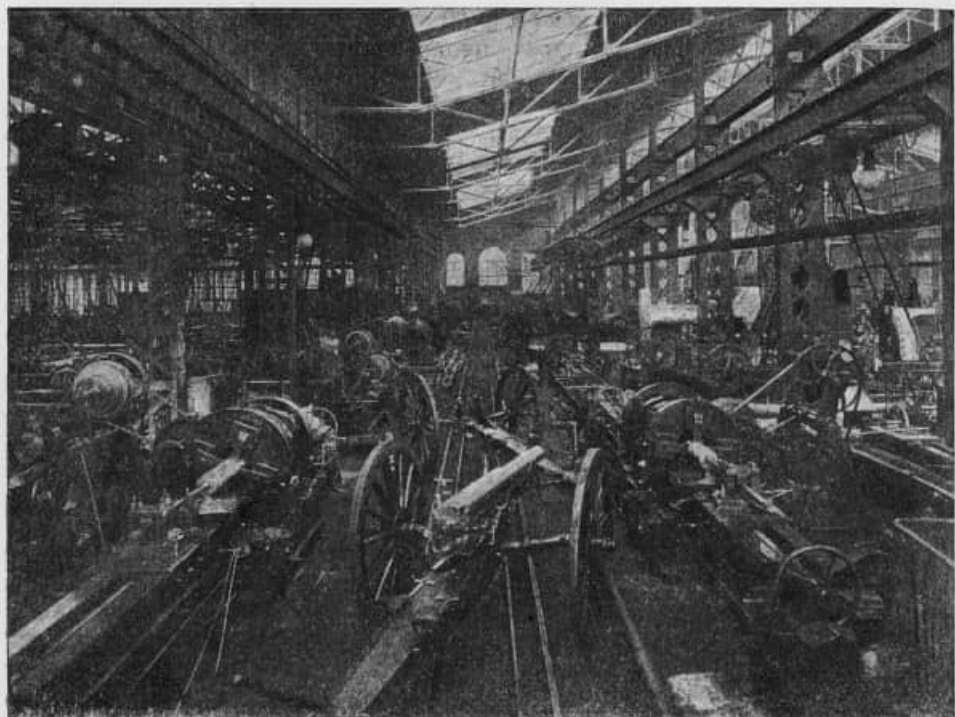
Пушечное дело на Путиловском заводе возглавляли начальник артиллерийской технической конторы Л. А. Бишлягер и начальник пушечной мастерской К. Соколовский. Оба они были крупными специалистами и работали в артиллерийском производстве много лет. Соколовский говорил: «Артиллерия — это я».

Рабочие между собой называли его «чортом», еще чаще «хрым бесом». Соколовскому когда-то помяло ногу орудием, он чуть прихрамывал. Лукавый, хитрее других инженеров, он умел ладить с рабочими. В пушечной его хвалили за то, что он не мешал изобретателям, а даже поощрял мастеровых, приходивших к нему со своими идеями. Такое отношение к рабочим-изобретателям было исключительным явлением на заводе. Даже мастеру лафетно-снарядной С. П. Воробьеву, имевшему заслуженную репутацию изобретателя, помощник директора Блюммер однажды заявил:

— Если ты к воскресенью не кончишь возиться со своим изобретением, я его выброшу.

Воробьев к воскресенью не кончил. Но накануне, в субботу, Блюммер попал под паровоз. Шлифовальный станок — изобретение Воробьева — был спасен.

Соколовский извлекал для себя большую пользу из рабочей смекалки. Иностранные пушки, которые привозили на завод, до официальной демон-

Пушечная мастерская

страции держали под пломбами. Соколовский оставлял нескольких слесарей на сверхурочную работу и вместе с ними ночью разбирал орудия. Потом снова накладывал пломбы. В переговорах с иностранцами он выказывал себя таким знатоком дела, что иностранцы дивились на русских специалистов.

В артиллерийской технической конторе распоряжался Люциан Антонович Бишлягер. Связанный с военными кругами, он узнавал технические новшества и требования ведомства к артиллерии. Он заставлял своих конструкторов придумывать новые и новые образцы лафетов и отдельных частей орудий. Выступая перед правлением как единственный представитель конструкторской мысли, он приобретал на заводе все большее значение и вес. Пользуясь трудами подчиненных конструкторов, он получал большие премии и уверенно шел к месту члена правления общества Путиловских заводов, которое занял несколько лет спустя. Бишлягер сумел убедить Фойгта, что добьется нужных результатов, если правление не пожалеет денег на разработку новых систем. В течение года Путиловский завод создал свой образец легкой полевой пушки.

В 1900 году было представлено к испытаниям девять образцов новых орудий. Первое место заняла путиловская скорострельная трехдюймовка, побившая все иностранные и отечественные образцы. По условиям конкурса, Путиловский завод получал первый заказ на семьсот двадцать комплектов орудий с лафетами на сумму в девять миллионов рублей. Но так как не

было уверенности в том, что завод справится с валовым выпуском своей собственной модели, правление спешно командировало инженеров за границу для закупки оборудования и консультации на заводах Шнейдер-Крезо.

Иностранные фирмы, недовольные исходом соревнования, обратились в комиссию по перевооружению артиллерии с просьбой повторить конкурс. Представители Крупша и Шнейдера утверждали, что они не могли ко времени испытаний ввести в свои системы всех изменений, которые выдвинули бы их образцы на первое место. Комиссия решила конкурс повторить год спустя. Путиловскому заводу дали заказ и два с половиной миллиона рублей авансом, но подписать контракт комиссия отказалась, требуя денежного залога и не соглашаясь с высокой путиловской ценой на пушки. Правление нашло путь к генерал-инспектору артиллерии, великому князю Сергею Михайловичу. Всех членов комиссии по перевооружению обошла записка председателя, генерал-лейтенанта Костырко: «Его императорское высочество генерал-фельдцейхмейстер вчера, 30 ноября, выразил мне свое неудовольствие и удивление, что до сих пор контракт с Обществом Путиловских заводов на трехдюймовую скорострельную артиллерию не был заключен».

Договор с Путиловским заводом был немедленно подписан по заявленной заводом цене. Позже государственный контролер доносил царю, что комиссия переплачивает частным поставщикам, и привел в пример контракт с Путиловским заводом. Но царь не обратил на это внимания. В залог под заказ и полученные авансы правление вместо денег сдало свой огромный запас чугуна. Получив, таким образом, оборотные средства, завод развернул производство орудия новой системы, получившего название пушки образца 1900 года.

К повторному конкурсу на легкую пушку правление решило войти в соглашение с фирмой «Шнейдер». Было условлено, что в новом путиловском орудии будут применены французские замки. От Шнейдера получили первую небольшую партию замков. Как только они были получены, Соколовский и Бишлягер отобрали шесть самых опытных и сметливых слесарей, дали им замок и сказали:

— Вот вам французский образец. Разберите, хорошенько пошевелите мозгами и через две недели представьте русский замок, чтобы не походил на этот. Мы вас не обидим.

Две недели спустя рабочие принесли Соколовскому новый замок.

Вскоре приехал инженер фирмы «Шнейдер» с тремя спутниками для заключения договора о поставке замков. Бишлягер сказал представителю французской фирмы:

— За двадцать штук, что вы нам прислали, мы заплатим. А больше нам не надо. У нас теперь свои замки есть.

— Как? — удивился тот. — Да ведь это наш замок.

— А если ваш, откройте его.

Француз стал пробовать. Не открыл. Соколовский смеялся.

— Видите, наш.

— Да он, может быть, никуда не годится.

— Давайте, попробуем.

Испробовали — путиловский замок работал хорошо. Представитель Шнейдера уехал обратно ни с чем. Слесаря, сделавшие замок, были награждены, кто десятью, кто двадцатью рублями, и были отпущены на несколько

дней погулять. Бишлягер, Соколовский и инженер Липницкий втроем получили сто тысяч рублей.

Получив заказ на пушки, Путиловский завод быстро оправился от первых ударов кризиса. Правление выбросило на рынок всю готовую продукцию по цене ниже себестоимости и, освободив омертвевшие капиталы, перебрало их на расширение машиностроительного производства и выпуска артиллерии. Выступая теперь перед правительством с просьбой о заказах, путиловские хозяева ссылались на свой образец орудия и заявляли с пафосом: «Мы думаем, что деятельность Путиловского завода совпадает с интересами государства, не ограничиваясь преследованием меркантильных целей...»

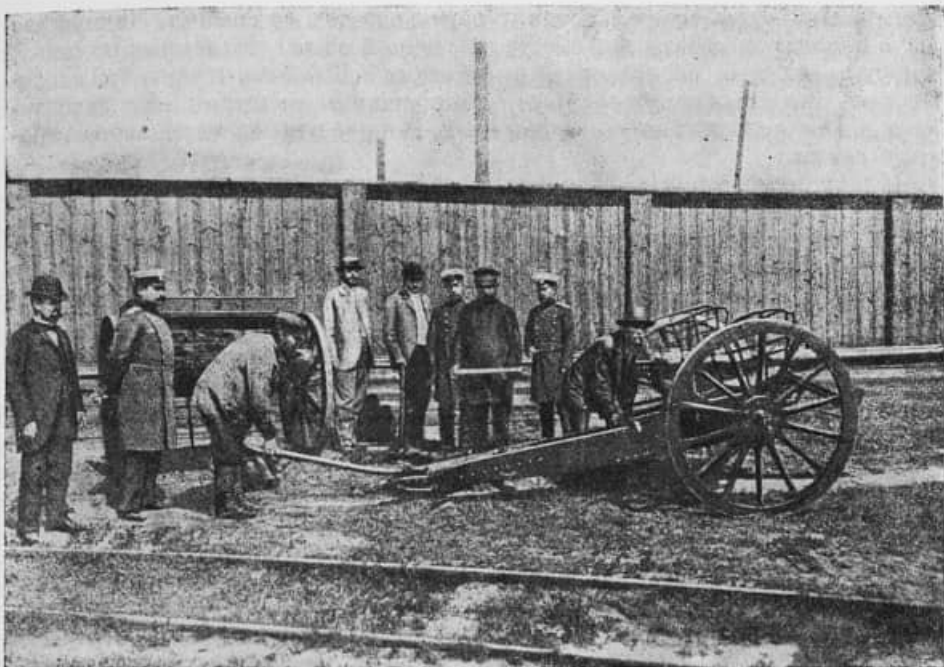
Они перечисляли свои заслуги: первыми взялись за паровозостроение, впервые начали производить миное вооружение, создали в России производство бронейных снарядов, вместе с С.-Петербургским металлическим заводом разработали первые конструкции башенных установок, наконец целиком приспособили свой завод к выполнению сложных заказов морского и военного ведомств.

Акционеры похваливали своих работников — инженеров и конструкторов, создавших пушку образца 1900 года: «Мы старались направить их энергию к намеченной цели, не жалея материальных затрат и щедро награждая их за достигнутые результаты; им отдаем мы всю честь, а на свою долю желаем получить хотя бы скромную долю прибыли, чтобы упрочить дело...»

Пушка образца 1900 года улучшалась. В нее вносили изменения на основе новых данных иностранной техники и собственных усовершенствований. Снабженный компрессором французского типа, новый образец на повторном конкурсе вновь был признан наилучшим. Конструкция и боевые свойства новой системы — замок, скорострельность, прочный лафет, откат — вполне отвечали современным требованиям. Скорострельность одной пушки новой системы (24 выстрела в минуту) превышала скорострельность четырех орудий старого типа.

Новая трехдюймовая полевая пушка после конкурса получила название «образца 1902 года». Она была принята как основное орудие полевой артиллерии русской армии. Путиловский завод надолго стал главной базой русской полевой артиллерии. Правление общества Путиловских заводов бралось изготовить в течение четырех лет 2880 пушек, по 720 в год, и принимало на себя обязательство перевооружить всю полевую артиллерию своей пушкой. Однако военное министерство, чтобы не затягивать перевооружения в условиях приближающейся войны, распределило заказ на орудия между всеми пушечными заводами России — Пермским, Обуховским, Орудийным и Путиловским. Конечным сроком сдачи пушек определили 1905 год. Путиловский завод должен был изготовить 1850 пушек и 1900 лафетов. Орудия эти предназначались для Виленского, Варшавского и Петербургского военных округов.

В январе 1904 года началась русско-японская война. Россия не была готова к войне. Не были готовы ни правительство, ни флот, ни артиллерия, ни пушечные заводы. Считалось, что для победы над Японией многого не потребуется. Знаменитая фраза одного из царских генералов — «шапками закидаем» — облетела Россию. Путиловская скорострельная артиллерия, предназначавшаяся для западных военных округов, двинулась на восток. Ею вооружали части, сформированные из призванных запасных, не уме-

Пушка образца 1902 года

ших пользоваться новыми орудиями. Кадровые же части русской армии Дальнего Востока еще не были перевооружены и уходили на фронт с орудиями старых систем. Плохо вооруженная русская армия в отношении полевой артиллерии стояла, однако, выше японской. Путиловская трехдюймовая пушка была значительно лучше японской системы «Арисакэ» и стреляла на полтора километра дальше. Но находясь в руках неопытных запасных, она стреляла хуже японских орудий. И никто из бездарных царских генералов не догадался обменять артиллерийское вооружение запасных и кадровых артиллерийских частей.

Военное время потребовало усиленного снабжения армии боевым снаряжением. Казенные заводы Пермский, Обуховский и Орудийный, все вместе получившие заказ на пушки почти вдвое меньший, чем один Путиловский завод, решительно отказывались от дополнительных заказов. Путиловское правление немедленно откликалось на всякое предложение согласием. В течение 1904 года завод набрал неимоверное количество заказов на орудия, шрапнель, снаряды, повозки, санитарные вагоны и т. д. Но так как всех набранных заказов выполнить он не мог, правление постоянно просило отсрочек, снятия штрафов за нарушение сроков. Генералы из министерства и комиссии по перевооружению то и дело удовлетворяли просьбы путиловского правления.

Наконец пришло время, когда затяжка в выполнении артиллерийских заказов на Путиловском стала угрожать большим скандалом. Только тогда генералы деликатно намекнули представителю правления Фойгту о существовании Шнейдера и других фирм, куда Путиловский завод мог

бы передать часть своих заказов. Фойт с ответом не спешил. Лишь через два с половиной месяца он, вместе со сводкой об изготовленных орудиях, прислал ответ о переговорах с фирмами «Шнейдер-Крезе», «Шкода-Верке», «Société Anonyme». Цены, запрошенные иностранными заводчиками, были значительно выше обычных. Вопрос о передаче заказов за границу снял.

Миллионные прибыли потекли в карманы путиловских акционеров. За пять лет (1900—1904) Путиловский завод поглотил до четверти всей суммы, ассигнованной правительством на расходы по перевооружению легкой артиллерии. — свыше 21 миллиона рублей. За это же время завод дал армии около половины всего необходимого количества пушек и лафетов.

Артиллерийское производство отвело от Путиловского завода удары промышленного кризиса. В годы, когда десятки предприятий владели жалкое существование или подобно Сортовскому паровозному и Московскому вагоностроительному заводам потерпели полный крах, Путиловский завод даже увеличил выпуск продукции. В 1898 году выпуск продукции дал наивысшую для девяностых годов цифру — 19,6 миллиона рублей. В 1901 и 1902 годах выпуск продукции равнялся в среднем 20,5 миллиона рублей.

Легкая полевая пушка образца 1900 года окончательно превратила завод в техническую базу русского военно-феодалного империализма. Трехдюймовая пушка образца 1902 года создала заводу всемирную славу. Путиловский завод надолго и прочно утвердился в области самого прибыльного и бескризисного производства — производства орудий смерти и разрушения.

БОЛЬШЕВИКИ И МЕНЬШЕВИКИ

За Нарвской о расколе партии на II съезде РСДРП стало известно еще в сентябре 1903 года. Но долгое время члены путиловской социал-демократической организации не знали сущности разногласий и истинных причин раскола. Известия из-за границы были скудные и — в передаче через третьи руки — изрядно искаженные. Доходили лишь слухи, отрывочные сведения, не дававшие ответа на вопрос: почему произошел раскол? Путиловские социал-демократы всячески стремились разузнать о съезде. Они связывались с выборщиками, с рабочими Невской заставы, но и там, как и во всей петербургской организации, сведений было недостаточно. Наконец молодому члену путиловской организации Грише Ханцеву удалось связаться со студентом, близко стоявшим к Петербургскому комитету РСДРП, и тот обещал достать для него листовки и брошюры о съезде, как только они появятся в Петербурге.

Гриша Ханцев был самый младший в четвертом, выпускном классе путиловских вечерних курсов для взрослых. Ему недавно исполнилось семнадцать лет. Несмотря на молодость Гриши, весь четвертый класс любил и уважал этого взъерошенного большеглазого юношу за смелость и серьезность суждений, за готовность всегда помочь товарищу. Педагоги высоко ценили Гришу за живой ум, цепкую память и способности к точным наукам.

— Вы обязательно пойдете в конструктора, — убеждал Гришу преподаватель Дроздов. — У вас есть техническая жилка, есть фантазия.

Инженер Р. Дроздов, старший конструктор общетехнического отдела завода, покровительствовал Грише Ханцеву, давал ему дополнительные учебные задания, развивал в нем навыки к самостоятельной разработке конструкций. Он имел в виду впоследствии пристроить Гришу к себе в контору. Заметив, что Ханцев не всегда к сроку выполняет задания, Дроздов как-то сказал ему:

— Бросьте всякие посторонние дела. Вы погубите в себе техника. Дайте мне слово, что будете учиться и станете конструктором.

Гриша Ханцев с детства мечтал управлять машинами, быть техником. Мир конструкций, станков, чертежей увлекал его. Но «посторонних дел» Гриша не оставил. Они увлекали его не меньше, чем техника, и он давно уже решил никогда не бросать их.

Окна четвертого класса выходили на Петергофское шоссе. Сквозь стекла окон видны были проходные калитки и серый заводский забор. Гриша Ханцев сидел слева, на крайней скамье, у самого окна. Изредка вскидывал он голову и всматривался в мутные круги света, падавшие на тротуар от слабых ламп над проходной. Мелькали сумрачные, сгорбившиеся тени. Гриша напряженно ожидал конца уроков: после занятий ему предстояло встретиться по «постороннему делу» с приезжим из города, который должен был принести ему последние партийные новости из-за границы.

О съезде партии руководители кружков на занятиях почти ничего не рассказывали. Они сами знали не много, некоторые же из них старательно «оберегали» кружковцев от волнующих новостей о расколе партии. Самым ревностным из таких опекунов рабочих был студент Г. С. Малкин, руководитель одного из путиловских кружков. Когда же его настойчиво расспрашивали, он отвечал: «Происшедшая где-то далеко за границей интеллигентская склока не может повлиять на российские дела и не должна интересовать рабочих, занятых практическим делом».

В свое время студент Малкин был «рабочедельцем» — «экономистом». Основные черты «экономизма» — пренебрежение к большим задачам рабочего класса, отрицание роли партии — сохранились в нем и после того, как он стал называть себя искровцем. Он попрежнему уводил своих учеников далеко в сторону от подлинно-революционной работы. Он держал их на отшибе от всей путиловской социал-демократической организации и свел деятельность кружка к изучению политической экономии и истории культуры. В начале 1904 года в Нарвском районе не было своего районного партийного организатора, и Малкина никто не контролировал. Ему удалось вести кружок по-своему. Ученики, получавшие разъяснения только от своего руководителя, поверили, что наверху идет «грызня между интеллигентами», в которую рабочим не следует вмешиваться.

Кружок Малкина состоял из десяти-двенадцати путиловцев, преимущественно рабочих паровозной и вагонной мастерских. Главную роль в кружке играли Петр Преклонский и Илья Воронов. Это были рабочие, тянувшиеся больше к знанию, чем к революционной борьбе. Они вполне удовлетворялись программой кружка, изучали политическую экономию, читая в кружке главу за главой из «Очерков политической экономии» Железнова, «Истории культуры» Липперта, слушали курс лекций своего руководителя и отдельные занятия посвящали чтению «Эрфуртской программы» Каутского. В массовом движении кружок не участвовал, заводских событий не обсуждал, агитацией не занимался, а с центром имел

связи исключительно через Малкина, который был связан с пропагандистской коллегией при Петербургском комитете РСДРП.

Все остальные кружки на Путиловском заводе резко отличались от кружка Малкина. Кружок, в котором состоял Гриша Ханцев, существовал с мая 1903 года. Гриша был одним из первых его участников и за полгода работы в организации стал активным социал-демократом. С тех пор как в мастерской на его глазах полиция арестовала двух рабочих, Гриша твердо решил: он будет революционером, бесстрашным человеком, всегда отстаивающим интересы рабочего класса. Он сошелся с товарищами по мастерской, такими же молодыми путиловцами, как и он сам. Потом молодежь нашла пути к социал-демократической организации, и из рабочих механической мастерской образовался новый кружок.

Вместе с друзьями Гриша распространял прокламации — разнообразные и всегда волнующие. Листовки разоблачали и бичевали порядки и действия царского правительства. Из них Гриша узнавал о событиях, происходивших в стране: о златоустовской бойне, ростовской демонстрации, голодовке политических в петербургском Доме предварительного заключения. Затем в кружок стали поступать «Искра», брошюры и книги. Молодые социал-демократы целиком отдались революционной работе. В цеху заводили с рабочими разговоры о политике самодержавия, а когда в январе 1904 года началась русско-японская война, рассказывали рабочим, кем и для чего она затеяна. Грабительская и разорительная война, начатая в интересах помещиков и капиталистов, вызвала возмущение народных масс. Петербургский комитет РСДРП выпустил прокламацию против войны. Гриша Ханцев распространял и эту прокламацию. Он знал необходимо поднять протест против преступной войны и обрушить возмущение народа на самодержавие.

Гриша Ханцев применял конспиративные приемы агитации — простые, но действенные: читая вслух газетные сообщения о сражениях на Дальнем Востоке, бросал вскользь замечание; завязывался разговор, и ему оставалось только, едва заметнo, направлять беседу в нужную сторону.

В пушечной действовала группа И. Д. Иванова. Она держалась конспиративно, но ни на день не прекращала работы. В котельной несколько социал-демократов во главе с Иваном Изосимовым готовили стачки, вовлекая малоквалифицированных рабочих в политическую борьбу. В феврале 1904 года им удалось поднять рабочих-чеканщиков на упорную стачку и добиться победы. Группы социал-демократов в чугунолитейной, модельной, инструментальной, механической и лафето-снарядной мастерских систематически собирались, держали связь друг с другом, вели агитацию. Постепенно сближаясь, в начале 1904 года они стали действовать объединенными силами, чтобы совместно подготовить общезаводскую стачку ко дню 1 мая.

Среди путиловских социал-демократов преобладала молодежь, в большинстве потомственные путиловцы, сформировавшиеся во времена боевых рабочих выступлений начала девятисотых годов. Они воспитывались на «Искре», усваивали ленинские взгляды на роль русского рабочего класса, учились каждый свой шаг связывать с развитием рабочего движения. У Антона Васильева, Григория Ханцева, Александра Буйко, Андрея Лаврова, ярких представителей этой молодежи, было много боевого задора, энергии, бесстрашия, — они не представляли себе жизни без активной

работы в организации. Опыту борьбы они учились у старшего поколения революционеров — у Василия Орлова, Ивана Изосимова, Ивана Дмитриевича Иванова. Разъяснениями своих руководителей о расколе на II съезде молодые революционеры не удовлетворялись и сами старались выяснить, в чем идейная сущность разногласий, почему Мартов пошел против Ленина. В тот вечер, когда Гриша Ханцев пристально вглядывался в мутные круги света, падавшие на мостовую от слабых ламп над проходной, он ожидал прихода студента, который должен был принести ему — первому в районе — «Извещение о II Съезде Российской Социал-Демократической Рабочей Партии».

Вслед за «Извещением» вскоре за Нарвскую заставу пришли листовки и брошюры о съезде и, наконец, «Протоколы очередного II Съезда РСДРП». Среди брошюр были и такие, которые открыто нападали на представителей большинства съезда, беззастенчиво попирая решения высшего партийного органа. Становилось очевидным: расхождения зашли далеко и раскол произошел действительно глубокий. Необходимо выбрать между сторонниками большинства и меньшинства в партии. Путиловцы стали обсуждать вопросы съезда и прежде всего главный вопрос споров — организационный.

Центральный пункт разногласий — параграф первый устава партии — в кружках не вызывал особых разноречий. Все сходились на том, что требование Ленина считать членами партии только тех, кто является членом организации, — правильное требование, соответствующее интересам рабочего движения и ограждающее партию от буржуазного влияния. В своем кружке Гриша Ханцев долго втолковывал эту мысль одному товарищу, заявившему, что в борьбе за формулировку пункта первого спорят больше о словах, чем о деле. Гриша доказывал ему фактами заводской жизни: в мастерских немало людей сочувствующих и содействующих работе социал-демократов — и деньгами помогут высылаемому товарищу, и листовку передадут соседу, и укроют нелегального, а можно ли их считать членами партии? Нет, отвечал Гриша, член партии это тот, кто сознательно, не страшась ни тюрьмы, ни каторги всю свою жизнь отдает революционному делу. А отдавать жизнь — значит всегда активно работать в революционной организации. От того, из каких людей будет состоять партия социал-демократов, зависят все дальнейшие успехи рабочего класса в борьбе против царского деспотизма.

В группе котельщиков споры были наименее острыми. Иван Изосимов, старый искровец, признанный вожак группы, сразу заявил:

— Раз ввязались в борьбу, то, понятно, нужна дисциплина и твердые партийные правила.

Путиловские кружки определились как большевистские. Только один кружок Малкина оставался, казалось, безучастным к вопросу о расколе. Малкин попрежнему прочитывал очередную лекцию по истории культуры из намеченного курса в сорок лекций или занимался политической экономией. Путиловские большевики — это слово стало входить в употребление во второй половине 1904 года — захакивали на кружок Малкина, который они называли «болотом». Но вытащить Преклонского и его товарищей из «болота» оказалось невозможным. Малкин успел внушить им все для того, чтобы они погрязли в меньшевизме. Это объяснялось тем, что среди членов его кружка были люди не только мирно настроенные, но и «привилегированные», хорошо оплачиваемые рабочие, из той прослойки, которая являлась в свое время питательной средой «экономизма».

Малкин пока еще не выступал открыто в защиту меньшинства партии. Он и его ученики, скрываясь под маской беспристрастности, называли себя социал-демократами, стоящими на позициях съезда. Много говорили о демократизме, высказывались против централизма, иногда упрекали большевиков в том, что интеллигенции, желающей помочь революционерам, много, а ходу к рабочим ей не дают. Расколу в партии они как будто не придавали большого значения. Все уладится, говорили они, устроится, не следует только выдумывать разногласий, — и тянули свое, стремясь найти что-то среднее, примиряющее. Сам Малкин по этой части был виртуозом. Он часами мог говорить и за и против, и трудно было понять, на чьей он стороне — большевиков или меньшевиков. Он целиком оправдал характеристику таких людей, данную Лениным в книге «Шаг вперед, два шага назад», в которой Ленин нанес решительный удар меньшевикам, тащившим партию назад. «Оппортунист, по самой своей природе, — писал Ленин, — уклоняется всегда от определенной и бесповоротной постановки вопроса, отыскивает равнодействующую, вьется ужом между исключаящими одна другую точками зрения, стараясь «быть согласным» и с той и с другой, сводя свои разногласия к поправочкам, к сомнениям, к благим и невинным пожеланиям и проч., и проч.»¹

Эту тактику оппортунизма усвоили ученики Малкина. Во всем они старались найти равнодействующую — даже в конфликтах рабочих с администрацией. Кружок никогда не занимался цеховыми конфликтами, организацией стачек. Отдельным меньшевикам приходилось участвовать в рабочих выступлениях. Но и тогда, когда они поневоле становились руководителями стачки, они подменяли борьбу рабочих постыдным торгом с администрацией. В литейной, где работал Петр Преклонский, в апреле 1904 года заволновались обрубщики. Запуганные мастерами, изнуренные тяжелым трудом, они долго не решались бастовать. Снижение и без того низких расценок заставило их, наконец, бросить работу. Они бастовали впервые и в течение дня то принимались за работу, то прекращали ее. На следующее утро обрубщики вовсе не приступили к работе. Тогда Петр Преклонский счел себя обязанным руководить стачкой. Он заявил мастеру Лемову:

— Голодные мы работать не можем.

Лемов, пренебрежительно поглядев на Преклонского, сказал, что за забастовку придется отвечать, — пусть об этом подумает каждый. Преклонский стал многословно объяснять мастеру, что других средств защиты, кроме стачки, у рабочего нет. Объяснения его звучали, как жалоба. Мастер понял: с таким руководителем стачки можно столкнуться. И обещал поговорить с начальством.

Не успел мастер отойти, как Преклонский, повернувшись к обрубщикам, стал советовать им начать работу. Свою миссию руководителя стачки он считал законченной. Ему и в голову не пришло сделать забастовку более серьезной, мощной, привлечь к ней остальных рабочих литейной мастерской. А это было вполне осуществимо: брожение глубоко захватило всех литейщиков и вскоре в этой же мастерской вспыхнула стачка, окончившаяся победой рабочих.

¹ Ленин, Сочинения, т. VI, стр. 320.

Вредная роль меньшевиков проявлялась не раз, особенно же резко — в процессе подготовки путиловской социал-демократической организации ко дню 1 мая 1904 года. Задолго до праздника ученики Малкина стали говорить, что демонстрация вряд ли возможна. Они ссылались на неудачу первомайской демонстрации прошлого года: район был наводнен полицией и войсками, и в связи с многочисленными арестами Петербургский комитет РСДРП предложил тогда демонстраций не устраивать. Меньшевики предлагали не выходить на демонстрацию и в этом году: «Все равно, — заявляли они, — политическое значение майского праздника уже ослабело». Вместо того чтобы поднять значение боевого рабочего праздника, они начисто ликвидировали его.

В день 1 мая демонстрация все же состоялась. Вагонная и кузнечная мастерские, накануне договорившиеся о совместном выходе на улицу, работали: все цеховые руководители предполагавшейся стачки были в ночь на 1 мая арестованы. Но паровозная, пушечная, механические мастерские вышли на улицу. Несколько сот человек, тесно сомкнувшись в колонну, пошли по Петергофскому шоссе. Гриша Ханцев был в первых рядах. Он впервые участвовал в демонстрации и был горд, — он выступал как организатор группы рабочих своей мастерской и шел рядом со знаменосцем, несшим на тонкой палке самодельный красный флаг.

У Огородного переулка навстречу демонстрации ехал воинский обоз. Офицер, увидев знамя, растерялся. Заметно было, что он не знает, как быть: ехать ли дальше, дать ли солдатам приказ разогнать и схватить бунтовщиков, или начать стрелять. Пока он собирался принять решение, демонстрация прошла мимо.

Демонстрация удалась, хотя и вышла немногочисленной.

Путиловские большевики упорно работали в массах. В цехах Путиловского завода сначала редко, а потом все чаще они стали практиковать короткие летучие собрания. Чаще собирались кружки.

Летом, после убийства министра внутренних дел Плеве, много говорили об эсеровской тактике индивидуального террора. До того об эсерах на заводе не было слышно, хотя их кружок существовал свыше полутора лет. Теперь вдруг, вызвав сенсацию, эсеры начали кричать о своей революционности. Заводскую эсеровскую группу, состоявшую из восьми-двенадцати человек, возглавлял инженер Рутенберг, начальник инструментальной мастерской. Среди эсеров было также несколько бывших «экономистов», разочаровавшихся в своих руководителях и шатнувшихся в другую крайность — политический авантюризм. Бывшие участники «экономистских» кружков — Николай Петров, Дмитрий Кузин, Петр Спиридонов (теперь уже не работавшие на Путиловском заводе) — от «экономизма» отошли к эсеровщине, затем перешли на сторону «полицейского социализма», а после его краха обратно к эсерам.

Слава, которую создало эсерам убийство Плеве, была скоропреходящей. Большевики, особенно те из них, кто раньше регулярно читал «Искру», оказались хорошо подготовленными к оценке авантюристской тактики террора. Для них было ясно: ничего полезного для политического воспитания масс террор не несет. Наоборот, он задерживает развитие массового движения против самодержавия и обрекает массы на пассивность. Разоблачить вредную, разлагающую роль эсеровской тактики, противопоставить ей подлинно революционную тактику большевиков — стало на время главной задачей путиловской организации.

На собрании группы лафето-снарядной мастерской присутствовал новый член организации — сухощавый, сдержанный, средних лет. Недавно он поступил на завод токарем, с первых же дней нашел большевиков и стал работать в организации. Когда собравшиеся вдоволь раскритиковали террористическую тактику эсеров, этот молчаливый токарь, Николай Гурьевич Полетаев, попросил слова. Он сказал, что эсеров следует бить и разоблачать фактами. Надо напомнить рабочим, что после убийства Александра II, кроме ужасающей реакции, ничего в России не произошло; что волна террористических актов семидесятых годов массы не подняла; что после выстрела в министра просвещения Боголепова на его место сел еще более жестокий министр — генерал Ванновский; что на место убитого министра внутренних дел Сипягина был поставлен зверь — Плеве.

Говорил Полетаев, не торопясь, вдумчиво, подбирая слова. Его слушали внимательно. Чувствовалось, что оратор обладает богатым опытом, знанием жизни.

После ареста в 1895 году Полетаев был выслан из Петербурга в Тифлис, оттуда на родину — в Кострому, где снова встретился со своим первым учителем, Василием Буяновым. По его совету, после ссылки Полетаев перебрался в Германию. Он решил посмотреть, как живут немецкие рабочие и как борются германские социал-демократы. Работал в Берлине на заводах Борзига, изучал немецкий язык, слушал Бебеля. Побывал Полетаев и в Бельгии. В 1901 году он вернулся на родину, работал на южных заводах, а в 1904 году, приехав в Петербург, снова поступил на Путиловский завод.

В путиловской партийной организации преобладала молодежь. Молодые большевики работали напористо. Но старики и пожилые — а таких на заводе было много — плохо слушали безусых агитаторов. В почете был тот, кто много лет проработал на заводах, умел хорошо работать, видел жизнь — вдосталь хлебнул горя. Еще в большем почете был такой человек, который при этом держал себя в отношении мастеров открыто, независимо или отсидел в тюрьме за стачку, за политику. Такому старики верили.

Полетаев списался с Василием Буяновым, приглашая его приехать в Петербург. Он считал, что Буянов, посевший в тюрьмах, принесет много пользы на Путиловском заводе. Буянов приехал и поступил на старое место — токарем в пушечную мастерскую.

В Петербург, где яснее всего назревал подъем революционного движения, устремились многие передовые рабочие. На Путиловский завод вернулись котельщик Тимофей Барановский, слесарь Василий Волков. Пришли активные социал-демократы — Михаил Сальман, Александр Ребрантов и Иосиф Домбровский.

В августе 1904 года за Нарвской заставой наконец появился и партийный организатор района. Настоящего имени и фамилии его (В. Лившиц) путиловцы не знали и называли по кличке — товарищ «Андрей». Он последовательно проводил организационные принципы ленинской «Искры», подчинял всю работу кружков единому партийному центру. «Андрей» контролировал работу пропагандистов, узнавал, где будут рабочие сходки, прислал на явочные квартиры агитаторов и прокламации, сообщал директивы Петербургского комитета. Из представителей кружков был составлен районный комитет.

На Путиловском заводе существовало семь большевистских кружков и попрежнему один меньшевистский. Большевиков было свыше пятидесяти, меньшевиков — не больше пятнадцати. Между ними изредка происходили стычки по организационным вопросам. Теперь питомцы из кружка Малкина, не стесняясь, называли себя меньшевиками. Они посмелели, стали говорить «наш ЦК», «наш ЦО»: к этому времени и Центральный комитет и центральный орган социал-демократической партии «Искра» находились в руках захвативших их меньшевиков. Внизу, в заводских организациях и в Петербургском комитете, среди большевиков часто подымались протесты против незаконного захвата меньшевиками высших органов партии.

— ЦК попирает волю съезда, — говорили путиловские большевики членам кружка Малкина.

Но Преклонский, достаточно вышколенный, высокомерно заявлял:

— Воля съезда не непреложна. Ее можно изменить.

— Не измените! — отвечал Преклонскому молодой большевик Лавров. — Вот будет третий съезд, он скажет свое слово.

С меньшевистским кружком организатор района познакомился лишь осенью. На лето меньшевики прекращали занятия, Малкин уезжал на дачу, у его учеников наступали каникулы. Нового организатора района — большевика — кружок Малкина встретил с недовольством. Андрей долго добивался от руководителя разговора непосредственно с членами кружка. Малкин заявил, что не нуждается в контроле, не признает в партии «солдатской дисциплины» и явок не даст. Андрей постарался сам разыскать заводских меньшевиков. Поговорив с ними, он убедился, что питомцы Малкина уже порядком испорчены и вряд ли удастся повернуть их на правильный путь. Меньшевики заявили организатору, что агитаторы им не нужны, контроль над руководителем считают излишним, поддерживают меньшевистский ЦК, а не Петербургский комитет, состоящий в большинстве из сторонников Ленина.

Сколько ни убеждал организатор района членов меньшевистского кружка, что они говорят с чужого голоса, как настойчиво ни предлагал устроить дискуссию, чтобы они могли самостоятельно разобраться, — меньшевики стояли на своем: все это лишнее, уже известное...

— Фактически вы ведете дело к расколу районной организации, — заявил Андрей.

Но против этого меньшевики стали протестовать — у них-де, мол, свои взгляды, но раскола они не хотят. И возражая Андрею, незаметно для себя выболтали то, что Малкин пока держал в секрете: у них есть своя связь с членами Петербургского комитета (конечно, сторонниками меньшинства), от этих же членов Петербургского комитета они получают директивы.

Разногласия большевиков с меньшевиками по организационным вопросам вскоре дополнились разногласиями в области тактики. Меньшевики начали ревизовать давно утвержденные и ясные позиции революционной социал-демократии. Они выступали против самостоятельных задач рабочего класса и отрицали руководящую роль пролетариата в революционном движении. В центре борьбы фракций стал вопрос об отношении партии и рабочего класса к либеральной буржуазии, которая, в связи с военными неудачами в Манчжурии, начала выражать недовольство царским правительством.

«Под давлением революционного натиска пролетариата правительство разрешило либералам поговорить о свободе!»¹

Земские деятели — либеральные буржуа и либеральные помещики и их адвокаты — на банкетах разливались потоками пышных фраз о свободе, о доверии к обществу, робко заикались о конституции, протестуя против «крайностей» царизма. Они надеялись выпросить у царя политические уступки, выгодные буржуазии. Свои корыстные буржуазные интересы либералы выдавали за интересы всего народа. У них были две цели: «...во-первых, «образумить» царя, во-вторых, — накинуть на себя маску «большого недовольства» царизмом, войти в доверие народа, отколотить народ или часть народа от революции и ослабить тем самым революцию».²

Меньшевики деятельно помогали в этом буржуазии. Они входили в соглашение с либералами и звали рабочих поддержать банкетную и петиционную шумиху — так называемую «земскую кампанию». Стремясь отвлечь рабочий класс от самостоятельной революционной борьбы, меньшевики пытались поставить его на службу трусливой и продажной русской буржуазии. Лидеры меньшевиков даже выработали и опубликовали специальный план участия пролетариата в либерально-буржуазной словесной трескотне.

Руководитель путиловского меньшевистского кружка Малкин привел на банкет, происходивший в зале Павловой на Троицкой улице, Петра Преклонского и его товарищей, как «представителей пролетариата». Накануне, раздавая билеты, купленные на средства, собранные среди либералов, он предупредил своих учеников: выглядеть надо прилично и держаться скромно. Он сказал:

— Весь цвет петербургской интеллигенции будет там. Не ударьте лицом в грязь.

Преклонский по этому случаю надел черный костюм, крахмалку, нацепил черный бантик, зачесал волосы назад. Он выглядел, как шафер на купеческой свадьбе.

В большом зале, где из года в год устраивались гимназические балы, за богато сервированными столами либералы — адвокаты, думские гласные — в пьяном самозабвении провозглашали тосты за свободу, обещали честно служить народу и, обращая взоры к портрету царя, просили правительство об уступках. «Представители пролетариата» молчали. От их имени выступил Малкин. Он заявил, что присутствующие здесь рабочие — он сделал жест в сторону своих учеников — хорошо понимают значение «единства всех сил общества» в борьбе за свободу.

Рабочий класс прошел мимо попыток меньшевиков войти в сделку с буржуазией и продолжал упорно наступать на правительство. Революционное возмущение народных масс росло. Петербургский комитет РСДРП решил устроить демонстрацию против войны, против самодержавия. По всем районам 18 ноября 1904 года было сообщено: «Готовьтесь к демонстрации». В Нарвском районном комитете большевики распределили между собой обязанности, наметили места для сходов, определили связанных, которые приведут агитаторов из Петербургского комитета.

¹ Ленин, Сочинения, т. VII, стр. 19—20.

² История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков), Краткий курс 1938, стр. 29.

Демонстрация была назначена на воскресенье 28 ноября. Организатор района товарищ Андрей целыми днями пропадал то за Нарвской заставой, то в городском районе. Повсюду в Петербурге большевики вели энергичную работу, собирали силы, чтобы организовать рабочие массы. На заводах устраивали летучие собрания. Предупреждали о выходе призывных листов, в которых будет указано время и место сбора демонстрантов. Гриша Ханцев готовил красные знамена для себя и товарищей. Общегородская пролетарская демонстрация должна была быть внушительной.

Только один кружок за Нарвской заставой бездействовал — кружок Малкина. Большевики после долгих споров в районном комитете обязались подчиниться решению и участвовать в демонстрации, но считали себя в праве не заниматься агитацией среди рабочих, так как в комитете их представитель голосовал против устройства демонстрации. Они снова заявляли, что не признают «казарменной», «солдатской», «жулачной» дисциплины. Большевики саботировали и срывали дело подготовки революционного выступления рабочих.

26 ноября по заставе и по заводу разнесся слух: демонстрация отменяется. Члены меньшевистского кружка неожиданно проявили активность, повсюду с торжеством объявляя об отмене демонстрации. Организатор района, узнав об этом, побежал на явочную квартиру Петербургского комитета и узнал следующее: меньшевики — организаторы двух районов, Василеостровского и Невского, будучи не согласны с решением комитета, скрыли от Петербургского комитета резолюции рабочих собраний своих районов, требовавших демонстрации, и заявляли, что рабочие к выступлению не готовы. От рабочих же меньшевики скрыли решение о выступлении, не сообщили членам партии о предстоящей демонстрации. На заседании комитета 25 ноября они, воспользовавшись отсутствием трех большевиков — членов комитета, потребовали пересмотра решения о демонстрации. С помощью меньшевиков из Центрального комитета им удалось добиться своего.

На следующий день комитет собрался в полном составе и вновь постановил — демонстрацию устроить. Но меньшевики уже заранее сорвали ее: в этот день до заседания они сожгли свыше двенадцати тысяч призывных листов. Несколько тысяч сожгли члены кружка Малкина. Напечатать новые призывные листки и разослать их по заводам в два дня было невозможно. Демонстрация петербургского пролетариата была сознательно и подло сорвана меньшевиками. Ленин писал по этому поводу:

«Дезорганизаторская выходка петербургских меньшевиков не случайность, а обдуманный шаг к расколу комитета... Мы должны, в отличие от «меньшевиков», которые действуют тайком, прячась от партии, заявить открыто и подтвердить на деле, что партия порывает с этими господами все и всякие отношения».¹

Путиловские рабочие негодовали: «Почему отменили демонстрацию?» Они не знали истинной причины срыва и упрекали большевиков. В свою очередь многие заводские большевики ругали организаторов демонстрации. Но больше всех кричали о позоре провала, сильнее всех ругали Петербургский комитет... члены кружка Малкина. По указке своего руководителя они пытались обратить негодование рабочих против большевиков, а недо-

¹ Ленин, Сочинения, т. VII, стр. 43.

вольство рядовых большевиков — против Петербургского комитета. Вместе с тем, меньшевики решили формально выступить против Петербургского комитета, свалив на него вину за провал демонстрации. Малкин написал резолюцию, в которой обвинял комитет в неправильном понимании задач социал-демократического движения и заявлял от имени «рабочих социал-демократов Нарвского района» о нежелании продолжать работу под руководством Петербургского комитета.

Эта подложная резолюция, будто бы от имени всех социал-демократов, была представлена в Петербургский комитет. Такие же резолюции прислали меньшевистские руководители Невского и Василеостровского районов. Петербургский комитет в ответ на двурушническое поведение меньшевиков последовал указаниям Ленина: разъяснил рабочим и членам партии истинное положение вещей и решил впредь не пускать меньшевиков на ответственную работу.

Как в Петербургском комитете, так и в Нарвском районном центре остались только большевики. Меньшевики были изгнаны. Районный комитет скинул со счетов кружок Малкина. Теперь, в борьбе за революционное воспитание и организацию масс, большевикам не нужно было преодолевать препятствия внутри своей организации. Раскол в петербургской организации совершился, и это облегчало большевикам задачу руководства революционным подъемом масс.

В стране назревал революционный кризис. Поражения царского правительства в русско-японской войне окончательно вскрыли гнилость самодержавия. «Тяжелая и безнадежная война, в которую оно бросилось, подорвала глубоко основы его власти и господства». ¹ Росла ненависть широких народных масс к режиму нагайки и свинца. Волнения в армии в деревне, в городах росли; новые, ранее отсталые слои трудящихся втягивались в движение. Ощущью, делая пробные и неуверенные шаги, проверяя себя и своих вождей, выходили на простор политической жизни многомиллионные трудовые массы России.

«СТАРЫЙ ТАШКЕНТ»

На Петергофском шоссе, в глубине небольшого сада, стоял покосившийся заколоченный дом. Трава в саду была примята, ветки на деревьях обломаны, квадратный пруд у самого дома — в грязи и тине. некогда здесь помещался аристократический кабачок, позже — дешевый трактир «Старый Ташкент», а с тех пор как хозяин его разорился и выехал, здание пустовало и разрушалось.

В мае 1904 года в «Старый Ташкент» явились новые хозяева. Они оторвали доски, распахнули двери, растворили окна. Вода в пруду побелела от извести. Застучали топоры и молотки, раздались громкие голоса. По заставе шли слухи: дом забирает какое-то общество трезвости. Говорили, что в Химическом переулке у рыжего низкорослого токаря Яслауха за двадцать пять копеек записывают каждого желающего. Полиция знает об этом и не препятствует: все делается с одобрения начальства, а во главе общества стоит поп.

¹ Ленин, Сочинения, т. VII, стр. 32.

Возле подновленного, разукрашенного зеленью дома с полудня 30 мая было шумно. Люди сидели и лежали на траве, стояли кучками под чахлыми деревьями, оживленно разговаривали, заглядывали в окна. Говорили, что в «Старом Ташкенте», в большом зале, будут танцы под оркестр. Токарь Сорокоумов, большой любитель пения, тут же в саду подбирал голоса для будущего хора. Парень в небрежно накинутом на одно плечо пиджаке с важностью читал по складам полученную для разучивания песню:

Свободы час! Свободы час!
Свободы час придет для нас!

На крыльце появился краснощекий, черноусый рабочий новомеханической мастерской. Его сапоги блестели, из кармана на груди торчал уголок красного платка. Громким голосом он объявил:

— Кто с билетами — прошу в помещение. Соблюдайте спокойствие и порядок!

Люди пожилые, степенные двинулись первыми. Они шли осторожно, как бы сомневаясь в разрешении собираться открыто. В вытянутых руках несли билеты официально разрешенного «Собрания русских фабрично-заводских рабочих». У входа стояли два городских. Опираясь на палку, шагал солидный Дмитрий Белоусов, токарь из вагонной. Он вел под руку жену, сын и дочь шли впереди. Недавно во время стачки в цеху начальник ткнул пальцем и сказал, что именно за такими вот узенькими бородками, как у него, чаще всего скрывается крамола. Тогда Белоусов обиделся. Теперь он торжествовал: запретное казалось дозволенным. Он по-хозяйски оглядывал здание, прикидывая, во что обошелся ремонт, хитро усмехался. Переступая через две ступеньки, поднимался длинноногий, худощавый Василий Лемешев в подновленном, начищенном котелке. Он работал на Екатерингофской бумагопрядильной мануфактуре, имел большую семью. «Собрание» привлекало его тем, что обещало избавить от постоянной угрозы безработицы. Маленький сухонький Мироненок семенил, спеша занять лучшее место. В кармане его наглухо застегнутого старомодного пиджака лежала книжка кассы взаимопомощи. Соглашаясь вносить по пятак с заработанного рубля, Мироненок был твердо уверен в том, что ему не придется умирать под забором.

Путиловцы, треугольниковцы, тентелевцы, текстильщики с Екатерингофской мануфактуры и других фабрик шли в «Старый Ташкент» на открытие Нарвского отдела «Собрания русских фабрично-заводских рабочих». Яслаух, преисполненный сознанием значительности происходящего, сидел за столиком у входа и записывал новых членов. К открытию отдела у него числилось четыреста человек. Увидев кого-нибудь из знакомых, он хватал его за рукав и тащил осматривать помещение. Хвастал читальней, чайной, отдельной комнатой для правления. Тайно и шептал:

— А весь дом за сто пятьдесят рублей наняли. Размах! Вешалка на триста персон!

И вдруг срывался, подбирал окурок или бумажку, бежал к своему столику.

В зале места всем нехватило. Опоздавшие стояли под окнами. Толпа возле дома увеличивалась, — застава не привыкла к подобным событиям. Разговоры вертелись вокруг «Собрания», его целей и вожаков. Все знали,

что «Собранием» руководит священник Георгий Гапон, многие видели его совсем недавно. На вешнего Николу он отслужил в нескольких мастерских завода молебен и тут же в цехах беседовал с рабочими о христианской любви, помощи ближнему и необходимости объединиться в дружную семью. Беседы имели успех, хотя многие и недоумевали: «Какое дело попо до рабочих?»

— У этого попа только ряса поповская, больше ничего, — успокаивали те, кто видал Гапона и поверил ему. — С нами запросто махорку курит, о жизни расспрашивает, других попов ругает.

— Священник этот особенный, — подтверждали женщины. — Взгляд его душу насквозь прожигает.

Приезда Гапона ждали с нетерпением. Он появился во дворе внезапно. Пронесся пошот, все подались вперед, желая разглядеть особенного священника. Невысокий, гибкий, в летней белой рясе, он быстро шел к дому, оглядывая толпу черными блестящими глазами. Чувствовалось, что он привык к всеобщему вниманию и что оно возбуждает его. На крыльце Гапона встретили члены «кружка ответственных лиц» — штабные Нарвского отдела. Яслаух бросился раздвигать толпу.

В торжественной тишине начал Гапон свою речь. Зазвучали непривычные в устах священника слова о тяжелой жизни рабочих. Со скорбью говорил он о двух родных сестрах — бедности и темноте, сокрушался о страсти многих к винопитию, пастырски жалел всех тружущихся и обремененных. Слушатели были потрясены нарисованной им мрачной картиной. Гапон круто повернул речь:

— Путь, ведущий из мрака к свету, имеется ... Этот путь — объединение рабочих, приобщение их к знаниям, устройство братской взаимной помощи.

— Я сам — сын бедного полтавского крестьянина, — закончил Гапон. — Я хорошо знаю нужды трудящегося люда и люблю его.

Люди слушали, затаив дыхание. Возвышенные слова поднимали их над повседневной, серой, безрадостной жизнью, звали к чему-то светлому и радостному. Собрание было покорено.

К концу речи Гапона в отдел прибыл градоначальник Фуллон. Его сопровождала свита полицейских. Заставский пристав вытянулся. Рабочие смотрели на градоначальника с любопытством; некоторые были польщены высоким визитом. Фуллон поздоровался за руку с Гапоном и его приближенными и, отдав полупоклон всем присутствующим, просил «продолжать программу». Начался молебен. Дьякон провозгласил здравицу — много лета государю-императору и христолюбивому воинству. Потом попросили Фуллона сказать несколько слов. Старый служака, жандармский генерал Фуллон не был оратором. Откашлявшись, он с большими паузами произнес краткую, начальственную речь, в которой приглашал рабочих к единению с властью «в виду войны с далеким и лукавым врагом на далекой окраине». В заключение выступили артисты. Одна певица пропела «Разлуку», другая — «Жену каторжника». Артист Иванов исполнил «Христос воскрес». Фуллон остался доволен. Он сказал еще несколько слов похвалы и в знак единения подарил отделу сто рублей.

Первое время деятельность отдела не выходила за рамки установленной Гапоном программы — «никакой политики»: молодежи — игры и танцы, взрослым рабочим — благонамеренные лекции и кассы взаимной помощи. В комнате, оборудованной под класс, регулярно занимался

кружок обучения грамоте. В читальне всегда были газеты — «Русский инвалид», «Свет», журнал «Русский паломник». Гапон и его штабные входили в читальню на цыпочках и говорили шепотом, — человек, забредший сюда случайно, сразу понимал, что здесь совершается важное дело.

Лекциями, кружками, библиотекой и читальней ведал Роман Васильев. Приехав в свое время в город с петухом в корзине для подарка мастеру, он в течение нескольких лет питался хлебом и шестью огурцами в день: копил деньги на учение. Заветной его мечтой было получить аттестат зрелости. Учился он упорно и старательно. Возможность служить своими знаниями делу просвещения рабочих обрадовала Васильева; он с пылом новообращенного принялся за работу. Обучал неграмотных, приглашал лекторов и артистов, подбирал программу для литературных и музыкально-вокальных вечеров, собирал на вечера рабочих. Его прозвали «апостолом». Гапон ценил Васильева, приблизил его к себе. Васильев бросил работу на заводе и целиком отдался «Собранию».

В чайной всегда сидело много народу. Рабочие приходили сюда с женами и детьми, располагаясь по-семейному; подолгу беседовали за стаканом чая. Появлялся Гапон. Он останавливался у столиков, присаживался, разговаривал. Слово по слову, никто его не задерживал. К кому батюшка подойдет, тому и счастье. Гапон предлагал папиросы, сам угощался махоркой, шутил, давал советы. У одного столика толковал людям о несправедливости, у другого весело смеялся, у третьего был пасторски суров.

Иногда здесь выступал путиловский поэт Василий Шувалов. Он охотно давал почитать аккуратно переплетенные тетрадки со своими стихами, в которых описывалась горькая доля рабочего. Стихи были полны тоски, звучали как жалоба. Открытие гапоновского «Собрания» изменило строй его мыслей и чувств. Человек несклонный к борьбе, он подхватил идеи Гапона. Те немногие нотки протеста, которые были прежде в его стихах, окончательно исчезли. В его тетради появились теперь другие слова: «Заблестало лучезарное солнце, и среди этой темноты оно выразилось в разрешении открытых собраний русских фабрично-заводских рабочих, где рабочий нашел себе новую пищу жизни... Будьте честны. Храните верность собранию и защищайте от всего скверного это новое благое начинание и помните, что это — новая струя жизни».

Шувалов получил возможность выступать «перед публикой» и широко пользовался этой счастливой возможностью. Когда в чайной собиралось много народу, Шувалов стучал ложечкой о стакан. Дождавшись тишины, он начинал читать:

Хвала тебе, родимая держава,
Что это право мирно нам дала!
И что с трудом на Западе дается,
За что восстания велись всегда,
У нас так просто это достается,
Невольно подивисься иногда.
Рад будет каждый с нами подружиться,
Когда придут те добрые года,
И знамя мира и согласия водрузится
Меж капитала и между труда!..

По воскресеньям устраивались экскурсии в музеи, прогулки в окрестности Петербурга. Раз в неделю созывались общие собрания. Гапон изредка принимал в них участие, и тогда они проходили особенно весело и оживленно. Гапон рассказывал интересные истории, шутил и во время загородных прогулок даже пускался под гармошку в пляс. Восхищенные зрители говорили:

— Вот это поп! Не чета нашим заставским!

Гапон появлялся в цехах, беседовал с рабочими, хлопотал перед директором об увольняемых. Директор Смирнов внес на нужды «Собрания» триста рублей и был избран его почетным членом. К Гапону он относился благожелательно, выслушивал его и нередко удовлетворял ходатайства.

Деревенскому парню Степану Мельникову в большом чужом городе было одиноко и тоскливо. «Старый Ташкент» показался ему сказочным дворцом. Туманные картины переносили его в новый, волшебный мир. Мельников посещал все собрания, с одинаковым любопытством слушая и пение молитв, которыми они начинались, и проповеди Гапона, и разъяснения председателя отдела Янова — «Что такое произвол». Но когда Гапон начинал говорить о земле, Мельников особенно жадно вслушивался в каждое слово и, подавшись вперед, ждал: не скажет ли «батюшка» чего-нибудь еще? Мельников давно таил мечту сколотить деньжонок, поскорее возвратиться в свою деревню, как-нибудь расширить узенькую полоску земли, поставить избу, сделаться настоящим мужиком. Действительность разбивала его мечту: деньги уплывали меж пальцев без остатка, едва хватало на жизнь и помощь семье, а тут еще брата угнали на войну в Манчжурию. Мельников приуныл. Но речи Гапона обнадеживали его.

Гапон читал проповеди, призывал «иметь оборону от иноверцев, всячески старающихся вредить русскому единению». Митрополит Антоний разрешил ему «открывать собрания рабочих святой молитвой и говорить после таковой слово». Гапон внушал рабочим мысль, что неурядица жизни зависит не от царя, а от нерадивых его подчиненных.

— О многом высшие власти не знают: до царя далеко, до бога высоко.

На одном собрании Гапон обратился к рабочим с вопросом: почему женщины не ходят в отдел? Весть о том, что батюшка приглашает жен рабочих, дошла до самых отсталых. Женщины со всей заставы приходили посмотреть на своего заступника, поцеловать у него руку, получить благословение. Имя Гапона стало еще популярнее.

Жизнью отдела руководил «кружок ответственных лиц»: В. Иноземцев, В. Янов, Р. Васильев, В. Яслаух, А. Рожков. Это были квалифицированные, солидные рабочие. Некоторые из них, как Рожков, в свое время были даже связаны с социал-демократическими кружками. Ближайший помощник Гапона, председатель ревизионной комиссии отдела Владимир Иноземцев, прежде был знаком с социал-демократами и, придя к Гапону, намеревался использовать его в своих целях. Но ловкий поп своими зажигающими речами увлек и Иноземцева.

Еще год назад в районных обществах трезвости, в столовых, в «чайных для борьбы с пьянством» Гапон беседовал с рабочими, убеждал в своей правоте. Сперва Гапона слушали недоверчиво. Слухи о его связях с полицией вскоре подтвердились. К Гапону стали относиться с подозрением. Но Гапон был настойчив, умел говорить так, что слова его зажигали людей и им казалось, что в словах этих — их собственные мечты и

думы. О своих связях с полицией он не умалчивал, а наоборот, говорил, что это необходимо, что так легче получить разрешение на открытие рабочего общества.

В конце концов Иноземцев поверил. Его увлекла мысль о создании широкой легальной рабочей организации, подобной английским тред-юнионам. Он стал одним из ярых приверженцев Гапона и вместе с ним ходатайствовал перед властями об открытии «Собрания русских фабрично-заводских рабочих».

В действительности цели Гапона были иные, чем думал Иноземцев. Гапон был связан с охранкой как ее агент, ему покровительствовал министр внутренних дел, всесильный Плеве. Гапон был провокатором и получал жалование от петербургского охранного отделения, сто рублей в месяц. Позже матерой жандарм Зубатов удивлялся ловкости Гапона, сумевшего за одну и ту же полицейскую службу получать ежемесячно по сто рублей в двух местах: от него и от департамента полиции.

Создавая «широкую рабочую организацию», Гапон действовал согласно приказу властей. Русско-японская война показала всю гнилость царизма и еще более усилила революционное движение в стране. Меры грубого подавления оказались уже недостаточными. Правительство воскресило тактику жандармского полковника Зубатова: использовать в своих целях отсталость рабочих, их тяжелое материальное положение, наивную веру в царя, бога и создать свою, полицейскую, рабочую организацию. Гапон писал: «Сущность основной идеи заключается в стремлении свить среди фабрично-заводского люда гнезда, где бы Русью, настоящим русским духом пахло, откуда бы вылетали здоровые и самоотверженные птенцы на разумную защиту своего царя». 15 февраля 1904 года устав «Собрания русских фабрично-заводских рабочих» был утвержден, а вслед за этим начали открываться отделы: сперва Выборгский, затем Нарвский.

Нарвский отдел оборудовали за счет средств, внесенных Гапоном от имени «неизвестного жертвователя». Из 360 рублей, вложенных в отдел, 150 рублей дал Гапону департамент полиции, 210 рублей — петербургское охранное отделение. Нарвский отдел стал главной резиденцией Гапона. Нарвская застава была крупнейшей рабочей окраиной Петербурга, и Гапон считал необходимым держать ее в своих руках. Несмотря на то что отдел открылся по счету вторым, его называли первым. Послушать Гапона сюда приходили из-за Невской заставы, с Выборгской стороны, приезжали из Колпина и Сестрорецка. На собрания ходило все больше и больше народу, каждый со своими нуждами и запросами.

Все чаще говорили о войне. Царская армия с первого же дня войны терпела поражение за поражением и на суше и на воде. В мае японцы блокировали Порт-Артур и взяли город Дальний; в начале июня русские войска были разбиты под Вафангоу, в июле — еще более сокрушительно под Ляояном. Тысячи людей гибли в далеких манчжурских полях и в глубоких водах Китайского моря. Среди кораблей, принимавших участие в боях на Дальнем Востоке, были крейсера и броненосцы, снаряженные Путиловским заводом. Путиловцы помнили красавец-крейсер «Новик», построенный на заводе и торжественно спущенный на воду в 1900 году. Теперь «Новик» пошел ко дну.

Недовольство войной все возрастало. Рабочие с насмешкой и возмущением отзывались о поражениях, презрительно называли командующего

Дальневосточной армии генерала Куропаткина — куропаткой, а молодежь, не стеснясь, распевала на мотив «боже, царя храни» песенку, известную еще со времен поездки Николая II в Японию:

Боже, царя возьми,
Нам он не нужен;
В лоб он контужен
Я-пон-ца-ми.

Руководителям гапоновского общества становилось все труднее сдерживать напор массы. На другой день после убийства Плеве в отделе состоялось собрание. Гапон предложил отслужить панихиду:

— Хотя наш устав утвержден товарищем министра Дурново, подписан он был с разрешения самого Плеве. Мы должны быть благодарны покойному министру и отслужить по нем панихиду.

Упорное молчание было ему ответом. Гапон долго водил глазами по лицам собравшихся. Потом обернулся к председателю и растерянно бросил:

— Переходите к очередным делам.

И вышел из зала.

Поводом для первого открытого столкновения внутри Нарвского отдела послужил отказ гапоновских руководителей принять в общество рабочего поляка.

— Какая же это рабочая организация, если в нее запрещается вступать поляку? Он меньше русского работает? Ему больше платят? — обижено спрашивали поляки.

Гапоновцы, ссылаясь на устав, смущенно отвечали:

— Допустим иноверцев — нас и закроют.

Рабочий Федин однажды заявил на собрании:

— Католики правы будут, если скажут при стачке русским рабочим: бастуйте сами. Мы, по-вашему, не рабочие... А таких капиталистов, как Смирнов, вы к себе принимаете?

Речь Федина понравилась не только рабочим-полякам. Рабочие неодобрительно относились к национальной травле, которую Гапон проводил в своем обществе.

Все острые вопросы решались на еженедельных собраниях руководителей районных отделов, собиравшихся на квартире Гапона. Под давлением рабочих Гапон согласился принимать в общество католиков и лютеран. Но против приема евреев он решительно возражал.

Все чаще и настойчивее раздавались на собраниях голоса о рабочих нуждах, о произволе мастеров и высшей администрации завода. Руководители отделов спросили Гапона: «Как быть? На «Лесснере» сбавка расценок, на Обуховом, на Семянниковом волнения. Вот-вот начнется и на Путиловом». Гапон энергично возражал: «Бастовать не следует, конфликты надо решать миром».

— Будем горячиться, привлечем внимание, молодые побеги собраний могут затоптать. Надо еще больше рабочих объединить.

Он выдержал паузу и неожиданно для слушателей добавил:

— И выступить так, чтоб чертям тошно стало!

— Чортов поп! — послышался восхищенный возглас.

Гапон улыбнулся, ему понравилось это прозвище.

В конце июля к директору завода явилась делегация кузнецов и предъявила требование: «В виду дороговизны, начавшейся с войной, повысить расценки».

Директор выгнал делегатов из кабинета. Кузнецы заволновались. Поговаривали о забастовке. Рабочие ожидали помощи от гапоновского «Собрания». Но Гапон избегал вмешательства в большие конфликты, и на этот раз ему удалось убедить «кружок ответственных лиц», что в столкновение кузнецов с администрацией вмешиваться не следует. Это сразу же вызвало неприязненное отношение кузнецов к «Собранию».

16 августа кузница стала. Тысяча человек потребовала директора. Но Смирнов к рабочим не вышел. На следующий день, под прикрытием полицейских, директор появился в кузнице.

— Не время, братцы, мутить, война теперь, пушки нужны. Куропаткин страдает на войне от недостатка орудий и вагонов, не время теперь для бунта.

— Чорт с ним, с Куропаткиным! — кричали из толпы. — Он только удирать умеет!

Поняв, что на Куропаткине не отыграешься, Смирнов обещал рассмотреть требования и уладить конфликт. Приехал окружной фабричный инспектор; он уверил рабочих, что прибавку они получат.

В этот же день организатор района побывал на собрании Петербургского комитета РСДРП и поставил вопрос о путиловской стачке. Комитет решил выпустить прокламацию с требованиями, предъявленными кузнецами: повышение расценок на 20 процентов, отмена сверхурочных работ, шестичасовой рабочий день для подростков, вежливое обращение.

1 сентября директор повесил объявление: тот, кто не станет на работу, будет уволен. На работу кузнецы стали, но поговаривали, что объявят новую стачку, если их теперь обманут. Кузнецов обманули. С 1 сентября расценки повысились лишь на некоторых молотах, да и то незначительно. На новую стачку кузнецы не поднялись, — не было еще достаточной организованности.

Со дня открытия Нарвского отдела гапоновского «Собрания» перед социал-демократами встал вопрос: как к нему относиться? Среди партийной молодежи раздавались голоса: раз общество полицейское, служит целям обмана, то идти в него не следует. Однако массовый наплыв рабочих в «Старый Ташкент» показал, что всякий, кто по-настоящему связан с массами, должен пойти туда, чтобы оторвать рабочих от Гапона. Такую директиву получил организатор района в Петербургском комитете. Большевики стали частыми посетителями гапоновского общества, некоторые вошли в число членов «Собрания».

Заводские меньшевики растерялись, и твердой линии в отношении гапоновского «Собрания» у них не было. Одни держались от него в стороне, другие потянулись туда. Член меньшевистского кружка К. Кошкин попытался однажды выступить на собрании в «Старом Ташкенте» с докладом «От феодализма к социализму». Но это выступление не имело успеха. Рабочие ждали не «ученых» лекций, а простого и понятного ответа, как улучшить свою тяжелую жизнь. Кошкину отвечал Воронин, ближайший сотрудник Гапона:

— Этот молодой человек Маркса, конечно, не читал, а лишь посмотрел первую и последнюю страницу и нарисовал нам картину, как мы войдем в социализм. А кто был Маркс? Еврей!

Гапон, присутствовавший на собрании, довольно улыбнулся. Анти-семитским выступлением он не только не противодействовал, но даже поощрял их.

На первых порах большевики действовали осторожно. Вести противоправительственную агитацию надо было исподволь — в речах о положении рабочих можно было только намекать на политические выводы. Обстановка была такова, что и главари «Собрания» и многие рабочие резко обрывали тех, кто пытался прямо сказать, что причина всех бед — царский режим, правительство царя и сам царь.

Петербургский градоначальник с удовлетворением сообщал министру внутренних дел, что «Собрание» служит твердым оплотом против проникновения в рабочую среду превратных социалистических учений. Эти сведения градоначальник получал не только от подчиненного ему охранного отделения, но и из бесед с Гапоном, который часто ездил к нему с докладами. Гапон уверял Фуллона, что отделы не выходят и не выйдут за пределы поставленных перед ними задач.

Все жарче и острее становились речи рабочих. Большевики решили дать гапоновцам бой. Двое членов организации сговорились о совместном выступлении, пришли на собрание гапоновского общества. Первый, хитро оглядев присутствовавших, заговорил по-простецки:

— Почему такое?.. Купцы в думах собираются, домовладельцы обсуждают свои интересы. Сахарные заводчики съезжаются и устанавливают цены на сахар — для нас более высокие, чем для заграницы, и держат эти цены, как хотят. Почему им можно, а нам, рабочим, нельзя? Ведь рабочая стачка тоже преследует цель повесить цену на свой труд. Нужно, стало быть, нам иметь свободу стачек.

В задачу второго выступающего входило сделать политические выводы — бросить лозунги. Он говорил о свободе стачек, союзов, собраний и заключил, что для достижения всего этого необходимо участие рабочих представителей в установлении законов. О свержении самодержавия он не упоминал, о царе не говорил, но горячо высказывался против войны.

Гапоновцы сетовали на социал-демократов за привнесение политики, за резкость и остроту речей, за требования действий. Иноземцев, самый умный из руководителей районного отдела, сказал большевикам:

— Вы смуту нам вносите.

Но в споры с социал-демократами Иноземцев не вступал. Гапоновское общество каждый день росло, становилось активней. Он был уверен, что массы пойдут за Гапоном, и политики особенно не опасался. Гапон попрежнему развивал перед рабочими фантастические планы. В ответ на все более частые разговоры о тяжелой жизни рабочих он выдвинул план: пусть «Собрание» берет в свои руки Путиловское общество потребителей. Но дирекция завода и правление потребиловки в один голос заявили, что план этот не осуществим. Если же гапоновцы хотят иметь свои лавки, они мешать им в этом не будут.

План организации потребиловки провалился.

На собраниях все чаще ставились вопросы о положении рабочих. Однажды специально приглашенный лектор долго объяснял закон 1903 года об увечьях, подробно разбирал его по пунктам и рассказывал, за какое увечье сколько должны платить, каковы права рабочих, каковы условия получения оплаты. Под конец он неосмотрительно осведомился:

— Удовлетворяет ли вас все это?

В ответ ему слушатели закричали:

— Нет!

Директор Смирнов случайно присутствовал на этом собрании. У него давно уже копилось недовольство отделом. Здесь уж очень часто брали верх наиболее активные элементы. Таяли надежды на то, что гапоновское «Собрание» отвлечет рабочих от борьбы и протестов. Он созвал начальников цехов и их помощников и в упор спросил их: «Как должны держать себя администраторы при забастовках?» Предвидя, что дело идет к большим стачкам, он потребовал от начальников цехов применения различных предупредительных мер.

— Мы техники, а не полицейские, и сыском заниматься не будем, — заявил Олесинов, начальник мартеновской мастерской.

— Мы честные люди, — робко добавили другие.

Оппозиционно настроенных из числа начальников было немного — человек шесть-семь. Но и этого было вполне достаточно для того, чтобы Смирнов оставил свою затею. Он решил противопоставить гапоновцам более послушную организацию и сговорился с зубатовцем М. Ушаковым, одним из организаторов «Общества взаимного вспомоществования рабочим механического производства», об открытии отделения этого «общества» на территории завода. Осенью 1904 года в путиловском театре, по Шелкову переулку, состоялось открытие отделения «общества» и началась вербовка. Ее производили представители низшей администрации — надежные мастера и старшие. Одним из рьяных вербовщиков в ушаковский союз был мастер вагонного цеха А. Тетявкин.

В ушаковское «общество» рабочие не шли. Нарвский отдел гапоновского «Собрания» тем временем разрастался, превращаясь против воли руководителей в политический клуб.

В стране росло революционное настроение. Недовольство войной все возрастало. В сентябре произошли волнения среди запасных солдат. В городах подымалось мощное движение рабочих.

Все эти события горячо обсуждались на собраниях гапоновского общества. На заводах говорили о политических демонстрациях.

Боясь, что движение пойдет мимо «Собрания», Гапон 28 ноября созвал своих «штабных» — по два человека от района. Основным был вопрос о возбужденном состоянии рабочих Петербурга. Гапон выдвинул идею «мирного шествия» к царю с просьбой. Это был полицейский, провокаторский план — вызвать расстрел рабочих, одним ударом разгромить растущее рабочее движение. По предложению Гапона, шествие было назначено на 19 февраля 1905 года — день освобождения крестьян.

В конце декабря пришло известие о падении Порт-Артура и гибели тихоокеанской эскадры. Небывалое до сих пор поражение сильно пошатнуло положение царизма. Эти события на Дальнем Востоке с каждым днем все больше накаляли и без того накаленную атмосферу. Малейший толчок мог вывести из равновесия многомиллионные массы народа и вызвать мощное народное движение против векового гнета самодержавия.

Ленин внимательно следил за развитием политического кризиса в России. Еще до падения Порт-Артура Ленин писал, что «...война всего более разоблачила и разоблачает гнилость самодержавия...», всего

более истерзывает и толкает на восстание пострадавшие народные массы...»¹

Ленин предсказывал:

«Военный крах неизбежен, а вместе с ним неизбежно и удешевление недовольства, брожения и возмущения...

В этот момент одна из тех вспышек, которые все чаще повторяются то здесь, то там, поведет к громадному народному движению. В этот момент пролетариат поднимется во главе восстания, чтобы отвоевать свободу всему народу, чтобы обеспечить рабочему классу возможность открытой, широкой, обогащенной всем опытом Европы борьбы за социализм».²

¹ Ленин, Сочинения, т. VII, стр. 33.

² Там же, стр. 34.

ГЛАВА IV

1905 — 1907

СМЕРТЬ ИЛИ СВОБОДА

У мастера Тетявкина была любимая поговорка: «Досыта у меня не накормишься, но и с голоду не подохнешь».

Смысл этой поговорки хорошо чувствовали на себе рабочие дерево-обделочной мастерской вагонного цеха. Назначенный дневным мастером, Тетявкин сразу показал себя как верный слуга директора. Тем, кто не заискивал перед ним и не водил его с получки в трактир, приходилось особенно плохо.

4 декабря, в день получки, рабочий Сергунин, узнав, что ему причитаются жалкие гроши, явился к мастеру за объяснением.

— Как работал, так и заработал, — отрезал Тетявкин и объявил Сергунину расчет за «неусердную работу».

Через три недели Тетявкин уволил еще троих рабочих — Субботина, Федорова и Уколова. Все четверо были членами гапоновского «Собрания». Иван Субботин считался там одним из деятельных членов.

— Идите в ваше общество, — сказал Тетявкин уволенным, — оно вам все сделает. И за прогул заплатит...

Увольнение взволновало рабочих вагонного цеха. В вагонных мастерских работало несколько социал-демократов, среди которых особенной активностью отличался жестяник Александр Ребрантов. По их инициативе от имени вагонного цеха были выдвинуты требования: удалить Тетявкина и принять обратно уволенных. В других мастерских брожение

пошло дальше. Кузница требовала устроить вентиляцию, артиллерийские мастерские — отменить сверхурочные и воскресные работы, паровозные цеха — уничтожить произвол мастеров в расценках. Механическая раньше всех подхватила этот призыв бороться с произволом мастеров: начальник мастерской Малис издавна слыл деспотом и гонителем. Мартеновцы, которым платили с пуда, были недовольны постоянными обсечками. Везде заговорили о стачке. Необычайное брожение охватило двенадцать тысяч рабочих.

Сергунин и Субботин пошли искать защиты у своего гапоновского «Собрания». Гапон, надеясь окончить дело миром, направил их с ходатайством о восстановлении к директору завода. Смирнов отказал. Гапон, в поисках мирного исхода, поехал к градоначальнику Фуллону. Переговоры с Фуллоном были также безрезультатны.

Не дожидаясь исхода переговоров, путиловцы собрались в «Старом Ташкенте». Явились не только члены «Собрания», но и рабочие, раньше никогда не ходившие сюда. Собравшиеся возбужденно обсуждали события. Предложение послать делегацию к Смирнову и предъявить решительные требования было подхвачено всей массой присутствующих. Делегация, двенадцать рабочих различных мастерских завода, была избрана. Уже никто не спрашивал — член ли общества избираемый или нет. В число делегатов попали большевики и среди них старый путиловец Василий Буянов. То, что гапоновцы тщательно оберегали — право на представительство от имени рабочих, было отнято у них сразу в первые же дни конфликта. Так рамки гапоновского общества взрывались движением.

Каждый день — и на официальных собраниях, и среди женщин, собравшихся на рождественский концерт, и на елке, устроенной для детей, — все чаще и громче слышались возгласы о необходимости решительных действий: прекратить работы и потребовать ответа. Руководители Нарвского отдела, напуганные неожиданно грозным движением рабочих, заговорили между собой:

— Если мы оставим уволенных на произвол судьбы, доверие к нашему «Собранию» навсегда и неизбежно поколеблется.

— Наше общество на краю пропасти, — говорил Гапон.

Социал-демократ Ребрантов от имени вагонщиков, которые чувствовали себя задетыми больше всех, предложил созвать общегородское собрание представителей рабочих всех районов Петербурга для того, чтобы обсудить путиловский вопрос. В помещении Василеостровского отдела, на 4-й линии, 27 декабря собрались представители одиннадцати отделов гапоновского общества — до трехсот человек. Пришли и работники социал-демократических организаций города, в том числе группа путиловских большевиков во главе с Николаем Полетаевым. Председателем собрания был выбран председатель ревизионной комиссии Нарвского отдела, путиловский токарь Иноземцев. После длительных речей принято было решение из пяти пунктов. Решение говорило о путиловском конфликте и предупреждало правительство «о ненормальных отношениях труда и капитала». Последний пункт звучал как решительный вызов: «Если законные требования рабочих не будут удовлетворены, то «Собрание русских фабрично-заводских рабочих» не ручается за спокойное течение жизни города».

По последнему пункту вначале разгорелись сильные споры. Большевики настаивали на немедленной забастовке в случае отказа администра-

ции удовлетворить требования рабочих. Гапон возражал. Но увидев, что настроение большинства склоняется к принятию этого пункта, он, чтобы не терять авторитета, при вторичном голосовании поднял руку за стачку.

Для передачи требований собрание послало три делегации: к директору Путиловского завода, к старшему фабричному инспектору и к градоначальнику.

Фабричный инспектор Чижев недовольно заявил депутатам, что дело, по его мнению, «искусственно раздуто из пустяков». Однако пообещал принять «все зависящие от него меры».

К Смирнову во главе делегации отправился председатель гапоновского общества, рабочий Петербургской стороны И. В. Васильев. Директор встретил представителей рабочих очень грубо и требования отклонил. Уходя, депутаты заявили:

— Предупреждаем, если вы не выполните наших требований, дело может кончиться плохо.

Третью делегацию, к градоначальнику, возглавлял сам Гапон. Градоначальник пожелал сначала говорить с ним одним.

— Это же настоящая революция! — с сильным раздражением сказал Фуллон, когда прочитал последний пункт требований.

Он смотрел на Гапона сердито и начальственно, как бы обвиняя его в неадекватности. Движение явно выходило за рамки, установленные для него полицией. Гапон, оправдываясь, сказал несколько успокоительных фраз, и градоначальник, чтобы задержать развернувшееся движение, пообещал ему помочь уладить конфликт. С рабочими депутатами Фуллон разговаривал очень резко, потребовал прекращения «смуты» и пригрозил репрессиями.

На Путиловском заводе появились отряды конной и пешей полиции. Пешие были распределены в нескольких местах: в проходной конторе, в помещении путиловского театра, в конторе по делам рабочих и служащих. Конные стояли за забором около заводской больницы. Появление полицейских отрядов вызвало сильное возмущение путиловцев. Василий Буянов в пушечной мастерской каждого, кто заговаривал с ним о полиции, спрашивал:

— Почему нагнали жандармов? Скажи!.. Не знаешь?

И отвечал:

— Боятся они нас, вот почему... Понимаешь — боятся!

2 января в зал «Старого Ташкента» набилось до шестисот человек. Кроме путиловцев, явились резинщики, рабочие соседних заводов, пришла даже группа семяниковцев. Люди стояли в проходах. Один за другим выходили жестяники, котельщики, вальцовщики и говорили собранию о своей тяжелой жизни, «которая — одно сплошное мученье»:

— Ведь нас за людей не считают. Никогда мастер тебя по фамилии или по имени не назовет, а обязательно по номеру. Номер такой-то опоздал на работу — с него штраф... Не люди мы для них, а номера...

Пятидесятилетняя уборщица с Путиловского завода рассказала свою историю. Муж ее работал на заводе тридцать лет; после его смерти она осталась с тремя малыми ребятами. Заработок сорок копеек в день — десяти рублей в месяц не набегает; из них семь приходится отдавать за квартиру, на жизнь остается три рубля.

— Как собака должна я бродить по столовым и собирать объедки для своих детей...

Женщины плакали:

— Настал предел нашему терпению... Так дальше жить нельзя!

Сквозь толпу по узкому проходу к столу шел Василий Андреевич Шелгунов. Большие черные очки прикрывали его глаза. Он был слеп. Нащупав стол, он медленно и осторожно повернулся лицом к собранию.

— Слепой? — спросил Полетаев сидевшую рядом женщину. Та утвердительно кивнула головой.

Старый революционер Василий Шелгунов говорил путиловцам о жестокой правде рабочей жизни, о причинах зла и несправедливости. Все замерли, настороженно вслушиваясь в слова оратора.

— Как он хорошо говорит, — промолвил Полетаев. — Пойду потолкую с ним.

Полетаев протиснулся вперед. Шелгунов стоял неподвижно, прямо. Голос его звучал страстно и гневно.

Несчастье сильно изменило Шелгунова, и Полетаев не узнал своего старого друга. Внимательно вглядываясь он в застывшее лицо слепого, ожидая конца его речи. Когда слепой окончил и повернулся, Полетаев вдруг уловил в нем что-то близкое, хорошо знакомое. Из глубины далекого прошлого перед ним предстал молодой энергичный друг Вася Шелгунов. Дрогнувшим голосом Полетаев тихо произнес:

— Василий... Это ты, Вася?

Старые товарищи при всем примолкшем собрании крепко обнялись и расцеловались.

Молчал и вышедший к столу очередной оратор-большевик Александр Федоров. Он не начинал говорить до тех пор, пока друзья не сели на места.

В своей речи Федоров, говоря о тяжелой жизни путиловцев, все сводил к одному: так — не только на Путиловском заводе, так — везде:

— Аппетиты хозяев ненасытны. Мало им своих трудящихся грабить, они суят лапы в чужие карманы. Ради кого ведется война с Японией? Ради кого тысячи наших братьев гибнут на манчжурских полях? Царское правительство...

Настороженную тишину взорвали протестующие возгласы:

— Царя не трожь!

— Зачем политики касаешься?!

— Царское правительство... — с молодым задором продолжал оратор.

Его прервал председатель. От имени «Собрания» он попросил не касаться политических вопросов. Федоров продолжал речь. Однако теперь он сдерживал себя и старался царя не касаться.

Большевикам приходилось трудно. Своих рабочих еще кое-как слушали. Интеллигентам вовсе не давали говорить. Александр Харик, организатор городского района РСДРП, пробрался вперед, быстро вскочил на стул и вытянул руку. Но едва успел сказать несколько слов, как его прервали:

— Долой! Не надо! Довольно!

— Гони студента! Чего ему от нас нужно?

Громче всех кричал неуклюжий деревенский парень. Он вскочил с места, явно намереваясь стащить оратора со стула. Это был двадцатилетний сверловщик Степан Мельников. Собрания гапоновского общества стали первыми яркими и значительными страницами его жизни. Гапона

он боготворил и всех, восстававших против того, что говорил «батьюшка», считал своими личными врагами. Не дали договорить и выступавшей вслед за Хариком пропагандистке Жилевич. Помощник организатора ремесленной группы городского района Мендель Явич, человек уже немолодой, по виду рабочий, на некоторое время овладел вниманием аудитории. Но когда он предложил выйти завтра же с красными знаменами и потребовать от правительства политических свобод, председатель лишил его слова.

Часы шли за часами. Уже слышались возгласы о необходимости принять решение. Руководителям «Собрания» нечего было предложить, и они растерялись.

От имени рабочих вагонных мастерских выступил Ребрантов с предложением: завтра не приступать к работам, а собраться у заводской конторы и в последний раз потребовать у директора ответа. В случае отказа объявить забастовку.

Предложение было принято.

На утро 3 января путиловцы собрались в мастерских. Прогудел штрафной гудок. Рабочие деревообделочной побежали по другим мастерским снимать товарищей с работы. Пушечная снялась одной из первых. Василий Буянов сказал своему подручному Пашке:

— Собери мальчишек! Бегите по мастерским и кричите: «Забастовка!»

Пашке поручение пришлось по душе. Не каждому доверят такое серьезное дело. Один за другим останавливались станки, и через полчаса гигантская мастерская замолкла. Пушечники группами выходили во двор. Сторож Илья встал перед дверьми и умолял их:

— Пожалейте меня, старика! Или работайте, или ломайте двери и уходите все сразу. А то меня прогонят... Куда я пойду?..

Степану Мельникову не хотелось терять заработок. Однако и его заставили бросить станок. Он, ворча, поплелся за толпой к выходу. В пушечной остался один сторож.

Инструментальная, лафето-снарядная, механическая вышли сами. Остальные пришлось снимать. Подростки бегали из мастерской в мастерскую и радостно кричали:

— Бросай работу, забастовка!

В паровозомеханической работу бросили быстро. В кузнице и литейной послушались менее охотно, но тоже вышли почти все. В прокатке администрация приказала закрыть ворота мастерской, но это не помогло. К восьми часам стал весь завод.

Рабочие собирались у конторы. Подходили все новые группы, и скоро толпа заполнила площадку перед зданием. Люди старались держаться кучно, по мастерским, выдвигая вперед руководителей. Мальчишки протискивались вперед к самому зданию, заглядывали в окна, где мелькали испуганные лица служащих. В дверях показался директор Смирнов. Толпа затихла, подалась ближе. Смирнов, как всегда сжав губы, смотрел поверх людей.

— Я со всеми разговаривать не намерен, — заявил он. — Выберите делегатов...

Ему ответили, что стоящие впереди — это и есть делегаты. В первых рядах произошла передвижка. Одни отступали назад, прячась за спины товарищей, другие выступали вперед.

— Чего вы хотите? — спросил директор, не обращаясь ни к кому. Передние заговорили наперебой. Начались беспорядочные пререкания между ними и Смирновым. В спор постепенно ввязывались новые люди. Когда подошел Иноземцев, которому было поручено передать требования рабочих, директор окончательно вышел из себя:

— Я здесь хозяин, что хочу, то и делаю!

Поднялся шум.

— Директору один Тетявкин дороже, чем двенадцать тысяч рабочих! — крикнул кто-то. — Ну, так пусть они вдвоем и работают, а мы пойдем, отдохнем!

Директор повернулся кругом и исчез за дверью. На его место выскочил Василий Буянов:

— Товарищи!

Люди насторожились. Буянов погрозил кулаком в неопределенном направлении, заговорил о произволе, эксплуатации, необходимости решительного отпора. Его голос слышали самые дальние. Он предложил избрать депутацию, предъявить директору свои требования и для поддержки этих требований поднять на ноги весь рабочий Петербург. Толпа ответила гулом одобрения.

За все время своего существования Путиловский завод впервые видел такое большое собрание рабочих. Впервые путиловцы так открыто и единодушно заявляли о своих правах и требованиях. Выбирая депутатов, все чувствовали значительность этой минуты; избранные были настроены торжественно, на них смотрели с уважением. В числе тридцати семи депутатов от разных цехов были большевики Буянов, Полетаев, Василий Орлов.

С утра следующего дня, 4 января, делегация занялась составлением требований. Одновременно путиловцы разошлись по заводам Петербурга, призывая рабочих присоединиться к их забастовке. Вечером делегаты явились к директору. Среди них находился и Гапон. Смирнов встретил делегатов у заводской конторы. Рабочие предъявили требования:

1. Введение восьмичасового рабочего дня.
2. Работа в три смены.
3. Отмена сверхурочных работ.
4. Повышение платы чернорабочим: мужчинам с 60 копеек до 1 рубля, а женщинам с 40 копеек до 75 копеек в день.
5. Улучшение санитарной части на заводе.
6. Бесплатная врачебная помощь заводских врачей заболевшим рабочим.

Забастовка разрасталась.

«Начав стачку из-за защиты отдельных уволенных товарищей, рабочие перешли к широким экономическим требованиям»,¹ — писал Ленин о путиловской забастовке.

В этот же день по галошным цехам Резиновой мануфактуры пронеслись взволнованные возгласы:

— Путиловцы идут!

Группу путиловских рабочих вел какой-то бойкий разбитной токарь. Полушубок его был расстегнут, шапка лихо заломлена на затылок. Озараясь по сторонам, он кричал мощным басом:

— Эй, тетушки, доченьки! Бросай работу, иди за нами! Бастуем!

¹ Ленин, Сочинения, т. VII, стр. 27.

**Прокламация Петербургского комитета РСДРП
5 января 1905 года**

На конспиративной квартире он получил несколько пачек листовок и указания, как действовать большевикам. Привез листовки в район, к ожидавшим его товарищам. Листовки разошлись по рукам. Заводские мальчишки разбрасывали прокламации по коридорам старых домов Нарвской заставы.

Мать Василия Алексеева, слесаря пушечной мастерской, подобрала один листок. Принесла домой, показала сыну. Занавесили окна. В комнату собрались все жильцы густо населенной квартиры. Стоя у керосиновой лампы, Василий, единственный грамотный в квартире, вполголоса читал прокламацию:

**«Российская социал-демократическая рабочая партия
Пролетарии всех стран, соединяйтесь!**

Ко всем рабочим Путиловского завода...»

Он читал о заводской собаке — Тетявкине. Из-за этого пса директор готов выбросить на улицу всех рабочих завода. Прокламация говорила о полуголодной жизни в сырых и холодных подвалах, по углам, в набитых людьми клетушках.

— Правда, вот это правда! — раздавались одобрительные возгласы.

Слушатели были взволнованы. Их наболевшие, кровные нужды были выражены в прокламации отчетливо и понятно. Василий прочел о том,

превратить его в дело всего петербургского пролетариата:

«Нам нужна политическая свобода, нам нужна свобода стачек, союзов, собраний, нам необходимы свободные рабочие газеты. Нам необходимо народное самоуправление (демократическая республика)...

Товарищи! Не отступая от наших требований, мы должны предъявить новые требования. Пусть соберутся представители от всех цехов и сообща обсудят: чего нам нужно теперь требовать. Пусть они обратятся к рабочим других заводов и предложат им забастовать и вести борьбу вместе с нами.

Да здравствует стачка!

Да здравствует борьба за освобождение рабочего класса. ¹

Представитель путиловской большевистской организации побывал в городе.

¹ Сб. «1905 год в Петербурге», т. I, М. — Л., 1925, стр. 14.

что директор советует путиловцам не заниматься политической борьбой. «Что враг советует, то, верно, худо», — говорилось дальше в прокламации.

Темные, неграмотные, всю жизнь бившиеся из-за куска хлеба в тяжелом труде, рабочие, слушавшие прокламацию, еще не представляли себе, каким путем можно добиться лучшей жизни. Эти люди, раньше никогда не участвовавшие в сходках и демонстрациях, впервые слышали политические требования, высказанные в прокламации. Слушали, задумывались, запоминали, но сразу же от них возвращались к своим повседневным, цеховым нуждам.

Руководители гапоновского отдела были недовольны прокламацией. Они видели в гапоновском обществе единственного выразителя интересов рабочих и считали недопустимым, чтобы в их «собственное» дело вмешивался кто-то посторонний.

В четверг 6 января с утра отдел был полон. Ждали приезда «батьюшки». Гапон явился поздно вечером. Глаза его блеснули. Он рассказал о том, что депутаты были в правлении общества Путиловских заводов, у министра юстиции и у градоначальника и везде требования путиловцев встретили отказ.

— Все законы попораны! — иступленно восклицал Гапон. — Правды искать негде! Чиновники-казнокрады, судьи неправедные и капиталисты, жадные до прибылей, каменной стеной окружили трудовой люд, и нет ему ни пути, ни выхода.. К кому же нам теперь идти?

Горящим взором он обвел собравшихся. Человек исключительного честолюбия, лицедей по природе, «чортов поп», охранник — он, как бы задыхаясь от огромного волнения, продолжал:

— Все мы дети одного отца — царя. Пойдем прямо к царю. Расскажем ему все... Он поймет...

Выход, казалось, был найден:

— К царю! К царю!

Образ царя из старинных сказок, доброго и милостивого, который жалует свой народ, но от которого министры и чиновники прячут правду, засиял перед людьми как последняя надежда. Вчерашние тверские, новгородские, псковские крестьяне — сегодняшние кузнецы, молотобойцы, вальцовщики, они потянулись к Гапону, вождю в рясе, с крестом на груди. Нарвский отдел постановил: «Собравшись вместе, в воскресенье отправиться к Зимнему дворцу и подать царю петицию».

План Гапона был принят. Люди, принимавшие его, не подозревали чудовищности этого провокаторского плана Гапона. «Гапон взялся помочь царской охране: вызвать расстрел рабочих и в крови потопить рабочее движение».¹

Обсуждение петиции происходило в «Старом Ташкенте» непрерывно в течение трех дней, вплоть до субботы 8 января. Густая толпа окружала стол, стоя на котором читали петицию:

«Государь!

Мы, рабочие и жители г. С.-Петербурга разных сословий, наши жены, дети и беспомощные старцы-родители, пришли к тебе, государь, искать правды и защиты. Мы обнищали, нас угнетают, обременяют непосильным трудом, над нами надругаются, в нас не признают людей, к нам относятся, как к рабам, которые должны терпеть свою горькую участь и молчать.

¹ История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс, 1938, стр. 55.

ГОСУДАРЬ.

Мы, рабочие и жители города С.-Петербурга разных сословий, нации, веры, дети и безпомощные старики, родители пришли к тебе, ГОСУДАРЬ, искать правды и защиты. Мы обижались, нас угнетали, обременяли непосильным трудом, над нами надругались, а нас не признали людьми, из нас откосили нас за рабов, которые должны терпеть свои горькую участь и молчать. Мы и терпели, но нас так павить все дальше а: омути нищеты, безправия и невежества, нас душат деспотизм и произвол, и мы задыхаемся. Нет больше сил, ГОСУДАРЬ. Настала предель терпению. Для нас пришла тот страшный момент, когда лучше смерть, чем продолжение невыносимых муч.

А вот мы бросили работу и вышли на улицу, требуя, что не начиная работать, пока они не исполнят наших требований. Мы не многого просили, мы хотели только того без чего не жить, а потому, жизнь наша. Первая наша просьба была, чтобы наши хозяева вместе с нами обсудили наши нужды. Но мы стоим нас отказали, — нам отказали на право говорить о наших нуждах, исходя, что тамого права на нас не признают законы. Незаконной также оказалась наша просьба: уменьшить число рабочих часов до 8-ми в день; установить цену на нашу работу в соответствии с нашими расходами; рассмотреть наши недоработки с нашей администрацией заводов; уволить чернорабочих и женщин плату за их труд до одного рубля в день; отменить сверхурочные работы; считать нас внимательно и без оскорблений; устроить настроение так, чтобы мы могли было работать, а не находить там смерть от страданий и болезней. Довольно и счастия.

Все славилось, по-прежнему наших хозяев и фабрично-

Мы и терпели, но нас толкают все дальше в омут нищеты, безправия и невежества; нас душат деспотизм и произвол, и мы задыхаемся. Нет больше сил, государь. Настал предел терпению...

В петиции перечислялись меры, с помощью которых царь мог бы «излечить раны народа».

Эти меры делились: на меры против невежества и безправия русского народа, меры против нищеты народа, меры против гнета капитала над трудом. Петиция требовала свободы и неприкосновенности личности, свободы слова, печати, собраний, свободы совести, равенства всех граждан перед законом, амнистии политическим заключенным, отмены косвенных налогов и замены их подоходным, отмены выкупных платежей и передачи земли народу, введения восьмичасового рабочего дня, свободы стачек, свободы профессиональных союзов, охраны труда.

Требования петиции в той или иной форме отражали

социал-демократическую программу-минимум. Большевики не раз выдвигали их в многочисленных прокламациях, брошюрах, в своих выступлениях на собраниях рабочих. Рабочие включали эти требования в петицию под влиянием большевиков. Это показывало, насколько глубоко проникли в сознание рабочей массы социал-демократические лозунги, насколько они были жизненны и насущны. Петиция, по выражению Ленина, показывала «...чрезвычайно интересное преломление в умах массы или ее малосознательных вождей программы социал-демократов».¹ Выступая на собраниях, большевики говорили, что царь будет стрелять в рабочих. Свободу завоевывают силой, с оружием в руках, а не просьбами.

Рабочие приходили, как это было объявлено в приглашениях, расклеенных по всему району, с женами, детьми и престарелыми родителями. Слушали петицию, затем семьями продвигались к толстым канторским книгам, подписывались и, отходя, крестились:

— Теперь все в царской воле...

¹ Ленин, Сочинения, т. VII, стр. 77.

Степан Мельников не слышал текста петиции. Ему объяснили:

— Сколько получаешь?

— Семь гривен.

— А хочешь получать больше?

— Хочу.

— Ну, так подпишись!

Вместо подписи Мельников начертил в книге три корявых креста.

Когда обсуждали петицию, путиловские большевики предложили добавить два новых пункта: о прекращении войны по воле народа и передаче власти из рук чиновников в руки представителей народа, избираемых всеобщим голосованием. Эти требования РСДРП были приняты и также вошли в окончательный текст петиции.

Четвертый день стачки был решающим. 6 января Васильевский остров погрузился в тьму; движение по конной железной дороге остановилось по всему Петербургу; прекратил работу городской водопровод. Забастовали Обуховский, Александровский заводы, остановились все фабрики Выборгской стороны, Резиновая мануфактура, заводы Васильевского острова, перестали работать типографии. К пяти часам вечера на Ижорском заводе в Колпине появилась делегация путиловцев. Они потребовали от Колпинского отдела гапоновского общества остановить завод. Вечером на собрании ижорских рабочих путиловцы призывали к забастовке:

— Разве вам легко живется? Разве наши требования касаются только нас одних? Восьмичасовой день — это общее дело...

Ленин писал: «Стачка, начавшаяся 3 января на Путиловском заводе, разыгрывается в одно из наиболее величественных проявлений рабочего движения».¹

7 января забастовка превратилась во всеобщую, охватив свыше ста пятидесяти тысяч петербургских рабочих. Требования, выставленные путиловцами, были подхвачены всеми рабочими Петербурга.

В этот день на Путиловский завод прибыло два батальона пехоты. Батальоны пробыли на заводе одни сутки и затем по-ротно были уведены с завода. Люди, увлеченные гапоновским планом мирного шествия к царю, увидели в этом доброе предзнаменование: «царь милостив». На самом деле это было зловещим признаком готовящейся кровавой провокации.

8 января рабочий люд, от малышей до глубоких старцев, был на улицах. Люди взволнованно делились заветными мыслями о милостивом батюшке-царе.

В семь часов вечера в «Старый Ташкент» приехал Гапон. И хотя петицию уже все слышали, он взобрался на стол и в переполненной людьми комнате вновь прочитал ее. Он читал, как актер. После каждого пункта спрашивал:

— Нужно ли это вам, рабочие?

Со стоном и плачем толпа откликалась:

— Нужно!

Гапон поднимал кверху руку, как бы в знак клятвы, и за ним поднимались тысячи рук.

Гапон обманывал рабочих: на прямые вопросы — не встретят ли рабочих пулями, он отвечал, что шествие разрешено властями. В этот же вечер он послал телеграмму рабочим Ижорского завода: «Никакого оружия, никаких мер предосторожности. Градоначальник разрешил шествие».

¹ Ленин, Сочинения, т. VII, стр. 76.

Большевики в последний раз пытались повлиять на рабочих. Александр Харик предложил идти с красным флагом и превратить шествие в антиправительственную демонстрацию; женщин и детей оставить дома. Его не слушали. Гапон снова взошел на трибуну и в экстазе возгласил, что наступающее воскресенье будет для народа «воскресением из мертвых».

— Мы пойдем безоружными! Обещаете ли вы мне не брать с собой оружия?

— Обещаем!

Кто-то крикнул:

— Если найдутся люди, которые не будут помогать отцу Георгию, то им анафема!

— Анафема! — гулко отдалось в толпе.

Гапоновцы накинули на «батьюшку» женскую малиновую ротонду и провели его задворками к Синеловскому, рабочему механической мастерской. Здесь он расположился на ночлег. На пороге комнаты лег кузнец Филиппов. Несколько путиловцев до утра оберегали сон Гапона. Рабочие не спали. Старая жизнь должна была завтра навсегда уйти в прошлое. С надеждой и страстью повторяли взволнованные люди слова своей петиции: «У нас только два пути — или вперед, к свободе и счастью, или назад — в могилу». По одному из этих путей должен был завтра направить их царь.

— Смерть или свобода, — говорили друг другу.

Некоторые руководители гапоновского «Собрания» положили в карманы себе записки с указанием фамилий и адресов — на случай смерти. Председатель всех отделов, рабочий Иван Васильевич Васильев, писал прощальное письмо жене:

«Нюша! Если я не вернусь и не буду жив, ты не плачь. Как-нибудь первое время проживешь, а потом поступи на фабрику и работай. Расти Ванюру и говори ему, что я погиб мученической смертью за свободу и счастье народа. Я погиб, если это будет верно, и за ваше счастье».

На квартире путиловских большевиков, братьев Волковых, собралось несколько молодых парней и девушек. Они разговаривали тихо, душевно. Девушки нашивали белые буквы на кусок красной материи. Разошлись поздно, крепко пожав друг другу руки.

В этот день Петербургский комитет большевиков предупреждал в своей листовке рабочих:

«...Свобода покупается кровью, свобода завоевывается с оружием в руках, в жестоких боях. Не просить царя, и даже не требовать от него, не унижаться перед нашим заклятым врагом, а сбросить его с престола и выгнать вместе с ним всю самодержавную шайку — только таким путем можно завоевать свободу... Освобождение рабочих может быть делом только самих рабочих, ни от попов, ни от царей вы свободы не дожидаетесь. В воскресенье, перед Зимним дворцом, если только вас туда пустят, вы увидите, что вам нечего ждать от царя».¹

Но вера в царя была пока еще крепка. Рабочие торжественно готовились к шествию. Из старых сундуков и комодов извлекали праздничное платье. Бани были переполнены до глубокой ночи. Матери мыли ребят и одевали их в чистое платье. Так бывало только перед рождеством и пас-

¹ Сб. «1905 год в Петербурге», т. I, стр. 17.

У Нарвских ворот 9 января

Эсер Рутенберг, начальник инструментальной, допытывался, какой у Гапона план шествия. Никакого плана не было.

— Возьми человек тридцать, — сказал Гапон Яслауху, — и сходи за хоругвями и иконами.

Крестьясь, рабочие начали выстраиваться на Петергофском шоссе. Около двенадцати часов шествие тронулось. Впереди шел старый пильщик деревообделочной мастерской Прокофий Лаврентьев. Благоговейно нес он в руках царский портрет в широкой раме. Несколько стариков помогали ему, поддерживая тяжелый портрет за углы. Рядом юноша нес икону Николая чудотворца. Колыхались золотые и серебряные хоругви, блестели образа. Степан Мельников, гордый и серьезный, нес икону. Впереди него, между первым и вторым рядом, шествовал Гапон. В вытянутой руке он держал крест. Во внутреннем кармане его широкой поповской шубы лежали доверенность от рабочих и петиция, которую он должен был вручить царю. Рядом с ним, поддерживая его под руку, шагал Васильев. Умиленный Яслаух и сумрачный Иноземцев теснились тут же. Остальные главные гапоновцы — Климов, Рожков, Роман Васильев — шли в первых рядах. Председатель отдела Янов струсил и решил совсем не участвовать в шествии, но потом передумал и примкнул к самому хвосту колонны.

Николай Полетаев шел в первом ряду. С ним рядом — высокий, плотный Максим Волков. Невдалеке шагали Гуденков, Василий Буянов, Василий Орлов, Григорий Ханцев, Иван Андреев и другие большевики. Их было немного, горстка, но здесь были почти все члены организации.

Толпа двигалась медленно. К ней примыкали новые и новые люди. Сбоку бежали ребятишки. Их удерживали за руки, заставляли идти чинно.

Шествие растянулось далеко, казалось на несколько верст. Несмотря на мороз, шли обнажив головы. Пели: «Спаси, господи, люди твоя и благослови достояние твое...»

Таким могучим хором эту молитву пели за Нарвской в первый и последний раз. Городовые снимали шапки и крестились. Местный пристав Жолткевич и околоточный Шорников шли впереди, расчищая дорогу. Сбоку ехал отряд казаков. Казаки чувствовали себя растерянными, не зная, что делать; некоторые из них уговаривали толпу вернуться, другие грозили нагайками.

Рабочие, жены рабочих, дети шли и пели. Чем ближе подходили к Нарвским воротам, тем громче пели. Ворота были уже совсем близко. Оставалось еще каких-нибудь триста-четырееста шагов. На мостике через Таракановку и по сторонам его виднелась ровная серая изгородь солдат. За воротами, в глубине площади, были тоже солдаты. Впереди, с шапками наголо, гарцовали на белых конях гренадеры. Колонна на мгновение замешкалась. Передние хотели было свернуть в боковую улицу, но, чуть дрогнув, колонна пошла прямо на солдат. Расстояние между ними все уменьшалось.

У Нарвских ворот перед шествием

У Нарвских ворот.

По мостовой навстречу колонне бежал низенький жандармский полковник. Он размахивал руками, что-то кричал. Слов его не было слышно.

Полковник свернул на тротуар, сделал знак рукой в перчатке. И сразу же с гиком, улюлюканием, со свистом из-за ворот выскочил отряд конницы и карьером понесся на толпу.

— Направо! — крикнул кто-то.

Колонна подалась направо. Гренадеры проскакали до самого конца шествия, повернули назад. Стоявшие возле мостика солдаты держали ружья наперевес. Это были две

роты Иркутского полка. Только накануне их пригнали из Пскова, и о том, что делается в городе, они не знали.

Передние ряды шествия остановились — дальше идти было некуда. Вся необозримая многотысячная толпа пела. Пели так громко, что почти никто не слышал, как горнист заиграл в сигнальный рожок. А кто слышал, не обратил внимания. Лишь те, кто служил в солдатах, поняли сигнал. Раздались возгласы:

«Ложись, стрелять будут!»

Прогрохотал залп...

Иван Васильев выпустил руку Гапона и повалился. Пять пуль попали ему в лицо. Упал один из хоругвеносцев. Упали все шедшие в переднем ряду, и нельзя было сразу понять — кто убит, кто лег, спасаясь от пуль.

Человек с иконой бросился вперед.

— Что вы делаете? — кричал он солдатам. — Разве можно стрелять в крестный ход?

Пуля сразила его.

Снова рожок — и снова залп.

Обезумевшие люди бросились в сторону, сбивая друг друга с ног. Когда стрельба прекращалась, многие упавшие вскакивали, стремглав бросались прочь. Тогда снова раздавался залп. Пули настигали их. Они снова падали на грязный снег, по которому расплывались багровые пятна крови. Так повторилось несколько раз.

Многоголосый крик боли и ужаса стоял над площадью.

— Труссы, куда бежите? — истерически кричала женщина, прижавшись к телеграфному столбу.

Сраженная пулей, она, как подкошенная, рухнула под ноги бегущим. На площади оставались только мертвые и раненые.

Через несколько минут по шоссе понесли раненых и убитых. Ране-

ные метались, стонали. Рабочие останавливали проезжавших крестьян, клали раненых на дровни, везли в больницу. Народ, который полчаса назад с крестами и иконами шел ко дворцу за царской милостью, теперь отнимал у полицейских своих покойников, срывал погоны с проезжавших офицеров, выбрасывал из пролеток седоков в мехах и на их место бережно сажал товарищей, сраженных пулями царских палачей.

Путиловцы, пробравшиеся в город, видели расстрелы в других местах. Стреляли у Полицейского моста, на Дворцовой и Казанской площадях, близ Троицкого моста, за Невской заставой. Самый страшный расстрел произошел у Зимнего дворца. На Васильевском острове выросли баррикады. В стене разгромленной оружейной мастерской чернели дыры разбитых окон.

«Рабочий класс, — писал Ленин, — получил великий урок гражданской войны; революционное воспитание пролетариата за один день шагнуло вперед так, как оно не могло бы шагнуть в месяцы и годы серой, будничной, забитой жизни». ¹

Путиловцы толпились на шоссе возле дома «Собрания русских фабрично-заводских рабочих». Из окна до половины высунулся человек. Дрожа от волнения, голосом, иногда доходящим до крика, он бросал в толпу гневные, насыщенные болью и ненавистью слова. Он призывал становиться под красное знамя революции, говорил о социал-демократах, о единственной партии, могущей привести пролетариат к победе, и никто теперь не прерывал его.

Изменившимися возвращались люди в свои нищенские хибарки, в знакомую и проклятую обстановку, от которой пытались сегодня уйти навсегда. Они избегали смотреть друг другу в глаза. Казалось, им было стыдно своей веры, только что расстрелянной и растоптанной с такой холодной и расчетливой жестокостью.

Старшой на мартенах Александр Дмитриевич Шубин, отсталый и богомольный человек, всегда был ярым защитником царя и церкви. Придя домой, он долго сидел за столом в тяжелом и мрачном раздумье, утешая свое горе вином. Блуждающими глазами окинул он комнату. Взгляд его остановился на портрете царя, висевшем на стене в богатой раме. Шубин пристально посмотрел на него. Поднялся, сорвал портрет, бросил себе под ноги. Жена кинулась к нему:

— Что ты делаешь?

Не отвечая жене, Шубин растоптал раму, разорвал портрет.

— Вот тебе, кровопийца! Мы к тебе за хлебом, а ты вот как нам ответил...

Он смотрел уже на портрет наследника.

— И ты такая же подлая душа будешь?

Сорвал и его. На стене остался еще Иоанн Кронштадтский.

— И ты, верно, благословлял их!

Многие срывали со стен царские портреты:

— Нет больше царя! Нет бога!

— Теперь у нас одна надежда: на самих себя.

Вечером за Нарвской было удивительно тихо. Кордон жандармовского не пропускал в город. Городовые и дворники сгребали окровавленный снег, сваливали его в бочки и увозили.

¹ Ленин, Сочинения, т. VII, стр. 79.

С посережившими лицами ходили из больницы в больницу люди, потевшие в этот день родных и друзей. Напряженно вглядывались в лица трупов, лица родных. Раздавались стоны, проклятья, рыдания.

Большевика Максима Волкова нашли в покойницкой Алафузовской больницы. Доктор сказал о нем:

— Если бы не пуля в легком, долго прожил бы.

Над Максимом молча стояли два большевика, его братья — Семен и Алексей.

Слесарь Шура Буйко нашел в одной из больниц своего товарища Гришу Ханцева. У Гриши тоже была прострелена грудь. К вечеру его не стало.

Молодой социал-демократ Ванюша Андреев был доставлен домой с шестью пулевыми ранами. Родители похоронили его сами, и в списки убитых он не попал.

Полиция распорядилась не выдавать мертвых родственникам. Торопясь, воровато, в темноте, с вечера и до зари городские развозили трупы по кладбищам и сваливали их в общие могилы. За Нарвской тайные похороны не удались. Через три дня после расстрела на Митрофаньевском кладбище собралась десяти тысячная толпа.

— Шапки долой, палачи! — кричали путиловцы городовым.

На могильных крестах, поставленных в этот день, была одна и та же надпись:

«Невинно убиенный 9 января 1905 года».

БОРЬБА ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Весть о расстреле всколыхнула всю страну. В городах рабочие бастовали, с возмущением протестуя против кровавого царского режима. Во многих местах происходили столкновения рабочих с полицией. Рабочие вооружались и с лозунгами «Долой самодержавие» выходили на улицы. Повсюду предъявляли политические требования. Рабочее движение ширилось, и с каждым днем борьба принимала все более резкий и широкий характер.

В России началась революция.

Петербург был объявлен на военном положении. Сквозь плотный кордон полицейских нельзя было пробиться в город. Люди бродили по улицам заставы, толпились на перекрестках, тянулись друг к другу за сочувствием, искали совета, поддержки.

— Нет ничего святого... Пропала вера...

К низкому дощатому забору прислонился человек — свидетель кровавого побоища; взгляд его был дик и безумен. Он кричал:

— За что убивают? За что?

На улицах, в переулках и тупиках заставы появившиеся в эти дни ораторы отвечали не ему одному:

— За правду расстреливают... Царь и его генеральская свора...

У «Старого Ташкента», поблескивая штыком, стоял часовой. Двери бывшего трактира были опечатаны и заколочены досками. По улицам то и дело проводили арестованных.

«Свирепая расправа со всеми недовольными сделалась лозунгом протеста после 9-го января». ¹ Московский полицмейстер, генерал

¹ Ленин, Сочинения, т. VII, стр. 96.

У Нарвских ворот 9 января 1905 года.

(С картины М. Антонова)

Трепов, назначенный генерал-губернатором Петербурга, получил диктаторские полномочия. В день своего назначения, 12 января, Трепов вызвал директора Путиловского завода. Он потребовал немедленно возобновить работы на заводе — главном очаге брожения в столице — и обещал обеспечить «спокойствие» войсками. Заводчикам и фабрикантам Трепов посоветовал пойти на некоторые уступки рабочим и предложил открыть заводы. Заводчики ответили, что в лучшем случае к работе приступят не более двух третей рабочих. Трепов успокоил их:

— Остальных выплю из города.

Забастовка в Петербурге понемногу затихала: сил было недостаточно. С 13 января один за другим заводы начали работать. Путиловский завод, первый начавший стачку, приступил к работе позже всех — 17 января. Двести рабочих не были допущены в цеха, среди них несколько социал-демократов. Одновременно, для того чтобы заставить рабочих забыть о расстреле, пустили в ход всевозможные средства воздействия. Дирекция объявила о выдаче пособий — по тридцать пять рублей на семью каждого рабочего, убитого 9 января. Сам палач — царь, «движимый чувством сердечного сострадания», назначил из собственных средств пятьдесят тысяч рублей для семей пострадавших петербургских рабочих.

За заставой появились прокламации:

«Царь дает 50 тысяч рублей на семьи убитых и раненых. Царь — убийца, Царь — Ирод, не нужна нам твоя фарисейская подачка! Эти деньги жгут, эти деньги покрыты кровью наших братьев, жен и детей. Отдай их своим слугам, своей верной челяди. Пусть пьют на них вино, играют в карты, покупают на них женское тело эти твои телохранители, твоя развратная, забывшая бога «священная дружина» — гвардейская сволочь! Махни им рукой самодержавной, они опять, пьяные, распутные, пойдут стрелять в народ, бить его и резать. Нам не нужны твои деньги. Да будут они прокляты! Да будет проклят тот, кто возьмет хоть одну монету из этой «царской милости!...»¹

Вдовы погибших путиловцев от подачи царя с омерзением отказались.

В день начала работ директор получил извещение: Путиловский завод должен выделить двух депутатов в делегацию рабочих к царю. Это была затея Трепова, пытавшегося гнусной комедией приема рабочих царем сгладить впечатление от кровавой расправы. Директор выбрал двух пожилых богобоязненных рабочих: строгальщика Федора Дальгрина и литейщика Егора Образумова. К донесению об их «избрании» была приложена полицейская справка о благонадежности. Вечером «депутаты» были взяты на квартирах полицией и отвезены в охранку, где просидели до утра в одиночном заключении.

«Депутацию» петербургских рабочих, подобранную таким способом и заранее заstraшенную Треповым, повезли к царю «извиняться за расстрел». Царь обошел ряды депутатов, спрашивая у первого имя, у второго — фамилию, у третьего — губернию, у четвертого — завод, у пятого — снова имя и так далее. Потом по бумажке, записываясь, прочел речь: «Я верю в честные чувства рабочих людей и непоколебимую их преданность мне, а потому прощаю им вину их».

Прием закончился лобызанием икон и обедом.

¹ «Красная летопись» № 4, 1925, стр. 248.

Дальгину и Образумову на заводе не было проходу. Рабочие издевались над ними; те смущенно оправдывались, ссылаясь на совершенное над ними насилие. На костре, разведенном во дворе завода, были сожжены листки с текстом царской речи — их собрали со всех цехов. Молодежь пела «Варшавянку»:

Мщенье и смерть всем царям-плутократам,
Блинок победы торжественный час...

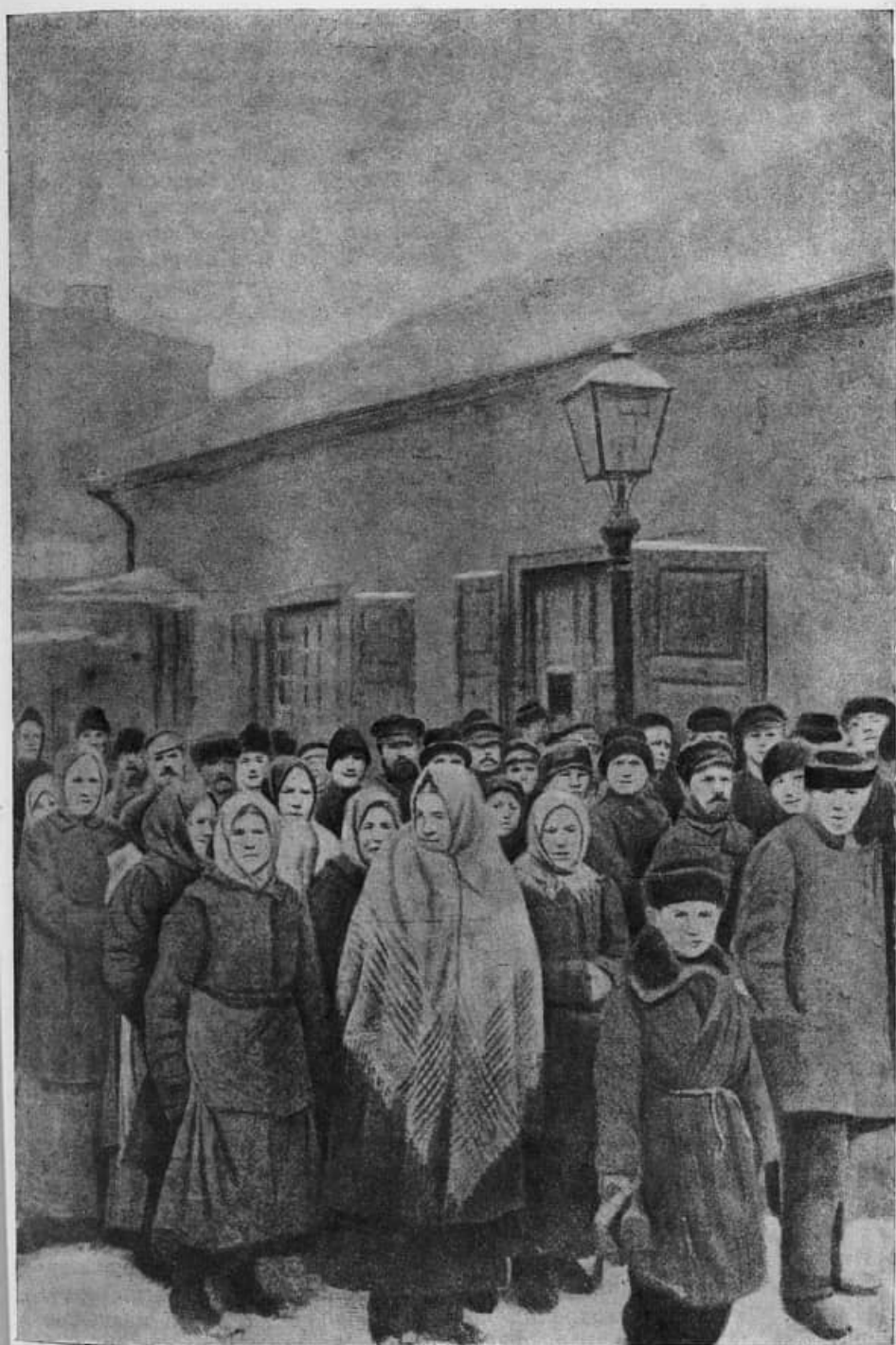
25 января в четыре часа тридцать минут, за два часа до гудка, пушечная бросила работу. Начальник мастерской Бонифатий Павлович Федоров, по-рабочему просто Бонифат, не спрашивал о причинах такого происшествия, опасаясь напориться на дерзость. К тому же он понимал, что боль в сердцах рабочих еще не улеглась. Расстрел мирных демонстраций в день 9 января либерал Бонифат считал величайшей глупостью правительства. Рабочих, по его мнению, следовало успокаивать иными средствами. Стоя у дверей конторы, начальник наблюдал, как останавливается мастерская. Он видел, как группа токарей увлекла за собой остальных станочников, как большой толпой двинулись они к слесарям, к сборке, а оттуда всем цехом, тысяча человек, распахнув ворота, хлынули во двор. Раздался боевой возглас: «Да здравствует восьмичасовой рабочий день!»

Лозунг о восьмичасовом рабочем дне был самым популярным, его выдвигали в каждой прокламации Петербургского комитета РСДРП. Теперь уже рабочие чутко прислушивались к голосу своих передовых и сознательных товарищей, которых день ото дня становилось все больше. В пушечной, одной из самых больших мастерских, рабочие поднялись первыми, пытаясь явочным порядком осуществить восьмичасовой рабочий день.

Вслед за пушечной 26 января двинулись еще семь мастерских. Инструментальная снялась после первого же призыва. Лафетная и паровозные мастерские бросили работу, когда пушечная проходила мимо них, направляясь к главной дороге. На следующий день по заводу были разбросаны сотни большевистских прокламаций; десять тысяч рабочих, вся дневная смена, отработав восемь часов, разошлись по домам.

Директор завода вывесил объявление. Он обещал рабочим принять обратно двести уволенных в связи со стачкой третьего января, устанавливал выборных по мастерским, повышал заработок чернорабочим и согласился еще на несколько второстепенных требований. Ввести же восьмичасовой рабочий день и увеличить расценки директор решительно отказался.

В ответ на объявление директора утром 28 января в механической мастерской зазвенели разбитые стекла — сигнал к остановке работ. Шестьсот рабочих вышли из цеха, разделившись на две неравные группы. Большая двинулась прямо к вагонной, кузнице, котельной; меньшая повернула влево — к артиллерийским и паровозным мастерским. Лесообделочная и лесопильная поднялись легко: пильщики и бревенщики считали себя зачинщиками всего движения — из-за них началась январская стачка. Рамщики остановили лесопильные рамы, бревенщики воткнули багры в колоды и двинулись к вагонным мастерским. Там уже самостоятельно прекращали работу. Листоправ Викуленков, стоя посередине мастерской, стучал молотком по листу железа. Было похоже, что он работает, но многие знали, что это условный сигнал к забастовке.

На улицах заставы в ливарские дни 1905 года

Викуленков не боялся, что секрет его будет раскрыт: в случае увольнения рабочие обещали ему поддержку. За «строптивость» и постоянные споры с мастерами он несколько раз вылетал с завода и в последний раз — на основании четвертого параграфа статьи 104 неизвестного ему закона.

Две тысячи рабочих шли уже по направлению к воротам, захватывая по пути встречные цеха. Лафетная и паровозомеханическая присоединились к вагонщикам. Вместе с рабочими ушли чертежники лафетоснарядной, но конторщики все до одного остались на месте. Чугунная и меднолитейная были сняты модельщиками. Веселые и шумные, они принесли с собою гладко обстроганные калабашки для остановки крана и пачки листовок. Крановщик поймал подброшенную калабашку, положил ее под колеса, спустился вниз, получил листовку и пошел вместе со всеми.

В инструментальной большевики, снимая рабочих, встретили противодействие со стороны нескольких токарей, предлагавших вступить в переговоры с директором. Рабочие закричали:

— Какие могут быть разговоры, когда восьмичасовой день не дают! В пять минут мастерская опустела.

Начальник мартеновской Олесинов с утра находился в цеху. Он стоял у печей, когда прибежали люди из холодных цехов и закричали мартеновцам:

— Эй, красноносенькие, бросай работу!

К Олесинову подошел Шубин, старшой на мартенах. Под впечатлением расстрела он был настроен воинственно:

— Как быть, Федор Васильевич? Не дадут работать...

— Весь завод бастует — бастуйте и вы, — ответил Олесинов.

Машинист, стоявший у мартена, отказался покинуть паровоз. Он закрыл вход в будку и предостерегающе свистел, медленно наезжая на стоявших забастовщиков.

— Давай ему закуску!

«Закуска» — старая шпала — была подброшена под колеса. В машиниста полетели камни. Паровоз остановился.

Во время этой забастовки в цехах стали выявляться будущие черносотенные главари: в паровозосборочной — Сашка Половнев, в прокатке — Мишка Пименов, в мартеновской мастерской — Петр Озеров, в железнодорожном цеху — мастер Давыдов. В прокатке забастовщиков грозили сжечь, в котельной кое-где подымался ломик, в мартеновской швыряли кирпичи. Но черносотенцы пока больше огрызались и оказывали сопротивление только внутри мастерских.

Пока цех за цехом бросал работу, толпа в тысячу человек вышла за ворота. Подхватив призыв большевиков поднимать всю заставу, путиловцы пошли снимать мелкие заводы. Силу своей организованности они почувствовали во время первой стачки и теперь постарались придать новой стачке общегородской размах. В то же время депутация представителей всех мастерских — человек тридцать — пошла к директору со спешно написанными требованиями. Большевики, призывавшие путиловцев самовольно установить восьмичасовой рабочий день, не ожидали, что их агитация подействует так быстро. В листке, поданном директору Смирнову, перечислялись старые требования путиловцев. Новым было одно: представителей для рассмотрения претензий рабочих должен назначить не директор завода, которому рабочие не доверяют, а правление акцио-

У ворот завода

нерного общества; депутатов от рабочих должно быть столько же, сколько и от правления. Директор вступил в переговоры:

— Вас мутят социал-демократы... Вы требуете смешанной комиссии для решения всех дел по заводу. Этак вы, пожалуй, вздумаете сами определять процент прибыли для завода, а остальное делить между собой.

Кто-то ответил, что именно этого они и хотят.

— Так выходит, что вы хотите устранить администрацию и распорядиться сами на заводе и, пожалуй, чего доброго, и меня захотите сместить?

— Это мы потом посмотрим, — сказали депутаты.

— Так вы и царя задумаете убрать?

— Ежели понадобится, отчего не убрать...

Депутат Рожков произнес перед директором речь о восьмичасовом рабочем дне. Директор нетерпеливо оборвал разговор.

Дневная смена — десять тысяч путиловцев — вышла на Петергофское шоссе. В разных местах огромной толпы над головами поднимали красные платки, нестройно пели марсельезу. Иногда раздавались короткие возгласы:

— Долой царя!

— Работать восемь часов!

— Мы хотим жить как люди!

Учащиеся путиловской ремесленной школы, подражая взрослым, тоже забастовали. Накануне ученик старшего класса Вася Мецкерский собрал группу товарищей, договорился о стачке. Они выработали свои требования: прекратить подзатыльники и затрецины, установить по специальности практику за станком, а не на побегушках у мастера, улучшить постановку преподавания. Как только рабочие вышли с завода, школьники присоединились к ним и рассыпались по заставе.

У шлагбаума большевистский оратор из города, переодетый под рабочего, с мостика произнес короткую речь. Толпа разделилась. Одна часть левой прошла по Петергофскому шоссе, отделяя значительные группы в боковые улицы и переулки. Другая направилась вдоль полотна железной дороги к Московскому шоссе.

За Нарвской остановилась фабрика искусственной шерсти Шульца, Фанерный завод, «Тильманс», Тентелевский химический, чугунолитейный завод Сестрорецкого товарищества, шоколадная фабрика принцессы Ольденбургской. К путиловской стачке присоединилось еще около трех тысяч человек. На кустарной фабрике жестяных изделий «Кок и Бирман» с появлением путиловцев работа прекратилась, но как только они ушли, запуганные хозяйчиками рабочие не осмелились продолжать забастовку и начали работать вновь.

Отправившиеся за Московскую заставу встретили рабочих завода Речкина. Вместе с ними путиловцы двинулись к заводам Московского района, а часть, свыше тысячи человек, направилась по главной магистрали района — Забалканскому проспекту. Эту группу у Заставской улицы разогнала полиция.

В четыре часа дня забастовали рабочие Торгового порта, за ними ткацкая фабрика Чешера. На Александровском заводе шла агитация за забастовку. Путиловская стачка перебрасывалась и в другие районы Петербурга. На следующий день, 29 января, за Нарвской заставой остановились еще четыре предприятия.

С этих пор пошла поговорка про Путиловский завод: «Медведь стал, медвежата останоятся».

Генерал-губернатор Трепов послал за Нарвскую войска. На улицах шли повальные обыски. Искали оружие и листовки, распространявшиеся ежедневно. Десятки рабочих попали в участок. Полиция произвела аресты, было взято несколько большевиков. Директор закрыл завод «впредь до особого уведомления».

Создаты и конные городовые окружили завод, заставу и заперли все выходы в город. С утра пустили в ход нагайки; толпы путиловцев разбегались, но собирались вновь. Рабочие дразнили полицейских, швыряли в них камнями, а стоявших у завода солдат Преображенского полка упрекали в измене народу.

Преображенцы были настроены воинственно и обещали рабочим в следующий раз принести «гостинцев».

— А мы вам «закусочек», «апельсинчиков», — отвечали рабочие, намекая на появившиеся в рабочей среде, пока еще редкие бомбы и револьверы.

Солдаты других частей, в отличие от преображенцев, заявили рабочим, что 9 января в народ не стреляли и теперь стрелять не будут.

На валу у железной дороги собрался митинг. Выбрали депутатов для нового обхода фабрик и заводов Петербурга, с призывом о поддержке бастующих путиловцев. В ответ рабочие других заводов присылали своих уполномоченных, и те прямо на улицах раздавали мелкими суммами деньги, собранные для путиловских стачечников. Настроение путиловцев оставалось боевым. Рабочие и не думали о том, чтобы кончать забастовку. Доказывали друг другу, что стоит еще продержаться немного — и директор вместе с правлением сдадутся. Время горячее, заказов в связи с войной много, каждый день забастовки приносит заводу огромные убытки.

Напротив завода, на заборе кем-то было наклеено рукописное воззвание: «Держитесь! Капиталистам, теряющим прибыль, самим невыгодна забастовка — они согласятся и на восьмичасовой рабочий день». Полицейские старательно соскабливали воззвание шпательными.

Ведомства — военное, морское и министерство путей сообщения требовали выполнения заказов в срок. Рапортуя о ходе выполнения заказов, путейский инженер Добровторский, казенный приемщик на Путиловском заводе, писал: «За неокказание помощи утопающему виновный в том несет наказание в уголовном порядке, также за несоблюдение военной тайны судится военным судом, но не может быть сомнения, что виновные в противодействии срочному исполнению заказов для военного времени должны тому же подвергаться...»¹ Ретивый монархист, инженер Добровторский доказывал необходимость более систематических и массовых карательных мер по отношению к рабочим. Он отвергал только «расстреливание залпами по толпе рабочих» как меру, не достигающую цели.

Директор Смирнов, наученный упорством рабочих, действовал более хитро. Изменив тон, он уговаривал путиловцев приступить с 1 февраля к работам. Разрешил выборы старост по закону, опубликованному еще в 1903 году. Обещал к воскресенью 6 февраля приготовить все необхо-

¹ А.Н.Х., Фонд министерства путей сообщения, 1905, д. № 271.

димое для выборов: именные списки, избирательные листки, баллотировочные ящики.

1 февраля путиловцы пришли на завод, но к работам не приступили. Потребовали от начальников немедленно разрешить собрания для выборов старост. Однако и этих, законом допущенных выборов путиловцам не разрешили. Рабочие единодушно покинули мастерские.

Забастовка продолжалась до конца недели. В магазинах заводского общества потребителей на видных местах вывесили объявления: правление общества, в виду приостановки работ на заводе, прекращает выдачу продуктов в кредит. Смирнов угрожал рабочим голодом.

Путиловцы пришли на завод только в воскресенье 6 февраля для выборов старост. Администрация приготовилась: начальники мастерских с утра находились в своих конторках, Смирнов пришел раньше всех. Смотритель Чача разослал своих людей по всем мастерским. Наряд полиции на заводе был удвоен. Но «беспорядков» не произошло: рабочие мирно обсуждали кандидатуры, писали на записках фамилии, по очереди опускали в деревянные закрытые ящики с прорезью на крышке. В тот же день шестьдесят пять старост, среди них одна женщина — работница службы главного механика, собрались в шрапнельной мастерской. Им предстояло решить насущные вопросы, затрагивающие двенадцать тысяч путиловских рабочих. Двери заперли, в строгой тайне обсуждался вопрос: начинать ли работу 7 февраля, или бастовать дальше. Настроение было тяжелым, голод и усталость давали себя знать, и многие предложили сделать передышку. Среди делегатов было всего трое большевиков, они настаивали на продолжении борьбы, несмотря на ее трудности.

После долгих споров решили предъявить директору требования и поступить в зависимости от ответа, а до тех пор — работать.

На следующий день, с утра, старосты обходили рабочих своих мастерских и говорили с ними об их нуждах. Затем собрались на совещание. Выработали двадцать два требования. Листок с этими требованиями делегаты, пять человек, отнесли в директорский кабинет и заявили, что ответ они хотят получить в кратчайший срок. Смирнов на следующий же день вывесил объявление. В нем перечислялись требования и против каждого стоял ответ. Директор попрежнему отказывал в главном: в восьмичасовом рабочем дне, в отмене сверхурочных, в повышении оплаты чернорабочим. Он отказывался также платить за забастовочные дни по среднему заработку. Остальные, менее существенные требования директор обещал удовлетворить. Старостам он запретил собираться.

Настроение путиловцев продолжало оставаться боевым. Большевистская газета «Вперед» отмечала упорство путиловцев в их борьбе с хозяевами завода:

«Директор Смирнов угрозой расчета принудил всех рабочих дать подписку, что согласны работать на условиях, данных директором, без удовлетворения требований рабочих. И, чтобы не лишиться возможности внутри стен завода продолжать начатое дело, т. е. стачку, все поголовно дали подписку. Это сделано во избежание междоусобицы. Стачки же продолжать решено общими голосами два раза в месяц и этим путем добиваться поставленных требований. Два раза в месяц делать стачки, это не отзовется на благосостоянии рабочих, а заводу будет чувствительный урон,

и самолюбие Смирнова должно ступаться и притти в равное состояние самолюбию рабочих». ¹

Боевое настроение путиловцев было показательным для петербургского пролетариата. Так же как на Путиловском заводе, забастовки следовали одна за другой на всех крупных предприятиях столицы.

Вслед за Петербургом поднималась вся страна. Начиная с 10 января телеграф ежедневно приносил известия о новых мощных стачках. Правительство, напуганное широким размахом забастовочного движения, не прекращало репрессий, но одновременно пошло по другому пути. 29 января была учреждена «Комиссия для безотлагательного выяснения причин недовольства рабочих» под председательством сенатора Шидловского, а на 13 февраля были назначены выборы в нее от рабочих. В комиссию должны были войти представители правительства, промышленников и рабочих. В ее задачу входило: обсудить требования рабочих, принять решение и представить его на утверждение правительства. Это была попытка ценою посулов приостановить дальнейший рост революции, успокоить волнения.

Петербургский комитет РСДРП, узнав об организации комиссии, немедленно собрал районных представителей и подробно разъяснил позицию партии: комиссия — правительственный фокус, гнусная зубатовская комедия, толку от нее не может быть никакого. Нужно отказаться от участия в ней, добиться ее полного разоблачения. Но выборную кампанию надо использовать в агитационных целях: для выработки своих требований, для сплочения пролетариата, для разоблачения царской затей.

Перед большевиками стояла задача — провести на предвыборных рабочих собраниях свои резолюции и добиться нужного состава выборщиков. Большевики — Полетаев, Изосимов, Федоров, Иванов и другие — постоянно находились среди путиловцев. Они приносили прокламации Петербургского комитета, разговаривали о предстоящих выборах с влиятельными беспартийными рабочими. Им приходилось резко бороться с меньшевиками, которые во главе со своим районным организатором Сомовым делали все, чтобы сорвать революционные выступления путиловцев.

Меньшевики в этот период в Петербургский комитет РСДРП не входили. Они объединились в так называемую «Петербургскую группу при ЦК» и продолжали свою раскольничью деятельность, дезорганизуя рабочих, пытались отвлечь их от революционной борьбы. Меньшевистские ораторы с пеной у рта доказывали, что участие рабочих в комиссии положит начало «организационному сплочению рабочих масс».

Либералы, так же как и меньшевики, прикрываясь маской друзей рабочих, хотели использовать борьбу рабочих против царской комиссии в своих целях. Они высказывались за предоставление рабочим права организации, но представляли себе организацию лишь в форме гапоновского общества. У присяжного поверенного М. С. Маргулиса в начале февраля собралось девять рабочих-гапоновцев разных районов. Пятеро из них были путиловцами, и среди них заводский поэт Шувалов, ратовавший за «мир и согласие» меж капиталом и трудом. На этом совещании Маргулиес предложил послать несколько делегаций от заводов к сенатору Шидловскому с просьбой открыть отделы гапоновского общества и в них производить выборы. Он рекомендовал также ходатайствовать

¹ «Вперед» № 11, 10 (23) марта 1905 г.

о привлечении интеллигентов к руководству отделами. Цель либерала была ясна: использовать рабочих для давления на самодержавие, чтобы добиться некоторых уступок в пользу буржуазии.

Действовал в связи с выборами в комиссию Шидловского и директор завода Смирнов. Неожиданно для рабочих он объявил о том, что рабочие каждого цеха должны выбрать по одному человеку — это и будут выборщики. Директор надеялся провести своих кандидатов или просто темных, несознательных рабочих, которых можно запугать или подкупить. План директора удался. Собранием руководили верные ему люди, которые постарались обеспечить нужный состав.

В одиннадцатом номере большевистской газеты «Вперед» была напечатана корреспонденция, посвященная выборам в комиссию Шидловского на Путиловском заводе. О подстроенных Смирновым выборам в корреспонденции говорилось так:

«Первые 34 человека, выбранные в комиссию Шидловского, были подкуплены директором завода. Один же из них оказался честным человеком и выдал польстившихся на предложенные по сто руб. на человека, назвав их негодяями, продавцами своих собратьев-тружеников, с которых, как и с них же, дерут последние облачения тела, т. е. кожу, в которой они появились на свет».

Под давлением рабочих Смирнов вынужден был отменить выборы и назначить новые.

13 февраля, в воскресенье, путиловцы снова собрались для избрания выборщиков в комиссию Шидловского.

— В будни бастуем, в праздники голосуем, — шутили рабочие.

Голосовать в этот день не пришлось. Народу явилось немного, да и обсуждение требований затянулось до позднего вечера. Требования эти, говорившие о восьмичасовом рабочем дне, о свободе печати, совести, собраний, об освобождении арестованных, публичности заседаний комиссии, были взяты из большевистской прокламации, распространявшейся накануне по заводу.

В понедельник не работали весь день. По цехам происходили выборы. Избрали двадцать шесть представителей. Большевиков среди них не было. Согласно правилам, в выборщики могли быть избраны лишь проработавшие на заводе не менее года. Почти все активные большевики — Полетаев, Буянов, Домбровский и другие — поступили на завод в 1904 году. Молодежь до двадцати пяти лет могла выбирать, но не имела права быть избранной. Тем не менее выборщики в вопросе об участии в комиссии поддерживали большевиков. Мнение большевиков стало общим мнением путиловцев.

Почти каждое цеховое собрание заканчивалось словами: «Торжественно обещаем нашим представителям заботиться об их семьях».

В том, что впоследствии все выборщики будут арестованы, почти никто не сомневался.

Выборщики потребовали от директора гарантий от увольнения их с завода. Смирнов ответил, что на время их полномочий сам он увольнять не будет, а в случае конфликта создаст комиссию: трое от рабочих, трое от заводоуправления. Если голоса разделятся поровну, решать будет фабричный инспектор.

16 и 17 февраля на общегородских собраниях выборщиков, представители рабочих предъявили Шидловскому свои требования. Царский

сенатор, как и следовало ожидать, ответил, что требования эти не могут быть удовлетворены, так как выходят за пределы задач комиссии. Осуществляя линию большевиков, выборщики отказались разговаривать с царским сановником. Рабочие Петербурга поддержали своих делегатов дружной массовой забастовкой протеста, продолжавшейся три дня — до 22 февраля.

Большевистская тактика — использовать выборы в агитационных целях и разоблачить «комиссию государственных фокусов» — полностью оправдала себя. Царь, увидев провал своей затеи и испугавшись протеста рабочих, распустил комиссию.

В январе и феврале путиловцы бастовали тридцать дней. Истощенные двухмесячной нуждой, они весь март работали без перерыва. Началась упорная, глухая борьба с произволом в цехах. Ежедневно происходили столкновения с мастерами. Хозяйского шпиона, мастера из новомеханической Баумана, решили вывезти на тачке. Его схватили, но он вырвался и потом долгое время в мастерскую не ходил. Начальник механической Малис после январских дней, когда вся мастерская требовала его удаления, теперь окончательно осатанел. Рабочие заявили директору: «Если не уберете его, уберем сами».

Смирнов попросил два дня на размышление. Через сорок восемь часов Малис исчез с завода.

Многие мастера, не желая подвергнуться такой же участи, изменили свое отношение к рабочим. Мастер Зотов, сменивший Тетявкина, стал вежлив и предупредителен. Путиловцы работали спокойно, но чувствовалось, что скоро, собравшись с силами, они снова поднимутся на открытую борьбу. Чтобы предупредить это, на завод пригнали казаков. Поместили их в путиловском театре, где еще недавно шли веселые водевили, вроде «Ангела доброты и невинности». Казаки разъезжали по двору и по шоссе. Стоило только собраться группе в десять-пятнадцать человек, как раздавалось неизменное «расходись!» и казаки хлестали нагайками направо и налево.

Рабочие упорно добивались своего. Они потребовали проведения в жизнь забытого закона 1903 года о старостах, и директор был вынужден разрешить выборы старост по всем мастерским. Он даже попробовал задобрить выборных: позвал на специально устроенный для них обед и велел выдать каждому особый серебряный жетон. От обеда и от жетонов старосты отказались. Они твердо заявили, что мирного сотрудничества рабочих с администрацией быть не может. Старосты стремились выйти за рамки ограничительных правил, поставленных Смирновым: собирались без разрешения директора, отстаивали интересы рабочих по «увечным делам» и вмешивались в работу комиссии мастеров и начальников, определявшей расценки. Между старостами и Смирновым происходили споры, обострявшиеся с каждым днем. Становилось очевидным, что борьбу надо вести по-иному. Директор не осуществлял даже тех предложений, с которыми соглашался.

Очередная катастрофа на заводе подтолкнула старост к тому, чтобы сложить полномочия.

В корабельной мастерской достраивали миноносцы «Доброволец» и «Москвитянин». Начальство, наверстывая время, потерянное заводом на забастовках, согнало в корабельную свыше тысячи рабочих. В двадцатых числах марта кран, грузоподъемностью в триста пудов, поднял триста

сорок пять пудов и немного покривился. Его не ремонтировали. Попржнему кран ходил над головами работавших на миноносцах людей. 30 марта середину судов испытывали водой. Все рабочие находились на кормах. Перегруженный кран обрушился прямо на них. Только через полчаса его приподняли особыми приспособлениями. Пять человек были убиты на месте, двадцать пять ранены, из них тринадцать тяжело. Старосты явились за объяснением к Смирнову. Директор ответил:

— Подобные случаи на производстве неизбежны, никто в них не виноват. Неделю назад точно такое же несчастье случилось в Мадриде, и погибло там триста человек.

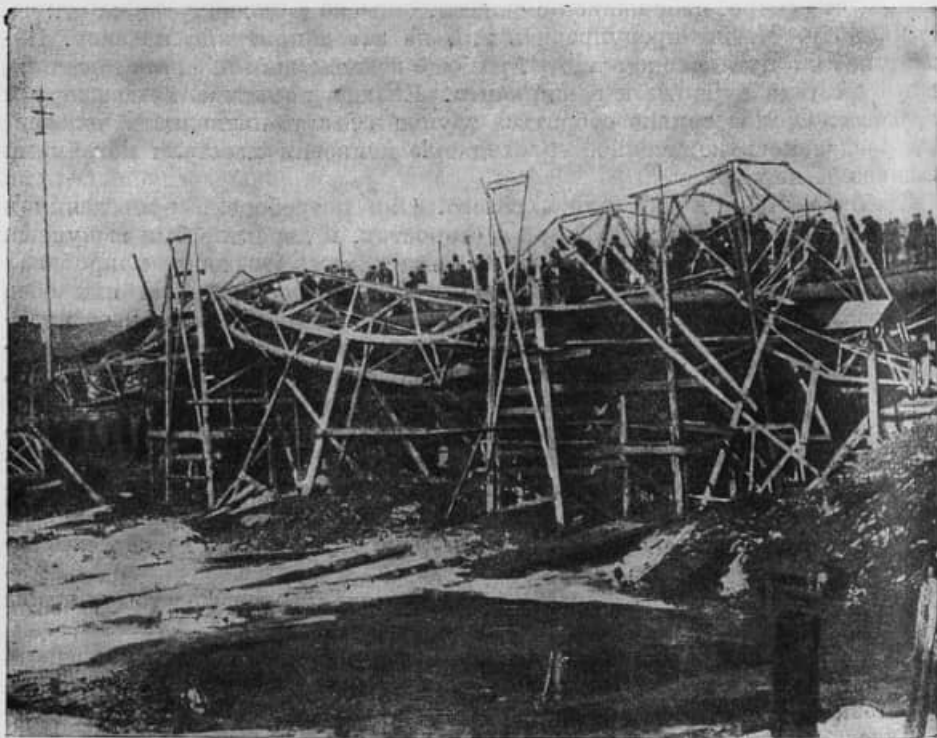
— Нам Мадрид не указ! — гневно возразили старосты.

Передавая ответ директора рабочим, они сказали:

— Администрация не дает нам исполнять наши обязанности. Мы отказываемся от своих полномочий.

Думая успокоить рабочих, Смирнов освободил их на два часа раньше и ровно к шести пригласил священника Павского для панихиды. Одновременно он потребовал из города, тоже к шести часам, отряд полиции.

Вслед за гонцом директора, в город спешил и другой гонец. Молодой путиловский токарь ехал за большевистским оратором. Большевик Антон Митревич, недавно снова поступивший на Путиловский, заранее стащил с табельной доски рабочий номер какого-то любимчика цехового начальства. Для приехавшего из города оратора, малого в сажень ростом, с трудом подобрали рабочую блузу, картуз, рваные брюки. Картуз

Свалившийся кран

сунули ему в карман, а на голову надели мягкую шляпу, какую носили литейщики. Мимо сторожа прошли благополучно. Оратора запрятали в одну из уборных.

— Надоест сидеть здесь, иди в другую, а по цехам лучше не ходи! Священник и полиция явились одновременно. Началась служба:

— Упокой, господи, новопреставленных рабов твоих...

Толпа зашумела.

— Какие рабы! — крикнул кто-то. — Не рабы они, а безвременные жертвы капитала.

Панихида еще не успела окончиться, как у сталелитейной начался митинг. Оратор говорил, что похороны должны стать демонстрацией протеста против гнета правительства и буржуазии, призывал к решительной борьбе за освобождение трудящихся.

Пристава, пробивавшегося к оратору, задержали. С оратора сняли шляпу и нахлобучили на голову картуз. Толпа кинулась к проходной конторе, разломала забор. Митинг продолжался и за воротами. Старик-рабочий взобрался на плечи товарищей:

— Кран свалился на моих глазах! Я все видел, все слышал!

Волнение мешало ему связно говорить. За ним выступил молодой токарь. И он сильно волновался: это была его первая речь в жизни:

— Товарищи! Нам руки ломают, ноги ломают, неужели не настал еще момент, когда путиловцы ответят на это дружно?

Инструментальщик Кузьмин успел произнести лишь несколько слов:

— Гибнут жертвы... Никакими молебнами здесь не поможешь, надо бороться!..

Кузьмина потащили полицейские.

Путиловцы разошлись по домам только после восьми вечера. За Нарвской заставой громко и мощно зазвучала рабочая «Марсельеза».

1 апреля хоронили одного из убитых при падении крана. Завод не работал. В церкви при отпевании было много городских. Гроб сопровождала толпа путиловцев. На кладбище, в присутствии полиции, рабочие произносили речи.

В ответ на непрерывные волнения рабочих полицейские власти снова произвели за Нарвской массовые аресты и повальные обыски. На улицах рабочих окраин городские и казаки устраивали облавы, останавливали каждого, ощупывали карманы, ища прокламаций и оружия. Вагонщики в самом начале апреля не досчитались семи товарищей. Несколько позже в один прием были взяты тридцать путиловцев, главным образом бывшие старосты и выборщики в комиссию Шидловского.

Полиция высылала из города передовых рабочих. Сотни путиловцев без предупреждения получили расчет, а директор Смирнов постарался, чтобы в Петербурге им невозможно было достать работу. Кроме того, к прежним четырем полицейским, содержавшимся за счет завода, он прибавил еще двадцать, установив пять полицейских постов — у проходных и внутри завода.

Нужда загоняла рабочих в провинцию, в деревню. Куда бы ни приезжали путиловцы, они видели: везде и всюду народ выступал против царя. Пролетарские стачки и демонстрации поднимали на борьбу угнетенные массы. Стачки, охватившие в течение четырех месяцев 660 тысяч участников, превратились в мощное орудие борьбы с самодержавием. Солдаты, матросы, мелкая буржуазия, студенты, трудящиеся угнетен-

*Нападение полиции на путловцев при выходе из мастерской.
(Рисунок художника Сварога.)*

ных национальностей — втягивались в борьбу. В губерниях центральной России, в Поволжье, на Украине, в Прибалтике и Белоруссии, в Польше и Литве — повсюду крестьяне захватывали имения, забирали помещичий хлеб, угоняли скот, отказывались платить налоги, делили землю.

Революция нарастала. Рабочие и крестьяне России поднимались на своего исконного врага — царское самодержавие.

ОРГАНИЗАЦИЯ

Весенними вечерами на шоссе часто видели широкоплечего рыжебородого человека в черных очках. Молодая женщина вела его под руку. Прохожие уступали им дорогу, вглядывались в неподвижное лицо с темными пятнами очков. Некоторые спрашивали, кто это. Им отвечали:

— Неужто Шелгунова забыли?

И тогда вспоминали доотказа набитый зал «Старого Ташкента» и в напряженной тишине гремевший гневом и страстью голос. Ослепленные наивной верой, люди не послушали тогда старого революционера, хотя и слепого, но видевшего дальше их.

Из раскрытых дверей трактиров вырывался нестройный гул. Пьяно взвизгивали гармоники, граммофоны хрипели «Чудный месяц плывет над рекою». В разноголосом уличном гаме обостренный слух слепого улавливал отдельные возгласы, обрывки фраз. Среди привычных буд-

ничных разговоров все чаще он слышал новое о забастовках, об арестах, о стычках с полицией. В нестройный гомон улицы вливался тревожный свист, сердитый голос грозил кому-то участком. Шелгунова водили не по тротуару, а с краю дороги. Ему постоянно приходилось оглядывать большие кучи булыжника, приготовленного для замощения шоссе, и он через определенное число шагов по привычке сворачивал в сторону. Однажды, направляясь по обыкновению к своему старому другу Николаю Гурьевичу Полетаеву, он очень удивился, что путь идет все время беспрепятственно прямо. Заставские жители объяснили ему, что все камни полиция распорядилась убрать: рабочие при стычках с полицейскими пускали в ход булыжники.

Полетаев всегда радостно встречал старого товарища. Николай Гурьевич был сутуловат, худощав, лицо его окаймляла русая бородка. В квартире нередко стоял шум: сыновья Полетаева играли в забастовку и аресты. С приходом гостей их немедленно выпроваживали. Хозяйка закрывала окна: раскатистый бас Шелгунова мог накликать незваных гостей. Друзья заводили нескончаемые разговоры. Оба ценили друг друга и, беседуя, понимали друг друга с полуслова. Шелгунов спрашивал, каково настроение на заводе, как работают путиловские большевики, какие планы на будущее. Полетаев подробно рассказывал о заводских делах. Разговор переходил на общие политические темы — положение в стране, партии, среди либералов.

В лафето-снарядной, где тон задавали квалифицированные, развитые рабочие, Полетаев пользовался уважением. Он участвовал в разных делегациях во время забастовок и лучше других умел выражать требования рабочих. Рабочие знали, что Полетаев за общее дело постоит головой. Постоянно бывало так, что разговоры с директором от лица всех вели именно он. Его расспрашивали про политику, внимательно выслушивали простую, пересыпанную шутками и примерами речь, замечали:

— Эх, если бы револьверы да бомбы, мы бы еще *тогда* ответили!

Полетаев был одним из самых развитых большевиков на заводе. Он читал «Капитал», труды Ленина, некоторые произведения Плеханова, Чернышевского, Дарвина. На его аккуратной книжной полке рядом с легальными изданиями Маркса и Энгельса стояли Чехов, Гоголь, Тургенев, Гейне (приложения к «Ниве»). На квартиру к нему, кроме Шелгунова, заходили товарищи по заводской организации, иногда работники Петербургского комитета. Обсуждали вопросы практической работы в массах.

После 9 января число большевиков на заводе возросло, влияние их усилилось. К ним обращались за советом и помощью в заводских делах, за разъяснением политических вопросов. Наиболее активные рабочие помогали делом. В феврале—апреле в лафето-снарядной, пушечной, паровозомеханической, новомеханической и литейной возникли большевистские группы. В каждую входило от десяти до пятнадцати наиболее передовых рабочих.

Группа лафето-снарядной собиралась на квартире Филиппа Бодрова, старого социал-демократа, в девятидесятые годы участника кружка Ленина за Невской заставой. Народу приходило много — нехватало табуреток. Патрулей не выставляли, конспирацию соблюдали менее строго, чем год назад. В конце апреля, когда встал вопрос о проведении 1 мая, районное руководство во главе с Полетаевым поручило группе устройство митингов.

День 1 мая в 1905 году проводился под лозунгом смотра пролетарских сил перед будущим решительным выступлением. Бюро комитетов большинства, созданное Лениным в противовес меньшевикам, захватившим в свои руки Центральный комитет партии, в своей первомайской прокламации призывало готовиться к вооруженному восстанию, ждать сигнала к решительному нападению на самодержавие. Призывая к свержению царизма, большевики выдвигали лозунг создания временного революционного правительства.

Во всех цехах распространялись прокламации Петербургского комитета РСДРП. В пушечной молодежи большевики приходили рано утром, получали листовки у И. Д. Иванова, привязывали их пачку за пачкой ниточками к трансмиссиям. Когда трансмиссии начинали вертеться, ниточки обрывались и листовки стаяй опускались на станки.

— Голуби прилетели! — кричали в мастерской.

Петр Медведев, молодой большевик из новомеханической, проходя накануне 1 мая по Шелкову переулку, прикреплял прокламации к забору. Его заметили казаки, арестовали, привели в участок. На допросе он заявил:

— Бумажки эти я подобрал в канаве, что в них написано — не знаю и наклеивать их, как вы говорите, никак не мог: клея у меня нет. И на бумажках тоже клея не видно. Нельзя клеветать на безвинного человека.

1 мая пришлось на воскресный день. Митинги в цехах поэтому надо было устраивать заранее. 29 апреля на квартиру Бодрова явился оратор-агитатор из Петербургского комитета РСДРП. Его переодели, провели в завод, и в седьмом часу вечера он с крыльца часовни сказал речь возвращавшимся со смены рабочим. Часовня стояла на бойком месте — между котельной и кузницей, недалеко от выхода. Потoki людей, идущих из разных мастерских, сливались у часовни. Крыльцо часовни было высокое, с него удобно было произносить речи. Но митинг кончился неудачно. Возле узких проходных калиток караулили шпика и полицейские. Оратора-студента узнали и арестовали. В тот же вечер у Бодрова собрались большевики лафето-снарядной и несколько представителей других групп. Решили завтра же устроить новый митинг.

30 апреля толпа рабочих, выйдя с завода, запрудила шоссе. На углу Богомолковской над головами поднялся человек в рабочей одежде. Он стоял на тумбе, его поддерживали справа и слева. Вскоре на перекрестке вокруг него скопилось много народу. Бесперывно выходившие с завода рабочие останавливались, перебегали дорогу, присоединялись к толпе. Оратор выкрикивал:

— Каждая капля крови, пролитая 9 января, родила нового борца... Вслед за городом поднимается деревня... Близок решительный бой!.. Вооружайтесь! Объединяйтесь под красным знаменем Российской социал-демократической рабочей партии!

Послышались свистки. Прямо на людей бежал околоточный надзиратель, за ним городской. Толпа раздалась, потом сомкнулась вновь. Чины полиции оказались в кольце. Привычным жестом околоточный схватил ближайшего рабочего за ворот. Тот обернулся и с силой оттолкнул его. Околоточный потянулся к кобуре с револьвером, но вытащить его не смог: ни одной секунды ни околоточный, ни городской не могли устоять на месте, под дружный гогот и издевательское «ура» они летали

как мячи из одних рук в другие. Потом рабочие, подобрав фуражки, нахлобучили их на глаза полицейских и быстро разошлись.

1 мая утром на шоссе вышли празднично одетые люди. Часть рабочих направилась в Екатерингофский парк, где по традиции в этот день открывались гулянья. На шоссе было болеелюдно, чем обычно, особенно у слагаума.

Ночью по заставе были проведены обыски и аресты. С восходом солнца выехали казачьи патрули. При малейшей попытке собраться, казаки разгоняли рабочих. На всех постах вместо одного городского стояли по два. В толпе вертелись шпики. Узнать шпика можно было по поднятому воротнику, по шмыгающему исподтишка взгляду. Заставские парни, улучив удобную минуту, хлестали шпинов провололочными кнутами с гайками на концах. К вечеру группа путиловцев, человек полтора, направилась на массовку в другой конец города, за Неву. Массовку устроили совместно путиловские и охтенские большевики. Приглашали с разбором: кому можно давать прокламации в руки, того можно звать на массовку.

За Невою встречали пикеты. На крыльце одного из домов сидел человек и читал книгу в красной обложке. Его спрашивали:

— Где тут купить живого петуха?

Человек с книгой указывал, как пройти к следующему пикетчику.

Маевка происходила на лужайке в небольшой роще, стоявшей островком среди болота. Триста человек путиловских и охтенских рабочих сгрудились вокруг высокого пенька, с которого говорил оратор. В прежние годы собрать такую большую массовку было невозможно. На деревце развевался красный флажок. Голоса ораторов звучали громко, уверенно.

Полицейские после долгих поисков обнаружили место маевки. Патрульные быстро сообщили о их приближении. Полицейские, выйдя на лужайку, нашли только наколотую на ветку четвертушку бумаги с надписью: «Долой самодержавие!»

День 1 мая по городу был отмечен митингами и массовками — так, как и призывал к этому Петербургский комитет большевиков. Большевики считали, что проведенный таким образом день 1 мая сыграл свою роль в подготовке к будущим боям, и выдвинули задачу: еще упорнее продолжать подготовку к вооруженному восстанию, еще больше усилить связь с массами, еще сильнее крепить партийную организацию.

Руководители района в первые дни мая решили — поднять в ближайшее время весь завод. Поводом послужило введение девятичасового рабочего дня на заводах морского ведомства. В мастерских началась агитация. Рабочие заговорили:

— Мы тоже работаем на морское ведомство. Не забыли, небось, кранубивец? И артиллерию тоже мы даем — на полигоне-то пушки палат. У нас день должен быть, как у обуховских...

К Полетаеву приходили организаторы групп, договаривались о плане выступления. Василий Буянов беспокоился, не противоречит ли эта борьба за девять часов работы требованию программы-минимум о восьмичасовом рабочем дне. Он пришел за советом к своему бывшему ученику — Полетаеву. Полетаев ответил:

— От восьми часов мы не отказываемся и борьбы не оставим. А сейчас есть повод бороться за девять, надо его использовать.

Буянов подумал, согласился, но не утерпел и сказал:

— А лучше бы за восемь! Пора выступить! Терпения нет киснуть в четырех стенках! По всей Руси половодье!

Пушечная, где он работал, была самой крупной и самой боевой мастерской. Исход каждого выступления зависел, прежде всего, от пушечников. Полетаев спросил:

— А ребята у тебя крепкие?

— Ребята каленные. Раз свистнуть — работа к чертовой матери.

В пушечной свистнули ровно за час до гудка, без пяти пять. Начальник мастерской снова, как в январе, видел из окна своей конторки рабочих, уходивших в неурочное время. Где-то в глубине цеха помощник начальника Кожев надрывно кричал:

— Кто вам разрешил уходить?

На него никто не обращал внимания.

В лафето-снарядной Полетаев выключил свой станок, аккуратно вытер руки паклей, киннул головой:

— А ну, орлы! Пора!

Антон Васильев, Иван Севастьянов и еще несколько парней побежали по мастерской. Один за другим останавливались станки. Полетаев подошел к Филиппу Бодрову, подмигнул:

— Говоришь, пошло дело?

— Пошло!

Мастер Сергей Панкратьевич Воробьев обходил мастерскую, смотрел — в порядке ли оставлены станки. Воробьев был особенным мастером: он выбился из рабочих не лестью и прижимками, как большинство мастеров, а благодаря своим большим способностям и любви к производству. Он имел изобретения, администрация ценила его. Воробьев уважал Полетаева как хорошего токаря и умного человека, хотя к его революционной деятельности относился неодобрительно. События 1905 года, однако, повлияли на Воробьева. Он сам стал интересоваться политикой и тайком занимался с инженером Рабиновичем политической экономией. Сейчас, когда рабочие выходили из цеха, он отвел Полетаева в сторону и сказал:

— Остерегайся вон того, рябого. Подозреваю — доносчик.

Из соседней паровозомеханической мастерской рабочих выводил токарь Иосиф Домбровский. Он прихрамывал; на его бледном лице горели красные пятна. Домбровский только недавно выписался из больницы, где пролежал с 9 января. Еще не вполне оправившись от раны, он с жаром принялся за сложную работу организатора большевистской группы. На каждом шагу чувствовал перемены. Старый токарь Сорокоумов, ранее осуждавший социал-демократов, теперь распространял большевистские прокламации и собирал пожертвования на семьи арестованных. Домбровский знал, что Сорокоумов, любитель пения, обучает молодежь революционными песнями. И сейчас, шагая несколько в стороне, старик довольно явственно напевал: «Вихри враждебные веют над нами».

Снимать мастерскую Домбровскому помогали молодые рабочие-меньшевики — Кошкин и братья Кузьмины. Меньшевистский кружок продолжал существовать, поддерживая связь с «Петербургской группой при ЦК». Но среди его членов начался разброд. Кошкин и Кузьмины путались, колебались, безуспешно пытались связать разговоры рабочих в цеху с разговорами своих пропагандистов на конспиративных квартирах. Однако боевое настроение масс захватило и их.

Полетаеву иногда приходилось встречаться с некоторыми меньшеви-

У шпалбаума возле завода во время демонстрации. (Рисунок из иностранного журнала.)

ками паровозомеханической, спорить с ними. Защищаясь, они бросали последний аргумент, прячась за авторитет имен:

— Ленин один пошел против всех вождей. У нас Плеханов, Засулич, Аксельрод. Это — великаны, их знает весь мир. Все сразу они не могут ошибаться...

Полетаев отвечал, что меньшевистские великаны стоят на глиняных ногах и ошибаются все разом. Он иронизировал над меньшевистскими юношами словами из «Горе от ума»:

В мои лета не должно сметь
Свое суждение иметь.

Сейчас, увидев Кошкина и Кузьмина рядом с Домбровским, он лукаво улыбнулся, но ничего не сказал.

Мастерская за мастерской, за паровозомеханической — котельная, за котельной — кузница, прессовая, литейная, — почти весь завод, кроме мартеновской и прокатной, присоединились к шествию. Полицейские на шоссе у проходных калиток внимательно следили за выходящими рабочими. Придаться было не к чему. Путиловцы шли без песен, без возгласов, расходились с работы, как обычно. Напрасно директор Смирнов напомнил в объявлении о прежних подписках. Сейчас эти вынужденные подписки пошли насмарку.

Несколько дней подряд уходили путиловцы с работы за час до гудка. Но долго это продолжаться не могло. Директор грозил расчетом. Добиться выполнения своих требований рабочие могли только большим открытым выступлением, и эти несколько дней показали, что почва для такого выступления есть.

Весь май и половину июня ни на день не прекращалось на заводе брожение. Каждый день возникали стычки с администрацией. В кузнице молотобойцы потребовали увеличить заработок и улучшить санитарные условия. Выслушав отказ, бросили работу. К ним присоединились кузнецы и чернорабочие. Стачка продолжалась пять дней, прекратилась, затем вспыхнула вновь, — помощник начальника кузницы Демосфенов ударил рабочего. В мартеновской возник конфликт из-за обчета рабочих. Мартеновцев, которые заработок получали с пуда, систематически обвешивали, считая вес болванки не шестнадцать с половиной пудов, как в действительности, а тринадцать с половиной. Проверка не удовлетворила мартеновцев. Они, каждый за себя, подали в суд и забастовали. В вагонной распространился слух о появлении мастера Тетявкина, удаленного после 9 января из цеха. Этого было достаточно, чтобы на один день стал весь завод.

Стачки в Петербурге перекатывались с завода на завод и все чаще кончались столкновением с полицией. В Лодзи дело дошло до баррикад. В Иваново-Вознесенске в ходе мощной забастовки возник первый Совет рабочих депутатов. На Кавказе, на Украине, в Прибалтике пылали помещичьи усадьбы. Вся страна была охвачена революцией.

В конце мая погиб русский флот у Цусимы. Большевики устроили митинг. Для оратора к самой заводской конторе подкатали железнодорожную платформу. Вокруг собралась тысячная толпа. Оратор начал с поражения русского флота:

— Вся страна, как эскадра Рождественского, идет на верную гибель под управлением Николая Кровавого. Царское правительство терпит

поражение за поражением. Оно хочет расплатиться нашими жизнями. Оно готовит новую мобилизацию...

Царское правительство в конце июня готовило мобилизацию нескольких возрастов среди населения Петербурга. Оратор призывал энергично противиться мобилизации, объявить мощную стачку. Большевики организованно готовили эту стачку. В разгар подготовки пришло известие о восстании в Одессе на броненосце «Потемкин». К пролетариату и крестьянству присоединялись армия и флот. Революция вступала в новую фазу.

Цензура не пропускала подробных известий о «Потемкине», но рабочие догадывались о событиях по скудным отрывочным фразам. Большевики устроили массовку в Полежаевом лесу и несколько митингов-летучек в цехах. Потемкинцам посылали приветствия, говорили о героизме матросов, восхищались ими. Восстание произвело большое впечатление на путиловцев.

Стачка-протест против мобилизации и войны началась 19 июня. Она получилась дружной и организованной. Перед выходом в мастерских устраивались митинги. Впервые в качестве ораторов начала выступать большевистская молодежь: Шура Буйко, Антон Васильев, Андрей Лавров и другие. Какой-то отчаянный парень ночью пробрался на завод, влез по скобам на самую высокую заводскую трубу и прикрепил на громоотводе красный флаг. Флаг был виден издали. Несколько подсобных рабочих, которые оставались на заводе, начальство заставляло лезть на трубу снимать флаг. Рабочие уклонялись.

— У меня ноги слабые, — заявил здоровенный парень и пошел прочь.

— Высоко, голова не выдержит, — поддерживали его другие.

Флаг висел два дня.

Очевидно, боясь крупных выступлений рабочих, правительство не решилось провести мобилизацию в Петербурге. Стачка, поднятая большевиками на Путиловском заводе, не прекратилась и была направлена по другому руслу. Директору завода были предъявлены экономические требования: девятичасовой рабочий день, двадцать процентов прибавки к заработку, обратный прием ста восьмидесяти кузнецов, уволенных в начале забастовки.

22 июня рабочие явились на завод обсуждать требования, выдвинутые большевиками. Требования приняли во всех мастерских. В контору отправилась делегация, но директор заявил, что ни одно из требований выполнено не будет. Мастерские опустели снова. Забастовка затянулась до конца июня, захватила июль. В ответ на нее путиловская администрация объявила локаут.

Все это время не прекращались массовые аресты. Большевистская организация завода была значительно ослаблена. Новый организатор района, присланный Петербургским комитетом, писал в своем отчете о состоянии организации:

«Нарвский район в половине июля, когда мне пришлось с ним ознакомиться, являл довольно печальную картину. До меня подряд, один за другим, проваливалось несколько организаторов; вместе с ними утеривалась часть связей. Район был передан в виде ряда совершенно неоформленных связей. Существовало 5 пропагандистских кружков среднего типа; кружки эти были мало связаны друг с другом, вся их деятельность заключалась в беспорядочном распространении листов в заводе и по-

сещении изредка устраивавшихся собраний человек в 20—30. Всего находившихся в связи с организацией я считаю человек 50—60». ¹

Новый организатор района за короткое время (отчет был написан в начале августа) не мог детально ознакомиться со всей жизнью организации и потому несколько сгустил краски, но все же общее положение в отчете передано верно. Между тем, жизнь требовала усиления работы партии в массах. Перед руководителями путиловских большевиков встала задача: связать разрозненные цеховые группы и кружки в единую боеспособную партийную организацию.

Был образован районный комитет. В него вошли представители групп, организатор района и выделенные Петербургским комитетом пропагандист и агитатор. Это явилось началом перестройки большевистской организации района, которая продолжалась все лето.

Организатор района в своем отчете дальше указывал:

«В период забастовки в районе функционировало 7 пропагандистских кружков с общим числом слушателей в 48 человек. Кружки эти мало отклоняются в ту или другую сторону от среднего типа. Кроме того, был составлен, но не функционировал кружок высшего типа из 4 человек. Задача этого кружка — выработка из него членов-агитаторов...

Крупные размеры Путиловского завода заставили организаторов выработать план организации по мастерским. Во главе каждой мастерской решено поставить комитет, который будет заведывать всей работой в данной мастерской. План этот имеет неопределимые преимущества в смысле определенности, устойчивости и конспиративности организации, в смысле быстроты и одновременности распространения листовок, интенсивности завязывания и передачи связей. Перенос большей части работы с организатора на комитеты мастерских дает широкий простор для самостоятельности рабочих и для приобретения ими организационного опыта. Централизованность организации дает путь широкой осведомленности. По возможности, большинство комитетов мастерских соединяется районным комитетом.

План этот приведен в исполнение пока только в кровельно-жестяницкой мастерской. В комитете этой мастерской состоят 4 рабочих. Все они, разумеется, содействуют друг другу в исполнении принятых на себя функций, но один из них ответственен за организаторскую работу своей мастерской, другой за сношения с легальной районной библиотекой и за кассу, третий за хранение и распространение нелегальной литературы; предполагается сделать особой функцией одного из членов таких комитетов продажу в заводе легальных социал-демократических брошюр. Через два дня уже будет иметь место заседание пропагандистского кружка из 8 чел., организованного комитетом кровельно-жестяницкой мастерской.

Вполне намечены уже люди для таких комитетов в следующих 8 мастерских: пушечной, литейной, модельной, столярной, лафетно-снарядной, корабельной, кузнечной и котельной, их достаточно только раз собрать.

Наш план организации принимается рабочими в высшей степени сочувственно, и, надо полагать, приведение его в исполнение не заставит себя долго ждать». ²

¹ ЦАР, Фонд департамента полиции, особый отдел, 1905, д. № 5, ч. I, лит. А.

² Там же.

К осени этот план, в основном, был проведен по всему заводу. Центр тяжести работы, таким образом, переходил непосредственно в мастерские, связь с массами укреплялась.

Примерно в одно время с организатором района Петербургский комитет прислал за Нарвскую заставу и помощника организатора. Это был высокий длинноволосый молодой человек, небрежно одетый, с редкой бородкой. Назвался он «Иваном Петровичем», настоящее же его имя было Борис Лунц. Сын известного московского врача, он сам готовился стать врачом, но с началом революции бросил учение и с головой ушел в партийную работу.

Явившись в район, он побывал у Полетаева, посетил квартиру Бодрова и стал проводить все время за заставой. Он познакомился с активными большевиками и вместе с ними горячо принялся за перестройку организации.

Начали подбирать людей. Полетаев, обладавший незаурядными организаторскими способностями, оказывал большую помощь: намечал кандидатуры, помогал собирать группы для обсуждения их, изобретал способы снабжения легальной и нелегальной литературой. В условиях забастовки работать было трудно — связь приходилось держать исключительно по квартирам. Иван Петрович быстро и прочно сжился с заставой. В рабочих квартирах он стал желанным гостем. Нередко, собрав вокруг себя группу молодежи, он рассказывал захватывающие истории о прошлых революциях и великих революционерах. К нему приходили советовать даже по вопросам личной жизни. Однажды молодой рабочий, связанный с организацией, спросил Ивана Петровича, можно ли в такое время жениться и обзаводиться семьей. Иван Петрович ответил:

— Семьей обзаводись, только революцию не забывай.

Сам он жил, как придется и где придется, за собой не следил. Его любили все — от стариков до ребятишек. Хозяйки старались чем-нибудь помочь ему: кормили, чинили одежду, стирали белье, хотя он всегда смущенно отказывался от услуг.

Меньшевики побаивались острой речи Ивана Петровича. На массах, которые превращались в развернутые диспуты между большевиками, меньшевиками и эсерами, он показал себя как остроумный полемист и хороший оратор. Его прозвали «меньшевикоедом». Спорил он главным образом с интеллигентами и заядлыми меньшевиками-рабочими, вроде Серединина, Набокова — руководителями заводских меньшевиков. Это были люди взрослые, сильно зараженные оппортунизмом. Переубедить их было трудно. У молодых меньшевиков — Кузьмина и других — речи Ивана Петровича каждый раз усиливали сомнения и колебания.

На работу пропагандистских кружков обращалось особое внимание. В этих кружках по единому плану изучали основы марксизма, историю революционного движения, программу и устав партии. Предполагалось, что каждая цеховая партийная группа должна иметь один или два кружка. На самом деле, из-за нехватки пропагандистов и организационных трудностей, кружков было меньше, чем групп, и в некоторых кружках занимались большевики из разных цехов.

Руководили кружками интеллигенты. Летом 1905 года полиция особенно усердно охотилась за студентами и курсистками, появлявшимися в рабочих районах. Редко когда пропагандисту удавалось провести больше трех-четырёх занятий. Но жизнь в кружках не замирала. Интерес

к революционной теории у рабочих-большевиков был велик. На занятия нередко приходило больше народу, чем предполагалось. Не ограничиваясь программой, слушатели оживленно обсуждали события, происходившие в стране. Везде говорили об одном — о дальнейших путях революции и задачах рабочего класса.

В Петербург уже дошли сведения о состоявшемся в Лондоне III съезде партии.

Ленин поставил в центр обсуждения съезда главные вопросы революции: вопрос о вооруженном восстании и временном революционном правительстве, вопрос о крестьянстве.

Иван Петрович настоял, чтобы в кружках разбирались именно эти вопросы, обсуждавшиеся на съезде. Он подробно рассказывал путиловцам о разногласиях в партии, о линии Ленина, под руководством которого протекал съезд.

Съезд определил тактическую линию партии в разворачивающейся буржуазно-демократической революции. Съезд установил, что в полной победе этой революции прежде всего заинтересован пролетариат. Союзником его может быть только крестьянство. Либеральная буржуазия старается сохранить царскую власть и будет стремиться к сделке с царизмом. Возглавив революцию, пролетариат должен изолировать буржуазию, обеспечить союз с крестьянством, организовать победоносное народное восстание против царизма. Победа в буржуазной революции обеспечит пролетариату условия для перехода к революции социалистической.

Прокатчик Василий Орлов, уже немолодой, многое видевший и испытывший, стремился понять окружающее поглубже. Он быстро разобрался в партийных разногласиях, ухватил главное и стал непримиримым противником меньшевиков. Занимался он в кружке пропагандиста «Германа», куда, кроме него, входили котельщики Тимофей Барановский, Павел Богданов и другие. «Герман» — Адриан Павлович Шоломович — был инженером путиловской лаборатории, жил в Емельяновке (редкость для инженера), хорошо знал рабочую среду. Опытный пропагандист, он сумел заинтересовать своих слушателей.

Иногда Орлов ходил в другой кружок, состоявший из прокатчиков, чтобы помогать руководителю разбивать эсеровские настроения двух-трех членов кружка.

Эсеры на заводе было немного — по несколько человек в инструментальной, модельной, вагонной. Их организационное влияние летом 1905 года было очень слабым. Но часть рабочих, пришедших из деревни, в вопросе о земле больше верила эсерам, чем большевикам. Поэтому разоблачение эсеровских настроений было одной из важных задач большевиков. На занятиях кружка руководитель доказывал, что эсеровская программа социализации земли и уравнительного землепользования, — программа мелкобуржуазная, ничего общего с социализмом не имеющая. Орлов горячо поддерживал его, говоря, что словом «социализация» эсеры только сбивают с толку, что социализмом здесь и не пахнет.

Кузнец, занимавшийся в этом кружке, пытался оправдать индивидуальный террор: шум поднят, обращено внимание. Ему отвечали:

— Уж если валить столбы, то все сразу.

И доказывали, что индивидуальный террор ослабляет борьбу масс, мешает разворачиванию революционной борьбы, а потому глубоко вреден.

К осени число всех членов путиловской большевистской организации приближалось к сотне. Была организована районная боевая дружина. Решение об этом было принято районным комитетом на собрании, после доклада участника III съезда РСДРП А. М. Эссена («Бур»). Он говорил о двух линиях в революции. Первая — большевистская: немедленно приступить к подготовке вооруженного восстания для свержения самодержавия и установления революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства. Вторая — меньшевистская: отказ от руководящей роли рабочего класса в революции, отрицание его гегемонии, поддержка либеральной буржуазии. Давая решительный бой второй линии, нужно энергично проводить в жизнь первую. Восстание должно быть тщательно подготовлено технически: надо создать дружины, закупить оружие, основать мастерские для изготовления бомб. Подготовка должна начаться немедленно. Выслушав доклад, собрание выделило для связи с боевой организацией Петербургского комитета Иосифа Домбровского.

Каждая большевистская группа послала в дружину одного-двух человек. От лафето-снарядной пошел Иван Севастьянов, от новомеханической — Петр Медведев, от литейной — Гуляев, от модельной — Наполеон Вандаловский и Федор Куксинский. Домбровский достал в Петербургском комитете револьверы. Дружинники знали, что бои, в которых им придется участвовать, могут вскоре начаться.

Путиловская организация готовилась к предстоящим боям.

ЛОКАУТ

Новый директор завода, инженер Белоножкин, 21 июня вывесил объявление: если забастовщики немедленно не приступят к работе, то через две недели — расчет.

На следующий же день делегация рабочих заявила директору:

— Забастовка не кончится, пока не будут удовлетворены предъявленные требования.

Ежедневно, через полчаса после утреннего гудка, рабочие уходили с завода, не включив ни одного станка, не разогрев ни одной печи. Обходя мастерские, директор заставлял везде неподвижные трансмиссии, брошенные на рельсах вагонетки, слышал посвистывание революционных мотивов и непочтительные по его адресу слова. Повсюду ему подавали листки с требованиями. Одним из требований было: «Уволить директора Белоножкина, деспота». В пушечной ему кто-то незаметно вместе с листком сунул прокламацию. Белоножкин поморщился и, не читая, положил ее в карман.

Белоножкин пришел на Путиловский завод несколько лет назад, сразу после окончания учебного заведения. Он зарекомендовал себя как жестокий администратор и быстро достиг должности помощника директора. В обращении с подчиненными Белоножкин был груб, возражений не терпел. Вступать в непосредственное общение с рабочими избегал, считая это ниже своего достоинства. Белоножкин не уважал директора Смирнова, — тот, по его мнению, был слишком мягок с рабочими. Едва скрывая брезгливость, он слушал пререкания Смирнова с депутатами от рабочих, возмущался, когда были назначены выборы цеховых старост,

презрительно отзывался о попытке Смирнова использовать для умиротворения рабочих гапоновское общество.

В июне путиловские хозяева взяли еще более крутую и жесткую линию по отношению к рабочим. Правление общества Путиловских заводов назначило директором завода Белоножкина. Путиловские хозяева принадлежали к наиболее реакционным кругам русских капиталистов, тесно связанным с самодержавием. Зависящие от правительственных заказов, обогащаемые казенными миллионами, они мирились с «крайностями царизма», устранения которых в своих целях добивалась либеральная буржуазия. Путиловские акционерные тузы считали, что только самыми крутыми мерами можно успокоить рабочих. У проходных ворот построили бараки для казачьей сотни, на заводе появились солдаты, по заставе начались аресты. Белоножкин твердо решил сломить упорство забастовщиков.

Увольнения начались с кузницы: в конце июня получили расчет сто восемьдесят кузнецов, а пятого июля Белоножкин объявил локаут. Расчет путиловцев начался на следующий день в восемь утра. Густая толпа собралась возле проходной конторы. По обе стороны шоссе вдоль тротуаров рабочие стояли шпалерами. Казачьи патрули разъезжали в этом живом коридоре, оттесняли людей в стороны. Мальчишки выскакивали вперед, потихоньку кололи лошадей иголками. Лошадь дергалась, казак озирался, грозил нагайкой, но виновника не находил. Отъезжая, он слышал свист.

Над толпой стоял ровный гул многих голосов:

— Дня через три опять набирать будут.

— Без нас не проживут.

Над директором пронизировали:

— Известно — новая метла... Мети, мети, все равно всех не выметешь.

Путиловцы не боялись расчета. Полагали, что все кончится, как обычно: военные заказы заставят директора пойти на уступки.

Иногда врывался сумрачный, недовольный голос:

— Погоди, насидишься без хлеба, не так запоешь.

Василий Орлов стоял в группе своих прокатчиков. Многие из них были недовольны забастовкой, качали головами, упоминали о семьях. Орлов говорил им:

— Запугать хотят. Не сдавайся, ребята, а то хуже будет.

Пришел помощник организатора района Иван Петрович. Товарищи дружелюбно здоровались с ним, но предложили ему уйти: его нерабочая внешность могла обратить на себя внимание полиции. В толпе шныряли молодые вертлявые люди — корреспонденты буржуазных газет. Они ожидали больших волнений, но были разочарованы: расчет проходил спокойно, без столкновений, пищи для сенсаций не было. Некоторые из них успели проникнуть в завод, побывали в конторе. По их подсчетам выходило, что администрация должна была выдать от ста пятидесяти до двухсот тысяч рублей заработной платы. На долю каждого рабочего приходилось всего от двенадцати до пятнадцати рублей. На самом деле рабочие получали еще меньше — все съедал кредит. У многих в расчетных книжках была «змея». Огромный кузнец шел от проходной, машинально подкидывая на ладони несколько медяков. Что с ними делать? Он остановился, подумал и, махнув рукой, решительным шагом направился в трактир «Марьяна роцца».

Казачьи патрули у вагонов

Расчет продолжался три дня. Рабочий получал деньги и сдавал номер; он становился «свободным». Теперь он мог идти, куда хочет, и делать, что вздумается.

Куда бы ни шел «свободный» путиловский рабочий, везде он чувствовал ополчившиеся против него силы. Он шел в лавку Путиловского общества потребителей и видел там расклеенные на стене объявления. В одном говорилось о прекращении кредита в связи с расчетом. Другое предупреждало, что обращаться с просьбами о кредите к служащим лавок — бесполезно. Третье сообщало: «В связи с беспорядками на юге России, в частности в Одессе, подвоз сахара в столицу сократился, и сахар будет выдаваться только по фунту в одни руки». Третье объявление несколько не печалило рабочего, наоборот, радовало — по всей стране идет упорная революционная борьба. Но первые два заставляли крепко задуматься.

Он шел искать заработка на другие заводы, но теперь везде особенно настойчиво требовали аттестатов с последнего места работы, и всюду он слышал ответ: «Путиловских не берем».

Обегав много проходных контор, он возвращался поздно вечером таким же «свободным», каким ушел от ворот Путиловского завода. Он пробирался домой по темным улицам и переулкам заставы. С лихим свистом и матерной бранью казачьи патрули разъезжали по шоссе, избивали прохожих, обыскивали и арестовывали первых встречных. У запоздавших отбирали при обысках часы, деньги, кольца. Женщины с наступлением темноты боялись ходить по улицам.

Рабочий приходил домой, где его уже поджидал хозяин квартиры. По всей заставе домовладельцы требовали немедленной уплаты за углы, комнаты, койки, угрожая выселением. Набитые битком квартиры Богомоловской, Елизаветинской, Новоовсянниковской улиц стали пустеть.

Рабочий был «свободен»: его освобождали от работы, от хлеба, от жилища, от всего, что необходимо для поддержки человеческого существования.

Белоножкин твердо вел свою линию. В дни расчета он собрал у себя в кабинете нескольких начальников цехов, мастеров и инженеров, для того чтобы обсудить план дальнейшего наступления на рабочих. Он не повторил ошибки Смирнова и пригласил только тех, в ком был уверен: начальника паровозосборочной Пузанова, смотрителя Чачу, мастера депо Давыдова, мастера прокатки Якова Козлова и некоторых других, по особому выбору. Директор предложил, не открывая завода официально, начать работу в нескольких мастерских, а для этого пригласить самых «благонадежных». Этим рабочим надо дать некоторые льготы, лучше оплачивать их. Кроме того, необходимы особые меры: крамольникам следует противопоставить верных защитников «порядка» и престола. Белоножкин сообщил, что организация отрядов «Союза русского народа» («черной сотни»), начатая в Москве князем Волконским, быстро распространяется по всей стране. На днях такой отряд разогнал демонстрантов в Нижнем Новгороде. Необходимо создать отряд и в районе завода.

Через полторы недели после объявления локаута по заставе был пущен слух, что на заводе начат обратный прием. Легковерные обрадовались — директор сдается. Но мастера и отметчики, сидевшие в проходной, отвечали по-разному: одним — решительным опровержением, другим — уклончиво, третьим как большую тайну сообщали, что будут взяты только надежные и во всяком случае лица не моложе двадцати одного года.

Нужные администрации люди, главным образом многосемейные, пожилые, пассивные рабочие, получили открытки с приглашением явиться на завод для переговоров. Такая стандартная открытка означала, что человек принят и ему остается только получить расчетную книжку. Подбор производили умело — по квалификации, с тем чтобы составить полные партии (бригады) — одну-две на каждую мастерскую.

После совещания у Белоножкина начальник паровозосборочной Пузанов, бородатый мужчина в путевой форме, позвал к себе кладовщика Сашку Половнева для совета — кого приглашать, кого нет, и поручил ему набирать для подсобных работ деревенских с улицы.

Сашка Половнев, по прозвищу «Косой» или «Одноглазый», славился по заставе большой физической силой и ловкостью. Он был связан с уголовным миром, искал легкой наживы и презирал труд: все задатки будущего главаря бандитской шайки черносотенцев у него были налицо. Пузанов оценил эти качества Сашки Косого. Сын жандармского генерала приблизил к себе сына мясоторговца. Несколько дней подряд по утрам Сашка приходил к заводу и, высмотрев в толпе бородача в лаптях, отзывал его в сторону и давал записку к Пузанову.

Паровозосборочная частично заработала. Сашка расхаживал с револьвером по мастерской, по-хозяйски оглядывал работающих, хвастливо уверял:

— На днях весь завод пустим. Крамольников уже убрали.

Тех, кто боялся забастовщиков, подбадривал:

— Мы вам револьверы дадим.

Он заглядывал в прокатку, в мартеновскую, в тигельную. Мастерские казались пустыми. Штрейкбрехеров было немного. Они создавали лишь видимость работающего предприятия. Завод дымил.

Рабочие, узнав о том, что в их среде появились штрейкбрехеры, на следующий же день, в шестом часу вечера, огромной толпой собрались у заводских ворот, чтобы достойно встретить предателей. Наконец, они показались. Им кричали:

— Иуды, шкуры, продажные твари!

Полицейские, свистя, оттеснили толпу. Прискакали казаки, остановились, помахивая нагайками. Под охраной полиции штрейкбрехеры шли, опустив головы. Над толпой поднялся Василий Буянов. Он крикнул всего несколько слов:

— Завтра с утра — к заводу! Не пропустим ни одной гадины! Бастовать, так бастовать!

В этот вечер за заставой били штрейкбрехеров. Они опасались появляться на улицах. На квартиры к ним приходили бастующие и увещевали: «Стыдно продавать своих, да и не безопасно». Штрейкбрехеры дрогнули.

На утро у заводских ворот стояли рабочие пикеты. Кроме большевиков, выделенных районным комитетом, здесь было много добровольцев. К началу работы собралась большая толпа. Мало у кого из штрейкбрехеров хватало смелости подойти к воротам; тех же, кто подошел, пикеты поворачивали обратно. Иногда при этом пускали в ход кулаки. Работа была сорвана. Калитки закрылись.

Днем районный комитет РСДРП собрал в березовой роще многолюдную сходку. Говорили не только агитаторы из города, выступали путилов-

На Путиловском заводе. Начало работ под охраной пулеметов (с натуры).

«На Путиловском заводе. Начало работ под охраной пулеметов (с натуры).
(Иллюстрация из газеты.)»

ские большевики и рядовые рабочие. Большевики призывали держаться до конца — дружно и организованно. Они рассказывали о героической стачке иваново-вознесенских рабочих, не сдающихся уже второй месяц. Ивановцы создали Совет рабочих депутатов, объединяющий все предприятия города. Организованность делает рабочий класс непобедимым. Организованности должны учиться путиловцы в теперешних трудных условиях.

Возвращаясь вечером со сходки, Полетаев встретил мастера Воробьева. Остановились, закурили. Воробьев на время остановки завода собрался уезжать к себе в Калужскую губернию.

— Жаль мне вас, — сказал он Полетаеву, — ребята вы хорошие. Решетки вам не миновать, а толку все равно не добьетесь.

Полетаев ответил:

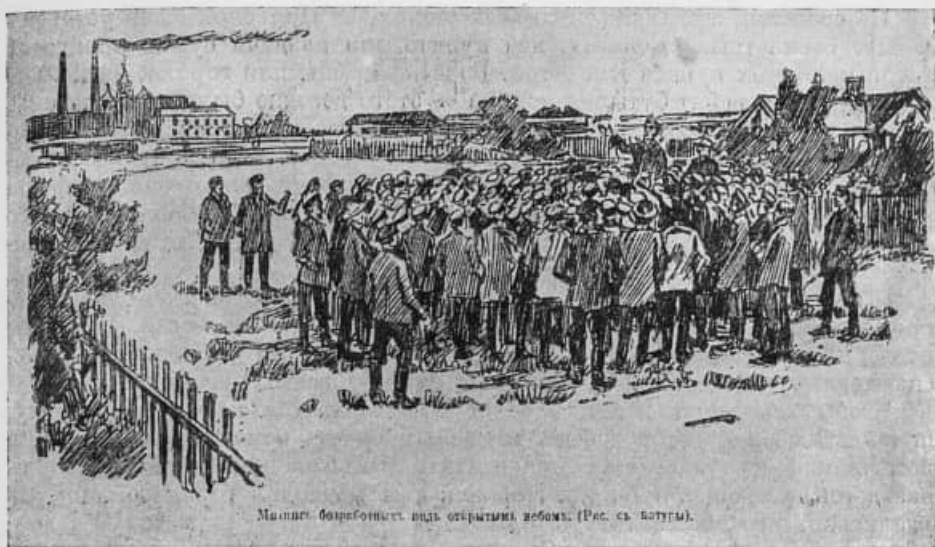
— Не добьемся сегодня, добьемся завтра.

От Воробьева он узнал, что с ним едет много земляков, и спросил адреса некоторых знакомых ребят, чтобы поговорить с ними о пропаганде в деревне.

Большевистская организация завода ни на один день не ослабляла своей работы. Регулярно собирались кружки. На массовках отбирали людей, вовлекали их в партию. С каждым говорили отдельно, давали мелкие поручения, снабжали литературой. Руководители районного комитета неустанно занимались злободневными, насущными вопросами застывшей жизни. Как наладить рабочую взаимопомощь для того, чтобы продержаться как можно дольше? Как лучше сплотить многотысячную массу путиловцев, чтобы она не рассыпалась, не поддавалась дезорганизации? До каких пор держаться в этой своеобразной забастовке-локауте, которая явно затягивалась?

За три недели с начала забастовки облик Нарвской заставы резко изменился. Раньше люди жили по гудку: в одни и те же часы вставали, шли на работу, обедали, возвращались домой. С точностью морских приливов и отливов толпа рабочих заливала шоссе и исчезала вновь. Теперь единый ритм жизни был нарушен. Рабочие бродили по тротуарам, сидели на скамейках и низких заборах, собирались группами на углах. Разговоры вертелись вокруг работы. Путиловцев не принимали даже в кустарные мастерские. Кое-кому удалось устроиться на поденку в порт, некоторые промышляли пилой дров, очисткой улиц, мелким слесарным ремонтом. Те, кто имел праздничный костюм, зимнее пальто, самовар, снесли их в ломбард. Из-за отсутствия покупателей на шоссе закрылось несколько молочных, галантерейных и обувных лавок. Исчезли карусели, петрушки, лотереи, действовавшие в праздники и в дни получек. Опустили трактиры, «лопнул» базар-получка. Даже уличные торговки перекочевали в другие районы. За Нарвской начиналась массовая голодовка. Но предложения отступить, стать на работу попрежнему вызывали сердитую отповедь.

Несколько тысяч путиловцев пришло на собрание, устроенное большевиками на лужайке, против Огородного переулка. Рабочие собирались вполне открыто. Полиция знала об этом, но не решалась препятствовать. Она учитывала настроение заставы. На бесчинства казаков рабочие теперь отвечали градом камней из-за угла. Городовых нередко втихомолку били и разоружали. Иногда громко раздавалась революционная песня. Рабочие насмешливо обращали на это внимание полицейских, но те разыскивать певцов не решались.

Митинг безработных под открытым небом. (Рис. с натуры).

«Митинг безработных под открытым небом (рис. с натуры)». (Иллюстрация из газеты.)

На собрание явились пристав и офицер с ротой солдат. Солдаты выстроились в две шеренги, отрезав путь на шоссе. Рабочие отнеслись к этому спокойно:

— Вот какие мы страшные. Без войск к нам не ходят.

— Ничего, пускай служивые послушают, им полезно.

Пристав заявил, что разрешает собрание «только для обсуждения нужд безработных». Большевистские ораторы говорили о тяжелой нужде, до которой довели путиловцев капиталисты, о необходимости организоваться для продолжения забастовки. За борьбой путиловцев с напряженным вниманием следят все пролетарии столицы и других городов. Стойкость их вызывает повсюду гордость и восхищение. На всех фабриках и заводах в пользу путиловцев происходят сборы и отчисления.

На собрании выбрали комиссию — по одному депутату от каждой мастерской. Комиссии поручили заняться организацией помощи. Рабочие разошлись по домам.

Депутаты сразу же были схвачены и отправлены в участок. Тут их всех — двадцать шесть человек — переписали и, продержав некоторое время, отпустили, но пригрозив, в случае чего, арестом. Депутаты отправились по фабрикам и заводам с призывом к поддержке. В первый же день они принесли несколько тысяч рублей. Алексей Максимович Горький, узнав о тяжелом положении путиловцев, немедленно организовал им помощь. В дачной местности Терьки был устроен музыкально-литературный вечер в пользу бастующих путиловцев. Несмотря на повышенные цены, все билеты были быстро распроданы. Художник Репин прислал в виде платы за билет пятьсот рублей, только что полученные за картину. Вечер принес крупную сумму, которая была передана путиловским уполномоченным.

Некоторую помощь путиловцам систематически оказывал Союз инженеров.

На средства, стекавшиеся со всех сторон, за Нарвской были устроены четыре бесплатных столовых, два пункта для раздачи сухих продуктов и три молочных пункта для детей. Горстка крупы или гороха, несколько селедок, а для ребят бутылка молока — этого должно было хватить семье на несколько дней. Возле столовых всегда стояла толпа. Мест всем не хватало. На Ушаковской орудовал большевик Буш, отметчик новомеханической мастерской, всегда деловитый, немногословный. Он обходил очередь, раздавал талоны, записывал. На семью редко доставалось больше одного обеда в три дня. Обедать приходилось по очереди. Дети ели по-двое, трое из одной миски, очищали ее до блеска.

Полетаев предупреждал Буша, чтобы он не ограничивался одним распределением продуктов, а вел агитацию, организовывал людей. Депутаты поддерживали настроение путиловцев, успокаивали малодушных, рассказывали о единодушной поддержке петербургских рабочих.

Чтобы накормить детей, рабочие целыми днями ходили по городу, пытались любой работой добыть хотя бы двадцать копеек. Они группами появлялись на блестящих проспектах, вызывая испуганные взгляды разодетой гуляющей публики. Порою к ним подходил городской, просил удалиться. Его обрывали:

— У тебя рожа от жира лопается, а мы есть хотим.

— Мы работы ищем, чтобы с голоду не подохнуть. Не смеешь гнать.

В булочных вместо цельного хлеба брали обрезки — на копейку дешевле. Как большую редкость приносили домой четверку картошки, за три версты ходили за щепками, чтобы истопить плиту. Вместо супа хлебали кипяток, заправленный мукой. Муки с каждым днем добавляли все меньше...

Длинные очереди у ломбардов исчезли — закладывать было уже нечего. Старьевщики, недавно имевшие большой успех за заставой, перестали заходить. В квартирах люди спали на полу — кровати были «сдены». Депутаты, разнося пособия, часто видели: на улице, посреди дороги, стоит кровать, на кровати среди мелкого скарба — женщины и дети. Это — неплательщики за квартиру, лишенные жилья.

Дни общей нужды сплотили путиловцев. Женщины делились друг с другом последним куском хлеба. Особенно жалели много семейных и жен рабочих, высланных за стачку. Те, кто имели пай в потребиловке, проедали их вместе с соседями, знакомыми, родственниками. С хозяином квартиры при выселении одной семьи ругались все. Подростки забирались ночью в огороды, набивали полные мешки капусты и раздавали нуждающимся.

У путиловских депутатов начались трения с представителями либеральной интеллигенции, участвовавшими в сборе средств на голодающих. Филантропы из «Руси» — бойкой либеральной газетки — уговаривали депутатов скорей кончать забастовку, пугая разраставшимся бедствием. Стачка затягивалась, и газетным либералам казалось опасным дальше играть с огнем.

Рассматривая себя как забастовочный комитет, рабочие депутаты призывали путиловцев продолжать борьбу. Двадцатого июля депутаты созвали многолюдную сходку и отчитались в своей работе. На сходке была избрана делегация для переговоров с директором. Ей наказали — требования предъявлять прежние. Белоножки отказались выполнить эти требования. Он надеялся, что голод сломит упорство бастующих. Он вновь

Рабочие возвращаются в Петербург из Кронштадтского порта, не найдя там работы. (На Петергофском шоссе). (Иллюстрация из газеты.)

стал набирать штрейкбрехеров. Каждый день поодиночке штрейкбрехеры пробирались в запасные калитки, шли по зараставшему травой заводскому двору в мастерские, угрюмо принимались за работу. Их было немного. Работали до темноты, обедали тут же в мастерской, — пищу им приносили из заводской столовой. Домой шли под охраной, иногда же оставались ночевать в цеховых конторах или возле печей. Главарь черносотенцев Пузанов внушал им, что все смуты наводят студенты и евреи, давал читать антисемитские газеты и погромные брошюры. Из наиболее надежных был создан отряд черной сотни. Казачий офицер и Сашка Половнев в обрубной мастерской обучали их стрельбе.

Тяжелая нужда и голод давили все сильнее. Начались разговоры о том, что пора кончать. Целые семьи питались теперь испорченными огурцами — три копейки два десятка — да гнилой картошкой. Иногда приходилось урывать от продуктов, полученных на детей, — иначе отец не был в состоянии ходить искать работу. Нередко, войдя в рабочую квартиру, депутаты, оказывавшие помощь, заставляли на столе детский гробик. Пустая комната впервые после многих темных вечеров освещалась тремя свечами. Бывали случаи, когда в разных квартирах одного дома стояло одновременно два-три таких гробика. Все ближайшие больницы были переполнены, больные ждали очереди по несколько дней. Смертность за заставой была необычайно высока.

В городе распространились слухи об эпидемии за Нарвской. В городской думе заговорили о необходимости что-то сделать. Но когда путловские депутаты обратились в городскую думу с просьбой предоставить путловцам какую-нибудь работу, «отцы города» устами гласного Кабата ответили:

— Поддерживать этих голодающих все равно, что поддерживать стачку...

Силы путиловцев истощались. Их поддерживала лишь помощь, оказываемая рабочими других заводов. Обуховцы собрали по подписным листам свыше трех тысяч рублей и решили передать деньги, не дожидаясь получки. Они настояли на том, чтобы эти деньги были выданы им авансом из кассы завода. Напор рабочих был так велик, что генерал Власьев, директор Обуховского завода, был принужден подписать удостоверение, уполномочивающее двадцать восемь выборных на раздачу денег. Обуховцы появились за Нарвской заставой. Измученные, голодные путиловцы еще раз убедились, что тяжелую их судьбу братья по классу принимают близко к сердцу, что о них заботятся, отрывая для них последние трудовые копейки, что дело, за которое они борются, — общее дело. Многие плакали, получив братскую помощь. Обуховских делегатов просили передать своим товарищам, что даже голод не сломил боевого духа путиловских рабочих.

Путиловцы держались еще несколько дней. Но это было последнее напряжение сил. К концу июля голод принял небывалые размеры. Комиссия депутатов закупала в булочных корзины зачерствелого хлеба. Двое парней несли корзину, третий на ходу раздавал булки прохожим или бросал в открытые окна домов. Целые семьи лежали на полу опухшие, ослабленные, пожелтевшие. Многие не могли приподняться, чтобы взять упавшую к ним в окно черствую булку.

Когда директор повторил свой маневр с приглашением части рабочих, положение было иное, чем прежде. Идущих на работу никто не останавливал, не поворачивал обратно. Люди, толпившиеся у ворот завода, изнемогавшие и больные, жаждали поскорее пройти в свои цеха, чтобы спасти семью от голодной смерти. Таких людей становилось все больше.

28 июля появилось объявление директора о постепенном открытии мастерских. Начался прием рабочих на старых условиях. В течение двух с половиной недель ежедневно вывешивались списки принятых. В день принимали не более пятисот человек. Рабочих подвергали тщательной фильтрации. Больше четверти прежнего состава — свыше трех тысяч человек — было выброшено с завода. Особенно сильно пострадали пушечная, лафетная и механические мастерские. Список уполномоченных, составленный в участке при их аресте, закрыл большинству из них обратный доступ на завод. Некоторые революционно настроенные рабочие попали в тюрьму. Полным ходом завод заработал только с 15 августа.

Буржуазные писаки из всех сил старались оклеветать путиловцев, рисуя их просящими пощады. Газеты пытались успокоить обывателя, представить забастовку делом рук небольшой кучки крамольников, которые теперь убраны. В ответ рабочие приняли решение: протестовать против клеветы и не пускать за заставу корреспондентов черносотенных газет, а если появятся — бить нещадно.

Путиловцы не сдались, — они потерпели поражение в бою. Районный комитет РСДРП признал, что единственным выходом в данных условиях является прекращение стачки. В своей листовке он писал:

«... Нам не удалось вырвать у капиталистов хоть ничтожной прибавки к заработной плате, чтоб не умирать с голоду. Нам не удалось урвать у буржуазии хоть один лишний свободный час, чтоб отдохнуть от непосильного труда, чтоб подумать о своем положении раба капитализма и научиться, как выйти из него. Капитализм и царское правительство сое-

динились в своей борьбе против нас, и, недостаточно организованные и неподготовленные, мы оказались побежденными». ¹

Но это поражение стоило иных побед. Полуторамесячная забастовка путиловцев, начатая и проведенная под руководством большевистской организации, была для них суровой школой мужества, боевой школой классовой солидарности.

СОВЕТ РАБОЧИХ ДЕПУТАТОВ

Всеобщая политическая стачка властвовала в столице. Она остановила фабрики и заводы, погрузила в темноту блестящий Невский проспект, прекратила движение конки, закрыла двери правительственных учреждений. Бастовали рабочие, служащие, врачи, адвокаты, журналисты — все, вплоть до мелких чиновников министерства внутренних дел. Бастовали железные дороги по всему пространству необъятной страны. Бастовали Петербург, Харьков, Лодзь, Екатеринослав, Ревель, Самара, Томск, Ростов-на-Дону. Повсюду происходили митинги, демонстрации, столкновения с войсками. Октябрьская стачка, начавшаяся после расстрела демонстраций московских рабочих, разрасталась с невиданной быстротой. Революция приближалась к развязке. Правительство было бессильно что-либо предпринять.

«Барометр показывает бурю!» — писал в эти дни Ленин. ²

«Восстание близится, оно вырастает на наших глазах из всероссийской политической стачки... Самодержавие *уже* не в силах открыто выступить против революции. Революция *еще* не в силах нанести решительного удара врагу. Это колебание почти уравновешенных сил неизбежно порождает растерянность власти, вызывает переходы от репрессий к уступкам, к законам о свободе печати и свободе собраний». ³

На гребне всеобщей политической стачки возникли Советы рабочих депутатов — новое могучее оружие пролетарской борьбы. Большевики рассматривали Советы как зачатки революционной власти, как органы восстания.

13 октября Путиловский завод примкнул к всеобщей забастовке. Утром этого дня по всем мастерским завода пронеслась весть:

— Рыбацкие пришли! Бастовать будем!

Четверо обуховских рабочих были делегатами, выбранными для согласования действий с другими заводами. Они предложили: пусть путиловцы также выберут своих делегатов и разошлют их по заводам. Слово путиловцев наиболее веское, — рабочие поднимутся, и делегаты от всех заводов обсудят, как действовать дальше. Предложение было принято. О нем оповестили все цеха, и повсюду работы прекратились. Громадной толпой вышли рабочие на шоссе и двинулись к Нарвским воротам, закрывая по дороге лавки и магазины. Часть путиловцев отправилась снимать Московскую заставу. Полицейские безуспешно пытались остановить людской поток. Казаки и пехотные части стояли, не вмешиваясь. Городовой, применивший оружие, был убит.

¹ Сб. «1905 год в Петербурге», т. I, стр. 288.

² Ленин, Сочинения, т. VIII, стр. 331.

³ Там же, стр. 333.

В этот день за Невской и Московской заставами выбирали депутатов в общий рабочий комитет для руководства движением в столице. В ходе всеобщей политической стачки комитет превратился в Совет рабочих депутатов.

На своем первом заседании в ночь с 13 на 14 октября Совет принял обращение ко всем петербургским рабочим и работницам с призывом выбирать депутатов там, где они еще не избраны. В обращении, расклеенном по городу, говорилось: «Еще одно усилие — и с народа спадут цепи векового рабства. Но для этого усилия рабочий класс должен крепко сплотить свои ряды, должен выступить как единая организованная сила».¹

14 октября выборы происходили повсюду. Путиловцы пришли на завод в обычное время, но вместо того чтобы приступить к работам, устроили по цехам митинги. В пушечной выступал студент в накинутах поверху форменной куртки пальто, из-под которого блестели студенческие пуговицы; в кузнице — рабочий из механической мастерской; в механической — рабочий из лафетной. В одном из цехов оратор, молодой рабочий, говорил:

— У царя есть государственный совет и совет министров. Пусть же у нас, пролетариев, будет свой Совет рабочих депутатов!

Все мастерские постановили немедленно присоединиться к стачке. Группа молодежи сняла рабочих электростанции. К вечеру завод погрузился во мрак. Служащие и инженеры, собравшись в модельной, также решили бастовать. Председательствовал на митинге начальник мартеновской Олесинов. Говоря речь, он перевернул свою шляпу и воскликнул:

— Вот так будет перевернута царская корона!

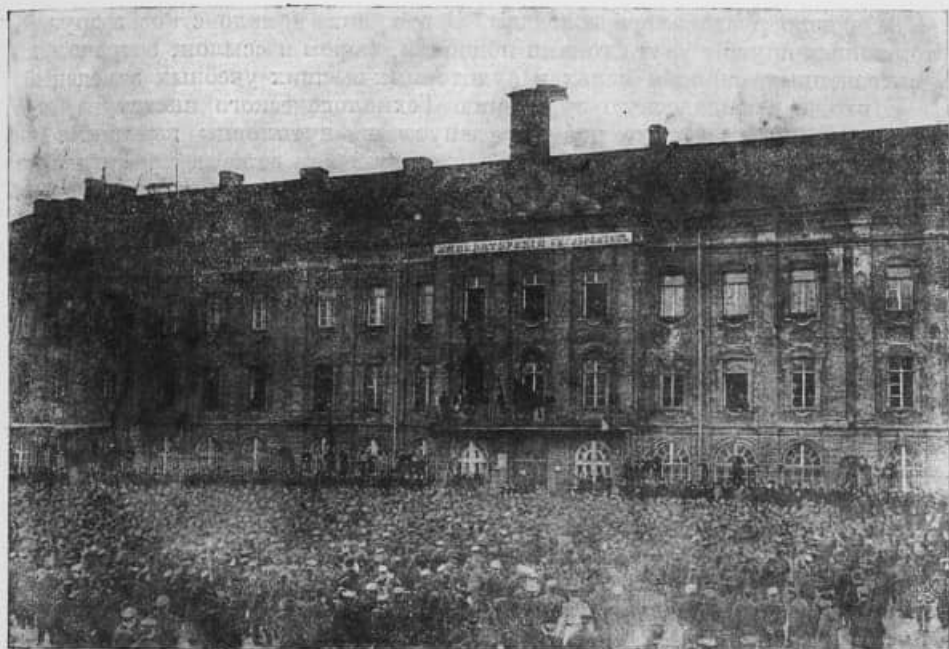
Его выбрали председателем забастовочного комитета служащих.

Перед тем как разойтись по домам, путиловцы избрали депутатов в Петербургский Совет. Каждую кандидатуру тщательно обсуждали: достаточно ли авторитетен товарищ, какое участие принимал в забастовках, честный ли человек. Избрали двадцать шесть человек, из них — десять большевиков и примыкающих к ним, два эсера, шесть меньшевиков. Среди депутатов было несколько уцелевших участников летнего забастовочного комитета. Избранным крепко жали руки, наказывали твердо отстаивать требования рабочих, обещали поддержку.

14 октября, на второе заседание Петербургского Совета депутатов, в Технологический институт путиловцы пришли дружной группой. Двери института поминутно хлопали. Ярко освещенные окна бросали свет на рабочие картузы, студенческие фуражки, котелки, шапки. Площадь перед институтом была необычайно оживлена. На балконе время от времени вспыхивало пламя факела. Толпа замирала: выходил рабочий или студент и, перегнувшись через перила, произносил краткую и страстную речь.

В коридорах института люди были в пальто и галошах, вешалки пуствовали, возле них никто не дежурил. Рабочие, студенты, курсистки стояли группами, сидели на окнах, громко разговаривали. От табачного дыма плыл туман, точно в бане. Расталкивая толпу, быстро прошли два молодых человека с ящиками на перекинутых через плечо ремнях. В ящиках лежали свечи, их разносили по аудиториям: с минуты на минуту должен был погаснуть свет. Повсюду происходили митинги. Дежурившие у дверей студенты в форменных тужурках с вензелями на

¹ «Известия Совета рабочих депутатов» № 1, 17 октября 1905 г.

Митинг у университета в 1905 году

плечах спрашивали у проходящих, что ищет товарищ, на какое собрание идет, не направляется ли на митинг печатников, приказчиков, железнодорожников.

В одной аудитории на возвышении стоял сгорбленный рабочий с зеленоватым лицом — должно быть, наборщик. Возбужденно и резко он выкрикивал:

— Трепов нас пугает патронами!... Значит, бояться нас, если такое пишут!

Речь шла о расклеенном в этот день по городу извещении генерал-губернатора Трепова, в котором сообщалось, что все «сборища» будут разогнаны силой оружия и войскам отдан приказ: «Холостых залпов не давать и патронов не жалеть». Приказ поднял еще выше волну народного возмущения. Вечером митинги стали особенно многочисленны. Толпы людей заполнили здания высших учебных заведений. Тысячи рабочих пришли с окраин в город. В Технологическом институте все аудитории были заняты: булочники, фармацевты, текстильщики ждали в коридорах очереди, чтобы занять освобождающееся помещение.

Мощный раскатистый бас раздавался из открытых дверей одной аудитории. Высокий человек с лицом, полузакрытым огромной рыжей бородой, усиленно жестикулируя, громил самодержавие и призывал к немедленному вооружению. Вдруг, после особенно резкого движения головы, борода начала отваливаться. Оратор попробовал придержать ее, но безуспешно. В публике раздался смех. Тогда он спокойно оторвал бороду, скомкал и, сунув ее в карман, продолжал речь. Аудитория, расхохотавшись, наградила его аплодисментами.

То и дело раздавались возгласы. В эти дни немало старых друзей, оторванных друг от друга годами подполья, тюрем и ссылок, встречались в захваченных народом залах и аудиториях высших учебных заведений.

У входа в физическую аудиторию Технологического института, где собирались члены Совета рабочих депутатов, путиловцы вытаскивали из карманов бумажки с паролем. Но студент у двери даже не посмотрел на бумажки и, спросив только, от какого завода, пропустил пришедших внутрь.

Все скамьи аудитории, расположенные амфитеатром, скоро заполнились людьми. Присматривались друг к другу, знакомились, обменивались новостями. Порой доносились громкие возгласы споривших. «Рабочий парламент» — называли Совет депутаты. Из-под густых бровей оглядывал аудиторию Василий Буянов, депутат пушечной мастерской. Буянов знал себе цену и избрание воспринял как должное, но сейчас понимал: такого ответственного задания он не получал за всю свою трудную жизнь революционера.

За профессорской кафедрой появился невзрачного вида человек. Это был Зборовский, меньшевик, председатель прошлого заседания Совета. Тихим голосом он объявил собрание открытым и предложил избрать председателя. Выступая в спорах, разгоревшихся при выборах председателя, меньшевики особенно напирали на то, что нужно избрать беспартийного, так же как сугубо беспартийной организацией должен быть и сам Совет. Это была линия на уничтожение Совета как политической организации, как органа народного восстания против самодержавия. Меньшевики сумели провести своего кандидата. Председателем был избран известный в рабочих кругах адвокат по увечным делам Хрусталева-Носарь. Театральным жестом откинув волосы, Хрусталева важно прошел к кафедре.

Один за другим поднимались депутаты, сообщая, что пославшие их заводы примкнули к стачке. Некоторые читали указы избирателей: восьмичасовой рабочий день, амнистия политическим заключенным, свобода слова, печати, собраний, демократическая республика.

— Стачка — только первая ступень, — прочел представитель печатников, — рабочий класс в своей борьбе должен пойти дальше.

С большим волнением слушали депутаты речи товарищей, краткие, как боевые рапорты. Здесь, сейчас, полно и отчетливо почувствовали они всю мощь поднявшегося на революцию пролетариата. «Пять тысяч... две тысячи... семь тысяч, пять с половиной...» — отмечали они в уме при каждом выступлении. За каждым депутатом стояли тысячи и десятки тысяч рабочих, готовых выйти в бой по первому призыву Совета, который они рассматривали как свой штаб. Казалось, не было силы, способной побороть эту мощную армию борцов за свободу.

Двенадцать с половиной тысяч!

Встал Василий Буянов. Он волновался. Черные ввалившиеся глаза блеснули. Его юношеская горячая мечта наконец сбылась: революция стала сегодняшним днем. Об этом он хотел рассказать Совету, хотел найти особые полновесные и яркие слова, но сказал всего лишь несколько фраз:

— Из малой искры вот какой пламень раздули! По всей Руси треск идет!

Буянов протянул руку вперед, как бы указывая в необозримые дали.

— Теперь только, знай, дрова подкладывай. За путиловскими и впредь дело не станет. Если надо, голодать будем, жизнь положим...

Подъем возрастал с каждой минутой. Но вот он сменился недоумением. Представители меньшевиков, считавшие, что Совет должен быть органом «местного самоуправления», предложили вмешаться в дела городской думы и послать туда депутацию с требованиями: урегулировать продовольственный вопрос, позаботиться о безработных, не отпускать средств на казаков и полицию, предоставить помещение для собраний. Посылка депутации от Совета, выразителя воли полумиллиона бастующих пролетариев, в городскую думу, где сидела горстка купцов и домовладельцев, большинству показалась нелепой. В ответ на предложение меньшевиков раздались крики:

— От этих толстосумов разве чего добьешься?

— Купцам кланяться не пойдем!

— Снять этот вопрос!

Многие высказывались против посылки делегации, но меньшевики настаивали. В конце концов им удалось убедить собрание, что посылка делегации будет иметь агитационное значение.

— Уж чего лучше агитация, когда дума наши деньги украла! — крикнул один из путиловцев.

В августе под сильным давлением общественного мнения дума ассигновала на голодающих путиловских рабочих пятнадцать тысяч рублей, но денег не дала. Напоминание путиловцев могло разоблачить и опрокинуть меньшевистский маневр. Но председатель повернул его по-своему:

— Мы запишем это в число наших требований.

Но даже это требование, выраженное в очень осторожной форме — не «выдать пятнадцать тысяч», а «указать, куда израсходованы», не было записано. Меньшевики не хотели отпугивать буржуазию. Делегация два раза ходила в думу, чуть не подверглась аресту и, конечно, ничего не добилась.

17 октября Совет выбрал исполнительный комитет. Избирали наспех, на глазах у полиции. С первых же дней исполнительный комитет стал местом ожесточенной межпартийной борьбы. Путьловцев там было двое — Полетаев и Буянов. Впоследствии, когда состав исполнительного комитета был расширен и от каждого района вошло не по два, а по четыре представителя, были выбраны еще два путиловца. Все четверо были большевиками.

Путьловские депутаты с первых же дней горячо взялись за работу. На одном из заседаний они предложили запретить всем магазинам продавать продукты казакам, запретить даже столовым отпускать им обеды. Предложение было шумно одобрено и принято.

17 октября вечером путиловские депутаты собрались за Нарвской заставой, чтобы организовать свой районный Совет рабочих депутатов. Заседание происходило в полулегальном районном большевистском клубе, созданном в бурные октябрьские дни. Клуб был организован быстро. В доме на углу Петергофского шоссе и Новосивковской улицы на самом верхнем этаже сняли квартиру. Принесли скамьи, привезли диван, поставили шкафы для книг. Списков никаких не вели, а членам клуба просто выдавали красные книжки с отпечатанными в них уставом и программой партии. Клуб всегда был полон народу.

Депутаты Нарвского района организовали районный Совет. В его исполнительный комитет вошли четыре человека: три большевика и один меньшевик. Председателем Совета избрали Василия Буянова. На первом же заседании поставили вопрос о вооружении. Совет располагал необходимыми для этого средствами: член Союза союзов, объединявших либеральную интеллигенцию, присяжный поверенный Шнитников, передал районному Совету одиннадцать тысяч рублей — сборы с вечеров, устроенных в пользу безработных путиловцев, которые не успели передать во время локаута. Деньги распределили так: восемь тысяч на вооружение, три — на нужды Совета. Тут же решили организовать при Совете боевую дружину. Выделили начальника и десятников — пять членов Совета.

Четыре дня бурной всеобщей политической стачки громом прозвучали по всей стране. До самых далеких окраин, до самых медвежьих углов России докатилась ее волна. Повсюду возникали массовые стачки рабочих. Росло крестьянское движение: осенью больше трети уездов всей страны были охвачены восстаниями. Поднимались волнения в отдельных частях армии и флота. Самодержавие зашаталось. Министры могли пробираться к царю в Петергоф только по воде на утлом пароходике. Царская яхта стояла под парами, готовая в любой момент отплыть за границу. «Спасать отечество» был призван умный и хитрый бюрократ Витте. В спешном порядке он изготовил манифест о свободах, который был подписан царем 17 октября. Вечером того же дня, в час, когда газетчики распространяли первый номер единственной выходившей во время стачки газеты «Известия Совета рабочих депутатов», манифест был расклеен по всем улицам города.

18 октября утром путиловцы пришли к воротам завода почти в полном составе. На заборах и калитках был расклеен царский манифест. Рядом с ним висел приказ Трепова: «Холостых залпов не давать и патронов не жалеть». Возле калиток манифест читали вслух. После слов «Николай II» обычно добавляли: «и последний». Прослушав о свободах, «дарованных» царем, говорили:

— Здорово испугался Николашка.

— Теперь нам этого мало. Царя убрать — вот наша конституция.

Но оказались и такие, особенно из стариков и деревенских, которые умилились, настроились торжественно, благостно. Когда разошлись по мастерским, чтобы продолжать обсуждение, пожилой рабочий Григорий Барков в пушечной предложил послать царю приветственную телеграмму. Его подняли насмех и долго потом спрашивали:

— Ну, что тебе царь на телеграмму ответил?

Старики из горячих цехов все же устроили молебен. Одновременно с молебном в этих цехах происходила панихида по товарищам, расстрелянным царскими войсками в борьбе за свободу. В то время как попы в одном конце завода размахивали кадилами, в другом — рабочие на тачках вывозили начальство. С криками и свистом из конторы корабельной мастерской выкатили начальника Обухова; за ним последовал мастер лесобделочной Минькевич.

Собрался митинг служащих. На этот раз среди них полного единодушия не было. Часть служащих приветствовала царский манифест, призывая кончить забастовку, часть заявляла попрежнему: «Мы с рабочими». Определенного решения принято не было.

алое полотнище с бахромой и кистями. Знамя было видно издали, притягивало к себе, как магнит, вызывало чувство небывалой силы и гордости. Красное знамя заставляло сильнее биться сердца, загораться ярче глаза. Люди ускоряли шаг, примыкали к толпе, строились в ряды. Знамя вынесли вперед. На нем блестела серебряная надпись: «Да здравствует революция!»

По-особому взволнованно и торжественно зазвучали знакомые слова:

Знамя великой борьбы всех народов
За лучший мир, за святую свободу.

Медленно двинулись путиловцы вслед за широко развернувшимся знаменем с лозунгами революции, за которыми шли теперь миллионы угнетенных от края до края огромной страны.

Несколько десятков черносотенцев у железопрокатной вышли навстречу демонстрации. Красное знамя бесило их. Они ругались, грозили ломиками и булавами — железными прутьями, на конце которых висели застывшие куски металла.

Делегатов, посланных к прокатчикам, черносотенцы жестоко избili, а одного из них, рабочего Васильева, убили. Молодежь рвалась проучить черносотенцев.

Рабочие удержали молодежь и двинулись дальше. Ворота и калитки оказались запертыми. Передние начали ломать ворота силой. В это время из-за угла проходной конторы показались солдаты. Впереди бежали два офицера с револьверами в руках. Солдаты выстроились по одну сторону дороги. Прискакали казаки, скинули винтовки, взяли на прицел.

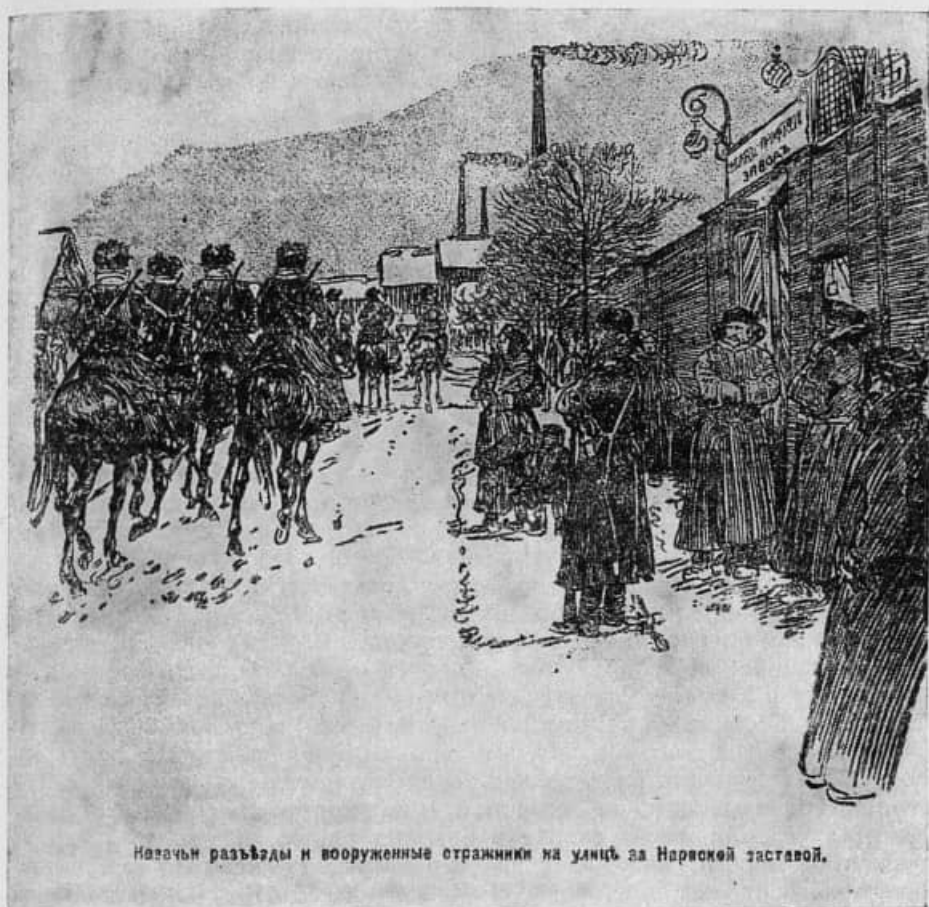
Ворота внезапно распахнулись. Оттеснив передние ряды колонны со знаменем, солдаты и казаки погнали их за ворота. На шоссе стояли полицейские. Казаки окружили захваченных и прижали их к забору. Рабочие оказались в западне. Их били остервенело, с холодным расчетом. Солдаты действовали штыками и прикладами, казаки — нагайками, полицейские — шашками. Люди метались, кричали, падали на камни. Спотыкаясь, пробежал неестественно перегнувшийся назад человек — его ткнули штыком в поясницу. Два брата Волковых, прижавшись к забору, оборонялись от наседавших городских. Раздался выстрел. Семен Волков пошатнулся и начал оседать. Нарвская застава надолго запомнила маленькую дырку в сером заборе — след от пули, пробившей навывлет грудь молодого рабочего.

Рабочие были безоружны. Всего два или три одиночных выстрела раздалась с их стороны во время побоища.

Через полчаса на шоссе было тихо и пусто. Солдаты строились в ряды, паклей вытирали штыки. Запертые во дворе рабочие метались, как в клетке. Один старик, клепальщик из корабельной, бросился в кладовушку, схватил лежавшие там вилы и побежал к выходу — драться с казаками. Его удержали. Он сел и заплакал.

Расстрелы и избиения произошли еще в нескольких местах столицы. Войска и полиция успокаивали «свободных граждан» пулями и штыками; черносотенцы избивали их среди бела дня. Манифест оставался бумажкой, треповский приказ вошел в действие.

В четыре часа дня в здании Рождественских женских курсов собрались депутаты Петербургского Совета. Длинная узкая комната, тесно уста-

Кавачи разъезды и вооруженные стражники на улицъ за Нарвской заставой.

«Кавачи разъезды и вооруженные стражники на улицъ за Нарвской заставой». (Иллюстрация из газеты.)

вленная партами, скоро оказалась набитой доотказа. Пришли рабочие прямо с митингов и демонстраций. Пришли студенты и курсистки. Говорили возбужденно и горячо.

Депутаты сообщали, что мнение рабочих единодушно: манифест — новая попытка обмануть русский народ, а следовательно, борьбу надо продолжать дальше. Буянов, сегодня необычайно угрюмый и молчаливый, сказал озлобленно:

— Мы «свободу» почувствовали сразу: двое убито, четырнадцать ранено.

Совет по поводу манифеста заявил:

«Стигнутое железными тисками всеобщей политической забастовки российского пролетариата, самодержавное правительство пошло на уступки. Оно заявило о свободах, о законодательной власти будущей Гос. Думы и о том, что решило дополнить состав этой Думы представителями рабочих и интеллигентных слоев народа.

Но борющийся революционный пролетариат не может сложить оружие до тех пор, пока политические права русского народа не будут установлены на твердых основаниях, пока не будет установлена демократическая республика, наилучший путь для дальнейшей борьбы пролетариата за социализм¹.

Было решено продолжать забастовку. Заседание было в разгаре, когда депутаты узнали, что тысячные толпы движутся по Невскому и войска не решаются их остановить. Демонстрация намеревалась освободить политических заключенных из тюрем и шла к Совету, чтобы он стал во главе ее. Дружные аплодисменты и крики «ура» раздалась в ответ на это сообщение.

Кто-то широко распахнул окно. С улицы слышалось громкое пение революционных песен. Совет выбрал трех человек — «командующих демонстрацией». Они тут же прикрепили к рукам носовые платки. Члены Совета сошли вниз. Их было более двухсот человек. Громкие радостные крики понеслись навстречу.

— Амнистия! К тюрьмам! — кричали отовсюду.

Над толпой появились ораторы, поднятые на руки. Меньшевик Хрусталев, один из «командующих демонстрацией», попытался отговорить демонстрантов от бесплодной, по его мнению, попытки освободить товарищей, пугал возможным кровопролитием. Его не послушали. Завязались споры о маршруте. Некоторые предлагали идти по Невскому к университету, присоединяя по пути новые толпы, и лишь потом, когда демонстрация станет еще внушительней, пойти к тюрьмам. Другие звали идти к тюрьмам немедленно. «Командующие» — меньшевики повели на Невский.

Впервые в столице Российской империи рабочий класс вышел на улицы такой мощной и организованной армией. Хвост колонны еще не миновал Николаевского вокзала, а голова уже подходила к Казанскому собору. Демонстрация растянулась на два километра. Полицейские растерянно оглядывались по сторонам и козыряли красным знаменам. Офицеры уводили своих солдат в боковые улицы. Какой-то генерал, посинев от ярости, колотил шашкой о землю, приказывая немедленно разойтись. Над ним смеялись. У Казанского собора присоединились новые тысячи людей, собравшиеся сюда на митинг. На Дворцовой площади в память погибших 9 января склонились знамена и раздалось мощное «Вы жертвою пали». Возле университета демонстрацию встретил лес красных знамен. Демонстрация росла, как лавина.

Но мощь многотысячной демонстрации не была использована. Четыре часа «командующие демонстрацией» бесцельно водили за собой толпу по всему городу. Они не хотели выходить из рамок легальности и «порядка», надеясь напугать самодержавие мирным шествием по городу. В конце концов люди устали, настроение упало. Когда все-таки стали подходить к Дому предварительного заключения, откуда-то вдруг появились три человека в инженерской форме. Назвав себя представителями союза инженеров, они сообщили: амнистия уже подписана и заключенные будут освобождены на днях. Кто-то прибавил, что у тюрем усилена охрана, будут стрелять. Меньшевистские руководители, сознательно водившие рабочих по городу, чтобы отвлечь их от революционных действий, воспользовались этим сообщением и, не пытаясь его проверить, распустили демонстрацию.

¹ «Известия Совета рабочих депутатов» № 3, 20 октября 1905 г.

Войска у Казанского собора. (Рисунок из иностранного журнала.)

Возвращаясь за заставу, путиловцы на каждом шагу видели, что полиция нагнетает все больше. У Технологического института кавалерийский эскадрон разгонял толпу, и солдаты стреляли по институтским окнам. У Нарвских ворот стояли казаки. Вели арестованных.

На улицах заставы черносотенцы приставали к рабочим:

— А что, братец, тебе конституция нужна?

Тех, кто отвечал «нужна», жестоко избивали. Дружинникам несколько раз приходилось вынимать свои револьверы, защищаясь и отбивая товарищей.

На воротах завода царского манифеста уже не было: неизвестно — отклеился или его сорвали. Зато приказ Трепова держался крепко: «Холодных залпов не давать и патронов не жалеть». Мальчишки распевали задорную, только сегодня пущенную в ход песенку:

Царь испугался, издал манифест —
Мертвым свободу, живых под арест.

Три дня еще продолжалась забастовка в Петербурге. Путиловский завод по решению Совета начал работу 21 октября в полдень. Настроение и в городе и за заставой оставалось тревожным. 25 октября Нарвская

заства хоронила убитого путиловского рабочего Семена Волкова. До пяти тысяч человек собралось на Митрофаньевском кладбище. Полиция отсутствовала. Могила утопала в венках, раздавались гневные речи. Второго Волкова опускали путиловцы в могилу. Две памятные даты отмечены были трупами братьев Волковых, Максима и Семена — день «Кровавого воскресенья» и день «дарования царских свобод».

В октябрьские дни 1905 года по всей стране черносотенцы по указке царского правительства устраивали погромы, стоившие многих тысяч жизней. Они были направлены против евреев, студентов, интеллигенции и революционеров. Распоясавшаяся черная сотня готовила погром и в столице. Тревожные слухи ползли со всех сторон. Черная сотня нагнела с каждым днем. Члены «Союза русского народа», созданного путиловским акционером, доктором Дубровиным, пользовались прямым покровительством властей и полиции. Городовой на Ушаковской, возле полицейского участка, расклеивал на столбах погромное воззвание с изображением креста, топора, ножа, черепа, револьвера, косы, царского флага и пуль.

Нарвский районный Совет созвал в клубе совещание представителей всех боевых дружин. Теперь в районе их было четыре — две большевистские (при районном комитете и при Совете), одна — меньшевистская и одна — руководимая эсерами. Решили совместными усилиями предотвратить погром.

В один из вечеров, в условленном месте на Сенной площади, собрались путиловские дружинники. В обычной толкотне и шуме торгового квартала они не были заметны. Собралось человек сорок. Сенной рынок считался гнездом черной сотни. Нужно было показать черносотенцам, что их попытка встретит самый решительный отпор. Дружинники разбились на группы по пять-шесть человек и разошлись по сенновским трактирам. Большинство дружинников никакого оружия не имело.

В трактире, куда вошла одна из групп путиловцев, народу было немного. Дружинники шумно уселись возле стойки, с тем чтобы каждое их слово было услышано хозяином. Помахивая грязным полотенцем, подлетел половой.

— Слушай, милый человек, — громко сказал один дружинник, — до нас, путиловцев, дошла весть, что сенновские мясники хотят устроить завтра погром. Вот мы и пришли узнать, правда ли это.

Все обернулись. Трактирщик уставился из-за прилавка, раскрыв от изумления рот. Дружинник продолжал:

— Сегодня нас здесь немного — всего душ четыреста. Но в случае погрома мы приведем тысяч десять и сотрем ваш рынок с лица земли. Передай это своим...

Дружинники спокойно продолжали сидеть. Трактирщик мигнул слуге. Через несколько минут начали входить мрачные люди в ватных картузах и белых фартуках. Они шептались с хозяином, косо глядели на путиловцев, пытались заговорить. Когда их набралось порядочно, дружинник-десятник снова подозвал полового и тоном, каким заказывают блюда, спросил:

— А где тут у вас черная сотня?

— Не знаю, — растерянно отвечал тот.

— Жаль, у нас для нее гостинец припасен.

Дружинник вытащил револьвер, повертел его перед носом у полового

и положил в карман. Лица присутствующих вытянулись. Трактир начал пустеть. Посидев еще немного, путиловцы поднялись и, не торопясь, ушли.

Во всех районах города боевые дружины выставляли патрули на улицах, сообщали адреса своих штабов семьям, которым грозил погром, дежурили у отмеченных черносотенцами домов. Черная сотня была напугана. Погром не состоялся.

Поход на Сенную площадь сильно поднял дух путиловских дружинников: они увидели, что враги боятся организованности рабочего класса. Но это было все же не то, что требовалось сейчас. Ни митинги, ни демонстрации, ни сознание того, что они парализовали погром, не могли больше удовлетворять рабочих. Вопрос, который волновал их, с которым то и дело обращались к своим депутатам, которому были подчинены все их помыслы и надежды, заключался в одном: «Когда будет восстание?»

На это депутаты ответить не могли. Они обращались с тем же вопросом к руководителям Совета. Но ни Хрусталеv, ни другие меньшевики — руководители Совета — отвечать не торопились. Меньшевики были против восстания, всячески тормозили его. Они не хотели, чтобы Совет был боевым штабом восстания и смотрели на него как на орган местного самоуправления, заставляя Совет топтаться на месте.

Ожесточенные споры в Совете вызвал вопрос о его взаимоотношениях с партией. Меньшевики настаивали на беспартийности Совета. Большевики доказывали, что беспартийность есть только лицемерное прикрытие политики буржуазии, заинтересованной в ослаблении классовой борьбы пролетариата. В борьбе против меньшевиков некоторые большевики увлеклись и впали в противоположную ошибку: Совет, по их мнению, должен целиком вступить в социал-демократическую партию, став ее органом. С предельной ясностью вопрос о взаимоотношениях Совета и партии был поставлен Лениным, который в ноябре 1905 года приехал в Петербург. «Беспартийность в буржуазном обществе, — писал Владимир Ильич, — есть лишь лицемерное, прикрытое, пассивное выражение принадлежности к партии сытых, к партии господствующих, к партии эксплуататоров».¹

Сенновцы. (Рисунок И. Шабанова.)

¹ Ленин, Сочинения, т. VIII, стр. 416.

«...Строгая партийность есть одно из условий, делающих классовую борьбу сознательной, ясной, определенной, принципиальной». ¹ Решительно отменяя идею беспартийности, Ленин выдвигал перед социал-демократией задачу: сохраняя свою самостоятельность, возглавить Совет рабочих депутатов, который только в этих условиях может действительно выполнить роль органа вооруженного восстания.

«Что нужно, чтобы действительно победить?» — спрашивал в эти дни Сталин, выступая в Тифлисе с уничтожающей критикой меньшевиков, докатившихся в своем восхвалении царского манифеста до лозунга «Долой оружие!»

«Для этого, — отвечал Сталин, — нужны три вещи: первое, что нам нужно, — вооружение, второе — вооружение, третье — еще и еще раз вооружение». ²

Петербургские рабочие на опыте всеобщей стачки убеждались, что голыми руками восстание совершить нельзя. Во всех мастерских Путиловского завода в конце октября проходили сборы на оружие. Путиловцы еще не вполне оправились от последовавшего за забастовкой локаута, — они не работали целую неделю в октябре, — и все же за несколько дней было собрано пять тысяч рублей. Из Финляндии прибыла первая партия револьверов, и дружинники вооружались. Но оружия не хватало.

Неизвестно, какой завод первым бросил мысль посвятить целый день — субботу 29 октября — массовому изготовлению холодного оружия. Рабочие занимались этим и прежде, но тайком и в одиночку. Теперь клич «Готовьте оружие!» был с воодушевлением подхвачен рабочими столицы. Петербургские заводы на один день превратились в оружейные.

Во всех мастерских Путиловского завода целый день готовили оружие — для себя, для знакомых, для друзей. Работали с радостью, с воодушевлением, со страстью. Иногда общее настроение прорывалось в песне. Один тихо начинал, к нему присоединялись громкие голоса, и вся мастерская гремела мощно и уверенно:

Свергнем могучей рукою
Гнет роковой навсегда
И водрузим над землею
Красное знамя труда...

В маленькой кузнице при старомеханической мастерской горны и наковальни окружали десятки людей. У каждого находилось дело: кто принес полосу стали, чтобы превратить ее в саблю, кто хотел сделать наконечники пики, кто плавил свинец, чтобы налить его в просверленное отверстие палки. Старый кузнец недовольно ворчал, глядя на обступивших его горн рабочих. Они навалили в горн слишком много угля, толкались, мешали друг другу.

— Ничего, за день «по цеху» заплатят, — утешил его кто-то.

— Я не про деньги, — рассердился кузнец. — А так разве можно: раз, раз, да и готово... Не работа, а тыфу! Заказали бы раньше!

Работы было много у каждого. Разметчики размечали по шаблону кинжалы, строгальщики обстругивали их, слесари опиловывали, точильщики отшлифовывали готовые кинжалы — они добивались зеркального

¹ Ленин, Сочинения, т. VIII, стр. 417.

² Л. Берия, К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье, 1938, стр. 84.

блеска. Слесаря превращали трехгранные напильники в концы пик, плоские — в ножи. Токаря вытачивали какие-то мудреные, необыкновенные орудия. Старики не отставали от молодежи — общий порыв захватил всех.

Кузнецы встречали товарищей из других мастерских приветственными криками, хватали, тащили сразу в разные стороны. Каждый хотел показать проявление своего искусства.

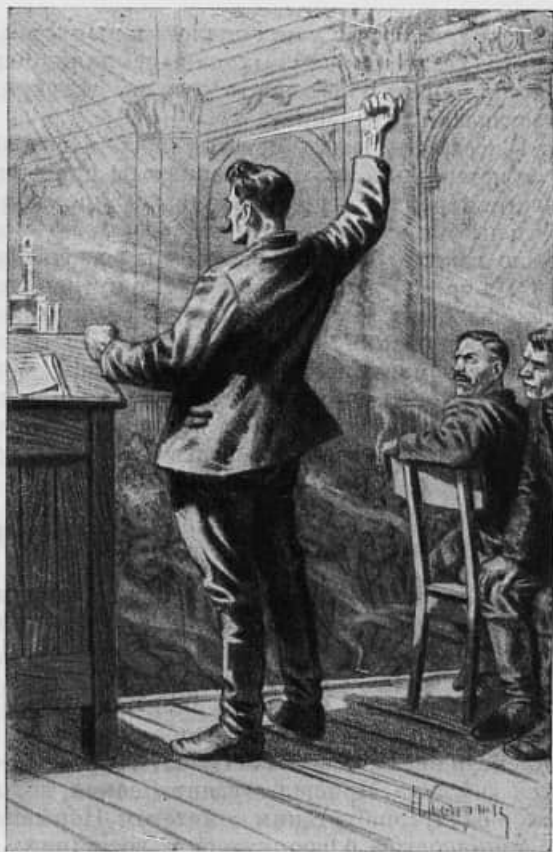
— Вот у меня сабля, так сабля! До самого царя достанет.

Под общий смех парень вытаскивал полосу неименной длины.

В старомеханическую мастерскую к своим товарищам по дружине пришел молодой литейщик Гуляев. Ему тоже хотелось отковать себе хороший нож. Несколько других молодых литейщиков вертелось тут же. Они восторженно смотрели на кипящую кругом работу. У себя в мастерских они делали другое, не менее важное дело — во многих опоках были залиты сегодня оболочки чугунных бомб. Бомбы шли не только для путиловцев: двадцать штук было отлито по заказу дружинников Александровского завода.

29 октября вечером в обширном зале Соляного городка происходило заседание Совета. Триста депутатов расположились на длинных деревянных лавках; по бокам и сзади толпились гости. На высокой эстраде за зеленым столом сидел президиум.

Под давлением рабочих руководители Совета — меньшевики вынуждены были начать с главного вопроса, волновавшего каждого рабочего, — с вопроса о вооружении. Вышел депутат Металлического завода, сообщил, что у них целый день ковали кинжалы и теперь вооружены от мала до велика. Вышел депутат завода «Лесснер», показал сделанную им металлическую плетель, ударил ею о трибуну. Вышел представитель «Сименс и Гальске», рассказал, что на заводе созданы боевые дружины и директору предъявлено требование: вооружить всех рабочих револьверами. Вышел обуховец, назвал число отлитых за день бомб. Вышел фармацевт, протер очки и, близоруко оглядев собрание, заявил, что у них четыреста человек вооружены склянками с серной кислотой. Выступавший за ним депутат Химического

Выступление путиловца в Петербургском Совете в 1905 году. (Рисунок художника Н. Коцаргина.)

завода сказал, что у них кислота измеряется не склянками, а целыми бутылками. Один за другим выходили семянниковцы, речкинцы, рабочие Выборгской стороны рапортовать о своих успехах, и каждый рапорт встречали возгласами одобрения.

Заседание Совета превратилось в своеобразный смотр вооруженных сил петербургского пролетариата, в проверку его мобилизационной готовности. Правда, вооружение было примитивное, главным образом самодельные кинжалы, пики, револьверы, но стремление рабочих выйти в бой было велико. Рабочие рвались к решительному бою с самодержавием.

На трибуну поднялся депутат путиловцев. Слово Путиловского завода должно было звучать сегодня особенно веско. Путиловец сообщил, что день вооружения прошел на заводе блестяще, и в доказательство вытащил из-за голенища отточенный им клинок. Упомянув о боевых дружинах и их походе на Сенную, путиловский депутат в заключение заявил:

— У нас вооружается двенадцать тысяч рабочих. Если они понадобятся — стоит только сказать по телефону.

БОЕВЫЕ ДНИ

С ноября боевая дружина при районном комитете большевиков начала регулярные занятия. До тех пор систематической боевой учебы не велось: не было инструкторов, не хватало оружия. Дружинники несли патрульную службу: сопровождали ораторов, охраняли митинги, вместе с дружиной Совета боролись против черной сотни.

В конце октября в квартире отметчика новомеханической мастерской Александра Гавриловича Буша, в деревне Волынкиной, впервые собралась вся дружина. Пришел студент Леонид, новый организатор дружины, посланный Петербургским комитетом. Порывистый, беспокойный, он говорил с горячностью о вооруженном восстании:

— День, когда придется захватывать правительственные учреждения, банки, вокзалы, строить баррикады, — этот день недалек. Он может наступить внезапно, к нему надо быть готовым.

Леонид говорил, что охранять митинги — дело хотя и важное, но не единственное. Каждому дружиннику необходимо изучить свой район, знать хорошо город. Он должен научиться метко стрелять и вести уличный бой. Пусть в мелких стычках с черносотенцами, с полицией, с казаками дружинники приобретают боевой опыт.

— Восстание пора разжигать!

Слова Леонида воодушевили рабочих. Со следующего же дня началась вербовка новых членов дружины.

Летом, в самом начале создания боевых дружин, к организаторам групп с просьбой «записать» в дружину подходили отдельные большевики. Теперь же с этой просьбой обращались уже многие, в том числе беспартийные рабочие. Термин «записать» был условным: никакой записи не велось, просто из числа желающих отбирали наиболее подходящих.

В лафето-снарядной все пожелавшие войти в дружину собрались и выделили трех десятских. В большинстве случаев и сами десятки, на которые разбивалась дружина, и десятские не были постоянными, а назначались организатором от случая к случаю. Позже они утвердились и стали постоянными.

В ноябре дружина насчитывала около семидесяти человек. Предполагалось в момент восстания развернуть ее до нескольких сотен, и тогда рядовые дружинники должны были принять на себя командование новыми десятками.

Леониду помогали несколько студентов и рабочий Домбровский, назначенный сотником. На курсах Лесгафта незнакомый интеллигент в очках читал путиловским дружинникам лекцию о видах оружия и демонстрировал ружье системы «Франкот» с откидным затвором.

Несколько позже в деревне Волинкиной, в школе, бородатый студент, по кличке Никодим, объяснял дружинникам, как строить баррикады. Он чертил на доске схемы баррикад и разъяснял, как лучше воздвигнуть баррикаду на прямой улице, на кривой, на перекрестке. Особое значение придавал он баррикаде на перекрестке: построенная по диагонали, она давала возможность стрелять одновременно в двух направлениях. Для каждой баррикады непременно требовалось, чтобы сзади ее находился высокий дом, из которого можно было бы обстреливать неприятеля с верхних этажей, и проходной двор недалеко, на случай отступления. На постройку баррикады лектор рекомендовал использовать любые материалы: доски, бревна, кирпичи, ворота, телеграфные столбы, трамваи, телеги — все, что попадет под руку.

Лекции сопровождалась иногда практическими занятиями по топографии. Петр Медведев из новомеханической ходил по деревне Волинкиной, внимательно оглядывая ее — как будто видел впервые. По заданию инструктора из города, он изучал все удобные проходные дворы. Дружинники из лафето-снарядной обследовали шоссе — намечали места постройки баррикад.

На Петергофском шоссе — главной магистрали заставы — решили построить четыре баррикады. Первую — неподалеку от Нарвских ворот, у Балтийской улицы; вторую — между Школьным и Огородным переулками, против Беликовых домов, которые имели дворы, проходные на все четыре стороны; третью — у Богомоловской, боевой стороной к заводу; четвертую — на Ушаковской, неподалеку от полицейского участка, чтобы предотвратить возможность наступления со стороны Екатерингофа. План этот после обсуждения на собрании дружины был принят как окончательный.

Боевые дружины создавались во всех районах. На собрании дружинников всего города, устроенном Петербургским комитетом большевиков, с докладом выступил Эссен — один из организаторов боевой работы в Петербурге. Он говорил о необходимости согласования действий дружин в уличном бою и призывал к более систематической работе. В Нарвском районе занятия все еще проводились от случая к случаю. Иногда дружинники — человек пять-шесть — отправлялись на стрельбу в Полежаев или Поташов лес. Маскируясь под охотников, брали с собой двустволки или дробовики. Стреляли боевыми только из револьверов; для единственного винчестера, подаренного инженером Шоломовичем, патронов не было. Мишени чертили углем или мелом на дереве. Учились поражать цель со всех положений — лежа, стоя, на бегу. Леонид, волнуясь, следил за каждым выстрелом и сердился, если не попадали в цель, а это случалось нередко. К концу ноября большинство дружинников получили револьверы — главным образом браунинги. Но оружия все-таки не хватало. Многие, как и прежде, были вооружены только кинжалами или пиками в пять четвертей длины.

Черносотенцы, узнав о дружине, не раз пытались нападать на дружинников. Однажды десяток путиловца Севастьянова пошел в лес на практику. Едва успели расположиться на лужайке, как из-за кустов открылась стрельба. Стреляли черносотенцы, среди которых путиловцы узнали Сашку Косого. Ввязываться в бой не имело смысла. Дружинникам пришлось уйти в другое место. После этого большевистские дружины повели жестокую борьбу с черной сотней, привлекая к совместным действиям эсеровскую дружину и дружину самообороны меньшевиков. Ввели ночные дежурства. Каждую ночь в течение недели патрули дружинников попарно обходили заставу от Нарвских ворот до Шелкова переуллка. Черносотенцев преследовали, поймав — избивали.

В паровозомеханической, в середине ноября, путиловцы судили своим рабочим судом черносотенца Адриана Васильева. Вслед за этим начались во всех мастерских суды над черносотенцами; некоторых вывозили на тачках. Инженер Пузанов, узнав об этом, самодовольно воскликнул:

— У меня в мастерской таких безобразий, слава богу, не было и не будет.

Не успел он договорить, как в контору к нему ворвалась группа рабочих из пушечной. Пузанова схватили, втащили в цех, посадили в тачку. С мольбой и надеждой он взглянул в открытую дверь своей мастерской. Там шел митинг. Знакомый черносотенец бочком протрусил мимо него и скрылся. Кто-то пошлепал Пузанова по лысине. Он воскликнул:

— Боже мой, что только делается с путиловскими рабочими!

Через пять минут он очутился в самой большой луже посередине двора.

Черносотенцы на заводе затихли. Свои прокламации они распространяли теперь тайно, в то время как революционная литература открыто передавалась из рук в руки. Даже боевые занятия дружин проводились теперь открыто. Десяток Севастьянова по ночам в лафетоснарядной устраивал учебную стрельбу. Подражая большевикам, рабочие-меньшевики из соседней паровозомеханической, Кошкин, братья Кузьмины, также проводили в своем цеху боевые учения. Иногда они приходили на занятия большевистской дружины. Меньшевики спрашивали, зачем они, собственно говоря, продолжают обучаться, если их фракция ограничивает задачу дружин только борьбой с черной сотней, — ведь черную сотню в районе утомили. Рядовые меньшевики-рабочие ответить ничего не могли, но оружие отдавать не хотели.

Разговоры о направлении действий дружин естественно переходили на вопросы о положении внутри РСДРП. И здесь многие рабочие-меньшевики путались, не зная толком, к чему же в конечном счете сводятся теперь разногласия между фракциями. Они шли к своим заводским руководителям — Преклонскому, Серединину, Набокову, и те пугали их дисциплиной, которую требовали и проводили большевики в партии.

Меньшевистские руководители озлобляли молодых, еще не искушенных рабочих, восстанавливали их против Петербургского комитета, обвиняя его в том, что он отталкивает от работы в партии многих интеллигентов. Это было продолжением борьбы вокруг первого параграфа устава партии — борьбы, начатой еще на II съезде. Заводские меньшевики твердо заучили уроки своих учителей, Малкина и Сомова: никакой гегемонии пролетариата, революция буржуазная, и поэтому социал-демократия якобы в интересах революции не должна отгораживаться от буржуазии и отпугивать ее.

Дружинник 1905 года. (Рисунок художника Н. Кочергина.)

В Нарвском районе открылся меньшевистский клуб. По мысли меньшевиков, сеть рабочих клубов, профессиональных союзов и других организаций должна была стать базой будущей широкой рабочей легальной партии. На собрании учредителей клуба выступал один из наиболее видных меньшевистских главарей — Федор Дан. Речь его была полна злобных выпадов по адресу большевиков. Он обвинял большевиков в том, что они стремятся утопить рабочий класс в море крестьянской стихии, причем характеризовал крестьянство как сплошную реакционную массу. Он повторял старые догмы меньшевизма о необходимости поддерживать буржуазию, отмечая, что в этом именно заключается роль рабочего класса в революции.

Рабочие, ведя борьбу против царизма, требовали единства сил партии и все чаще шли за большевиками. Меньшевистские руководители под напором масс вынуждены были пойти на объединение.

Большевики шли на объединение для того, чтобы оторвать от меньшевистских руководителей идущих за ними рабочих, чтобы разоблачить демагогию всяких Данов, Троцких, Мартовых и им подобных, чтобы сплотить вокруг себя весь рабочий класс, стоящий во главе народного движения против царизма.

Лучшие силы большевиков направлялись в районы. В октябре за Нарвской появился «товарищ Никанор». Его знали хорошо — это был Михаил Иванович Калинин, недавно приехавший из ссылки. На первом же собрании, по приезду в Петербург, его спросили, к какой фракции РСДРП он себя причисляет. Калинин ответил:

— Я — большевик.

За пять лет скитаний по России он вырос в крупного партийного работника, хорошо разбирающегося в теории и тактике революционной борьбы. «Иван Петрович» (Борис Лунц) восхищался им, удивляясь его начитанности и знанию марксистской литературы.

— С виду мужичок-серячок, — говорил он, — а ума — палата. «Капитал» читал, с трудами Ленина знаком, историю и философию знает. Он наших интеллигентов за пояс заткнет!

Калинин поступил на завод токарем в старомеханическую мастерскую. Его избрали в районный комитет, и он сразу стал в центре всей Нарвской организации. Калинин обладал замечательным качеством — умением сплачивать вокруг себя людей. Теперь это качество проявлялось с особенной яркостью и в кружке, который он начал вести, и вне кружка, на каждом шагу. Он покорял слушателей глубиной и ясностью своих простых слов. Говоря об аграрной программе с партийным литератором, он понимался до теоретических высот, а в беседах с только что приехавшим в город рабочим поражал его знанием мельчайших подробностей крестьянского хозяйства.

Беседы с Калининым давали многое, вызвали желание больше знать, учиться, лучше работать. Калинин умел остановить внимание на самом главном, существенном. В начале стачки, объявленной Советом с 2 ноября в ответ на готовившуюся расправу с кронштадтскими матросами, дружинники отправились останавливать движение конки. Они задержали конку, высадили публику, отцепили лошадей и опрокинули вагон вместе с городовым, не желавшим вылезать. У Нарвских ворот дружинники перевернули другой вагон, подбросив под колеса петарды, разорвавшиеся с оглушительным треском. На заседании районного комитета

Забастовщики сваливают вагоны конки на Петергофском шоссе.

(Иллюстрация из газет.)

многие большевики восторгались действиями дружинников, предлагали начать опрокидывать конки по всему городу. Калинин терпеливо поглядывал сквозь очки на восторженных ораторов. Когда ему было предоставлено слово, он сказал:

— Полицейских в вагонах кувыркать, конечно, хорошо. Но здесь слишком восторгаются этим. Ну, опрокинули конку, перепугали кондукторов, а дальше что? А по-моему, конки — конками, но главное внимание надо направить на занятия боевых дружин, на стычки с черной сотней и полицией, на то, чтобы добывать оружие. Надо расширять стачку, делать ее всеобщей. Надо сделать так, чтобы кондуктора сами остановили движение во всем городе.

Время было боевое, веселое. Митинги и собрания повсюду созывались совершенно открыто, на глазах у полиции; рабочие собирались в мастерских, и администрация не осмеливалась препятствовать им. Артисты, устраивая концерты в пользу рабочих, пели на мотив «Марсельезы» песню «Во Францию два гренадера из русского плена брели», а иногда, вместе с публикой, — и рабочую «Марсельезу». Книжные лавки и магазины торговали бойко, как никогда. Нелегальные прежде брошюры и книги выходили открыто, боевые заголовки книг, родившихся в революцию, зашестрели на витринах и прилавках. Газеты брали нарасхват, распространялись ноты революционных песен, по рукам ходили сатирические журналы и открытки, которые вызывали взрывы восторженного смеха.

На одной из открыток была изображена «треповская аптека», где вместо пилюль предлагались пули, а вместо наружного лекарства — казацкие плети. Путиловцы смеялись над языком, прибитым гвоздем, — царской свободой слова; смеялись над злыми карикатурами на Николая Романова, Витте, Трепова.

На одной из карикатур был изображен царь, сидящий в полицейском мундире на берегу бушующего моря. Под карикатурой стояло четверостишие:

У синего моря урядник сидит,
А море бушует, шумит и бурлит...
И злоба урядника гложет,
Что моря унять он не может.

Самодержавие не могло успокоить волнующееся народное море никакими средствами. По всей стране гремели громы начинавшегося восстания. Пылали помещичьи усадьбы. Города превращались в республики с единственной властью — властью Совета рабочих депутатов. Вспыхнуло восстание матросов и солдат в Кронштадте. Наконец, пришла весть о восстании более грозном, более мощном и величественном, чем все предшествовавшие: черноморский флот отказался повиноваться властям и поднял красные знамена. Отдельные войсковые части переходили на сторону народа.

14 ноября во всех мастерских Путиловского завода происходили митинги. Рабочие верили, что близится момент решительного боя. Начиная с октябрьской стачки, со дня на день ждали они его. Они надеялись, что теперь, наконец, начнется настоящее дело:

— У нас один выбор — смерть или свобода!

Старый лозунг, в январские дни выражавший отчаяние рабочих масс, теперь становился боевым кличем восстания. Речи большевистских ораторов встречали с воодушевлением. По цехам были пущены две резолюции, которые принимались повсюду. Одна гласила: «Мы, рабочие Путиловского завода, приветствуем революционно-восставших товарищей — севастопольских солдат и матросов. Мы видим в этом важный этап по пути к освобождению России от кровавого самодержавия. Войску принадлежит средство направить русскую революцию по *наименее кроваво-пролитному* пути. Путь этот — единение революционной армии с революционным народом, во главе которого борется пролетариат под знаменем РСДРП. Да здравствуют: Вооруженное восстание! РСДРП! Демократическая республика!»¹

Другая резолюция была посвящена крестьянскому движению. Путиловцы писали:

«Вслед за революционным пролетариатом поднимается и крестьянство. Сотни тысяч крестьян уже вступили в борьбу за землю и волю. Пролетариат — враг всякого угнетения и союзник всех, кто борется за свободу. Он должен протянуть руку восставшему крестьянству, чтобы помочь ему добиться *всей* земли и *полной* воли. Мы, рабочие Путиловского завода, шлем товарищеский привет восставшим крестьянам, а наших братьев пролетариев деревни мы зовем объединиться с нами под знаменем РСДРП, в рядах которой пролетариат города и деревни рука об руку пойдет в борьбу за социализм.»²

На митингах открыто говорили о временном революционном правительстве, которое будет выражать волю всего народа. Призывали к вооружению, к сознательности, организованности и революционной дисциплине. В кузнице, когда собрание уже кончалось, попросил слова один молотобоец. Он предложил закрыть все трактиры и казенки, потому что в такое

¹ «Новая жизнь» № 15, 17 ноября 1905 г.

² Там же.

время не должно быть никакой распушенности. Предложение было единодушно принято. В других мастерских также выносили постановления: не пить три месяца казенного вина и вообще хмельных напитков. У казенок появились пикеты добровольцев. Впрочем, они были излишни: вдруг стало зазорным зайти купить шкалик, выпить рюмку водки.

По мастерским снова начались сборы на оружие. На этот раз путиловцы собрали две с половиной тысячи рублей.

Через день после известия о черноморском восстании районный Совет ночью приказал десятским собрать дружину у Нарвских ворот. Десятские побежали к заставе. Им не нужно было подробно разъяснять, что делать. Каждый хорошо помнил не только адреса дружинников своего десятка, но знал, как к кому пробраться во двор, минуя дворника, кто в какой комнате спит, чтобы постучать в окно, у кого на двери колокольчик, у кого его нет. Через час дружина была в сборе. Каждый с замиранием сердца думал:

— Неужели началось?

Петербургский Совет поручил дружине остановить работу почтамта, где засели штрейкбрехеры, срывающие стачку почтовиков. Дружинники были как будто даже разочарованы:

— А мы думали, что-нибудь поважнее, — говорили они.

Двинулись небольшими группами на виду друг у друга. У почтамта стоял отряд полицейских. Дружинники проникли в здание со двора. Задержали у ворот почтовые фургоны. Упорствующим кучерам грозили булкой, завернутой в газету:

— А бомбы не хочешь?

Под утро расставили пикеты, которые никого не пускали в здание почтамта. На обратном пути разоружили трех городских. Поручение было выполнено.

Петербургские рабочие считали Совет своим штабом. Совет работал открыто. Правительству приходилось терпеть его, считаться с ним. Объявления о заседаниях Совета открыто печатались во всех газетах, десятки корреспондентов приходили на его заседания, на фабриках и заводах депутатам за дни, пропущенные по делам Совета, полностью выплачивался заработок. Газеты по приказу Совета выходили без цензуры. Стачки, назначаемые Советом, захватывали десятки тысяч людей. По первому призыву Совета к восстанию поднялась бы вся масса петербургских рабочих. Рабочие ждали сигнала и верили, что их штаб даст этот сигнал. Но меньшевистские вожаки, захватившие руководство в Совете, не хотели восстания.

Меньшевики считали ненужным ломать рамки существующего строя, вполне удовлетворяясь пределами легальной работы, допускаемой царизмом. Иуда Троцкий, никогда не веривший в силы рабочего класса, всегда предававший дело революции и отличавшийся от прочих меньшевиков лишь трескучей революционной фразеологией, откровенно признавался: «Мы никогда не готовили восстания». Меньшевики делали все, чтобы сорвать восстание. Этим они развязывали руки самодержавному правительству и реакционной буржуазии, которые перешли в наступление на рабочий класс.

В ответ на введенный явочным порядком восьмичасовой рабочий день больше ста тысяч петербургских рабочих было выброшено на улицу. Путиловцы собирали деньги на уволенных семяниковцев и обу-

ховцев, как те в свое время собирали для них. Сами они работали десять часов. Истощенные многодневными забастовками, они не в состоянии были вторично испытывать ужасы недавнего полуторамесячного локаута, а директор Белоножкин заявил категорически: «За восемь часов — расчет». Попутно он уволил две мастерские — лесобделочную и корабельную — за вывоз мастеров на тачках.

3 декабря в здании Вольно-экономического общества полиция арестовала двести пятьдесят депутатов Совета, собравшихся на заседание. В их числе было десять путиловцев. Член исполнительного комитета Полетаев попал в тюрьму.

Вечером весть об аресте Совета облетела заставу. Большевики сразу же повели агитацию за то, чтобы собраться на завтра же, в воскресенье, в мастерских для выбора новых депутатов. Новых депутатов выбирали наспех.

Рабочие новомеханической мастерской избрали своим депутатом Михаила Ивановича Калинина. Собравшиеся выражали уверенность, что новый Совет будет действовать решительнее, чем старый.

Но политическая обстановка теперь была уже иной, чем раньше. Новый состав Совета не имел возможности открыто собираться. Его исполнительный комитет работал нелегально. Вторым исполнительным комитетом руководили также меньшевики.

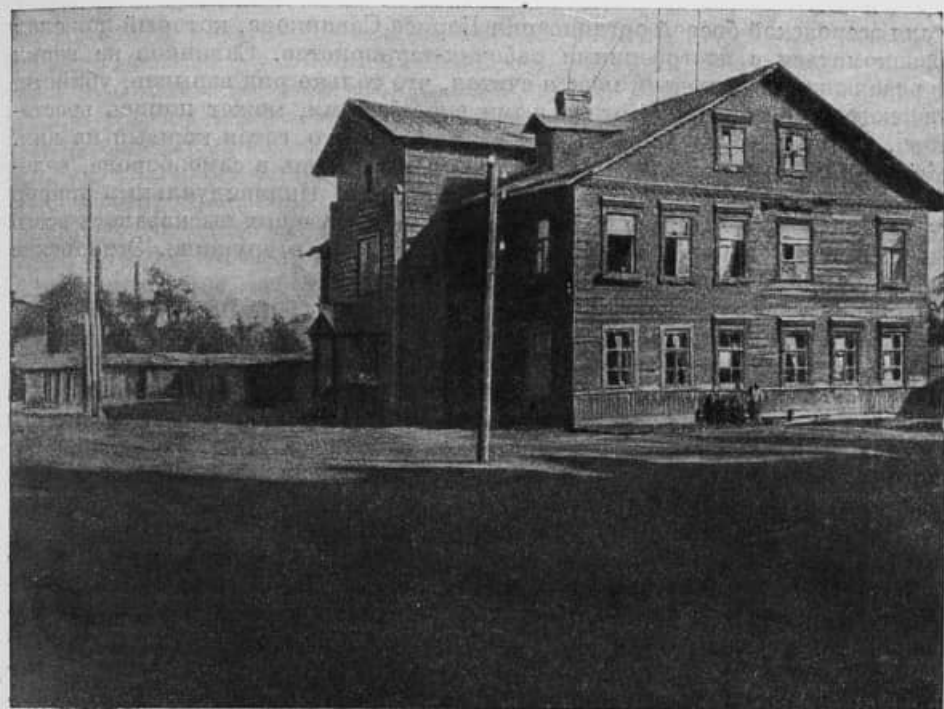
7 декабря в Москве, по постановлению большевистского Московского Совета, началась забастовка, которая через два дня переросла в восстание. Москва опоясалась баррикадами. Ободренные и обрадованные, три дня подряд приходили путиловцы в свои мастерские и, не приступая к работам, на митингах выражали готовность пойти в бой. Но исполнительный комитет Петербургского Совета молчал.

— Не Совет нас призывал к восстанию, а мы призывали его! — заявил впоследствии на суде один из свидетелей по делу Петербургского Совета рабочих депутатов.

Московские рабочие ждали поддержки революционного Петербурга. В то же время московский генерал-губернатор умолял царское правительство о присылке войск: местный гарнизон готов был поднять красные знамена. Две столицы, два пролетарских центра связывала между собой Николаевская железная дорога. По телеграфным проводам вдоль ее прямых путей могла долететь до восставшей Москвы желанная весть о восставшем Петербурге. Но по этим бесконечным рельсам могли мчаться и набитые карателями поезда, чтобы кровью лучших сынов рабочего класса залить московские улицы. Дорога работала. Как ствол ружья, дорога была приставлена к охваченному пламенем сердцу России. Надо было прервать сообщение между Москвой и Петербургом, чтобы не дать царскому правительству перебросить войска в Москву.

Три дня в разных концах Петербурга воля и помыслы рабочих были направлены к одному: разрушить мосты между кровавым Треповым и кровавым Дубасовым. Три дня в нескольких местах Николаевской дороги солдатские патрули видели кравших по насыпи людей, которые прятали под одеждой тяжелую обувь, и три дня подряд трещали выстрелы вслед убегавшим дружинникам. На штыки и пули наткнулись обуховцы у Волховского моста, колпинцы — у моста через Ижору.

В боевом центре Нарвского района было решено — взорвать дорогу. Калинин договорился с местными эсерами: большевики все осуще-

Дом, где жила М. И. Калинин в 1905 году

ствляют своими силами, а эсеры дают динамит. Место взрыва — мост возле города, следующий за Американским; время — ночь с 11 на 12 декабря.

За несколько часов до предполагаемого выступления организатор дружины Леонид собрал в большевистском клубе дружинников. Среди них были беспартийные. Он рассказал о задании и предупредил, что дело опасное: может убить при взрыве, могут захватить враги. Он предложил уйти тем, кто боится за свою жизнь, — никто не сдвинулся с места. Дружина разделилась на три группы. Одна расположилась в большевистском клубе, другая — на Богомоловской у Севастьянова, третья — на Петергофском, в доме № 38, на квартире Михаила Ивановича Калинина.

Калинин занимал небольшую комнатку в семье своего старого товарища Ивана Дмитриевича Иванова. В комнате рядом устроились дружинники. Револютеры, на случай обыска, сложили в самовар. Калинин должен был повести группу на взрыв моста.

Часы шли за часами. Ожидавшие то и дело прислушивались, нет ли гонца от эсеров. Гонца не было. Всю ночь читали Некрасова и Лермонтова. Наконец, начало светать. Стало ясно, что эсеры не выполнили своего обещания...

Боевой дружиной эсеров в Нарвском районе руководил начальник инструментальной мастерской Путиловского завода инженер Рутенберг. Дружина его считалась у эсеров одной из лучших в городе. На заседании дружины, посвященное Московскому восстанию, он привел руководи-

теля эсеровской боевой организации Бориса Савинкова, который пожелал ознакомиться с настроениями рабочих-террористов. Савинков не верил в революционный подъем масс и считал, что только ряд взрывов, убийств, поджогов, совершенных отдельными смельчаками, может помочь восстанию. Он предложил рабочим высказаться: на что готов каждый из них. Большинство заявило, что смогут участвовать лишь в самообороне, человек десять согласилось идти на штурм города. Индивидуальный террор успеха не имел — за него из тридцати присутствующих высказалось всего двое. Многие просили освободить их от участия в дружине. Эсеровские дружинники не знали, что делать, во что верить.

Эсеровские руководители махнули рукой на свою путиловскую дружину. За несколько часов до взрыва они передумали: бомбы и динамит были даны ими представителям железнодорожного союза, а не путиловцам. Взрыв сорвался. Железнодорожники не смогли организовать его, посланные союзом люди едва не были арестованы.

Так и не дождались петербургские рабочие взрыва железнодорожного моста — взрыва, который мог послужить сигналом к началу боевых действий в Петербурге.

Поезд с Семеновским полком прошел в Москву.

На утро 13 декабря, едва прогудел гудок, в широко распахнутые ворота Путиловского завода вступили войска. По бесконечному заводскому двору шагал батальон пехоты; покачивая пиками, ехал отряд казаков, тяжело громыхали по камням пушки. Солдаты окружили мастерские. У часовни, где в октябре гордо развевалось красное знамя, установили полевую трехдюймовую пушку, в свое время сделанную здесь же на Путиловском заводе руками путиловских рабочих.

Обстрел Прохоровской мануфактуры на Пресне. (Рисунок из иностранного журнала.)

На заводе начались повальные обыски. Рабочих партиями выгоняли во двор; обыскав, загоняли обратно. В мастерских взымывали рабочие ящики. Рабочие из окон выбрасывали оружие в снег в глухие проходы между мастерскими, клали в полости станков, известные только специалистам, сдавали крановщикам, которые поднимали опасный груз к самой крыше, в дальние концы мастерской. Подростки, которых обыскивали не так строго, проносили револьверы на улицу.

Когда рабочих выпустили из мастерских, группа молодых парней бросилась на полигон, чтобы против царских пушек выставить свою. Они выкатили орудие, достали снаряды. Но, посоветовавшись, пришли к выводу, что стрельбой можно перебить своих.

Попытки строить на шоссе баррикады немедленно подавлялись. Застава оказалась наполненной войсками. В город не пускали. Воинским властям было хорошо известно стратегическое положение района, и они поспешили перерезать Петергофское шоссе и несколько переулков, изолировать заставу, зажать ее в железные тиски.

Обыски по заставе были повальными. Арестовывали десятками и сотнями. 21 декабря Путиловский завод был закрыт на неопределенное время. На заводах и в рабочих заставах прочно обосновались войска.

1906 ГОД

Завод напоминал брошенную войсками крепость. Густые январские снега засыпали все пути на заводском дворе, улеглись сугробами у стен. От мастерской к мастерской протянулись узкие тропинки. Сгребая снег в кучи, копошились поденщики. Всего сто сорок девять человек числилось на заводе в первые дни нового года. Завод казался вымершим.

В окнах конторы по делам рабочих и служащих вечерами подолгу горел свет. Новый помощник директора инженер Назаров, широкоплечий полный мужчина с надменным лицом, вместе со смотрителем Чачей внимательно просматривал списки личного состава. Из каждой мастерской Назаров вызывал наиболее благонадежных мастеров, отметчиков и двух-трех самых ярых черносотенцев. С их помощью он очищал завод от «беспокойного элемента». Всех замеченных в революционной деятельности заносили в черный список и на их личных карточках делали пометку: «Приему не подлежит». Мастера и черносотенцы при этом сводили личные счета. Рядом с Назаровым сидел полицейский пристав, который записывал фамилии наиболее активных рабочих в большую толстую книгу. Назаров имел достаточный опыт борьбы с «крамолой». Как раз незадолго до этого администрация Мотовилихинского завода предложила Назарову поскорее уезжать: своим поведением он вызвал такую ненависть рабочих, что оставаться ему там было небезопасно.

У путиловских ворот толпились рабочие, изнуренные длительной нуждой. Холода делали ее особенно тяжелой. И все же настроение путиловцев было решительное, боевое. В стране еще шли бои. Пылали Польша, Кавказ, Сибирь, Дальний Восток. Пушки усмирителей не успевали обстрелять баррикады в одном городе, как они возникали в другом. Революция не была разбита. Новый подъем, еще более мощный и организованный, мог начаться в самом ближайшем будущем.

В городе и за заставой происходили массовые обыски и аресты. Явились полицейские и в деревню Волюнкину, к Бушу. Ничего не нашли

у Буша, они ввалились к его соседу, дружиннику Петру Медведеву. Пристав прямо в лицо направил карманный электрический фонарь:

— Револьвер есть?

— Револьвера нет, а вот пулемет есть, — ответил Медведев.

Пристава не поверил своим ушам. Это было неожиданно и обещало головокружительную карьеру. Четверо городских крепко схватили Медведева за руки.

— Где пулемет? — срывающимся голосом спросил пристав.

— А вон, на столе.

Разъяренные полицейские чуть не избили Медведева: на столе лежал первый номер сатирического журнала «Пулемет». Спрятанный в стене револьвер не нашли. Медведев взят не был.

Арестованные чувствовали себя в тюрьме временными пленниками, которых с минуту на минуту могут освободить революционные толпы народа. В камерах горячо обсуждали пережитые события, шли дискуссии большевиков с меньшевиками и эсерами о перспективах революции. Устав от споров, заключенные пели песни. В коломенской части, где сидело много путиловцев, из всех песен особенной популярностью поль-

Бывш. раб. № _____ М. _____

Время расчета	Фамилия	<i>Медведев</i>
	Имя	<i>Сидор</i>
Когда и за какой проступок ограничено право поступления на завод	Отчество	
<i>Свободен 1928 г. за проступок в отношении колхозника</i>	Звание и специальное положение	<i>Машинист-курьер колхозника</i>
Когда разрешено вновь поступить на завод	Лета и продолжит. службы на заводе	
	Общая запись	

Смотритель завода _____

Листок из заводской картотеки «краснольничков»

зовался акафист графу Витте. Кто-нибудь брал за шнурок ботинок и, размахивая им, как кадиллом, козлиным голосом возглашал:

— Радуйся, конституцию вилами на воде написавший, радуйся!

Заклученные покатывались со смеху, а потом дружно и громогласно подхватывали припев.

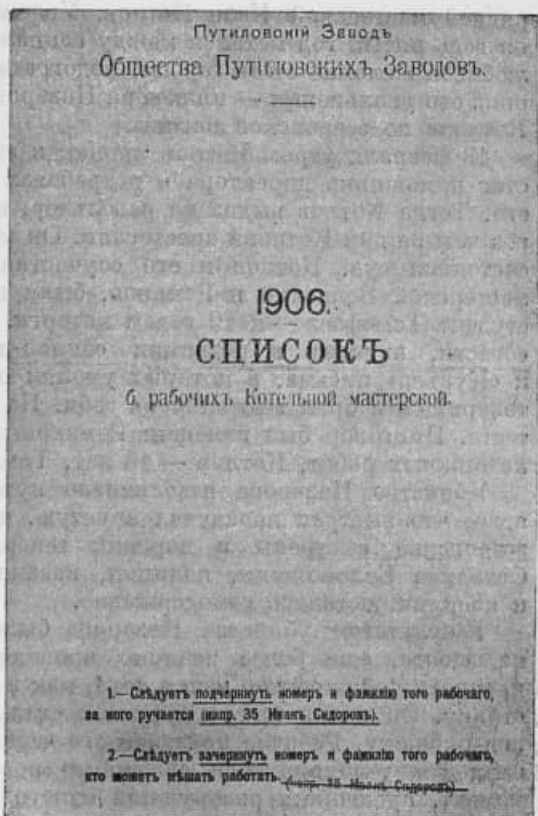
10 января 1906 года, после девятнадцати суток молчания, снова завыл путиловский гудок, и первая партия принятых привычной дорогой потянулась на завод. Прием происходил медленно: 12 января работало 5600 человек, на следующий день — 5780, 16 января — 6600, через два дня — 8650. Фильтровка не кончалась проверкой в конторе. Каждый принятый шел через проходную, как сквозь строй, ошупываемый дюжиной подозрительных глаз: внимательно и строго оглядывал его пристав, бросали быстрые взгляды смотритель и хозяиы, тупо взирали

городовые, единственным глазом исподлобья высматривал свои жертвы Сашка Косой. Далеко не каждый попавший в проходную выходил из нее на заводский двор — многих отсюда отправляли в участок.

В мастерской каждый вновь поступивший путиловец получал отпечатанный в типографии список рабочих своего цеха. От рабочего требовалось фамилии революционеров из списка вычеркнуть, фамилии же тех, за кого ручается как за «благонадежного», подчеркнуть. Список надо было опустить в особый ящик. Но этот провокационный план, придуманный Белоножкиным, потерпел крах. Большинство рабочих или рвали списки, или возвращали, зачеркивая фамилии заядлых черносопцев. Это называли «забаллотировать человека».

В связи с репрессиями заводской администрации у путиловских эсеров созрел план убийства директора и его помощника. Ни на что другое, кроме террористических актов, партия эсеров не была способна. Эсеровский террор был выражением отчаяния и бессилия мелкобуржуазных революционеров, которые не хотели и не могли поднять массы на революционные действия и которые своими авантюристскими выступлениями только мешали революции.

В числе непринятых на завод оказался молодой рабочий лафето-сна-

Список для поручительства о благонадежности

рядной мастерской Иван Котлов. Увлекающийся и неуравновешенный, он весь пятый год метался между социал-демократами и эсерами. Честолюбивое желание стать героем, подогретое личной злобой против виновника его увольнения — инженера Назарова, было использовано друзьями Котлова по эсеровской партии.

13 февраля утром Котлов проник в завод. У котельного цеха он настиг помощника директора и потребовал объяснений. Тот грубо оборвал его. Тогда Котлов выхватил револьвер, выстрелил в упор и убежал. Через четыре дня Котлова арестовали. Он выдал товарищей. В мае над ним состоялся суд. Котлов и его соучастники, рабочие инструментальной мастерской Бельский и Романов, были приговорены к смертной казни, студент Тимофеев — к 10 годам каторги. Котлов, мучимый угрызениями совести, написал в редакции социал-демократических газет «Волна» и «Курьер» письма, в которых умолял общественное мнение спасти его товарищей и брал всю вину на себя. На заводе состоялись митинги протеста. Приговор был изменен: Романов и Бельский получили по 20 лет каторжных работ, Котлов — 15 лет, Тимофеев — 5 лет.

Убийство Назарова взволновало путников. Но скоро всем стало ясно, что выстрел прозвучал впустую, как прогремели впустую другие эсеровские выстрелы в царских генералов, жандармов, охранников. Остались Белоножкин, полиция, казаки, осталась вся система гнета и насилия, осталось самодержавие.

Результатом убийства Назарова была лишь новая волна репрессий на заводе, еще более жестоко проводимых Белоножкиным. Высокий краснолицый директор шел в цеха, как в завоеванную, но не замиренную страну. Он ходил теперь в тонком стальном панцире, который надевал под рубашку. Рабочие прозвали его черепахой. За ним постоянно следовали два телохранителя саженного роста. Однажды, улучив удобный момент, пушечники разоружили одного из телохранителей. Белоножкин не посмел начать расследование этого дела, но продолжал увольнения рабочих.

Большевистская организация во время репрессий лишилась почти всех своих руководителей. Михаил Иванович Калинин в предчувствии ареста уехал в деревню и во-время: через пару дней на его квартиру нагрянула полиция с ордером на обыск и арест. Полетаев сидел в «Крестах», отращивал длинную бороду, чтобы шпики не узнали его на суде. Василий Буянов скрылся. Не так давно Совет рабочих депутатов решил командировать его вместе с двумя другими рабочими за границу для связи с пролетарскими организациями. Но через день после ареста второго Совета, 3 января, у одного из задержанных делегатов были найдены их адреса. Для Буянова началась очередная полоса скитальческой жизни. Организатор района Лунц, за которым усиленно охотилась полиция, был послан на работу в Невский район. Вместо него за Нарвскую заставу пришел новый организатор товарищ Михаил, присланный Петербургским комитетом РСДРП.

Целые дни Михаил проводил в районе. Расспрашивал рабочих о нуждах, настроениях, подбадривал упавших духом. Подходил ко всем просто, по-товарищески, для каждого у него было наготове приветливое слово. Он сумел в короткое время познакомиться со всеми большевиками и со многими меньшевиками-рабочими. Занятый большой партийной работой, Михаил находил время читать, посещать театры, концерты и лекции.

— Нам нужно изучать жизнь со всех сторон, — говорил он. — Недалеко то время, когда мы будем строить новое общество, новую культуру, и тогда знание старой культуры нам пригодится.

Вскоре после своего прихода в район Михаил вызвал на явку в Ушаковскую больницу Александра Гуляева, только что отсидевшего в тюрьме свой срок за ношение оружия и ходившего без работы. Приветливо улыбаясь, Михаил сказал:

— Хотим, брат, тебя начальником целого департамента сделать.

И предложил стать заведующим районным бюро по регистрации безработных. Начиная с декабрьских локаутов количество безработных в городе росло с невиданной быстротой. Городская управа решила организовать в районах особые бюро, чтобы иметь сведения о составе безработных. Гуляев начал отказываться, ссылаясь на неопытность. Михаил вспылил:

— Надо свою штаб-квартиру скорей создавать, а ты тянешь. Ведь меньшевики могут перехватить. Понимаешь?

Вскоре над дверью одного из домов на Правой Тентелевке появилась дощечка с написанными от руки словами: «Бюро регистрации безработных». Три сотрудника — заведующий Александр Гуляев, конторщики Иван Белостоцкий и Кирилл Марков — принялись за дело. Работа была несложной: занести сведения о каждом безработном на особые карточки и в списки; карточки оставить у себя в бюро, а списки передать в городскую управу. Кроме этого официального дела, у бюро было другое, неофициальное. Скоро бюро стало местом явок и небольших собраний большевиков района. Сюда приходили пропагандисты, здесь хранилась литература, здесь проводили перед заседанием объединенного районного комитета предварительные совещания большевиков.

В это время Петербургский комитет РСДРП не был уже полностью большевистским. В него входили и представители меньшевиков. После слияния комитетов слились и кружки в мастерских. Но внутри борьба продолжалась. В лафето-снарядной, новомеханической, пушечной преобладали кружки с большевистским составом, и в районный комитет от них входили большевики; вагонная и паровозомеханическая попрежнему остались за меньшевиками, — большевикам здесь приходилось трудно. Завоевывая большинство в районном комитете, большевики завоевывали существующие кружки и создавали новые.

Тимофей Барановский, бывший активный дружинник и руководитель забастовок в котельной, после увольнения устроился на заводе Тильманса. Михаил поручил ему сколотить там группу. Настойчивый и исполнительный, Барановский после долгих трудов, с помощью других бывших путловцев, организовал большевистскую группу и был избран ею представителем в районный комитет.

На Тентелевском химическом заводе, где преимущественно применялся труд чернорабочих, рабочая масса была отсталая. Скученные в казармах, тентелевцы жили гораздо беднее, грязнее и беспросветнее путловских чернорабочих. Меньшевики считали, что с такой отсталой и, вдобавок, постоянно меняющейся в своем составе массой не стоит связываться. Большевики смотрели на дело по-иному: при помощи вездесущего Михаила удалось сколотить здесь партийную группу из восьми человек. Тентелевцы просили дать им пропагандиста, но обязательно из рабочих, потому что «интеллигенты по-ученому объясняют и трудно их понять».

В кругу большевистского актива начали перебирать подходящие кандидатуры. Выбор остановили на Шуре Буйко — слесаре новомеханической мастерской, скромном и вдумчивом партийном работнике.

— Пора тебе браться за пропаганду, — сказали ему, — у тебя дело пойдет.

Шура быстро подружился со слушателями, приобрел среди них авторитет, а через некоторое время как представитель кружка был введен в члены районного комитета.

Кружок за кружком создавали большевики за Нарвской заставой, одновременно не прекращая работы по вооружению. Регулярно занималась нарвская боевая дружина. Дружинники тренировались в стрельбе, слушали лекции о способах изготовления динамита, изучали топографию и тактику. Они были крепко связаны с «Центральной боевой группой при ЦК и ПК», получали оттуда оружие и руководство. На квартире у отметчика Буша был устроен целый арсенал. В случае выступления можно было вооружить несколько сот рабочих. Руководил дружиной конторщик страховой компании «Надежда» Александр Айсберг. Он и Гуляев были выделены представителями в районный комитет — для связи. Вся боевая работа в городе была теперь строго централизована и законспирирована. Меньшевики, всегда относившиеся к вооруженному восстанию отрицательно, всячески мешали работе дружин, но среди рабочих боевые дружины продолжали пользоваться уважением.

В марте 1906 года в стране происходили выборы в I Государственную думу. Согласно решению Таммерфорской конференции большевики проводили тактику бойкота думы. Большинство рабочих в этом вопросе пошло за ними.

В день выборов, 5 марта, по всем мастерским проходили собрания. Это были легальные собрания, но полиция и администрация сильно беспокоились. Обстановка на собраниях напоминала горячую атмосферу митингов пятого года. Почтительно проведенные в завод, кадетские профессора повсюду терпели поражение. После едких речей нелегально пробравшихся большевиков кадетам не давали говорить. Кто-нибудь включал мотор, и профессор, не привыкший к такой обстановке, сбивался и замолкал. В лафето-снарядной кричали:

— У нас уже есть выборный, да его в тюрьму упрятали.

— Отдайте нам Полетаева, тогда будем с вами разговаривать.

Для семьи своего депутата лафетчики ежемесячно собирали сумму, равную его заработку. И сейчас, во время избирательного собрания, один из большевиков взял шапку и начал обходить товарищей. Повсюду принимали большевистские резолюции об активном бойкоте думы. С пением революционных песен вышли путиловцы из мастерских. Во дворе их ждало необычайное зрелище. Группа рабочих соорудила из тряпок и соломы чучело, одела его в рваную блузу и штаны, повесила на шею дощечку с надписью: «Наш депутат». Этим рабочие подчеркивали свое презрительное отношение к царской витевской думе и избирательному закону, не дававшему им никаких прав. Под хохот и свистки чучело поставили на телегу, привязали, и собравшиеся покатили это сооружение к конторе — вешать и отпевать «депутата». Но там их встретила полиция. С песнями и смехом рабочие направились к воротам. Пять тысяч шестьсот человек — больше половины путиловцев — ушли в этот

ОДИНЪ ИЗЪ ИНЦИДЕНТОВЪ НА ЗАВОДАХЪ.

Работа одной изъ мастерскихъ Путиловскаго завода, собравшихся для избранія уполномоченнаго, выборы выборовъ занялись сооруженіемъ чучела, котораго презвали депутатомъ въ думу.

Изготовление чучела «Наш депутат». (Иллюстрація изъ газеты.)

день с работы. Это была первая забастовка в новом, 1906 году, забастовка чисто политическая.

На всех заводах происходило то же самое. Рабочие фабрики Палл побили рекорд, наделив «депутатскими полномочиями» в думу дворовую собачку Розку. Но были отдельные мастерские и мелкие предприятия, которые согласились на выборы. Даже на Путиловском черносотенцам дня через два удалось собрать несколько десятков темных рабочих и навязать им своих кандидатов. Дмитрий Шibaев, один из подручных Сапки Косого, доносчик и подхалим, став «уполномоченным», получил за усердие от Белоножкина сорок рублей. Большинство путиловцев узнало об этой комедии только из газет.

С апреля начала нарастать новая революционная волна. Поднималось крестьянство, ожидавшее от думы немедленного разрешения вопроса о земле. День 1 мая был отмечен грандиозными забастовками во всех крупных городах страны. Первомайское выступление 1906 года на Путиловском заводе, однако, не состоялось. Исходным пунктом выступления наметили пушечную мастерскую. Но явившись на завод 1 мая, путиловцы увидели: все мастерские оцеплены солдатами — ни войти, ни выйти после гудка невозможно. По улицам заставы курсировал автомобиль с пулеметом.

К работам до десяти часов не приступили нигде. В пушечную для уговоров явился начальник мастерской, кадет Б. П. Федоров. Обходя группы сидевших в тревожном ожидании рабочих, он уверял их, что все остальные мастерские работают и что он по-дружески советует им

сегодня не бастовать: директор грозит расчетом и закрытием мастерской. Мало-помалу пушечники сдались. Угроза директора звучала внушительно. В других мастерских происходило то же самое, только начальники обычно не уговаривали, а ругались и грозили открыто. Лишь новомеханическая к работам так и не приступила, и рабочие ее, прорвавшись сквозь цепи солдат, ушли домой.

Путиловцы были искренно огорчены срывом первомайской забастовки в момент, когда бастовала вся Россия. По собственной инициативе рабочие собирали подписи под письмом в «Волну», где подробно объяснили причины неудачи выступления в день 1 мая и обещали не пятнать больше славного имени путиловских рабочих.

ДАЧА «ВАЗА»

21 мая 1906 года на курсах Лесгафта, помещавшихся по Английскому проспекту, в доме № 32, состоялось собрание социал-демократической организации Нарвского района, посвященное IV (Объединительному) съезду РСДРП, состоявшемуся в Стокгольме.

Семен Марков стоял за председательским столом и, стуча карандашом о стакан, пытался успокоить разбушевавшиеся страсти. Кричали чуть ли не все собравшиеся сразу, кругом топали, свистели, барабанили. Виновик всего этого шума — докладчик об итогах IV съезда партии Федор Дан — стоял неподалеку от Маркова, склонив голову, как бы собираясь бодаться. Сознательно затягивая доклад, он успел изложить только думский и аграрный вопросы. Не пытаясь сдержать свою ненависть к большевикам, Дан в докладе то и дело переходил к прямой ругани, чем и вызвал бурные протесты собрания. Обозленный шумом, размахивая руками и подпрыгивая, он кричал:

— Председатель! Что же вы смотрите? Прекратите безобразие! Успокойте ваших... большевиков!

Марков, застенчивый от природы, чувствовал себя в роли председателя такого бурного собрания особенно неловко. Он напоминал утлое суденышко, ставшее игрушкой волн. Он поворачивался то в одну, то в другую сторону, звонил, стучал и, наконец, беспомощно опустил руки, предоставив стихии бушевать.

Самые горячие слушатели вскочили с мест, готовые ринуться в драку. Какая-то курсистка, маленькая, черная, как галка, подскочив к Маркову и потрясая кулачками, кричала что-то угрожающее.

Со всех сторон требовали слова. Марков окончательно растерялся. Собрание перехлестнуло через его голову, ораторы начали говорить, не спрашивая председателя.

Выступавшие возмущались грубым нарушением партийной демократии. Еще за две недели до собрания докладчиком был приглашен Ленин.

Многие из присутствовавших незадолго до собрания слушали Ленина на митинге в Народном доме графини Паниной, где он выступал под фамилией Карпова. Рабочие тогда устроили ему овацию. С песнями и знаменами, сделанными тут же из кумачовой рубахи, взволнованные, радостные и окрыленные, вышли они на улицу. Каждому было ясно: революция продолжается, она рано или поздно победит. Рабочие верили Ленину, хотели его слушать.

Но меньшевики, испугавшись, что будут разбиты, решили не допустить доклада Ленина. Они заявили, что поскольку на IV съезде победили их взгляды, докладчик должен быть от них.

В воскресенье 21 мая 1906 года, за несколько часов до районного собрания на курсах Лесгафта, меньшевики, несмотря на возражения большевиков, наспех провели свою точку зрения на заседании Нарвского районного комитета. Но районное собрание социал-демократов решило иначе. Рабочие потребовали дать слово Ленину.

С самого начала собрания Ленин сидел в углу аудитории и внимательно слушал, изредка занося что-то в книжку. Когда начался шум, он недовольно поморщился и посмотрел на председателя, но заметив его растерянность, отвернулся. Наконец шум стих, и среди внезапно воцарившейся тишины Ленин быстро прошел к председательскому столу.

Уверенно и спокойно говорил Ленин о позиции большевиков и меньшевиков по основным вопросам революции. Слушателям становилось ясно, насколько непоследовательна и прямо губительна для дела революции позиция меньшевиков.

Возражая Дану, Ленин говорил об опасности конституционных иллюзий меньшевиков и доказывал, что крестьянский вопрос кадетская Государственная дума не разрешит. Аграрный вопрос может быть разрешен только в результате революции. Великие идеи Ленин умел излагать простыми, ясными словами. Речь Ленина захватила слушателей.

Меньшевики безуспешно пытались сгладить впечатление выкриками с мест. Наконец Дан не выдержал. Не дослушав до конца, он подхватил портфель и бросился к выходу, сопровождаемый проницательными замечаниями и смехом.

После собрания путиловские большевики окружили Ленина, заговорили с ним. Марков все время прятался за спины товарищей: ему было стыдно перед Лениным за то, что он так неудачно председательствовал. Открывая собрание, он никак не думал, что эта обязанность, которой он был очень польщен, окажется такой трудной.

Через месяц, 28 июня, социал-демократы Нарвского района собрались, чтобы обсудить доклад о состоявшейся недавно Петербургской межрайонной партийной конференции. Председателем собрания был избран Ленин. Доклад представителя Петербургского комитета вызвал резкие споры. Больше всего задевали наиболее злободневный в то время аграрный вопрос.

Наконец слово взял Ленин. Снова в предельно простых и ясных словах Ленин подробно развил мысли, высказанные им на прошлом собрании, и подчеркнул: союзником пролетариата в революции является многомиллионное крестьянство, и лозунг конфискации помещичьих земель — один из основных лозунгов программы-минимум.

Собрание приняло предложенную Лениным резолюцию, одобряющую решения Петербургской межрайонной партийной конференции.

Семен Марков хорошо усвоил сказанное Лениным на обоих собраниях нарвской организации, и когда ему приходилось теперь спорить с меньшевиками, он старался вспоминать те аргументы, которые приводил Ленин.

Токарь Путиловского завода Марков был членом Нарвского районного комитета. На заводе он работал год, до этого жил в Николаеве и уехал оттуда потому, что после отсидки за большевистскую деятельность

пшики чуть не наступали ему на пятки. На Путиловском заводе Семен Марков организовывал стачки в пушечной мастерской, помогал создавать массовки, участвовал в боевой дружине. Он имел кое-какой опыт работы, читал политические брошюры, но не мог еще самостоятельно разбираться в сложной политической обстановке. Часто в декабрьские дни пятого года, когда события с необычайной быстротой сменяли друг друга и каждый день надо было решать, что делать сегодня, Марков ходил за советами и разъяснениями к руководителю нарвской организации — Михаилу Ивановичу Калинин.

Квартиру, в которой жил Марков, в партийных кругах называли «коммуной Сени Маркова». Поселившись за Нарвской заставой, он сразу же начал перетягивать в Питер своих друзей. К нему приезжали по партийным явкам и знакомые люди. Некоторые из них оседали надолго, другие исчезали, не сказав даже имени. Приезжие, пока находились без работы, жили за счет работающих, а найдя заработок — кормили новых приезжих. В коммуне жили большевики; постоянный состав ее был шесть-семь человек, а с приезжими — до десятка. Ядро коммуны составляли: сам Марков, его брат Кирилл и Иван Белостоцкий. Жили дружно и весело, делясь и куском хлеба и знаниями, полученными из книг и бесед. Иван Белостоцкий обладал на редкость живым характером, часто пел украинские песни и вносил в жизнь коммуны много веселья и юмора. После провала бюро регистрации безработных он устроился на Путиловский завод и быстро завоевал любовь товарищей по мастерской. Он много читал, был развитым и культурным рабочим. В квартире было всегда шумно и оживленно. Дом, стоявший в самом конце Елизаветинской улицы, в конспиративном отношении был расположен удобно — на бойком месте и в то же время далеко от шоссе.

В коммуне часто происходили занятия кружка. Как только занятия начинались, член коммуны по прозвищу «Ваня Седьмой», хороший гармонист, выходил во двор и начинал играть на баяне. Вокруг собиралась толпа. Ваня Седьмой играл «По диким степям Забайкалья», выразительно пел о солдате, пришедшем от павших твердынь Порт-Артура, потом переходил к бодрым и звучным маршам. Играл до тех пор, пока собрание или занятие кружка не заканчивалось. Тогда, убедившись, что его миссия окончена, он, бурно сыграв «Варшавянку», уходил.

В коммуну часто заглядывал организатор района Михаил; появлялись пропагандисты. По вечерам загорались многоголосые споры. Куда идет революция? Поднимет ли она новую волну, которая перехлестнет всеобщую забастовку и разгромленное декабрьское восстание, или же волны революции пойдут на снижение? События показывали, что в равной мере возможен и тот и другой ответ...

В июле 1906 года снова усилилась революционная борьба масс. В ночь на 18 июля в крепости Свеаборг стихийно вспыхнуло восстание матросов и солдат. Рабочие Гельсингфорса немедленно поддержали его забастовкой. Через два дня выступили кронштадтские моряки. Руководство восстанием и в Свеаборге и в Кронштадте быстро перешло в руки социал-демократов. Повсеместно стала разгораться борьба крестьян против помещиков.

Но все эти выступления были разрозненными, недостаточно организованными и частичными. «Не было еще в революции прочного союза

Разгон демонстрации. (Рисунок из иностранного журнала.)

рабочих и крестьян против царизма». ¹ Большинство солдат еще помогало царю подавлять забастовки и восстания рабочих и крестьян. Крестьянство действовало разрозненно. Недостаточно дружно выступал и рабочий класс страны.

Под ударами двинутых правительством войск после трехдневной героической борьбы пал красный Свеаборг. Через день после возникновения было подавлено восстание в Кронштадте.

Царское правительство ответило на восстания жестокой расправой. Каждый день на пустынных островах Финского залива закапывали в землю трупы храбрых матросов. Плетка казака и шашка полицейского господствовали на улицах городов Российской империи. «Чтоб стрельба вверх впредь не имела места!» — приказал командир корпуса жандармов, и этот приказ выполняли неукоснительно. 20 августа появился знаменитый закон о создании военно-полевых судов, дававший неограниченное право озверелым офицерам вешать и ссылая на каторгу любого человека, попавшего в их руки. Премьер-министром был назначен П. А. Столыпин, заслуживший себе всемирную славу палача и вешателя.

Каждую ночь бесшумно проносились по улицам Петербурга черные кареты, увозя новых и новых пленников. На дверях квартир, где помещались рабочие организации, появились красные, как раны, сургучные печати с царским орлом.

¹ История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков), Краткий курс, 1938, стр. 88.

23 июля на ближайшей к Петербургу станции Удельная был арестован почти весь состав Петербургского комитета.

«Коммуна Сени Маркова» не могла остаться незамеченной, тем более, что в нее проникли провокаторы. В один из сентябрьских вечеров полиция нагрянула с обыском. Забрали четырех человек. Семен Марков снова попал за решетку и был освобожден через полтора месяца — за недостатком улик. Обратного на завод его уже не приняли. Марков очутился без работы и без надежды ее получить.

С каждым днем росло число безработных; в одном Нарвском районе их было до пяти тысяч человек. Незадолго до ареста Марков провел на собрании рабочих пушечной мастерской резолюцию о помощи безработным. В ней говорилось: «Покажем, что эти руки умеют добывать не только прибавочную стоимость для капиталистов, но и насущный хлеб для своих товарищей». Во всех мастерских завода рабочие отчисляли на безработных часть заработка, собирали деньги для отдельных товарищей. Совет безработных предоставлял кое-какую поденную работу: вбивать сваи, копать каналы, таскать землю. Токарю Маркову пришлось пройти и через это.

Член Петербургского комитета РСДРП Р. С. Землячка, державшая связь с Нарвским районом, устроила Маркова упаковщиком в книжный магазин большевистского издательства «Вперед». Магазином заведывал В. Д. Бонч-Бруевич. В издательстве был восьмичасовой рабочий день. Марков вечерами имел возможность встречаться с путиловскими товарищами и вести партийную работу в районе.

В партийной организации района дела обстояли далеко не блестяще. Районный комитет в течение сентября и октября не собирался из-за раскольнического и дезорганизаторского поведения меньшевиков. Боясь остаться в меньшинстве, меньшевики под всевозможными предлогами оттягивали очередное заседание комитета, а когда оно было, наконец, созвано, подняли невообразимый шум и покинули заседание. Насущные вопросы — о помощи безработным, о предстоящей реорганизации партии, о процессе Петербургского Совета рабочих депутатов — остались неразрешенными. Объединенный Нарвский районный социал-демократический комитет из-за саботажа меньшевиков очень мало сделал для того, чтобы в дни суда над членами Совета организовать мощный протест путиловских рабочих. Даже резолюция путиловцев о поддержке Совета, собравшая несколько тысяч подписей, была составлена и проведена на рабочих собраниях отдельными большевиками, помимо комитета.

Меньшевики все усугубляли раскол нарвской организации. С ведома меньшевистского Центрального комитета они начали издавать в районе свою фракционную газету «Нарвский голос». По просьбе пятнадцати большевиков, членов районного комитета, Петербургский комитет призвал дезорганизаторов к порядку. Но меньшевики считали для себя решения городского центра не обязательными. Молодым большевикам, оставшимся после ареста членов районного комитета без руководителей, приходилось вести ожесточенные бои против меньшевиков. Они стали теперь часто выступать на партийных собраниях. Даже Семен Марков, ранее стеснявшийся выступать, должен был стать оратором.

Новые задачи стояли перед партией с конца 1906 года. Изменилась обстановка. Открытое выступление с оружием в руках не было уже делом ближайших дней — оно отодвинулось вдаль. После разгона 1 думы

большевики начали деятельно готовиться к новым думским выборам. Пойти во II думу большевики решили для того, чтобы использовать ее как трибуну для пропаганды и политического просвещения масс. Посылая туда «не ходатаев, а борцов», они хотели сплотить вокруг них массы для дальнейшей революционной борьбы. Избирательной кампанией большевиков непосредственно руководил Ленин, живший нелегально под Петербургом, в финской деревне Куоккала. Для связи с Петербургским комитетом и редакциями большевистских газет Ленину нужен был постоянный связист.

В январе 1907 года, в разгар выборов, Землячка, встретив Маркова в столовой Технологического института, где помещалась явка Петербургского комитета, сказала:

— Для вас нашлась более подходящая работа. Вот Вера Рудольфовна, идите к ней, она все расскажет.

Вера Рудольфовна Менжинская объяснила Маркову, в чем будет заключаться его работа, и в конце разговора рассказала, как добраться до места назначения. На следующий день рано утром Семен Марков вышел из дому. Поехав по Финляндской дороге до станции Куоккала, он разыскал в лесу двухэтажную дачу с деревянной вазой на воротах. Дверь была не заперта. В прихожей Маркова встретила Надежда Константиновна Крупская, которую он до этого несколько раз видел в столовой Технологического института.

— Я от Веры Рудольфовны, — сказал он, — мне нужен Иван Иванович.

Через минуту вышел тот, кто скрывался под кличкой Ивана Ивановича. Марков сразу узнал его, хотя на этот раз увидал в другой обстановке.

— Вы ко мне, товарищ? — спросил Ленин.

Марков рассказал, зачем приехал. Владимир Ильич провел его в столовую, где был приготовлен завтрак: кофе, хлеб, кусок голландского сыра, масло. Сели за стол. Белокурая девушка, хлопотавшая возле стола, тоже села со всеми, — как Марков потом узнал, это была финская социал-демократка, приходившая помогать по хозяйству. Завязалась оживленная беседа, во время которой Марков против обыкновения почувствовал себя на редкость непринужденно — как у себя в коммуне.

Вдруг Ленин пристально посмотрел на него и спросил:

— Скажите, это вы были председателем на одном из собраний на курсах Лесгафта, где мне пришлось выступать?

Марков покраснел так, что слезы выступили у него на глазах.

— Да, Владимир Ильич, — смущенно проговорил он, — это я тот самый неудачный председатель, который дал так разгореться фракционным страстям.

Ленин улыбнулся:

— Вы тут не при чем, это в порядке вещей.

За завтраком он с интересом расспрашивал Маркова о том, каково настроение рабочих на заводе, как они относятся к выборам в думу, не шевелятся ли черносотенцы. Вопросы были так просты и конкретны, что Маркову было легко отвечать на них. Ему скоро показалось, будто он рассказал Ленину все, что знал. Но Ленин продолжал спрашивать еще, и Марков, к своему удивлению, убеждался, что у него все время находятся ответы. Он поражался осведомленности Ленина о жизни ра-

бочих районов. Он дал себе обещание еще внимательнее всматриваться в жизнь завода и заставы, чтобы затем обо всем виденном рассказать Ленину.

Беседуя с Марковым, Ленин следил, чтобы он не стеснялся — клал сахару побольше, намазывал масло на хлеб. Допив кофе, Ленин сказал: — Товарищ Сеня, вам придется немного подождать — я скоро закончу свою статью. Да вам все равно надо ждать поезда.

Он прошел в соседнюю комнату, вынес брошюру и протянул ее Маркову. Тот углубился в чтение и не заметил, как прошло время. Когда Ленин появился вновь, в руке его была пачка бумаг. Он рассказал, что нужно отвезти в редакцию, а что передать товарищам, и помог Маркову рассовывать бумаги по карманам его широкого, неуклюжего пальто. Потом дал поручения на следующий день, указал, какие газеты надо ежедневно покупать, и на прощание заметил, что с Финляндского вокзала в редакцию следует ехать на извозчике — это скорее и конспиративнее.

Марков шел на станцию, не чуя под собой ног: приветливость и простота Владимира Ильича глубоко поразили его. Он с негодованием вспоминал, как некоторые меньшевистские интеллигенты, озлобленные безуспешностью своих доводов против большевиков, пытались изобразить Ленина «генералом», «диктатором», который на всех смотрит свысока. Как раз эти же самые интеллигенты и смотрели на рабочих пренебрежительно, по-барски.

Маркову очень хотелось бы рассказать товарищам о своей встрече с Лениным, поделиться с ними радостью и гордостью, переполнявшими его сердце, но он знал, что этого сделать нельзя: это была тайна, и он должен строго хранить ее.

Марков стал ежедневно ездить на дачу «Ваза». Привозил газеты и письма, увозил письма и рукописи статей. Дача «Ваза» была оперативным штабом большевиков. Сюда приезжали днем и ночью — дверь никогда не запиралась. В столовой на ночь ставили кувшин молока и хлеб, а на диване стелили постель, чтобы приехавший ночью мог подкрепиться и лечь спать. На дачу «Ваза» шли вести из всех пунктов страны и Петербурга, отсюда давались директивы и боевые приказы.

Ленин строго следил за соблюдением Марковым всех правил конспирации. Как-то, дав ему немецкий журнал, он объяснил:

— Когда в Белоострове на границе будет проходить чиновник, держите вот так и делайте вид, что сосредоточенно читаете.

Марков очень гордился своей новой работой. Товарищи, встречаясь с ним, спрашивали, что он теперь делает. Он загадочно отвечал:

— Служу.

— А где служишь?

— Ну, много будешь знать, скоро состаришься...

Ленин и Крупская очень заботливо относились к «товарищу Сене». Однажды ему пришлось остаться ночевать. Ленин, несмотря на протесты, сам притащил подушку и одеяло и постелил постель. Крупская, зная застенчивость Сени, время от времени допытывалась, не все ли он издержал деньги, не нужно ли еще.

Скоро Марков стал чувствовать себя на даче «Ваза», как дома. Заходил в комнату Ленина, рылся в книгах и, выбрав доступную своему пониманию, принимался за чтение. Ленин сидел рядом за маленьким столиком и без усталости писал. Иногда Марков обращался к нему с вопросом, возникшим при чтении, или спрашивал, что прочесть еще.

Ленин рекомендовал читать прежде всего о думе и вообще о современном моменте, книжки журнала «Заря», протоколы съезда партии. Давая книгу из своей библиотеки, Владимир Ильич наказывал беречь ее, так как второго экземпляра у него нет.

— Ну, уж если вас арестуют, тогда делать нечего, — говорил он, разводя руками.

Как-то раз Ленин сказал:

— Товарищ Сеня, я давно вас хотел спросить: каким образом вы стали большевиком?

Марков ответил:

— Я стал большевиком после того, как прочел вашу брошюру «К деревенской бедноте».

Ленин рассмеялся:

— Значит, попал в точку?

— Значит, попали, Владимир Ильич.

Занятый поездками к Ленину, Марков реже встречался со старыми товарищами, но пользовался каждым свободным часом, чтобы разузнать, что делается на заводе и в районе. Он часто бывал на различных совещаниях большевиков. Эти совещания устраивались в соседних с Куоккалой дачных поселках. На них всегда бывало много народу. Ленин с интересом расспрашивал рабочих об их жизни, подчеркивая, что такие заводы, как Путиловский, имеют громадное значение для укрепления позиций большевиков: завод большой, кадровых рабочих много, революционные традиции сильны. Он советовал товарищам из Петербургского комитета обратить особое внимание на крупные заводы.

На одном из таких совещаний историк Н. Рожков, считавшийся тогда большевиком, начал объяснять группе рабочих только что входившую в моду философию Оствальда. Марков, ничего не поняв, решил спросить о ней у Ленина. Тот поморщился:

— Это такая неразбериха, что не стоит забивать ею голову, — и прибавил твердо и раздельно:

— У пролетариата одна философия — марксизм.

Рабочим, приезжавшим на совещания в Финляндию, Ленин объяснял непонятное, наталкивал их на новые мысли. Дома, читая свои статьи товарищам, он непременно приглашал Маркова и других рабочих и спрашивал их мнение.

В своих статьях, посвященных выборам в думу, Ленин разоблачал меньшевиков. Меньшевики звали рабочих на избирательное соглашение с кадетами, заявляя, что только таким образом можно не допустить избрания черносотенных кандидатов. На самом деле еще задолго до выборов во II думу черная сотня на заводах Петербурга начала таять. Рабочие хорошо знали об этом. Черносотенцев они заставляли каяться на митингах. Главарей «черной сотни» путиловцы вывозили на тачках и требовали их удаления. Молодые рабочие отнимали у черносотенцев значки и под веселые возгласы расплющивали молотом.

Однажды в помещении районного отделения черносотенного «союза» собралось несколько десятков путиловцев. Ждали видного черносотенного оратора. Он опаздывал. Тогда на трибуну поднялся большевик и начал говорить о рабочих нуждах. Его встретили сочувственно. Следующему оратору, тоже большевику, уже кричали: «Правильно» и аплодировали, а по предложению третьего решили не пускать на собрание

черносотенца, ради которого пришли сюда. Подоспевший пристав с нарядом полиции разогнал собрание.

По рабочей курии выборы в думу были трехстепенными: избиратели выбирали уполномоченных — одного на тысячу, те — выборщиков, а выборщики (совместно с выборщиками от других курий) — депутатов. Путиловскому заводу полагалось избрать одиннадцать уполномоченных. Но директор завода Белоножкин хорошо знал настроение рабочих. Он попытался сократить это число, предложив выбирать отдельно по каждой мастерской. Так как уполномоченный полагался только на полную тысячу, то выходило, что 1900 рабочих в вагонном отделе и 1800 рабочих в паровозном по системе Белоножкина избрали бы вместо трех всего двух уполномоченных. Путиловцы, ссылаясь на закон, отвергли это предложение. Белоножкин предложил тогда, чтобы уполномоченных выбирали не сами рабочие, а их представители — по одному от каждого цеха. Не прошло и это.

Выборы в Петербурге протекали в острой борьбе большевиков с меньшевиками. Меньшевики, крича об опасности победы черносотенцев, требовали установления избирательного блока социал-демократов с кадетами. Ленин, разоблачая меньшевиков, писал: «Черносотенная опасность на голосованиях есть сказка, пущенная в ход кадетами, которые за спиной народа торгуются со Столыпиным».¹ Петербургская конференция РСДРП, собравшаяся в январе 1907 года, в вопросе об избирательной кампании стала на точку зрения большевиков: выступать на выборах в столице самостоятельно. Меньшевики, которых на конференции было 31 человек, демонстративно ушли с конференции и начали торгашество с кадетами. Узнав о раскольническом, изменническом поведении меньшевиков, рабочие возмутились. Эсеры, которые сами тайком сговаривались с кадетами, воспользовались этим и на избирательных собраниях стали резко выступать против всех социал-демократов, нарочито не отделяя позиции большевиков от позиции меньшевиков. Измена меньшевиков была на руку эсерам. Рабочие не успели разобраться, какие именно социал-демократы призывают к блоку с кадетами, и на выборах отдали свои голоса эсерам, чтобы не отдавать их меньшевикам.

На Путиловском заводе из одиннадцати уполномоченных было пять большевиков, остальные шесть — эсеры. В других рабочих районах победа эсеров была более значительной.

Ленин писал по этому поводу:

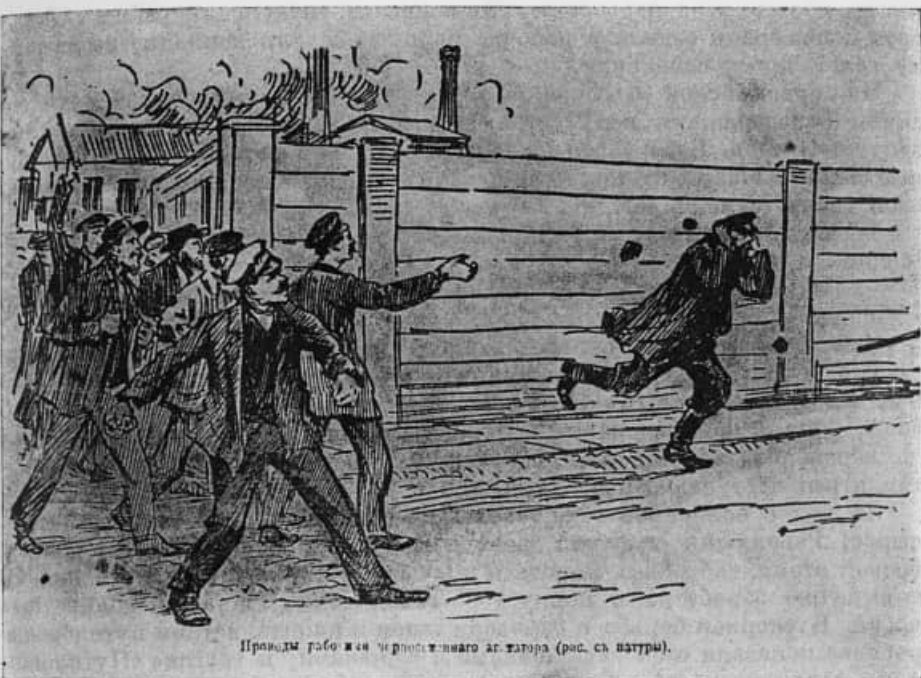
«Разгром меньшевиков на крупных заводах есть первое предостережение, которое пролетарские массы дали шатающимся интеллигентским оппортунистам!

Меньшевики повернули к кадетам, — пролетариат Петербурга отвернулся от меньшевиков.

Эсеры использовали момент раскола в социал-демократии, использовали негодование рабочих против кадетоподобных меньшевиков, использовали бойко и бесцеремонно. В предместьях они громили с.-д. за блок с кадетами (умалчивая о большевиках и о П.К. Р.С.-Д.Р.П.), а в городе они сами торговались с кадетами!..

Для всякого социал-демократа, который дорожит честью и добрым именем пролетарской партии, отсюда может быть только один вывод: беспощадная война с меньшевизмом в Петербурге...

¹ Ленин, Сочинения, т. X, стр. 341.

Приводы рабочих черносотенного агитатора (рис. с натуры).

«Проводы рабочими черносотенного агитатора (рисован с натуры).
(Иллюстрация из газеты.)»

Эсеры отняли у меньшевиков крупнейшие заводы. Мы должны снова отнять их у эсеров...

Крупные заводы должны стать и станут прочной и недосигаемой ни для оппортунистов, ни для революционных мелких буржуа опорой революционной социал-демократии.¹

Несмотря на успех эсеров на первой стадии выборов, работа большевиков обеспечила победу большевистских кандидатов на второй стадии. Депутатом в думу был избран рабочий Охтенского порохового завода — большевик И. Петров.

Социал-демократическая фракция II думы оказалась не на высоте задач, поставленных перед ней рабочим классом. Руководимая меньшевиками, она не использовала думу как трибуну, не стремилась сплотить вокруг себя массы для революционной борьбы. Ленин ставил перед ней задачу: «...усиливать революционную агитацию в массах, бросать шире, развивать яснее наши полные, неурезанные лозунги...»² Он критиковал руководство фракции за то, что оно, вместо того чтобы разоблачать кадетов, плетется в хвосте этой контрреволюционной партии.

В Куоккалу на дачу «Ваза» часто приезжали социал-демократические депутаты думы. Семен Марков слышал резкие отзывы Ленина о работе фракции. Ленин настойчиво и терпеливо разъяснял депутатам-большевикам, в чем состоит задача представителя социал-демократии в парла-

¹ Ленин, Сочинения, т. X, стр. 335—336.

² Там же, т. XI, стр. 65.

менте, подчеркивая первостепенное значение внедумской работы. Депутаты-большевики ездили в рабочие районы, делали доклады, выступали на нелегальных собраниях.

На первомайской массовке 30 апреля 1907 года, устроенной путиловскими большевиками на Шустровском острове возле завода, выступил депутат Петров. Едва успел он начать речь, как раздались оглушительные свистки. Массовку окружили казаки и полицейские. Петров предъявил свой депутатский билет.

— Хорош депутат, в болото забрался, — насмешливо заметил помещик пристава.

— Раз нельзя устраивать собрания открыто, приходится забираться в болото, — ответил Петров.

Чем дальше, тем сильнее давила реакция. Царское правительство готовило государственный переворот. 3 июня 1907 года Столыпин арестовал социал-демократическую фракцию II думы, разогнал II думу, объявил новый избирательный закон. Путиловцы ответили на переворот забастовкой, показавшей, что рабочие еще могут сопротивляться наступающей реакции.

За два с половиной года революции путиловский рабочий гигантски вырос. Революция сплотила двенадцать тысяч рабочих завода в единый боевой отряд, способный бороться и побеждать. Вырванное путиловцами повышение заработка к концу 1905 года — одна из таких конкретных побед. В упорной борьбе с самодержавием и капиталистами путиловские рабочие показали себя зачинщиками и вожаками, и возглас «Путиловцы идут» стал отныне обозначать начало многих крупных выступлений пролетариев Петербурга.

«Пролетариат поднял в те великие дни миллионы трудящихся на борьбу с их угнетателями. Он завоевал себе в несколько месяцев 1905 года такие улучшения, которых рабочие десятки лет тщетно ждали от «начальства». Пролетариат завоевал всему русскому народу, хотя и на короткое время, невиданную на Руси свободу печати, собраний, союзов. Он смел с своей дороги поддельную Булыгинскую Думу, вырвал у царя манифест о конституции и раз-на-всегда сделал невозможным управление Россией без представительных учреждений», ¹ — так оценивал Ленин победы революции. Но задачи, стоявшие перед революцией, не были еще разрешены — не было свергнуто самодержавие. Отсюда вытекало, что новая революция неизбежна. Ленин писал: «...Пролетариат нанес первый удар царскому самодержавию. Для русского народа блеснули первые лучи свободы. Теперь опять восстановлено царское самодержавие, опять царят и правят крепостники, опять повсюду насилия над рабочими и крестьянами, везде азиатское самодурство властей, подлое надругательство над народом. Но тяжелые уроки не пропадут даром. Русский народ не тот, что был до 1905 года. Пролетариат обучил его борьбе. Пролетариат приведет его к победе». ²

¹ Ленин, Сочинения, т. XIV, стр. 369.

² Там же, стр. 373.

ГЛАВА V

1907—1912

ПОКЛОНИСЬ СИЛЕ

Разгон царским правительством II Государственной думы и арест думской социал-демократической фракции положили начало открытой и грубой политической реакции взамен подкрашенной, действовавшей до этого времени. Самодержавие в союзе с буржуазией обрушились на рабочий класс, беспощадно мстя за испуг, перенесенный ими во время революции.

Наступление было политическим ответом на 1905 год.

— Мы вас заставим убедиться, — как бы говорили помещики и капиталисты рабочим, — что стачками и бунтами вы никогда ничего не добьетесь. Царь был и остался. Мы были и остались. Так было и будет. Пострадали только вы. Вы разорились и обнищали. Выкиньте же дурь из головы, смиритесь, поклонитесь силе...

По стране гуляли карательные отряды, свирепствовали полевые суды. Тысячи людей отправляли на каторгу, на виселицы. В каждом поезде, следовавшем в Сибирь, был арестантский вагон с железными решетками. Помещики возвращались в имения, земские начальники в свои канцелярии, заводские администраторы в цеха, откуда в пятом году кое-кто был вывезен на тачке. И в деревнях и на заводах — всюду шла фильтрация, изъятие «беспокойных» людей. Промышленность, особенно металлическая, переживала тяжелую депрессию. Тем беспощадней расправлялись капиталисты с рабочими. Тысячи людей выбрасывали за ворота, обрекали на голодную смерть.

Путиловский завод, всегда живший казенными, артиллерийскими и железнодорожными работами, теперь оставался без заказов. Первые годы после войны и революции государственная казна была пуста.

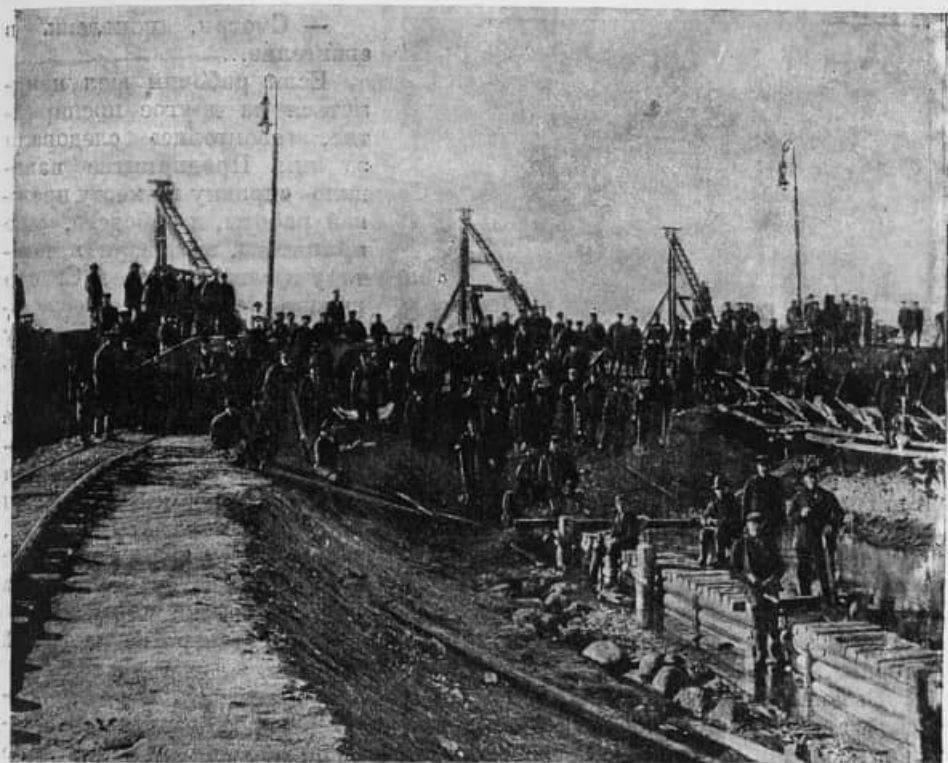
В ожидании лучших времен лафето-снарядная мастерская перешла на производство мельничных поставов и маслобойных аппаратов. Металлургический отдел усилил выработку рыночной инструментальной стали. Котельно-мостовая делала мосты для Китайско-Восточной железной дороги. Судостроительный отдел увеличил производство землечерпалок и золотопромышленных драг. Паровозный отдел, как во время кризиса начала девятисотых годов, выпускал паровозы в запас, с риском не продать их.

По всем отделам завода сумма отпуска изделий упала с 22 миллионов рублей в 1906 году до 18 миллионов в 1907 году и до 20 миллионов в 1908 году. Сумма отпуска изделий упала не больше чем на 19 процентов, но за это время при той же технической вооруженности завода число рабочих было уменьшено с 12 165 человек в июне 1906 года до 6 959 на 1 января 1908 года, то есть на 42 процента, и осталось на этом уровне в течение последующих трех лет. Это означало, что эксплуатация оставшихся на заводе рабочих неизмеримо усилилась. Там, где раньше работала сотня человек, оставалось шестьдесят. Люди на заводе валились с ног от переутомления, за воротами — от голода. К обычной безработице, вызванной некоторым сокращением производства, капиталисты прибавляли необычную, так называемую «политическую» безработицу. Увольняли самых передовых рабочих, обрекая их на нужду и голод. Над оставшимися на заводе висела угроза в любой момент попасть за ворота.

Директор завода Белоножкин впервые предпринял массовые карательные расчеты еще в 1906 году. Но тогда завод еще получал новые заказы и высоко вздымалась революционная волна. Теперь же, при общей депрессии в промышленности, при отсутствии спешки с заказами, а главное при разгроме революции, директор мог провести свой план наступления, целиком совпадавший с общим наступлением реакции.

Начались массовые расчеты и увольнения. Безработный, имевший связи с деревней, уезжал кормиться на родину. Маляры и столяры из вагонного отдела в сезонное время могли найти работу на стройках или у кустарей. Рабочие горячих цехов перебивались на трехдневной работе — администрация хотела сохранить кадры — их не рассчитывали. Хуже всего приходилось безработным слесарям и токарям из механических мастерских. Металлисту некуда было податься. В другое время можно было поступить в ремонтные цеха текстильных фабрик, но сейчас и текстильные фабрики работали вполсилы. Оставалась одна дорога — в порт, на Гутуевку. Чтобы не умереть с голоду, путиловцы шли туда таскать баланс, доски, пересыпать зерно в паровозных трюмах, разгружать английский уголь, финляндский камень.

Квалифицированные токаря, слесаря, лекальщики, разметчики — цвет петербургского пролетариата — с рассветом являлись на обетованный Гутуевский остров, в гавань, надеясь получить работу хотя бы на день. В порту распоряжались наймом стивидоры — штатные надсмотрщики, или, как их называли, штатные взяточники, ибо, не сделав им подношения, нельзя было удержаться на работе. Стивидоры подстегивали грузчиков, подгоняли их, следя за тем, чтобы люди не стояли без дела ни одной секунды. За десять часов хребтовой работы платили 1 рубль

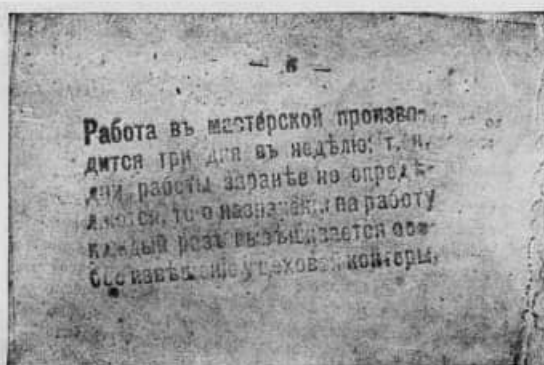
Общественные работы для безработных в порту (1907 год)

20 копеек — 1 рубль 30 копеек. Кто был слаб и не поспевал за лебедкой, того с обеда выпроваживали за ворота. На его место брали одного из сотен людей, ожидавших у причалов порта.

Осенью, с закрытием навигации, прекращалась работа в порту. Оставалось только «чистить орла». Это означало: ходить ежедневно к заводским воротам, на которых был изображен гербовый двуглавый орел, смотреть, не вывешено ли требование на работу, и возвращаться домой ни с чем.

В 1907 году «чистили орла» многие мастерские. В вагонном отделе в июне работало 1455 человек, в декабре — 944, а на 1 января 1908 года осталось 188. Железопрокатная и мартеновская перешли на трехдневную работу. Модельная работала шесть дней в месяц. В лафето-снарядной число рабочих снизилось с 1035 до 314, в пушечной — с 1047 до 690.

Уволенные по сокращению заказов могли записаться в конторе и стать «кандидатами в рабочие». Для них устанавливалась очередь. Вновь поступающий, согласно правилам приема, должен был пройти профессиональное и медицинское испытание. Однако первое и негласное испытание он проходил в том отделении конторы, где хранилась подробная картотека с отметками о поведении рабочих в забастовочные годы. Иной рабочий только после революции догадывался, что означала угроза, когда-то вскользь брошенная мастером:

Штамп в расчетной книжке о трехдневной неделе

ных взглядов, а также все участники инженерного забастовочного комитета были в один прием уволены с завода. К 1907 году весь инженерный состав был профильтрован. На заводе остались или инженеры-монархисты, или те, что плыли всегда по течению. Позже были возвращены на завод некоторые из раскаявшихся радикалов. Кое у кого из них терминология пятого года еще оставалась в памяти. Они говорили рабочим:

— Вы, марксисты, должны понимать, что сила теперь не на вашей стороне...

Бывший либерал сохранил привычку философствовать и разговаривать вежливо, но с рабочими он обходился, как с побежденными, и считал расценки не хуже инженеров-черносотенцев, которые жали рабочего без лишних слов...

— Они нас покатали на тачках, пусть теперь повозят на своей спине, — сказал однажды начальник вагонных мастерских Л. В. Саблин. Он не подозревал, что у трансмиссии притаился рабочий-смазчик, запомнивший эти слова на всю жизнь.

В объявлении Белоножкина о правилах приема на завод был пункт, разрешавший начальникам мастерских принимать без очереди желательных им людей. Этот пункт сводил на-нет все списки «кандидатов в рабочие». Надежней было за сороковку стать земляком дворника с дачи начальника мастерской, чем иметь самый близкий очередной номер в приемной конторе. При помощи дворника рабочий получал возможность поговорить с начальником, добиться от него записки. Кухарка мастера тоже нарушала очередь и набивала цех своими земляками. Церковные старосты протаскивали певчих и хоругвеносцев. Смотритель Чача не мог устоять перед визитными карточками важных особ: карточка совершенно постороннего заводу «действительного статского советника» давала возможность стать на работу.

Безработные ловили мастеров у ворот; поджидали мастера по дороге к Красенькому, если мастер жил у Красенького; перекидывались в сторону Нарвских ворот, если мастер шел туда. Разговор зависел от характера и настроения мастера. Иной отвечал по-человечески, что работы нет; другой даже не отвечал на поклон, отмахивался, как от назойливого.

Иногда, после многих встреч и поклонов ему, мастер говорил:

— Смотри, попадешь в евангелие...

Если рабочий шел наняться на другое предприятие, «евангелие» следовало за ним. Предприятие наводило справку по месту прежней работы, и рабочего, уже принятого, вызывали в контору и давали расчет. Сговор предпринимателей преследовал его повсюду. Такому рабочему оставалось лишь уехать в провинцию.

Более двадцати инженеров народнических и радикаль-

— Приходи.

Рабочий являлся, выдерживал в цеховой конторке опрос: «Где прежде работал, за что уволен», и получал наставление:

— Так помни: петь «Марсельезу» тебе уже не придется...

Сыну рабочего, подростку, начинавшему работать с мальчиков при цеховой конторе, говорили:

— Работай, посмотрим, чему тебя отец учил: «Марсельезу» петь или человеком стать.

У кузнечного мастера А. М. Леонова была записная книжка. Она называлась «Книгой буянов девятьсот пятого года». В эту книгу он «за-водил» рабочих и редко кого «выводил» из нее. Мастер Леонов не мог забыть, что в пятом году он стоял на плите и рабочие его судили за притеснения, за раздачу черносотенной литературы, за то, что однажды во время речи постороннего агитатора он сунул в руки молотобойца револьвер и сказал: «Убей мне этого жида». Молотобоец револьвера не взял и рассказал об этом товарищам. Леонов тогда бегством спасся от тачки и долгое время не показывался в мастерской. Сейчас ему незачем было прятаться. Он ходил животом вперед.

Мастер паровозомеханической в пятом году однажды увидел наклеенную на двери своей квартиры бумажку в форме гроба. Тогда этого было достаточно, чтобы не медля взять долговременный отпуск и уехать в деревню. Сейчас он вернулся и похаживал по цеху, прикидывая — кто бы это мог тогда наклеить бумажку.

Наступление на заработок рабочего еще более усилилось и стало повсеместным. Расценки сильно упали. Работа, за выполнение которой в пятом году рабочий получал два рубля пятьдесят — три рубля, сейчас давала только полтора рубля. Квалифицированные паровозники и меднолитейщики при сокращенной неделе зарабатывали пятнадцать-двадцать рублей в месяц. В тех мастерских, где имелись заказы, администрация, нажимая на сверхурочные работы и систематически снижая расценки, старалась обойтись одной сменой.

Общество фабрикантов и заводчиков наметило меры, направленные к оплате сверхурочных как обычных часов, и предложило своим членам нажать на штрафную политику. Путиловская администрация не нуждалась в этом предложении: рабочих штрафовали направо и налево, штрафовали еще больше, чем до революции. За малейший протест с рабочими жестоко расправлялись. В августе 1907 года сталепрокатчики, угрожая забастовкой, предъявили требование о повышении расценок. Восемь прокатчиков были немедленно уволены, разговоры о забастовке улеглись. Несколько позже, в октябре, забастовали паровозокотельная и механическая мастерские, насчитывавшие свыше тысячи человек. На четвертый день стачки, потеряв нескольких товарищей, уволенных и внесенных в черные списки, рабочие приступили к работам по старым сниженным расценкам.

Директор Белоножкин провел реформу заработной платы. В мае 1908 года он разослал начальникам мастерских циркуляр. Примерная таблица, составленная на основе сложной формулы, приведенной в циркуляре, предусматривала снижение расценок в массовом масштабе и еще более широкое применение сверхурочных работ. Теперь приблизиться к прежнему заработку рабочий мог только ценой непосильного изнурения. Он вынужден был оставаться в мастерских по четырнадцать-шестнадцать

часов. Несмотря на постоянную нехватку рабочей силы, открыть калитки для новых рабочих директор не хотел. Наоборот, под прикрытием полицейской реакции, он старался держать «политическую» безработицу на высоком уровне и перекрывал недостаток в людях сверхурочной работой.

Об этой безмерной сверхурочной работе, истощавшей людей, рассказывает в своем дневнике путиловский литейщик А. Штукатуров:¹

«Пятнадцать часов проработать без отдыха, да не как-нибудь проработать, все бегом, все торопясь — не шутка. Чего только стоило выколотить 50 опок прямо горячие, а на моей обязанности лежало выколачивать больше половинки. Каждая опока не менее 3 пуд., каждую опоку нужно вытряхнуть, поднять, ударить, потом отнести, положить на место, жара, дым, газы — все это так утомит под конец, что того глядишь, что вот-вот голова не выдержит, закружится, шарахнешься на землю. Чтобы этого не случилось, подойдешь к окошку, станешь на ветер и начнешь открытым ртом вдыхать холодный воздух, а пот сквозь рубашку, блузу, штаны прямо течет струями. Не раз шло кровотечение носом по причине сильного переутомления. Но что меня главным образом страшило, так судороги рук. Выколачиваешь, выколачиваешь опоки — вдруг рука отказывается служить, ее начнет как будто выворачивать. Ну, думаю, пропало все дело — паралич; но через некоторое время рука опять начнет действовать и так доканчиваешь работу. Придешь на квартиру, несмотря на сильное желание почитать, выпьешь некоторое количество стаканов чая, да что-нибудь закусишь и валишься на постель (сперва порядочное время у меня не было кровати, а спал я прямо на полу) и засыпаешь сном праведника, но за то встаешь, как нечестивец: руки вспухнут, суставы все ноют, болят, голова точно налита свинцом... но подымаешься и опять все скорее: пьешь чай, закусываешь, умываешься, одеваешься и бежишь на завод, несмотря на то, что время еще, что называется — лепший на кулачки не бился... Около 4 часов [утра] были уже в мастерской, сейчас же принимались за работу и уже до 6 час. [вечера], а в большинстве случаев до 7, беспрерывно жарили, что называется, во все лопатки...»²

Такая система усиленной эксплуатации становилась образцом для капиталистов.

На совещании по делам Невского завода, созванном Государственным банком, политика путиловской администрации была рекомендована и Невскому и другим заводам. Особенно было отмечено, что без «фильтрации рабочих нельзя упорядочить» заводские дела и что Путиловский завод достиг в этом «отличных результатов».

Фронт политического наступления расширялся. Всеми силами пыталась реакция вытравить из сознания рабочих память о пятом годе.

Массовые смертные и каторжные приговоры, ссылки и аресты, разгромы рабочих организаций не могли сломить рабочий класс. Реакция мобилизовала все средства идеологического воздействия: газеты, журналы, литературу, церковь. В пятом-шестом году рабочий-массовик знал боевые рабочие газеты: «Новую жизнь», «Волну», «Вперед», «Эхо». Реакция

¹ Штукатуров А. А. — рабочий чугунолитейной мастерской. Убит на фронте 16 декабря 1915 года.

² Н. Рыбников. Автобиографии рабочих и их изучение, М. — Л., 1930, стр 77—78.

уничтожила эти большевистские газеты. На завод начали прокладывать себе дорогу «Копейка» и «Петербургский листок».

Эти газеты не выставляли открыто монархических лозунгов: это было невыгодно для тиража. Свою реакционную политическую роль они выполняли тем, что уводили читателя от политики. Страницы их заполняли происшествия: грабежи, убийства, самоубийства в одиночку, самоубийства вдвоем, втроем, мошенничества, трупы в чемоданах, похищения детей, свадьбы в княжеских домах, банкротства, бега, скачки, юбилеи. Политические вопросы газета смазывала: Столыпин в Государственной думе, например, произносит знаменитую фразу «Не запугаете», провозглашая начало политики военно-полевых судов и виселиц, а «Петербургский листок» пишет о речи в нескольких словах, зато подробно изображает, как министр был одет, поздоровел ли он после отдыха, в какую сторону протянул руку, когда говорил речь, на кого посмотрел.

В пятом году, когда рабочий класс шел во главе революции, в газете печатались романы, где в числе героев выступали рабочие. Дочь графа влюбляется в путиловского слесаря-террориста. Он почти приводит ее к гибели, но затем у графской дочери открываются глаза, и она, раскаявшаяся, возвращается к родителям. В годы реакции мода на рабочего прошла. Романисты отставили его из героев, и даже репортеры не ездили на окраины в поисках экзотики. Все, что касалось рабочего, было как бы отголоском революции, воспоминанием, которое газеты глушили. Путиловский завод упоминался лишь в биржевых бюллетенях, где отмечались цены путиловской акции, а о самих рабочих упоминалось только в хронике происшествий.

Широко открылась дорога на завод сыщицкой литературе. Годы реакции — время расцвета литературы о Пинкертонах, Никах Картерах. За один 1908 год в Петербурге было издано более десяти миллионов экземпляров тонких книжонок в грубо раскрашенных обложках с заглавиями: «Пещера Лейхтвейса», «Графиня-нищая», «Рука мстителя», «Лига любви» и т. п. Такую книжку за несколько копеек можно было за заставой купить у каждого газетчика. Эта литература, как яд, проникала в головы молодых рабочих, развращая неустойчивых, захватывая их уголовной романтикой.

По воскресеньям в старой путиловской церкви устраивали чтения с волшебным фонарем: «Купец Иголкин и его подвиг», «О бережливости», «Об Алексее, божьем человеке» и др. Приезжие проповедники обличали баптистов, чуриковцев и прочих конкурентов казенного православного мракобесия. В кирпичном доме напротив завода была устроена «обещальня», где специально нанятый поп брал с пьющих рабочих зарок не пить вино столько-то месяцев или лет. Иногда приезжал из города хорошо одетый господин и объяснял причины начавшейся в 1907—1908 годах дороговизны. Цены на товары поднимались по всей линии. Ситец вздорожал на копейку. Почему? «Потому, — говорил лектор, — что хозяева в Лодзи и в Иванове должны платить рабочим дороже, чем прежде». Керосин вздорожал на полкопейки фунт. Почему? «В Баку были беспорядки, и промышленники потерпели убытки». Вывод: отказаться от борьбы; рабочие ничего не добьются бунтами и забастовками, но зато трезвостью и бережливостью каждый может улучшить свое положение.

На лекции ходили немногие, но и они слушали лектора с недоверием: они знали, что хлеб вздорожал на полкопейки, заработки же упали на многие рубли, и даже по старой цене хлеба для семьи вдоволь не купить.

Настоятель новой путиловской церкви, священник Н. М. Павский, распространял среди своих прихожан брошюру дьякона Смолина, в которой о причинах забастовок было написано следующее: «Вот приступает к кому-либо из вас человек и говорит: «Товарищ, давай забастуем и добьемся этим себе материального улучшения». Ты ему и скажи: «Иди от меня, искушитель, в евангелии нигде не говорится о том, что должно насильем добывать свой хлеб...» Знаете, кто был первый забастовщик? Это дьявол... Этот первый забастовщик во все времена соблазнял людей к разным забастовкам. Бойтесь же быть свергнутыми с земли в преисподнюю к прародителю забастовки. Что говорил в нагорной проповеди Иисус Христос? Блаженны нищие, блаженны плачущие, кроткие, но никогда не говорил господь, что блаженны забастовавшие, блаженны революционеры, демократы и тому подобная компания».

Пятый год учил рабочих безбожию. На живых примерах показывал он попов-вешателей, попов-провокаторов, попов-проповедников мракобесия и убавил число икон в рабочих квартирах. Резче обнажилась тесная связь церкви с черной сотней и с полицейскими властями. Все это ускорило отход от церкви многих рабочих. Часто рабочие вступали в гражданский брак, не ходили на исповедь и к причастию.

Словно переживая, когда кончится бой, новая каменная путиловская церковь всю революцию простояла в лесах.

В 1907 году зазвонили ее колокола, как бы возвещая о том, что «смутное время» прошло.

Путиловская церковь, по мысли учредителей, должна была стать делом самих рабочих. Вычеты из заработка — две копейки с рубля — хотя и считались официально добровольными, фактически были принудительными. Администрация завода надеялась, что эти вычеты, став с течением времени привычными, вызовут у верующих хозяйские чувства к церкви. Но эти чувства, появившиеся у стариков, были больно задеты в самый день открытия церкви. Рабочих пустили на открытие только в боковые приделы, а ближе к алтарю, в передних рядах, стояло начальство из города, начальство заводское, купечество, домовладельцы и все, имеющие чин и положение. Большинство же верующих рабочих попало только за ограду.

Прочно сработанный, путиловский храм представлял собой типичный образец казенного церковного зодчества. В городе среди пятиэтажных домов он потерялся бы, но здесь он подавлял всю окрестность. За Нарвской заставой не было теперь здания более заметного, чем путиловская церковь. В будние дни жизнь размерялась гудками, по воскресеньям и в праздники — колоколами. Вечерами зарево мартена падало на красные церковные стены, горело в цветных окнах...

Церковь протянула нити к иконостасам в цехах, — там около каждой иконы была своя группа. Часто такая группа включала в себя весь цеховой черносотенный актив. Образной староста собирал деньги на масло для неутошенных лампад, на яблоки к спасову дню. Образным старостой в пушечной мастерской был Дальгрин, тот самый, которого после 9 января возили к царю. Такому в гривеннике на масло не откажешь — вылетит с завода.

На дворе между котельными стояла часовня. На фронте ее была надпись: «Бдите и молитесь». Революция пятого года по-своему использовала ступени часовни — они стали трибуной, откуда гремело револю-

Путиловская церковь возвышалась над всей заставой

ционное слово, и надпись на часовне не замечалась. Она словно затуманилась, поблекла, исчезла... Все крупные выступления в дни революции начинались с собраний около часовни. Сейчас революционное слово проносилось тише, в глубоком подполье, и надпись снова выступила рельефно.

Церковь развила широкую деятельность. Около нее создались группы хоругвеносцев, певчих, жертвователей. Церковь была тесно связана с путиловским отделом «Союза русского народа». Черная сотня пополнялась главным образом из горячих мастерских — мартеновской, прокатки, но отдельные группы черносотенцев имелись и в передовых холодных мастерских — пушечной, лафето-снарядной. В партиях (бригадах) горячих цехов нередко работали земляки-однодеревенцы; они находились в двойной зависимости от своих стариков — и по деревне, и по работе. Если такой старик записывался в черную сотню, за ним тянулись земляки. Большую часть завербованных составляли именно те, которые оружия не имели, на собрания не ходили, а за «конька» держались для того, чтобы не вылететь с завода.

Черносотенец инженер Пузанов говорил рабочим:

— Хочешь у меня работать — возьми конька...

«Конек» — металлический значок — Георгий победоносец на коне, убивающий дракона. «Взять конька» — значило записаться в черносотенный «союз». Но по заводу не было в обычае ходить с «коньком» на груди. Вот, когда черносотенца потянут в проходную или задержат пьяным на улице, он вынимает из кармана «конька».

«Конек» путал очередь, установленную директором для вновь принимаемых. Путиловский отдел черносотенного «союза» продвигал своих людей не только на свой завод, но и на завод Тильманса и на Тентелевский химический. «Конек» был лучшей рекомендацией при поступлении на работу.

При вербовке в «союз» большое значение имело напоминание о летнем локaute 1905 года:

— Помнишь, как ты два месяца сидел без работы?

— Помню.

— Если не хочешь опять без работы сидеть, пипись к нам, возьми конька...

Боевые годы черносотенства уже прошли. Сашка Половнев сыграл свою роль и после участия в убийстве из-за угла депутата думы Герценштейна уже не работал на заводе. Но черносотенный «союз» продолжал существовать, сохраняя полную готовность вновь заняться погромами, как только поднимется волна рабочего движения. Пока же работа черносотенцев сводилась к слежке за революционными рабочими, к доносам, пропаганде православия и самодержавия.

Все силы черной реакции — от царя до полицейского, от капиталиста до черносотенца — были брошены на то, чтобы уничтожить следы пронесшегося над страной революционного урагана. Наступление царизма и капиталистов шло по всем линиям, наступление последовательное, жестокое и беспощадное. Спасаясь от расправы, многие путиловцы бежали из Петербурга, покидали годами насиженные места. Царские ищейки гонялись за ними повсюду и, поймав, отдавали на растерзание палачам.

Путиловский рабочий Н. Сафронов уехал на родину в Псков и поселился в Александровской слободе у своих родителей. Сам преследуемый, он дал приют «лесным братьям» — латышским революционерам, скрывавшимся от карательных отрядов. 14 июля 1907 года дом Сафроновых оцепила полиция и, не пытаясь зайти в квартиру, начала стрелять в окна и двери. Издали за «боевыми действиями» полиции наблюдал псковский вице-губернатор, барон Медем. По его знаку полицеймейстер приказал облить дом керосином и сжечь всех живьем.

Из пламени с оружием в руках выбежали «лесные братья», чтобы пробиться через полицейскую цепь и уйти в лес. Их всех сразил град пуль. Руководитель латвийских батраков товарищ Лось был тяжело ранен. Из огня выскочил еще один «лесной брат». Полицейские изрубили его пашками. Обгоревшая мать Сафронова выбежала из пламени, натолкнулась на пули и пашки и повалилась на трупы. Сафронов попытался скрыться от убийц через двор, но его поймали. Полицеймейстер приказал: уничтожить. Его тут же зарубили. Два латыша сгорели живьем. Товарища Лосю, полуживого, истекающего кровью, повесили на ближайшем дереве.

После пожара полиция разбросала дымящиеся бревна, чтобы убедиться, все ли обитатели дома уничтожены.

Над всей страной простерлась окровавленная рука палача. Тысячи трупов качались на виселицах, воздвигнутых Столыпиным. Самодержавие в союзе с буржуазией пыталось поставить на колени весь русский народ, заставить его поклониться силе плети, штыка, пули и виселицы.

ПАРФУТ

Городовой Парфут всю жизнь простоял на перекрестках Нарвской заставы, меняя лишь посты — с угла Химического на угол Огородного и далее. Он встал на пост в тот год, когда умер Путилов, и мимо него пронесли гроб с покойником для погребения на взморье. Он салютовал покойнику, став перед ним во фронт, а через двадцать семь лет салютовал ему еще раз, когда тот же гроб перенесли в подземелье вновь отстроенной церкви. За двадцать семь лет, прошедших между двумя этими салютами, Парфут успел изучить каждого, кто ходил по улицам. Он козырял навтыяжку, козырял небрежно, кивал головой, подмигивал, кричал. По праздникам он обходил домовладельцев и лавочников своего околотка. Лавочники помельче здоровались с ним за руку, другие высылали рубль с прислугой. Парфут не обижался. Он был нижний чин и знал свое место.

Путиловским рабочим он не козырял и не подмигивал и соприкасался с ними чаще всего в участке. Пьяных он приволакивал отовсюду: из кабаков, из канав, с кулачных боев, с кладбища в день поминовения усопших, из дома терпимости, который открылся вблизи Нарвских ворот. У Парфута была своя система укрощать пьяных и арестованных — поддыхало, без следов. Народ, по его наблюдениям, стал мельче — слесаря, токаря, модельщики не шли в сравнение с прежними прокатчиками: достаточно было одного-другого удара, чтобы они запомнили навеки его систему. Несколько раз за все эти годы Парфут был бит в порядке ответа: вечером несколько человек налетали, набивали морду и исчезали. Рапортуя • происшедшем начальству, он сообщал, что, защищаясь, обнажал оружие и, повидимому, нанес нападавшим раны. На самом деле оружия он не применял, опасаясь на улице пользоваться шапкой и револьвером. Если на лице у него после побоища не оставалось синяков, он совсем умалчивал о происшествии, приблизительно зная, кто были нападающие, и предпочитал как следует разделиться с ними при встрече в участке.

За выслугу лет Парфут получил несколько медалей. Они блестели на его груди поверх черной шинели. Он постарел и приобрел все признаки старого городского: обветренное лицо, красный нос, седые усы с подусниками, важность осанки, неторопливость. Он имел жену и взрослого сына, дома нянчил внуков, но, становясь на пост, признавал только официальность, и если заставские ребята, обращаясь к нему, называли его дедушкой, он поправлял их:

— Я не дедушка, а городской.

Впервые оружие понадобилось Парфуту в 1905 году. В октябре, перед манифестом, подошел к Парфуту незнакомый, бросил в лицо горсть порошка, схватился рукой за его кобуру и крикнул:

— Сдавай оружие!

Парфут чихнул, оттолкнул от себя нападавшего и удивленно спросил:

— Ты что — в уме?

Нападавший, не видя действия порошка, тоже растерялся, и тогда Парфут перешел в наступление — отскочил на три шага, довольно молодежато выхватил из ножен шашку и поднял над головой, показывая, что будет рубить. Нападавший отступил и скрылся, а Парфут, очень обеспокоенный, спрятал шашку в ножны и проверил револьвер, ожидая дальнейшего.

От дальнейшего Парфут пришел в отчаяние. Редкое дежурство проходило гладко. В Парфута бросали камнями, налетали на него толпами, рисовали гроб на дверях его квартиры, открыто говорили, что его время кончилось. Дело доходило до того, что городовые дежурили не в одиночку, а по-двое, спинами друг к другу, настороженно держа руку на рукоятке револьвера. В район нагнали казаков. Казачьи пики день и ночь маячили на шоссе. Парфут ходил на обыски в квартирах, на разгром демонстраций, на оцепление массовок. Он тонул в грязи Шустрова острова, прятался за деревьями Поташова поля, подбирался в лодке к островам за Емельяновкой. Однажды ему пришлось нести в участок неразорвавшуюся бомбу, в другой раз ему камнем расшибли голову. При таких обстоятельствах Парфут вспомнил, что ему пора в отставку, но до полной выслуги оставалось еще несколько лет, и пришлось ждать. Пристав не советовал ему уходить, обещая, что «катавасия» скоро кончится.

У рабочих появились палки, с виду безобидные, но Парфут знал, что внутри палок заделаны пики и кинжалы. За годы стояния на постах Парфут знал в лицо всех заставских, всякий незаставский был ему виден, особенно — если это был переодетый студент. Можно было бы кликнуть казачий разъезд, показать на студента или на парня с фальшивой палкой — их избили бы или арестовали. Но поступать так открыто Парфут боялся: казаки, сделав свое дело, уедут, а Парфуту с семьей надо жить среди рабочих. Парфут посматривал и молчал.

Многие полицейские сделали в тот год карьеру. Они находили оружие, литературу, врывались в дома, стреляли в людей. Конные полицейские в погоне за рабочими въезжали на конях в коридоры домов и получали за свою лихость благодарность в приказе. Парфут ничего этого не умел. Он был стар, ему оставалось только козырять начальству и избивать рабочих в участке.

В этом году в участках чаще всего находились политики — трезвый народ, который не шумел, но вел себя так, точно Парфут и сам пристав были для них презреннейшие люди. Политики не отвечали на вопросы, рвали на глазах пристава найденные при них бумаги, при избиении протестовали и даже пели «Марсельезу», что для Парфута было уже святотатством. Парфут не любил «Марсельезу». Она для него сопровождала все страхи пятого года. Она выживала его из района. Там, где была «Марсельеза», Парфуту не оставалось места.

Парфут не ушел в отставку и дождался времени, когда «катавасия» кончилась. Он считал, что она кончилась навсегда и что иначе не могло быть: глупые люди побунтовали, сейчас самим горько.

Как в старое время, он спокойно стоял на посту, уверенный, что никто в него не выстрелит, не ударит камнем, не засыплет глаза порошком. Все эти дела кончились. Даже казаки сняты с постоянных дежурств. В районе много билетиюков на окнах, извещающих о сдающихся в наем комнатах, и мало людей, нуждающихся в них.

Парфуту известно, кто куда идет: с работы, на работу, в баню, в церковь, на базар, в трактир, на лужок к орляникам. Он по походке может определить: кто работает полную неделю, кто — половину и кто — со-

всем без работы. Почти нет незнакомых, подозрительных людей, которые торопились бы неведомо куда.

Но Парфут пристально следил за всяким случайным человеком и давал знать о нем самому приставу. Однажды, в апреле 1907 года, он заметил молодого дружинника, одного из тех, кого в пятом году видел с оружием. Парфут принял благосклонный вид и даже ласково улыбнулся парню. Он узнал его: отца этого боевика убили «союзники»-черносотенцы, — знать, и яблоко недалеко от яблони упало. Парфут доложил об этом помощнику пристава Маркову. Боевика схватили и утащили в полицейский участок, избили до потери сознания и в бесчувственном состоянии увезли в коломенскую часть. Боевик потом пошел на каторгу.

Парфут попрежнему невозмутимо стоял на посту.

Жизнь, открывавшаяся Парфуту, снова была ему понятна и проста. В назначенные часы гудели колокола. Кабаков прибавилось. У казенки Парфут мог наблюдать знакомую картину: перед дверью человек считает медяки, входит внутрь, выходит с бутылкой, вышибает пробку, отворачивается, пьет; снова входит внутрь, сдает посуду, возвращается и уже тогда закусывает, купив огурец или яйцо у какой-нибудь из торговек, которые сидят с шайками и лотками напротив казенки. На лотках нет ни яблок, ни конфет. Конфеты сейчас роскошь не только для путильовских рабочих. Спрос на них сократился по всему городу. Конфетная фабрика у Нарвских ворот распустила половину рабочих. Семейному рабочему сейчас впору думать только о хлебе.

Вот у трактира стоит оборванец. Еще недавно Парфут знал его как толкового токаря, сейчас он ходит по кабакам и ждет, чтобы ему налили стопку. Шпик сидит в чайной у окна и смотрит на противоположную сторону — на дверь книжного магазина. Недолго ему сидеть — хозяева прогорают, освобождают магазин. Еврей-часовщик идет на прием в участок, несет взятку за «право жительства» в столице. Инженерская жена на извозчике возвращается из города, как из-за границы. Дважды в день проезжает коляска кабатчика Богомолова — везут детей в гимназию и из гимназии. Женщины понесли в город узы: в уздах солдатское белье, — берут шить на подмогу семье по три копейки с рубахи на своих нитках. Мальчик, сын рабочего, возвращается из города с пустыми птичьими клетками. Он тоже помогает семье: носит на базар синичек, снегирей, чечеток — сердобольные женщины за гривеник выпускают их на волю. В обеденные часы у калитки дома, где живет мастер, появляются безработные — справиться насчет приема. Мастер подходит, рабочие снимают шапки. Все в порядке.

И однако прежней спокойной жизни для Парфута не получалось. Появились хулиганы. Хулиганы не прежние, всем известные, которые получки у рабочего не отнимут, но на бутылку потребуют, — хулиганы новые, оголтелые, с подкалыванием и раздеванием. Парфуту приходится жить с ними в мире: «Ты меня не тронь, я тебя не трону». Много беспокойства причиняет холера, которая то утихает совсем, то вдруг поднимается в городе до нескольких сот заболеваний в день. Проезжают санитарные кареты. В окно видны позеленевшие лица. На улицах расклеены плакаты: «Не пейте сырой воды». Парфут относится к плакатам с недоверием, подозревает подвох. Участились самоубийства: прежде, если такое событие случалось, о нем помнили несколько лет, — сейчас перестали обращать внимание.

Пьют теперь больше, чем прежде, с болью, с воспоминаниями. Очень много возни с пьяными. А если тряхнуть как следует иногда и такого, у которого в кармане «конек», он дает сдачи или начинает ругаться и угрожать:

— Пятый год забыл, что ли? Смотри, вернется такое время...

С пьяного спрашивать нечего — он проспится, сам пожалеет, но это значит, что из его памяти не вычеркнут боевой тысяча девятьсот пятый год.

И еще беспокойнее делается Парфуту, когда в сумерки с пустырей доносится свист: свистят «Марсельезу» — не забыли. Часто гоняют на пожары: домовладельцы сами жгут свои дома ради страховки — дома из-за малолюдства дают мало дохода. При пожарах случаются странные вещи: дом горит, может быть подожженный самим хозяином, и вдруг начинается пальба, реутся патроны, — кто-то хранил их под обшивкой. Пожарные растаскивают головешки, находят в погребах оружие. Оружие ржавое и неизвестно чье. Но есть люди, которые его хранят.

ЧИСТКА

Для всех нестойких и колеблющихся реакция сыграла роль партийной чистки. Эта чистка проходила в полном молчании: не требовалось рассказывать свою биографию, и некому было ее слушать — не было ни комиссий, ни председателей, ни собраний. Надо было всего-навсего ответить самому себе на вопрос: «Что для тебя революция и что ты для нее? Хочешь ли ты продолжать борьбу за нелегальную партию и за подготовку второй революции?» Тот, кто не мог утвердительно ответить на этот вопрос, отпадал от партии, как желтый лист падает с дерева.

И каждый новый удар, выхватывавший людей из большевистских партийных организаций, вызывал новый отход паникеров, кричавших о безнадежности борьбы. Только тот, кто до конца не терял веры в революцию, веры в несокрушимую силу рабочего класса, — только тот остался в рядах большевиков. Много мертвых листьев упало с дерева партии, но ее жизнеспособные ветки и могучий ствол, уходящий корнями в толщу рабочего класса, уцелели.

Среди интеллигентских попутчиков революции процент «вычищенных» был самым большим. В пятом и шестом году в Нарвский район на пропаганду ходили десятки студентов и курсисток, и убыль в людях немедленно восполнялась свежими силами. К концу 1907 года в районе было три-четыре пропагандиста, и убыль уже не восполнялась. Многие из бывших пропагандистов попали в тюрьму и ссылку, но еще большее число их отошло от большевистской партии.

Студент по кличке «Василий Иванович» в пятом году довольно долго держался в районе. По специальности он был естествовед. В революцию университета он не посещал, а занимался исключительно политическими науками, ходил в район на кружки. В заработке не нуждался: отец, провинциальный врач, присылал ему по двадцать пять рублей в месяц. Василий Иванович был добросовестен, унывал, что мало знает, считал себя неподготовленным. Дома у него на столе лежал «Аграрный вопрос» или другая толстая книга, и он спешно подучивался, читая книги

с карандашом и тетрадкой. От арестов он ушел. Он был осторожен — в район в студенческой форме никогда не являлся, особых примет не имел, волосы стриг.

На кружке рабочих удивляло, что он обо всех партиях — и об эсерах, и о большевиках, и о кадетях — говорил одинаково бесстрастно — «они»: «Они требуют социализации, они требуют конфискации, они требуют выкупа». Его спросили:

— Это все о н и требуют... А вы сами чего требуете?

Он удивился вопросу:

— Чего же я могу требовать? Ведь я не рабочий и не крестьянин. Я подхожу с теоретической стороны. Мне интересно: кто в конце концов окажется прав?

Рабочие почувствовали, что у этого «защитника» рабочего класса между теорией и практикой есть неувязка. В другой раз его спросили, долго ли еще ждать, когда наступит социализм.

Он махнул рукой:

— Долго! Даже в Германии, при ее развитом капитализме и хорошо организованной социал-демократической партии, до социализма может быть пройдет много десятков лет, а у нас и после Германии надо ждать еще столько же.

Он привел причины нескорого осуществления социализма, и казалось, чем больше было этих причин, тем было ему приятнее.

В 1906 году студент Василий Иванович уехал на каникулы и больше в район не вернулся. Он разделил судьбу всех попутчиков революции из промежуточного слоя и легко перекинулся на другую сторону. Ренегатствующие литераторы с поспешностью, проистекавшей от нечистой совести, выдвинули различные реакционные теории: символизм, мистический анархизм, проблему добра и зла, проблему пола. Все истины марксизма, усвоенные Василием Ивановичем за время революции, остались в его тетрадках, которые он отложил теперь далеко в сторону. Чтобы оправдать свой отход от революции, он успокаивал себя модными ренегатскими теориями, будто никакой революции вообще не было, а был случайный бунт, всенародное помешательство.

Однажды его встретил на улице знакомый рабочий, бывший на нелегальном положении. Василий Иванович пригласил его к себе, хотя и без особого радушия. С первых же слов он заявил своему гостю, что уже давно не работает ни в каких организациях.

— Почему? — спросил гость.

Студент, поморщившись, ответил, что он по специальности естествовед, и раз университет открыт, надо заниматься — на посторонние дела нет времени. А потом, чтобы покончить разом, высказался яснее:

— Да и какой смысл во всем этом? Разве вам неизвестно, что революция кончилась? Зарезали революцию...

— Кто ее зарезал?

— Сами революционеры зарезали. Грызлись, грызлись и догрызлись. Не революция была, а осиное гнездо.

Потом увидел, что гостю этот тон неприятен, переменял разговор. Книжки на его этажерке были о чем угодно, только не о революции: университетские учебники, а из посторонних — «Половой вопрос» Фореля, «Пол и характер» Вейнингера. В книжках были подчеркнутые места, заметки на полях, листки с конспектами. Среди книг была одна, которая

называлась: «Факелы, сборник мистического анархизма». Гость перелистал эту книгу. Язык был мудреный, но среди путаных фраз он наткнулся на одну довольно ясную: «Мы созерцатели. Жест деспота и вопль народа для нас одинаковый объект созерцания».

— Неужели?

Василий Иванович уклонился от ответа. Он тяготился спорами. Всякий спор как бы возвращал его в другой мир, с которым он хотел забыть. Он накормил своего гостя, постлал ему постель. Но гость чувствовал, что перед ним всего лишь вежливый человек, который не станет выгонять человека на мороз. Оба понимали, что эта встреча была последней.

На иной лад отошел от большевистской организации инженер Цейтлин («Елисей»), бывший активный работник. Он был толст, деловит, носил золотые очки, чистое платье. Городовые за заставой ему козыряли. Он считал, что безопаснее всего собирать партийных работников в обеденный перерыв, когда рабочие расходились по домам и можно было наскоро сойтись у кого-нибудь на квартире. Ему говорили:

— Что ты всегда в обед? Мы есть хотим.

— Я вам добуду обед. Только соберитесь.

Приходил с коньяком, с сосисками. Говорил:

— Соединим приятное с полезным...

С наступлением реакции «Елисей» перестал бывать в районе, отошел от организации. Его отход от революции ускорило то, что, получив наследство, он сам стал хозяином предприятия. Он попросту объявил организатору района:

— Деньги давать буду, работать — не буду.

Жил он в центре города, на Бассейной, в аристократическом доме, просил, чтобы из района, если когда-либо понадобится помощь, к нему ходила Анюта Иванова, работница «Треугольника» — у нее вид курсистки, швейцар не обратит внимания...

Он помогал деньгами, давал безработным записки к знакомым инженерам, чтобы они устроили их на работу; у него можно было в крайнем случае переночевать. Большевики иногда пользовались его услугами, хотя и считали его теперь посторонним человеком для партии. Меньшевики же таких «доброжелателей» считали членами партии.

Фрезеровщик Иван Конюхов, бывший боевик, также ушел из партии, но другим путем. После роспуска боевых дружин он объявил себя анархистом, подобрал группу отчаявшихся безработных и занялся грабежами. Анархизм их был простейший: «Надо уничтожить все, открыть новую жизнь. Кто посильнее — будет жить, кто послабее — умрет».

— А ты сам из каких будешь, посильнее или послабее? — спрашивали у Конюхова.

— Я, конечно, посильнее, у меня браунинг.

Все эти анархисты и максималисты выродились в банду грабителей, лишенных каких бы то ни было связей с массой. Дело свелось к обычным грабегам и трате награбленных денег.

У себя за заставой Конюхов жил тихо, грабить выезжал в провинциальные города. Впоследствии в Поташовом лесу был найден труп одного из участников группы, убитого по подозрению в предательстве. Вся группа была арестована. Конюхов на допросах выдал товарищей, но все-таки пошел на каторгу.

Литейщик Александр Гуляев в революции пятого года был также участником боевой дружины. Когда боевые дружины распустили, он забросил работу, отошел от партии.

— Теперь уж ничего другого нельзя делать, как только индивидуально повышать свой уровень, — говорил он.

Гуляев стал готовиться в учителя. Его настойчиво и долго пытались удержать в организации, доказывая, что просветительством нельзя заменить революционную борьбу. Товарищи считали его человеком, преданным интересам рабочего класса, втягивали его в работу, но Гуляев, напуганный реакцией, все дальше отходил от партии, пока, наконец, окончательно не порвал с ней.

Обрекая рабочего на голод, выгоняя его с завода, посылая на каторгу и виселицу, реакция десятками способов затрудняла борьбу, внося некоторую растерянность в ряды рабочего класса. Но свести его с путей революции не могла. Многое было не ясно в изменившейся обстановке. Для прежних методов открытой борьбы в данный момент не было места, новые методы работы нащупывались с трудом. Только самые крепкие не переоценивали сил реакции, не вели разговоров о безуспешности борьбы: «Нас мало, что мы можем?»

Однако подавленность, наблюдавшаяся в первый год реакции в некоторых слоях рабочего класса, носила совсем иной характер, чем у интеллигенции. Там было бегство от борьбы и желание развенчать революцию. Сознательный же рабочий твердо знал, что победит только вместе со своим классом и со своей партией. Мысли рабочих были попрежнему направлены на борьбу, а революция пятого года, когда они оглядывались назад, была лучшей и святой порой, впервые ярким светом осветившей их будущее.

ШУРА БУЙКО

Летом 1907 года был уволен из механической мастерской слесарь Александр Михайлович Буйко. Обычно увольнение объявляли через цеховое начальство, но его увольнение было обставлено по-особому. Его вызвали в проходную, тут же выдали деньги и увольнительную бумажку и попросили немедленно удалиться. Такой «почет» в отношении безобидного парня, у которого только начинала прорастать борода, казался странным, тем более что Шура работал на заводе с мальчиков. Следовало бы удивиться, огорчиться, попросить объяснения причин расчета. Но Шура взял деньги и поторопился уйти. Через полицию ему было объявлено о высылке из Петербурга. Шура перебрался в Лигово и перешел на нелегальное положение. В эти-то дни в той же механической мастерской мастер Н. М. Гайдаш сказал сторожу Михаилу Буйко:

— Глуп твой сын. По его способностям мог бы мастером быть, а начал студента корчить — все погубил...

Подростком Шура Буйко видел, как молотобоец Дмитрий Скляр разбил сапогом икону. Единственный среди угловых жильцов, он не испугался святотатства, а постарался объяснить, почему разъяренный Скляр разбил икону. Несколько позже Обуховская оборона, получившая отклик и за Нарвской заставой, впервые заставила его подумать о политической борьбе. В 1903 году он попал на занятия социал-демократического кружка. Руководитель кружка спросил его:

— Знаешь ли ты, какая судьба тебя ждет? Пока самодержавие не свергнуто, революционному рабочему, кроме тюрьмы, ссылки и безработицы нечего ждать.

Шура ответил, что другого пути ему нет.

Тогда среди рабочих был в ходу взгляд:

— Научись раньше молоток в руках держать, а уж потом будешь рассуждать.

Два года посещал Шура вечерние технические классы при заводе, которые давали также и небольшое общее образование. При четырехчасовых занятиях после длинного рабочего дня почти не оставалось времени на чтение, и если впоследствии он обогнал по развитию многих из своих бывших руководителей, — это было завоевано бессонными ночами и большими природными способностями. Революция пятого года окончательно сформировала классовое сознание Буйко. Проверять на нем доходчивость своих лекций пропагандисты уже не могли. Если лекция доходила до Шуры, это еще не значило, что ее поймут и рядовые рабочие. Пропагандистка «Дина» — И. И. Иоффе — схватилась за голову, услышав, что ее разъяснения Шуре непонятны:

— Каким же языком я говорю, если даже и Шура меня не понимает!

После увольнения с завода Шура Буйко стал профессионалом-революционером, или, как тогда говорили, «интеллигентом».

То же, что с Шурой, происходило со многими молодыми рабочими. Это был слой, подготовленный первой революцией — отличной школой политических наук, приучившей к размаху, до тех пор небывалому. Став членом Петербургского комитета РСДРП, Шура Буйко налаживал связь с группами членов партии, разбросанными по всем заводам. В первые месяцы 1907 года путиловская партийная организация была еще многочисленна: в получку с одного пушечного подрайона собирали сорок рублей партийных взносов. К осени в организации осталось меньше ста человек. Сумма партийных взносов к концу года сократилась настолько, что секретарь районного комитета «Соня» — Мария Степановна Савинская — перестала сдавать деньги в Петербургский комитет, — их едва хватало на нужды районной организации.

Профессионал-революционер отдавал партийной работе все свое время. Он кочевал из района в район, в дневное время встречался с рабочими ночной смены, по вечерам — с теми, кто работал в дневной. Организаторы районов собирали людей и готовили квартиры для этих встреч. Профессионал был бездомен, ночевал — где придется, питался — когда придется, много ходил пешком. Он обычно получал из партийной кассы «диету» в тридцать — тридцать пять рублей ежемесячно. Но «диету» выплачивали рублями и пятерками, на разъезды денег не хватало. Много усилий уходило на конспирацию. Каждая встреча с рабочими, каждое собрание районного или Петербургского комитета большевиков требовали сложных подготовительных мер: явок, проверок, окольных маршрутов. Часы приходилось тратить на то, чтобы уйти от шпионов. Профессионал развивал в себе умение быть незаметным, ходить не оглядываясь, быстро разбираться в людях и ситуациях и угадывать опасность по малейшим признакам.

Для большевиков время было трудное. Безработица рассеивала партийные кадры; охранка преследовала их, насаждала провокаторов в партийные организации; ликвидаторы и отзовисты разлагали партию.

панутри. Меньшевики-ликвидаторы, приспособляясь к столыпинскому режиму, боролись против нелегальных партийных организаций, призывали сосредоточить всю работу вокруг просветительных обществ и профессиональных союзов.

Большевики повели ожесточенную борьбу с ликвидаторством — агентурой буржуазии в рядах рабочего класса. У ликвидаторов в Нарвском районе были свои бойкие ораторы. На массовки приходили, кроме них, и меньшевистские литераторы — Череванин, Ладыженский и другие. Отбивать нападения ликвидаторов приходилось самим рабочим. Выступая однажды на массовке против Ладыженского, Шура Буйко сказал:

— Какая цена вашей легальности? Вы даже выругать нас легально не можете. Чтобы изругать подполье, вам самим пришлось собраться подпольно. Легально ругаться вам позволят только тогда, когда вы окончательно станете столыпинцами.

После дискуссий ликвидаторы предлагали свои резолюции. В практике Шуры не было случая, чтобы где-либо рабочая аудитория приняла резолюцию о роспуске нелегальной партии. В пятом году разница между большевиками и меньшевиками многим рабочим была не совсем ясна. В годы реакции, когда меньшевики распоясались и с откровенной злобой ренегатов заговорили о подполье, начисто отрицая необходимость борьбы за революцию, рабочие яснее разглядели их линию, враждебную делу рабочего класса.

Каждый вечер после собрания и беготни по районам Шура должен был думать о ночлеге. Чаще всего он ночевал в той же квартире, где происходило собрание. Рабочие рано ложились, и если разговор затягивался, можно было, не стесняясь, сказать хозяину:

— Сегодня разговору было двадцать часов. Давай — отдохнем, поспим...

Но бывало, что он застревал в центре, и тогда приходилось искать ночлега у знакомых из интеллигенции. От старого времени сохранилось несколько знакомых инженеров, врачей, учителей, которые не отказывались помочь подпольщику и принимали его приветливо. Перед сном обычно происходил длинный разговор: хозяин ценит самоотверженность Шуры, но деятельность его представляется ему беспцельной.

— К чему все это? — говорил хозяин, уложив Шуру в постель. — Вы бегаєте, не доедаете, не досыпаете. Вам даже негде постирать белье. Когда-нибудь вас арестуют. Рабочие, которые вас слушают, также понесут жертвы, а победить все равно невозможно...

— Почему невозможно? — спрашивал Шура. — В пятом-то году рабочий класс показал свою силу. Разве эта сила теперь потеряна?

— Пятый год! — махал рукой хозяин. — Пятый год — стечение случайных обстоятельств, паника в правительстве, которой уже теперь не будет, стихийное движение, которое научились усмирять...

Хозяин повторял приблизительно то, что Шура читал во всех либеральных газетах: партии нет, с ней не считаются, она бессильна. Спор, если он длился, кончался резкостями, и ночевка превращалась в милость врага.

Иногда, чтобы избежать таких разговоров, Шура предпочитал ходить всю ночь по улицам или пойти в дешевую гостиницу. Гостиницы эти существовали тем, что пускали проституток и их клиентов, и к паспортам относились поверхностно и даже не всегда их спрашивали. В этих же

гостиницах часто происходили самоубийства. Так как Шура являлся один, его подозревали в намерении покончить с собой. Ночью коридорный не раз подходил к его двери, прислушивался, окликал Шуру. Шура, не понимая причин его настойчивости, тревожился и сердился. Нет, кончать с собой он не собирался.

За долгие месяцы бездомной жизни у Шуры сложилась привычка мысленно писать письма, статьи, листовки. Он старался думать о людях, о работе, чтобы не задремать на ходу или заснуть, присев на скамейку. Спящим его легче всего могла захватить полиция. В одну из весенних белых ночей, бродя по улицам Петербурга, Шура Буйко мысленно писал письмо товарищу — Иде Иоффе, бывшей руководительнице одного из путиловских кружков. Ида была больна туберкулезом, родные увезли ее в Швейцарию. Продолжая интересоваться работой в районе, она переписывалась с Шурой.

Первоначально Буйко намеревался писать обстоятельно, подробно, по возможности, картинно. В часы долгих ночных блужданий он сочинил длинное письмо, чтобы Ида Иоффе могла представить себе все трудности обстановки, весь ужас рабочей жизни, все величие борьбы большевистской партии.

«Помните, товарищ Ида, когда вы впервые пришли к нам за Нарвскую заставу, — так начинал свое письмо Шура, — еще горели костры революции, еще слышалась пальба на баррикадах, рабочие батальоны один за другим вступали в борьбу. Тогда вы были профессиональным революционером и, проходя по Петербургу, всюду видели признаки борьбы, вещественные доказательства несокрушимой рабочей воли.

Теперь я — ваш ученик — сам стал профессионалом-революционером. Я живу на партийной «диете», я хожу по ночному и дневному Петербургу и вижу забитые досками проходные ворота, вижу вещественные доказательства поражения революции.

Помните, товарищ Ида, как в октябрьские дни 1905 года, по инициативе нашей организации, путиловцы потребовали у своих хозяев построить родильный дом и читальню. И мы добились тогда этого — администрация стала строить здания. Теперь они выстроены, но пользуясь тем, что рабочие ослаблены, революция задушена, хозяева держат эти помещения на замке — они пустуют. В читальне есть даже шкафы для книг, но самих книг нет и, должно быть, не будет. Хозяйская свора нагло «разъясняет», что теперь рабочему не до книг, — быть бы живу и на работе. Они считают свою победу окончательной, издеваются над рабочими.

И все же в самом себе, в моих товарищах, в моей партии я ощущаю несокрушимость революции.

Однако по порядку. Что же происходит у нас в настоящем?

Это, прежде всего, нужда. Не та нужда, в которой вечно жил рабочий, — другая, необычайно острая и тяжкая, словно десятилетия нужды сразу обрушились на истощенный борьбою рабочий класс.

По привычке профессионала-революционера я пристально вглядываюсь в рабочую жизнь. Я вам без прикрас опишу то, что видел, все подробности, которые потрясли даже меня, выросшего в угловой квартире, среди голых ребятишек на холодном полу, среди грязи и невежества.

Я видел, как голодная мать совала ребенку пустую грудь. Я не разбираюсь в возрасте маленьких детей — может быть, ему было две недели, а может быть, и три месяца. Это крошечное живое существо отказывалось брать материнскую грудь. Ребенок уже привык к тому, что грудь пуста.

А мать, молчаливая, наклонилась к нему. Скупые слезы стояли у нее в глазах.

Ходил я не раз к Нарвскому отделу «Прямой помощи» — учреждению, созданному благотворительностью сытых бездельников. Видел, как однажды тысячная толпа мужчин, женщин и детей, оборванных, истощенных, опухших от голода, плакала навзрыд. В этот день закрывали отдел — помощи больше нигде не поступало. А раньше сотни семей пробавлялись исключительно десятикопеечными пайками, выдаваемыми «Прямой помощью» — куском хлеба, иногда кусочком мяса или сала, чаще картошкой. Безработные заполнили Петергофское шоссе. Сотни из них живут на Горячем поле, на том самом поле, где мы не раз устраивали собрания, и среди этих бездомных и голодающих людей появилось немало отчаявшихся, бросающихся на разные способы индивидуальной борьбы. Домовладельцы, чтобы скорее выбросить безработных из квартир, вынимают оконные рамы, двери, и домишки зияют черными впадинами, как пустые глазницы черепа.

Безработные женщины на улицах вечерами робко и с отчаянием предлагают свое тело. Матери продают старших дочерей сластолюбцам-богачам, чтобы спасти остальных детей. Я сам слышал, как одна женщина говорила:

— Пускай старшая пропадает, зато остальные живы будут.

На приеме «Прямой помощи» за Нарвской заставой

Мы произвели среди рабочих специальный сбор пожертвований для безработных женщин. Ни на что путиловцы не отдавали так охотно свои кровные копейки. И хотя сумма была небольшая, моральное значение сбора было велико.

Оборванные, бездомные, полуголодные ребятишки из-за Нарвской бродят стайками по базарам, воруют снедь с лотков у торговки и из корзинок у хозяек. Хозяйки запасаются теперь корзинками с крытым верхом.

Люди умирают на улице от голода и холеры. Только в самое последнее время хозяева города, испугавшись холерной эпидемии, устроили общественные работы. Но и это больше для отвода глаз, чем действительная помощь. Общество потребителей выбросило громадное количество порченных фруктов. Их зарыли далеко в поле. Туда пошли во множестве рабочие, они выкапывали фрукты и уносили их домой. Полиция окружила это место постами, но охрана не помогла. Копать ходили ночью до тех пор, пока и гнилых фруктов не стало.

Так живут безработные путиловцы.

В Нарвский отдел «Прямой помощи» хозяева небольших мастерских иногда присылают требования на рабочих. Посмотрели бы вы, товарищ Ида, какая радость охватывает счастливец, посылаемого на работу. А ведь хозяйчики дают требования неспроста. Они знают, что измученный голодом рабочий согласится работать за полцены. Знают это и сами безработные, но покорно берутся за все. Но даже здесь я ощутил нашу несокрушимость. Десять безработных, голодающих свыше полутора лет, были посланы на фабрику Наумана. Узнав, что ими хотят заменить бастующих рабочих, они вернулись обратно и заявили:

— Лучше умереть честно от голода, чем быть сытыми предателями.

Специалисты-мастеровые соединяются в артели: плотницкие, кузнечные, слесарные, надеясь кое-как перебиться в тяжелое время. Вместе как-то спокойней, — говорили они мне.

И ежедневно, ежедневно находясь среди такой нужды и народного горя, еще больше укрепляешься в светлых наших идеалах. В эти идеалы, в наш путь борьбы верят рабочие — и те, которые группами бродят от порта к погрузочной станции, от лесной биржи к гавани, и те, которые часами стоят у «Прямой помощи». Они говорят с той уверенностью, от которой сам становишься бодрее и забываешь о том, что ты бездомный, голодный, травимый:

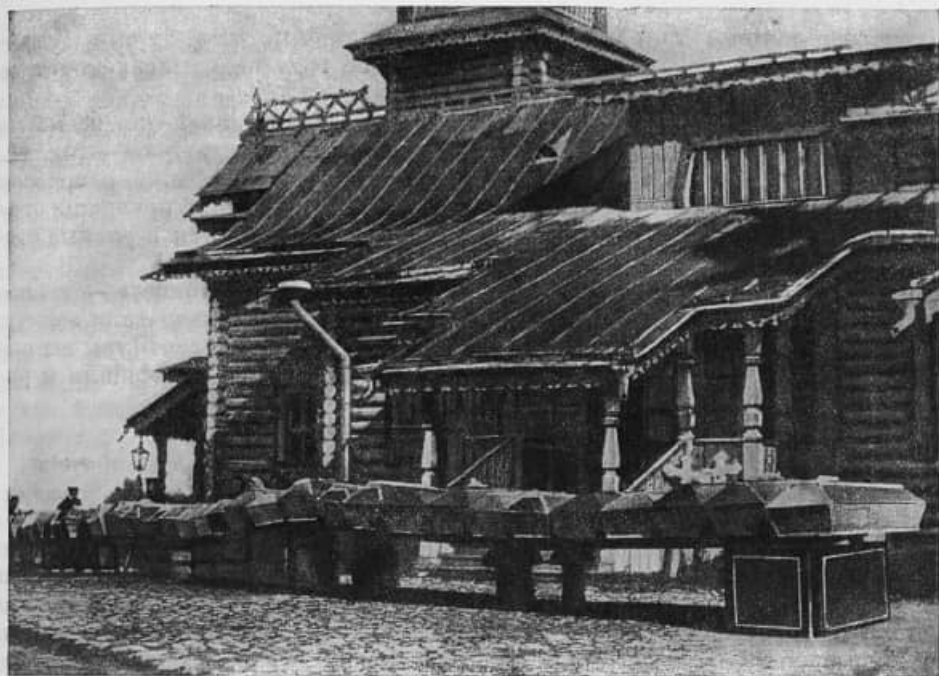
— Все равно, перебором.

Боевой дух, даже в нынешние трудные времена, жив в нашем рабочем.

На Путиловском заводе увольняют всех строптивых и непокорных, хотя потребность в рабочих есть. Очевидно, хозяева действуют обдуманно и планомерно, так как это повсеместное явление. Путиловцы уходят с завода и не могут нигде устроиться на работу. Везде требуют удостоверений с последнего места работы — новая форма приема. Человека с путиловским аттестатом гонят отовсюду. Именно путиловцам мстят сильнее, с пристрастием, с издевкой:

— Токарей надо, путиловцев не требуется.

В ответ на эти издевки и мытарства не раз слышал я такие заявления, которые со всей отчетливостью показывают, как вырос рабочий класс политически, как зрело он понимает свои задачи.

В рабочем предместье во время эпидемии холеры (1908 год)

— Мы люди злые, — сказал как-то один рабочий, — мы озлобленные люди с давних пор — с тех самых пор, как первый рабочий был выброшен с первой фабрики и стал безработным.

Вы вспомните, товарищ Ида, как вы втолковывали нам мысль о необходимости борьбы против всего капиталистического строя. А теперь эта мысль становится заветной мыслью рядовых путильцев, и от нее они не отступятся никогда и ни за что.

Мне пришлось быть в семье одного рабочего, моего соседа по старой угловой квартире. Я знал его как неискушенного в политике человека, почти довольного своей судьбой. Сейчас он пока еще работает. Говоря о безработице и ее последствиях, он заметил:

— Теперь мы учены жизнью своей не дорожить. Я уж, когда придется в бою быть, врагу пощады не дам. . . Такое тебе всякий скажет, если сумеешь допытаться. Смелости в нас прибавилось.

Недавно я слышал, как дети рабочих пели «Марсельезу» и «Смело, товарищи, в ногу». Происходило это в пустой комнате, где уже не было мебели — всю продали. Дети сидели на куче грязного тряпья, они были измождены, но когда пели нашу боевую песню, глаза их задорно блестели. Эта сценка тронула меня до слез.

Спешу закончить, расписался. Условия нашей работы стали значительно сложнее и опасней: полицейские силы теперь сосредоточились сильнее всего вокруг нас. Но, как видите, мы живы, бодры и, несмотря ни на что, не ослабляем нашей борьбы и работы...»

Так думал Шура написать письмо. Но для этого надо было располагать несколькими свободными часами, которых у него никак не на-

ходило, и чтобы как раз в эти часы под руками был стол, бумага. И вместо подробного, большого письма в мае 1908 года он написал короткое и сжатое:

«Ни гроша нет ни в одном из наших учреждений: на 1 мая не могли издать ни одного листка... Работы страшно много, а главное — голод... Приходится самому писать листки, гектографировать и т. д. ...репрессии невыносимы. Завод Тильманс рассчитан; безработные превращаются в невозможных людей. Голод лишает их почвы; бросаются в разные стороны индивидуальной борьбы, отрицая планомерность».¹

Но на пути в Швейцарию находился «черный кабинет» — тайное отделение центрального почтамта, где агенты полиции вскрывали всякую подозрительную корреспонденцию. Там это короткое письмо Шуры вскрыли, копию отправили в департамент полиции, где ее приобщили к розыскным материалам по делам РСДРП.

III ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА

Задолго до выборов в Государственную думу директор Путиловского завода Белоножкин пригласил к себе все заводское начальство. Важный и надменный, он сидел в глубоком кресле. По обеим сторонам большого стола в его служебном кабинете расположились цеховые начальники и их помощники. Позже всех пришел начальник паровозосборочной Пузанов. Он пришел не один. За ним, робко переступая тяжелыми сапогами, вошли мрачного вида бородатые сотенники и расселись поближе к двери.

Директор встал и начал речь. Он обращался именно к сотенным — вожакам черносотенных групп в мастерских. Говорил о большой чести, выпадающей на их долю — добиться, чтобы выборными от Путиловского завода были «истинно-русские люди».

Белоножкин говорил запинаясь, но торжественно, с пафосом.

Директора сменил Пузанов. Он говорил тоже витиевато. Обещал силами своих молодцов окончательно искоренить революционный дух в заводе и даже провести своего депутата в думу. Повернувшись к своим сотенникам, он сказал, что каждый из этих преданных престолу людей может быть депутатом и что они постараются послать от себя такого, который поддержит честь путиловского отдела «Союза русского народа».

Черносотенцы встали и в ответ одновременно гаркнули по-солдатски: «Рады стараться» — и больше не сажались, потому что, по знаку Пузанова, им предстояло уйти. Их повели в соседнюю комнату, где были приготовлены вино и закуска. Начальство осталось обсуждать директорский план выборов.

В эти же дни районный комитет социал-демократической партии созвал собрание представителей цехов Путиловского завода — сборщиков, делегатов союза металлистов, чтобы обсудить вопрос о привлечении масс к думским выборам. Перед этим Шура Буйко ездил к Ленину в Финляндию на совещания об избирательной кампании в думу. В его присутствии произошел спор между Владимиром Ильичем и Богдановым

¹ «Красная летопись» № 9, 1923, стр. 84.

о бойкоте III Государственной думы. Богданов, глава бойкотистов, уверял, что петербургские рабочие пойдут за бойкотистами. Шура взялся это опровергать. Видя Богданова впервые и не зная о том, что это глава бойкотистов, Шура говорил с ним как с наивным, ничего не понимающим человеком. После спора Ленин, улыбаясь, объяснил, что Богданов далеко не так наивен, как кажется Шуре.

На собрании, созванном Нарвским районным комитетом, Шура Буйко объяснял задачу: разбить равнодушие к выборам в думу, наблюдающееся в некоторых слоях рабочих. В выборах — обязательно участвовать. В качестве уполномоченных выдвигать людей сознательных, сохранивших мужество и волю к борьбе перед лицом реакции. Он говорил об ошибочности линии бойкота, о позиции большевистской партии, выраженной в статьях Ленина и решениях Петербургской конференции социал-демократов: в думу пойти, чтобы использовать ее как трибуну для агитации и пропаганды социалистических идей, для развития революционного пролетарского сознания масс, для разоблачения черносотенного характера думы и закона третьего июня, ее породившего.

Когда перешли к докладам с мест и обсуждению списка кандидатов, собрание было прервано появлением полиции. В классную комнату (собрание происходило в школе) ворвался с толпой городских пристав Пестов. В обеих руках его было по револьверу:

— Все арестованы! — крикнул он.

Рабочие поднялись из-за ученических парт. Пестов спрашивал каждого, кто из какой мастерской.

— Из пушечной.

— Налево. Ты?

— Из лафето-снарядной.

— Налево.

— Из мартеновской.

— Как же тебя чорт сюда занес?

Черносотенцы. (Рисунок Н. Радлова.)

Пристав Пестов был уверен в репутации мартеновцев, среди которых еще с пятого года оставалось много черносотенцев.

Арестованных увели и продержали под арестом до конца выборов. По мастерским завода развернулась черносотенная агитация. В механических цехах черносотенцы у станков не задерживались. В то момент, когда подходил черносотенный агитатор, у рабочего или оказывались весьма важные дела на стороне, или станок требовал столь пристального внимания, что времени на разговоры не оставалось. Возражать черносотенцу остерегались, чтобы не вылететь за ворота.

В горячих цехах черносотенцы собирали рабочих в кружки и рекомендовали «писать» за своего человека. При этом они многозначительно хлопали себя по карману, где лежал револьвер. Но и в этих мастерских рабочие упорно отмалчивались. В некоторых случаях черносотенцам задавали вопросы о новом избирательном законе и порядке выборов. Эти, казалось, вполне благонамеренные вопросы совершенно сбивали черносотенцев с толку.

Закон третьего июня, устанавливая новое положение о выборах, сильно урезал и без того ничтожные избирательные права рабочих, «дарованные» царской конституцией. Миллионы трудящихся были лишены права участия в выборах. По новому закону, землевладельческая курия избирала одного депутата на 230 помещиков, а по рабочей курии один депутат приходился на 125 тысяч рабочих. Кроме того, правительство ввело различные ограничения, чтобы раздробить основное ядро рабочих избирателей и разжижить его крестьянским элементом из пригородов. Заводы, расположенные в черте города, в том числе заводы Выборгской, Петербургской стороны и Васильевского острова, в выборах по рабочей курии не участвовали. Рабочие этих предприятий, если они снимали самостоятельную квартиру, могли выбирать наравне с остальными жителями, но при этом голоса их разбивались, — своего депутата они послать не могли. Строители, чернорабочие, рабочие мелких предприятий были вовсе лишены избирательных прав. В выборах по рабочей курии участвовали только Невская, Московская и Нарвская заставы, часть Охты, Кройштадт, Колпино, Сестрорецк, Пороховые и кирпичные заводы на Неве.

Система выборов по рабочей курии была трехступенной. Рабочие выбирали уполномоченных по одному на тысячу человек. Собрание уполномоченных от рабочих всей Петербургской губернии выбирало шесть выборщиков, и одному из этой шестерки было обеспечено депутатское место в думе, но выбирала депутата не сама шестерка по своей воле, а общий съезд выборщиков от губернии, включая помещичьих, домовладельческих и крестьянских выборщиков. Достаточно было, чтобы один из шестерки оказался черносотенцем, правым или умеренным, чтобы помещичье и купеческое большинство выбрало рабочим депутатом именно его.

Выборы уполномоченных на Путиловском заводе были назначены на воскресенье 9 сентября 1907 года. Вместо того чтобы выбирать уполномоченных непосредственно в цехах, объединяя мелкие и средние мастерские в один избирательный округ в тысячу человек, каждая мастерская независимо от числа рабочих выбирала у себя по одному так называемому «выборному». «Выборным» от цехов надлежало избирать уполномоченных. Это было, по существу, нарушение закона о выборах, введение новой, четвертой ступени. Коварный план директора

Белоножкина состоял именно в этом. Он пытался провести его и при выборах во II Государственную думу, но тогда рабочие не дали его осуществить. Теперь же этот план удался. Опасаясь расчета, никто не решался возражать против новой ступени в выборах — директорского дополнения к избирательному закону.

Тем не менее маневр дирекции — протащить черносотенцев — провалился. Среди тридцати одного «выборного» не было ни одного ставленника черносотенцев. А среди избранных от Путиловского завода девяти уполномоченных было несколько большевиков, остальные же поддерживали их.

На выборных собраниях в цехах осторожно говорилось о том, что уполномоченным и выборным, возможно, придется пострадать, а для этого надо заранее подумать об их судьбе. Открыто к сбору средств на случай расчета или высылки уполномоченных никто не призывал, но по всем мастерским в несколько дней собрали значительную сумму — свыше тысячи рублей. Эти деньги вскорегодились. После открытия Государственной думы большинство уполномоченных было выслано за пределы столицы.

Самым старым среди уполномоченных был большевик Анисим Федорович Костюков, с виду безобидный простоватый старичок. Ему было больше пятидесяти лет. Он работал токарем в лафето-снарядной. Костюкова в организацию большевиков привлек его сын Ваня. Ваня помогал секретарю организации вести дела и был казначеем районного комитета партии. Жил он вместе с отцом и дважды устроил у себя собрание кружка, на котором присутствовал и Анисим Федорович. В третий раз кружок собрался в другом месте, но старик явился и туда. Он стал одним из наиболее упорных посетителей кружков, неизменным членом собраний районного комитета и вскоре даже начал выступать на собраниях. Говорил он хорошо, складно, умел зажечь слушателей, но часто в речах сбивался на церковные обороты. Одну из своих речей он закончил: «И наступит социализм, и возрадуется православный народ!» Все присутствовавшие на собрании захохотали.

Квартира Костюковых стала притягательным местом для большевиков-подпольщиков. Партийные профессионалы, будучи в районе, считали своим долгом зайти к Костюковым. Там можно было узнать, что делается в районе, как живут товарищи, кому нужно помочь, что сделать. Марья Васильевна, жена Костюкова, каждый раз рассказывала какую-нибудь смешную историю, чаще всего о том, как она ругается с попами. Она радушно угощала гостей и, если они поздно засиживались, оставляла ночевать.

В дни избирательной кампании в думу квартира Костюковых была особенно оживлена. К Анисиму Федоровичу приходили уполномоченные, которых он подготавливал — говорил с каждым, объясняя, что нужно действовать сплоченно, всем вместе. Через него уполномоченные познакомились с кандидатами, выдвигаемыми Петербургским комитетом большевиков в качестве выборщиков по рабочей курии. Путиловский завод давал значительную часть общего числа уполномоченных — девять человек. Надо было сплотить их, объединить, чтобы на общегубернском собрании уполномоченных своей организованностью и политическим авторитетом Путиловского завода они могли повлиять на одиночек с мелких предприятий.

Некоторые из уполномоченных раньше не встречались, увидели друг друга впервые на собрании «выборных», но на выборах действовали сплоченной группой, вожаком которой был Костюков.

В этом внешне простоватом рабочем, в его складных, богатых примерами рассказах люди чувствовали живой практический ум и умение всегда найти выход. Как раз тогда, по указанию Петербургского комитета, партийная организация завода готовила митинг протеста против суда над арестованными социал-демократами — членами II Государственной думы. Недавние выборы показали, как трудно, почти невозможно организовать митинг внутри завода. Все стали втупик. Костюков нашел выход. Он предложил воспользоваться многочисленными нарушениями закона о выборах и под видом перебаллотировки неожиданно и напористо устроить собрание в одном из крупных цехов. Пока цеховое начальство одумается и начнет выяснять в главной конторе, полагается или не полагается перебаллотировка, — митинг будет проведен, нужное будет сказано.

В день, назначенный для митинга, по цехам открыто извещали, что в сборочном пролете пушечной мастерской состоится перебаллотировка. К начальнику пушечной за несколько минут до гудка явился хорошо одетый человек и заявил веско, солидно, что ввиду обширности сборочного пролета, в нем будет проведено повторное избирательное собрание, в отмену проведенных выборов. Начальнику было предложено присутствовать на собрании. Митинг состоялся. Никаких перевыборов не было. Лишь два никому неизвестных человека произнесли речи о зверствах правительства и о суде над втородумцами. Протест против суда был принят рабочими. Впоследствии по призыву Центрального комитета РСДРП с успехом был проведен сбор по всему заводу на втородумцев, уже находившихся на каторге.

Такой же митинг протеста против расправы с втородумцами провели при помощи путловцев и рабочие Резиновой мануфактуры.

На Тентелевском химическом заводе митинга провести не удалось, хотя он и был заранее подготовлен. Накануне на квартире рабочего-химика Пименова собрался тентелевский кружок, которым руководил Буйко. Обсуждали меры предосторожности: как провести оратора на завод, как оповестить людей. Выработали резолюцию. Не успели еще разойтись все собравшиеся, как в квартиру ворвались два городских, а за ними — пристав. Около двери ему подвернулся рабочий. Привычным ударом пристава сбил его с ног. Из рта упавшего потекла кровь.

Обыск был поспешный и нарочито разорительный. Этажерку для книг отбросили с такой силой, что она рассыпалась на части. Подушки, белье, одежду свалили в кучу посередине комнаты. Один из городских держал в руках щуп — длинное шило толщиной с карандаш. Он протыкал шилом подушки и вспарывал подкладку одежды, ища нелегальщину.

В участке рабочих-химиков подвергли допросу. Пристав Пестов выпытывал фамилию автора резолюции. Сначала он говорил ласково. Он прекрасно знает рабочих и не видит причин, которые понуждают их вмешиваться в борьбу каких-то интеллигентских групп против правительства:

— Вы же сами знаете, что ничего из этого не выйдет. Зачем же вы губите себя?

Арестованные молчали. Не добившись успеха, пристав стал угрожать и запугивать их. Но и это не помогло. Рабочие отделялись

ничего не значащими ответами: не знаю, не могу знать, не видел, не слышал.

Пристав передал рабочих городovým, а те, прежде чем отправить их в жандармское управление, избили до того, что арестованные еле передвигали ноги.

Полицейские расправы, аресты, высылки — ничто не останавливало рабочих. Путиловцы, резинщики, семянниковцы — рабочие всех заводов Петербурга внимательно следили за ходом выборов в Государственную думу; собирались, обсуждали, как должны вести себя депутаты в царском парламенте.

В конце сентября губернское собрание уполномоченных избрало выборщиков. В числе их был Анисим Костюков и Николай Полетаев, в это время работавший за Московской заставой. Кроме них, из числа выборщиков по рабочей курии не было подходящих кандидатов в члены Государственной думы. За Костюкова была его степенность, умение говорить, за Полетаева — большой политический опыт, пятнадцатилетняя подпольная работа. В думу депутатом наметили Полетаева.

17 октября происходило губернское собрание выборщиков для избрания депутатов думы. Для того чтобы от рабочей курии прошел Полетаев, назначенный Петербургским комитетом РСДРП, всем остальным рабочим-выборщикам надо было отказаться от баллотировки. Полетаев баллотировался дважды и оба раза был провален выборщиками от помещиков и буржуазии. Зная Полетаева как революционера, охранное отделение влияло на выборщиков-реакционеров. И все же собрание вынуждено было избрать Полетаева депутатом Государственной думы, так как остальные рабочие выборщики, как и было договорено, баллотироваться отказались.

При голосовании Костюков не присутствовал. Лишь под самый конец выборов он ворвался в зал, растрепанный, в рабочей замасленной одежде. Желая устранить его от участия в выборах, приглашительную телеграмму ему послали в последний момент. Жена Костюкова, никогда не получавшая телеграмм, испугалась. Она побежала к мужу на завод. Костюков, как был, бросился в городскую думу, полагая, что выборы происходят там. Но выборы происходили в помещении губернской земской управы. Когда Костюков вошел в зал, ему немедленно был задан вопрос, желает ли он баллотироваться. Запыхавшийся и злой, он заявил протест против умышленно запоздалого извещения о собрании и против столь же умышленного несообщения ему адреса. От баллотировки он отказался и подал голос за Полетаева.

В социал-демократической фракции III Государственной думы, кроме Полетаева, были еще два большевика. Остальные тринадцать депутатов были меньшевики. И уже первые выступления фракции показали, что трибуна думы используется меньшевиками не так, как того требовали интересы рабочего класса. Сознательные рабочие, внимательно следившие за работой фракции, эти выступления воспринимали с недовольством и возмущением.

Недовольство тактикой социал-демократической фракции думы было использовано отзовистами — антипартийной группой внутри РСДРП. Они потребовали отъезда из думы социал-демократических депутатов, выступали против использования думской трибуны и начисто отрицали все другие легальные формы работы.

Пропаганда отзовистов вела к отрыву партии от рабочей массы. Отзовисты пытались превратить партию в узкую конспиративно-сектантскую группу, ликвидировать ее как партию рабочего класса. Ленин называл этих революционеров фразы «ликвидаторами наизнанку».

Отзовисты отстаивали «углубленное» подполье, работу исключительно по квартирам среди небольших групп рабочих. «Левая» фразы в некоторых рабочих кружках имела успех.

За Нарвской заставой в районном руководстве отзовистов не было. Среди рабочих отзовистом считался модельщик Иван Абрамов («Курчавый»), который, хотя и работал активно в лиге «Образование» и в профессиональном союзе модельщиков, но в спорах высказывался за отказ от легальных возможностей. В борьбе с отзовистами, приезжавшими за Нарвскую заставу, путиловские большевики получили большую помощь от Иннокентия (Дубровинского), члена Центрального комитета большевиков, приехавшего летом 1908 года в Петербург. Большевистские партийные группы, разбросанные по всему Петербургу, через Иннокентия связывались с Лениным и Центральным комитетом.

После встречи с Иннокентием районный комитет выпустил за Нарвской листовку, специально посвященную социал-демократической фракции III думы. Листовка говорила об обязательности жестокой критики ошибок социал-демократических депутатов, одновременно выдвигала задачу борьбы с отзовистами, подчеркивая необходимость использования думской трибуны. Печатали ее у себя в районе, разбросали на Путиловском заводе по всем цехам. Говорили об этом и на немногочисленных, но довольно частых сходках. Ни одно выступление социал-демократической фракции не проходило мимо внимания путиловцев. Через Полетаева узнавали они, что происходило и будет происходить в думе и во фракции. Многие рабочие стали посетителями его квартиры за Московской заставой. Сам Полетаев часто приезжал на Путиловский завод и в район. В августе 1908 года, когда, в связи с восьмидесятилетием Льва Толстого, фракция готовила законопроект об отмене смертной казни, Полетаев на районном собрании большевиков рассказал о законопроекте. Он предложил организовать массовые выступления, воспользовавшись тем, что всюду будут проходить «толстовские дни». Кое-где лекции о Толстом охватывали лишь круг вопросов, связанных с его произведениями, но во многих случаях на лекциях, обычно к концу, даже в присутствии полицейского, говорилось о казнях и столыпинском режиме.

Полетаев часто напоминал путиловцам о большой роли Путиловского завода. Он говорил, что именно здесь, где под одной крышей работают тысячи пролетариев, не надо бояться никаких трудностей революционной борьбы. Всегда ровный, бодро настроенный, Полетаев вселял в сердца путиловских большевиков уверенность и боевой дух. Он говорил:

— На каждого из нас приходится теперь вдесятеро больше работы: многие бегут из партии, шатаются. Но мы ведь из хорошего материала сделаны, мы не согнемся и не сломимся.

Он ходил по цехам. Мастера, помнившие его еще депутатом первого Совета, угодливо кланялись ему, а Полетаев с усмешкой спрашивал:

— А здорово прижимаешь народ?

Подходя к мастеру Воробьеву, Полетаев светлел. Он не потерял расположения к этому умному человеку, когда-то сбивавшему его на путь честного служения хозяевам. Иронически улыбаясь, Полетаев говорил:

— Ты кто? А я, видишь, неприкосновенный, государственный человек. И тихо добавлял:

— Только государство у нас дерьмо.

Воробьев улыбался, прищурился, и в тон отвечал:

— Всякому свое, — тебе каторга, мне покой в этом дерьме.

— А что лучше?

— Думаю, что и у тебя, Николай Гурьич, неплохо.

— То-то, признаешь. Ну, будь здоров.

Полетаев шел дальше, подходил к станку, за которым когда-то работал. Пробежал смотритель завода Чачи, словно бы и по делу, но с единственной целью: приглядеться к депутату, узнать, что делает, с кем говорит. У депутата был мандат неприкосновенности, вывести с завода его нельзя — следовательно, надо сделать так, чтобы рабочие сами не захотели его слушать, а кто поговорил — тому расчет. Полетаеву сообщали о соглашениях. Он поворачивался и шел прямо на смотрителя. Тот поспешно скрывался.

Так обходил Полетаев несколько цехов, постоянно заглядывая в родную лафето-снарядную. Заходя туда во время обеда, он садился хлебать с товарищами теплые щи из чугунка, закусывал, пил чай.

Полетаев принимал устные жалобы и тут же в цехе разрешал их. Находил мастера, предъявлял мандат члена думы, строго спрашивал, почему такая несправедливость, и строго наставлял его, а иногда — и самого начальника. Случалось, что жалобы оказывались неосновательными. Тогда Полетаев приходил к жалобщику:

— Не нашлось у тебя, на что следовало бы пожаловаться? Мало тебя притесняют, — отчитывал он его по-рабочему зло и отечески наставительно.

Вслед Полетаеву, проходившему по цеху, неся говор:

— Николай Гурьич пошел.

Рабочие отзывались о нем с почтением:

— Наш Николай Гурьич — большой человек.

Перед отъездом на время летних и осенних перерывов Государственной думы он обязательно заходил попрощаться, поговорить с рабочими и близкими товарищами, чтобы с новыми сведениями ехать в провинцию.

— Наши зубры пошатались, — говорил он о большинстве думы — помещиках, попах и заводчиках, которые на каникулы уезжали отдыхать от «законодательной» работы. — Они разъехались гулять по своим имениям, а нам надо по заводам, по фабрикам — расшевеливать массы против царского режима и против капиталистов.

Несмотря на полицейские рогатки, слежку, исключительно тяжелые условия жестокой реакции, Полетаев объезжал заводы других городов и всюду укрепил партийные связи, созывал рабочие собрания, собирал материалы для думских запросов.

К думским выступлениям Полетаев готовился тщательно и кропотливо. Он знал, что сила его слов будет зависеть исключительно от точного и детального знакомства с вопросом, от четкого и правильного изложения большевистских принципов.

Главная задача думских большевиков в этот период состояла в том, чтобы разоблачить до конца кадетов — партию либеральной буржуазии. Пресмыкаясь и холопствуя перед царизмом, кадеты все более проявляли себя как контрреволюционная сила. Они стремились привлечь на свою сторону крестьянство, сделать его своим резервом, оторвать от пролетариата его многомиллионного союзника. Кадеты были поэтому самыми

опасными врагами революции. «История этого периода есть история борьбы кадетов (либеральная буржуазия) и большевиков (пролетариат) за крестьянство». ¹ «...Не изолировав кадетов, нельзя было рассчитывать на разрыв крестьянства с царизмом, не обеспечив же этого разрыва, — нельзя было рассчитывать на победу революции». ²

Полетаев, выполняя директивы своей партии, неоднократно громил кадетов с думской трибуны. На заседаниях думы он говорил, что партия кадетов, которая называет себя партией «народной свободы», когда дело доходит до действительной народной свободы, отступает перед столыпинским правительством тюрем и виселиц. И не только отступает, а целиком поддерживает правительственную систему полицейского сыска и провокаций. Полетаев говорил, что агенты политического сыска являются организаторами провокационных убийств, покушений, экспроприаций. В нелегальных организациях, разведая их изнутри, действуют провокаторы. Кадеты притворно ругают правительство за это, но деньги на полицию, на репрессии против народа, на расправы с крестьянством — ассигнуют аккуратно и в больших суммах. Правительство, поддерживаемое кадетами, лицемерно отводит от себя обвинения в провокации.

«Г. председатель Совета министров, — говорил Полетаев, — на все эти обвинения как я раньше уже сказал, ответил словом «нет» и сорвал здесь, в третьей Государственной Думе, оглушительные аплодисменты. Но ведь, гг., эти аплодисменты очень дешевые. Эти аплодисменты, вы знаете чьи? Это аплодисменты столыпинских подпевал. Вы своими аплодисментами, гг., довели до того, что и правительство и народ презрительно проходят мимо третьей Государственной Думы (Голоса: «Это безразлично, что вы говорите»). Голос справа: «Но как он смел!»» ³

Черносотенные зубры криком и свистом мешали рабочему депутату-большевику. Но они не могли заставить его замолчать. Через их головы обращался он от имени единственно революционной партии пролетариата к широким народным массам. С думской трибуны он разоблачал правительственные махинации, контрреволюционность кадетов и клеймил позором всю систему столыпинской «военно-полевой конституции».

ЛЮДИ И СВЯЗИ

Нити из всех цехов сходились у Антона Васильева. Сам Антон с Путиловского завода был уволен в начале 1907 года. Жил он с сестрами у отца, который работал в меднолитейной мастерской на сокращенной неделе и приносил всего восемнадцать-двадцать рублей в месяц. Семья жила впроголодь. Антон, как и многие безработные, грузил лес в порту. Когда он, мокрый и грязный, возвращался с погрузки домой, едва ли у кого из встречных могла возникнуть мысль, что этот здоровенный, пухлощекий крючник занят делами путиловской партийной организации. Сама Мария Степановна Савинская («Соניה»), секретарь районного комитета, встречая Антона в одежде грузчика, не узнавала его.

Дома Антон обедал, переодевался, и сейчас же начиналась беготня по многочисленным флигелям Богомолдовской улицы или Огородного

¹ И. Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 10-е, стр. 35.

² Там же, стр. 91.

³ Стенографические отчеты Государственной думы III созыва, сессия II, ч. II, стр. 1598.

переулк — соби́рание людей на кружок, на деловой разгово́р, передача поруче́ний. Он бега́л по гулка́м дере́вянным ле́стницам, загляды́вал в окна́, сту́чал в д́вери усло́вным сту́ком. После уво́льнения Анто́н не име́л до́ступа на заво́д и свя́зь с це́хами налажи́вал по кварти́рам.

Он уме́л нахо́дить и связы́вать людей. И́скал о́щупью, от челове́ка к челове́ку, преодоле́вая насто́роженно́сть и недо́верие. Если до него́ доходи́ло, что в ка́кой-нибу́дь масте́рской или на сосе́днем заво́де е́сть челове́к, кото́рого мо́жно вовле́чь в о́рганиза́цию, он заводи́л зна́комство, ходи́л вокру́г с хитро́й, чу́ть ко́совато́й улы́бкой и, на́конец, стави́л вопро́с напра́мик. Прямота́ все́гда хоро́шо действо́вала на те́х, кто си́дел в сво́ем углу́ и счита́л, что ника́кого подпо́лья не су́ществует, кто говори́л: «Нас ма́ло. Что мы мо́жем? Ка́кой смы́сл пере́ть проти́в рожна́?..» У тако́го челове́ка после́ бесе́ды с Анто́ном ча́сто меня́лось настро́ение. Са́мый фа́кт разгово́ра о подпо́лье убежда́л, что подпо́лье су́ществует. Анто́н би́лся за ка́ждого челове́ка. Он до́лго и упо́рно уде́ржива́л те́х, кто начина́л отхо́дить от о́рганиза́ции.

Когда Анто́н поче́му-ли́бо исче́зал из райо́на, свя́зь и вве́рх и вни́з наруша́лась, одино́чки заби́вались в углу́. В о́рганиза́ции говори́ли:

— Е́сть Анто́н — е́сть и свя́зь...

Бо́льшевики бы́ли си́льны высо́кой о́рганизова́нностью, созна́тельной дисци́плиной, зна́нием жи́зни и за́просов рабо́чего, тесно́й свя́зью с ма́ссами. Если ну́жно бы́ло пере́дать в ма́ссы па́ртийное реше́ние, сейча́с же, бу́дь э́то глу́хая но́чь, чле́ны о́рганиза́ции обо́ходили кварти́ры не́скольких де́сятков акти́вных рабо́чих, те́ утром на заво́де пере́давали полу́ченные ве́сти но́вым това́рищам, э́ти в сво́ю о́чередь дру́гим. Сло́вно то́к по про́водам, мы́сль па́ртии в кра́тчайши́й сро́к про́никала в рабо́чую сре́ду.

На́рвский райо́нный ко́митет, кро́ме Пути́ловского заво́да, о́бъединя́л не́которые сосе́дние пред́прия́тия («Ти́льманс», Тентеле́вский хи́мический, Резвоостро́вскую ма́нуфактуру, же́нский кру́жок тексти́льщиц и гало́шный). Це́хов на Пути́ловском заво́де бы́ло три́дцать ше́сть. Ка́ждый круп́ный це́х (пуше́чная, лафе́тная, ма́ртеновская, про́катка) соста́влял о́тдельный подрайо́н. Ме́лкие це́ха о́бъединя́лись в о́дин подрайо́н по не́сколько: все па́ровозные, все ваго́нные вме́сте с ле́сопи́лкой, ку́зница вме́сте с испы́тательной ста́нцией, чу́гунолите́йная вме́сте с ме́днолите́йной и дру́гие. Все́го на заво́де бы́ло двена́дцать подрайо́нов и в ка́ждом — сво́й о́рганиза́тор.

Ста́рые па́ртийные свя́зи после́ ма́ссовых уво́льнений се́дмого го́да бы́ли нару́шены и сохрани́лись ли́шь в о́тдельных це́хах: в котельно́й — гру́ппа бо́льшевиков из кру́жка А. П. Шо́ломовича; в пуше́чной — гру́ппа И. Д. Ива́нова; в чу́гунолите́йной — Макси́ма Ани́симова; в про́катке — А. Гуде́нкова и Васи́лия Орло́ва; в же́лезнодо́рожном це́ху оста́вался о́дин И. Я. Ко́злов. Все́ это бы́ли рабо́чие, пере́жившие рево́люцию пя́того го́да в зре́лом возра́сте.

Ста́рик Ко́стюков во́ходил в чле́ны Пе́тербургского ко́митета РСДРП. О́т его́ и́мени пода́ли зая́вление градо́начальнику, ко́гда в райо́нном ко́митете возни́кла мы́сль о́ткры́ть сво́й лега́льный клуб. Он выступи́л на пе́рвый пла́н при пере́говорах с поли́цией ка́к наибо́лее соли́дный и уме́л сво́им мнимым прости́душем сбива́ть поли́цейских с то́лку. Его́ кварти́ра в Шо́льном переу́лке, в до́ме № 3, бы́ла удо́бным ме́стом я́вки для про́пагандистов из го́рода. Обе́ доче́ри Ко́стюкова, Шу́ра и Кса́ня, бы́ли по́ртнихами, к ни́м ча́сто ходи́ли за́казчи́ки, и ни́кто не о́браща́л внима́-

ния, если в квартиру направлялась курсистка в шляпке и городском платье. Отсюда она выходила одетая попроще, в платочке или шали, и шла на пропаганду. В его же квартиру курсистки приносили литературу на города. Не раз они приходили сюда толстые, с тугой талией, шли за занавеску к дочерям и выходили оттуда похудевшими. Дочки Шура и Ксания в кошелках и под платьем переносили листовки к Антону Васильеву. Антон передавал их тем, кто проносил литературу на завод.

Пожилой, чернобородый прокатчик Василий Орлов, работавший на подвозке болванок к печам, был для путиловской организации особо ценным человеком, потому что пришел из черносотенного цеха. Он давал квартиру под собрания и сам становился на стражу. В квартире было много икон. Однажды после собрания кто-то спросил его:

— Василий Артемьевич, когда ты все это уберешь?

Орлов ничего не сказал. Вместо него ответила теща:

— Он уже хотел выносить, да я ему сказала: «Вынесешь иконы — сгною в Сибири».

Про тещу Орлова говорили:

— Бешеная теща.

Она не мешала нелегальным собраниям в квартире зятя, но стойко обороняла иконы. К тому же, если бы в прокатке узнали, что Орлов вынес иконы, его там перестали бы слушать.

Кроме икон, на стенах были картинки, непохожие на обычные лубки и олеографии в рабочих квартирах.

— Откуда это у тебя?

— Сын мой рисует.

— Твой сын — талант! Отдай его учиться. Художником будет.

— Где же ему учиться. Пусть идет в завод, зарабатывает.

Орлов неохотно говорил об этом. Два года назад профессор, который смотрел рисунки мальчика, вызвал Орлова к себе и убеждал отдать сына в рисовальную школу на бесплатную вакансию. Орлов спросил: сколько лет сыну надо будет учиться, чтобы начать зарабатывать и помогать семье? Профессор ответил, что учиться придется, может быть, лет десять. Орлов сказал, что его семья давно уже голодает, и отдал сына на завод в мальчики на жалованье тридцать копеек в день.

В прокатке, несмотря на то что в ней было много черносотенцев, Орлов имел авторитет. Товарищи спрашивали:

— Как ты с ними ладишь?

— Я особенно не вылезая. Я как все: водку пьют — и я не отказываюсь; Иоанна Кронштадтского хвалят — и я пока не ругаю. Рабочий человек когда-нибудь во всем разберется. Я его с другой стороны поворачиваю: я его склоняю в профессиональный союз. Думаешь, черносотенец не понимает, что он много работает, мало получает? Я ему говорю: возьми в пример путиловскую церковь — ведь по копейке на такую махину собрали, да еще тысячные дачи себе построили наши благодетели. Неужели же мы своего союза не соберем?

Кто-то из богачей, покровительствовавших черной сотне, пожертвовал путиловскому отделу черносотенного «союза» новое знамя с золотым Георгием победоносцем. Знамя освящали в путиловской церкви, а затем под охраной казаков понесли в отдел на Ушаковскую улицу. В процессии шли заводские черносотенцы, с «коньками» на груди. Преобладали красные обожженные лица мартеновцев, тигельщиков, прокатчиков. Разница была

только в том, где и как обожжено: у мартеновцев и прокатчиков огонь в лицо — обожжены скулы; у тигельщиков огонь снизу — обожжены ноздри и кончик подбородка.

Орлов стоял на тротуаре вместе с товарищем.

— Ну, вот пошли твои паленные бороды, — сказал тот, показывая на прокатчиков. — Долго еще они у тебя будут с коньками ходить?

— Погоди, — хитро сказал Орлов, — я их еще поверну.

Орлов медленно поворачивал неподатливый цех, налегая на профессиональный союз. Он знал, что политическая агитация успешнее действует тогда, когда она связана с повседневными нуждами рабочего, с его борьбой за улучшение условий труда.

Токарь пушечной мастерской Иван Дмитриевич Иванов в тридцать лет был одним из старых членов организации. В 1907 году, после массового сокращения рабочих, понадобилось привести в порядок дела районного отделения союза металлистов. Организация поручила это дело Иванову, выдвинув его в ревизионную комиссию. Ревизионная комиссия проверила отчетность, вычеркнула из списков сотни выбывших по сокращению, установила наличное число членов и начала дело заново. Правление было преимущественно меньшевистское. Задачей Иванова было сделать союз организацией политической, не давая ему опускаться до уровня легальной приходо-расходной кассы. Иван Дмитриевич был молчалив, настойчив, пользовался авторитетом как вдумчивый и толковый работник.

Районный отдел профессионального союза занимал квартиру в одну-две комнаты, с несколькими скамейками для посетителей, столом для секретаря и делопроизводством на триста-четыреста карточек. Существовал союз на положении поднадзорного, боролся за самую возможность существования, менял вывески. Закрывался как «Общество рабочих по обработке металла» и возрождался как «Союз металлистов» и т. п. Менял адреса (Земская, дом № 23; Огородный, дом № 5 и т. д.). При каждой перемене вывески члены вступали в новый союз, и стаж начинался заново, — это для того, чтобы полиция не могла установить преемственности между старым и новым союзом. Платных работников не было. Вся работа выполнялась добровольцами. Деньги союза положили в банк на имя одного университетского профессора, а на случай его смерти было составлено духовное завещание с указанием наследников. Если бы деньги положили на имя профессионального союза, их нельзя было бы получить обратно, так как при закрытии союз терял юридические права.

Союз был малочисленной организацией. В чугунолитейной в 1907 году из трехсот рабочих было двенадцать членов союза, в мартеновской — тридцать членов союза на пятьсот работающих. Не все мастерские входили в союз металлистов. У модельщиков был свой союз модельщиков, а впоследствии они слились с деревообделочниками. Рабочие вагоностоярной и вагономалярной также входили в союз деревообделочников.

Жестяная вывеска на лестнице деревянного дома в Огородном переулке была не больше вывески сапожника, но и она выглядела «крамольно». Полиция помнила, что до революции такой вывески не могло быть, и терпела эту вывеску, поскольку союз не выступал открыто как боевая сила. Но время от времени в помещение союза вламывался околоточный с ватагой городских. Он проверял, не нарушено ли распоряжение пристава нарвской части о том, чтобы в помещении союза находилось не более

одного посетителя. Иногда ворвавшиеся расшвыривали бумаги, опрокидывали мебель, разыскивая нелегальщину. Забирали с собой всех рабочих, находившихся в союзе, для выяснения личности, морили их в участковых клоповниках, строптивых избивали и увечили. Но союз продолжал существовать. Картотеку вновь приводили в порядок. Сборщики и рабочие продолжали ходить в союз, приносили членские взносы, сообщали о положении в цехах, получали журнал, издаваемый общегородским союзом. Самая принадлежность к союзу являлась признаком неблагонадежности. В пушечной мастерской Иванову приходилось сталкиваться с запуганными товарищами, которые откупались от союза:

— Ты возьми с меня деньги, но чтобы ни в каких списках моей фамилии не было. Членской книжки мне тоже не нужно...

Сборщик-меньшевик удовлетворялся тем, что ему аккуратно платили взносы. Сборщик-большевик рассматривал профессиональный союз как организацию, связывающую массу с партией, и при сборе взносов вел политическую агитацию. В годы реакции работа сборщика была трудной, требовала большой настойчивости. Приходилось собирать не только членские взносы, но, по поручению большевистской организации, производить сборы на арестованных, ссыльных, или, как их тогда называли, «репрессивных». В маленьком, хорошо спевшемся модельном цеху довольно легко проводили, например, сборы на полный столярный инструмент высланному товарищу. В котельной, в прокатной сборщику приходилось бороться за каждый гривенник.

Секретарь районного комитета Мария Степановна Савинская («Соня») жила в доме для заводских служащих, примелькалась полиции, и это облегчало ей работу в районе. Ее обязанностью было ходить в город на явку Петербургского комитета, доставлять литературу, вербовать пропагандистов, связывать их с кружками, доставать паспорта для нелегальных, вести отчетность по взносам в партию. На ее же обязанности было добывать «партийную диету» профессионалу, квартиры для собрания районного комитета, хранить его печать, очищать квартиры арестованных от нелегальной литературы до прихода полиции, налаживать передачу в тюрьму. Требовались — большая выносливость, неторопливая быстрота, хладнокровие, умение распознавать людей.

Явка Петербургского комитета помещалась обычно в какой-нибудь из дешевых столовых, которые около этого времени в большом числе возникли вблизи учебных заведений. В этих столовых посетитель сам ходил на кухню за первым и вторым. В постоянной толчее можно было незаметно для других переменить места, разойтись, сказать друг другу несколько слов. На явку приходили из всех районов. Секретарь Петербургского комитета давал адреса, откуда получать литературу. Основные трудности возникали при доставке в районный комитет литературы массового характера, приходившей в большом количестве экземпляров. Осенью и зимой 1907 года за литературой подобного рода чаще всего посылали на Васильевский остров. Соня шла на остров одна или звала кого-либо из молодежи: Шуру Малого (А. Федорова) или Ваню Костюкова. Литературу Соня прятала под платьем, вокруг груди и по подолу нижней юбки. Верхние юбки тогда носили длинные до земли; если загнуть край нижней юбки и заколоть булавками, получался мешок. Пальто по тогдашней моде было удобное — без талии. Шура Малый прятал литературу на груди и вокруг пояса. Иногда и он и Соня так распухали, что с трудом

сидели на извозчике. В район привозили литературу к ночи, оставляли у Костюкова или у других товарищей. К делу приступали девушки-подружки: Шура и Ксая — дочери Костюкова, Христия и Марина — сестры Васильева, Настя — сестра Шуры Буйко. Они обегали членов организации и сообщали, куда притти за литературой. Утром, перед выходом на работу, являлись представители подрайонов.

Соня работала весело. Невысокая, чистенькая, в блузке с черным галстуком, слегка надушенная, она всегда была в движении и, добравшись до рабочей квартиры, удивительно весело улыбалась.

— Чего вы улыбаетесь, — говорил ей старый Михаил Буйко. — Ведь вас не сегодня-завтра заберут.

— Ну что ж, — улыбалась Соня. — От тюрьмы да от сумы я не зарекаюсь...

Однажды, когда Соня, нагруженная литературой, осторожно шла по шоссе, ей навстречу попались солдаты. Они шли гуськом по тротуару. Солдатские любезности в то время были обычны:

— Ах, красotka...

Обнял красотку один, другой, третий. Соня вся сжалась, опасаясь, что булавки сейчас отколются и литература посыплется на землю. Но булавки выдержали, и дело кончилось смехом. Посмеялся лавочник, вышедший на крыльцо, посмеялся городской. Посмеялась потом и Соня.

По воскресеньям Соня приходила в район пораньше. Приходили и другие пропагандисты, приводя с собой певцов и декламаторов из студентов. Они собирали знакомых рабочих. Если дело было летом — шли с ними куда-нибудь на взморье, декламировали «Песню о буревестнике», пели, веселились, читали «Мать» М. Горького, рассказы Чехова и другие художественные произведения.

Интерес к художественной литературе среди рабочих был велик. Шура Буйко замечал, с каким практическим интересом, желая чему-нибудь научиться из книг, читали рабочие и делали свои выводы, обсуждая прочитанное. Однажды на одной из массовок к нему подошел рабочий и спросил:

— Читал я Арцыбашева «Санин», не нравится мне эта книга. Скажи, почему писатели ударились в порнографию, стали клеветать на революцию?

Шура Буйко подробно объяснил, откуда хлынул поток клеветнической литературы. Он говорил о ренегатах и предателях революции, которые всеми способами отрекались от нее, уходили в порнографию и мистику. Буржуазия наводняет книжный рынок бульварными романами, сыщичьими рассказами, всякой литературной трухой, делая все, чтобы затемнить головы.

— Ну, нас не затемнишь, — уверенно заметил рабочий, — свое-то мы добудем.

На массовках становилось очевидным, как жива и крепка потребность рабочих масс в революционном слове. У руководителей массовок спрашивали, почему так слабо поступает подпольная литература, в чем задержка. Приходили за разъяснениями газетных сообщений, требовали лекций о положении рабочих за границей. Большевистские организаторы каждый раз убеждались, что, несмотря на реакцию, запросы масс огромны. Затруднения происходили не столько оттого, что реакция всеми мерами глушила и убивала энергию рабочих, сколько из-за недостатка партийных сил, могущих обслужить массы книгой, листовкой, своевременным

освещением происходящих в стране событий. Лекции, прогулки, вечеринки, совместные чтения — все это еще теснее связывало большевиков с рабочими массами. В тяжелых условиях столыпинской реакции большевики использовали все возможности, чтобы собирать силы и готовить массы для нового подъема революционной волны.

ШКОЛА И КРУЖКИ

В лигу «Образование» на лекции и танцы ходили двести-триста человек. Руководители лиги, меньшевики-ликвидаторы, толкали их на путь культурничества и реформизма, отвлекали от политической борьбы. Лига — легальный рабочий клуб, созданный в 1907 году, — стала в районе оплотом ликвидаторов. В лиге читали общеобразовательные лекции, при лиге существовала библиотека. Посетителям прививали мысль, что все дело именно в этих лекциях: учись, приобретай знания, плати взносы в профессиональный союз, улучшай легальными средствами свое положение и — берегись подполья. На примере лиги токарь И. И. Шибалов, один из ее руководителей, доказывал Шуре Буйко ненужность подполья:

— Каждый посетитель лиги есть в той или иной мере наш сторонник. У вас в подполье единицы, а к нам на лекции ходят двести человек, и даже в будние дни в библиотеке бывают десятки. Это наш народ, это та самая открытая рабочая партия, которую мы создаем...

Шибалов продолжал называть себя социал-демократом, но явно скушал, когда ему говорили о перспективах второй революции.

— Баррикад нет и не предвидится, а полицейский участок есть, — говорил он.

Шибалов был известен под кличкой «вонючий хорек», потому что в спорах с большевиками обычно спасался потоком цитат из сочинений меньшевистских литераторов, которые выбрасывал в неимоверном количестве.

Групповые беседы на культурно-просветительные темы разрешались лишь в присутствии полиции. И когда перед лекцией или концертом Колышев, сторож лиги, нес программу в участок, он старался не раздражать пристава. Программа составлялась по типу: «Такого-то числа господин такой-то прочтет такие-то стихи». Пристав одобрял астрономию, не возражал против лекции о феодализме, но уже такая тема, как «Крестьянский вопрос в России при Петре I», ему не нравилась. Из программы концерта он вычеркивал «Песню о соколе» и оставлял стихотворение Апухтина «Сумасшедший». Однажды ему подали афишу с загадочным заглавием: «На счастливых островах Ао-Тео-Роа».

— Это что за острова? — спросил пристав.

— Это где-то в Австралии, — сказал Колышев.

— А что там за счастье?

Колышев по своему положению сторожа не обязан был входить в подробности и отговаривался незнанием. На самом деле он знал, что речь будет идти об избирательном праве для женщин, и в пример привел Новую Зеландию.¹

¹ В Новой Зеландии все европейцы и местное население, мужчины и женщины, не моложе 21 года, владеющие недвижимой собственностью, оцениваемой в 25 фунтов стерлингов, имели право избирать членов нижней палаты парламента. Женщины не могли быть избранными в палату.

— Ведь вы, все равно, будете на лекции, — сказал Колышев, — и сами увидите, какие там острова.

— Конечно, приду и сам посмотрю, — подтвердил пристав. — И в случае чего — прикрою.

По старой памяти пристав считал каждого рабочего, читающего книги, революционером. Но революционер, который стоял перед ним, говорил тихо, держался боязливо.

— Я не враг просвещения, — сказал пристав, смягчаясь, — но не могу допустить, чтобы просвещением пользовались для агитации.

Колышев был начитанный рабочий, квалифицированный токарь. Он числился сторожем при лиге, хотя принадлежал скорее к ее руководителям. Получал семнадцать-двадцать рублей, не искал другой работы. Он подметал полы и читал книги. Иногда, бродя со щеткой между книжными полками, он вдруг интересовывался какой-нибудь книгой, забывал об окурках и часами простаивал у шкафа. Ему было за тридцать лет, когда он дорвался до книг. Он считал себя социалистом, но с тех пор как стал читать меньшевистские книги, социализм в его представлении отодвинулся очень далеко, и путь к нему, по его мнению, лежал через книжные полки. Когда рабочий класс перечитает все эти книги, дело решится само собой...

Рабочий должен был не только читать книги, но и слушать музыку, ходить в музеи, смотреть спектакли. Эту работу лига осуществляла в очень малых размерах. Из актеров в лигу часто ездил Н. Н. Ходотов; другие требовали денег, которых у лиги не было. Колышев задумал организовать собственную труппу и с увлечением искал людей. На некоторое время он сам стал актером. Он ходил по комнате, небритый, неподпоясанный, декламировал монологи. Приглядывался к посетителям и вдруг прозревал в ком-нибудь актера.

— Вот этот-то парень не сыграет Хлестакова?! — кричал Колышев, хватая будущего актера и влюбленно глядя на него. — Да что ты! Он сыграет...

Труппа, действительно, была подобрана, и «Ревизор» был поставлен. Колышев твердо проводил меньшевистскую установку — у легального клуба не должно быть связи с подпольем — и гнал из лиги большевиков. Он не возражал, когда они ходили на лекции, — некоторую часть посетителей лиги составляли именно слушатели Ушаковской школы, большевики-подпольщики. Но он старательно выживал большевиков, когда они в будни пытались устраивать в помещении лиги свои явки и малые собрания. В будние дни народ приходил в лигу менять книги, играть в шашки и шахматы. Всякие собрания группами меньшевистские руководители лиги воспрещали и рассматривали как нелегальную деятельность. Они говорили, что если полиция застанет такую группу за разговорами, это будет поводом для закрытия лиги.

— Зачем вы губите хорошее дело? — возмущался Колышев. — Мы не можем допустить к себе нелегальщину, иначе не проживем ни одного дня. Как мы ни осторожны... а нас все-таки закрывают. Заведите свой собственный клуб и делайте там, что хотите.

— И заведем, — сказал ему однажды Антон Васильев. — Уже подано заявление градоначальнику. Но пока дело выясняется, не гоняй нас из лиги, дай возможность собраться.

— Буду гонять, — убежденно говорил Колышев. — Вы хорошие ре-

бят, я вас уважаю как социал-демократов, но нельзя допустить, чтобы из-за вас гибло все наше дело.

Колышев знал своих посетителей и, если приходили большевики и было похоже, что у них собрание, тотчас появлялся в комнате и прогонял их. Против него выставляли дозорных—Настю Буйко, Христю Васильеву или еще кого-нибудь, которые давали знать о его приближении, но он понимал все эти хитрости. Колышев прикручивал лампу и брался за щетку:

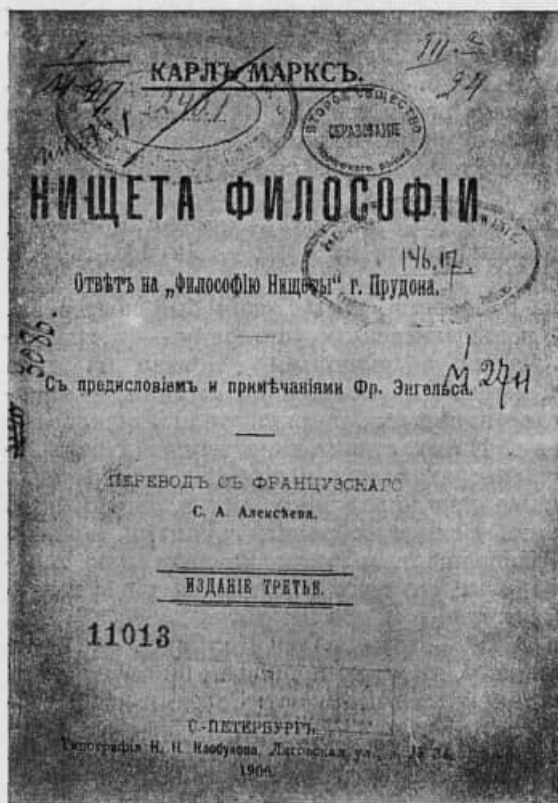
— Поздно, голуби... Закрываем. Хорошая вы молодежь, ступайте вы к чорту...

Как ни старался Колышев выжить большевиков, они продолжали собираться в лиге для своих партийных дел. Лига была местом, где под вывеской легальной организации могла проводиться нелегальная работа. Но чем дальше, тем трудней становилось преодолевать сопротивление меньшевиков. Меньшевики настойчиво проводили свою линию на ликвидацию подполья. Борясь с ликвидаторами за лигу, большевики решили использовать другую легальную организацию в районе — Ушаковскую школу.

Пустующие по вечерам классы эстонской детской школы на Ушаковской улице, в доме № 12, занимала школа для взрослых. Она была основана еще во время революции группой педагогов во главе с Е. Е.

Флеккель. Сперва школа была мало заметна в районе. Рабочий шел в боевые дружины, на митинги. В 1907 году, когда исчезли боевые дружины и прекратились митинги, Флеккель и школа остались. В школе в нескольких группах преподавали общие предметы: грамоту для начинающих, арифметику и русский язык для малограмотных, алгебру, геометрию, техническое черчение для слушателей высшей группы. Два раза в неделю все группы объединялись на лекциях по истории, политической экономии, литературе, биологии, астрономии. Флеккель старалась подобрать для школы лучших педагогов. Она говорила:

— Вести обычный академический курс может любой педагог. А тут нужен талант, чтобы давать основное, выжимки. Преподаватель должен уметь увлечь рабочего, который еще не

— Одна из книг библиотеки общества «Образование»

привык тратить время на учение, который сегодня здесь, а завтра — там...

Педагоги в школе работали бесплатно. С учеников Флеккель брала плату в тридцать-сорок копеек в месяц на наем помещения, а так как этого не хватало, то в школе устраивали платные концерты. Кроме того, через Флеккель поступали некоторые суммы, собранные в городе среди интеллигенции. В школе проводился принцип самоуправления: в каждой группе учащихся был свой выборный староста, входивший в совет школы.

Антон Васильев пригляделся к обстановке школы и убедился, что хотя руководство ее либерально-меньшевистское, но школа как легальное учреждение может быть использована для подпольной работы. Он поступил в школу и постарался поближе узнать Флеккель. В ней подкупало то, что в трудное время она не ушла из района вместе с прочими попутчиками революции. Наоборот, именно с наступлением реакции она особенно широко развернула работу. Жена инженера, директора завода на Урале, она могла бы жить без забот, но вместо этого в течение ряда лет изо дня в день является в Нарвский район, работает в школе, добывает учителей и средства, защищает школу от полиции и чиновников учебного ведомства.

Первый состав слушателей был набран через партийные организации. Слушатели являлись с рекомендацией: «Меня прислал такой-то». И уже когда все места заполнились, было вывешено официальное объявление о наборе слушателей. Это значило, что Флеккель хотела работать с передовым составом слушателей. С другой стороны, подпольной работе она не придавала значения, и все партии — и большевики, и меньшевики, и эсеры — были для нее одинаковы.

— Все вы еще желторотые, — говорила она. — Вы не вылезете из разговоров о революции, пока не добьетесь знаний. Без знаний ничего не будет. Только культурный рабочий сделает революцию.

Антон Васильев не раз приходил к Флеккель беседовать о задачах школы.

— Революция разбудила рабочую массу, — говорила Флеккель. — Масса всколыхнулась — надо не дать ей остыть. Серый народ мы расшевелим, а подготовленных двинем дальше.

— Так, так... — поддакивал Антон, но улыбался с хитрецей, точно чего-то в рассуждениях Флеккель не хватало. Флеккель догадывалась, что именно привело к ней Антона, и не удивилась, когда после многих улыбок он вдруг взглянул серьезно и поставил вопрос напрямик:

— Почему у вас лекторами или меньшевики, или эсеры?

— Они не меньшевики. Они люди науки и текущей политикой не занимаются. Когда мы приглашаем лектора, мы смотрим, чтобы по убеждениям он был социалист, а народник он или марксист и какой именно марксист — такие различия нас не интересуют. Вы хотели бы, чтобы все педагоги были большевики, но педагогов-большевиков не найти.

— А если я найду?

— Если найдете, зовите. Но только таких, чтобы не подвели школу пустяками. Школа прежде всего должна быть школой.

Антон считал, что школу нужно всячески использовать для нелегальной работы, но осторожно, не подставляя ее напрасно под полицейский удар. Были среди слушателей молодые, горячие большевики — братья Генрихсоны, Альберт и Алексей, которые считали, что надо, не стес-

няясь, пользоваться школой для нелегальной работы, хотя ряд партийных поручений можно было бы без ущерба для работы выполнять и вне стен школы. Антон и другие подпольщики возражали против этой точки зрения, и Флеккель, найдя поддержку у основной группы партийных рабочих, утихомирила молодежь. С ласковостью опытного педагога она говорила о Генрихсонах.

— С большим темпераментом ребята, но желторотые...

Однажды Антону некуда было деть нелегальную литературу. Он притащил ее в корзину, намереваясь временно спрятать в школе. Флеккель запротестовала. Антон взвалил на плечи корзину и пошел искать другое место для хранения литературы. Флеккель забеспокоилась: Антона арестуют, и тогда будет на ее совести пятно. Вечером она встретила Антона на улице целым и невредимым, бросилась ему на шею и поцеловала его. О хранении литературы Антон решил с Флеккель не спорить, но вопреки ей все же использовал школу для партийной работы.

В аудитории школы происходили встречи и собрания партийных работников. Члены районного комитета и некоторые работники Петербургского комитета РСДРП, в том числе Шура Буйко, на случай облавы были заранее записаны учениками школы. Однажды вместо официального лектора явился Николай Гурьевич Полетаев и сделал доклад о работе социал-демократической фракции III Государственной думы. В школе устраивались совещания по поводу выборов рабочих делегатов на съезды — женский и антиалкогольный.

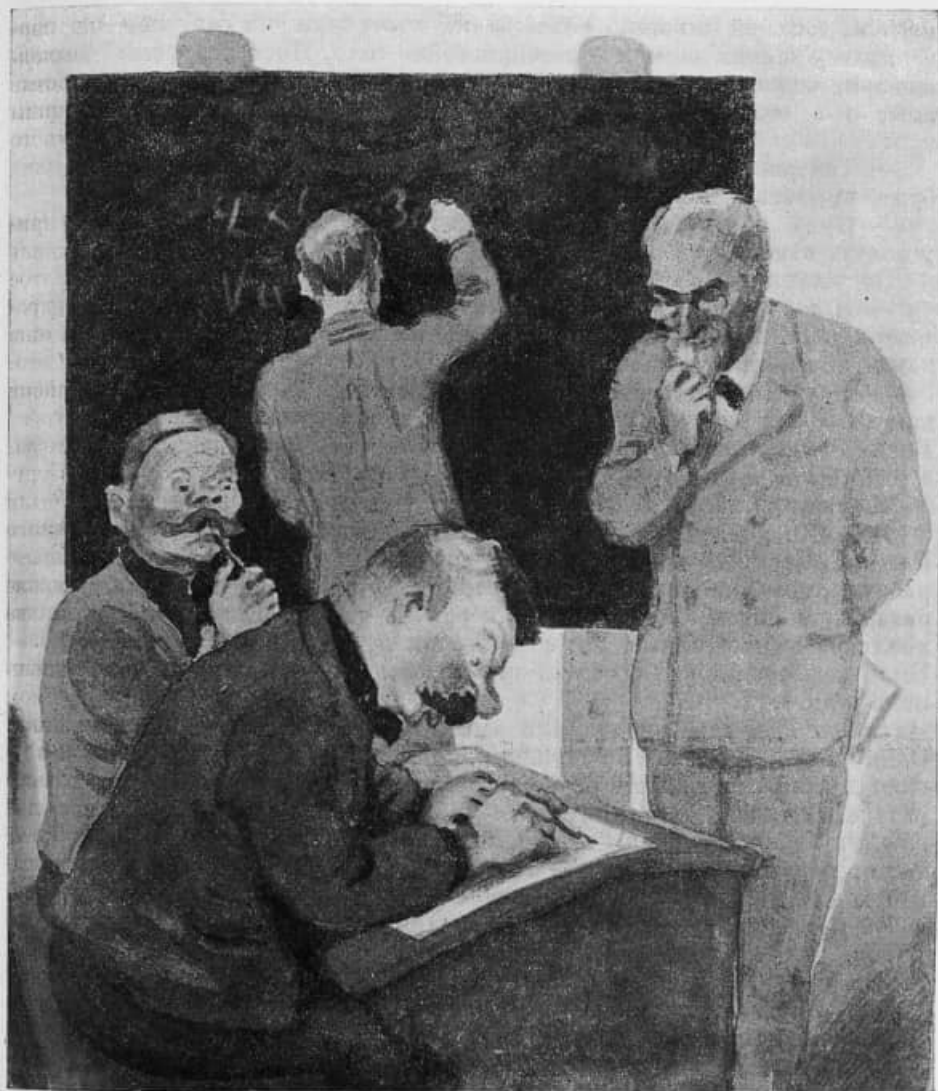
В школе утвердился лектор — большевик Алексей Александрович Ильин, служивший юрисконсультom в городской управе. В его служебном кабинете под видом посетителей бывали подпольщики-большевики. В школе он читал лекции о социальной гигиене. О чем бы он ни говорил — о водопроводе, о холере, о канализации, о положении рабочего класса при капитализме, — он подводил слушателей к революционным выводам.

Обстановка в школе во всем была благоприятна для подпольной работы: даже сторожиха Екатерина Ивановна Агапова при полицейских облавах долго придерживала дверь, изображая глухую перепуганную старуху.

За Нарвской заставой, среди кабаков и церквей, школа была островком культуры. Учащиеся школы, как и все школьники, имели учебники, но идя в школу, они прятали их под платьем: рабочий с книгой в руках тогда выглядел странно и подозрительно. Толстый энциклопедический словарь Павленкова, который ученица Рива Кунская всегда носила с собой, не помещался под платьем — он был разрезан на три части и укладывался в маленький плоский саквояж. Тетради для записи лекций обычно оставались в школе, а исписанный листок выдирали и уносили домой.

Полиция не выпускала школу из поля зрения и не давала ей разрастаться. Как только число учащихся доходило до полутораэта, полиция устраивала налет. После такой встряски часть учащихся отсеивалась, число их падало до полусотни, но потом неудержимо росло вновь, доходя до полутораэта — до нового налета полиции.

Флеккель имела представительную внешность, у нее были связи и влияние. Полиция с ней церемонилась и ее лично не трогала. На уроках и лекциях полицейские не присутствовали, но была попытка подсылать своих людей для внутреннего наблюдения. Однажды в школу записалось трое слушателей, в которых рабочие узнали переодетых городских. Рабочие заявили об этом Флеккель.

Городовые в школе. (Рисунок Н. Радлова.)

— Не волнуйтесь, — сказала она. — Не подавайте виду, будто вы их знаете. Все можно сделать без шума.

Городовые были в группе начинающих. Эта группа занималась только грамотой, к конспиративным делам доступа не имела. Кроме учебы, городовые ничего не видели. Их нарочно загружали уроками, доводили до десятого пота. Они не выдержали и через три месяца ушли из школы. Перед уходом благодарили Флеккель за науку.

По учебной линии школа была подчинена инспектору Петербургского учебного округа. Во время его редких посещений в классах соблюдалось

подобие детской школы. Учителя не отступали ни на шаг от программы. Ученики сидели благопристойно-тихо. Инспектор был доволен школой, пока, однажды, не застал ее врасплох. Он вошел в канцелярию, а в это время в комнату вбежал молодой слушатель и крикнул:

— Товарищ Евгения Ефимовна, идите сюда. Сейчас мертвая лягушка будет прыгать...

— Куда я попал? — спросил инспектор, вставая с места. — Что у вас за отношения с учениками?

Он ушел и через день прислал извещение о закрытии школы.

— Я допускаю, — сказал инспектор, — что они называют друг друга товарищами. Может быть, в этой среде такая мода. Но как он смел вас, начальницу, назвать товарищем?

— Неужели вы хотите, — сказала Флеккель, — чтобы во всем районе для взрослых рабочих не осталось ни одной школы? Куда им деваться? Когда вы увидите кулачный бой, вы поймете, что надо не закрывать школы, а открывать новые в каждом переулке.

Инспектор после долгих уговоров снял свое запрещение.

Все, кто уцелел после поражения революции, понемногу собирались в школе. Сошлись люди различных партийных оттенков. Было несколько рабочих, которые называли себя эсерами, — очевидно, по старой памяти: организационных нитей у эсеров в районе уже не было. Были «принципально» внепартийные, которые говорили, что им в партиях «душно». Были и ликвидаторы, но здесь они не имели того влияния, какого добились в лиге.

Очень скоро в школе стали задавать тон большевики-подпольщики. Одни посещали лекции по технике, другим еще были нужны дробы и русский диктант. Все вместе слушали лекции по истории, экономике и литературе. Пятидесятилетний Анисим Костюков тоже добросовестно посещал школу. Учащиеся школы держались гораздо более сплоченно, чем посетители редких лекций в лиге. Тот, кто ходил в школу, назывался «наш»; кто ходил только в лигу, назывался «лиговский». «Наши» представляли собой коллектив; «лиговские» — случайный, не связанный между собой народ.

Осенью 1907 года в школу записалась работница «Треугольника» Анюта Иванова, худенькая девушка, похожая на курсистку. До Ушаковской школы она прошла начальную и некоторое время посещала подпольный пропагандистский кружок. Анюта привлекла в школу многих девушек: галошниц с «Треугольника», ткачих и прядильщиц с Ревоостровской фабрики, с Триумфальной, конфетниц с фабрики принцессы Ольденбургской, портних. Знакомства завязывались не на фабриках, куда не было доступа, а по квартирам или же в общих кухнях и коридорах огромных домов на Обводном канале. Анюта спрашивала молодую работницу:

— Ты где проводишь вечера?

— Сажу дома.

— Хочешь учиться? Хочешь, я тебе покажу такое место! Завтра мы пойдем вместе. Ты посмотришь.

Девушкам гораздо труднее было пробиться к знаниям, чем юношам. Родители косо смотрели на поздние возвращения, подозревали плохое. Если девушки объединялись в кружок, им негде было соби-

ратся: отдельных комнат ни у кого не было, у всех семьи — родители, ребяташки. Для короткого собеседования шли в чайную. Входили, опустив глаза, — девушкам и по чайным ходить не полагалось. В Ушаковской школе они нашли пристанище. Здесь они учились общим предметам и входили в женский кружок, который влился в путиловскую организацию большевиков. В кружке читали «Роман моей жизни» Лилли Браун, «Женщину и социализм» Бебеля, газетные статьи о суффражистках.

Представительницей кружка в районном комитете была Анюта Иванова. Очень способная — ее называли самородком — она быстро все схватывала, умела хорошо говорить и скоро приобрела авторитет в районной большевистской организации. Когда в 1908 году Петербургский комитет решил организовать делегацию от работниц на Всероссийский женский съезд, он поручил Анюте Ивановой возглавить делегацию работниц и с трибуны этого буржуазного съезда огласить требования работниц. На съезде рабочая делегация противостояла образованным либеральным дамам, которые собрались, чтобы потребовать равных политических прав с мужчинами и равного права на труд. Царская власть не позволяла женщинам быть адвокатами, инженерами, чиновниками, профессорами. Дамы имели в виду именно такой труд. Анюта предложила им притти на «Треугольник» и убедиться, что пролетарской женщине «право на труд» уже дано и сводится оно к праву на нищету и вырождение.

— Многие из вас пришли на съезд убивать свободное время, — сказала Анна Иванова, — а работнице, чтобы попасть на съезд, надо было обмануть мастера, фактивно заболеть, лишиться заработка...

Она прочла доклад о политическом и экономическом положении работниц. Доклад был подготовлен с помощью большевиков из Петербургского комитета и содержал яркий, обличающий фактический материал. В конце доклада были выдвинуты требования социал-демократической программы: свержение самодержавия, политическая свобода и восьмичасовой рабочий день — первые этапы действительного освобождения женщин.

Резолюция, предложенная Анютой, застряла в президиуме. Дамы свысока отнеслись к делегации работниц. Анюту упрекали в политической незрелости. На самом деле, молодая работница видела дальше и понимала больше, чем буржуазные участницы съезда.

Несколько позже женский вопрос был внесен на обсуждение Государственной думы. Буржуазные адвокаты разливались потоками слов, проливали крокодиловы слезы по поводу проституции, принявшей в годы реакции ужасающие размеры. Кроме благотворительных рецептов и требований введения надзора за проституцией, они ничего не предложили. В ответ лицемерам с краткой и страстной речью выступил Николай Гурьевич Полетаев. Он заявил, что в росте проституции виновата буржуазия, которая выкидывает на улицы сотни безработных женщин. Проституция будет уничтожена лишь вместе с уничтожением строя насилия и капиталистического рабства. Под конец прямо в лицо лицемерным думцам Полетаев бросил гневные и вызывающие слова:

«— Не вам, господа, здесь лечить важнейшие стороны женского вопроса. Это не задачи политической проституции».¹

¹ Стенографические отчеты Государственной думы III созыва, сессия II, ч. IV, стр. 898.

Так большевики, используя разные легальные трибуны — думу и съезды, разоблачали царский строй и призывали рабочих к борьбе за полное уничтожение строя эксплуатации и рабства.

Анюта Иванова, так же как и десятки молодых рабочих и работниц, была многим обязана Ушаковской школе. Однако подлинное революционное воспитание она получила не в школе. Только пройдя через подпольные кружки, рабочий делался большевиком. В годы реакции вовлечение в организации стало более осторожным. Рабочий должен был раза три притти на кружок, прежде чем от него принимали членские взносы, и только после этого он привлекался к партийной работе. И на кружок рабочий попадал не сразу: перед этим его прощупывали на художественной литературе; давали, например, прочесть «Мать» Горького и спрашивали:

— Как тебе герои нравятся?

Прощупывали и на таких книгах, как «Овод» Войнич, «Спартак» Джованьоли, «История одного крестьянина» Эркманн-Шатриана, «Углекопы» Золя, «Марсельцы» Феликса Гра. Эти книги ходили в рабочей среде, их можно было получить и в библиотеке лиги «Образование».

К концу 1907 года в районе осталось очень немного пропагандистов, в то время как в годы революции коллегия пропагандистов Нарвского района насчитывала до тридцати человек. Среди пропагандистов были две курсистки — Сарра Брансбург и Анна Цикуленко. Сарра Брансбург в 1906 году приехала на курсы из глухого еврейского местечка и сразу же попала в революционную организацию Нарвского района. В годы революции много таких девушек приезжало из провинции в Петербург. Однако Сарра отличалась от них тем, что, вернувшись после каникул в Петербург осенью 1907 года, когда уже свирепствовала реакция, она все же снова пошла в район. Анна Цикуленко, ровесница Сарры, в годы революции работала в городском районе среди портных-ремесленников. Она вела несколько кружков. Когда один из них доходил до программы-максимум, в другом только начинались занятия. Метод работы: с голоса, без книг, без записей. Она рассказывала слушателям программу, а они повторяли ее рассказ чуть не слово в слово. Теперь она руководила кружком рабочих Нарвской заставы.

Некоторое время, в начале 1907 года, пропагандистом работал В. Ватин (Быстрянский), студент филологического факультета Петербургского университета. Вследствие нехватки пропагандистов Соня, кроме секретарской работы, занималась и пропагандистской. Ей поручили кружок рабочих Резвоостровской мануфактуры, связанный с путиловской большевистской организацией. Она рассказывала товарищам о своем кружке:

— Там совсем другой народ. Все бородачи. Живут артелью. Всегда, когда я к ним прихожу, у них обед или ужин. Едят из общей миски. Они приспособят все, что нужно для еды, возьмутся за ложки и скажут: «Теперь говори». Они просят говорить: есть бог или нет, о запахах, об Иоанне Кронштадтском. Когда я заговорила о профессиональном союзе, они сказали: «Это городским рабочим нужно, а нам ни к чему. Если нас расчитают, мы в деревню уедем...»

Число членов в кружках зависело от энергии организатора подрайона. Он собирал людей, он находил квартиру и проверял ее — кто соседи и слышно ли через стену. Место для занятий искали у тех, кто жил в отдельной комнате, без угловых жильцов. Для охраны собра-

ния выставляли патруль. Иногда патруль был тройной: на углу улицы, в воротах дома, у дверей квартиры. У каждого патруля был свой пароль. Иному слушателю чаще приходилось стоять в патруле, чем слушать лекции. Организатор отвечал за безопасность собрания. От пропагандистов требовалось — итти, никого ни о чем не спрашивая. Весь маршрут вплоть до квартирной двери сообщали заранее.

Пропагандисты часто выбывали из строя. Новые приходили редко. Чтобы кружки не развалились, Антон Васильев в 1908 году сам стал пропагандистом. Он собирал людей, приносил книгу:

— У нас пропагандистов нет. Я тоже не пропагандист. Образования не имею. Учен из тех прокламаций, которые сам же и печатал. Давайте, возьмем книгу, будем читать главу за главой...

На собрание женского кружка он принес первый том «Капитала». Работницы только приступали к занятиям и были совсем не подготовлены. Сам Антон не мог объяснить многих слов, встречавшихся в тексте, и если Анята Иванова тоже не знала их, он говорил:

— Об этом надо будет спросить у знающего человека, — и продолжал читать дальше.

За разъяснениями Антон обращался к Алексею Александровичу Ильину.

Когда оказалось, что чуть не на каждой странице есть слова, о значении которых надо справляться у Алексея Александровича, «Капитал» был отложен. На следующее занятие Антон принес краткий курс политической экономии Богданова. Несмотря на слабую теоретическую подготовку Анто́на, его кружки держались. Он привлекал доступностью изложения, которая многим пропагандистам-интеллигентам никак не давалась. Их общей бедой был книжный, уснащенный иностранными словами язык. Антон книжные термины переводил на свой язык, от прибавочной стоимости и от теории кризисов он, как практик, непосредственно переходил к злобе дня — к безработице, к тому, что происходило в цехах, к объяснению роли и задач партии. И слушатель не удивлялся, когда в результате этих рассуждений перед ним ставилась практическая задача на сегодняшний день: всем участникам кружка записаться в лигу «Образование», участвовать в перевыборах правления и вытеснить оттуда меньшевиков.

В районе работал «кружок высшего типа». По существу это была школа агитаторов, в задачу которой входило предварительное обсуждение очередных тем для выступлений на рабочих собраниях — на заводе, в лиге, в школе. Кружок этот занимался нерегулярно, собирался от случая к случаю, в зависимости от необходимости и возможности провести выступления. Во время эпидемии холеры члены кружка — те же заводские и районные активисты — выступали на собраниях, на которых рабочие избирали санитарные комиссии. Благодаря большевистскому разъяснению многие поняли, что причины распространения эпидемии — голод, безработица, нужда — вызваны политикой капиталистов. Интерес к этим разъяснениям был настолько велик, что районный комитет большевиков отпечатал специальный листок, посвященный борьбе с холерой.

В обычных кружках курс занятий начинался с объяснения лозунга «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» Затем разъяснялась программ минимум: свержение самодержавия, восьмичасовой рабочий день, конфискация помещичьих земель, всеобщее, прямое, равное и тайное изби-

рательное право, свобода союзов, собраний, слова, печати и т. д. Потом уже приступали к программе-максимум — что такое социализм.

В каждом кружке большевик-пропагандист обязательно проводил занятия, посвященные вопросам вооруженного восстания как высшей формы классовой борьбы. Вся работа большевиков в кружках и легальных организациях была направлена к одному: укреплять ряды революционной партии и готовить рабочие массы ко второй российской революции.

ДВА СОБРАНИЯ

За Путиловским заводом в направлении к деревне Волынкиной копали землю для железнодорожной ветки. Оставшаяся выемка заполнилась водой — получился пруд. Это место называлось — Резерв. Почти со всех сторон оно было защищено: железнодорожной насыпью, строениями Путиловского завода, заборами Новопроложенной улицы. Если посадить патрульного на вал, ему будет видно, когда полиция пойдет со стороны шоссе; сзади же полиции не подойти — там болото.

Зимой в воскресные дни на льду пруда сходились на кулачки две стени — волынкинская и новопроложенная. Летом и осенью приходили орляники и картежники. Они залегали под насыпью, на сухих местах. Любители выпить на свежем воздухе рассаживались кучками вокруг бутылки и огурцов, разложенных на листке лопуха. Место было сырое, затоптанное, с осадком копоти на траве. В сухую погоду трава казалась бурой, но после дождя, смывавшего копоть, все оживало, и свежая зелень привлекала народ. Семейные с самоварами сюда не ходили, предпочитая Лауτροво поле и Екатеринбургф.

Собрания районного комитета обычно бывали по воскресеньям. В летнее время для собраний удалялись в леса. Были испробованы: Поташов лес, Чортов мост на Лаутровом поле, роща против «Сумасшедшего дома». Ездили на лодках на Канонерский остров, на Каменный вал, на голову дамбы, где встречали заграничные пароходы. Несколько раз собирались на лесах строящегося дома на Балтийской улице, выбирая время, когда постройка пустовала. Резерв также был испробован два раза — оба раза собрания прошли без тревоги. В третий раз собирались туда, как на привычное место.

Подожли с видом прогуливающихся Шура Малый, рабочий металлографической лаборатории, и Соня, секретарь районного комитета. Шура Малый был красивый пышноволосый парень, опрятно одетый, танцор и гуляка, в то же время опытный подпольный работник. Звали его Малым в отличие от Шуры Буйко, хотя ростом он был выше его. Орляники оглядели Шуру и его барышню. Соня была в блузке с черным галстучком — значит, барышня не заставская. За заставой не любили уступать своих барышень городским, но если свой парень приводил городскую, это было даже лестно.

Пришел плотный и простоватый старик с важной осанкой и подвижным смешливым лицом, похожий на крестьянина в городском платье. Он подсел к Соне и значительно сказал:

— Принес.

— Что принесли, Анисим Федорович?

Костюков вынул из-за пазухи сложенную пополам тетрадку и, прикрывая ее рукавом, подал Соне:

— Тут вся моя жизнь. Почитай.

Было известно, что Костюков пишет свою автобиографию. Соня, прикрывая тетрадь, отвернула обложку, бегло просмотрела одну страницу. Попались слова: «новая вера». Повидимому, это была история превращения Анисима Костюкова из отсталого и пассивного рабочего в революционера-большевика. Соня спрятала тетрадку в рукав.

Пришел Антон Васильев. В воскресном платье он был совсем другой, чем в будние дни после работы в порту. В пиджаке, в мягкой шляпе, веселый, улыбчивый, он выглядел разбитным кадровиком-рабочим, и теперь не показалось бы странным, если бы он заговорил о резолюциях Лондонского съезда или о прибавочной стоимости.

Он подсел, вынул колоду карт, подмигнул товарищам:

— Сыграем.

Стасовал карты, раздавать не стал, спрятал их в карман.

— Придет Шура Большой? — спросил он Соню. — Извещен?

— Придет.

О других Антон не спрашивал. Многих он перевидал сам утром, извещая о собрании.

Пришел модельщик Александр, невысокий, в рубаше, ремень с бляхой поперек живота. Пришел чистенький Порфирий Дроздов. Пришел Иван Севастьянов, организатор лафето-снарядной мастерской, и с ним Ваня Костюков, тихий и торжественный, явившийся на собрание, как на праздник. Пришел солидный Максим Анисимов, литейщик. Появился молодой парень Митя из вагонного цеха, прозванный «Апельсинчиком» за красные щечки. Пришел маленький Павел Сынков. Его, как самого молодого, Антон отправил на вал — патрулировать. У Сынкова такая была судьба — больше патрулировать, чем присутствовать на собраниях.

Когда появился Шура Буйко, его не сразу узнали: он был в новом осеннем пальто табачного цвета — то ли отец припас, то ли партийная «диета» неожиданно была выплачена полностью. Шура подошел веселый. Он подсел сбоку. В середине как бы началась картежная игра. Шуре было предоставлено слово. Тема — положение в районах и борьба с отзовистами. Шура рассказывал, что в некоторых районах мутят отзовисты и сейчас задача — разоблачить их, выгнать из Петербургского комитета и руководства районами. Говорил он, не повышая голоса. Место среди орляников и гуляющих вполне подходило для конспиративного собрания. Но требовалось соблюдать внешность — не только иметь при себе карты, но и проявлять интерес к игре. У настоящих игроков руки ходят равномерно, глаза прикованы к картам, головы наклоняются и откидываются враз и во время игры длинных разговоров не бывает. А тут игра как будто бы была и как будто ее не было. Об игре то забывали, то спохватывались. Опытный взгляд сразу заметил бы, что вовсе не игра связывает странную компанию: старика, девушку, нескольких рабочих парней и разговорчивого молодого человека в табачном пальто.

У полиции были разнообразные способы добывать сведения о нелегальных собраниях. За квартирами следили дворники, или, как их называли в районе, «сидоры». В лес, кроме обычных шпиков, посылали женщин с корзинами, которые будто бы собирали ягоды и грибы. Заметив где-нибудь группу людей, занятых разговорами, соглядатаи давали знать на

полицейский пост, откуда высылали облаву. Выслеживанием занимались и черносотенцы — сами и через своих мальчишек, которых они учили ползком подбираться к собравшимся. Неизвестно, кто и как донес о собрании на Резерве, но довольно скоро патруль с вала заметил наступление полиции. Полицейские бежали с револьверами наготове и кричали:

— Стой!... Будем стрелять!

Орлянички и те, кто не имел причин беспокоиться, остались на местах. Остальные бросились врассыпную. Началась стрельба, свист. Нелегальный Шура Буйко никак не должен был попасть в руки полиции. Путиловский завод в то время можно было обогнуть по Корабельной улице. Шура вместе с Антоном побежал вдоль забора. Пальто мешало Шуре, и он сбросил его.

Полиция захватила много народу, главным образом игроков и случайных прохожих. Из участников собрания захватили Анисима Костюкова и Митю Апельсинчика. Митю ранили пулей в ногу, он остановился и сказал: «Сдаюсь». Костюков выкрутился, представился простоватым. Околоточный спросил его:

— Ты, старик, какой партии?

— Да я Иван Ивановича партии. В его партии на обрубке работаю...

Он сыграл на том, что слово «партия» имело двойной смысл: рабочая бригада в то время также называлась партией. Всем своим видом он показал, что даже и не подозревает о существовании политических партий. Один из городских заступился за него.

— Я видел, этот старичок мимо шел...

Соня побежала через огород в сторону Новопроложенной. В рукаве нащупала тетрадку Костюкова. Попадись тетрадка полиции, это был бы документ и против Костюкова и против Сони. Она сунула ее в канаву. На огороде спряталась в капусте между грядками. Думала, что ее не видно, но подняв голову, обнаружила, что на крышах сидят привлеченные стрельбой люди и наблюдают за каждым ее движением. Причина стрельбы всем была понятна — накрыто подпольное собрание. Девушка, которая сидит в капусте, — несомненно курсистка. Но никто из сидевших на крыше ничем не помог полиции. Соня перелезла через забор и попала во двор дома, к которому примыкал огород. За забором была грязь — кто-то постлал солому. Незнакомый рабочий провел Соню к себе. У плиты стояла его жена, молодая деревенская женщина. Соня сказала:

— Мне надо переодеться.

Жена рабочего была того же роста, что и Соня. Она плохо понимала, что происходит, но дала Соне юбку и кофту. Переодевшись, Соня вышла на улицу.

Полицейские не догадывались, что те, которых они искали, сумели скрыться. Они погнали толпу орляничков и картежников в участок; те, искренне возмущенные, кричали о своей невиновности, а городские сосредоточенно и зло подталкивали их так, что они валялись с ног. Из участников собрания в руках у полиции остался Митя Апельсинчик. Осталось табачное пальто. Митя был выслан из города. Пальто долго лежало в участке: его предъявляли дворникам для опознания. Автобиография Костюкова так и погибла в канаве.

Все труднее становилось устраивать собрания районного комитета. У Костюкова и Антона собираться уже нельзя было — полицейская слежка особенно усилилась к зиме 1907/1908 года. Каждый раз нужно было

Собрание на Резерве (1908 г.)

(С картины П. Будиона)

искать новую квартиру для собрания — уже не у большевиков, а у сочувствующих, ни в чем не замеченных рабочих. В феврале 1908 года районный комитет собрался на Елизаветинской, в доме № 24. Таких квартир, как та, в которой происходило собрание, было много в двухэтажных деревянных домах за заставой. По случаю масленицы из кухонь в общий коридор шел блинный чад. Угловые жильцы, которым некуда было деваться, уходили в город на масленичные балаганы. Семейные занимались дома блиноедением. Основу праздника составляли: водка в утроенном количестве, подмасленные и подсолненные блины. Был обычай на масленой подъедать все скоромные запасы, чтобы к чистому понедельнику перейти на редьку и квас. По квартирам на Елизаветинской, от блинов к блинам, бродила Посулиха, нищенка, знаменитая тем, что каждую масленицу объедалась до беспамятства. Под конец хождений в какой-нибудь квартире она сваливалась на пол, бездыханная, с разинутым ртом. Лечили ее домашним способом: звали ребятишек и заставляли кататься через Посулиху. Посулиха кряхтела и шипела.

— Покряхтывает, — говорила хозяйка, видя, что Посулиха начинает оживать; — бог милостив. Катайтесь, ребятишки, катайтесь...

В таком густом блинном чаду и состоялось собрание районного комитета совместно с коллегией пропагандистов. Собрание было посвящено вопросу об открытии легального большевистского клуба в противовес ликвидаторской лиге «Образование». По закону, который правительство принуждено было издать во время революции, каждый русский подданный, достигший определенного возраста, не опороченный по суду и имеющий отдельную квартиру, мог учреждать общество. Он подавал заявление градоначальнику, прилагал гербовые марки, справку о несудимости. Если эти формальные условия были соблюдены, градоначальник автоматически разрешал открытие общества, оставляя, однако, за собой право на следующий же день приостановить его деятельность или же прикрыть его совсем. Рабочие профессиональные и просветительные общества так и существовали, возникая и закрываясь, и всегда имели наготове запасное разрешение, чтобы, закрывшись под одной вывеской, через некоторое время открыться под другой.

Заявление в градоначальство было написано от имени Анисима Федоровича Костюкова. Все остальные были или очень молоды, или «опорочены», или не имели самостоятельной квартиры. Разрешение от градоначальника на открытие общества «Свет» было получено.

Хозяин квартиры, где происходило собрание, искренне сочувствовал революционерам. Он гордился возможностью помочь им и, не желая стеснять своих гостей, с самого начала ушел в пивную. Там он подвыпил. Заметив неподалеку от себя околоточного Маркина, с наивным злорадством сказал ему:

— Ходите вы тут по пивным, подсматриваете за рабочими, думаете кого-нибудь поймать, а когда собираются целыми десятками, так этого не видите...

Разгорячившись, он стал угрожать Маркину:

— Вот позову — тебе наложат...

Рукой показывал, откуда он позовет. Рука пьяного человека сама собой протягивалась в сторону Елизаветинской улицы, и Маркин, зная и рабочего и его квартиру, быстро сообразил, что тут для него есть дело.

Павел Сынков и Ваня Костюков стояли в патруле. Опасности они ждали только со стороны шоссе. Маркин, прихватив несколько «сидоров» и городских, обошел сзади через огороды прямо к квартире хвастуна.

Дверь на его стук открыли не сразу. Соня прихватила с собой пачку листовок, чтобы раздать после собрания. Когда в дверь постучали, она бросила их всей пачкой под стол. Член районного комитета, бывший боевик Михаил Сальман, по кличке «Солдат», имевший особые причины не попадаться полиции, полез под кровать. Фальшивый паспорт не спасал его: у него была очень заметная внешность — смуглое лицо, острый профиль, чахоточный блеск в глазах.

Маркин был ретив, но не опытен. Он не знал, как себя держать. Войдя, он вежливо сказал: «Здравствуйте». Потом вынул револьвер и крикнул: «Ни с места!» Но так как люди продолжали спокойно сидеть, он снова перешел на мирный тон. Костюков с достоинством предъявил разрешение градоначальника на открытие просветительного общества «Свет» и добавил, что не знал, будто нужно еще специальное разрешение на то, чтобы собраться и обсудить это дело.

— Ладно, — сказал Маркин. — Предположим, что вы, рабочие, собрались обсудить это дело. А при чем тут посторонние барышни?

— При клубе будет библиотека, — сказал Костюков. — Я рабочий и не могу знать, какие книги полезны рабочему и не вредны для полиции. А эти барышни знают...

Анна Цикуленко подтвердила, что действительно пришла для этой цели, а также для того, чтобы организовать концерт в пользу нового общества.

Маркин в многолюдстве растерялся, дал себя запутать и, после поверхностного осмотра комнаты, сел писать протокол. В протоколе написал, что, кроме официального документа от градоначальника, никаких бумаг у присутствующих не найдено. Стоявшие столбами «сидоры» приложили к протоколу руки. И уж после того Маркин, заглянув под стол, заметил пачку листовок.

Разъяренный и растерянный, он по-новому взглянул на окружающих. Небольшая ошибка в последовательности полицейских действий погубила его. По букве закона предметы, не попавшие в протокол, не могли считаться судебным доказательством. Награда за раскрытие революционной организации, повышение по службе — все сорвалось из-за его же промаха. Он может сколько угодно потрясать листовками и утверждать, что они принадлежат арестованным, — арестованные будут говорить, что листовки подброшены, и ему нечем будет их опровергнуть. Судебного дела не получится.

— Господа, — сказал он жалобно, как бы прося о справедливости, — ведь вы же не станете отрицать, что это ваши листовки. Я их впишу в протокол.

Но Костюков, а за ним все остальные заявили, что не позволят ничего записывать, и отрекались от листовок с тем большей искренностью, что до этого никто, кроме Сони, действительно не знал об их существовании.

— Ладно, — сказал Маркин, — в участке поговорим. Я-то знаю, что вы за птицы.

В участок арестованных повели посреди улицы, под конвоем. Улица была пьяная, праздничная. Встречный народ направлялся на пустырь в конец Елизаветинской, на кулачный бой, который в праздник начинался с точностью театрального представления. На шоссе в вейках с бубенцами

и розовыми лентами под дугой катались целые семейства. Нанимали вейки от завода до Нарвских ворот и обратно за тридцать копеек, — и они по традиции трусили вперед, трусили назад. Молодежь каталась в розвальнях с голосьбой и песнями под гармошку. На площади за Химическим переулком крутилась карусель. Праздник справлялся, как и в прежние годы, но из-за малолюдства и безработицы все было беднее. У карусели толпились ребята, которые больше смотрели, чем катались. Веек наехало мало.

Кучка людей, шедших под конвоем городских, резко выделялась в убогой уличной толчее. Прохожие, заметив среди арестованных девушек — курсисток, сразу догадывались, что ведут политиков. Гармонист в розвальнях, поровнявшись с процессией, прекращал игру, задумываясь... Народ у трактиров замолкал.

Руководил допросом пристав Замятин. У него была своя система допроса: мимоходом, когда человек этого совсем не ожидал, он ударял кулаком из-под низу. Шуре Буйко до крови разбили нос, Антону вышибли два зуба. Когда его начали бить, он закричал. Женщины из другой комнаты стали протестовать.

— Что вы, барышни! — галантно сказал пристав, подойдя к их двери. — У нас не бьют, вам показалось. — И захлопнул дверь.

Антон в этот момент лежал на полу. Двое городских тащили с него сапоги, одновременно с обеих ног. Во время избияния привели в участок и Сальмана. Ему не помогло то, что он полез под кровать, так как квартира была обыскана еще раз. Арестованных несколько раз принимались допрашивать. Отсутствие формальных улик мешало создать политическое дело. Пристав ругал Маркина за нераспорядительность, но ничего не добился. Жители района, в том числе Шура, Антон и Соня, на следующее утро были выпущены под надзор. Пропагандистки Брансбург и Цикуленко были развезены по квартирам для обыска на месте и затем посажены в Литовский замок.

Костюков, когда его выпускали, захотел получить назад разрешение градоначальника на открытие просветительного общества «Свет».

— Какой тебе еще свет! — сказал околоточный. — Никаких светов не будет. Уходи, старик, пока цел.

За устройство недозволенного собрания Костюков отсидел некоторое время в тюрьме и в административном порядке пошел по этапу на родину, оставив в Питере тяжело больного сына и голодающую семью. В былое время, когда он попадал в участок, жена умела его выручать: приходила в участок, плакала, говорила, что он старый бестолковый человек, ее несчастье — полиции с ним и связываться не стоит. Но на этот раз в полиции лежало отобранное у Костюкова заявление, и пристав знал, чего стоит костюковская простоватость.

ТИПОГРАФИЯ

В течение всего 1907 года литература из города еще поступала обильно; к концу года ее стало меньше. В 1908 году Петербургский комитет перестал обслуживать районы — провалилась техника. Соня, бывая на явках в Народном доме или в дешевой столовой на Забалканском, всегда справлялась о литературе. Член Петербургского комитета Л. Серова однажды сказала ей:

— Не ждите литературы. Все провалилось. Районы теперь должны сами о себе заботиться.

— А как заботиться?

— Разве так трудно завести собственный гектограф?..

Неплохой актрисой была эта элегантно одетая красивая женщина. Произнося слова «все провалилось», Серова придала своему голосу оттенок грусти, и когда Соня принесла ей первую листовку, отпечатанную в районе собственными силами, она искренне обрадовалась. Она радовалась и тому, что хорошо заработала, выдав охранке типографию Петербургского комитета, и тому, что предстоял новый заработок: новая маленькая типография, которую можно потом выдать охранке. По вреду, нанесенному партии, эта красивая женщина стояла сотни шпионов и полицейских. Насаждая провокацию, внедряя шпионов в партийные организации, охранка пыталась подточить партию изнутри. В период реакции махровым цветом расцвело провокаторство и предательство. Серова, дочь жандармского полковника, была крупным агентом охранки. Она проваливала типографии, явочные квартиры и собрания, действовала расчетливо, выдавая одних и оставляя других на развод. Серова вела не по средствам широкий образ жизни. Это вызвало подозрения в провокации. Но она долго еще и ловко вводила в заблуждение партийных работников. (Впоследствии провокатор Серова была расстреляна по приговору советского суда.)

В канцелярии «Общества защиты детей от жестокого обращения», куда Соня поступила для заработка, были пишущая машинка и циклосталь. На этом циклостале Соня отпечатала первую районную подпольную газету, составленную по типу настоящей газеты: передовица о безработице, заметки из цехов, фельетон. Цеховые организаторы снесли ее на завод, расклеили по стенам в уборных и около шкафов, раскидали по станкам. Однако напечатанная на циклостале газета выглядела серо и несолидно. Антон Васильев решил организовать настоящую типографию.

Рабочий-наборщик ухаживал за одной девушкой из путиловского кружка. Антон наложил на него дань:

— Если хочешь ухаживать за нашими барышнями — носи мне шрифт...

Наборщик стал носить шрифт кусками, в наборе: двадцать строк, окруженных бечевкой, еще двадцать, еще тридцать. Антон разбирал набор по буквам, раскладывал по бумажкам, прятал бумажки от отца, который теперь мало работал и много времени проводил дома. Постепенно бумажки сменились мешочками: сестра Христя сшила их из лоскутков. Появились валики — чистый и грязный, верстатка, рама для крепления набора, краска. Антон взял верстатку в руки и решил, что теперь его дело верное — была бы верстатка, а наложить в нее буквы каждый сумеет. Он учился набирать, но буквы не держались в верстатке, слова получались искаженные, и дело шло так медленно, что понадобились бы недели для набора одной листовки.

Он ходил в город под окна типографии. По вечерам у этих окон всегда задерживались прохожие, привлеченные мерным и быстрым мельканием белых полос на печатных машинах. Антон шел к окнам наборного отделения. Там было не так светло. На верхних досках реалов были поставлены керосиновые лампочки с косо надвинутыми картонными колпачками. В каждом кружке света стоял наборщик. Левая рука его была неподвижна, правая ходила от верстатки к клеточкам реала, быстро доставала оттуда что-то невидимое и возвращалась к верстатке. Рука

как будто наугад ходила по всем направлениям, а попадала куда надо. Самому Антону, чтобы напечатать букву из мешочка, требовались минуты: буквы были слишком малы для его широких негнущихся пальцев и не держались в них.

Типография принадлежала желтой газете. Наборщики набирали различные известия о происшествиях в уголовном мире, о юбилеях и великосветских балах. Во всей газете, которая появится на следующий день, на восьми страницах не будет ни строчки о рабочей жизни и рабочей борьбе. Люди, которые умеют набирать, за кусок хлеба тратят свое умение на дело, не нужное рабочему, а он, который знает настоящие, нужные рабочему слова, не умеет их набирать.

Однажды Антон, выходя из дома, встретил знакомого рабочего, который жил в том же доме. Тот сказал:

— Замечаю слежку за нашим домом. Не за тобой ли?

— Может быть, и за мной, — сказал Антон. — Спасибо, что предупредил.

Слежка, возможно, была не в связи с типографией, однако типографию следовало перенести в другое место. Антон перенес ее к Беку.

Бек был из числа тех рабочих, которые в годы реакции не сумели определиться политически, но и не забыли пятого года. Он не мог примириться с тем, что партии были во вражде между собой. Говорил, что социалистов и так немного, а они еще тратят время на ссоры. Встречая меньшевиков, он язвительно ругал их за приспособленчество, которое претило ему, называл их столыпинцами, а попав к больше-

У окна типографии. (Рисунок художника В. Серова.)

викам, он защищал ликвидаторов и говорил, что подполье — несерьезное дело.

— Соберутся пять человек в чулане, — говорил он Антону Васильеву, — постановят резолюции и воображают будто от этого что-нибудь случится. Да ты пойди в город, посмотри, что там происходит: гвардия шагает, министры едут на доклад, городовые, как памятники.. Кого ты думаешь испугать резолюциями?

Однако к типографии Бек отнесся с почтением, сказал, что это похоже на дело, и согласился ее хранить. Он жил без семьи, в отдельной комнате, не был связан с организацией, на собрания не ходил, имел меньше шансов попасть полиции на примету. Хранить типографию у него было удобно. Когда приходило время печатать газету, у Бека забирали шрифт, раму, валики и переносили в другое место; там набирали и печатали газету, а затем снова доставляли типографию на место. Носить типографию к Беку и от Бека лежало на обязанности Соии. Кроме нее и Антона, никто из организации не знал, что типография хранится у Бека.

Перед тем как печатать газету, Антон каждый раз искал товарища, который располагал бы отдельной комнатой. Таких было немного. Несколько раз печатали у Павлова на Богомолдовской, печатали в Огородном и еще в нескольких местах. Старались больше одного раза в одном месте не печатать. Комната Павлова находилась в первом этаже. В окно со двора можно было заглянуть. Путь из дворницкой к воротам лежал мимо этого окна. Дворник привык видеть на этом окне занавеску. Антон оставил занавеску. Дворник привык видеть, чтобы в углу перед образом светилась синяя лампадка. Антон позаботился, чтобы лампадка горела, как всегда. В день печатания он приходил с утра. Хозяйка квартиры, сестра Павлова, догадывалась, что значит его посещение, и говорила без особой радости:

— Опять принесла нелегкая...

Она не противилась печатанию, но побаивалась. В этой же квартире прежде жил большевик Иван Севастьянов, которого арестовали. Такой же судьбы она ждала и для своего брата.

Немного позже являлась Соня, закутанная в шаль, с кошелкой, из которой торчало белье. День был банный, на улицах встречалось немало женщин в таких же шальных и с бельем в кошелках. Соня прежде всего с облегчением ставила на пол тяжелую кошелку — приходилось опираться ее краем рамы на бедро, и за короткий путь от Бека до Богомолдовской ноша набивала на бедре синяк. Соня вынимала из кармана передовицу, написанную Шурой Буйко или кем-нибудь из партийных литераторов. Антон доставал заметки, полученные в цехах. Обработкой материала занималась Соня. Антон одобрял или не одобрял. Ему хотелось, чтобы каждая заметка била в одну точку: пока рабочий не свалит царя, ему трудно бороться с хозяевами. Сам он писал в приподнятом стиле: не просто «капитализм», но «ненасытная пасть капитализма», не «рабочие», но «товарищи, несущие один и те же цепи», не «социализм», но «светлое солнце, до которого не так легко добраться».

Прочитав в номере 21 большевистской газеты «Пролетарий» статью, которая кончалась призывом — с новыми силами идти к новым битвам за социализм, Антон решил дать газете название «Новые силы» и придать ей внешность настоящей газеты. Был установлен порядковый номер, газета разбивалась на отделы: отдел писем рабочих, хроника и т. д. В на-

звание газеты Антон вложил и собственные мысли и мысли своих товарищей о том, что теперь, когда многие интеллигенты предали революцию, а в организациях сплошь и рядом царит развал, идти вперед надо с новыми силами. И краснощекий грузчик с трепетом и нетерпением готовил очередные номера газеты, хорошо зная, какую силу имеют эти листки, сделанные не искусно, но старательно.

Через Шуру Буйко «Новые силы» попадали в другие районные организации. Газета имела успех повсюду, и результатом этого был выпуск на Невской заставой в октябре 1908 года своей газеты под названием «Борьба».

Приходил наборщик по явке из Петербургского комитета и приступал к делу. Антон тяготился зависимостью от наборщика — он приглядывался, изучал подробности наборного ремесла. Но искусство набора попрежнему ему не давалось, и если после ухода наборщика в листовке оказывалась опечатка, он не решался развинтить раму и исправить ошибку. Казалось, как только он начнет ковыряться, все рассыплется.

Научились печатать бесшумно: раму с набором клали на табуретку, по набору проводили валиком с краской, накладывали бумагу, проглаживали чистым валиком, снимали, клали на пол сушить. Старались работать, не сдвигая ног с места, чтобы не было лишнего топота. Печатали те же — Антон и Соня, помогать приходили товарищи. Лампадного света для печатания хватало, а чтобы в окно не заглядывали, Павлов выходил во двор и садился на окно. Некоторую опасность представляла молодежь, которая по вечерам тоже высыпала на двор. В этих случаях выбегала Христя, младшая сестра Антона, и объявляла ребятам:

— Вот вы тут сидите и ничего не знаете, а на Лаутровой сейчас большая драка...

К одиннадцати-двенадцати часам молодежь исчезала со двора, огни во флигелях гасли, ложился спать и дворник, и уже не от кого было охранять окно. Снаружи был слышен каждый шаг. Из-за стены доносился детский плач. Иногда хлопала дверь, скрипели половицы в коридоре: кто-то прошел босиком... Дом спал до утренней смены. Задолго до гудка в квартиру приходили сестры Антона, Христя и двенадцатилетняя Марина, и Настя, сестра Буйко. Они являлись с кошелками для провизии и забирали отпечатанные газеты. После того как квартиру, где происходило печатание, очищали от газет, оставалось еще вынести «оборудование» типографии. Соня, бледная от усталости, снова повязывалась шалью, забирала кошелку, шла к Беку. Время подходило к гудку. На Богомолдовской открывались булочные. Ребята с чайниками, с копейкой в сжатом кулачке бегали в трактир за кипятком. Из всех калиток люди шли к заводу. Невысокая закутанная женщина пропадала в общем потоке.

Представитель цеха, получив литературу, подвязывал снизу вокруг ног кальсоны и, как в мешок, ссыпал туда газеты, перехватывая их под коленом бечевкой, чтобы они плотно прилегали к телу. Верхние штаны были широкие, и снаружи ничего нельзя было заметить. В цеху, в укромном месте, бечевки развязывались, газеты падали на землю. Литература шла или сразу по цеху, или, если обстоятельства не благоприятствовали, она еще некоторое время вылеживалась. Сторож новомеханической Михаил Буйко прятал ее за образ Николая. В лафето-снарядной она попа-

дала к шорнику в кладовушку для ремней, устроенную ниже уровня пола. В каждой мастерской были свои надежные места.

Подходил момент — газеты извлекались из укромного места. Делом организатора подрайона было позаботиться, чтобы газета не только попала в руки отдельных товарищей, но чтобы ее видели на стене в уборной, у шкафов, за чаем, за шашками — всюду, где она могла быть прочитана. Ящики для хранения инструментов запирались всяческими замками; если потянуть кольцо, получалась щель, в которую можно было легко просунуть листовку или газету.

Бек не тяготился типографией, но говорил, что большевики печатают не то, что надо:

— У вашей литературы есть одна хорошая сторона: рабочий, получив листовку, видит, что РСДРП еще дышит. Это очень важно, потому что многие считают, что никакой партии вообще нет. Однако печатаете вы не то, что надо, — одна грязь с меньшевиками и отзовистами.

С течением времени Бек стал проявлять все больше интереса к типографии. Он не только не тяготился ею, но неохотно отдавал типографию, когда за нею приходили, и беспокоился, если ее долго не возвращали. Причина заключалась в том, что Бек, храня месяцами типографию, сам поддавался очарованию свинцовых букв. У него была тайная мысль: отпечатать листовку, в которой были бы высказаны его соображения по поводу объединения социалистов. Летом 1908 года он привел свой замысел в исполнение — возможно, не без помощников. Он напечатал листовку и попался. Охрана следила шрифты листовок и приписала ему все большевистские листовки. Бек пошел в Сибирь в вечную ссылку. Был слух, что там его убили уголовные.

НОВЫЕ СИЛЫ

В декабре 1908 года Шура Буйко поехал в Париж на V Общероссийскую конференцию РСДРП как делегат Петербургского комитета большевиков. На конференции присутствовал с совещательным голосом и Н. Г. Полетаев.

С хорошей зарядкой вернулся Шура из Парижа. После конференции у Шуры была беседа с Лениным, который передал ему директивы для Петербургского комитета: уделять больше внимания фабрикам и заводам, укреплять партийные связи среди рабочих, вести упорную работу в кружках; вместе с тем сочетать подпольную работу с легальной, стать силой в открытых рабочих организациях.

Конференция призвала рабочий класс и крестьянство продолжать борьбу за боевые лозунги 1905 года: свержение самодержавия, создание демократической республики, конфискация помещичьих земель. Конференция предложила укрепить подполье и создать партийные комитеты на фабриках и заводах, осудила ликвидаторов и отзовистов — открытых предателей, приспособляющихся к столыпинскому режиму и скрытых оппортунистов, маскирующих свое предательство «левой» фразой. Конференция призвала к решительной борьбе с ликвидаторскими попытками как справа так и «слева».

В Петербурге на собраниях в рабочих районах, посвященных итогам конференции, Шура старался передать рабочим все услышанное в Париже. Он говорил о выступлениях Ленина, о значении Парижской конференции, призывал рабочих крепить нелегальную партию. Рабочие расспрашивали Шуру о Ленине: что за человек, как он живет?

Путиловские девицы — разносчики подпольной литературы — 1908 г.

(Рисунок В. Серова)

— А это такой человек, — ответил Шура, — когда с ним говоришь, кажется, будто всю жизнь с ним был знаком, а выйдешь от него, хочется песни петь и идти все вперед и вперед...

До конца января Шура провел несколько отчетных собраний на партийных группах в разных районах. 1 февраля 1909 года полиция совершила налет на Ушаковскую школу. В школе шли обычные занятия, но в одной из аудиторий происходило собрание большевиков. Буйко делал доклад о Парижской конференции.

Здание было оцеплено большим отрядом полицейских. С другим отрядом пристав и околоточные ворвались в школу. Городовые были расставлены в коридорах. Шура Буйко успел проскочить из комнаты, в которой происходило собрание, в аудиторию, где шел урок геометрии. В одном из классов околоточные переписывали учащихся. Грубые окрики нагнали страх на учащихся-новичков, особенно на женщин. Арестованных выводили на улицу поодиночке, прямо внутрь оцепления. Всю школу гурьбой отправили в участок. Девушки-работницы, которые в первый раз шли по улице под конвоем, от страха плакали. Подпольные работники были заранее записаны учениками школы, и в участке Шура предъявил паспорт на имя Михаила Яковлевича Котрехова. Такая фамилия значилась в списке учащихся, и Шуру освободили. Среди арестованных был преподаватель социальной гигиены, присяжный поверенный Алексей Александрович Ильин, который поплатился трехлетней ссылкой в Сибирь.

Через месяц, 1 марта 1909 года, на собрании Петербургского комитета в Психоневрологическом институте (Невский, дом № 104) председательствовал Шура Буйко. На собрании было несколько отзовистов. Буйко, открыв собрание, сразу же послал записку одному из большевиков: «Гони два голоса из Нарвского района».

Посланный поехал в район разыскивать членов Петербургского комитета — Антона Васильева и Шуру Малого (Федорова). Антон знал, что его ждут на собрании, но в этот день в лиге «Образование» шли переборы правления. Большевики давно готовились к этому дню, чтобы потеснить меньшевиков. Антон и Аня Иванова критиковали порядки в лиге: почему много астрономии и мало экономики, почему больше танцуют, чем слушают лекции? Прения шли в присутствии полиции. Большевистский список целиком не прошел, но при персональном голосовании удалось ввести в правление нескольких большевиков: Антона, Аnięту Иванову, Ивана Абрамова.

Антон и Шуру Малого посланный встретил у забора в Химическом переулке, когда они возвращались после собрания, и сказал им на ходу несколько слов. Они поехали в город. На Невском слезли неподалеку от дома, где происходило собрание. Антон сказал:

— Мы не ели...

Шура Малый пошел за колбасой, Антон — за булками. Сошлись у дома № 104. Там уже дежурили шпики. Пока путиловцы ездили, собрание Петербургского комитета было захвачено полицией. Шура Малый ударил Антона по плечу, подмигнул, что у дома неблагополучно, вскочил в трамвай. Вслед за ним вскочил Антон.

У Казанского они слезли. Решили — шпики больше нет. Пошли по Екатерининскому каналу. Оглянулись — шпик. У Сенной зашли в трамвай, заказали полбутылки, положили на стол шапки про-

шли в уборную и через черный ход скрылись. Шпик остался охранять шапки.

На этот раз удар по штабу питерских большевиков был нанесен крепко. Охранка действовала по точным указаниям провокатора Серовой, которая до тех пор предавала отдельных товарищей и типографии, а теперь выдала весь состав Петербургского комитета. Вся кропотливая работа по укреплению партийной связи между районами была сорвана. Из районов были выхвачены наиболее сильные товарищи. Арестованы были А. Буйко, Конкордия Самойлова, В. Ватин (Быстринский) и другие.

Для всех нестойких провал Петербургского комитета явился новым доказательством безнадежности нелегальной борьбы. Модельщик Иван Абрамов, который прежде загибал «влево» — в отзовизм, теперь стал загибать вправо — в легализм, чуждаясь подпольной работы. Однако он деятельно работал в союзе модельщиков и деревообделочников, имел голос в правлении лиги «Образование» и помогал большевикам проводить в лигу своих лекторов. В дни лекций ему поручали отвлекать внимание полиции от происходящего в зале, и он часами играл в шахматы с околоточным Козловым, которого можно было поймать на эту удочку.

— Ты мне загнул шах королю, — беспокоился Козлов, — а там, может быть, что-нибудь говорят.

— Ну, и пускай говорят, — говорил Абрамов, — вам-то что за дело?

Зазвать Абрамова на подпольное собрание было уже невозможно. Он предпочитал заниматься дома фотографией или играть на трубе, звуки которой нередко оглашали Елизаветинскую улицу.

Заслышав трубу, осведомленные люди говорили:

— Это Абрамов не знает, куда себя девать.

Однажды Абрамов зашел к Анюте Ивановой. В квартире как раз происходило собрание. Он посмотрел, сказал с улыбкой:

— Я думал, кончилось все это дело.

Абрамов в это время переживал новое увлечение — изучал астрономию. Через лектора из лиги Абрамов и еще несколько путиловцев нашли ход в Пулковскую обсерваторию. Абрамов ходил каждую субботу туда на ночь, пытаясь добраться до главной пулковской трубы. Он пересмотрел все телескопы, однако до главной трубы его так и не допустили.

Перед отправкой в Сибирь в вечную ссылку женился на Соне Шура Буйко. Свадьба происходила в тюремной церкви. Являясь в Кресты с передачами, Соня встречала Серову, которая также носила чай-сахар арестованным. Соня пряталась от нее, — она не знала, как себя с ней держать. Слухи о предательстве Серовой крепили в партийной среде, но доказательств еще не было. Охранка, спасая Серову, приняла меры к тому, чтобы подозрение пало на другого, на рабочего Сысоева, которого нарочно освободили из тюрьмы, хотя он был арестован вместе со всеми. Сысоева стали подозревать в провокаторстве. Потрясенный подозрениями товарищей, Сысоев тяжело заболел. Партийный суд полностью снял с него обвинение, но это известие так и не дошло до больного. Сысоев умер в тот день, когда ему пришли сообщить о решении партийного суда.

Антон Васильев после ареста Петербургского комитета принялся за восстановление связей. До сих пор он работал преимущественно в районном масштабе, теперь ему пришлось взять на себя более широкую и ответственную задачу. После долгих поисков он связался с двумя убежавшими членами Петербургского комитета. Втроем они объявили себя

временной исполнительной комиссией Петербургского комитета. Завербовали еще некоторых большевиков из других районов города и организовали Петербургский комитет РСДРП.

В Нарвский район на партийную работу был направлен Александр Парамонов, приехавший из Николаева. Его устроили библиотекарем в лиге «Образование». Он выдавал книги, знакомился с людьми. Но лига не давала заработка, а организация не могла оплачивать профессионала. Антон Васильев обратился к инженеру Цейтлину. Цейтлин дал Парамонову занятие для заработка. Однако дальше лиги Парамонова не пускали: за ним была слежка, вводить его в кружковую работу по квартирам было нецелесообразно.

Своей первомайской литературы в районе в прошлом году было достаточно, — в 1909 году не было ее ни в районе, ни на территории Петербурга. Литературу привозили из Финляндии — из Териок. Из Нарвского района за литературой ездили Антон Васильев и Павел Сынков. Важно было проскочить Белоостров, где по вагонам проходил таможенный жандарм и наглаз определял, кому из пассажиров идти на станцию для осмотра. Однажды он подошел к Антону, оглядел его и спросил:

— Не везете ли с собой оружия, игральные карты, музыкальных инструментов?

Вопрос был стандартный и касался предметов, запрещенных к провозу из Финляндии. Антон простодушно показал на пустые руки, покачал головой (литература была под платьем). Жандарм прошел мимо. Сынков в другом вагоне прикинулся пьяным.

Еще раз литература была доставлена благополучно, но надо было снова завести типографию в районе, чтобы не ставить получение литературы в зависимость от догадливости станционного жандарма. Леля Дрикман, конфетчица, участница путиловского женского кружка, связала наборщика Владимира Реймера с путиловской организацией. Антон стал копить шрифт.

В августе и сентябре 1909 года в Швеции разразилась всеобщая забастовка. Иван Дмитриевич Иванов и другие большевики из районного союза металлистов организовали сбор по всем мастерским

Квитанция № 467 НАРВСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

Для сдающего деньги 1909 г.

Получено от уполномоченного *Васильева*

Егорова зав. *Путиловский*

м.ст. *Мартеновская*

Мес-ца, Число	ЗА ЧТО ПОЛУЧЕНО	Шт.	Р.	К.
<i>Июль 15</i>	Вступит. взносы			
	Членские взносы	<i>3</i>	<i>1</i>	<i>20</i> к
	За журнал			
	Прочия поступления		<i>1</i>	<i>10</i>
	<i>и.т.д.</i>			
	Итого		<i>20</i>	<i>30</i> к

Два рубля 50 копеек

Получил *Васильев*

Квитанция союза металлистов. «Шв» — запись о взносе в пользу бастующих шведских рабочих

завода в пользу бастующих шведов. Деньги собирали сборщики профессионального союза и сдавали их вместе с членскими взносами.

Антон Васильев снова настраивался на выпуск газеты. Узнав об удачном результате сборов денег для бастующих шведов, он заторопился. С выяснения смысла и значения этого факта Антон и хотел начать новую газету. Он хорошо знал, какую роль может сыграть газета в организации масс. Большевиков в районе было немного. Осенью 1909 года, когда собиралась информация для заграничной большевистской газеты «Социал-демократ», из Нарвского района были даны цифры: «50—60 организованных. Из них на собрания ходят 25—30 человек, хорошо работает женский кружок». Совсем невелик был актив районного комитета.

В самом начале 1910 года, в связи с выступлением рабочей группы на антиалкогольном съезде в Петербурге, снова было арестовано много большевиков. Еще до съезда, на предварительном совещании рабочих делегатов, арестовали Порфирия Дроздова, делегата от Ушаковской школы. После съезда взяли Парамонова, который потом уже не появлялся в районе. В это же время арестовали Антона Васильева, но он был осторожен, не оставил против себя улик, и дела против него охранка состряпать не могла. На нарах в коломенской части Антон вместе с товарищами занялся десятичными дробями, русской грамматикой, прочел «Рудина» Тургенева. Других книг в распоряжении арестованных почти не было, и за два месяца сидения он не раз возвращался к «Рудину». Повесть о человеке, который так был непохож на него самого, понравилась Антону.

К весне Антон снова был в районе. После тюрьмы полагалось некоторое время сидеть тихо: не встречаться с товарищами, сторониться знакомых, чтобы не навлечь на них слежку. Все же ему удавалось узнавать, что делается в Петербургском комитете и районах. Большевистская организация Петербурга крепла, и партийные рабочие все решительнее начали выступать против отзовистов. Антон знал, что большевики Нарвского и Московского районов ведут переговоры о совместных действиях против отзовистов, он слышал о выступлениях своего старшего товарища Полетаева, который на партийных собраниях горячо защищал ленинскую линию. Прошло несколько месяцев — отзовисты были окончательно разоблачены и выбиты из Петербургского комитета.

Застава постепенно наполнялась людьми; ходили слухи, что завод скоро начнет набирать рабочих. Из провинции возвращались путевловцы, бежавшие от безработицы. Общий тон жизни за заставой стал уверенней — время глубокой реакции подходило к концу.

От Василия Мещерского, молодого рабочего из лафето-снарядной мастерской, Антон неожиданно узнал, что в районе работает несколько маленьких самообразовательных кружков. Руководят студенты-естественники: они приносят микроскоп, режут лягушек, рассказывают об амебах. Студенты приходят переодетые, соблюдая конспирацию.

— О революции они что-нибудь говорят? — спросил Антон.

— Они говорят: грамота — это и есть революция.

— Деньги за учение берут?

— Ничего не берут. Учат старательно.

Появление студентов в рабочем районе также было одним из признаков начинающегося оживления. Это были не те студенты, которые работали в районе в 1905 и 1906 годах и отошли от движения. В районе шло новое поколение учащейся молодежи. Революционных задач они перед

собой еще не ставили и свою работу понимали как исключительно культурническую — передать рабочим знания, какие были у них самих.

— Хорошо, что они сами к нам идут, — сказал Антон. — Кончилось время, когда студент норовил не к нам, а от нас.

Лига «Образование» была надолго закрыта полицией. Ушаковская школа после участвовавших полицейских налетов превратилась в обычную профессионально-техническую школу. Искать людей, налаживать связи Антону как поднадзорному было трудно. Шрифт, добытый в свое время, лежал в сохранности. С помощью этого шрифта он отпечатал прокламацию. Пачку отпечатанных листовок бросил в крестный ход во время пасхальной заутрени. Вся застава — кто по привычке, кто из любопытства — была в этот час у церкви. Электрический крест горел вверху на главном куполе, сотни восковых свечей горели внизу. Когда полетели листовки, произошло замешательство, и дьякон Петропавловский запнулся в песнопении. Большую часть прокламаций подобрали и разнесли по домам.

Первомайской литературы и в 1910 году неоткуда было получить. В последний день апреля в районе выпустили листовку. Писал ее Антон, исправлял инженер Ц. Я. Рабинович. Отпечатали на пишущей машинке сотню листовок и снесли на завод.

Для укрепления партийной работы Антон задумал перетащить за Нарвскую сильных работников — Адриана Иванова и Ивана Белостоцкого. Надо было устроить их на завод. В лафето-снарядной мастерской попрежнему находился мастер Сергей Панкратьевич Воробьев. Воробьев знал Антона как революционера и относился к нему дружелюбно. В шестом году был случай, когда полиция искала по заводу оратора, а этот оратор был спрятан в лафетной кузнице. Воробьев тогда подошел к Антону и сказал:

— В конторке сидит полицейский, говорит, что оратор в нашей мастерской. Если у вас есть такой, уведите его...

Оратор был переправлен в другое место.

Антон учел все это, пошел к Воробьеву и сказал ему напрямик:

— Сергей Панкратьевич, поскольку ты сочувствуешь нашему брату, то возьми двоих наших на работу...

Воробьев спросил:

— А работники они какие?

— Первоклассные токаря.

На завод поодиночке возвращались старые путиловские работники и создавали новые партийные группы. Основные кадры заводских большевиков находились в ссылке, в тюрьмах, в бегах от полицейских преследований. Несмотря на это, путиловская организация вместе со всей большевистской партией закалялась, крепла, выращивала новые кадры партийных руководителей из среды рабочего класса.

В течение трех лет реакции из месяца в месяц сводки департамента полиции писались по шаблону: «...Настроение населения С. Петербурга за отчетный период следует признать спокойным. Рабочие занимались своим трудом. Проявления забастовочного движения не наблюдалось...»

Во второй половине 1910 года, особенно к концу года, тон полицейских донесений изменился: «Все спокойно, из проявлений забастовочного движения заслуживают внимания лишь частичные забастовки на чисто экономической почве...» Первое сильное беспокойство вызвали у полиции вспыхнувшие в связи со смертью Льва Толстого (ноябрь 1910 г.)

демонстрации протеста против смертной казни. Путиловский завод наглядно подтвердил, что большевистское подполье существует. Нашлись на заводе люди, которые написали заявление в социал-демократическую фракцию III Государственной думы с требованием отмены смертной казни и собрали под заявлением 1080 подписей рабочих. Многие рабочие участвовали в противоправительственной демонстрации на Невском в день похорон Толстого.

Инициатором заявления был Полетаев, который постоянно поддерживал связь с путиловцами. Когда в декабре 1910 года вышел первый номер большевистской газеты «Звезда», в создании которой Полетаев принял непосредственное участие, он принес путиловцам первые экземпляры газеты. Приезжая на завод, Полетаев неизменно приносил с собой с десяток номеров «Звезды». Получить газету от Николая Гурьевича считалось почетом, газету брали и те, кто покупал ее у распространителей.

«Звезда» появилась в начале оживления борьбы рабочего класса. «Полоса полного господства черносотенной реакции кончилась, — писал Ленин. — Начинается полоса нового подъема. Пролетариат, *отступающий* — хотя и с большими перерывами — с 1905 по 1909 год, собирается с силами и начинает переходить в *наступление*. Оживление в некоторых отраслях промышленности сейчас же ведет к оживлению пролетарской борьбы».¹

22 апреля 1911 года во дворе завода собрался двухтысячный митинг протеста против преследований правительством профессиональных союзов, клубов и других рабочих организаций. Это был первый митинг после долгих лет реакции. Путиловцы приняли резолюцию:

«Мы, рабочие Путиловского завода, видя, что политика Столыпина по отношению к рабочим организациям сводится к вырыванию и искоренению всякой самостоятельности рабочих, что правительство уничтожает последние остатки рабочих организаций, завоеванных в дни революции, и зная, что черно-желтая Дума ничего не желает сделать для улучшения положения рабочего класса, выражаем через социал-демократическую фракцию Государственной думы наш протест и клеймим позором варварскую политику Столыпина...»²

В своей информации о митинге охранка отмечала, что особенно активны на Путиловском заводе социал-демократы «крайнего левого направления».

Перед 1 мая 1911 года в цехах завода большевиками был организован ряд летучих митингов. Ораторы призывали к забастовке, и хотя завод в целом не выступил, некоторые мастерские в день 1 мая фактически не работали. Вскоре состоялись одна за другой небольшие массовки на Лаутровой даче, на водопаде у речки Лиговки, в Шереметьевском и Поташовом лесу.

В середине 1911 года, в связи с оживлением партийной работы, удалось наладить доставку литературы из-за границы. За Нарвской заставой на квартире Василия Орлова (Огородный переулок, дом № 21, кв. 19) был устроен нелегальный склад. Литература попадала на склад не сразу. Сначала ее привозили на передаточный пункт — к работнице Резиновой

¹ Ленин, Сочинения, т. XIV, стр. 392.

² ЦАР, Фонд департамента полиции, особый отдел, 1911, д. № 57, лит. Б, ч. II, л. 80.

мануфактуры Ольге Исаковой, и только переждав некоторое время — на склад. Из склада литература передавалась местным организациям также не сразу. Группа рабочих, во главе с Анастасией Буйко, по мере надобности забирала литературу, и только от них она попадала специально выделенным в цехах рабочникам, на обязанности которых лежало распространение литературы непосредственно в мастерских.

Конец 1911 года на Путиловском заводе принес новые признаки оживления. 15 декабря был организован митинг, который принял приветственную резолюцию по адресу сосланных на каторгу социал-демократических депутатов II думы.

За долгие тяжелые годы реакции большевики научились владеть испытанными средствами борьбы, умело сочетать легальные, полуполициальные и нелегальные формы работы. «Разбитые армии хорошо учатся»,¹ — писал Ленин. После поражения революции, в условиях разгула полицейско-помещичье-капиталистической своры, партия пролетариата сумела сохранить свои силы, перегруппироваться, отступить в наибольшем порядке и с наименьшим уроном. В то время когда ликвидаторы хоронили партию, большевики восстанавливали разбитые организации, сплачивали вокруг партии все нелегальные партийные организации России. В декабре 1911 года в Петербурге происходили выборы на VI Всероссийскую конференцию РСДРП, оформившую самостоятельное существование большевистской партии.

В Нарвском районе была создана группа пропагандистов в связи с подготовкой Всероссийской партийной конференции. В кружках и на специально созываемых совещаниях обсуждали животрепещущие и насущные задачи движения. Особенно активно работала Анюта Иванова. Она только в сентябре приехала из Парижа, где училась в партийной школе в Лонжюмо. Вернулась с огромной зарядкой, полученной от лекций Владимира Ильича Ленина, от долгих, душевных бесед с Надеждой Константиновной Крупской.

Путиловская организация подготовила на заводе митинг.

Делегат петербургских большевиков, рабочий Обуховского завода Евгений Онуфриев, накануне отъезда за границу выступил перед путиловскими рабочими. Загнанный и переодетый, он пробрался на завод и перед тысячной толпой заявил, что вопреки царским раз-

Дело департамента полиции о Пражской конференции

¹ Ленин, Сочинения, т. XXV, стр. 176.

громам, вопреки воплям ликвидаторов — партия существует, продолжает борьбу и зовет пролетариат к новым боям.

VI Всероссийская конференция РСДРП состоялась в январе 1912 года в Праге. Эта конференция, созванная Лениным, «...положила между большевиками и меньшевиками и объединила большевистские организации по всей стране в единую большевистскую партию» (Сталин).¹

«На этой конференции были изгнаны из партии меньшевики, навсегда было покончено с формальным объединением большевиков в одной партии с меньшевиками. Из политической группы большевики оформляются в самостоятельную Российскую социал-демократическую рабочую партию (большевиков). Пражская конференция положила начало партии нового типа, партии ленинизма, *большевистской партии*». ²

Пражская конференция избрала Центральный комитет большевистской партии во главе с Лениным и Сталиным. Был создан практический центр для руководства революционной работой в России — Русское Бюро ЦК, возглавлявшееся товарищем Сталиным.

Пражская конференция приняла решения по всем важнейшим вопросам революционной борьбы рабочего класса: о предстоящих выборах в IV Государственную думу, о характере и организационных формах партийной работы, об отношении к думскому законопроекту о страховании рабочих и т. д. Конференция приняла решение об издании ежедневной рабочей газеты («Правда») вместо выходившей еженедельной «Звезды».

На основе решений Пражской конференции широко развернулась партийная работа на местах. Петербургский комитет призвал все организации и всех членов партии энергично проводить в жизнь решения конференции. Путиловские большевики участвовали в совещаниях, на которых делегаты конференции Серго Орджоникидзе и Евгений Онуфриев докладывали о работе и решениях конференции. Рабочие восторженно принимали боевые практические указания конференции, особенно приветствуя решение об изгнании из партии ликвидаторов и очищении партийных рядов от всякого рода оппортунистов.

Пражская конференция дала поднимающемуся к новой борьбе пролетариату России программу нового наступления — новое могучее оружие и показала, что боевые силы пролетариата под руководством большевистской партии готовы к встрече нового революционного подъема.

¹ XV съезд Всесоюзной коммунистической партии (б), Стенографический отчет, часть I, 1935, стр. 361—362.

² История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков), Краткий курс, 1938, стр. 139.

ГЛАВА VI

1912 — июль 1914

ТОРГОВЦЫ СМЕРТЬЮ

За труды по внедрению в российскую армию крепостной пушки системы инженера Кане и за содействие Путиловскому заводу в разработке трехдюймового полевого орудия пушечный король Франции Евгений Шнейдер в 1903 году был награжден орденом Анны 2 степени. Руководящему персоналу французской фирмы пожаловали ордена Станислава.

Шнейдер обиделся. Инженер Кане в письме к русскому представителю фирмы — правлению общества Путиловских заводов — писал: «Я не хочу скрывать, что Ваше сообщение явилось для г. Шнейдера скорее сюрпризом, чем реальным удовлетворением, ибо ордена, пожалованные персоналу его фирмы не находятся в соответствии с положением, которое они занимают. Я не сомневаюсь, что господину Крупну никогда не пожаловали бы другого ордена, как только св. Анны 1 степени, а г. Шнейдер, которого нельзя поставить в один ряд с Крупном, не получает большего, чем орден св. Анны 2 степени... Шнейдер должен быть награжден св. Анной 1 степени».¹

Французская фирма «Шнейдер» была мировым трестом вооружений. Шнейдер имел пушечные заводы в Крезе, завод артиллерийского снаряжения в Гавре, верфи среднего судостроения — миноносцы и подводные лодки — в Шалоне, верфи крупного судостроения — крейсера и линейные

¹ ЛОИА, Фонд 160 Путиловского завода, св. 191, д. № 807, л. 250.

корабли в Жиронде. Шнейдер имел свою газету «Echo de Paris» и свой банк «La Société générale». Связанная с другими фирмами Франции, фирма Шнейдера являлась главным поставщиком артиллерии и боевых судов для французской армии и флота. Шнейдер продвигал свои пушки в Грецию, Сербию, Болгарию, Турцию, Россию, Южную Америку, в другие государства и конкурировал на мировом пушечном рынке с германской фирмой «Фридрих Крупп», английскими трестами Армстронга и Виккерса, австрийским обществом «Шкода-Верке» в Пильзене.

В России Шнейдер боролся с Круппом за влияние на Путиловский завод, который издавна был связан с обоими мировыми трестами вооружений. Технической помощью Шнейдера Путиловский завод пользовался с конца восьмидесятых годов и в течение пяти лет (1903—1907 гг.) выступал в России представителем французской фирмы. После 1905 года, при размещении русских займов во Франции, Шнейдер стал еще ближе и тесней связываться с Путиловским заводом. Деятельность его, ранее сводившаяся к консультации производства легкой артиллерии, теперь захватила область проектирования тяжелых орудий и приспособления их к требованиям царского правительства.

Россия в ту пору перевооружалась, — царское правительство готовилось к новой войне. Русская буржуазия, империалистические замыслы которой требовали захвата новых рынков, приветствовала эту политику царизма. В Государственной думе кадеты голосовали вместе с октябристами и правыми за чрезвычайные военные кредиты на вооружение и перевооружение царской армии. Лидер кадетской партии, вождь империалистической буржуазии Милюков, получивший прозвище «Милюков-Дарданельский», кричал об исконных правах России на турецкую Армению, Галицию и черноморские проливы.

Программа перевооружения была принята еще в 1906 году. Морскому и военному министерствам в виде чрезвычайного кредита было выделено свыше миллиарда рублей, из них двести миллионов на артиллерию, полмиллиарда на флот. Речь шла о восстановлении флота, погибшего при Цусиме, о пополнении артиллерийского парка орудиями средних калибров, о переводе артиллерии на путиловскую скорострельную трехдюймовку образца 1902 года. В основе перевооружения артиллерии лежало введение пушек крупных калибров. Новая программа сулила миллионные прибыли мировым торговцам смертью. Пушечные короли Франции и Германии — Шнейдер и Крупп — бросились в Россию завоевывать новый обширный артиллерийский рынок.

В 1907 году возникла Антанта — союз Англии, Франции и России. В морском и военном штабах русской армии и флота в это время уже пришли к выводу, что европейская война неминуема и в этой войне Россия выступит против Германии. Другой империалистический союз, во главе с Германией, усиленно готовился к войне против Антанты. Казалось, что в этих условиях Круппу не могло быть места на русском артиллерийском рынке: договоры между пушечными фирмами далеко выходили за пределы обычной промышленной сделки и всегда задевали государственные интересы, тем более договор между Путиловским заводом, самой мощной базой русской артиллерии, и фирмой Круппа, тесно связанной с германским правительством. Но путиловские хозяева, как и все торговцы смертью, — Крупп, Шнейдер, Виккерс, Армстронг и другие — пренебрегали национальными интересами. В том же 1907 году, когда образовалась Антанта,

Путиловский завод заключил договор с германским пушечным концерном. Германское правительство, оттесненное с дипломатических позиций, через Круппа пыталось влиять на самую важную сторону материальной силы русской армии — на артиллерию.

По условиям договора, Крупп давал Путиловскому заводу чертежи, техническую консультацию, образцы орудий и предоставлял право производства их в России. Договор касался сорокадвухлинейных и шестидюймовых пушек, шести- и восьмидюймовых гаубиц, девяти- и одиннадцатидюймовых мортир. Завод платил Круппу премию, так называемую «лицензию», в размере двенадцати процентов с суммы первого валового заказа, выданного русским правительством. Премия выплачивалась Круппу независимо от того, какой системы орудие делал Путиловский завод — Круппа или же французской фирмы «Шнейдер-Крезо». В нужных случаях Крупп устранялся от конкуренции на русском рынке, — пушка Шнейдера шла в производство на тот же Путиловский завод, а Крупп получал за это свою двенадцатипроцентную премию.

Германская фирма, акционерное общество «Фридрих Крупп», так же как и компания «Шнейдер», была одним из сильнейших мировых трестов вооружений. Крупп имел сталелитейные и пушечные заводы в Эссене, верфи в Киле, угольные копи и железные рудники по обе стороны Рейна и был тесно связан с австрийскими военными заводами «Шкода-Верке» в Пильзене. В резиденции Круппа — Эссенгофе — встречались люди различных национальностей: турки, болгары, японцы, русские, китайцы, сербы, чилийцы, шведы. Настоящие и будущие противники, они обедали в общем салоне Эссенгофа и пили за здоровье пушечной принцессы Берты Крупп. Родоначальник крупновской династии Альфред Крупп говорил: «Где дивиденд, там и отечество». Крупновские пушки, как и пушки Шнейдера, шли в южноамериканские государства, Китай, Японию, Испанию, Бельгию, Швецию, Турцию. Из орудий системы Круппа стреляли обе воюющие стороны на Балканах в войне 1912—1913 годов. Слава Круппа гремела по всему миру. Агенты пушечного концерна проникали всюду. В каждой стране под скромными вывесками комиссионных контор сидели доверенные лица Круппа. Коммерческая деятельность в пользу своей фирмы здесь тесно сплеталась со шпионажем по прямым заданиям германского генерального штаба.

От Морской, дом № 24 — «Торговый дом К. Вахтер и К°» (кабели и проволока) до Большой Конюшенной, дом № 5 — правление общества Путиловских заводов, десять минут ходьбы. Константин Логгинович Вахтер, вице-президент и казначей императорского общества рысистого бега, на дрожках, запряженных кровным рысаком, проезжал это расстояние в одну минуту.

Вахтер появлялся на Большой Конюшенной в особо важных случаях, когда дело не терпело отлагательства или его нельзя было доверить бумаге. Вслед за его посещениями в путиловское правление поступали деловые письма, начинавшиеся обычно словами: «Ссылаясь на устные переговоры с вашим представителем, просим» и кончавшиеся неизменным: «С почтением представители Фр. Крупп, Акц. О-во К. Вахтер и К°».

Константин Логгинович Вахтер, председатель Санкт-Петербургского частного коммерческого банка, тайный советник, член императорских попечительств, ревностно следил за точным выполнением договора и интересов своих доверителей — германского пушечного концерна. Бумаги

Вахтера, адресованные Путиловскому правлению, были преисполнены искренним сочувствием делу вооружения русской артиллерии. Крупш «заботился» о внедрении восьмидюймовой гаубицы и девятидюймовой мортиры в систему вооружений русской армии. По указаниям своих доверителей, Вахтер рекомендовал Путиловскому заводу не давать русскому правительству противоаэростатных и противоштурмовых пушек до тех пор, пока правительство не выдаст заказа на гаубицы и мортиры.

Вахтер напоминал, что в обязанности правления Путиловского завода входит подробное ознакомление фирмы Крупша со всеми условиями и требованиями военного ведомства по всем видам пушек. Крупш попросту требовал сообщить ему все военные секреты русской артиллерии.

Путиловское правление отвечало Крупшу: «Мы можем передавать только официальные сведения; все же другие, интересующие фирму сведения, могут быть известны ей от людей, поставленных фирмой у дела в Петербурге, которые могут быть обо всем осведомлены тем подробнее, чем более они будут находиться в тесном общении с нами».¹ Путиловские хозяева широко открывали двери завода для германских шпионов.

В правлении общества Путиловских заводов представитель Крупша, Вахтер, сталкивался с Константином Константиновичем Ракуса-Сущевским — представителем французской военной фирмы «Шнейдер-Крезон». Они встречались приветливо, жали друг другу руки, но о пушках не говорили. Ракуса выказывал любознательность в отношении кровного коневодства; Вахтер отмечал солидные успехи Ракуса в обществе для заклада движимого имущества и справлялся о здоровье уважаемой супруги. Вахтеру было под пятьдесят, Ракусе — за тридцать пять. Вахтер носил пышные усы, был важен и представительен; Ракуса очень напоминал промотавшегося франта, изысканно одетого, но задолжавшего портному. Вахтер держался с достоинством, подобающим представляемой им фирме, Ракуса любезничал и со служащими и с правленцами, подмигивал, держался игриво. В правлении Вахтера уважали за его капиталы, за деловитость и представительную внешность. О Ракусе говорили с оттенком пренебрежения, за глаза называли тряпичником, «ломбардером». Но обоих принимали одинаково любезно как представителей крупнейших военных фирм, компаньонов путиловских хозяев по выкачиванию миллионных доходов из казны Российской империи.

Тупость и неповоротливость царских военных руководителей были непреодолимым препятствием в оснащении русской армии тяжелыми полевыми орудиями. В генеральном штабе вплоть до русско-японской войны ссылались на опыт русско-турецкой войны и даже легкой полевой артиллерии отводили скромное место: лишали ее боевой инициативы, запрещали вести самостоятельные операции и дальнобойную стрельбу. Полевая крупнокалиберная артиллерия в России в расчет не принималась вовсе. Семидесятипятимиллиметровая пушка считалась «достаточной для решения всех задач, могущих встретиться артиллерии в полевой войне». Полевой устав закреплял правило, что на войне материальная часть и техника — вещи второстепенные и маловажные, главное — крепкий воинский дух. У маму русских военачальников и полководцев владел генерал Драгомиров, пользовавшийся в военных кругах авторитетом крупнейшего специалиста в вопросах тактики. Драгомиров презрительно относился к военной

¹ ЛОИА, Фонд 160 Путиловского завода, св. 200, д. № 839, 1909—1911, лл. 160—161.

технике. «Война есть дело не столько умовое, сколько волевое», — говорил он и последовательно возражал против введения ружей, заряжаемых с казенной части, магазинных винтовок, пулеметов, перископа, телеграфно-телефонной связи и т. д. Драгомиров был «штыколюб» — сторонник ударной тактики и штыковой атаки. Он любил острое слово, каламбур, изображал чудака и едко высмеивал «огнепоклонников» — приверженцев огневого насыщения армии. Русских солдат Драгомиров называл «святой серой скотинкой» и в своей «солдатской памятке» писал, что «хорошему солдату тридцати патронов довольно на самое горячее дело».

Вопросами перевооружения артиллерии ведало Главное артиллерийское управление (ГАУ), самое бюрократическое и неповоротливое учреждение военного ведомства. Там отсиживались мало способные к военной службе неудачники: выгнанные из строевых частей офицеры, отслужившие свой век допотопные генералы, тупые и бездарные, меньше всего заботившиеся об артиллерии.

В военных кругах процветало презрительное отношение к артиллеристам. «Военно-декоративная часть, — писал в своем дневнике военный министр Поливанов, — заслонила военно-техническую. Выбор цвета сукна для мундира нового гусарского полка имел большее значение, чем вопросы технического вооружения».

Генерал Драгомиров, всегда питавший недоверие к артиллерии вообще и тем более к той, что находилась в руках у неповоротливого Главного артиллерийского управления, как-то на многолюдном обеде со свойственным ему фельдфебельским цинизмом сказал: «Для того, чтобы иметь пехоту — нужно бабу и мужика. Для того чтобы иметь кавалерию, кроме того надо кобылу и жеребца. А чтобы иметь артиллерию — надо еще такой б....., как главное артиллерийское управление».¹

Четыре года вырабатывало Главное артиллерийское управление образцы нужных армии тяжелых орудий и только к 1910 году стало распределять заказы на них. В России к тому времени еще не было ни одной тяжелой полевой пушки, а Германия имела их уже 280, Австрия 108, Франция 144. Осадных орудий устаревшего типа в России было 500, а в Германии и Японии было по 1000 осадных орудий усовершенствованного типа.

По условиям военного ведомства орудия, принимаемые на вооружение, должны были быть изготовлены в пределах России, из русских материалов, русскими руками. Но казенные Пермский и Обуховский заводы не были приспособлены для выпуска тяжелых полевых орудий. Они не имели ни достаточного технического опыта, ни конструкторских сил, ни соответствующего машинного парка.

Единственным заводом, способным дать тяжелую полевую артиллерию, был Путиловский. Он обладал достаточными конструкторскими силами, был связан с передовыми заводами Европы и мог приспособить иностранные образцы к русским условиям. За каждое орудие, сделанное по образцу, разработанному Шнейдером и Крупном, Путиловский завод платил им премии. Иностранные фирмы боролись за то, чтобы продвинуть свои образцы на вооружение русской армии. По старой программе перевооружения (1900—1905 гг.) Путиловский завод дал половину всей полевой

¹ «Былое» № 5, 1925, стр. 216.

артиллерии и поглотил около половины всех ассигнований на это дело. По новой программе 1906—1913 годов завод вместе со Шнейдером и Крупном готовился поглотить значительно большую часть средств, отпущенных царским правительством на артиллерию.

Путиловское правление ревностно оберегало свое монопольное положение представителя иностранной военной техники. Когда в 1908 году казенный Обуховский завод послал своих инженеров на пушечные заводы Германии и Франции, путиловские правленцы, громко кричавшие о своем патриотизме, попросили Круппа показывать конкурентам проиводство с осторожностью. Во всяком случае не знакомить с тем, что известно путиловским инженерам. Шнейдеру было послано письмо с просьбой поступить с обуховскими инженерами так же, как поступил с ними Крупп: «Допустить к осмотру завода на условиях, не нарушающих взаимных интересов».¹

Судьбы русской артиллерии решались не в Петербурге, не в Главном артиллерийском управлении, не на Конюшенной улице. Важнейшие вопросы артиллерийского вооружения русской армии разрешались в резиденции Шнейдера — в Крезе, в Эссенгофе — у Круппа. В своих притязаниях на русский артиллерийский рынок Шнейдер опирался на официальную политику франко-русского союза. Французский капитал шел в Россию, требовал себе места на российском рынке в уплату за займы, предоставленные царскому правительству. Парижская газета «Le Financier International» откровенно писала, что Франция, предоставляя заем России, не занимается благотворительностью: «Россия представляет не только солиднейшего, но и крайне выгодного должника. Достаточно вспомнить о беспредельных естественных богатствах России, доходность от эксплуатации которых не может подлежать сомнению. Франция должна стремиться к тому, чтобы не потерять и впредь занятую ею крайне выгодную позицию в деле эксплуатации этих неимоверных природных богатств».

Но главный смысл займов состоял в том, чтобы за французские деньги купить русские штыки, нужные Франции для решения ее многолетнего спора с Германией. Франция нуждалась в крепкой вооруженной силе на востоке — у границы Германии, чтобы тем легче завоевать себе уголь и руду Эльзас-Лотарингии и Саарского бассейна. Ежегодно, с 1906 по 1913 год, происходили совещания генеральных штабов России и Франции. В первый раз, когда память о поражении на Дальнем Востоке еще была свежа, французы приехали в Россию как экзаминаторы. Русские генералы во главе с начальником штаба, генералом Палициным, подверглись тщательному допросу: каково состояние вооруженных сил, каковы перспективы возмещения потерь, понесенных в русско-японскую войну. Французы подгоняли неторопливых русских генералов. На пушку Шнейдера они указывали как на средство быстрее и лучшего перевооружения русской армии.

2 декабря 1908 года французский посол адмирал Тушар посетил председателя совета министров Столыпина. Посол просил премьер-министра обратить внимание на то, «чтобы военное министерство заказами пушек не обошло завод Шнейдера, так как он слышал, что их хотят заказать

¹ ЛОИА, Фонд 160 Путиловского завода, св. 195, д. № 817, 1906—1908, лл. 2—3.

Круппу, а для успеха займа во Франции лучше бы обращаться к французским фирмам».

Все французское было тогда в моде. Газеты восхваляли франко-русский союз, министры рассыпались в любезностях перед французскими гостями. Столыпин заявил: франко-русский союз нерушим, интересы Франции в России будут всегда уважаться, — в этом у господина посла не может быть никаких сомнений.

Но в России, «...как и во всякой стране с самодержавным или полусамодержавным режимом, существует собственно два правительства: одно официальное — кабинет министров, другое закулисное — придворная камарилья». ¹ Придворная военная клика симпатизировала гогенцоллернской Германии. Шнейдер был обойден. Заказ на пушки, о котором хлопотал французский посол, был отдан спустя несколько дней Путиловскому заводу, а ему поставили условие: пушки должны быть испытанного образца — системы Круппа.

Артиллерийские цеха Путиловского завода приступили к выполнению заказа в сто пятьдесят девять гаубиц и сто семьдесят девять лафетов к ним по системе Круппа.

В феврале 1909 года генерал-инспектор артиллерии, великий князь Сергей Михайлович, побывав в Крезе, заехал в Эссенгоф. Из образцов Круппа генерал-инспектор выбрал сорокадвухлинейную пушку и шестидюймовую гаубицу — основные орудия полевой тяжелой артиллерии. Шнейдер опять был обойден.

Давняя борьба мировых пушечных торговцев Шнейдера и Круппа разгорелась с небывалой силой. В южноамериканских государствах — Бразилии, Чили, Аргентине — они конкурировали всевозможными способами: подкупали должностных лиц, поджигали склады, подымали друг против друга «общественное мнение» — прессу, устраивали парламентские бунты и президентские перевороты. В Южной Америке победителем чаще всего оказывался Крупп.

Русский рынок был значительно обширнее всех южноамериканских вместе взятых. Первый же заказ, полученный Путиловским заводом на сорокавосемиллинейные гаубицы по крупповской модели, составлял круглую сумму в два с половиной миллиона рублей. Одной премией с этого заказа Крупп получил 288 тысяч рублей. А впереди была еще невыполненная двухсотмиллионная программа.

Шнейдер, опиравшийся на дипломатические связи, на официальную политику союза России с Францией, натолкнулся на неожиданное препятствие. Он получил жестокий урок от придворной камарильи. Этот урок был тем больнее и поучительнее, что он коснулся первого заказа на орудия средних калибров, выданного русским правительством. Шнейдер усилил дипломатический нажим. Одновременно он обратил большое внимание на боевые и весовые качества орудий систем, разрабатывавшихся для России. Кроме того, чтобы победить Круппа, Шнейдер использовал свое право выступать на конкурсах самостоятельно, минуя Путиловский завод. Шнейдер заявил, что он берется выполнить заказы по ценам ниже цен путиловского правления, выстулавшего с образцами Круппа. По двенадцатидюймовым башенным установкам цена Путиловского завода была почти вдвое выше шнейдеровской. Морское министерство выразило

¹ Ленин, Сочинения, т. XII, стр. 94—95.

Путиловскому заводу недоумение по поводу такого несуразного расхода в стоимости производства орудийной башни.

Путиловское правление резко реагировало на выпад Шнейдера. Оно требовало, чтобы французская фирма прекратила выступления на конкурсах с ценами, не согласованными с Путиловским заводом. Оно писало по поводу заказа на шестидюймовые осадные пушки: «Передача заказа не может быть допущена за границу, а поэтому Ваше понижение явится только излишним поводом для ГАУ требовать от нас еще дальнейших, более значительных, уступок».¹ Однако Шнейдер, опасаясь Круппа, не прекращал конкуренции с Путиловским заводом: выступал самостоятельно на торгах, снижал цену, принимал от Главного артиллерийского управления заказы, хотя и передавал их для выполнения тому же Путиловскому заводу, даже те, которые брал для выполнения во Франции.

В 1910 году военное ведомство заказало Шнейдеру щиты для орудий. Шнейдер отдал заказ Путиловскому заводу. Правление выгодный заказ приняло, но досаждая на потерю части прибыли, ушедшей во Францию, попыталось создать вокруг вопроса о щитах общественное мнение. В газете «Речь» появилась разоблачающая заметка. Газета выражала недоумение по поводу того, что русскому военному ведомству понадобились иностранный посредник для передачи заказа на щиты русскому заводу. Шнейдер немедленно откликнулся на эту заметку. Он обвинил путиловское правление в неумении хранить тайну и писал, что больше всего поражает его то обстоятельство, что немецкая пресса о заказе на щиты заговорила одновременно с русской.

Несмотря на проникновение Круппа в Россию через Путиловский завод, первенствующее место оставалось за Шнейдером. За пять лет (1909—1913 гг.) из 2400 комплектов орудий шести иностранных систем (пять — Шнейдера, одна — Круппа) на долю Шнейдера пришлось больше двух третей всех орудий, заказанных Путиловскому заводу. Но и Крупп не ослаблял своего влияния на дела Путиловского завода. Он действовал закулисно, пользуясь династическими связями, через симпатизирующую Германии дворцовую клику.

У Круппа в борьбе со Шнейдером была своя линия. Он избегал конфликтов с путиловским правлением и не выступал самостоятельно на конкурсах. На прямые предложения Артиллерийского управления участвовать в конкурсах Крупп отвечал отказом, цен на свои системы не давал, отсылая военное ведомство к Путиловскому заводу. Крупп шел на значительные уступки, соглашался на снижение премии с двенадцати до четырех процентов по шестидюймовой гаубице и наполовину по шестидюймовым осадным пушкам. Борьба между Круппом и Шнейдером становилась все более острой. На бланках, которые рассылал по всему миру Шнейдер, стоял девиз: «У них есть Эссен, у нас Крез».

У путиловского правления также была своя линия. Лавируя между Круппом и Шнейдером, оно старалось выиграть в своей самостоятельности. Начиная с 1911 года у путиловских правленцев стала крепнуть и развиваться идея постройки в России своего большого орудийного завода, способного производить орудия крупных калибров вплоть до дальнего

¹ ЛОИА, Фонд 160 Путиловского завода, св. 214, д. № 896, 1912—1913, лл. 410—441.

бойных шестнадцатидюймовых пушек. В письме Главному артиллерийскому управлению путиловские хозяева доказывали: «Своевременное возникновение большого частного оружейного завода... представляется государственной необходимостью, ибо лишь только при этом условии может быть установлена полная независимость от иностранных производителей, и дело нашего вооружения и перевооружения станет на прочном основании, вне влияния разных неустойчивых политических конъюнктур...»¹

В письме о Круппе говорили немного, больше отмечали возможную техническую помощь Шнейдера. Но путиловские правленцы имели в виду Крупша. У путиловских хозяев уже созрела формула, в которую они облекли свой будущий «независимый» пушечный завод. Они говорили:

— Сделаем своего большого Крупша!

Создать свой большой оружейный завод без помощи иностранцев путиловское правление считало немыслимым и готово было осуществить свою заветную мысль при помощи Крупша. И когда в конце 1913 года, чтобы освободиться от влияния Шнейдера, правление попыталось разместить в Германии через Немецкий банк (Deutsche Bank) заем на тридцать миллионов рублей, произошел международный дипломатический скандал, известный под именем — «Путиловский инцидент».

А. И. ПУТИЛОВ

Алексей Иванович Путилов до седых волос служил в министерстве финансов, считался способным чиновником выучки Витте, наследственными капиталами не обладал, к промышленности отношения не имел, о Путиловском заводе знал по наслышке.

В 1906 году Путилов пробыл короткое время товарищем министра финансов. Среди многих дел, которыми он занимался, самыми щекотливыми были финансирование и подкуп иностранной прессы. Он показал себя усердным и дальновидным финансовым политиком и вскоре был направлен министерством в Русско-Китайский банк. Через банк он энергично проводил царскую политику на Дальнем Востоке, конкурировал с Америкой по керосину, осуществлял русское влияние на Востоке, способствуя вытеснению английского. В 1910 году Путилов перешел во вновь образованный частный Русско-Азиатский банк. Частные банки охотно брали на службу крупных министерских чиновников. Лестно, если на бумагах частного банка появится росчерк Коншина, того самого Коншина, чья подпись стоит на государственных кредитных билетах. Выгодно заплатить миллионное жалованье бывшему министру финансов Вышнеградскому или директору кредитной канцелярии Л. Ф. Давыдову, чтобы перетянуть к себе вместе с ними их осведомленность и связи. Даже их родственники для частного банка — капитал.

Русско-Азиатский банк образовался путем слияния Русско-Китайского и Северного банков в результате укрепления позиций французского капитала в России. Вице-председателем банка был брат директора парижского банка «Société Générale» Морис Верстрат, осуществлявший контроль за операциями банка как представитель французского капитала. Негласным наблюдателем со стороны русского министерства финансов был брат

¹ ЛОИА, Фонд 160 Путиловского завода, св. 213, д. № 893, 1911—1913, лл. 18—21.

директора кредитной канцелярии В. Ф. Давыдов, также входивший в правление. Русско-Азиатский банк имел в России полтора десятка отделений и был самым мощным из столичных частных банков.

Орудия капиталами парижских рантье, банк скупал на корню хлопок у крестьян в Туркестане, табак в Абхазии, подсолнух на Кубани. Средства, освободившиеся после реализации хлопка, бросал на хлебные операции. Одновременно банк участвовал в железнодорожном строительстве, вел разведку нефти на Северном Кавказе, объединял бакинских нефтяников для борьбы с Нобелем, размещал китайский заем, проводил дополнительные выпуски акций и облигаций для десятков акционерных обществ, возникавших в годы промышленного подъема.

Иностранный капитал, главным образом французский и английский, шел в Россию. Отсталая страна привлекала иностранный капитал, которому было тесно у себя дома. Иностранный капитал строил в России новые фабрики и заводы, захватывал в свои руки важнейшие отрасли хозяйства — металлургию, каменноугольную промышленность, нефтедобычу. Иностранный капитал поддерживал царское правительство в его борьбе с революцией, — в стране, где рабочий класс был зажат в тиски бесправия, в такой стране высокая прибыль была заранее обеспечена. «Значительная часть прибылей русской промышленности шла в заграничные, по преимуществу — в англо-французские, банки. Все эти обстоятельства плюс миллиардные займы, заключенные царем во Франции и Англии, приковали царизм к англо-французскому империализму, превратили Россию в данницу этих стран, в их полуколонию».¹

В Русско-Азиатском банке был специальный отдел для финансирования новых предприятий. В разных местах страны люди находили в земле цинк, сурьму, медь. Люди шли в банк. Без помощи банка крупное предприятие не могло возникнуть, и каждое проходило через руки Путилова. Он оценивал его рентабельность: где найдена сурьма — в горах или на ровном месте, в скольких верстах от железной дороги, потребуются ли мосты, есть ли поблизости селения, рабочая сила. Все затраты калькулировали, и если цена собственной сурьмы получалась выше, чем цена привозной, или равнялась ей, Путилов говорил:

— Это дело не подойдет.

Если же прибыль предполагалась высокая, создавали акционерное общество. Путилов проводил устав через правительственные инстанции, добивался разрешения на выпуск акций, — часть акций снимал банк в качестве учредительской прибыли. В натуре сурьма не интересовала Путилова. Он ее никогда не увидит. За сурьмой на Урал или в Сибирь поедут инженеры и наемные люди, хозяином же будет банк, а во главе банка — Путилов.

В правление каждого предприятия, попавшего под контроль, банк вводил своего человека. Нередко этим человеком оказывался сам Путилов. Таким образом, осуществляя личную унию Русско-Азиатского банка с промышленными предприятиями, он стал председателем англо-русского нефтяного общества «Russian Oil Corporation», правление которого находилось в Лондоне, председателем правления акционерного общества механических и трубочных заводов «Промет», председателем нефтяного

¹ История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков), Краткий курс, 1938, стр. 156.

товарищества Лянозова; он входил в правления табачных фабрик «Лаферма», «Асмолов», «Дукат», Глухоозерских и Чудовских цементных заводов, Орской, Московско-Киево-Воронежской, Зауральской железных дорог, днепровских и волжских пароходных компаний, страховых обществ, Юзовских металлургических заводов, бумажных фабрик, книгоиздательства А. Ф. Маркса, Санкт-Петербургского вагоностроительного завода и т. д.

Русско-Азиатский банк был одним из крупнейших банковских монополистов, контролировавших русскую промышленность. Капитализм в России все больше становился монополистическим, империалистическим капитализмом. Промышленность переживала период быстро усиливавшейся концентрации. Росла роль банков в промышленности. Ленин писал, что превращение банков из «...многочисленных скромных посредников в горстку монополистов составляет один из основных процессов перерастания капитализма в капиталистический империализм...»¹

Путиловский завод, всегда тесно связанный с банками, но до этого времени еще сохранявший некоторую самостоятельность, не избежал общей участи. В 1910 году, когда образовался Русско-Азиатский банк, судьба его была уже предreshена. Французский капитал через банк стал прибирать завод к своим рукам. Наиболее предприимчивые тузы акционерного общества Путиловских заводов поняли это и первыми поспешили навстречу банку.

Связь Путилова с правлением акционерного общества Путиловских заводов установилась через А. К. Дрейера. Инженер фон Дрейер считал, что Путиловский завод плавает в мелкой воде, расширяется медленно, упускает благоприятную конъюнктуру и может потерять заказы морского и военного ведомств.

Дрейер был инженер более поздней выучки, чем председатель правления общества Путиловских заводов Данилевский, и гораздо лучше был подготовлен к тому, чтобы ориентироваться в новых условиях, когда банки превратились во всемогущих монополистов, распоряжающихся промышленностью. Дрейер имел в виду свалить Данилевского и самому сесть на его место. Он мог это сделать только как ставленник какой-либо мощной финансовой группы и пошел в Русско-Азиатский банк, который имел за своей спиной огромный французский денежный рынок. Дрейер развернул перед Путиловым перспективы пушечного и судостроительного дела:

— Данилевский отстал от времени и топчется на месте. Он прекрасный производственник, родоначальник паровозного дела на заводе, автор многих паровозных моделей, но какой он председатель правления? Он ездит на завод, считает сваи, которые забиваются в землю под фундамент для будущей башенной мастерской, интересуется пустяками и упускает главное. Сейчас на посту председателя должен быть финансист, связанный с иностранными банками, способный на риск. Сейчас это важнее, чем считать сваи или быть изобретателем.

Дрейер умел вести сложную игру, не показывая своих козырей. Но придя в банк к Путилову, он выложил карты на стол. Он был откровенен, этот мелкий хищник, перед лицом крупного, матерого. Он предлагал себя в союзники, хотя знал, что девять десятых добычи получит Путилов.

¹ Ленин, Сочинения, т. XIX, стр. 93—94.

Путилов не любил затяжных переговоров и не справлялся в gross-бухах. Карандашиком на листке блокнота он подсчитывал суть сделки, умножал, вычитал, получал результат: выгодно — невыгодно. Иногда раздумье занимало у него не больше времени, чем нужно для того, чтобы вынуть из заднего кармана сюртука платок и протереть очки. Он протирал очки часто, и именно в те минуты, когда посетитель ждал от него ответа. Казалось, позабыв о собеседнике, Путилов смотрел на него беспомощными слезящимися глазами, жалкий, маленький, худенький, с мало выразительным, растерянным лицом. Но вот очки оказывались на месте, взгляд делался осмысленным и жестким, и почти сейчас же следовал ответ. Кроме очков, у Путилова был еще мундштук, который иногда нуждался в прочистке. Он развинчивал его, чистил долго, с увлечением и бранью. Посетитель не сомневался, что на этот раз дело его окончательно забыто. Он наблюдал манипуляции с мундштуком и даже сам подавал советы, с какой стороны к нему удобнее подобраться. И бывал совершенно ошарашен, когда по окончании чистки, с первой струйкой дыма, слышал вежливый и точный ответ:

— Так вот — это дело нам не подойдет.

Дрейеру Путилов ответил быстро. Ответ был удовлетворительный.

Дрейер тогда не подозревал, что дело с Путиловским заводом — давно уже решенное и Русско-Азиатский банк, по директивам французских банков, подбирается к заводу, входя в соглашение с Международным банком.

У Путиловского завода была давняя связь с Международным банком, представители которого входили в правление общества. За первое десятилетие двадцатого века связь эта несколько ослабла. Банк остерегался вкладывать деньги в громоздкое предприятие, у которого еще недавно цеха не имели работы, а продукция — сортовое железо и болванки — лежала во дворе, перевитая проволокой и опечатанная пломбами. Время тогда было кризисное, производство свертывалось, дивиденда акционерам в 1908 году совсем не было дано, а в 1909 году было выплачено по два рубля на сторублевую акцию.

Международный банк был тесно связан с германским капиталом. После 1908 года, под влиянием франко-русского союза и перемещения центра биржевых операций из Берлина в Париж, Международный банк стал искать сближения с французскими капиталами, попрежнему оставаясь банком немецкой ориентации. В Париже банк открыл свое отделение.

В 1910 году Путиловский завод получил большие заказы на артиллерию, стал расширяться. Правительство уже приняло большую судостроительную программу. Путиловское правление готовилось к постройке собственной верфи. В этих условиях Международный банк вновь заинтересовался заводом. Заинтересовался им и Русско-Азиатский банк.

В 1911 году Путиловский завод выпустил новых акций на четыре миллиона рублей, в следующем 1912 году — на девять миллионов. В обоих случаях реализацию акций взял на себя синдикат банков: Русско-Азиатский, Международный, Санкт-Петербургский частный коммерческий и Русский для внешней торговли банк.

За два с половиной года (с 1912 по июль 1914 г.) в новые постройки по заводу и верфи было вложено около тридцати миллионов рублей, в то время как вся стоимость заводского имущества, накопленная больше чем

за столетие, на 1 января 1912 года составляла девятнадцать миллионов рублей. Большая часть денег для строительства была получена через Русско-Азиатский банк, который успешно проводил французское влияние на дела Путиловского завода. Каждый из банков готов был теперь вложить в путиловское дело необходимые средства, и каждый из них старался не уступить другому преобладающего влияния.

Борьба Шнейдера и Крупна за овладение Путиловским заводом пошла по линии банков и финансирования. И эта острая борьба продолжалась вплоть до начала 1914 года. Русско-Азиатский банк, учитывая значение завода, поручил защиту своих интересов самому председателю банка Алексею Ивановичу Путилову, который вошел в правление общества Путиловских заводов.

Кроме фамилии, новый Путилов не имел ничего общего с основателем завода — Николаем Ивановичем Путиловым. Их разделял промежуток в тридцать лет. Н. И. Путилов принадлежал к эпохе, когда русский капитализм был молод. В то время хозяин завода был прежде всего промышленник. У себя на заводе он был полновластен, эксперименты делал за свой страх, с банками вел дела только как с посредниками торгового оборота. А. И. Путилов, наоборот, пришел к владению заводом из банка. За тридцать лет положение изменилось. Воля хозяина отдельного предприятия в общей системе значила все меньше. Промышленность проходила через процесс концентрации и синдицирования. Новый Путилов хозяйствовал по-новому, за чужой счет. Он был представителем международного финансового капитала, притекавшего в русскую промышленность в поисках прибыли. Путиловский завод был для Путилова одной из многих точек приложения капитала. Нефть, табак, бумага, хлопок, цемент, железнодорожный груз — продукция всевозможных предприятий оседала в кабинете Путилова в виде папок с бумагами. Он калькулировал стоимость цемента, вел переписку об урожае табака, о нефтяном фонтане, который вдруг забил где-нибудь в Баку у Лянозова или у Манашова. Он калькулировал все, что дает прибыль. Но теперь, в условиях гонки вооружений, рука банка особенно охотно протягивалась к пушкам и военным судам. Это было самым верным, прибыльным делом.

Путиловский завод в натуре, с его полсотней цехов и запутанными ходами, был Путилову незнаком. У себя в кабинете он мог ткнуть рукой в план завода и показать, где нужно строить новую мастерскую, но непосредственно этими делами распоряжался технический штаб, созданный при правлении, где все отделы были представлены специалистами. В технические подробности Путилов не вникал. Техника начинала интересоваться его в тех случаях, когда надо было ехать в правительственную комиссию отстаивать какой-либо проект. Тогда фон Дрейер и Бишлягер спешно накачивали Путилова необходимыми сведениями насчет орудий, калибров и т. п. Точно так же не знал он и путиловских рабочих. Теперь они бастовали очень часто. Забастовки вносили беспорядок в калькуляцию, снижали прибыль, снижали курс акций. Сведения о забастовках приходили со всех предприятий, подконтрольных банку. И хотя путиловские рабочие не видели на заводах нового хозяина и даже не знали о его существовании, они все время ощущали его тяжелую руку. Из правления банка исходили жесткие директивы о снижении расценок и репрессиях против стачечников.

Заводскими делами Путилов мог интересоваться не каждый день. У него было слишком много других интересов. Если Путилову некогда зайти на Большую Конюшенную в путиловское правление, то путиловское правление придет к нему в Русско-Азиатский банк. Придут фон Дрейер, Бишлягер, Хрулев, Панафидин, Шпан, Игнатьев.

Фон Дрейер, правая рука Путилова, ориентируется на французов. Бишлягер, старый путиловский инженер, специалист по артиллерии и минным аппаратам, тесно связан с австрийской фирмой «Шкода-Верке». Н. Е. Панафидин — артиллерийский полковник. Д. Ф. Хрулев, фигура для представительства — камер-юнкер высочайшего двора. Папаша, финансист из Международного банка, устроил Хрулева в правление на жирный оклад и через него следит за делами путиловского правления. Русский немец Карл Карлович Шпан в путиловском правлении представляет интересы французской пушечной фирмы «Шнейдер-Крезю». Член ревизионной комиссии Манус, член правления Международного банка, определенно тянет к немецким банкам. Логин Игнатьев, выскочка из заводских конторщиков, держится поближе к Дрейеру, который играет среди правленцев руководящую роль. Но последнее слово будет принадлежать невзрачному, плохо одетому человеку, при виде которого случайные посетители банка с удивлением спрашивают:

— Это вот и есть Путилов?

— Да, да. Это — Путилов.

Путилову нужно вести свою линию в правлении. Там люди разных тяготений — к немецкому, австрийскому, французскому капиталу. Есть и расположенные к английскому. Путилов все это знает и даже поощряет, хотя является руководителем банка с французскими капиталами. У него намечена своя большая линия: «сделаем в России своего большого Круппа». Он ждет благоприятного момента.

У Путилова есть личные паи в десятках предприятий, есть собственные нефтяные промыслы. Он работает в банке и многочисленных правлениях, получает оклады, таньемы, проценты. Кроме того, он без проигрыша играет на бирже. Он зарабатывает миллион и больше в год, но тратит на себя сравнительно немного. За ним не числится причуд. Вино, карты, скаковые лошади, балет, коллекционерство — не для него. В мелочах он скуповат: торгуется с извозчиками, занавешивает платье. Лацканы на его визитке засалены, затерты табачным пеплом. По одежде его можно принять скорее за делопроизводителя, чем за директора банка. Он не обращает на это внимания. Однажды курьер, снаряжая его на важное заседание, почтительно напомнил:

— Вы забыли переодеться, ваше превосходительство.

— Ничего я не забыл, — сухо сказал Путилов. — Русский ты человек, а не знаешь русских пословиц. По платью меня только встретят, а провожать меня будут... сам знаешь по чему...

Его зовут на десятки совещаний. У него — табак, нефть, пушки, хлопок, железные дороги, китайский заем, цемент. Ему надо подписать сотни бумаг. Курьеры из банков и правлений носят ему на дом портфели с бумагами, и он с шести утра садится за их чтение, а вечером, когда банк закрывают, он нередко остается один в трех этажах и разбирает текущую переписку. Он очень работоспособен и исполнительен. Он — производной ремень парижской биржи. Он — и русский капиталист. Он клеит, сшивает и расширяет русскую промышленность во славу англо-француз-

ского и отечественного капитала и выслеживает прибыль на всех ее путях.

Мысль о «своем большом Крупне» никогда не оставляла Путилова. Неоднократно выдвигал он перед правительством проект постройки орудийного завода, способного изготавливать четырнадцати- и шестнадцатидюймовые орудия. Но всякий раз получал неопределенный ответ — правительство думает о таком заводе и в свое время сообщит свое решение. Путилов двигал проект к влиятельным людям и при посредстве прессы подталкивал их к мысли об «отечественной фабрикации орудий» крупных калибров. К началу 1913 года, в связи с гонкой вооружений во всех странах, правительство, наконец, убедилось, что необходимо построить свой мощный пушечный завод. Военное ведомство объявило конкурс на изготовление в пределах России четырнадцатидюймовых дальнобойных пушек новейшей системы. Тот соревнователь, который получит первый крупный заказ, построит в России новый орудийный завод.

Путилов сразу понял, что от исхода борьбы за «14 дюймов» зависит будущность Путиловского завода. Изготовление восьмидюймовых гаубиц, девяти- и одиннадцатидюймовых мортир немедленно отойдет к новому заводу, а впоследствии он перетянет к себе всю среднюю и мелкую артиллерию. Понимали это и иностранные фирмы — «Шнейдер», «Крупп» и английский концерн Виккерса.

Крупп, однако, в борьбу за «14 дюймов» не ввязывался. В 1913 году, когда уже ясно наметилась расстановка держав в будущей мировой войне, германская фирма «Крупп» не могла открыто выступить на конкурсе в России.

На конкурс вышли две финансовые группы — Русско-Азиатский банк во главе с Путиловым и группа Международного банка, возглавляемая банкиром Вышнеградским. Вышнеградский представлял английский трест Виккерса. Впоследствии третьим соревнователем выступила английская фирма Армстронга.

Борьба предстояла решительная и острая. Виккерс и Армстронг, — Путилов утверждал, что они выступают раздельно лишь с тем, чтобы создать видимость конкуренции, — были сильнейшими мировыми трестами вооружений. В разных странах — Швеции, Англии, Италии, Испании, Японии — Виккерс имел семнадцать заводов. Он вооружал пехоту ружьями, артиллерию пушками, строил на своих заводах крейсера и линкоры, покрывал их броней собственного производства, оснащал дальнобойными орудиями. Заводы Виккерса производили моторы для автомобилей, аэропланы, порох, снаряды, мины, взрывчатые вещества. В Испании Виккерс конкурировал с Круппом, на Балканах — со Шнейдером, в Скандинавии вытеснял Круппа. В России он выступил в самый серьезный момент, готовясь одним ударом вышибить Шнейдера с позиций, завоеванных долгими годами упорной борьбы.

Путилов двинул в ход все рычаги. Он заинтересовался затвором Виккерса. Самый затвор — весом в тридцать пудов — был ему в натуре неизвестен, так же как цемент, табачный лист, сурьма, которыми он орудовал. Но он знал, что в морском министерстве затвору Виккерса придают большое значение, и его надо добыть, не скупясь ни на какие расходы. Путилов перетянул к себе в правление общества Путиловских заводов генерала Меллера, бывшего директора Обуховского завода, знакомого с производством затвора Виккерса. Другой влиятельный генерал,

Бывший начальник морской артиллерии Бринк, был приглашен Путиловым в качестве директора Путиловского завода на стотысячный годовой оклад.

Для успеха в борьбе за «14 дюймов» надо было найти металлургическую базу будущего оружейного завода. В этом нуждалась и строящаяся Путиловская верфь. У Путилова в банке лежало большинство акций Невского (Семянниковского) завода, к этому времени окончательно разорившегося. Путилов знал состояние Невского завода. Он затребовал баланс, снова внимательно просмотрел его, проверил. Подсчитал: восемь миллионов основного капитала, пять миллионов двести тысяч убытка. Прикинул: выгодно — невыгодно. И долго не задумываясь, решил: дело подойдет.

Он вызвал к себе путиловских правленцев Бишлягера, фон Дрейера, входивших также в правление Невского завода, и выдвинул план: Невский завод присоединить к Путиловскому, долги завода покрыть новым выпуском путиловских акций и превратить его в металлургическую базу для судостроения и производства крупной артиллерии. К этой комбинации как заинтересованную сторону привлечь Шнейдера. Всю операцию произвести самым обычным способом — перетасовкой акций обоих заводов.

План был заманчив. Однако фон Дрейер считал нужным предупредить, что со стороны правительства возможны затруднения. Год назад Совет министров запретил правлению закрыть Невский завод и признал его имеющим государственное значение. Судостроительство на Невском заводе придется сохранить.

— Правительство? — переспросил Путилов. Он часто переспрашивал, и это означало, что у него уже есть готовый ответ, который он сейчас выскажет решительно и безапелляционно.

— Правительство? Пустяки! Судостроительный отдел закроем. Суды будет делать новая верфь.

Но Шнейдер, соглашавшийся на комбинацию с Невским заводом, не хотел вкладывать деньги в металлургическую базу до получения заказа на четырнадцатидюймовые орудия. Тогда Путилов через Бишлягера привлёк третьего соучастника — австрийское общество «Шкода-Верке», которое стремилось захватить в свои руки снабжение русских заводов крупными поковками и отливками.

Путилов играл широко и смело. На время он забросил многие мелкие дела. Банкир Путилов стал техником и артиллеристом, рассуждал о хромоникелевой стали, о «14 дюймах», о затворах разных систем.

Противниками присоединения Невского завода к Путиловскому и широкой игры Путилова были председатель правления общества Путиловских заводов, ставленник Международного банка Данилевский, и отчасти Бишлягер, связанный с немецкими банками. Данилевский доказывал, что производственной связи между Путиловским и Невским заводами не получится, а в финансовом отношении Невский завод ляжет бременем на путиловский баланс. Опираясь на свой опыт старого производственника, он говорил, что рассматривает завод как место, где надо работать, а не как объект голой спекуляции. Шнейдер, если бы хотел серьезно думать о металлургии, давно дал бы на это деньги. Однако давать деньги он воздерживается... Под конец Данилевский с раздражением заметил Путилову:

— У вас, должно быть, есть запасный козырь, что вы так смело ведете игру и, пользуясь банком, втягиваете завод в рискованные дела.

— Козырь? — морщась, переспросил Путилов. Он не любил таких слов, находил их старомодными и вульгарными. — Никаких козырей, — ответил он резко. — Один расчет, уверенность, твердая почва.

— В таком случае, садитесь, — Данилевский указал на свое кресло.

— Придется, — вздохнул Путилов.

Банкир Путилов стал председателем акционерного общества Путиловских заводов — полновластным хозяином завода, еще ни разу не побывав на нем. В биржевых кругах смена старого правления была встречена ликованием. Журнал «Банки и биржа» так писал об этом:

«Акционеры-путиловцы воспрянули духом. Злая сила, приносившая об-ву Путиловских заводов лишь вред, ушла. Международный банк должен был уступить энергичным требованиям акционеров-французов, и господа Данилевский, Бишлягер ушли... За ними уйдет, наверно, и Хрулев... Попутный ветер!.. Здесь сказывается твердая и настойчивая рука А. И. Путилова...»¹

В своей широкой игре Путилов освободился от противодействия внутри правления. Чтобы обеспечить на конкурсе победу, надо было заручиться содействием многих ведомственных чиновников. Путилов двинул в дело инженера Соколовского, одного из крупных членов правления.

Путиловские хозяева давали немало взяток чинам военного ведомства. Для записи взяток у главного бухгалтера была специальная книга «Фолио», и взятка деликатно называлась: «расход, занесенный в фолио».

Расход заносился на первую букву фамилии того лица, которое брало на себя передачу взятки. Казимир, или Казя, Соколовский — знаток артиллерии и человеческих душ — умел всучить первую взятку без цинизма и с философией. Он умел поговорить о несовершенствах жизни, о печальных, но неизбежных компромиссах с совестью и о тяжелом положении молодых артиллерийских приемщиков: что такое жалованье артиллерийского капитана — сто тридцать два рубля, включая вычеты в эмеритуру, на экипировку, в офицерское собрание? Между тем, капитан не может нанимать квартиру на втором дворе с одним черным ходом — он должен жить прилично. И в театр он также не может пойти на балкон — он должен сидеть в партере. Чтобы мало-мальски прилично одеть жену, ему приходится экономить на пище. Подполковник, конечно, получает больше, но ведь и расходов на представительство у него тоже больше... Взятка всегда действовала безотказно.

Для многих других, и притом щекотливых дел Путилов имел способного подручного — Игнатия Порфирьевича Мануса, крупного биржевого спекулянта, не чуждавшегося никакой аферы. В темном мире биржевых и газетных дельцов Манус пользовался влиянием и, умея ловко обдѣлывать дела, сам иногда выходил с подмоченной репутацией, но Путилова оставлял чистым. Манус служил передаточным механизмом от Путилова к таким же, как и сам, темным биржевикам и спекулянтам.

Путилов был уверен в победе. В связи с торгами на «14 дюймов», он лично ездил в высокие инстанции, сам вступал в переговоры, выдвигал

¹ «Банки и биржа» № 40, 1913, стр. 4—5.

разнообразные проекты. Он купил за границей броневой и листовой прокатные станы, оборудование для новой башенной и для мартенов. Эти покупки должны были закрепить его позиции на конкурсе: «Вот, мы уже произвели затраты, мы уже научаемся делу, у нас есть броневой стан...».

Был уверен в победе и Шнейдер. Под свое соучастие в делах Путиловской верфи он дал Путилову двухмиллионный аванс. Путилов же, по требованию Шнейдера, пошел на выделение верфи в самостоятельное предприятие и отстранил германскую фирму «Блом и Фосс», по чертежам которой строилась верфь, от участия в ее управлении. Путилов держал верфь отдельно от Путиловского завода, готовясь продать ее любому в любую минуту. Он говорил:

— Верфь должна быть, как невеста на выданьи — всегда готовый к венцу... Сейчас сватается Шнейдер — пусть будет пока Шнейдер.

С производственной стороны в торгах за «14 дюймов» позиция Путилова была довольно крепкой. Он хотел взять дешевизной и скоростью и предложил самый короткий срок для выпуска орудий. Он брался поставить производство больших калибров на самом Путиловском заводе, развив при помощи Шкоды металлургию на Невском заводе. Но в военном министерстве ему ответили:

— Путиловский завод находится в Петербурге, усиливать рабочий элемент в столице нежелательно. Кроме того — близко к границе и в стратегическом отношении не безопасно.

Путилов доказывал, что ему потребуется сверх имеющихся на заводе тринадцать тысяч рабочих всего лишь еще триста-пятьсот. Близость к границе он считал тоже несущественным доводом: мастерскую для сборки и установки на суда крупных орудий все равно придется строить на берегу моря у той же границы. Производство орудий на заводе, уже существующем, обойдется дешевле, а самая выдача орудий начнется скорее, чем на заводе, который еще надо строить.

Путилову снова ответили:

— Нет. Такой завод находиться в Петербурге не должен.

Путилов сделал ряд других предложений. Он брался совсем разгрузить Петербург от путиловских рабочих, перекинуть их на Пермский завод, на Паратовский завод под Казанью, в центр России, в любой город, который укажут ему. Он предлагал на любом пустом месте в два года поставить работающий завод, обязался все части орудий делать в России, тогда как Виккерс оставлял за собой право ответственные части орудий ввозить из-за границы.

Каждый из городов, намеченных для переброски завода, рассматривали в комиссии военного ведомства и по очереди отклоняли. Причины не объясняли. Техническую мощь Шнейдера подвергали сомнениям. Когда в комиссии под председательством генерала Вернандера зашла речь о затворе Виккерса и генералы Меллер и Бринк подтвердили, что право на производство этих затворов в России не составляет собственности Виккерса, а продано им Обуховскому заводу, — председатель комиссии сказал:

— Вы сообщаете чрезвычайно любопытные вещи...

Комиссия генерала Вернандера была последней инстанцией рассмотрения вопроса. Путилов ушел с заседания под впечатлением, что в военном ведомстве вполне согласились с его доводами. Дело, за которое он

долго бился, казалось ему выигранным. Он уже видел перед собой корпуса русского «большого Круша».

Но в это время в Петербурге орудовал Базиль Захаров. Банкир с русской фамилией и французским именем, один из крупнейших акционеров Виккерса, он приехал выручать русского банкира Вышнеградского от натиска упорного и настойчивого Путилова. Базиль Захаров стоил десятка русских генералов в знании артиллерии. Но еще лучше знал он, как нужно продавать орудия. Он появлялся там, где шли частые войны, сбывал пушки обеим воюющим сторонам, а для успеха продажи создавал искусственные конфликты и был соучастником многих мировых скандалов. Став крупнейшим коммерсантом оружия, Базиль Захаров был принят при дворах императоров, знакомился с министрами, за свои услуги Франции получил орден Почетного легиона, а в Лондоне именовался сэром Базилем.

Базиль Захаров, грек по происхождению, знал русский язык, исповедывал православную веру. Приехав в Россию, он завязал связи с военным министром Сухомлиновым и царскими придворными кругами. Он умел всучить взятку министру или великому князю более ловко, чем приказчик Путилова, Соколовский, капитану, полковнику или даже генералу. Соколовскому, привыкшему иметь дело с артиллерийскими приемщиками, не угнаться было за международным авантюристом.

Совет министров по докладу Сухомлинова вынес постановление о передаче заказа на тяжелые орудия Виккерсу, который вскоре приступил к постройке нового пушечного завода в Царицыне. Путиловский завод, как и опасался Путилов, немедленно же был ограничен и в производстве легкой артиллерии. Путилов и Шнейдер потерпели поражение. Виккерс и Базиль Захаров победили.

Шнейдер почувствовал угрозу. Был сделан дипломатический нажим на русское правительство, и Пермский завод, который предназначался Армстронгу, отдали Шнейдеру.

Путилов не прекратил борьбы, решив действовать самостоятельно. Он учел срок постройки Царицынского завода, его производственные возможности и нашел, что сворачиваться еще рано. Новый завод может дать первые орудия не раньше, чем через три года, а пушки крупных калибров у него появятся еще позже. Больше чем кто-либо другой, Путилов понимал, что надвигается война — пушки понадобятся раньше, и начал не сворачивать, а расширять завод.

Денег на строительство не хватало. Путилов обратился к Шнейдеру за ссудой в тридцать миллионов рублей. Шнейдер и французские банки отказались дать деньги. Путилов резко повернул в сторону германского капитала. Он восстановил отношения с гамбургской фирмой «Блом и Фосс» и снова привлек ее к совладению верфью. Он тесней связался по линии Невского завода с обществом «Шкода-Верке» и задумал новую финансовую комбинацию с участием немецких банков. Это был скорее маневр, чем реальная угроза французскому влиянию: Путилов думал заставить Шнейдера дать деньги на расширение Путиловского завода.

Банкир Путилов весь потонул в финансовых комбинациях. Морис Верстрат, французский наблюдатель за Русско-Азиатским банком, не мог уследить за ним. Путилов подготовлял новую большую комбинацию — он хотел быть всемогущим и в воображении уже видел себя во главе нового мирового треста вооружений.

НОВЫЕ КОРПУСА

В самое горячее время конкуренции с Виккерсом Путилов, одной рукой подавая в комиссии проекты переброски Путиловского завода в Поволжье и чуть ли не в Сибирь, другой рукой выписывал кредиты для расширения существующей пушечной мастерской, переоборудования лафето-снарядной и постройки новой лафетоштамповочной.

Расходы на расширение артиллерийского отдела увеличивались из года в год: в 1912 году — 1115 тысяч рублей, в 1913 — 1899 тысяч рублей, в 1914 — 3138 тысяч рублей. Путилов понимал, что в предвоенных условиях самые надежные барыши заводу может обеспечить работа на вооружение отсталой империи новейшей военной техникой, и дал директиву ускорить перестройку завода в этом направлении.

Реорганизация горячих цехов стала остро необходимой, потому что старая металлургия, построенная на мускульной силе, на грыже, не могла уже удовлетворять выросшим потребностям завода.

Среди новых зданий, построенных на заводе в предвоенные годы, за исключением вагономалярного барака, не было построек, предназначенных для паровозного и вагонного отделов, в былые время определявших производственное лицо завода. Из 29 миллионов рублей, истраченных в эти годы, на паровозный отдел пошли только 124 тысячи рублей, а на вагонный — около 200 тысяч рублей. Паровозный отдел разрабатывал тип быстроходного «Пасифика», но существовал главным образом «Щукой» и «Нормалкой» — простейшими товарными паровозами. Внимание путиловских хозяев все время шло мимо паровозного дела, в сторону артиллерии и военного судостроения. Мартеновская превратилась в поставщика литья для артиллерийских цехов. Литья требовалось много, и только литье высокого качества. Путиловский завод равнялся в основном на артиллерийскую сталь, сплавляя сорта похуже на паровозы, а еще худшие — на рынок.

Однако хорошая сталь добывалась в первобытных условиях. Если в конце девяностых годов мартеновцы работали на шести-семитонных печах и только слышали, что в Америке есть тридцатитонные печи, то в более поздние годы, вплоть до империалистической войны, когда Америка перешла на шестидесятитонные и выше, путиловские мартеновцы не поднялись выше двенадцатитонных печей, причем никакой механизации при завалке шихты попрежнему не было.

Нельзя сказать, чтобы за все время существования печей не делалось никаких попыток механизировать загрузку шихты. Механик И. С. Елизаров устроил тумбы перед печами, на которые ставились болванки перед посадкой в окно. Он же предложил вместо одноколесных тачек устроить трехколесные на рельсах. Эта тачка не привилась. Толкать такую тачку было легче, но только до тех пор, пока она не начинала на подъеме скатываться вниз и давить на рабочего. Прежде, если рабочий видел, что ему не вкатить тачки наверх, он выпускал из рук поручни, тачка становилась на ножки и тормозилась. При трехколесной тачке на рельсах этого не могло быть. Она катилась назад, развивала скорость, рабочему приходилось бросаться на нее животом и лететь вместе с ней. Иначе она бы его раздавила.

Еще позже был придуман другой способ: поставили мотор, проти-

нули стальной трос, который втаскивал наверх железнодорожную платформу, груженную шихтой. Платформа некоторое время работала, но однажды трос лопнул, платформа сорвалась и полетела по заводским путям. Путь случайно был свободен. Нашли платформу в тупике на станции Пушино. После этого вернулись к одноколенной тачке и крючьям.

Все эти робкие попытки механизации относятся уже к предвоенным годам, когда стало ясно, что существующие малые печи задерживают развитие артиллерии и их надо заменить новыми сорокатонными механизированными печами. Первым шагом явилась постройка новой металлографической лаборатории (1911 г.), которая должна была служить научной базой для заводской металлургии. Имелось в виду построить совершенно новый мартен по типу крупных европейских заводов. Проект отпал, когда Путилов выдвинул Невский завод как металлургическую базу всей петербургской группы: Путилов — Шкода — Шнейдер, а металлургия на Путиловском заводе была объявлена отживающей свой век. Однако французы то соглашались дать кредиты, то отодвигали их, — проект мог быть осуществлен лишь через несколько лет, а путиловское правление тем временем слегка улучшало и ремонтировало металлургические цеха, которые были налицо.

Перестройка старого мартена была произведена путем наращивания. Одиннадцать печей продолжали работать, но по соседству сооружались новые — сорокатонные. Старая крыша оставалась, но над ней на новых колоннах возводилось высокое стеклянное перекрытие. В пространстве между двумя крышами прокладывались балки для новых загрузочных кранов.

Мартеновская мастерская (1913—1917 годы)

При рытье ям для печей и для колонн строители натыкались на «козлов». Эти козлы относились к давней истории мартена, когда не было умения травить печь, вследствие чего подина с течением времени зарастала металлом. Когда она зарастала настолько, что объем плавки сильно снижался, печь разбирали, выбирали подину вместе с козлом, рыли яму. Тут же в мастерской и скатывали козла на погребение. Козел подобного происхождения весил до тысячи пудов. В тех местах, где они мешали новым печам и колоннам, их приходилось вытаскивать; где они не мешали, там они лежат и сейчас.

Когда первая сорокатонная печь была построена, мастерскую закрыли на три недели, начали ломать старый потолок. Мастерская стала выше и светлее.

— Был гроб, — говорили рабочие, — стал вокзал...

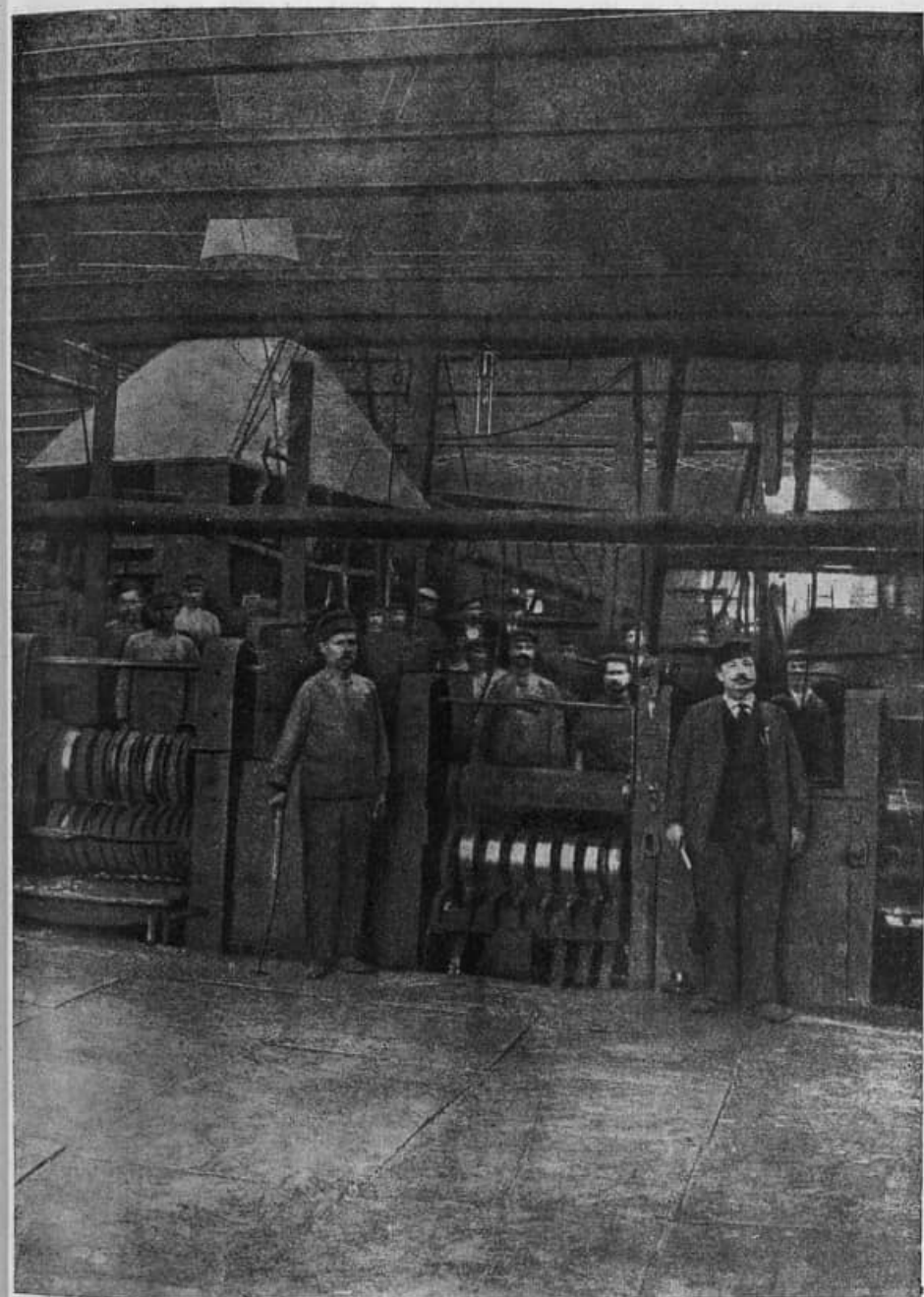
Под потолком ходили загрузочные (шаржирные) краны, и крановщик управлялся с пустой мультдой (загрузочной коробкой): учился вставлять ключ в мультду, поднимать ее, поворачивать в воздухе, правильно вгонять в окно. Сначала делал ошибки: задевал колонны, слишком далеко въезжал в печь, бодал заднюю стенку. Новый кран в неопытных руках работал чересчур порывисто. Крановщик был новый человек, средней силы. В прежнее время ему на мартенах нечего было бы делать, сейчас при помощи крана он выполнял работу целой смены чернорабочих. Шаржирный кран отменял силачей, и хотя первое время он заваливал только одну печь, слово «мультда» вошло в обиход на мартенах, а «Дубинушка» стала забываться. Второй кран захватывал и более низкий уровень, на котором были расположены старые печи, и перешел на их завалку. С течением времени, когда старая печь выбывала, ее уже не возобновляли в прежнем виде, но поднимали площадку и ставили печь нового типа.

В одно время с мартеном перестраивались и прокатные цеха, такие в основном существовавшие за счет рабочих мускулов. К 1913 году цеха явно устарели: несколько старых станов и при них паровые машины со стажем в тридцать-сорок лет, ряд мелких по объему нагревательных печей, ручная загрузка болванок, ручная кантовка, ручная выемка.

Станы в прокатке делились по сортам: мелкосортный, среднесортный, крупносортный. Соответственно делились и люди, но и самый мелкий стан требовал выносливости, непосильной для обыкновенного человека. Станы «Дуо» работали в два вала и только в одном направлении. Подсменок не полагалось, каждый работал полное рабочее время. Обед, приносимый женами в мастерскую, съедался по ложке, по кусочку, перемежку с работой. У крупносортного стана, где болванки были тяжелее, силы и выносливости требовалось еще больше. Обычная система загрузки была: двое — с ломиками, третий — животом.

На Западе и на более современных русских заводах для загрузки печей применялись магнитные краны, при печах были автоматические толкатели, которые сами подвигали болванки к огню. В путиловской прокатке ничего этого не было. Не было даже таких недорогих улучшений, как рольганги (вделанные в пол крутящиеся валики), по которым легче тащить болванку, чем по гладкому полу.

Однако в предвоенные годы стало ясно, что на одних мускулах не выедешь. Прокатке предстояла новая работа — щитовая сталь, обшивки для судов, броня для крейсеров, железные конструкции для эллипта на

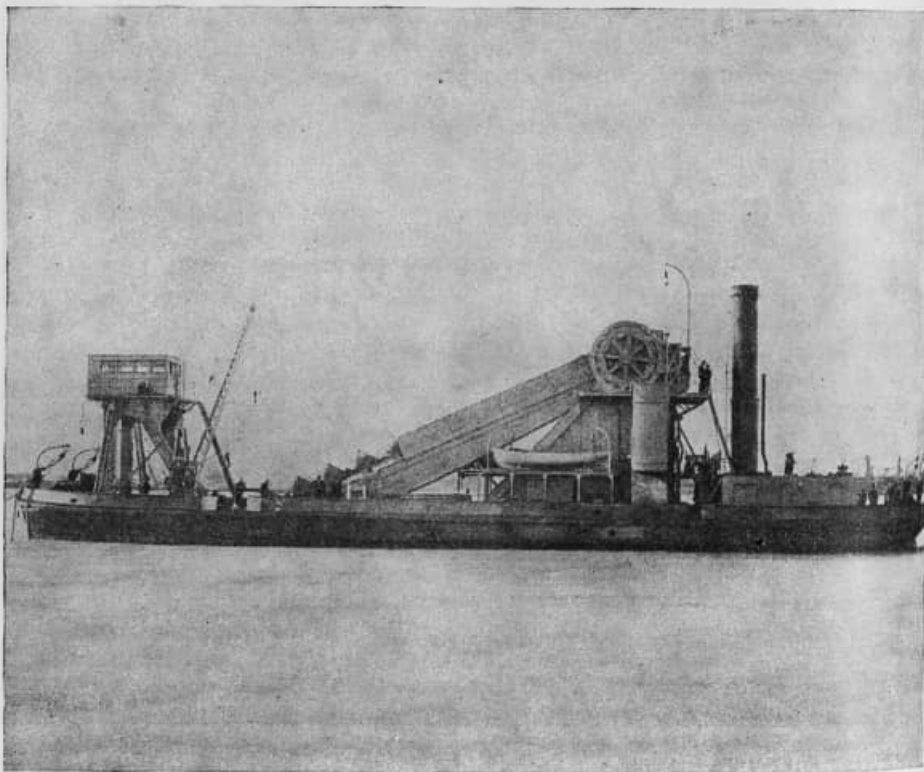

Пренатнал мастерскал

верфи и т. д. Правление купило броневой стан с паровой машиной в пять тысяч лошадиных сил, механизированные станы «Дуо» и «Трио» фирмы «Демаг». «Трио», работавший в три вала, катал на щиты огромные болванки вперед и назад, без пустых ходов и без применения физической силы богатырей.

Модернизация прокатных цехов в надежде на Невский завод проводилась по способу постепенной замены того, что уже развалилось или готово развалиться. Малые печи ломались и заменялись длинными печами (одна новая взамен трех старых) с автоматическими толкателями, которые подвигали болванку к огню. Кантовать вручную надо было только на сварочной части. Болванки подавались в печь магнитными кранами. Рабочий больше указывал крановщику, где взять и что взять, чем сам поднимал тяжести. Механизация имела в прокатке тот же результат, что и на мартенах: сокращение числа рабочих, падение спроса на силачей. Народ у загрузочных частей на печах стал мельчать. На то место, где прежде работал силач Амосов, поставили обыкновенного рабочего. А еще позже эти места стали доступны женщинам.

На судьбе кузницы и прессовой проект передачи металлургии на Невский завод отразился еще тяжелее, чем на судьбе прокатки. Первоначально предполагали построить для прессовой и для кузницы новые здания, нашли для них место в заводском парке и приступили к засыпке, но по-

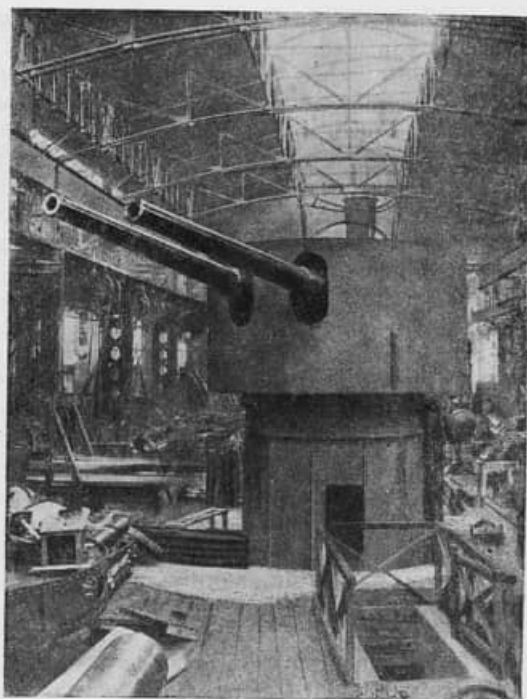
Везлечерпална

том кредиты на постройку были закрыты. Из 29 миллионов рублей, израсходованных на расширение завода и строительство верфи в 1912—1914 годах, на кузницу пошло всего лишь 93 тысячи рублей, а на прессовую — 261 тысяча. В результате прессовая увеличилась только на пристройку и на двадцатитонный молот, а кузница почти совсем не изменилась и на долгое время осталась узким местом завода. Изделие, направляясь из мартена на станки в механические мастерские, по дороге попадало как бы в средние века, ибо кузница, колотная и на редкость запущенная, работала не столько паром, сколько ручными молотами. Целый ряд работ выполнялся кузнецами от ножного привода, так называемыми плясунами, — у них одна нога наступала на привод и всегда была в движении. Ответственные поковки (двенадцатидюймовые снаряды, тела орудий) делались не в кузнице, а в прессовой, средства которой также были невелики. Впоследствии, во время империалистической войны, кузница и прессовая чрезвычайно стесняли работу завода.

Расширение завода, увеличение числа станков, приготовления к введению электроплавки повлекли за собой постройку новой большой электростанции. До того на заводе были две мелких станции с общей мощностью в две тысячи киловатт и трансформаторы на семьсот киловатт для энергии из города. По расчету правления заводу нужна была мощность в четыре тысячи пятьсот киловатт. На электростанцию было израсходовано более 11 500 тысяч рублей, которые должны были окупиться снижением расходов на киловатт-час с 4,7 копейки до 2 копеек.

Станция была построена в 1914 году, и собственно с этого времени электрическая энергия и электрический свет стали преобладать на заводе. До тех пор было больше свечек, чем электролампочек: свечка у станка в ночную смену, свечка в конторке, свечка, вставленная в замазку на картузе, как в подсвечник, на голове у вагонного маляра. Отошли в прошлое и чугунные светильники, наподобие чайничков, с которыми копались в земле формовщики в сталелитейной мастерской.

Наряду с перестройкой и модернизацией отдельных цехов, достаточно хаотичной, увеличивавшей общую бесплановость завода, Пути-

Башенная установка для военного судна

лов вынужден был пойти на расширение заводской территории для новых цехов.

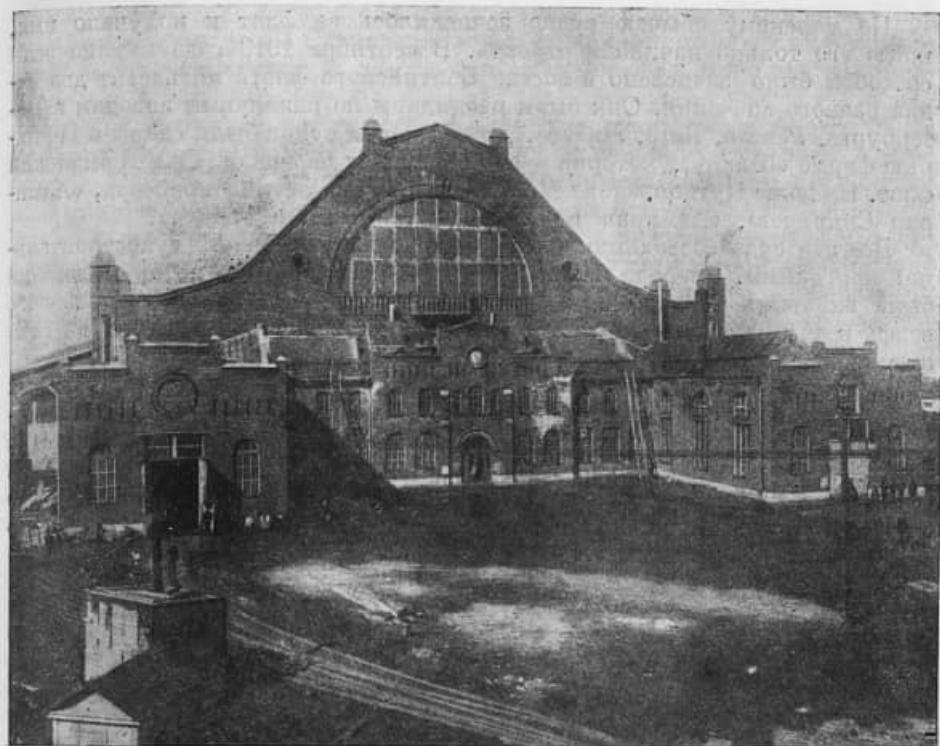
На том месте, где построили башенную мастерскую, прежде была вода — залив, в который загоняли бревна для заводской лесопилки. Рабочие в обед приходили сюда купаться. Коровы по мелкой воде переходили отсюда на островок, где у них было пастбище.

Но пришли новые капиталы для расширения военного производства на заводе. Приморские болотистые пустыри засыпали шлаком и гарью, отодвинув залив, забили в землю тысячи деревянных и цементных свай, построили на отвоеванной территории высокое здание, которое среди других построек завода было наиболее современным.

Новая башенная была рассчитана на ежегодный выпуск четырех башенных установок по три двенадцати- или четырнадцатидюймовые орудия, причем самые орудия делались не на Путиловском заводе. Первым заказом новой мастерской были башни для линкора «Гангут». Мастерская занимала площадь в 1900 квадратных сажен, высота ее до подкрановых путей была десять сажен, краны были двухъярусные, ходили один над другим. Сборка башен требовала величайшей точности. Незначительный перекос мог загнать всю башню в брак. А чтобы собирать ее — необыкновенно высокую — в мастерской был устроен кессон с заделанными глубоко в бетоне домкратами, и башня занимала положение, подобное уготованному ей месту на корабле. Станки в мастерской на три четверти были немецкие, новейшей системы. Некоторая часть оборудования была перенесена из бывшего башенного отделения при лафето-снарядной мастерской, но в основном прежнее оборудование годилось лишь для башен малого калибра и было признано устаревшим. Мастерская была построена близко к воде, чтобы облегчить погрузку башенных частей на баржу. Баржа выходила на Неву и доставляла их на тот завод, который строил корабль. На корабле башня собиралась окончательно.

Постройка новой башенной продолжала старую линию продвижения завода в залив. К началу девятисотых годов пределом являлась новомеханическая. Новомеханическую от взморья отделяли только сарай и лесопилка. Башенная, огромная и тяжелая, передвинула границы завода далеко вперед, но и сама она лишь недолгое время являлась крайней точкой, ибо еще до окончания постройки башенной началось сооружение верфи, и караван морских землечерпалок наметил в заливе новую границу, которая захватила пятьдесят десятин земли. Это были островки, болота, отмели, вода. В прежнее время сюда ходили только охотники стрелять уток. В летнее время подпольщики устраивали здесь, среди болот, нелегальные собрания.

Недалеко от берега находился довольно большой остров, который при подъеме воды превращался в несколько островков: вода затопляла его низкие части и оставляла на поверхности лишь бугры. По чертежам Блом и Фосса, на месте этого острова полагалось быть главному бассейну. Остров был срыт землечерпалками, и его грунт был переброшен на берег. Вся земляная работа выполнялась голландцами, которые пригнали из-за границы свой караван землечерпалок, землесосов, экскаваторов. Землечерпалки сначала набросали вал вокруг всей будущей территории, потом перегородили территорию прямыми и поперечными валами, разбив ее на клетки. Землесосы погнали на берег грунт с морского дна, растворенный в воде. Вода кружным замедленным путем через специальные

Башенная мастерская

ворота проходила из клетки в клетку, осаживала грунт, стекала в море. Земля была наливная, суглинистая, клейкая, и верфь долгое время после того, как ее подняли до пятнадцати футов, представляла собой бездорожное место, непроходимое из-за грязи. Если пешеход сваливался с мостков в грязь, приходилось вытаскивать сначала его, потом его сапоги, которые оставались в грязи.

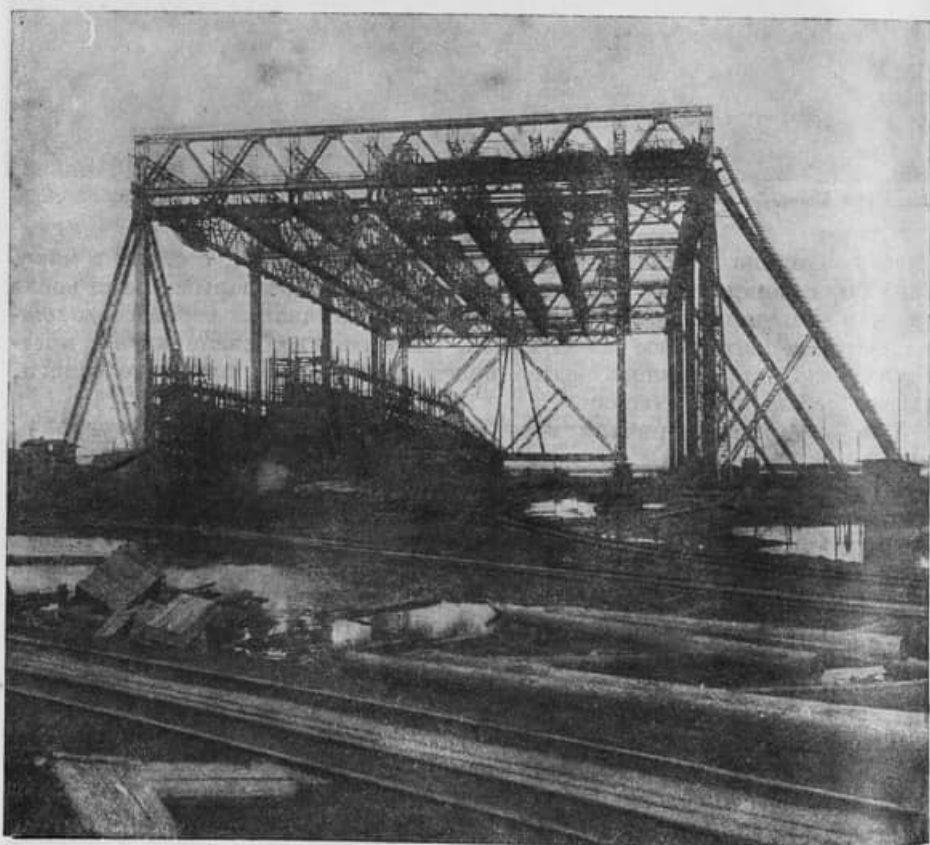
Здания на верфи начали строиться одновременно с наращиванием территории. Едва земля выходила из-под воды, как уже начиналась забивка железобетонных свай, и на них, на высоте нескольких метров, закладывался фундамент здания. Не фундамент углубляли в землю, а земля догоняла фундамент. По мере наращивания территории, здание на глазах людей мельчало: уходило под землю сквозные сваи, фундамент, кладка первого этажа, и на поверхности оставался низкорослый корпус, который уже прочно стоял на земле. Хлипкая почва требовала огромного количества железобетонных свай; вся верфь стоит на тысячах свай.

Осенью 1913 года на Гутуевский остров начали прибывать пароходы с немецкими станками. Станки для своего времени были наиболее точные. Всего прибыло три парохода. Четвертый пароход, с оборудованием для котельной и кузницы, не прибыл. Возможно, немцы к тому времени учли близость войны и задержали погруженный пароход. Между тем, своя котельная и кузница должны были сделать верфь самостоятельным предприятием.

По морскому обычаю судно зачислялось во флот и получало имя, когда его только начинали строить. В сентябре 1913 года именно этим способом было зачислено в состав Балтийского флота пятьдесят два судна разного значения. Они были раскиданы по различным заводам в Петербурге, Ревеле, Риге, Либаве. Два больших судна были сданы в Германию фирме «Шихау», которая в начале войны передала их в германский флот. На долю Путиловской верфи достались два легких крейсера, «Адмирал Спиридов», «Адмирал Бутаков», и восемь миноносцев.

Все эти суда составляли часть так называемой малой судостроительной программы. Впереди была еще большая программа, которая должна была включать гораздо большее число объектов. Предполагалось, что верфь к тому времени отстроится настолько, что сможет взять на себя и линейные корабли.

Прежний опыт корабельной мастерской был невелик. Из военных судов на заводе строилась мелочь: миноносцы «Новик», «Москвитянин» и «Добровolec», канонерка «Кореец». «Москвитянин» и «Добровolec» были судами простого типа и ко времени германской войны устарели. Канонерка «Кореец» в 1908 году была окончена и отправлена во Владивосток, но не смогла пересечь Индийский океан, так как при ее тихоходности запасов

Стапелл судостроительной верфи

угля нехватало для того, чтобы дойти из порта в порт. Канонерка была вынуждена вернуться в Балтийское море. Миноносец «Новик» в этом ряду представлял исключение и для своего времени был мировым достижением.

«Новик» строился на скорость в тридцать шесть узлов по чертежам немецкой фирмы «Вулкан» и был оборудован немецкими котлами и турбинами. Однако при первом испытании требуемой скорости не получилось из-за недостатка пара, и «Вулкан» немедленно отвел судно в Германию на свою верфь, сменил все котлы и добился нужной скорости. Предупредительность немецкой фирмы объяснялась просто: постройкой «Новика» германский морской штаб производил на русские деньги эксперимент, добываясь нужной быстроходности для миноносца, и когда требуемый тип был получен, сделал еще несколько улучшений и взял его за образец для своего минного флота.

После «Новика» на старом заводском стапеле строилось еще спасательное судно «Волхов» для подводных лодок. Этими судами опыт старой корабельной мастерской исчерпывался. Между тем, на верфи предстояло перейти к постройке крейсеров, а в дальнейшем равняться на линейные корабли.

Ко дню открытия (16 ноября 1913 г.) на верфи уже существовало несколько мастерских: турбинная, малая корпусная, медницкая, модельная и центральная кочегарка. Турбинная и обе корпусные после оборудования их немецкими станками явились наиболее совершенными мастерскими этого рода во всей России. Шатер эллинга по проекту должен был стоять на трех рядах железных колонн, по шести колонн в каждом ряду, в расчете на одновременную постройку четырех линейных кораблей.

Таким образом, к 1914 году Путиловский завод и Путиловская верфь были подготовлены к тому, чтобы поставить все свои силы и ресурсы на службу предстоящей империалистической войне.

ОВАЛЬНЫЕ НОМЕРА

При вступлении в должность новому директору завода С. Г. Лабунскому устроили торжественную встречу с молебном и преподнесли адрес якобы от рабочих.

Эту комедию разоблачила «Звезда». Номер 16 «Звезды», в котором была статья о новом путиловском директоре, пользовался на заводе особым успехом. В статье говорилось о том, что встреча была организована заводской администрацией, раболепный адрес, поднесенный директору, был написан не рабочими, а попом Павским и подписалась под ним лишь небольшая кучка церковников и образные старосты.

Лабунский не придавал статье значения. Он расценивал ее как происки каких-то подстрекателей, желающих возмутить мирную жизнь на заводе:

— Они опять чего-то хотят, точно им мало всыпали. Пусть лезут. Их — ничтожное меньшинство. Сами рабочие приведут их ко мне со связанными руками.

Лабунский был приглашен директором в 1911 году, когда завод пошел на полный ход и среди рабочих появились признаки серьезного оживления. Лабунский был известен как жестокий начальник,

Лабунский-«Дубовый». (Карикатура Н. Радлова.)

и правление, предчувствуя наступающие волнения на заводе, остановилось на нем как на самом подходящем директоре, способном, по их мнению, удержать рабочих в узде.

На Путиловском Лабунский служил с восьмидесятих годов и долгое время был начальником вагонного отдела. Его кабинет в вагонном цеху был в то время местом, куда рабочий входил без шапки и где его, обычно, встречали криком:

— Пошел вон!

Когда Лабунский входил в цех, вагонщики старались не попадаться ему на глаза. Рабочие, слышав его крикливый голос, ныряли под вагоны, куда-нибудь подальше от своего начальника. Он шел один по пустому пролету — высокий, элегантно одетый, держа рукой длинную светлую бороду, прямой, как палка, и с палкой, подвешенной на сгибе руки. Когда он замечал непорядок, он перекидывал палку в

руку и сердито чертил ею в воздухе, стучал в стенку вагона и, тряс бородой, подымал крик:

— Ты как прибил, сукин сын?!

Было в цеху несколько рабочих, на своей спине испытывших крепость его палки.

Став директором, Лабунский попрежнему похаживал и токрикивал, но годы и болезнь умаяли его, — он согнулся, борода его поседела, дыхание стало прерывистым. Палка попрежнему была при нем, но пускать ее в ход он остерегался. Люди на заводе были не те, что раньше. Это понял даже Лабунский, которого рабочие метко окрестили «Дубовым».

Лабунский придумал новую программу умиротворения рабочих. Он хотел создать для стариков пенсионную кассу. Рабочий в течение ряда лет будет платить взносы, но зато в старости получит пенсию. Касса была рассчитана на слой кадровиков, крепко привязанных к заводу: при увольнении или при переходе на другой завод рабочий лишался права на пенсию; при забастовках такой кадровик не станет рисковать увольнением и займет позицию, враждебную забастовщикам. Другой проект Лабунского, также с целью успокоить рабочих, касался увеселений: он хотел расширить театр в заводском парке и проводить там черносотенную агитацию.

тацию. Для этой цели он завязал переговоры с группой правых депутатов Государственной думы, во главе с Пуришкевичем: депутаты должны были посещать завод, говорить с рабочими, создавать настроение.

Из пенсионной кассы ничего не вышло. Рабочие в нее не записывались. Затея с правыми депутатами Государственной думы провалилась. Путиловцы готовились встретить думских черносотенцев по-своему. Лабунский понял: никто не приведет к нему вожаков рабочей массы со связанными руками. И отбросив эти слабые попытки приручить рабочих, он решил перейти в открытое наступление.

Объявление об овальных номерах было вывешено 20 января 1912 года. Овальные номера Лабунский ввел в добавление к уже существующим квадратным. Одновременно, вместо третьего заводского гудка, ввел сигналы — цеховые сирены, возвещавшие начало работ. По старым правилам рабочий, опустивший свой квадратный номер в кружку у ворот до заводского штрафного гудка, в 6 часов 40 минут, считался явившимся на работу. По новым правилам он должен был к этому времени — к моменту цеховой сирены — притти в мастерскую и повесить на доску свой овальный номер. По сути дела это была прибавка рабочего времени к длинному и без того изнурительному рабочему дню. Рабочий день удлинялся на полчаса-час. К тому же при отсутствии столовых и при невозможности использовать перерыв для ухода домой, рабочие лишались обеда.

С 6 февраля новые правила вступали в действие. «Это делается первое наступление и проба, — писала «Звезда», когда номера были изготовлены. — Рабочие видят и учитывают хорошо: это и есть прибавка рабочего времени».¹

Вторая заметка появилась некоторое время спустя. «Звезда» внимательно следила за назревающим конфликтом на Путиловском заводе и в замаскированной форме призывала путиловцев к забастовке. «Господин Лабунский, — писала «Звезда», — ссылается, когда ему выгодно, на правила да на законы. А не то, так и закон под стол... Так, что ли, товарищи? Что же вы молчите? Действуйте. За вами право. Идите в союз».²

Этот номер «Звезды» на заводе брали нарасхват. Рабочие поняли призыв большевистской газеты. В цехах стали часты разговоры о стачке. По вечерам сборщики взносов в профессиональный союз собирались в отделении союза, в Огородном переулке. Сборщики прямо говорили о забастовке. Токарь Адриан Иванов из лафето-снарядной заявил, что в его мастерской почва для забастовки готова. То же говорили сборщики из других цехов. Представители кузнницы, котельной, чугунолитейной о своих цехах отзывались неуверенно:

— Забастовка будет трудной. На заводе слишком много свежих людей, которые не помнят пятого года и никогда не бастовали. В безработицу завод растерял силы...

Кто-то высказал мысль, что отдельный человек бессилен поднять цех:

— Что я могу? Я один из тринадцати тысяч...

— Вчера ты был один из тринадцати тысяч, — сказал ему Адриан Иванов, — сегодня ты нечто большее — за тобою масса.

Адриан обладал чутьем, и оно правильно указало ему тот момент, когда он сам перестал быть дробью и начал расти. Он имел революцион-

¹ «Звезда» № 34, 17 декабря 1911 г.

² Там же, № 5, 29 января 1912 г.

ный опыт. Ему было около тридцати пяти лет, а в рабочем движении он участвовал с девятнадцати лет.

Неожиданно для всех высказался за стачку меньшевик Суханов — казначей лиги «Образование». Он был ярым ликвидатором и все предыдущие годы резко восставал против подполья и против стачек. Теперь же, когда в результате длительной и упорной работы подпольных большевистских групп вся масса путиловцев готова была подняться на стачку, он вдруг оказался ее сторонником. Это был ловкий маневр, рассчитанный на то, чтобы не дать большевикам встать во главе забастовки, которая все равно разразится. Выступая за стачку, Суханов усиленно подчеркивал при этом будто бы чисто экономический характер стачки, которая не должна и не может превратиться в политическое выступление:

— Гадать о будущем — пустое дело, — говорил он. — Забастовка имеет экономическую цель: отвоевать полчаса-час, которые нам хотят накинуть. В этих пределах нам и нужно поддержать стачку.

Большевики резко возражали Суханову. Стачка будет действительно экономической, но пусть она прозвучит как политическое выступление рабочих. Нельзя отрывать экономическую борьбу от борьбы политической. Нельзя ограничивать рабочее движение узкими рамками экономической борьбы.

— Я смотрю на это дело так, — говорил представитель пушечной: — вторые номера сами по себе не бог знает что, но из-за них начинается забастовка; на этой забастовке завод раскачается, двинется дальше. А идти дальше — наша задача. Ведь и 9 января началось с небольшого.

Большевики на заводе в это время еще не имели своего центра, дважды разгромленного в 1910 и 1911 годах. На заводе работало несколько социал-демократических групп, которые не знали друг друга. При новом наборе рабочих в 1911 году на завод вернулись члены партии, уволенные в безработицу. Они объединялись по старым подпольным связям, знали только свою группу и не доверяли остальным. Реакция приучила к осторожности, а стачечная борьба, при которой люди одинаковых мыслей самым ходом событий вступают в общую связь, только начиналась.

В группе пушечной мастерской сохранилась от пятого года большая коробка резиновых букв, когда-то купленных на Александровском рынке у старьевщика. Букв хватило на то, чтобы отпечатать воззвание на полстраницы. Сверху поставили: «Российская социал-демократическая рабочая партия. Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» Подпись: «Группа социал-демократов». Анисим Костюков, недавно вернувшийся из ссылки, пронес листовки в лафето-снарядную, Павел Богданов — в котельную.

В лафето-снарядной листовки, принесенные Костюковым, встретились с другими листовками, отпечатанными на гектографе. На листовках этих не была указана организация, ее выпустившая. В них говорилось:

«Товарищи!

Администрация, опираясь на силу полицейского правительства, налагает новые «правила», новые притеснения. Стремясь увеличить наш и без того долгий и тяжелый день, она вводит вторые номера и новые штрафы, как будто недостаточно мы работаем у станков на обогащение капиталистов.

Товарищи! Мы должны дружно протестовать против этого насилия, иначе администрация, не встретив отпора на первых же шагах, будет

создавать все новые и новые притеснения, рассчитывая и в будущем на ту же покорность.

Утром 6 февраля не вставайте на работу». ¹

Под листовкой была подпись: «Группа революционной молодежи».

Принесли листовки на завод Василий Мещерский и его товарищи по кружку самообразования. Писал листовку студент-естественник, руководивший кружком. Два года назад, приступая к занятиям, он, как и его товарищи, был далек от политики, приносил в кружок микроскоп, рассказывал об амебах, резал лягушек, а на вопрос о революции отвечал, что грамота — это и есть революция. С оживлением политической жизни рабочие-слушатели все чаще поворачивали занятия на политику. Учитель революционизировался под давлением учеников. В дни перед забастовкой кружок собрался на занятия по биологии, но вместо биологии занялся составлением листовки. Оказалось, что студенты знали технику гектографа, могли без промедления отпечатать листовки. Мещерский привез из города готовые листовки, пустил их в лафето-снарядную.

В девятьсот пятом году Мещерский был подростком. Он помнил неспокойные цеха, ораторов над толпой, забастовки, ковку оружия, настроения людей, готовых к восстанию. Эти первые заводские впечатления навсегда остались в его памяти. В пятом году Мещерский больше смотрел, чем участвовал в событиях. В новом движении он уже не был только зрителем. Прокламация об овальных номерах — первый самостоятельный шаг Мещерского — нашла отклик в цехах. Мещерский впервые почувствовал себя организатором и переживал радостное возбуждение человека, начинающего понимать свою силу. Он знал, что на заводе есть большевики, но не знал, как установить с ними связь. Даже Адриан Иванов, работавший в той же лафето-снарядной мастерской, не говорил с ним откровенно. Мещерский давно уже помогал Адриану распространять «Звезду», обслуживая рабочих в своем цеху. Оба они знали друг друга, но разговоров о партии и подполье между ними не подымалось.

Среди других партийцев Адриан Иванов был заметной фигурой. В мастерской он работал открыто: лишнего не говорил, но и не таился. Мастерская знала его как социал-демократа. Он был начитаннее многих товарищей, был инициативен, любил действовать самостоятельно. Тесно сблизившись с участниками кружка Василия Мещерского, он оказал на них большое влияние. При его участии этот кружок превратился впоследствии в ядро организаторов забастовок. Молодежь ценила и уважала Адриана за то, что он своими силами сумел приобрести большие знания и о многих вещах мог говорить с уверенностью человека знающего и опытного.

Кружок Мещерского, готовя массовку, нащупывал связи со старыми членами организации Путиловского завода. Кружку помог в этом Родион Золотцев, рабочий той же лафето-снарядной мастерской. Золотцев был немолодой человек с пышными усами, любитель поговорить о политике и при этом намекнуть, что он в курсе многих подпольных дел. Его считали неустойчивым, сомнительным человеком, подозревали в провокации (впоследствии, в 1917 году, он был раскрыт как провокатор), но Мещерский об этом не знал. Золотцев сообщил Мещерскому адреса старых

¹ ЦАР, Фонд департамента полиции, особый отдел, 1912, д. № 341, л. 18.

членов организации. Мещерский в тот же вечер обошел их, приглашая в Поташов лес на массовку.

Старики отнеслись к Мещерскому с подозрением. Он был им незнаком и притом пришел по указанию Золотцева, которого они остерегались. Опасаясь провала, они уклонились от массовки, прикидываясь людьми мало заинтересованными. Один заявил:

— У меня сапоги рваные...

Другой сказал:

— Я только что из бани.

На массовку поздним вечером все же пришло более двухсот человек, главным образом молодежь с Богомоловской улицы и из района «Красного кабачка». Речи на массовке показали, что у молодежи есть готовность и возможность начать забастовку, тем более что среди двухсот пятидесяти собравшихся были налицо представители всех мастерских.

Утром 2 февраля в Огородном собралось правление союза металлистов для решения вопроса о забастовке. По случаю церковного праздника завод в этот день не работал. В следующие три дня праздновалась масленица, а в первый рабочий день, 6 февраля, вступали в силу новые правила. Из центра на собрание пришел только один незнакомый путловцам рабочий, назвавшийся Ивановым. Выказаться он не успел: пока ждали остальных представителей, явилась полиция.

Союз помещался во втором этаже, и никто не заметил, как к дому с двух сторон подъехали конные городовые. Всех арестовали. Налетом руководил чиновник охранного отделения — это означало, что о настроении путловских рабочих было сообщено петербургской охранке. В участке более молодых записали и отпустили домой, остальных арестованных отвезли в город.

День 6 февраля — первый день великого поста или так называемый чистый понедельник — не случайно был выбран для введения новых правил. Администрация по опыту знала, какое настроение будет у рабочих после праздников: очень многие придут с похмелья, невыспавшиеся, вялые. Почти во всех семьях после масленицы не останется ни копейки, и великий пост начнется у них с редьки и кваса. Единственная надежда будет на кредит в потребиловке, но там в кредит отпускают лишь тем, кто работает. Если человек забастует — он в первый же день познакомится с нуждой.

И все-таки, несмотря на послепраздничную расхлябанность, несмотря на арест правления профессионального союза, забастовка началась в намеченный день. В пушечной и лафето-снарядной речей не требовалось. Строгальщики смотрели на токарей, токаря на фрезеровщиков. Если останавливались одни, начинали беспокоиться и другие, — переглядываясь, один за другим тянулись к отводкам (приспособлениям для остановки станков). Большое значение имело — кто старшой в той или иной группе станков. Если старшой был свой, сразу выключались все его десять-двенадцать станков. У старшого, не сочувствующего забастовке, станки останавливались вразброд. Если человек продолжал работать, достаточно было поймать его взгляд, дружески показать гайку, подмигнуть на бастующих, и он, оглядываясь, начинал тормозить. К особенно упорным подходили с разговорами:

— Неловко получается, товарищ. Что же ты один из всех?

Если молодой подходил к пожилому, пожилой ругался, называл его

лодырем, молокососом, который за отцовской шеей рад погулять, но станок все же останавливал. Он садился, сердито закуривал. Немного спустя к нему подходил мастер, окликался заводской кличкой (Рыжий, Калуга, Мелюта-Скуратов, Три с половиной — в пушечной каждый имел кличку), спрашивал, почему не работает. Старик всерьдках отвечал ему:

— Я один не буду работать. Чай, я не дешевле...

В лафетной станки остановились тем же порядком, что и в пушечной, а уж если стала лафетная, то остановится и паровозомеханическая — она находилась в том же здании за стеной. Чтобы разбить тишину остановившейся мастерской, инженер Васильев пустил через весь цех мостовой кран. Кран повез какое-то изделие, загремел, создал видимость работы. С другого конца мастерской и из паровозомеханической прибежали люди, чтобы узнать, в чем дело. Вернулись, обменялись взглядами и снова сели за станки, сложив руки. Кран походил взад и вперед, останавливался.

Начальник мастерской Юзефович вышел к рабочим, чтобы повлиять на них убеждением. Юзефович ходил от одной кучки к другой, заговаривал со встречными, убеждал их приступить к работе. Рабочие не говорили ни да, ни нет, ссылаясь на товарищей. Начальник оставлял одного, переходил к следующему. Адриан Иванов шел следом за Юзефовичем и, если видел, что рабочий смущен, вставлял свое слово. Постепенно разговор стали вести Юзефович и Адриан.

— Вы добьетесь только одного, — сказал Юзефович, — вас арестуют и сошлют в Архангельскую губернию. Только и всего. Когда я вижу, что люди гибнут, мне их жаль.

— Если вам жаль нас, — сказал Адриан, — бастуйте вместе с нами. А так нечего и жалеть...

Лабунский появлялся в мастерских с видом человека, удивляющегося людскому неразумию. Неужели рабочие не понимают, что сирены в мастерских поставлены для их удобства?!

— Вам же лучше: не надо к конторке бегать на часы смотреть. Порядок должен быть или нет? — кричал Лабунский. — Вы нахватались всяких глупостей из газет, которые все врут... Я выбью эти ваши глупости...

В кузнице сирена была сломана рабочими еще до того, как ее пустили в действие. Лабунский отнесся к этому делу серьезно, пообещал, что виновный, когда его найдут, «понесет кару». Агентура показала на рабочего Филиппа Денисова. Полиция занялась его личностью и установила, что Денисов «в революционных поступках не замечался».

В сарае при пушечной мастерской работало много тверских крестьян-однодеревенцев, которые впервые участвовали в забастовке. Когда Лабунский заглянул в сарай и спросил, почему они не работают, люди встали, сгрудились у двери.

— Я эту мастерскую запишу... — сказал Лабунский. Он начал рыться в карманах, приглядываться к людям, надеясь, что они одумаются и начнут работать. Но люди молча смотрели ему в глаза и не двигались. Пошарив в карманах, Лабунский двинулся дальше.

Городовые, расставленные между мастерскими, препятствовали рабочим ходить из цеха в цех, держать связь между забастовщиками. Но подростки, высылавшиеся на разведку, умели обходить городовых. Забастовка из пушечной и лафетной перекидывалась дальше. С утра остано-

вились вагоностолярная, колесо-жестяницкая и механическая. Корабельная то останавливалась, то начинала работать. Горячие цеха, пресовая, котельная в этот день не бросали работы.

В курилке вагоностолярной с утра висела прокламация. Рабочие мимоходом косились на нее, но не останавливались и не читали. Молодой парень-столяр как бы невзначай подошел к прокламации и громко прочел первую фразу: «Товарищи, сегодня мы покажем администрации, что рабочие Путиловского завода умеют дружно защищать свои права». Никто не подошел послушать его. Прочитав прокламацию до конца, сбивший с толку общим невниманием, он сел на место, и тогда сосед стал спрашивать, что написано в прокламации. За ним подошел другой и третий. Оказалось, что многим уже известно было ее содержание, но никто не хотел показать себя активнее других. Они знали: кто погромче заговорит, тот скорее окажется кандидатом на увольнение, а люди в мастерской были свежие, друг к другу еще не приглядевшиеся.

Все сидели без дела у своих верстаков и молчали. Настроение было томительное. Мастерская отапливалась отработанным паром. Не было работы, не было и пара. Кипятку также не было. Пришел начальник вагонных мастерских и спросил стоявших впереди, почему они не работают. Из глубины цеха пошел шопот:

— Идите все вперед, а то передние не выдержат и начнут работать.

Задние начали передвигаться к дверям, но неуверенно, по нескольку шагов: начальник поднимет голову — останавливаются, начальник отвернется — опять идут. Понемногу все столпились около начальника. Жуков, паренек лет семнадцати, открыто сказал:

— Не будем работать, пока не отменят вторых номеров.

Пришел Лабунский, спросил, почему мастерская не работает. Опять выступил Жуков. Лабунский закричал:

— Я тебя не спрашиваю. Пусть скажет человек, который работает здесь десять лет.

Выступил пожилой.

— Вот, господин директор, был у нас один номерок, стало два...

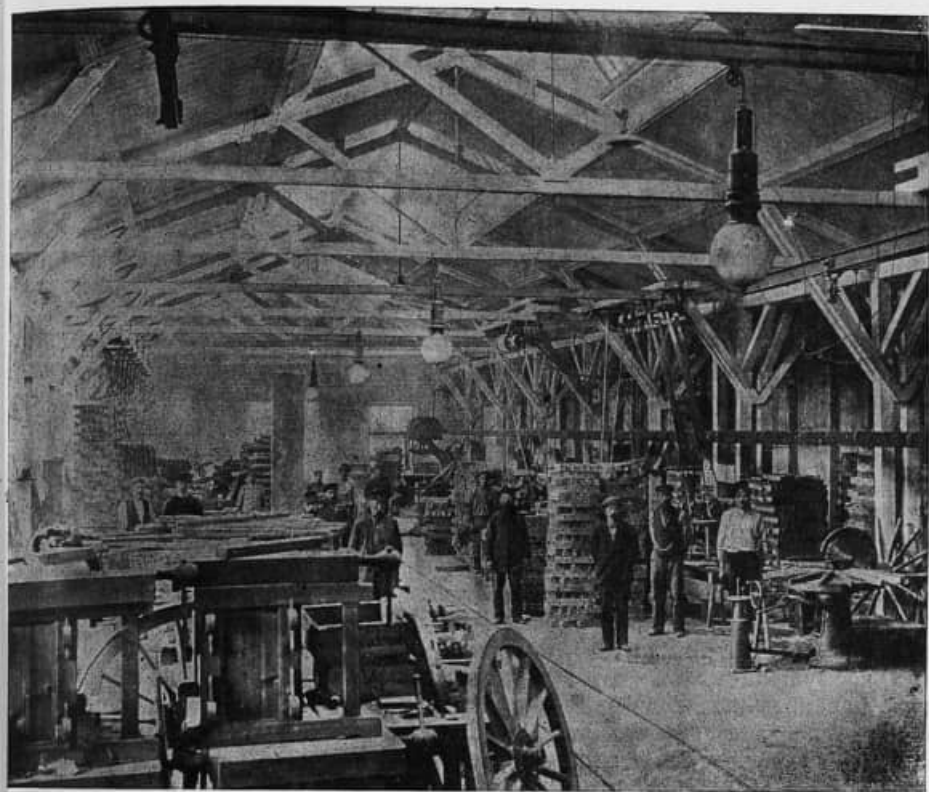
Задние закричали:

— Теперь три: пропуск, номер, еще номер... И время прибавлено. Мы от проходной самые дальние...

Лабунский ушел, ничего не добившись. Однако в мастерской не было уверенности в том, что забастовка протянется до вечера. В обед рабочие сходили домой, жены их плакали, потому что без кредита нужда для многих началась с первого же дня. Был пущен слух, что другие мастерские работают. Подростки отправились на разведку и выяснили, что не работают механические мастерские, но вернувшись, они сказали, что нигде не работают.

На другой день вагоностолярная работала как обычно, но зато к забастовке присоединились: кузница, пресовая, котельная, чугунолитейная. В литейной к требованию отмены вторых номеров было прибавлено еще одно — разрешение уходить домой после заливки, не дожидаясь гудка, так как рабочий при ранней заливке сидел в мастерской без дела, а при поздней перерабатывал несколько часов. В других мастерских добавлялось требование девятичасового рабочего дня.

Фабричный инспектор, приехавший улаживать конфликт, обошел цеха, но сказал лишь, что для отмены новых правил у него нет формальных

Балка-жестяничная мастерская

оснований: правила вывешены за две недели вперед, и каждый не согласный с ними мог заблаговременно взять расчет. Он объявлял это с благожелательным видом кому-нибудь из рабочих постарше, а затем говорил:

— Так вот — начинайте работать...

Он пошел дальше, считая, что выполнил свое дело и переубедил рабочих. Когда через некоторое время он снова зашел в пушечную и увидел, что она все еще стоит, удивился:

— А я уже сказал в конторе, что вы приступили к работе.

К вечеру было вывешено добавочное объявление: по просьбе рабочих, мотивированной отсутствием у большинства из них часов, вновь будет даваться общий третий сигнал заводским свистком в 6 часов 40 минут утра и в 1 час 40 минут дня.

Требования рабочих не были удовлетворены. Вторые номера остались, рабочее время для дальних мастерских удлинилось. Некоторых из активно выступавших, в том числе паренька Жукова из вагоностроительной, через короткое время уволили, а в мастерских появились сирены, при звуке которых вошло в обычай говорить:

— Лабунский загудел...

Но эта первая забастовка имела большое значение. Она показала, что в заводской массе есть сила сопротивления. Она показала на деле,

какие мастерские передовые, какие отсталые и на кого могут большевики опираться в каждом цеху. Забастовка подняла к борьбе новые слои путиловцев, впервые вступивших в забастовочное движение, и способствовала объединению разрозненных большевистских групп в единую боевую организацию.

ЛЕНА

«Ленские выстрелы разбили лед молчания, и — тронулась река народного движения.

Тронулась!..

Все, что было злого и пагубного в современном режиме, все, чем болела многострадальная Россия — все это собралось в одном факте, в событиях на Лене».¹

Четвертого апреля 1912 года мирная толпа ленских рабочих, направлявшаяся с требованием освобождения арестованных товарищей, была расстреляна. Пятьсот рабочих остались на дороге убитыми и ранеными. По стране прокатилась волна стачек протеста против полицейской расправы над безоружными ленскими рабочими.

10 апреля социал-демократическая фракция Государственной думы от имени всего рабочего класса России внесла запрос правительству о ленских событиях. Министр внутренних дел Макаров в ответ на запрос официально заявил с трибуны: «Так было — так будет».

С возмущением, с гневом поднимался рабочий Петербург. Стачки протеста перекачивались из района в район, захватывая все большие массы. За Нарвской заставой на улицах собирались толпы. В цехах прекращали работу, чтобы во всеуслышанье прочитать известия о расстреле.

На углу Огородного переулка, напротив полицейского поста, хромой рабочий кричал городовому:

— Мы вам попомним это, попомним за все!

Собравшимся вокруг него людям он добавлял:

— Не свернули *ему* головы *тогда*, так вот что он делает!

И злобно постукивал деревянной ногой по досчатой панели.

«*Тогда*» звучало угрожающе. Все понимали, что «*тогда*» — это незабываемый 1905 год, а «*ему*» — это значит царю.

12 апреля на летучих митингах путиловцы приняли резолюцию: «Мы требуем немедленного расследования и гласного суда над виновниками, а также полного обеспечения семей убитых».

В воскресенье, 15 апреля, к Казанскому собору со всех сторон стекались группы рабочих, студентов, курсисток.

«Наиболее чуткая часть русского общества, учащаяся молодежь, протянула руку наиболее революционной части русского народа, пролетариату...».²

Красные знамена — куски красных полотнищ — подымались над толпой, пропадали при появлении полиции и вновь взвивались в других местах. Петергофское шоссе напоминало Невский проспект — рабочие, разгоняемые усиленными нарядами полиции, демонстрировали до позднего вечера, протестуя против кровавой расправы над безоружными рабочими.

¹ К. С. [И. В. Сталин], «Тронулась!..», «Звезда» № 32, 19 апреля 1912 г.

² К. Солин [И. В. Сталин], Они хорошо работают, «Звезда» № 34, 17 апреля 1912 г.

16 апреля в Петербурге бастовало свыше 100 тысяч рабочих. Бастовал и Путиловский завод. Снова, как в пятом году, на грудах железа, на ржавых котлах, лежавших во дворе завода, появлялись ораторы. Заводская полиция бросалась то к одному, то к другому из выступавших. Иногда оратор успевал сказать лишь несколько слов:

— Товарищи, завтра не работаем!..

Другому удавалось сказать больше:

— Бастуйте, товарищи! На Лене расстреляли таких же рабочих, как и вы! Боритесь с самодержавием, требуйте демократической республики, восьмичасового рабочего дня и конфискации всей помещичьей земли!..

Прокламации с большевистскими лозунгами попадали на завод разными путями. Василий Мещерский привез листовки из города. Котельщик Павел Богданов распространял листовки, отпечатанные гуттаперчевыми буквами, и не смущался тем, что пальцы его были в лиловой краске. Он доставал листовки из ящика, давал прямо в руки подходившим рабочим. Люди смотрели на его пальцы, на лиловый шрифт прокламации, говорили:

— Ты бы осторожнее...

— А чего бояться? — говорил Павел Богданов. — Теперь пошло...

Василий Савинов несколько вечеров писал листовки от руки печатными буквами, а по утрам выходил за час до гудка и приклеивал хлебным мякишем к заборам и столбам на тех улицах, по которым рабочие ходят на завод. Листовки писал, ни с кем не советуясь: «Царское правительство дошло до таких вещей, что позволило себе на Лене расстрелять безоружных рабочих. До каких пор мы будем смотреть на эти безобразия? Призываю вас к протесту...».

В дни перед забастовкой в паровозомеханической в ночную смену пели «Вечную память». Кто-нибудь из рабочих брал свечку — они по ночам горели у станков — поднимался на подкрановые мостки и возглашал вечную память. Стоявшие внизу подхватывали, и этот протяжный похоронный напев звучал в те минуты революционно.

Этот же напев прозвучал на заводском дворе утром 18 апреля. Лафетная и пушечная снялись с работы и двинулись из глубины завода, захватывая встречные цеха. Шествие двигалось неспаянными группами, медленно, точно нащупывая старую дорогу пятого года. Еще не было известно, какая из встречных мастерских снимется легко. Вагономеханическая и чугунолитейная ждали, пока шествие не подойдет к цехам. Люди сразу посыпались из дверей. В кузнице забегали между горнами, закричали: «Закрывай воздух!» В костыльном отделении на заклепках, на болтах была своя молодежь, которая легко бросила работу, вынуждая к бездействию старших. Клепальщик без нагревательника работать не будет, так же как кузнец без молотобойца. В котельной ударили по котлам, железный ляг разнесся по всем углам, и люди тотчас же потянулись к дверям, на ходу застегивая пиджаки.

Выйдя наружу, рабочий оглядывался. Не было уверенности: вся ли мастерская ушла, не окажутся ли забастовавшие в ничтожном меньшинстве? Но люди непрерывно двигались из глубины завода, рабочий видел своих и становился смелее. Он вливался в шествие, в котором не было ни рядов, ни равнения. Лица идущих были серьезны. Передние пели «Вечную память». К протяжному напеву примешивалось шипенье пара, выпущенного из котла встречной кочегарки.

Во дворе у часовни дежурили шесть конных казаков. Они что-то кричали, хватались за пашки, но смерив наглаз идущую массу, предпочитали выжидать: не с шестью пашками и шестью револьверами идти против такой толпы.

Чем ближе подходили к воротам, тем все стройнее и сплоченнее становились ряды демонстрантов. Человек, который с опаской покидал мастерскую, сейчас был уже не тот, что полчаса назад. Сейчас его было опасно трогать, и почувствовав это, куда-то исчезли с проходной вышки пристав и околотовный, а сторожа поспешно распахнули ворота. За воротами еще раз спели «Вечную память».

Когда люди вышли на улицу, оказалось, что завод опустел. Остались мастера, засевшие по конторкам, остались служащие и сторожа, печные на мартенах, кочегары у котлов, рабочие дворового цеха, рассеянные группами по заводу.

Демонстрация — весь завод, вся застава — с пением революционных песен двигалась к Нарвским воротам. Полиция, испуганная мощной демонстрацией, скрылась. Новый большой отряд полиции появился лишь на Ушаковской улице. Но и он не посмел тронуть рабочих. Попытки городских рассеять шествие легко отбивались. Иногда слышался голос: «Проклятие палачам рабочих!» И тогда по всем рядам шествия перекатывался мощный возглас: «Проклятие палачам!»

Весть о расстреле на далекой Лене всколыхнула всю страну. Снова, как в 1905 году, в широких рабочих массах с огромной силой пробуждалось желание сплотиться для открытой борьбы против самодержавия. За несколько дней движение шагнуло далеко вперед:

«От мирной экономической забастовки на Лене — к политическим забастовкам по России, от политических забастовок по России — к многотысячной демонстрации студентов и рабочих в самом центре России...».¹

В эти дни нового революционного подъема родилась «Правда» — массовая рабочая газета, новое оружие большевистской партии. Первый номер «Правды» вышел 22 апреля (5 мая) и продавался в пользу семей расстрелянных ленинских рабочих.

Творцами и организаторами «Правды» были Ленин и Сталин.

Владимир Ильич из-за границы руководил всем делом подготовки издания ежедневной рабочей газеты. Для более тесной связи с Русским Бюро Центрального комитета и редакцией «Правды» Ленин в середине 1912 года переехал из Парижа в Краков — ближе к русской границе. Владимир Ильич находился в деятельной переписке с работниками петербургского подполья, давал им указания, учил, как нужно ставить рабочую газету, посылал статьи, внимательно следил за ходом сборов средств на большевистскую газету.

В марте 1912 года в Петербург приехал Сталин, возглавлявший Русское Бюро Центрального комитета большевиков. Сталин в четвертый раз бежал из ссылки, куда царское правительство пыталось упрятать вернейшего соратника Владимира Ильича Ленина.

С первых дней нового революционного подъема Сталин возглавил борьбу петербургских рабочих против самодержавия. Он укреплял партийные организации, руководил «Звездой» и своими пламенными статьями

¹ К. Солин [И. В. Сталин], Они хорошо работают, «Звезда» № 31, 17 апреля 1912 г.

подымал питерский пролетариат на борьбу против палачей ленских рабочих.

Преследуемый по пятам царскими шпиками, Сталин скрывался на квартире Полетаева, пользовавшегося как член Государственной думы правом неприкосновенности. Здесь же на квартире Полетаева в середине апреля под руководством Сталина был выработан проект издания «Правды» и составлен первый номер большевистской газеты, ставшей мощным орудием политического воспитания рабочих масс. Царское правительство не медля задумало бы рабочую газету, если бы не опасалось новой волны рабочего движения, если бы не чувствовало, что «Правда» опирается на миллионные массы пролетариев и ими поддерживается.

Задолго до ленских дней по заводам проходили сборы в денежный фонд «Правды». В пушечной в получку сборщик стоял с шапкой в руках вблизи кассы и останавливал всякого, в ком предполагал сочувствующего. Десятки людей в мастерских ходили с подписными листами, собирая деньги на газету, название которой еще не было известно. Рабочих не приходилось уговаривать.

Деньги, около полутора тысяч рублей, до передачи в фонд «Правды» хранились для безопасности у одного из членов организации. Когда к нему пришли за деньгами, жена сообщила, что накануне его арестовали и отобрали крупную сумму денег.

Большевики решили во что бы то ни стало выручить и деньги и товарища. Группой направились они в участок, прямо к приставу и, заявив протест против ареста общественных денег, потребовали их обратно.

— Мне известно, что деньги собраны на газету. На какую? — спросил пристав.

— Ни о какой газете не знаем, — ответили ему путиловцы. — Деньги общественные, собраны рабочими на пропой.

Пристав стал возражать: если даже и на пропой, то все же таких вещей — скопом водку пить — делать нельзя. Деньги он не возвратит, а передаст их дальше по инстанции.

— Как же так, нельзя? — возмутились рабочие, — ведь вы же сами в казенке водку продаете?

Пристав упирался. Рабочие, наконец, сказали:

— Попробуйте нам не отдать денег. Всем заводом забастуем и не будем работать, пока не возвратите.

Угроза эта испугала пристава, и деньги были возвращены. Позже был выпущен и рабочий, хранивший деньги.

Накануне выхода первого номера «Правды» путиловцы Павел Богданов и Иван Козлов с вечера пошли на Ивановскую улицу к типографии, чтобы получить для завода первые пачки новой рабочей газеты. В три часа утра стало известно, что машина испортилась и «Правда» выйдет позже. Богданов и Козлов не ушли домой. Они терпеливо ожидали у типографии и в седьмом часу получили газеты. Опоздали на работу, отметчики уже записали им прогул, но они и не думали о работе, а пройдя в завод, занялись разноской «Правды» по цехам.

Обычные способы распространения легальной газеты — подписка, доставка по почте, свободная продажа — для «Правды» были затруднены. На улицах полиция отбирала «Правду», преследовала газетчиков независимо от того, был ли конфискован номер «Правды», или нет. И все же «Правда» попадала на заводы, несмотря на то, что часто подвергалась

конфискации. Газетчик, стоявший напротив завода, прятал пачки «Правды» в водосточную трубу, газета промокала от дождей, но до последнего сматого и промокшего номера раскупалась рабочими.

На Путиловский завод «Правду» доставляла группа молодежи во главе с большевиком Васей Алексеевым — «сыном пушечной мастерской», как называли его в цеху. Подростки, подвижные и ловкие, получили новую обязанность — доставлять на завод «Правду». Они являлись к типографии еще с ночи, ждали первых оттисков газеты и тут же у машины разбирали ее пачками. Затем кружным путем, чтобы не попасться городовым, убегали за Нарвскую заставу. Вася Алексеев приходил к типографии каждое утро. Скоро он стал активным рабочим корреспондентом «Правды».

«Правда» быстро завоевала путиловских рабочих. В цехах образовались группы правдивистов — вокруг каждого распространителя «Правды» собиралось ядро энергичных революционных рабочих. Организующая роль большевистской газеты сказалась сразу. Статьи «Правды», руководимой Лениным и Сталиным, служили руководством к действию, указаниями к практической работе.

22 апреля Сталин был арестован. Охранка стремилась обезглавить движение петербургских рабочих, вырвав из их рядов руководителя большевистского подполья. Арестовали также Серго Орджоникидзе и ряд других членов Петербургского комитета. Удар по партии был нанесен сильный. Но Петербургский комитет был быстро восстановлен. Ни на один день не прекратилась боевая работа большевистской организации по подготовке первомайского выступления — первого после тяжелых лет черной реакции. В результате руководства Сталина в Петербурге уже образовались крепкие забастовочные комитеты из представителей заводов и студенческих групп. В центре подготовки общегородской первомайской демонстрации стала большевистская «Правда».

По цензурным условиям «Правда» не могла печатать прямых призывов к первомайской забастовке, но всеми способами подводила к ней читателей. Она помещала отчеты о 1 мая у заграничных рабочих, которые праздновали этот день по новому стилю, на тринадцать дней раньше русских. Она внедряла в рабочую массу идеи пролетарской солидарности, организовывала, расстила, поднимала массы на борьбу.

От Путиловского завода в первомайский городской стачечный комитет вошел Адриан Иванов. В февральскую забастовку из-за овальных номеров Адриан действовал только в своей мастерской. В ленскую забастовку он шагнул много дальше, став во главе демонстрации механических мастерских, а перед 1 мая в качестве члена забастовочного комитета он говорил уже от имени тринадцати тысяч путиловцев и поручился за весь завод. Он знал, что право на это у него есть. Первые забастовки, особенно ленская, показали, что завод раскачался. Репутация некоторых мастерских как отсталых оказывалась неверной. В одном из первых номеров «Правды» появилось письмо рабочих дворового цеха Путиловского завода, — раньше они оставались в стороне, а сейчас, как бы искупая вину, собрали между собой деньги и послали их в фонд «Правды». Путиловский завод был готов к первомайской стачке. Адриан Иванов знал особенности своего завода: среди других петербургских предприятий Путиловский завод был, как большой корабль, — он не на каждой волне раскачивался, но раскачавшись, хватал широко и долго потом не успокаивался.

ПЕРВОЕ МАЯ

Жизнь складывалась так, что людям снова, как в первую революцию, стало нехватать времени. Василия Мещерского домашние почти не видели: он приходил с работы, наскоро закусывал, уходил, снова являлся, обжигаясь пил чай, хватал книгу, убегал к товарищу. На Земской улице в квартире Адриана Иванова заготавливали полотнища для красных знамен, жена Иванова нашивала на них буквы. Мещерскому было поручено отвезти в город пакет со знаменами. На него же легла организация массовки, которую нужно было созвать с таким расчетом, чтобы на ней присутствовали представители всех путиловских цехов. Он привозил из города прокламации, заготовленные в большом количестве Первомайским комитетом, и участвовал в устраиваемых комитетом совещаниях рабочих представителей.

В листовках Первомайского комитета были лозунги Пражской конференции большевиков. Комитет отвергал вредную и лживую установку ликвидаторов, предлагавших ограничить движение требованием свободы коалиций — стачек и союзов. Без лозунга борьбы за свержение самодержавия это требование было бы только обманом рабочих масс.

На массовку путиловцев в Потаповом лесу в ночь на 1 мая пришло человек пятьдесят. У Красненького прохаживался паренек с цветком в петлице, принимал пароль, давал направление: «Через Бабушкин сад в Потапов лес». Иван Газа и его товарищи принесли с собой ракеты на случай тревоги: перед 1 мая по шоссе ездили казаки, а в лесу располагалась полиция.

Речи начались часов с девяти. Первый оратор заговорил шопотом, но уже следующие ораторы перестали считаться с близостью казаков. Лес был густой, по-весеннему туманный, — казаки побоялись бы сунуться сюда. Все говорили об одном и том же — о завтрашней забастовке. Решено было 1 мая вывести весь завод на демонстрацию.

Утром у калиток, как всегда, звякали номера, но сегодня уже по одному звяканию смотритель Чачи мог определить, что день будет неблагоприятен. Рабочий не боялся опоздать и бросал свой номер небрежно, спокойно. Было видно, что работать не собираются. Подсчет номеров показал большее, чем обычно, число прогульщиков. Некоторые осторожные люди предпочли сидеть дома. Некоторые пришли в праздничном платье. Большинство явилось в обычной рабочей одежде. Дело было не в том, чтобы 1 мая не приходиться на завод, а в том, чтобы, собравшись, всем подняться, всем вместе выйти за ворота, развернуть знамена и двинуться по улицам города.

В 6 часов 30 минут в механических цехах завертелся трансмиссии. Станки не работали. Каждая мастерская через разведчиков следила за соседней мастерской, чтобы знать положение. В пушечной и лафето-снарядной настроение было явно в пользу забастовки. Однако кое-где слышались осторожные голоса:

— Вот была ленинская забастовка — тринадцать тысяч не работали, по два рубля не заработали, у одних путиловцев двадцать шесть тысяч убытка. Теперь опять двадцать шесть тысяч, да штрафу тринадцать тысяч...

В лафетной, в ожидании выхода, Петр Иванов, молодой веснушчатый токарь, сидел у станка и строгал ножом короткую палку. Адриан договорился с ним, что он понесет знамя. Полотнище знамени еще лежало

Пузанов. (Карикатура Н. Шабанова.)

в кармане у Адриана. Палку надо было расщепить и верхний конец укрепить бечевкой. Нож, которым работал Петр, имел особенную историю. Он попал в его руки семь лет назад. 9 января 1905 года Петр поднял его с земли у «Старого Ташкента». Это был один из ножей, брошенных путловцами перед шествием к царю. Адриан знал происхождение ножа и посмеивался. Петр работал втихомолку. Не всякий догадался бы, для чего ему нужна палка.

Мастера в лафетной не выходили в цех. Начальник мастерской в этот день не торопился на завод, предпочитая явиться к концу событий. В пушечной начальство также бездействовало, зная, что разговоры не помогут. Зато в инструментальной начальник Мандриченко был на месте и в разговоре с рабочими пообещал, что первому человеку, который сорвет работу в мастерской, он, на основании какой-то статьи закона, схлопочет каторгу. В обычное время пропыхтел, направляясь через заводские теснины к паровозосборочной, потрепанного вида автомобиль, в котором сидел его хозяин — начальник паровозосборочной Пузанов.

Пузанов приехал бороться с забастовкой в день 1 мая в уверенности, что сумеет отстоять свой цех. Он подбирал себе надежный состав рабочих еще со времени первой революции, когда черносотенец Сашка Половнев по его поручению ходил по Чугунному переулку и взамен рассчитанных вербовал деревенских людей. Пузанов терпеливо обучал их, снабжал черносотенным «коньком», а нередко и револьверами. Но даже в своем небольшом цеху Пузанов не добился благополучия. Он мог убедиться в этом, приехав 1 мая на завод. На свежий лак паровоза, только что выданного из сборки, была приклеена прокламация; снять ее можно было только вместе с лаком. Немного позже, в конторе, где сидел Пузанов, приоткры-

лась дверь, просунулась рука, наклеила на дверь с внутренней стороны прокламацию и исчезла. Пузанов сорвал ее, выглянул за дверь — никого. В цеху он обошел паровозные стойла — люди работали вяло. Для поднятия духа он окликал нерадивых:

— Какой твой номер?

И наспех записывал карандашом на манжетке.

Пушечная, лафетная, паровозомеханическая двинулись почти в одно время. Дорожка для выхода была уже протоптана в апрельскую забастовку. Кто-нибудь из авторитетных людей говорил:

— Ну, пошли полегоньку...

Фрезеровщики смотрели на токарей, строгальщики на фрезеровщиков, полировщики тянулись вслед за ними. Связные бежали в соседнюю мастерскую, норовя даже раньше времени объявить, что пушечная пошла.

Пушечная выходила сплошной полуторатысячной толпой. В центре ее развевалось старое, сохранившееся еще с 1905 года простреленное знамя. Его тщательно хранили, берегли от полиции и как вызов выбрасывали вверх, выходя демонстрацией с завода.

По дороге сняли инструментальную: рабочие через окна жестами показывали, что их надо снять. Пушечник Иван Голованов с криком влетел в мастерскую, молодежь снаружи дала гайками по окнам — начальник Мандриченко исчез.

Пузанов в паровозоборочной приказал запереть один из двух выходов в мастерскую, сам стал у второго:

— Ну-ка, выходи... Я посмотрю, кто выйдет.

Но когда полетели в мастерскую гайки и шлак — сигнал к выходу, люди, хватая пиджаки и делая испуганные лица, побежали мимо него.

— Невозможно работать, господин начальник! Угрожают жизни.

Чугунолитейная ждала только сигнала. Здесь охотно вылетали при первом свисте снаружи, но так, чтобы на глаз мастера никто не был активнее другого. Кузницу сняла молодежь из вагономеханической, и наоборот, снимать вагономеханическую пошла молодежь с кузницы.

Пока молодежь выводила встречные мастерские, основная масса медленно двигалась по главному проходу. Запели «Вихри враждебные». Петр Иванов переждал первую строфу и при словах «Но мы поднимем гордо и смело» поднял над головой красное знамя. Конные городовые бросились в толпу. Ближайшие подались назад. Петр Иванов, чтобы не быть узнанным, пригнул голову. Адриан взял знамя в свои руки:

— Вперед, товарищи!

На красные знамена, которых в заводском дворе не видели уже шесть лет, рабочие смотрели с прояснившимися лицами.

На земле у котельных лежали железные обрубки. Самими демонстрантами были остановлены попытки бросать в полицию железом. Полицейские, заметив в руках людей тяжелые предметы, перестали насаждать на толпу и подались назад. Околоточный кричал на городовых, но они только пожевывались. Заводский паровозик, вывозивший платформы с гарью из прокатных мастерских, шарахнулся, как настиганный. Казалось, машинист боялся насилия. Освободив путь, он остановил паровоз и, свесившись из будки, стал смотреть в толпу. Он по-своему участвовал в празднике, хотя и не покидал паровоза: он был одиночка, забастовка для него начнется, когда забастует все депо.

Для того чтобы снять прокатку, одних гаек и свиста было недостаточно. В огромных полутемных цехах, с редко расставленными рабочими, несколько упавших гаек не производили впечатления. Надо было ворваться внутрь, выдержать бой с дружиной черносотенца Мишки Пименова, пройти лавой через всю мастерскую. В пятом году при попытках остановить прокатку и мартен отдельные смельчаки погибали: туда можно было зайти и обратно не вырваться.

В прокатке не было молодежи. У печей, у станов работали отцы семейств, особенно боявшиеся увольнения: прокатчику кроме Путиловского завода в Петербурге некуда было податься. В других мастерских стояло по одному иконостасу, в прокатке их было три. Трижды в год служили молебен, трижды происходило качание начальства, и последнее качание было в день Георгия победоносца — всего за неделю до 1 мая. Трое-четверо рабочих-большевиков, сами не очень грамотные, старались внешне не отличаться от массы, работали скрытно, имели сочувствующих, но еще больше имели недоброжелателей. Старый паровщик Мишка Пименов, главарь черносотенной дружины, следил за цехом. Мишка наблюдал и за рабочими других цехов; в трактирах любил вмешиваться в разговоры, поигрывать револьвером, таскать людей по участкам. Он подражал своему старому атаману, но неудачно: был неуклюж, неповоротлив, время его прошло. Рабочие, помнившие пятый год, говорили ему:

— Далеко тебе, Мишка, до Сашки Половнева...

Ближайшим от входа со стороны котельной был листовой стан. Прихода забастовщиков надо было ждать прежде всего у этого стана, и чем ближе слышалась «Варшавянка», тем беспокойнее здесь становилось. Работали с оттяжкой, один ждал другого. Если сварщик достанет из печи штуку, вальцовщик волей-неволей потянет ее к вальцам — иначе он зачинщик забастовки. Сварщик не бросит работу первым потому, что около печи ходит мастер, и под его взглядом сварщик снова и снова шарит клещами в белом печном пламени. Мишка Пименов и его дружина стоят, не подступая к стану, ближе к двери, чтобы встретить забастовщиков. В руках у них ломы, которые употребляют в прокатке при загрузке железа. Настроение неуверенное, ибо по шуму приближающихся слышно, что против этой силы двадцатью ломиками ничего не сделаешь. На всех станах заметна вялость, желание оттянуть время. Но в нужный момент появляется мастер, он кричит:

— Сварщик, давай звонок! Зови партию к печке!

Молодежь ворвалась в прокатку шумно, свистя, как на кулачном бою, но попав после яркого света в полутьму, остановилась, чтобы приглядеться, и подалась в сторону. Получилось два лагеря, которые и по внешности не сливались. Парни и подростки из механических цехов пришли налегке, в рабочих пиджаках, набрав в карманы гаек и шлака. Вид у них возбужденный, веселый. Лица у прокатчиков обожжены паром и окалиной, у них передники, рукавицы, сплюснутые впереди шлемы. Плечи их побелели от пота. За белые передники, за соль на плечах их звали белыми медведями, и сейчас, неуклюжие и неуверенные, они действительно походили на линялых белых медведей, вставших на задние лапы.

— Сегодня первое мая! — кричали из толпы молодежи.

— Хоть первое, хоть двадцать первое, — отвечал Мишка Пименов заносчиво. — Уходите, пока целы!

Мишка оглянулся на своих, они не двигались. В открытую дверь они

видели, как через огромный двор нескончаемо двигался народ: весь завод шел на них.

— У нас непрерывная работа! — закричал один из черносотенцев, предпочитая вступить в переговоры. — У нас не так, как у вас. У нас печи горят день и ночь. Если болванка раскалилась, я не могу ее бросить...

— Отлично можешь бросить, — кричали из толпы, — а завтра снова накалишь.

Черносотенец продолжал доказывать, но гайки полетели в стеклянную крышу, и молодежь с пронзительным свистом бросилась к сварщику, оттягивая его от печи. Сварщик, неустойчивый на деревянных подошвах, легко покачнулся, и ломик в руках банды Мишки Пяменова не поднялся на его защиту. Мишка, ругаясь, побежал в темноту. Сварщик у следующего среднесортного стана после первых же гаек отбежал сам, за ним сдались два мелкосортных стана. Дальше надо было только бежать от огня к огню, свистеть, бросать гайки с таким расчетом, чтобы не попасть в человека. Прокатчики одевались и уходили.

Когда пришли снимать тигельную, расположенную в стороне от большой дороги, тигельщики готовились вытаскивать горшки из печей. Эта работа считалась самой тяжелой по всему заводу. Тигельщик надевал деревянные колодки, наворачивал на ноги и на живот мешки, обвязывался веревкой, обливал мешки водой, сам окунался головой в ведро. От высоких колодок и многих мешков рослый человек превращался в великана. Клещи в его руках, представлявшие собой комбинацию скользящих ухватов, сами по себе были тяжестью, непосильной для обыкновенного человека. От великана и его клещей попятились. Вся обстановка тигельной пришедьцам из холодных цехов внушала робость: низкие печи с языками огня, сталь в горшках, шипящая по-змеиному, неестественно распухшие лица. Но тигельщики неожиданно оказались покладистыми и сказали, что сами уйдут, после того как горшки будут вынуты.

Мартеновская стояла на отшибе, ближе всех к забору на шоссе и дальше всех от истока забастовки — от механических цехов. От пятого года о ней сохранилась тяжелая память. В пятом году были дни, когда весь Петербург, вся Россия бастовала, а мартеновцы сидели в своем цеху, повинувшись черной сотне. Кроме общей отсталости, там были еще свои причины, мешавшие забастовке. Мартеновец должен был бросить печь, в которой плавился металл. Если металл замерзнет, получится «козел», и печь выйдет из строя. Мартеновцу внушали, что он при печке — как часовой на посту. На мартенах забастовку надо было готовить с ночи: ночью рабочие должны мешать очередной завалке печей. Если же печь завалена, рабочие от нее не отойдут.

В мартенах имел авторитет Шубин, Александр Дмитриевич, старшой на одной из печей. Без санкции стариков на мартенах ничего не происходило. Сам начальник мастерской Крегер старался ладить с Шубиным. В пятом году у Шубина был «срыв». 9 января, вернувшись домой от Нарвских ворот, он сорвал царские портреты и растоптал их вместе с золочеными рамами. Бунтовал он недолго и быстро смирился. Повидимому, лесские пули снова разбредили его, и когда перед 1 мая сборщик профессионального союза Яков Аристов завел речь о забастовке, Шубин поддержал этот разговор:

— А что же, забастуем не хуже других.

Забастовка совпала с дежурством мастера Голованова. Пользуясь

доверием начальства, он забрал в цеху большую власть, был заносчив, занимал у рабочих в долг без отдачи, кутил на эти деньги и не боялся врагов:

— Я под собой чувствую подошву покрепче...

Пойти против этого заносчивого человека, оборвать его подошву было желательно и Шубину и многим другим мартеновцам, в том числе сопернику Голованова — мастеру Гоголеву.

Голованов в день забастовки повел себя самонадеянно. Печей было одиннадцать, и у каждой после выпуска плавки начиналась оттяжка с новой завалкой. Голованову говорили:

— Как бы чего не вышло, Дмитрий Петрович? Сегодня 1 мая, завод работать не будет.

Голованов отмахивался от разговоров и приказывал заваливать печи:

— Это все лишние утопии. Выбросьте их из головы.

Он надеялся на твердый дух мартеновцев. Раз печи завалены, рабочие останутся около печей. А потом придет начальник цеха Иван Петрович Крегер, гроза и милостивец, и, в случае чего, гаркнет: «По местам!» — и все будут на местах.

Происходившее на заводском дворе доносилось в мартен слабо, но в условленный момент влетела на площадку молодежь, крича и бросая гайки мимо людей. Вслед за молодежью незнакомый немолодой рабочий пробежал вдоль печей, объявляя:

— Оставить по одному человеку на печь.

Это была уступка, вызванная особенностями производства: оставляли по одному человеку, чтобы держать печь на газу. Но скоро и те ушли. Выход мартеновцев прошел гладко, занял не больше десяти минут, и когда Голованов спустя некоторое время вышел из конторки на канаву, чтобы посмотреть пробу очередной плавки, он оказался в одиночестве. Горели одиннадцать печей — восемь с одной стороны, три с другой; людей не было, а металл в печах светил багрово, явно остывая и превращаясь в «железа».

Последние люди вышли из ворот. В мастерских остались вертящиеся трансмиссии, дотлевающие горны, пустые верстаки. Появлялся начальник мастерской. Он приказывал остановить моторы, звонил по телефону в кабинет директора.

— Во столько-то часов и минут такая-то мастерская забастовала...

Лабунский гмыкал в телефон, отмечал в списке, говорил с покорностью судьбе:

— Психоз...

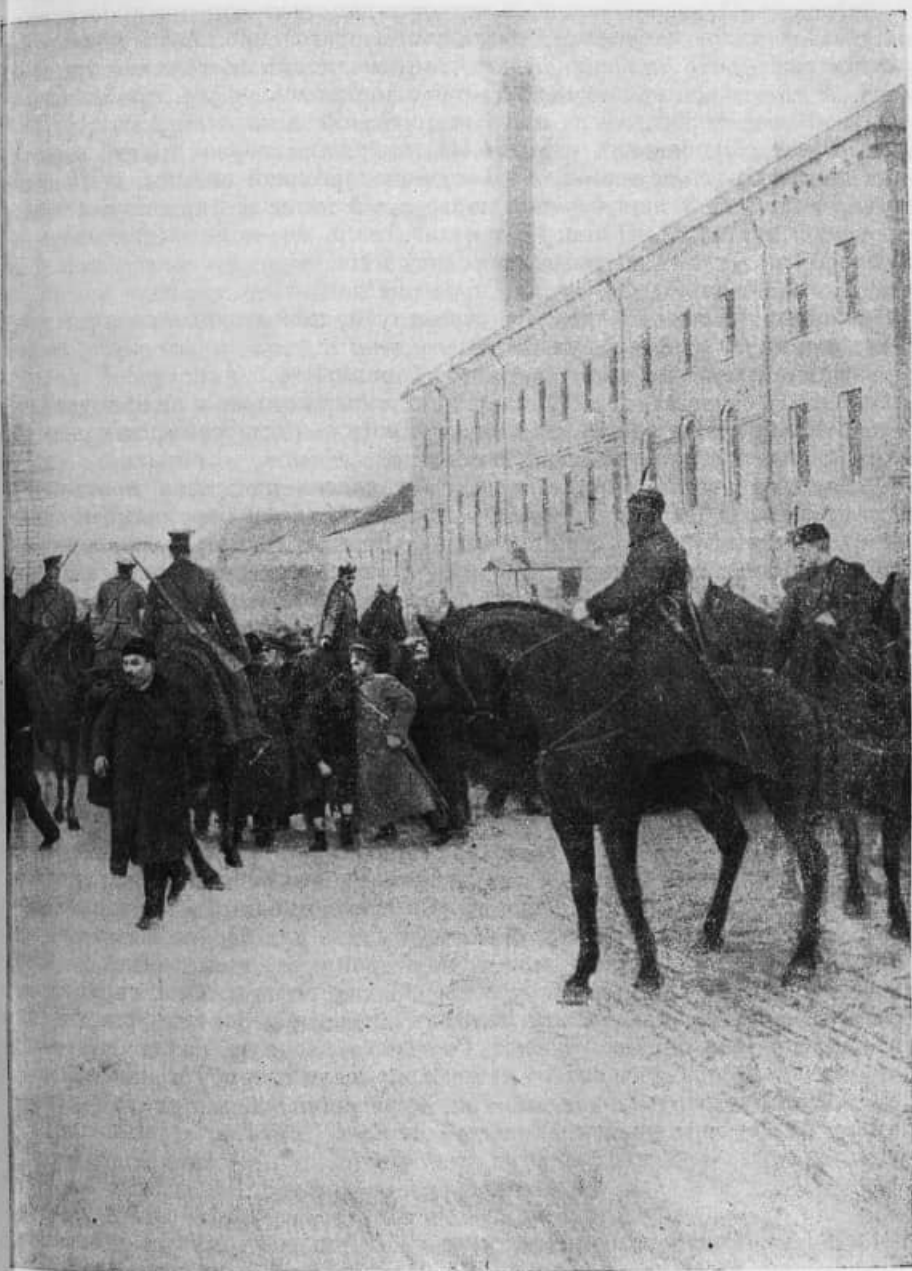
Случай в мартене, связанный с порчей и остановом нескольких печей, вывел его из себя. Он спросил фамилию мастера:

— Какой дурак велел заваливать печи? Он должен был понимать, что делает. Я его, подлеца, выкину в двадцать четыре часа.

Ворота, ведущие на шоссе, были заперты, за ними стоял наряд конных городских. Пристав предполагал пропустить рабочих через калитки, распылить шествие, во всяком случае не дать пронести знамена.

— Открывай ворота! — кричали из толпы. — В калитки не пойдем.

Пристав был старый служака. Он поглаживал седую бороду и смотрел на толпу с тем наигранным и злобещим полицейским бесстрашием, которое должно было показать, что он строгий исполнитель долга и, в случае чего, с тем же безразличием отдаст приказ стрелять.

Разгон демонстрации

Рабочие шли на него безоружные, с веселыми лицами, и это была именно та рабочая веселость, от которой полиция становилось не по себе. Немногие городовые, составлявшие отряд, сидели на лошадях потные и испуганные. Помешкав немного, пристав дал знак открыть ворота, отодвинулся и лишь покосился, когда мимо него проплыли маленькие красные полотнища, ставшие сразу самыми главными точками на всей улице. А потом еще одна красная точка появилась вдали, приближаясь к шоссе. Это шли рабочие из новомеханической и из мастерских, расположенных за Корабельной улицей. Их выпустили через другие ворота, и они пошли со своим знаменем по железнодорожной насыпи, недостижимые для полиции. У плагбаума в поредевшей толпе все три ярких точки встретились и слились. Полиция, осмелев, стала кое-кого выхватывать — она бросилась туда, где слышались возгласы:

— После обеда все на Невский проспект!

Околоточный захотел схватить запевалу и, показывая на него с тротуара, крикнул городовому:

— Поймай мне вон того, высокого, бородатого...

Городовой полез в толпу. Толпа не отталкивала его, но и не пропускала, а запевала присел и пошел на согнутых ногах — зигзагами, меняясь по дороге кепками с встречными товарищами.

После обеда мимо Нарвских ворот началось движение празднично одетых людей. Одни направлялись к Екатерингофу с корзинами и самоварами, собираясь всей семьей посидеть на травке, посмотреть на гулянье. Шли девушки с текстильных фабрик, украшенные лентами и ветвями свежей березки. Шли крючники из порта, сезонники с построек, сохранившие деревенскую манеру ходить отдельной группой с гармонистом и плясуном впереди.

Другой поток двигался мимо ворот к городу, к центру. Полиция пыталась помешать проникновению рабочих на Невский проспект, задерживала конки и трамваи. На пути к Невскому надо было проходить через полицейские кордоны. Там людей определяли по одежде. Рабочего можно было узнать по разным признакам: косоворотка под пальто, праздничный вид, в то время как для центра 1 мая было будничным днем. Рабочие окольными путями пробирались на Невский, к Казанскому собору.

Центр и окраины обычно не встречались. Рабочие жили вблизи заводов и в город ходить не имели надобности. На Невском банки и конторы работали как всегда, магазины торговали. Обычная для Невского проспекта гуляющая толпа заполняла солнечную сторону. Эта толпа была сегодня потревожена новыми пришельцами из рабочих окраин. Они появлялись в разных местах, под натиском полиции уходили в боковые улицы или поднимались на верхние галереи Гостиного двора и снова выходили на проспект. До позднего вечера демонстрировали петербургские рабочие.

Невский проспект, правительство, буржуазия, вся столица — впервые после 1905 года увидели красные знамена.

ЧЕТВЕРТАЯ ДУМА

Четвертую Государственную думу выбирали по тому же столыпинскому закону, что и предыдущую. Но времена уже были иные.

«... Ленские события и последующие забастовки не прошли даром, — интерес к политической жизни страны значительно возрос среди рабочих.

Это особенно верно о петербургских рабочих, с самого начала ставших во главе движения. Все это в значительной степени объясняет разницу между выборами 1907-го и 1912-го годов. Если *тогда*, в период упадка, рабочие выбирали вяло, а местами даже бойкотировали, и при чем бойкотировали пассивно, доказывая тем самым, что *пассивный* бойкот является признаком вялости и упадка сил, — то *теперь*, в атмосфере поднимающегося движения, рабочие шли на выборы с большим интересом». ¹

В 1912 году в течение трех летних месяцев, с июня до августа, на Путиловском заводе бастовало десять мастерских. Третья часть рабочих — свыше 4300 человек — принимала участие в стачках. В паровозомеханической и пушечной пять экономических забастовок окончились победой рабочих.

В этих цехах ведущую роль играли большевистские группы, хорошо усвоившие тактику стачечной борьбы. Они могли, при необходимости, превратить небольшую стачку слесарей в стачку целого цеха, могли связать интересы токарей с интересами чернорабочих и держать работу и места бастующих под бойкотом. В случае поражения они не давали падать духом и говорили рабочим: «Не вышло сейчас — выйдет в другой раз, наше не пропадет». Большевики умели связывать мелкие стачки с большими политическими выступлениями, экономические требования — с революционными лозунгами пролетариата. Агитируя за политическую борьбу, разоблачая ликвидаторов в их стремлении затормозить революционное движение, большевики поднимали интерес рабочих к политической жизни страны. Осенью 1912 года центральным вопросом большевистской агитации стала избирательная кампания в IV Государственную думу.

На Путиловском заводе и во всем Петербурге избирательная кампания по рабочей курии проходила в условиях острой борьбы большевиков с ликвидаторами. Большевикам приходилось также бороться и против появившихся в рабочей среде отдельных небольших групп социал-демократов, не причислявших себя ни к большевикам, ни к ликвидаторам, но по существу стоявших на позициях антипартийного Августовского блока Троцкого. Эти маленькие группы во всем поддерживали ликвидаторов.

Один из таких «нефракционных» путиловских социал-демократов, сотрудник меньшевистского «Луча» Иосиф Будзько, 16 сентября 1912 года поместил в первом номере этой меньшевистской газеты письмо за подписью «Путиловцы». Письмо было обращено к Плеханову и Троцкому с просьбой, «принимая во внимание важность момента перед выборами в Государственную думу», высказаться по поводу борьбы «двух главных лагерей русской социал-демократии — ленинско-большевистского и ликвидаторского».

Плеханов, тогда меньшевик-партиец, ответил через «Социал-демократ». Он решительно отстаивал необходимость сохранения и укрепления нелегальной партии. «Плеханов и его группа партийцев-меньшевиков, оставаясь в ряде вопросов на меньшевистских позициях, решительно отмежевывались от Августовского блока и ликвидаторов и стали добиваться соглашения с большевиками. Ленин принял предложение Плеханова

¹ К. Сталин [И. В. Сталин], Фактическая справка (К выборам в Петербурге по рабочей курии), «Просвещение» № 1, 1913 г.

и пошел на временный блок с Плехановым против антипартийных элементов, исходя из того, что такой блок является выгодным для партии и гибельным для ликвидаторов».¹

Троцкий ответил через меньшевистскую газету «Луч». Его статья под заголовком «Ответ путиловцам» была полна злобных и демагогических нападок на большевиков. Специалист по «объединению» всех осколков, выброшенных из партии, создатель беспринципного антипартийного Августовского блока, Троцкий решительно заявил, что становится на позиции «Луча». Жонглируя именами западных социал-демократов, клевеща на партию и обманывая рабочих, он пытался убедить путиловцев, что ликвидаторы являются «необходимой и ценной составной частью партии». Он не жалел слов, чтобы представить ликвидаторов — злобных разрушителей единства — сторонниками единства рабочего движения.

Иосифу Будзько нравилось, что в «Луче» изо дня в день ссылались на высокие авторитеты международной социал-демократии. А в ответе, полученном от Троцкого, в качестве самого веского аргумента выдвигались высказывания Карла Каутского. Вслед за своими руководителями Будзько заявлял:

— Мы не одиноки! За нас и с нами идут все видные вожди — Каутский, Бауэр, Адлер. Пусть и их попробуют обругать ликвидаторами.

Несмотря на безудержный вой ликвидаторской печати, большевики в предвыборной агитации все больше завоевывали массы. Ни авторитет Каутского и Адлера, ни статьи Иудушки-Троцкого не действовали. Вся предвыборная кампания на Путиловском заводе проходила под знаком побед большевистской партии.

Из тринадцати с лишним тысяч путиловских рабочих избирательным правом пользовались девять тысяч, которые должны были дать девять уполномоченных. Объявление о выборах вывесили 15 сентября, за день до избирательных собраний, неожиданно для рабочих, чтобы не дать им времени столковаться. Явилось на выборы около пяти тысяч человек. По цехам для избрания девяти уполномоченных выставили тридцать два кандидата, из которых было выбрано семь большевиков, в том числе старые работники путиловского подполья: Анисим Федорович Костюков, Иван Дмитриевич Иванов, Иван Яковлевич Козлов, Иван Иванович Изосимов и Василий Артемьевич Орлов. Другие два уполномоченных считались сочувствующими большевикам. Исключительно большевистский состав выборщиков показал, за кем идут путиловцы. Ивана Козлова выбрали в дворовом цеху единогласно и без всяких речей. В мартемовской пожилой рабочий, по наущению попа путиловской церкви, пропавшей речи о том, что надо выбрать человека хорошего, религиозного, самостоятельного. Другой, выступив, сказал, что надо смотреть не на партию, а на кандидата: каков он — за рабочих или против. Из толпы слушателей крикнули:

— Нам надо того человека выбирать, который на масленице блины ел в охранке...

Все поняли, что речь идет о Якове Аристове, который в феврале, перед забастовкой из-за овалных номеров, был арестован на собрании

¹ История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков), Краткий курс, 1938, стр. 132—133.

в профессиональном союзе и все дни масленицы просидел в участке. Он и был выбран в уполномоченные от мартеновской.

В прокатке, самом отсталом цеху завода, были разговоры о том, что депутаты — дармоеды: получают по десять рублей в день за то, что слушают речи. Кандидату в уполномоченные Василию Орлову советовали не соблазняться легким хлебом, который может затем обернуться Сибирью и кандалами. Орлов отшучивался, говоря, что депутатского места он все равно не получит и кандалов также надеется избежать, но вот расчет и высылка для него вполне возможны.

В механических цехах избирательные собрания прошли в острой борьбе с меньшевиками. До выборов меньшевики беседовали с рабочими у станков, а на выборах выходили с речами к столу и говорили, что они тоже передовые рабочие, поддерживают всякое начинание, полезное рабочему классу, но не понимают, почему в думу от рабочих должен идти обязательно сторонник «Правды». Василий Иванов в лафето-снарядной брал для сопоставления себя и Анисима Костюкова. Какая между ними разница? Вчера еще оба сидели в профессиональном союзе, делали одно общее дело. Почему же сегодня оказывается, что Костюков единственный законный представитель рабочих интересов, а его вчерашние товарищи — враги рабочего класса, дезорганизаторы? Между тем, вся вина Василия Иванова в том, что он не хочет, чтобы рабочая партия раздиралась спорами, он хочет единства, а правдисты стремятся навязать рабочим свою волю.

Большевикам надо было уметь разоблачать такого оратора, выяснять перед аудиторией, почему он, пять лет борясь против нелегальной партии, лицемерно говорит о единстве. В официальных речах у стола, в присутствии полиции, нужно было избегать таких слов, как революция, социал-демократия, подполье. Говорить нужно было обидными.

— Этот самый оратор, — сказал однажды Костюков, — еще недавно говорил, что партия рабочему не нужна. Как так партия не нужна? Ведь если партии не будет, так это каждый нам на шею сядет и поедет. И к решительному моменту мы не придем... И светлого будущего не увидим... Ясно, что он — дезорганизатор.¹

Голосование показало, что рабочие слышали недосказанное. Они понимали разницу между большевиком Костюковым, за которым были годы подпольной работы, направленной на подготовку второй революции, и ликвидатором Василием Ивановым, который называл себя социал-демократом, но боялся революции и предпочитал политическое крохоборство.

Путиловские большевики сумели у себя на заводе и в районе объединить на почве участия в нелегальной партийной организации и работы в ней многих рабочих, находившихся под влиянием меньшевиков. Это было сильнейшим ударом по ликвидаторству. Позже, на Краковском совещании ЦК РСДРП с партийными работниками, созванном Лениным (декабрь 1912 — январь 1913 года), была отмечена эта победа нарвских большевиков. В резолюции «об отношении к ликвидаторству и о «единстве» Ленин писал:

¹ Под словами «решительный момент» подразумевалась революция; «светлое будущее» — социализм.

«...При условии признания нелегальной организации Р.С.-Д.Р.П. вхождения в нее, единство с.-д. рабочих всех течений и оттенков представляет безусловную необходимость и повелительно диктуется всеми интересами рабочего движения.

Объединение именно на таких началах осуществлено уже в Нарвской районной организации в Петербурге и в ряде провинциальных организаций». ¹

По петербургской рабочей курии всего было выбрано более восьмидесяти уполномоченных. И большевики и ликвидаторы повели энергичную агитацию среди уполномоченных. Настроение рабочих Петербурга было явно не в пользу ликвидаторов. В профессиональных союзах и просветительных обществах рабочие очищали руководство от ликвидаторов. Сборы на рабочую печать шли главным образом для большевистских газет. Большинство рабочего класса становилось на последовательно революционные позиции. Массы пролетариев боролись за неурезанные лозунги, выдвинутые Пражской конференцией большевиков: демократическая республика, восьмичасовой рабочий день, конфискация всей помещичьей земли. Ленин указывал, что подлинным представителем петербургских рабочих может быть только большевик.

Однако, поскольку уполномоченные уже были выбраны, ликвидаторы могли не считаться с настроением массы и все внимание перенесли в среду уполномоченных, чтобы там найти себе сторонников. Многостепенность выборов, наличие среди уполномоченных негородского элемента — представителей от уездов, возможность всяких случайностей могли быть использованы ликвидаторами, которые всяческими путями старались протасовать своих кандидатов. Ликвидаторская опасность в этих условиях была вполне реальной. За исходом выборов в Петербурге следили рабочие массы всей страны.

Избирательной кампанией в Петербурге руководил Сталин. После апрельского ареста Сталин был выслан в Нарымский край, но снова — в пятый раз — бежал из ссылки.

12 сентября 1912 года, всего лишь за четыре дня до выборов уполномоченных по рабочей курии, Сталин приехал в Петербург и сразу возглавил борьбу петербургских рабочих. Под его руководством петербургские большевики добились огромной победы на выборах в IV Государственную думу.

«Правда» развернула борьбу с ликвидаторской опасностью в избирательной кампании. Одновременно был открыт огонь по примиренцам и объединителям и разоблачен самый главный объединитель, «центрист, подлеший карьерист и фракционер» — Троцкий, пытавшийся использовать избирательную кампанию в подлых целях борьбы против партии большевиков.

«Правда» доказывала, что разговоры ликвидаторов о единстве фальшивы, поскольку петербургские рабочие посылают в думу лишь одного депутата. Этот депутат не может быть сразу и большевиком и ликвидатором, он может быть или тем, или другим.

«При чем тут «единство», — писал Ленин, — когда надо выбрать одного и все согласны, что он должен выражать волю большинства сознательных рабочих-марксистов?» ²

¹ Ленин, Сочинения, т. XVI, стр. 234.

² Там же, стр. 456.

Из девяти путиловских уполномоченных наиболее вероятным депутатом был Анисим Костюков — в то время старик пятидесяти шести лет. Он считался политически более подготовленным, чем Орлов и Аристов из горячих цехов или Изосимов из котельной. Иван Дмитриевич Иванов из пушечной имел подготовку, но не был оратором. Костюков давно думал, что годен быть депутатом, и считал, что другие товарищи должны ему уступить. Готовился также быть депутатом и Адриан Иванов из той же лафетной. Адриан был прям в разговорах. Он говорил Костюкову, что в думу надо идти не для почета, а для работы очень тяжелой и ответственной. Депутат живет на виду у всех. Его адрес напечатан в рабочей газете. К нему день и ночь идут рабочие по всем своим делам. Он посвящен во все заводские конфликты, к нему стекаются деньги, собранные для забастовщиков, он выступает и в думе и на массовках, выходит навстречу полиции во время облавы, его должен принять и градоначальник и министр. Достаточно оробеть, не так сказать — и получится промах, который повредит всему рабочему делу. Костюков для работы в думе и мягок и стар.

— Ты думаешь, — говорил Адриан, — это будет как в III думе: сиди и слушай речи, а снаружи — ни забастовок, ни демонстраций? Сейчас депутат не вылезет из забастовок, а в конце концов неприкосновенность ему не поможет, и пойдет он туда же, куда пошли втородумцы.

— Ну, что ж, — убежденно возражал Костюков. — Я этого не боюсь. Я и на каторгу пойду.

В районном комитете Адриан имел сторонников среди молодежи, влившейся в организацию после апрельско-майского движения. Молодежь любила Адриана за прямоту его речей и за смелость на демонстрациях. Однако на выборах кандидатура Адриана отпала потому, что он летние месяцы просидел в тюрьме и при новом поступлении в другую мастерскую потерял шестимесячный стаж работы на одном месте, необходимый для участия в выборах. Он не мог пройти даже в уполномоченные.

На 5 октября было назначено официальное собрание рабочих-уполномоченных для избрания шести выборщиков. Накануне, поздно вечером, «Правде» стало известно, что тридцать уполномоченных наиболее крупных предприятий, в том числе уполномоченные Путиловского завода, устранены от выборов — «разъяснены» — по формальным причинам. Правительству оказалось мало ограничений, созданных для рабочей курии избирательным законом, и оно, в обход закона, лишило избирательных прав еще двадцать одно предприятие.

По инициативе Сталина, через час после известия о «разъяснении» собралась исполнительная комиссия Петербургского комитета большевиков. Составили новый список большевистских кандидатов в выборщики и вынесли решение об однодневной забастовке протеста. Об этом дали знать путиловским большевикам. В ту же ночь собралась заводская большевистская группа. Было решено: по призыву Петербургского комитета стачку начать завтра; путиловским уполномоченным попытаться пробиться на выборное собрание для оглашения протеста.

Утром «Правда» опубликовала список большевистских кандидатов в выборщики. Этот список до последнего дня не оглашали, потому что кандидатов могли арестовать и устранить.

Выборы происходили в здании городской думы на Невском. Костюкова, Ивана Дмитриевича Иванова, Аристова и других путиловских уполномо-

На Петергофском шоссе в дни забастовки

ченных не пропустили внутрь. Пробраться туда им не удалось. Они постояли на высоком думском крыльце и пошли в редакцию «Правды». В «Правде» им сказали:

— Поезжайте на заводы, поднимайте рабочих...

Уполномоченные вернулись на завод в мастерские, будто бы для работы. Жена Ивана Дмитриевича Иванова, Мария Тимофеевна, поехала за Невскую заставу вызвать с фабрики Паля и с Обуховского завода знакомых большевиков, рассказать им о положении. Василий Савинов пошел доставать спрятанную типографию и искать наборщика.

Путиловский завод остановился в тот же день, 5 октября, с обеда. Грубейшее нарушение и без того ничтожных избирательных прав вызвало протест во всех слоях рабочих. Тотчас же собрался общезаводский митинг. На митинге боролись две резолюции — большевистская и меньшевистская. Меньшевики главным тезисом своей резолюции выставляли: «Только всеобщее избирательное право в Государственную думу могло бы гарантировать право выборов». Предложение ликвидаторов было отвергнуто. Путиловцы, как и семяниковцы, приняли резолюцию большевиков:

*«Протестуя против нарушения наших избирательных прав, заявляем, что только низвержение царизма и завоевание демократической республики могут обеспечить рабочим право на действительную свободу выборов».*¹

¹ «Социал-демократ» № 30, 12 (25) января 1913 г.

К трем часам рабочие покинули завод, и демонстрация пошла к Нарвским воротам с пением революционных песен. Осталась на заводе лишь часть рабочих у печей. Околоточный выхватил из толпы рабочего Павла Анимова и отправил его в участок с запиской, что этот человек «позволил себе освистать чина полиции». В дальнейших донесениях сообщал, что полиция бессильна против возбужденно настроенной толпы и нужны подкрепления.

В самом начале забастовки, сразу же как остановилась пушечная, начальник конторы по делам рабочих и служащих Фортунато пытался вступить в переговоры с рабочими и вызвал уполномоченных в проходную:

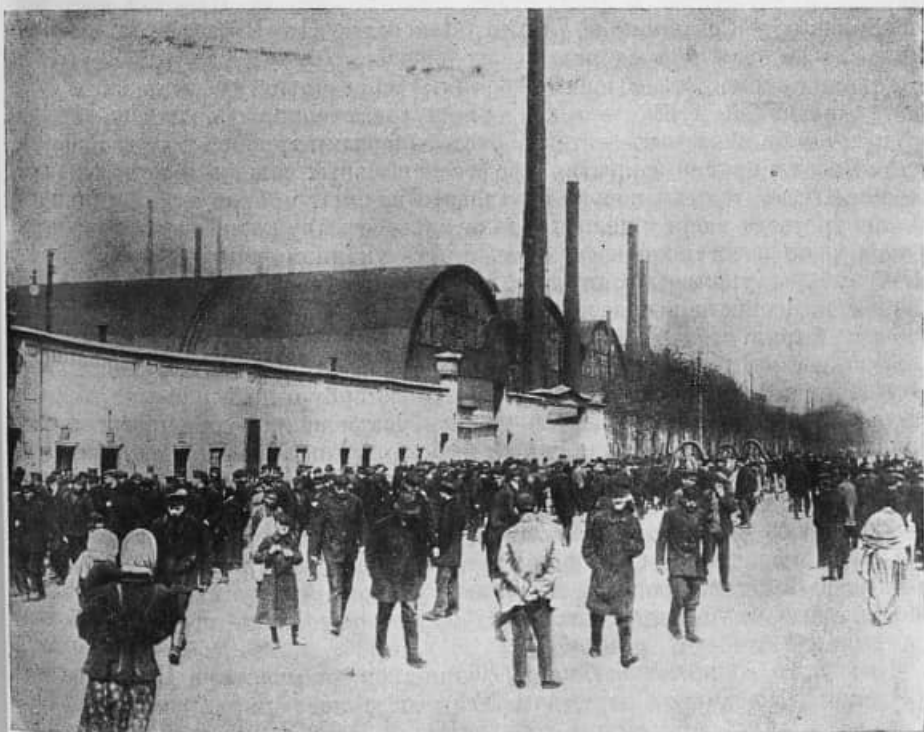
— Из-за чего это вы бастуете?

— А разве вам это неизвестно? — сказал И. Д. Иванов из пушечной. — Нас не допустили до выборов. Это попрание наших прав. Зачем было выбирать уполномоченных?

— Наверное тут какое-нибудь недоразумение, — ласково заговорил Фортунато. — Надо подождать, пока выяснится. А вы сразу начинаете бастовать...

— Хорошее недоразумение, — возразили уполномоченные. — Ведь самые-то выборы не отменены. Пока мы с вами говорим, выборщиков уже выбрали без нас.

Листовка с призывом ко всем петербургским рабочим поддержать путиловских уполномоченных печаталась в квартире молодого медника Викуленкова на Богомолковской, дом № 32. Здесь набирали и печатали

У ворот завода во время забастовки

листовки и тут же раскладывали для просушки. Соседки, как обычно, заходили в комнату поставить утюг на плиту, занять кипяточку или присаживались чаевничать. От них не таились. За наборщика действовал студент-политехник. Печатание продолжалось до ночи, и хотя все соседи знали, что в квартире Викуленкова печатают прокламацию, все окончилось благополучно. Василий Савинов к вечеру вынес семьсот листов: часть отнес к Марии Тимофеевне Ивановой для передачи за Невскую заставу, часть отдал Антону Митревичу для Московской заставы.

Вечером 5 октября районный комитет большевиков совместно с уполномоченными собрался у Василия Орлова, чтобы наметить план на завтрашний день. Павел Богданов, Василий Мещерский и молодежь были за то, чтобы продолжать забастовку. Кое-кто говорил, что надо подумать о судьбе уполномоченных: в случае продолжения забастовки их арестуют. В «Правде» уже сообщалось, что путиловские уполномоченные — «последовательные рабочие-демократы», то есть большевики. Другие возражали, что считаться с судьбой отдельных лиц теперь уже нельзя. Полиция знала уполномоченных и прежде, а раз они теперь и по печати известны как большевики, то и терять им нечего. В цехах настроение крепкое. Рабочие ждут, что скажут уполномоченные: скажут бастовать — будут бастовать неделю.

Районный комитет постановил продолжать забастовку.

На следующее утро рабочие пришли на завод, отметились и ушли. Присоединились печные рабочие из горячих цехов. В заводе остались только сторожа и служащие. К обеду стало известно, что за Невской заставой забастовали у Семяникова, Паля, Максвелля. На Выборгской стороне также забастовал ряд фабрик и заводов. Всего в эти дни в Петербурге бастовало около ста тысяч рабочих. В резолюциях заводских митингов основной пункт — о поддержке «разъясненных» путиловских и других уполномоченных — стал обраться новыми требованиями. Рабочие протестовали против закрытия профессиональных союзов и конфискации рабочих газет, против нового страхового закона, против избирательного закона третьего июня в целом. Правительство вынуждено было отступить и не только восстановить «разъясненных» уполномоченных, но и назначить выборы уполномоченных на нескольких новых заводах, которые прежде не входили в список предприятий, имеющих право выбирать по рабочей курии.

В статье «Выборы в Петербурге» товарищ Сталин, описывая ход забастовки, отмечал необычайное упорство петербургских рабочих, борющихся за выборы: «Бастуют не только разъясненные предприятия, но и не разъясненные (Паль), а также те, которые по «правилам о выборах» не имели права выбирать по рабочей курии. Бастуют из солидарности. В революционных песнях и манифестациях нет недостатка... 8-го октября поздно ночью становится известным, что губернская комиссия по выборам кассирует выборы выборщиков, отменяет «разъяснения» уездной комиссии, «восстанавливает в правах» путиловцев, привлекает к выборам большее число предприятий. Рабочие торжествуют победу. Рабочие победили».¹

Незадолго до новых выборов выборщиков на квартире Савинова (за Нарвской, Сапежников пер., дом № 5) состоялось партийное собрание.

¹ «Социал-демократ» № 30, 42 (25) января 1913 г.

Присутствовало человек двадцать путиловцев и несколько партийцев из других районов. На собрание пришел Сталин вместе с представителем Петербургского комитета. Сталина путиловцы видели впервые. Сопровождавший его член Петербургского комитета представил его под именем «Василия». Обсуждали вопросы о кандидате в члены Государственной думы и о тактике борьбы с ликвидаторами на предстоящих выборах.

Член Петербургского комитета большевиков говорил о том, что наступает решающий момент избирательной кампании — выборы уполномоченными выборщиков. От того, кто пройдет в выборщики, зависит и то, кто будет избран депутатом в думу по Петербургской рабочей курии. Ликвидаторы из кожи лезут вон, чтобы захватить места выборщиков. Рабочие крупных заводов в первую очередь должны громко заявить, для чего они боролись за выборы. Их голос, направленный против ликвидаторов, будет решающим. Задача большевистских групп Путиловского, Семянниковского и других заводов — сплотить рабочих вокруг наказа рабочих своему депутату, который будет выработан Петербургским комитетом.

Путиловский большевик Савинов сказал о том, что наказ, действительно, укрепит большевистское влияние в массах. Следующий оратор говорил, что наказ, который определит требования рабочего класса к своему депутату, будет для ликвидаторов неожиданностью и во многих случаях свалит их даже там, где они сильны.

Люди заговорили, перебивая друг друга, горячась и споря. Один требовал наказа поскорей, другой, не отрицая необходимости наказа, уверял, что при выборах уполномоченных ликвидаторы разбиты настолько, что вряд ли нужно будет кого-либо добивать. Третий говорил о будущем депутате вообще, никого не предлагал, никого не отводил, а высказывал свои пожелания. Чувствовалось, что на собрании смешивается первоочередное и второстепенное, заметно было, что некоторые слишком легко относятся к ликвидаторской опасности, надеются на «честность» меньшевиков, не представляют себе значения наказа.

Сталин приглядывался к людям, вслушивался в их речи. Наконец, взял слово и тихо, но внятно начал излагать главное, существеннейшее в борьбе за полную победу большевиков на выборах по рабочей курии в Петербурге. Сталин говорил о том, что преуменьшать ликвидаторскую опасность не следует. Верно, что ликвидаторы разбиты, провалились в Петербурге по всей линии. Но враг может представлять немалую опасность и после того, как его разбили. Ликвидаторы фарисейски перекрашиваются под революционеров, подлаживаются под настроения рабочих, чтобы обмануть их. Они набрасывают на себя маску «защитников единства», чтобы сорвать подлинное единство петербургских рабочих, сплотившихся вокруг лозунгов революции. На некоторых предприятиях, как, например, на Невском судостроительном заводе, представитель ликвидаторов прошел в уполномоченные только потому, что обязался поддерживать большевистскую резолюцию, принятую рабочими на митинге. А в то же время ликвидаторская газета «Луч» либо замалчивает подобные факты, либо искажает революционные резолюции рабочих.

В комнатке стало тихо. Напряженно, внимательно слушали рабочие простую, ясную и убедительную речь товарища «Василия». Седовласый Анисим Костюков не спускал пристального взгляда с неизвестного ему

оратора и мерно кивал головой, подтверждая его неторопливые, мудрые и полновесные слова. Павел Богданов пригнулся к столу и сидел, не подхнувшись, чтобы лучше слышать: как всякий рабочий-котельщик, он был немного глуховат.

Сталин говорил дальше о том, что борьбу с ликвидаторством надо перенести в низы, в рабочую массу. На выборах уполномоченных, там где они будут проводиться заново, ставить на голосование большевистский наказ. Там же, где, как на Путиловском, уполномоченные будут восстановлены без новых выборов, пускать наказ по мастерским, собирать под ним подписи. Исход голосований и подписи лишний раз покажут, что рабочие против ликвидаторов и что депутатом от рабочих может быть только большевик.

Особо Сталин подчеркнул значение наказа петербургских рабочих своему рабочему депутату. В наказе ясно и недвусмысленно будет отмечено, что неразрешенные задачи 1905 года могут быть решены только борьбой рабочих и революционных крестьян за низвержение царизма и что вождем в этой борьбе может быть только пролетариат. Наказ прямо потребует, чтобы рабочий депутат шел в думу не для пустой игры в законодательствование, чем охотно занимались и хотят заниматься ликвидаторы, — рабочий депутат идет в думу для революционного просвещения и организации широких масс, для использования трибуны думы именно в этих целях.

Окно комнаты выходило в капитальную каменную стену, и когда открывали форточку, чтобы выпустить дым, говорившие понижали голос. Патруля снаружи не было, но хозяйка квартиры время от времени выходила к воротам и смотрела по сторонам.

Собрание затянулось допоздна. Уходили поодиночке, соблюдая все предосторожности конспирации. Сталин остался на квартире Савинова, чтобы выработать текст наказа. Работал долго. Для него было послано на полу. Он отказался от кровати, сказав Савинову:

— Вам нужно отдохнуть, вам завтра на работу.

«Наказ петербургских рабочих своему рабочему депутату», написанный Сталиным, был принят Петербургским комитетом большевиков, отпечатан отдельной листовкой и пошел по заводам. «Наказ», по существу, представлял собой сжатую политическую платформу большевистской партии, дополненную требованиями рабочих к своему депутату. Об этих требованиях в «Наказе» говорилось:

«Думская трибуна и является одним из лучших средств при данных условиях для просвещения и организации широких масс пролетариата.

Именно для этого и посылаем в Думу нашего депутата, поручая ему и всей соц.-дем. фракции IV Думы широкое распространение с думской трибуны наших требований, а не пустую игру в законодательствование в Государственной Думе.

Мы бы хотели, чтобы соц.-дем. фракция IV Думы и наш депутат, в частности, высоко держали знамя рабочего класса во враждебном им лагере черной Думы.

Мы бы хотели, чтобы с высоты думской трибуны громко раздавались голоса членов соц.-дем. фракции о конечной цели пролетариата, о полных и неурезанных требованиях пятого года, о русском рабочем классе, как вожде народного движения, о крестьянстве, как наиболее надежном союз-

И. В. Сталин за составлением „Наказа петербургских рабочих своему рабочему депутату“
(С картины П. Буренина)

нике рабочего класса, о либеральной буржуазии, как изменнице «народной свободы».

Мы бы хотели, чтобы в своей работе на почве вышеупомянутых лозунгов социал-демократическая фракция IV Думы была единой и сплоченной.

Чтобы она черпала свою силу в постоянном общении с широкими массами.

Чтобы она шла нога в ногу с политической организацией рабочего класса в России.¹

На Путиловском, Невском судостроительном заводах, фабрике Палая и других крупных предприятиях Петербурга большевистский «Наказ» рабочие приняли единодушно. Даже там, где в качестве уполномоченных оказывались ликвидаторы, рабочие принимали «Наказ» единогласно и безоговорочно. Собрание уполномоченных ряда заводов столицы также приняло «Наказ». Это со всей очевидностью свидетельствовало, что у ликвидаторов уходит из-под ног почва, — рабочие массы твердо стоят за линию большевиков.

Путиловские уполномоченные были восстановлены без новых выборов и полностью участвовали в съезде уполномоченных. В список кандидатов в выборщики, вторично опубликованный в «Правде», вошел и Анисим Костюков.

Помня о случае, происшедшем с ним при выборах в III думу, Костюков заранее, не ожидая извещения, постарался узнать о месте и времени губернского съезда уполномоченных.

Губернский съезд происходил 17 октября в здании городской думы, куда в первый раз путиловцев как «разъясненных» не допустили. Теперь же Костюков явился одним из первых. Он входил на думское крыльцо неторопливо и с достоинством. Так же неторопливо он прошел в зал, заявляя о том, что он представитель Путиловского завода. Костюков испытывал некоторое удовольствие от своей медлительности, нарочито показывая, что он пришел как победитель, как представитель 100 тысяч забастовщиков, заставивших правительство восстановить «разъясненных».

Съезд открывал унылый человек — товарищ городского головы. Слова его, пропущенные сквозь щетинистые усы, свисавшие над ртом, были не столь решительны, как в первый раз, когда он не дал рабочим собраться обсудить своих кандидатов. Рабочим-уполномоченным на этот раз предоставлялся не один час для обсуждения своих кандидатов в выборщики. Уполномоченных на этом собрании было почти вдвое больше прежнего. После большевистской кампании протеста интерес рабочих к думским выборам заметно повысился.

При чтении «Наказа» Костюков восторгался. Он неоднократно читал его в своем цеху, даже собирал под ним рабочие подписи. Но он еще раз с большим вниманием вслушивался в знакомые слова «Наказа», написанного тем человеком, который олицетворял для него волю и мудрость большевистской партии.

Обсуждение «Наказа» на губернном съезде уполномоченных по рабочей курии показало, что представители петербургского пролетариата полностью согласны с положениями и требованиями большевистской партии. «Наказ» был принят съездом уполномоченных.

¹ Пражская конференция РСДРП 1912 года, 1937, стр. 210.

Подводя итоги выборов в Петербурге, Сталин писал:

«Петербургские рабочие остались верными революционным традициям нашей Партии. Лозунги революционной социал-демократии и только они получили признание съезда уполномоченных. На съезде решали вопросы беспартийные (из 82 уполномоченных 41 «просто» соц.-демократов и беспартийных), и если даже на таком собрании принят наказ Петербургского Комитета, то это значит, что лозунги П. К. имеют прочные корни в чувствах и мыслях рабочего класса».¹

Депутатом в думу по Петербургской рабочей курии был избран большевик, слесарь Александровского завода А. Е. Бадаев.

После выборов полиция расправилась с многими выборщиками и уполномоченными. Костюков, как он и предвидел, через некоторое время был арестован и посажен в тюрьму. Определенного обвинения ему предъявлено не было. Ему поставили в вину все его прошлое и к трем прежним высылкам автоматически прибавили четвертую. До выезда из столицы Костюкову пришлось несколько раз слышать о «Василии». Его товарищ, член Петербургского комитета Антон Митревич, рассказывал ему о заседании Петербургского комитета, где Сталин говорил о результатах выборов в думу, о первых шагах думской социал-демократической фракции о той борьбе, которую ему пришлось выдержать, вытравляя ликвидаторский дух из декларации социал-демократической фракции Государственной думы.

Избирательная кампания и выборы в думу по рабочей курии, проведенные в Петербурге под руководством Сталина, высоко подняли политическую активность рабочих масс. Ликвидаторы потерпели еще одно поражение и были разоблачены перед лицом всего петербургского пролетариата. Против ликвидаторства выступали сами рабочие. На Путиловском заводе рабочие составили письмо и послали его в «Правду». Под письмом стояло триста шесть подписей. Каждый из подписавших заявлял себя сторонником революции и партии большевиков, которую иносказательно в легальной печати называли «политическая организация». Триста шесть подписей под партийным большевистским документом — это была огромная цифра во времена, когда в стране господствовал режим полицейской нагайки, тюрьмы и каторги.

Письмо было обвинительным документом масс по адресу ликвидаторов. Срывая маски с ликвидаторов, путиловцы объявляли их врагами рабочего класса.

В своей резолюции-письме путиловцы писали:

«Прикрываясь маской единства на выборах... ликвидаторы прибегают к обману.

Кто ушел из политической организации? — Ликвидаторы.

Кто срывал работы центра? — Ликвидаторы.

Кто называл восстановление и укрепление политической организации рабочего класса «утопически-реакционной затеей»? — Ликвидаторы.

Кто предлагал распускание политической организации и практически способствовал этому? — Ликвидаторы...

Пользуясь лозунгом «единство» как средством фракционной борьбы, ликвидаторы на деле вносят раскол в наши ряды и служат нашей дезорганизованности.

¹ «Социал-демократ» № 30, 12 (25) января 1913 г.

Поддерживать ликвидаторов — поддерживать течение, враждебное рабочему классу». ¹

Борьба с ликвидаторством стала делом самих рабочих масс.

МИЛОСТИВЫЕ ГОСУДАРИ

Каждую весну, в апреле или мае, перед утверждением отчета за предыдущий год в правлении акционерного общества Путиловских заводов возникает вопрос:

— А что мы дадим нашим милостивым государям?

В узком кругу путиловских правленцев упоминание о милостивых государях всегда вызывает веселость. Мысленно милостивые государи как бы берутся в кавычки. Вспоминают о них очень редко: раз в год, перед общим собранием акционеров.

Главный бухгалтер предлагает дать им столько же, сколько в прошлом году: шесть рублей. Они должны быть довольны, ибо прежде они получали меньше. В восьмом году они совсем ничего не получили, в девятом — два рубля, потом — четыре, и если теперь дошли до шести, то этого вполне достаточно.

— Накиньте четвертак, — говорит Путилов, когда вопрос доходит до него. — Пусть люди видят, что дело развивается...

Балансов два: один — слепой, который оглашается на собрании и который печатают брошюрой, другой — зрячий, который нигде не печатают, и предназначается он только для членов правления. Цифры в обоих балансах не сходятся. Приходная часть в зрячем балансе выше, чем в слепом, — в последнем часть прибыли предусмотрительно скрыта. Для этого на амортизацию имущества вместо обычных двадцати процентов списывают тридцать процентов, запроданные изделия заносят в баланс как непроданные, а кой-какие материалы держат на особом учете и вовсе в баланс не вводят. Стой же целью утаивания прибыли стоимость некоторых новых построек списывают на цеховые расходы и показывают только в расходной части баланса. Разница между действительной и публикуемой прибылью копится из года в год, и однажды она дошла до восьми миллионов рублей.

Главный бухгалтер Егор Егорович Иогансон считает, что обнаруживать высокую прибыль незачем:

— Если я опубликую высокую прибыль, нужно будет раздать ее милостивым государям. За что им давать? Это ж дармоеды. Пусть лучше несколько миллионов останется.

В тот год, когда милостивым государям набавляют четвертак, оказывается, что прибыли для зрячего баланса не получилось. Между тем, предстоит дополнительный выпуск акций, и нельзя пугать новых милостивых государей, которые не захотят их покупать. Баланс должен быть прибыльным. Главный бухгалтер снова перетряхивает баланс, заглядывает во все его щели. Он ищет по заводу: нет ли резерва в изделиях, нет ли какой-нибудь неучтенной новой постройки. Он находит на миллион рублей новых построек, которые за три с половиной года были списаны на цеховые расходы и не введены в баланс. Сейчас он восстанавливает их стоимость.

¹ «Правда» № 50, 1 марта 1913 г.

За чтением баланса. (Карикатура Н. Шабанова.)

Но этого мало. И тогда главный бухгалтер начинает смотреть в землю, и ему приходит в голову еще одна мысль:

— На чем мы стоим? На земле. Но ведь земля куплена давным-давно по четыре рубля двадцать пять копеек за сажень. Она была болотом, мы ее за полтора десятка лет осушили, подняли, засыпали гарью и камнем. Она обошлась нам по восемнадцать рублей. Стоимость относили в убытки. Итак, извлечем по четырнадцать рублей убытка, умножим на 275 тысяч квадратных саженей земли — это составит почти четыре миллиона. Перепишем их на счет оборудования и построек...

Главный бухгалтер, сделавший открытие, что завод стоит на земле, поворачивает баланс с «Р. 1 137 000 убытка» на «Р. 2 875 000 прибыли». Он чувствует себя героем, и в правлении также начинают считать, что этого человека до сих пор недостаточно ценили. Дрейер говорит ему со всей возможной для него искренностью:

— Я и не знал, что с вами так приятно работать, Егор Егорович...

И Путилов вызывает его к себе и обходится любезнее, чем обычно:

— Знаете ли вы, что лишь очень немногие люди умеют смотреть себе под ноги. Надеюсь еще поработать с вами и видеть вас на более ответственном посту...

Общее число милостивых государей очень велико и постоянно меняется. Акция безымянны. Они приобретают имя только раз в году, ко дню общего собрания. К собранию представляется не больше одной четвертой — одной шестой части всего числа акций. Правление знает по опыту: со всей России не придут...

В 1912 году в собрании акционеров участвовало сто девять человек, предъявивших 58 023 акции, в 1913 году — восемьдесят человек с 40 196

акциями, между тем в эти годы на руках у держателей было 250 тысяч акций.

Большое внимание предстоящему собранию уделяют петербургские банки. Собрание путиловских акционеров по сути дела есть собрание представителей банков. Если банк заинтересован в том, чтобы иметь больше голосов на собрании, он расписывает свои акции на подставных лиц. Пять тысяч акций могут дать десять голосов, если предъявить их целым пакетом, и из тех же пяти тысяч можно сделать сто голосов, если расписать их на своих людей по пятьдесят — сто акций на душу. Каждый банк готовит свою армию. В 1911 году, во время обостренной борьбы банков, они нагнали на собрание триста тридцать шесть участников. В следующие годы это число упало: к чему тревожить людей, когда все уже определилось и решающее слово принадлежит Русско-Азиатскому банку?

Русско-Азиатский банк предъявляет свои акции последним. За час до закрытия кассы в дело вступает Путилов. Состав собрания уже определен. Путилов подсчитывает, сколько голосов у Международного, Торгово-промышленного, Азовско-Донского. Подставные лица, под какими бы фамилиями они ни прятались, ему известны. Его задача — расписать акции Русско-Азиатского банка так, чтобы иметь большинство при любых комбинациях. Фон Дрейер, Шпан и другие правленцы вытаскивают запасенные доверенности от других лиц, предъявляют их и вместо десяти получают по двадцать, а то и по тридцать голосов. Несколько тысяч акций записывают на банк как таковой, тысячи по две — на Путилова, на Бишлягера, по несколько сот — на высшую заводскую администрацию, по сотне — на служащих правления и банковских бухгалтеров. При надобности мобилизуют и банковского курьера. Каждому выдают билет с числом его голосов по количеству будто бы представленных акций. От каждого на всякий случай отбирают подписку, что он предъявленные акции получил обратно и претензий не имеет.

Мелкие держатели не ходят на собрания. Они могут только присутствовать и вносить запросы, но не имеют права участвовать в голосовании. Решающий голос дается акционеру, предъявившему не меньше пятидесяти акций. Если мелкие держатели захотят играть роль в собрании, им придется объединиться группами и отдать свои акции какому-нибудь одному лицу, которое будет выступать от своего собственного имени и будет являться юридическим владельцем акций, то есть после собрания может их просто не вернуть. Иной мелкий держатель, прочитав в газете извещение о собрании, вдруг решает:

— Пойду, хоть выругаюсь...

Собрание открывается докладом правления. Доклад, писанный Дрейером, суховат в начале, слезлив в конце. В докладе неизменно подчеркивается, что правление — только слуга акционеров.

Акт ревизионной комиссии оглашает Манус, грузный мужчина, биржевик, крупный спекулянт, сотрудник махрово-черносотенной газеты «Гражданин», а в недавнем прошлом репортер и биржевой заяц. Его считают подручным Путилова, но у этого подручного, будущего сподвижника Распутина, уже есть несколько миллионов нагребленного состояния. Манус крупно спекулирует на бирже путиловской акцией. Он — еврей, и это не позволяет ему быть членом правления общества Путиловских заводов, ибо по закону евреи не допускаются в правления заводов, работающих на военное ведомство. Несколько лет назад правление возбудило спе-

циальное ходатайство об отмене этой статьи устава, чтобы ввести Мануса в правление. Правительство ответило, что отменить статью можно, но поскольку евреи не имеют права покупать земельные участки в Петербургской губернии, то и завод, допустив еврея в свое правление, также лишится этого права. Правление предпочло обойтись без Мануса, но чтобы не упустить этого ловкого и весьма полезного авантюриста, предоставило ему жирную кость — звание члена ревизионной комиссии.

Это звание доставляет Манусу известное удовлетворение и почет. За ним числятся много скандальных дел, что, однако, не мешает ему сидеть в солидных предприятиях. При надобности он умеет постоять за себя. Когда министр финансов Коковцев не утвердил его членом Петербургского биржевого комитета, Манус подкупил «Новое время», вел травлю Коковцева и, используя влияние Распутина, содействовал смещению Коковцева и назначению Барка на пост министра финансов.

На заводе знают, как с ним обращаться. Он тщеславен. Ему, как когда-то хозяину Ляшке, подают специальный вагончик, в котором возят по заводским путям. В каждый свой приезд он попадает в одно и то же место — в меднолитейную мастерскую и в магазин, где проверяет самое дорогое — медь. Затем он устает, его везут обедать. Обед ему подают не слишком роскошный, и он сердится:

— Ревизионную комиссию можно было бы накормить получше. Меня ждут на бирже, у меня там земля горит, а я тут занимаюсь ерундой, считая медь и мне есть нечего. Икры было совсем мало, Егор Егорович...

Ему отвечают, что не хотели роскошно сервировать стол именно из боязни, как бы он не подумал, что заводские средства легко расходуются не по прямому назначению.

— Какие пустяки, — грохочет довольный Манус. — Пусть это вас не беспокоит. На таком большом заводе это распылится...

Акты Мануса однообразны, но не длинны, и во время их оглашения на собрании милостивые государи даже не успевают вздремнуть. Затем фон Дрейер разворачивает перед акционерами перспективы на текущий год: ожидаемые заказы, новые постройки, дополнительные выпуски акций, увеличение числа рабочих.

Он много говорит о прибыли, не скупится на цифры, ибо знает, что в нужный момент главный бухгалтер достанет прибыль из-под земли. Он добывает слушателей ссылками на заинтересованность в делах Путиловского завода Франции в лице фирмы «Шнейдер-Крезю», Германии в лице Круппа, Австрии — Шкода, Англии — Виккерса. Он тратит красноречие недаром, хотя банковским воротилам путиловские дела известны не хуже, чем ему. Он говорит поверх собрания тысячам неведомой мелкоты, которая спекулирует на бирже на путиловской акции.

Исчерпав цифры, фон Дрейер переходит к патетике:

— Если вы, милостивые государи, одобрите принципиально соображения правления, то это будет служить ему лучшей опорой и даст уверенность и бодрость в предстоящей колоссальной работе, направленной к тому, чтобы поддержать имя Путиловского завода, поставив его на надлежащее и соответствующее его мировой известности место...

Он просит у собрания полномочий для правления действовать в тех или иных вопросах самостоятельно, на правах общего собрания.

Внимательно слушают фон Дрейера только немногие из присутствующих, так называемые биржевые зайцы. Они хотят из его слов определить

будущие курсы путиловских акций, перешептываются между собой, записывают оглашенные цифры и по лицам банковских воротил пытаются узнать, каковы же дела в действительности. Они больше всех волнуются на собраниях. Они заинтересованы, прежде всего, акцией, они живут ею.

За 1910—1911 годы и первую половину 1912 года сторублевая путиловская акция сильно колебалась в курсе и давала простор игре. За один день акция иногда подымалась или падала на пять-шесть рублей; за февраль 1911 года акция поднялась на четырнадцать рублей. За один год стоимость ее поднялась с 58 до 150 рублей. В 1912 году она уже стоила 205 рублей. На путиловской акции играть было выгодно — в удачный день за два-три часа

игры на бирже на небольшой капитал в 200—400 рублей биржевой заяц наигрывал 75—100 рублей.

Члены правления общества Путиловских заводов играли крупно. Их биржей был банк. Они хорошо знали, почему поднимается или падает акция, и сами создавали колебания в цене. Для мелких держателей в газете «День» и в других газетах в торгово-промышленной хронике появлялись сдержанные заметки о неблагополучии на заводе — заметки со скорбным вздохом; помещали даже серьезные обзоры, констатирующие тяжелое положение металлической промышленности. Акция начинала колебаться. Банк скупал акции у испуганных акционеров по пониженной цене. А затем, после некоторого перерыва, неожиданно объявлялось, что в делах завода наступил перелом, вместо вздохов — бодрые ноты; пресса спешила подтвердить улучшение конъюнктуры. Акция поднималась и попадала по высшей цене на биржу, а оттуда в комоды мелких держателей. Разница оставалась у Путилова, Мануса, Лесина и других банкиров.

К моменту выпуска новых акций правленцы искусственно поднимали биржевой курс акций. В 1911 году банковские дельцы и крупные акционеры в день размещения акций на четыре миллиона рублей отобрали себе по крупному пакету акций и в тот же день заработали крупные суммы. Среди правленцев акции распределяли по цене на двадцать два рубля пятьдесят копеек ниже, чем они котировались на рынке.

Отчет перед «милостивыми государями». (Карикатура Н. Радлова.)

В 1912 году перед выпуском акций журнал «Биржа» писал: «Мы уверены, что повышение путиловских акций может наступить скоро. Но в силу необходимости увеличения капитала и реализации нового выпуска их могут взвинтить...», «...цена их [акций] может быть искусственно повышена, т. е. возможен спекулятивный подъем».¹

Но мелкие биржевые зайцы, всегда плохо осведомленные, не могли всего знать. На собрании акционеров они выступали с требованиями разъяснить причины падения курса акций. Один из акционеров недоумевая воскликнул:

— Положение, которое рисуется в докладе правления, не может быть названо иначе, как блестящим. Однако акции не перестают понижаться. Очевидно, оптимизм правления не вполне разделяется деловыми кругами.

Наивному акционеру отвечал представитель ревизионной комиссии Манус:

— Как председатель ревизионной комиссии общества, я опровергаю эти голословные утверждения оппонента. Он стал акционером всего несколько дней назад, имея лишь одни штаны...

После такого разъяснения Мануса оппонентов больше не нашлось.

Прежде чем перейти к очередным делам, милостивым государям оставалось проголосовать, утвердить отчет, дать правлению права общего собрания. Они охотно дают эти полномочия. Милостивые государи без шума встают и, предъявляя билеты, проходят мимо стола секретаря. Билеты солидные, бристольского картона, в углу на каждом билете число голосов. Секретарь считает голоса. Это формальность. С тех пор как преобладание в делах завода получил Русско-Азиатский банк, голосования проходят гладко.

Среди милостивых государей Егор Егорович Иогансон — главный бухгалтер. Он зарабатывает 25—30 тысяч в год. На него фиктивно записаны сто акций. Он мог бы иметь их не фиктивно и не одну сотню. Но Егор Егорович не рискует играть на бирже. В личных делах он не любит спекуляции и предпочитает верные и аккуратно выплачиваемые четыре процента государственной ренты.

Проголосовав, милостивые государи возвращаются на свои места. Они солидны, исполнительны, полны достоинства.

Несколько участников собрания остаются на местах. Это случайные держатели одной-двух акций — без голосов, но с правом ругани. Две фигуры сидят на собраниях из года в год: сотрудник «Листка» Шабинев и биржевой заяц Утин.

Утин — невысокий пухлый человечек, в черном пальто с шелковыми отворотами, с необыкновенными глазами: зрачки его, казалось, плавают в желтой, мутной жидкости. Он вертляв, всегда торопится и каждый день, едва успев вылезть из постели, тянется к газете, к сводке курсов ценных бумаг и акций.

Проезжая в трамвае или идя пешком к фондовой бирже, он вслушивался в обрывки речей прохожих. Ухо у него чуткое: слова «курс, акция, дивиденд» он хватал на лету и немедленно продвигался туда, откуда неслись эти слова. Услышав об увольнении рабочего на Путиловском, он осведомлялся, не от недостатка ли работы. Получив ответ, что именно от этого,

¹ «Биржа» № 20 и № 27, 1912 г.

Биржевые зайцы

он торопливо вытаскивал книжечку с записями курсов акций разных времен. В книжечке были расчеты, по собственной системе, чуть ли не за восемь лет. Утин справлялся, высчитывал и прикидывал, что выгодней сегодня — продать или купить акции. Приняв решение, он мчался к бирже, задевая по пути встречающих. Он вбежал на широкую лестницу, в гудящую толпу, и сразу терялся среди многих таких же, как и он, мелких хищников.

Утин играет на бирже давно. Он имеет семью, живет благополучно, сытно. Но он недоволен судьбой. Перед ним постоянным укором стоит Игнатий Порфирьевич Манус, который на собраниях акционеров так важен, так величественен и недосягаем. Когда Манус отвечал на вопрос о понижении курса, он порывался вскочить и закричать, что помнит самого Мануса бесштаным биржевым зайцем. Но его удержал сосед Шабишев:

— Погодите, Утин, не растрачивайте пороха...

На собрания акционеров Утин ходит не только для информации, а, так же как и Шабишев, для того, чтобы использовать свое право ругани и заработать сотняжку.

Перед собранием Шабишев запасается фактами. В пятом году он даже поговаривал о незаконных притеснениях рабочих, но сейчас на этой теме не заработаешь. Когда председатель предлагает задавать вопросы правлению, Шабишев поднимается с места:

— Прошу ознакомить собрание: какая сумма списана в убыток в связи с изобретением генерала Безобразова? Что это за изобретение? Каким образом завод так долго поощрял это безнадежное дело?

На вопрос следует вежливый ответ: списано около шестидесяти тысяч рублей. Эта сумма не безнадежная потому, что идея изобретения далеко еще не опровергнута. Сущность изобретения не может быть оглашена, ибо составляет тайну изобретателя.

В рядах улыбаются. О безобразовской электрической праче большинство слышало задолго до того, как она была погружена на подводу и вывезена с завода в неизвестном направлении. Утин с места язвит:

— Давид из пращи убил Голиафа, а его превосходительство из пращи убил корову. Корова паслась на острове. Выстрелил второй раз и чуть сам не погиб. Диски у его превосходительства не туда летят...

Когда при голосовании они вдвоем остаются на местах, Шабишев громко пронизивает:

— Вот мы с вами, господин Утин, может быть, единственные в этом зале настоящие путиловские акционеры. У нас по одной акции, но это наши собственные акции. А здесь у всех — или банковские, или такие, которые куплены на неделю для игры.

В перерыве, когда милостивые государи идут закусывать, около Шабишева как бы невзначай останавливается юрисконсульт Гимбут:

— Опять сердитесь, господин Шабишев? Не надоело?

Шабишев ждал этого разговора и заранее заприходовал его, но ему хочется сорвать побольше. Он объявляет коротко:

— По двести рублей на человека...

— По двести?! — возмущается юрисконсульт. — По двести не выйдет. Можете продолжать ершиться, сколько вам угодно. Никто вас не боится, но мы просто не хотим ругаться. По сколько вы получили в прошлый раз?

— По сто.

— Ну, и теперь получите по сто. Соглашайтесь, а то ничего не дадим...

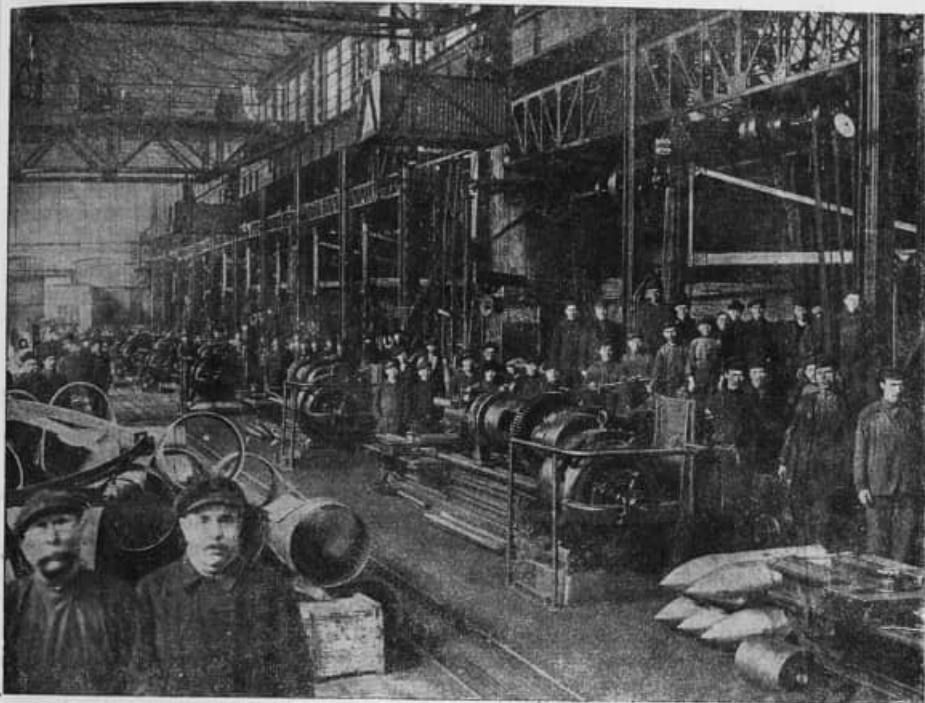
После перерыва реплики прекращаются.

ЗАБАСТОВКА СОЛИДАРНОСТИ

Спустя несколько недель после поступления в котельную, чернорабочий Фаддей Ложкин, посылая домой в деревню пятерку, закономерно на харчах, сообщал, что мог бы прислать и еще больше, кабы не бастовали шесть дней. Он писал о потере заработка без сожаления и в последующих письмах подробно объяснял, как эта потеря заработка оборачивается прибылью для рабочих. От письма к письму Фаддей Ложкин все более четко разъяснял своим далеким землякам и родичам принципы борьбы, усвоенные им на заводе. Он писал о забастовке:

— Обыкновенная стачка — это когда бросаем работу и уходим по домам. Ежели выходим всем заводом сразу, да кумачовый флаг с нами, то зовется это демонстрацией. А вот по-итальянскому — бастуем иначе: бросаем работу и сидим каждый на своем месте, покуриваем и, знай, поглядываем на начальство.

Заводская наука классовой борьбы через тысячи Фаддеев Ложкиных — каталей, угольщиков, молотобойцев, чернорабочих — проникала в деревню, будила ее, поднимала на борьбу с самодержавием. Сами рабочие стали необыкновенно чуткими и отзывчивыми, бдительными по отношению к мероприятиям царизма и буржуазии, легко вставали на защиту своих прав, на протест против бесчинств царских властей.

Лафето-снарядная (1912—1914 годы)

26 октября 1912 года в газетах появились сообщения о приговоре, вынесенном черноморским матросам по обвинению в подготовке восстания. Семнадцать матросов приговорены были к смертной казни, сто шесть — к каторжным работам. Жуткая весть мигом облетела все мастерские завода. Связные, посланцы большевистской организации, сообщали кратко: после гудка у лафето-снарядной — митинг.

Восемь тысяч человек собралось у лафетной. Стремительно организованный митинг был непродолжительным. Адриан Иванов и Павел Богданов произнесли короткие речи. Третий оратор предложил резолюцию протеста против приговора царского суда и резолюцию против войны на Балканах, против куцого закона о страховании рабочих, против закрытия рабочих профессиональных и просветительных организаций. Загремела «Марсельеза». Многотысячная толпа двинулась к воротам. Вторая смена пошла к станкам. Вдали показалась запоздавшая полиция.

Через три дня, 29 октября, лафетная решила подкрепить резолюцию протеста забастовкой. Большевистская группа, чтобы поднять настроение колеблющихся, решила действовать примером. Мещерский и еще восемь его товарищей оделись и пошли к выходу, приглашая следовать за собой: — Позор оставаться у станков!

За ними вышла вся мастерская. А два дня спустя, 31 октября, забастовали и другие мастерские.

Великой классовой солидарности, умелому применению острого оружия политической стачки и демонстрации учила путиловцев партия

большевиков. Она учила их этому на опыте боевых маев, экономических стачек, протестов против расстрелов, на опыте думской избирательной кампании. В жестоких и упорных классовых схватках прошел двенадцатый год. Путиловский завод дал 75 тысяч стачечников. Каждый путиловец бастовал в течение этого года не менее шести раз, из них четыре раза по политическим причинам.

В день 9 января нового, 1913 года с обеда все рабочие — дневная смена, 10 800 человек — организованно покинули завод, отметив политической стачкой память жертв «Кровавого воскресенья».

Во время стачки произошло незначительное, казалось, событие, которое дало толчок к новой забастовке. В этот день один из подручных заводского смотрителя — их называли хожальми — Петр Яковлев затащил рабочего Франца Сафронаса в сторожку у морских ворот и избил его, а когда Сафронас попытался дать сдачи, показал ему револьвер:

— Убью и отвечать не буду...

В сторожке находились двое околоточных, дежуривших по случаю забастовки. Они вполне одобрили действия Яковлева. Сафронаса отправили в участок и выпустили только к вечеру, но весть об избии рабочего распространилась по мастерским. 12 января в «Правде» появилась заметка об избии Сафронаса, а еще через день пушечная и некоторые другие мастерские начали «итальянку» с требованием уволить хожалого Яковлева. Это был протест против всех вообще толчков и тычков, применявшихся хожальми в обращении с рабочими.

Когда в понедельник 14 января начались волнения в пушечной и в инструментальной, новый директор завода Бринк вызвал своего помощника Чебышева:

— Вы знаете, что завод стоит? Идите, узнайте, в чем дело.

— При чем тут я? — возразил Чебышев, который боялся столкновений с рабочими. — Я — техник. Рабочим нужен полномочный администратор, то есть именно вы, Антон Францевич. Вам надо идти.

— Ах, я новый человек, — говорил Бринк, переходя на упрямый тон. — Меня не знают. Сходите вы. Пожалуйста.

Чебышев отправился в пушечную. Первый попавшийся ему рабочий на прямо поставленный вопрос — будет ли работать, наотрез отказался, ссылаясь на других. Чебышев понял это как знак согласия работать. Двое рабочих из пушечной пошли с ним в малую сборочную, чтобы присутствовать при разборе дела. В малой сборочной Чебышев спросил:

— Кто пострадавший?

Вышел рабочий в ушастой шапке. Фамилии его не спросили, и осталось невыясненным, был ли это Сафронас, или какой-нибудь другой рабочий, имевший столкновение с другим хожальным.

Чебышев спросил его, почему он своевременно не пошел в больницу. Рабочий промолчал, но из толпы сказали:

— Дурак он был бы, если бы пошел. Его бы записали....

— Вы говорите, — сказал Чебышев, — что вас ударили зубилом по голове. У вас должны быть следы от побоев. Снимите шапку, покажите их.

Из толпы крикнули, что дело было пять дней тому назад. Рабочий отказался снять шапку. Чебышев протянул руку, чтобы самому снять ее, рабочий отскочил и сказал угрожающе:

— Ну, ну!

Чебышев вернулся в пушечную. Пушечная продолжала стоять. Он сказал:

— Братцы! Дело не чисто. Пострадавший не хочет снимать шапки. Приступайте к работе!

— Все чисто! — крикнули из толпы. — Не будем работать, пока не сменят Яковлева! Долой палачей, избивателей, шпионов!..

Из пушечной Чебышев позвонил Бринку.

— Ну, как? — спросил Бринк упавшим голосом.

— Им нужен не хожалый, — сказал Чебышев, — им лишь бы будоражить народ. Все равно чем...

В этот день до обеда «итальянители» две с половиной тысячи рабочих; после обеда — еще шесть тысяч. На следующий день «итальянители» почти весь завод. «Итальянка» была трудным видом забастовки. Она требовала выдержки. Во многих цехах легче было один раз сломить сопротивление умеренных рабочих и вывести цех наружу, чем уговаривать сидеть без дела у станков.

В лафетной меньшевик Баранов в принципе не возражал против забастовки, но находил, что бастовать начали слишком часто и по несолидным поводам: Сафронас лопился в завод, скандалил, и если из-за каждого рабочего, которого попридержали хожалые, начинать забастовки, то нехватит и дней в году.

Баранова не послушали. Мастерская продолжала «итальянку». Пушечная держалась твердо и, несмотря на то что перед самым обедом кое-кто начал работать, с полудня снова стала. В литейной соблюдали видимость работы: формовщики копались в земле, но делали «глухари», то есть набрасывали в опоку землю как попало, покрывали другой опокой, ставили литник. Мастер при проходе видел, что люди работают, а проверить, ваформована ли опока, было не в его привычках. В жолобе вагранки горела растопка, но вагранка не была завалена. Перед уходом растопку гасили, а «глухари» раскидывали также быстро, как и делали их.

В цехах распространялась большевистская листовка за подписью районного комитета. Листовка разъясняла, что борьба с издевательствами и грубостью такое же важное дело, как и борьба за хлеб и свободу. Печатали листовку Павел Богданов и Василий Савинов. Котельщик Павел Богданов, писавший ее, имел уже к тому времени некоторый литературный опыт: одна из его статей была напечатана в «Правде».

После обеда 15 января все цеха, «итальянившие» утром, не были пропущены в завод. Пропустили только четыре тысячи человек, но из них две с половиной тысячи через некоторое время ушли.

Каждый день забастовки приносил хозяевам большие убытки. Проще всего было уступить рабочим и убрать хожалого Яковлева, но путиловские хозяева не хотели уступить и в мелочи, ибо это противоречило бы политике общества заводчиков и фабрикантов.

Петербургские капиталисты, объединенные в общество заводчиков и фабрикантов, перешли в это время в контрнаступление против поднимающегося стачечного движения. Локауты, массовые расчеты, угрозы безработицей стали излюбленными средствами их расправы с рабочими. Фабриканты заключили между собой конвенцию (соглашение) действовать сообща, одинаковыми средствами и ни в коем случае не выполнять требований рабочих. Если же окажется необходимым удовлетворить часть требований

забастовщиков, то выполнить это лишь впоследствии, когда сама забастовка будет разгромлена.

Директор Путиловского завода Бринк последовательно проводил линию общества заводчиков и фабрикантов. Он хотел внести раскол в среду путиловских забастовщиков — создать ядро, враждебное забастовке. Семнадцати мастерским завода он объявил локаут. Остальные восемнадцать мастерских он не закрыл, но в объявлении о локауте было сказано, что в виду общей производственной связи мастерских и они будут закрыты, если оставленные на заводе не воздействуют на своих товарищей.

На эту угрозу Путиловская верфь ответила забастовкой солидарности. Директор верфи по указке правления последовал примеру администрации старого завода и объявил расчет своим рабочим на 16 января.

Закрытие половины цехов вызвало в рабочей массе тревогу. Еще была жива в памяти путиловцев безработица прошлых лет, когда люди изголодались и распродали все — вплоть до сапог и жениных платьев. Прежде всего встревожились женщины. Тревогу увеличивало закрытие кредита в потребиловке. Был также пущен слух, что все срочные заказы переданы на другие заводы и завод будет закрыт на долгое время. На самом деле возможности передать заказы на другие заводы у путиловского правления не было. «Правда» напечатала извещение, что заказы Путиловского завода объявлены под бойкотом, а практика двенадцатого года показала, что этот бойкот вполне действителен.

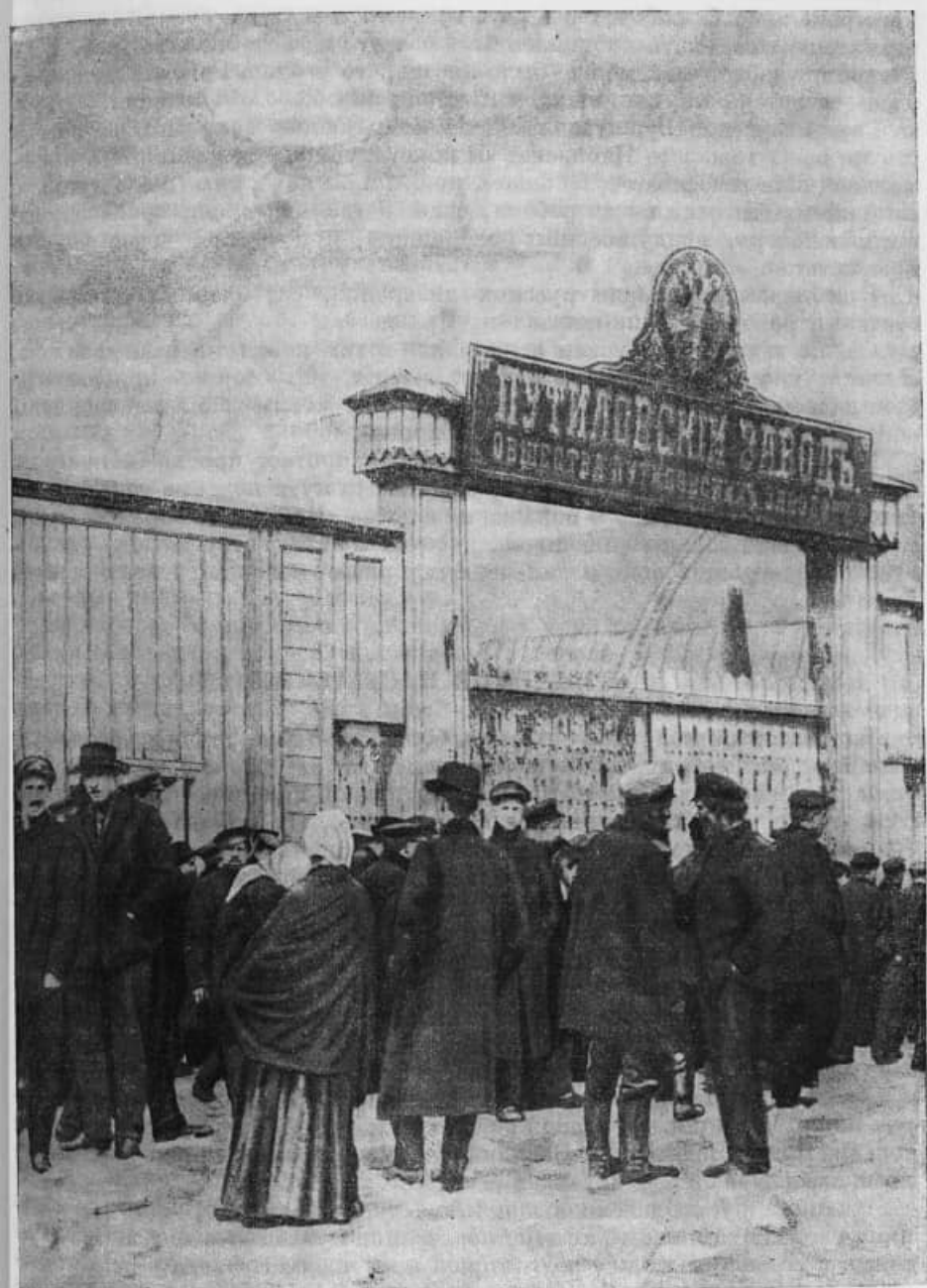
Объявляя локаут большей части рабочих завода, правление рассчитывало на психологическое действие. Многие поколеблются, затем всплывут на поверхность умеренные и стариковские элементы, которые оживают при всякой затянувшейся забастовке. С их помощью забастовка будет ликвидирована. И на этот раз путиловским хозяевам их маневр удался.

Утром 16 января в заводпустили только 1770 человек, но оказалось, что не для всех есть работа. Из производственного процесса выпало несколько крупных звеньев — это остановило и другие мастерские. Тигельная с обеда была отпущена. Баковая мастерская имела работу, но ушла демонстративно из солидарности с рассчитанными.

Под конец дня в заводпустили старших из закрытых мастерских сдать работ. Их действия были подготовлены. Работ они не сдавали, но устроили в модельной мастерской собрание в присутствии полиции и пяти начальников мастерских. Собрание продолжалось полчаса и приняло резолюцию: послать делегатов в правление с повинной и просить снова открыть завод. В выборах делегатов участвовало не более ста человек. Председательствовал рабочий пушечной мастерской, бывший гапоновский поэт Шувалов. В правлении делегатов принял Данилевский, который соглашался открыть завод в том случае, если делегаты пообещают ему не бастовать и не слушаться бунтовщиков.

Охранка, со своей стороны, приняла меры к тому, чтобы открытие завода прошло гладко. В ночь на 17 января и в следующие ночи обыскивали и арестовывали около восьмидесяти путиловских рабочих, которых агентура считала главарями. Арестованы были: Адриан Иванов, Иван Дмитриевич Иванов из пушечной и другие большевики.

Арест восьмидесяти человек не мог не ослабить на некоторое время забастовочного подъема. Открытие завода и возобновление работ прошли без инцидентов. Перед открытием было вывешено следующее объявление: «Настоящим объявляется для сведения рабочих завода, что, только идя

У ворот Путиловского завода

навстречу просьбе рабочих и веря в искренность их намерений, признаю возможным отменить объявленный расчет и возобновить работы... Разгромив забастовку, можно было писать, что угодно. Рабочие, даже и не очень сознательные, понимали, чего стоят подобные объявления.

Газета русской буржуазии «Речь» сокрушенно замечала по поводу стачки из-за хожалого Яковлева: «В конституционных условиях... в нормальной политической обстановке... не были бы потери (из-за путиловской стачки) десятки тысяч рабочих дней в такой отрасли производства, которая теперь, ввиду внешних осложнений, приобретает чрезвычайную важность».

Разоблачая лицемерие русских либералов, озабоченных массовыми стачками рабочих, Ленин писал в «Правде»:

«Точка зрения буржуазии ясна. «Мы» хотим политики империализма, захвата чужих земель. «Нам» мешают стачки. «Мы» теряем прибавочную стоимость за «потерянные» рабочие дни. «Мы» хотим такой же «нормальной» эксплуатации рабочих, как в Европе».¹

Путиловская забастовка, возникшая как протест против бесправного положения рабочих, потерпела поражение. На пути подъема революционного движения было много поражений и побед. Но каждое поражение, как и победа, еще больше сплачивали рабочие массы, которые под руководством большевиков шли к дальнейшему развертыванию революционной борьбы.

НАСТУПЛЕНИЕ МАСТЕРСКИХ

Еще в первой половине 1912 года большевистские группы преодолели разобщенность между собой и тем самым и разобщенность между цехами Путиловского завода. Во второй половине года заводские большевики создали районную организацию. На заводах Тильманса, Лангеншипена и других, на текстильных фабриках, на мелких предприятиях района осели выброшенные с Путиловского большевики. Не порывая связи с заводом, они создавали крепкую организацию за Нарвской заставой. Они связывались с Московским, Невским и Выборгским районами и в нужный момент, обычно после провала Петербургского комитета, выделяли новых руководителей движения в Петербурге и заново воссоздавали Петербургский комитет большевиков. Этот факт был отмечен на Кроковском совещании ЦК РСДРП, и как радостную весть сообщала о нем Надежда Константиновна Крупская в письме в провинцию.

Арест восьмидесяти путиловцев в январе 1913 года был сильным ударом по организации. Из членов районного комитета большевиков уцелели только Павел Богданов и Василий Савинов. Организация снова оказалась разобщенной.

Районные руководители ослабили партийную работу. Вместо воссоздания руководства и восстановления связей, они увлеклись текущими событиями и всецело занялись подготовкой выступления завода в день годовщины ленинского расстрела. Они полагали, что укрепление организации произойдет автоматически в процессе общезаводской стачки, так же как это произошло в начале 1912 года. Но они не поняли новой обстановки:

¹ Ленин, Сочинения, т. XVI, стр. 291.

стремительность движения, быстрое назревание одного события вслед за другим требовали удесятенного внимания и крепкого руководства.

Этой оплошностью немедленно воспользовались ликвидаторы. Меншевик Родичев в лафетной, Рубцов в чугунной, Пометов в пушечной и другие — в один голос выступили против стачки:

— Забастовочная энергия нам еще пригодится. Нельзя тратить ее на воспоминания.

Меньшевикам возражали, что довод свой о преждевременной трате сил они выдвигают при всякой забастовке, и неизвестно, когда же, наконец, наступит та забастовка, для которой они согласятся израсходовать свою «столь ценную забастовочную энергию». Тем не менее, активная агитация меньшевиков, не получив сокрушительного отпора из-за разрозненности большевистских групп, оказала свое влияние.

4 апреля 1913 года забастовали лишь шесть мастерских: лафетная, пушечная, башенная, корабельная, механическая, инструментальная. С утра ушло 525 человек, после обеда — еще 1540 человек. Другие цеха — кузницу, вагонные, паровозные, литейные, прокатку — вывести не удалось.

Учтя ошибки прошлого, большевистский районный комитет пополнил свой состав представителями цеховых групп. Установка была дана четкая: поднимать отдельные отсталые слои рабочих на экономическую борьбу. Связь между цехами была восстановлена, «техника» налажена, доставка «Правды» вновь стала регулярной.

В апреле большевики организовали три крупные экономические стачки. Стаечная полоса, начавшаяся в апреле, была отмечена настойчивостью и упорством бастующих. Стачки маляров, молотобойцев и кочегаров длительностью своей превзошли все предыдущие экономические стачки, а поэтому они были в центре внимания заводской большевистской организации, всего коллектива путиловцев и газеты «Правда».

Первой произошла стачка молотобойцев.

Молотобойцы в кузнице представляли наиболее обойденную категорию рабочих. Молотобоец получал от кузнеца-старшего третью копейку, две трети заработка шли кузнецу. Часть молотобойцев работала не со штуки, а «по цеху», то есть по цеховой поденной плате, и их положение было еще хуже. Заработок такого молотобойца не поднимался выше семидесяти пяти копеек в день. Если кузнец не выходил на работу, молотобоец вообще ничего не получал и шел на так называемую «биржу» — бродил по цеху в ожидании работы. Известное число молотобойцев всегда было свободно. Их могли взять и не взять. Система оплаты создавала рознь между кузнецами и молотобойцами, причем особое положение занимали старые кузнецы, которые хорошо зарабатывали и имели по несколько молотобойцев.

В костыльном отделении работало много учеников-нагревательщиков, нередко моложе пятнадцати лет, но с прибавленными в паспорте годами. Они вырабатывали тридцать пять — сорок копеек в день и терпели еще больше молотобойцев. В кузнице было всегда много молодежи, которая из-за низкой оплаты и вынужденных прогулов всегда готова была подняться на стачку.

Забастовка молотобойцев началась 19 апреля. Требования были выработаны заранее. В кладовушке в обеденный перерыв собрались машинист Григорий Иванов, пресовщики Александров и Островский. Это была

большевистская группа в кузнице, взявшая руководство стачкой молотобойцев.

Забастовка в кузнице начиналась с тех горнов, которые были ближе к выходу — со стороны главного заводского прохода и со стороны вагонных мастерских. Один молотобоец бросил молот и торжественно сел; другой не взял молота, хотя нагретое изделие лежало на наковальне; третий попросту ушел подальше и в нужный момент не оказался на месте. Ручные молоты стали замолкать один за другим. Кузнецу без молотобойца нечего делать; постепенно остановились и кузнецы. Машинисты малых паровых молотов и прессовщики тоже сложили руки. Остановились и «плясуны», которые работали на молотах с ножным приводом. Мастерская затихла, во горны горели как всегда. Из-за копоти не было видно, что происходило по углам.

У кузнецов бездействие первоначально было вынужденным. Большинство кузнецов, сами вчерашние молотобойцы, не делали попыток помешать забастовке, ибо понимали справедливость требований молотобойцев. Лишь некоторые «старые заветы» сопротивлялись забастовке, заставляли молотобойцев работать, ругали их, пытались делать мелкую работу сами, соединяясь попарно — один за молотобойца, другой за кузнеца.

Начальник цеха Д. М. Прекс прошел между горами:

— Вы почему не работаете?

— Да вот, те стоят...

Он к тем:

— Вы почему стоите?

— Да вот, эти не работают...

Потом вышел молотобоец, заранее приготовившийся к тому, что его уволят, протянул листок с требованиями.

— Какие могут быть прибавки, — сказал Прекс, прочитав листок. — Не от меня зависит. Работайте...

Прекс дослуживал в заводе последний год, сильно пил, в мастерскую приходил навеселе. При общезаводских забастовках Прекс, как и некоторые другие начальники, держался пассивно, но экономическая стачка для начальника отдельной мастерской была личной неприятностью. Политическая стачка охватывала весь завод, отдельный начальник цеха терялся в общей массе, не считая себя лично затронутым. Экономическая забастовка затрагивала именно его, Прекса, введенные им порядки, установленные им расценки. Кроме того, цех выходил из строя на много дней, выполнение заказов затягивалось, начальнику цеха грозили неприятности со стороны высшего начальства.

— Мы рассмотрим ваши пожелания, — однотонно говорил Прекс. — На это понадобится время. А пока — работайте.

Он побыл еще немного в мастерской, но так как никто не принимался работать, пошел в контору:

— Дело ясное: молоточек на замочек, а рабочих за ворота.

К концу дня в мастерскую явился помощник директора «по рабочему вопросу» — он же главный бухгалтер — Иогансон. Он действовал кротостью, обещал улучшить положение тех молотобойцев, которые «не выбивали» тарифа, обещал рассмотреть требования и через неделю дать ответ. На его вопрос — соглашаются ли молотобойцы ждать мирно этого ответа и работать, кто-то из толпы ответил, что будут ждать и работать.

На другой день растопщики разожгли горны и нефтяные печи, рабочие

Кузнечная мастерская

пришли в мастерскую, но работать опять не стали, потребовав немедленного ответа на вчерашнее требование. Ответа не было. Молотобойцы, а вслед за ними машинисты, «плясуны» и кузнецы ушли из мастерской. В проходную дали знать, чтобы их выпустили. Последними ушли из мастерской «старые заветы» с таким видом, чтобы начальство видело, что они не сами уходят: они бы и рады работать, да вот мальчишки бунтуют, и приходится подчиняться насилию.

Еще день-два по утрам разжигали печи, рабочие приходили и уходили. В мастерской появились объявления: сначала укоризненные (нехорошо: ведь вы согласились ждать ответа, а не подождали), потом предупредительные о расчете, потом о самом расчете и закрытии мастерской на неопределенное время.

«Неопределенное время» означало не больше двух недель. Начальство рассчитывало, что за это время рабочий успеет проесть весь свой прежний заработок и станет покладистым: чтобы получить кредит в потребиловке, он должен будет стать на работу.

Большевистская группа кузницы через «Правду» организовала помощь молотобойцам. При посредстве «Правды» и думской социал-демократической фракции рабочий класс развил тогда товарищескую помощь в невиданных раньше размерах. Однако число бастующих, локаутированных, высланных за этот период было так велико, что помощь не покрывала нужды.

Получив расчет и сдав номерок, рабочий уже не мог приходить в мастерскую. Он приходил к воротам, где через две недели после начала стачки было вывешено объявление: «Требуются кузнецы, молотобойцы, машинисты при молотах, прессовщики и подручные. Бывшие рабочие кузнечной

мастерской, в случае их принятия на работу, будут допущены к работам без медицинского освидетельствования и прочих формальностей».

У ворот рабочий видел свежую деревенскую силу. Голод и безземелье гнали народ в город сильнее, чем прежде. Новые пришельцы давили на молотобойцев, потому что могли предложить те же мускулы, что были и у забастовщиков. Мастерская открылась на пятнадцатый день после начала забастовки. На словах было обещано прибавить на цеховой оклад по пять копеек, выдать рукавицы, передники, машинистам — прибавить на пуд.

К первому дню записалось около половины рабочих. В проходной стоял отметчик, смотрел в список. Рабочий называл свой старый номер. Одним отметчик говорил:

— Проходи...

Другим:

— Тебя в списке нет.

Это значило, что смотритель Чача дал распоряжение не принимать этого рабочего. Из костыльной много молодежи не было взято. Полный штат набрали после возобновления работ. Обещанных прибавок молотобойцы не дождались.

Первомайская демонстрация 1913 года вызвала новые экономические стачки путиловцев. На этот раз стачки были упорны и длительны и дали более положительный результат, чем стачка молотобойцев.

1 мая в 1913 году происходило в условиях нового натиска масс на самодержавие и буржуазию.

«Уже за несколько недель до первого мая правительство точно потеряло голову, а господа фабриканты вели себя как совсем безголовые люди. Аресты и обыски подняли, казалось, вверх дном все рабочие кварталы столицы. Провинция не отставала от центра. Фабриканты метались, собирая совещания, вынося противоречивые лозунги, то грозя расправой и локаутами, то уступая наперед и соглашаясь закрыть заводы, — то подстрекая правительство к зверствам, то упрекая правительство и призывая его к внесению первого мая в число «табельных» дней.

Но, как ни усердствовала жандармерия, как ни «чистила» она фабричные предместья, как ни хватала направо-налево по последним из своих «списков подозрительных», — ничто не помогло. Рабочие смеялись над бессильной злобой царской шайки и класса капиталистов, иронизировали над грозными и жалкими «объявлениями» градоначальника, писали и пускали по рукам — или передавали из уст в уста — сатирические стишки и добывали, точно из-под земли, новые и новые пригоршни маленьких, плохо изданных, коротких и простых, но вразумительных «листочков» с призывами к стачке и к демонстрации, с напоминанием старых, неурезанных, революционных лозунгов социал-демократии, которая руководила в пятом году первым натиском масс на самодержавие и на монархию».¹

Из путиловцев арестовали всех рабочих, которые по агентурным данным охранки могли быть будущими руководителями первомайской стачки. В их числе были: Антон Митревич, Василий Савинов и Павел Богданов. Антон Митревич, к этому времени вернувшийся на Путиловский завод, был членом общегородского первомайского стачечного комитета.

Был арестован также и Родион Золотцев из лафето-снарядной. Хваст-

¹ Ленин, Сочинения, т. XVI, стр. 484—485.

ливый, шумный Золотцев ходил накануне между станками, подмигивал, покрывал, громко говорил:

— Наша лафетная не выдаст, не подкачает.

Он обращал на себя внимание, и люди сторонились его: слишком шумлив, любопытен, должно быть не просто. Подозрения в провокации Золотцева усилились. Ему говорили:

— Ты бы лучше отошел от организации. А то в охране таких, как ты, легко делают провокаторами.

На самом деле Золотцев уже был провокатором и предал не одного революционера. Охранка арестовала его заодно с другими путиловцами, чтобы отвести от своего агента подозрения. Из тюрьмы Золотцева вскоре выпустили. В секретном донесении о нем говорилось: «Освобожден без дальнейших для него последствий».

Несмотря на аресты и провокации, подготовка к дню 1 мая не прекращалась, и городской забастовочный комитет был создан. Листовки вышли за подписью Петербургского комитета большевиков. Путиловские рабочие нашли связи с Первомайским комитетом и распространили его листки.

1 мая стал весь завод. С пением революционных песен, с тремя красными флагами вышли путиловцы на Петергофское шоссе. Боевые знамя пушечников — знамя 1905 года — вновь реяло над торжественной колонной. Демонстрация была спаяна и дисциплинирована. В этом явно чувствовалась большевистская организованность. Первоначально полиция не решалась рассеять демонстрантов. Конные полицейские, пешие городовые следовали по сторонам и позади мощной колонны путиловцев, как бы охраняя шествие. Но потом, дав рабочим отойти на значительное расстояние, полиция перегруппировалась, как для настоящего боя, и ударила по главному ядру, в центре которого развевалось три красных полотнища. Демонстранты были отеснены в боковые улицы, шестьдесят рабочих задержаны. Знамя 1905 года удалось отбить от полиции. После обеда, переодевшись, путиловцы группами направились на Невский — на общегородскую демонстрацию.

После 1 мая, как бы по традиции, на Путиловском заводе одна за другой вспыхнули экономические забастовки. Стала крупная бригада в железнодорожном цеху. «Итальянили» на верфи. В июне поднялись сталепрокатчики, котельщики, угольщики, медники. На заводе впервые самостоятельно забастовали ученики — нагревальщики заклепок. Застрельщиками забастовок мальчиков были ученики с верфи. Вслед за ними объявили стачку подростки из котельной. В течение четырех месяцев, начиная с апреля, мальчики бастовали шесть раз.

Самой крупной и длительной после 1 мая была стачка кочегаров. К стачке кочегары готовились давно. 26 апреля они подали главному механику завода требования: увеличить заработок, ввести восьмичасовой рабочий день и улучшить условия их труда. Заявление о требованиях заканчивалось так: «Господин начальник, если вы отнесетесь так холодно, то работы будут прекращены с 2 мая. Мы на работу не станем, пока не удовлетворите нашей просьбы, которая изложена на сей бумаге».

Для того чтобы выступить, кочегарам надо было объединиться — они были разбросаны по всему заводу: сорок человек в прессовой, двадцать — в центральной электрической станции, столько же — в лафето-снарядной, шесть — в вагонных мастерских и т. д. В административном отношении их объединяла так называемая «испытательная станция», которая

заведывала почти всеми котлами на заводе. Только в прокатных мастерских и в тигельной паровые машины работали независимо от испытательной станции. Кочегары, обслуживавшие их, не имели связи с теми, которые предъявили требования. Это, конечно, ограничивало размах забастовки. Но в самой большой мастерской на заводе, пушечной, были свои котлы только для отопления, энергию же пушечная получала от центральной электрической станции и, таким образом, целиком зависела от нее. При остановке станции прекращалась подача воздуха по всему заводу. Прессовая и кузнца, требовавшие пар в наибольшем количестве, зависели от нее, так же как лафетная, вагонная, паровозные мастерские. Кочегары центральной станции, предъявляя требования, имели основания говорить, что их забастовка отразится на работе всего завода:

— Мы завод остановим...

На другой день после первомайской забастовки, когда завод еще жил воспоминаниями вчерашнего дня, кочегары справились у главного механика об ответе на их требования. Ответа не было. Старшой из центральной кочегарки Каспар Дзюдзик, собиравший подписи под заявлением, снова бежал к кочегарке и всюду говорил:

— Раз требования не удовлетворены, будем бастовать. Посматривай на мою трубу...

К концу смены он бежал к кочегарке еще раз:

— Гаси топки, травя пар.

Пар стал садиться, как только прекратилась подброска топлива. Кочегары в дальних кочегарках смотрели на трубы центральной станции и прессовой мастерской. Когда трубы перестали дымить, кочегары в вагонной и на новой электрической станции погасили топки. Лесообделка, где топили деревом, смотрела на вагонную кочегарку и тоже остановилась. Ночная смена явилась в кочегарку и, не приступив к работе, ушла. Уходя с завода, кочегары видели, что их забастовка уже отразилась на всем заводе: мастерские без пара и энергии остановились.

Утром кочегары собрались на Лаутровом поле обсудить положение. Там, после 1 мая, еще дежурили казаки; они разгоняли собирающихся кучками рабочих. Кочегары перешли в Поташов лес, на Резерв. Отсюда виднелись заводские трубы, и каждый кочегар среди многих труб легко находил свою. Трубы дымили слабо и бестолково. Кочегары пересчитали всех, кто пришел на собрание, прибавили тех, кто не пришел, но о ком было известно, что он не на работе, — налицо были почти все девяносто пять кочегаров и углевозов испытательной станции. Удивлялись, что не присутствует на собрании Каспар Дзюдзик. Он вел себя так решительно перед забастовкой, и в нем многие кочегары готовы были видеть своего вожака.

Немного позже выяснилось, что именно Каспар продался сразу и еще с ночи пошел на завод растапливать центральную кочегарку. Он и прежде был близок черной сотне, и когда его привели к начальству, пугнувшись ответственностью за остановку артиллерийских цехов, пообещали сто рублей и казенную квартиру — он сдался.

Центральная кочегарка задымилась первой. Квартиру Каспару предоставили немедленно, чтобы он мог сидеть на заводе и не выходить за ворота. В помощь ему нагнали в кочегарку чернорабочих из строительного цеха, предлагая им на выбор: тройное жалованье или расчет. Где работали двое, там поставили пятерых. Они валили уголь без толку, жгли колосники. В паровозной кочегарке начальник цеха Лебедев сам стал за кочегара,

а пожарных заставлял возить уголь. В кочегарках, кроме чернорабочих, работали мастера, конторщики.

— Они им сожгут котлы, — говорили кочегары, не сомневаясь, что на мастерах и чернорабочих кочегарке долго не продержаться.

«Правда» печатала заметки о ходе забастовки и объявила места кочегаров под бойкотом. Штрейкбрехеров кое-где в мастерских поколачивали.

Кочегары ждали, когда в дело вмешается весь завод. Машинист Семенов, работавший у насосов в прессовой кочегарке и бастовавший вместе со всеми, считался у кочегаров более грамотным. Он пошел искать профессиональный союз, но союз официально в это время уже не существовал и не имел квартиры. Кочегары продолжали собираться, проверяя друг друга и удовлетворяясь тем, что все они в сборе и держатся артельно. За десять дней от артели отстали только двое. В первое время после расчета у кочегаров были деньги. Они приходили в лес с водкой и закуской, пользуясь возможностью отдохнуть хотя бы во время забастовки.

На десятый день стачки кочегары увидели, что продержаться долго они не смогут. Поддержки со стороны не было. Завод худо ли, хорошо ли ворочался без них. Штрейкбрехеры постепенно привыкали к делу. Начальник испытательной станции выдерживал твердую линию:

— Я лучше съем пуд поташного мыла, а кочегарам не уступлю.

Кочегарам пришлось явиться в проходную. Как вновь поступающие они прошли фильтровку. Кое-кого не приняли. Встреча с Каспаром Дзюдиным была не ласковой — его избили. В отместку Каспар выдал полиции зачинщиков забастовки. Трех кочегаров, в том числе брата Каспара, Ивана, посадили в тюрьму. Условия остались прежние, но впоследствии была введена премия за экономию угля. Наступательная забастовка, хотя и проигранная, все же заставила администрацию считаться с рабочими и поставила предел ухудшению условий труда кочегаров.

На другом конце завода в те же предмайские дни, когда кончилась стачка молотобойцев и назревала забастовка кочегаров, вспыхнула стачка маляров вагонного отдела.

Маляры — веселый народ. Они часто и охотно повторяли старую поговорку о себе: «Что нам, малярам? День работам, два гулям». Хороший маляр зарабатывал в день рубля два — два с половиной, но при сниженных расценках этот заработок добывался ценой усиленных сверхурочных. Вагонный отдел выпускал по триста вагонов в месяц. Маляры работали «вечера» (до 8 часов вечера), «полночи» (до 10 часов) и «ночи» (до 12 часов), которые соответственно рассчитывались за четверть дня, за полдня, за целый день. По вечерам специальный человек следил, чтобы сонный маляр не сжег вагона: работая на стелюге, маляр светил себе сам — на картуз сверху накладывал груды замазки и в нее ставил свечку. По воскресеньям специально приходили работать «на лак». Закрывали цех, чтобы никто не ходил, — пыль могла погубить лакировку.

Из воскресений, из четвертушек, из половинок накапливалось 35—45 рабочих дней в месяц. Единственной возможностью отдыха у маляров был запой: тогда с рабочего нечего спрашивать. Очень досаждали малярам доделки и поправки вагонов, уже стоявших на станции. За доделки платили «по цеху». Работа эта считалась убыточной, и давали ее в виде наказания. Неделями, месяцами маляры не вылезали из своей измазанной красками одежды.

Все чаще поговаривали маляры о стачке, хотя работали разбросанно

12/VI 88 9 р 04 к
 от рад. Ново-Саратовской
 окрестности Путиловского
 завода
 Баст. Маляр. и столяр.
 Путиловского завода
 Казначей
 С. Д. Фракция. Муром

Квитанция большевистской фракции Государственной
 думы о приеме денег в пользу бастующих путиловских
 маляров

тиловцы. С членов союза Травников начал подготовку стачки. Со свойственной ему торопливостью и напористостью бегал по большим, гулким вагонным сараям и собирал маляров на совещания для выработки требований. Он обеспечил стачку маляров поддержкой соседних цехов, в первую голову цехов вагонного отдела. Наконец выработали требования: повышение расценок на тридцать процентов, отмена сверхурочных, оплата переделок и поправок, вежливое обращение, устройство умывальников, достаточное снабжение инструментом, тряпками, мылом и т. д.

Забастовку начали 24 апреля в расчете, что летом маляры смогут иметь побочную работу на постройках. Двумя неделями безработицы тогда их не сломишь.

В ответ на стачку всему наличному составу — ста пятидесяти шести малярам — 27 апреля был объявлен расчет. На завод им уже не было доступа. Почти каждый день собирались они в лесу или по квартирам и узнавали о положении дел в заводе.

Места маляров были объявлены под бойкотом.

Столяры собирали деньги для маляров у себя и по другим цехам, следили за появлением штрейкбрехеров. Подрядчик Жуков привел восемь маляров на окраску артиллерийских повозок; они проработали полдня, узнали от столяров, что места под бойкотом, и ушли. Маляры-паровозники приняли за повышенную плату заказ на окраску затворов. «Правда» опубликовала этот факт и напомнила, что вагонные маляры, уходя, объявили заказ под бойкотом. Выполнение заказа стало тормозиться.

и не знали, с чего начать стачку. Им нужен был свой вожак, руководитель, но они еще его не вырастили. На помощь малярам пришел подвижный столяр Иван Травников, работавший по соседству с ними в вагоностоллярной. Большевистская организация поручила ему организовать маляров на стачку. Травников был искушенный в политике человек. Прошел школу ученика-подростка в кустарных мастерских, был не раз бит и бастовал еще мальчиком у кустара. В 1912 году он связался с социал-демократической организацией, стал большевиком и активным работником союза деревообделочников. В союз входили, помимо модельщиков и столяров, и некоторые маляры-пу-

«Правда» писала штрейкбрехерам: «Помните, что для предпринимателя вы хороши только до тех пор, пока вы ему нужны. Потом он вас выбросит, и вы придете к нам же, кого вы теперь предаете».

Паровозные маляры бросили окраску вагонов.

Иван Травников следил, чтобы на их месте не появились новые штрейкбрехеры. Администрация бесновалась — задерживался выпуск уже готовых вагонов, нарушались сроки доставки их заказчикам, останавливался весь вагонный отдел, и остановка его приносила большие убытки.

Мастер Сергеев проездом через Вологду разыскал маляров местных железнодорожных мастерских и предложил им ехать в Петербург на Путиловский завод. Вологодские маляры опубликовали этот факт в «Правде» и прислали деньги в пользу путиловских товарищей. Деньги приходили из разных мест: из Риги от рабочих Русско-Балтийского вагоностроительного завода, от рабочих «Артура Кошеля» из-за Московской заставы; поступали через «Правду» и через социал-демократическую думскую фракцию. Деньги, собранные для маляров в новомартеновской мастерской на том же Путиловском заводе, шли не прямо к малярам, которых сборщик не знал в лицо, а в думскую фракцию. Из пятерок и десятков скапливались суммы, которые потом сразу передавались по назначению.

Подрядчики изо дня в день водили на завод маляров с построек. Они в большинстве случаев не годились для вагонной работы. Часть оставалась. Этим штрейкбрехерам никак не могли поймать стачечные пикеты. Пытались встречать их у главных ворот, у ворот, выходивших в деревню Волинкину, ждали их у тракторов. Но штрейкбрехеры прятались от пикетчиков, переодевались в чистую одежду или выходили через боковые калитки. Штрейкбрехеров было мало. На окраску классных вагонов, где нужны маляры-каретники, администрация никого не нашла. Когда понадобилось срочно покрасить короба для снарядов, восемь мастеров и помощников, вместе с начальником вагонного отдела Л. В. Саблиным, проработали две ночи. Им же пришлось лакировать классные вагоны. Ночью лакировка выглядела хорошо, утром оказалась никуда негодной.

Бастующие маляры подрабатывали на постройках, на ремонте квартир. При отсутствии работы — получали пособие из денег, собранных в цехах и присланных через «Правду». Они могли продержаться несколько месяцев. На заводе между тем забастовка маляров скоро привела к остановке смежных производств. Некрашенный вагон нельзя сдавать, он зря загромождает место; новый вагон тоже нельзя собрать полностью, потому что шпунт грунтуют еще до сборки, а некоторые части собирают после окраски. Некрашенные и незаконченные вагоны заполнили цех. Сборщики не собирают — столярам нечего делать. К 8 июня в вагонном отделе не работали 199 плотников и слесарей, 91 столяр, 12 обойщиков и т. д. Забастовка маляров начала приносить добавочные убытки. За вынужденный прогул плотникам, столярам, слесарям надо было платить. При определении размера этой платы возникали конфликты. Администрации поневоле пришлось принять посредничество союза деревообделочников, вопреки обычной политике — не признавать профессиональных союзов.

Путиловское начальство заговорило о закрытии всего вагонного отдела. Цель этого маневра была — натравить две с половиной тысячи вагонщиков на полторы сотни маляров. На самом деле закрытие отдела было невыгодно. Правление предпочло перебиваться работой случайных штрейкбрехеров.

Стачка маляров продолжалась третий месяц. Администрация не сдавалась. Не сдавались и маляры.

Затянувшаяся забастовка вызвала задержки в выпуске продукции в таких цехах, которые как будто не имели отношения к вагонам. Оправдываясь перед Главным артиллерийским управлением в задержке выпуска орудий, правление в числе прочих причин сослалось на забастовку вагонных маляров. Грубая обозная работа могла быть частично выполнена штрейкбрехерами, но окраска пушек требовала специалистов. Несвоевременная сдача орудий вызвала перебои в снабжении деньгами — артиллерийские заказы кормили завод. И когда маляры, учитывая близость осени и конец ремонтов, начали переговоры, администрация оказалась стоворчивой. Все бастовавшие рабочие были приняты обратно, расценки подняты, принят и пункт об оплате поправок.

Победа маляров, достигнутая при сочувствии всего рабочего коллектива путиловцев, при помощи «Правды» и при поддержке рабочих не только Петербурга, но и провинции, еще раз показала рабочим силу пролетарской организованности и выдержки.

СТРАХОВАЯ КАМПАНИЯ

Во всех цехах Путиловского завода летом 1912 года почти одновременно заговорили о больных, об инвалидах, об увечьях.

Такое неожиданное повышение интереса рабочих к этим вопросам было вызвано тем, что «Правда» повела широкую кампанию по разъяснению рабочим сущности страхового законопроекта, принятого Государственной думой. «Правда» предупреждала рабочих о необходимости готовиться к тому, чтобы выжать из этого убогого царского закона все, что он может дать рабочим. Одновременно большевистская газета разоблачала поспешность, с которой царские бюрократы продвигали этот закон. «Они полагают, — писала «Правда», — что страхование сыграет роль масла, выливаемого на взбаламученное море».

Вся история страхового закона, шесть лет блуждавшего по законодательным инстанциям, убеждала рабочих, что с правительством можно говорить, только взяв его за глотку. Первые проекты этого закона возникли после 1905 года, когда революционные волны подымались еще высоко. Назначение законопроекта было — успокоить рабочих, отыгаться на полууступках. Когда же революционное движение пошло на убыль, уступки стали излишни, законопроект на годы замерз в комиссиях. В 1911 году появились грозные признаки революционного подъема. Закон был разморожен и приведен в движение с прежней целью: отыгаться на полууступках и успокоить рабочих. Закон был грубой издевкой над требованиями рабочих. Организуемые по закону больничные кассы охватывали незначительную часть рабочих России. Устанавливая нищенский размер пособия по болезни, закон перекладывал все бремя по страхованию на самих рабочих. Больничные кассы ставились под перекрестный надзор чиновников, полиции и хозяев.

Из номера в номер на страницах «Правды» появлялись статьи о страховании, обличительные заметки об условиях труда, о несчастных случаях, о хронических и профессиональных болезнях рабочих, о жестокой эксплуатации рабочих и сквернейших санитарно-гигиенических условиях

в мастерских. Позже, с введением в действие страхового закона, «Правда» ввела специальный отдел «Страхование рабочих».

Все это подняло огромный интерес рабочих к страховому вопросу и заставило их осмыслить и понять, какими варварскими методами выколачивают из них капиталисты прибавочную стоимость. То, что раньше принималось с болью и горечью, но как неизбежное зло, — теперь вызывало открытую ненависть к капиталистам — хозяевам.

В мартеновской, где шли такие разговоры, всегда маячил высокий худощавый Яков Аристов. Он был не речист, но во-время и к месту вставленная им фраза обращала к нему обожженные лица мартеновцев. Яков Аристов в сотый раз заговаривал о пропавшем Малахее. Это был исключительный случай.

— Где Малахей? — спрашивали рабочие. — Нет Малахея.

День нет, другой, третий. Вдруг увидели — ноги торчат. Малахея прихлопнуло изложницей в десять тонн. Как он попал под нее, осталось неизвестным. Но все знали, что в этой загроможденной мартеновской мастерской, похожей на свалку стали, кирпича и скрапа, немудрено пропасть человеку.

25 июля 1912 года в пушечной из-за плохих санитарно-гигиенических условий вспыхнула забастовка. Пушечная давала наибольший процент заболеваний туберкулезом.

«Правда» поместила заметку под заголовком «Туберкулезная фабрика»:

«На улице акционеров Путиловского завода в последнее время царил праздничное настроение. На бирже в гору шли акции. А на заводе каждый день рабочие создавали все новые пушки, и новые горы золота плыли в сундуки капиталистов.

Но вместе с пушками здесь вырабатывалась и коховская туберкулезная палочка. Пушки менялись на золото, а туберкулезная палочка оставалась собственностью рабочих.

Остановились рабочие и объявили войну коховской палочке».¹

Два дня длилась стачка. Заводуправление обязалось немедленно установить вентиляторы, распорядилось выбить несколько стекол. Позже поставили четыре вентилятора, но они оказались поставленными для виду и не способны были очистить пыльный воздух мастерской.

Ежедневно у завода собирались десятки инвалидов: хромых, безруких, одноглазых, совершенно слепых, чахоточных, паралитиков. Они прослышали о новом законе и возмущении путиловцев и приходили к заводу за советом, за помощью, за сочувствием. У каждого из них была бумага — прошение, и они требовали пропуска в контору, чтобы отдать прошение администрации. Сторожа гнали их от ворот, но они не уходили. Старцы, помнившие самого Николая Ивановича Путилова, старухи-вдовы, нищенки, инвалиды-калеки, изможденные, хронически больные, выползали на улицу. Часами стояли они у завода, ожидали знакомых, совали им прошения, прося передать по начальству. Заботливые люди давали им рабочие номера. Маскируя свою убогость, инвалиды пробирались в завод. Они приходили в родные мастерские, со злобой и отчаянием смотрели на станки, приводы и машины, которые превратили их в ненужных, лишних людей, обрекли на нищенство и смерть под забором. Они бередили старые раны путиловцев, еще больше возбуждали разговоры о болезнях,

¹ «Правда» № 78, 31 июля 1912 г.

тревожили тени погибших, раздавленных, сожженных товарищей — и просили помощи.

Тревога охватила завод. Здоровые рабочие больше всего говорили об увечьях и несчастных случаях. Их страшил перспектива инвалидности. Болезни они еще надеялись выдержать, но от несчастного случая спасения не было. Туберкулезные мечтали о воздухе, о том, что хорошо было бы заработать на пару рублей побольше, — молоком и маслом, говорят, можно забить чахотку. Если бы не семья, не дети — поехать бы в деревню на месяц, на полгода. Но уезжать нельзя: придется потом снова «чистить орла». Об отпуске, о курорте, о санатории, о профилактическом лечении они и не мечтали, — таких вещей для рабочего и в природе не было ни в одной капиталистической стране.

Внимательнее, чем всегда, относились к калекам путиловцы. Как будто впервые увидели они искалеченных товарищей, друзей. И острее, чем всегда, чем когда бы то ни было, колола мысль: «Вот она, наша доля, наше будущее».

Инвалидность ничем не обеспечивалась. Ничем не обеспечивались также и старость, сиротство, безработица, беременность, роды. Старик-рабочий, вырастивший сына, доживал свой век при нем или, если не потерял связи с деревней, уезжал умирать туда. Для тех, кто не имел ни детей в городе, ни угла в деревне, трудовая жизнь оканчивалась нищенством или, в лучшем случае, богадельней. Богадельня была при заводе на три-четыре десятка стариков. Попасть в нее можно было, лишь отдав всю жизнь заводу и не потеряв при этом хорошего расположения начальства. Но часто не помогала и аттестация. Богадельня была постоянно заполнена, и одному старику надо было ждать смерти другого, чтобы получить там койку.

Дважды в день проходили мимо завода стриженные, одетые в платья с чужого плеча, забитые, запуганные дети.

— Приютские, — говорили о них с участием.

Путиловцы совали им копеечные конфеты, баранки, куски булки. Дети, пугливо озираясь, прятали подарки.

На углу Богомоловской существовал «приют-ясли», один на весь Нарвский район. В нем находилось до семидесяти детей, «сирот и полусирот». Приют существовал в порядке дамской благотворительности. Путиловские дамы, жены администраторов, вносили пожертвования и ежегодные взносы по одному рублю двадцать копеек. Из годовых отчетов видно, что пожертвования делались по правилу: «на тебе, боже, что мне не гоже» — и сильно смахивали на издевательство и насмешки:

«От А. В. Тугариновой: 4 шляпы мужских, 1 дамская шляпа, 2 блюда (1 деревянное, 1 папачное), 3 пары дамских перчаток, 6 пар детских перчаток, $\frac{3}{4}$ фунта ваты, корзиночка игрушек, $2\frac{1}{4}$ фунта тряпок, 17 бутылок больших, 12 бутылок мелких, 1 чугунная вещь, журнал «Здравое слово», ноты.

От Л. Д. Прекс: 2 пуда 18 фунтов газет.

От В. М. Бернштейн: 70 каменных яиц.

От В. К.: 10 штук яиц, 9 билетов в кинематограф.

От г-жи А-вой: 2 теплых пальто, 1 капот, 3 кофейника, 18 фунтов газет, 2 зонтика, 1 мячик, 3 пары детских туфель, 1 утюг и т. д.»¹

¹ Отчет общества детского приюта за Нарвскими воротами за 1913 год, изд. общества, СПб, 1914, стр. 17—24.

«Добрые» чувства к приютским соединялись с откровенным желанием очистить квартиру от хлама. Вся затея с приютом имела целью поддерживать иллюзию, что добрые бары заботятся о рабочих сиротах. Ту же цель преследовало устройство родильного дома, оборудованного путилевскими благотворительницами. В 1912 году он пропустил 1319 роженец. Дом был открыт шесть лет назад из расчета 300 роженец в год и, следовательно, был невероятно перегружен. Доктор, обслуживавший «родилку», доказывал, что там «все смешано в кучу». Строгая изоляция невозможна, а существующая — вносит большой «дух угнетения».

Эти благотворительные учреждения — богадельня, приют, родильный дом — ничего кроме злобы и ненависти к угнетателям не вызывали. Тем не менее, дамы-патронессы в своих отчетах с удовлетворением отмечали, что наплыв в приют-ясли настолько велик, что приходится многим отказывать в приеме. И обращаясь «ко всем добрым людям не пожалеть рубля двадцати копеек в год, которые пойдут на доброе дело призрения малышей», дамы вынуждены были признать ужасающую «бедность местного населения при страшно растущей дороговизне жизни».

За Нарвской появились и другие благотворители. «Попечительство» о бедных детях возглавлял полковник, граф Татищев. На склоне лет своих граф проникся жалостью к оборванным детишкам рабочих. Он выпустил воззвание под заглавием: «Малютки-страдальцы, или как возникло общество попечения о брошенных и бедных детях за Нарвской заставой». В воззвании сообщалось:

«В Ушаковской земской школе, вмещающей до шестисот школьников, случаи обмороков детей от голода и полного истощения сделались постоянным явлением, и оказывается, что многим из них по возвращении домой совершенно нечего есть или приходится питаться кусочками и подающими, собранными братишками и сестренками.

Число таких несчастных очень велико; только в двух небольших улицах насчитано тридцать вдов, имеющих по три-четыре ребенка.

Все чаще стали повторяться случаи, что совсем бездомные или брошенные дети, благодаря сердечности г. пристава нашего (Петергофского) участка Д. П. Войко и его помощника, находили кров и пищу в полицейском участке. В начале октября 1912 года в участке накопилось 18 таких несчастных малюток».

Бездомные дети месяцами жили в участках вместе с арестованными, ворами, проститутками, присутствуя при кровавых оргиях, учиняемых полицейскими. Они питались подающими арестованных, спали на полу в камерах-клоповниках, а при удаче — под столами в канцелярии.

Василий Орлов, всю жизнь мечтавший поднять прокатку и сделать ее боевой мастерской, еще год назад приводил в цех Сергея Бодалева. Бодалев проработал в цеху десять лет, а затем почти ежедневно в течение трех лет прокатчики видели у ворот завода высохшего старика, хотя Бодалеву было только около сорока лет. Теперь Василий Орлов снова приводил бывших рабочих прокатной, стариков и инвалидов, в том числе и Сергея Бодалева. В кругу старых и молодых прокатчиков Бодалев вновь рассказывал повесть о своей жизни.

Все цеха обошла история несчастного случая с Иваном Мейкшаном, которому на работе выбило глаз. За увечье, полученное в 1908 году, ему установили пенсию в два рубля тридцать шесть копеек в месяц. По иску Мейкшана суд отказал ему в повышении пенсии и постановил взыскать

с него девяносто два рубля судебных издержек. Спустя четыре года после увечья он все еще был в долгу. На его прошении карандашом был сделан подсчет:

с него	92 руб.
ему $2,36 \times 36$	84 руб. 96 коп.
итого с него	7 руб. 04 коп. ¹

Таких случаев каждый путиловец знал немало.

На совещании Нарвского районного комитета большевики решили использовать страховую кампанию и поднявшееся в цехах движение для революционной пропаганды. Больничная касса и страховые органы, как указывала Пражская конференция, должны быть превращены в новую базу для легальной партийной работы среди пролетарских масс.

По закону, в совет по делам страхования при министерстве торговли и промышленности входили пять рабочих представителей и десять их заместителей по выбору правлений больничных касс, которых еще не было. Как же избрать представителей? Провести на предприятиях специальные выборы в совет? Это означало — собрания, агитацию, объединение рабочих различных предприятий, — то, чего правительство боялось и избегало всеми способами. Министр С. Тимашев вышел из затруднения: чтобы обеспечить видимость рабочего представительства, он назначил представителей по своему усмотрению из списка бывших уполномоченных по выборам в IV думу. Министр хотел отобрать благонадежных, с полицейской точки зрения, рабочих, но из всех уполномоченных ему удалось отобрать одного монархиста, одного кадета, семерых беспартийных; остальных пришлось взять из числа социал-демократов, так как среди уполномоченных от рабочих больше не находилось ни кадетов, ни беспартийных. От путиловцев министр назначил Василия Орлова и Ивана Козлова. За несколько дней до начала работы Страхового совета, в ноябре 1912 года, всем им были посланы приглашения.

«Правда» предупредила назначенных министром представителей:

«По всем... вопросам чиновники и промышленники толковались, представители промышленников успели подготовиться и явятся в совет уже с готовыми решениями, а на приглашенных «представителей» рабочих все эти вопросы свалятся, как снег на голову, и они вынуждены будут молча принимать решения чиновников и промышленников и класть на них «рабочий» штампель».²

На Путиловском, Мало-Охтенской мануфактуре и некоторых других предприятиях, откуда были взяты уполномоченные, состоялся митинг протеста против фальсификации рабочего представительства. Путиловцы приняли следующую резолюцию:

«Мы, рабочие Путиловского завода, в количестве 8000 человек, протестуем против подделки рабочего представительства в совете по делам страхования рабочих.

Представителями рабочих могут быть только свободно выбранные, а не назначенные министерскими канцеляриями, хотя бы и из числа бывших уполномоченных по выборам в 4-ую Госуд. Думу.

¹ ЛОИА, Фонд Путиловского завода, д. № 817.

² «Правда» № 175, 23 ноября 1912 г.

Мы предлагаем приглашенным рабочим, чтобы они отказались от участия в совете по делам страхования рабочих». ¹

На первое заседание Страхового совета 24 ноября из пятнадцати приглашенных рабочих пришли только четверо. Они заявили, что в обсуждении вопросов участия не примут, но послушать — послушают. Затем Путиловский уполномоченный Василий Орлов отказался от звания члена Страхового совета: «... меня рабочие для этой цели не выбрали, и я, следовательно, их доверием в данном случае не могу пользоваться...» ² Такое же заявление прислал и уполномоченный Сестрорецкого завода. Путиловец Иван Яковлевич Козлов побыл на одном заседании городского страхового присутствия, а затем напечатал в «Правде» письмо с отказом от представительства.

Государственная дума 14 декабря обсуждала запрос социал-демократической фракции о преследованиях профессиональных союзов, о фальсификации рабочего представительства в страховых органах, о запрещении лекций и собраний для ознакомления рабочих с новым страховым законом. Запрос был отклонен думским черносотенно-кадетским большинством, зато поддержан извне забастовками и демонстрациями. Однодневная забастовка носила вполне организованный и заранее подготовленный характер.

Забастовку начал Путиловский завод. С утра 14 декабря в десяти мастерских завода бросили работу около шести тысяч рабочих. За Путиловским последовали Невский судостроительный, «Парвиаинен», «Новый Лес-снер» и другие. С обеда к забастовке присоединились шесть тысяч рабочих остальных мастерских Путиловского завода и обе фабрики Максвеля. В этот день и в следующие дни в забастовке участвовало около шестидесяти тысяч человек. Первые шаги правительства в осуществлении нового страхового закона были достойно встречены петербургским пролетариатом.

Правительство спохватилось, что создание больничных касс в этой обстановке может еще более усилить движение рабочих. Организация касс на крупных предприятиях, в том числе и на Путиловском заводе, была отложена почти на целый год.

Осенью 1913 года больничные кассы в Петербурге на многих заводах уже существовали. Дальнейшая затяжка на Путиловском угрожала вызвать новые волнения. К сентябрю директор завода Бринк изготовил устав больничной кассы, который совпадал с уставом, рекомендованным правительством.

По закону, хозяйский устав, выработанный директором, рассматривался специально выбранными уполномоченными от рабочих, а их поправки еще раз обсуждались хозяевами. Бринк имел в виду провести выборы уполномоченных по слепому и немому методу — без обсуждения кандидатур, одним опусканием в ящик записки с фамилией кандидата. Избранным таким порядком уполномоченным он давал трехдневный срок для внесения поправок к уставу.

Вокруг выборов уполномоченных и создания больничной кассы Путиловского завода началась острая борьба. «Правда» сосредоточила свои силы, чтобы на примере Путиловского завода противопоставить хозяевам

¹ «Правда» № 176, 24 ноября 1912 г.

² Там же.

единый рабочий устав больничной кассы. Этот устав предполагалось потом выдвигать на заводах Петербурга и всей России. Первым из болшеви́ков на помощь путиловцам пришел доктор А. Винокуров. Он был санитарным врачом петербургского земства, имел доступ на завод и хорошо знал его санитарное состояние и условия труда в мастерских. В путиловских кругах о нем говорили как о своем рабочем враче, знающем толк в страховых делах. Было известно, что Винокуров дал жестокую отповедь ликвидаторам, когда они пришли вербовать его сотрудником в свой журнал «Страхование рабочих».

Объявление о выборах уполномоченных для рассмотрения устава появилось за два дня до самых выборов. В цехах сейчас же начались выступления против такой скоропалительной процедуры. В одном из цехов выступал Антон Васильев. На стенах рядом с объявлениями о выборах появились вырезки из «Правды» со статьями и заметками о страховании. Делегация от всех мастерских, возглавляемая А. Митревичем, В. Алексеевым и И. Козловым, пошла к Бринку и заявила, что установленный им порядок выборов не годится. Перед выборами должны быть проведены собрания для обсуждения кандидатур. Уполномоченным для рассмотрения устава надо дать не меньше трех недель. Кроме того, необходимы лекции по рабочему страхованию в большом помещении, например в заводском театре, так как рабочие в большинстве не знают самых основ закона.

Бринк в личных разговорах с рабочими был гораздо менее решителен, чем в письменных циркулярах. Он согласился устроить за день до выборов собрания по мастерским. Срок для обсуждения устава уполномоченными был удлинен до двух недель. Пусть уполномоченные собираются хоть каждый день с двух с половиной часов, с оплатой заработка, но обязательно в присутствии полиции или кого-либо из администрации.

— Зачем полиция? — сказали делегаты. — Мы делать бомб не собираемся...

Относительно лекций Бринк сказал, что, конечно, надо бы организовывать лекции, но нет подходящих лекторов.

— Как так нет?! — возразили делегаты. — Лекторов хоть отбавляй: член Государственной думы Бадаев, члены правления союза металлистов, сотрудники «Правды»...

— Это не то, что надо, — сказал Бринк, поморщившись. — Они слишком тенденциозны. Я предлагаю пригласить лектором Литвинова-Фалинского. Против такой лекции я не стану возражать.

Литвинов-Фалинский был видным чиновником министерства торговли и промышленности, руководил проведением страхового закона. Слова Бринка о тенденциозных и нетенденциозных лекторах стали известны в «Правде». «Правда» зло высмеяла это предложение директора Путиловцы-уполномоченные решительно отказались от официальных царских лекторов, заявив, что познакомят рабочих с законом о страховании сами, без помощи творцов и проводников этого ублюдочного закона.

При выборах уполномоченных в некоторых мастерских наметились бойкотистские настроения. Эти настроения вызывались разными причинами. В железопрокатной говорили о том, что до сих пор рабочий, хотя и редко, получал при болезни маленькое пособие, зато сам ничего не платил, а теперь надо платить в кассу две копейки с рубля, — от такой кассы надо отказаться. Эсеры, которые в то время в своей ничтожной группе в несколько человек поговаривали о возобновлении террора и подгото-

вляли покушение на местного пристава, выступали яркими бойкотистами. О кассе они высказывались свысока: кассу надо отвергнуть целиком, потому что она создает у рабочих иллюзию какой-то победы, хотя ничего им не дает. Большевики возражали против бойкота кассы: касса все равно будет открыта, деньги с рабочих будут удерживать, но если рабочие не возьмутся по-настоящему за это дело, хозяева посадят в кассу угодных им людей. Бойкот выборов наруку только хозяевам, которые будут рады, если сознательные рабочие устроятся от выборов.

Из пятидесяти четырех путиловских уполномоченных по разбору устава только трое-четверо причисляли себя к сторонникам ликвидаторской «Новой рабочей газеты». Этим троим-четверым поправки, предлагаемые большевиками (большевиков было человек двенадцать), казались чрезмерными. Они называли их «неосуществимыми в настоящее время прекрасными идеалами далекого будущего». Они много спорили, снижая предлагаемую большевиками норму пособия, заранее приспособляясь к «реальному» хозяйскому уставу, но при голосовании большинство было не у них. Главная масса шла за большевиком Антоном Митревичем, который был выбран в редакционную комиссию, формулировавшую вносимые в устав поправки.

На всех собраниях уполномоченных присутствовал начальник конторы по делам рабочих и служащих Фортунато. Сперва он пытался играть роль председателя, но после многих стычек смирился и ограничился ролью полицейского наблюдателя, а заседание вел выборный от уполномоченных.

Поправки, внесенные в устав уполномоченными, были отредактированы Винокуровым. 28 сентября Митревич передал поправки Бринку, предложил принять основное требование рабочей части о единой больничной кассе. Для этого путиловцы предлагали вступить в переговоры с администрацией других заводов и фабрик. Бринк вежливо ответил делегатам, что их миссия окончена и о дальнейшем они могут не беспокоиться. Делегаты промолчали, но вместо самороспуска, предложенного Бринком, решили продолжать работу. Они объявили себя постоянной группой — районным страховым центром — и установили связь с общегородским центром — страховым отделом газеты «Правда».

Устав больничной кассы, принятый путиловскими уполномоченными, был напечатан в номере 19 «Правды труда» 8 октября 1913 года. «Правда» отвела путиловским делам три газетных страницы. Все статьи хозяйского устава, измененные рабочими, были набраны жирным шрифтом, неизменные — обыкновенным. Каждый читатель мог сразу видеть, где проходит хозяйская линия в страховании и где рабочая.

Печатаемая путиловский устав, «Правда» отметила промах: «Путиловцы не закрепили в уставе наивысшего размера взносов рабочих и приплаты хозяев. Высшие взносы все равно придется установить, поэтому нужно об этом определенно сказать в уставе».

По новому закону с рабочих удерживали в капитал кассы один-два процента с заработной платы, и к этой сумме владелец предприятия приплачивал две трети того, что внесут рабочие. Хозяева хотели, чтобы рабочие платили только один процент, потому что это уменьшало их собственный расход. Между тем касса, при незначительных средствах, давала бы ничтожные пособия и не могла бы развить никакой работы. Большевики считали, что надо платить наивысший процент взносов, не останавливаясь

по призыву уполномоченных, но решили не выступать обособленно от других заводов и подготовить общегородское выступление.

Для бойкотистов отклонение рабочего устава явилось лишним поводом для того, чтобы совершенно не признавать кассы. «Правда» в статье «Кому выгоден бойкот» дала достойный отпор бойкотистам, тактика которых была выгодна только хозяевам и задерживала развертывание пролетарской борьбы.

Объявление о выборах уполномоченных, которым предстояло избрать правление будущей больничной кассы, появилось 29 октября 1913 года — за две недели до самых выборов. За этот промежуток охранка арестовала всех известных ей в Петербурге деятелей большевистского страхового центра, и разъяснительную предвыборную кампанию путиловцам пришлось вести собственными силами.

ЗАВОЕВАНИЕ БОЛЬШИНСТВА

Каждый раз в случае забастовки или волнений на заводах предприниматели присылали в общество заводчиков и фабрикантов бюллетени о положении дел. Бюллетени были стандартные — требовалось только подчеркнуть те строки, которые соответствовали событиям дня: «Без перемен. Все в порядке. Работают спокойно, беспокойно. Требуют сокращения рабочего дня. Предъявили разные требования. Был митинг: с посторонними, без посторонних. Забастовали все. Забастовала часть. Насильственно вводят сокращенный день в . . . часов. Насилие над личностью. Погром имущества. Бунт, столкновения с войсками. Объявлен расчет немедленный. Объявлен расчет через две недели. Завод закрыт. Нами вывешено объявление. Военная охрана прислана, находится в заводе, отослана. Начали работать после . . . дней забастовки» и т. д.

К концу каждого месяца в обществе заводчиков и фабрикантов накапливалось множество таких бюллетеней, и в 1913 году бюллетени без подчеркнутых строк были редки. На крупнейших предприятиях столицы всегда проходили волнения, а на многотысячном Путиловском заводе постоянно какая-нибудь мастерская бастовала, предъявляла требования, митинговала и, во всяком случае, не работала спокойно. Особенно пугали капиталистов политические стачки. Забастовки протеста или солидарности, вызываемые событиями в стране, пугали их не меньше, чем стачки из-за долгого рабочего дня, из-за прибавки или снижения расценок. Политические стачки раз от разу становились все яростней. Временами казалось, что в Петербурге вот-вот вспыхнет всеобщая стачка. Грозный призрак революции вставал за нею. Контрреволюционная русская буржуазия больше всего боялась массового движения, особенно в эти годы, когда царь в союзе с империалистами Антанты готовился к большой захватнической войне.

Русский капитал был тесно связан с англо-французским и находился в прямой зависимости от него. Царизм был резервом западного империализма, его сторожевым псом на востоке Европы и являлся «...агентурой западного империализма для выколачивания с населения сотен миллионов процентов за займы, отпускавшиеся ему в Париже и Лондоне, в Берлине и Брюсселе». ¹

¹ И. Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 10-е, стр. 5.

Выступая день ото дня все решительнее против самодержавия, став перед собой ближайшей задачей свержение самодержавия и уничтожение крепостнических пережитков, пролетариат России тем самым выступал и против мировой империалистической буржуазии.

Русская буржуазия давно уже соединилась с царем в борьбе против рабочего класса. Теперь она пошла на выучку к своим братьям — капиталистам на Западе. Общество заводчиков и фабрикантов решило дополнить царскую систему полицейских репрессий против рабочих тщательно продуманной системой локаутов. За границу выехала делегация заводчиков с целью изучить способы и методы европейской локаутной практики. Капиталистам длительный локаут представлялся универсальным средством — вроде удушливого газа, который проникнет во все мастерские заводов, во все закоулки окраин, в каждое рабочее жилище, принесет с собой голод и смирение, начисто убьет забастовочную бациллу. Капиталисты считали, что рабочий, придя на завод после испытания локаутом, будет тих и кроток: он сто раз подумает, прежде чем снова решится на забастовку.

В механической группе общества заводчиков и фабрикантов локаутное дело возглавлял вице-председатель группы А. А. Бачманов, в прошлом конторщик Путиловского завода. Он был на заводе в памятные дни летнего локаута 1905 года, видел истощенных, голодающих путиловцев и теперь, будучи одним из директоров завода «Лесснер», считал локаут самым действенным средством против забастовок. Бывший конторщик давно научился говорить «мы», «наши задачи», отождествляя себя с капиталистами, хотя на самом деле был только ревностным хозяйским приказчиком и творил волю пославших его — Нобеля и Плотникова. Настоящие хозяева предпочитали оставаться в тени, а на первое место в расправах с рабочими выдвигали своего бездушного и жестокого доверенного.

* В апреле 1913 года рабочие завода «Лесснер» забастовали, требуя увольнения мастера Лауля, который довел рабочего Якова Стронгина до петли. Бачманов отказался выполнить это единственное требование. Лесснеровские хозяева хотели показать другим заводчикам пример выдержки в применении локаута. При одобрении петербургских заводчиков, Бачманов не уступал, хотя стачка длилась уже свыше двух месяцев. Вся пролетарская Россия внимательно следила за борьбой лесснеровцев. Через «Правду» и думскую социал-демократическую фракцию от заводов всей страны шла помощь стачечникам. «Правда» зарегистрировала свыше тысячи коллективных сборов. На Путиловском заводе в одной лафето-снарядной мастерской в две получки собрали 1500 рублей.

Окруженные сочувствием и помощью, лесснеровцы держались стойко. Их стачка приобрела исключительное значение. Было очевидно: борьба идет не между администрацией и рабочими одного завода — борьба идет между классом капиталистов и классом пролетариев. Объединенные одной целью, хозяева выжидают удачного исхода бачмановской затей. Тогда, крыленные успехом, они поведут широкое наступление на рабочих. В этих условиях было особенно необходимо единство действий рабочих масс. Классу эксплуататоров надо было противопоставить единый фронт рабочей солидарности. И было ясно, что одними сборами, приветствиями и бойкотом лесснеровских заказов не сломить жестокого упорства локаутчиков-капиталистов. На заводах рабочие стали подготавливать стачки солидарности с лесснеровцами.

Главным препятствием к созданию единого фронта рабочего движения в Петербурге были ликвидаторы. Все их стремления были направлены к тому, чтобы сорвать подъем революционной волны, направить рабочее движение в русло допустимой царским правительством «легальности». Как никогда резко обострилась борьба большевиков против ликвидаторов на Путиловском заводе. В чугунолитейной меньшевик Рубцов ни за что не соглашался на стачку солидарности с лесснеровцами.

— Я отдаю свой взнос, и этого достаточно, — говорил он. — Я против стачечного азарта, который кой-кому по душе.

— Откупиться полтинником хочешь от рабочего дела? — кричали ему большевики.

— Продаешь братьев буржуям, — нападали на Рубцова рабочие.

И вопреки упорной агитации ликвидатора, чугунолитейная решила бастовать по первому призыву центра.

Старшой по ремонту молотов в кузнице Лобзов был менее откровенен, чем Рубцов. Он не возражал против стачки: если все забастуют, он один в цеху не останется. Но следует учесть, говорил он своей молодежи, что такая «легкомысленная стачка» рабочему классу несет только беды. Капиталисты озлобятся и будут сильнее нажимать.

У токаря В. К. Смирнова из лафето-снарядной был свой конек — авторитеты и цитаты. Он слыл в мастерской грамотным, культурным человеком. И действительно, Смирнов был начетчиком. Он способен был на память пересказать страницы из Потресова, Дана, а в случае нужды выдвигал свою «главную царь-пушку» — Мартова и даже Каутского. В спорах с революционными рабочими ликвидатор Смирнов рассыпался таким ворохом цитат и авторитетов, что буквально топил в них все доводы противника. Его обзывали книжником, фарисеем, но он этим не смущался. Он резко возражал против стачки помощи бастующим лесснеровцам. Откровенный реформист Смирнов проповедывал приспособление к существующему режиму. Он аргументировал Францией, Бельгией. Приводил в пример английскую рабочую партию и говорил, поднимая по-учительски палец:

— Постепенно надо накапливать победу за победой. Куда нам требовать демократическую республику? Нам бы хоть свободу коалиций.

Несмотря на книжность, явно претившую многим рабочим, в мастерской Смирнов пользовался некоторым авторитетом. Чтобы раз навсегда сбить этот авторитет, большевики привели в лафето-снарядную котельщика Павла Богданова. Произошло единоборство, длившееся весь полтора-часовой обеденный перерыв. Человек сорок собралось вокруг спорящих. С любопытством наблюдали лафетчики, как глава их ликвидаторской группы ужом вертелся под прямыми вопросами большевика. Богданов постепенно, шаг за шагом, заставил Смирнова во всеуслышание признать прописные истины ликвидаторства: подпольная политическая партия не нужна, стачки мешают ликвидаторам сожительствовать с царизмом, лозунги 1905 года свое отжили и т. д.

После этих откровенных признаний меньшевика Богданов оборвал спор и без ссылок на сочинения, без щегольства именами и авторитетами рассказал, к чему ведет ликвидаторская программа. Богданов легко возбуждался и горячился, и его волнение передавалось рабочим. В самом деле, разве кровь пролита в 1905 году напрасно? Разве партия, вынесшая на себе революцию и реакцию, должна быть отменена, потому

что кучка ликвидаторов хочет спокойной, приятной жизни при настоящем режиме? Ликвидаторы отказались от рабочей программы. Они заменили лозунг свержения самодержавия куцыми частичными требованиями. Они отказались от социализма и изменили пролетариату. Они стали опасными врагами, тем более опасными, что находятся в рабочей среде.

— К какому режиму они приспособляются, знаете? — обращался к рабочим Павел Богданов. — К тому режиму, который за один 1906 год миллион человек арестантами сделал, многие десятки тысяч лишил жизни.

Споры с ликвидаторами развернулись повсеместно. О них знала охранка, и в своих донесениях агент тайной полиции сообщал: на Путиловском заводе меньшевики выступают против забастовки.

1 июля 1913 года на заводе забастовало четыре тысячи человек в знак солидарности с лессерновцами. В Петербурге бастовало всего двадцать пять тысяч рабочих. Ликвидаторы из газеты «Луч» с удовлетворением отмечали, что стачка не удалась. Они видели в этом дело своих рук и писали, что отказ бастовать является фактом «огромного значения для развития рабочего движения». Неудачу они называли победой рабочих «над самими собою, над стихийным порывом к забастовке». Они пускали в ход все — демагогию, обман, подтасовку фактов; они создавали шум, чтобы отвлечь рабочих от революционной борьбы. На недостаточно активном выступлении рабочих они хотели нажить себе капитал. Но в 1913 году это уже не удавалось. Отовсюду рабочие изгоняли ликвидаторов. На заводе в цеху, на улице, у ворот, у газетного киоска, в очереди за получкой, в нарвском обществе «Образование», во дворе заставского переулочка — достаточно было одной фразы, чтобы загорелся острый и горячий спор о подполье, о стачечной борьбе. Уже не только передовые рабочие, но и рабочие массы были захвачены борьбой, происходившей между большевиками и меньшевиками, между революционной «Правдой» и ликвидаторским «Лучом».

Год назад к разговорам о подполье и ликвидаторах рядовые рабочие не прислушивались с таким вниманием, несмотря на то, что свои симпатии они большей частью отдавали большевикам. Заговоривший об опасности ликвидаторства иногда мог услышать равнодушный ответ:

— Преувеличиваете вы...

Теперь рабочий, участвовавший в ряде стачек, не раз попадавший под казацкую плетку, понявший, что значит бороться в рамках «законности», искренне изумлялся, как можно выступать против подпольной организации. В утверждении, что следует покончить с подпольем, рабочий чувствовал подвох, опасность и отбрасывал ликвидаторов. «Лозунг «снятия с постов» меньшевиков был тогда популярнейшим лозунгом рабочего движения. Страницы «Правды» пестрели сообщениями об изгнании из страховых организаций, больничных касс и профессиональных объединений засевших было там одно время ликвидаторов».¹

На учредительном собрании нарвского районного отдела союза металлистов путиловцы отдали все свои голоса большевикам. Во главе нарвского отдела стали Антон Митревич, Сильвестр Володзько, Дмитрий

¹ И. Сталин, К десятилетию «Правды». Воспоминания, «Правда» № 98, 5 мая 1922 г.

Ланин. Еще до этого, в мае, выборы правления общегородского союза показали преобладающее влияние большевиков в среде петербургских металлистов. Из двадцати пяти членов правления пятнадцать были большевиками и только пять мест получили меньшевики. Остальные пять членов правления были беспартийные, примыкавшие к большевикам.

Во втором нарвском обществе «Образование» борьба была недолгой. На перевыборном собрании члены общества без труда отстранили меньшевика Колышева и других. Председателем был избран большевик.

Влияние большевиков на Путиловском заводе и в Нарвском районе стало почти безраздельным. Ярким выражением этого было увеличившееся распространение «Правды» за Нарвской заставой и укрепление ее связи с массами. Раньше газетчик, стоявший напротив завода, продавал две-три сотни газет за полдня. Теперь еще до начала работы у него расходилось свыше пятисот экземпляров «Правды», а за полдня он продавал иногда свыше тысячи газет, скупая их у окрестных газетчиков, так как своих у него не хватало. Многочисленные сборы по мастерским на покрытие частных штрафов, сыпавшихся на газету, создание кадра рабочих корреспондентов — все это показывало глубокую связь «Правды» с рабочими массами. В одном из писем в газету путиловцы писали: «Читая газету «Правда», в каждом номере ее мы видим, какой интерес питают товарищи рабочие к рабочему органу... Со всех заводов и фабрик, из мелких мастерских группы рабочих, не изменившие старым заветам великого учителя Карла Маркса, шлют свои приветствия газете «Правда», как истинной представительнице рабочих, непоколебимой в своем направлении, всесторонне освещающей правильный путь, по которому должен идти пролетариат к своей конечной цели».¹

Ликвидаторы бесновались. Не считаясь с настроениями масс, они готовились взять реванш в союзе металлистов: в августе предстояли перевыборы правления профессионального союза, в котором они хотя уже не занимали господствующего положения, но были пока еще довольно сильны. На еженедельных собраниях сборщиков и делегатов нарвского отделения ликвидаторы с пеной у рта выступали против большевиков из общегородского и районного правления. Они старались доказать, что молодые, неопытные профессионалисты не могут овладеть сложным искусством рабочего представительства.

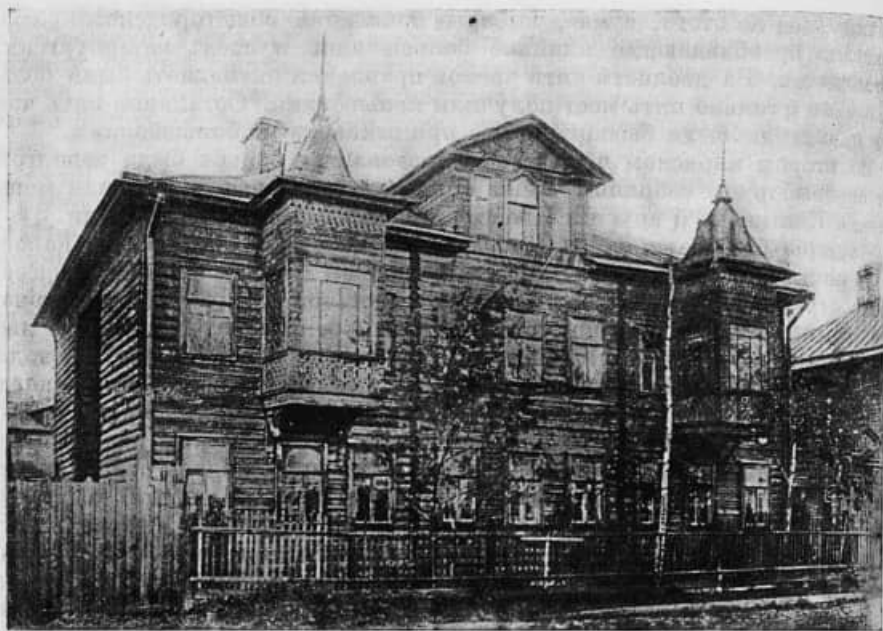
— И поневоле они вместо дела отвлекаются в сторону, — говорил меньшевик Баранов о руководителях союза.

«В сторону» — это значило в политику, в агитацию за неурезанные лозунги, за развертывание классовой борьбы.

— Ишь ты, загнул колесо! — иронически покрикивали Баранову. — Наша «сторона» — настоящее дело, не крохоборство, не постепенщина.

Ликвидаторы не имели успеха в нарвском отделении союза металлистов. Антон Митревич, руководитель профессиональной организации, хоть и не был речист, умел резко отбивать всякие наскоки. Кроме того, у него был хороший помощник Михаил Розенштейн, называвший себя меньшевиком-партийцем. Порывистый и резкий, Розенштейн не терпел ликвидаторов и шел за большевиками, не возражая против стачек, митингов и политической работы в союзе.

¹ «Правда» № 14, 18 января 1913 г.

Дом, где помещалось красное отделение союза металлистов — Волочная ул., дом № 23

Подготавливая свой список кандидатов для общегородского переносного собрания металлистов, «Луч» вынужден был согласиться с кандидатурами большевиков — Митревича, Володзько и Орлова, выдвинутыми на районном собрании уполномоченных и делегатов профессионального союза.

Общегородское собрание металлистов состоялось в воскресенье 25 августа 1913 года, в помещении скетинг-ринга на Каменноостровском проспекте. День был дождливый. Скетинг-ринг долго не открывали, и трехтысячная толпа, пришедшая со всех концов Петербурга, целый час мокла под дождем. Никто не уходил. Наоборот, чем ближе подходил десятый час — начало собрания, тем гуще становилась толпа. Наконец, с большим опозданием двери открылись, и рабочие хлынули в зал. Стульев было не больше двухсот на три с лишним тысячи собравшихся. Путиловцы держались группой — человек двадцать пять — тридцать. Они сумели захватить несколько столов, которые стояли у стен зала, расположились на этих столах и в продолжение всего собрания поочередно менялись местами со стоявшими. Митревич несколько раз протискивался сквозь толпу в президиум, возвращался к путиловцам и сообщал им свежие новости. Котельщик Дмитрий Ланин, небольшого роста, в шляпе, с отогнутых краев которой изредка стекала застоявшаяся дождевая капля, ерошил подстриженную бородку. Ему не стоялось на месте. Он успел, потолкавшись в толпе, узнать, что против большевиков из старого правления ведется интрига — плетутся слухи: люди неработоспособные, ни уха, ни рыла не понимают в профессиональном деле, больше средств сами проели, а забастовщикам дали гроши. Одному из распространителей этих слухов Ланин заявил:

— Твой поступок хуже всякой подлости. Враки все это. Фракционное вранье.

Доклад правления носил деловой характер: при учреждении союза было 600 членов, теперь 5600. В Нарвском районе было 200 — теперь переваливает за 500. Проведены успешно несколько стачек, необходимо дальнейшее участие в стачечной борьбе на заводах. Цели общества... задачи... работа по журналу «Металлист». С скромный деловой доклад собрание поддержало аплодисментами. Путиловцы хлопали, не жалея рук.

Один за другим выступили двое ликвидаторов. Это они распространяли в зале слухи, и теперь эти слухи они сделали содержанием своих речей: культурно-просветительной работы правление не вело, стачечников не поддерживало. Ликвидаторов не стесняло присутствие полиции. Они кричали, что вместо союзной работы правление занималось политикой и участвовало в политических стачках.

Ликвидаторы распоясались во всю. Они прямо заявляли: правление не соответствует своему назначению, оно не хочет работать так, как того требует «испытанная тактика» профсоюзной работы. Ликвидаторы требовали нейтральности профессиональных союзов, отрыва от подпольной революционной партии, отказа от партийного руководства союзами.

Большевики вначале слушали беснования ликвидаторов спокойно. Даже непоседа Ланин заметил: «Послушаем, пожалуй, что скажут». Но когда с трибуны меньшевики стали выступать прямо против старого правления и открыто отречься от революции, в зале поднялся шум, крики. Стоя во весь рост на столах, рабочие кричали:

— Неверно! Неправда! Клевета!

До глубины души возмущенный, Ланин громко сказал:

— Бывали люди похуже, да не было подлей.

Большевистских ораторов уже не хотели больше слушать, кричали «Долой», гнали с трибуны. Но ликвидаторы упорствовали, повторяя друг друга. Сквозь шум и крики собрания они порочили правление, бросали ложные упреки в бездеятельности, в расколе и лицемерно обвиняли его в стремлении раздробить союз по фракциям вместо борьбы за единство, в то время как сами были злейшими и подлейшими фракционерами и раскольниками. Большевики не оставили камня на камне от их хитрых клеветнических построений. Один из выступавших большевиков говорил:

— Тупую и злостную фракционность обнаруживают те, кто здесь кричит о единстве. Чем они пользуются в своей критике? Подтасовкой фактов и цифр, саморекламой! Они считают себя единственно способными и опытными профессионалистами и забыли, что стали ими благодаря массе. Они перестали ими быть потому, что не выполняют воли масс. Они говорят, что правление надо гнать в шею, говорят так потому, что в них кипит тупая злость людей, которых масса сняла с постов. Они вопиют здесь о единстве, но им никто не верит.

Речи большевиков неоднократно прерывались аплодисментами. Стул, хлопал, аплодировал весь зал. Всем стало очевидным, что главная ставка ликвидаторов — опорочить большевистское правление — потерпела полный крах. Тогда слово к порядку взял бывший член III Государственной думы Кузнецов — тяжелая артиллерия ликвидаторов. С до-

стоинством парламентария и важностью профессора он поднялся на подмостки. Первой фразой его было:

— Я по убеждениям меньшевик.

В ответ раздался хохот. Послышался возглас:

— Еще один! Откуда?

Слово к порядку было взято, чтобы еще раз попытаться развенчать большевиков.

— В профессиональном движении нет политики, нет партийности, — начал Кузнецов.

Его заглушил град возгласов:

— Разве это к порядку?

— Нейтралисты! — громко во весь голос кричал Ланин.

— Кандидаты «Северной Правды» нежелательны данному собранию, — сказал думский оратор.

Опять поднялся шум, свист, крики.

— Какую гарантию могут дать лица, которых никто не знает? — продолжал надрываться Кузнецов.

Крики и протесты приняли угрожающий характер. На сцену взошло человек десять. Они прогнали всех столпившихся там ликвидаторов и подобралась к Кузнецову. Тот закричал:

— Когда в Государственной думе мне не давали говорить, вас это возмущало, а теперь вы делаете то же самое...

— Нет, не то же самое! Только меньшевик может говорить это!

Кузнецову не дали закончить речь. Его оттерли, отодвинули от трибуны, и он уходил со сцены уже не с тем гордым видом, с каким туда поднялся.

Пять часов длилось собрание. Все эти долгие и напряженные часы большая часть присутствовавших, свыше двух тысяч человек, простояла, не присев ни на минуту. Ликвидаторы получили сокрушительный отпор. Из трех тысяч собравшихся едва сто пятьдесят человек голосовали за ликвидаторов. Правление было выбрано по списку «Правды». Из путловцев в правление опять вошли: Митревич, Володзько и Орлов. Ликвидаторы были окончательно изгнаны из союза металлистов.

Ослепленные фракционной ненавистью, меньшевики из «Луча», потерпев полное поражение, стали беззастенчиво и беспринципно поносить союз металлистов. Не зная еще, как будет работать новое правление, как свяжется оно с массами, они открыто возвещали со страниц своей злобной газетки о неприязни к новому руководству союза. Они сравнивали союз с домом, с которого одним порывом вихря была сорвана крыша, из-под которого выдернули фундамент, вытащили стропила.

Антон Митревич, прочитав статью подлейшего лидера ликвидаторов Дана, на одном из совещаний заводских и цеховых делегатов флегматично заметил:

— По совести говоря, им есть о чем волноваться. Из союза их вышибли. Отовсюду снимают с постов. После управителей в батраки им идти не хочется. А они ведь думали, что они и стропила, и балки, и фундамент, и крыша, — все они.

Предложение выступить с протестом против «Луча» и ликвидаторов было отвергнуто. Общее мнение при этом было сформулировано кратко: «Пускай лают. Теперь они не страшные. Масса за нас».

В борьбе с ликвидаторством закалялись молодые кадры путловских

большевиков, вырос и окреп основной пролетарский костяк Путиловского завода.

«Борясь с врагами рабочего класса и их агентами в рабочем движении, партия укрепила свои ряды и расширила свои связи с рабочим классом. Широко используя думскую трибуну для революционной агитации и создав замечательную массовую рабочую газету «Правда», партия воспитала новое поколение революционных рабочих — правдивцев. Этот слой рабочих в годы империалистической войны остался верен знамени интернационализма и пролетарской революции. Он же составлял потом ядро большевистской партии в дни Октябрьской революции в 1917 году».¹

Осенью вернулся из трехлетней ссылки Антон Васильев. Разузнав о событиях в заводе, в районе, в городе за последний год, он сразу же заявил:

— Дело далеко заходит, видать по всему. Теперь такое подняться может, что царю и его приятелям унести только ноги.

Антон быстро нашел товарищей, набрал у них литературу, раздобыл номера «Правды» со статьями Ленина, вошел в курс борьбы с ликвидаторами.

— Всюду у нас должны быть свои люди, — говорил Антон. — Но их мало. Надо нынче готовить их ускоренным порядком. Организация должна быть шире, чем раньше. Упустить что-либо, отдать дело стихии, неорганизованности в такое горячее время нельзя, — это большая опасность. Ликвидаторы могут воспользоваться любым промахом.

Почти в одно время с возвращением Антона Васильева, на Путиловский завод поступил Карл Реймер, молодой эстонец, по специальности обойщик, работавший у кустарей. Карл Реймер был младшим братом Владимира, печатника-большевика. Владимир не допускал младшего брата к партийной работе, говорил ему:

— Ты для матери останешься...

После ареста брата, в сентябре 1913 года, Карл сам стал искать путей в организацию. Он ходил на Рижский проспект во второе общество «Образование», сблизился с путиловцами. Несколько месяцев искал связей и долго не мог их добиться. Он был молод, его знакомства в революционной среде были невелики.

Осенью 1913 года один товарищ привел к нему, на Елизаветинскую, дом № 16, Антона Васильева.

— Вот, Карлуша. Это наш человек. Расскажи ему все. Он тебе поможет.

Антон Васильев пустил в ход свое умение находить связи, и то, чего Карл не мог добиться в течение нескольких месяцев, было сделано в несколько дней. Карл Реймер получил явку к члену Петербургского комитета большевиков Серафиме Дерябиной, в женский медицинский институт. Серафима сказала:

— Первое условие: никаких адресов, никаких записок, все в голове...

Еще позже Серафима посоветовала ему поступить на Путиловский завод, связь с которым после арестов ослабла. Карл поступил в вагонный цех, начал искать людей по всему заводу, создал группу. Его группа стала называться подрайоном.

¹ История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков), Краткий курс. 1938, стр. 153.

От Мещерского к Реймеру перешло три пуда шрифта в плетеной кошелке. Воспользоваться им не сумели. Этот шрифт пригодился позже другим товарищам во время войны. Прокламацию Реймер печатал на обрывке шапирографской ленты, вынесенной с завода. Раз за раз он получил печатные листовки Петербургского комитета через Серафиму, но чаще она давала только рукопись листовки, а печатать ее должен был сам подрайон.

Антон Васильев не мог поступить на завод. Он искал места и долго его не находил. Несколько раз устраивали его выступления перед молодежью на Ильинке — на поляне за заводом, выходившей к морю. Он объяснял, что такое революционер:

— Ты настроен против теперешнего порядка. Тебя мастер обидел, тебя ударил хожалый. В тебе говорит справедливый рабочий гнев. Но ты еще не революционер. Тебе надо учиться. Ты станешь революционером, когда ясно поймешь, на чем основан теперешний гнет, и научишься бороться с ним.

Антон был серьезен, не тороплив, не криклив. Его слушали с почтением. Все знали: он вернулся из ссылки.

Карл Реймер, еще молодой и неопытный, только в октябре ввязался в первую свою горячую схватку с ликвидаторами в связи с расколом думской социал-демократической фракции.

18 октября в «Правде» появилось заявление думских большевиков. Социал-демократическая фракция IV Государственной думы состояла из тринадцати человек: шести большевиков и семи меньшевиков. Пользуясь случайным большинством в один голос, меньшевики пытались навязать большевистской шестерке свою политическую линию. Они лишили большевиков-депутатов возможности выступать в думе с революционными требованиями пролетариата. Осенью 1913 года большевистская шестерка по решению Поронинского совещания ЦК с партийными работниками предъявила семерке ультиматум, в котором условием продолжения совместной работы ставила равенство обеих частей фракции. Меньшевики не уступали. Тогда большевики-депутаты думы, по указанию Ленина, организовали самостоятельную большевистскую «Российскую социал-демократическую рабочую фракцию». Петербургский пролетариат поддержал большевистскую шестерку.

По заводу начался сбор подписей среди рабочих, сочувствующих большевикам. Депутат думы большевик Г. И. Петровский сделал доклад на узком собрании путиловцев о положении дел в социал-демократической фракции и о причинах раскола. Оппонентом Петровского выступил ликвидатор, защищавший борьбу за улучшение экономического положения рабочих и отвергавший большевистские «неурезанные лозунги»:

— Когда говоришь рабочим: боритесь за свержение самодержавия, восьмичасовой рабочий день и конфискацию помещичьих земель, натыкаешься на то, что масса пугается, уходит, не понимает, а когда ведешь агитацию за повседневные нужды, масса не боится, понимает...

— Точно ли масса боится неурезанных лозунгов? — спросил Петровский. Почему же тогда масса почти каждый месяц бастует за эти самые политические лозунги? Откуда это все увеличивающееся число забастовщиков? Откуда такая поддержка большевиков?

Собрание приняло резолюцию, которая была затем напечатана в «Правде»: «Мы, группа организованных марксистов Нарвского района,

в количестве 14 человек, обсудив положение, создавшееся в с.-д. фракции, приветствуем шесть рабочих депутатов как самостоятельную с.-д. фракцию без примеси ликвидаторства. Образовав свою самостоятельную фракцию, вы, товарищи, только исполнили ваш долг, повелевающий вам быть истинными представителями организованного пролетариата. Мы требуем от семи остальных депутатов, если только они не изменят своей политической линии и не объединятся на началах равноправия с «шестеркой», сложения мандатов». ¹

Большевики организовали в обществе «Образование» собрание по поводу раскола социал-демократической фракции. Пришли триста человек, преимущественно путиловцы. Оратор меньшевистской семерки приводил примеры из жизни Запада. Оратора прерывали. Со всех концов неслись реплики и возгласы.

Впервые за свою жизнь выступил Карл Реймер. Он краснел, первые минуты сбивался, но быстро овладел собой:

— Вы путаетесь у нас в ногах, не умеете и не хотите руководить настоящей борьбой, боитесь тюрьмы и каторги. Рабочие и без вас, предателей, справятся.

С нервной дрожью в голосе заговорил ликвидатор Колышев:

— Я, товарищи, категорически возражаю против того, что нас равняют с предателями рабочего дела. Я не позволю свое рабочее имя так позорить!

Колышев потряс кулаком в воздухе.

— Что кулаком трясешь? Правду говорят! — кричали ему в ответ.

Голосование резолюции еще раз показало полный провал меньшевиков. Из трехсот присутствовавших на собрании за меньшевистскую резолюцию голосовало всего восемнадцать человек.

Сбор подписей под заметками, выражавшими доверие шестерке или семерке, в первые же дни по заводу дал значительный перевес в пользу большевиков: верфь — 500 подписей, башенная — 116, лафето-снарядная — 197, котельная — 94, новоснарядная — 70, пушечная — 50. Большевистской шестерке путиловцы дали 1140 подписей, то есть около 20 процентов всех собранных в Петербурге. За меньшевиков на Путиловском заводе подписалось всего 231 человек, в пять раз меньше, чем за большевиков. Во всем Петербурге соотношение подписей было: за большевиков 89 процентов, за меньшевиков 11 процентов. Почти то же происходило во всех промышленных центрах России.

Большинство рабочего класса было прочно завоевано партией большевиков. Теперь в Петербурге большевики руководили всеми открытыми рабочими организациями.

«Победа большевиков в легальных организациях не была и не могла быть случайностью. Она не была случайностью не только потому, что только большевики имели правильную марксистскую теорию, ясную программу и закаленную в боях революционную пролетарскую партию. Она не была случайностью еще потому, что победа большевиков отражала рост революционного подъема». ²

В ноябре, в связи с судебным процессом шести обуховцев, рабочее движение в столице вновь приняло бурный характер. Царское правительство,

¹ «За Правду» № 24, 31 октября 1913 г.

² История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков), Краткий курс, 1938, стр. 152.

отдав под суд стачечников-обуховцев, напоминало рабочим, что за стачку, каковы бы ни были причины ее возникновения (обуховцы забастовали, потребовав вентиляции во вредном закалочноснарядном цеху), оно будет карать беспощадно: стачка есть уголовно наказуемое деяние. Резолюция путиловцев, принятая на одном из общезаводских митингов, говорила, что суд над обуховцами есть «дело не только обуховских рабочих». Путиловцы, как и весь питерский пролетариат, поняли, что в лице шести рабочих на скамью подсудимых посажен весь рабочий класс и что осуждение обуховцев будет сигналом к дальнейшим расправам с забастовщиками.

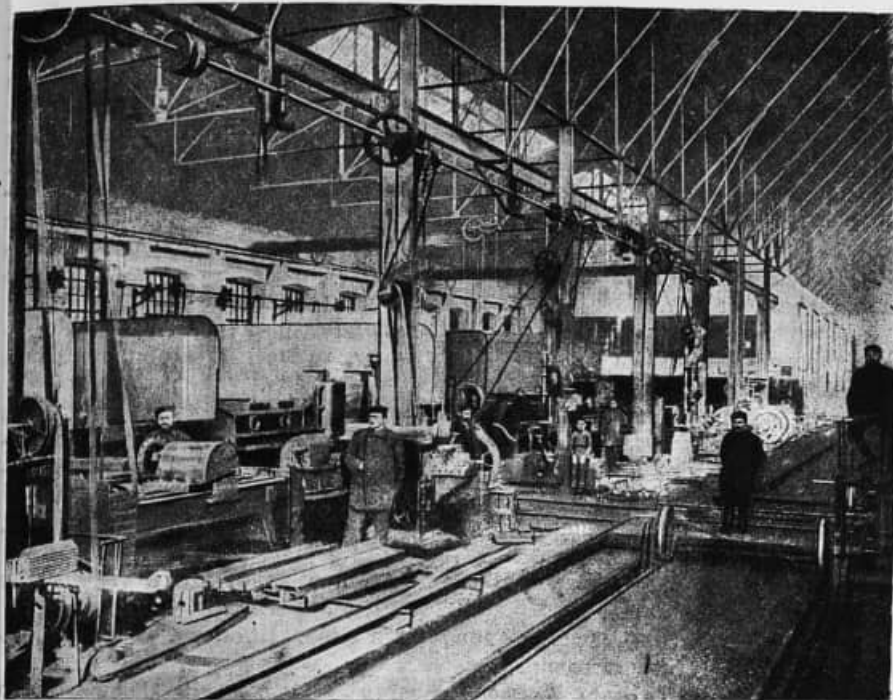
Митинги явились для охраны новым поводом, чтобы обрушиться на путиловскую организацию. Тотчас же после митинга, 6 ноября, были арестованы Антон Митревич, и Василий Мещерский. В ту же ночь был взят Михаил Розенштейн. Вскоре схватили Антона Васильева, который еще не успел обосноваться после ссылки. Антону некуда было девать своего сынишку. Он захватил ребенка с собой; с ребенком его привели в участок и вместе их доставили в Дом предварительного заключения.

В конце года в рождественскую получку на заводе произвели сбор в пользу арестованных путиловцев. В сборе приняли участие все мастера. Даже отсталая мартеновская дала не меньше пушечной. Собрали 874 рубля 55 копеек. Раздавали по десять-двенадцать рублей по списку, в который вошли почти все товарищи, активно работавшие в путиловской партийной организации.

В течение 1913 года организация, насчитывавшая до семидесяти большевиков, потеряла человек пятьдесят. Систематические изъятия охраны по одному, по два, по три человека не производили впечатления разгрома, но действовали не менее губительно. Путиловские большевики в конце концов снова остались без связи с Петербургским комитетом, без районного комитета, без сработавшегося и спаянного актива. Но не прошло много времени, как начали выдвигаться новые партийные организаторы из среды партийной молодежи. На верфи в первый ряд встал электрик Иван Егоров. В башенную поступили три большевика, присланные Петербургским комитетом партии. Наконец, после двухлетнего перерыва снова появился старый знакомец котельщиков — разметчик Георгий Шкапин. Так составилось новое руководящее ядро путиловской большевистской организации, сплотившей в длительной и упорной борьбе вокруг себя всю массу рабочих Путиловского завода.

ГЕОРГИЙ ШКАПИН

Котельный разметчик Георгий Шкапин поступил на завод в августе 1911 года. Десять лет назад он работал в этой же котельной. Эти десять лет Георгий Шкапин непрерывно кочевал из города в город. Он объездил пол-России — от Урала до Одессы и Екатеринослава, скитался несколько лет нелегальным под кличкой «Иоганн», был за границей в эмиграции, дважды сидел в тюрьме и, наконец, в 1907 году, будучи делегирован уральской большевистской организацией на V съезд РСДРП, на пути в Лондон, где происходил съезд, был схвачен жандармами и сослан на три года в Печорский край.

Ботельная жастерская

Придя на завод вторично, Шкапин, оглядевшись, сказал:

— Здесь стоит поработать. Почва богатая.

В котельной Георгий Шкапин снискал себе всеобщую известность и уважение. Мастера и цеховое начальство ценили этого разметчика первой руки, способного самостоятельно произвести разметку любой железной конструкции — котла, понтона для драг, моста для электрического крана. Издали наблюдали они, как Шкапин, молча, часами изучал чертежи и, низко склонясь над стелюгой, вычерчивал эскизы, делал развертки сложных объемных фигур, высчитывал и проверял. Затем неторопливо начинал разметку огромных листов, угольников, балок, швеллеров. Подручные, расставленные им в особом порядке, делали каждый свое дело, и разметка производилась так быстро и точно, что вызывала восхищение сборщиков конструкций:

— С этим разметчиком любо работать.

В обеденные перерывы и до начала работ вокруг Георгия Шкапина собирался народ. Шкапин полюбился сразу за спокойный нрав, за знание всех извилих тяжелой трудовой жизни, за дельные советы, за чудесные рассказы. Даже вечно угрюмые глухари приходили в загроможденную разметочную и, напрягая слух, вникали в его рассказы о жизни народов далекого Севера и о прекрасной северной природе. Неторопливая речь Шкапина причудливо соединяла остроумные украинские поговорки, полновесные образные слова северных народов и неожидан-

ные политические заключения, свойственные человеку, имевшему богатый революционный опыт. Рассказ об экспедиции топографов, в которой он участвовал, будучи в ссылке в Печорском крае, Шкапин заключил неожиданным замечанием:

— Изучал я экономические богатства этого края и по литературе на практике. Мне приходилось читать и наши законы — Горный устав. И должен вам сказать, товарищи: условия, которые там создаются, губят все живое. Погибает тварь, погибают люди, богатства остаются в земле нетронутыми. Промышленность не имеет туда доступа, да и слаба она. Придется, видимо, нам с вами — пролетариату — взяться за дело возрождения края... когда мы с вами будем править...

За чудесные его рассказы о дальних северных народах, за усы, свисающие книзу, за украинскую вышитую рубаху, за меткий и образный язык Георгия Шкапина прозвали: «чудесный инородец».

Всегда ровный, спокойный, Шкапин изменял себе только тогда, когда ему рассказывали о несчастных случаях на заводе. Шкапин сразу менялся в лице, темнел и начинал говорить необычайно быстро, по несколько раз повторяя одну и ту же фразу:

— Вот и кончилась жизнь рабочего человека... Из-за чего, из-за кого?

Его успокаивали:

— Брось, Егор, — это у нас обыкновенное дело. Да и ты, чай, на первый день работаешь.

— Никогда не привыкну, — говорил в ответ Шкапин. — Вы-то хоть знаете, отчего это происходит?

— Как же не знать? Не туда ступил или в неподобающее место руку сунул — машина не ждет, сгрызет.

Шкапин еще больше сердился и долго, неустанно говорил хладнокровным котельщикам о причинах несчастий, об эксплуатации, о длинном рабочем дне. Его слушали, как всегда, охотно, потому что он рассказывал увлекательно, приводил в пример виденное на других заводах и за границей, говорил котельщикам о таких вещах, как рост увечий в связи с длинным рабочим днем, связывал калечение рабочих с их бытовым, правовым положением и т. д. После каждого несчастного случая, свидетелем которого он был, Шкапин долго не мог отделаться от тяжелого впечатления. Он не раз сам себя упрекал за излишнюю чувствительность. Но упреки всегда приходили после вспышек гнева и боли. Эти переживания он передавал в стихах, которые писал, вкладывая в них всю свою любовь к трудящемуся человеку:

Льется пот со всех ручьями,
Грохот, лязг и стонов звон,
Чад парит над головами,
Смерть глядит со всех сторон.

Вихрем вдруг метнулись крики,
Миг один — и все дрожит...
Крик печали, боли, муки...
Кто-то корчится, кричит...

И на крик несут носилки,
Труп убрали, разошлись;
Лишь остались — кровь да жилки,
Да и те уж запеклись.

В этот раз поработать на Путиловском Шкапину пришлось всего три месяца. Он успел найти связь с заводскими большевиками и принял активное участие в организации митинга в защиту осужденных на каторгу депутатов II думы. 16 ноября 1911 года ночью его подняли с постели и повезли в жандармское управление. На допросе той же ночью жандармский офицер кричал:

— Да признайся же ты, что принадлежишь к шайке, именуемой «молодыми эсерами»!

— Я никогда не сочувствовал народническому течению во всех его видах, — отвечал Шкапин, — как рабочий я сочувствовал марксистскому течению. За это я уже отсидел достаточно и последний раз три года провел в ссылке. Чего вам еще надо?

Этапным порядком Шкапина отправили в Екатеринбург. Его обвинили по делу екатеринбургской социал-демократической организации и продержали в тюрьме в ожидании суда ровно два года. Осенью 1913 года Шкапин в числе других большевиков был предан суду, но за недоказанностью «преступления» был оправдан и в третий раз приехал в Петербург.

В день приезда Шкапин направился в «Правду», чтобы разыскать знакомых большевиков и получить явку. Он пришел к вечеру, когда в редакцию со всех концов Питера стекался рабочий люд с заметками, корреспонденциями, жалобами. Шкапин поразился: как много людей проходит через это скромное помещение, и первая мысль, которая пришла ему в голову была:

«Да это штаб, а не редакция!»

Вот откуда-то быстро выходит юноша. Не останавливаясь, бросает он ожидающим его товарищам:

— Пошли обратно на завод.

Все они поспешно выходят на улицу. Очевидно, им дано указание оповестить, предупредить кого-либо или раздобыть новые материалы.

Вот робко проходит сутулый старичок. В полувытянутой руке у него заветная бумага. Вероятно, так же робко не раз подходил он к начальству с прошениями. Его ловит на ходу подвижной парень:

— Тебе чего, отец?

Старик протягивает бумагу. Парень окидывает ее взглядом сверху вниз и похлопывает старика по плечу:

— По страховому делу? Пойдем.

Входит четверка рабочих, по виду кузнецы. Они шумны, веселы, задорны и громко говорят:

— Уж потомству о нем память будет!

Они принесли, вероятно, заметку о прижимщике-мастере.

Перед Шкапиным мелькают десятки лиц.

— Вот оно, неопровержимое свидетельство нового подъема: оживленные лица, бумажки, исписанные рабочими руками, газета, создающаяся рабочими. А за всем этим стоит огромная пролетарская масса, возбужденная, грозная боевая сила.

Совсем недавно, два месяца назад, больной, без всякой помощи, он лежал в жару, растянувшись на тюремной койке, и не надеясь выйти из тюрьмы живым, записал в своей тетради:

Сражался я храбро, мой след не сотрется,
Другие по нем уж смелее пойдут.
И чье-нибудь сердце отрадной забьется,
Увидя разрушенный вражий редут...

А теперь, свободный и здоровый, он стоит, как зачарованный, и смеет трит на друзей и братьев, которые приходят сюда, в большевистский штаб, за советом, помощью, за явкой — за тем же, что нужно было ему.

В редакции Шкапин встретил знакомого уральца. Тот дал ему фамилии нескольких правдистов-путиловцев. В течение двух дней Шкапин обошел десяток людей, и когда было установлено, что его знают как подпольщика, он, наконец, получил явку на Путиловский завод. В первые же недели Шкапин показал себя. Не было на заводе более сведущего человека по вопросам страхования, чем он. Не было большевика, более тесно связанного со страховым отделом «Правды», чем Шкапин. И он сразу стал в центре всей борьбы за путиловскую больничную кассу.

Еще в екатеринбургской тюрьме непостижимыми для тюремщиков путями он доставал брошюры по страхованию, читал и продумывал их. Рядом с лирическими стихотворениями, задачами по физике, переводами с немецкого в его тетрадах появлялись цифровые выкладки и записи по прочитанным книгам.

Шкапин стал сотрудником создавшегося в октябре 1913 года большевистского журнала «Вопросы страхования». Он первым на заводе провел сбор в своей башенной мастерской на этот журнал. С собранными пятью рублями пришел в редакцию. И так же как при посещении «Правды», его поразила шумная обстановка в редакции большевистского журнала. Он пришел в рабочее время. Все служащие занимались упаковкой очередной книжки для рассылки по России. Шкапин спросил редактора. Ему указали на рослого белокурого человека, вознившегося в углу с огромным тюком литературы.

Редактор Валов оторвался от работы. На Шкапина глядело светящееся улыбкой открытое лицо.

— С кем имею честь и по какому делу? — официально спросил Валов.

Михаил Иванович Валов был подставным редактором журнала. Таких редакторов называли «зиц-редакторами» — от немецкого слова *sitzen* (сидеть), так как настоящим редактором обычно был активный подпольщик, живший на нелегальном положении. Официально перед судом и полицией отвечал зиц-редактор, которому приходилось нередко отсиживать месяцы и годы в царских тюрьмах. Валов был добродушный и милый человек, преданный большевик. Он так втянулся в работу журнала, так любил его, что приходил каждодневно, хотя мог бы ограничиться посещением редакции раз в две недели для подписи очередного номера журнала. В дни выпуска он возился целыми вечерами с упаковкой, наклеиванием адресов. Интересы журнала стали интересами всей его жизни, и он последовательно вел свою линию: общее рабочее дело — все, а моя личная жизнь — пустяки.

Валов жил одиноко, без семьи, и на вопрос о женитьбе отвечал, что семья будет мешать партийной работе, а он связал себя с партией навсегда. О своем редакторстве Валов говорил с легкой усмешкой:

— Писать я умею в журнале только свою фамилию, зато пишу ее от всей души.

Как ответственный редактор, подпись которого стоит под журналом, он усвоил приемы обращения с официальными представителями власти и с незнакомыми посетителями. Они не подозревали, что этот белокурый гигант-редактор не умеет еще написать статью.

Шкапин ответил Валу, что он путиловец-страховик, принес пять рублей, собранных для журнала, и хотел бы по-деловому связаться с редакцией своего органа.

— А вы уверены, что он ваш орган? — спросил редактор.

— Уверен, — улыбнулся Шкапин и сразу мысленно оценил редактора: «Молодец, видна хватка большевика».

Осторожно, нащупывая друг друга, они, наконец, договорились, узнали, что оба они правдисты, большевики и оба путиловцы; Валу — бывший путиловец.

— Все-таки наш, — уверил его Шкапин. — Кто раз поработал на Путиловском, его не забудет.

В части деловой Шкапин выразил желание, чтобы предстоящие выборы уполномоченных и правления путиловской больничной кассы получили полное освещение в журнале:

— Было бы очень хорошо, если бы сам редактор... если бы вы пришли к нам на завод, а затем написали бы о выборах.

— Какой я писатель, — возразил Валу. — Идем к настоящим писателям. Видал, как я редакторскую работу исполняю? — и он указал на упакованные тюки журналов.

Шкапин догадался:

— Значит, эцц?

— Ясно.

Предвыборная агитация коснулась не всех цехов. Многие из рядовых большевиков считали, что гораздо важнее готовиться к забастовке 9 января, чем к выборам уполномоченных больничной кассы. И это сказалось на выборах. Цифровые итоги показали, что значительная часть путиловских рабочих была плохо подготовлена к выборам. В выборах участвовало меньше половины рабочих (6381), многие из них подали незаполненные или неправильно составленные бюллетени. В механических мастерских процент участвовавших в выборах был сравнительно высок. Равнодушное отношение к кассе очень резко проявилось в чугунолитейной мастерской, где на сто сорок семь бюллетеней годных было только три. «Правда», сообщая об итогах выборов, писала: «Товарищи, чего же вы добьетесь своим поведением? Больничная касса будет открыта даже против вашей воли, но если во главе кассы будут стоять люди слабые, неразвитые, недостаточно стойкие и преданные рабочему делу, то плохо придется самим же вам». Равнодушие и бойкотистские настроения по отношению к больничной кассе, проявившиеся на Путиловском заводе, свидетельствовали, что большевистской организации предстоит еще большая работа для разъяснения задачи борьбы за больничную кассу, за превращение ее в один из легальных центров нелегальной работы.

Через неделю после избрания уполномоченных состоялись выборы правления кассы. Выборы происходили в обстановке яростных наскоков ликвидаторов на большевистскую организацию и на отдельных большевиков.

— Касса — первый шаг в наших страховых завоеваниях, — разъяснял меньшевик Смирнов у себя в цеху. — Мы можем превратить ее в могучее средство рабочего благополучия...

И тут же Смирнов ехидно добавлял:

— Если только неумеренные приверженцы марксистского целого, (то есть большевики) не подведут кассу под замок.

Ликвидаторы не гнушались ничем, чтобы попасть в правление больницы. Они демагогически обвиняли большевиков в бойкотистских настроениях на заводе. Получив отпор, тут же заявляли, что дело в том, кто бойкотист, — дело в том, что большевики все равно отстраняются от практической работы в кассе: им только бы «разводить политическую агитацию».

Ликвидаторов на заводе осталось немного. В ходе борьбы путиловские большевики изолировали их от массы путиловцев. Несколько раз ликвидаторы яростно набрасывались на правление районного союза металлистов, но и там у них ничего не вышло; пробовали пробиться и в культурно-просветительное общество — и здесь их преследовали неудачи. Нигде, несмотря на подлаживание под настроения рабочих, их не удастивали избранием. Ликвидатор — стало бранным словом, оскорблением. Открыто ликвидаторы не могли действовать. Они рядились в разные одежды, попрежнему чаще всего выдавали себя за поборников единства и под этой маской старались прорваться к руководству рабочими организациями.

Меньшевики Смирнов и Донской пришли к Ивану Козлову с разговорами о единстве. Они заявили ему:

— Вы, большевики, выставляете на выборах в правление кассы свой отдельный список. Предлагаем действовать единым списком — ваши половина, нам часть и одно место эсерам.

Иван Козлов прищурился, улыбнулся: «Здорово!» Помолчал, затем спросил, как бы торгуясь:

— Вас двоих, что ли, хватит?

— Нет, поболее, — разом ответили ликвидаторы.

Козлов снова помолчал.

— Это вы прекрасно надумали, — наконец, сказал он. — Только... хоть я и не уполномочен разговаривать по этому поводу, заранее скажу: не выйдет. Давайте лучше померяемся. За кого масса голосовать будет, тому и удача. Зачем вам в темную играть? Может, вы половину мест получите, эсеры — часть, а нам останется одно место. Игра в чистую...

— Так это ваше последнее слово? — вскипел Смирнов.

— Зачем последнее, — невозмутимо спокойно отвечал Козлов. — Я полномочий не имею. Свое мнение высказываю.

— Знаем... свое... — вставил Донской. — Ты там у них заводила...

— Нашли заводилу, — изумился Козлов, — маленький, старенький, еле душа в теле...

Уходя, ликвидаторы пригрозили:

— Ну, погоди, помнишь, не нарадуешься...

На выборном собрании цеховых уполномоченных больницы, происходившем 20 ноября, меньшевики, не надеясь на благоприятный для себя исход, заявили: на первом собрании, дескать, невозможно избрать правление, уполномоченные не знают друг друга. Выборы должны быть отложены. Собрание ответило дружным возгласом: «Долой! Знаем, кого избирать!»

Против предложения ликвидаторов выступил уполномоченный боль-

шевик. Он открыто заявил, что только правдисты в состоянии отстаивать интересы рабочих. И обращаясь к меньшевикам, сказал:

— А остальных — в пушку зарядить и выстрелить в ту сторону, откуда пришли.

Большевикам не стоило больших трудов отразить маневр ликвидаторов: из ста уполномоченных добрых восьмьдесят считали себя правдистами и в страховом деле сторонниками большевистского журнала «Вопросы страхования». Правление было избрано по большевистскому списку. Из двенадцати членов и кандидатов правления больничной кассы было девять большевиков, двое сочувствующих — сторонников «Правды», и один беспартийный. Ликвидаторы, так же как и эсеры, не получили ни одного места. В правление были избраны большевики: И. Я. Козлов, В. А. Орлов, В. А. Алексеев, Г. М. Шкапин, И. И. Корнеев и другие.

Через три дня после выборов, 23 ноября 1913 года, в ликвидаторской «Новой рабочей газете» появилась клеветническая заметка, направленная против Козлова. На следующий день была опубликована еще одна статейка в этом же роде. Главными обвинителями Козлова выступили Смирнов и Донской. Они сокрушались о том, что наибольшее число голосов получил Козлов, человек, по их мнению, неустойчивый, непригодный для работы в больничной кассе. Ликвидаторы, а вместе с ними и их печатный орган не гнушались самой низкой клеветой.

Первое же заседание правления путиловской больничной кассы с негодованием отвергло меньшевистскую клевету. Газета «За Правду» в заметке четырех уполномоченных путиловской больничной кассы разоблачила проделку ликвидаторов, прибегнувших к наглому поклепу на большевиков.

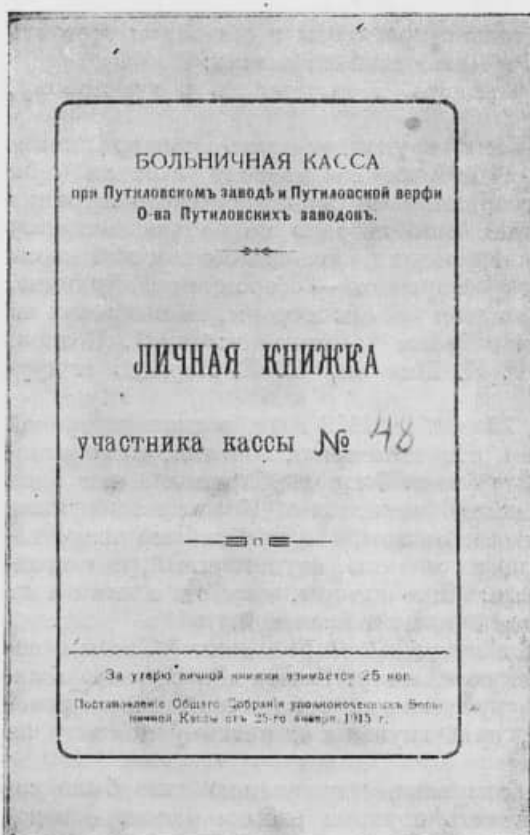
До фактического открытия кассы новому правлению надо было составить финансовый план, определить порядок работы кассы. Заводоуправление, придерживаясь тактики затягивания, задерживало решение этих вопросов. Несколько раз Шкапин созывал совещания большевиков-правленцев. Подробно наметили пункты, по которым придется крепко схватиться с администрацией, добиваясь обязательной победы, и пункты, по которым можно будет драться послабее, для виду: победим — отлично, уступим — не беда, лишь бы отстоять главные позиции.

Иван Яковлевич Козлов по предварительному условию выступал как основная боевая сила. За ним был авторитет опытного, уважаемого рабочего. Он обладал крепкой хваткой, умел разбираться в сложных вопросах страхового закона и понятно объяснять их даже отсталым рабочим.

Илье Корнееву из пушечной и вслед за ним Алексею и Орлову предстояло подкрепить Козлова, если бы в рабочей части правления началась разногласия. Себя Шкапин оставлял в резерве, на случай, если к голосованию мнения рабочих-правленцев не определятся.

— Так нужно, — говорил Шкапин. — Раз пройдут наши предложения, пусть дирекция протестует. Пока протест будет обсуждаться в особом присутствии, на практике дело пойдет так, как решило рабочее правление.

На первое собрание от заводууправления пришел помощник директора по рабочему вопросу Егор Егорович Иогансон и начальник конторы по делам рабочих и служащих Фортунато. С ними явился врач

Членская книжка больничной кассы

Левинсон, «специалист от всех болезней», грубый с рабочими, лакей путиловских хозяев.

Смету критиковал Козлов. Он говорил о том, что размеры расходной части по отдельным статьям преуменьшены и предполагают, по существу, не помощь рабочим, а издевку над ними. Принцип составления сметы — хозяйский: как бы поменьше дать рабочим. Необходимо отвергнуть этот принцип, переделать смету.

Предложения Козлова вызвали протест хозяйских представителей.

— Я не могу допустить, чтобы разрушали вполне готовую смету, — закричал Фортунато.

— А мы допускаем.

— Вы понимаете, ее придется переделать. Это же время, деньги...

— Ничего, пересоставим, переделаем...

И одно за другим предложения Козлова были приняты.

В следующем проекте «правил для больных» сделали две поправки. Первую приняли единогласно, хотя администраторы отнеслись к ней с большим неудовольствием. Речь шла об установлении лечебной помощи на дому. Когда же Козлов предложил вторую поправку — об обязательном враче-консультанте, до сих пор сидевший молча Егор Егорович Иогансон сорвался с места:

— Что вы, господа, да вы все порядки хотите перекроить на свой лад! Как же смеет какой-то консультант контролировать наших заводских врачей? Вас, господа, кто-то настраивает; вижу, что нам с вами не придется работать...

Второе заседание правления, 18 декабря, шло под председательством Иогансона. Он объявил, что обладает полномочиями и будет руководить собранием сам. Фортунато сидел в качестве безмолвного свидетеля. Решался вопрос о порядке работ больничной кассы. Опять один из рабочих-правленцев предложил поправку: установить для участников кассы, то есть для всех работающих в заводе, особые билеты — пропуска. Всякого нуждающегося в лечении или в посещении амбулатории по этому пропуску, выдаваемому цеховым уполномоченным, будут свободно выпускать за ворота.

Иогансон побагровел и широко раскрыл глаза. Он доказывал, что это нарушит распорядок работ. Чем же плохо получить пропуск в больницу у отметчиков?

Но ему кричали:

— В том-то и дело, что плохо. По вашему приказу задерживают. Без них лучше!

— Я как председатель не поставлю на баллотировку это незаконное предложение.

— Кто за пропуска? — крикнули за его спиной.

Голосование состоялось. Постановление о пропусках было принято.

Иогансон обмяк, растерялся, перестал противоречить. Без прений были внесены существенные изменения в размеры оплаты за дни болезни, установили наивысшие сроки допускаемой оплаты, увеличили похоронное пособие. Fortunato, видя, что Иогансон сдает позиции, сказал ему:

— Идите, я уж сам доведу собрание до конца.

Иогансон ушел и больше не совался в дела больничной кассы, предоставив Fortunato непосредственное осуществление хозяйской линии.

На завтра, случайно или преднамеренно, одному из уполномоченных, Тимофееву, был объявлен расчет. Спустя два дня охранка арестовала уполномоченного Никонова. Нормальная подготовка к открытию кассы прервалась. Одно за другим не состоялись два собрания правления — 22 и 30 декабря. Ни уполномоченные, ни рабочие-правленцы не хотели про-

Дом, где помещалась пугиловская больничная касса

должать работу, пока не будут освобождены арестованные и не будет принят обратно Тимофеев. В ответ на это Фортунато цинично заявлял: — Мы готовы к конфликту и его не боимся. Конфликт, так конфликт.

Уполномоченного Никонова выслали из Петербурга.

Первоначально Фортунато поместил больничную кассу внутри завода, в своей конторе. Он предлагал правлению целый дом на территории завода, бесплатное освещение и отопление. Он говорил:

— Это же растрата рабочих денег — расхотаться на квартиру, когда все вам дается бесплатно.

Но касса под надзором полицейского агента Фортунато для большевистской части правления теряла свое значение как удобный пункт явки и нелегальной работы. Большевики в борьбе против некоторых меньшевиков и хозяйских ставленников настояли на переезде. Касса переехала в дом № 88 по Петергофскому шоссе, напротив завода.

Текущие вопросы в работе кассы решались на месте дежурным членом правления, более сложные выносили на заседание правления. Состав правления: шесть голосов рабочей части, пять голосов администрации. Число голосов рабочих членов правления считалось по количеству присутствующих на собрании. Администрация же сохраняла все свои пять голосов, хотя бы на собрании был один Фортунато. Стоило одному члену рабочей части проголосовать вместе с администрацией — перевес получал Фортунато. Такой случай произошел при голосовании вопроса о гражданских женах: считать ли семейными тех рабочих, у которых жены невенчанные, давать ли такому рабочему две трети или половину заработка? Представитель администрации вместе с членами правления от рабочей части Роговым и Крыловым постановили обратиться, минуя общее собрание уполномоченных, в страховое присутствие за разъяснением. Филипп Рогов сказал при этом:

— Если мы признаем гражданский брак, то появятся такие люди, которые любую гулящую девицу объявят своей гражданской женой и будут требовать полную меру пособия.

Необходимо было разбить блок заводского охранника Фортунато с двумя членами правления, предавшими интересы рабочих. Надо было заставить Крылова и Рогова выйти из правления, тем более, что против Филиппа Рогова были серьезные подозрения в провокации. Шкапин предложил объявить предателям бойкот. Другие шли дальше и предлагали вывезти их на тачке. Но Рогов и Крылов все же отказались добровольно выйти из состава правления. Тогда все остальные члены правления от рабочей части коллективно подали в отставку. Правление перестало существовать.

Новое правление избрали во второй половине февраля 1914 года. На этот раз ни Рогов, ни Крылов не прошли в правление. Большевики снова заняли в кассе руководящее положение. В качестве заместителя председателя прошел Георгий Шкапин.

В первые же дни новому правлению пришлось столкнуться с дефицитом: за февраль был перерасход в восемь с лишним тысяч рублей, март грозил еще большим перерасходом — не менее двенадцати тысяч рублей. Вопрос о перерасходе был поднят представителем администрации. От имени дирекции Фортунато настаивал на пересмотре порядка выдачи пособий: выдавать не с первого, а с четвертого дня болезни; установить, что правом на пособие пользуются не все рабочие, а только те,

кто проработал на заводе не менее года; уменьшить число болеющих посредством тщательного контроля на дому.

Фортуно поучал правленцев:

— Лучше бы начать с малого, добиться сбережений, а потом прибавить. Результат — общее удовлетворение. Вы же с первого дня начали широко жить, потратились, теперь придется сокращаться. Результат — неудовольствия и нарекания. А я вас об этом предупреждал и это предвидел...

Фортуно говорил издевательски, как бы подчеркивая невысказанную мысль: «Не умеете управлять — не беритесь».

Встал Шкапин и сказал:

— Представитель администрации совершенно прав — перерасход есть. Он предлагает ряд мер, и они, конечно, могут снизить наши затраты. Но если, скажем, отменить похоронное пособие, уменьшить оплату за дни болезни — вместо двух третей платить одну треть, то мы не только перекроем дефицит, но еще прибыль будем иметь. Я не знаю, почему столь изобретательная администрация этого не предлагает? Но уменьшат ли такие меры количество больных на заводе? Отчего так много больных рабочих? От тяжелой и долгой работы, оттого, что ничего не принимается, чтобы дать в мастерские свет, воздух, тепло. Наконец, оттого, что отдохнуть рабочему негде, питание плохое, дороговизна...

— Это агитация! — крикнул Фортуно.

— Какая агитация? — возразил Шкапин. — Каждый из нас знает об этом из собственного опыта. Предлагаю вопрос с обсуждения снять, а когда потратимся окончательно, посмотрим в устав — там есть пункт о беспроцентной ссуде.

Пункт о ссуде действительно был в уставе, но Шкапин мыслил получение дополнительных средств иным путем. Не будет денег в кассе — будет обще заводская стачка с требованием отпустить дополнительные средства. Рабочие своего добьются.

В конце февраля состоялось общегородское собрание представителей больничных касс, посвященное выборам рабочей группы Страхового совета. Страховой совет при министерстве торговли и промышленности был высшим органом страхования рабочих. Большевики придавали этим выборам большое значение и к собранию подошли организованно. Петербургский комитет выступил на выборах со своим списком. На собрании распространялся большевистский наказ будущим членам «рабочей группы» Страхового совета.

Большевистский наказ вызвал ожесточенные споры. Ликвидаторы яростно нападали на главный пункт наказа. Большевики требовали, чтобы рабочий страховой центр признавал директивы нелегальной подпольной партии и руководился ими. Ликвидаторы настаивали, что группой должен руководить коллектив представителей больничных касс, но ни в коем случае не нелегальная партия.

На собрании в качестве наблюдателей присутствовали важные чины из министерства торговли и промышленности. Большевики не могли прямо говорить о подпольной партии и заменяли слово «партия» выражением «марксистское целое». Министерские чиновники недоуменно смотрели на спорящих, не понимая, в чем дело — о каком таком «марксистском целом» идет речь. Они поняли это слишком поздно, когда наказ был проголосован. Подавляющим большинством голосов собрание приняло наказ, в ко-

тором рабочая страховая группа обязывалась проводить в жизнь директивы большевистской партии.

По списку «Правды» в члены Страхового совета, в числе других большевиков, прошел и Георгий Шкапин. Он был хорошо известен петербургским рабочим-страховикам и работникам больничных касс. К нему относились с уважением, прислушивались. Рабочая группа Страхового совета избрала его секретарем.

Теперь в небольшой квартирке Шкапина, по Некрасовской улице, в доме № 9, за Нарвской заставой, горел свет до глубокой ночи. Шкапин усиленно читал, занимался экономическими и страховыми вопросами. Раз в неделю к нему являлся министерский курьер, увешанный медалями за старость и выслугу лет, и вручал большие пакеты из Страхового совета. В пакетах были печатные материалы, сводки, циркуляры, проекты, запросы, необходимые для предстоящего заседания. К каждому заседанию Шкапин готовился, как к бою. Он сличал цифры, делал пометки, выделяя пункты, подлежащие оспариванию, справлялся в большевистских справочниках по страхованию, изданных рабочим издательством «Прибой», в официальных изданиях министерства, в специальной медицинской, статистической и экономической литературе. На заседание Страхового совета надо было выходить во всеоружии, с полным знанием дела, чтобы разбить проекты министерства, уловки чиновников, капиталистов, ухищрения их адвокатов и крючкотворов.

Шкапин сознавал всю ответственность рабочей страховой группы.

— Нас в Страховом совете ничтожное меньшинство, — говорил он, — но наш голос слышен на всю Россию. Надо, чтобы он был громким, ясным и правильно поставленным.

И он «ставил себе голос» за счет сна и отдыха. Лишь изредка, как роскошь, позволял он себе снять со стенки гитару и пропеть несколько «сумных» украинских или еврейских песен, которым научился, не зная еврейского языка. Он сожалел, что у него нехватает времени перечитать Чехова, Толстого, Горького, что он не имеет возможности заниматься немецким и французским языками. Он уповал лишь на будущее:

— Будет и у нас время.

Много дел нахлынуло сразу. Но прежде всего следовало отразить нападки ликвидаторов на деятельность большевиков в страховых органах. Заметки и статьи о работе больничной кассы Путиловского завода, о деятельности рабочей группы Страхового совета появлялись в «Правде» и в «Вопросах страхования», в меньшевистских органах — в «Луче» и в «Страховании рабочих». «Правда» вела жестокую полемику с «Лучом», разоблачала меньшевиков, сознательно извращавших факты, спекулировавших на трудностях страховой работы и представлявших эти трудности непреодолимыми. Основная цель ликвидаторской кампании лжи и клеветы состояла в том, чтобы перевести больничные кассы и все страховое движение на путь «медленного, постепенного расширения прав» за счет отказа от революционных требований.

Шкапин созвал собрание путиловских страховиков-правленцев, заместителей, членов ревизионной комиссии и многих уполномоченных. Собрание вынесло постановление: «Интересы классовой борьбы пролетариата жестоко страдают от неправильного освещения в печати хода дел, от внесения в печать заведомой лжи, передержек и мелочной, недо-

стойной общественногo дела борьбы личностей». ¹ На собрании избрали редакционную комиссию, которой поручили сообщать в рабочие газеты и журналы отчеты о заседаниях и ходе страховой кампании на заводе. Такую же редакционную комиссию Шкапин создал и при рабочей группе Страхового совета. В обеих комиссиях он был руководителем. С этих пор информацию можно было получить только от большевика Шкапина. Этот способ борьбы с меньшевистскими извращениями нашел отклик и в других больничных кассах в Петербурге (например, Гвоздильный завод) и в провинции.

Путиловская больничная касса стала центром большевистской работы на заводе и в районе. Через Шкапина и Козлова, выбранного в столичное страховое присутствие, осуществлялась связь с Петербургским комитетом большевиков и «Правдой». Секретарь кассы всегда был большевиком. Но редко он удерживался на работе больше трех месяцев. Работа в кассе для него, как правило, кончалась арестом. После этого непременно происходили обыски у всех рабочих-правленцев. Не легка была и работа уполномоченных. В декабре их числилось сто человек. Через три-четыре месяца осталось всего шестьдесят. Остальных арестовали и выслали или рассчитали, а небольшая часть, испугавшись, сама сложила полномочия.

О работе в кассе Шкапин писал в своем дневнике: «Постоянное опасение сделать промах, постоянное ожидание обысков и арестов, постоянное опасение получить расчет, да, пожалуй, еще с волчьим паспортом, — все это вместе взятое требовало от правленцев напряжения всех умственных сил, всей энергии и мужества».

УЛИЦА СТАЧЕК

Прокламация Петербургского комитета большевиков звала рабочих на улицы:

«... Ознаменуем же достойно, товарищи, великий день девятой годовщины кровавого революционного крещения русского рабочего класса! Пусть, как в те далекие дни славного прошлого, в этот день замрет вся кипучая промышленная жизнь гигантского города!

Пусть, как один человек, забастует весь сознательный пролетариат Петербурга и в 11 часов дня выйдет на Невский проспект с великими лозунгами революции, родившимися девять лет назад из крови петербургских рабочих, расстрелянных и растоптанных конскими копытами!

Пусть вся рабочая Россия, от крупных центров до отдаленных захолустных уголков, и все многомиллионное русское крестьянство — всколыхнутся, видя новое великое выступление своего передового отряда, своего испытанного вождя в революционной борьбе — петербургского пролетариата, и поймут, что снова спланивает он свои могучие революционные силы, готовясь к новой великой борьбе с палачами народа!..» ²

Первой, утром 9 января 1914 года, вскоре после гудка забастовала Путиловская верфь. Четыре тысячи рабочих вышли на Петергофское шоссе — улицу, хранившую многолетние боевые традиции путиловцев.

¹ «Вопросы страхования» № 12, 22 марта 1914 г.

² Памятники агитационной литературы РСДРП, т. VI, в. 1, М.—П., 1923, стр. 41—42.

К одиннадцати часам к бастующим присоединились все остальные мастерские завода. Через распахнутые ворота на Петергофское шоссе — улицу Стачек — с тремя красными флагами вышли лафетчики, пушечники, вагонщики, паровозники — шестнадцать тысяч рабочих Путиловского завода. Демонстрация двинулась с песнями в город. Но к Невскому проспекту сквозь полицейские кордоны и солдатские заставы пробилось немногие. Памятный день «Кровавого воскресенья» путиловцы отметили у себя за Нарвской заставой демонстрациями, продолжавшимися весь день.

Накануне демонстрации из рядов путиловской большевистской организации были вырваны многие активные работники. Почти весь состав районного комитета был арестован. Во главе нового руководства путиловской партийной организации встал Георгий Шкапин. Он поручил Ланину, котельщику, работавшему в той же башенной, выяснить состояние большевистских групп в цехах.

Целую неделю Ланин работал в цеху плохо. У него находились неотложные дела на стороне: то черенок молота надо было сменить, и он ухаживал в плотницкую; то нужного болта не находилось, и он шел в рессорно-болтовую; то он убежал в кузницу править инструмент. За эту неделю Ланин подробно разузнал о положении большевистских групп на заводе. Их, собственно говоря, кроме башенной и котельной, нигде не было. В нескольких мастерских после арестов остались еще одиночки, в пяти-шести цехах большевиков было человека по два, а в остальных мастерских — ни одного. Весь завод и верфь насчитывали на сорок с лишним цехов не более тридцати большевиков.

При активном участии Шкапина значительно поредевший районный комитет пополнился, восстановил связи с цехами и повел широкую агитацию за развертывание стачечного движения. 28 января забастовала пушечная. Через два дня бросили работу восемьсот мартеновцев, а затем одна за другой в феврале произошли еще шесть экономических стачек в разных мастерских завода. Районный комитет постановил организовать политическое выступление. День был выбран не особенно памятный — 19 февраля, день «освобождения крестьян». Листовка, распространявшаяся на заводе, совсем не упоминала об этом событии, а выдвигала основные большевистские лозунги. Все цеховые группы Путиловского завода и окрестных предприятий были приведены в движение. И результаты сказались: Путиловский завод забастовал 19 февраля. Забастовали заодно с ним и ближайшие заводы заставы: Тильманса, Александрова, завод Сестрорецкого товарищества. Стачка 19 февраля показала организованность и готовность путиловцев откликаться на призыв партии к политическим выступлениям против самодержавия и буржуазии.

12 марта 1914 года министр торговли и промышленности Тимашев, подводя итоги почти двухлетнего расследования причин ленского расстрела, заявил с думской трибуны, что со стороны хозяев Ленского золотопромышленного товарищества не было допущено незакономерных действий и привлекать их к суду не за что. Большевистская фракция Государственной думы внесла новый запрос правительству о ленском расстреле. Рабочие поддерживали запрос забастовками. На Путиловском заводе 13 марта снялись: башенная, турбинная, верфь и лафето-снарядная. В этот день в столице бастовало более шестидесяти тысяч рабочих.

На 4 апреля, день второй годовщины ленского расстрела, Петербургский комитет большевиков готовил новую политическую демонстра-

цию. Карл Реймер ездил на станцию Ланскую на созванное Петербургским комитетом инструктивное совещание представителей районов и подрайонов. Немного позже он получил оригинал прокламации с лозунгами предстоящей забастовки. Печатать ее Реймер должен был силами подрайона. Он спрятал оригинал под войлок на двери своей квартиры (Елизаветинская улица, дом № 16, квартира 1). В этой же квартире провели собрание группы путиловцев с участием членов Петербургского комитета. Собрание было шумное. Хозяйка квартиры вызвала Реймера на кухню:

— Карлуша, кончай поскорее. Снаружи кто-то стоит...

У дома в темноте терпеливо дежурил шпик, увязавшийся за кем-то из пришедших на собрание. Шпик был очень большого роста; скучая, он топтался на месте от холода. Реймер выпустил собравшихся с черного хода, через огороды и, когда все ушли, не утерпел, чтобы не позаведаться над шпиком, — высунулся в форточку, стал кричать:

— Эй, ты, долговязый, двадцатирублевый!..

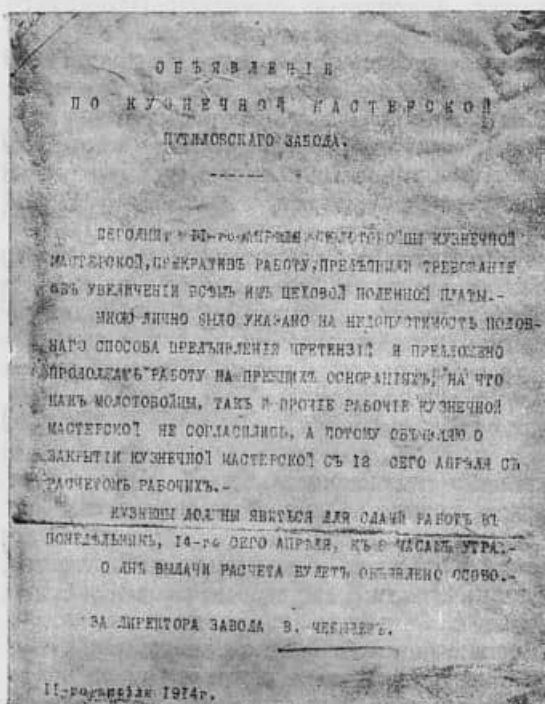
Шпик убежал.

Оригинал листовки лежал под войлоком несколько дней. Реймер уже собирался ее печатать, но в эти дни возникло новое мощное движение в связи с отравлениями на «Треугольнике». В первую очередь надо было печатать прокламацию об отравлении. Оригинал ее получили от Серафимы Дерябиной в столовой на Забалканском. Серафима как бы случайно оказалась за одним столом с Реймером и, снимая перчатку, выронила листочек. Реймер на обрывке шапирографской ленты отпечатал четыреста экземпляров. Рабочий «Треугольника» Севастьян отнес часть к себе на завод, остальные Реймер доставил на Путиловский. А через день Реймер, Серафима Дерябина и многие другие были арестованы.

Запрос о массовых отравлениях работниц на «Треугольнике», внесенный в думу большевистскими депутатами, обсуждался 18 марта и был подкреплен мощной стачкой петербургских рабочих. Начал забастовку Путиловский завод, 17 марта путиловцы вышли на улицу. 19 марта полностью стала Путиловская верфь. Забастовка в эти дни охватила в Петербурге около 160 тысяч рабочих.

Первые же дни этой мощной стачки показали правительству и буржуазии, что подымается движение иного типа, чем раньше, гораздо более решительное, располагающее огромными людскими резервами, легко переходящее в уличную борьбу. В рабочих районах при встречах с полицейскими рабочие вступали с ними в бой, упорно не расходились, выкидывали флаги, снимали еще не забастовавшие заводы. Путиловцы ходили снимать Тентелевский химический, фабрику Кенига, «Треугольник», где, несмотря на отравления, возобновилась работа. На «Треугольнике» от пятого года осталось в памяти: «Путиловцы идут!» Сейчас этот клич раздался снова. Путиловцы пробирались на Обводный, но полиция усиленно охраняла подступы к «Треугольнику».

В обществе заводчиков и фабрикантов в механической группе с первых же часов забастовки все были начеку. Капиталисты решили, что теперь против забастовщиков надо принять крутые меры: штрафы не действуют, они отжили свое, необходим длительный локаут и уже не на одном заводе, а во всей металлической промышленности Петербурга. 19 марта капиталисты подписали первое локаутное соглашение: «Мы, нижеподписавшиеся, представители заводов: Сименс, Лесснер, Феникс, Металлический

Объявление о частичном локауте

лось объявление о прекращении работ до 26 марта, рядом — бумажка о закрытии кредита в потребловке. Делегаты от рабочих пошли в редакцию «Правды» и думскую большевистскую фракцию с просьбой внести запрос правительству по поводу локаута. Во фракцию прислали резолюцию: «... В локауте мы видим провокационный вызов общества фабрикантов и заводчиков..., а потому мы обращаемся ко всем рабочим депутатам российской с.-д. фракции, чтобы они запросили с трибуны министра торговли и промышленности и дали ответ рабочим в трехдневный срок. А также предлагаем работающим оказать материальную поддержку пострадавшим товарищам».

Вопрос о закрытии заводов юридически был спорным, рабочие имели право требовать уплаты за дни простоя. Большевистская думская фракция через «Правду» и профессиональные союзы повела агитацию, чтобы рабочие подавали массовые иски. Группа юристов, обслуживающих союзы, выработала форму этих исков. Союз металлистов, который являлся одним из штабов движения, 21 марта был разгромлен полицией и закрыт. Оставались больничные кассы, которые полиция не решалась трогать. За Нарвской заставой в дни локаута больничная касса была единственным местом, где районные работники встречались друг с другом и с представителями городского центра.

Заводчики 22 марта снова собрались на совещание. Было выработано еще одно соглашение: после открытия заводов никаких общих требований, предъявленных рабочими, не рассматривать и не удовлетворять; заводы

Путиловский, Путиловская верфь, Тильманс, Ланген-зиен, Невский судостроительный, Нобель, Тюдор, Розенкранц, Александров, Соединенные кабельные, СПБ механический завод, — в виду непрекращающихся забастовок постановили закрыть заводы не менее как на три дня, начиная с 20 марта 1914 г.».

Из казенных заводов был закрыт Балтийский судостроительный. Кроме того, закрылись «Треугольник» и несколько текстильных фабрик. Всего в этот день было локаутировано около семидесяти тысяч рабочих на двадцати шести предприятиях.

По соглашению капиталистов директор Путиловского завода мог закрыть мастерские только на три дня, но закрыл их на шесть дней. На воротах появи-

открывать только на старых условиях, с сохранением прежних правил внутреннего распорядка.

В понедельник 24 марта часть закрытых заводов Выборгской стороны начала работать. 26 марта открылся Путиловский завод.

В объявлениях о закрытии заводов 20 марта было упущение: отсутствовало упоминание о расчете рабочих. Формально рабочий имел право на иск, и рабочие начали подавать иски. Капиталисты и их адвокаты 16 апреля собрались, чтобы выработать общий план действий. Нашли сенатские разъяснения, позволяющие не платить рабочим, и кроме того, решили предъявлять им от имени заводов встречный иск, ссылаясь на убытки от забастовки. Коллегия юристов составила наново текст локаутного объявления, под который уже нельзя было подкопаться. Бумажку с новым текстом разослали по заводам.

Локаут не устроил путиловских рабочих. 4 апреля, в день годовщины ленинского расстрела, завод бастовал снова. Рабочие на этот раз были оштрафованы на рубль каждый. Рубль для среднего рабочего составлял дневную норму расхода на содержание себя и всей семьи. Но рабочие знали: борьба требует жертв. Они продолжали бастовать.

10 апреля забастовали мальчишки-нагревательщики заклепок. Стали чеканщики и чернорабочие котельной — около 300 рабочих. 11 апреля бросили работать 607 рабочих в кузнице. 16 апреля прекратили работу паровозокотельщики — 270 рабочих. Бринк объявил весь паровозный отдел закрытым. Мастер при расчете говорил:

— Мы сделаем локаут, и вы поедете в деревню кушать редьку...

Речь шла уже не только о том, чтобы раздавить начатую мальчишками забастовку, но чтобы устроить других, на долгое время отбить охоту начинать забастовки.

Котельщики стали на работу через десять дней.

Последние дни апреля вновь дали рост забастовочного движения. Бастовали строители и кочегары на верфи, башенщики, столяры, жестяники, чернорабочие. Газетное сообщение об исключении социал-демократических депутатов Государственной думы на пятнадцать заседаний дало повод подняться двум тысячам рабочих верфи и покинуть мастерские в знак протеста.

1 мая завод и верфь демонстрировали. Ворота снова рас-

Путиловские ученики

Петергофское шоссе (ныне улица Стачек)

пахнулись, и на Петергофское шоссе вышел многотысячный коллектив путиловцев. Пробирались в город, минуя кордоны полиции. Демонстрацию встретили пешие и конные полицейские еще во дворе завода. На улице неожиданным ударом они врезались внутрь колонны. Одиннадцать человек было арестовано; захвачено знамя с нашитыми из черной тесьмы буквами «С-Д» и тремя восьмерками «8—8—8». Буквы обозначали — социал-демократия; восьмерки — требование 8-часового рабочего дня (8 часов работы, 8 — отдыха, 8 — сна).

Через восемнадцать дней в судебной палате состоялся суд над обуховскими стачечниками, осужденными окружным судом в конце прошлого года. Накануне суда происходили митинги:

— Рабочие! Помните суд над товарищами обуховцами? Их осудили за стачку. Теперь их судят снова. Бастуем в их защиту. Все за завода!

Митинги-летучки занимали не больше двух-трех минут. Часа через два немногочисленная, поредевшая после нескольких арестов группа большевиков вывела с завода и верфи шестнадцать тысяч рабочих.

21 мая вспыхнула забастовка подростков турбинной мастерской. Ученики заявили протест против низкой платы и бросили работу. Они держались серьезно и упорно. В практике забастовок подростков это был первый случай, когда они совершенно самостоятельно, не имея рядом бастующих взрослых, продержались больше одного-двух дней. Теперь же,

после объявления о расчете, вывешенного 24 мая, они бастовали еще девять дней.

Самая высокая волна экономических стачек на заводе за годы нового революционного подъема поднялась в июне 1914 года. За один месяц на заводе и верфи было пятнадцать стачек, некоторые из них становились длительными, захватывали соседние мастерские и вырастали в событие большого политического значения. 6 июня на верфи забастовало двадцать три человека. Через три дня там насчитывалось уже 1242 стачечника. В это же время большая и малая судостроительная потребовали прибавок. Получив отрицательный ответ, рабочие демонстративно покинули мастерские. Полторы тысячи человек, выбросив красный флаг, с песнями направились в деревню Емельяновку. Лафетная — 185 рабочих, башенная — 550, цех оборудования — 200, и другие мастерские — всего около семи тысяч человек, узнав, что судостроительные бастуют, с 10 июня присоединились к ним.

— Чего вы хотите? — спрашивал начальник лафетной у своих рабочих,

— Чтобы верфевских удовлетворили.

— А вам-то какое дело? Вы ведь не на верфи работаете?

— Как — какое дело? Поддержать надо!

На верфи, особенно в цеху оборудования, рабочих рассчитывали пачками, без предупреждения.

Но и эта мера не могла остановить стачечного движения.

17 июня забастовало еще сто рабочих цеха оборудования. Поднялась кузница старого завода, слышавшая из-за молотобойцев забастовочной. Утром из кузницы ушло сорок восемь человек, и к концу дня в мастерской не осталось ни одного рабочего.

Вагонная в этот день также бросила работать, требуя увольнения мастера Веллера, избившего рабочего. Тысяча сто шестьдесят человек сгрудились между сараями и механической мастерской, расположились на траве, на вагонных скатах, заполнили тележку «Дина», на которой подавали вагоны из одного сарая в другой. «Пока мастера не прогонят, не работать» — такой был уговор вагонщиков.

19 июня на заводе вместе с вагонщиками насчитывалось две с половиной тысячи бастующих, 20 июня — пять тысяч. Директор завода объявил всем бастующим расчет. Но рабочие сами прекратили стачку:

— Из-за мастера трех дней достаточно! В другой раз сквитаемся!

Каждый день за Нарвской, где-нибудь на улице, в переулке, происходили столкновения с полицейскими. В последние недели городские то и дело натыкались на окрик, на злую шутку или открыто презрительное замечание. В них кидали камнями. На демонстрации путиловцев полицейские нападали большими отрядами, внезапно, с нескольких мест и, не задерживаясь, свирепо стегали нагайками, толкали, давили. Теперь уже без больших полицейских сил демонстрации было не разогнать — борьба принимала все более резкие формы.

Во всем этом стремительном потоке экономических и политических стачек, то сливающихся в одну огромную многотысячную, то дробящихся на мелкие, в безостановочном наступательном движении путиловцев таилась грозная сила. К Путиловскому заводу присоединялась вся Нарвская застава. Вместе с Нарвской заставой поднимались Выборгская сторона, Васильевский остров и другие рабочие районы. Против рабочих объединились все силы реакции — царская полиция, охранка, буржуаз-

ная печать, общество заводчиков и фабрикантов. Капиталисты дополнили систему жандармских репрессий своими мерами — локаутами, штрафами, увольнениями. Но все было безуспешно. Все чаще бросали путиловцы работу и с революционными песнями, безбоязненно и гордо выходили на Петергофское шоссе, на свою главную улицу — улицу Стачек.

За первую половину 1914 года на Путиловском заводе произошло шестьдесят стачек. Чуть ли не каждые три дня какая-нибудь мастерская, цех, а то и весь завод — бастовали. Стаечная борьба в Петербурге развертывалась с большой силой. Все упорней и решительней выступали рабочие. Традиция массовых революционных стачек глубоко вкоренилась в сознание петербургских рабочих. Владимир Ильич Ленин писал по этому поводу: «... Не надо забывать, к чему приводят эти стачки в России. Массовые упорные стачки неразрывно связаны у нас с *вооруженным восстанием*».¹

ПУТИЛОВСКИЙ ИНЦИДЕНТ

Когда председатель германского рейхстага 18 апреля 1913 года¹ объявил, что слово предоставляется депутату доктору Либкнехту, весь зал пришел в движение. Оживились скамьи имперской партии, национал-либералов, партии центра. Оживились и социал-демократы.

Карл Либкнехт выступал в прениях по бюджету военного министерства. Вскрывая тайны, в которых рождалась будущая мировая война, он посвятил свою речь разоблачению поджигателей войны — фабрикантов военного вооружения.

«— Немецкий оружейный завод, — говорил Либкнехт, — послал своему агенту в Париже письмо. Это письмо гласит: «Мы хотели бы поместить в одной из наиболее читаемых французских газет, по возможности в «Figaro», статью, которая содержала бы следующее: «Французское военное командование решило значительно ускорить перевооружение армии пулеметами и заказать их в двойном против первоначально намеченного количестве». Письмо заканчивается так: «Просим вас пустить в ход *все*, чтобы добиться напечатанья *такого рода* статьи»».³

— С какой целью это делается? — спрашивал Либкнехт. — Ради спасения отечества?... Это устраивается заводчиками для того, чтобы создать в Германии нужное настроение, подстрекнуть правительство к дальнейшим вооружениям, получить новые заказы и огромные прибыли.

Карл Либкнехт развернул картину «трогательной интернациональной солидарности капитала». Он вскрыл, что шпионаж, подкуп отечественной и иностранной прессы, подстрекательство своих и чужих правительств к вооружениям — средства, которыми особенно энергично пользовался Крупин, — являются обычными и постоянными методами работы всех германских военных фирм. Он показал, чего стоит «патентованный немецкий патриотизм», насквозь фальшивый, «воюющий патриотизм» Крупина и всего класса капиталистов, когда дело идет о прибылях.

¹ Ленин, Сочинения, т. XV, стр. 536.

² По новому стилю.

³ Речь К. Либкнехта цитируется здесь и дальше по стенографическим отчетам германского рейхстага. Verhandlungen des Reichstags. XIII, Legislaturperiode, I Session, Band 289, Stenographische Berichte, Berlin, 1913.

«— Мы посмотрим, найдется ли у правительства необходимая энергия, чтобы с нужным эффектом противодействовать всемогущей фирме Круппа и всевильной клике капиталистов. Мы также посмотрим, сделает ли большинство рейхстага необходимые выводы, которых требуют интересы немецкого народа и европейского мира».

Либкнехту отвечал военный министр, генерал фон Геринген. Министр уклонился от объяснений по существу и посоветовал немецкому народу быть благодарным Круппу за то, что он, принимая заказы от иностранных правительств, дает работу и хлеб тысячам рабочих.

— Кто получает пользу от этого? — спрашивал министр. — Без сомнения тот класс, доверенными которого являются социал-демократы...

С трибуны рейхстага военный министр прославлял Круппа, как год назад кайзер Вильгельм II на столетнем юбилее фирмы славил родоначальника крупновской династии — Фридриха-Альфреда и его потомков. Кайзеру отвечал тогда директор заводов Эссен-Пура, тайный советник Альфред Гугенберг. Он сказал:

— Пушки Круппа — наша гордость. Они стоят на одной высоте с поэзией Гете и философией Гегеля.

Альфред Гугенберг, этот крупнейший торговец смертью, будущий сподвижник Гитлера, пропагандировал войну как «жизненную задачу» германского народа. В разоблачениях Либкнехта он почувствовал серьезную угрозу и немедленно поднял оголтелый патристический вой в крупновских газетах «Rheinisch-Westfälische Zeitung», «Deutsche Tageszeitung», «Tägliche Rundschau». ¹

Газеты защищали Круппа и, пытаясь замести следы, вспоминали победы германского оружия над Францией, одержанные благодаря крупновским пушкам. Вся буржуазная печать обрушилась на Либкнехта, угрожала ему, называла клеветником, изменником отечества, иностранным агентом. Карл Либкнехт ответил на это новым выступлением 26 апреля 1913 года.

«— Мои слова подействовали как выстрел в стаю пирующих воронов, которые теперь с пронзительным карканьем разлетаются в стороны. Г-н Гугенберг сказал, — говорил Либкнехт, — «если не доверяют его честности, то, по крайней мере, должны доверять его мудрости». Это замечание довольно часто можно слышать от обвиняемых, сидящих на скамье подсудимых... Я во всяком случае верю, что эти господа не настолько глупы, чтобы дать слишком легко поймать себя...

Д-р Гугенберг... уже пророчит, что взорвется еще одна вонючая бомба; следовательно, он знает, что есть еще многое, что воняет — подхватываем это слово — именно в фирме Крупп».

Энергичным жестом Либкнехт подчеркивает свои слова:

«— В то время как мы здесь, в Германии, в целях международного мира, стараемся вскрывать махинации немецких фирм, заинтересованных в вооружениях, наши друзья во Франции предпринимая то же самое, особенно в отношении фирмы Шнейдер-Крезо...

Мы прекрасно знаем, какая большая опасность для мира заклю-

¹ Именно эти крупновские газеты, «Deutsche Tageszeitung», «Tägliche Rundschau», впоследствии, в январе 1919 года, когда наемные убийцы убили Карла Либкнехта и Розу Люксембург, возликовали первыми и, по выражению Ромен Роллана, «потеряли голову от восторга».

чается в подстрекательской работе офицерской камарильи, которую в прусской палате господ представляет немецкий кронпринц...»

Председатель отчаянно зазвонил. На социал-демократических сменялись смеялись и аплодировали.

Речь Карла Либкнехта неоднократно прерывалась шумными возгласами одобрения социал-демократов: «Слушайте, слушайте!» Аплодировали центристы, аплодировали и правые социал-демократы, аплодировала вся социал-демократическая фракция. Но это не означало согласия фракции с антимилитаристской деятельностью Либкнехта. На словах в рейхстаге и перед лицом широких рабочих масс руководство германской социал-демократии было против войны; на практике оно давно уже порвало с пролетарским интернационализмом. Центристы, бывшие в руководстве партии, прикрывая правых своей «революционной» фразой, систематически сдавали позиции правому крылу, идейным вождем которого был патриарх ревизионизма — ренегат Эдуард Бернштейн.

Эберт, Шейдеман, Носке и другие лидеры германской социал-демократии хорошо знали, что не к ним и не к четыремстам депутатам рейхстага обращает свою речь Карл Либкнехт. Но Эберт уверен в себе, он крепко держит в своих руках весь партийный аппарат, за ним пойдут все десять тысяч партийных чиновников — этому молодцу Либкнехту не свести партию с пути.

Густав Носке, опасаясь неожиданностей со стороны Либкнехта, с нетерпением ждал окончания речи. Носке был откровенным защитником буржуазного «отечества». Еще в 1907 году в стенах рейхстага, а затем на партийном съезде в Эссене он заявил, что в каждой оборонительной войне германская социал-демократия будет на стороне своего правительства и закрывал глаза на то, что в действительности Германия и другие империалистические государства давно уже готовили захватническую войну, стремясь к переделу мира.

Карл Либкнехт обращался не к вождям партии. В зале заседаний перед ним веером раскинулись семь секторов, заполненных людьми. Он говорил не для них. Он видел перед собой не депутатов, а массы немецких рабочих, видел миллионы пролетариев всех стран. Им он указывал на бедную, в которую толкали народ капиталисты всех стран, и загораясь, бросал гневные, призывающие к действию слова:

«— Не гнушаясь никакими средствами, капиталисты, заинтересованные в вооружениях, умножают горючий материал и готовы приложить фитиль к бочке с порохом...

Немецкие и австрийские солдаты, в совместной войне Германии и Австрии против России, смогут утешаться тем, что вражеские снаряды изготовлены финансовым концерном, в котором участвуют немецкий, австрийский и французский капиталы...

В интересах сохранения мира, в интересах противодействия тому, чтобы сумасбродная политика ввергла Европу в войну, надо еще раз перед всем светом указать на ту капиталистическую клику, которая хочет распри народов, которой выгодна война. Нужно бросить народам лозунг: «Отечество в опасности!» И не от внешних врагов исходит эта опасность, а от внутренних, и прежде всего от интернациональной индустрии военного вооружения...»

Буржуазные газеты Франции, России, Англии, публикуя сообщения о речи Либкнехта, пытались превратить его разоблачения в «дело Круши».

вернее, мелких крупновских чиновников. Всячески стараясь подчеркнуть вооружения Германии, они подталкивали свои правительства к еще большим вооружениям.

Во всем мире лишь одна газета вскрыла перед широкими массами подлинную сущность «дела Крупша». Это была большевистская «Правда».

«Патентованные патриоты вроде Крупша, — писала «Правда», — продают свое отечество оптом и в розницу, как продаются сапожники и генералы, как продаются патриотические газеты всех стран».

В «Правде» был разоблачен и «пушечных дел мастер» А. И. Путилов, снабжавший деньгами черносотенную газету «Новое время».

«Как в Германии — Крупш, так в России — Путилов, а во Франции — Шнейдер — все эти акулы прежде всего покупают «истинно-патриотическую» печать и употребляют ее для своих корыстных целей». «Когда на бумаге пишется «патриот» — понимать надо совсем наоборот»,¹ — предостерегала «Правда» рабочих.

В ряде статей («Кому выгодно», «Буржуазия и мир», «Вооружения и капитализм» и другие) Ленин через «Правду» разоблачал «пушечный патриотизм» капиталистов типа Крупш — Шнейдер — Путилов, разоблачал подготовку империалистов к войне:

«...Государства, именующие себя «цивилизованными», ведут теперь бешеную скачку с препятствиями из-за вооружений. На тысячи ладов, в тысячах газет, с тысяч кафедр кричат и вопят о патриотизме, о культуре, о родине, о мире, о прогрессе, — и все это ради оправдания новых затрат десятков и сотен миллионов рублей на всяческие орудия истребления, на пушки, на «дредноуты» (броненосцы новейшего типа) и т. п... Армстронг в Англии, Крупш в Германии, Крезе во Франции, Кокериль в Бельгии, а сколько их во всех «цивилизованных» странах? А тьма тём поставщиков?

Вот кому выгодно раздувание шовинизма, болтовня о «патриотизме» (пушечном патриотизме), о защите культуры (орудиями истребления культуры) и так далее!»²

«Правда» неоднократно возвращалась к вопросу о «патриотах» — пушечных королях Франции, Германии, Англии и России. Путиловцы через свою рабочую газету узнали о проделках своих хозяев. На одной из массовок путиловцев, посвященной первомайскому выступлению, большевистский оратор противопоставлял международной буржуазии, готовящейся к новой войне, интернациональную солидарность пролетариата. Он призывал доказать это в день 1 мая стачкой и демонстрацией. В заключение он привел выдержку из «Правды»:

«Пусть буржуазия проповедует войну и сеет национализм. Борьба пролетариата уже объединена неразрывными узами рабочего класса всех стран, и это объединение неразруσιμο».

Каждую весну во всех парламентах мира обсуждались военные бюджеты. Оглядываясь на своих союзников и возможных противников, военные ведомства испрашивали увеличенные кредиты на вооружения. Спустя два месяца после выступления Карла Либкнехта, Государственная дума обсуждала бюджет военно-морского ведомства. И в думе, как и в германском рейхстаге, раздался разоблачающий голос революционера. 12 июня

¹ «Правда» № 90, 20 апреля 1913 г.

² Ленин, Сочинения, т. XVI, стр. 358—359.

1913 года с трибуны Таврического дворца выступил депутат петербургских рабочих-большевиков Алексей Бадаев:

«— Рабочие не хотят войны, не хотят убивать своих братьев-рабочих других стран. Они против всяких усиленных вооружений и расходов на войско и флот. Они нужны тем, кто живет враждой между государствами, кто питается международными осложнениями, кто питается военно-морскими расходами». ¹

В зале беспокойно загудели. Бадаев невозмутимо стоял на трибуне. Он привык ко всему — и к грубым репликам правых, и к постоянным одергиваниям председателя, тучного и надменного Родзянко, и к деланному равнодушию кадетов. Бадаев смотрел вперед: перед ним веером расходились восемь секторов большого зала Таврического дворца. Свыши четырехсот депутатов от помещиков, кулаков и буржуазии заполнили скамьи. Но не к ним была обращена его речь.

Посланный в думу волею рабочего класса, Бадаев знал, что он и его товарищи — рабочие депутаты, сидящие на крайних левых скамьях, являются единственно подлинными выразителями интересов народа. Всего лишь полгода назад, на Краковском совещании ЦК с партийными рабочими, Бадаев со своими думскими товарищами получил указания Ленина: шире использовать думскую трибуну для агитационных выступлений, всегда помнить, что рабочего депутата должен слышать весь рабочий класс России. Теперь, стоя на трибуне Государственной думы, напрягая голос, чтобы перекрыть шум, Бадаев заявлял:

«— Недавно германские социал-демократы разоблачили известную немецкую фирму «Крупп», которая поставляла оружие не только для Германии, но даже и для России... В полном согласии с социал-демократами других стран мы заявляем, что будем бороться всеми доступными нам способами против всяких международных авантур и постоянного увеличения вооружения».

Он говорил смело, отчеканивая слова большевистской декларации, направленной против готовящейся империалистической войны:

«— Мы протестуем против всей системы организации нашей армии, всего ее казарменного режима, который дает возможность использовать армию в интересах кровавой политики нашего правительства». ²

Справа поднялся дикий шум. Истукленно потрясая кулаками, встали с мест и Пуришкевич и Марков 2-ой. Председатель оборвал депутата Бадаева:

— Я лишаю вас слова.

Переключка парламентских представителей пролетариата происходила в самое горячее время подготовки империалистических стран к войне. Спешно строились новые заводы боевого снаряжения. Пушечные и другие фирмы, связанные с производством оружия, заключали тайные договоры на поставку металлов, взрывчатых веществ через страны, которые в предстоящей войне окажутся нейтральными. В России разрабатывали новую большую программу перевооружения, и на одну артиллерию определили свыше полумиллиарда рублей.

Русский капиталист Путилов понял, что именно сейчас выгодней

¹ Стенографические отчеты Государственной думы IV созыва, сессия I, ч. III, стр. 1987—1991.

² Там же.

всего развернуть пушечное производство Путиловского завода. Он обратился к Шнейдеру за финансовой поддержкой, но не получил ее. Тогда, с молчаливого согласия высших кругов, он повел переговоры с Крупном о размещении в Германии нового выпуска путиловских акций на тридцать миллионов рублей. В переговорах путиловское правление представлял тесно связанный с германским капиталом С.-Петербургский частный коммерческий банк. От имени Крупна выступал Deutsche Bank — тот самый банк, который финансировал строительство железной дороги Берлин—Багдад, ставшей одной из непосредственных причин мировой войны. В январе 1914 года переговоры между Крупном и Путиловым окончились. Слухи о том, что предстоит размещение путиловских акций на германской бирже, быстро распространились по всей Европе.

Первой откликнулась французская газета «Echo de Paris», принадлежавшая Шнейдеру. 27 января 1914 года она поместила сообщение от своего петербургского корреспондента:

«Здесь носится слух, что Путиловские заводы куплены фирмой Крупн. Если этот слух верен, он вызовет сильнейшее волнение во Франции. Известно, что русское правительство строит свои орудия сухопутной артиллерии по французским планам. До сих пор большая часть этих орудий изготовлялась на Путиловских заводах при содействии фирмы Крезо и французского персонала, доставляемого этой фирмой». ¹

Во Франции это сообщение произвело панику. Взволновались банкиры и промышленники: Россия, вот уже в течение двух десятков лет получающая займы от Франции, не выполняет своих обязательств. Парижские рантье собирались в кафе, на бульварах и, задыхаясь от негодования, кричали о заговоре России и Германии против Франции: дьявольский Крупн проникает в святая святых французского капитала — в русскую артиллерию. Десятки репортеров бегали в поисках новых сенсаций.

Репортер газеты «Patrie» в приемной у Шнейдера столкнулся с корреспондентом русской газеты «Речь». Представителя кадетской газеты Шнейдер отказался принять лично, передав его своим управляющим. Корреспонденту «Речи» сказали:

— В Петербурге слишком скоро забыли об услугах Шнейдера русской артиллерии, а французских финансов — России.

Репортера «Patrie» принял сам Шнейдер. Разговор был короток. Шнейдер сделал скучное лицо и представился обиженным человеком:

— Дело очень серьезно...

— Очень серьезно? — переспросил репортер.

Шнейдер сделал неопределенный жест. Репортеру этого было достаточно.

Во французских газетах под сенсационными заголовками печатались известия о покупке Крупном Путиловского завода:

«Россия выдает немцам французские военные секреты» — «Paris Midi».

«Крупн овладевает французскими планами» — «Patrie».

«Союз в большой опасности» — «Liberté».

Офицюз французского министерства иностранных дел «Temps» заявил, что франко-русский союз не соответствует своему назначению, если русское правительство занимает деньги у французов, а большинство своих заказов отдает англичанам и немцам: «Вообще, если обратить внимание

¹ Выдержки из иностранной прессы здесь и в дальнейшем приведены по русским газетам «Речь», «Новое время» и другим за январь 1914 года.

на заграничные заказы, связанные с русским судостроением, — писала газета «Temps», — то окажется, что Россия отдала в Германию заказов на 69 миллионов рублей, в Англию на 67 миллионов рублей, а во Францию всего на 57 миллионов». Газета с грустью добавляла: «Франции часто приходилось разочаровываться в России, которая не всегда считалась с пожеланиями Франции».

«Если союз служит лишь для того, чтобы заимствовать у нас в интересах немцев не только деньги, но и военные усовершенствования, то нам такого союза не нужно» — писала газета «Intransigeant».

Известие о продаже крупнейшего русского предприятия германской фирме было неожиданностью и для русских газет. Перед лицом франко-русского союза эти слухи казались невероятными и сеяли недоумение и смущение. «Вечернее время» обратилось к представителю Крупша — Вахтеру. Вахтер, знавший все досконально, сделал изумленное лицо: «Как, Крупш купил Путиловский завод?» — и категорически опроверг достоверность этого слуха.

Председатель С.-Петербургского частного коммерческого банка Давыдов не отрицал, что ведет переговоры о размещении путиловских акций, но сославшись на финансовую тайну, не дал никаких объяснений.

Газета «Коммерсант» обратилась с письменным запросом к Путилову. Он ответил уклончивой телеграммой: «Правление завода получило предложение Петербургского частного банка гарантировать новый выпуск займа. Насколько основательны слухи о том, что в группу Частного банка для этой операции входит Крупш, мне неизвестно».

Опытный финансист, председатель правления банка и десятка акционерных обществ прикидывался простаком. Корреспонденту Петербургского телеграфного агентства он также заявил, что не слышал и не знает о Крупше; наоборот, ему известно, что именно перед французскими банками путиловское правление ставило вопрос об увеличении капитала Путиловского завода.

Правительственные круги не торопились дать разъяснения по волнующему союзников вопросу. Это вызвало статью вождя французской реакционной буржуазии Клемансо. В своей газете «L'homme libre» он спрашивал:

«Как могло случиться, что переговоры, продолжавшиеся несколько недель, не были известны ни французскому, ни русскому правительству?»

Как мог Путиловский завод, находящийся, благодаря казенным заказам, под влиянием правительства, скрыть от министров операции, самая секретность которой свидетельствует о ее характере, операции, являющуюся досадной прелюдией к 600-миллионному займу?»

Члены французской палаты депутатов Дени Кошен, Альберт Тома, Жан Жорес обратились к премьер-министру Думергу с вопросом о путиловском инциденте. Завертелась дипломатическая машина. Французский посол в России Делькассе получил срочное задание: «обратить внимание русского правительства на величайшее изумление в Париже, вызванное слухом о том, что Крупш станет совладельцем Путиловского завода, и заставить русское правительство вспомнить интересы франко-русского союза».

Путиловский инцидент вызвал отклики и в Англии. Парижские газеты упорно распространяли и обсуждали слух, что к покупке Путиловского завода Крупшом имеет прямое отношение Вилкерс. Корреспондент англий-

ской газеты «Excelsior» побывал у директора фирмы «Виккерс». Тот отверг соучастие фирмы в деле размещения путиловских акций в Германии.

В английском министерстве иностранных дел представители печати заверили, что слухи о нарушении французских интересов не имеют оснований. Вместе с тем, корреспондентов газет информировали, что, «в виду все растущей... предприимчивости германской политики, необходимо быть настороже».

Влиятельная лондонская газета «Times» в связи с путиловским инцидентом предъявила новое обвинение: почему русская пресса обходит молчанием тесную связь Путиловского завода с германской судостроительной фирмой «Блом и Фосс»?

Дипломатический шум, поднятый в Европе вокруг Путиловского инцидента, показал промышленным и правительственным кругам Германии, что в создавшейся международной обстановке захватить Путиловский завод не удастся. Изображая соглашение Круппа и Путилова о тридцатимиллионном займе как обычную, но, правда, крупную коммерческую операцию, германская пресса писала, что сделка не затрагивает ничьих государственных интересов: если Шнейдер отказался дать деньги, почему Путилов не может обратиться за деньгами к Круппу?

Газета «Berliner Tageblatt», прикидываясь наивной, заявляла: финансирование, денежное участие Круппа в делах Путиловского завода? Да! Но ведь это не покупка!

Вместе с тем, германская и союзная ей австрийская пресса использовали путиловский инцидент для того, чтобы вбить клин в трещину, образовавшуюся в дипломатических отношениях России и Франции. Венская газета «Neue Freie Presse» с злорадством писала: «Франция пришла к заключению, что союз с Россией не оплачивается, и заявила тогда союзнику: денег у тебя пока что нет, и если ты, в виду неоправданного твоего поведения в путиловском инциденте, не представишь достаточных политических и экономических гарантий, то у тебя их не будет. «Путиловская баталия» была для французского капитала чувствительным поражением и остается таковым даже и в том случае, если капитал для Путиловских заводов будет взят во Франции, а не у фирмы Круппа и Deutsche Bank».

В первой половине января 1914 года в Петербург приехали представители группы французских банков: «Лионский кредит», «Société Générale», «Banque de Paris et des Pays Bas» и другие, которые вели переговоры о предоставлении русскому правительству железнодорожного займа в сумме 665 миллионов рублей. По требованию французской биржи банкиры поставили царскому правительству условие: заем будет дан лишь в том случае, если Крупп будет отстранен от Путиловского завода и все преимущественства в области пушечного производства в России будут предоставлены Шнейдеру, а не Круппу.

В своей замечательной работе «Империализм, как высшая стадия капитализма» Ленин писал о подобной политике финансовых олигархий:

«Самая обычная вещь: условием займа ставится расходование части его на покупку продуктов кредитующей страны, особенно на предметы вооружения, на суда и т. д. Франция в течение двух последних десятилетий (1890—1910) очень часто прибегала к этому средству... Крупп в Германии, Шнейдер во Франции, Армстронг в Англии — образцы таких фирм, тесно

связанных с гигантскими банками и с правительством, которые не легко «обойти» при заключении займа».¹

Чтобы получить у французских капиталистов заем, царское правительство вынуждено было предложить Путилову прекратить переговоры о финансировании Путиловского завода Круппом.

Газета русской империалистической буржуазии «Речь» по этому поводу с удовлетворением замечала: «Удивляться можно лишь тому, что наши сферы, за 20 лет успевшие всесторонне ознакомиться с подкладкой альянса, рассчитывали еще обойти могущественную французскую фирму. Русская дипломатия и русское финансовое ведомство вынуждено потребовать отъезда от многих из прежних комбинаций с Круппом и Виккерсом. Иначе, прямая опасность грозит альянсу и на первой очередности русскому железнодорожному займу...»²

20 января осведомительное бюро совета министров опубликовало официальное сообщение о Путиловском заводе: «В предполагаемом выпуске акций избрание финансовой группы, реализующей капитал, поставлено в зависимость от согласия правительства».

Шнейдеровская газета «Echo de Paris», первая бросившая клич: «Наши бьют», первая же признала: «Инцидент исчерпан». Газета «Radical» удовлетворенно замечала: «Инцидент дал нам случай констатировать содействие, оказанное нам нашей союзницей, и блестяще подтвердил полную общность взглядов и чувств с нею».

6 марта 1914 года во французской палате депутатов по запросу социалиста Альберта Тома премьер-министр Думерг ответил, что запрос западал: русское правительство уже заявило, что не допустит соглашения с Круппом и что договор между Путиловским заводом и Шнейдер-Крезе уже подписан 12 февраля 1914 года.

Альберт Тома был удовлетворен — интересы альянса не нарушены. Дружественные правительства и международные тресты вооружений столковались.

ИЮЛЬСКИЕ СОБЫТИЯ

Самый короткий вид митинга — митинг-молния. В мастерской внезапно дают аварийный звонок, машинист по этому звонку должен остановить мотор, а пока он доискивается, почему и отчего, — в несколько минут проходит митинг; объясняется самое главное, принимают решение. Через пять-десять минут рабочие снова на местах, мотор включен, все идет своим порядком.

1 июля 1914 года во всех механических мастерских прозвучал аварийный звонок. Передавали директиву: сегодня к пяти бросить работу. Объявляется часовая забастовка солидарности с бакинскими рабочими.

Рабочие нефтепромыслов в Баку бастовали уже целый месяц в очень трудных условиях. Им нужна была моральная и денежная поддержка, тем более что в последние дни бакинская полиция избиениями и принудительным выселением из квартир подавляла забастовку. Петербургский градоначальник особым распоряжением запретил всякие сборы в пользу бакин-

¹ Ленин, Сочинения, т. XIX, стр. 423.

² «Речь» № 20, 20 января 1914 г.

пер. Бакинская почта не передавала посылаемых рабочим денег, а обращала их в доход казны.

Большевистская фракция Государственной думы находила способы доставлять деньги по назначению. Сборы продолжались, несмотря на угрозы градоначальника. После митингов-молний на Путиловском заводе сборщики с шляпами, а то и просто с протянутой рукой обходили каждого рабочего:

— Давай на бастующих.

Люди давали — они знали, что значит держаться второй месяц.

Как раз в это время директор завода вывесил объявление, призывавшее жертвовать на воздушный флот. Подписные листы предусмотрительно раздали самым благонадежным рабочим по указанию цеховых начальников. В башенной сборщик на флот наткнулся на рабочего, собиравшего на помощь бакинцам и на «Правду»:

— Записать?

— Я сам записываю, — простодушно заметил правдист, а потом спохватился. — На что записываешь?

— На воздушный флот его императорского величества.

Правдист вытащил свой подписной лист и сказал:

— Наш флот покрепче. Гляди!

Листок был исписан с обеих сторон десятками номеров и цифрами ввоза. Флотский листок был почти чист.

В башенной мастерской верховодила «галерка». Во всех случаях башенщики ждали, что скажет галерка. Наверху, на открытых площадках, пристроенных к колоннам, работали самые квалифицированные слесари. Там сосредоточились большевистские силы, были там и меньшевики, были и эсеры. Большевикам галерки надо было при стачке сначала преодолеть у себя противодействие меньшевиков, привлечь на свою сторону колеблющихся, и тогда можно было идти вниз. Большим влиянием там пользовались большевики Д. Романов, М. Некрасов, К. Николаев. Помогал им молодой слесарь Иван Газа.

Пока наверху собираются, сходят по крутым лестницам, большевики, работающие внизу, — Виктор Пастернак в одном пролете, Дмитрий Ланин в другом, — кричат, что галерка пошла, и поднимают всю мастерскую.

Утром 1 июля на галерку прибежал Вася Урюпин, молодой большевик из турбинной, находившейся по соседству с башенной мастерской. Он сообщил, что турбинная собирается поддержать бакинцев стачкой. Ему сказали:

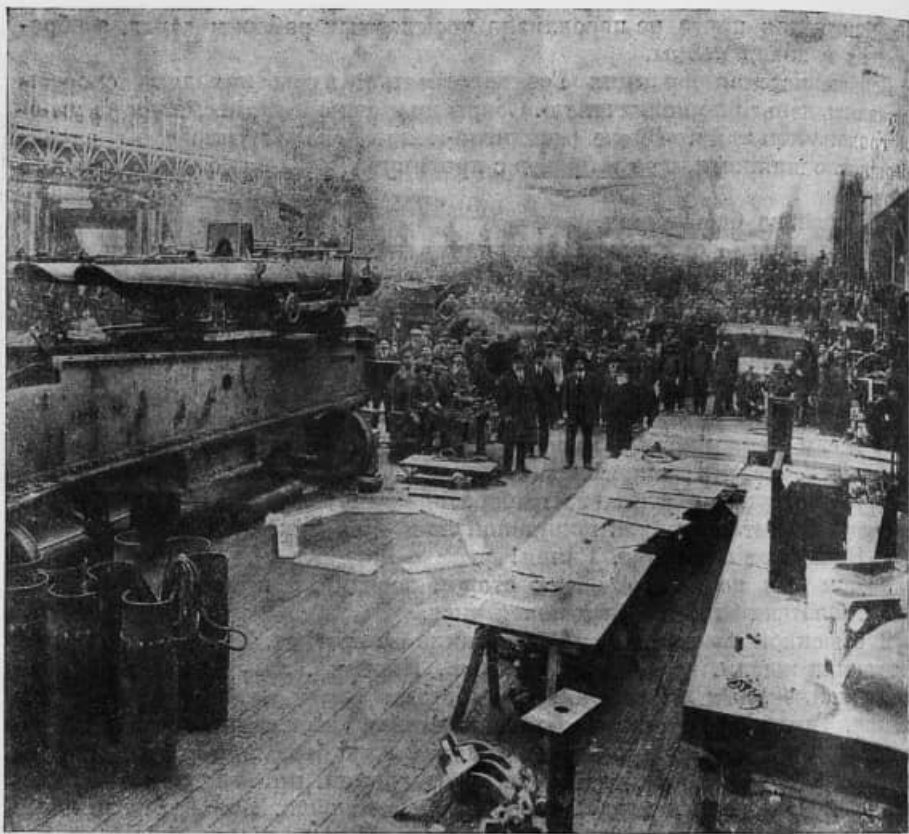
— Мы тоже поддерживаем, но выступим, когда получим указания от Петербургского комитета.

К полудню Шкапин получил от Петербургского комитета директивы. Иван Газа, Петр Кирышкин, Виктор Пастернак бежали мастерскую. Часовую забастовку протеста в башенной начали дружно. Тяжелые на подъем старички упирались:

— Почему мы первые? Пускай лафетная или пушечная первой выйдет.

— Пока к ним дойдем, они сами выйдут. Мы — дальние. Нам далеко идти, — уговаривал Газа стариков.

Башенщики собирались у разметочной плиты, посередине огромного, высокого цеха. Прибежал начальник мастерской В. В. Норкин. Котелок у него был сдвинут на затылок, вихор назойливо выбивался на лоб, бо-

Башенная мастерская

родка чуть помята. Это означало, что у начальника дела сегодня не ладятся.

— Сколько вам потребуется на обсуждение? — спросил начальник.

— Полчаса, — ответили ему.

— Хорошо, только я заберу несколько слесарей для экстренного ремонта.

В отличие от всех других начальников цехов, Норкин не принимал мер, чтобы разгонять или предупреждать митинги. Он мирился с ними как с неизбежным злом:

— Все равно митинг состоится, буду ли я противодействовать, или нет, — говорил он, — так лучше полчаса митинга, чем день «итальянки».

В заводоуправлении на Норкина косились, называли либералом, кудаком, но убрать с завода не решались: инженер Норкин хорошо знал башенное дело.

В пушечной какой-то молодой инженер решил повлиять на рабочих и предотвратить предстоящую стачку. Он любил обличать рабочих в политической малограмотности и ставить их втупик. Он и не подозревал, что в цеху меж собой рабочие называли его не иначе, как цыганкой-гадалкой.

или баннным листом: «Привяжется, как цыганка-гадалка на базаре, прилепится как баннный лист...»

— Вот, вы хотите бастовать, — сказал он одному рабочему. — Знаете ли вы, по крайней мере, по какой причине вы хотите бастовать?

Рабочий был не из передовых, плохо осведомленный. Именно таких и выбирал инженер для разговоров. Он ответил, что бастовать будут потому, что рабочим плохо живется.

— Вот видите! — обрадовался инженер. — Вы даже не знаете, из-за чего бастуете. Сейчас речь идет не об экономической забастовке. Из-за этого вы уже бастовали раньше, если помните. Сейчас забастовка политическая.

Рабочий, не смущаясь, добавил, что если политическая, то и это не плохо, — все ведет к одному.

— Но ведь вы не знаете причины именно сегодняшней забастовки, — торжествовал инженер. — Скажите мне теперь, по призыву какой политической партии вы хотите бастовать? Какая партия вами руководит?

Рабочий на этот вопрос не мог ответить точно. Он сказал:

— Да, наверное, есть какая-нибудь партия, ежели весь завод и весь город останавливаются.

Пушечная, лафето-снарядная, десятки других мастерских в пять часов собрались у часовни на митинг.

Башенную и турбинную выпустили в Шелков переулок, — полицейский наряд не дал им пройти в завод. Часть рабочих этих мастерских проникла со станции Пушкино через поездные ворота, часть пробралась в старый завод другими путями. Но они опоздали. Митинг был сорван провокаторами, которые закричали: «Полиция, полиция!» и создали панику. Оратор Иван Егоров едва успел сказать несколько слов и бросить лозунг: «Победа бакинских рабочих — наша победа».)

Спустя два дня, 3 июля, большевистская организация вновь собрала общезаводский митинг. Кузнечная, котельная, прессовая, чугунолитейная и лафето-снарядная мастерские вышли во двор и остановились у часовни. Они ждали прихода других мастерских около пятнадцати минут. Обычно за это время от проходной к месту собрания поспевала полиция и разгоняла митинг. Теперь почему-то ее не было видно. Башенная и турбинная на этот раз не были отрезаны полицейскими заставами от остального завода. Казалось, что заводским сыщикам не удалось заранее узнать о митинге и сообщить об этом в проходную. На самом деле администрация и полиция

Часовня, у которой собирались общезаводские митинги в 1905—1916 годах

знали о предстоящем митинге у часовни. Еще с ночи, задолго до начала работ, на заводе были спрятаны усиленные наряды пешей и конной полиции. Из бараков, помещавшихся за забором, они не выходили. Рабочие их не видели. Царское правительство готовило грандиозную провокацию. Полицейский офицер, поставленный во главе конного и пешего отрядов городских, спрятанных на Путиловском заводе, получил твердый приказ: не ожидая сопротивления, стрелять в рабочих.

У часовни на общезаводский митинг сочувствия бакинским рабочим собралось двенадцать тысяч путиловцев. Ораторы выступали открыто, рассказывали о стачке бакинцев, призывали рабочих поддержать бастующих и бросали в толпу боевые большевистские лозунги.

Никто не пытался разогнать митинг. Отряды полицейских вышли из укромных мест, но к толпе не подходили, а заняли все выходы у проходной завода. Когда после митинга к калиткам потянулась редкая цепочка рабочих, полицейские не трогались с мест и не препятствовали выходу. Но лишь только показалось мощное шествие и послышалось пение «Марсельезы», к проходным калиткам по знаку полицейского офицера подбежали городовые и захлопнули их. На Петергофском шоссе появился большой отряд конных полицейских. Ворота завода распахнулись. Отряд въехал во двор, и ворота закрыли. Звякнул засов. Демонстрация почти вплотную подошла к конным и остановилась, — идти дальше было некуда. Расчет полиции оказался верным: самые организованные и революционные рабочие оказались запертыми.

— Разойдись! — крикнул полицейский чин.

Люди чуть подались назад.

— Разойдись! — вторично прокричал полицейский.

Тысячи глаз смотрели на запертые калитки и закрытые ворота. Слева — мартен и прокатка, справа — здание проходной, позади уже мелькали полицейские кокарды.

— Куда разойтись?

Рабочие смотрели на городских.

Лица городских раскраснелись от выпитого вина и июльской жары. Конные сидели неподвижно, крепко сжимая шенкеля.

В третий раз крикнул полицейский чин:

— Разойдись!

Толпа качнулась, но осталась на месте. Люди не верили своим глазам.

— Разойдись! — в последний раз прокричал полицейский и махнул обнаженной палкой.

Конные ворвались в толпу, стегали нагайками, били палками. Рабочие бросились в стороны. Пешие городовые хватили людей, кулаками и палками загоняли их в проходную контору. Раздался револьверный выстрел — сигнал. За ним залп со всех сторон сразу.

Толпа в ужасе бросилась назад и еще гуще в стороны. Кто-то крикнул: «На баррикады!» С площадки у мартена, на которой лежали старые доски, камень, горы железа, в городских полетели камни. Раздался второй залп, а затем редкая беспорядочная стрельба. Все это продолжалось не более двух минут.

Калитки раскрылись. В узких, отделенных перилами проходах в суете и панике застревали рабочие. Задние напирали, застрявшие, сделав почти полный оборот вокруг собственной оси, выталкивались наружу. Не успевали они опомниться от толчков, как здесь, на улице, их встречали

3 июля 1914 года на Путиловском заводе

(Рисунок В. Серова)

нагайки. Шарахались назад, разбегались в стороны и неизбежно попадали под плетки конных полицейских.

Высокий рабочий, должно быть кузнец, — лицо его, как иголками, было исколото окалиной, — задыхаясь, крикнул:

— Палачи, разбой...

Плеть оборвала крик на полуслове. Рабочий упал, его топтали бегущие. Наконец, он поднялся. Из головы его сочилась кровь, лицо было неузнаваемо. Шатаясь, он побрел от ворот, но его настиг конный, и еще раз свинцовая плеть опустилась на голову кузнеца. Его подхватили и унесли в сторону.

Сотни избитых, шестьдесят пять арестованных, несколько десятков раненых, двое убитых — были результатом полицейского побоища.

Правительство хотело поскорее разделаться с революционным движением рабочих и подготовило провокацию, чтобы, начав с расстрела путловцев, потопить в крови назревающую революцию.

Арестованных уводили в участок. Вводили в полицейскую комнату по одному. В дверях каждого встречали так, что люди летели друг на друга. Затем, выстроив всех вдоль стены, окровавленных, в подтеках, синяках, отбирали у них инструменты (крон-циркули, стальные метры, нутромеры) и ножи. Помощник пристава, молодой, высокий, багровый, ходил вдоль шеренги, бил по очереди каждого с расчетом, чтобы голова ударялась о каменную стенку.

Среди арестованных был подросток. Помощник пристава с особым наслаждением ударил его.

— Зачем бить ребенка? — вступился за него рабочий из башенной.

Пристав повернулся к рабочему, ударил его по лицу, а потом неторопливо вытер руку о полу шинели.

Депутат думы Бадаев был вызван рабочими на завод. Администрация уклонилась от разговоров с ним. Из расспросов рабочих Бадаев выяснил обстановку расстрела и отправился в полицейский участок. Все комнаты участка были переполнены рабочими. Жестоко избитые арестованные лежали на скамьях, на полу, не имея сил ни стоять, ни сидеть. Некоторых городовые отливали водой. Полицейские держали себя с рабочим депутатом вызывающе, всячески показывая, что сейчас они хозяева положения. Из участка Бадаев поехал в «Правду».

Жестокое истязание рабочих продолжалось и после ухода Бадаева. Толчками, пинками загнали всех шестьдесят пять арестованных путловцев в комнатуху, рассчитанную на десять-двенадцать человек. Сидеть было негде, можно было только стоять. Жара была страшная. Пот лился градом с лица, выступал по всему телу. На полу образовалась жидкая кровавая грязь. Арестованных рассадили потом по другим полицейским частям. Все они просидели по три месяца.

Сообщение о расстреле путловцев, появившееся на другое утро в «Правде», вызвало в рабочей среде страшное негодование.

На Путиловском заводе ночная смена ушла еще с вечера 3 июля. Утренняя смена 4 июля ушла, не приступив к работе. Забастовали «Тильманс» и большинство мелких заводов района. Ушли с работы и триста путловцев, работавших на кораблях в Галерном городке.

Остановились предприятия Московского района. Демонстрация рабочих этого района с красным знаменем и революционными песнями направилась к Путиловскому заводу, выдержала два сражения с полицией —

Извещение «Правды» о расстреле путиловцев
3 июля 1914 года

у ворот «Скорохода» и затем вблизи соединительной ветки. У путиловской ветки полиция стреляла без предупреждения. Толпа дрогнула и на секунду остановилась. Рабочие схватили камни. Полиция, расстреляв патроны, обратилась в бегство. Выстрелами полицейских четверо рабочих были ранены, из них двое — тяжело.

На Выборгской стороне, которая бастовала почти вся, также стреляли по демонстрации у завода «Новый Лесниер». За Невской заставой семяниковцы демонстративно вышли за ворота, но пистолетами и нагайками были отеснены назад.

В первый день в Петербурге бастовало около двести тысяч рабочих. Из всех районов сообщали о расстреле демонстрантов. Градоначальник генерал Вендорф 4 июля затребовал у командующего войсками казачий полк для помощи полиции.

Нарвский районный комитет большевиков 4 июля выработал резолюцию, позже напечатанную в «Правде»: «Мы, руководящий коллектив последовательных марксистов Нарвского района, обсудив последнее событие на Путиловском заводе, выразившееся в расстреле полицией мирного митинга рабочих, самым решительным образом протестуем против наглых действий реакции и призываем всех рабочих внимательно относиться к данному явлению и заявить громогласно, что рабочий класс России не будет и не может спокойно смотреть на такие возмутительные случаи и что придет время, когда рабочие предъявят свой счет реакции и ответят дружными, решительными выступлениями».

Петербургский комитет большевиков выпустил прокламацию, в которой призывал рабочих столицы к всеобщей стачке:

«...Пьяная полицейская орда, напавшая на путиловцев, лишь исполняла волю царского правительства. Стихийным возмущением ответил рабочий класс Петербурга на эту попытку повторить кровавую Ляну на передовых рабочих... Пусть крик протеста и возмущения прокатится по всему Петербургу, по всей России. Поддерживая героически-начетую стачку протеста, мы зовем вас, товарищи, трехдневной забастовкой».

показать свою волю, свою сплоченность, свое негодование против всего режима царской монархии. Пусть [в] пятницу, понедельник не дымит ни одна фабричная труба, не стучит молоток, не открываются магазины. Пусть товарищи трамвайщики присоединятся ко всему сознательному пролетариату. Только собственной силой мы свергнем гнет современного режима, гнет самодержавной пайки разбойников. Только революционной борьбой добьемся мы человеческой жизни.

Присоединитесь же, товарищи, все: рабочие, приказчики, трамвайчики, служащие, к всеобщей трехдневной забастовке. Противопоставим наемным убийцам капитала и власти свою силу. Свою трехдневную забастовку закончим демонстрацией протеста. Сплоченными рядами, в мирной процессии, со своими знаменами и песнями, пусть рабочие пройдут в понедельник в 10 часов утра по улицам Петербурга. Ибо еще не пришло время для вооруженного восстания, и мы просим товарищей воздержаться от эксцессов. Да здравствует массовая политическая трехдневная стачка протеста!!! Долой царских убийц и царскую монархию!!!!»¹

5 июля путиловцы явились на завод, но не работали. В пушечной мастерской открылся митинг рабочих всего завода. Путиловцы выработали свои требования к администрации и властям: немедленно удалить полицию с заводов; освободить всех арестованных; разрешить создать комиссию из представителей профессиональных союзов и других рабочих обществ, которая выяснила бы число пострадавших, как 3 июля, в день событий на Путиловском заводе, так и в последующие дни. По окончании митинга все ушли с завода.

Директор Бринк, который несколько дней спустя на собрании заводчиков утверждал, что на заводе не было ни убитых, ни раненых, вывесил объявление: вследствие беспорядков на заводе, договор найма с рабочими, на основании пункта 4-го статьи 105 устава о промышленности, расторгается. Текст объявления соответствовал тексту, выработанному комиссией юристов при обществе заводчиков и фабрикантов. Он означал закрытие завода, хотя о закрытии не было сказано. Статьи закона, приведенные в объявлении, не оставляли для рабочего права на иск. В другом объявлении сообщалось, что кредита в потребиловке бастующим рабочим не будет. Бринк рассчитывал открыть завод 9 июля. Предполагалось, что к этому времени волнения улягутся.

Но события развивались все шире. Демонстрация, к которой призывало рабочих воззвание Петербургского комитета, назначалась на понедельник 7 июля, когда в Петербург должен был прибыть французский президент Раймонд Пуанкаре с эскадрой. В программу визита Пуанкаре, кроме официальных парадов и торжественных приемов в Царском селе и на президентском корабле, входило также и посещение города.

Демонстрация 7 июля должна была внести изменения в этот порядок. Следовало показать, что рабочий класс ничего не имеет общего с братанием русских и французских империалистов. Демонстрация носила явно антивоенный характер, хотя рабочие и не подозревали, что война уже решена.

Полиция, чтобы не испортить праздника, бросила все силы на Невский проспект и на подступы к нему. Невский проспект ей удалось отстоять. Кое-какое торжество в столице, короткое и тревожное, состоялось. Но уже в непосредственной близости от центра обнаруживались следы

¹ Памятники агитационной литературы, т. VI, стр. 76—77.

забастовки: трамваи с выбитыми стеклами, спешно направляющиеся в парк, толпы людей, пение революционных песен, суeta полиции, которой, из приличия перед гостями, приходилось воздерживаться от стрельбы. В этот день бастовало 130 тысяч рабочих, включая часть трамвайщиков, булочников, продавцов. В рабочих районах рабочие закрыли казенные и пивные. В этом участвовали и жены рабочих.

В Нарвском районе в эти дни положение оставалось прежним: закрытый завод, закрытые лавки, попытки демонстраций, столкновения с полицией. Часть булочников Нарвского района, бастовавших 7 июля, стали 8 июля на работу, но забастовала новая группа пекарей, в том числе сорок булочников Путиловского общества потребителей. Было опронуто несколько конок. 9 июля в седьмом часу утра несколько сот путиловцев направились к «Треугольнику», чтобы помешать треугольникам стать на работу. Снять «Треугольник» не удалось. Толпа пошла на Лейхтенбергской, закрыла несколько лавок.

Конца забастовки не предвиделось. Полицейские власти уже не могли справиться с движением, захватившим всю столицу.

Против петербургского пролетариата единым фронтом выступили заводчики и фабриканты, объявив массовый локаут. Путиловские хозяева закрыли свой завод. 8 июля был объявлен локаут на заводах Выборгской стороны. 35 тысяч локаутированных рабочих очутились на улице. Но и на этот раз царскому правительству и капиталистам не удалось сломить сопротивление рабочих, заставить их прекратить борьбу. 9 июля в Петербурге бастовало 120 тысяч рабочих, 10 июля — 135 тысяч; 11 июля — свыше 200 тысяч человек. Демонстрации происходили повсюду. Столкновения с полицией становились все чаще. На Выборгской стороне рабочие устроили баррикады и упорно оборонялись от наседавшей полиции.

Рядом с официальными отчетами о визите Пуанкаре газеты печатали гораздо более длинные сообщения из рабочих районов: о забастовавших предприятиях, о закрытых лавках, о баррикадах на Выборгской стороне, об арестах и избиениях рабочих полицией и о случаях сопротивления рабочих полиции.

Выступление петербургских рабочих с протестом против расстрела путиловцев местами вылилось в открытую борьбу — до уличных баррикад. Но дать решительный бой царизму рабочий класс еще не мог. Еще не пришло время вооруженного восстания. 11 июля Петербургский комитет большевиков, по призыву которого началась стачка, призвал рабочих организованно закончить борьбу:

«Товарищи! На полицейскую расправу над товарищами путиловцами Вы ответили громадной стачкой протеста, перешедшей в ряд демонстраций. Вы показали в эти исторические дни, что рабочий класс России не позволит издеваться полицейской банде убийц, выполняющей волю кровавого Николая...

Товарищи! Петербургский комитет призвал Вас к стачкам и демонстрациям. Вы единодушно откликнулись на его призыв. Мы зовем теперь Вас временно приостановить движение протеста так же организованно, как оно началось. Пусть славная стачка-демонстрация Петербургского пролетариата послужит новым толчком для пробуждения рабочих провинций, для укрепления партийных организаций. Вы показали, как сильно [будет] движение пролетариата в тот момент, когда он решит дать окончательный бой дворянской и царской монархии.

Баррикады на Выборгской стороне в июле 1914 года.
(С картины художника Н. Владимирова.)

Надо готовиться к этому решительному бою. Надо строить и укреплять организации. Надо усилить пропаганду и агитацию в провинции, которая еще слишком отстала. Надо разбудить крестьян и нести свет революции в крестьянское войско. И только тогда мы дадим решительный бой царизму, когда сами найдем момент подходящим, когда соберем свои организации. Правительство хочет раздавить нас в кровавом бою, когда пролетариат России еще недостаточно подготовлен. Не позволим же ему это сделать! Закончив временно стачку-демонстрацию, будем готовиться к решительному бою. Стройте организации, будите отсталых, усиливайте пропаганду и агитацию за лозунги Р.С.-Д.Р.П., втягивайте в движение железнодорожников и почтовиков. Учитесь обороняться от казаков и полиции. Становясь на работу, думайте, что надо энергично готовиться к революции!!!

Да здравствует вторая Русская революция!!!...»¹

Пролетариат столицы откликнулся на призыв своего руководителя — Петербургского комитета большевиков. 13 и 14 июля рабочие заводов, не подвергнутые локауту, работали полностью. Еще через два-три дня возобновились работы на всех остальных заводах. Героическая борьба петербургских рабочих, организованно начатая, организованно закончилась. В дни июльских событий рабочий класс России показал перед всем миром свою готовность к борьбе, свою тесную, неразрывную связь с партией большевиков.

Со времени первых забастовок периода нового подъема минуло два с половиной года. За это время каждый путиловец прошел основательную

¹ Памятники агитационной литературы, т. VI, стр. 77—78.

школу классовой борьбы: в среднем каждый рабочий бастовал не менее двадцати пяти раз, из них двадцать раз по политическим причинам.

Стачечное движение на Путиловском заводе за годы революционного подъема характеризуется следующими итогами: ¹

	1912 г.	1913 г.	1914 г. до 19 июля	Всего за 2,5 года
Число стачек	16	32	60	108
Из них: экономических	9	23	37	69
политических	7	9	23	39
Число участников стачек	74 300	100 900	210 300	385 500
Из них: в экономических стачках	15 100	16 000	28 700	59 800
в политических стачках	59 200	84 900	181 600	325 700

Стачки и демонстрации этих лет показали, как глубоко проникли лозунги и идеи большевиков в широкие массы пролетариата, как массы научились организованно и дисциплинированно подниматься, наступать, побеждать, а в случае необходимости — и отступать. 1914 год дал необычайный взлет революционного движения. Под руководством партии большевиков рабочий класс вел авангардные бои.

«Но в это время появилась на сцене новая сила международного порядка — империалистическая война, — которая должна была изменить ход событий... Царское правительство воспользовалось войной для того, чтобы разгромить большевистские организации и подавить рабочее движение. Подъем революции был прерван мировой войной, в которой царское правительство искало спасения от революции». ²

¹ Таблица составлена на основе данных о стачках на Путиловском заводе, привлеченных из архивных материалов и периодической печати 1912—1914 годов. Являясь наиболее полной картиной стачечного движения на Путиловском заводе, эта таблица, однако, не учитывает всего числа стачечников, так как сведения о некоторых стачках не дают возможности установить количество их участников.

² История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков), Краткий курс, 1938, стр. 152—153.

ГЛАВА VII

1914 — 1916

КОМУ НУЖНА ВОЙНА?

Приказ был ясен и короток. Мобилизация объявлялась всеобщей. Всем запасным вменялось в обязанность явиться 19 июля 1914 года к шести часам утра на призывные пункты. Опубликованный накануне в газетах приказ о частичной мобилизации автоматически отменялся.

За последние две недели газеты усиленно раздували австро-сербский конфликт. Шумные, крикливые манифестации в городе требовали у правительства: немедленно вступить за «братьев славян». О войне говорили много, говорили повсюду. И тем не менее, расклеенное по всем заставским углам темнокрасное объявление о призыве запасных показалось неожиданным. Люди подолгу вглядывались в большие черные буквы, точно не веря своим глазам, и отходили ошеломленные и растерянные.

Приказ появился 18 июля утром. Еще продолжался начавшийся накануне обратный прием путиловцев на завод. Брали всех без разбора, наспех отмечали в списке, совали номерок и направляли в мастерские. Инженеры, мастера, отметчики были молчаливы и сосредоточены. Они не корили забастовкой, не выискивали ее зачинщиков, не пререкались с рабочими, а утрюмо делали свое дело. О недавней стачке напоминали только казачьи патрули на Петергофском шоссе, отряды полицейских, стоявшие поодаль от завода, да огромные толпы рабочих у проходной конторы, где шел прием.

Георгий Шкапин стоял у ворот среди толпы, ожидая своей очереди пройти на завод. Он внимательно прислушивался к тому, что говорят вокруг. Говорили о войне. Мобилизация воспринималась как неожиданно обрушившееся бедствие. Всюду выражали недовольство войной. Одни высказывали недовольство в осторожных словах: не следовало бы России вмешиваться в войну, народу от нее будут одни лишь несчастья. Другие выражались резче — воевать не за что и незачем, или отзыались со злобой:

— Паны дерутся, у хлопцев чубы трещат.

Многие мобилизованные заявляли близким, что сбегут раньше, чем попадут на фронт.

В обед Шкапин созвал в больничной кассе, под видом заседания правления, группу активных большевиков, чтобы обсудить вопрос, как действовать дальше. Шкапин изложил, что, по его мнению, нужно делать теперь: необходимо разъяснять рабочим истинные цели войны, ее характер, ее последствия. Не все рабочие ясно представляют себе, что эта война — грабительская. Народу она несет только беды и страдания. Надо рассказать об этом рабочим, разъяснить, что война затеяна в интересах буржуазии.

В мастерских в этот день к работам не приступали. Трансмиссии вертелись, но станки стояли. Рабочие собирались группами, обсуждали газетные известия, провожали мобилизованных товарищей. Мастера делали вид, будто ничего не замечают, — они выполняли приказание начальства: не возбуждать рабочих, не нажимать на них, пока мобилизованные находятся в цехах.

В уборной башенной мастерской весь день толпились люди. Запасные по уговору приходили сюда прямо из цеховой кладовой, куда сдавали инструмент, и из конторы, где получали плату за полтора проработанных дня. Приходили в последний раз поговорить с товарищами, поделиться своими заботами: у всех оставались дома семьи, которым предстояли страшные, голодные дни.

Разговоры понемногу захватывали всех. Беседа превращалась в митинг. Большевики говорили о том, что вот теперь новых царских солдат погонят на фронт сражаться с такими же рабочими и крестьянами, как они, за ненасытные аппетиты капиталистов и помещиков, о том, что эта грабительская, ненужная война несет народу голод и нищету, а капиталистам прибыль и благоденствие, о том, что самодержавие воспользуется военным временем для подавления революционных выступлений.

— Может, и вас заставят стрелять по своим, — говорили большевики мобилизованным. — Не должно быть этого! Обещайте отказываться от усмирений! Обещайте разъяснять в казармах, кому нужна война! Обещайте и дальше бороться за революцию!

В ответ мобилизованные обещали выполнить то, что требовали от них товарищи. Обещали везде оставаться путиловцами, пролетариями. Обещали писать. Крепко пожав товарищам руки, расходились.

Такие импровизированные митинги, организованные большевиками, происходили почти во всех мастерских завода. Среди рабочих распространялись прокламации, выпущенные несколько дней назад — накануне объявления войны — Петербургским комитетом большевиков:

«Кровавый призрак веет над Европой. Жадная конкуренция капиталистов, политика насилия и захвата, династический расчет и боязнь за

привилегию перед растущим международным рабочим движением толкают правительства всех стран на путь милитаризма, на путь увеличения военщины, давящей своими расходами трудовой народ всех земель и всех цветов...

Царское правительство заявило себя в грядущем конфликте «покровителем и освободителем» славянских народов, но мы здесь видим не покровительство, а лишь жажду захвата новых владений. Оттиснутые Японией с востока, наши безответственные кровавые правители путем тайных дипломатических соглашений пытаются ловить рыбу в мутной воде ближнего Востока».¹

Как никогда горячо и охотно брали рабочие эти маленькие белые листки, в которых разъяснялась правда о войне, передавали из рук в руки, жадно читали их.

Вечером Нарвская застава стонала. Не было ни одного дома, где бы не плакали женщины. Мрачные и подавленные сидели мобилизованные — им предстояло завтра, бросив семьи на произвол судьбы, уйти надолго, может быть навсегда. Приходили соседи по квартире, знакомые, приятели. Иногда кто-нибудь из молодых ребят хвастливо говорил:

— Пустяки — война! Повоеюем! — но тотчас же осекался, оглядываясь на товарищей, на плачущую мать. И через минуту сам потихоньку вытирал глаза.

Ходили от приятеля к приятелю прощаться. Некоторые услужливо приносили с собой шкалик водки. Пили только дома — продажа спиртных напитков с этого дня была запрещена. За водкой развязывались языки. Старики, побывавшие на японской войне, вспоминали холод манчжурских степей, зуботычины офицеров.

На заставских улицах было много пьяных. Весь вечер переклипались тревожные свистки: происходили стычки с полицейскими. Мобилизованные, которым терять было нечего, поймав в темном переулке городского, скручивали ему руки, жестоко избивали, а затем быстро скрывались в темноте. На Богомоловской улице из окна одного дома какой-то парень громко закричал толпившимся во дворе рабочим:

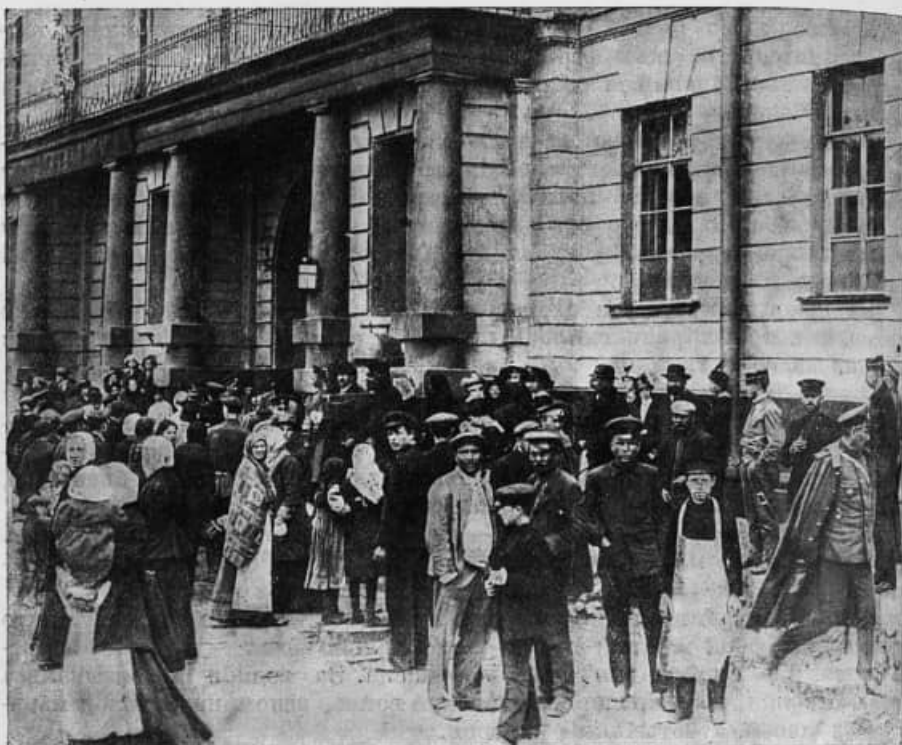
— Братцы, нас соблазняют Дарданеллами. На кой нам чорт Дарданеллы? У нас у самих Дарданеллы в каждом переулке!..

Прибывавший околоточный выстрелил из револьвера, чтобы разогнать толпу.

Всю ночь не спала застава. Всю ночь по-разному звучал один и тот же вопрос обессиленных слезами женщин: «Что же дальше?»

Запись мобилизованных для отправки в казармы началась 19 июля в шесть часов утра. Весь двор петергофского полицейского участка был заполнен запасными и ратниками первого разряда, а у низкого досчатого забора плакали тысячи женщин, провожавших на «цареву службу» своих мужей, сыновей и братьев. Около полудня мобилизованных построили в ряды, сделали перекличку и под конвоем полиции и унтеров повели в город, в казармы. Запасные шли понуро. Иногда вспыхивала разухабистая песня, но не найдя поддержки, потухала. Многие в последний раз несли на руках, на плечах ребят, и те, удивленные и испуганные, смотрели кругом широко раскрытыми глазами. По краям тяжелой мужской толпы, шатая полусгнившие мостки заставской па-

¹ Памятники агитационной литературы, т. VI, стр. 80.

У призывного пункта

нели, вздымая клубы мелкой пыли, текла стремительная, гудящая толпа женщин и ребятишек. Они шли мимо часто расставленных по всему Петергофскому шоссе и Старопетергофскому проспекту казачьих развозов. Дворники в белых передниках стояли, как часовые, каждый у своего ворот, у трехцветного царского флага.

Пыль, поднятая толпой мобилизованных и провожатых, еще не угасла, как со двора путиловской церкви двинулась на шоссе манифестация. Шли лавочники, домовладельцы, путиловская администрация, барыни в шляпках, а за ними члены общества хоругвеносцев в кафтанах с серебряными галунами, члены «Союза Михаила Архангела», — мрачная, черносотенная публика. Ветер надувал хоругви, покачивалось в золоченой раме постное лицо Николая II. Манифестанты запели «боже, царя храни», но голоса их потерялись в шуме улицы, и они, не допев, замолкли.

Рабочие смотрели на них с озлоблением:

— Их бы самих на войну. То-то запели бы!

На Невском в это время сшибали шапку со всякого, кто не хотел снять ее перед портретом царя. Не то было за Нарвской. Под пронзительные свистки и едкие насмешки оробевшая кучка черносотенцев единственный раз прошлась по шоссе и больше собираться не посмела.

В этот день, 19 июля, Германия объявила войну России. Кайзеровская Германия давно искала случая, чтобы начать жестокую борьбу за новый

передел мира, за новые колонии. В империалистической войне столкнулись две группы империалистических хищников: с одной стороны Англия, Франция и Россия, с другой — Германия и Австро-Венгрия. Началась невиданная по своим размерам кровопролитная мировая война.

И на другой и на третий день являлись мобилизованные путиловцы в полицейский участок. Все новые и новые толпы рабочих двигались под конвоем к сборным пунктам. Казармы города не могли вместить полчища новых солдат. Под казармы пришлось срочно приспособить бани, конюшни, рестораны. Многие путиловцы попали в Ямские бани и там, в тесноте, на нарах в три яруса сидели под охраной часовых, ожидая своей участи.

Но у проходной уже висел приказ об отсрочке призыва рабочим четырнадцати военных мастерских Путиловского завода. Такой же приказ был объявлен и на верфи. Родственники и товарищи мобилизованных бросились разыскивать их по городу. Через некоторое время по спискам были возвращены квалифицированные рабочие и из других цехов. Из пяти тысяч мобилизованных путиловцев три с половиной вернулись как специалисты. Заводу предстояли огромные военные заказы. Администрация боялась остаться без людей. Под рубрику специалистов были подведены почти все профессии, кроме чернорабочих.

Администрация Путиловского завода с первых дней объявления войны была уверена: теперь с рабочим движением покончено. Завод — военный, и всякая забастовка будет означать подрыв боевых действий фронта. За забастовки грозили суровыми карами. И тем не менее, уже на третий день войны, 21 июля, шестьдесят землекопов верфи бросили работу, требуя повышения заработной платы.

Проводы мобилизованных в армию

Месяц назад такая стачка прошла бы незаметно; теперь же о ней было сообщено министру внутренних дел. Землекопов не арестовали и не рассчитали, как этого можно было ожидать; наоборот, немедленно удовлетворили их требования. Но самое возникновение стачки было повернуто против директора верфи К. А. Орбановского, ставленника немецкой судостроительной фирмы «Блом и Фосс». Специальная комиссия выясняла, могла ли фирма «Блом и Фосс» до войны добросовестно работать на русский военный флот? Комиссия нашла, что крейсер, заложженный немцами, нельзя спустить в воду и что корпус его недостаточно крепок. Обнаружили также «бродячую сваю» под одним из упоров эллинга — эллинг мог рухнуть. Орбановского, а заодно и многих немцев быстро убрали.

По заводу распространились слухи о том, что лица немецкого происхождения из высших служащих завода и верфи нарочно подстрекали рабочих к стачкам, чтобы нарушить нормальный ход работы военного предприятия. Слухи распространялись департаментом полиции с целью возбудить в путиловцах шовинистические чувства.

С напряженным вниманием следили рабочие за размахом, какой приобретала война, ожидая решительного выступления против нее пролетариев других стран, в особенности Германии.

Каждый день приносил новые ошеломляющие известия. Каждый день новое государство вовлекалось в круговорот войны.

19 июля Германия объявила войну России.

21 июля Германия объявила войну Франции.

22 июля Англия объявила войну Германии.

В этот же день Германия объявила войну Бельгии. Предварительно германские войска заняли значительную часть бельгийской территории.

24 июля началась война России с Австрией.

29 июля Франция и Англия объявили войну Австрии.

В начале августа Япония вступила в войну с Германией.

В течение двух недель конфликт между двумя европейскими государствами превратился в мировую войну, небывалую в истории.

Неужели международная социал-демократия не призвет народы всего мира помешать чудовищной бойне? Неужели в эти ответственные минуты не скажут своего веского слова вожди II Интернационала, за несколько дней перед тем призывавшие пролетариат демонстрировать свою волю к миру? Эти вопросы во весь рост встали перед путиловскими большевиками. Эти вопросы мучили и Шкапина, когда он пробежал газетные строки. В конце июня страховики Петербурга, собравшись на конференцию на одном из островов устья Невы, выделили Шкапина делегатом на международный социалистический конгресс, который предполагалось созвать в Вене.

Товарищи готовили его к отъезду с большой любовью и старанием. Собирали ему материалы, давали советы, как перебраться через границу, обряжали, кое-кто предлагал сшить особые сапоги «со скрипом и конспирацией». Конгресс должен был решать вопрос о борьбе с надвигающейся войной. Но из-за разразившейся войны конгресс собраться не смог. Шкапин не сомневался в том, что невысказанное на конгрессе будет особенно веско и убедительно сказано сейчас. Он уверенно отвечал на вопросы товарищей: скоро против войны зазвучит мощный голос социал-демократии, — решения Базельского конгресса Интернационала, состоя-

шегося два года назад, обязывают каждого социал-демократа решительно и всеми мерами бороться против войны.

Но уже 17 июля в газетах промелькнуло сообщение о том, что австрийские социал-демократы сваливают ответственность за войну на сербов, которые, по их мнению, сильно провинились перед Австрией. А 22 июля в трех воюющих странах — Германии, Франции и Бельгии — социалистические фракции парламентов голосовали за военные кредиты и высказались за поддержку своих правительств. Вандервельде, глава II Интернационала, получил министерский портфель.

Весть об измене вождей II Интернационала была самой ошеломляющей из всех вестей. Несколько дней подряд Шкапин ходил мрачный. Он попал под град перекрестных вопросов рабочих. Недоуменно и растерянно спрашивали его рабочие, как расценивать этот шаг социалистов. Некоторые говорили Шкапину: не ошибаются ли большевики, выступая против войны. Тем более, что к защитникам войны присоединился такой авторитет, как Плеханов, объявивший себя оборонцем.

Большевики еще и еще раз повторяли, что война эта — грабительская, что у рабочих при капиталистическом строе нет отечества и цель их, как и прежде, одна — революция. Шкапин называл социалистических вождей и Плеханова предателями и клятвопреступниками, нарушившими собственные обещания, и доказывал, что сторонники пролетарского интернационализма не так бессильны, как хотят представить их враги.

Все ощутительнее с каждым днем чувствовали рабочие потребность узнать всю правду о войне. Они брали нарасхват газеты, подробно обсуждали сообщения с театра военных действий. В модельной даже купили карту и флажками отмечали движение армий. В обеденные перемены слышались как будто совсем невинные замечания: «Вот бы кто разъяснил, что это происходит?» При этом вопрошающий искоса бросал лукавый взгляд на того, кого подозревали в распространении революционных прокламаций.

Меньшевики открыто стали высказываться за «оборону отечества», решительно возражая против всяких выступлений рабочих во время войны. Призывая прекратить борьбу против капиталистов и самодержавия, они, так же как и все другие партии II Интернационала, открыто стали на сторону царского правительства в войне империалистических государств.

Молодой большевик железнодорожного цеха Федор Лемешев, недавно поступивший на завод, попытался узнать у своего соседа по тискам, меньшевика Давыдова, на кого из рабочих можно рассчитывать, начиная антивоенную агитацию. Давыдов охарактеризовал рабочих так, что получалось: никакой агитации вести нельзя, никто слушать ее не будет, да и зачем тянуть людей на каторгу? Лемешев оставил Давыдова в покое и стал действовать самостоятельно.

Литейщик Максим Анисимов жаловался Шкапину на то, что помощи в работе нет ниоткуда, большевистской литературы тоже нет и он не знает, что делать. Шкапин отвечал:

— А ты без литературы. Сам агитируй.

— Какой я агитатор? — сумрачно отмахнулся Анисимов. — Языком едва плету...

Шкапин терпеливо разъяснял ему, что сейчас, когда людей мало, а работать стало трудней, каждый большевик должен мобилизовать все

свои силы, сделать больше, чем мог бы сделать в обыкновенное время. Вести антивоенную работу некому, а рабочие ждут живого слова о войне. Нужно добиваться, чтобы каждому рабочему стало ясно, в чьих интересах началась эта грабительская война, нужно вызвать в массах глубокое возмущение войной. Пусть Анисимов вспомнит последние листовки Петербургского комитета — они-то являются хорошей основой для его агитаторской деятельности. Анисимов ушел ободренный.

Разговаривать со Шкапиным у разметочной плиты стало теперь опасно. После того как мобилизованные вернулись в цеха, власть мастеров и начальников сделалась неограниченной. По приказу военного ведомства 31 июля 1914 года все рабочие, получившие оторочку, приравнивались к военнотруженикам. За уход с работы или забастовку рабочего предавали военному суду как дезертира. Заводская администрация пользовалась этим. В моду вошел окрик:

— К воинскому захотел?

И случалось нередко — рабочий, проявивший свое антивоенное настроение, вдруг исчезал. Все знали, что его отправили на фронт. Военно-полицейский террор начал действовать с первых же дней войны.

К Шкапину чаще всего ходили в больничную кассу, которая теперь стала центром путиловских большевиков. Так было и по всему городу: больничные кассы оказались единственными уцелевшими от разгрома легальными рабочими организациями.

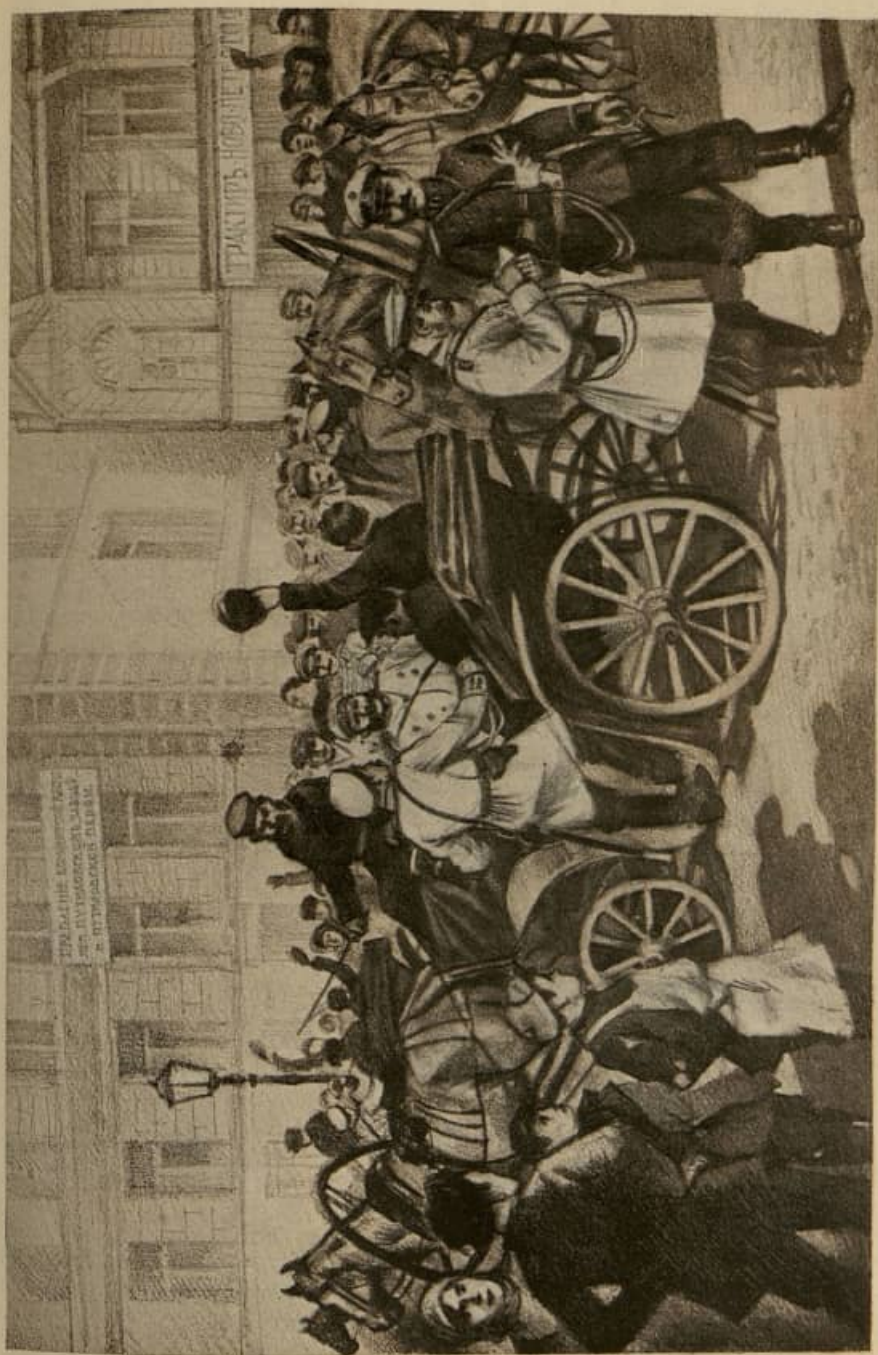
Иногда в кассе собирался районный комитет. Небольшая группа активных большевиков, избежавших июльских арестов и мобилизации, назначала там явки, встречи, устраивала летучие совещания. На одном из совещаний договорились о том, что надо сейчас делать, — каждый получил задание.

Иван Козлов приходил в кассу после работы усталым. Сказывались болезни и годы. Шкапин посоветовал Козлову перейти в больничную кассу на должность контролера. И ему будет легче, и партийной организации выгодней. Иван Козлов мог говорить душевно, умел вникать в жизнь и нужды рабочего. В должности контролера он получал возможность обходить больных и агитировать в домашней обстановке. Козлов поступил контролером.

Павлу Богданову сказали, чтобы он сидел у себя в котельной, по цехам пока не ходил. Шкапин считал, что Богданова надо беречь, — если его заберут, котельная останется без руководства. Анисиму Костюкову предложили, пользуясь своим богатым опытом жизни, агитировать исподволь в лафето-снарядной. Ивана Бушуева, более молодого, Шкапин связал с городскими центрами. Бушуев служил связью, ездил за листовками, встречался с десятками людей, но никого из них не знал. Был он смел, напорист. И ему нравилась такая сугубо конспиративная работа: пришел, сказал пароль, получил, что надо, ушел.

Шкапин продолжал работать в Страховом совете, был связан с Петербургским комитетом и другими районами города. Он побывал в городском районе, достал прокламации, принял участие в подпольном выпуске районной большевистской газеты «Рабочий голос» и принес пачку газет за Нарвскую заставу. Максиму Анисимову вручил экземпляр одному из первых.

Петербургский комитет в своей второй листовке писал, четко разъясняя большевистскую линию:

Арест работников Путиловской большой кассы — август 1914 г.

(Рисунок Н. Павлова)

«...В такой момент не может молчать Социал-Демократия. Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия жива, и только она может сейчас сказать рабочим массам: товарищи! правительство и буржуазия посеяли ветер — они пожнут бурю!

Неисчислимые бедствия несет война русскому народу и прежде всего рабочему классу и крестьянству.

Но поражения или победу принесет война официальной России и ее союзникам — все равно рабочий класс проникнется еще глубже сознанием, что современный строй держится только на крови, насилии и обмане, что выход из такого положения один — *революция*.¹

Листовок не хватало. Районный комитет решил выпускать их собственными силами. Шкапин и служащие больничной кассы написали листовку, размножили на пишущей машинке и копии все до одной разбросали по заводу. Листовки, подписанные Нарвским районным комитетом РСДРП, появлявшиеся одна за другой несколько раз в течение августа, показали рабочим, что организация существует, борьба не затихла. Охранка искала, откуда, несмотря на аресты, по городу расходятся большевистские листовки.

26 августа был арестован Петербургский комитет партии. На этот же день охранка наметила арест путиловских большевиков. Фортунато заранее сообщил в охранку фамилии и адреса служащих кассы и рабочих, подозреваемых в революционной деятельности. Но в день предполагаемого ареста выяснилось, что большинство разыскиваемых охранкой людей по указанным адресам не прописаны.

Охранка решила взять большевиков в больничной кассе.

Через провокаторов полиции было известно, что на 31 августа намечено собрание служащих-большевиков. Шкапин и секретарь кассы созвали собрание, чтобы обсудить, как через Нарвский район воссоздать Петербургский комитет. Служащим было легче, чем рабочим, держать связь с другими районами, им и хотели поручить это дело.

В субботу 31 августа в час дня раздался телефонный звонок. Мужской голос вежливо спросил, когда кончается работа в кассе.

— В час.

— Спасибо.

В два часа полиция оцепила дом, арестовала девятнадцать человек, забрала бумаги и дела кассы. По субботам работу кончали на заводе в два часа. Арестованных выводили как раз в это время. У здания кассы, выстроившись вдоль тротуара, стояло до десятка извозчиков. Арестованных сажали по-двое, городовые с револьверами наготове становились на подножки, извозчик трогал. Вереница извозчиков растянулась. Издали это было похоже на богатую заставскую свадьбу. Вблизи становилось видно, в чем дело. Рабочие узнавали своих товарищей — членов правления кассы и служащих. Их приветствовали, махали фуражками, смотрели долго вслед.

На допросе Шкапин держался вызывающе. Это записали в протокол, и запись пошла по всем инстанциям вплоть до министра внутренних дел, готовившего большой судебный процесс. Но процесса не вышло, так как уличающего материала оказалось немного. Всех арестованных, подержав в тюрьме, выслали.

¹ Памятники агитационной литературы, т. VI, стр. 87.

Георгий Шкапин был выслан в Кострому. В Костроме он задержался недолго. Его тянуло в большой пролетарский центр. Не имея возможности попасть в Петербург или в Москву, он уехал в Харьков. Там он был вскоре же схвачен полицией, просидел несколько месяцев в тюрьме и снова был выслан в Кострому, а оттуда — взят в армию. На тяжелой царской службе, простудившись на одном из смотров, он, истощенный, умер в военном госпитале в Москве в ноябре 1915 года. Рабочие башенной мастерской, узнав о смерти своего лучшего товарища, собрали в пользу его семьи около ста рублей.

Петербургский комитет большевиков, воссоздавшийся в начале сентября 1914 года, быстро восстановил все связи. От путиловцев связь с ним стали держать Иван Яковлевич Козлов и электрик Иван Егоров, работавший на верфи. Затихшая было после арестов деятельность большевиков в больничной кассе вскоре возобновилась. В новом правлении кассы, избранном в октябре, из двенадцати человек было семь большевиков. Козлов, Егоров, Орлов и другие регулярно чередовались в маленькой комнате дежурного члена правления. Козлов попрежнему выглядел болезненным и усталым. Товарищи, замечая нездоровый цвет его лица, покрасневшие веки, сочувственно замечали:

— Людей заставляешь лечиться, а сам на кого похож? Съездил бы в деревню.

Козлов отмалчивался.

Работы теперь предстояло много, работы кропотливой, упорной, будничной — по разъяснению главного вопроса:

— Кому нужна война?

Администрация завода в эту пору развила необычайно шумную «патристическую» деятельность. Было организовано «попечительство о семьях призванных на войну», и по заводу стали проводить сборы в пользу солдаток. На эти же цели из заработка рабочих вычитали по два процента. Бухгалтерия завода открыла новый счет: «Пособия семьям призванных на войну».

Обычно денег на всех солдаток не хватало, и простояв у здания попечительства на Ушаковской по несколько часов, солдатки нередко уходили обратно ни с чем, плача и проклиная войну. Случалось, что потерявшие терпение женщины выбивали стекла, и тогда для умирения их спешно вызывали полицию.

С первых же дней войны домовладельцы повысили квартирную плату, а за отказ платить больше прежнего без церемоний выселяли. Никаких просьб об отсрочке они не хотели и слушать; солдаткам приходилось переезжать в худшие квартиры или, приютившись в углу, впускать жильцов. Цены на продукты повысились на другой же день после объявления мобилизации. Озлобленные женщины, предводительствуемые солдатками, разгромили лавки на рынке.

У проходных ворот время от времени появлялись объявления вроде: «Вспомните о страждущих на поле брани наших героях и предохраните их от холода, обогрейте их тело теплой одеждой, а сердце их нашими заботами».

Заводские служащие, члены попечительства, расхаживали с подшитыми листами и кружками по заводу.

В среде большевиков обсуждался вопрос, как относиться к этим сборам. Мнения высказывались различные. Одни заявляли, что так как война

захватническая, поддерживать ее не следует ничем. Надо бороться с буржуазной благотворительностью, одновременно оказывая давление на правительство и буржуазию, чтобы они как следует обеспечили семьи ушедших на войну. Ссылались при этом на случаи отказа со стороны рабочих пожертвовать хотя бы несколько копеек. Такие случаи были часты. Рабочие говорили:

— Кто посылал на войну, тот пускай и жертвует.

Официальные сборы давали по заводу ничтожные цифры — в среднем от восьми до десяти копеек на человека.

Другая точка зрения была: сборы все равно проводятся, и насильственные отчисления существуют; нужно не отказываться от них, а попытаться взять распределение полученных сумм в свои руки.

В большинстве цехов в первые же дни войны были даже выделены специальные уполномоченные для распределения сумм среди солдаток. Эти уполномоченные вскоре завоевали большое доверие рабочих. Администрации пришлось примириться с ними. Рабочие поддерживали своих товарищей.

Вопрос о сборах волновал не только путиловцев. Партийное совещание 30 сентября — 1 октября 1914 года, созванное большевистской фракцией думы, приняло решение: в силу создавшихся условий, сборы производить, но только своими силами, придавая этим сборам характер исключительно классовой товарищеской самопомощи, но никак не поддержки войны.

Большевистская агитация делала свое дело. В октябре на заводе началось волнение по поводу резкой разницы в заработках рабочих военных и всех других мастерских. Кое-где дело доходило до «итальянских» забастовок. Число нарушений порядка, записанных в штрафные книги, не уменьшалось по сравнению с июнем — последним предвоенным месяцем. Администрация, разрешившая однажды собрания рабочих, убедилась, что там не только обсуждается вопрос об открытии лазарета, как значилось в повестке дня, но и выступают против войны. С этих пор директор, если и разрешал устройство собраний по поводу какого-нибудь сбора, то не больше, чем на пятнадцать минут, с обязательным участием начальства.

Первые месяцы войны большевики посвятили разъяснению рабочим вопроса — почему возникла война и кому она нужна. В первое время в этом было главное. Но при разъяснении империалистической сущности войны, естественно, возникал вопрос: какие же задачи стоят теперь перед партией пролетариата? Под какими лозунгами вести массы на борьбу? Как сформулировать свое отношение к войне?

Вскоре на это был получен четкий и ясный ответ.

Едва вырвавшись из австрийской тюрьмы, Ленин написал свои знаменитые тезисы, которые впоследствии легли в основу «Манифеста» ЦК РСДРП, напечатанного в номере 33 «Социал-демократа». Депутат думы, большевик Ф. Самойлов, которого война застала за границей, привез эти тезисы в Россию. Одновременно — окольными путями через Швецию — пришли первые экземпляры «Социал-демократа», отпечатанные на тончайшей бумаге.

Для обсуждения «Манифеста» и тезисов была созвана всероссийская конференция. Конференция собралась 2 ноября 1914 года в Озерках. Собралось одиннадцать человек. От Петербургского комитета участвовал

Большевики-депутаты Государственной думы в ссылке

путиловец Иван Яковлевич Козлов. Первый вечер был посвящен практическим вопросам партийной работы. Каждый делегат рассказал о положении дел у себя на месте. Козлов тоже сделал короткое сообщение о настроении рабочих Путиловского завода. Следующие два дня обсуждали антивоенную платформу партии.

4 ноября около пяти часов вечера, сорвав с петель дверь, в квартиру, где работала конференция, ворвался отряд полиции. Всех присутствующих, не исключая и депутатов Государственной думы, тщательно обыскивали. Козлов не имел при себе ничего уличающего, но и его повели в жандармское управление. Через день, в ночь с 5 на 6 ноября, были арестованы все пять депутатов думы.

В феврале 1915 года над депутатами состоялся суд.

«На суде выяснилась картина деятельности думских депутатов, которая делала честь нашей партии. Мужественно вели себя большевистские депутаты перед царским судом, превратив его в трибуну для разоблачения захватнической политики царизма».¹

По приговору царского суда большевистские депутаты IV Государственной думы пошли в вечную ссылку в Туруханский край.

В ответ на арест думской большевистской фракции Петербургский комитет призвал рабочих к однодневной забастовке. Некоторые заводыкликнулись на этот призыв. Но стачки были разрозненны и малочисленны.

¹ История Всесоюзной Коммунистической партии (большеви́ков), Краткий курс, 1938, стр. 164.

Полиция и войска задушили их в самом начале. Многие рабочие попали на фронт. Условия военного времени не позволили поднять стачку. Пришлось ограничиться распространением прокламации, выпущенной по поводу ареста.

Конференция не удалось обсудить тезисов Ленина о войне, но они дошли до рабочих масс. На квартире Василия Орлова в одно из воскресений ноября собрались путиловские большевики. Иван Егоров читал «Манифест» вслух.

«Задачей с.-д. каждой страны должна быть в первую голову борьба с шовинизмом данной страны...

При данном положении нельзя определить с точки зрения международного пролетариата, поражение которой из двух групп воюющих наций было бы наименьшим злом для социализма. Но для нас, русских с.-д., не может подлежать сомнению, что с точки зрения рабочего класса и трудящихся масс всех народов России наименьшим злом было бы поражение царской монархии, самого реакционного и варварского правительства, угнетающего наибольшее количество наций и наибольшую массу населения Европы и Азии...

Превращение современной империалистской войны в гражданскую войну есть единственно правильный пролетарский лозунг, указываемый опытом Коммуны, намеченный Базельской (1912 г.) резолюцией и вытекающий из всех условий империалистской войны между высоко развитыми буржуазными странами».¹

Экземпляр «Социал-демократа» ходил по рукам до тех пор, пока на страницах не стерлись буквы. «Манифест» переписывали от руки и на машинке больничной кассы, читали надежным рабочим. В новом свете предстала вся дальнейшая работа партии — работа, становившаяся теперь еще более почетной, но вместе с тем и более трудной и сложной.

Путиловская большевистская организация пополнилась новыми людьми. Еще в октябре в Петербург вернулся токарь Дмитрий Романов, приехавший из Николаева, где Путиловский завод достраивал крейсер. Он устроился в пушечную. В котельную поступил чеканщик Тимофей Барановский. Медицинская комиссия, созданная для освидетельствования не столько здоровья, сколько благонадежности принимаемых рабочих, имела некоторые основания признать его негодным. В бурные дни пятого года большевик Барановский во время стачек выводил тяжелых на подъем котельщиков, участвовал в боевых дружинах, дрался с черносотенцами и был уволен одним из первых. Но военные заказы не ждали, и комиссия на многое теперь смотрела сквозь пальцы. Старый друг Барановского, шумный Павел Богданов, встретил его с распростертыми объятиями:

— Явился? Вот и прекрасно! Работы у нас теперь — горы!

Нарушенные арестами связи между большевистскими группами в мастерских постепенно восстанавливались. Сил было все же недостаточно — в некоторых мастерских большевиков совсем не осталось или они насчитывались единицами, в других — молодые, неопытные большевики не могли как следует разъяснить лозунги партии по отношению к войне. Барановский получил связи в нескольких местах завода. Человека три-четыре собиралось в укромных местах мастерской, и Барановский растолковывал им, почему партия стоит за поражение своего правительства.

¹ Ленин, Сочинения, т. XVIII, стр. 65—66.

Некоторые рабочие, которым большевики говорили об этом, спрашивали: не получается ли, что пропаганда этого лозунга в России усиливает германский империализм? Большевики разъясняли, что этот лозунг — не только для пролетариата России, но и для рабочих всех воюющих стран. Через некоторое время у Барановского появился новый и сильный аргумент. Барановский говорил товарищам:

— Слыхал, депутат немецкого рейхстага Карл Либкнехт отказался голосовать за новые военные кредиты? Там, брат, тоже наши действуют.

Павел Богданов обрадовался случаю вырваться за пределы своей мастерской, и его можно было видеть повсюду, главным образом в горячих цехах. Ивану Егорову, который перешел работать на завод электромонтером по ремонту электросети, было удобнее всех: он мог ходить на мастерской в мастерскую без опаски. Большевицкая пропаганда распространялась по всему заводу.

В шрапнельной мастерской большевикам пришлось столкнуться с людьми, которые как будто высказывались против империалистической войны, но в то же время возражали против лозунга превращения войны империалистической в гражданскую. Это была группа, связанная с «Межрайонным комитетом объединенных социал-демократов», чаще называемым просто «межрайонкой». Пользуясь временным ослаблением большевистских сил после разгромов, «межрайонка», до тех пор не имевшая связей с путиловскими рабочими, попыталась пустить на заводе корни. «Межрайонцы» демагогически утверждали, что организация большевиков разгромлена, Петербургского комитета не существует и они берут на себя миссию восстановить подполье. На эту удочку попались некоторые мало осведомленные и неустойчивые большевики.

На Путиловском заводе в группе, связанной с «межрайонкой», состояли рабочие, только что пришедшие на завод. В группе было не более десятка людей. Андрей Бодров, молодой рабочий модельной мастерской, связывавший группу с центром «межрайонцев», был в недавнем прошлом меньшевиком-партийцем, а сейчас считался одним из деятельных членов этой организации. Слесарь шрапнельной Михаил Белкин приехал из глубокой провинции, попался на удочку «межрайонки», и теперь, как и до войны, носившейся с фарисейским лозунгом «единства». «Межрайонка» декларировала, что ее цель — объединить в одной партии большевиков и некоторых меньшевиков. Белкин не понимал, что нельзя соединить несоединимое, что такое объединение будет беспринципным. Александр Яковлев, считавший себя большевиком, пытался что-то возразить против объединения, но под влиянием Бодрова сдался. Ни у Белкина, ни у Яковлева не было ясного понимания, как относиться к происходящей войне.

«Межрайонцы» во время войны были центристской организацией. Они боролись против большевиков, но они не были также во многом согласны с меньшевиками, занимая, таким образом, промежуточное, центристское, колеблющееся положение.¹ «Межрайонцы» выступали против ленинского лозунга превращения войны империалистической в войну гражданскую, то есть на деле — против подготовки революции и за отказ от классовой борьбы во время войны. Они высказывались против

¹ История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков), Краткий курс, 1938, стр. 190.

большевистского лозунга поражения своего правительства. Их антивоенные высказывания были, по существу, «левой» фразой.

Путиловские большевики решили, что следует расколоть заводскую группу «межрайонцев», оторвать случайно попавших туда рабочих. Барановский и Павел Богданов беседовали с каждым из них в отдельности, разоблачали их промежуточные, непоследовательные позиции. В конце января 1915 года было созвано собрание группы. Явились не только путиловские «межрайонцы», но и их петербургские руководители во главе с пособником Троцкого Юреневым.¹ На собрание пришли большевики вместе с представителем Петербургского комитета, который сделал подробный доклад, разоблачив центристские позиции «межрайонцев». После долгих споров, затянувшихся чуть ли не до утра, участники собрания, рабочие, решили порвать с «межрайонкой» и войти в заводскую организацию большевиков.

К февралю большевистская организация завода окрепла. Появились люди, были восстановлены связи между мастерскими. И главное, было ясное понимание задач партии в связи с империалистической войной. Ведя кропотливую, будничную, на первый взгляд незаметную работу, большевики твердо знали, что некоторое затишье первых месяцев войны — временное и что рано или поздно наступит новый мощный подъем рабочего движения.

ВОЙНА И ЗАВОД

Царь вступил в войну, выставив на фронт семь тысяч пушек с запасом снарядов приблизительно в семь миллионов штук. За всю японскую кампанию было израсходовано менее миллиона, и считалось, что семи миллионов снарядов для войны с Германией вполне хватит.

Этот запас снарядов иссяк после первых же месяцев войны; остатки его, разбросанные по огромному тылу, не покрывали минимальной потребности фронта. Убыль в орудиях на деле оказалась гораздо более значительной, чем предусматривали мобилизационные планы. По оценке штаба одной из действующих армий, ежемесячная убыль орудий, вследствие расстрела канала ствола, составляла 6—7 процентов всего числа орудий. Каждый месяц надо было готовить смену в 400—500 штук, не считая орудий для новых формирований. В действительности, за все пять месяцев 1914 года на фронт поступило 355 легких орудий (полевых трехдюймовых пушек, полевых гаубиц и т. д.).² Бездарное военное командование во главе с дядей царя, великим князем Николаем Николаевичем, не способно было обеспечить русскую армию артиллерийским снабжением. Большая программа перевооружения артиллерии, на которую ассигновалось около полумиллиарда рублей, была утверждена только 24 июня 1914 года — за три недели до начала военных действий. Военный министр, немецкий шпион Сухомлинов, выполняя задания немецкой разведки, срывал снабжение фронта снарядами, пушками, винтовками.

¹ Впоследствии Юренев был разоблачен как участник троцкистско-бухаринской шпионской банды.

² А. Маниковский, Боевое снабжение русской армии в войну 1914—1918 гг., т. II, 1930.

В распоряжении Главного артиллерийского управления было всего четыре завода, производивших орудия: Петроградский оружейный, Пермский, Обуховский и Путиловский. Царицынский завод Виккерса в начале войны строился и стал работать лишь с весны 1916 года.

Петроградский оружейный завод помещался в центре города на одной из лучших улиц, на Литейном проспекте, у Невы, не имел своего литейного — ни стального, ни медного, работал на чужих отливках и поковках. При полном напряжении он мог выпустить не больше сорока орудий в месяц.

Пермский пушечный завод имел свое литейное, но начав с тридцати орудий, он в дальнейшем, в течение двух лет, не мог давать больше шестидесяти—семидесяти пяти орудий в месяц. Обуховский завод обслуживал морское ведомство, а для сухопутной артиллерии выдавал по несколько десятков орудий в год. Таким образом, в трудный момент правительство могло опираться лишь на Путиловский завод, который и прежде являлся основным поставщиком полевой артиллерии мелких и средних калибров. Он один давал столько орудий, сколько все остальные заводы вместе взятые. Но и Путиловский совершенно не покрывал потребности. К весне 1915 года, когда командующий одной из германских армий, Маккензен, двинул свою артиллерийскую фалангу в 1500 тяжелых орудий и погнал русские войска из Галиции и Польши, соотношение артиллерийского огня на фронте было приблизительно следующим: три тысячи выстрелов с немецкой стороны — сто выстрелов с русской.

Война изменила планы банкира Путилова. Договор со Шнейдером о финансировании Путиловского завода на сумму в двадцать восемь миллионов рублей, заключенный накануне войны, остался нереализованным. Зато война открыла перед Путиловым другие широкие просторы наживы: казенные заказы, поставки интендантству. Свое требование миллионов Путилов переадресовал казне. Шнейдер был скинут со счета. Связь с ним была прекращена. Морис Верстрат, французский наблюдатель за операциями Русско-Азиатского банка, бросил дела и уехал на родину.

С первых дней войны банк наполнился искателями наживы: комиссионерами, торговцами, биржевыми зайцами. Они скупали накладные на сукно или портяночный материал и перепродавали их с надбавкой в интендантство. Спекулянты приходили в банк за деньгами. Банк учитывал векселя, снимал свой процент. Но Путилову этого было мало. И когда официальная версия военного ведомства, будто армия прекрасно снабжена, потерпела крушение, Путилов ввязался в дело снабжения.

Что такое первый миллион раненых? Миллион кроватей, два миллиона простынь, три миллиона рубашек и кальсон, пятьдесят тысяч градусников, бесконечное количество бинтов и ваты. Что такое три миллиона русских солдат, попавших в плен? Три миллиона пар сапог, которые ушли к немцам, три миллиона винтовок, брошенных перед пленением на землю и захваченных немцами, три миллиона шинелей, гимнастерок, подсумков, вещевых мешков. Огромные перспективы открывала перед спекулянтами каждая сдававшаяся крепость; а кроме вещевых пейзажей к немцам переходили сотни тысяч снарядов, которые тыл должен был пополнять.

От металлической промышленности фронт прежде всего потребовал трехдюймовой шрапнели. Производство шрапнелей пришлось ставить

заново. В мирное время о мобилизации промышленности для военных целей думали очень мало. Работали только два завода с месячной производительностью в 50 тысяч снарядов. Военное ведомство спешно созвало совещание частных заводчиков. Помощник военного министра генерал Беляев неосторожно произнес слова:

— Какой угодно ценой...

Трехдюймовая шрапнель легко осваивалась. Каждое предприятие, даже кустарное, располагавшее простейшими токарными станками, могло, получая заготовки со стороны, приобщиться к заказам на шрапнель. Путилов отличался от других поставщиков тем, что он уже давно приготовился: на Путиловском заводе шрапнельные бараки начали строить еще до объявления войны, приблизительно за месяц, и тогда же была получена партия станков из Англии и Германии. Это не был результат соглашения с военным министерством, которое в то время еще гордилось своим семимиллионным запасом. Это была собственная инициатива генерала Меллера, одного из подручных Путилова, который понял, что пришло время ставить шрапнельное производство.

Шрапнельные мастерские были готовы на четвертый месяц войны. К тому времени несложные станки, полученные из-за границы, размножили при помощи собственной модельной и литейной. Из всех углов завода снесли разные мелкие станки, которых набрали до семисот. От старых заказов, времен еще японской войны, в кладовых остался запас центральных трубок для шрапнелей. И они пригодились. На четвертый месяц войны военное ведомство было достаточно сговорчивым. Казна присчитала по два рубля двадцать копеек к стоимости каждой шрапнели первого трехмиллионного выпуска. Таким образом, Путилову удалось получить ссуду на постройку уже построенного завода.

Шрапнельные мастерские оказались золотым делом. Капитал оборачивался тут быстрее, чем где-либо. В первый же год Путиловский завод дал шрапнелей на 25 миллионов рублей, а пушек и лафетов только на 23 миллиона.

— Русская артиллерия в недалеком будущем замостит снарядами путь к победе, — хвастливо заявили промышленники на съезде «практических деятелей по изготовлению снарядов».

Образцы снарядов производства завода

Пулеметная

Для этого хвастовства у них были основания. Изготовлением снарядов и шрапнелей в это время занимались не только военные заводы, но и многие другие, включая бисквитные и шоколадные фабрики.

Обстановка на фронте позволяла поставщикам заявлять любые цены. Путиловский завод давал шесть тысяч шрапнелей в день, и каждая шрапнель дважды проходила банковскую обработку: в первый раз — как материал, поставляемый банком для производства, второй раз — как готовые изделия, уходящие к заказчику через банк. Вся задача путиловских правленцев — ставленников банка — в том и заключалась, чтобы доставлять банку как можно больше возможностей получать прибыль. Ежедневно с завода отбывали эшелоны шрапнелей, ежедневно поступали в банк пачки актов. В банке «снимали процент».

Эта ежедневная добыча банка списывалась по книгам как комиссионные и торговые расходы и не входила в официальную прибыль, так же как куртаж самого Путилова, миллионная премия пяти членам правления и премия цеховой администрации. В 1915 году администрации шрапнельных мастерских было ассигновано 235 тысяч рублей специальной премии. Эта сумма была поделена между тремя начальниками, пятнадцатью мастерами, тридцатью пятью кладовщиками и конторщиками. При дележе первые трое получили больше, чем все остальные вместе взятые. Мастера, поощряемые премиями, не давали рабочим ни минуты передышки.

Выпуск орудий непрерывно увеличивался. Завод, изготовлявший в первые месяцы войны по тридцать пушек, к лету 1915 года уже выполнял задания в 150-180 орудий в месяц. Новомеханическая мастерская, башенная, частично паровозомеханическая бросили работать по специальности и перешли на пушечную работу.

В пушечную мастерскую непрерывно добавляли людей и оборудование: число токарей удвоилось, а число подручных токарей увеличилось в семь раз. Благодаря трехсменной работе и предельной загрузке рабочего дня, коэффициент полезного действия станка в пушечной в 1915 году удвоился по сравнению с предыдущим годом. Металлургический отдел, пресовая, кузница всю сталь, все поковки гнали для артиллерийских мастерских, предоставив паровозному отделу снабжаться через другие заводы. Все невоенные и частные заказы были отложены на неопределенное время. Основные силы завода были брошены на трехдюймовую пушку и трехдюймовый снаряд.

Была, однако, черта, которую Путилов переходить не хотел. В последний предвоенный год у Путилова появился конкурент — царыцынский завод Виккерса. Война застала царыцынский завод в начале стройки, он еще не давал продукции, и потому Путиловский завод сохранил свое первостепенное значение для военного ведомства. Было неизвестно — сохранит ли он его после войны, когда завод Виккерса начнет работать. Стоило ли расширяться для того, чтобы после войны остаться с огромным количеством пушечных станков и без заказов на пушки?

Путилов как председатель Русско-Азиатского банка перестал «доверять» себе как председателю путиловского правления. Он уже достаточно средств бросил на расширение и перестройку завода для военных нужд. И так завод финансируется Русско-Азиатским банком сверх нормы. Пусть теперь дальнейшие расходы понесет казна. Калькуляции на пушки путиловские хозяева составляли с таким расчетом, чтобы из первого же валового заказа покрывать все издержки на новое оборудование. Путилов требовал гарантий и авансов, оперируя восьмизначными цифрами. Казна отвергала его калькуляции и заставляла выполнять старые контракты, соглашаясь лишь на некоторые военные надбавки.

Путилов добивался заказов на пушки, крупно зарабатывал на поставках кожи, сахара, сукна, но вкладывать деньги в Путиловский завод больше не хотел — он боялся революции. Французский посол Палеолог писал о Путилове как о единственном человеке среди своих петроградских знакомых, который уверенно говорил в тесном кругу о неизбежности революции в России.

«— Дни царской власти сочтены, — говорил Путилов. — Она погибла, погибла безвозвратно; а царская власть — это основа, на ко-

торой построена Россия, единственное, что удерживает ее национальную целостность... Отныне революция неизбежна...»

Дата разговора — 2 июня 1915 года, то есть время сравнительно благополучное. Варшава и Вильна были еще в русских руках, забастовок внутри России было мало, царской власти как будто ничто не угрожало. И тем не менее Путилов говорил о ней уже в прошедшем времени: она погибла, погибла безвозвратно. Будущая революция ему рисовалась как «ужасающая анархия, бесконечная анархия... анархия на десять лет...» Он говорил: «Мы увидим вновь времена Пугачева, а может быть, и еще худшие...»¹ Раз дело идет к концу, раз впереди пугачевщина, не стоит больше вкладывать банковские деньги в расширение завода, а надо переложить весь риск на казну. Когда Маккензен громил в Польше русскую армию, Путилов как руководитель банка закрыл кредит Путиловскому заводу и одновременно как глава завода потребовал у казны ссуды в 36 миллионов рублей. В расчете на тупоумие царских бюрократов, Путилов хотел сразу сорвать с казны огромный куш. Но на этот раз расчет не удался.

Путилов и его завод были на плохом счету у Гучкова, Родзянко и других вождей русского империализма, которые к этому времени начали играть роль в деле снабжения армии. Комиссия Гучкова, обследовавшая завод, пришла к выводу, что наиболее сильный из русских оружейных заводов — Путиловский — в труднейшее для страны время работает в полсилы. Старые заказы, полученные по ценам мирного времени, задерживаются, а в первую голову идут более поздние заказы, полученные с военной надбавкой. Правление не принимает мер, чтобы доборудовать кузницу и прессовую, которые слабы и мешают росту производительности военных мастерских. Паровозные и вагонные заказы надо передать какому-нибудь другому заводу, — взамен паровозов завод может дать несколько десятков лишних орудий в месяц. Финансовые дела правления чрезвычайно запутаны и т. д.

Доклад комиссии Гучкова, составленный после двухдневного обследования, был поверхностным и преувеличенным, но не содержал обвинений в прямой измене.

Гучков уверял, что Путиловский завод мог бы дать пушек значительно больше, чем дает. Но этому препятствуют Путилов и его ставленники, которые не хотят расширять металлургию и кузнечное производство. Главная цель путиловского правления — гнать шрапнель, срывать у правительства крупные авансы, получать кредиты и не выполнять заказов. Гучков доказывал, что правление общества Путиловских заводов ведет свою линию вопреки интересам снабжения фронта.

В ответ на доклад Гучкова правление составило обстоятельное опровержение. Писал его Дрейер. Некоторые обвинения Гучкова ему удалось опровергнуть. Основной пункт путиловских неполадок — несогласие с казной в ценах на пушки, из-за чего дальнейшее расширение завода делалось нерентабельным, — был в записке обойден. Эти мотивы нельзя было открыто высказывать, и приходилось бубнить с видом обиженных патриотов и неумеренно ссылаться на свои заслуги: «Воистину, — писал Дрейер, — прав и заслуживает похвалы в России

¹ М. Палеолог. Царская Россия во время мировой войны, изд. «Петроград», 1923, стр. 232—233.

тот, кто ничего не делает. Мы же со своей стороны можем сказать, что сделали все, что могли и что было в наших силах».

На самом деле путиловское правление сделало все, чтобы еще больше запутать дела завода, в особенности его финансовое положение. Это выяснилось 25 октября 1915 года на заседании Особого совещания по обороне, куда был направлен доклад Гучкова. Оказалось, что правление прекратило платежи, успев набрать у казны авансом 40 миллионов рублей и получить у Государственного банка кредит в 11 миллионов. Кроме того, правление задолжало Русско-Азиатскому банку огромные суммы. Между тем, на заводе накопилось невыполненных заказов на 180 миллионов рублей. Особое совещание по обороне решило секвестровать Путиловский завод, то есть взять его в казну. Против секвестра возражал представитель министерства торговли и промышленности.

Путилов, узнав о решении Особого совещания, нажал на все рычаги. Власть финансового капитала была велика. Вопрос о секвестре пошел на вторичное рассмотрение совещания. 7 ноября 1915 года Путилов давал объяснения. Он доказывал, что все зло на Путиловском заводе пошло оттого, что не удалось из-за войны реализовать выпуск акций на французском рынке, возражал против выводов Гучкова о задолженности завода и представил цифру невыполненных заказов в шесть раз меньшую, чем та, которую указывал Гучков. Путилов лавировал, умело замазывал прорехи в делах завода и ловко повернул вопрос: нужна помощь казны, и завод будет работать как следует.

Представители капиталистов в Особом совещании по обороне во главе с Родзянко выступили против секвестра Путиловского завода. Главный аргумент их был: можно испугать промышленников и иностранных капиталистов. При решении вопроса о применении секвестра голоса разделились поровну: 16 — за, 16 — против. Вопрос о секвестре пошел на рассмотрение царя.

Мощный нажим финансового капитала решил вопрос о секвестре. Агент Путилова, финансовый делец Манус, которого газеты называли не иначе как «пресловутый Манус», «навевлял» Распутину сон, что завод секвестровать не надо. Царь согласился с «вещим» сном Распутина и приказал не налагать секвестра на Путиловский завод.

Правление под предлогом необходимости быстрого увеличения выпуска пушек получило от казны ссуду еще в пять миллионов рублей. Но в то же время в состав правления были введены правительственные инспектора, которые имели право «вето», право отменять решения банковских и заводских директоров. При участии инспекторов было проведено дальнейшее сокращение паровозной работы до одного-двух паровозов в месяц. Паровозный отдел был перетасован: паровозосборочную отдали под сборку пушек и лафетов, а для сборки паровозов отвели угол в башенной мастерской, которая также не работала по специальности. Развал старинного паровозного отдела был завершен.

Военные инспектора заставили ускорить переоборудование кочегарок на заводе. По их настоянию был введен в программу завода шестидюймовый снаряд, который к тому времени получил особое значение. Этот снаряд гораздо труднее осваивался и был менее выгоден. Поставщики, в том числе Путиловский завод, всячески отлынивали от него и продолжали гнать трехдюймовую шрапнель. В задачу военных инспекторов входило сломать это сопротивление, заставить завод освоить шестидюймовый снаряд.

Инспектора были напористы. Они следовали директивам начальника Главного артиллерийского управления Маниковского, который говорил о Путиловском заводе:

— Неплохой завод, но, к сожалению, находится в цепких лапах банкиров. Банкиры думают о прибылях, а не о защите родины. Они слишком много торгуются. У них — баланс, актив-пассив, различные соображения, а мы — военные люди, и нам сейчас не до этого.

Инспектора на практике показывали, что активы-пассивы их не касаются, и если им говорили, что у завода нет денег на то или иное оборудование, они отвечали:

— У вас есть Путилов. Пусть он даст денег. У него хватает денег на рубахи и на портянки. Портянка ему удобнее: портянку купил и продал, а пушку еще надо делать.

ЦАРЬ НА ЗАВОДЕ

С ночи на завод были присланы егеря царской охоты, в серых кафтанях, с зелеными жгутами вместо погон. Усы и бородки у всех были подстрижены одинаково. Егеря ходили по заводу, заглядывали в мастерские, осторожно подходили к печам, к станкам. Заводская обстановка для них была нова. Несколько егерьей пошли на мартен смотреть выпуск плавки. Ночевали они по мастерским, кто где. Кроме егерьей, в завод были впущены штатские люди, агенты дворцовой охраны, сопровождавшие царя при всех его поездках. Помимо охраны царской особы, в задачу агентов входило замешиваться в толпу, изображать народ, кричать «ура», поднимать настроение. По роду своей работы агенты имели разнообразный гардероб. На Путиловском заводе им впервые понадобились рабочие блузы.

В цехах шла уборка: скоблили грязь, очищали проходы, раскладывали инструмент поаккуратнее. Строительный цех был на ногах: сооружали в мартеновской мастерской помост, с которого царь будет наблюдать выпуск плавки, прокладывали мостки от остановок узкоколейки к дверям цехов.

В заводском депо стояло несколько пассажирских вагончиков с мебелью, крытой сукном. Эти вагончики редко бывали в ходу. В одном из них ездил когда-то по заводу тучный, похожий на каменную бабу, акционер Ляский. В новейшее время из этого вагончика много раз обзирал завод член ревизионной комиссии путиловского правления, биржевик Манус. Французские граждане Дарси и Перони, представители парижского банковского синдиката, прежде чем дать ссуду на расширение завода, прокатились в этом же вагончике. Ездил в нем и французский инженер Пюи, побывавший на заводе в начале войны для обмена опытом. Сейчас вагончики и паровозик «Малютку» освежили, почистили, подали на линию.

В конторе у Фортунато спешно составляли список рабочих, которые годились бы для разговора с царем. В каждом цеху намечали одного-двух стариков. В пушечную послали запрос: что представляет собой токарь Семенов, георгиевский кавалер, которым неплохо было бы козырнуть перед царем?

Рабочие отнеслись к приезду царя мало почтительно.

— Однако осмелел, — говорили про царя в курилке башенной. — Год назад он к нам наверное бы не сунулся...

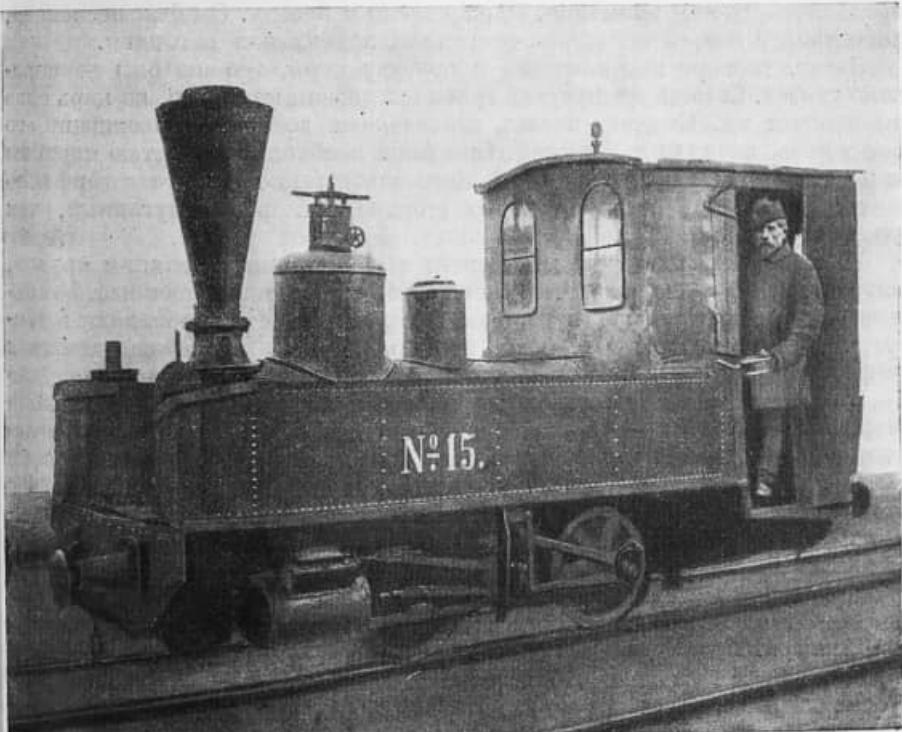
— А теперь едет. Значит, изменилось что-то.

— Сейчас даже меньшевики, хоть бы наш Кузьмин, говорят: мы с царем сосчитаемся после войны, а пока война продолжается, борьбу надо прекратить. Кузьмин, ты какую готовишь встречу? Будешь кричать ура?

— Воздержусь, но если ты засвищишь, я начну кричать ура, чтобы показать, что я не с тобой...

Царский поезд прибыл на станцию Пушкино к двум часам 31 марта 1915 года. Начальство ожидало царя у ворот. Тут были: товарищ министра внутренних дел, шеф жандармов Джунковский, градоначальник князь Оболенский, глава путиловского правления Путилов, члены правления Бринк, Дрейер, новый директор завода генерал Меллер. Путилов всего лишь второй раз приезжал на завод.

Городовой Шумилин, наряженный и начищенный до благолепия, стоял на посту напротив заводских ворот. Этот городовой мог лучше начальства оценить необычность положения. Из этих ворот год назад выносили знамена с надписью «Долой самодержавие», за этими воротами в предвоенные июльские дни стреляли по рабочим, еще раньше, в 1905 году, отсюда началось шествие, расстрелянное царем. Начальство выше пристава сюда не ходило. А сейчас тут были: сам градоначальник, сам шеф жандармов, сам царь. Городовой застыл перед высоким начальством.

Паровозик «Малютка».

Царь был малоподвижен, не умел произносить речей, не любил общаться с подданными: он не поехал бы на завод, если бы не нужда. Фронт давно уже, с конца четырнадцатого года, сидел без снарядов. Зимой при малой активности немцев фронт еще мог держаться, но весной немцы готовили широкое наступление. Миллионам немецких снарядов русская армия могла противопоставить главным образом штыки в руках плохо обученных солдат. Понадобилось спешно поднять энтузиазм у рабочих, делающих артиллерию, и царь, надев шинельку поскромнее, поехал на завод «сливаться» с народом.

Охрана обставила «слияние» необходимыми предосторожностями. Кроме егерей и шпиков, рассеянных по заводу, были еще конвойцы — рослые черноусые люди в черкесках с красной грудью и с кинжалами поперек живота. Конвойцы, чтобы не нарушать декорума «единения», шли в отдалении, а царя окружала свита генералов и полковников, отлично вымуштрованная свита, которая во-время брала царя в кольцо, во-время расступалась и выдвигала его на первый план.

В самом начале произошла заминка. У проходных калиток скопились рабочие. Они смотрели на царя молча, хмуро, но с любопытством. Царь покосился на толпу, подергал себя за усы справа и слева. Повернулся к встречавшему его начальству. Путилов и директора сняли цилиндры, чтобы затем три с половиной часа ходить за царем с непокрытой головой. Джунковский представил их царю поименно. Каждому была подана рука, пожалована улыбка, состоявшая из легкого движения верхней губы, отчего начинали шевелиться усы, — и все это вместе называлось знаком внимания. Царя повели к поезду. Он был неспокоен, поглядывал вперед и с явным сомнением поднялся в вагончик.

Завод, наскоро подчищенный к приезду царя, все же был неистово грязен. Свежие доски среди грязи выглядели нарочито, но царь едва ли замечал их. Свежие, наспех сколоченные доски сопровождали его всю жизнь, начиная с Ходынки. Они были необходимой частью картины при всех его встречах с народом. Зато завод был для него совершенно новой вещью. Он поглядывал по сторонам, скорее испуганный, чем заинтересованный.

Мартеновская мастерская, высокая, с застекленным верхним ярусом, снаружи напоминала вокзал, но очень закопченный и загроможденный. Угольные платформы, въезжая в огромные арочные ворота, пропадали в темноте. Далеко внутри мастерской в сумраке была видна неподвижная наклонная струя огня. Из печки выпускали очередную плавку.

Ржавые холмы металлического лома занимали большую площадь около мастерской. Холмы — на них можно было проследить заводскую геологию — образовались давно, через них были проложены тропки. Плашная магнитного крана, на шарив нужную вещь, опустилась на цепях и сейчас же поднялась вверх, унося массивный кусок металла. Машинист с высоты четырех этажей руководил ею. Его тележка наверху некоторое время шла вровень с царским поездом. Болванка нависла над поездом, вызывая у пассажиров желание вобрать голову в плечи. Царь и генералы удерживались от этого движения. Штатский Путилов опасливо посмотрел на Меллера. Меллер, единственный человек в вагоне, понимавший работу крана, показал знаком, что беспокоиться нечего.

Когда поезд проезжал мимо котельных, его, как дождем, обдало молоточной дробью чеканщиков, лягом и скрежетом электрических сверл.

В кузнице, откуда копоть выходила языками через отверстия в крыше, стекла были закопчены до черноты. Пламя горнов проступало через них бледными пятнами. Пятна колебались, спадали и расширялись. Люди ходили около огней, как грозные тени.

Царь тоскливо смотрел вперед. Дымная и ржавая перспектива завода казалась бесконечной. А ведь все эти страшноватые корпуса, с их огнями и скрежетом, придется на обратном пути обходить пешком. Не сократить ли программу посещения? Царь оглянулся на дворцового коменданта Воейкова. Воейков подался вперед. Царь сказал ему несколько слов.

Обход начался с шрапнельного завода. Черные новенькие шрапнельные бараки напоминали спешно воздвигнутый холерный госпиталь. Все в этих бараках было временное: стены, станки, люди. Стены строились с расчетом, чтобы они простояли, не падая, до конца войны. Станки, собранные отовсюду, были простейшего типа и не годились для другой работы. Люди в большинстве не имели рабочего прошлого и стали рабочими благодаря войне. Свежему человеку легче всего было поступить на шрапнельный завод, потому что он был новый и потребовал сразу несколько тысяч человек.

Деревенские люди пришли сюда в надежде поправить за счет войны свои деревенские дела и получить отсрочку. Рубль еще был рублем, дороговизна только начиналась. Деревенский ходил по заводу, как золотоискатель, и работал в две жилы: если сегодня ободрал за смену четыреста стаканов, завтра обдерет пятьсот. Казалось ему, что он самый хитрый человек: вы там воюйте, бунтуйте, рассуждайте, а я тем временем, авось, подведу дом под черепицу... Но война была хитрее его, и когда накапливалась нужная сумма, оказывалось, что рубль перестал быть рублем, покатился вниз, и уж тут не до черепицы, а лишь бы прокормиться. И тогда он начинал понимать, что он не самый хитрый.

Торговцы и кустари поступали на шрапнельный завод, потому что автоматы шрапнельных мастерских после трех дней обучения давали квалификацию и отсрочку по мобилизации. В другом цеху так быстро отсрочку не получали. Торговцы работали сколько требовало приличие. Душа и главный заработок оставались в собственной лавочке, в собственной мастерской, где хозяйничала жена.

По утрам к шлагбауму подъезжала собственная пролетка с солидным кучером и седоком в богатой шубе. У шлагбаума из шубы вытряхивался купеческий сын в рабочей блузе и с жестянкой, вливался в рабочий поток, шел на шрапнельный завод.

Здесь же на шрапнельном заводе, кутая шею в кашне, работал на автомате молодой оперный актер. Он боялся сквозняков, хотя сквозняки, гулявшие в мастерской, были ничтожными в сравнении с окопным сквозняком, который загнал его на завод.

Техника шрапнельного дела во время войны двинулась вперед. Шрапнель уже не сверлили из целого куска и даже не штамповали на прессах по одной, а прокатывали машинным способом. В кузнице стояла длинная машина системы Каргополова, которая быстро выбрасывала черные шрапнельные чухи. На машину ходили дивиться потому, что она в десятки раз ускоряла гонку шрапнели, и кроме того потому, что она была собственная: сконструирована путиловским инженером и построена на Путиловском заводе. После закалки шрапнельная чухка шла в барак на станки и в широком потоке проходила операции обрубки, обдирки,

зачистки, набивки пояса, нарезки. С другого конца барака шрапнель, звонкая и блестящая, уходила в сборку.

Царь обошел бараки один за другим. Прием удовлетворил его. Актер, воодушевившись, прокричал «ура» трижды, как на параде. Воинственные торговцы присоединились. Деревня подхватила через пятого человека («Ну их, с царями. Из-за передраги с царем срезал на сто скосов меньше — рубль убытку»). Ремонтные слесари и ученики, составлявшие пролетарский кадр мастерской, молчали. От женщин криков не требовалось. Женщина была как бы выключена из политики и даже кричать «ура» при виде царя ей не полагалось.

На пороге сборочной царь озабоченно спросил у Меллера:

— Сколько шрапнели вы делаете в день?

— Шесть тысяч.

Царь прищурился, поразмыслил: много это или мало. Повидимому решил, что это много, повеселел.

— Спасибо...

— Это только начало, ваше величество, — нежно прогудел за его плечом Дрейер. — Мы развиваем это дело. Мы будем давать десять, двенадцать тысяч, не считая гранат...

Путилов, глава правления, молчал. Он сам ходил по заводу как экскурсант. Он впервые видел в натуре, что представляет собой шрапнельный завод, о котором до сих пор знал только как банкир.

Впечатление его было двойственное. Конечно, заводик не казенный: пятьсот штук станочной мелочи, прикрытых стенами. Станки — дешевые. Пулелитная совсем первобытна. Пули делают вручную, по тому же способу, как пекут вафли, только между матрицами наливают не тесто, а металл. Производительность завода невелика. Что такое шесть тысяч шрапнелей в день? Немцы при наступлении выкидывали это количество в течение одного дня на участок одного русского батальона. Только ничего не понимая в войне, можно радоваться этому количеству.

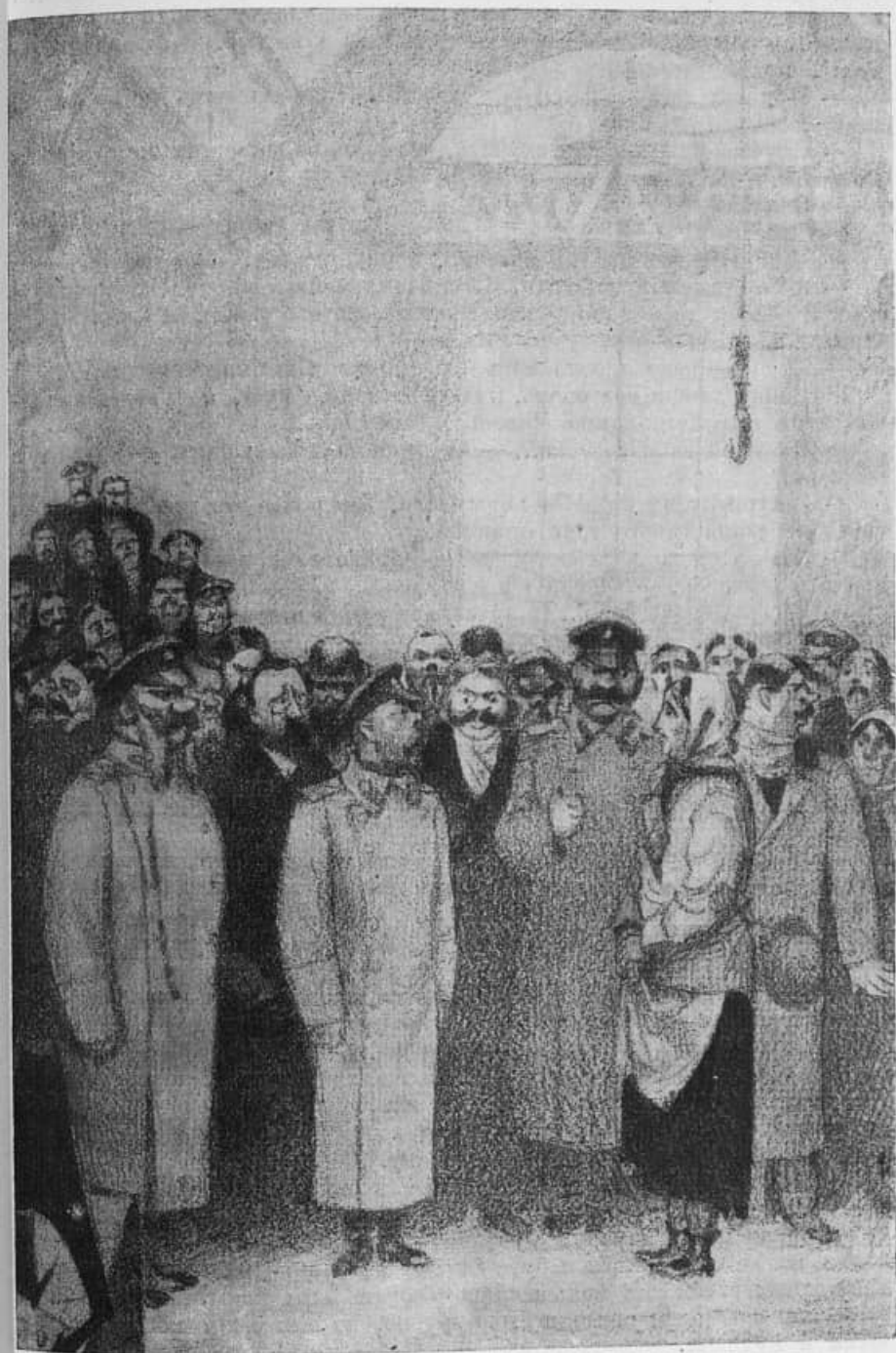
И однако цена на шрапнель такова, что эти неказистые бараки сейчас являются золотым прииском на заводе. Завод зарабатывает — банк зарабатывает. Здесь можно в натуре видеть, куда идут тонны цветных металлов, поставляемых заводу Русско-Азиатским банком за тройную цену: хромоникель в шрапнельную сталь, свинец на пульки, медь на пояски и т. д. И все это множится на шесть тысяч, и все это делается день и ночь без перерыва. Прекрасная оборачиваемость капитала, обеспеченный спрос, наивысшая норма прибыли, сверхприбыль...

В сборочной приемщицы сортировали сверкающие шрапнельные стаканы. Они, как хозяйки при мытье посуды, всовывали пальцы в четыре стакана сразу и сталкивали их вместе. Хороший стакан при ударе звучал нежно, нечистый звук означал раковину, брак.

— Солдатки, ваше императорское величество, — сказал Меллер, улыбая на женщин. — Мы открыли дорогу женскому труду. Солдаток мы принимаем в первую очередь.

Мимо солдаток нельзя было пройти молча. Им следовало что-нибудь сказать. Царь без большой охоты подошел к ближайшей. Слова дались ему не сразу. Было видно, что смело взглянувшая женщина поставила его в тупик.

Эта женщина не заботилась о впечатлении, которое она произведет. Лицо у нее было в грязных подтеках, платок закрывал уши и подбор-

Царь на заводе. (Рисунок Н. Радлова.)

док, руки были красные, исцарапанные. Подоткнутая юбка блестела от масла, чулки были грубые, башмаки деревенские, с резиновыми боками и ушками наружу. И все же нельзя было не заметить, что женщина молодая и привлекательная.

— Ну, как тебе живется без мужа? — спросил царь после долгой заминки. — Скучаешь?

— Скучала, да кончила скучать, — ответила женщина новгородским говорком. — Скукой ребят не накормишь.

— Сколько же у тебя ребят?

— Двое.

— Муж тебе что-нибудь оставил, когда уходил?

— А что он мог оставить? Сам без копейки пошел. На прощанье сказал: «Могу тебе одно посоветовать — детей удави, а сама иди в бардак...»

— Куда? — переспросил царь, не поняв от неожиданности.

Женщина хотела повторить, куда посылал ее муж, но увидев за плечом царя вытянутое лицо Меллера, запнулась.

— На детей дают пособие... — неуверенно сказал царь. — Разве тебе не дают?

— По три рубля на ребенка вырвала. Так разве это деньги? Пока на завод не взяли, много горя приняла.

— Значит, теперь тебе лучше? — обрадовался царь, торопясь закончить разговор. — Теперь ты довольна?

— Теперь, слава богу... Получаю два рубля в день. Могу жить, пока детей не куча...

Царь милостиво улыбнулся и двинулся дальше. Его повели в пушечную.

В задание царя входило поговорить с рабочими насчет работы в двенадцатые праздники. Для этого разговора ему нужен был подходящий человек. В пушечной он обратил внимание на рабочего, который при его появлении прокричал «ура». Правда, его «ура» было тихое, но внушало доверие. Царь повернул к его станку.

— Я слышал, — сказал царь, щурясь и словно читая невидимую записку, — ваша мастерская в первый день пасхи и в благовещение не работала... Меня это печалит.. Церковь не осудит вас, если вы будете работать и в такие дни... Кто хочет победы русскому оружию, тот будет работать...

— Мы все хотим победы русскому оружию, — ответил человек с той же неуверенностью, с какой перед этим приветствовал царя. Мы понимаем, что рабочие должны помочь армии...

Этот человек был меньшевик и был довольно речист, но тут он потерял дар слова. Он больше ничего не мог выжать из себя, он вспотел, не находя слов, но смотрел на царя испуганно, с волнением. Царь подождал и милостиво наклонил голову.

— Так передайте рабочим, — повторил он, отходя.

Меньшевики во время войны стали оборонцами и привыкли к мысли, что царь, как они научились говорить — стал олицетворением единства нации, необходимой, хотя и бутафорской фигурой. Приезд царя на завод для многих заводских меньшевиков был первым испытанием: кричать «ура» или нет. С непривычки было трудно, но они были последовательными и кричали.

В пушечной путь царя лежал мимо человека с засаленной георгиевской ленточкой в петлице гимнастерки. Это был токарь Семенов, которым начальство намерено было козырнуть перед царем. Семенов был занят наружной обточкой ствола шестидюймовой пушки, которая выпирала из его станка вперед, как подозрительная труба. Царь подошел к станку, морща лоб, ибо для георгиевского кавалера надо было придумывать особые слова.

Семенов избавил его от этой необходимости. Когда царь был в десяти шагах, Семенов стоял в проходе, наблюдал приближение царя и почти не смотрел на стружку. Но затем неожиданно так заинтересовался стружкой, что не мог уделить подошедшему царю ни секунды внимания. Он пристально смотрел на резец, точно отсчитывал капли из пузырька с лекарством. Затем ему понадобилось увеличить скорость станка. Станок загудел. В то же время ствол, постепенно выдвигаясь, стал теснить царя. Царь, испуганный, отодвинулся, подергал усы справа и слева, пошел дальше.

Семенов был солдат, донесший в тыл окопную злость. Эта злость появилась у него на другой день после того, как он, сырой солдат, пошел в окопы. Немцы забрасывали окопы снарядами, но злость направлялась не против немцев, а оборачивалась назад, метила штыком в косые ремни на офицерской шинели.

Из трех возможностей, которые были перед солдатом — смерть на месте, плен, рана, Семенову досталась третья. Он был ранен и эвакуирован. Вместе с ним окопная злость просочилась в тыл и здесь укрепились, стала понятней. Токарь Семенов был поставлен за пушечный станок. Он на другой лад работал на ту же войну. Он знал это, но работал добросовестно:

— Буду делать пушки. Подожду своего времени...

После минной мастерской, где был испробован аппарат, выпускавший мины Уайтхеда, царя посадили в поезд, завезли в самый дальний конец завода и высадили перед башенной мастерской.

Башенная сохранила старые кадры рабочих. Должной встречи царю там не получилось. Когда по звонку были остановлены механизмы и царь при общем внимании вступил в мастерскую, рыжий слесарь с галерки крикнул «ура», но так как возглас прозвучал в тишине одиноко, вышло хуже, чем если бы было полное молчание. Егерям из свиты пришлось самим кричать «ура». Царь был ревнив к знакам «верноподданнических» чувств, но был приучен сохранять в неприятных случаях милостивое лицо. Он ласково повернулся к сопровождающим и дал понять, что все в порядке:

— Пожалуйста, продолжайте работать...

По второму звонку механизмы были пущены в ход. Рабочие из-за станков поглядывали на царя, который стоял посреди мастерской и смотрел по сторонам. В башенной, действительно, было на что посмотреть. Она могла удивить не только профана, но и знающего человека: очень высокая, просторная, с огромными полусобранными корабельными башнями, с двухъярусной системой кранов, ходивших друг над другом. Через стеклянный потолок светило солнце, тени от бегущих кранов пробегали по стенам и по полу, создавая у свежего человека впечатление движущегося потолка. С площадок башен тянулись дула четырнадцатидюймовых орудий. Орудия были не в полном числе, по одному на башне для при-

мерки, но могли дать представление, как будет выглядеть вся башня с полным числом орудий,двигающихся вверх и в стороны, повинуюсь пальцу на кнопке.

Начальник артиллерийского отдела, инженер Липницкий, ждал царских вопросов. Но царь торопился уйти. Он смотрел по сторонам столько минут, сколько требовало приличие, и двинулся дальше.

Предстояла заключительная часть визита в мастерскую: разговор с каким-либо стариком и награждение его часами.

— Кто у вас самый старый рабочий?

Ему был представлен слесарь Петр Андреевич Шерстнев. Его наметили заранее. Он не внушал опасений: имел русское лицо, был богомолем, представителем мастерской в церковном совете.

— Ну, как, старик, живешь? — спросил царь. — Как работаешь?

Шерстнев, старый солдат, стоял перед царем, выпитив грудь и глядя ему в глаза.

— Ваше императорское величество, — сказал он торжественно. — Все дорого. Ни к чему прыступу нет. Дерут с нас за все, ваше императорское величество...

— Что делать, старик, — сказал царь ласково. — Сейчас война. Все терпим. Терпи и ты. Сколько тебе лет?

— Шестьдесят два.

— Дети есть?

Шерстнев перечислил детей. У него их было несколько, в том числе последний — сынишка трех лет.

— Трех лет? — Царь удивился столь позднему рождению ребенка, игриво прищурился: — Ого, вот ты какой!

— Так точно, ваше императорское величество. Уж я такой.

Царь сказал несколько слов одному из генералов и двинулся дальше. Генерал протянул Шерстневу золотые часы.

— Это тебе, старик, на дороговизну.

Царя повели расписываться в книге почетных посетителей. Шерстнев еще стоял с часами в руках, как уже кто-то из начальства подошел к нему с упреком.

— Разве можно так с царем говорить: дорого, дерут с него... Кто с тебя дерет?

Шерстнев сказал, оправдываясь:

— Он меня спросил, я ему ответил по правде...

После турбинной мастерской на верфи, где встреча вышла такой же тихой, как и в башенной, царя снова повезли в центр завода, в прессовую, в кузницу, в котельную. Это были те самые страшноватые мастерские, которые он видел снаружи при первом проезде. Здесь были огни, лязг, копоть, теснота. Толпа стесняла проходы. Царь шел усталый и обескураженный, сился проявлять интерес к машинам, к людям, но задавая вопросы, не слушал ответов и двигался дальше.

Приветственные крики сопровождали его шествие, но они шли откуда-то сзади, из толпы конвойцев и охраны, ходившей за царем по пятам. Несколькo сотен человек из царской охраны и свиты орали слабее, чем взвод солдат.

В некоторых мастерских рабочие откликались на эти крики, но в одном месте к слову «ура» довольно ясно примешивалось слово «дурак». В другом — рядом с настоящим «ура» слышалось ура пародийное, с козынь

нотами. Попадались люди, которые никогда не видели портрета Николая и отказывались признавать в нем царя. Парень, пристально смотревший на него, вдруг шепнул соседу с деревенской простотой:

— Что ты врешь! Разве это царь? Вот дак царь!..

У лафето-снарядной над толпой глядевших на царя вдруг поднялся один и закричал: «Долой самодержавие!» Его сразу же стащили оказавшиеся поблизости агенты дворцовой охраны. Стало тихо.

Царь опешил, снова подергал ус, но двинулся дальше.

В прессовой, при проходе царя, из боковой двери ввалилась встречная толпа, заняв главный ход. Царь, не доходя двадцати шагов до толпы, сделал вынужденную остановку и как бы заинтересовался каким-то станком. Старик-мастер давал объяснения. От волнения у мастера дрожали губы. Царь плохо понимал, что ему говорят. Он тоскливо смотрел в сторону толпы, рассеянно говорил: «Да, да...» Губы у царя тоже дрожали. Кто-то из свиты позаботился проложить для него путь.

По дороге на мартен, когда царь проходил мимо тигельной, откуда-то выскочил человек и лег поперек мостков, как в деревнях во время крестьянского хода ложатся под икону. Человек был рослый — в тигельной все были рослые — и, распластавшись, занял много места. В руке у него была бумага — прошение к царю. Царь перешагнул через него, как через лужу. Было похоже, что такие вещи случались с ним не впервые.

На лестнице у входа на мартен царя ожидал И. П. Крегер, начальник пеха, гроза мартеновцев. Он стоял на одном колене, с непокрытой головой. Царь подал ему руку. Крегер руку поцеловал. Потом он встал и, не стряхнув пыли с колена, пошел впереди царя, допустив эту вольность, потому что на мартенах надо было знать, куда ступить.

Для царя держали наготове печь № 6 в сорок тонн. Крегер с утра отдал распоряжение:

— Печку держать на кипу все время, пока на заводе будет царь.

Плавка была бы давно готова, но как только проба получалась мягкая, подкидывали на лопате пудов десять свежего чугуна. Сталь, которая кипела в печи, шла на пушки.

Царю подали стекло. Он взглянул в окно печи. Быстро отвернулся и отдал стекло. Крегер повел его вниз посмотреть выпуск плавки. Небольшое расстояние надо было пройти по мосткам, проложенным через яму для строящейся сорокатонной печи. На мостках Крегер неожиданно забеспокоился, обмяк, побледнел. Он только в этот момент сообразил, что может произойти обвал: мостки были рассчитаны на небольшое число людей, а хлынула толпа. Царю пришлось бы лететь с высоты трех этажей на кирпичи. Однако мостки выдержали.

Выпуск плавки был для царя добавочным страхом ко всем необычным впечатлениям, испытанным за этот день. Он уже больше трех часов был на заводе, перевидал десятки диковин, несколько раз был напуган, устал, не мог улыбаться.

Для царя отлили болванку на шестьдесят пудов, восьмигранную. Изложницу взяли большую — для пушки крупного калибра. Заранее знали, что сталь передержана и представляет собой заведомый брак, и болванку тотчас же после отъезда царя свезли в лом. Там она пролежала лет десять, продолжая называться царской болванкой. В свое время очередь дошла и до нее, и она пошла в переплав.

ЛЕТО 1915 ГОДА

Фронт требовал новых пушек, снарядов, шрапнелей. Не в седьмом часу вечера, а в одиннадцатом, даже в двенадцатом возвращались домой путиловские рабочие. Не двадцать шесть «нормальных» десятичасовых дней в месяц, а тридцать пять, сорок стояло в их расчетных книжках. Сверхурочные теперь были обязательными. Гонка на военных заказах усиливалась с каждым днем. В первые месяцы войны директор отменил рождество богородицы, покров, казанскую божью мать и другие важные праздники. После приезда царя стали работать ежедневно, не разбирая, черное или красное число стоит в календаре. На того, кто пытался отказаться от работы сверхурочно и в праздники, начальство смотрело подозрительно. Особенно плохо приходилось имевшим фамилии, похожие на немецкие.

— Ага, свою Германию поддержать хочешь, потому и не остаешься? Запомним, запомним, — зловеще замечал мастер Коробов в лафетоснарядной токарю-эстонцу.

Токарь был русским подданным, но чтобы не «запомнили», он, ругаясь про себя, аккуратно выполнял все, что от него требовали.

За четырнадцать часов администрация стремилась выжать из рабочего как можно больше. Мастера стояли над душой, понукая рабочих, и заходили даже в женские уборные выгонять тех, кто, по их мнению, находился там слишком долго. Мастера обращались с рабочими грубо, заносчиво, брали взятки за продление отсрочки военнообязанным.

В пушечной работали в три смены по восемь часов, но и здесь было нелегко, не легче, чем всюду. Никаких перерывов не полагалось, рабочий простаивал на ногах от гудка до гудка. Неогражденные станки, поставленные вплотную один за другим, в любую минуту грозили захватить и искалечить. В проходах копошились чернорабочие, перетаскивавшие тяжести вручную. Десятки этих широких спин и крепких рук мог бы заменить еще один подъемный кран. Но спины и руки были дешевле, и копошащиеся люди еще больше увеличивали тесноту.

Иногда в шум мастерской врвался душераздирающий крик. Работа останавливалась, появлялись носилки, и истекающий кровью человек проплывал мимо хмурой, молчаливой толпы. Подростки после этого долго не могли притти в себя. Старики утверждали, что такого количества несчастных случаев не было еще никогда.

6 мая 1915 года инженер Моргенштерн ударил по лицу разметчика Харитонов, осмелившегося возразить инженеру. Взволнованные, возмущенные пушечники побросали работу. Собрались у разметочной плиты. Даже в тисках военного времени, под угрозой репрессий, рабочие не могли снести оскорбления товарища. Один за другим останавливались станки. Пушечная забастовала. В контору начальника мастерской пришла делегация. Стуча костлявым кулаком по столу, токарь Дмитрий Романов требовал удаления инженера, человеческого обращения с рабочими, улучшения условий труда.

Большевик Дмитрий Романов пользовался среди рабочих пушечной мастерской славой человека справедливого и отзывчивого, но слишком горячего. Редко его видели спокойным. В спорах с начальством он часто забывал осторожность, открыто ругал самодержавие и войну.

Смелый, требовательный тон, взятый им сейчас при разговоре с начальником, был новым и неожиданным. Рабочие, забастовавшие впервые во время войны, ждали — что будет? Начальник мастерской Б. П. Федоров, бывший кадет, испугался волнений и не давал определенного ответа. Высшая администрация завода тоже почувствовала, что дело шло слишком далеко. Хотя директор уволил пострадавшего разметчика Харитонов, но инженер-держиморда был уволен тоже.

Стачка в пушечной ускорила назревавшее в цехах брожение. В мае уже слышались громкие разговоры о том, что пора требовать прибавки, требовать отмены воскресных и сверхурочных работ. Поговаривали о забастовках. Разговоры переходили на общую почву, касались положения в стране и продовольственных трудностей в столице.

У дверей лавок и магазинов появились первые очереди. Сперва за маслом, мясом, сахаром — этих продуктов нехватало, их доставляли с перебоями. Цены повышались каждую неделю. Домовладельцы, воспользовавшись наплывом новых рабочих, увеличивали плату за углы и койки. Жизнь стало труднее.

Напряженная, изнурительная работа с утра до вечера ослабляла организм рабочего. По сравнению с 1914 годом заболевания среди путиловцев поднялись в полтора раза. Согласно отчету путиловской больницы за 1915 год, на заводе из каждой сотни рабочих болело, в среднем, за год девяносто семь человек. По отдельным мастерским процент болеющих был очень высок. В шинопрокатной с ее вечными сквозняками он составлял 138,7; на тяжелых котельных работах — 154,7; в строительном цеху, где работали на открытом воздухе — 132,8; в лафетопечатной — 135,7. Это означало, что каждый рабочий в течение первых двух лет войны болел 2—3 раза.

В отчете больницы кассы говорилось:

«Преобладающими болезнями рабочего населения Путиловского завода являются: болезни органов пищеварения — от недостаточного и неправильного питания; повреждения — главным образом от недостаточности ограждений опасных механизмов, плохого устройства мастерских, переутомления рабочих и проч.; болезни дыхательных органов — от действия пыли, газов, простуды; заразные болезни, из которых главное место принадлежит инфлуэнце, — от работы на холоде, сырости, сквозняков; болезни глаз — от яркого света, дыма, колоти и повреждений; кожные — от действия кислот, щелочи и жира и болезни мышц и суставов — от тяжелой работы и действия простуды».¹

Бешеная гонка, теснота, безалаберность — катастрофически увеличили число увечий. 505 увечий на 1000 человек — такова была общая картина по заводу в 1915 году против 211 в 1914 году. Больше всего увечий было на верфи, в кузнице и шрапнельной. Не на много отставали и другие мастерские.

Мест в больнице уже не хватало. По закону полагалась одна койка на 100 рабочих, в путиловской больнице одна койка приходилась на 182 человека. Бывали случаи, что женщин, несмотря на их протесты, помещали в мужские палаты. Больные часами просиживали в темном и тесном помещении приемного покоя, где дежурный врач пропускал за день

¹ Отчет больницы кассы Путиловского завода за 1915 г., Материалы Ленинградского института истории ВКП(б), Фонд Кировского завода.

80—90 больных, уделяя каждому три-четыре минуты. Смертность в Нарвском районе была вдвое выше, чем в благоустроенных Литейном и Адмиралтейском районах.

Больше всего умирало от туберкулеза и других легочных болезней — более половины всех смертных случаев. Чахотка — результат отвратительных жилищных условий и антисанитарного состояния мастерских — была профессиональной болезнью путиловцев. Потрясающе велика была смертность в семьях путиловских рабочих, особенно среди детей.

В 1915 году случаев детской смертности (детей до 10 лет) было зарегистрировано в путиловской больничной кассе 1234. «Более половины случаев падает на детей до года, что указывает на крайне высокую смертность грудных детей, вследствие плохих условий жизни, плохого ухода и питания. Уже в утробе матери много малышей погибает, появляясь на свет в виде мертворожденных (9 проц. случ. смерти.). Многие рождаются слабыми и погибает в первые два месяца жизни (9,3 проц.).»¹

Каждое заседание правления больничной кассы превращалось в бой между представителями рабочих и представителями администрации. Фортунато обвинял рабочих в симуляции, настаивал на отказе в пособиях явно больным людям. Его поддерживал заводский врач Леонов (до войны он был Левинсоном, но переменял фамилию, чтобы не сочли за немца). Оба твердо проводили линию начальства — всеми мерами экономить на пособиях. Правленцам-рабочим приходилось спорить из-за каждой копейки, убеждать, доказывать, угрожать...

С каждым днем положение рабочих ухудшалось.

Война затягивалась. Попрежнему отмечали модельщики на карте белыми флажками расположение русских войск, а черными — австро-германских. Белые флажки торчали когда-то в Галиции и Восточной Пруссии; теперь там остались только дырки от булавок. Русская армия спешно откатывалась с Карпат в глубь России, очищая Польшу и Прибалтику.

— На заранее приготовленные позиции, — замечали рабочие, представляя флажки.

По поводу войны возникали резкие споры. В пушечной постоянным противником большевика Романова был слесарь-лекальщик Яковлев, человек средних лет, с пышными рыжими усами, солидный, разговорчивый, похожий скорее на техника, чем на рабочего. Он соглашался с тем, что царские генералы и чиновники бездарны, невежественны и нечисты на руку, возмущался хищениями, но вывод делал такой:

— Все это — дела внутренние, семейные. Не время сейчас перед лицом врага заниматься ими. Там на фронте люди умирают без снарядов...

Он осуждал волнения, которые начались среди чернорабочих из-за низкой оплаты, ругался с Романовым за то, что тот поддерживал эти волнения. Яковлев считал всякие забастовки в настоящий момент вредными.

Яковлев, в прошлом ликвидатор, был меньшевиком-оборонцем, имел в пушечной некоторое влияние. Он принадлежал к той незначительной группе пушечников — высококвалифицированных рабочих, которым администрация платила большие деньги, стараясь удержать их на заводе. Военные заказы давали им возможность получать особенно высокие за-

¹ Отчет больничной кассы Путиловского завода за 1915 г.

работки и занимать привилегированное положение. На деревенских они смотрели свысока, зато дружили и роднились с мастерами. Они были за войну. Но подавляющее большинство кадровых путиловских рабочих с каждым днем все больше и больше проявляло недовольство войной.

Брожение в мастерских показало, что почва для открытого выступления на заводе подготовлена. Районный комитет большевиков решил устроить в середине мая общезаводской митинг. В день митинга человек десять большевиков разных мастерских кончили работу раньше гудка. Когда толпа шедших со смены поровнялась с прокатной мастерской, они стали поперек дороги и, размахивая руками, наперебой закричали:

— Стой! Остановись!

Люди остановились, не понимая, в чем дело. На груди прокатных листов вскочил человек. Воротник его замасленной куртки был поднят, лицо измазано, как у кочегара. Это был электрик Иван Егоров. Он крикнул напряженно и резко:

— Товарищи! Грабительская, братоубийственная война затягивается... Ей не видно конца...

Часть рабочих, не дослушав, двинулась дальше. Но толпа вокруг оратора возрастала с каждой минутой. В руке Егоров держал небольшой листок бумаги — тезисы о войне, отпечатанные на гектографе.

Егоров был воспитанником Шкапина, который учил выступать всегда конкретно, поднимая каждый мелкий факт до общих принципиальных вопросов. Он говорил поспешно, сбивчиво, торопясь сказать как можно больше, и увлекаясь, заражал слушателей своим волнением. Вначале ему пытались мешать. Лавочники, дворники кричали: «Долой!», «Бей изменника!». Вскоре выкрики прекратились. Крикунов заставили замолчать.

Егоров был членом правления больничной кассы, обследовал жизнь рабочих семей и мог говорить о тяжелом положении рабочих, опираясь на примеры из жизни Путиловского завода. Конец речи являлся выводом из всего сказанного.

— Война, — говорил Егоров, — за короткое время обогатившая капиталистов, принесла рабочим еще больший гнет, нужду, истощение. Последние завоевания отобраны. Только революция освободит рабочий класс от вечной эксплуатации и кровавого кошмара войны.

Егоров говорил минут пятнадцать. Кончив, он скрылся за горами ржавого железа и быстро пробрался к себе в мастерскую. Скинул куртку, умылся и, как ни в чем не бывало, продолжал работу. Чтобы отвести подозрения, он остался на сверхурочные.

На другой день о митинге толковали повсюду. Большевики оказались правы, предполагая, что митинг не пройдет незамеченным. В мастерских рабочие от разговоров переходили к действиям. Повсюду начальникам подавали требования об увеличении заработка. По сравнению с довоенным временем рабочий теперь получал больше, чем в 1913 году, в среднем на 28,5 процента. Но даже охранка отмечала: «Увеличившийся заработок не является результатом повышения заработной платы, а получается исключительно благодаря усиленным сверхурочным работам, требующим затраты от рабочих громадного запаса энергии и отнимающим у них, в большинстве случаев, даже время, необходимое для отдыха и сна, не говоря уже о личных потребностях».

Увеличение заработка произошло главным образом в военных мастерских. В железопрокатной же прибавка не превышала десяти процентов, в шинопрокатной — семи процентов. Растущая дороговизна съедала прибавку, заработка не хватало, он уходил, как вода между пальцев. Роптали ремонтные слесари и водопроводчики, чернорабочие и литейщики, рессорщики и кузнецы. Делегация рабочих кузницы явилась к начальнику мастерской А. Маянцу и потребовала увеличения зарплаток от пяти до тридцати процентов, грозя в противном случае забастовкой. Маянец, всегда крикливый и грубый, теперь сбавил тон:

— Обещаю вам сделать все, что могу. А вы пока работайте.

На время кузнецов удалось уговорить.

26 июня 1915 года девяносто каменщиков строительного цеха бросили работу. Прибежавшему начальнику предъявили требование об увеличении заработной платы на тридцать копеек в день. Требовали взысканно и настойчиво. Начальник отказал в прибавке, но обещал посоветоваться еще с директором. Каменщики ушли, не дождавшись директорского ответа. Список забастовщиков немедленно оказался в охране, которая усердно занялась выявлением «подстрекателей».

Не прошло и двух недель, как заволновались на другом конце завода — на верфи. 8 июля забастовали ученики-клепальщики судостроительной мастерской.

Работа ученика-клепальщика проста: нагреть на горне заклепку, подать ее подручному. Но гнали так, что к концу работы деревянели руки, и ученики едва не валялись от усталости. Иногда не выходили с верфи по двое, по трое суток, ночуя тут же в трюмах недостроенных кораблей. В судостроительной мастерской был наибольший процент увечности по заводу. Почти половина всех рабочих — 443 на каждую тысячу — были жертвами несчастных случаев.

Ученики работали партиями, каждая партия на один номер. Рассчитывал старший, и он был в партии полным хозяином. Зарботок ученика-клепальщика относился к заработку старшего, как один к десяти. Дневной заработок ученика равнялся приблизительно шестидесяти копейкам в день. Чтобы заработать больше, ученики работали по две, по три смены. Это называлось «сдельной» работой.

Война, бросившая в окопы отцов, загнала детей в душные, пыльные мастерские. У токарных и сверловочных станков, у огнедышащих горнов, у высоких паровых молотов появились подростки и юноши, но они по-прежнему в глазах цехового начальства — вплоть до старшего, делящего заработок, — продолжали оставаться «мальчишками». С «мальчишками» можно было не считаться. Постоянно выходило так, что молодые рабочие, исполняя одинаковую работу со взрослыми, получали гораздо меньшую плату.

«При нынешних исключительных обстоятельствах... уместно допустить и несколько менее бережное отношение к участвующим во всенародном труде женщинам, подросткам и малолетним, если это нужно для обеспечения возможности изготовления в достаточном количестве предметов боевого снаряжения для наших армии и флота».

Так с неприкрытым цинизмом писал в 1915 году министр торговли и промышленности в своей записке совету министров, подготавливая законопроект об отмене всех ограничений эксплуатации, которых добились рабочие упорной долголетней борьбой. Царь Николай II утвердил этот

законопроект. Теперь заводчики и фабриканты заставляли детей работать по шестнадцать часов в сутки «на законном основании».

Администрации Путиловского завода не требовалось напоминать о «менее бережном» отношении к подросткам. Директор завода Меллер, благословляемый свыше, разрешил принимать в цеховые конторы мальчиков с двенадцатилетнего возраста. Правда, циркуляр директора предписывал не занимать их больше восьми часов в сутки и не ставить подростков до пятнадцати лет в мастерские на физическую работу, но проверять мастера или начальника цеха было некому.

Забастовка учеников-клепальщиков произошла внезапно. Около одиннадцати часов утра группа учеников, собравшись во дворе верфи, двинулась в контору судостроительной мастерской требовать увеличения заработка, лучшего обращения, сокращения сверхурочных. По дороге снимали с работы других ребят. К конторе подошло уже человек пятьдесят.

Мастер Боровик отмахнулся от них, направив к помощнику начальника мастерской. Тот страдал глухотой, особенно при разговорах с рабочими. Поэтому бесплодно прокричав ему на ухо о прибавке и выругав его, ученики осадили здание главной конторы верфи.

— Дайте нам директора! — кричали они.

Директор верфи полковник Кутейников вышел на крыльцо. Прищуренными глазами оглядел собравшихся, пренебрежительно усмехнулся, издевательски вежливо спросил, в чем дело. Все разом закричали, зашумели. Он пожал плечами:

— Я не могу разговаривать со всеми одновременно. Выберите — ка по одному от десятка и пришлите ко мне.

Повернулся и ушел. Вслед ему понеслись свистки, мяуканье, крики. Однако делегатов выбрали. Десять подростков, не смущаясь, вошли в директорский кабинет. К товарищам они вернулись только через двадцать один день из охранного отделения. Там с ними поступили, как с заправскими политическими преступниками, — снимали отпечатки пальцев, а чтобы арестованные не ели зря хлеба, заставляли их набивать папиросы.

Не дождавшись возвращения делегатов, семьдесят два ученика в третьем часу ушли с работы. За

Его Снтелъству,
Господину Петербургскому Градоначальнику.

Принято 1917 г.

Общій журналъ
1917 г. 11-го числа
№ 1169

ПАПОРТЪ.

Сего числа въ 11 часу утра на Путиловской верфи ученики-клепальщики судостроительной мастерской в количестве 60-ти человекъ въ возрастѣ отъ 15 до 17-и летъ подали требованіе объ увеличеніи заработной платы съ 20-ти до 30-ти коп. въ день. Ученики-клепальщики, имѣя назначенную дневную плату съ 60-ти до 80-ти коп. отказались работать въ день съ 1-го руб. до 1 руб. 75 коп. администрація верфи нашла заработокъ учениковъ недостаточнымъ и имѣла достаточные предлоги для отказа въ увеличеніи заработной платы и согласилась.

Ученики, собравшись на работу послѣ обѣда, перешли въ 3-ье часу дня въ количество 72 — человекъ, прекратили работу и вышли изъ завода. Въ 5-ти часахъ вечера въ мастерской и у воротъ верфи администрація верфи

Папортъ о забастовке мальчиковъ

ними последовали подручные и клепальщики, которым нечего было делать.

На следующий день на воротах висел приказ Кутейникова, грозивший забастовщикам увольнением. Прочитав его, ученики гурьбой побежали на взморье купаться. Не успели они скрыться за углом, как к воротам лихо подъехали конные жандармы и, спешившись, притаились у забора.

— Улетели птички. Зря ждете, — смеялись над ними рабочие.

На третий день жандармы все-таки подкараулили и избили юных забастовщиков. На четвертый день пришлось приступить к работе.

Стачка учеников кончилась неудачно, но их выступление подбодрило малолетних рабочих всего завода. Разговоры о забастовке происходили еще спустя долгое время.

— Вот бы и нам попробовать, — толковали подростки других цехов.

В июле не было уже мастерской, где бы работали спокойно. Турбинщики и электрики верфи предъявили требование об увеличении расценок. В башенной мастерской — на галерке и внизу — происходили целые собрания. Прибегал помощник начальника, «дедушка Васильев», серенький мягонький старичок, ласково уговаривал:

— Братцы, работайте. Разойдитесь, братцы.

Два дня не работала пулелитная. 20 июля бросили работать кузнецы. Забастовала шинопрокатная. Ремонтные слесаря, водопроводчики, катали, чернорабочие, медники — всё резче и решительней разговаривали с администрацией. Даже служащие были недовольны и готовили петицию на имя директора.

Повсюду происходило то же, что и на Путиловском. Рабочие Лесснера, Дюфлона, Эриксона, Сампсоньевской мануфактуры бастовали; на других заводах собирались бастовать. Члены общества заводчиков и фабрикантов приходили на свои собрания обеспокоенными. Вести, приносимые ими, становились с каждым днем все тревожнее.

БОЛЬШЕВИКИ ПОДНИМАЮТ ЗАВОД

Лето 1915 года было переломным. Временное затишье первых месяцев войны — результат военных законов, изменившегося состава рабочих, разгрома большевистских организаций — сменилось подъемом. Петербургская общегородская конференция большевиков, собравшаяся в Ораниенбауме 19 июля 1915 года, в годовщину объявления войны, отметила это и постановила еще шире развешивать движение протеста против империалистической войны.

Путиловская большевистская организация к этому времени значительно окрепла. Четырнадцать групп в мастерских объединяли до восьмидесяти большевиков. В каждой группе был организатор, казначей, распространитель литературы. Регулярно собирались членские взносы. Казначей группы выписывал на отдельной бумажке взносы всех членов кружка, не указывая фамилий, и сдавал деньги казначею района. Тот ставил на бумажку печать. Бумажку показывали членам группы и уничтожали. У районного комитета был свой гектограф, и листовки все чаще появлялись в цехах. Перед 1 мая за заставу привезли готовый типографский набор прокламации Петербургского комитета. Этот набор, крепко свинченный рамкой и укрепленный на массивной тяжелой доске, путешествовал по всем районам города.

Организаторы групп составляли районный комитет. В исполнительную комиссию его входили: Иван Егоров, Дмитрий Романов, Тимофей Барановский, поддерживавший связь с Петербургским комитетом. Охранка время от времени изымала наиболее активных членов путиловской большевистской организации. Еще в марте был арестован Павел Богданов. Позже взяли несколько молодых активных большевиков. Шпики начали улавливать вокруг прежней конспиративной квартиры на Ушаковской. Дмитрий Романов предложил собираться у него и, не слушая протестов жены, нарочно переехал в другое, более спокойное место.

Ободренные успехом митинга у прокатной мастерской, большевики провели на заводе летом 1915 года еще несколько митингов. Иногда их разгоняла полиция, а однажды представитель Петербургского комитета чуть не был задержан у ворот. На следующем митинге оратор говорил не с возвышения, а стоя в толпе. Его плотно окружали товарищи, он был невидим — только голос звучал, как из-под земли.

Этот способ выступления привез Антон Васильев, недавно появившийся в районе. В Риге, куда он попал во время своих скитаний, ему иногда приходилось говорить таким способом. Антон расспросил товарищей о работе, многое рассказал сам, сожалел, что по полицейским условиям ему нельзя снова устроиться на Путиловском. Он поступил на «Новый Лесснер», продолжая держать связь с путиловцами.

Как и перед войной, районный комитет начал в окрестных лесах устраивать массовки. На одной из таких массовок выступили прибывшие из города руководители «межрайонки». Они пытались взять реванш за свое прошлое поражение, но поддержки и сочувствия не получили. Связей на заводе у них осталось совсем мало.

По всей стране рабочий класс, изнуренный возрастающими с каждым днем тяготами военного времени, все решительнее поднимал голос протеста и возмущения. Правительство свирепо расправлялось с рабочими, осмелившимися громко заявить о своих нуждах. 5 июня полиция и войска в Костроме стреляли по забастовавшим текстильщикам, убив двенадцать человек и ранив сорок пять. 10 августа расстрел повторился в Иваново-Вознесенске. Здесь бастовали двадцать пять тысяч рабочих, требуя человеческих условий труда, политических прав, прекращения войны. Как десять лет тому назад, в год первой русской революции, все рабочее население «русского Манчестера» вышло на улицу. Раздались залпы. Сто человек упали замертво, сорок было ранено.

В ответ по всей стране прокатились забастовки протеста. Весть о расстрелах распространялась медленно: официальная печать замалчивала кровавые события в Иванове. Путиловцы узнали о расстреле только на пятый день. Летучее заседание районного комитета, собравшееся в больничной кассе, решило: завтра же устроить митинги протеста и постараться поднять завод на забастовку.

На другой день Иван Егоров говорил собравшимся у часовни рабочим:

— Самодержавие повторяет 9 января и Лену... Пусть же и рабочий класс повторит боевые дни пятого года и недавний четырнадцатый год... Да здравствует подготовка ко второй российской революции!

По всем мастерским большевики разъясняли рабочим, что настало время переходить от частичных столкновений на экономической почве к мощной политической борьбе. То там, то здесь рабочие под влиянием

этой агитации начинали бросать работу. На верфи рабочие, распространяемые Бушуевым и его помощниками — молодыми большевиками, выйдя 19 августа на работу, не пошли в мастерские, а собрались во дворе. Забегали мастера, начались уговоры и угрозы. Начальник турбинной мастерской инженер Захаров, известный своей грубостью, метался от группы к группе. Хватая подвернувшихся под руку, свирепо вопрошал:

— Ты знаешь, дурак, где тебе место?..

Он грозил отправкой на фронт, обещал немедленно вызвать казаков. Но его крики не действовали. Рабочие проницательно поглядывали на начальника. Кто-то предложил выкатить его на тачке. Захаров убрался.

Рабочие верфи тут же приступили к составлению требований.

Первым требованием рабочих было освободить пять думских депутатов-большевиков, брошенных правительством в Туруханскую ссылку. Рабочий класс России на всех митингах вспоминал, прежде всего, о тех, кто в первые же дни смело и громко поднял свой голос против войны, кто сразу же начал организовывать массы для продолжения революционной борьбы. И сейчас это требование рабочих единодушно было выдвинуто прежде других.

Кроме освобождения депутатов, тут же на митинге выдвинули требования: свобода печати, всеобщее избирательное право с восемнадцати лет, удаление с завода казаков. Было внесено еще предложение — требовать замены полицейских инвалидами, с тем чтобы самих полицейских послать на фронт.

Во время чтения один из рабочих крикнул:

— Про измену пиши! Шпионов кругом полно... Недаром из думы приезжали...

Незадолго до этого, 10 августа, завод посетила группа думских депутатов, главным образом кадетов. Приехало их человек шестьдесят во главе с председателем думы Родзянко. Целью их посещения было выяснить — справедливы ли обвинения общества Путиловских заводов в германофильстве? Поверхностно осмотрев завод и поговорив с несколькими рабочими, они уехали. В их заключении по поводу осмотра проскальзывали намеки, что германофильство все-таки существует. Слухи о германском засильи проникли в среду рабочих. Среди новых рабочих-учетчиков и недавних крестьян эти слухи вызвали возбуждение. Они и предложили удалить с завода немцев и австрийцев, перешедших в русское подданство. Требование было записано.

Прибежал директор верфи Кутейников. Листок пошел по рукам, дошел до директора. Он прочел политические требования, развел руками:

— Это не в моей власти.

— Все равно, не будем работать, пока не выполните требований! — пригрозил чей-то голос.

Рабочие направились к воротам. Некоторые ушли домой. Из трех с половиной тысяч рабочих верфи бастовало около двух тысяч человек.

Районный комитет не дал никаких сроков окончания стачки: после разрозненных «итальянок» в остальных цехах она вышла несколько неожиданной. Поэтому рабочие прочитав приказ директора верфи, грозивший расправой по законам военного времени, с обеда снова приступили к работам.

Но настроение было задорное, боевое. Рабочие говорили:

Забастовка учеников — 1915 г.

(Рисунок П. Фитингофа)

— Нагнали страху. Теперь будут помнить.

Это была первая за годы войны политическая стачка, показавшая, что в среде путиловцев уже накопились силы для нового натиска. Районный комитет большевиков решил использовать опыт этой стачки.

Весь август на заводе проходили «итальянские» забастовки. Наряду с экономическими требованиями предъявили политические, те же, что на верфи: освобождение большевистской пятерки, всеобщее избирательное право, свобода печати. Предполагалось в скором времени провести дружную политическую стачку всего завода. Для этого нужно было еще сильнее сплотить организацию, расширить влияние большевиков среди рабочих.

Хотя районный комитет и назывался районным, связь его с другими заводами Нарвской заставы была слаба и случайна. В августе районный комитет решил организовать группу на заводе Тильманса. Один из молодых большевиков добился у мастера отпуска, будто бы для поездки в деревню, а сам поступил к Тильмансу. Он сумел быстро сплотить вокруг себя нескольких передовых рабочих завода. Четырех самых активных он вовлек в партию. Собирал их, с увлечением разъяснял им большевистские лозунги, предложил готовиться к стачке.

Группа на заводе Тильманса начала работать.

Петербургский комитет укреплял район своими работниками. Он присылал их в больничную кассу Путиловского завода: одних для работы в самой кассе, других — исключительно для подпольной деятельности.

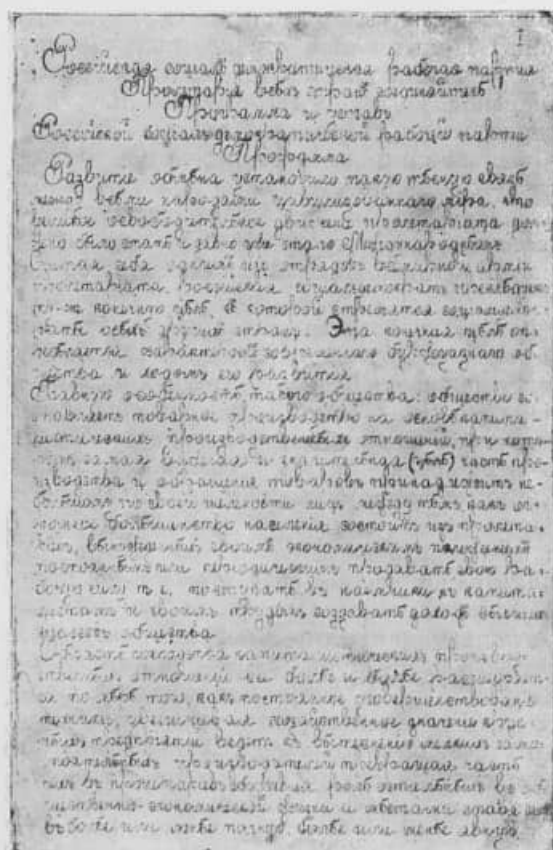
В течение весны и лета 1915 года в кассу пришли: рабочий артиллерийских складов, юноша двадцати лет, Андрей Андреевич Андреев,¹ работник Петербургского комитета Семен Рошаль, страховой работник Войтик и другие. Все они долго не задерживались. Самым большим сроком их пребывания в путиловской кассе было два-три месяца. За один год в тюрьму ушло тринадцать секретарей больничной кассы.

Агитируя среди рабочих, большевики-служащие кассы использовали материал, получаемый в их непосредственной работе. Петербургский комитет дал им задание: составить статистический отчет кассы за 1915 год. Рассказать сухим языком цифр о том, куда толкает империалистическая война рабочий класс, превратить сведения о текучести, увечьях, заболеваемости в потрясающий человеческий документ — такова была задача, поставленная перед ними партией. Работники кассы собирали и обрабатывали сведения для отчета, кропотливо проверяли каждую цифру, тщательно просматривали акты об увечьях и больничные сводки. Вышние служащие заводской конторы давали нужные сведения крайне неохотно, — они прекрасно понимали, что выводы отчета будут далеко не выгодными для путиловской администрации. При посредстве низших служащих большевики доставали книги записей из конторы, выписывая из них цифровые данные.

Потрясающая картина эксплуатации вставала из цифр. Это был лучший материал для агитации, обвинительный акт алчности капиталистов.

Руководители Петербургского комитета и журнала «Вопросы страхования» придавали огромное значение отчету путиловской больничной кассы. Организатором и руководителем работы по составлению отчета был видный работник страхового дела Н. И. Подвойский.

¹ А. А. Андреев ныне секретарь ЦК ВКП(б).

Рукописный экземпляр программы РСДРП, годившийся по рукам на Путиловском заводе

я, — сказал он, в первый раз поговорив с членами районного комитета.

Скоро робость прошла. Рошаль оказался толковым, знающим пропагандистом, энергичным организатором. Из большевиков-служащих кассы он организовал группу. Два-три раза в неделю, под видом сверхурочных, собирались они в кассу не к десяти часам утра, а к восьми. Андреев и Рошаль проводили с ними занятия.

Вскоре был организован еще один кружок — для членов районного комитета, затем несколько кружков в цехах. Руководили ими служащие больницы кассы и наиболее активные большевики завода. Один из кружков вел Андреев.

На кружке, которым руководил Рошаль, разбирали статьи «Социал-демократа», подробно обсуждали тактику партии во время войны. Одно занятие было посвящено колониальному и национальному вопросам.

Рошаль развивал на нем мысли, почерпнутые из сталинской статьи «Национальный вопрос и социал-демократия». Статья была напечатана в журнале «Просвещение» за 1913 год, в № № 3—5. Эти номера Рошаль горячо рекомендовал слушателям. В работе Сталина излагалась про-

А. Андреев, член Петербургского комитета, как и остальные большевики, работал в кассе недолго. Он быстро проявил себя как хороший организатор и агитатор, участвовал во всех заседаниях районного комитета, давал руководящие указания. Выступать ему приходилось не только на Путиловском заводе, куда он проникал по чужому номеру, но и на соседних фабриках и заводах, — районный комитет с каждой неделей расширял свое влияние.

Другой работник кассы, Семен Рошаль, принятый конторщиком для выписки личных книжек рабочим, занимался налаживанием пропагандистской работы. Происходил он из интеллигентной семьи, рано связался с революционерами, успел уже отсидеть в тюрьме. Рошаль неплохо знал теорию, но с условиями борьбы на заводе сталкивался впервые. Вначале он несколько расте-рялся.

— Я вижу, вам нужен более опытный товарищ, чем

грамма марксизма по национальному вопросу — одному из важнейших вопросов революции, интерес к которому особенно усилился в годы войны.

Работа Сталина была острым оружием большевиков в их борьбе с социал-шовинистами всех мастей.

— Помните, лозунг права наций на самоопределение, провозглашенный нашей программой, особенно важен сейчас, когда под видом национальной войны ведется война захватническая, грабительская, несущая народам еще более сильный гнет, — говорил Рошаль на занятиях кружка.

Попрежнему в больничной кассе происходили явки, встречи, собрания. Партийные документы хранили в папках об увечных делах. Прокламации Петербургского комитета вкладывали в номера «Вопросов страхования» и распространяли среди рабочих.

Правление кассы нарочно подобрало сторожа-большевика. Молодой воронежский крестьянин Фаддей Филиппов, по прозвищу «Хвакт» (букву «ф» он произносил как «хв»), добросовестно выполнял свои обязанности: пускал ночевать нелегалов, охранял заседания районного комитета, прятал прокламации. С его помощью большевики перетаскивали пишущую машинку на чердак, в маленькую комнатку с окном во двор, где помещался архив.

Кто-нибудь из служащих кассы принимался печатать прокламации, нередко проводя за машинкой весь воскресный день. Печатали обычно одним пальцем, тратя на переписку страницы полчаса, но уходили удовлетворенными. Так был отпечатан манифест международной социалистической конференции в Циммервальде.

В первое время машинка больничной кассы заменяла типографию.

Члены районного комитета постоянно бывали в кассе. Иван Козлов, оправданный судом по процессу думской фракции «за недоказанность», продолжал агитировать среди рабочих во время обхода квартир.

Председатель правления от рабочей части меньшевик Я. Борисов, встречаясь с Егоровым, Козловым и другими членами правления большевиками, замечал с раздражением:

— Из-за вашей агитации скоро, пожалуй, кассу прикроют... К чему все это? Не припутывайте, пожалуйста, посторонних дел. Ищите другое место.

В этом вопросе его взгляды совпадали с позицией назначенцев от администрации. Фортунато готовил собранию уполномоченных доклад, в котором жаловался: «Рабочая часть принимает на службу молодых неопытных людей, не имеющих представления о делопроизводстве. Все они, очевидно, мало занимались делами больничной кассы, так как упорядочить дело не только не умели, но и не могли, за вынужденной краткостью пребывания их на ответственном месте».

«Вынужденная краткость пребывания» вызывалась тем, что, поработав месяц-два, большевики-служащие кассы попадали в тюрьму. Жалуясь на «молодых неопытных людей», Фортунато прилагал все усилия, чтобы сделать их пребывание в кассе еще короче. Среди сотрудников кассы охранка имела своих людей. Член правления кассы Базин был провокатором. Среди служащих были и другие агенты охранки.

В ночь с 29 на 30 августа 1915 года в квартиры многих сотрудников кассы и рабочих Путиловского завода нагрянула полиция с повальными

обысками. Тридцать человек отправили под конвоем в полицейские участки, оттуда в охранку. На следующий день товарищ министра внутренних дел уже читал донесение департамента полиции о разраставшемся движении рабочих на Путиловском заводе. Департамент делал вывод: «Означенное движение, по указанию агентуры, явилось результатом агитационной деятельности партийных работников и вольнонаемных служащих больничной кассы Путиловского завода».¹

30-го вечером на Шустровском острове, возле верфи, собрался районный комитет большевиков обсудить давно назревший вопрос о политической забастовке против войны. Но весть об аресте тридцати товарищей, за день облетевшая завод, сделалась главной темой разговоров. На разные лады обсуждали, как организовать протест против массовых арестов. Решили забастовку проводить немедленно, выставив одним из главных ее требований — освобождение товарищей.

31 августа в четыре часа дня прекратили работу двести пятьдесят рабочих лафетосборочной мастерской. 1 сентября неспокойно было с самого утра. Лафето-снарядная «итальянка», требуя попутно увеличения расценок. В новоснарядной, где «итальянка» продолжалась уже два дня, брожение среди рабочих вылилось в митинг. Обсуждали экономические требования и приняли резолюцию протеста по поводу арестов, призывающую к борьбе с царизмом. Начальник цеха, придя на митинг, растерялся. Наконец, взобрался на табуретку и, подождав, когда стало потише, дрогнувшим голосом крикнул:

— Господа рабочие! Отечество в опасности!

В ответ грянул дружный хохот.

Пять делегатов отправились к директору, заставив начальника цеха идти с ними.

После работы у часовни собралась двухтысячная толпа. Говорил Барановский, за ним еще два большевика. Они призывали к немедленной забастовке. Митинг решил — забастовать.

Вечером Барановский, вместе с представителем Петербургского комитета, составлял резолюцию назначенного на завтра митинга. Утром 2 сентября, около восьми часов, он пошел на завод. Все мастерские работали, и только в новоснарядной и старошрапнельной рабочие сидели около станков и ждали, что будет.

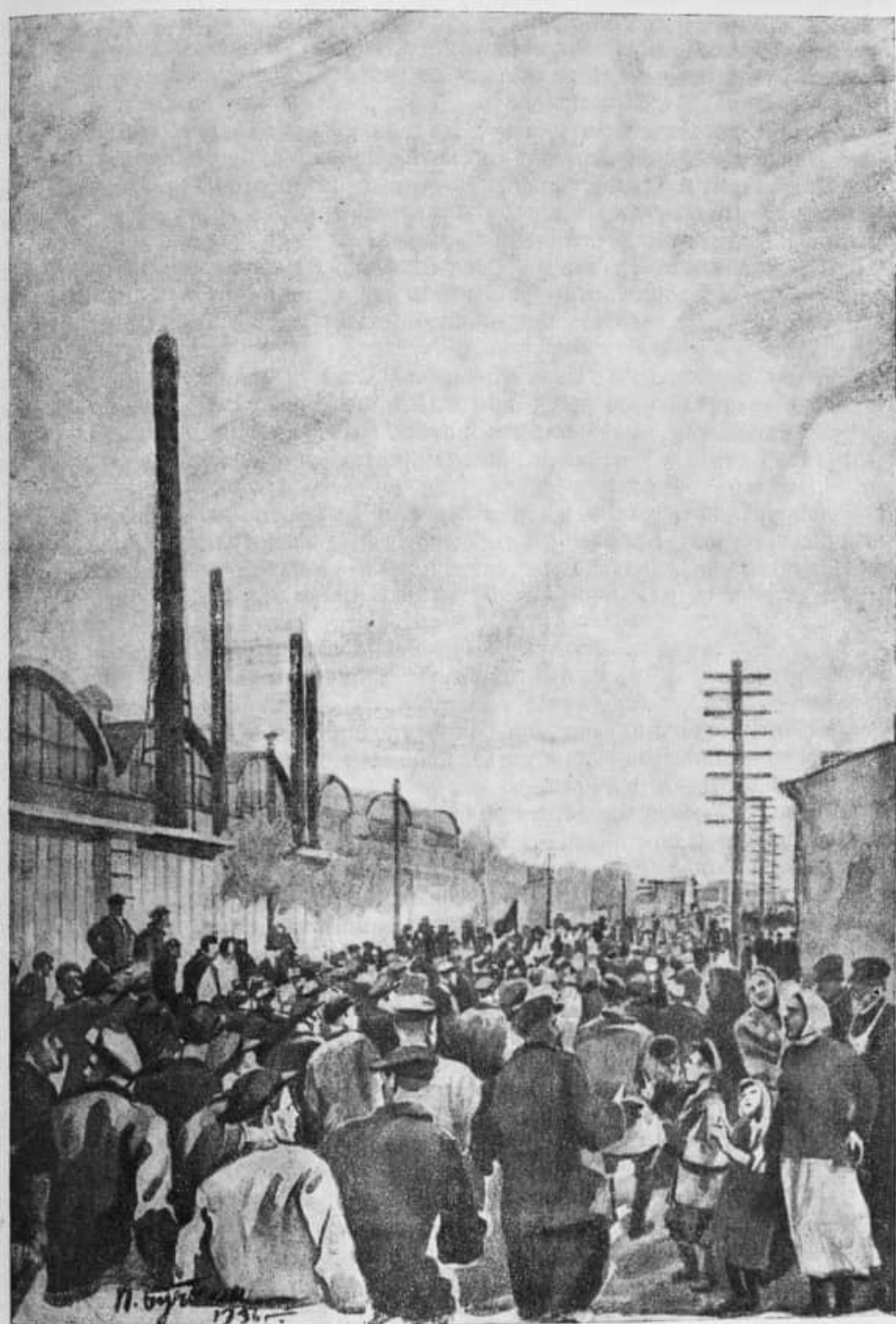
В новошрапнельной происходили жаркие споры. Настроение было возбужденное. Сверху, со второго этажа, смотрели слесаря-лекальщики, ожидая сигнала. Медлить было нечего.

— Останавливай станки! — крикнул Барановский.

Моторы выключили. Мастерская замерла. Две тысячи рабочих напряглись к выходу.

В пушечной меньшевик Яковлев с другими оборонцами решительно воспротивился забастовке. Яковлев действовал заодно с учетчиками, которые возражали против всякого выступления («еще завод из-за них закроют, на фронт попадешь!»). Чего не было никогда до войны — в пушечной оказалось много штрейкбрехеров. Они продолжали работать, не обращая внимания на крики подростков и уговоры взрослых рабочих. Произошло несколько столкновений; штрейкбрехеров оттаскивали от станков силой. Одного подростка штрейкбрехеры потащили в контору.

¹ ЦАР, Фонд департамента полиции, Доклад министру внутренних дел, 1915.

Антивоенная демонстрация у Путиловского завода. (С картины И. Репина.)

Забастовщики бросились на выручку. В свалке был ранен зубилом помощник начальника мастерской Кожев. Яковлев понял, что сопротивляться бесполезно. Он кончил работу, пошел умываться. Но отдельные рабочие из учетчиков так и остались в мастерской.

— Я хозяин себе и своему заработку, — говорил колбасник Фейзак, хотя никогда на заводской заработок не рассчитывал и прогуливал несколько дней, занятый делами своей колбасной мастерской.

Подростки натирали ладонь мелом и осторожно прикладывали ее к спинам предателей. Заклейменного таким образом человека молодые парни подстерегали и избивали за воротами.

В течение часа удалось снять весь завод. Рабочие всех мастерских, кроме башенщиков, которых не пустили в морские ворота, снова собрались на митинг у часовни. Путиловский завод бастовал, как в старые боевые дни.

Речи были кратки. Большевики предлагали немедленно выступить, призвав к стачке весь пролетариат Петрограда. Резолюция, предложенная Барановским, требовала возвратить из ссылки пять большевистских депутатов думы и выражала протест против арестов большевиков завода и больничной кассы.

Девятнадцать тысяч человек бросили работать по призыву большевиков. Настроение было приподнятое. Одни затянули старую революционную песню, другие подхватили, и слова песни зазвучали торжественно и гордо:

Вставай, поднимайся, рабочий народ!
Иди на врага, люд голодный.

У ворот, кончив песню, рабочие троекратно прокричали «ура». За шлагбаумом попытались собраться снова и опять запеть «Марсельезу», но помешал отряд полиции.

Тотчас же после митинга в больничной кассе собрались руководители большевистской организации. Решили привлечь к стачке другие заводы. Несколько большевиков поехало на Выборгскую сторону. На заводе Лесснера они вызвали в проходную знакомого большевика и объяснили ему, в чем дело. Тот обещал немедленно сообщить товарищам. На Металлическом заводе удалось пробраться во двор. Тут же был устроен митинг. После выступления путиловцев и местных рабочих решили объявить трехдневную забастовку. Вечером путиловцы созвали совещание представителей крупных заводов — большевиков, меньшевиков и эсеров, — знакомых по работе в больничных кассах и других легальных организациях. Поставили вопрос об общегородской забастовке.

— Забастовка несвоевременна. Ее надо кончить с возможно меньшими жертвами, — заявил меньшевик Абросимов. (Впоследствии Абросимов был разоблачен как провокатор.)

Ни до чего определенного с соглашателями не договорились. Большевики решили действовать самостоятельно.

Еще один день путиловские большевики разъезжали по заводам, агитируя за забастовку. Тридцать четыре предприятия с тридцатью шестью тысячами рабочих присоединились к путиловцам. Путиловское правление 3 сентября объявило локаут. Газеты молчали о происходящих стачках.

Путиловские большевики решили привлечь внимание всей России к событиям на заводе. Они обратились к депутатам думы — трудовикам и меньшевикам — с просьбой заявить о путиловских требованиях с трибуны Государственной думы. Преподаватель Ушаковской школы устроил путиловцам свидание с членом Государственной думы А. Ф. Керенским. Им было поручено в разговоре с Керенским настаивать на запросе в думе по поводу локаута. Незадолго до этого путиловцы делегацией пришли к Чхеидзе, чтобы он через думу расследовал дело об арестах 30 августа. Чхеидзе обещал. Казалось, что и Керенский, на словах расценивающийся за рабочих, не откажет им.

В назначенный час двое путиловцев пришли к Керенскому. Рабочие рассказали ему о причинах забастовки, об условиях работы на заводе, о большевистских резолюциях и спросили: «Нельзя ли возбудить запрос о политике предпринимателей, объявивших локаут?»

Керенский отвечал сухо. Он был недоволен разговором и не скрывал этого. Сказал, что забастовки в военное время вредны и он их не одобряет, необходимо объединить все классы для борьбы с иноземным врагом. Путьловцам стало скучно. Они поставили вопрос ребром:

— Внесете ли вы в думу запрос о локауте или нет?

Керенский отвечал, что сделать этого не может, а рекомендует поскорее закончить забастовку. Рабочие поняли, что говорить с этим красным больше не о чем.

4 сентября вечером в лесу возле Политехнического института снова собрались представители от заводов и больничных касс. Нарвский районный комитет присутствовал целиком. Собрание было многолюдное и бурное. Снова шли споры о том, продолжать стачку дальше или нет. Меньшевики-интернационалисты считали, что стачку продолжать можно, но главной осью ее надо сделать протест по поводу роспуска правительством Государственной думы. Оборонцы — Гвоздев с Эриксона, Бройде с Лесснера, путиловец Яковлев — с пеною у рта требовали немедленного прекращения забастовки. Большевики заявляли, что стачечную волну необходимо поднять еще выше, усилить борьбу с царизмом, чтобы в конце концов войну империалистическую превратить в войну гражданскую.

«Межрайонцы», беспринципно пытавшиеся примирить враждующие стороны, под конец согласились с оборонцами, что стачку надо прекратить. Случайный состав собрания привел к тому, что при голосовании два-три голоса «межрайонцев» решили вопрос. Большевики оказались в меньшинстве.

В этот день бастовало семьдесят тысяч человек. Стачка продолжалась еще три дня.

7 сентября на Путиловском заводе начались работы. Многие рабочие остались за бортом завода. На одной только верфи не приняли свыше полутора тысяч человек. Сто сорок рабочих уехали в Москву, завербованные мастером Воробьевым на завод Михельсона, куда он перешел работать. В их числе было шесть большевиков: Иван Козлов, Анисим Костюков и другие. Был активный меньшевик Германович, были эсеры, был один анархист, был и Родион Золотцев — провокатор.

Первая общезаводская политическая стачка показала, что большевики при правильной, умелой работе могут поднять завод. На Путиловском и на многих других заводах и фабриках Петрограда назревали

крупные стачки. Перед партией большевиков встала задача — еще шире развернуть разраставшееся движение и сделать лозунг превращения войны империалистической в войну гражданскую знаменем борьбы миллионов.

«ВОЕННО-ПРОМЫШЛЕННЫЕ СОЦИАЛИСТЫ»

Громадная волна забастовок, прокатившаяся летом 1915 года по всей России, заставила наиболее дальновидных представителей буржуазии крепко призадуматься. Они поняли, что ни разгром рабочих организаций, ни отправка военнообязанных на фронт, ни милитаризация заводов, ни другие военно-полицейские репрессии не могут удержать рост революционного движения. Для достижения все той же цели — дезорганизации рядов пролетариата — нужно было дополнить эти методы борьбы с революцией другими, более тонкими методами.

В июле 1915 года в Москве был созван Всероссийский съезд по борьбе с дороговизной. Буржуазия заигрывала с рабочими и при помощи меньшевиков пыталась создать видимость гражданского мира. Приглашения на съезд были посланы крупнейшим больничным кассам. Путиловская больничная касса категорически отказалась от участия в съезде, мотивируя отказ тем, что съезд буржуазный и участие рабочих в нем создаст иллюзию трогательного единения рабочих со своими врагами. Петроградские меньшевики обрушились на путиловцев с упреками. В своем журнале «Страхование рабочих» они резко порицали путиловских страховиков.

Одновременно с созывом съезда по борьбе с дороговизной буржуазия готовила более устойчивую и постоянную организацию — военно-промышленные комитеты.

Через военно-промышленные комитеты буржуазия стремилась забрать дело снабжения армии в свои руки, чтобы довести войну до победного конца. Капиталисты уже не верили бездарному бюрократическому царскому правительству. Свои корыстные интересы буржуазия пыталась представить как интересы всего народа. Ее лидеры утверждали, что военно-промышленные комитеты объединят «все живые силы страны». Такое утверждение нужно было буржуазии для того, чтобы водворить «мир в промышленности», привлечь к участию в военно-промышленных комитетах рабочих и представить перед всеми империалистическую войну как войну всенародную.

По решению съезда военно-промышленных комитетов «рабочая группа» центрального военно-промышленного комитета должна была состоять из десяти человек, «рабочая группа» петроградского военно-промышленного комитета — из шести. Весь вопрос заключался в том, кто будет занимать эти места. Председатель центрального военно-промышленного комитета А. И. Гучков и его помощник, текстильный фабрикант А. И. Коновалов были на этот счет достаточно осторожны. Они не без основания побаивались, что «живые силы» могут оказаться по-настоящему живыми, и для опыта сперва решили действовать потихоньку, нащупывая почву.

Еще в начале августа 1915 года рабочие — члены правления путиловской больничной кассы получили приглашение явиться на предварительное совещание о выборах в военно-промышленные комитеты. Но автомобиль,

присланный за ними Коноваловым, вернулся пустой: большевики заявили, что на совещание с капиталистами они не поедут.

Петербургские меньшевики, как и следовало ожидать, подхватили предложение Гучкова. В августе стала выходить новая меньшевистская легальная газета «Утро». Высказывания об участии рабочих в военно-промышленных комитетах оборонческого «Утра» и полукадетского «Дня» были одинаковы. Газета «Утро» выражала взгляды группы петроградских меньшевиков-оборонцев во главе с Кузьмой Гвоздевым, рабочим завода «Эриксон». Гвоздев был частым посетителем гучковского кабинета, его хорошо знали и в кругах кадетов: он был одним из самых ярых проповедников защиты буржуазного «отечества» и ревностно помогал буржуазии обманывать народ, скрывать империалистический характер войны.

Путиловские большевики обсудили вопрос о выборах в «рабочие группы». Докладчик из Петербургского комитета большевиков говорил, что усесться в мягких креслах рядом с Гучковым и Коноваловым значит отказаться от лозунга поражения, отказаться от революции, предать интересы пролетариата. Но выборную кампанию стоит использовать в агитационных целях, разоблачая на всех собраниях буржуазно-меньшевистскую затею. Мало того, нужно участвовать в первой стадии выборов, добиться избрания в выборщики большевиков или близких к ним людей. На общегородском собрании они откажутся от выборов «рабочей группы» и огласят большевистскую декларацию о бойкоте военно-промышленных комитетов, используя тем самым легальную трибуну для революционной агитации.

В середине сентября директор завода объявил, что рабочим разрешено устройство собраний по мастерским для избрания выборщиков в военно-промышленный комитет. Районный комитет большевиков распределил своих членов по мастерским для участия в собраниях.

Один из большевиков выступил в пушечной. Не успел он начать речь, как из конторки выскочил помощник начальника цеха, инженер Кожев:

— На каком основании? Сейчас же разойтись!

Он разрешил собрание, лишь получив дополнительные инструкции от директора, но не больше чем на полчаса. Едва оратор упомянул о борьбе против войны и самодержавия, помощник начальника закричал:

— Я запрещаю говорить в таких выражениях о его императорском величестве!

Рабочие подняли шум. Кожеву пришлось удалиться.

Против большевиков в пушечной выступил меньшевик. Он говорил, что участвовать нужно не только в выборах, но и в комитетах, так как в обороне отечества заинтересованы все классы общества. Рабочий класс к тому же получит возможность организовать для выражения своих нужд. Но сочувствие собрания было всецело на стороне большевиков, категорически отвергавших участие рабочих в какой-либо поддержке войны. Избранным уполномоченным они предлагали демонстративно заявить об этом на общегородском собрании выборщиков.

В пушечную на собрание второй смены приехал заранее уверенный в успехе Кузьма Гвоздев. Пропуск для него был уже готов, и представители администрации любезно провели его в мастерскую. Но еще до начала собрания Вася Алексеев рассадил по углам молодежь. Как только Гвоздев начал нападать на большевиков, со всех сторон раздалась пронзи-

тельные свистки. Большевики попытались остановить свистевших, но рабочие поддерживали молодежь. Гвоздев махнул рукой и с оскорбленным видом сошел со стула, который служил ему трибуной. Вторая смена пушечной тоже приняла большевистскую резолюцию.

В шрапнельной, кроме вопроса о выборах в военно-промышленные комитеты, обсуждали и свои дела: низкие расценки, дороговизну, прои-вол мастеров. В сталепрокатной около мелкосортного стана сгрудились черные, хмурые вальцовщики, нагревальщики, чернорабочие. Они недоверчиво шли на собрание, на которое приглашало само начальство. Иван Егоров в прокатке, Барановский в шрапнельной давали большевистскую оценку войне и военно-промышленным комитетам. В башенной рабочие заявили:

— Входить в военно-промышленные комитеты не собираемся.

Среди двадцати выборщиков Путиловского завода оказалось около половины большевиков: Тимофей Барановский, Иван Егоров, Дмитрий Романов, Константин Николаев из башенной и другие. Большинство рабочих завода разделяло большевистскую точку зрения на военно-промышленные комитеты. Но в пушечной выбрали меньшевика, в башенной — эсера, обязав их следовать большевистской резолюции, принятой собранием.

В строительном цеху завода выборы прошли незаметно. На собрание из двух тысяч явилось всего около ста человек. Привыкшие чтить старших, вчерашние крестьяне решили послать в выборщики старика Кудряшова. Кудряшов политикой не интересовался, жил тихо и скромно, верой и правдой служил обществу Путиловских заводов много лет. Он упорно отказывался идти делегатом, боясь впутаться в какую-нибудь историю. Но седая борода сделала свое дело. Он получил большинство и попал в число делегатов.

Много пришлось поработать в эти дни большевикам. Они выступали не только в мастерских завода, но и на Резиновой мануфактуре, на фабрике «Скороход», на Трубочном заводе, на заводе «Сименс-Гальске». Всюду им приходилось выдерживать ожесточенные бои с меньшевиками и эсерами.

Итоги выборов окрылили большевиков-путиловцев. Стало сразу ясно — на чьей стороне рабочие. Большевики решили провести предварительное общезаводское собрание выборщиков. Администрация долго не давала помещения. Наконец, собрались в путиловском театре. Председательствовал Иван Егоров. Собрание должно было принять наказ и договориться об установлении единой тактики на общегородском собрании. Большевики вначале пытались настроить присутствующих оборончески. Рабочий-башенник меньшевик Потемкин отчитывался в работе комитета помощи раненым, говорил о закупке вещей для фронта. Его выступление прошло незаметно.

Член Петербургского комитета большевиков М. С. Плетнев прочел большевистский наказ. Наказ заканчивался словами:

«1. ...Речи быть не может об участии представителей рабочих в центральном военно-промышленном комитете.

2. Подобное участие было бы фальсификацией воли пролетариата, изменой его революционному интернационалистическому знамени.

3. Поэтому рабочие-уполномоченные должны громогласно заявлять об отказе участвовать в каких бы то ни было учреждениях, способствующих войне».

Собрание так единодушно поддерживало большевиков, что оборонцы не осмелились выступить с критикой наказа. Яковлев все время стоял возле двери, нервно теребя свои пышные усы. При голосовании ни его, ни Качалова, одного из руководителей заводских эсеров, в зале не оказалось. Наказ прошел единогласно.

После этого выборщики Путиловского завода устроили совместное собрание с делегацией резинщиков в столовой «Треугольника». Представитель Петербургского комитета сделал доклад. Путиловцы пытались привлечь резинщиков на свою сторону, но это не удалось: среди резинщиков оказалось немало оборонцев.

Победа на Путиловском заводе была лишь частью победы. Главное оставалось впереди. Предстояло дать решительный бой на общегородском собрании выборщиков, разгромить гвоздевщину, сорвать во что бы то ни стало выборы «рабочей группы». Возникал вопрос: как это сделать?

Петербургский комитет решил послать на общегородское собрание выборщиков своих представителей. Путиловским большевикам было поручено достать для них мандаты выборщиков, чтобы провести на собрание. Старик Кудряшову, искавшему повода увильнуть от своих обязанностей, сказали, чтобы он шел домой и никуда больше не являлся. Его мандат был передан члену Петербургского комитета «Сергею». Другой представитель Петербургского комитета В. Залезский получил мандат путиловского выборщика Дикова.

27 сентября к 12 часам в зале Соляного городка, на углу Пантелеймоновской и Фонтанки, начали собираться выборщики. Гвоздев сидел за столиком у входа и лично проверял мандаты. Путиловец «Диков» ничем не привлек его внимания. Зато «Кудряшов», в хорошо сшитом костюме, с интеллигентными манерами, походил больше на адвоката, чем на рабочего строительного цеха. Гвоздев с любопытством оглядел его. Взгляды их встретились.

Собрание казалось Гвоздеву пустой формальностью; он был уверен в себе. Ведь вопрос почти предрешен: большинство на собрании, несмотря на все старания большевиков, обеспечено. Из двухсот двадцати выборщиков на собрание явилось сто девяносто восемь.

Гвоздеву захотелось сыграть в благородство. Пускай путиловцы осмистали его, а сейчас проводят по своим мандатам посторонних лиц, — он прощает это им. Напротив, еще слаще победа и величественнее триумф перед лицом поверженного врага. Гвоздев милостиво кивнул головой.

— Проходите.

Собрание началось. За столом президиума появился сам председатель центрального военно-промышленного комитета Гучков. Он произнес краткую, торжественную речь и начал выборы президиума. Со стульев, занятых путиловцами, поднялся Барановский. Все оглянулись — это было неожиданно:

— Делегация Путиловского завода предлагает избрать председателем путиловца Кудряшова, рабочего строительного цеха.

Меньшевики заволновались. Единственным и неоспоримым кандидатом в председатели считался Кузьма Гвоздев. Путиловские большевики настаивали на своем. Вопрос поставили на голосование. Прошел Гвоздев. Большевики продолжали бороться за каждую кандидатуру в члены

президиума. Товарищем председателя был избран мнимый Кудряшов, первым секретарем — путиловский большевик Николаев.

Гвоздев предоставил слово для доклада оборонцу Абросимову. Тот не считал нужным прибегнуть к каким-нибудь доводам для оправдания участия меньшевиков в военно-промышленном комитете. Так же как и Гвоздев, он считал собрание пустой формальностью. Говорил он очень коротко и невнятно.

Наступило молчание. Казалось, все проходило спокойно. Еще два-три формальных выступления, и можно будет приступить к выборам. Вдруг слово попросил путиловский делегат «Диков» — член Петербургского комитета Залежский.

С первых же его фраз зал насторожился. Меньшевики не ожидали встретить на собрании такого сильного противника. Вскоре изумление меньшевиков перешло в полную растерянность. Они начали откровенно нервничать. Беспартийные слушали, затаив дыхание. Оратор вел делегатов от пункта к пункту наказа Петербургского комитета большевиков. Остановившись на причинах возникновения войны, разоблачив лозунг «защиты отечества», упомянув об измене вождей II Интернационала, он сделал вывод:

— И русский и немецкий империализм одинаковы. Едва только война перейдет в революцию, как Николай и Вильгельм бросятся друг к другу в объятия. Случись революция у нас в России, Николай начнет лизать сапоги Вильгельму, умоляя о помощи.

Часть делегатов шумно аплодировала. Оратор продолжал:

— Главный враг русского народа — в его собственной стране. Этот враг — царское самодержавие, крепостники-помещики, империалистская буржуазия. Против них он должен бороться, за свержение ненавистного царизма, за установление демократической республики... Братские руки пролетариев воюющих стран уже поданы друг другу, час революции близок, и попытка навязать русским рабочим ответственность за грабительскую войну должна быть с омерзением отвергнута...

Под аплодисменты одной части собрания и возмущенные выкрики другой Залежский сел на место. На трибуне один за другим начали появляться меньшевистские и эсеровские ораторы.

— На чьей мы стороне — правительства или буржуазии? — вопрошал подручный Гвоздева Бройде и отвечал: — Конечно, на стороне буржуазии.

— Наша сила — в совместных действиях с буржуазией. Одни мы бессильны, — поддерживал его меньшевик с Трубочного завода Емельянов.

Настроение собрания становилось все возбужденнее. Наконец, выступил мнимый рабочий строительного цеха Кудряшов.

— Вы говорите — надо сменить правительство? — обращался он к оборонцам. — Как же вы его смените? Устройте политическую стачку? Но ведь это значит — способствовать поражению. А вы против него. Действовать мирно? Но правительство вам не уступит власти. У вас не связаны концы с концами, вы бьетесь над квадратурой круга, пытаетесь соединить несоединимое — оборону отечества и революционную борьбу. Нет, господа, у вас получается не революция, а революционная болтовня. Вот наша партия, партия последовательных марксистов, действительно по-настоящему проводит свои лозунги в жизнь.

Он говорил, что теперь, когда буржуазия испугалась рабочего движения, меньшевики, желая помочь ей, оживились:

И полезли из щелей
Мошки да букашки.

В ответ слышались разъяренные крики, требующие «прекратить безобразие», «расследовать большевистский подлог», «убрать этих личностей». В президиум полетели записки с требованием лишить оратора слова. Бройде пытался даже потушить свет в зале, но его остановили. Меньшевики предложили перенести собрание, пользуясь тем, что делегаты устали: с двенадцати дня собрание затянулось без перерыва до часу ночи. Выборщики были голодны, военно-промышленный комитет угощал их только кипятком без сахара. Предложение меньшевиков было провалено.

В возбужденной обстановке приступили к голосованию большевистской резолюции о бойкоте военно-промышленных комитетов. Меньшевики и эсеры на собрании было 81, большевиков — 60. Исход голосования решали беспартийные делегаты. Они пошли за большевиками. 95 голосов было подано за резолюцию большевиков. 81 голос меньшевиков и эсеров — против. Меньшевики потребовали поименного голосования. Но, несмотря на то что пять делегатов уже ушли, большевистская резолюция опять собрала большинство. Против 90 голосов, поданных за нее, оказалось все то же старое число — 81.

В дверях зала с начала до конца собрания торчали шпики, напряженно следя за всем, что происходило. Когда были объявлены итоги выборов, один из них опростомелью кинулся в соседнюю комнату, схватил телефонную трубку и, назвав номер охранного отделения, бросил лишь одно слово: — Отказались.

Оборонцы потребовали немедленной расправы с большевиками. В буржуазных газетах «Речь» и «День» появилось письмо Гвоздева. Он называл собрание неправильным потому, что «вместо выборщиков от путиловских рабочих присутствовало какое-то другое лицо, даже не рабочий».

— Тут мы имеем дело не с ошибкой, а с сознательным актом, — докладывал он охранке.

Меньшевистская газета «Рабочее утро» также поместила этот прямой донос.

От Гвоздева не отставали и путиловские меньшевики. На квартиру Барановского явился Иван Волков, токарь пушечной мастерской. Барановский угадал сразу цель его визита: узнать о главных виновниках срыва собрания, о «Кудряшове». После краткого и горячего спора Барановский попросил его удалиться.

Оборонцы обвиняли большевиков, объясняя срыв выборов в военно-промышленные комитеты лишь их выступлениями. Гвоздеву и компании было все равно, что эти большевистские ораторы выражали волю петербургских рабочих. Гвоздев добивался во что бы то ни стало новых выборов. Центральный военно-промышленный комитет пошел ему навстречу и назначил на 22 ноября повторное собрание. Объявление о собрании появилось в газетах лишь за два дня — гвоздевцы рассчитывали застать большевиков врасплох. Но Петербургский комитет все же успел созвать 21 ноября часть выборщиков и обсудить с ними декларацию о новом отказе от выборов.

Чтобы вернее было, Гвоздев лично развозил на коноваловском автомобиле повестки. За большевиками же в это время посылали другие автомобили. В первую очередь были арестованы активные участники собрания выборщиков. Затем были взяты большевики ряда заводов Петербурга.

В ответ на кампанию, поднятую против большевиков, Петербургский комитет выпустил прокламацию, в которой разъяснял истинное положение вещей. Прокламацию требовалось срочно отпечатать. Единственная типография, уцелевшая от разгрома, была в Нарвском районе. Печатание листовок поручили путиловцам. Быстро сколотили наборную кассу, в модельной мастерской выточили из дерева валик, большевики башенной галерки сделали рамки для укрепления набора. В этой работе им деятельно помогал молодой слесарь Иван Газа. Он же вынес рамку с завода.

От типографии, существовавшей за Нарвской недолгое время, летом 1915 года на квартире одного из большевиков осталась корзинка со шрифтом. Добыть ее было нелегким делом: большевик этот дома не жил, скитался. Квартира его была известна полиции. Однако несколько товарищей вызвались пойти за шрифтом. Хозяин квартиры, увидев их, замахал руками:

— Уходите скорее! Здесь каждый день полицейские заходят и какие-то штатские. Все бумаги забрали, вещи перерыли.

Путиловцы справились о корзинке, в которой хранился шрифт. Хозяин ответил, что ее удалось спрятать.

Типография заработала.

За ночь большевики отпечатали три тысячи листовок. Они были распространены по всем районам Петрограда.

На 22 ноября в городе не оказалось ни одного свободного зала; выборное собрание перенесли поэтому на следующее воскресенье, 29 ноября. На вторичное собрание явилось всего сто пятьдесят восемь человек. Некоторые делегаты оказались изъятými, многие на выборы махнули рукой. Резко упал интерес к выборам и среди рабочих.

Вновь на сцене появился Гучков. Едва он окончил вступительную речь, представитель большевиков путиловец Николаев попросил слова для внеочередного заявления. Меньшевики запротестовали. Не обращая на них внимания, Николаев вышел на трибуну и прочел большевистскую декларацию, вновь подтвердившую волю рабочих масс Петрограда. Относительно оборонцев, создавших вторичное собрание, в декларации говорилось:

«Ввиду того, что кучке самозванцев удалось-таки сторговаться с буржуазией и созвать сегодняшнее собрание, мы заявляем, что считаем изменниками всех, способствовавших этой закулисной сделке, и поведем с ними упорную борьбу во всех слоях рабочих масс, где изменникам не должно быть места».

Николаев положил декларацию перед Гучковым и сошел с трибуны.

После этого большевики шумно поднялись со стульев и покинули зал. К ним присоединилась часть других делегатов.

Гвоздев снова занял председательское место. Перед объявлением порядка дня Гвоздев любезно предоставил слово настоящему Кудряшovu. От этого выступления меньшевики ждали многого. Но перепуганный старик не оправдал их надежд. Никаких разоблачений не получилось.

— Я отказывался от возлагаемой на меня чести, — робко пробормотал Кудряшов, — своей повестки я не получил. Вместо меня попало на собрание какое-то другое, мне неизвестное лицо, которое и наделало всю эту «злобу дня».

Теперь гвоздевцы имели возможность провести выборы. Были избраны «рабочие группы» центрального и петроградского военно-промышленных комитетов. В первую попал путиловский оборонец Яковлев, во вторую — эсер Качалов.

Вопреки воле петроградского пролетариата, ясно и недвусмысленно выраженной на выборах, Гвоздев и его приспешники обманом и лицемерием добились своей цели — возможности открыто сотрудничать с буржуазией. Оторванная от масс, замкнувшаяся группа предателей-оборонцев пыталась выдавать себя за представителей пролетариата, будто бы поддерживавшего войну. Но пролетариат был против войны. «Рабочие группы» военно-промышленных комитетов не пользовались на заводах никаким влиянием и авторитетом. Оборонцев, участвовавших в них, петербургские рабочие заклеймили презрительной кличкой — «военно-промышленные социалисты».

«СДЕЛАЕМ БОЛЬШОГО КРУПНА»

В ноябре 1915 года Путиловский завод дал 237 орудий. Эту цифру в правлении считали близкой к пределу. Но для Главного артиллерийского управления она была только началом. На фронте после разгрома осталось не более трех тысяч легких орудий, и задание для Путиловского завода должно было все время повышаться в расчете, однако, на то, что впоследствии производство этой артиллерии перейдет на строящийся дарицынский завод. От Путилова требовали непрерывно расширять завод и покупать новое оборудование.

Ежедневно с Путиловского завода уходили платформы, накрытые брезентом, и два холмика по концам означали, что везут трехдюймовые пушки на колесах. Иногда, гораздо реже, брезент ложился совсем плоско, и под ним плашмя лежала разобранная шестидюймовая машина с клеймом: «Система Шнейдер — Путиловский завод». Ежедневно отходили вагоны, набитые ящиками с шрапнелью. Весь отпуск изделий за 1915 год — восемьдесят миллионов рублей — в три раза превышал отпуск 1914 года. Официальная прибыль по балансу за 1915 год достигала двенадцати миллионов рублей, не считая огромной скрытой прибыли, выкаченной банком. Число рабочих подходило к двадцати пяти тысячам.

Но Путилову это оживление давно уже перестало нравиться. Его не радовали двенадцать миллионов прибыли, из которых 11 954 тысячи ушли на новые постройки. Будут выстроены еще несколько барakov, будут поставлены станки. Еще больше платформ будет отходить с завода, прибавится шрапнели, прибавится людей, оживление достигнет высшей точки, а через какой-нибудь год-два после окончания войны заказы уйдут на другие заводы, подъем заведет в тупик, благополучие обернется пепелищем.

Путилов выдвинул проект: перенести завод в Донецкий бассейн на территорию заводов Юза. Он предполагал объединить три мощных предприятия Путилов — Парвиайнен — Юз и построить новый металлурги-

ческий и пушечный завод; который по размерам будет приближаться к крупновскому.

— Сделаем большого Круша...

Все три завода находились в управлении Русско-Азиатского банка. Объединение их могло произойти простым приказом Путилова и перетасовкой акций. Преимущества нового завода: дешевое сырье, дешевые уголь, дешевые рабочие руки. Новый завод будет удовлетворять требованию правительства о выводе пушечного производства из Петрограда, а сырье обойдется дешевле, чем Виккерсу. Дешевое сырье позволит выдерживать конкуренцию южных заводов на любых сортах стали и на любых объектах производства. Новый завод сможет, например, снова производить рельсы, с которых когда-то начался расцвет Путиловского завода и которые впоследствии были у него отняты южными и уральскими заводами.

Путилов проектировал, по мере постройки завода, такую переброску цехов из Петрограда, которая не ослабила бы темпов работы на войну. Если казна гарантирует заводу заказ в три тысячи орудий по одиннадцать тысяч рублей за штуку и выдаст деньги вперед, постройка завода начнется немедленно. Через два года начнут выпускать орудия, и, возможно, они еще попадут на фронт в эту войну.

Это был не единственный проект Путилова. Одновременно он выдвинул проект постройки нового металлургического и рельсового завода на Алтае, был инициатором подписки на правительственный железнодорожный заем для постройки новых тридцати тысяч верст железнодорожных путей. Все его проекты начинались и кончались требованием денег у казны. На новый Путиловский завод он требовал 33 миллиона рублей, на Алтайский завод — 14 миллионов беспроцентной ссуды. Исключение составлял железнодорожный заем, при помощи которого, наоборот, он вместе с Манусом предлагал собрать для казны 350 миллионов рублей.

Железнодорожный заем был не просто денежной спекуляцией нескольких крупных банкиров. Заем имел политическое значение. Это была попытка влить новые силы в металлургическую промышленность, не дать ей остановиться при переходе на мирное положение, оживить после войны строительство.

В план железнодорожного строительства входило не распускать армию после демобилизации, изолировать ее от населения — провести солдат через строительство, заманить заработками, вернуться от всеобщего народного восстания. Александра Федоровна Романова, которая поддерживала этот план, писала царю: «Таким образом, найдется работа для наших запасных, когда они вернутся с войны, и это задержит их возвращение в свои деревни, где скоро начнется недовольство — надо предупредить истории и волнения, заранее придумав им занятие, а за деньги они будут рады работать. Пленные могут все начать».¹

Это была мало надежная увертка от революции, и Путилов понимал это. Перед концом он был очень щедр, но лишь на чужие миллионы. На бумаге он оперировал десятками и сотнями миллионов, но собственные реальные миллионы он очень рано начал перебрасывать в японские и шведские банки.

¹ Переписка Николая и Александры Романовых, Центрархив, т. IV, 1926, стр. 222.

Планы остались планами. Реализация займа затянулась. Ассигновка на Алтайский завод застряла в думской бюджетной комиссии, а еще раньше Главное артиллерийское управление отказало в деньгах на переезд Путиловского завода в Донецкий бассейн.

Путилов успел объединить только Юза и Парвизайнена. Парвизайнен начал переброску цехов из Петрограда на юг. На переезд Путиловского завода нехватило денег. Путилов предложил казне выкупить у него верфь, которая занималась главным образом переделкой коммерческих пароходов для неосуществившейся перевозки казачьего десанта в Германию. Из боевых судов верфь закончила только два миноносца. Казна отказалась выкупить верфь. Оставалось ждать, когда на денежном рынке появятся свободные средства, — у спекулянтов они должны были появиться, — тогда провести размещение акций и осуществить переезд без помощи казны.

Но все это были небольшие неприятности по сравнению с той, которая неожиданно постигла Путилова и которая развеяла в прах все его планы.

29 февраля 1916 года был объявлен секвестр Путиловского завода: завод до окончания войны был взят казной во временное управление. Решающим доводом явилась длительная и бурная февральская забастовка путиловских рабочих, которая почти на месяц вывела завод из строя.

ОБЪЯВЛЕНИЕ.

Съ 1-го сего Марта въ управленіе Предпріятіями Общества Путиловскихъ Заводовъ вступило новое Правленіе по назначенію Предсѣдателя Особого Совѣщанія по оборонѣ Государства Генерала отъ Инфантеріи ПОЛИВАНОВА въ составѣ:

Предсѣдателя Правленія:

Флота Генераль-Лейтенанта А. Н. Крылова.

Директоровъ Правленія:

Флота Генераль-Лейтенанта Н. Н. Оглоблинскаго.

Генераль-Маіора Н. Ф. Дроздова.

Генераль-Маіора Г. Г. Кривошеина.

Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника В. А. Жандра.

Подковника Князя А. Г. Гагарина.

По приказанію Генерала отъ Инфантеріи Поливанова Правленіемъ приступлено къ пересмотру заработной платы.

Пересмотръ этотъ потребуетъ около мѣсяца, поэтому пріемъ ил. работу будетъ производиться на прежнихъ условіяхъ и до введенія новыхъ заработныхъ платъ расчетъ получекъ будетъ дѣлаться по цеховымъ поденнымъ платамъ и расцѣнкамъ, действовавшимъ къ 23-му февраля с. г.

За работу со дня пріема вновь на заводъ по день введенія новой заработной платы будетъ произведена доплата съ разиѣръ разницы между новой платой и той, которая была выдана за это время.

*Правленіе Общества Путиловскихъ заводовъ по назначенію
Предсѣдателя Особого Совѣщанія по оборонѣ.*

3-го марта 1916 г.

Перед правительством стал вопрос о превращении Путиловского завода в казенный, с казенными военными порядками. Секвестр был решен.

Старое правление исчезло в один день. К двум прежним военным директорам были добавлены генералы и чиновники. Генералы были равнодушны к балансу предприятий или биржевой конъюнктуре; их задача была — поднять выпуск орудий, выжать из предприятия все, что оно может дать для войны. Русско-Азиатский банк был отстранен от снабжения завода металлом и оборотными средствами, то есть отстранен и от доходов. Завод стал снабжаться на общих основаниях с казенными заводами. Оклады Путилова и правленцев, премии высших администраторов, съедавшие не один миллион в год, были отменены. Однако старые договоры между банком и заводом, заключенные до секвестра, продолжали оплачивать вплоть до погашения.

Секвестр совпал с Всероссийским съездом промышленников, проходившим в Петрограде. Путилов апеллировал к съезду. Судьба путиловских хозяев вызвала тревогу у многих промышленников, работавших на «оборону»:

— Это хуже немца! Если так будет продолжаться, мы, промышленники, закроем свои предприятия.

Правительство успокоило промышленников. Им разъяснили, что Путиловский завод имеет исключительное значение для обороны, и остальные предприятия не будут секвестрованы — можно не беспокоиться.

Путилов как глава банка контролировал десятки предприятий в различных областях промышленности. Он финансировал поставки металлов для заводов, кожи и сукна для армии, сахара для населения. Он участвовал в размещении железнодорожного займа, который вместо объявленных 350 миллионов рублей был покрыт подпиской на 1 400 миллионов рублей. Он зарабатывал на всех делах, проходивших через посредство банка, громадные суммы. Но брешь в его доходах, причиненная секвестром Путиловского завода, была значительна. С формальной стороны секвестр был временным, но Путилов знал, что на самом деле потерял завод навсегда. Казна вернет его после секвестра разрушенным, непомерно разросшимся, неспособным приносить прибыль.

И всегда Путилов помнил о народном восстании и боялся его. Когда в сентябре 1916 года три виднейших деятеля империализма — Палеолог, Путилов и Коковцев — сошлись за дружеской беседой в ресторане Дюна, оказалось, что они способны говорить только о приближающейся развязке.

— Мы идем к революции, — говорил Коковцев.

— Мы идем к анархии... — поправлял Путилов.

Для большей точности он добавлял: «Русский человек не революционер, он анархист. А это большая разница. У революционера есть воля к восстановлению. Анархист думает только о разрушении».

Путилов, как и многие крупные финансисты, считавшие себя солью земли, полагал, что простой русский народ способен только разрушать. Он довольно точно угадал момент, когда надо спасать шкуру, спасать миллионы. Многие капиталисты в это время начали переводить свои деньги за границу, обеспокоенные также падением рубля. Но Путилов проделал эту операцию заблаговременно, когда рубль еще что-то стоил.

К Путиловскому заводу после секвестра Путилов имел лишь косвенное отношение. Иногда бывшие правленцы собирались у него в банке. Старые

служащие, оставшиеся в правлении, приходили информировать их в частном порядке. На этих собраниях Путилов мог подсчитывать: сколько новых миллионов вложено генералами в оборудование и как растет производство. Военное управление истратило еще около двадцати миллионов рублей заводских денег на дополнительное оборудование. Число рабочих превысило тридцать тысяч. Производительность выросла. Несмотря на затруднения с топливом и рабочей силой, завод в 1916 году дал 2828 орудий (в пересчете на трехдюймовую пушку) против 1566 орудий в предыдущем году. Ассортимент орудий увеличился вдвое. При военном управлении был освоен шестидюймовый снаряд, и завод давал половину всего числа этих снарядов, изготовленных в России. В январе 1917 года впервые с начала войны собралась межсоюзная конференция по вопросу снабжения армий пушками и снарядами. Россия по разверстке союзников должна была произвести в течение ближайших восемнадцати месяцев 20 тысяч орудий, то есть по 1200 орудий в месяц.

Империалистическая война развертывалась с большой силой.

АРМИЯ В ТЫЛУ

В ноябре 1915 года царь разослал по заводам своих свитских адъютантов. Придворная бюрократическая камарилья была обеспокоена создавшимся в стране положением: усиливалась разруха, военная промышленность работала все хуже, а главное — с каждым месяцем все сильнее разрастались рабочие волнения. Адъютантам было дано поручение: раззнать о положении дел на заводах и доложить царю.

Свитские обследователи узнавали о настроении рабочих, беседуя больше с администрацией, которая стремилась представить дело в розовом свете. И, тем не менее, отзывы их были неутешительны: «Рабочие при обращении к ним были неразговорчивы, давали лаконические объяснения и как бы не замечали приветливого к ним обращения». «Патриотические чувства в сознании массы играют второстепенную роль, а на первом плане стоят экономические соображения»; «Настроение рабочих шаткое, склонное к забастовкам».¹

Свиты его императорского величества флигель-адъютант подполковник Силаев доложил Николаю II о Путиловском заводе: «Настроение рабочих неустойчивое. Они очень восприимчивы к злонамеренным агитациям, волнующим их на почве экономических и политических вопросов».²

Наиболее прямолинейный из всех обследователей контрадмирал князь Вяземский составил подробную докладную записку. Он начал с того, что промышленность составляет важнейший элемент военной мощи и что «победа родится в мастерских заводов». Но есть ряд причин, мешающих этой победе; среди них две важнейшие относятся к рабочему вопросу: забастовки и набор рабочих в армию, отнимающий у производства лучших работников. Чтобы устранить эти причины, нужно всю военную промышленность перестроить по армейскому образцу. «Армия рабочих в тылу, — писал князь Вяземский, — также необходима для войны, как

¹ ЦВИА, Фонд военно-походной канцелярии, д. № 71, ч. XIV, 1914—1915.

² Там же.

и действующая армия. Этой армии должна быть придана организация, прочность которой соответствовала бы важности значения промышленной армии, и для достижения сего нельзя останавливаться даже перед признанием всей промышленности милитаризованной... Раз это будет проведено, то само собою отпадет всякий вопрос об отобрании рабочих с заводов в армию, так как при такой постановке рабочие будут числиться в войсках, оставаясь у своих станков». ¹

Превратить заводы в казармы, сделать рабочих солдатами, воинской дисциплиной подавить нараставший протест — к этому сводилась программа придворной царской камарильи. Правительство соглашалось с этой программой. Оно готовилось внести в Государственную думу специальный законопроект «О милитаризации рабочих промышленных предприятий».

Волнения на Путиловском заводе, происходившие осенью 1915 года, еще больше обеспокоили царские власти. На секретном совещании в штабе Петроградского военного округа, созванном для обсуждения мер борьбы с растущим рабочим движением, командующий округом князь Туманов заметил представителю Путиловского завода:

— У вас такие колоссальные доходы, надо бы что-нибудь уделять на них рабочим.

Туманов указывал при этом, что заработки на Путиловском значительно ниже, чем на других заводах.

— Что вы, ваше сиятельство, — ответил представитель путиловских акционеров, — мы и так кругом в долгах, еле сводим концы с концами.

Путиловские хозяева требовали таких средств «успокоения» рабочих, которые ни в коем случае не задевали бы их прибыли и сверхприбыли.

4 февраля 1916 года к директору завода Меллеру явилась делегация от рабочих электрического цеха, требуя увеличения заработка на 70 процентов и сокращения сверхурочных. Электрики работали с большой перегрузкой, получая за четырнадцатичасовую работу 3 рубля — 3 рубля 50 копеек в день. Цена рубля уже упала настолько, что этих денег едва хватало на самое необходимое, а многие продукты — мясо, масло, молоко — были совсем не по карману рабочему.

Меллер встретил делегатов очень сурово. Не успели они рассказать ему в чем дело, как он грубо оборвал:

— Я не могу рассматривать требования рабочих, которые достаточно зарабатывают. Вы и так получаете по сто рублей в месяц. Что вам еще надо?

Ему возразили:

— Кто получает сто, тот получает не даром. Вы платите сто рублей не за двадцать шесть, а за сорок рабочих дней в месяц.

— Сорок? А едите-то вы тридцать дней в месяц или тоже сорок? Ступайте, работайте. Если не успокоитесь, военнообязанных пошлем на позиции, а остальных оденем в солдатские шинели и заставим работать как следует.

Делегаты заявили, что электрики не только не успокоятся, но поднимут весь завод, и вышли, хлопнув дверью.

Результатом этого разговора были два объявления появившиеся на воротах завода на следующий день, 5 февраля. Одно за подписью Меллера

¹ ЦВИА, Фонд военно-походной канцелярии, д. № 71, ч. XIV, 1914—1915.

подтверждало его устный отказ, другое было подписано командующим Петроградским военным округом Тумановым. Директор растерялся и сразу после ухода электриков позвонил Туманову с просьбой о помощи.

Объявление Туманова гласило:

«...Забастовавшие рабочие будут немедленно заменены специалистами (гальванерами и электриками) из нижних чинов, уже призванных на военную службу, затем все забастовавшие рабочие из числа военно-обязанных будут призваны на действительную военную службу и назначены уже в качестве нижних чинов для отбывания своей службы на тех же местах, где они работали прежде».¹

Рабочие прочли объявление в обеденный перерыв. Угроза Туманова вызвала резкий протест. Путиловцы и раньше знали о готовящемся законопроекте о милитаризации промышленности. Теперь они встретились с попыткой осуществить ее на деле. Общее мнение было: «Вводится новое крепостное право».

Электрики сразу же пошли по цехам с просьбой поддержать их. В больничной кассе собралось руководящее ядро большевиков.

— Если мы не дадим отпора, завтра же тумановский приказ будет применен ко всем путиловцам, а потом и ко всем питерским рабочим, — говорил Иван Егоров.

Через полчаса после перерыва началась забастовка протеста против приказа Туманова. В некоторых мастерских попутно предъявляли свои требования. К вечеру бастовал уже весь завод.

В шестом часу возле часовни собралась густая толпа. Иван Егоров взобрался на крыльцо. Он рассказал о забастовке электриков, одним из инициаторов которой он был, и предложил обратиться ко всему петербургскому пролетариату с просьбой поддержать путиловцев. Он говорил:

— Рабочему классу брошен вызов... Мы должны показать, что не боимся никаких угроз...

В принятой на митинге резолюции, наряду с экономическими требованиями, во весь голос зазвучали старые большевистские лозунги: демократическая республика, восьмичасовой рабочий день, конфискация помещичьих земель. В заключение говорилось: «...Мы сознаем, что только усиление революционной борьбы демократии всех стран против своих правительств спасет человечество от кровавого кошмара, поэтому мы присоединяемся к решению ПК РСД Рабочей партии противопоставить мобилизации реакционных сил — мобилизацию пролетарских сил для второй Российской революции».²

Егоров с митинга направился прямо в больничную кассу. Там его с нетерпением ожидали рабочие — члены правления.

— Ну, теперь пошло, — радостно объявил он. Потом прибавил:

— Итти мне с вами на заседание правления или скрыться?

Ему посоветовали скрыться.

Вечером Туманов подписал второй приказ — о закрытии завода с утра 6 февраля. Все военнообязанные этим приказом направлялись в распоряжение воинского начальника для зачисления на военную службу.

6 февраля в 10 часов утра в маленькой комнате члена правления больничной кассы собрался районный комитет большевиков. Он обсуждал

¹ ЛОИА, Фонд старшего фабричного инспектора Петроградской губ., 1916, д. № 82.

² Там же.

вопрос о превращении путиловской стачки в мощную забастовку протеста всего пролетариата столицы. Сразу после заседания все разъехались по заводам города. Егоров направился на явочную квартиру Петербургского комитета, связь с которым он держал после ареста Барановского в январе 1916 года.

Петербургский комитет к этому времени сильно упрочил свое влияние в широких пролетарских массах. Даже охранка отмечала сочувствие рабочих «ленинско-большевистскому» течению.

В воскресенье, 7 февраля, Петербургский комитет созвал экстренное совещание представителей от районов, которое должно было обсудить практический план проведения общегородской забастовки протеста. Совещание еще не закончилось, когда возле дома появились шпики. Все присутствующие успели разойтись.

Резолюция, призывающая к стачке, была все-таки выработана, и Егоров остался редактировать ее. Он считал, что после того, как все разошлись, опасность со стороны шпииков миновала. Вдруг раздался стук в дверь. Ввалилась орава полицейских и шпииков и остановилась в недоумении — вместо нескольких десятков человек, которых она намеревалась захватить, в комнате находились только Егоров и хозяин квартиры.

— Не хотите ли чаю? — любезно осведомился Егоров.

Не дожидаясь ответа, он для растопки самовара взял со стола вместе с лежавшей газетой резолюцию и протокол и сунул их в самоварную трубу.

Обыск оказался безрезультатным.

Придя домой, Егоров увидел пакет на свое имя, присланный по почте. Он знал, что это такое. В последнее время большевики иногда прибегали к передаче нелегальной литературы при помощи почты. В пакете находились только что отпечатанные воззвания Петербургского комитета по поводу стачки. Их требовалось немедленно распространить. Подобный способ получения литературы для Егорова не представлял большой опасности. Как член рабочей группы петербургского страхового присутствия он часто получал официальные пакеты. Егоров тут же отправился разбрасывать воззвания.

«...Приказ Туманова, — говорилось в воззвании — распространяется на все заводы и фабрики и применен прежде всего к Путиловскому заводу лишь потому, что правительство считает Путиловский завод наиболее опасным для себя, зная, что он всегда являлся застрельщиком революционных выступлений петербургского пролетариата... Нынешняя попытка правительства, делающаяся под предлогом все той же «защиты отечества», имеет целью отнять у пролетариата *всякую* возможность сопротивления, прикрепить его к станкам, без права даже оставить завод по воле заводской администрации, — и все это под угрозой *смертной казни*, — будь то прямо расстрел или отправка на фронт.

Товарищи! Если вы не дадите решительного отпора попыткам закрепостить вас, — вы сами вденете руки в заготовленные для вас наручники. Дело путиловских рабочих — дело всего петербургского и русского пролетариата. *Забастовка протеста с требованием отмены приказа Туманова* — вот оружие, которое должен теперь взять в руки рабочий класс Петербурга».¹

¹ М. Флеер, Петербургский комитет большевиков в годы войны 1914—1917, Л., 1927, стр. 183—184.

По призыву Петербургского комитета начались забастовки на фабриках и заводах Петрограда против милитаризации. Число забастовщиков росло с каждым днем. Правительство ответило на это арестами. В ночь на 8 февраля были арестованы Иван Егоров, Дмитрий Романов, Василий Алексеев. Почти все члены Нарвского районного комитета попали в тюрьму. За несколько дней с Путиловского завода были взяты двести пятьдесят человек. В это же время арестовали многих видных работников Петербургского комитета большевиков. Но ни аресты, ни отправка на фронт не могли остановить поднимавшейся волны возмущения рабочих. 10 февраля, на другой день после обратного приема, на Путиловском заводе забастовали две крупных мастерских — башенная и шрапнельная. Они требовали:

1. Освободить арестованных товарищей.
2. Принять сто двадцать человек, не принятых после локаута на завод.
3. Не выполнять приказа Туманова.

К этим мастерским присоединились остальные. Единодушие рабочих было настолько велико, что директор завода Меллер понял: придется отступить. Сто двадцать человек были им приняты обратно и несколько сот запасных, уже вызванных на призывные пункты, возвращены на завод. По поводу освобождения арестованных директор заявил, что это не в его власти. Делегация, состоявшая из путиловцев и рабочих других заводов, направилась к Туманову. Командующий округом ответил коротко: — Будете еще ходить — сами к ним попадете.

Петербургский комитет в гектографированной листовке, распространенной в эти дни за Нарвской заставой, призывал рабочих к решительной борьбе. В листовке было сказано:

«Петербургский пролетариат опять стоит накануне решительной схватки с представителями капитала и правительства. Путиловский завод выступил на борьбу, предъявив требования об улучшении материального положения; ответом на требования путиловцев были аресты, расчеты и окончательный локаут — опять на защиту капитала и военных доходов выступил провокатор Туманов и его клика, — ответом на законные требования рабочих было решение сдать в солдаты военнообязанных и разгул полицейской власти. На подмогу провокатору, в защиту предпринимательских доходов выступили некоторые члены Государственной думы... Но... и им не удалось поколебать решимости путиловцев — вести борьбу до конца, до освобождения арестованных товарищей и удовлетворения всех требований...»

В исходе этой борьбы кровно заинтересован весь петербургский пролетариат: победа правительства над путиловцами будет победой над российским пролетариатом, будет началом окончательного закрепощения рабочих. Пусть же [он] эту борьбу с отживаю-

ВКРП.	Зав. кр. Новгородск. Ост. рорусск. Сост. риновск.
Рукот.	
Быш. раб. № 6218	Турбинной м. расчит.
Фамилия	ВАСИЛЬЕВА, 17 л.
Имя	Анна
Орчество	Спиридонова
от 16	по сообщению
Ноября	м-ца 1916 г. записан кандидатом
в книгу №	под №
на долж.	
Въ	м. по треб. отъ
на долж.	
Вызв.	ПРИКМУ НЕ ПОДЛИЖИТЬ.

Из картотеки забастовщиков

щим строем, с монархией Романовых, под старым революционным знаменем, превратит в борьбу за республику и социализм». ¹

Прокламация имела большой успех среди путиловских рабочих.

Весь февраль во всех цехах происходили «итальянские» забастовки. Повсюду предъявляли требования об увеличении заработка. На борьбу поднимались самые отсталые слои путиловцев. В числе делегаций теперь было уже немало женщин. Когда директор пошел на некоторые уступки, было уже поздно. Жалкие прибавки никого не удовлетворили. Ответом на объявление о прибавках был новый взрыв забастовок во всех мастерских завода.

20 и 21 февраля рабочие отгуливали масленицу. Администрация побоялась заставить рабочих выйти в эти дни на работу, что непременно сделала бы при других обстоятельствах. Масленица для путиловцев получилась бедная — без масла, без вина, без веселья. Денег у рабочих не было.

Полные решимости продолжать борьбу, явились путиловцы на работу 22 февраля. Узнав, что администрация оттягивает ответ на требования о новых прибавках, они единодушно забастовали. Эта забастовка не походила на сравнительно мирные «итальянки» прежних дней. Озлобленные, выведенные из себя, рабочие обрушивали свой гнев на самых ненавистных мастеров и начальников. Шпательщики устроили над инженером-мастером Андржевским настоящий суд. Его извлекли из конторки, поволокли в пушечную к разметочной плите и поставили на нее, на виду у всех. Вокруг сгрудилась трехтысячная толпа. Беспорядочный говор, выкрики, свистки — все слилось в сплошной гул.

— Мы еще не солдаты, он не офицер! — кричали вокруг. — Проучим его как следует!

Когда шум стих, стоявший у плиты рабочий перечислил проступки мастера: пользуясь военным временем, обращается с рабочими грубо, шпионит, отправляет революционеров на фронт, за взятки устраивает на работу учетчиков.

Но вот толпа расступилась, и два сильных парня подкатили к плите тяжелую тачку.

— Сажайте его в ландо! — закричало несколько человек.

Мастера стащили с плиты, накинули на голову мешок из под сурипа и бросили в эту тачку. Затем со свистом выкатили из мастерской и повезли по заводскому двору — по направлению к воротам.

Во всех мастерских вывозили самых грубых и ненавистных мастеров. В одной пушечной вывезли из цеха восемь доносчиков и шпионов, выданных испуганным начальником Б. П. Федоровым. Тачки в этот день были нарасхват. С девятьсот пятого года завод не видал подобной картины.

Никаких переговоров с администрацией уже не велось. Последние мастерские завода остановились 23 февраля в 9 часов утра. Некоторое время шла работа в жестяницкой мастерской верфи, но 24 февраля и там не выдержали: работницы избили мастерицу Барткевич, вывезли ее на тачке за ворота и разошлись по домам.

23 февраля заводоуправление вторично объявило локаут. В тот же день князь Туманов разразился третьим приказом — самым кратким и самым грозным:

¹ М. Флеер, Петербургский комитет большевиков в годы войны 1914—1917, стр. 186—187.

«Ввиду закрытия Путиловского завода подлежат призыву на военную службу в первую очередь:

«1. Ратники I и II разрядов срока службы 1915—1916 г.г.

«2. Молодые люди, родившиеся в 1895 и 1896 г.г.»¹

Туманов спешил окончательно освободить завод от наиболее революционных элементов. Более двух тысяч молодых путиловцев было взято в солдаты. Вместе с другими одел солдатскую шинель и двадцатидвухлетний слесарь с башенной галерки Иван Газа. В те же дни, прямо из тюрьмы, отправили в дисциплинарный батальон Ивана Егорова.

Как и в начале войны, мобилизованных вели под конвоем, на этот раз и пешком и конным. Провожали не только родственники, — огромная толпа рабочих шла за ними до Нарвских ворот. То мобилизованные, то провожатые запевали революционные песни, и тогда конвойные бросались к поющим, приказывая замолчать.

Мобилизованные держались вызывающе:

— Мы и на фронте забастовку поднимем. Терять нам нечего!

Самые отчаянные парни на призывные пункты не пришли, ожидая пока за ними явятся домой. Полицейские целую неделю рыскали по квартирам заставы, ища скрывающихся.

Мобилизованных отправили для предварительного обучения в окрестности Новгорода и Старой Руссы, распределили по ротам 177 и 178 запасных полков, запрятали в аракчеевские казармы и временные бараки военного времени. Часть активных забастовщиков послали в село Медведь в дисциплинарные батальоны. Ходили слухи, что каждому заочно дали по четыре года каторги, которые они должны будут отбывать по окончании войны.

В селе Медведь с путиловцами обращались, как с арестантами, муштровали с особым пристрастием, за протесты и неповиновение клали под рога.

Шестая рота 177 полка, состоявшая целиком из путиловцев, издеваясь над начальством, с вызовом заявила:

— Нас прислали сюда не для того, чтобы пороть, а для того, чтобы даря защищать.

Командиры приказали выпороть провинившихся. Тогда солдаты схватились за винтовки:

— Если хоть пальцем тронете, всех переколем.

Хотя винтовки были учебные, без штыков и к ним не полагалось ни одного патрона, начальство струсил.

Правительство не решалось долго держать в одном месте такую взрывчатую массу. Через три месяца путиловцев влили в роты, целиком состоявшие из крестьян, — по сорок-пятьдесят человек в каждую, — и отправили на передовые позиции.

Стачка на заводе продолжалась. «В течение сегодняшнего дня никаких перемен не произошло» — доносила охранка 26, 27, 29 февраля, 1 и 3 марта. В эти дни бастовало до 150 тысяч рабочих столицы. Забастовка такого размаха происходила в годы войны впервые. На нее откликнулась даже провинция — в Брянске рабочие машиностроительного завода, узнав о ней, забастовали и предъявили ряд экономических требований.

¹ ЛОИА, Фонд старшего фабричного инспектора Петроградской губ., 1916, д. № 82, л. 24.

Результатом февральской стачки явился секвестр Путиловского завода. Завод из рук банкиров перешел до окончания военных действий в руки казны. Ответственность за забастовки теперь возрастала. Секвестр означал введение на заводе военного режима. Генералы военного ведомства наделись успокоить рабочих. Вместе с приказом о приеме на завод новые хозяева все же вывесили приказ о частичных прибавках. Но рабочие не почувствовали перемены положения от перемены хозяев.

Генералы из нового правления считали своей обязанностью поднимать не столько заработную плату, сколько «патриотический» дух. В объявлении, вывешенном на заводе, сообщалось, что офицеры на передовых позициях, обходя свои участки, слышат «проникнутые радостью» крики немцев по поводу путиловских забастовок: «Путилов гуляет!»

Рабочие смеялись над этой фальшивкой.

Путиловская стачка произвела большое впечатление на все слои общества. С удовлетворением и гордостью говорили о ней рабочие, с тревогой и ужасом — буржуазия и правительственные круги.

Занялась путиловской забастовкой и Государственная дума. Целое заседание ее 7 марта было посвящено этому вопросу. Заседание происходило при закрытых дверях, и только после некоторой волокиты было разрешено опубликовать в газетах отчеты. В выступлении большинства депутатов сквозила явная растерянность. И правые депутаты думы и кадеты с большим беспокойством и с явным испугом говорили о путиловской забастовке и волнениях в Петрограде.

Все сходились на том, что необходимо немедленно принять «меры по урегулированию рабочего вопроса», но пути к этому предлагали разные.

— Власти поступили совершенно правильно, отослав забастовавших военнообязанных рабочих на фронт, — неистовствовал известный погромщик Марков 2-й. — Рабочий есть призванный в войска солдат, которого для нужд государства не послали в окопы, избавили от возможности получить пулю в лоб...

Лидер кадетской партии профессор Милюков предлагал, как подобает истинному либералу, действовать более тонко. В своей длинной витиеватой речи он говорил о взаимном понимании, которое должно быть достигнуто между рабочими и правительством. Он предостерегал от запугивания отправкой на фронт:

— Фронт — не наказание, а долг каждого гражданина.

Предостерегал вообще от угроз милитаризацией, призывал брать пример с английского министра снабжения Ллойд-Джорджа, который ездил по рабочим собраниям и проповедывал классовый мир на время войны.

Ллойд-Джордж, первоклассный буржуазный делец и политический пройдоха, произносил речи в ложно демократическом стиле, демагогически заявлял: чем больше снарядов, тем гуманнее война и тем скорее она кончится.

— Не правительство вступает с вами в переговоры. Вы сами правительство, — льстиво восклицал он.

Брожение, начавшееся среди английских рабочих, заставляло Ллойда-Джорджа делать это. Он отмечал взаимное понимание в разговорах с вождями тред-юнионов и несговорчивость рядовых членов. Обеспокоенный, он искал путей, чтобы обманом, лестью, демагогией — чем угодно, успокоить рабочих и уговорить их делать как можно больше снарядов.

Павел Николаевич Милюков пытался стать русским Ллойд-Джорджем. По примеру этого отъявленного хищника империализма, он намеревался поблажками и уговорами задержать все разраставшееся движение пролетариата. Но Милюков был представителем трусливой русской буржуазии, крепко связанной с бездарным, насквозь прогнившим царским самодержавием. Поблажки, предложенные Милюковым и принятые в формуле перехода, были очень скромны: примирительные камеры, институт старост 1903 года, профессиональные союзы.

Меньшевики Хаустов и Скобелев, внесшие в думу запрос, ничего не могли прибавить к словам своего ближайшего соседа по политическим взглядам — кадета Милюкова: те же робкие жалобы на притеснения рабочих, тот же образец — Ллойд-Джордж, те же старосты 1903 года. Они обижались на то, что правительство не желает иметь с ними никакого дела, в то время как в Англии Ллойд-Джордж разговаривает даже с рабочими.

В конце февраля происходил II Всероссийский съезд представителей военно-промышленных комитетов. Обиженный Путилов выступил с жалобой на секвестр. Все происшедшее на заводе он считал кознями оборонца Гвоздева и его коллег.

— Они использовали завод для устройства беспорядков, — говорил он.

Гвоздев, отвечая ему, с благородным негодованием отвергал всякую возможность подобного обвинения:

— Как могла даже возникнуть мысль, что рабочая группа военно-промышленного комитета в настоящий тяжелый момент поддерживает забастовки?

Речь его была покрыта аплодисментами собравшихся на съезд промышленников.

Парламентская болтовня Милюкова, Хаустова, Скобелева прозвучала впустую — правительство не собиралось внимать ей. Правительство предпочитало старые испытанные методы — штык, кулак, тюремную решетку.

Жизнь все же заставила взять кое-что наиболее подходящее из иностранного опыта. К весне 1916 года военная промышленность настолько разрослась и расхлябалась, что почувствовался недостаток в квалифицированных рабочих. Слесаря, токаря, фрезеровщики находились на фронте и были пехотинцами, артиллеристами, саперами. Промышленники засыпали военное ведомство просьбами вернуть обратно специалистов-рабочих с тем, чтобы те работали на войну в тылу. Правительство пошло на этот шаг. Специалистов, как и в Англии и Франции, начали возвращать с фронта и посылать на военные заводы.

Поступая так в интересах военной промышленности, военное начальство в то же время пыталось хотя бы частично милитаризовать заводы. Рабочие-солдаты вполне отвечали тем требованиям, которые в случае полной милитаризации были бы предъявлены всем рабочим: они подчинялись воинской дисциплине, ходили в форме, за участие в забастовках подвергались военно-полевому суду.

Офицеры из отборочных комиссий, с трудом выговаривавшие слово «фрезеровщик», нередко отбирали в числе специалистов по металлу плотников, сапожников, бондарей. В разных проверочных комиссиях задавали каверзные вопросы, вроде: «Можно ли сделать медный резец?» На этом вопросе срезались хорошие специалисты, отвечая, что нельзя. Требовалось ответить так: «Сделать-то можно, да работать им нельзя».

В первой партии солдат, прибывших на Путиловский завод, так же как и в последующих, рабочие крупных предприятий насчитывались единицами. Подавляющее большинство отбираемых солдат училось ремеслу в кустарных мастерских.

На Путиловский завод солдаты прибывали партиями. Число их к концу 1916 года достигло пяти тысяч. Они исполняли те же работы, что и рабочие, жили на частных квартирах, на каждом шагу встречались с рабочими. Но первое время они упорно избегали всяких разговоров о политике. Ехать обратно под разрыв шрапнелей не хотелось, и солдаты, радуясь безопасности, относились к заводской жизни по пословице «моя хата с краю».

Постепенно солдаты стали сближаться с рабочими. В апреле среди солдат поднялся ропот из-за вычетов за обмундирование. В пушечной рабочие поддержали их забастовкой. Сами солдаты еще боялись бастовать и остались у станков. Но день ото дня они смелели, выражали свое недовольство открыто, требовали, чтобы им платили столько же, сколько и рабочим, ругались с мастерами. Военская дисциплина слабела с каждым днем.

Директор завода, генерал-майор Дубницкий, 5 июля 1916 года разразился приказом:

«Замечено мною, что многие из нижних чинов, прикомандированных для работ на заводе, не отдают установленной чести и вообще держат себя, как не подобает нижним чинам. Объявляю, что виновные в нарушении воинского чинопочитания будут подвергаться взысканиям».

Приказ уже не испугал солдат.

— Замечено тобою, — говорили они. — Еще и не то заметишь!

ПУСТЬ СИЛЬНЕЕ ГРЯНЕТ БУРЯ!

В Нарвском районе сохранилась подпольная типография. Ею ведал Анатолий Богданов, деятельный путиловский большевик. Типография хранилась на чердаке того дома, где жил Богданов, и долгое время для полиции была неуловимой. В один из майских вечеров Богданов шел домой, неся в кармане рукопись листовки, которую должен был отпечатать. Подойдя к калитке, он заметил в освещенном окне своей квартиры фуражки городских.

«Влип, — подумал Богданов. — Кто-то продал...»

О типографии знали всего три-четыре человека. Сам Богданов вел себя настолько осторожно, что вряд ли мог попасть под наблюдение шпиков. Значит незваные гости явились по чьей-то указке. Но по чьей?

Несколько часов бродил Анатолий Богданов по городу. Полицейские могли и не найти типографии, — он один, без свидетелей, прятал ее под крышу в самый темный и глухой закоулок чердака. Однако его тревожила мысль: в среде большевиков завелся провокатор.

Когда поздно вечером Богданов решился снова заглянуть к себе домой, у ворот его встретила соседка.

— Три часа жду тебя, — испуганным шопотом сообщила она. — Фараоны всю квартиру перерыли, на чердак лазили.

Она рассказала, что полицейские арестовали жену Богданова, а в квартире оставили засаду. Богданов горячо поблагодарил ее за сообщение и направился к товарищам.

Только после революции узнал он, что типографию выдал один из его помощников — Кириллин, который был провокаторм.

Типографии полицейские не нашли. Рукопись, которую принес Богданов, отпечатали, и прокламация была распространена на Путиловском заводе.

Прокламация Нарвского районного комитета большевиков подводила итог первым двум годам империалистической войны: «Страшный рост дороговизны, обусловливаемый беспримерной спекуляцией и продажностью властей, доведен до невыносимых пределов, а между тем заработок рабочего остается на одном уровне или падает. Общая же эксплуатация нашего труда на заводе оставляет за нами только единственное право — право свободно умирать от голода, не отходя от станка».¹

Два тяжелых военных года расшатали хозяйственную деятельность страны. Истощилась и обезлюдела от мобилизаций деревня. Падала и приостанавливалась промышленность. Разрушался транспорт. Перебой в снабжении Петрограда становились все более чувствительными. Мясо, крупа, сахар, масло начали исчезать с рынка, а к концу 1916 года исчезли почти совершенно. Дороговизна росла с каждым днем. Цены на картофель за годы войны выросли в четыре с половиной раза, на капусту — в семь раз, на мясо — в три с половиной раза. Хлеб, добываемый в результате томительных суточных дежурств, стоил уже не три — три с половиной копейки фунт, а шестнадцать-двадцать копеек.

Карточек царское правительство не сумело ввести. Развилась бешеная спекуляция. Спекулянты скупали продукты и товары, а потом продавали их втридорога. Реальная заработная плата рабочих сильно упала.

Рабочим платили не в три с половиной и не в семь раз больше прежнего, а лишь процентов на пятьдесят-семьдесят. Деньги быстро падали в цене. Длиннейшие очереди стали каждодневны. По всей стране поднимались продовольственные волнения, доходившие в некоторых городах до разгрома лавок. Это было не только в России. В Германии на почве дороговизны и недовольства войной рабочие также устраивали забастовки и демонстрации, разбивали булочные и мясные. То же самое было и в других воюющих странах. Измученные, истощенные, озлобленные войной, трудящиеся массы повсюду приходили к одному и тому же выводу: так дальше продолжаться не может.

Нарвский районный комитет писал дальше в своей прокламации:

«...Уже близится день, когда пролетариат России должен дать решительную схватку кровавому правительству Николая II, и для этой схватки рабочие не только Питера, но и всей России пробуют свои силы: в Москве, Николаеве, Баку — идут стачки рабочих. В войсках наблюдается глухое недовольство, солдаты с жадностью следят за каждым движением и ждут первого сигнала для второй российской революции, сигнал же могут дать только сами рабочие».²

Перед партией большевиков стояла задача день за днем «раскачивать маятник революции», объединяя вокруг себя массы для последней и решительной схватки с самодержавием. Решающую роль в победе будущей революции должно было сыграть присоединение армии. Привлечь солдат как носящих оружие, так и стоящих у станков к революционной борьбе становилось первоочередной и насущной задачей дня.

¹ «Красная летопись» № 1 (22), 1927, стр. 134.

² Там же, стр. 135.

Путиловская большевистская организация после февральских арестов была значительно ослаблена. Положение ухудшалось еще и тем, что державший связь с Петербургским комитетом Иван Панов, попавший под влияние меньшевиков, тормозил работу организации. На районной конференции в июле 1916 года Панова отстранили от руководства и выбрали новую исполнительную комиссию. В нее вошли рабочий железнодорожного цеха Федор Лемешев, служащая больничной кассы Любовь Тарасова и недавно выпущенный из тюрьмы Василий Алексеев, ходивший безработным.

Мало-помалу новая исполнительная комиссия наладила работу организации. Восстановили провалившуюся в мае 1916 года типографию. Дейтельно работал большевистский «Красный крест», собиравший деньги на семьи арестованных революционеров. К осени 1916 года занималось уже шесть кружков. В числе их руководителей был присланный Петербургским комитетом Николай Толмачев. Для помощи кружкам организовали партийную библиотеку из четырехсот книг, которая хранилась частями на нескольких квартирах. Некоторое время кружком башенной мастерской руководил пропагандист, известный под фамилией «Кастров». Рабочие любовно называли его «Кастрыч». Это был А. К. Скороходов, член Петербургского комитета, видный большевик. Расширяя свою агитационную работу, большевики решили довести до сведения масс яркий документ — отчет больничной кассы за 1915 год. Отчет, наконец, в 1916 году был сдан в печать, но цензура не пропустила его. Сотрудница кассы Свирская пришла за окончательным ответом. Чиновники из цензурного комитета с негодованием набросились на нее:

— Что это за цифры? Откуда такой высокий процент туберкулеза? Почему столько увечий? А это что еще за рассуждения об условиях труда?

Свирская пыталась объяснить, в чем дело. Ее не слушали:

— Вы хотите вызвать волнения? А если отчет попадет за границу, что скажут там?

Отчет был запрещен. Но большевики не подчинились. Руководивший составлением отчета Подвойский долго беседовал с товарищем председателя кассы, рассказывая ему, как в отчете на собрании сообщить все зачеркнутое цензурой. На собрании уполномоченных больничной кассы в октябре 1916 года докладчик так и сделал. Шесть раз пристав прерывал докладчика. Фортунато с места кричал:

— В отчете этого нет!

Товарищ председателя, не смущаясь, огласил все зачеркнутые места, упомянул все цифры, сделал все выводы. Уполномоченные кассы получили яркое представление о страшной картине эксплуатации на заводе, картине, которая делалась страшнее день ото дня. Полученные сведения они передали товарищам. Цифры отчета стали материалом для большевистской агитации.

Больничная касса попрежнему являлась большевистским штабом на заводе. Полиция догадывалась об этом и время от времени производила налеты. 20 августа 1916 года полицейские, явившись в помещение кассы, задержали всех присутствовавших там рабочих, перерыли все бумаги, разбросали по полу карточки и ушли, уведя с собою нескольких служащих больничной кассы. Часть арестованных была выпущена через два дня, пять человек пошли под суд и были осуждены на каторжные работы. Среди осужденных был служащий кассы Эмиль Петерсон, молодой энер-

тичный большевик, проводивший большую организационную и пропагандистскую работу на заводе.

Большевики расширяли свое влияние среди путиловцев, особое внимание обращая на солдат. В железнодорожном цеху среди них агитировал Федор Лемешев. В начале его слова принимали равнодушно и даже враждебно. Один унтер за разговоры против царя чуть не ударил его зубилом по голове. Но настойчивая систематическая агитация делала свое. Солдаты-железнодорожники стали принимать активное участие в конфликтах с администрацией и в забастовках. Некоторые из них в конце 1916 года стали большевиками. В турбинной мастерской верфи большевик Василий Урюпин давно уже прощупывал молодого фрезеровщика Эртмана, солдата Волынского полка. Испытав его на листовках, Урюпин решил дать более ответственное задание.

— Ты человек смелый? — спросил он Эртмана. — В тюрьму сесть не побоишься?

— Если надо, и тюрьмы не побоюсь.

— Видишь стенку против входа? Как раз место для хорошего лозунга. Напиши завтра, что хочешь, но чтобы дух захватывало и было к современному моменту.

Возвращаясь домой, молодой солдат упорно думал о задании. Много возникало лозунгов. Все они казались слишком бледными по сравнению с тем, что волновало его. Ничего не придумав, пришел домой. Потом сел за книгу. Это был сборник рассказов Максима Горького, выпущенный в годы первой русской революции. Эртман читал рассеянно. Мысль о лозунге не покидала его. Вдруг он радостно воскликнул:

— Вот!

Лозунг был найден в книге.

Задолго до того, как осеннее утро посветлело, молодой солдат осторожно прошел в мастерскую. В руке он держал ведро с белилами и малярную кисть. Забраться на лестницу было делом одной минуты. Широкими мазками начал выводить букву за буквой.

... Двери турбинной мастерской были широко раскрыты. Люди входили и застывали на месте. Против входа, на фоне закопченного кирпича, над станками, вдоль всей стены, ярко выделялись большие белые буквы:

«Пусть сильнее грянет буря!»

Осенью 1916 года в Петербурге снова начались мощные политические забастовки. Непосредственным поводом была угроза расправы, нависшая над группой кронштадтских матросов-большевиков. Самодержавие жестоко расправлялось с ними. На 26 октября 1916 года был назначен военно-полевой суд над кронштадтцами. В знак протеста в середине октября забастовало 130 тысяч рабочих столицы. Путиловский завод откликнулся одним из первых. На заводе был устроен митинг. Выступило несколько большевиков. Василий Алексеев говорил о чудовищном насилии обнаглевшей царской своры, выхватывающей лучших сынов рабочего класса. Он призывал готовиться к революции. Только успел очередной оратор начать речь, как раздался крик:

— Фараоны!

Толпа заволновалась. В распахнутые ворота ворвался отряд полицейских, человек двадцать пять — тридцать. Сразу же в них градом полетели гайки, болты, обрезки железа. Полицейские дрогнули и, вбирая головы в плечи, бросились врассыпную.

Прискакавших конных городских встретили так же, как и пеших. Околоточный был сбит с лошади и под ликование рабочих заковывали с поля битвы, грозя и ругаясь.

Проходные калитки оказались закрытыми. Рабочие выломали их и хлынули на улицу. Все шоссе кишело полицейскими. Схватка продолжалась. В ход пошли камни мостовой и кирпичи, расколотые о рельсы.

Вдруг толпа шарахнулась, некоторые начали убежать. По шоссе со стороны, противоположной городу, двигались солдаты. Несколько рот шли прямо на толпу. Штыки равномерно покачивались над головами. Полицейские, приободрившись, снова кинулись разгонять рабочих.

Молодежь продолжала швырять в полицейских гайки, высматривая, однако, пути к отступлению.

Солдаты, подойдя ближе, остановились — без команды, вразброд. Некоторые неуверенно спустили винтовки к ноге, другие продолжали держать на плече. Офицеры приказали идти дальше. Раздались возгласы: — Невозможно, ваше благородие. Там дерутся.

Бородатые лица солдат были угрюмы. Мятые, неуклюжие шинели третьего года войны сидели мешковато, вздувались на спинах горбом. Солдаты были ополченцами, недавно взятыми на военную службу. Отцы семейств, прежде пользовавшиеся льготами и отсрочками, они теперь оказались призванными потому, что некого было больше призывать. Семьи их обрекались на голод, хозяйства в деревнях оставались заброшенными. Их самих ожидал в будущем ужас окопной жизни, о котором они знали до сих пор по письмам ушедших на войну сыновей, братьев и знакомых. Сейчас они, измученные и злые, возвращались с учения, где их гоняли взад и вперед бегом, заставляли прыгать через канавы, упражняли упражнениями с винтовкой, которую надо было по несколько минут держать навесу в вытянутой руке.

Часть рабочих окружила солдат. Завязался быстрый разговор. Солдаты не выказывали никаких признаков враждебности к рабочим. Из их рядов слышались одобрительные возгласы, когда удачно пущенная кем-нибудь гайка попадала в городского. Офицеры пытались оттеснить толпу, но безуспешно.

Полицейские продолжали наседать. Запас гаек и камней у рабочих иссяк, они отступали. Кто-то из толпы громко крикнул:

— Солдаты, помогите нам!

Тотчас же просьбы о помощи раздались со всех сторон. Низенький офицер с лихо закрученными усами шагнул к толпе, намереваясь схватить кричавшего рабочего.

— Не трожь! — вдруг раздался предостерегающий голос из солдатских рядов.

Офицер обернулся. Он был кадровый служака, окопавшийся в тылу. Его кулак в кожаной перчатке не раз ходил по этим бородатым лицам. Теперь, после такого окрика и на виду у рабочих, офицер струсил, но все же рука его поднялась.

Солдаты угрожающе загудели.

— Братцы! Доколе терпеть? — снова раздалось из их рядов.

От солдатской толпы отделился человек со штыком наперевес. Он оглянулся на товарищей и крикнул:

— Бей продов!

Ряды солдат расстроились, смешались. Несколько человек с криком

Выступление солдат в помощь туземцам — ноябрь 1916 г.

(Рисунки И. Бунчина)

«ура» бросились на полицейских. За ними последовали остальные. Полицейские, совсем было прижавшие рабочих к забору, кинулись в стороны. Они не ожидали такого оборота дела. Только срочно вызванный отряд казаков смог установить «порядок» на Петергофском шоссе. Рабочие разошлись, грозя офицерам и приветствуя солдат. Ополченцы, не зная, что дальше делать, дали себя построить в ряды и увести обратно в казармы. Позже восемьдесят солдат были преданы военному суду.

В эти же дни на Выборгской стороне солдаты 181-го запасного полка забросали камнями полицию, пытавшуюся арестовать возле их казарм рабочего-агитатора, потом вместе с рабочими разбили автомобиль полковника и ранили его самого.

После случая с ополченцами рабочие держались увереннее. Заводские солдаты смелее примыкали к забастовщикам. В октябре и ноябре 1916 года по цехам вспыхивали забастовки. Рабочие уже не удовлетворялись объяснениями своих начальников и требовали директора. Несколько раз генералу Дубницкому приходилось ходить в мастерские «поднимать настроение». Ни уговоры, ни угрозы не помогали.

В ноябре путиловцы прочли прокламацию Петербургского комитета и восприняли ее как призыв к забастовке. Не выставляя никаких требований, они бросили работы.

Генерал-майор Дубницкий был напуган. Как и при старых хозяевах, подымался завод, подымался еще более грозно. В отсутствии каких-либо определенных требований чудилось директору что-то зловещее.

— Чего же вы хотите? — растерянно спрашивал он рабочих, громадной толпой выходивших из ворот пушечной мастерской.

Рабочие шли молча, не обращая внимания на прежде грозного генерала. Только один, небритый, со шрамом на щеке, ответил насмешливо и зло:

— Чего хотим? Свержения самодержавия и прекращения войны. Можете выполнить наши требования к обеду, ваше превосходительство?

И подмигнув товарищам, скрылся в толпе.

В этот день снова происходили схватки с полицией, и опять начались вывозы мастеров на тачках. Завод стоял закрытым шесть дней.

Бастовать часто и разрозненно значило ослаблять свои силы. Петербургский комитет призвал рабочих выждать подходящего момента и готовиться встретить бой организованно.

Весь декабрь шла незаметная, кропотливая работа над укреплением большевистской организации. К началу 1917 года на заводе насчитывалось около семидесяти большевиков. В район начали прибывать старые работники. За заставой видели бывшего токаря лафето-снарядной Василия Мещерского, работавшего где-то на Выборгской. Едва оправившись после раны, вернулся Иван Егоров. Взятый после февральской стачки из тюрьмы в штрафной батальон, он был отправлен на фронт. Сейчас на завод его не принимали, и он устроился монтером в больницу «Всех скорбящих». Активную работу развернули и другие товарищи: И. Генслер, А. Галашин, Ф. Кузнецов.

Подходила двенадцатая годовщина «Кровавого воскресенья». Петербургский комитет решил провести в этот день политическую стачку. В квартире Лемешева на Суворовской улице Нарвской заставы 2 января 1917 года было назначено заседание Петербургского комитета для выработки практических директив районам. Но за два часа до начала за-

седания в квартиру явились жандармы, устроили засаду. Все пришедшие на заседание были арестованы. Лемешев и Тарасова попали в «Кресты».

По мысли властей арест верхушки большевистской организации должен был предотвратить выступления на заводах в день 9 января. Жандармы попрежнему верили во всемогущество полицейских мер. Но уже на следующий день повсюду напоминали большевики рабочим о годовщине. В глухих заставских переулках в темноте раздавались звонкие ребячьи голоса, кричавшие хором:

— Девятого на Путиловом забастовка! Слуша-ай!

В субботу 7 января по всем цехам были проведены митинги-летучки. По чужим номерам в завод проникли нелегальные Павел Шубин и Василий Мещерский. Собрать летучку не стоило большого труда — рабочие настолько привыкли к ним, что при первом слове оратора со случайной трибуны бросали работу. Главное состояло в том, чтобы уловить минуту, когда можно начать митинг. Районом деятельности Шубина были лафетснарядная, литейная и минноснарядная мастерские. Он хорошо знал эти цеха, знали и его там.

Большевик Павел Суворов, чернорабочий Путиловской верфи, в прошлом был печатником. У него сохранилось немного прифта. Он набрал листовку и в ночь на 9 января отпечатал с товарищами в деревне Волынкиной пятьсот экземпляров. На утро листовка, как свежая газета, пошла по рукам.

9 января в одиннадцать часов утра тридцать тысяч путиловцев разом, точно по сигналу, бросили работу. У ворот их не задерживали. Не выпускали лишь солдат, работавших на заводе. Тех, кто не подчинялся, силой оттаскивали в сторону. Солдатам сочувствовали:

— Эх, братушки-солдатушки, что с вами делают!

На заводе осталось свыше полутора тысяч задержанных солдат.

Шумными толпами ходили рабочие по шоссе, медленно расходясь при появлении усиленных полицейских отрядов. Полицейские не грозили, а упрашивали. Столкновений не было. Но в донесении об этом дне охранка отмечала, что «политический момент напоминает канун 1905 года».

С середины января поднялась новая волна экономических забастовок. Зима 1916/1917 года оказалась очень суровой. Топить было нечем. Очереди у лавок за хлебом достигли таких размеров, что люди стали приходить с табуретками и скамейками. Чтобы принести хлеб к обеду, женщины становились в очереди с вечера, мерзли по несколько часов. Реальный заработок катастрофически падал.

Генерал Дубницкий после длительной борьбы сдал многие позиции. В ответ на требования допускать рабочие собрания он вывесил приказ, в котором позволял рабочим в особых случаях — каждый раз с его обязательного разрешения — собираться для обсуждения своих дел. Солдатам участвовать в собраниях запрещалось, но они на это запрещение не обращали внимания.

Во время забастовки в паровозном депо, где работало много солдат, появился сам директор завода со своим помощником, тоже генералом. Дубницкий был тощ, плюгав, но вид напускал на себя грозный. Его помощник был толст и величественен, как министерский швейцар. Солдаты немного струхнули перед начальством. Рабочие же держались свободно и на директора не обращали внимания.

Генералы подошли к висевшему в депо образу Николая угодника. Начальник цеха Давыдов, человек благообразный по внешности, — он мазал голову лампадным маслом, — стоял там же. Директор встал на принесенный стул.

Генерал держал перед рабочими речь о том, что железнодорожный цех — нерв завода, и остановка его чревата большими последствиями. Он звал рабочих «к благоразумию и порядку», упоминал о тяжелом и грозном часе для царя и России, просил, увещевал и требовал. Солдатам он посвятил несколько слов, напомнив о своем приказе, в котором угрожал военным судом за участие в стачках.

Генералы ушли. Забастовка продолжалась. Солдаты также не возобновили работ. Они переговаривались между собой, многозначительно подмигивая:

— Знать гаечки у генералов поослабли, раз просить пришли...

За заставой усилили охрану. Вечерами по шоссе от завода до Нарвских ворот гарцовал конный полицейский патруль. У завода он встречался со вторым патрулем, объезжавшим район до верфи. Заставские подростки дразнили полицейских, бросали в них снежками, постреливали из рогаток шрапнельными пулями, а иногда, чтобы задержать разъезд, протягивали между столбами тонкую стальную проволоку. Сразмаху напоравшись на нее, лошади вздымались на дыбы, сбрасывая всадников на избитое мерзлое шоссе.

Путиловскій Заводъ. ОБЪЯВЛЕНІЕ

Вслѣдствіе невыполненія рабочими нѣкоторыхъ мастерскихъ завода объявленнаго мною, 30-го ноября 1916 г., распоряженія о воспрещеніи собраній безъ особаго на то, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, моего разрѣшенія, Его Высокопревосходительство Начальникъ Главнаго Артиллерійскаго Управленія приказалъ объявить по заводу нижеслѣдующее:

1) Никакія собранія въ мастерскихъ и вообще на территории завода не допускаются безъ особаго на то, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, разрѣшенія Директора завода.

2) На собраніи могутъ быть разсматриваемы только тѣ вопросы, на обсужденіе которыхъ поступало разрѣшеніе Директора завода.

3) Продолжительность разрѣшеннаго собранія ограничивается назначенными въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, Директоромъ завода временами, независимо отъ того, законченъ ли обсужденіе вопроса или нѣтъ, къ моменту истеченія назначеннаго срока.

4) Разрѣшенное собраніе допускается лишь въ присутствіи и за подписью нѣмногоуказаннаго Директоромъ завода лица, которое обязуется объ открытіи и закрытіи собранія.

5) Лица, выставляющія оспариваніе къ исполненію вышеизложеннаго распоряженія, вѣдуще самолично прекративъ работу, подлежатъ немедленному расчету.

6) О всѣхъ военнособытныхъ расчитаніяхъ по пункту 5-му сего объявленія будутъ немедленно посланы Петроградскому Указному Военному Начальнику извѣщенія съ указаніемъ причинъ расчета.

Дѣйствіе настоящаго объявленія не относится къ нижнимъ чинамъ, прикомандированнымъ для работъ на заводѣ, такъ какъ воинскіе чины не имѣютъ права присутствовать на собраніяхъ и за проступки и преступленія подвергаются дисциплинарнымъ взысканіямъ или предаются военному суду.

Директоръ завода
Генералъ-Маіоръ *Дубицкий*.

15 января 1917 г.

Печатно по распоряженію Г. Начальника Штаба артиллеріи. Подпись

С. Г. Дубицкий. Подпись

Вечером 3 февраля у чугунолитейной мастерской состоялся митинг, организованный большевиками. Проход между чугунной, прессовой и кузнечей быстро заполнился народом. Это было удобное место для митинга — здесь проходило большинство рабочих механических мастерских. Ярусы стальных болванок были усеяны рабочими. Оратор, видя, что народ прибывает, снова и снова возвращался к началу своей речи. Он говорил:

— Черносотенная Государственная дума не может порвать тех цепей, которыми связан русский народ. Рабочие и весь народ должны сплотиться и сами порвать эти цепи. Народ должен сам взять в руки власть. Войну необходимо окончить, рабочим не нужна эта захватническая, грабительская война. Долой самодержавную власть!

На 14 февраля царским указом было назначено открытие Государственной думы после долгого перерыва между сессиями. Меньшевистская группа военно-промышленного комитета решила использовать необычайный подъем рабочих Петрограда на пользу буржуазии. Уже с 1 февраля на заводах стали появляться листки без подписи с призывом к рабочим пойти демонстрацией к Государственной думе с выражением ей доверия и поддержки. Это была очередная попытка меньшевиков посеять иллюзии в спасительную роль думы, отвлечь пролетариат от прямой революционной борьбы. Проведенный большевиками митинг ставил целью предупредить путиловцев об этой попытке.

Предательский призыв оборонцев встретил резкий отпор Петербургского комитета большевиков. Вопреки «военно-промышленным социалистам» большевики призывали выступить 10 февраля — в день двухлетней годовщины суда над большевистской думской фракцией. Демонстрация готовилась под лозунгами борьбы против царизма, против империалистической войны, за демократическую республику и Временное революционное правительство. Но внезапно возникло неожиданное препятствие. Директор, опасаясь беспорядков 10 февраля, вывесил объявление: десятого, одиннадцатого, двенадцатого работы на заводе производиться не будут. Как и в прошлом году, «масленная неделя» была уважена.

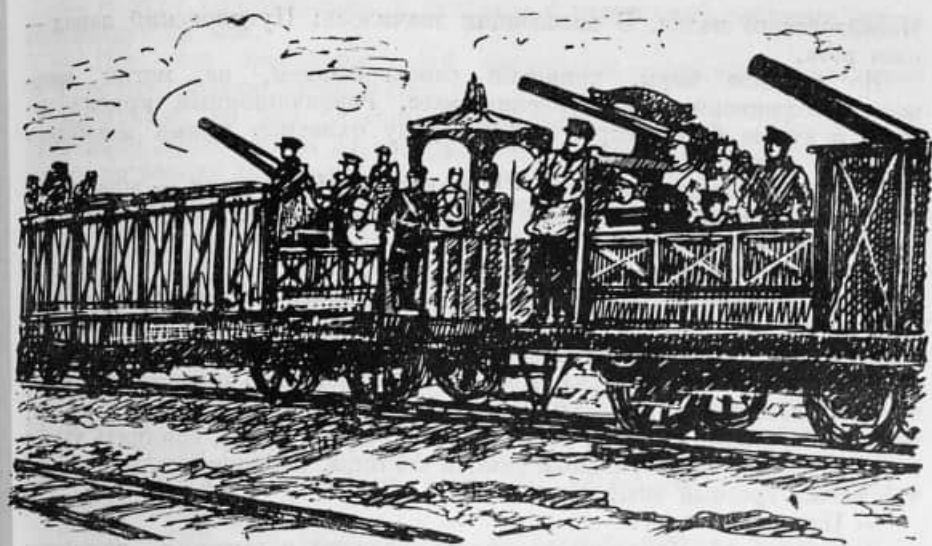
Собравшийся в кооперативе «Трудовой путь» районный комитет большевиков решал: что теперь делать? Администрация играла на руку меньшевикам. 10 февраля, в нерабочий день, демонстрацию устроить будет невозможно. Оказалось, что на многих предприятиях города этот день был объявлен нерабочим. По указанию Петербургского комитета решили выступать 14 февраля, но демонстрацию повести не к думе, а на Невский проспект. Демонстрация должна носить ярко выраженный антивоенный характер.

Утром 14 февраля после митинга рабочие начали выходить во двор завода. Многотысячной толпой двинулись к Нарвским воротам. В их рядах было немало солдат. В этот день бастовали шестьдесят фабрик и заводов с несколькими десятками тысяч рабочих, бастовали под лозунгами большевиков, против думы. Путиловцы несли впереди красные знамена, на которых были выведены надписи:

«Долой войну!»

«Долой правительство!»

«Да здравствует республика!»

ГЛАВА VIII

1917

ПУТИЛОВЦЫ ИДУТ

Движение огромной силы и размаха назревало в стране. Война, всей тяжестью обрушиваясь на плечи трудящихся, ускоряла революционную развязку. Армия, измученная трехлетней войной, голодная, раздетая — отказывалась воевать. С фронта продолжали приходить известия о поражениях. Разруха захватила все отрасли промышленности, транспорт и сельское хозяйство. Резко обострился продовольственный, топливный и сырьевой кризис. Крупные центры — Петроград, Москва — оставались без угля, металла и хлеба. Народ переживал третью — самую суровую и холодную зиму. По всей стране в городах происходили стачки, демонстрации и столкновения с полицией. По зову партии большевиков против лекового строя царизма поднимались рабочие и солдаты. Во главе движения шли пролетарии Петрограда.

В ответ на нарастание революционной волны царское правительство в феврале 1917 года спешно осуществляло «план обороны столицы от беспорядков». Ввели военное положение. Выделили Петроград в самостоятельный военный округ. Разбили город на отделения и районы. Каждому району придали воинские части: пехоту, кавалерию и даже артиллерию.

По Нарвскому и Петергофскому районам «планом обороны» были предусмотрены полицейские отряды и запасный батальон лейб-гвардии

Измайловского полка. В диспозиции значилось: Путиловский завод — одна рота.

Но никакие меры, принятые самодержавием, не могли сдержать революционного выступления масс. Революционный кризис назрел, и нужна была искра, чтобы страну охватило пламя всеобщего пожара.

Две петроградские заставы — Нарвская и Московская — ждали выступления путиловцев. Все чаще в очередях, на улицах, в заводских мастерских слышалась угроза:

— Погодите, путиловцы выйдут — будет дело...

Когда, окончив работы, путиловцы расходились по домам, Петергофское шоссе представляло собою величественную картину: как мощная река, неслась, разливаясь по переулкам заставы, шумная толпа. С трудом продвигалась конка, застревали подводы. Можно было представить себе, в какую несокрушимую силу превратится эта людская лавина, когда, тесно сомкнувшись в боевые ряды, подняв красные флаги, тридцать тысяч рабочих выйдут к центральным улицам столицы. Становилось понятным, что значит грозный возглас:

— Путиловцы идут!

В феврале за Нарвской появились солдаты в высоких, лохматых папахах. Их разместили напротив Огородного переулка, в помещении лазарета, над Путиловским потребительским обществом.

На улицах вокруг солдат постоянно толпились рабочие: путиловцы, тентелевцы, текстильщики Екатеринбургской мануфактуры, рабочие завода «Тильманс». Солдаты охотно откликались на разговоры.

— Мы вас трогать не будем, — уверяли они. — Время теперь не то. Дали нам по двести патронов на вашего брата-забастовщика, а куда они пойдут, неизвестно...

— В воздух или назад? — допытывались путиловцы.

— А куда сподручней будет...

Большевики посылали к измайловцам старых фронтовиков, работавших на Путиловском заводе, и те вели среди солдат революционную пропаганду.

Петербургский комитет большевиков готовил массовое выступление петроградских рабочих. В десятых числах февраля путиловская организация получила директиву подготовить общую забастовку на заводе, а затем поднять всю Нарвскую заставу.

Заводские большевики энергично взялись за осуществление директив Петербургского комитета. Наметили план цеховых и общезаводских митингов. По плану необходимо было изо дня в день — митингами, летучками, листовками — неустанно напоминать рабочим, что наступает время решительных действий. Большевики разъясняли, что любой конфликт в цеху надо доводить до общезаводской стачки. Митинг, проведенный 15 февраля, показал, что эта мысль усвоена путиловцами. Стоит лишь начать, и движение охватит весь завод. А за путиловцами несомненно сразу же подымутся Московская и Нарвская заставы.

18 февраля забастовала лафетоштамповочная мастерская Путиловского завода. Рабочие предъявили администрации требование — принять обратно группу недавно уволенных рабочих и повысить все расценки на пятьдесят процентов.

Начальник цеха попытался прибегнуть к испытанному приему:

— Я буду разговаривать о прибавке с отдельными рабочими, пусть они зайдут ко мне.

— Нет, это требование всей мастерской, — возразил большевик А. Галанин, возглавлявший стачку.

Начальник не дал рабочим положительного ответа. Штамповщики направили делегацию к директору, генерал-майору Дубницкому, и разошлись по заводу присоединять к стачке другие цеха.

Директор отказался принять уволенных обратно.

— Предлагаю немедленно возобновить работы, иначе закрою мастерскую, — заявил он делегатам.

Путиловцы не вступили в спор с генералом. Выходили молча. Галанин, шедший последним, повернулся в дверях и произнес:

— В понедельник еще раз придем. Может, ваше превосходительство, одумаетесь?

Генерал резко вскочил с места. Он вызвал к себе начальника конторы по делам рабочих и служащих, поручика Фортунато, и приказал разослать по цехам списки рабочих, уволенных в январе. Цехам запрещалось принимать их на работу, если даже мастерская остро нуждалась в рабочей силе.

Весть о том, что забастовала лафетоштамповочная, разнеслась по всему заводу. Спустя полчаса об этом знала и Путиловская верфь. В судостроительных мастерских вновь вспыхнули волнения, затихшие накануне. Меднокотельная прекратила работы. Отчетливо и ясно представляли себе путиловцы, что дело теперь не в прибавках. На митинге в паровозном депо оратор-большевик говорил:

— Неделя пройдет — и от «голодной» прибавки следу не останется. Опять бастовать придется. Кончать надо со всей этой канителью — с дороговизной, с войной, с царем. Подыматься — так всем заводом, всем Питером. Разве, выполнив наши требования, хозяева дадут нам хлеб? Разве они уничтожат источник всех бед — войну? Только революция освободит нас от деспотизма царского строя...

Районный комитет большевиков собрался в этот день, 18 февраля. Стоял один вопрос: как использовать завтрашний воскресный день, чтобы с понедельника поднять весь завод и приобщить к забастовке остальные предприятия района. На собрании, кроме путиловцев, присутствовали представители заводов «Анчар», «Тильманс», автомастерских гаража «Транспорт», Екатеринбургской мануфактуры, Химического завода. Все они заявили, что поддержка забастовки путиловцев с их стороны будет обеспечена. Но для этого надо, чтобы Путиловский завод первым вышел на улицу.

Районный комитет решил: завтра, в воскресенье, по всей Нарвской заставе — в очередях у хлебных и продовольственных лавок, по рабочим дворам, в квартирах, на улицах — развернуть агитацию; всем членам организации быть в соответствующих местах; утром 20 февраля сообщить о результатах агитации и настроениях рабочих.

В понедельник 20 февраля большевики сняли с работы еще четыре мастерских. Новая делегация рабочих — представителей всех цехов — явилась к директору.

Не успели делегаты подойти к столу директора, как Дубницкий, набрав воздуха в легкие, закричал:

— Я хозяин на заводе!..

Вся его тщедушная фигура затряслась. Голос у него сорвался, и эту фразу он произнес визгливым фальцетом:

— Приказываю немедленно приступить к работе!

Но увидев строгие и невозмутимые лица делегатов, директор неожиданно перешел на мирный тон. Он директорствовал давно — до Путиловского завода на Ижевском оружейном, но никогда не сталкивался с таким грозным упорством рабочих.

Дубницкий повел речь о долге, о фронте, остающемся без снарядов и без пушек. У генерала появился пафос, он сам воодушевился от собственной речи:

— Мы все теперь солдаты нашей доблестной армии.

В заключение генерал не без грусти сказал:

— Завод и без ваших забастовок снижает производительность.

— Сами виноваты! — крикнули ему в ответ. — Побольше мастеровых угнали бы на позиции.

Дубницкий побагровел. Его не величали превосходительством и даже не хотели слушать. Заметив среди делегации солдата, закричал:

— Ты как смел сюда притти! Изменник, присягу забыл!

Делегация ушла, и тотчас по всем мастерским начались митинги. Из шпранельносборочной, забастовавшей с утра, выгоняли штрейкбрехеров. На митинге в судостроительной верфи рабочие не дали говорить помощнику директора и прогнали его с собрания.

В паровозомеханическую пришли рабочие соседней вагонной мастерской. Между паровозниками и вагонщиками был сговор: чтобы быть неузнанными, вывозить мастеров на тачках, меняясь силами. Вагонщики вывезли ремонтного мастера паровозомеханической.

Администрация по цехам приумолкла и стушеввалась.

В дверях судостроительной появилась команда измайловцев, дежурившая на заводе. Но поглядев на возбужденных рабочих, солдаты тотчас ушли. Полицейские, постоянно находившиеся в проходных завода, не отважились даже выйти из своего помещения.

К концу дня все тридцать тысяч путиловцев митинговали. В разных концах завода одновременно выступали десятки ораторов. Не местные, заводские дела стали теперь предметом обсуждения — на первый план был выдвинут продовольственный вопрос. Рассказывали, что на многих улицах Петрограда происходят волнения. Царское правительство вкупе с черносотенцами и кадетами всячески старается подавить движение рабочих. Государственная дума пытается заняться продовольственным вопросом, но из этого ничего не выйдет. Ибо корень зла — самодержавие и война. Самодержавие надо уничтожить, войну прекратить. Единственный путь — революция.

Речи и разговоры всюду сводились к одному:

— Сдавать нельзя — бастуем до конца.

21 февраля забастовали все мастерские завода. На верфи «итальянских» станков оставались одни солдаты. Они участвовали во всех собраниях, но к стачке присоединялись не сразу. Многие боялись попасть в руки военно-полевого суда или на позиции.

Солдатам говорили:

— Идите к нам, ничего вам не будет. Скажете, что вас силой не допустили к работе.

В турбинной мастерской молодой большевик Василий Урюпин уговаривал:

вал группу солдат. Особенно упорствовал какой-то костлявый, смуглый фронтовик:

— Просто бастовать будем или до оружия дойдет?

— А как выйдет, — ответил агитатор.

— Нам знать надобно. Если до пальбы дойдет, у нас с вами одна ставка — голова с плеч. А если просто так — с нас голову снимут и пикнуть не дадут, а вас... только попужают.

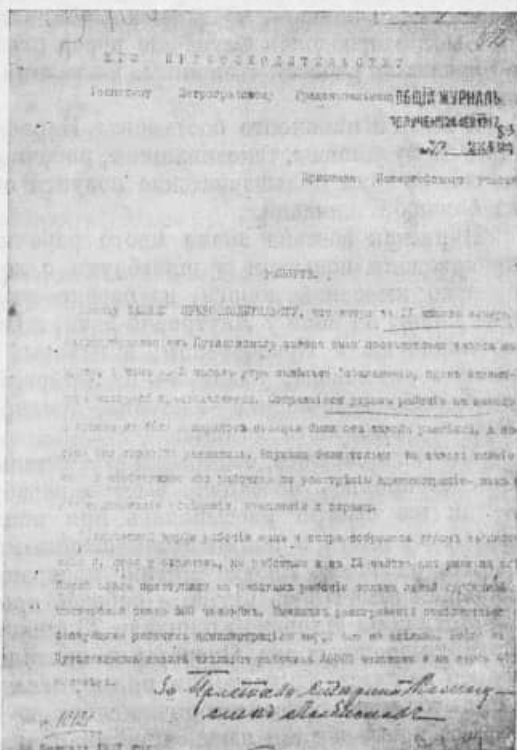
Солдаты остались одни в большой, затихшей мастерской. Гадали: дойдет до пальбы или нет?

В среду 22 февраля утром путиловцы потянулись на завод. Но ворота завода оказались наглухо закрытыми — правление объявило локаут.

Тут же, у калиток, большевики предложили выбрать по одному человеку от крупнейших цехов и создать стачечный комитет. Избранные ушли в помещение больничной кассы, посоветовались с представителями районного комитета большевиков, вынесли решение: немедленно приостановить работы на всех заводах заставы и разойтись по городу, призывая рабочих поддержать стачку. Группами разошлись путиловцы на Химический, «Треугольник» и другие заводы столицы. Делегаты обошли заводы Выборгской стороны и Нарвской заставы. Когда путиловские гонцы принесли им весть о стачке, многие предприятия уже бастовали. Всюду возникали продовольственные волнения. Известие о забастовке на Путиловском было встречено как долгожданный сигнал.

Наступил Международный женский день — 23 февраля (8 марта по новому стилю). Большевики призывали отметить этот день демонстрацией. Женщины охотно откликнулись на призыв. Работницам, домохозяйкам, солдаткам первым приходилось выносить на себе тяготы, усиленные войной. Много раз они собирались толпами, громили продовольственные лавки, прогоняли полицию.

В день 23 февраля по призыву большевиков тысячи женщин вышли на улицы. Сплошной гул стоял над заставой. Женщины окружали солдатские патрули. Под градом жалоб, требований и упреков солдаты терялись и отступали. В центре, на Невском, по-

Донесение о забастовке 22 февраля 1916 года

лиция разгоняла даже небольшие группы людей. Здесь, за Нарвской заставой, полиция не решалась трогать толпы рабочих. Постепенно люди запрудили все Петергофское шоссе.

Прибежали, бросив работу, текстильщицы Екатеринбургской мануфактуры. Пришли девушки с тряпичной фабрики, покрытые пылью от грязной ветоши, которую они сортировали. Веселыми, радостными криками встретили рабочих конфектной фабрики. Пришли шоферы и механики гаража «Транспорт», рабочие заводов «Анчар» и «Бип». Бросили работу пильщики лесопильного завода; из парка конной железной дороги вышли кондуктора и кучера. С Балтийской улицы потянулись кабельщики мастерской Бездека, с островов Грязного и Резного пришли рабочие костеобжигательных заводов.

Кто-то затянул песню, и огромная толпа демонстрантов двинулась к Нарвским воротам. Здесь к демонстрации присоединились работники Тентелевского химического завода. Они пришли из цехов, пропитанных парами ядовитых кислот, и выделялись из всей массы демонстрантов. Даже морозный февральский день не вызвал румянца на обескровленных желтых лицах рабочих.

На площади открылся митинг. Солдатка Аннушка из шрапнельной мастерской выступила первой. Ей не раз приходилось «ководить» среди своих заводских рабочих. Во главе шумной женской делегации она ходила к директору требовать прибавки, решительно выступала против деспотизма мастеров, не давала в обиду себя и своих товарок.

Быстро преодолев смущение перед огромной толпой, она заговорила о празднике рабочей женщины. Ее резкий голос прозвучал на всю площадь.

С высоты каменного постамента Нарвских ворот один за другим выступали путиловцы, текстильщики, рабочие Химического завода. Впервые за долгие годы большевистские лозунги открыто прогремели с трибуны на большой площади.

Нарвская застава знала много рабочих собраний и митингов. Они происходили повсюду: у шлагбаума с лестницы, переброшенной через полотно железной дороги; на перекрестках у Огородного и Чугунного переулков; на поле у Лаутровой дачи, в Поташовом и Полежаевом лесу; на кладбище в Красненьком; в цеховых уборных; у крыльца часовни, возле ворот завода, у залива и на Петергофском шоссе, — везде, где было какое-либо возвышение — камень, придорожный столбик, крыльцо или выступ заставского домика.

Митинги-летучки, быстрые и стремительные, стали традицией заставы. Они собирались внезапно, быстро перебрасывались с места на место и так же быстро рассыпались при появлении полицейских отрядов. Казацкая плеть и полицейская шашка много раз гуляла по головам и спинам рабочих. Иногда митинг превращался в сражение, и тогда место собрания отмечалось пятнами рабочей крови.

Митинг на Нарвской площади 23 февраля 1917 года не был похож на митинги прошлых лет. Ораторы не прятали лиц, не нахлобучивали чужих шапок на глаза. Они стояли прямо, оглядывая толпу из конца в конец. Открыто, смело бросали горячие слова, не боясь налетов полиции.

Все новые потоки людей прибывали на площадь. Со стороны деревни Волянкиной пришло несколько сот женщин с пустыми корзинками и мешками. Целую ночь женщины простояли в очереди за хлебом, намере-

лись до синевы и все же хлеба не получили. Они принесли на митинг свою неистовую злобу против войны. В дальних концах толпы горячо и сбивчиво говорили какие-то, никому неведомые ораторы. Они взбирались на плечи впереди стоящих и громко кричали — каждый свое.

На главной трибуне у триумфальной арки появилась работница Химического завода. Все смотрели на эту угловатую женщину, одетую в ватную военного образца душегрейку. Платье ее во многих местах было прожжено серной кислотой. Высокая и худая, она вся сотрясалась от кашля и долго не могла начать свою речь. Наконец, поборов приступ кашля, работница сказала как бы про себя:

— Проклятая кислота действует. Все в горле першит.

Затем выпрямилась и неожиданно громко и отчетливо заговорила:

— До каких пор молчать будем? Эта война хуже кислоты жжет внутри. Детьм есть нечего. До хлеба не достоинсья. Вчера мне удача выпала — на бойне выпросила костей и требухи. Суп-то с них наваристый вышел, только в горло его еле пропихнешь. А мясо кто ест? Господа в бобрах да енотах! Почему хлеба нет?

Она напряглась и во всю силу своего голоса закричала:

— Мужчины, почему молчите?! Все равно пропадать!..

Ее снова охватил острый приступ кашля и, не закончив речи, она сошла, бросив в толпу листок — письмо от мужа с фронта.

Письмо, полученное солдаткой, пошло по рукам. Во многих местах строки были старательно залиты густой черной краской — письмо побывало в штабной цензуре.

Из-за поворота, с Нарвского проспекта, появился отряд казаков. Но они обогнули толпу, не задев никого.

Внезапно в толпе раздался возглас:

— На Невский! Стройся!..

Толпа загудела:

— На Невский! Хлеба требовать! Мира!..

— Долой войну!

Снова зазвучали большевистские лозунги против войны и самодержавия. В разных местах запели революционные песни. Откуда-то появились красные знамена. Их подхватили женщины:

— Наш праздник! Нам и знаменщиками быть!

— Путиловцы пошли!.. — разнеслось по Нарвской заставе.

У Калинкина моста к демонстрации присоединились работницы текстильных фабрик Кенига и Воронина. С другой стороны Фонтанки путиловцев поджидала толпа рабочих Калининской мануфактуры. Перейти реку демонстрации не дал большой полицейский отряд. Он захватил мост.

Демонстрация разбилась на множество ручейков, пробиваясь в центр. Неожиданное упорство демонстрантов ломало сопротивление полиции. Поодиночке, группами в три-пять человек проходили путиловцы сквозь заграждения и цепи. Толпами направились в обход — по Фонтанке, по Обводному каналу, через промежуточные мосты, пробирались на Садовую. Так, разными путями, пришли на Невский почти все путиловские рабочие. Знамена пронесли свернутыми, спрятав их под пальто.

Еще первые ряды демонстрации не тронулись с Нарвской площади, как по всему рабочему Петрограду разнеслась весть о том, что путиловцы двинулись к центру.

И, словно не было между Нарвской и Выборгской стороной десятка верст, весть о том, что путиловцы идут, моментально докатилась до Выборгцев. Еще с утра выборгцы дрались с полицией, стремясь прорваться к Невскому. Узнав о выступлении путиловцев, они усилили нажим на полицейские заграждения. Каждая неудача побуждала их к новым попыткам пробиться в город. Они пробирались поодиночке, переходили Неву по льду, проникали на Невский глубоким обходом.

К четырем часам дня выборгцы устроили демонстрацию на Литейном и Суворовском проспектах. В шесть часов вечера соединенными силами путиловцев и рабочих Выборгской стороны был остановлен казенный Орудийный завод на Литейном проспекте. Рабочие этого завода присоединились к демонстрации.

Мощное выступление петроградского пролетариата в Международный день рабочих перерастало в общую политическую демонстрацию против царского строя. Охранка недаром отмечала, что приближаются события, «в сравнении с которыми 1905 год — игрушка». В непрерывных стычках с полицией, в появлении рабочих толп на Невском, в демонстрациях Выборгской стороны и Нарвской заставы — уже слышались первые раскаты начинающегося восстания. Чувствовалось, что дело идет к пальбе.

Путиловцы становились час от часу решительней. Молодой большевик Павел Шубин, втихомолку сочинявший стихи, записал в своей толстой тетради:

В моей душе огонь пылает,
И мускулы крепки, сильны.
Меня грядущее ласкает.
Ближки, близки расплаты дни...

Поздно вечером путиловские большевики, вернувшись с демонстрации, собрались в доме на Счастливой улице, обычном месте собраний районного комитета. Надо было установить единый план действий. Первым вопросом у всех было: как снять с работы три тысячи солдат, оставшихся еще в мастерских завода? Кто-то предложил взорвать электростанцию, вывести из строя турбины, — тогда солдатам нечего будет делать на заводе. Это предложение категорически отвергли. Решили снять солдатскую массу при помощи солдат — членов партии большевиков.

На следующее утро в цеха пришли все солдаты-большевики. Они принесли с собой листовки и личные записки к отдельным, ранее распропагандированным товарищам. По совету большевиков, группа солдат направилась к Фортунато, заводскому воинскому начальнику, чтобы добыть у него оружие.

Фортунато оглядел пришедших солдат. Одеты они были не по форме, шинели полурасстегнуты, без ремней. Обычно Фортунато требовал от солдат выправки. Но теперь было не до этого.

Солдат Семен Эртман выдвинулся вперед:

— Ваше благородие, нас принуждают бастовать. Мы не хотим, нас избить грозят. Прикажите выдать нам винтовки. Спокойнее работать будем.

Глаза Фортунато стали острыми и колкими. Помолчав, он сказал:

— Без оружия обойдетесь. Идите. А если вас принуждают — что же, бастуйте...

Когда группа отошла далеко от конторы, Эртман грустно произнес:

— Сорвалось. Жалко...

Фортуна, старый заводский охранник, разгадал зачем солдатам нужно было оружие. Чтобы легче было наблюдать за ними, он согнал солдат со всех цехов в шрапнельную и новоснарядную мастерские. Рассчитывая держать на полном ходу хотя бы две мастерские, он полагал к тому же, что на снарядах и шрапнелях солдатам трудней будет отказаться от работы: они ведь сами на своей шкуре испытали, что такое фронт без снарядов. Но Фортуна ошибся. В шрапнельной собрался митинг. Большевики призывали солдат присоединиться к рабочим. Прибежал Фортуна:

— Кто разрешил собрание?

Он угрожал солдатам военным судом и напоминал, что они обязаны работать даже под пулями.

Солдаты кричали ему в ответ:

— Мы уже были под пулями! Не испугаешь!

К обеденному перерыву солдаты ушли с завода.

24 февраля в Петрограде уже бастовало около 200 тысяч человек. В десятках мест собирались огромные толпы. Лозунги «Мира!», «Хлеба!», «Долой самодержавие!» перебрасывались с митинга на митинг. Кое-где происходили стычки рабочих с городовыми. Но войска сочувственно относились к рабочим, отказывались разгонять демонстрации и в отдельных случаях — препятствовали полиции.

Женщины громили лавки в Беликовых домах и на рынке, у Огородного переулка. Полицейских били корзинками и скамейками, принесенными для многочасовых очередей.

С вечера подростки останавливали вагоны Ораниенбаумской трамвайной линии и отбирали ручки у вожатых. Если, несмотря на требования, трамвай не останавливался, разбивали стекла вагонов.

У ворот завода толпа разогнала полицию. Один из хожалых вытолкал рабочего, заглянувшего в проходную. Рабочие возмутились, требуя выдачи им хожалого. Городовых оттеснили на дорогу и сказали:

— Убирайтесь, пока целы.

До поздней ночи гудела возбужденная и настороженная Нарвская застава.

25 февраля политическая забастовка охватила весь рабочий Петроград. Движение стало всеобщим. За Нарвской городовые уже не показывались на улицы в своей форме. Они наблюдали за событиями, переодевшись в солдатские шинели.

Днем у заводских ворот скопилась толпа рабочих. На стук никто не откликнулся. Постучав еще немного, передние навалились на одну из калиток и сломали ее. В несколько минут были сломаны все калитки и ворота. Шумная толпа ворвалась в завод.

Снег во дворе был необычно белым. В рабочее время достаточно бывало одного-двух дней, чтобы выпавший снег стал грязным, покрытым крупинками гари и сажки. Теперь же не дымили паровозы, не выплескивалась копоть из окон кузницы и прессовой. Заводские трубы не гнали безостановочно дыма. Над темными корпусами цехов стояло необыкновенно чистое небо.

Толпа остановилась, пораженная непривычной тишиной. Завод был

совершенно пуст. Шрапнельщик Григорий Самодед, первым ворвавшийся в завод, в недоумении взглянул на товарищей:

— Зачем ломали ворота?

Это был законный вопрос. Ворота ломали очень часто. Но всегда внутри, когда при забастовках директор давал приказ задержать рабочих в заводе. На этот раз сломали калитки снаружи. Для чего?

Кто-то даже пожалел, что завод пуст. Были бы штрейкбрехеры в цехах — нашлось бы веселое дело. А так, что же дальше?

Перед пустынным заводским двором молча стояла толпа путиловцев. Уже некоторые поглядывали назад — не вернуться ли?

Самодед взмахнул доской от сломанной калитки искомандовал:

— Снимай охрану!

Кто-то взволнованно крикнул:

— Товарищи! Это же революция!..

И вслед затем ринулись путиловцы на территорию завода. Они бежали по дорожкам, запорошенным необычно белым снегом, разоружая охрану, заглядывая во все закоулки — нет ли где спрятавшихся полицейских.

Группа рабочих добежала до залива. Перед ними открылся широкий простор беловато-серого взморья. На минуту они приостановились — ширь-то какая — и, не задерживаясь, повернули влево к верфи, стремясь поскорее обойти весь завод.

В домах, где находились квартиры директора и высших служащих, было тихо. На дворе — ни души. В главной конторе находился лишь сторож-старик. В конторе по делам рабочих и служащих обосновался только что организовавшийся рабочий комитет Путиловского завода — «Временный революционный комитет». Он поставил себе задачей: вести борьбу с полицейщиной, организовать боевую дружину и установить революционный порядок на улицах. В комитете состояли большевики — И. Генслер, В. Алексеев и другие. Комитет установил дежурства вооруженных рабочих у проходной и на Петергофском шоссе.

Нарвская застава была в руках рабочих.

БОЕВЫЕ ДНИ

Короткие, стремительные уличные митинги призывали к действиям решительным и быстрым: вооружайтесь, выходите на улицы, снимайте полицию. Все население Нарвской заставы в воскресенье 26 февраля было на Петергофском шоссе.

Еще 24 февраля путиловские большевики получили директиву Петербургского комитета вовлекать в движение солдат гарнизона. Были распределены обязанности, даны четкие указания: поднимать войска, присоединять их к восстанию.

Путиловцы распространили воззвания, выпущенные Петербургским комитетом большевиков. В воззвании говорилось:

«Помните, товарищи солдаты, что только братский союз рабочего класса и революционной армии принесет освобождение поработенному и гибнущему народу и конец братоубийственной и бессмысленной бойне.

Долой царскую монархию! Да здравствует братский союз революционной армии с народом!»

Заводский литограф Иван Огородников уехал в Ораниенбаум. Там среди солдат — бывших путиловских рабочих, у него было много товарищей. Он заехал в Ораниенбаумскую школу оружейных мастеров — к Ивану Газа. Рассказал ему о событиях в Петрограде, о необходимости организовать выступление солдат, оставил листовки.

Федор Кузнецов отправился в Стрельну к пулеметчикам и артиллеристам. Иван Генслер собрал группу павловцев, работавших на заводе, и направил их в казармы Павловского полка. Солдатам, присланным на завод из полков Петроградского гарнизона, советовали идти в свои части, подымать их на восстание.

Григорий Самодед пришел к измайловцам, рота которых была размещена за заставой. Он повел с ними прямой и открытый разговор, приглашая примкнуть к путиловцам. Измайловцы к демонстрации не присоединились, но пообещали уйти, и действительно к вечеру их в районе уже не было.

Десятки тысяч людей — взрослые, молодежь, женщины, дети — вышли на улицы Петрограда. Они напирали на солдатские цепи, рвали их, дробили воинские силы. Приказ генерала Хабалова о применении оружия солдатами не выполнялся. Это были грозные признаки крушения царской монархии, теряющей свою главную силу — армию. Повсеместно рабочие переходили в наступление. В районе Путиловского завода слышались отрывистые выстрелы — рабочие обезоруживали пойманных переодетых городских. Полицейские забаррикадировались в участке на Ушаковской и в коломенской части, у Калинкина моста.

Вася Алексеев ходил охрипший, ораторствуя на каждом перекрестке. Он раздавал прокламации, призывал вооружаться. Через приятеля-охотника раздобыл себе револьвер и десяток патронов. Охотники вышли со своими ружьями.

Костлявый, смуглый солдат, который два дня назад в турбинной допытывался — дойдет ли до стрельбы, теперь собирал своих знакомых и предупреждал:

— Пойдем оружие доставать.

Все улицы и переулки, выходящие к Петергофскому шоссе, находились под вооруженной охраной рабочих. Путиловцы уже не прятали оружия под пальто. Вооруженными группами в три-пять человек они обходили заставу.

Повсюду из рук в руки переходили листовки Петербургского комитета большевиков, призывавшие к решительным действиям:

«Всех зовите к борьбе. Лучше погибнуть славной смертью, борясь за рабочее дело, чем сложить голову за барыши капитала на фронте или зачахнуть от голода и непосильной работы...»¹

Днем пришло известие о том, что четвертая рота Павловского полка, возмущенная участием своей учебной команды в расстреле рабочих, бросилась на улицу. Дважды столкнувшись с разъездами полиции, павловцы расстреляли все патроны и вернулись в казармы.

Районный комитет разослал гонцов в разные стороны города. Один гонец поехал за Невскую заставу, — поговаривали, что там стреляли в рабочих; другой отправился в Государственную думу удостовериться — правда ли, что ее разогнали. Многих большевиков направили

¹ «Пролетарская революция» № 1 (13), 1923, стр. 285.

Полицейский участок, сожженный в дни февральской революции

в казармы воинских частей, — передавали, что войска колеблются, отказываются выступить против восставших рабочих. На Выборгскую поехал гонец за указаниями и листовками. В этот день Петербургский комитет большевиков был арестован. Его заменял Выборгский районный комитет.

Нарвский районный комитет, следуя указаниям Петербургского комитета, постановил шире развертывать вооруженную борьбу, захватывать склады с оружием. Утром 27 февраля тысячи путиловцев снова потянулись в центр. По дороге они разгромили оружейные магазины на Александровском рынке и запаслись оружием. Домой они не возвращались. Вместе с рабочими других заводов и присоединившимися солдатами они освобождали из Петропавловской крепости арестованных павловцев.

С этого дня накрепко завязалась дружба путиловских рабочих с солдатами Павловского полка. Разойдясь по необъятному Петрограду, они вместе принимали участие в разгроме полицейских участков, тюрем, окружного суда, жандармского управления, охранки; брали арсенал, дворцы; арестовывали сановных лиц, генералов, министров; сбивали полицейских с крыш, вытаскивали их из подвалов и выводили солдат из казарм на бушующие улицы восставшей столицы.

Василий Мещерский стрелял на Забалканском в городовых. На Сенной он встретил товарищей с Путиловского, конвоировавших аресто-

ванных полицейских, и глубокой ночью очутился на Невском проспекте.

Анатолий Богданов и Иван Егоров были неразлучны. С утра 27 февраля они пробрались на Выборгскую сторону. Оттуда вместе с несметной толпой выборжцев снимали караулы у Литейного моста, прошли в центр города и с оружием в руках поздно ночью пришли к родной Нарвской заставе.

Вася Алексеев во главе группы путиловских рабочих-солдат пришел к казармам Волинского полка. Когда волинцы, убив командира, вышли на улицу, путиловцы вместе с ними направились к другим полкам, а затем на Выборгскую сторону.

Григорий Самодед выводил из казарм гренадеров, от гренадеров пошел к семеновцам, затем к измайловцам. За день Самодед побывал во многих воинских частях. Одетый по-солдатски, с возгласами «Долой царя!», «Долой войну!» он врвался в казарменные дворы. Стремительным напором сокрушал нерешительность, колебания солдат и выводил их на улицы восставшего Петрограда.

Зарайский разоружал жандармов Николаевского вокзала и раздавал рабочим захваченные им браунинги. Федор Кузнецов и Василий Урюпин обошли все тюрьмы, участвуя в освобождении арестованных. Вместе с солдатами захватили они Аничков дворец и остались там на дежурство.

У пажеского корпуса на Садовой улице группу путиловцев встретили пулеметным огнем. Был убит токарь лафето-снарядной А. Зимин. В другом месте, у Казанского собора, погиб башенник Дмитрий Гормонов. Несколько человек принесли в район ранеными.

Новые сотни путиловцев бросились в город. На Литейном проспекте, пробиваясь сквозь разрушенные баррикады, они захватили продовольственный склад. Выкатили бочки с огурцами, капустой, собрали женщин со дворов Сергиевской улицы и с их помощью создали питательные пункты для восставших.

Группа путиловских рабочих ворвалась в Адмиралтейство и участвовала в аресте генерала Хабалова. Когда его вели в Таврический, он хмуро глядел на рабочих сквозь насупленные брови.

— Видишь, генерал, что вышло, а ведь грозил... — посмеивались путиловцы, напоминая ему его грозные приказы о прекращении забастовки.

Солдат Яков Кулешов, бывший путиловский рабочий, повел товарищей к себе в казармы. Раздобыв оружие, они отправились в город.

Рядовой Ораниенбаумской школы оружейных мастеров путиловец Иван Газа собирал революционно настроенных солдат, чтобы повести их в город на помощь восставшим рабочим. Там же в Ораниенбауме поднялись пулеметчики, распропагандированные солдатами — бывшими путиловцами. В ночь на 28 февраля они сняли посты у оружейного склада и подняли на ноги весь 3-й запасный батальон. Офицеры разбежались. Увлекая за собой соседние пулеметные части, войска двинулись на Петроград. По пути к станции Ораниенбаум солдат обстреляли из пулеметов. Больше пятнадцати человек было убито и ранено. Опасаясь, что полиция может пустить поезд под откос, пулеметчики пошли пешком.

Утром 28 февраля весь завод заполнился людьми. Путиловцы пришли выбирать своих депутатов в создавшийся накануне вечером Петроградский Совет. Но не успели они разбиться по округам, объединявшим по несколько мастерских, как пронесся тревожный слух: на Петроград идут войска.

К заводу подъехал на военном мотоцикле солдат. Он кричал:

— К вам идут наши полки из Ораниенбаума.

И, не сказав, зачем идут, покатил дальше.

Путиловцы встревожились:

— Зачем идут? Помогать рабочим? Или офицеры ведут солдат подвлять революцию?

Электрик Иван Егоров на улице собрал вокруг себя рабочих и сказал:

— Мы пойдем навстречу пулеметчикам. Мы их остановим. Если они против нас — постараемся их переубедить, расскажем, что происходит в городе. Если они за нас — присоединимся и приведем их к заводу.

Он повел за собой двести человек. Время тянулось медленно. Многие, не дожидаясь возвращения Егорова, уходили вслед за ним навстречу пулеметчикам. Обратного никто не возвращался. Стрельбы также не было слышно; это успокаивало и в то же время тревожило.

Наконец, путиловцы увидели вдали идущую толпу. Над толпой развевалось красное знамя. Крик радости взметнулся за заставой, многоголосый, ликующий крик: «Ура!»

Путиловцы остановили пулеметчиков у Шереметьевской дачи. Иван Егоров вскочил на воинскую двуколку и коротко рассказал о событиях в Петрограде. Он говорил о задачах, которые встали сейчас перед народом:

— За что мы все время дрались с самодержавием? Рабочим — восьмичасовой рабочий день, крестьянам — землю и всему народу — освобождение от политического гнета. Теперь самое первое дело — кончить войну, заключить мир.

Упоминание о мире вызвало бурю восторженных возгласов:

— Кончать войну! Да здравствует мир!

Став впереди солдат, Егоров повел их к заводу.

Зябко кутаясь в старые шинели, в рваных сапогах, обмотанных тряпками, шли солдаты — ораниенбаумские пехотинцы и пулеметчики; ехали аккуратные мотоциклисты и шофера запасной автомобильной роты с битами на поясах. Сплошным потоком, занимая всю ширину шоссе, шли войска разного рода оружия гарнизонов Ораниенбаума, Стрельны и Петергофа. Ряды солдат смешались с обозами, двуколками, пулеметами. К моменту, когда голова колонны подошла к Путиловскому заводу, хвост ее тянулся у Лигово.

Унтер-офицер Федоров, бывший путиловский рабочий, ехал верхом, рядом с повозками, наполненными винтовками и патронными ящиками. Он вез оружие своим товарищам-путиловцам.

Пока войска подходили к заводу, беспрерывно раскатывалось «ура!» Вверх летели шапки. Солдаты обнимали рабочих. Рабочие целовали солдат. То и дело слышались возгласы:

— Братьям-солдатам ура!

— Восставшим рабочим ура!

Военный оркестр беспрерывно играл «Марсельезу».

Знамя путиловцев прикрепили к лафету трехдюймовой пушки. Откуда-то появились красные ленты. Они пошли по рукам. Ими делились, разукрашивая винтовки и пулеметы красными бантами.

Из лавок и магазинов путиловцы выносили продукты, папиросы и раздавали их пулеметчикам. Домохозяйки выносили прямо на улицу кипящие самовары и угощали солдат чаем. Выносили горшки с вареным картофелем.

Рабочие повели группу солдат к дому, где жили городовые. Оттуда, по слухам, собирались стрелять и даже как будто уже стреляли. Из ком-

наты в комнату ходили с обыском. Револьверы и шапки тут же разбирались по рукам. Полицейских, предусмотрительно переодетых в штатское, вывели на улицу.

— Становись в две шеренги! — покрикивали на них солдаты.

Городовые выстроились. У каждого из них на груди мелом написали номер. Всего было тридцать шесть городских. Они упрашивали солдат отпустить их, обещая никогда не выступать против народа. Солдаты поверили им и отпустили. Но когда полк двинулся, неожиданно грянули выстрелы. То стреляли скрывшиеся полицейские. Поднялась ответная беспорядочная стрельба.

— С мартена бьют! С церкви! Вот они где, фараоны!..

В церкви и на крыше мартеновской мастерской никого не нашли: полицейские успели скрыться.

У шестого отделения Путиловского общества потребителей оказалась засада полиции. Завязалась перестрелка. Ранило несколько лошадей. Они порвали веревочную упряжь и повернули обратно. Люди шарахались в переулки, сбивались в кучи, падали на снег, укрываясь от пуль.

— Перебежкой вперед, — кричали солдаты.

Подражая им, пригибаясь и падая, бросились путиловцы к потребительскому обществу. Пулемету полиции отвечал солдатский пулемет. Стихла стрельба с чердака. На лестницу с переулка бросился унтер-офицер Федоров, пробежал несколько ступенек и упал, сраженный пулей. Свалился еще один солдат, затем третий. Был убит слесарь Николай Устинов. Солдаты и рабочие разъярились:

— Заходи сюда, с огородами!..

В обход, через огороды, с Петергофского и с Новоовсянниковской, двинулись штурмом на чердаки кооператива и макаронной фабрики. Трещал пулемет, звенели разбитые стекла, сыпалась штукатурка. Ворвались наверх, выволокли городских, переодетых в шинели Измайловского полка.

Пока часть солдат осаждала чердак путиловского кооператива, голова колонны дошла до Ушаковской и вступила в перестрелку с отрядом полиции, засевшим в угловых домах и в помещении полицейского участка.

Свыше часа продолжалась осада. В участке были сосредоточены запасы оружия и продовольствия на случай длительных боев.

— Не берут пули — возьмет огонь!

Солдаты подожгли здание. Полицейские сдались. Их выводили, расстреливали на месте.

Путиловцы и пулеметчики снимали полицейских у Нарвских ворот, в женском монастыре по Старопетергофскому, у Обводного канала и у Коломенской части. Винтовки, револьверы и шапки разбирали рабочие, пулеметы увозили солдаты.

За Калинкиным мостом путь в город был свободен. Мощным потоком хлынули в город рабочие и солдаты и, снова пройдя весь Невский, разошлись по разным концам города. По дороге сбивали с крыш правительственных зданий царские орлы, срывали их с вывесок, — железные ломали, деревянные сжигали.

За Боткинскими бараками путиловцы приняли участие в разгроме пересыльной тюрьмы. Осужденные на каторгу со дня на день ожидали отправки. Среди политических заключенных был путиловец — работник больничной кассы Эмиль Петерсон. Он вышел на тюремный двор в кан-

На улицах Петрограда в февральские дни 1917 года. (С картины Н. Владимирова.)

далах, в арестантском бушлате, небритый и исхудавший. Его подхватили и повели в тюремную кузницу, чтобы расковать кандалы. Днем он уже был в путиловской больничной кассе.

Группа путиловцев в поисках полиции забрела на Обводный, в бани. Там находились военнопленные. Австрийцы были покинуты охраной. Ничего не понимая, они забились в самые дальние помещения и тихо сидели, боясь выйти на улицы.

— Революция, — объяснили им путиловцы, — скоро домой пойдете. Войне конец будет...

Нашлись переводчики. Они сговорились с австрийцами. Пленные успокоились.

Когда же путиловцы узнали, что пленные уже трое суток голодают, они привезли из ближайшей воинской части несколько кухонь с обедами. Австрийцы благодарили рабочих, стараясь говорить по-русски:

— Один интернациональ интерес пролетариат.

— Один, — подтверждали путиловцы.

К Нарвским воротам подкатывали грузовики, взятые на Путиловском заводе.

— В Петропавловской много оружия, — кричали с грузовиков, — садись, кто хочет.

Мигом машины наполнялись людьми и неслись к крепости. Там уже орудовали революционные рабочие, набирали оружие для себя, для товарищей.

Три дня шли бои. Рабочие Нарвской заставы потеряли около пятидесяти человек убитыми. Двадцать девять из них позже были похоронены в братской могиле на Марсовом поле.

После боев путиловцы возвращались за заставу вместе с солдатами пулеметного полка. На квартиру работницы Ильиной сын привел солдат. Они заночевали раз — другой и так остались жить за Нарвской. Работница шпательной мастерской Капитонова готовила обед на пять солдат, приведенных на квартиру ее мужем. Многие пулеметчики отбились от полка, расположившегося в Народном доме, и остались вместе со своими пулеметами за заставой у рабочих, с которыми познакомились в дни боев. Путиловские ребята 3-го батальона, взятые досрочно за забастовку в армию, разошлись по домам.

После боев делегации рабочих и солдат шли к Таврическому дворцу, где поместился создавшийся накануне вечером Совет рабочих депутатов. Как только за Нарвской пришла весть об организации Совета, находившиеся в кооперативе «Трудовой путь» члены правления кооператива — большевики и меньшевики — решили объявить себя временной делегацией Нарвского района. Раздобыв на заводе грузовик, они поехали в Таврический дворец.

У здания Государственной думы толпились воинские части — пехотинцы, саперы, артиллеристы, казаки. Еще не остывшие от горячих боев с полицией, возбужденные и ликующие, приходили туда солдаты в полном вооружении — с пулеметами, орудиями, броневидами и с красными флажками на штыках. Делегаты от полков, батальонов, сотен и батарей выступали с приветствиями. Каждый считал необходимым заверить товарищей, что, подняв оружие против царя, он не опустит его до тех пор, пока ненавистный строй не будет разрушен окончательно.

Путиловцы пробивались сквозь толпы, запрудившие улицы вокруг Таврического дворца. Солдаты встречали приходивших со всех концов города рабочих радостными криками «ура».

Разукрашенный с расписными потолками парадный зал дворца солдаты загружали ящиками с винтовками, патронами, пулеметными лентами. Тут же после речей неизвестных ораторов, выкрикивавших восторженные слова о завоеванной свободе, создавались отряды. Рабочие и солдаты вооружались и уезжали на грузовиках в разные концы города арестовывать генералов и крупных чиновников.

К толпам восставшего народа выходили руководители только что создавшегося Петроградского Совета и члены организованного Государственной думой Временного комитета. Выходил и сам председатель Государственной думы Родзянко.

Путиловцы были насторожены. Они знали цену успокоительных и приветственных речей царского защитника Родзянко. Проходя мимо толпы, с жадностью слушавшей какого-то думца, путиловский большевик Генслер воскликнул:

— С чего это он в революционера рядится?..

Солдаты на него зашикали, закричали. Депутат с чувством говорил о том, что народ совершил геройское дело и избранный Государственной думой Временный комитет, взяв управление в свои руки, сделает все, чтобы жизнь устроилась по-новому, по-хорошему.

Но когда думский оратор призвал солдат идти в казармы на ученье, а рабочих на заводы для работы, солдатская масса взорвалась гневом:

— Чего захотел! Рано. Еще не всех повыбили...

На заседании Совета рабочих депутатов меньшевик Н. Чхеидзе заявил:

— Отныне власть осуществляет Временный комитет Государственной думы.

— А Совет? — бросили ему вопрос.

Чхеидзе отмолчался. Путиловские большевики были озадачены тем обстоятельством, что сам руководитель Совета отдает предпочтение комитету, созданному черносотенной царской думой. Ведь рабочие, солдаты, стекавшиеся сюда, к дворцу, шли к своему Совету, а не к думским дельцам, пытающимся присосаться к чужой победе.

Так и не услышав ничего, кроме успокоительных фраз, путиловцы уехали обратно. Грузовик мчался по ночным столичным улицам, мимо разрушенных участков, мимо разгромленных полицейских засад, мимо пожарниц, озарявших темное февральское небо.

Автомобиль стал подвижным дискуссионным клубом. Горячася и волнуясь, спорили между собой путиловцы. Меньшевики из «Трудового пути» сразу стали на позиции своего лидера Чхеидзе. Перекрывая грохот старого автомобильного мотора, большевик Иван Генслер кричал им:

— Кто революцию делал? Буржуазия или рабочие? Причем тут Государственная дума? Разве неизвестно, как встретил ее 14 февраля рабочий класс?

Грузовик подпрыгивал, скользил, путиловцы перебрасывались с борта на борт и, крепко уцепившись друг за друга, продолжали спорить жестоко и страстно — в первый раз после победы революции.

НАРВСКАЯ ПЛОЩАДЬ

Высоко в небе над Митрофаньевским кладбищем, на стыке двух застав, появился аэростат. За ним на веревке тянулось большое красное полотнище. Развеваемое ветром, оно качалось и блестело на солнце. На Нарвской площади в толпах митингующих путиловцев поднялись восторженные крики приветствий. Митинги на несколько минут замолкли. Ребятишки принесли известие: готовится к подъему еще один воздушный шар.

С утра до ночи неумолчный гомон стоял над заставой. Из затхлых скученных квартир на улицы выползали все — и древние старики и малые дети. Люди собирались кучками у калиток и низких дощатых заборов и вели шумные разговоры о революции, о том, какой оборот примут события.

Возле путиловского лазарета стояли раненые в шинелях, поверженные серых теплых халатов. Рабочие совали им деньги и папиросы.

Заводские парни, сцепившись под руки и в обнимку, шеренгами шагали к Нарвской площади, распевая новые песни. У запевал в руках были откуда-то появившиеся листки «Песни свободы», и по заснеженным улицам Нарвской заставы разносились волнующие слова «Марсельезы» и «Варшавянки». Сюда же на площадь приходили воинские части, возвращавшиеся в петергофские и стрельнинские казармы. Звоном литавр и оглушительным грохотом медных труб заполнялась застава. Солдаты, подходя к Нарвским воротам, подтягивались и проходили сквозь толпы рабочего люда, высоко поднимая головы. На штыках алели красные флажки и бумажные пунцовые розы.

Красными ленточками украсились все. Извозчики, густо населявшие Балтийскую улицу, выходили гурьбой с большими яркокрасными бантами. Впереди шел кряжистый широкоплечий ломовик с кнутом, перевитым алой лентой.

Инвалиды на костылях гордо ковыляли на Нарвскую площадь. Они были жертвами войны и требовали к себе внимания и почта — листовку в первую очередь, газету бесплатно, слова на митинге без задержки.

По шоссе расхаживали вооруженные рабочие-милиционеры, устанавливавшие революционный порядок в районе. Кроме них, на Нарвской образовалось несколько рабочих дружин, никому не подчиненных. Они, также вооруженные винтовками, револьверами и холодным оружием, ходили по заставе.

Бушующим морем была Нарвская площадь. Триумфальные ворота — безмолвный свидетель расстрела 9 января 1905 года и бесчисленных рабочих демонстраций — стали свидетелем разлившейся активности и энергии путиловцев. На площади решались все вопросы, определялись планы, и то, что становилось известным здесь, распространялось мгновенно по бесчисленным переулкам заставы.

Инвалиды войны на улицах Петрограда

Улица, площадь, завод — стали массовой политической школой. Всюду слышались зажигающие слова о заре новой жизни, о свободе, о мире между народами.

В город и из города бесконечной вереницей двигались рабочие. Несколько раз в день по заставе проносились автомобили — легковые и грузовые. С них пачками разбрасывали обращения думского комитета, приказы нового общественного градоначальника, воззвания Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов.

По всему Петрограду, на всех людных улицах, тучами носились печатные листки. Каждая только что сформировавшаяся организация или группа спешила уведомить мир о своем существовании, о своей программе и своих требованиях. За Нарвскую попадали разные листовки — даже партий крупной буржуазии.

На Нарвской площади с импровизированных трибун безостановочно гремели речи. В жарких спорах рождались ораторы. Иной, произнес первую заготовленную фразу — «старому крышка, гроб», внезапно замолкал, потеряв нить. Он только потрясал кулаками и, не закончив речи, уступал место другому.

На площади в любое время агитаторы находили трибуну и аудиторию. Там рабочие обсуждали все новости, объединялись по мастерским, выносили постановления: разыскать своего депутата, изготовить знамя, организовать похороны убитого товарища. Там рабочая милиция получила первое задание — убрать появившуюся за заставой шайку хулигана Ваньки-Быка.

На площади было решено — открыть все лавки в районе. Толпы добровольцев бросились по шоссе, проверяя, все ли лавки открыты.

Торговцы получили приказ:

— Продавай все, что есть, и чтоб без утайки...

Рабочие составили группы для проверки торговых заведений. Десятки путиловцев разошлись по лавкам осмотреть подвалы — нет ли где припрятанного товара. Ремонтная трамвайная вышка, служившая трибуной, была превращена в скамью подсудимых для торговцев, у которых были обнаружены спрятанные продукты. Найденные в одном из подвалов огромные запасы сыра были тотчас же увезены в Путиловское потребительское общество.

Здесь же на площади 6 марта шли митинги на тему: продолжать ли забастовку? Обсуждался призыв Петроградского Совета возобновить работы на заводах. Сначала никакие уговоры приступить к работе не действовали. Рабочие говорили:

— Рано еще стачку кончать. Там наверху могут повернуть на старый путь.

На огромном митинге, собравшемся у Нарвских ворот, молодой большевик заговорил о прекращении забастовки. Он рассказал об условиях, на которых Петербургский комитет считал возможным прекратить стачку: восьмичасовой рабочий день, одновременное возобновление работ на всех столичных заводах. Но лишь только он призвал начать работы, его речь заглушили криками, свистом.

На трибуну взмошел благообразный, степенный с виду старик. Начал речь неторопливо, спокойно. Народ притих. Любопытно было, что он скажет о прекращении стачки. Многие его знали: это был Швецов — служащий Путиловского завода. Говорил он не по-митинговому, просто, как будто беседуя в товарищеском кругу:

— Прежде всего договоримся, когда бы ни начали работу — работать будем восемь часов. Самодержавию голову свернули, и накрепко. Петроградский Совет избрали. Районный совет тоже есть. Кой-какое оружие припасли, и еще запастись нужно. Следует только поглядывать наверх, чтобы не обвели рабочих, чтобы закон о восьмичасовом дне был, чтобы заработок не отставал от цен.

Швецов произносил каждое предложение отдельно. После каждого загибал палец на протянутой левой руке, а когда загнул все — внезапно выпрямился, поднял ладонь кверху и заключил:

— А главное, друзья мои, — это организовать. Вот в чем наша сила.

— Борода апостольская и язык, что колокол, — восторженно про-
басил кто-то про Швецова.

С этих пор Швецов, в эти дни вступивший в партию, стал замечательным проводником большевистских идей. Его речи, простые и доходчивые, сделали его одним из лучших районных агитаторов. Целыми днями разъезжал Швецов по заводам, с митинга на митинг, и везде его речи привлекали рабочих к большевикам.

7 марта, после двухнедельного перерыва, загудел старый заводский гудок, созывая путиловцев в мастерские. Первые дни работы на Путиловском заводе были суматошны и беспорядочны. Всюду обсуждали политические новости. Не все рабочие и мастера вышли на работу. Высшее начальство в мастерских не показывалось. Лишь немногие рабочие принялись за работу, оставленную неоконченной в начале революции. В одних цехах устраивались митинги, в других обходились без собраний, но предложение большевиков было принято повсюду:

— Работаем по-новому: восемь часов и ни минуты больше.

В первый же день работы на Путиловском заводе был введен явочным порядком восьмичасовой рабочий день. То же было и на многих других петроградских предприятиях.

Только после такого самочинного установления восьмичасового дня через пять дней было опубликовано соглашение Петроградского Совета и общества заводчиков и фабрикантов о введении рабочего дня продолжительностью в восемь часов.

На второй день стали появляться мастера и начальники. И снова в цехах закричали тачки. Рабочие вывозили мастеров, администраторов, известных как прижимщиков, доносчиков и черносотенцев. В паровозосборочной первым схватили начальника мастерской Пузанова, главаря черной сотни завода. Ненависть к этому человеку, копившаяся годами, прорвалась наружу. Его посадили в тачку, облили суриком, смешанным с машинным маслом, провезли по заводу и выбросили за ворота.

Разметочные плиты снова, как в 1905 году, стали судным местом. Подсудимые — мастера и начальники — бормотали слова раскаяния и давали обещания исправиться. Их судили подолгу и основательно. Предложения — выгнать с позором или вывести на тачке — обсуждались всесторонне. Перечисляли все обиды, высказывали доводы в их защиту.

В одной из механических мастерских инженер влез на плиту и объявил список людей, ходивших к начальнику с доносами и наговорами. Доносчиков вытащили на плиту. Они стояли на плите кучкой. Их спрашивали, правду ли сказал инженер; они молчали.

— Знать согласны, раз молчат.

Признав их «темными, как погреб, и несознательными», присудили выгнать из мастерской «с позором». Выпускали одного за другим поодиночке, сопровождая их уход свистом и криками: «Провокатор, позор!»

К начальнику железнодорожного цеха, черносотенцу Давыдову, как только он явился в свою конторку, пришла группа солдат — рабочий депо. Давыдов встал.

— Вы нам теперь не нужны. Можете убираться отсюда, — сказали ему. Давыдов испуганно пробормотал:

— Раз такова воля народа, я уйду.

— Народ стал уважать, — иронически сказал один из солдат.

Тяжело сопя, Давыдов взобрался на стол, снял висевшую в углу икону, поцеловал ее, перекрестился. Он завернул икону в бумагу и медленно направился к двери.

В прессовой схватили мастера Осипова — тупого самодура. Собрали митинг и спорили — бросить его в печь или учинить с ним что-либо другое. Старые кадровые рабочие выступили против самосуда:

— С завода безусловно, непременно прогнать. Споры нет. Только не жечь.

Осипова выгнали из цеха.

Так, в течение трех дней с завода было удалено свыше сорока лиц. Прогнали начальника инструментальной А. Мандриченко, постоянно грозившего «схлопотать каторгу» забастовщикам; вытолкали из мастерской начальника котельной М. Галкина; из вагонной выгнали старшего мастера Веллера, из-за которого в 1913 году мастерская бастовала два дня и, сдавшись, пообещала когда-нибудь рассчитаться с ним; инженер Н. Пухальский из шрапнельной, которого дважды в 1916 году вывозили на тачке, был вывезен на ней в третий и последний раз; старшего врача больницы Левинсона, известного своим бездушным отношением к рабочим, сиделки и уборщицы вывели под-руки из больницы.

8 марта районный Совет занялся вопросом о взаимоотношениях рабочих с администрацией. Первые два дня показали, что, хотя репрессии рабочих не касаются всех мастеров, дело разрастается широко: завод может остаться без администрации.

Совет объявил недопустимыми самовольные действия. В протоколе заседания было записано: «Шрапнельносорборочная: масса вполне согласна с постановлением Совета, кроме отдельных личностей, и требует удалить двух «кнутов» незначительных. Прессовая: к работам приступлено. Итожают администрацию... Решено: итти уговорить массу».

Стихийные, неорганизованные действия рабочих были быстро приостановлены. На заводе по всем мастерским создали примирительные камеры, избрали старост и представителей в разные комиссии — по тарифным вопросам, по возврату с фронта путиловцев, взятых в армию за забастовку. Солдаты создали на заводе свой командный комитет. В цехах собирались бывшие члены профессиональных союзов и говорили о том, чтобы воссоздать союзы металлистов, деревообделочников, электриков, машинистов. Бывшие участники культурно-просветительных обществ делали попытки снова объединиться. Начали создаваться землячества — белорусское, литовское, украинское. В больничной кассе путиловские страховики сговаривались взять в свои руки все больничное дело. Многие вооруженные рабочие по примеру 1905 года начали собираться в дружины.

Началась самоорганизация рабочих. В короткое время Нарвская застава покрылась широкой сетью рабочих самостоятельных организаций. Инициатором, вдохновителем и организатором всей этой боевой революционной самостоятельности рабочих была путиловская большевистская организация.

ПЕРВОЕ ЛЕГАЛЬНОЕ

Первое легальное собрание большевистской организации происходило вечером 2 марта в проходной конторе завода — узкой, длинной комнате, уставленной канцелярской мебелью. У двери, за крайним столом, расположился Эмиль Петерсон. Приход каждого человека он отмечал черточкой на листке бумаги. Он задавал только один вопрос:

— Большевик?

Восемь месяцев назад, когда Петерсон работал в больничной кассе завода, насчитывалось свыше ста членов организации. Теперь на листке у Петерсона было всего двадцать с лишним отметок. Петерсон, волнуясь, спрашивал:

— Где наши, неужели так мало?

Ему отвечали, что видели многих, а где они пропадают — неизвестно. Не улеглась еще улица. Еще не прекратились митинги на перекрестках.

Разбившись на группы, большевики-пугиловцы обсуждали последние известия: временный комитет Государственной думы зовет армию к спокойствию, а какое спокойствие может быть, когда царь еще беспрепятственно разъезжает в своем поезде? В Москве создан Совет рабочих депутатов; сормовские рабочие завладели Нижним-Новгородом; в Самаре избран революционный комитет, — революция прокатывается по всей России.

Федор Кузнецов переходил от группы к группе, передавал обрадовавшую его новость: за Московскую заставу пришла команда Тарутинского полка, снятого с позиции для подавления восстания, — солдаты присоединились к народу. Кузнецов торжествовал:

— Все подпорки полетели из-под царствующего дома.

Литейщик Максим Анисимов рассказывал о Петроградском Совете рабочих депутатов, о суете в Таврическом дворце. Он вернулся оттуда, оглушенный потоком речей, приветствий, споров. Потеряв свою обычную медлительность и спокойствие, сбиваясь и горячась, он говорил:

— Создано Временное правительство. Все сплошь кадеты и октябристы. Милоков неделю назад воззвания писал: рабочие, не бастуйте, — теперь он «революционный» министр. Гучков, председатель военно-промышленного комитета — тоже. Они все еще за монархию цепляются. Династия будет сохранена: Николаю II отставка, вместо него царем будет наследник, — так сказал сегодня Милоков. Ему чуть голову не сорвали за эти слова.

Вася Алексеев пришел с ворохом различных листовок и газет. У тусклой керосиновой лампы сгрудились большевики, жадно набросившись на свежие вечерние известия.

В другом месте вслух читали листовку-манифест Центрального комитета большевиков, выпущенную еще 26 февраля:

«Задача рабочего класса и революционной армии создать *Временное Революционное Правительство*, которое должно встать во главе нового нарождающегося республиканского строя». ¹

Иван Огородников привел с собой двух солдат.

— Наши, — заявил он Петерсону, — думаю, что можно...

— Молодец, правильно поступаешь, практически.

И Петерсон одну за другой поставил три жирных прямых черточки.

За окнами проходной нарастал шум. Петерсон выглянул наружу. Возвратившись, сообщил, что у конторы и у ворот завода сбиваются толпы и обсуждают распространившиеся вести о новом правительстве. Петерсон предложил нескольким большевикам до начала партийного собрания выступить перед рабочими.

— Руководствуйтесь постановлением Выборгского районного комитета, — сказал он. — Правительство должно быть создано Петроградским Советом рабочих и солдатских депутатов, а не царской думой.

В этот день Петерсон побывал на Выборгской стороне, связался с вновь организованным Петербургским комитетом большевиков. Он выяснил там позиции большевистской партийной организации по главному вопросу дня — о власти.

К заводу прибывали новые группы путиловцев. Известие о том, что кадеты пытаются сохранить монархию, взволновало рабочих. Слышались недовольные голоса по адресу руководителей Совета — меньшевиков и эсеров:

— Где они заседают, не в Таврическом, что ли? Не видят: под боком у них царя поддерживают!

— Что наши депутаты молчат?

Выступил Максим Анисимов. Он заявил:

— Хотя я и выбран литейным округом в депутаты, а могу сказать одно: ни я, ни другие такие, как я, рабочие представители всего не знаем. Мы с буржуазией дел не имеем. Все переговоры ведет исполнительный комитет. С него и спрашивать надо.

Путиловцы расходились медленно, собирались в кучки, толковали, спорили. Поднявшиеся на вооруженную борьбу рабочие и солдаты ожидали больших и решительных изменений, а получалось что-то странное:

— Власть Романовых перешла к Родзянко, Милюкову, а кто их выбирал, уполномочивал?..

— Мы революцию делали, а кадеты себя властью объявляют...

Центральным пунктом всех разговоров рабочих были известия о создавшемся Временном правительстве. Кадровые путиловцы, прошедшие большую школу классовой борьбы, хорошо знали, что представляют собой новые министры — Гучков, Милюков, Коновалов, Терещенко — и все Временное правительство в целом. С именами этих виднейших представителей класса капиталистов они встречались давно и много раз, особенно часто за последние два года. Путиловцы боролись против гучковско-коноваловской ватен вовлечь рабочих в военно-промышленные комитеты. Они хорошо знали и Милюкова как вождя русских империалистов.

Кадровые рабочие сразу отнеслись к Временному правительству отрицательно, ни на минуту не веря в то, что правительство буржуазии

¹ «Правда» № 1, 5 марта 1917 г.

захочет хоть в какой-либо степени выполнить требования народа о мире, земле и хлебе.

Но кадровые пролетарские слои путиловцев к 1917 году значительно поределели. За два с половиной года войны из рядов путиловцев были взяты в армию многие тысячи рабочих (по приблизительным подсчетам больше шести тысяч человек). К тому же из тридцати тысяч рабочих, насчитывавшихся к 1917 году, около двадцати тысяч пришли на завод лишь в годы войны. Одних чернорабочих на заводе насчитывалось свыше десяти тысяч.

Новые слои путиловцев не могли сразу разобраться в том, что представляет собою Временное правительство, не могли разглядеть его контрреволюционную сущность, не могли сразу понять предательскую политику соглашательских партий эсеров и меньшевиков. Это и определило то, что выборы в Совет рабочих депутатов, проведенные на заводе вечером 28 февраля и утром 1 марта, когда на улицах Петрограда еще шли бои и самые активные путиловцы дрались с оружием в руках, прошли вяло, неорганизованно, наспех и дали большинство эсерам и меньшевикам.

Новые слои рабочих после победы Февральской буржуазно-демократической революции потянулись к активной политической жизни. Депутатов Петроградского Совета они засыпали градом вопросов. Спрашивали обо всем: о министрах, о хлебном пайке, о восьмичасовом рабочем дне, о пособиях солдаткам, об Учредительном собрании, об окончании войны.

На уличных митингах депутатам давали наказы:

— Узнай, кто платить будет за ранение в революцию.

Подростки допытывались:

— А шестичасовой день нам будет? Школу откроют?

У одного из депутатов спросили:

— Скажи, кто у нас за Нарвской властью будет? Ты должен знать!

— Совет. Районный. Есть мысль организовать, — отвечал депутат тоном человека, постигшего все премудрости происходящего.

— А наверху Временное правительство? — допытывался какой-то рабочий.

— Да. Временное.

— Районный Совет Петроградскому подчиняться будет?

— Конечно. Петроградскому.

— А не Временному правительству?

— Нет, Петроградскому Совету, — отвечал депутат.

— На что же тогда Временное правительство, да еще не выборное?

Скажи!

Депутат, сбитый с толку, путался и ссылался на исполнительный комитет Совета — он-де, мол, все решит.

В проходной после митинга царил необычайное возбуждение. Максим Анисимов искал других членов Совета, чтобы сговориться с ними о совместном выступлении в Таврическом. Федор Кузнецов кричал, стараясь перекрыть шум:

— Глядеть надо в оба: подведут меньшевики и эсеры. Как пить дать — подведут! Как бы монархисты не пригреблись под их крылышком.

Эмиль Петерсон отошел от двери к столу и, открывая собрание, произнес вступительную речь:

— Это первое собрание, — сказал он, — которое мы, большевики, проводим открыто, не боясь налета и разгрома. Нас гоняли по этапам,

Первый номер «Правды», вышедший 5 марта 1917 года

полье, сейчас будут разноситься по улицам и площадям перед тысячами и миллионами. Мы вновь поставим нашу рабочую печать, — уже готовится к выходу «Правда», — и наш голос, голос революционеров, прокатится по всей России...

Петерсон сообщил: на собрании присутствуют пятьдесят шесть человек. По расчетам товарищей это составляет половину членов организации, числившихся два месяца назад. С тех пор многим пришлось покинуть завод и район. Некоторым так и нельзя было дать знать о собрании — целыми днями они пропадают на улицах, а квартир у них нет.

Петерсон закончил свою речь предложением считать собрание организационным.

На партийных собраниях люди никогда не чувствовали себя в полной безопасности. Они привыкли говорить вполголоса и шумно не выражали своих чувств. Воцарилось молчание. Но через несколько секунд молчание прорвалось аплодисментами, сначала жидкими и неуверенными, затем громкими и дружными.

Выступления касались главным образом вопроса о власти. Не устанавливая порядка дня, его обсудили первым. Была подтверждена резолюция Выборгского районного комитета большевиков, принятая в этот день собранием рабочих и солдат Выборгской стороны:

закрывали в кандалы, ссылали в глухую сибирскую тайгу. Правительство тюремщиков и вешателей жестоко преследовало свободную мысль. Тысячи наших братьев-рабочих сложили свои честные головы в тяжких боях с царским деспотизмом. А теперь?..

Петерсон говорил медленно, продумывая каждое слово. Иаредка он поднимал кулак, и тогда обнажалась рука, на которой еще сохранились следы недавних кандалов.

— Собираясь сегодня сюда, мы не петляли по переулкам заставы, не заходили в проходные дворы, не стучали в двери условным стуком — словом, не применяли всего искусства конспирации, которому долго учились и которое, возможно, товарищи, нам еще пригодится.

Петерсон повысил голос:

— Мы пришли свободно. Мы заседаем открыто. Слова, звучавшие в глухом под-

«Вся власть до созыва Учредительного Собрания должна быть сосредоточена в руках Совета Рабочих и Солдатских Депутатов, как единственно революционного правительства; армия и население должны исполнять только распоряжения Совета Рабочих и Солдатских Депутатов и считать распоряжения исполнительного комитета членов Государственной думы недействительными...»¹

От вопроса о власти собрание перешло к обсуждению результатов выборов в Петроградский Совет по Путиловскому заводу и району. Максим Анисимов заявил, что он избран литейным округом, объединявшим чугунолитейную, меднолитейную и модельную мастерские. В Таврическом он видел Буренкова с верфи — тот также депутат.

Никто не знал точно, сколько депутатов избрано по заводу и верфи. Петерсон стал расспрашивать о выборах по каждой мастерской. Выяснилось, что на верфи, кроме И. Буренкова, избран матрос Андреев, до того ничем себя не проявивший. Рослый матрос в бушлате, с башлыком за спиной, он в речи на выборном собрании помянул о кронштадтском и черноморском восстаниях и предстал перед рабочими как славный продолжатель революционных традиций флота.

— Кто лучше сказал, того и выбрали, — заявил солдат, единственный большевик из шрапнелиной. — И у нас нашлись хорошие говоруны, вроде голосистого меньшевика Копьева, — они и взяли верх. В башенной прошел Кузьмин — тоже меньшевик.

О пушечном округе рассказал Галанин. В пушечной на пять тысяч рабочих остались всего два-три большевика, да и тех не было в момент выборов. Мастерская сильно изменила свой состав за годы войны — там тьма новичков и учетчиков. Не удивительно, что в пушечной прошли в Совет меньшевики и эсеры.

— Наши лафетчики потребовали, чтоб им дали одно место, — говорил Галанин, — но пушкарки забили нас голосами. Тогда лафетоштамповочная ушла из пушечного округа и на своем собрании выбрала меня депутатом.

Федора Лемешева избрали заочно. Он еще не появился за Нарвской, но в железнодорожном цеху знали, что все арестованные освобождены из «Крестов». Работавшие в цеху солдаты, среди которых Лемешев вел пропаганду, настояли, чтобы депутатом был избран именно он.

В конце концов произвели подсчет: по заводу избрано около сорока депутатов, из них не более десяти — большевики.

— Итак, — заключил Петерсон, — ликвидаторы-меньшевики, пользуясь тем, что не участвовали в уличных боях, очутились во время выборов на месте и проскользнули в Совет. Масса еще не раскусила их. А наверху, благодаря своей думской фракции и «военно-промышленным социалистам», они захватили места в исполнительном комитете Совета. Нам с ними никогда не было по пути. Мы пойдем своей дорогой. Мы, большевики, начнем с другого конца — с низов. Мы отвоюем массы у эсеров и меньшевиков, и они рухнут в пропасть. Они будут изгнаны отовсюду, как в свое время были изгнаны ликвидаторы из страховых органов, профессиональных союзов и рабочих культурно-просветительных обществ...

Вслед за этим на собрании была выработана длинная повестка дня. В нее включены вопросы: о районном Совете рабочих депутатов; о вооружении рабочих; о союзе металлистов (Травников заявил: и о союзе

¹ «Правда» № 2, 6 марта 1917 г.

деревообделочников, Егоров — о союзе электриков и о союзе младших служащих больницы); об агитации; о больничной кассе; о клубе Нарвского района; выборы исполнительных органов районной организации и еще с десятков других вопросов.

Больше всего говорили о районном Совете. Оказалось, что некоторые депутаты-путиловцы уже договорились создать по примеру 1905 года свой районный Совет. В исполнительном комитете Петроградского Совета к этому относятся неодобрительно, но рядовые депутаты твердо настаивают на своем предложении.

Собрание большевиков постановило: созвать депутатов Совета от района на другой же день, 3 марта, и поставить исполнительный комитет Петроградского Совета перед совершившимся фактом: районный Совет создан.

Была уже глухая ночь, когда приступили к выборам районного комитета партии. Избрали 16 человек (Э. Петерсона, И. Генслера, Ф. Лемешева, Л. Тарасову, И. Егорова и др.). Выделили три комиссии: по организации союза металлистов, по вооружению рабочих и культурно-просветительную. Травникову поручили заняться организацией союза деревообделочников, Егорову — союза электромонтеров и союза младших служащих больницы, Дроздову — союза модельщиков.

Местом пребывания районного комитета определили проходную контору завода.

После собрания разошлись, однако, не все. У многих не было квартир. Лемешев, Петерсон, Шубин и еще человек десять улеглись спать тут же на стульях и на столах.

3 марта в конторе по делам рабочих и служащих собрались депутаты Петроградского Совета от заводов Нарвской заставы. Кроме сорока путиловцев, пришли четырнадцать представителей заводов: «Тильманс», Преловского, «Однер», Химического и других, и два депутата от мелких предприятий.

После недолгих прений было принято предложение большевиков — организовать районный Совет. Против голосовал лишь один — депутат инструментальной мастерской, меньшевик Ф. Пометов. Он советовал прислушаться к мнению исполнительного комитета. «Там, — говорил он, — сидят испытанные вожди демократии, у которых есть, вероятно, серьезные основания возражать против создания районных Советов». Но Пометова не поддержали даже его соратники по партии.

Большинства в районном Совете не имела ни одна партия. Большевиков из пятидесяти шести депутатов было одиннадцать, большевиков — десять, эсеров — пять, «межрайонцев» — четыре. Остальные двадцать шесть членов Совета были беспартийные.

При выборах председателя Совета произошла резкая схватка большевиков с меньшевиками. Меньшевики выставили свою кандидатуру — рабочего башенной А. Кузьмина. Они расхваливали его на все лады, подчеркивая его хозяйственную сметливость в путиловском комитете помощником.

Другим кандидатом на председательское место был «межрайонец» Иван Панов из прапильной. Панов был речист, энергичен. Он часто вскакивал с места с заявлениями, речами и справками. Большевики решили поддержать его кандидатуру, чтобы провалить меньшевика: случайный состав депутатов, еще не знавших друг друга, не давал им возможности провести

своего кандидата. Панов был избран председателем районного Совета. Кандидат меньшевиков был провален.

Районный Совет расположился в конторе по делам рабочих и служащих Путиловского завода. С первых же дней контора была постоянно полна народу. Приходили путиловцы, ранее уволенные с завода, с требованиями принять их обратно. Приходили солдатки просить об увеличении пособия. Служащие обращались в Совет с предложением возобновить работу путиловского театра. С небольшого заводика «Шейн и К^о» пришла делегация рабочих с жалобой на хозяина.

Массы напирали на депутатов, выдвигали перед ними самые разнообразные вопросы и предложения. Все эти вопросы — важные и неважные, крупные и мелкие — депутаты переносили на заседания Совета, происходившие ежедневно. Председатель Иван Панов ухитрялся по всякому вопросу произносить длинные речи. Заседания затягивались до глубокой ночи, иногда до утра, и нередко оказывалось, что многие серьезные вопросы оставались неразрешенными. Меньшевики и эсеры, уклоняясь от обсуждения важнейших вопросов — о войне, о мире, о власти, на первый план выдвигали вопросы узко районные. Они заявляли, что общие вопросы должен решать Петроградский Совет; районный Совет — не больше, как орган местного самоуправления.

Большевики боролись за превращение районного Совета в боевой революционный орган. Но было ясно, что им предстоит упорные бои за влияние в Совете. Их позиции там были еще недостаточно сильны. Зато в других организациях дело обстояло значительно лучше. Иван Егоров, получивший на первом партийном собрании поручение восстановить союз электромонтеров, вошел в инициативную группу и уже 6 марта был избран членом временного правления союза. В больнице «Всех скорбящих», где он работал, он организовал первую ячейку другого союза — младших служащих ведомства императрицы Марии (больниц, лазаретов, домов призрения и т. п.). Его избрали председателем рабочего комитета. От имени «сознательных служащих» он опубликовал в «Правде» воззвание ко всем работникам ведомства, и вскоре в Петрограде создался новый профессиональный союз. Егорова избрали заместителем председателя.

Столяр Иван Травников организовал районное отделение союза деревообделочников.

Быстрее всех справились со своими задачами путиловские страховики. На другой день после первого партийного собрания, где говорилось о необходимости осуществления большевистской страховой программы, они создали правление больничной кассы. Было решено: администрацию завода от лечебного дела немедленно устранить и взять его в свои руки.

Так же быстро организовались дружинники. Уже к середине марта при районном комитете большевиков сформировался боевой отряд, а на Путиловском заводе по цехам начали складываться небольшие дружины, вскоре объединившиеся в один отряд Красной гвардии.

19 марта за Нарвской заставой происходили первые собрания трех новых рабочих организаций. На Новосивковской улице в доме № 23, куда переехал комитет большевиков, происходило собрание членов союза металлистов. На Нарвском проспекте, № 12, торжественно открывался первый политический клуб Нарвского района. В доме по Петергофскому шоссе собрались рабочие-деревообделочники, чтобы организовать районный отдел своего профессионального союза.

Новосиловская, дом № 23 — здание, где в 1917 году помещался Нарвский районный комитет большевиков

На собрании в политическом клубе выступали с поздравлениями по случаю открытия клуба, произносили речи о пользе просвещения, о значении культуры для рабочего класса. Василий Урюпин, Николай Смирнов, Федор Кузнецов — устроители клуба — ходили по двухэтажному зданию и смотрели, все ли в порядке. Внизу помещалась библиотека и небольшой буфет с чаем и бутербродами, вверху — зал для лекций и собраний и комнаты для занятий кружков. За две недели им удалось создать клуб, не имея буквально ничего. Нашли пустующий трактир, раздобыли деньги на оборудование и уже с 9 марта открыли запись в члены первого политического клуба, с первого дня ставшего в районе одной из опорных баз большевиков.

На организационное собрание союза металлистов пришли кадровые пролетарии Нарвской заставы. Каждый из них был в прошлом членом профессионального союза, прошел большую школу классовой борьбы. Многие из них испытали на себе преследования полиции за участие в рабочей организации. Металлисты привыкли рассматривать союз как орган борьбы. Они знали, кто такие меньшевики, и еще в 1913 году расправились с ними, окончательно изгнав их из руководства союза.

Председательствующий в своем вступительном слове напомнил присутствующим о славных традициях петербургских металлистов. Он говорил о главнейшем вопросе дня — о власти. Не может быть нейтральности

профессиональных союзов. Экономическая борьба рабочего класса всегда была неразрывно связана с борьбой политической. Тем более нельзя разделять их сейчас, когда вопрос о власти стал в центре общего внимания.

В правление союза металлистов было избрано девять человек: И. Генслер, Д. Ланин и другие. Все они были путиловцами, старыми участниками революционного подполья, членами партии большевиков. У деревообделочников председателем районного отдела был избран большевик Иван Травников.

День 19 марта подвел итоги первому этапу самоорганизации рабочих Нарвской заставы. Этот день был днем больших побед. Коренные пролетарии — металлисты, деревообделочники, объединившись в профессиональные союзы, стали на большевистские позиции и начали строить свои организации неотрывно от общих задач рабочего класса.

Но районный Совет рабочих депутатов еще не был в руках у большевиков. Эту задачу — завоевать Совет — еще предстояло решить. 14 марта на очередном заседании Совета представитель большевиков прочел статью «О Советах рабочих и солдатских депутатов», напечатанную в «Правде». Эта статья ясно и отчетливо выражала точку зрения большевиков на Советы. Статья была написана только что возвратившимся из ссылки товарищем Сталиным. С предельной четкостью в ней ставилась проблема организации новой революционной власти:

«...Залог окончательной победы русской революции — в упрочении союза революционного рабочего с революционным солдатом.

Органами этого союза и являются Советы Рабочих и Солдатских Депутатов.

И чем теснее сплочены эти Советы, чем крепче они организованы, тем действительнее выраженная в них революционная власть революционного народа; тем реальнее гарантии против контр-революции.

Укрепить эти Советы, сделать их повсеместными, связать их между собой во главе с Центральным Советом Рабочих и Солдатских Депутатов, как органом революционной власти народа, — вот в каком направлении должны работать революционные социал-демократы».¹

Эти указания послужили для путиловских большевиков толчком к еще более упорной борьбе с эсерами и меньшевиками за укрепление Совета, за превращение его в орган политического руководства массами.

Меньшевицско-эсеровский блок Петергофского районного Совета² упорно добивался объединения Совета с «районным рабочим комитетом», самочинной организацией, преследовавшей цели снабжения рабочих продовольствием. Меньшевики стремились превратить Совет в орган общественного самоуправления. Депутат лафето-снарядной мастерской В. Петров прямо говорил:

— Мы существуем для удовлетворения повседневных нужд жителей местного района.

Петров яростно отстаивал эту вреднейшую предательскую позицию меньшевиков. Еще в 1905 году они пытались превратить Петербургский Совет рабочих депутатов из органа восстания в некое добавление к город-

¹ И. Сталин, На путях к Октябрю, 1925, стр. 2.

² Нарвский районный Совет объединял депутатов заводов, расположенных к югу от Нарвских ворот, и назывался *Петергофским*. Районный комитет партии большевиков объединял партийные организации заводов, находившихся в Петергофском районе, а также в районе от Нарвских ворот до Обводного канала, и назывался *Нарвским*.

ской думе. Их целью было оторвать Совет от его главной задачи — организации политической власти.

В Петергофском районном Совете между большевиками и меньшевиками разгорелась острая борьба. Большевики боролись за четкое определение задач Совета. Они предлагали хозяйственные функции передать «районному рабочему комитету», сделав его временной районной думой. Совет же должен стать единственным политическим органом рабочих заставы. В ожесточенной борьбе с соглашателями большевики добились победы.

Трижды собирались вместе районный Совет и «рабочий комитет», чтобы определить круг деятельности каждой организации. Наконец, 20 марта было принято пространное решение, по которому Совет рабочих депутатов признавался главной политической организацией рабочих. Задачи Совета, хотя и не совсем четко, определялись следующим образом:

1. Экономическая и профессиональная организация солдат и рабочих.
2. Руководство массовыми и политическими выступлениями рабочего класса, подготовка их и предварительное разрешение общеполитических вопросов, возникающих в общегородском Совете рабочих и солдатских депутатов.

3. Создание районной думы как органа местного хозяйственного самоуправления.

4. Установление постоянного контроля над деятельностью районной думы для проведения в жизнь рабочей муниципальной политики.¹

«Рабочий комитет» был превращен в «временную районную думу». С этого момента районный Совет рабочих депутатов выступал как единственный политический представитель всех рабочих Нарвского района.

ДОЛОЙ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКУЮ ВОЙНУ!

Страна, сбросившая самодержавие, с облегчением вздохнула. Наступают новые времена — новая власть установится по всей России, отовсюду выметут царскую нечисть, и тогда правительство и Советы заключат немедленно справедливый мир. Все трудящиеся сходились на одном — войне скоро конец.

Послы союзных держав настойчиво требовали от нового русского правительства подтверждения старых царских договоров. Профессор Милюков, поставленный буржуазией на пост министра иностранных дел, ответил им так, будто самолично совершил февральскую революцию:

— Русская революция произведена была для того, чтобы устранить препятствия, стоявшие на пути к победе.

Но армия и не думала идти в наступление. Изголодавшиеся и измученные солдаты устанавливали на фронте фактическое перемирие. Они втыкали в насыпи окопов белые флаги, братались с немецкими солдатами и на международном языке жестов объясняли друг другу: революция обязательно должна принести мир.

И по ту сторону окопов солдаты и рабочие с нетерпением ждали, когда русская революция расправится с войной. Кильские матросы и рурские горняки поднимались против своего тирана — Вильгельма. Солдаты французской армии целыми полками и дивизиями отказывались наступать.

¹ ЛОАОР, Фонд Петергофского районного Совета, 1917, д. № 3.

Шрапнельна

Во всех воюющих странах росло недовольство войной, в некоторых странах назревал революционный кризис, и буржуазия каждой страны стремилась поскорей закончить войну разгромом противников.

Рабочий класс России, руководимый партией большевиков, пронес знамя интернационализма незапятнанным сквозь годы империалистической бойни. Петроградский пролетариат поднимался на революцию с лозунгом: «Долой войну!» И теперь вопрос о войне волновал каждого.

Во всех общественных зданиях, театрах, клубах с утра до ночи толпился народ, жадно потянувшийся к политике. Всюду можно было достать брошюру, листовку, послушать речей своих и приезжих агитаторов, узнать свежие новости, потолковать, поспорить.

Еще более остро развернулись споры и дискуссии в цехах заводов. Во всех мастерских путиловского тридцатитысячного гиганта на самых видных местах соорудили трибуны. Ежедневно в перерывах на обед, после работ, а часто и в рабочее время площадки трибун заполнялись людьми. Там сталкивались суждения, определялись позиции, шла размежевка. Как и в многочисленных организациях района, главным вопросом было: как будет с войной?

18 марта в шрапнельном, самом молодом и самом большом цеху завода, происходил очередной митинг. У новой свежесколоченной трибуны сгруппировались рабочие всей мастерской. На трибуне находились депутаты Совета от шрапнельного цеха, явившийся по своему почину депутат лафетно-снарядной В. Петров и несколько шрапнельщиков: солдат Игнат Суданов, чернорабочий Григорий Самодед и другие. Они терпеливо ожидали своей очереди и внимательно вслушивались в каждое слово выступавших.

Депутат Копьев, меньшевик, говорил о братстве народов, расписывал ужасы, которые принесла война. Он много говорил о мире, но вывод сделал следующий: война была делом царской шайки, стремившейся к грабежу других народов. Теперь царя нет, вопрос об аннексиях снят, и народ ведет войну за свою свободу, за новую «обновленную Россию». В подтверждение своих слов Копьев ссылался на опубликованный три дня назад манифест Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. Именем Совета он призывал рабочих не слагать оружия до тех пор, пока немецкие рабочие не свергнут своих империалистов.

В заключение Копьев патетически воскликнул:

— Не отдадим демократическую Россию на растерзание немецкому империализму! Граждане-рабочие, в наших руках свобода! Не упустите ее!

Слова «империализм», «аннексия», «демократия» оглушали остальных шрапнельщиков. Редкий из них до марта 1917 года принимал участие в политической жизни. Типичный шрапнельщик был в самом недалеком прошлом крестьянином, приехавшим в город на заработки. В большом количестве работали в шрапнельной так называемые «учетчики»: городские кустари, дворники, извозчики, ставшие заводскими рабочими ради получения отсрочки по военной службе. Среди «учетчиков» было немало и чуждых рабочему классу людей: кулаков, купеческих сынков, лавочников, работавших исключительно для того, чтобы избежать фронта.

В ответ на речь Копьева из толпы шрапнельщиков послышались возгласы:

— Не выпустим свободы из своих рук!..

Меньшевик-депутат В. Петров еще сильнее Копьева подогрел оборонческие настроения шрапнельщиков: война не нужна никому, мира не надо!

все. Но как достичь мира, если кровавый Вильгельм наступает и хочет смять революционные завоевания масс. Петров заявил: победа революции — это победа над немцем.

Слово взял бывший токарь Игнат Судаков. Он рассказал шрапнельщикам, как приходилось ему воевать на фронте. Он откинул борт своей измазанной шинели и, в доказательство того, что сражался неплохо, провел рукой по георгиевским крестам всех четырех степеней, висевшим у него на груди.

Судаков говорил о том, как он мучился в окопных норах, сколько трудов он положил, чтобы попасть в тыл и как он был счастлив, когда очутился среди рабочих Путиловского завода.

— А нынче, — заявил Судаков, — я первый пойду обратно в окопы, если это нужно будет для защиты свободы.

Он говорил искренне, не понимая того, что после низвержения монархии война не перестала быть захватнической, затеянной капиталистами для грабежа других народов.

Стойвший на трибуне Григорий Самодед не выдержал. Сбивая очередь, он протиснулся вперед и заговорил резко и страстно, почти кричав:

— В этом-то и путаница! И прежде и сейчас войну ведет буржуй, капиталист. Ему требуется война! Ему выгодно, чтоб народ перебили! Войну следует немедленно прекратить!

— Как же ты прекратишь ее, когда немец прет?

— Если захотеть, так можно прекратить, — возражал Самодед. — только наверху не хотят.

Самодеду прерывали, но он не сдавался, упорно отстаивал лозунг «Долой войну!» С этим лозунгом еще до революции, в рядах путиловцев, он выходил на Петергофское шоссе. С этим лозунгом на устах в боевые дни Февральской революции он выводил солдат на улицы восставшего Петрограда. Но Самодед не мог как следует объяснить, что нужно сделать для того, чтобы кончить войну. Он долго препирался со шрапнельщиками и во всю силу своего могучего голоса кричал, что война была и есть грабительская и нужна только тем, кто ее затеял.

Митинг поручил комиссии уполномоченных от шрапнельного цеха вместе с депутатами Совета выработать текст постановления. В комиссию входили представители всех мастерских шрапнельного цеха: сборочной, термической, токарной, пулелитной, слесарноремонтной, — около ста человек. Комиссия осталась в помещении пулелитного отделения и, расставшись за верстаки, стала вырабатывать постановление.

Среди уполномоченных было несколько большевиков. Почти все они, как и Григорий Самодед, только в марте этого года вступили в партию. Они заявляли протесты, вносили поправки, но не смогли добиться, чтобы в резолюции было сказано о грабительском характере войны.

В понедельник 20 марта в шрапнельных мастерских уже висели объявления. Комиссия уполномоченных от своего имени и от имени Совета рабочих и солдатских депутатов призывала путиловцев «работать интенсивно, ибо наша работа — победа над врагом». Резолюция заканчивалась словами: «Кто не соглашается с этим постановлением, тому не нужны свобода, равенство и гражданство».

Подобную оборонческую резолюцию приняли на заводе еще две мастерских — башенная и пушечная. В небольшой башенной подобралось крепкое ядро меньшевиков и эсеров. Докладчиком был приглашен новый

председатель районного Совета меньшевик А. Кузьмин, которого эсеры и меньшевики, объединившись в блок, сумели протащить в председатели Совета. И здесь меньшевикам, после долгой дискуссии с большевиками, удалось незначительным большинством голосов провести свою резолюцию.

Угар добросовестного оборончества захватил на время некоторые слои путиловцев, только что приобщившихся к политической жизни и пока еще слепо доверявших соглашательскому Петроградскому Совету.

«Вооруженный народ — рабочие и солдаты, посылая своих представителей в Совет, смотрели на него, как на орган народной власти. Они считали и верили, что Совет рабочих и солдатских депутатов осуществит все требования революционного народа и что в первую очередь будет заключен мир.

Но излишняя доверчивость рабочих и солдат сыграла с ними злую шутку. Эсеры и меньшевики и не помышляли о ликвидации войны, о завоевании мира. Они думали использовать революцию для того, чтобы продолжить войну».¹

Большевики неустанно разоблачали откровенную ложь меньшевистско-эсеровских предателей. Ленин писал:

«...Лозунг: мы защищаем *теперь* республику в России, мы ведем *теперь* «оборонительную войну»... есть величайший обман, величайшее надувательство рабочих!! Ибо Гучков — Львов — Милюков и К^о суть помещики и капиталисты, представители *класса* помещиков и капиталистов, *империалисты*, воюющие за *те же* грабительские цели, на основе тех же грабительских договоров царизма, в союзе с *той же* империалистской, грабительской буржуазией Англии, Франции и Италии».²

В мастерских, более насыщенных кадровыми рабочими, пышные псевдо-революционные фразы эсеро-меньшевиков имели значительно меньший успех, чем в цехах, построенных в военное время. Лафето-снарядная отказалась принимать оборонческую резолюцию, несмотря на то, что в этой мастерской работало несколько лидеров заводских меньшевиков.

Меньшевик Качалов долго и пространно распинаялся перед лафетчиками:

— С одной стороны, все мы безусловно против капитализма, ибо мы социалисты. С другой стороны, мы за буржуазное Временное правительство, потому что, кроме буржуазии, сейчас некому быть у власти, а до социализма далеко, как до луны. С одной стороны, мы безусловно против войны, но, с другой стороны, разве можем мы сами, одни, прекратить мировую войну?

Его начали обрывать:

— Ты не с одной и не с другой, а скажи — как со стороны рабочего класса?

Ответа на это рабочие не получили.

Лафето-снарядная приняла резолюцию, в которой требовала от правительства: отказаться от завоевательной политики, опубликовать тайные договоры и немедленно предложить мир всем государствам, участвующим в войне. В других мастерских подобные резолюции адресовались Петроградскому Совету рабочих депутатов.

¹ История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков), Краткий курс, 1938, стр. 170—171.

² Ленин, Сочинения, т. XX, стр. 54.

Большевистские агитаторы неустанно разоблачали эсеро-меньшевистский обман. В районном комитете большевиков создавалась агитаторская коллегия. Во главе ее стоял старик Швецов, самый популярный оратор в районе. На Путиловском заводе его знал всякий, кто имел хоть малейшее тяготение к книге. Долгие годы до революции Швецов занимался распространением среди рабочих легальной литературы. При случае подсовывал запрещенную книжку или подпольный листок. Теперь, вступив в партию, Швецов целиком отдался новой, захватившей его деятельности — агитации.

Швецов определял, какому агитатору куда пойти, кому встретить ночную, кому — утреннюю смену. Он говорил товарищам по коллегии, особенно молодым: если придется толковать о продовольственном вопросе — упор нужно сделать на войну как причину усиливающегося голода.

Большевистская агитация находила все более широкий отклик в массах. Это было ясно, несмотря на бесчисленное количество оборонческих резолюций, несмотря на то, что волна добросовестного оборончества все еще продолжала отравлять сознание отдельных слоев рабочих.

«Было ясно, что доверчивому отношению народных масс к политике Временного правительства скоро должен наступить конец.

Становилось ясным, что двоевластие, сложившееся после февральской революции, не может уже держаться долго, ибо ход событий требовал, чтобы власть была сосредоточена где-нибудь в одном месте: либо в стенах Временного правительства, либо в руках Советов».¹

Английские, французские, итальянские империалисты через послов напоминали Временному правительству «об опасности возобладания крайних элементов, высказывающихся за окончание войны». Они подталкивали русскую буржуазию к тому, к чему сама она неудержимо стремилась — к единовластию.

Двоевластие, установившееся в результате февральской революции, пугало буржуазию. Ее не удовлетворяла поддержка эсеров и меньшевиков. Буржуазия знала, что при помощи одного обмана и даже при прямом пособничестве друзей-«социалистов» в настоящих условиях войны до победного конца не довести. Нужна сила, нужна власть, нужна буржуазная, генеральская диктатура. Завладеть армией — такова задача. Отколоть ее от рабочего класса. Натравить армию на рабочих. Задушить революцию — и прежде всего в столице, в Петрограде.

И поползли по всей стране усердно раздуваемые продажной буржуазной и эсеро-меньшевистской печатью слухи, что петроградские рабочие целыми днями митингуют, отказываются работать, предают армию, предают фронт, оставляют солдат — «наших геройских, доблестных воинов» — без снарядов, на растерзание немецким войскам.

В грязной черносотенной и буржуазной печати специально для фронтовиков писали, будто путиловцы требуют не меньше, чем по пяти рублей в час, в то время как солдат получает столько же в месяц. Приводились цифры уменьшения выпуска заводом орудий и снарядов. И тут же рядом печатали сведения о потерях русской армии на фронте.

Путиловские рабочие, так же как и балтийцы, семяниковцы и другие рабочие, назывались в черносотенных газетах и листовках предателями

¹ История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков), Краткий курс, 1938, стр. 175.

свободы. Эти провокационные слухи преследовали цель — дезорганизовать силы революции, разбить единство рабочих и солдат.

Толчок к провокации дали кадеты на своем съезде, открывшемся 25 марта. В речах вождей буржуазии указывалось, что фронтовых солдат следует восстанавливать против лозунгов: «Долой войну!» «Восьмичасовой рабочий день», восстанавливать против решения — оставить в столице войска, принимавшие участие в февральском перевороте.

31 марта на Путиловский завод явились три делегации для проверки слухов, распространяемых буржуазией. Самая большая солдатская делегация от 1-й армии обходила все мастерские. Всюду она предъявляла резолюцию армейского комитета, поручившего им проверить, правильны ли сведения о забастовке на заводе. Солдаты были в полном боевом снаряжении, смотрели на рабочих сумрачно и недоверчиво.

Модельщики первыми выступили против клеветы черносотенцев. Они предъявили солдатам резолюцию, принятую накануне на цеховом собрании.

«В виду распространившихся слухов среди населения и войск о том, что рабочие не хотят работать и что у рабочих разгорелись алчность и леность, обращаемся с призывом к населению и к нашим братьям-воинам — не верить подобным слухам. Эти слухи разносят темные силы защитников павшей самодержавной клики, дабы внести раздор между революционной армией и народом...»¹

После работы на заводском дворе состоялся десятитысячный митинг. Рабочие и солдаты гневно обрушились на провокаторов, пытавшихся разединить революционную армию и революционный народ.

— Кровью своей мы спаялись здесь, на улицах Петрограда, — говорили путиловцы. — И не разединить нас никакой клевете, никакой темной силе.

Солдаты-фронтовики стояли тесной кучкой человек в тридцать, вооруженные, с патронташами через плечо, с кожаными подсумками на поясах. На их лицах не было уже того выражения подозрительности и недоверчивости, с которыми они пришли на завод.

Представитель солдатской делегации произнес горячую приветственную речь. По окончании его речи сопровождавший делегацию большевик обратился к нему с вопросом:

— Почему ваши кучкой сбились? Все еще дичатся?

— Чувствуют себя виноватыми, — ответил солдат.

Он быстро сошел с трибуны. Послышалась тихая команда: «Взять патроны!» Смущенно, краснея, солдаты разрядили ружья и, точно сбросив с плеч тяжелый груз, выпрямились и повеселели.

От внимания оратора-большевика не ускользнуло то, что солдаты пришли с заряженными винтовками. Повысив голос, он сказал:

— Солдаты пришли к нам по мирному делу, но взяли с собой заряженные ружья. Думали: встретят их на Путиловском заводе пулеметным и артиллерийским огнем. Пусть же запомнят солдаты и другим передадут: что бы ни говорили о путиловцах, какую бы клевету про нас ни распускала буржуазия, что мы живых людей едим, что завод по кускам растащили, — не верь, а приходи — проверяй. Ружей, да еще заряженных, можно не брать. Они не нужны, потому что солдат мы встретим всегда, как родных братьев.

¹ «Правда» № 22, 31 марта 1917 г.

— Приходите почаще, — обратился оратор к солдатам, все еще стоявшим кучкой. — На заводе вы скорее поймете, кто по-настоящему стоит за свободную Россию, а кто хлопочет о своей корысти. «Чудо-тыловики» повсюду кричат: «Война до победы!» Вашей кровью хотят они добыть себе золото и отстоять свою власть. Они мечтают сделать армию своей, чтобы, как при царе, можно было посылать ее против рабочих. Но этого никогда больше не будет.

Митинг принял большевистскую резолюцию. Путиловцы требовали от Временного правительства, чтобы оно приняло меры к прекращению провокационных слухов и официально объявило, что сведения о забастовке на Путиловском заводе «являются гнусной ложью». Резолюция объявляла буржуазной прессе бойкот и приглашала всех петроградских рабочих и солдат присоединиться к бойкоту.

Призыв путиловцев был подхвачен другими столичными предприятиями. Несколько дней спустя собрание военной организации большевиков также присоединилось к резолюции путиловцев, и по воинским частям Петрограда начался бойкот буржуазной печати.

Временное правительство отмалчивалось. Не в его интересах было разоблачение буржуазной газеты «Речь», акционерами и сотрудниками которой были сами министры. Напротив, через телеграфные агентства было распространено по всей России новое лживое сообщение о вооруженной демонстрации Петроградского полка, якобы происшедшей на Путиловском заводе.

Слухи и клевета ползли и множились. В результате на петроградские заводы стали являться десятки делегаций из частей Петроградского гарнизона, с фронта и прифронтовых районов. В течение апреля ежедневно на Путиловском заводе бывала какая-нибудь группа солдат. Случалось, что в один день приходило по пять делегаций. Приезжали фронтовики от 532 Волоколамского полка, от 10-й пехотной дивизии, от 2-й артиллерийской бригады, от матросов Балтийского флота, от 1-го Туркестанского инженерного полка, от 13-го уланского полка, от войск Северного фронта, от десятков воинских частей с передовых позиций.

Солдат принимали цеховые большевистские коллективы или избранные в мастерских старосты. Районный комитет большевиков обязал членов партии принимать делегатов со всем почетом и вниманием, не досадуя на подробные расспросы, не отмахиваясь от делегаций, сколько бы их ни приезжало.

Терпеливо и настойчиво объясняли большевики солдатам, что путиловцы, всегда выступавшие против грабительской войны, и теперь стоят за мир, но работы продолжают. Не прекращением хода производства народ добьется мира. Пусть солдаты поймут, в чьих интересах ведется война. Разве правительство буржуазии может хотеть мира? Разве разорвет оно договоры с союзниками, с которыми связано кровавыми узами, разве откажется от совместного с ними захвата и грабежа чужих земель?

Заводский комитет, организовавший 15 апреля, выделял проводников войсковым делегациям. Чаще всего проводниками служили тарутины, измайловцы, павловцы и пулеметчики, работавшие на заводе.

Делегатов водили по цехам завода. Огромные мастерские, в которых работали тысячи рабочих, непрерывный грохот станков и молотов производили на солдат, в большинстве из крестьян, потрясающее впечатление.

На митингах представители заводского комитета и цеховых большевист-

ских коллективов приветствовали фронтовиков. Трибуны окружали знамена и плакаты. В новоснарядной к оборонческому лозунгу «Солдаты в окопы, рабочие к станкам» было дописано: «а господа капиталисты к сундукам». В вагонной солдаты читали лозунг: «Буржуа в окопы!»

Обойдя завод, солдатские делегации приходили в заводский комитет и писали единодушные отзывы и резолюции.

Первая делегация: «Эти слухи, ползущие как ядовитые змеи из темных подпольев, куда забились черные вороны, ползущие по всему фронту, мы рассеиваем нашим авторитетным и убедительным словом...»

Девятая делегация: «Убедились воочию, что вся травля, пущенная в ход врагами пролетариата, основана на лжи и клевете...»

Тридцать шестая делегация: «Если и бывали задержки, то только по вине администрации завода, которая ведет втайне саботаж и старается натравить солдат на рабочих...»¹

Делегаты уезжали обратно. Они увозили с собой не только уверенность в том, что на Путиловском заводе работы производятся полностью, но и сомнения — надо ли продолжать войну.

Впечатления от двух-трехдневного пребывания на заводе резко меняли отношение фронтовиков к большевикам, к войне. Многие из них именно здесь впервые знакомились с «Правдой», которую офицеры не пропускали на фронт, задерживали в штабах. В заводском комитете солдат снабжали литературой и пачками «Правды». Фронтовики уезжали с твердым убеждением: надо прислушиваться к голосу рабочих, не верить буржуазии.

В ответ на солдатские делегации, путиловцы решили послать группу рабочих с подарками на фронт. Среди путиловской делегации были и большевики, и меньшевики, и беспартийные. Через две недели, во второй половине апреля, с участка фронта, где были путиловцы, пришло письмо Петергофскому Совету рабочих депутатов:

«Товарищи рабочие! Куда вы смотрите? Новое правительство ведет Россию по старому пути, все министры... кричат о продолжении войны. Они этим угрожают только Англии, Россию же они толкают в пропасть. Надо арестовать этих провокаторов-министров и как можно скорее заключить мир. Требуйте мира во что бы то ни стало». ²

Попытка буржуазии посеять семена раздора между рабочим классом и армией потерпела неудачу. Наоборот, связи рабочих с армией укреплялись. В Петрограде полки самочинно прикреплялись к заводам. Выборгская сторона связалась с 1-м пулеметным полком. Обувная фабрика «Скороход» имела тесную связь с волынцами. Путиловский завод — с Павловским и Измайловским полками. Возникла мысль об обмене знаменами между рабочими и солдатами в знак единения. Эта мысль впоследствии была осуществлена скороходовцами и путиловцами, а связь закрепились общими выступлениями против контрреволюции.

В основном вопросе, «который покрывал все», в вопросе войны и мира — рабочие проясняли сознание солдат, привлекая их на сторону подлинных борцов за мир без аннексий и контрибуций, за прекращение империалистической войны.

¹ Материалы Ленинградского института истории ВКП(б), Фонд Кировского завода.

² ЛОАОР, Фонд Петергофского районного Совета, 1917, д. № 31.

Еще задолго до революции вождь пролетариата Ленин писал:

«Миллионы, которые голодают, миллионы, которые жертвуют своею жизнью в окопах, они не только страдают, но и собирают силы, размышляют об истинных причинах войны, закаляют свою волю и приходят к все более и более ясному революционному пониманию».¹

ПРИЕЗД ЛЕНИНА

Каждый день в помещении комитета большевиков Нарвского района (Новосивковская улица, дом № 23) сходились активные работники организации. Приходили депутаты Совета, руководители профессиональных союзов, заводских комитетов, политического клуба, боевики-дружинники и партийные организаторы многочисленных цехов Путиловского завода. Кузнецы, слесаря, машинисты и строгальщики — все они были рядовыми агитаторами большевистской партии. Они приходили в комитет после бурных заводских митингов, после непрерывных сражений с эсерами и меньшевиками, чтобы поделиться впечатлениями пережитого дня, узнать последние политические новости, наметить пути на будущее. И всякий раз их мысль немедленно направлялась к тому, кто был душой, организатором и вождем большевистской партии — к великому Ленину. Каждый напряженно ждал от вождя партии его всегда четких директив, ясного анализа современной обстановки, его статей простых и мудрых, которые служили партии и рабочему классу верным компасом в долголетней борьбе со всеми врагами трудящихся.

И вот пришло первое ленинское «Письмо из далека».

21 марта агитаторы собрались в комитете большевиков раньше обычного. Каждый держал в руках газету «Правда», где была напечатана часть ленинского письма. Радостно и возбужденно встретили путиловские большевики письмо Ленина. Старые участники революционной борьбы, они гордились своим вождем, который, находясь за границей, сразу сумел правильно оценить обстановку и гениально наметить перспективы дальнейшего развития революции.

На агитаторской коллегии разобрали первую часть письма, опубликованную в этот день в «Правде». Решили: на сегодняшних же митингах сообщить рабочим, что Ленин прислал письмо, в котором призывает рабочих и всех трудящихся продолжать борьбу за мир, хлеб и свободу, призывает не верить буржуазному Временному правительству, а вести революцию вперед — от первого ко второму этапу. Подробное обсуждение письма на заводах перенести на завтра, когда будет опубликовано окончание письма.

Агитаторы разошлись, окрыленные и обогащенные ленинским письмом. А на следующий день — после обсуждения в цехах — с «Правдой» в руках снова явились в районный комитет.

Весь вечер 22 марта путиловские большевики пункт за пунктом обсуждали первое «Письмо из далека». Перед ними вставали величественные перспективы борьбы. Ленин давал программу действий. Письмо ярким светом освещало пройденный путь — короткий, но богато насыщенный событиями.

¹ Ленин, Сочинения, т. XIX, стр. 20.

Становилось понятным, почему «...телега залитой кровью и грязью Романовской монархии могла опрокинуться сразу», ¹ почему так быстро победила революция. Окончательно стало ясным, что Временное правительство — правительство буржуазии и помещиков — не может дать народу мир, хлеб и свободу. Глубоко врезались в сознание слова Ленина: «...Рабочие, вы проявили чудеса пролетарского, народного героизма в гражданской войне против царизма, вы должны проявить чудеса пролетарской и общенародной организации, чтобы подготовить свою победу во втором этапе революции». ²

Письмо Ленина стало краеугольным камнем большевистской агитации и всей деятельности большевиков в районе. Номера «Правды», в которых напечатано письмо, были главным пособием большевиков-агитаторов. Членам Совета — большевикам районный комитет дал директиву еще энергичней работать в Совете, завоевать на свою сторону беспартийных депутатов, отбивать попытки эсеро-меньшевистского блока, свести задачи Совета к роли органа местного самоуправления.

Вскоре после получения ленинского письма, 3 апреля, по всем рабочим районам революционной столицы, по всем казармам петроградского гарнизона разнеслась радостная весть: сегодня вечером из-за границы в Петроград приезжает вождь рабочего класса — Владимир Ильич Ленин.

В Нарвском районном комитете большевиков известие принял по телефону дежурный Иван Генслер. Вся партийная организация заставы собралась в этот день в пустующем помещении старой путиловской церкви, превращенной в митинговую аудиторию, чтобы выслушать отчеты Петербургского и районного комитетов и произвести перевыборы руководящего партийного органа района. Генслер, оставив взамен себя другого дежурного, отправился на собрание передать всем членам партии волнующее известие о приезде Ленина.

Было четыре часа дня. Генслер пришел в самый горячий момент: доклады только что закончились, и обсуждался вопрос о текущих задачах партии.

Генслер услышал имя Ленина — один из ораторов ссылался на него, цитировал первое «Письмо из далека» и давал разъяснения по поводу второго этапа революции, к которому Ленин призывал готовиться.

Генслер сообщил в президиум о предстоящем сегодня приезде Ленина. Через мгновение зал возбужденно загудел. Посыпались вопросы — на какой вокзал и когда прибывает поезд. До прибытия поезда оставалось еще несколько часов. Но прения по докладам сами собой прекратились, и собрание решено было закончить. Избрали только районный комитет и разошлись с тем, чтобы вечером организованно пойти встречать Ленина. Генслеру поручили организовать колонну путиловских рабочих. Командиру путиловской боевой дружины дали задание — собрать своих людей, поставить их в голове колонны, чтобы Ильич увидел, что его лозунг «вооружение пролетариата» начинает выполняться.

Свыше двух тысяч путиловцев двинулось к Финляндскому вокзалу встречать Ленина. Впереди растянувшейся толпы шли вооруженные путиловские дружинники. По дороге к путиловцам присоединились работницы «Треугольника» и рабочие других заводов Нарвской заставы.

¹ Ленин, Сочинения, т. XX, стр. 14.

² Там же, стр. 49.

У Финляндского вокзала к приходу путильцев собрались уже огромные толпы рабочих, солдат и матросов. Из всех районов столицы прибывали все новые колонны, и вскоре все переулки и прилегающие улицы были запружены людьми. Путиловцы стояли слева от вокзала — рядом с пришедшим в полном вооружении броневым дивизионом. Солдаты дивизиона говорили с гордостью: «Мы приготовили для Ленина стальную трибуну» и указывали на бронемашину, поставленную напротив входа в вокзал.

В напряженном ожидании толпа то смолкала, то вновь начинала шуметь. Каждый случайно прогрохотавший паровоз вызывал новую волну восклицаний: «Приехал, приехал!»

Волнуясь, с нетерпением ждали Ильича тысячи петроградских рабочих, солдат и матросов. Среди них были и те, кто помнил Ленина юношей, когда он в рабочих районах Петербурга собирал по одному передовых рабочих, закладывая фундамент пролетарской партии. Петербургские пролетарии помнили его — вождя революции, воодушевлявшего их в 1905 году на решительный штурм самодержавия. Они помнили его боевые призывы к борьбе в годы реакции и нового революционного подъема, его статьи в «Правде», которые всегда вселяли бодрость и уверенность в победу. Тысячи глаз напряженно следили, когда откроются широкие вокзальные двери и появится великий Ленин, родной и близкий Ильич.

Наконец этот долгожданный момент наступил. Окружен-

КРАСНАЯ ГВАРДИЯ Нарвского Района. ТОВАРИЩИ.

НАША СИЛА ВЪ ОРГАНИЗАЦИИ. СПЛОТИМСЯ ЖЕ ВЪ ЭТИ МОЩНЫЕ РЯДЫ: СОЗДАДИМЪ СИЛЬНУЮ БОЕВУЮ ОРГАНИЗАЦИЮ, КОТОРАЯ ДОЛЖНА СТАТЬ ОПЛОТОМЪ РЕВОЛЮЦИОННАГО РАБОЧАГО КЛАССА. ПРИЗЫВАЕМЪ ВАСЪ, ТОВАРИЩИ, ЗАПИСЫВАТЬСЯ ВЪ КРАСНУЮ ГВАРДИЮ.

НАША РАБОЧАЯ ГВАРДИЯ, КАКЪ АВАНГАРДЪ ПРОЛЕТАРИАТА, ДОЛЖНА СОСТОЯТЬ ИЗЪ ОТБОРНЫХЪ И НАДЕЖНЫХЪ ЛИЦЪ. ВЪ НЕЕ ДОЛЖНЫ ВОЙТИ ЦВЕТЬ РАБОЧАГО КЛАССА. ПОЭТОМУ НЕОБХОДИМО ИМѢТЬ ГАРАНТИЮ, ЧТО ВЪ ЕЯ РЯДЫ НЕ ПОПАДУТЪ НЕДОСТОЙНЫЕ ИЛИ КОЛЕБЛЮЩИЕСЯ ЛЮДИ. КАЖДЫЙ, ЖЕЛАЮЩИЙ ЗАПИСАТЬСЯ ВЪ КРАСНУЮ ГВАРДИЮ, ДОЛЖЕНЪ БЫТЬ РЕКОМЕНДОВАНЪ РАЙОННОЙ ПАРТИЙНОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦІЕЙ, ТОЛЬКО СЪ ТАКИМИ РЕКОМЕНДАЦІЯМИ БУДУТЪ ПРИНИМАТЬСЯ ВЪ ЧЛЕНЫ НАШЕЙ НАРОЖДАЮЩЕЙСЯ СЕМЬИ. ВЪ ЧЛЕНЫ ПРИНИМАЮТСЯ ЛИЦА НАЧИНАЯ СЪ ПРИЗЫВНОГО ВОЗРАСТА

ЖЕЛАЮЩЕ ВСТУПИТЬ ВЪ КРАСНУЮ ГВАРДИЮ, ДОЛЖНЫ ПРЕДВАРИТЕЛЬНО ВЗЯТЬ РЕКОМЕНДАЦІЮ (ПИСЬМЕННУЮ) ОТЪ ОДНОЙ ИЗЪ СЛѢДУЮЩИХЪ ОРГАНИЗАЦІЙ:

НАРВСКИЙ РАЙОННЫЙ КОМИТЕТЪ Р. С.-Д. Р. П. НОВО-СИБИРСКАЯ, № 23;

НАРВСКИЙ МЕЖДУРАЙОННЫЙ КОМИТЕТЪ С.-Д. ОБЪЕДИНЕННЫХЪ, ПЕТЕРГОФСКОЕ ШОССЕ, № 2,

или въ ЗАВОДСКОМЪ ПАРТИЙНОМЪ КОЛЛЕКТИВѢ КАКОЙ-ЛИБО ИЗЪ ПЕРЕЧИСЛЕННЫХЪ ПАРТІЙ. ВСЕМЪ ДѢЛОМЪ ОРГАНИЗАЦИИ КРАСНОЙ ГВАРДИИ ВЪЛАДЕЕТЪ БЮРО, СОСТОЯЩЕЕ ИЗЪ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХЪ ПАРТІЙ ПО 2 ОТЪ КАЖДОЙ, И ИЗЪ 2 ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ОТЪ САМОЙ КРАСНОЙ ГВАРДИИ.

ЗАПИСЬ ВЪ ЧЛЕНЫ КРАСНОЙ ГВАРДИИ ПРОИЗВОДИТСЯ ЕЖЕДНЕВНО ОТЪ 4 ДО 7 ЧАСОВЪ ВЕЧЕРА ПО ПЕТЕРГОФСКОМУ ШОССЕ, № 2, КВ. № 4.

Возвращение об организации Красной гвардии (апрель 1917 г.)

ный соратниками и друзьями, Ленин вышел из дверей вокзала, приветствовался и взмахнул шляпой, приветствуя рабочих и солдат революционного Петрограда. Толпа дрогнула. Многотысячное «ура!» прокатилось по площади. Путиловские дружинники развернули принесенный плакат — «Привет Ленину» — и застыли, как на параде.

Ленин взобрался на броневик. Площадь затихла. Два ярких луча прожектора прорезали апрельские сумерки, скользнули по темному небу, по площади, залитой людьми, и сошлись над броневиком, освещая коренастую, крепкую фигуру Ленина.

Загремели оркестры. Мощный гул приветствий прокатился по площади: «Да здравствует Ленин!», «Привет Ильичу!», «Привет вождю рабочего класса!»

С напряженным вниманием слушали речь вождя тысячи пролетариев и революционных солдат столицы. Простая и величественная, она проникала в сердца людей, звала к суровой борьбе за освобождение трудящихся от гнета капитализма, от нищеты и ужасов грабительских войн.

В бурном ликовании двинулись толпы провожать Ленина от Финляндского вокзала к помещению Петербургского комитета большевиков — дворцу Кшесинской на Петроградской стороне. Шли с революционными песнями, высоко подняв красные знамена.

Прожекторы Петропавловской крепости и прожекторной роты освещали путь следования. За броневиком, на котором ехал Ленин, шла необъятная толпа рабочих. У помещения Петербургского комитета рабочие долго не расходились. И здесь снова слушали они речи Ильича.

Возвратились путиловцы за Нарвскую заставу лишь под утро.

В районном комитете царило необычайное возбуждение. Сошлись все агитаторы и партийные организаторы. Никто не думал о том, чтобы пойти домой. Каждый понимал, что наступает новый этап борьбы, что отныне работу надо строить по-иному, что впереди огромные задачи, которые надо будет решать в боях против буржуазии, против соглашателей, ставших сейчас самыми опасными врагами развертывающейся революции.

7 апреля в «Правде» были опубликованы исторические Апрельские тезисы Ленина. Тезисы давали четкую оценку обстановки, служили боевой программой действий, вселяли в ряды партии и рабочего класса веру в победу, давали ясный и точный ответ на все важнейшие вопросы стратегии и тактики партии в момент перехода «... от первого этапа революции, давшего власть буржуазии... ко второму ее этапу, который должен дать власть в руки пролетариата и беднейших слоев крестьянства».¹

В среде путиловских большевиков развернулось широкое обсуждение задач и тактики партии. 9 апреля в путиловской столовой состоялось общее собрание большевистской организации Нарвской заставы, посвященное обсуждению тезисов Ленина.

Единодушно и горячо были приняты ленинские тезисы на собрании путиловских большевиков. Это свидетельствовало о том, что закаленная в долголетней борьбе путиловская организация, как и вся партия большевиков, была вполне подготовлена к борьбе за всемирно-историческую задачу, поставленную Лениным, — к борьбе за пролетарскую социалистическую революцию.

¹ Ленин, Сочинения, т. XX, стр. 88.

АНТОН ВАСИЛЬЕВ

После высылки из Петербурга в конце 1913 года Антон Васильев уехал в Ригу — город вполне заслуживавший того, чтобы прожить в нем столько, сколько позволит местная полицейская власть. Васильев обосновался в Риге, поступил токарем в мастерские электрического общества, но не оставил мысли при первой возможности вернуться в Петербург.

В день объявления войны, в июле 1914 года, Антон по собственной инициативе, с помощью друзей устроил в мастерских антивоенный митинг. Митинг прошел удачно — рабочих было много, и ни один голос не поднялся в защиту грабительской войны. Антон был доволен своим выступлением и с гордостью сообщил рижскому комитету большевиков о митинге. Оставаться, однако, в Риге из-за усилившейся слежки Антон не мог. Он уехал в Петроград. Но и в родном городе ему не удалось осесть, даже нелегально. Незадолго до этого произошли крупные провалы, ежедневно кого-нибудь забирала полиция, и работать в Питере было еще опаснее, чем в Риге. Списавшись с товарищами, Антон укатил на Урал, продержался там несколько месяцев и снова уехал в другое место. Так, скрываясь от полиции, под чужой фамилией два года кочевал он из города в город, с завода на завод. В конце 1916 года попал в Ростов-на-Дону. Приехал он туда без связей, без денег, с одним лишь старым сундучком, в котором было все его богатство — праздничный костюм, белье, книги.

В Ростове Антон связей так и не нашел. Единственная явка, которой он предварительно заручился, как оказалось, давно уже провалилась. И Антон решил поступить по испытанному способу: наняться на один из местных заводов — благо в токарях нужда — подзаработать малую толику денег и двигаться поближе к Питеру. В конце концов там скорее всего можно будет достать явку куда-нибудь в другой город.

Работал Антон на заводе «Акса́й» под именем Михалева. В мастерской держался тихо, замкнуто, ничем себя не выдавая. Только самые близкие соседи по станку иной раз поражались коротким, но достаточно ясным отзывам этого скромного токаря о войне и власти. Между собой они поговаривали, что этот новый токарь должно быть стреляная птица — скрывается, — и добросовестно оградяли Михалева от внимания мастера и чрезмерно любопытных рабочих.

Революция застала Антона в Ростове. Он уже собирался выехать в Питер, но события закружили его. Молчаливый Михалев исчез, преобразился в опытного агитатора. Он часто появлялся на заводских митингах, горячо нападал на политику Временного правительства, продолжавшего грабительскую, захватническую войну. Рабочие оценили Михалева, выбрали его в Совет рабочих депутатов и одновременно в свой заводский комитет.

Неоднократно в сутолоке собраний и митингов Антон спрашивал себя: какова тактика партии? Раньше он всегда был в курсе всех вопросов партийной жизни. Но теперь сведения из столицы поступали скудно, а те сообщения, что печатались в местной прессе, были изрядно перевернаны. Славословия по адресу нового правительства сладкой патокой заливали ростовские газеты.

Антон возмущался благодушно-сентиментальной восторженностью вы-

ступавших в Совете депутатов. Его речи были резки. Он спрашивал: неужели революционная работа закончена и установилось всеобщее благоденствие? Ведь ничего еще не сделано, ни одно революционное требование не удовлетворено. На одном из заседаний, заканчивая свою речь, Антон бросил:

— Да здравствует диктатура пролетариата!

Этот лозунг взорвал собрание. На Антона обрушились со всех сторон. Депутаты Совета от армии, почти сплошь офицеры и вольноопределяющиеся, засвистали, зашпикали. Добрый десяток ораторов, один вслед за другим, стали всячески поносить Михалева. Одни говорили о его выступлении как о мальчишестве, другие обвиняли в политическом недомыслии, третьи называли бешеным, сумасбродным анархистом.

Антон призадумался: не напутал ли с диктатурой?

Он пришел домой, вытащил из сундучка литературу и всю ночь читал, прикидывал, взвешивал, вновь перечитывал и пришел к выводу: «Как будто правильно, цель — диктатура пролетариата».

На следующий день в ростовских газетах выступление Михалева стало темой фельетонов газетных борзописцев. Михалева называли безумцем, место которому не в представительном учреждении, а в сумасшедшем доме. На собраниях Совета под благовидным предлогом Антону начали отказывать в слове. Ораторы из интеллигентов побойчее ссылались на его речь как на образец политического безумства.

Антон махнул рукой:

— Поеду-ка в Питер.

Он явился к председателю Совета и заявил:

— Атмосфера для меня создана невозможная. Решил уехать домой.

Председатель обрадовался:

— Вот и хорошо. Катись со своей диктатурой...

В конце марта Антон Васильев приехал в Петроград. С сундучком за плечами, он с трудом пробрался сквозь запруженный людьми вокзал и вышел на площадь.

В мутной дымке утреннего тумана чуть проступал золотистый Адмиралтейский шпиль. Антон вспомнил старый Петербург, столичный царский город, вспомнил то время, когда он как затравленный петлял по улицам, пробираясь на заседания Петербургского комитета, когда перетаскивал шрифт, любовно запакованный в мешочки, или стоял у полуподвальных окон типографии, стремясь постичь тайны наборного дела.

Антон решил пойти пешком — пересечь весь город от Невского проспекта через Садовую до Нарвской заставы. Он поступал так всякий раз, приезжая в Петроград после длительного отсутствия: было любопытно и приятно отмечать происшедшие в городе перемены. Антон пошел медленным шагом, оглядывая обе стороны широкой улицы. Его внимание остановили объявления, расклеенные на столбах и на стенах домов. Это были — обращение общественного градоначальника к гражданам о сдаче оружия и объявление продовольственной управы о том, что в связи с уменьшением подвоза продовольствия хлебный паек уменьшен до одного с четвертью фунта в день.

Так из первых же объявлений Антон Васильев познакомился с некоторыми сторонами столичной жизни. На каждом шагу встречались все новые обращения Совета, воззвания партий кадетов, меньшевиков, эсеров, народных социалистов и многих только что народившихся органи-

пий. Тут были воззвания союза георгиевских кавалеров, общества квартирохозяев, союза мелких торговцев, группы под туманным названием «Свобода и порядок». Увечные воины и домовладельцы, беспартийные кооператоры и лавочники возвещали о созданных ими организациях и в один голос твердили о демократии, о свободе.

Особенно витиевато и напыщенно было одно воззвание какой-то буржуазной группы «демократической свободы». Антона охватила злоба. Было время, когда все эти трусливые дрябленькие людишки прятались по норам, создавали свое мелкое мышинное благополучие, а теперь они вылезли — проповедниками демократии. Больше всего злило Антона то обстоятельство, что они выпускали бесчисленное множество листовок. Выпустить листок для Антона означало вложить в него свою кровь, мозг, чувство, всего себя. Сколько раз приходилось ему печатать и писать листовки, и всегда это было — горенье, борьба. А тут, в тысячах бумажек, бесстрастные люди вещали о справедливости и гражданском долге и прятали свое холодное равнодушие за мишуру адвокатского многословия.

В витринах магазинов Антон увидел портрет Керенского с надписью «первый министр-социалист свободной России». Керенский смотрел с портрета своими бесцветными глазами, в раз навсегда украденной наполеоновской позе. Перед Антоном завертелись демократы и социалисты, министры и думские депутаты. В витринах каждого магазина были вывешены портреты властителей «новой России». Перед ним как будто снова развернулись страницы буржуазных газет, преследовавших его на каждой станции. И когда портреты стали повторяться, как раньше листовки и воззвания, Антон перестал подходить к витринам и пошел быстрее.

Возле Калинкина моста ему попался большевистский листок с подписью: «Комитет Р. С.-Д. Р. П. большевиков Второго городского района». Чем ближе подходил он к Нарвской заставе, тем больше было своих рабочих листовок. Впечатление от Невского проспекта стало сглаживаться, а у Нарвских ворот окончательно рассеялось — застава была родной. Это Антон почувствовал сразу.

И снова на него повеяло недавним, но так далеко ушедшим временем. Сколько раз бегал он по кривым улочкам заставы, собирая небольшую горстку партийцев. Как часто — тринадцать раз — полиция то уводила его отсюда в тюрьму, то угоняла в ссылку в Печору или другие отдаленные места. И вот он опять у себя, в родимых местах, за Нарвской заставой у Путилова завода.

Антон почувствовал необыкновенный прилив сил — хоть сейчас в комитет. Но было еще рано, и он пошел к сестре. А через три часа в праздничном костюме, побритый и свежий явился во дворец Кшесинской — в Петербургский комитет большевиков. Представился как бывший член ЦК. Разговор был короткий:

- Где работали раньше? — спросили у Антона.
- На Путиловом.
- Так идите опять туда, там как раз работников не хватает.

В районном комитете Антона встретили с распростертыми объятиями: — Во-время приехал, организаторы нужны дозарезу. — И не давая ему опомниться, сразу же дали ему поручение — создать на Путиловском заводе рабочий заводский комитет.

Антон удивился: неужели на Путиловском заводе нет своего рабочего

комитета, организации, которая создана на каждом предприятии даже в провинции. Но Петерсон на это сказал:

— Установи контакт с нашей фракцией в Совете рабочих депутатов. Там узнаешь все, убедишься, что в этом деле единственной преградой являются оборонцы из районного Совета. Они, захватив в Совете большинство, боятся всяких новых выборов в районе.

Создать заводский комитет на Путиловском заводе было делом большой трудности. Эсеры и меньшевики, возглавлявшие (в марте-апреле) районный Совет рабочих депутатов, препятствовали созданию заводского комитета. Устойчивого положения на заводе у соглашателей не было. За меньшевиками шла лишь одна пушечная мастерская, эсеры имели влияние в одной только башенной мастерской. Пока заводского комитета не существовало, соглашатели, возглавляя районный Совет, являлись единственными представителями Путиловского завода, имя которого так авторитетно в рабочих кругах. Будет заводский комитет — представительство отойдет к нему.

Зная это, меньшевики и эсеры всеми силами сопротивлялись организации заводского комитета. Они сознательно и откровенно стремились дробить силы завода по мастерским, не давая сложиться цельному и единому действующему коллективу путиловцев.

Перед Антоном Васильевым, Анатолием Богдановым и другими путиловскими большевиками районный комитет поставил задачу: организовать заводский комитет снизу. Они энергично взялись за работу, связались с депутатами Совета, беседовали с рабочими, собирали цеховых старост, выясняли, как работают примирительные камеры. Антон Васильев, не выкладывая сразу своих соображений, прощупывал настроения собеседников, а потом неожиданно ставил вопрос в лоб: нужен заводский комитет или нет? Нужен! Так почему же его до сих пор не организовали?

Люди задумывались: в самом деле, почему до сих пор не организовали заводский комитет? И они соглашались, что это нужно сделать как можно скорее.

После того как почва была подготовлена, Васильев пришел в районный партийный комитет и доложил:

— Время для прямой атаки наступило. Позиции меньшевиков шатки. У них один довод — не следует, мол, обострять классовую борьбу с капиталом. Но с этим доводом к рабочему они не сунутся, рабочий этого довода не примет. У меньшевиков, следовательно, остаются только увертки. Поэтому надо действовать решительно — в упор потребовать от Совета организации заводского комитета. Совет должен будет сдаться. Если он заупрямится — в два дня все сделаем сами. Внизу почва готова.

В районном комитете план одобрили. Васильев вместе с Анатолием Богдановым направился к руководителям Совета для решительного объяснения.

Встреча с председателем Совета А. Кузьминым произошла в присутствии членов президиума Совета — В. Петрова, С. Корнеева и А. Синицына. Большевики начали издали. Как представители Нарвского комитета большевиков они уполномочены поставить вопрос об улучшении работы районного Совета рабочих депутатов. В самом деле, Совету приходится заниматься профессиональными делами, улаживать конфликты между рабочими и мастерами, вести контроль за деятельностью путиловской

администрации и т. д. Не имея возможности охватить все стороны заводской жизни, Совет вынужден был отказаться от вмешательства во внутренние дела завода. Но депутатам-большевикам все-таки пришлось взять на себя функции контроля за увольнением рабочих, ибо эта сторона безусловно подлежит рабочему контролю.

— Неясно также, кто должен заниматься другими вопросами, не попавшими в сферу деятельности Совета, например о рациональном использовании топлива и металла. Работа на заводе идет плохо, стоят станки, не работают люди. Буржуазные газеты обвиняют рабочих в лодырничестве, а ведь известно, что рабочие стоят не по своей вине. Совет не занимается производством, он не может поэтому проверять, почему создаются условия для простоя. А за этим обязательно надо следить. Буржуазию надо бить ее же оружием — знанием производства.

— Кстати, сейчас поднимается тарифная волна. Каждая группа рабочих выдвигает свои требования. Их надо бы объединить. Опять задача — кому этим заняться.

Меньшевик Кузьмин понял, что от этих напористых рабочих так просто не отделаешься. Они говорят о заводском комитете, ни разу не произнося этого слова. Сдерживаясь, Кузьмин отвечал им с дипломатической вежливостью. Он-де согласен с представителем большевистского комитета: районный Совет еще далек от того идеала рабочей организации, к которой стремятся все социалисты. Однако он не разделяет напрасного беспокойства большевиков. Надо полагать, что доверенные люди рабочего класса найдут пути и выходы. Не следует только торопиться. Всякому овощу свое время.

Кузьмин беспокойно оглядывался на членов президиума, ища у них поддержки. Но Степан Корнеев заявил твердо, что понял большевистских представителей именно так, как они говорят: нужен заводский рабочий комитет. Совет рабочих депутатов должен заняться, прежде всего, своей основной работой. По лицу эсера Сеницына можно было заметить, что он полеблелся. Петров стоял хмурый и злой. После недолгого молчания Кузьмин сердито сказал:

— Создание комитета было признано нежелательным, но если наметились обстоятельства — следует подумать.

Анатолий Богданов поставил вопрос прямо:

— Будет заводский комитет или нет?

— Надо полагать, будет, — сердито бросил Кузьмин.

— Когда?

— В свое время.

— Выборы должны начаться не позже, чем через пять дней.

— Не выйдет это.

— Они начнутся, имейте в виду. Все уже готово.

Это было сказано твердо. Кузьмин понял, что выборы будут и что начнутся они помимо Совета не позже чем через пять дней, если он не даст своего согласия. Кузьмин сообразил, что при такой ситуации остается хотя бы захватить инициативу в свои руки. Он обещал решить этот вопрос на завтрашнем пленарном заседании Совета.

На следующий день состоялось заседание Петергофского Совета рабочих депутатов. Меньшевикам не дали даже возможности выступать против создания заводского комитета. Без особых прений было принято решение: выборы заводского комитета на Путиловском заводе произвести

между 10 и 14 апреля. В качестве организаторов избирательных округов послать членов Совета.

На заводе было создано девять избирательных округов. Все представители Совета, которых Кузьмин направил в округа, были или меньшевики, или эсеры. Он надеялся хотя бы таким путем увеличить шансы соглашателей на выборах. Девять дней шла в цехах ожесточенная борьба. Силы всех организаций были брошены на агитацию за своих кандидатов. Большевики, несмотря на свою неуверенность, хвастали:

— Избирательная урна покажет, что масса идет за нами.

Выборы происходили последовательно, округ за округом, в течение пяти дней. Около избирательных помещений собирались толпы. Избирательная процедура была такой же, как и на больших парламентских выборах.

В дни выборов Антон Васильев и Анатолий Богданов неотлучно находились в цехах. Вместе с урнами они передвигались из одного округа в другой, везде выступали, защищая большевистских кандидатов.

В голосовании приняло участие свыше 90 процентов всего числа путиловцев. Избирательная урна показала, что рабочая масса совсем не поддерживает эсеров и меньшевиков. Среди двадцати двух избранных членов заводского комитета были всего два эсера, один меньшевик-интернационалист, один анархист. Шесть членов заводского комитета были большевики, остальные двенадцать — беспартийные, из них семеро сочувствовали большевикам. Этого было достаточно, чтобы обеспечить в заводском комитете большевистскую линию.

Выборы показали, что меньшевикам и эсерам было значительно труднее продвинуть своего человека в рабочую организацию, нежели провести десяток своих резолюций. Рядовые рабочие, не разбираясь в тонкостях формулировок, легко могли поднять руку за резолюцию, в которой было хотя бы одно приемлемое требование. Когда же дело доходило до выборов, рабочие выдвигали людей деловых, авторитетных, известных своей революционной работой в прошлом, способных отстаивать рабочие интересы. Таким кандидатам отдавали путиловцы свои голоса, а такие кандидаты либо были большевиками, либо примыкали к большевикам.

Председателем заводского комитета Путиловского завода единогласно был избран Антон Ефимович Васильев.

ЗАВОДСКИЙ КОМИТЕТ

Правительственное правление общества Путиловских заводов, назначенное еще при царе, не претерпело никаких изменений при новой власти. Год назад генералы и сановники пришли на завод, чтобы ввести на нем военные порядки, обуздать рабочих, превратить их в солдат тыловой армии. Сделать это им не удалось. Зато они многого добились в другом порученном им деле — в деле превращения завода в крупнейшего поставщика пушек и снарядов.

За двенадцать месяцев со дня взятия Путиловского завода в управление казны, с марта 1916 года, правительственное правление сумело до предела сократить производство паровозов (до одного в месяц), вагонов, экскаваторов, рыночной стали и проката. Артиллерийскому отделу были

отданы все цеха, машины и люди. Генералы увеличили выпуск орудий и шрапнелей в полтора раза.

Мастерские набивались людьми до отказа. Там, где преимущественно пользовались ручным трудом (например, шрапнельноснарядная), люди стояли плечом к плечу. Пушечная, рассчитанная на трехсменную работу полутора тысяч человек, вобрала в себя около шести тысяч рабочих — по две тысячи в смену.

За год своего хозяйствования генеральское правление показало, что оно способно хорошо служить целям войны, не считаясь ни с чем — ни с затратами, ни с будущим завода, ни с благоразумием, и совершенно не считалось с интересами рабочих.

Это-то и нужно было буржуазному Временному правительству. Генерала Дроздова, председателя правительственного правления общества Путиловских заводов облекли доверием: он выжмет из завода все, что можно будет выжать в интересах снабжения фронта артиллерией.

В марте 1917 года завод работал полным ходом. Ему отдавали топливо и металл из последних столичных запасов. Для него заказывали станки, ему выдавали миллионные авансы в счет будущих заказов. Правительство готовилось к большому наступлению на фронте и не жалело средств на Путиловский завод.

Производство развернулось еще шире, чем до революции. За первые две недели апреля было сделано шрапнелей вдвое больше, чем за первые две недели февраля. Шестидюймовых бомб изготовлено было на двенадцать тысяч штук больше. Лафетная мастерская при выпуске, в среднем, восемнадцати пушек в месяц уже в марте превысила прошлую производительность. Маленькая снаряднопрокатная (55 человек) вместо пятнадцати крупнокалиберных снарядов в день изготовляла теперь двадцать.

В этом росте производительности завода, несомненно, сказался переход на восьмичасовой рабочий день. Протестуя против буржуазной клеветы, путиловцы в своих резолюциях указывали, что при укороченном дне они стали давать продукции не меньше, а больше чем прежде. Главная же причина неожиданного увеличения выпуска пушек и снарядов заключалась в том, что генералы продолжали набирать новых людей, еще плотнее набивая завод. Завод полностью перешел на трехсменную работу.

Недостаток рабочих рук генерал Дроздов решил восполнить солдатами. Он хотел обеспечить завод рабочей силой и одновременно насадить на заводе кадры, на которые можно было бы опереться в случае каких-либо «неожиданностей».

Правление обратилось к военному начальству за содействием. Главнокомандующий Петроградского военного округа генерал Корнилов внял просьбам правления. «Ввиду крайней необходимости усилить производительность Путиловского завода», он разрешил направить на работу три тысячи солдат из частей Петроградского гарнизона. Корнилов обязал командиров частей самостоятельно отбирать для завода надежных солдат.

Эту меру военных властей, продолжавших политику царского правительства по «разводнению» состава пролетариата и созданию «армии в тылу», полностью поддержало меньшевистско-эсеровское руководство Петроградского Совета. Меньшевики Чхеидзе и Гвоздев приложили к приказу генерала Корнилова свое письмо, подтверждавшее «необходимость прочно организовать работы на военном Путиловском заводе».

Отбором солдат для завода занимался и сам главнокомандующий генерал Корнилов. Он обратил внимание на одну из дисциплинированных с его точки зрения воинских частей гарнизона — на команду разведчиков Тарутинского полка. В кругах реакционной военщины Тарутинский полк был на хорошем счету: в самом начале революции полк сняли с фронта и в составе войск генерала Иванова отправили в Петроград на подавление восстания. Генерал Корнилов вызвал к себе начальника полковой команды разведчиков старшего унтер-офицера Арсения Зайцева. Отправляя его на Путиловский завод, генерал сказал:

— Надеюсь, что вы, тарутинцы, будете в любую минуту в моем и Временного правительства распоряжении.

Командующий не знал того, что именно разведчики первыми бросили свой полк 28 февраля 1917 года, ушли в революционную столицу и присоединились к восставшим рабочим Московской заставы. Уверенный в тарутинцах, генерал Корнилов разрешил Зайцеву оставить оружие на руках у солдат. Тарутинцев направили в железнодорожный цех. Всеи командой в 265 человек они работали по ремонту железнодорожных путей.

Весь март для правления Путиловского завода прошел спокойно. Прибывало топливо, непрерывно поступал чугун в чушках и ломе, ежедневно приходили новые партии солдат, присылаемых из воинских частей. Однако, несмотря на это внешнее благополучие, правление все с большей тревогой отмечало растущую активность рабочих и их стремление все больше влиять на жизнь и ход производства. Генерал Дроздов не осмелился восстановить прежнее военное управление заводом. Пришлось назначить директором штатского администратора — инженера Д. Г. Щеголькова. Генерал Дроздов уже несколько освоился с новой обстановкой и даже начал шагать в ногу с временем. Раньше общество заводчиков и фабрикантов для генерала было абсолютно чуждой организацией. Теперь представитель путиловского правления начал захаивать в общество, принося оттуда полезные сведения о новом курсе политики заводчиков. Генерал, привыкший лишь приказывать, с большим рвением и настойчивостью взялся теперь за руководство всеми делами представителей администрации в примирительных камерах завода. Эти камеры, хотя и не выходили за пределы цеховых интересов, но таили в себе большую угрозу: рабочие сплошь и рядом открыто нарушали паритетные начала, на которых строились камеры. Но не это было самым страшным. Генерал опасался создания общезаводской рабочей организации, которая, объединив все требования рабочих, может стать той силой, с которой ему придется считаться.

Больше всего печалила правление судьба семидесяти администраторов, изгнанных рабочими с завода и верфи. Это были самые преданные люди, верой и правдой служившие своим хозяевам. Генерал Дроздов надеялся вернуть их обратно на завод, но не решался провести это административным путем.

Когда в середине апреля стало известно, что создан заводский комитет, правление решило действовать. Комитету было послано категорическое требование восстановить на работе всех удаленных рабочими мастеров и начальников.

Заводский комитет ответил, что восстановление невозможно. Если же правление настаивает, пусть посылает удаленных обратно в мастерские, не забывая при этом, что «все равно этим лицам не будет возможности работать, так как масса их не примет».

Генерал понял, что власть на заводе начинает уходить из его рук. В первый же день своей работы заводский комитет изъял из ведения дирекции прием и увольнение рабочих. Еще через два дня правление получило таблицу прибавок, составленную временной расценочной комиссией, созданной еще до организации заводского комитета. Правление не стало спорить и утвердило прибавки. Но, не успев еще объявить об этом, получило экземпляр обращения заводского комитета к рабочим, в котором прибавки назывались временными, не могущими ни в какой степени избавить путиловцев от полуголодного существования. Заводский комитет предупреждал, что он немедленно приступает к коренному пересмотру расценок и системы оплаты труда рабочих.

К этому времени — вторая половина апреля — производственные и финансовые дела завода резко пошатнулись. Стало очевидно, что Временное правительство не только не способно вытащить страну из разрухи, а, наоборот, усугубляет ее. Запасов топлива и металла и для военных заводов хватило не надолго. Путиловский завод, вместо 1 730 тысяч пудов угля, полученных в марте, получил в апреле один миллион пудов. Задолженность завода банкам составляла круглую сумму в 170 миллионов рублей.

К этому же времени обострилось политическое положение в стране. Капиталисты, в целях борьбы с революцией, стали закрывать фабрики и заводы, обрекая рабочих на безработицу и голод.

Генерал Дроздов круто изменил свою линию. Пусть завод идет к гибели. Генерал кой-чему научился у капиталистов из общества заводчиков и фабрикантов. Он целиком перенял их контрреволюционную тактику саботажа — перестал заботиться о получении топлива и средств. Цеха стали работать со все учащающимися, все более длительными перебоями. Завод стремительно покатился в пропасть, уготованную для него генералами из путиловского правления.

Заводскому комитету пришлось столкнуться с хаосом, царившим на заводе, с бездействием администрации снизу доверху. Десятки новых временных построек загромадили завод. Везде копошилось множество людей. Мастерские работали неслаженно. Даже тогда, когда сырья бывало достаточно, производство не клеилось. Рабочие приходили в заводский комитет с жалобами: уголь есть, а его не доставляют — стоят цеховые кочегарки, стоят станки, компрессоры. Заводский комитет самой жизнью был сразу поставлен перед необходимостью проведения рабочего контроля. При таком состоянии, в котором находился завод, неизбежны были приостановка всех работ, закрытие цехов и расчет всех рабочих. Этого заводский комитет допустить не мог. По отзывам членов заводского комитета, избранных от служащих, Антон Васильев узнал, что новый директор завода Д. Г. Щегольников хороший техник, любящий свое дело, что он бьется, как рыба об лед, но ничего сделать не может.

Антон Васильев вместе со своим постоянным помощником Анатолием Богдановым направился к директору, чтобы выяснить причины создавшейся на заводе неразберихи. Директор явно обрадовался приходу представителей рабочей организации и с первых слов заявил, что сам собирался пойти к ним просить помощи и поддержки. Щегольников стал подробно рассказывать о положении дел.

Перед представителями заводского комитета развертывалась безотрадная картина: завод приближается к краху — поступает все меньше угля,

станки изнашиваются и выходят из строя. Сотни ломаных станков валяются на площади у залива. Возле депо сгрудилось несколько десятков мертвых паровозов. Станки и машины могут быть отремонтированы, но ремонтировать некогда, некому и нечем. Кладовые завалены горами негодного и ломаного инструмента. Мартен, прокатка и литейные должны и могут давать вдвое больше стали, проката и чугуна, но работают из рук вон плохо. Печи и станы могут выбыть из строя в любой момент.

Члены заводского комитета подметили недовольство директора своим начальством. Наводящими вопросами они старались добиться у Щеголькова ответа на вопрос: кто виноват? Что привело завод к подобному состоянию и продолжает толкать его в пропасть? Конечно, во всем этом видна политика определенных людей. Каких же людей? Только уяснив это, рабочая организация сумеет помочь честным представителям администрации удержать завод от развала.

После долгих разговоров Антон Васильев вызвал Щеголькова на открытость.

— Да! Во всем виноваты генералы. Для них все тлен, лишь бы были пушки. Они не думали о ремонте станков, безжалостно выбрасывали старые, вместо них закупали новые. Разбивались новые станки — их вновь и вновь заменяли другими. Завод влезал в долги, а им все было нишечем. Они не разрешали ремонта зданий: до конца войны выдержат. Теперь тигельнолитейная грозит обвалом, инструментальная от одного лишь электромотора трясется, как лихорадочный больной. Пути нагромождены один на другой и запутаны настолько, что пробки нельзя разогнать неделями. Чтобы подать вагон на два десятка саженой, приходится зачастую гонять его десяток верст. Паровозики поглощают сотни пудов угля, тогда как каждый пуд угля расценивается на вес золота. Прежний директор Дубницкий прекрасно все это понимал, но ничего не делал для устранения этих безобразных порядков. А я чувствую, что если и дальше так пойдет, не выдержу, уйду, — с волнением заключил Щегольков.

Антон Васильев сказал Щеголькову:

— Все, что вы рассказали, очень полезно было узнать. Не отчаивайтесь. Могу вас уверить, что завод будет жить и без генералов. Никакой Дроздов его не убьет. У нас есть такая сила, о которой они и не подозревают. А нам за помощь — спасибо.

С первых же дней перед большевиками, членами заводского комитета, встал вопрос: что является главным, определяющим и основным во всей их работе? Исчерпывающий и предельно ясный ответ они получили в речах Ленина на Петроградской общегородской конференции большевиков. Ленин говорил:

«Пролетариату надо указывать, как конкретными мерами двигать революцию вперед. Двигать революцию вперед — значит осуществлять самочинно самоуправление».¹

Эти слова Ленина стали руководящим правилом путиловского заводского комитета.

В течение нескольких дней заводский комитет провел возможные меры самоуправления и контроля. Он взял в свои руки дело приема и увольнения рабочих. Специальный представитель контролировал заводскую дисциплину: ничто не могло быть вывезено с завода без его ведома. Была создана

¹ Ленин, Сочинения, т. XX, стр. 181.

следственная комиссия, которой поручили очистить цеха от чуждых людей, скрывавшихся от мобилизаций. Всю хозяйственную производственную деятельность администрации поставили под контроль заводского комитета.

Однако большевики не были удовлетворены этим. Они внимательно следили за директивами партии, за «Правдой», черпая из ее статей прямые, практические указания о том, как действовать в сложных условиях развивающейся революции. Статьи Ленина постоянно напоминали — двигайте массы вперед. В статье «О пролетарской милиции» эта мысль подчеркивалась Лениным со всей решительностью:

«... Поднимайте массы к действительному, непосредственному, всеобщему участию в управлении, — в этом и только в этом залог полной победы революции и ее твердого, обдуманного, планомерного шествия вперед».¹

Антон Васильев понял: самочинное самоуправление со стороны заводского комитета дело хорошее, но совсем недостаточное. Ленин говорит о том, чтобы привлекать к управлению тысячи людей рабочего класса — массы. Слово «массы» для Антона было самым значительным словом. За всю свою долгую партийную жизнь он привык слушать массу, учиться у нее и учить ее, помогать ей бороться. Из разговоров с товарищами родилась мысль о создании цеховых комитетов.

За это предложение ухватились. Цеховые комитеты снимут с заводского комитета бремя мелких чисто местных вопросов. Цеховых комитетов будет свыше сорока пяти, в каждом из них по меньшей мере шесть-семь человек — всего человек триста. Этим будет сделан еще один шаг вперед в деле привлечения масс к самочинному самоуправлению.

22 апреля поздно вечером Антон Васильев и Анатолий Богданов обдумали и сформулировали задачи цехового комитета. В обращении ко всем рабочим завода они писали:

«В виду того, что самое дело организации заводских и цеховых комитетов — дело новое, необходимо, чтобы комитеты эти, в особенности цеховые, следящие за жизнью на местах, проявляли как можно больше самостоятельности и инициативы. В полной зависимости от этого заложен успех организации рабочих по заводам. *Приучаясь к самоуправлению в отдельных предприятиях, рабочие готовятся к тому времени, когда частная собственность на фабрики и заводы будет уничтожена и орудия производства вместе со зданиями, воздвигнутыми руками рабочих, перейдут в руки рабочего класса. Поэтому, делая маленькое дело, нужно постоянно помнить о той великой и главной цели, к которой стремится рабочий народ.*»²

В уставе был точно определен круг деятельности цеховых комитетов: «Прием и увольнение рабочих производится цеховым комитетом, в согласии с инструкциями заводского комитета.

Цеховой комитет улаживает конфликты с расценками в своем цеху. Цеховому комитету вменяется в обязанность контролировать производство своего цеха».

24 и 25 апреля по всем мастерским были проведены выборы цеховых комитетов. Сорок шесть цеховых комитетов стали существеннейшими

¹ Ленин, Сочинения, т. XX, стр. 205.

² «Путыловец в трех революциях», Сборник материалов, 1933, стр. 333. (Курсив ред.)

Здание, где помещался заводской комитет Путиловского завода

звеньями рабочего контроля. Комитеты разыскивали мотор, если он нужен был мастерской, находили металл, инструмент, доставали подсобные материалы, ведали приемом и увольнением рабочих, назначали мастеров, заботились об установке ограждений к станкам, о ремонте оборудования, об улучшении условий труда рабочих.

1 мая 1917 года на собрании цехового комитета чугунолитейной мастерской, типичной цеховой организации Путиловского завода, было решено свыше двадцати подобных вопросов: об устройстве землесеялки, о порядке в мастерской, об усовершенствовании и улучшении вагранок и ковшей, об инструменте и т. д.

Цеховые комитеты собирались почти каждый день. Заседания длились подолгу. Члены цеховых комитетов просиживали часами, говорили до изнеможения и хрипоты, искали выход из тупика, в который загнали завод генералы из путиловского правления. На заседания приходили рабочие и выдвигали перед комитетами новые вопросы. Рабочие понимали, что правленцы тянут завод к краху, что надо спасти завод, сохранить его для революции.

Завод нуждался в жидком топливе — нефти. По слухам, ее можно было раздобыть в Петрограде. Но правление отказалось разыскивать нефть. Некоторые цеха уже стояли, другие работали с большими перебоями. Остановка грозила и мартену. Тогда заводский комитет создал хозяйственную комиссию, которая уже на следующий день нашла и засти-

вила заводу управление купить у Химического завода пять пистери нефти, и к концу мая обнаружила в складах Нобеля большие запасы мазута.

Внутри завода хозяйственная комиссия выяснила наличие сырья, оборудования, готовых изделий. Вне завода изыскивала металлы и другие материалы. Когда в шрапнельной обнаружилась нехватка рабочих, член заводского комитета, ведавший наймом и увольнением, занялся переброской туда рабочей силы из других мастерских.

Так без шума, по-деловому осуществлялись возможные меры рабочего контроля. Путиловские большевики понимали, что рабочий контроль над производством — один из путей углубления и развития революции. В борьбе за контроль над производством рабочие неизбежно переходят от цеховых вопросов к общезаводским, от общезаводских — к вопросам всей промышленности, всего народного хозяйства. Таким образом, рабочий контроль становится одним из путей, по которому рабочие на опыте вплотную подвоятся к задаче подготовки социалистической революции.

Все чаще стали слышны в заводском комитете разговоры о необходимости единых действий всех фабрично-заводских комитетов в осуществлении контроля над производством.

29 апреля заводский комитет Путиловского завода постановил:

«Сделать призыв ко всем заводским комитетам Петрограда от имени заводского комитета Путиловского завода о необходимости создать организационное бюро по созыву съезда».¹

На призыв путиловцев откликнулись фабрично-заводские комитеты петроградских предприятий. Организационное бюро было создано и занялось подготовкой созыва 1-й конференции фабрично-заводских комитетов.

Первая конференция фабрично-заводских комитетов Петрограда состоялась в конце мая в большом зале Таврического дворца. Открывал конференцию представитель путиловцев. В президиум вошли два путиловца. От завода и верфи было семь делегатов. Вопросы рабочего контроля конференция рассматривала в плане борьбы за социалистическую революцию.

Ленин высоко оценил значение конференции фабрично-заводских комитетов, особо подчеркивая, что конференция, вызванная жизненной необходимостью, выросла с «низов», задумана и организована рабочими.

Живое революционное творчество и революционный размах проявлялись во всей деятельности путиловского заводского комитета. Каждый вопрос, имевший общее значение, путиловцы выносили на обсуждение всего петроградского пролетариата. Путиловский заводский комитет с первых же дней своего существования правильно понял свою задачу: всем авторитетом старого революционного завода, своей борьбой за рабочий контроль воздействовать на другие заводы — объединить их в борьбе за дело пролетарской революции.

Большинство членов заводского комитета на этой борьбе сплотилось, стало действовать едино. Большую роль в этом сыграл председатель заводского комитета Антон Васильев. Он умел всегда сохранять спокойствие и, посасывая трубку, уговаривал, убеждал, разъяснял и толковывал, не жалея на это времени. Пройдя долгую школу большевистского подполья, Антон Васильев знал цену словам простым, глубоким и продуманным. Он всегда удивлял своих товарищей тем, что любой мелкий факт —

¹ ЛОАОР, Фонд Петергофского районного Совета, 1917, д. № 17.

будь то брошенный кем-то мотор или требование отремонтировать край — поднимал до принципиальных проблем, ведущих к выводам о больших политических задачах рабочего класса, об организованности, о дисциплине, о рабочем контроле, о социализме.

На него иной раз сетовали:

— Ну и завел! Кто-то малость нашкодил, не довез мотора, а Антон о социализме толкует, о задачах рабочего класса. Больно высоко забирает.

Но потом вдумывались, в следующий раз вслушивались в его слова, сцепляли факты с фактами, с событиями в стране, с политикой буржуазии. Члены заводского комитета приучались сами доискиваться корней вопросов, обсуждаемых на заседаниях, привыкали связывать мелкие вопросы с большими задачами пролетариата.

Антон Васильев присматривался к меньшевику-интернационалисту М. Розенштейну и анархисту О. Ванханену. То были активные рабочие, горячие, но путанные головы. Он двигал их в центр самых сложных конфликтов с администрацией завода, сталкивал с органами правительства, подводил к самым жизненным и острым вопросам и часто тихонько, чтобы никто не слышал, спрашивал:

— Ну, что? Как говорит тебе твоя партия? Можно так поступать, а?

И они действовали вопреки установкам своих партий, все больше отходя от них, пока, наконец, не порвали с ними окончательно. Антон убеждал их:

— На жизнь смотри — великая она учительница. Учись видеть, как в жизни получается, и старайся понять. Поймешь — к нам придешь, — другого тебе пути не будет. А не поймешь — засохнешь.

Больше всего уважал Антон Васильев живую борьбу — жизнь. Он оценивал первый этап работы заводского комитета следующим образом:

«При возникновении заводского комитета ему не было дано ни программы деятельности, ни какого-либо устава, коими он мог бы руководствоваться в своих работах. Устав и программу составляла и писала сама реальная жизнь. Ее практические указания, по мере развития функций комитета, ложились в основу как руководящие начала. Таким образом, у заводского комитета оказался лучший учитель — жизнь».¹

ПЕРВЫЙ ВЗРЫВ

Во всех цехах Путиловского завода тщательно и долго готовились к первой маевке после победы февральской революции. Собирали деньги для изготовления знамен и покупки литературы, разучивали песни. Каждый цех создал свой рабочий хор. В медницкой вопрос о лозунге для знамени обсуждался всей мастерской. После долгих споров подающим большинством голосов были приняты лозунги: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» и «Мир без аннексий и контрибуций!»

Вся эта кропотливая работа — какой лозунг выбрать для знамени, какие песни выучить, какую литературу закупить — проходила в острой борьбе большевиков с меньшевиками и эсерами. Шла борьба за влияние на массы, борьба за то, под какими лозунгами выйдет многотысячный коллектив путиловцев на Первомайскую демонстрацию.

¹ «Путиловец в трех революциях», стр. 431.

Большевистская организация завода была немногочисленной, хотя и в восемь раз превышала дореволюционный состав организации. К апрелю она насчитывала в своих рядах около восьмисот членов партии.

Эсеровская организация на заводе была гораздо более многочисленной. В течение одного марта она разбухла до трех тысяч человек. Меншевики на заводе было около четырехсот.

Несмотря на свое численное превосходство, соглашатели организационно и политически были во много раз слабее большевиков. Партия большевиков вбирала в себя лучших путиловцев — старых кадровых рабочих и молодежь, особенно тех, кто при царизме за участие в забастовках был взят на фронт и теперь возвращался обратно на завод. К большевикам приходили потомственные пролетарии, прошедшие хорошую школу классовой борьбы.

К эсерам потянулись рабочие из недавних крестьян, пришедшие на завод в годы войны и принешие с собой тяжелый груз мелкобуржуазных настроений и надежд.

Среди меньшевиков было много представителей рабочей верхушки, преимущественно из пушечной и механических мастерских. За годы империалистической войны на заводе сложилась тонкая прослойка privilegiрованных рабочих. Значительно выросло число старших (помощников мастеров), указателей (инструкторов) и мастеров — людей, подкупленных высокой заработной платой. В лафето-снарядной, например, все мастера сразу же после революции перекрасились в социалистов и записались в партию меньшевиков.

Среди эсеров и меньшевиков было много и городских мелких собственников — кустарей, извозчиков и т. п., устроившихся на завод с единственной целью укрыться от мобилизации.

Эти прослойки рабочих являлись главной питательной почвой для меньшевистской и эсеровской партий. Путиловские служащие и техники равномерно распределяли свои симпатии между партиями эсеров, меньшевиков и кадетов. Большевики среди них насчитывались единицами.

Сила сравнительно небольшой организации большевиков была в ее сплоченности, пролетарской выучке и дисциплине, сознательности и организованности, в том, что почти каждый из большевиков имел опыт работы в массах, опыт руководства массовой борьбой. Эсеровская же организация была аморфной, расплывчатой, бесформенной, неспособной ни на какое организованное действие. Она готова была рассыпаться и распасться от первых же ударов и неудач.

Борьбу за политическое руководство первомайской демонстрацией большевики начали с правильной, четкой расстановки своих сил. В районном комитете большевиков созвали совещание представителей от мастерских. Была дана директива — не упускать ни одной мелочи в подготовке первомайского праздника, заниматься всеми деталями, входить во все временные организации и комиссии, создаваемые в цехах, вплоть до комиссии по закупке материала для знамени. Задача — всюду бить в одну точку: первомайский праздник — праздник международной солидарности, и потому лозунг борьбы за мир, против империалистической войны должен быть на первом плане. Никаких лозунгов доверия Временному правительству не допускать. Драться против них ожесточенно и всюду предлагать вместо подобных лозунгов лозунг: «Да здравствует Совет рабочих и солдатских депутатов!»

Особенно большую подготовку к 1 мая провела путиловская молодежь. Еще в начале апреля, во время организации выборов в заводский комитет, подростки собирались отдельно, выдвигали свои требования, в том числе право выделять своих представителей в рабочие организации. Из таких самочинных собраний в начале же апреля выросли первые полуоформленные организации рабочей молодежи: одна, объединявшая молодежь от восемнадцати лет, другая — до восемнадцати лет. В обеих этих организациях (позже они слились) главенствующую роль занимали молодые большевики.

В связи с подготовкой первомайской демонстрации, в среде рабочих-подростков родилась мысль выйти в этот день самостоятельной колонной. 13 апреля на Выборгской стороне состоялось собрание представителей рабочей молодежи петроградских заводов, давшее толчок к дальнейшему разветвлению пролетарского юношеского движения в районах.

Путиловская молодежь горячо взялась за подготовку к первомайской демонстрации. Большевики, постоянно заботившиеся о молодежи, поддерживали ее начинание. Петергофский районный Совет 15 апреля по предложению большевиков постановил «ассигновать двести рублей на флаг юношеской организации» и послал на собрание молодежи своих представителей.

Первое собрание рабочей молодежи завода и верфи происходило в помещении путиловской ремесленной школы. Предложение о создании колонны молодежи в первомайской демонстрации было принято с энтузиазмом. Тут же, на собрании, подростки установили лозунги и требования, с которыми выйдут 1 мая: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», «Да здравствует социализм!», «Шестичасовой рабочий день для подростков!», «Избирательные права с восемнадцати лет!»

Распределили обязанности: изготовление плакатов, созыв общего собрания молодежи Путиловского завода, организацию молодежи на других заводах района.

16 апреля на заводе состоялось общее собрание молодежи. Присутствовали свыше трех тысяч подростков и юношей и огромное количество взрослых рабочих. На этом митинге в речах молодых путиловцев-большевиков уже ясно и отчетливо выдвигалась задача организации союза молодежи. 1 мая решено было провести в общей колонне путиловцев, или отдельной подколонной со своими лозунгами защиты детского и юношеского труда и требованием предоставления молодежи политических прав.

В этот же день состоялся митинг молодежи, находившейся в рядах рабочей милиции. Молодые милиционеры резко протестовали против постановления городских властей об исключении из милиции всех, не достигших двадцати одного года: «Требуем, — писали они в своей резолюции, — чтобы совершеннолетний возраст считался не с 21-го, а с 17-ти лет, дабы мы не были лишены прав избирать...»

Организационный, опыт большевиков, умелая расстановка сил и горячая агитация среди всех слоев путиловцев, в том числе среди молодежи и чернорабочих, сделали свое дело. В день 1 мая (18 апреля по старому стилю) весь сорокатысячный коллектив путиловцев вышел на улицы. Вышли все: женщины, старики и дети присоединяясь к рабочей демонстрации. Впереди шли два полка солдат, приданных путиловцам. Среди солдат большевики также провели большую работу.

Демонстрация путиловцев 1 мая (18 апреля) 1917 года

Заводские лидеры меньшевиков и эсеров ходили с мрачными лицами. В море большевистских знамен и плакатов затерялись, были незаметными их одинокие знамена и лозунги. Отовсюду — с флагов, плакатов, ярко-красных знамен — звучали большевистские лозунги о мире, о передаче земли крестьянам, о рабочем контроле.

На Марининской и Исакиевской площадях, где путиловцы демонстрировали вместе с рабочими других заводов Нарвской заставы, с двадцати пяти импровизированных трибун — грузовых автомобилей и платформ — раздавались боевые призывы большевиков, провозглашавших свои революционные требования.

Проведенный под революционными лозунгами день 1 мая (18 апреля) был первой большой победой большевистской организации завода. Эта победа показывала, что лозунги большевиков находят горячий отклик у путиловцев и что стоит только сорвать с меньшевиков и эсеров маску защитников революции, как влияние большевиков на заводе станет полным. Еще энергичнее повели большевики работу в массах.

На следующий день после празднования 1 мая на митинге в лафетной мастерской между большевиками и эсеров-меньшевиками разгорелся жестокий бой. Большевики утверждали, что буржуазное Временное правительство не хочет кончать войны. Вот уже полтора месяца, как правительство отделяется декларациями и обещаниями и скрывает свои истинные империалистические намерения. С помощью эсеров и меньшевиков буржуазия обманывает народ, уверяя его, что делает все для скорейшего окончания войны и заключения демократического мира.

Митинг разбился на две почти равные части. Одни решительно стали на точку зрения большевиков, другие выражали сомнение: так ли выходит на самом деле, как говорят большевики? Было решено: резолюции никакой не принимать, выждать некоторое время и, если выяснится, что большевики правы, потребовать от Петроградского Совета, чтобы он взял власть в свои руки.

Собрание происходило 19 апреля, а 20 апреля стала известна опубликованная в этот день нота министра иностранных дел Миллюкова союзным державам.

После обещанных шагов к миру, после торжественно проведенного международного праздника 1 мая — утверждение буржуазного министра о «всенародном стремлении довести мировую войну до решительной победы» вызвало необычайное возмущение трудящихся масс.

Как только на Путиловском заводе стало известно об этой откровенно империалистической ноте, в цехах немедленно прекратили работы. Собрались митинги. С цеховых трибун во всех мастерских завода рабочие, взволнованные и возмущенные наглой вылазкой буржуазии, кричали о том, что их обманывают. Не надо войны до победы. Не надо сохранения тайных договоров, заключенных Николаем Кровавым с западными империалистическими хищниками. Нужен честный, демократический мир, нужно выполнение лозунга «Мир без аннексий и контрибуций», с которыми всего два дня назад демонстрировали они на улицах Петрограда.

В центре двора, у здания заводского комитета, на общезаводском митинге рабочие требовали немедленного ответа от Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. Ораторы с трибун кричали: «Долой грабительскую войну!», и этот возглас подхватывала многотысячная масса, заполнившая заводский двор.

Путиловская молодежь 1 мая (18 апрель) 1917 года

Митинг поручил трем членам заводского комитета вызвать руководителей Совета для объяснений. Пошли звонить по телефону, но внятного ответа из Таврического дворца добиться не могли. У аппарата в заводе стояли возмущенные рабочие и настойчиво добивались ответа: придет ли Совет своего представителя, или нет? Наконец, путиловцев обнадежили: кто-нибудь из лидеров Совета непременно придет на завод для объяснений.

Митинг продолжался до одиннадцати часов ночи. Так и не дождавшись приезда представителя эсеро-меньшевистского руководства Совета, путиловцы постановили: откликнуться на призыв большевистской партии и завтра всем заводом выйти демонстрацией протеста против грабительской, захватнической политики Временного правительства.

С утра 21 апреля снова начались митинги по всем мастерским. В лафетной мастерской, где еще позавчера сомневались в правоте большевиков, была теперь принята боевая и решительная резолюция — одна из первых на заводе резолюций о взятии власти Советами:

«Раз Временное правительство не считается с усмотрениями и постановлениями Совета солдатских и рабочих депутатов, то и не может быть ему поддержки».

И требуем от Совета рабочих и солдатских депутатов, чтобы они немедленно отстранили от власти Временное правительство и взяли власть в свое распоряжение... Мы, рабочие означенной мастерской, только и

У здания Нарвского районного комитета большевиков перед выходом на демонстрацию 21 апреля 1917 года

можем доверять [Совету], куда входят наши представители, и признаем только одну власть:

Советы рабочих и солдатских депутатов». ¹

Депутат Совета, выступивший в цеху за поддержку Временного правительства, тут же, как не выражающий мнения рабочих, был лишен депутатских полномочий и заменен другим.

Снова, как накануне, после цеховых митингов состоялось многочасовое собрание всех рабочих завода. Лозунг «Вся власть Советам!» звучал в десятках речей большевистских ораторов — членов заводского комитета, представителей районного комитета большевиков, делегатов Петроградской общегородской большевистской конференции. За один день лозунг «Вся власть Советам!» стал знаменем, вокруг которого сплотились тысячи путиловских рабочих.

В шестом часу вечера путиловцы вышли на демонстрацию. Боевая дружина, организованная еще в февральские дни, образовала головной отряд и окружила цепью всю путиловскую колонну.

Было известно, что в центре, на Невском, буржуазия устраивает манифестации доверия Временному правительству. За Нарвскую дошли сведения, что по всем центральным улицам столицы демонстрируют сторонники Временного правительства, происходят кадетские митинги. Вооруженные офицеры, студенты, юнкера разъезжают по Невскому. По всей путиловской колонне из уст в уста передавался приказ: «Не поддаваться на провокации, соблюдать выдержку и спокойствие».

Демонстрация путиловцев пополнялась все новыми людьми. У Новосивковской улицы присоединился весь состав районного комитета большевиков. В колонны демонстрантов влились рабочие «Треугольника»,

¹ Материалы Ленинградского института истории ВКП(б), фонд Кировского завода.

Франко-русского завода, мелких заводов заставы. Путь следования был на Васильевский остров, к Морскому корпусу, где заседал Совет рабочих депутатов. На бесчисленном множестве путиловских знамен и плакатов были точно определены революционные требования рабочих: «Немедленный мир без аннексий и контрибуций!», «Да здравствует социализм!», «Да здравствует Совет рабочих и солдатских депутатов!», «Долой империалистическую войну!»

С Васильевского острова путиловцы направились на Невский проспект. Они намеревались, пройдя по центральным улицам, повернуть на Петроградскую сторону к дворцу Кшесинской, где помещался Петербургский комитет большевиков.

На Невском продолжались контрреволюционные манифестации буржуазии. Офицеры и георгиевские кавалеры, студенты и гимназисты несли плакаты: «Долой Ленина!», «Да здравствует Временное правительство!». Тротуары Невского были усеяны группами чиновников, студентов, офицеров и буржуазии. Со всех сторон на путиловцев сыпались оскорбления, выкрики: «Изменники!», «Вешать вас надо!»

Изредка из путиловских рядов кричали в ответ: «Долой войну!», «Долой Миллюкова!» Вооруженные красногвардейцы охраняли рабочую демонстрацию. Когда какой-то военный, крича и ругаясь, приблизился к одному из дружинников, тот, тряхнув винтовкой, крикнул:

— Это тебе не Париж!

Обернувшись к товарищу, он сказал:

— Читал я про Парижскую Коммуну. Тогда! такие буржуазные сволочи и барыньки зонтиками выкалывали глаза захваченным и раненым рабочим. И нас бы сейчас покололи, если бы мы не взяли с собой оружия.

Когда последние ряды демонстрации подошли к Садовой, к хвосту колонны с панелей бросились вооруженные юнкера. Они пытались отобрать и изорвать одно из путиловских знамен. Молодой рабочий Павел Селезнев не дал юнкерам захватить древко знамени. Выстрелом из револьвера Селезнев был убит. Красногвардейцы сомкнулись, отеснили юнкеров и выстрелили в воздух. С противоположной стороны — с крыши дома или из окон редакции черносотенной газеты «Вечернее время» — по путиловцам дали несколько залпов. Красногвардейцы вступили в перестрелку. Демонстранты и толпы на панелях быстро рассеялись. На мостовой остались лежать убитые.

Путиловцы возвращались за Нарвскую поздно ночью. Обстрелянные, лоб в лоб столкнувшиеся с контрреволюцией, они уже были не теми, какими выходили на улицы. Не только возмущение и гнев обуяли рабочих. В этот день, стоявший недель и месяцев борьбы, многие навсегда уяснили себе простую мысль Ленина, которую они часто слышали от большевиков: *надеяться только на свою организацию, свое объединение, свое вооружение.*

В эсеровском штабе, трактире «Марьяна роща», собралось необычно много народа. Трактир гудел, точно потревоженный улей. Руководители эсеровской организации — техник Бурштейн, рабочий пушечной мастерской Сеницын — ходили растерянные, пытались успокоить возбужденных членов своей партии.

— Ничего особенного не случилось. Демократия стоит за свои права.

Много рядовых рабочих — эсеров, обманутых демагогическими лозунгами и пышными фразами своих лидеров, порвали в эти дни спар-

тием эсеров. Многие, уходя из «Марьиной роши», демонстративно на пороге рвали членские билеты эсеровской партии. Рыхлая организация эсеров, выросшая за счет несознательной, политически сырой части новых рабочих, стала расползаться после первого же удара.

Апрельские демонстрации петроградских рабочих и солдат, направленные против войны, явились взрывом возмущения народных масс против империалистической бойни. Буржуазия сорвалась на первой же попытке открыто заявить об истинных своих намерениях — довести войну до «победного конца». Под давлением трудовых масс Временному правительству пришлось убрать самых ненавистных народу министров — Гучкова и Милюкова. Было создано новое, коалиционное правительство. В него, наряду с представителями буржуазии, вошли меньшевики: М. Скобелев — министр труда, И. Церетели — министр почт и телеграфов, и эсеры: А. Керенский — военный и морской министр, и В. Чернов — министр земледелия.

«Таким образом, меньшевики, отрицавшие в 1905 г. допустимость участия представителей социал-демократии во Временном *революционном* правительстве, нашли теперь допустимым участие своих представителей во Временном *контрреволюционном* правительстве.

Это был переход меньшевиков и эсеров в лагерь контрреволюционной буржуазии». ¹

Еще на Петроградской конференции большевиков, состоявшейся в апреле, делегат Путиловского завода уверенно говорил о росте влияния большевиков среди основной массы путиловцев. Однако меньшевики и эсеры держали еще некоторую часть путиловцев в плену соглашательских иллюзий. Вхождение меньшевиков и эсеров — представителей Совета рабочих и солдатских депутатов — в состав Временного правительства они объясняли как победу революции.

— Теперь там наши министры, — успокаивали эсеры рабочих.

— Демократия победила, — ораторствовали меньшевики.

По заводу были проведены митинги. В большинстве мастерских коалиционное правительство было встречено с недоверием. В новомеханической приняли короткую резолюцию:

«Протестуем против вступления членов Совета рабочих и солдатских депутатов в коалиционное министерство».

В некоторых мастерских (тигельная, мартеновская, фасонно-сталелитейная) одобрили коалицию. Но этого меньшевикам было мало. Они хотели создать впечатление, будто все рабочие завода одобряют коалицию. Зная, что на заводском митинге они не получают одобрения, меньшевики 14 мая устроили в путиловском театре платную публичную лекцию. В театр набилось много мелкобуржуазной заставской публики, не имевшей никакого отношения к заводу. После докладов Скобелева и Дана большинством голосов была принята резолюция, одобряющая вступление социалистов в министерство, «ибо участие социалистов в правительстве есть возрождение мира, демократической республики и Интернационала».

Меньшевики напечатали эту резолюцию в своей газете, выдавая ее за резолюцию всех рабочих Путиловского завода, и подняли в своей печати ликующий вой.

¹ История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков), Краткий курс, 1938, стр. 180.

Но напрасно ликовала меньшевистско-эсеровская печать по поводу этой подложной резолюции. Даже в тех мастерских Путиловского завода, где коалиция была одобрена, рабочие предупреждали:

«Но если Временное правительство [коалиционное] будет уклоняться от интересов демократии, то его постигнет судьба предыдущих».

И в пушечной мастерской, считавшейся несокрушимой опорой меньшевиков, рабочие предостерегали вождей соглашательских партий, вошедших в коалиционное правительство:

«Если оно [коалиционное правительство] сделает хотя шаг в сторону, — то немедленно отозвать из состава Временного правительства министров-социалистов и передать власть в руки Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов».¹

ВОЛОДАРСКИЙ

— Дайте агитаторов, — неслоь отовсюду — с заводов, пехов, клубов, союзов и бесчисленных организаций, созданных после победы революции.

Временами в районном комитете большевиков не оставалось ни одного человека, способного произнести хотя бы трехминутную речь, — все были в разгоне. А день ото дня на заводских собраниях, в рабочих кварталах все чаще требовали:

— Пришлите большевика.

В мае в районный комитет в качестве агитатора прибыл молодой человек, худощавый, бритоголовый, в очках, в сером костюме, легком осеннем пальто. На первом же собрании в комитете он обратил на себя всеобщее внимание простотой и ясностью речи, обширностью познаний, метким словом и прекрасным знанием тактики политических противников. Это был В. Володарский (М. М. Гольдштейн). Ему предложили руководить подготовкой рабочих агитаторов. После нескольких занятий, обнаруживших его большие агитаторские способности, в первых числах мая Володарского послали на собрание пушечной мастерской.

Пушечная считалась еще крепостью меньшевиков. Каждый митинг там превращался в жестокий бой с неизменным результатом: побеждали меньшевики. Правда, в последнее время они начали побаиваться большевиков и часто всяческими способами срывали их речи. На митинги меньшевики стали выдвигать самых говорливых: Г. Сильнова, А. Розенштейна и других. Особенно часто выступал Н. Н. Глебов, именовавший себя «внефракционным социал-демократом». О себе он говорил очень много, и еще больше о нем рассказывали его друзья — меньшевики. Глебов жил за границей — работал в Бельгии, был лично знаком с Плехановым и даже выпустил книжку с его предисловием.

Поступив слесарем в пушечную мастерскую завода, Глебов первым делом счел нужным отличить себя от всяких других Глебовых, — буде такие обитают на арене политической жизни Петрограда. Глебов стал именоваться Глебовым-Путиловским.

Человек с карьеристскими наклонностями, невежда, возомнивший себя теоретиком, он стал организовывать свою «единую рабочую партию» — сначала на Путиловском заводе, затем в городском масштабе. На Путиловском заводе эта «партия» насчитывала не больше десятка человек.

¹ ЛОАОР, Фонд Петергофского районного Совета, 1917, д. № 17.

Столь же ничтожна была эта «партия» и на некоторых других предприятиях. Но и сам Н. Н. Глебов вскоре понял, что пять-десять человек — это не партия. Тогда он примкнул к меньшевикам. Стараясь сохранить самостоятельность, он называл себя попрежнему «внефракционным» социал-демократом. В мастерской он был самым ярким врагом большевиков. Изъясняясь он любил изысканно, витиевато, пересыпая речь учеными словами и непонятными фразами. В неустановившейся, шумной, взбудораженной обстановке апреля и мая 1917 года Глебов, как пустая пена, всплыл на поверхность политической жизни.

Он ораторствовал без конца, вмешивался во все дела, писал резолюции, создавал шум вокруг своей якобы незаурядной личности. На первых порах ему это удавалось, и в пушечной он некоторое время слыл заправским защитником интересов рабочих.

Митинг, на который пришел Володарский, был уже распален речами против большевиков. Дважды, срывая аплодисменты, с демагогическими речами против большевиков выступал Глебов. Ораторствовал меньшевистский лидер Сильнов.

Володарский прошел на трибуну. Предоставляя ему слово, председатель объявил, что будет говорить «большевик из комитета». Мастерская загремела — били молотками по металлическим листам, свистели, кричали, не давая Володарскому начать речь. Это был испытанный меньшевистский прием, которым они встречали большевистских ораторов.

Меньшевики неистовствовали:

— Долой!.. Долой большевиков!

Минуто, другую... пятую гремела пушечная.

А Володарский ходил взад и вперед по трибуне, поглядывал, усмехался и снова ходил, выжидая тишины. Но вот он уловил, что основной массе рабочих уже надоел этот шум, и тогда, воспользовавшись затишьем, сказал:

— Вы еще пожалеете, товарищи. Вам придется со мной согласиться.

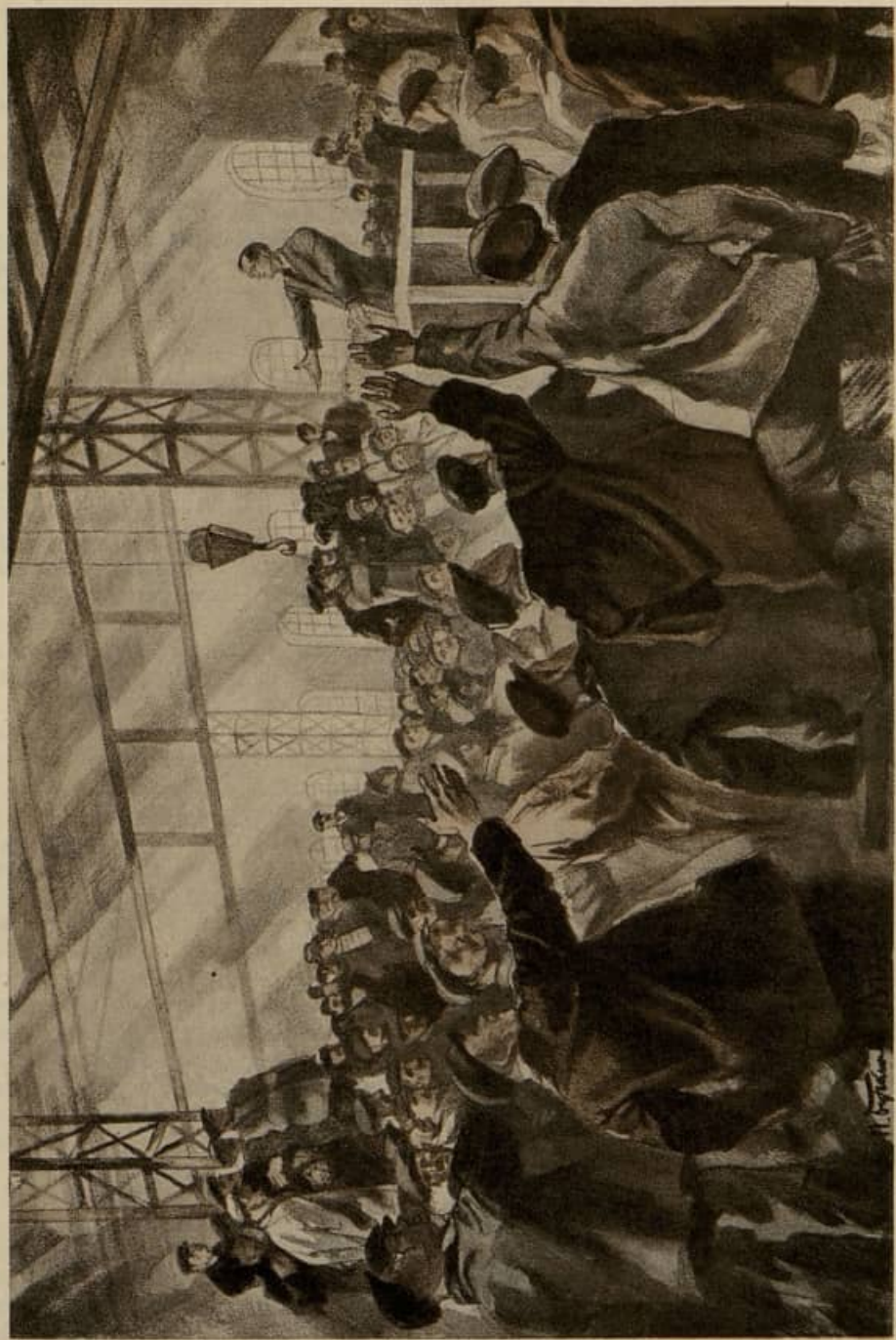
Спокойствие и уверенность Володарского оказали магическое действие. Шум начал стихать. Все были заинтригованы: как этот неизвестный им молодой человек заставит согласиться с собой. Ведь это в пушечной нищете из большевиков пока не удавалось.

В рокоте затихающего собрания послышался мягкий, с каждым словом крепнущий голос Володарского. Речь Володарского, временами деловая и спокойная, временами бурная и огневая сразу захватила рабочих. Он начал с вопроса о войне. Говорил о надеждах и чаяниях народа, о борьбе рабочих за мир, о ноте Миллюкова и, наконец, перешел к критике позиций и политики соглашателей. Люди вслушивались в простые слова, втягивались в круг мыслей и чувств оратора, неумолимой логикой приводились к большевистским выводам.

Мертвая тишина. Никто не смеет нарушить ее даже слабым движением. Тысячи людей увлечены пламенными словами: вместе с оратором смеются и издеваются над меньшевиками, возмущаются их политикой и закипают непримиримой ненавистью к ним и их хозяевам — капиталистам.

— Но если вы хотите свободы и мира народам, если вы не хотите продолжения бойни, затеянной капиталистами, — вы пойдете вместе с большевиками за власть Советов, за лучшую жизнь.

Володарский закончил свою речь. Аудитория откликнулась шумными

Выступление Володарского в пушечной мастерской (июнь 1917 г.)

(Рисунок П. Бунчина)

аплодисментами и громом восторженных криков. Растерянные и обескураженные, бродили меньшевики и ворчали:

— Он пленил вас несбыточными мечтами.

— Отойди, «обыточная мечта»! Я, может, всю жизнь об этом думал, — ало возразил угрюмый старик-рабочий.

Володарский стал первым агитатором Нарвского района. Отовсюду, где он побывал хоть один раз, шли требования:

— Дайте нам Володарского.

Его уже перестали посылать на небольшие собрания, а приберегали для многотысячных заводских митингов, которые в районе бывали ежедневно.

Одновременно Володарский продолжал работу в агитаторской коллегии. Вечерами, когда затихала заставка, агитаторы — активисты, члены Совета — возвращались в районный комитет. Володарский обучал их искусству агитации, искусству полемики с политическими противниками, читал лекции и рассказывал о жизни американских рабочих. Слушать его собирался весь актив.

Володарский был неутомимым, веселым рассказчиком. Его объяснения были всегда удивительно понятны. О нем говорили: «Моисей — человек бесподобной простоты». Иногда он применял своеобразный метод учебы агитаторов: заходил по другую сторону бильярдных столов и, изображая меньшевика, заставлял отбивать «свои» меньшевистские нападки.

Его прерывали репликами, он на них отвечал. Слушатели выступали, спорили, громили меньшевиков, а он, подзадоривая, сыпал реплики и, кивая бритой головой, радостно улыбался, когда кто-либо метким словом отбивал «его» нападки и переходил в наступление.

— Никогда не оправдывайтесь. Всегда нападайте, — говорил Володарский. — Не щадите противника. Бейте по слабым местам и шатким аргументам. Сразу, сразу. Не тяните канитель и не пытайтесь говорить красиво.

А потом Володарский наглядно показывал, как надо выступать большевику. Порой он применял удачные фразы и словечки своих учеников и лукаво поглядывал на них, словно говоря: видишь, как годится острое слово.

— Учитесь разговаривать со всяким, везде и по любому поводу, — говорил Володарский. — Завязал разговор с кем-либо на улице — посмотри кругом. Ну, вот мостовая: плохая мостовая за Нарвской, грязь непролазная. Панель — две дощечки прогнившие, того и гляди каблук оторвешь. А в переулках ни мостовой, ни панели — плавай по грязи. Почему в рабочем районе одно, а в центре, где живет буржуазия, другое? Вот тебе и тема для разговора. И тяни ты эту мостовую до вопроса о том, кто виноват в этом, кому это на пользу, да что бы мог сделать рабочий класс, если бы власть имел? Свои рабочие окраины наверное замостил бы. Верно?

Все подтверждали:

— Правильно.

Володарский поражал своих слушателей простотой формы, в которую облакал самые сложные и глубокие мысли. Когда он рассказывал о сложнейших сцеплениях международной политики, очищая факты от словесной шелухи меньшевистских и эсеровских речей, статей буржуазной и соглашательской прессы, — агитаторы изумлялись, до чего все в итоге понятно и просто.

Такие занятия толкали агитаторов к самостоятельной учебе. Они разыскивали литературу, собирали в комплекты «Правду» и читали по ночам. А Володарский подстегивал и тонко высмеивал тех, кто считал, что учиться поздно или не время.

Кончалось занятие. Кто-либо срывался с места и бежал в чайную покупать на собранные деньги ситный, чай, колбасу. Беседа продолжалась до глубокой ночи, пока кто-нибудь не напоминал:

— Завтра на работу выходить. Пора спать...

Тогда агитаторы расходились по комнатам и тут же на столах укладывались на ночевку.

Иногда Володарский приходил поздно ночью, разбитый и усталый. Взобравшись на бильярдный стол, он засыпал, укрывшись своим неизменным пальто. А рано утром, когда все еще спали, снова уходил на заводы встречать первую и провожать третью смену рабочих.

Как огня, боялись острого слова Володарского меньшевики и эсеры. До его появления в районе они демагогическими приемами брали иногда верх над заводскими большевиками. Теперь же большевистские агитаторы не давали ходу соглашателям, ловко сбивали их аргументацию. А если где-нибудь собирались главные силы оборонцев — приезжал Володарский. Тогда меньшевистские лидеры и эсеровские краснобаи терялись. Аудитория то смеялась и потешалась над ними вместе с оратором, то наполнялась гневом и ненавистью к соглашателям, то вместе с Володарским трезво, шаг за шагом, определяла задачи дальнейшей борьбы.

В июне Володарский перешел на работу в Петербургский комитет большевиков. Как агитатор Петербургского комитета он разъезжал по заводам и казармам, выступая много раз в день. Его металлический голос звучал в огромном помещении цирка «Модерн», в шумных заводских цехах, в глухих солдатских казармах, в просторных университетских аудиториях. Слушать Володарского сходились тысячи людей. Он говорил правду, суровую большевистскую правду. Даже буржуазные газеты, которые ненавидели и ругали Володарского, писали, что речи его способны превращать враждебную аудиторию в друзей большевиков.

На Путиловском заводе Володарский продолжал бывать попрежнему часто. И к нему часто заходили путиловцы, — он нашел себе комнату и жил неподалеку от Нарвских ворот. Поздними вечерами, когда он возвращался домой, к нему приходили работники заводского комитета, цеховые партийные работники посоветоваться, просто поговорить. Он был неиссякаемым источником энергии и бодрости, другом и товарищем путиловцев, трибуном петроградского пролетариата, любимцем рабочих и солдат революционной столицы.

МИТИНГ 12 МАЯ

Борьба за массы после создания коалиционного правительства обострилась. Решения Центрального комитета большевиков от 22 апреля 1917 года обязывали членов партии двинуться на фабрики и заводы, в казармы и рабочие кварталы: разъяснять массам, что ничего не изменилось и не может измениться от включения в правительство эсеров и меньшевиков; разоблачать соглашательскую политику руководителей Петроградского Совета, поддерживающих контрреволюционное Временное правительство.

В этой борьбе меньшевики и эсеры на Путиловском заводе теряли одну позицию за другой. Спорить с большевиками им становилось все трудней. Прикрываясь обещаниями, что коалиционное правительство разрешит все насущные вопросы, они пытались удержать за собой некоторые мастерские. Но это им удавалось с огромным трудом. В башенной и пушечной, где они господствовали раньше, назревали теперь иные настроения. Чтобы удержать за собой влияние, эсеры и меньшевики сговорились совместно устроить общезаводский митинг, вызвать своих лидеров: эсеры — министра земледелия Чернова и Авксентьева, меньшевики — Грибкова и Вайсберга.

Митинг был назначен на 12 мая. Заводские большевики сообщили об этом в районный комитет. Оттуда позвонили в Петербургский комитет большевиков и напомнили:

— Вы обещали нам похлопотать, чтобы на завод приехал Ленин. Давно об этом мечтаем. Сейчас положение у нас подходящее.

В Петербургский комитет на заводском автомобиле отправился Иван Генслер. В агитаторской коллегии ему сказали, что Ленин уже ждет представителей завода. Генслер пошел к Ленину. Владимир Ильич поднялся, пожал руку Генслеру, спросил: «Путиловец?» — и сразу направился к выходу.

В это время на заводе уже начался митинг. Во дворе против здания заводского комитета, у прокатных мастерских, собрались две смены рабочих — свыше двадцати пяти тысяч человек. Люди густо сидели на крышах. Узнав о митинге, пришли рабочие Путиловской верфи. Заводский комитет распорядился, чтобы на железнодорожные пути, проходившие мимо трибуны, подали составы вагонов и платформы — с них можно было хорошо видеть и слышать ораторов.

Первым выступал глава партии эсеров — «селянский министр» Виктор Чернов. Он начал свою речь изложением сказки о рыбаке и рыбке. С ужимками рассказывал Чернов, как ненасытная старуха требовала все большего и большего, не удовлетворяясь даже царством. И осталась эта бабка, пожелавшая быть владычицей морскою, у разбитого корыта.

Развязанный, ухмыляющийся, стоял Чернов на трибуне. Он разводил руками и удивлялся неразумию старухи. Он сравнил большевиков с этой старой рыбацкой. Всего большевикам мало: и свободы и власти. Тянутся они к власти, как дети к огню, не думая об опасности, не видя пропасти, в которую они вовлекают страну.

Тут голос Чернова поднялся до высоких нот. С ловкостью профессионального шута демонстрировал он негодование и ужас.

Когда Чернов дошел до сравнения большевиков с детьми, солдат Игнат Судаков, токарь шрапнельной мастерской, не выдержал. Он поднялся на носки и во всю силу своих легких крикнул:

— Брось сказки рассказывать, говори дело!

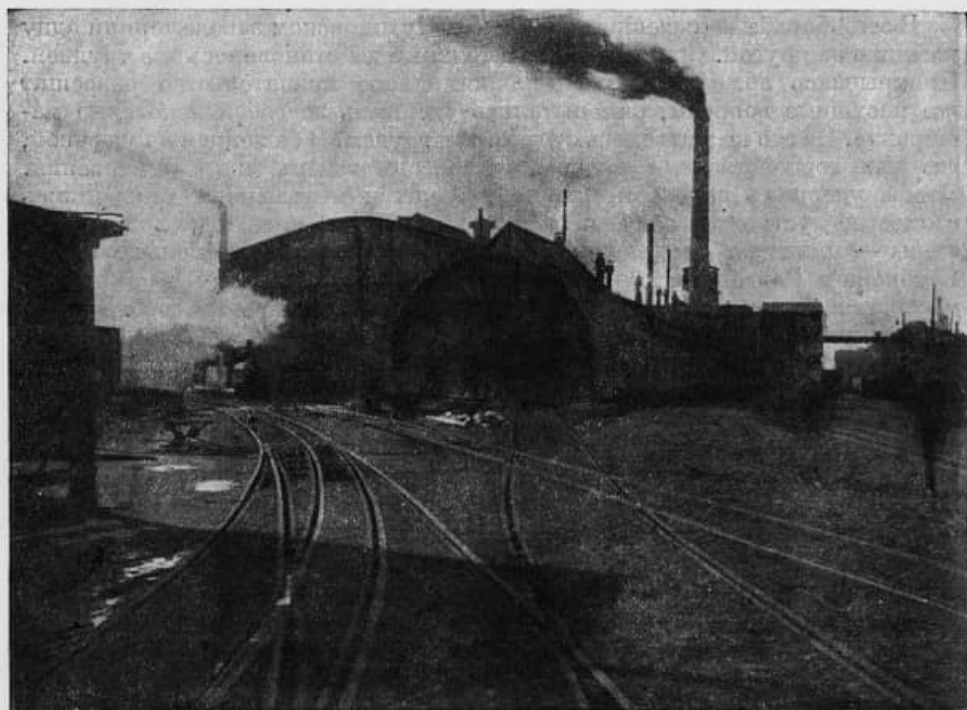
Сосед Судакова — правоверный эсер — испуганно забормотал:

— Ты чего кричишь, кому кричишь? Тебе что надо?

Судаков отмахнулся:

— Меня сказками не накормишь. Я не ребенок. Три года в окопах сидел.

За два месяца революции Игнат Судаков прошел большую школу. В марте на цеховом митинге он первым вызвался, в случае нужды, пойти обратно на позиции, чтобы защищать завоеванную свободу. Теперь он

Место общезаводских митингов в 1917 году

недовольно посматривал на Чернова, разливавшегося перед путиловцами потоком пустых обещаний и слов о свободе и мире.

Чернова сперва слушали внимательно. Но постепенно у слушателей стало кипеть раздражение. От оратора ждали ясных ответов на вопросы о земле, о войне, а он вертелся все вокруг да около, отделяясь пустыми речами. Путиловцы не могли уже сдерживаться. Прорывались выкрики:

— Когда землю крестьянам дадите?

— Долой войну!

Все более резкие реплики неслись отовсюду, сливаясь в один гул.

— Брось сказки! — во весь голос кричал Игнат Судаков.

Молодежь затинула бесконечную песню:

— День пройдет, настанет вечер, а за ним наступит ночь. Ночь пройдет, настанет утро, а за ним наступит день. День пройдет...

Чернов понял, что дальше говорить невозможно и быстро закончил речь. Группка эсеров подхватила Чернова под руки и повела к воротам.

Один из котельщиков, ни к кому не обращаясь, как бы в раздумье сказал:

— Настоящий министр. Говорит, что воду льет. Журчит и баюкает.

— Не нравится мне Чернов, — медленно говорил Судаков своему соседу эсеру. — Мне большего надо, чем он дает. Мне другое надо. Не сказки, а дело.

Ленин приехал на завод после выступления Чернова. У ворот его ожидали представители заводского комитета. Все вместе они направились к

трибуне. Весть о том, что приехал Ленин, опередила их. Толпа всколыхнулась от края до края. Люди вытягивали шею, лезли на плечи соседей, чтобы увидеть Ильича. Навес над входом в помещение заводского комитета был настолько усеян людьми, что не выдержал тяжести и с треском обвалился. Машинисту проезжавшей «кукушки» не дали дороги. Длинный поезд облепили со всех сторон. На крышах прокатки и старой конторы, на деревьях — всюду, где только можно было пристроиться, стояли, висели и сидели люди. На обширной площади заводского двора, залитой людьми, не было видно ни одного свободного клочка земли.

Ленин поднялся на трибуну. Вихрь приветственных и радостных криков не дал ему возможности начать речь.

Рабочие с восхищением смотрели на коренастую фигуру Ильича, на его сильные и быстрые движения:

— Такой простой, видать — свой... Обыкновенный... Ленин.

Имя Ленина знали все. Для тысяч кадровиков-путиловцев в этом имени воплотилась долгая борьба рабочего класса с капитализмом и самодержавием. С его именем были связаны самые дорогие надежды о выходе из ужасов голода, войны и угнетения.

Ленин начал речь и с первых же слов завладел вниманием всей многотысячной массы.

Он выразил сожаление, что не застал Чернова. На таком большом собрании было бы полезно в присутствии Чернова рассказать о политике соглашателей. Ленин убедительно и ярко показал империалистический характер войны. Он разоблачил истинную сущность Временного правительства, соглашательскую политику меньшевиков и эсеров, расчищавших дорогу контрреволюции. Он говорил о самом насущном, волнующем — о земле, о мире, о власти Советов, о рабочем контроле.

Не было ни одного рабочего, который не понимал бы неотразимой правды ленинских слов. Водарилась полная ненарушимая тишина. Каждое слово Ильича доходило до самых дальних рядов. Невидимые нити протянулись от Ленина к рабочим.

Все, что волновало путиловских рабочих, — и нота Милюкова, и речи коалиционного министра Чернова, и выстрелы 21 апреля, и цеховые и заводские дела, — все связывалось теперь воедино, осмысливалось, прояснялось. Замолкшая громада путиловцев жадно впитывала каждое слово Владимира Ильича.

Закачивая речь, Ленин призывал к решительной борьбе за мир, за хлеб, за рабочий контроль. Необходимо понять: единственный выход состоит в том, чтобы власть перешла в руки Советов рабочих и солдатских депутатов.

И снова, как при встрече, поднялся могучий шквал одобрительных криков, приветствий и аплодисментов.

Владимира Ильича подняли на плечи. Огромная толпа путиловцев с криками «ура» понесла Ленина к автомобилю, а затем сопровождала до самых Нарвских ворот.

Солдат Игнат Судаков стоял молча. С благодарностью смотрел он вслед человеку, который угадал самые его заветные мечты и мысли и выразил их так просто и ясно.

Судаков повернулся к своему соседу и строго сказал ему:

— Ты спрашивал, что мне надо? Слыхал? Вот, что мне надо!

Ленин уехал — он спешил на другое собрание. В автомобиле он рас-

спрашивал сопровождавших его большевиков из союза металлистов, каково настроение рабочих, как живут путиловцы, чем занимается районный союз металлистов.

Митинг на заводе продолжался. Выступил меньшевик Грибков. Его слушали неохотно, прерывали, шумели, и он, скомкав речь, замолчал. На трибуну поднялся председатель исполнительного комитета Совета крестьянских депутатов Авксентьев. Властно поднял он руку, пытаясь установить тишину. Председатель объявил:

— Слово предоставляется социалисту-революционеру Авксентьеву.

Несколько раз пытался тот начать речь, но не стихала толпа, не прекращался шум. Так и остался стоять Авксентьев с поднятой рукой, окруженный возбужденной толпой, пока, поняв, что говорить ему все равно не дадут, не сошел с трибуны.

Один за другим выступали рабочие и солдаты-фронтовики.

Выступление Ленина подсказало им настоящие слова, которых так долго они не могли найти. Рабочие и солдаты заявляли, что сейчас они знают, с кем надо идти, кто действительный защитник народа.

— Мы напишем на нашем знамени: «Ленин», «Да здравствует Ленин!» — заявляли выступавшие рабочие.

На трибуну поднялся Судаков.

— Под этим знаменем и я пойду с вами, — внятно сказал он и снял с своей груди георгиевские медали и кресты, полученные им на фронте.

— Эти боевые награды, что я кровью заработал, отдаю на большевистскую «Правду».

Он точно дал толчок своим выступлением. Многие солдаты последовали его примеру. Высокий армеец пробирался к трибуне, на ходу расстегивая промасленную гимнастерку. Подойдя ближе, он снял серебряный нателый крест и протянул его солдату, собиравшему кресты и медали:

— На, возьми, «георгиев» у меня нету, а на газету и этот пригодится.

Несколько часов гудел заводский двор.

Многие из рабочих-эсеров, ранее увлеченных пышными фразами своих вождей, приходили теперь к большевикам, рассказывали о своих думах и сомнениях. Немало из них вступило затем в ряды большевистской партии.

Ушел от эсеров и старик Д. Белоусов, которого «Марьина роща» (так за Нарвской называли организацию эсеров) привлекла широкообещательными обещаниями отдать землю крестьянам. В последний раз он зашел в «Марьину рощу» и заявил:

— Ленин меня просветил. Вы, стало быть, меня, старика, обманом завлекли. Вы народ обманываете — уйду от вас.

Так начала таять и расплываться рыхлая, разбухшая «Марьина роща». Уже не в одиночку, а группами уходили оттуда путиловцы. К концу мая организация эсеров потеряла около тысячи членов. Так же быстро редели и ряды их соратников — меньшевиков. К концу мая они не досчитались свыше сотни членов партии, почти четверти состава своей районной организации.

Речь Ленина произвела незабываемое впечатление на путиловцев. Обсуждая последующие события, путиловские рабочие постоянно вспоминали ее, все больше убеждались в правоте каждого слова Ленина и твердо стояли под знаменем партии большевиков.

«КОНФЛИКТ 7 МАРТА»

С новой, неудержимой силой поднимались требования мира, хлеба, земли. Возмущение и недовольство коалиционным правительством захватывало самые широкие слои рабочих и крестьян. Трудящиеся массы жаждали мира, а Керенский готовил наступление на фронте. Трудящиеся массы требовали хлеба, а правительство сокращало хлебный паек до трех четвертей и полуфунта на человека. Трудовое крестьянство выдвигало вопрос о земле, а эсеровский краснобай, министр земледелия Чернов, уговаривал их ждать Учредительного собрания, неизвестно когда созываемого.

Большевистская агитация, неутомимая работа в массах делали свое дело. Трудящиеся все решительнее освобождались от наивной веры в соглашателей, отчетливо начинали понимать гибельность соглашательства с буржуазией.

Исключительную роль в прояснении классового сознания путиловских рабочих сыграл «конфликт 7 марта». Заводский комитет расширял этот конфликт и через борьбу за непосредственные рабочие нужды — за тариф втягивал в революционную борьбу самые отсталые слои рабочих, превращая их в активных борцов за лозунг «Вся власть Советам».

19 апреля были утверждены новые тарифные ставки. По соглашению с заводским комитетом директор завода обязался проводить их с 7 марта — первого дня работы после февральской революции. 17 мая директор подтвердил соглашение официальным объявлением по заводу. Прошел май, наступил июнь — доплаты не производились. Генеральское правление упорно отмащивалось и денег на доплаты не отпускало. Возмущение путиловцев прорывалось то в одной, то в другой мастерской. Шрапнельно-сборочная объявила стачку.

Путиловское правление дало, наконец, ответ: директор не имел права самолично обещать оплату по новому тарифу с 7 марта. Правление не ответственно за обещание, которое рабочие вынудили у директора.

Щегольков превратился, таким образом, в виновника конфликта. Недавно назначенный директором, он с первых дней вошел в контакт с заводским комитетом. Он был убежден, что доплата необходима, и легко согласился на предложение об оплате по новому тарифу с первого дня работ. Очутившись в нелепом и затруднительном положении, директор, растерянный и испуганный, пришел в заводский комитет.

Щеголькову обещали помочь: его оградят от нападков — заводский комитет хорошо понимает, что Щегольков ничуть не виноват в затягивании конфликта. На всякий случай директору посоветовали не показываться в мастерские до того, как рабочим не разъяснят истинных причин задержки обещанной доплаты.

Возмущение на заводе росло. Новые ставки, сведенные на-нет дороговизной, уже пересматривались в союзе металлистов, где вырабатывали единый тариф для всех рабочих металлопромышленности. Рабочие были глубоко заинтересованы в том, чтобы вырвать у правления доплату за три месяца и этим хотя бы отчасти смягчить тяжелое материальное положение.

Члены заводского комитета пошли в министерство труда, но там им отказали в поддержке. У министра торговли и промышленности путилов-

цам прочли наставление, а когда они потребовали точного и официального ответа, им заявили:

— Министерство торговли и промышленности в дела трудовые не вмешивается.

Третья делегация направилась в Петроградский Совет. Там путилловцам посочувствовали, но поставить вопрос на обсуждение Совета отказались, мотивируя свой отказ тем, что во-первых, сейчас идет съезд Советов и обострять взаимоотношения рабочих с министерствами нельзя; во-вторых, решение путилловского вопроса зависит от общих вопросов: когда съезд их разрешит, тогда Совет займется путилловскими делами.

Требования путилловцев повисли в воздухе. Сообщение заводского комитета о безрезультатности хождения по министерствам вызвало новый взрыв негодования.

— На съезд надежды нет, — говорили в цехах. — Уже ясно, что он встал за капиталистов и Временное правительство: постановил освободить дачу царского министра Дурново от занявших ее рабочих организаций, согласился с политикой министров по вопросу о войне.

Рабочие сразу почувствовали лживость и лицемерие эсеров-меньшевистских речей на I съезде Советов. Они поняли, что съезд не решит коренных вопросов революции, не удовлетворит насущнейших требований пролетариата, не разрешит и острого конфликта рабочих с предпринимателями. И общим выводом было: надеяться надо только на самих себя.

8 июня несколько мастерских бросили работы. Посередине двора собралась огромная толпа. Руководители заводского комитета сдерживали напор рабочих, призывая их не выступать неорганизованно. Образовался митинг. Было решено тотчас же выйти на демонстрацию.

Спешно на митинг пришел Володарский.

— У вас есть партия — партия большевиков, — говорил он путилловцам. — Она призовет вас к демонстрации, когда это будет нужно. Держитесь, не расстраивая единого фронта борьбы рабочих всего города...

— Едва-едва удалось разубедить путилловцев, — докладывал позже Володарский Петербургскому комитету большевиков.

Особенно резко и решительно выступала Выборгская сторона. В этот день выборжцы демонстрировали, протестуя против приказа об освобождении дачи царского министра Дурново от рабочих организаций, захвативших ее в начале революции. Демонстрация выборжцев и волнения в других районах показали, что пролетариат Петрограда рвется к выступлению. ЦК и ПК партии большевиков созвали расширенное совещание. Из сообщений стало ясным, «... что никакая сила не остановит выступлений. После этого ЦК решил взять на себя организацию мирной демонстрации».¹

Демонстрация была назначена на 10 июня. Она должна была перед лицом съезда Советов показать волю и выразить требования рабочих и солдат Петрограда.

Путилловцы готовились к демонстрации с огромным подъемом. Каждая мастерская изготовляла плакаты и флаги с большевистскими лозунгами. Заводский комитет превратился в штаб готовящейся в поход армии. Приходили за инструкциями, лозунгами. Соорудили большой плакат с надписью: «Нас обманули! Товарищи, готовьтесь к борьбе!»

¹ И. Сталин, На путях к Октябрю, 1925, стр. 88.

Съезд Советов запретил назначенную большевиками демонстрацию и 9 июня разослал своих делегатов по заводам для агитации против выступления.

Делегат съезда С. Лепский явился в заводский комитет. Ему дали категорический ответ:

— Завод считает постановления съезда для себя необязательными и подчиняться им не намерен. Завод будет подчиняться только своим организациям.

Лепский уехал. Съезду он доложил:

— Против Всероссийского съезда на Путиловском заводе ведется агитация.

Эсер Рабинович приехал вслед за Лепским. Минувя заводский комитет, он подъехал к группе рабочих — человек в двести.

Окружив автомобиль, рабочие забросали Рабиновича колкими и злыми замечаниями:

— Приехали какие-то из всяких берлог учить нас.

— Мы сами все знаем. Вам не подчиняемся.

— Мы здесь свободу добывали своей кровью, а вы где были?

У Рабиновича потребовали мандат. Мандат долго переходил из рук в руки. Наконец, его отдали Рабиновичу и сказали:

— Уезжайте отсюда. Без вас обойдемся. У нас свои организации есть.

Так, ни с чем уехал и второй делегат съезда.

Утром 10 июня работы не начинались. Во дворе собралось несколько тысяч путиловцев. В ожидании выхода на демонстрацию открылся митинг.

В заводский комитет прибежал, запыхавшись, присланный член районного комитета. Размахивая газетой, он кричал:

— Демонстрация отменяется...

Центральный комитет партии большевиков отменил демонстрацию, назначенную на 10 июня. Это было вызвано тем, что высший орган Советов — Всероссийский съезд запретил демонстрацию. Большевики решили подчиниться постановлению съезда Советов.

Д. Романов и Т. Барановский пошли во двор завода, чтобы сообщить рабочим о постановлении Центрального комитета.

— Без вас пойдем, без завкомщиков, без руководителей, — кричали возбужденные рабочие и не давали говорить большевикам.

— Кто звал вас на демонстрацию? — спрашивали большевики. — Мы, большевики, Центральный комитет. Он и отменяет. Не спроста значит. Слушать надо.

Медленно и нехотя расходились рабочие. Авторитет Центрального комитета, «Правды» — авторитет большевиков — на заводе был высок.

Между тем «конфликт 7 марта» разрастался. Правление стояло на прежней позиции:

— За обещания директора не отвечаем.

Большевики из заводского комитета решили добиваться замены правительственного правления общества Путиловских заводов новым правлением, в котором руководящую роль заняли бы представители рабочих. Большевики знали, что Временное правительство на это, конечно, не пойдет, но понимали, что такая постановка вопроса будет иметь большое политическое значение: рабочие лишний раз убедятся, что правительство целиком поддерживает контрреволюционные махинации генералов из путиловского правления.

Гвоздев. (Карикатура Н. Радлова.)

Директор согласился поддерживать план заводского комитета, но поставил условие: правление должно быть смешанным — и от рабочих и от министерств, заинтересованных в работах завода. В Центральном комитете большевиков, куда заводские большевики пошли за советом, им указали:

— Необходимо добиваться, чтобы, согласно резолюции первой конференции фабрично-заводских комитетов, большинство в правлении со смешанным составом принадлежало рабочим.

Заводский комитет решил требовать создания правления из восемнадцати человек при двенадцати представителях от рабочих. С этим проектом представители путиловцев поехали к К. Гвоздеву, товарищу министра труда.

Гвоздев заявил:

— Было бы не плохо, если бы под проектом подписался директор завода.

Когда же все было оформлено, Гвоздев, ссылаясь на

занятость членов правительства, отказался продвигать проект.

13 июня заводский комитет совещался с четырех часов дня до двух ночи. Под конец решили немедленно добиться четкого ответа от министерства труда. Ночью же с заседания поехали опять к Гвоздеву, теперь уже на квартиру. Гвоздев встал раздраженный, но увидев путиловских представителей, сделал приветливое лицо.

— Пожалуйста...

Без вступлений путиловцы заявили:

— Учтя все требования рабочих, заводский комитет вместе с союзом металлистов выработал в мае новые тарифы, единые для всего завода. Правление отказалось разговаривать о них, мотивируя тем, что расходы завода увеличатся на три миллиона рублей. Рабочие решительно требуют проведения тарифа... Имейте в виду, — предупредили путиловцы Гвоздева, — мы пойдем на что угодно, но добьемся уплаты по новым тарифам.

Гвоздев понял всю серьезность положения. Он обещал лично заняться этим вопросом и просил сдерживать рабочих, не поднимать «скандала».

— Ведь вы сами понимаете, что будет, если Путиловский завод станет. Немедленно, завтра же займусь этим делом, — пообещал Гвоздев.

На следующий день он приехал на заседание заводского комитета, познакомился с требованиями и тарифами. Окруженный рабочими, яростно доказывавшими справедливость своих требований, Гвоздев заявил, что ничего-де предосудительного в их требованиях нет и что он будет бороться за удовлетворение этих требований.

Но как только Гвоздев столкнулся с интересами путиловского правления, он тотчас же отступил. В письме-запросе на имя товарища военного министра генерала Маниковского Гвоздев предложил оттянуть решение этого вопроса до конца переговоров Петроградского союза металлистов с обществом заводчиков и фабрикантов.

Генерал Маниковский охотно дал на это согласие.

Опять поднялись волнения на заводе. Непосредственные экономические требования путиловцев слились воедино с политическими требованиями рабочего класса. Все цеха завода рвались к стачке. Но заводский комитет пока сдерживал рабочих, не давая отдельным вспышкам возмущения вылиться в демонстрацию.

Доверие к соглашателям на заводе упало окончательно. Большевики пытались отстоять свою последнюю опору — пушечную. Перед большевиками завода встала задача разбить окончательно меньшевиков в пушечной мастерской. Был устроен дискуссионный митинг. В пушечную собрались рабочие со всего завода. Народ набился тесно, плечом к плечу, заполнив все проходы лафетного пролета. Дмитрий Романов собрал большевиков, расставил их по мастерской, чтобы меньшевикам не удалось сорвать собрание.

Володарский стоял у трибуны, ожидая приезда меньшевистских лидеров. Со стороны соглашателей явились меньшевик Либер и эсеры Чернов и Авксентьев. Предстоял генеральный бой.

Три с половиной часа говорила тройка соглашательских лидеров. Один за другим они обрушивались на большевиков и, как будто распределив между собой роли, не оставили ни одного лозунга «не объясненным». Либер говорил о лозунге «Вся власть Советам»:

— Большевики предлагают прыжок в неизвестность. Советы — еще не изученная форма, временная организация рабочих до Учредительного собрания. Еще неизвестно, что с ними станет. Советы — не общенародная организация. Демократия требует участия всего народа. Мы реальные политики, а не фантазеры. Мы предлагаем Учредительное собрание, республику. Нельзя Советы — случайную организацию — вопреки демократии превратить во власть. Такая власть не продержится и двух дней.

В. Чернов цветисто подтвердил свое согласие со словами Либера. Он говорил свыше часа, умело и ловко обходя острые вопросы.

Володарскому несколько раз напоминали:

— Они создадут невозможную обстановку. Выступай.

— Ничего, пускай поговорят, я отдохну, послушаю, — отвечал Володарский.

По обыкновению спокойно начал свою речь Володарский — любимец путиловцев. Он разгорался постепенно и вдруг, точно достигнув какой-то критической температуры, протянул руку в сторону тесно сбившейся кучки меньшевиков.

— Слушайте их, — сказал он. — Они говорят, что Советы не демократичны, что это не народный орган. А кто же в Советах? Рабочие, крестьяне, солдаты, — это же и есть народ. Кого же в Советах нет? Буржуазии.

Ужасное на заводе. (Карикатура Н. Шабанова.)

Только ее и нет. Выходит — о ком хлопочут уважаемые Либер и Чернов, о народе или буржуазии?

Громко хохотал митинг:

— Здорово!

— Отбрил!

Володарский продолжал:

— Почтенный глава меньшевиков уверял нас, что Советы — временное явление, неизвестно, что из них выйдет. А нам известно, что хотят сделать с ними соглашатели. Всей своей политикой они их уничтожают как власть, сейчас они хотят окончательно уничтожить Советы, ибо цель меньшевиков — полностью отдать власть буржуазии.

А Учредительное собрание они не созовут, пока контрреволюция не укрепится настолько, чтобы решить вопрос о земле и мире так, как это выгодно капиталистам и помещикам.

Мы говорим: слушайте меньшевиков — и

петля кровавой бойни еще сильнее захлестнет вас.

Слушайте эсеров — и новые миллионы рабочих и крестьян падут жертвами грабительской войны, во славу и обогащение капиталистических акул.

Следуйте за меньшевиками и эсерами — и цепи бывшего рабства будут наложены на вас еще крепче, чем было раньше.

Мы, большевики, зовем вас к свободе, и мы знаем, что рабочий класс видит предательские дела меньшевиков и эсеров — оборонцев и соглашателей. Мы знаем — пролетариат пойдет с нами под знаменами, на которых будет начертан боевой клич, зовущий к свободной и счастливой жизни: *«Вся власть Советам рабочих и солдатских депутатов!»*

С последними словами Володарского тишину прервала буря неистовых аплодисментов.

Отойдя в сторону и улыбаясь, слушал Володарский горячие речи рабочих, бичующих меньшевиков и эсеров.

Пушечная мастерская впервые приняла резолюцию большевиков.

С этого дня соглашатели потеряли свои последние позиции на заводе. За ними остались лишь незначительные группки рабочих и часть служащих. Вся масса путиловцев, сплотившаяся в борьбе за большевистские

лозунги и на борьбе за тарифы яснее разглядевшая сущность соглашателей, твердо стала на позиции партии большевиков.

Меньшевистские и эсеровские газеты выступили в защиту министра труда, обвиняемого путиловцами в затягивании путиловского конфликта. Опровержения министерства труда в эсеровском «Деле народа» и меньшевистской «Рабочей газете» подписаны были Глебовым-Путиловским. Он соединил свою контрреволюционную работу на заводе с службой в министерстве труда, где заведывал отделом печати. Глебов ревностно взялся за выполнение обязанностей адвоката министра. Он заявил: министерство поступило правильно — нечего, мол, заботиться об одних путиловцах, надо думать о всех металлистах города. Но Глебов сказал не все. За него позже договорили меньшевистские «Известия Петроградского Совета»:

«Дело путиловских рабочих считается делом петроградского пролетариата», а «министерство труда считается министерством всей России».¹ Не дело, мол, министру заботиться о металлистах Петрограда, ему надо думать о всей России. А всероссийские вопросы могут быть разрешены лишь волей Учредительного собрания.

14 июня на Путиловский завод приехал председатель исполнительного комитета Петроградского Совета Н. Чхеидзе. Но говорить ему не давали, прерывали, требовали ответа на вопросы о конфликте, о власти Советов. Желчный Чхеидзе не выдержал и разразился упреками:

— Вы получили себе восьмичасовой рабочий день, а мы работаем по восемнадцать часов в сутки. Как вы смеете обвинять нас в бездеятельности?

Заявление Чхеидзе было неожиданным. Все в недоумении замолкли. Чхеидзе уже торжествовал победу. Но лишь только он открыл рот, чтобы продолжать речь, как буря возмущения обрушилась на него.

— Попрекаешь? Чем попрекаешь?

— Ты дал нам этот день? Сами взяли!

— Засиделись! Долой!

Так больше и не смог Чхеидзе произнести ни слова. Он ушел под свист тысяч возмущенных путиловцев. Зато все смолкли, когда заговорил большевик С. Рошаль. Митинг принял большевистскую резолюцию.

Напор путиловцев отражал общее настроение рабочих и солдатских масс Петрограда, рвавшихся на улицы.

Соглашатели уже не могли удержать их и, чтобы использовать в своих целях революционное настроение масс, назначили демонстрацию на 18 июня. Они рассчитывали, что демонстрация пройдет под анти-большевистскими лозунгами.

Пасмурным теплым утром 18 июня выступил Путиловский завод. На красных полотнищах демонстранты несли большевистские лозунги: «Вся власть Советам!», «Долой 10 министров-капиталистов!», «Вооружение народа и прежде всего рабочих». Среди плакатов и лозунгов ярко выделялся громадный лозунг, рожденный борьбой путиловцев:

«Нас обманули! Товарищи, готовьтесь к борьбе!»

Впереди путиловцев шли 176-й запасный и Измайловский полки. По бокам бесконечной колонны двигались красногвардейские цепи.

У входа на Марсово поле висел плакат: «Доверие Временному правительству». Группа рабочих и солдат отделилась от колонны и сорвала его.

¹ «Известия Петроградского Совета» № 100, 24 июня 1917 г.

Рабочие-путиловцы перед выходом на демонстрацию 18 июня

Мимо братских могил путиловцы прошли с пением похоронного марша.

В этот день в Петрограде около полумиллиона рабочих и солдат демонстрировали свое недоверие Временному правительству, свое согласие с лозунгами большевиков, свою волю к дальнейшей борьбе. Расчеты эсеров и меньшевиков были опрокинуты.

Несмотря на явно выраженную волю и требования масс, Временное правительство продолжало империалистическую политику. ВЦИК Советов и Петроградский Совет плелись за ним в хвосте. 18 июня, в день демонстрации в Петрограде, на фронте Временное правительство погнало солдат в наступление. Вести об этом глубоко возмутили рабочих.

20 июня на экстренном совещании Петербургского комитета большевиков представители районов рассказывали о необычайном негодовании среди рабочих и солдат. Массы снова рвутся на улицы, чтобы решительно поставить перед Советами вопрос о взятии ими всей власти в свои руки. О Нарвском районе было доложено, что там произошел резкий поворот в пользу большевиков. Путиловский завод, определяющий настроения всего района, определенно встал на сторону большевиков. На заводе остро стоит вопрос о прибавках, и каждый день могут вспыхнуть волнения. Путиловцев удержать можно, но если где-нибудь выступят, Путиловский завод не удержится и потянет за собой другие заводы.

Волна движения на заводе нарастала. В мастерских то и дело рабочие бросали работу, вновь становились к станкам и опять прекращали работу. Повсюду требовали немедленно объявить забастовку протеста против затягивания тарифного конфликта. Повсюду речи сводились к требованию — немедленно осуществить лозунг «Вся власть Советам!» Путиловский заводский комитет пытался предотвратить изолированное выступление путиловцев, рвавшихся на улицы:

— Не торопитесь. Нужна организованность и сплоченность. Поднимается волна небывалого движения и на других заводах. Действовать надо совместно.

Два дня разъезжали путиловцы по заводам, выступали на митингах, оповещали о назревающей стачке Путиловского завода, предлагали созвать общегородскую конференцию заводов металлопромышленности.

На собраниях по округам заводский комитет поставил вопрос о стачке. Большинство округов постановило: «Со стачкой подождать». Заводский комитет расклеил объявления: «Подчиниться решению большинства, приступить к работе и ждать общего призыва».

Но волнения не улеглись. Работы продолжались неравномерно. Конференция рабочих металлопредприятий Петрограда, созванная по инициативе путиловского заводского комитета, собралась в путиловском театре. В ней принимали участие представители фабрично-заводских комитетов семидесяти трех заводов, Центрального бюро профессиональных союзов, союза металлистов и других организаций. Путиловский вопрос перерос в общегородской. В обращении конференции отмечалось: разрешение путиловского конфликта возможно лишь в масштабе Петрограда.

Представители исполнительного комитета Петроградского Совета говорили:

— Рабочие Путиловского завода должны подчиняться и слушать Совет. Без Совета они не должны предпринимать выступления.

В ответ кричали:

— Убирайтесь отсюда. Вы мешаете заниматься делом. Сказки мы слышали давно, а ваши эсеров-меньшевистские дела выгодны контрреволюции, а не рабочему классу. Вы нам сначала подчинитесь. Пусть Совет возьмет власть в свои руки.

Конференция была едина. Она приняла боевую резолюцию. В ней говорилось, «... что дело путиловских рабочих считается делом всего петроградского пролетариата;

что однородные требования предъявлены всеми рабочими-металлистами через свой профессиональный союз к союзу заводчиков и фабрикантов, а также ведомствам;

что частичное экономическое выступление при данных условиях может повести за собой неорганизованную политическую борьбу петроградских рабочих, а потому предлагает путиловским рабочим сдерживать свое законное негодование против поведения министров, всеми мерами затянувших разрешение конфликта, и считает необходимым готовить силы для скорого общего выступления.

... Совещание фабрично-заводских комитетов Петрограда и цеховых комитетов Путиловского завода полагает, что если бы [путьловцы] даже добились повышения заработной платы, то непрерывный рост цен на продукты и квартиры сейчас же свел бы на-нет это завоевание, поэтому

необходима решительная борьба за установление рабочего контроля над производством и распределением, что в свою очередь требует перехода власти в руки Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов».¹

Требование «Вся власть Советам!» властно прозвучало на конференции.

Отныне с небывалым возбуждением передавали рабочие друг другу о закрытии капиталистами заводов и фабрик, о массовых расчетах рабочих, о поражениях на фронте, о затягивании созыва Учредительного собрания.

Жизнь с каждым днем становилась труднее. Дороговизна росла. Нужда и голод давили все сильнее. Волнения на почве отсутствия продовольствия грозили вылиться в уличные беспорядки, погромы лавок. Кое-где за Нарвской заставой выплыли на поверхность темные элементы. Это таило в себе большую опасность.

26 июня путиловский заводский комитет вместе с районным Советом вынесли специальное постановление:

«... Чтобы возмущение рабочих общей политикой правительства, отношением заводчиков и фабрикантов, отсутствием продуктов и ростом дороговизны не вылилось в распыленные частичные действия масс, действия, часто направляемые не в сторону основной причины, а отдельных лиц, наконец, для борьбы с подпольной контрреволюционной агитацией — необходимо организовать революционный комитет».

Борьба против анархических и темных сил за Нарвской заставой приняла организованный характер. Усилиями большевиков из заводского комитета и Совета движение нарастало и направлялось против главного врага — против власти буржуазии. Большевики сдерживали мелкие забастовки, не давали мастерским выступать отдельно и неорганизованно, а заводу — в отрыве от других предприятий Петрограда. Теперь, в острый и напряженный момент, каждое небольшое выступление могло стать отправной точкой для нового высокого подъема революционной волны.

Несколько раз угрожающе подымалась волна, но партия большевиков находила момент неподходящим для выступления, и большевики удерживали массы. Но день ото дня настроение масс накалялось. Достаточно было малейшего толчка, чтобы рабочие вышли на улицы мощной демонстрацией.

Еще 22 июня большевистская фракция ВЦИК Советов предупреждала меньшевистско-эсеровское руководство:

«Сорокатысячная масса Путиловского завода, пользующаяся огромным влиянием среди рабочих и солдат, отказом правительства удовлетворить ее законные экономические требования доведена до отчаяния. Она может каждый день забастовать и выступить на улицу. Она уже выступила бы, если бы не сдерживала ее наша партия, причем нет гарантий, что и впредь удастся ее удержать. А выступление путиловцев — в этом не может быть сомнения — неизбежно повлечет за собой выступление большинства рабочих и солдат».²

¹ «Правда» № 89, 23 июня 1917 г.

² Там же.

ИЮЛЬСКИЕ ДНИ

3 июля в четыре часа дня на заводе появилась делегация 1-го пулеметного полка. Крепкая дружба связывала путиловцев и пулеметчиков. В февральские дни они вместе дрались с полицией, а позже постоянно захаживали друг к другу; пулеметчики — на завод, путиловцы — в казармы.

Солдаты взобрались на трибуну. Не прошло и десяти минут, как у заводской трибуны столпилось свыше пятнадцати тысяч рабочих утренней и вечерней смен. Пулеметчики объявили, что они сегодня же выступают против Временного правительства. Их полк расформируют, над ними издеваются, и они больше не могут ждать. Лозунги остаются прежние — лозунги демонстрации 18 июня. Главный лозунг — «Вся власть Советам!»

— Путиловцы должны выйти первыми, — восклицал, потрясая винтовкой, представитель солдат. — За путиловцами пойдут другие заводы, и мы, наконец, принудим Совет взять власть в свои руки, отобрать ее у капиталистов.

Открылся шумный митинг. Один за другим выступали рабочие, горячо поддерживая солдат. Требование о немедленной передаче власти Советам встречалось восторженно. Большевики из заводского комитета, посоветовавшись между собой, твердо решили не выпускать рабочих с завода, убедить их, что выступление преждевременно. На митинге выступал Антон Васильев и другие большевики. Но им кричали:

— Хватит! Довольно ждать! Дальше так жить нельзя!

Необычайное возбуждение охватывало всех. Казалось, что многотысячная толпа вот-вот сорвется с места, хлынет на улицы, затопит шоссе.

Тогда большевики предложили послать делегата на вторую Петроградскую партийную конференцию и выяснить, как относится большевистская партия к выступлению. Предложение было принято. Делегатом избрали Антона Васильева.

Пока он ездил на конференцию, путиловцы несколько раз порывались выйти на улицы. Большевики сдерживали рабочих: вот вернется делегат, и тогда дело решится. Наконец, запыхавшийся, прибежал Антон Васильев. Он пробрался на трибуну и сообщил директиву конференции большевиков — на улицы не выходить.

Антону не дали продолжать речь, как не дали говорить и другим ораторам, возражавшим против выступления. На трибуне появились делегаты Петроградской конференции большевиков, которые по поручению конференции разъехались по районам и воинским частям, чтобы задержать рабочих. Их также не хотели слушать. Делегат конференции товарищ Серго (Орджоникидзе) немедленно по телефону сообщил конференции большевиков о повышенном настроении на Путиловском заводе.

Исполнительный комитет Петроградского Совета, узнав о путиловском митинге, прислал трех делегатов. Первого выслушали, но второму не дали говорить:

— Один сказал мнение Совета. Знаем!

Но делегат кричал:

— Товарищи! Я член исполнительного комитета, вы меня должны выслушать.

— Какой партии?

— Имею честь доложить — партии социалистов-революционеров.

— Долой предателя! Долой!

Эсер стоял на трибуне, пока его не оттеснил кто-то, кричавший о немедленном выступлении против Временного правительства.

Ежеминутно прибывали люди со всех концов завода и верфи. Сбега-лась вся Нарвская застава. Приехали матросы, гренадеры, пришли де-легации от других заводов столицы. Собралось свыше двадцати пяти ты-сяч человек. В клубе молодежи около двухсот человек отправлялось на экскурсию в Шлиссельбург. Кто-то принес весть:

— Путилов завод выступает.

Экскурсия построилась и с песнями двинулась к заводу.

— Против временных выступаем. Ура!..

Митинг бушевал. Все вопросы, волновавшие путиловцев целый ме-сяц, выплыли наружу, слились с главным вопросом о власти. Говорили сразу в нескольких местах, и везде господствовало одно настроение — выходить. Солдаты-павловцы ушли с несколькими рабочими в свой полк — выводить его на улицу.

По предложению большевиков выбрали делегацию для поездки в Со-вет для переговоров. До приезда делегации обратно уговорились не выходить. Делегация уехала. По дороге она встретила выборжцев, шед-ших на завод сообщать, что Выборгский район выступает. Вместе с ними делегация возвратилась на завод.

Известие выборжцев встретили ликующе. Стало ясно, что теперь не сдержат путиловцев. Снова открылся митинг. Рабочие решали вопрос о том, какие требования надо предъявить Совету. По-обычному говорили долго и много. Наступал одиннадцатый час ночи — седьмой час митинга. На трибуне появился матрос и торжественно провозгласил:

— Кто за выступление — подними руку.

Голосовал весь митинг — двадцать пять тысяч человек. Судьба вы-ступления была решена.

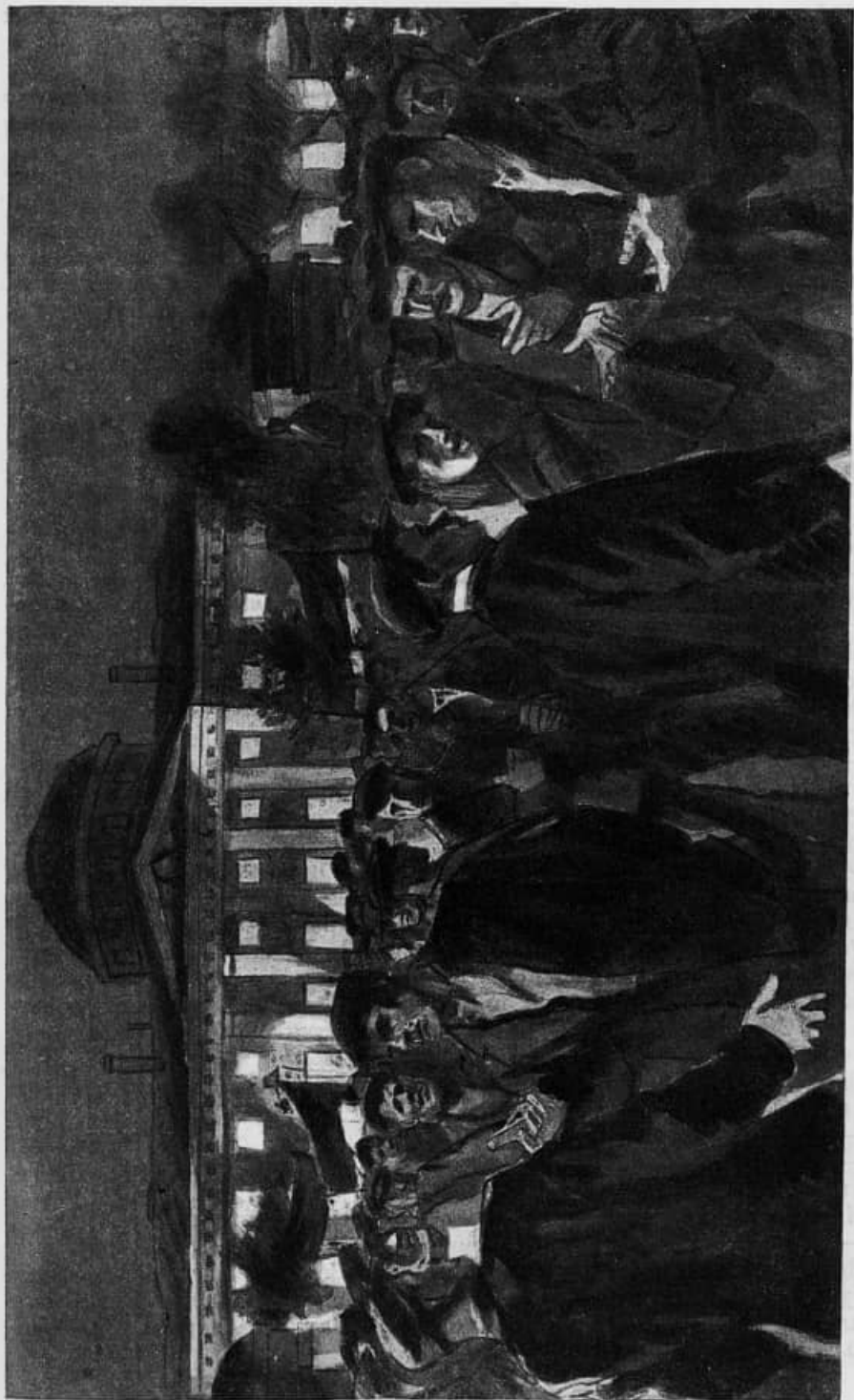
Большевики-путиловцы сделали все возможное, чтобы задержать вы-ступление рабочих. Партия большевиков была против вооруженного выступления в этот момент: она считала, что не назрел еще революцион-ный кризис, что армия и провинция не готовы еще поддержать восстание рабочих в столице и что это выступление — преждевременное и изоли-рованное — может лишь облегчить контрреволюции разгром авангарда революции. Когда же стало очевидно, что удержать массы невозможно, большевистская партия решила принять участие в демонстрации, чтобы придать ей мирный и организованный характер.

На второй Петроградской партийной конференции товарищ Сталин так говорил об этом:

«...Имела ли партия право умыть руки в выступлении пролетариата и солдат и уйти в сторону? Мы учитывали возможность еще более серьез-ных результатов выступления, чем они есть на лицо. Умыть руки мы не имели права; как партия пролетариата, мы должны были вмешаться в его выступление и придать ему мирный и организованный характер, не задаваясь целью вооруженного захвата власти».¹

Вперед путиловской колонны построился красногвардейский отряд. Взявшись за руки, рабочие становились в ряды. Другой отряд красно-

¹ Вторая и третья Петроградские общегородские конференции большевиков, Про-токолы и материалы, М., 1927, стр. 53.

Пролетары у Таврического дворца. (Гиперон художница П. Бурчина.)

гвардейцев стоял наготове, чтобы растянуться цепью по обеим сторонам колонны. Раздалась команда:

— Выходи! Знамена вперед!

Лидеры заводских меньшевиков шопотом передавали директиву своего районного комитета: не участвовать в демонстрации против Временного правительства.

Колонна тронулась. По пути путиловцы сняли с работы вторую смену завода «Тильманс» и увлекли ее с собой. Присоединился и завод «Анчар».

Была теплая пасмурная ночь. На улицах ни одного горящего фонаря. Тишина. Слышен только мерный топот многих тысяч ног. Вначале еще пели, но чем ближе к центру, тем сосредоточеннее и молчаливее становились люди. Издалека доносился резкий треск выстрелов. Пробежал слух: «Стреляли в матросов, с броневиков. Есть убитые...»

— Спокойствие, — передавали по колонне приказ. — Спокойствие... Выдержка...

Невский проспект был тих, шторы магазинов спущены, огни погашены. Колыхались красные знамена. Сплошной стеной двигались путиловцы; оглядываясь назад, они не видели конца своей колонны.

У Литейного, совсем близко, раздался одиночный винтовочный выстрел. Чуть шевельнулись ряды путиловцев. Красногвардейцы дернули винтовки...

— Это провокация! Спокойствие! — передавали по колонне.

В грозном молчании, строго соблюдая революционный порядок, подошли путиловцы к Таврическому дворцу. Солдаты, всю ночь толпившиеся у дворца, пропустили их вперед. Был третий час ночи. В Таврическом происходило заседание Центрального исполнительного комитета Советов. Путиловцы окружили дворец и направили туда делегацию рабочих — предъявить свои требования.

— Весь Путиловский завод у Таврического дворца. Путиловцы говорят, что они не разойдутся, пока десять министров-капиталистов не будут арестованы и Совет не возьмет власть в свои руки, — заявили делегаты от имени рабочих.

Отвечал Чхеидзе. Он обещал, что вопрос о новом составе Временного правительства будет рассмотрен сегодня или завтра. Чхеидзе вручил для передачи путиловцам решение Совета о прекращении демонстрации.

Рабочие остались недовольны ответом Чхеидзе. В разных концах несметной толпы открылись митинги. Путиловцы решили не уходить до тех пор, пока не будет получен определенный ответ — берет Совет власть в свои руки или не берет. Тридцать тысяч путиловцев, десятки тысяч рабочих других районов и солдат ждали ответа и не получали его.

Около четырех часов утра рабочие вновь послали делегацию во дворец за ответом. В президиуме сказали:

— Здесь уже были путиловцы.

— Это были выбранные на заводе, а нас выбрали здесь. Вот резолюция путиловцев.

Чхеидзе принял резолюцию и высокомерно произнес:

— Ну что ж, посмотрим. Подумаешь — путиловцы.

Вместе с делегацией он вышел к рабочим, посмотрел на шумную, возбужденную толпу и ушел, не сказав ни слова. Лишь в пятом часу путиловцы медленно, как бы раздумывая, стали расходиться. За Нарвскую вернулись в седьмом часу.

Митинги по округам и мастерским продолжались до десяти часов утра. В этот день не было других речей, кроме речей о власти. Все остальное отступило в сторону, померкло перед главным лозунгом, единственным условием для выполнения всех остальных требований рабочих. Не слышно было меньшевистских речей. Соглашатели молча и опасливо со стороны поглядывали на митинги.

В десять часов загудел гудок. Рабочие потянулись к общезаводской трибуне. Тут же расположился отряд пулеметчиков 1-го полка. Стояли грузовики с пулеметами. Путиловцы и солдаты снова собирались выступить.

Центральный исполнительный комитет вел сводку о настроениях на заводах и в воинских частях. В 1 час 10 минут дня было записано:

«Путиловский завод не работает. В 12 часов назначен митинг, демонстрация. Настроение сильно большевистское...»¹

В три часа дня завод снова выступил на улицу. На легковом автомобиле выехала разведка в составе трех членов заводского комитета. Они уезжали вперед и возвращались, сообщая руководителям демонстрации о приготовлениях, которые предпринимают власти, чтобы разогнать шествие.

Во главе путиловской колонны шли грузовики с пулеметами. На одном автомобиле развешалось красное полотнище с лозунгом «Вся власть Советам!» На этой машине находились члены заводского комитета — руководители демонстрации. У Нарвских ворот путиловцев встретили шедшие на завод кронштадтские матросы во главе с С. Рошалем. Матросы повернули и пошли вместе с рабочими.

За путиловцами шли рабочие заводов Нарвского района: «Тильманс», Химического и часть рабочих «Треугольника». К демонстрации присоединились женщины-работницы с детьми. Число демонстрантов выросло до шестидесяти тысяч человек. Человеческая лавина, шумная, грозная, окруженная красногвардейцами, двигалась к центру столицы.

Вышли на Садовую улицу. Прошли Покровку, Александровский рынок. Середина колонны проходила Сенную площадь, когда с церкви грянули выстрелы. Демонстрация дрогнула, люди метнулись в сторону, сбились к домам. Красногвардейцы бросились в церковь и стащили оттуда вооруженных людей. Их повели с собой.

У Апраксина рынка путиловцев снова встретили пальбой. Несколько рабочих было убито, многие ранены. По огню и дыму определили, что стреляют с угловой вышки дома, где помещалось общество «Проводник». Красногвардейские пулеметы повернулись туда, и стрельба с домов прекратилась.

Демонстрация построилась и двинулась дальше. Стреляли в путиловцев на Невском — у Садовой, прогремел провокационный выстрел и на Литейном — у Кирочной. Но колонна безостановочно двигалась вперед. В это же время на Невском проспекте контрреволюционеры в упор расстреливали демонстрантов — рабочих, солдат и матросов. Улицы Петрограда были обильно политы кровью рабочих и солдат.

В Таврическом дворце непрерывно заседали ВЦИК Советов рабочих и солдатских депутатов и исполнительный комитет Совета крестьянских депутатов.

¹ ЦАОР, Фонд № 1235, серия Д/1, 1917, д. № 31.

Расстрел рабочей демонстрации 4 июля 1917 года

Делегация путиловцев вошла в зал, чтобы потребовать от лидеров соглашательских партий прямого ответа. Один из делегатов поднялся на трибуну и заявил:

— Если Церетели не выйдет сейчас, чтобы дать рабочим объяснения, то они придут и сами вытащат его.

Церетели не выходил.

На трибуне зала заседания вновь появился путиловский делегат. Размахивая винтовкой, он гневно закричал:

— Долго ли рабочим терпеть предательство? Вы собрались тут, рассуждаете, заключаете сделки с буржуазией. Так знайте, что рабочие больше не потерпят этого! Нас, путиловцев, тут тридцать тысяч! Мы добьемся осуществления своей воли... Вся власть Советам!

У Таврического появились броневики. Они разъезжали по улицам, мимо дворца, угрожающе поводя стволами пулеметов. Достаточно было искры, одного выстрела, чтобы произошел взрыв — вооруженное столкновение. Необходимо было отвести его, избежать напрасного кровопролития.

К путиловцам вышли Володарский и Урицкий. Они разъясняли, что демонстранты сказали свое слово и пока необходимо ограничиться только этим. Нужно вернуться в районы и собирать силы для последующей борьбы.

Нелегко было добиться от путиловцев возвращения за Нарвскую. Лишь в восьмом часу вечера направились они обратно. Тела убитых товарищей несли, как боевые знамена. Захватили с собой и раненых матросов. К девяти часам вечера пришли утомленные, но попрежнему полные решимости.

Пока массы рабочих и солдат с грозными требованиями выходили на улицы и демонстрировали свою волю перед Таврическим дворцом, Временное правительство собирало силы для разгрома движения масс. С фронта были вызваны казахи и другие кавалерийские части, верные Временному правительству. Вызвали юнкеров и самокатчиков.

5 июля контрреволюция перешла в наступление. По районам разнеслись тревожные вести:

- Развели мосты.
- Посреди улиц жгут «Правду».
- Ленина ищут.
- Матросов в крепость загнали.
- Павловцев побили.

Съездили к павловцам. Привезли данные: более двадцати человек убито, двадцать семь ранено.

Днем на Путиловский завод сообщили, что арестованы четыре члена заводского комитета: Антон Васильев, Розенштейн, Войцеховский и Ванханен. Задержавший их офицер утверждал, что вчера, четвертого июля, стреляли с автомобиля, в котором они ехали.

Арестованные держали себя смело и вызывающе. Они предъявили ультиматум: если до шести часов вечера их не освободят — к гауптвахте выйдет весь Путиловский завод. Офицер испугался. Членов заводского комитета усадили в автомобиль и увезли в Таврический — в ВЦИК Советов. Там их освободили.

Петергофский районный Совет в этот день выпустил обращение к рабочим:

«Товарищи рабочие Петергофского района! То, что произошло в эти дни, есть результат стихийного и неорганизованно вырвавшегося наружу недовольства широких слоев рабочего класса и солдат против создавшегося положения».

Далее в обращении говорилось о том что движение благодаря усилиям большевистской партии приняло мирный и организованный характер. Но несмотря на это, демонстрации трудящихся были встречены провокаторской стрельбой из окон и чердаков. Петергофский Совет призывал рабочих Нарвской заставы к выдержке и спокойствию. Революционные лозунги, с которыми два дня демонстрировали рабочие и солдаты Петрограда, показывают действительное настроение масс. «Слово сказано, товарищи, — писал в своем обращении Совет, — требования прозвучали властно. Дальше будем спокойны, товарищи».¹

5 июля юнкера разгромили редакцию и типографию «Правды». Революционные части Петроградского гарнизона были выведены из столицы и отправлены на фронт.

6 июля войска Керенского разгромили дом ПК и ЦК большевиков. 7 июля Временное правительство опубликовало приказ об аресте Ленина.

Все это немедленно становилось известным на заводе.

— Держись, товарищи! Началось. Политика оборонцев дает свои плоды, — говорили между собой рабочие.

В сводке ЦИК за 6 июля было отмечено:

«Путиловский завод не работает. Митинги на улицах».

Меньшевики и эсеры в союзе с буржуазией и контрреволюционными

¹ ЛОАОР, Фонд Петергофского районного Совета, 1917, д. № 4.

генералами обрушились на большевистскую партию. Меньшевики первыми решили встретить огнем рабочие демонстрации. Об этом открыто говорил меньшевик Войтинский на заседании ВЦИК Советов. Эсеры и меньшевики одобрили все контрреволюционные мероприятия буржуазного Временного правительства: вызов войск с фронта, расстрел рабочих, восстановление смертной казни. Они поддерживали клевету на партию большевиков, санкционировали роспуск исполнительного комитета моряков Балтфлота. В лице своих лидеров — Церетели, назначенного министром внутренних дел, Скобелева, Чернова и Керенского — они, расчистив буржуазии путь к диктатуре, взяли на себя миссию разгромить революцию, расправиться с рабочими и солдатами силой оружия и закрепить полное единовластие буржуазии.

Разгромив июльское выступление рабочих и солдат, контрреволюция торжествовала победу. Двоевластие, установившееся в начале февральской революции, кончилось. Советы, возглавляемые эсерами и меньшевиками, превратились в придаток Временного правительства.

«Контр-революция организовалась, укрепилась и фактически взяла власть в государстве в свои руки». ¹

ПОБИЛИ, НО НЕ РАЗБИЛИ

Контрреволюция временно победила. Подавив июльское выступление рабочих и солдат, буржуазия распоясалась во-всю.

«И поднялась со дна жизни черная муть, залившая грязью все честное, благородное.

Обыски и разгромы, аресты и побои, истязания и убийства, закрытие газет и организаций, разоружение рабочих и расформирование полков, роспуск финляндского сейма, стеснение свобод и восстановление смертной казни, разгул громил и контр-разведчиков, ложь и грязная клевета, все это с молчаливого согласия эсеров и меньшевиков, — таковы первые шаги контр-революции». ²

Так охарактеризовал товарищ Сталин разгул контрреволюции в последние июльские дни.

За Нарвскую заставу каждый день приходили самые чудовищные сведения и слухи об арестах, избиваниях и репрессиях. Избили члена Совета И. Егорова. Двух путиловских рабочих задержали только за то, что на Английской набережной они осмелились противоречить какому-то чиновнику. Чиновник разглагольствовал о том, что рабочие получают по шестьсот-семьсот рублей в месяц и требуют еще повышения платы. Один из путиловцев сказал: «А я вот получаю сто пятьдесят рублей. Если вам завидно, поступайте на завод и получайте хоть тысячу». Путиловцев обвинили в большевистской пропаганде. Их схватили, арестовали и бросили в Петропавловскую крепость, где они просидели больше двух месяцев.

Член Совета Буренков, посланный от района в правительственную комиссию по расследованию событий 3—5 июля, вернулся, заявив: «От нас истину скрывают, материалов нам не дают. Мы отказываемся от

¹ Ленин, Сочинения, т. XXI, стр. 26.

² И. Сталин, На путях к Октябрю, 1925, стр. 58.

участия в этой комиссии. Петроградский Совет должен создать свою независимую от правительства комиссию». Но меньшевистско-эсеровский исполнительный комитет Петроградского Совета, потворствуя контрреволюции, отказался создать независимую комиссию.

Все упорней становились слухи, что скоро начнут разоружать рабочих. Районный комитет большевиков дал директиву: оружия не сдавать — принять, но в любой момент иметь под рукой.

Пулеметы, имевшиеся в районе и на Путиловском заводе, были разобраны и зарыты в надежные места.

Застава затаилась.

Слухи о разоружении подтвердились. В некоторых районах группы солдат из карательных отрядов Временного правительства пытались разоружать рабочих. За Нарвской они появляться не решались.

14 июля на собрание цеховых комитетов Путиловского завода пришел комиссар Временного правительства. Он заявил: необходимо призвать рабочих к сдаче имеющегося у них оружия. Правительство поставило перед собой задачу — разоружить рабочих. Было бы нежелательным, чтобы при выполнении этого решения правительства происходили какие-либо недоразумения.

Комиссар намекнул на возможность появления за Нарвской карательного отряда.

Всем было ясно: нельзя открыто дать бой правительству, но в то же время не следует выносить хотя бы формального решения о сдаче оружия, ибо это даст контрреволюции повод на него сослаться. Надо оттянуть решение, уйти от него.

Наступило тяжелое молчание. Вдруг кто-то предложил передать вопрос в мастерские, на обсуждение. Формулировка эта давала нужный выход.

— Значит, принять к сведению заявление комиссара Временного правительства и передать его на обсуждение на места, — поспешно заключил председатель заводского комитета Василий Васильев. Голосую.

Предложение было принято единогласно. Васильев облегченно вздохнул и шепнул соседу:

— Спихнули... Там обсуждать такое дело не станут. Не такой вопрос.

Среди путиловцев все резче и отчетливей проявлялась ненависть к предателям революции. Большинство рабочих и раньше не доверяло мелкобуржуазным руководителям Совета и верхам соглашательских партий. Но тогда еще не было ясно, до какой низости и предательства способны dokатиться меньшевики и эсеры. Теперь это стало очевидным для всех.

Меньшевики и эсеры были окончательно изолированы от основной массы рабочих на Путиловском заводе. В их собственной среде происходил необыкновенно стремительный распад. Эсеровскую организацию покидали с упреками и проклятиями. Пилоруб С. Телятников, в марте записавшийся к эсерам, и раньше постоянно спрашивал лидеров «Марьиной рожи»:

— Когда же, наконец, наша партия устроится? У нас правые, левые, центр и еще особый Керенский. Выкиньте его скорее...

Теперь Телятников пришел в комитет эсеров и заявил:

— Больше я не социалист-революционер.¹

¹ Впоследствии С. Телятников стал коммунистом и погиб на восточном фронте в борьбе против белогвардейских банд.

Распадалась и боевая дружина эсеров. Некоторые дружинники, порывая с партией эсеров, сдавали оружие. Большинство же, уходя из дружины, оружие припрятали. Стремительный распад районной организации эсеров — к концу июля она потеряла больше двух с половиной тысяч человек — вызвал беспокойство эсеровского Петроградского комитета. В район прислали работника Центрального комитета эсеров Закса и казака Вакуленко, который поселился в «Марьиной роще». Зачастили лидеры левого крыла эсеров — Камков и Мария Спиридонова. Приходили Чернов и Зензинов. Но выступления лидеров обоих течений внесли еще большую сумятицу в головы и без того сбитых с толку рядовых эсеров.

Рабочие рядовые меньшевики чувствовали себя не в меньшей степени обманутыми, чем рабочие-эсеры. Меньшевики и раньше не имели на заводе оформленных групп в мастерских, кроме небольшой группы в пушечной. Организация меньшевиков помещалась на Ушаковской и называлась Петергофским подрайоном. Связь с подрайоном всегда была слабой. Теперь для многих рабочих-меньшевиков эта связь совсем перестала существовать.

В мастерских отводили и отзывали меньшевиков и эсеров из разных рабочих организаций. Цеховые комитеты становились большевистскими. В шрапнельной от члена заводского комитета, эсера Сафронова, требовали ответа, почему он не участвовал в демонстрациях 3—4 июля и каково его отношение к репрессиям Временного правительства против большевиков. В своей речи Сафронов юлил, отнекивался, прямо ничего не сказал. Тогда шрапнельщики отозвали его из состава заводского комитета и вместо него выбрали большевика И. Наумова.

Пушечники, недавно еще шедшие за меньшевиками, писали, обращая ко всему рабочему классу:

«Граждане! Как вековой дуб среди леса, стоит среди государственной промышленности, потрясая землю тяжелыми ударами молота, Путиловский гигант-завод. Со всех концов России работают на нем рабочие и, работая, думают думы. Под свист пилы, под вой приводов, под удручающий вид лафетов и пушек, мрачные мысли лезут в голову. В труде, ровно в каторжной работе, умирают матери и отцы, родившие нас, умираем и мы здесь.

Граждане! Путиловцы не первый раз проливают кровь за общие интересы рабочего класса. Вспомните 9 января и воздержитесь от тех огульных обвинений, какие раздаются теперь на улицах Петрограда. В эти дни 3-го и 4-го июля мы шли с чистым сердцем верных сынов революции и шли не против Совета Рабочих и Солдатских Депутатов, а поддержать его. Вот почему на наших знаменах было написано: «Вся власть Советам!»

Когда мы выходим — нас расстреливают. Вот почему некоторые из нас, в целях самозащиты, захватили с собой оружие. 9 января в нас стреляли верные слуги дома Романовых. Теперь с точностью установлено, что первые выстрелы, а также и часть ответных выстрелов были организованы провокаторами — врагами русской свободы, врагами рабочих.

Граждане! Обновленная жизнь не хочет ждать. Логикой совершающихся событий неумолимо толкает она революционный народ на улицы, вперед. И часто улица решает спор... Совет Рабочих Депутатов стал как будто обходиться без рабочих и, все больше изолируя себя от нас, своим составом ушел в кропотливую работу административного толка. И уже

совсем застыло в бюрократически-мертвых формах Временное правительство.

Вот в каком свете встало перед нами, рабочими, экономическое и политическое положение накануне событий 3—4 июля.

Граждане! Взгляните с доверием на поднимающиеся от земли черные дымящиеся трубы. Там, у их подножья, создавая для вас новые ценности, нужные вам, страдают и мучаются такие же люди, как вы, в неволе у усовершенствованной и самой свирепой эксплуатации... Копится в сердцах ненависть и любовно пишется на кровавом знамени ласковые условия другой жизни для всего человечества». ¹

В этом обращении выражалось настроение той части путиловцев, которые только в результате недавних событий поняли, что соглашатели пытались свести рабочий класс с пути революции. Этот документ, проникнутый больше скорбью, чем готовностью к решительным боям, подтверждал высказанную Лениным мысль о том, что вооруженное восстание в июльские дни было бы ошибкой. «...Мы не удержали бы власти, — писал Владимир Ильич, — ни физически, ни политически. Физически несмотря на то, что Питер был моментами в наших руках, ибо *драться, умирать* за обладание Питером наши же рабочие и солдаты тогда не стали бы: не было такого «озверения», такой кипучей ненависти и к Керенским, и к Церетели — Черновым, не были еще наши люди закалены опытом преследований большевиков при участии эс-эров и меньшевиков.

Политически мы не удержали бы власти 3—4 июля, ибо армия и провинция, *до корниловщины*, могли пойти и пошли бы на Питер». ²

В середине июля состоялся общезаводский митинг. Это был первый большой митинг после кровавых июльских событий. Рабочие ждали, что скажут представители политических партий. Но меньшевики и эсеры трусливо молчали. На трибуне появился Володарский.

Речь Володарский, как всегда, начал тихо. Его голос, вначале глуховатый, постепенно наливался крепостью, становился металлическим и звонким. Володарский обращался в сторону приумолкших заводских лидеров эсеров и меньшевиков и спрашивал:

— Что вы делаете? С кем вы идете? — и сам отвечал: — Вы творите гнуснейшее дело предательства революции. Вы идете вместе с контрреволюцией против рабочих.

Шаг за шагом вскрывал Володарский путь измен и предательства партий эсеров и меньшевиков, приведших к разгулу контрреволюции. Он показал, как эти «крикуны от демократии» расчистили дорогу кровавой диктатуре буржуазии; как они превратились в жалких паяцов, лишенных какой-либо самостоятельности и действующих лишь по указке контрреволюционных генералов.

Речь Володарского, горячая и гневная, была вместе с тем полна достоинства и силы. Он требовал остановить грязные потоки лжи и клеветы на большевиков и их вождя — Ленина. От имени петроградских рабочих и солдат он возлагал на руководителей партий меньшевиков и эсеров ответственность за кровь, пролитую и проливаемую на улицах столицы.

Свою яркую обличающую речь Володарский закончил словами, вдохнувшими мужество в сердца рабочих:

¹ ЛОАОР, Фонд Петергофского районного Совета, 1917, д. № 17.

² Ленин, Сочинения, т. XXI, стр. 196.

Брошюра «К лозунгамъ», написанная Лениным
в подполье в июле 1917 года

вшиеся бюро коллектива. Были выделены специальные организаторы, распространители литературы, агитаторы. Партийная работа забила ключом.

22 июля на общезаводском митинге Володарский снова произнес одну из своих замечательных речей. Собралась огромная масса путиловцев и рабочих почти всех заводов района. Володарского проводили с триумфом. В книге записей «митингов и лекций РСДРП Петербургской организации» он записал: «Единогласно принята наша резолюция».

Резолюция была направлена против нового коалиционного правительства, объявленного эсеро-меньшевиками «правительством спасения революции». Резолюция гласила:

«...Всем завоеваниям революции грозит опасность... Единственной силой, способной выполнить эту великую задачу [спасения революции], являются пролетарии и полупролетарии города и деревни, и только такое правительство, которое будет опираться на рабочих, солдат и крестьян, явится действительно правительством спасения революции».

Путь репрессий против рабочих и солдат, на который вступило правительство, не есть путь спасения революции, *это путь к победе контр-революции*.¹

Несколько таких митингов, проведенных партийными организациями и заводским комитетом, окончательно рассеяли проникшую было в среду

— Товарищи, помните, — нас побили, но нас не разбили. Мы будем идти вперед.

Володарский проводил дни и ночи за Нарвской заставой, выступая на бесчисленных митингах. На его выступления на Путиловском собирались рабочие с верфи, с завода «Тильманс» и с других заводов. Чтобы послушать речи своего любимца, приходили рабочие Московской заставы. Под руководством Володарского большевистские агитаторы Нарвской заставы вели огромную напряженную работу в районе.

Во всех мастерских теперь, когда в партию пришли новые сотни рабочих, создались крепкие цеховые коллективы — подрайоны — большевиков. Во главе коллективов стояли избранные тройки, кое-где именовавшиеся

специальные организаторы, распространители литературы, агитаторы. Партийная работа забила ключом.

¹ «Рабочий и солдат» № 2, 24 июля 1917 г.

путиловских рабочих растерянность. Турбинная мастерская на своем митинге заявила: «Большевизм диктуется самой жизнью, и преследованиями его лидеров идею большевизма нельзя ни убить, ни заглушить». Пушечная вынесла протест против арестов, против разгрома большевистских газет. Районный Совет призвал всех рабочих к единству действий в борьбе с контрреволюцией.

Огромную роль играл попрежнему неразрешенный тарифный вопрос. Большевистский заводский комитет стремился сделать ясным для каждого рабочего, в особенности для чернорабочего, что его экономические нужды и требования неотделимы от политических требований пролетариата. Большевики разъясняли, что только успех политической борьбы обеспечит выполнение экономических требований рабочих. Но эту истину чернорабочие и другие отсталые слои путиловцев могли усвоить лишь из практики борьбы. И большевики помогали им в их борьбе за тарифы, неизменно подчеркивая политическую сторону этого дела.

Общество заводчиков и фабрикантов, от которого зависело теперь разрешение тарифной проблемы, перешло от тактики затягивания к тактике раскола единого фронта петроградских металлистов. Соглашаясь на тарифные ставки союза металлистов в отношении рабочих высокой квалификации, капиталисты сопротивлялись предложениям союза о тарифах рабочих низких квалификаций. Особенно упорствовали они по вопросу о ставках чернорабочих. Этим они преследовали одну цель: удовлетворив требования небольшого слоя рабочих, раздробить единый фронт борьбы. Общество заводчиков и фабрикантов требовало также, чтобы рабочие приняли на себя ответственность за происшедший развал производства и за разруху в дальнейшем. Это, мол, происходит от частых митингов и забастовок.

Но рабочие научились распознавать маневры буржуазии. Шесть тысяч пушечников заявили, что они не считают возможным «оставить чернорабочих без их полного удовлетворения». А объединенное собрание цеховых комитетов и районного Совета отклонило предложение об ответственности рабочих за упадок производства.

Председатель союза металлистов А. Шляпников, впоследствии разоблаченный как враг народа, пытался протащить свою капитулянтскую линию уступок буржуазии. Он предлагал путиловскому заводскому комитету сдерживать чернорабочих, ожидать конца переговоров. В своей аргументации он переходил на язык капиталистов, заявляя, что рабочие «слишком много митингуют». Путиловский заводский комитет категорически отверг предательские советы Шляпникова.

Представители десятитысячной армии путиловцев-чернорабочих большевики сказали:

— Из вашего дела ничего не выйдет, потому что вы боретесь только за полтинник. Подумайте — ну прибавят вам его. А завтра он полетит к чорту — съест его дороговизна. В наше время за одну прибавку бороться — на верный провал итти. Главная причина всего худого сохраняется: власть у буржуазии. Она войну не хочет кончать, земли не дает, голодом морит. В Питере металлических заводов больше семидесяти — чернорабочих уйма; чтобы чего-нибудь добиться, вам все заводы привлечь надо. Вот вам программа.

Два часа толковали представители чернорабочих в заводском комитете. Наконец сказали:

— Согласны, будем так поступать.

23 июля они созвали на заводе десяти тысячное собрание. А на следующий день собралась общегородская конференция чернорабочих, на которой было сто пятьдесят два делегата от пятидесяти шести предприятий Петрограда.

Конференция приняла две резолюции. Первая была посвящена экономическим требованиям. Во второй резолюции чернорабочие требовали немедленно разогнать Государственную думу и Государственный совет и выражали решительный протест против травли Ленина, против разгрома пролетарских политических и профессиональных организаций. Кроме того, было вынесено постановление: созывать городские конференции чернорабочих металлзаводов регулярно, каждые две недели.

Под нажимом металлистов всей столицы срочно было подписано тарифное соглашение. Но по закону соглашение должно было получить утверждение в министерстве труда и министерстве торговли и промышленности. Министерство труда по обыкновению затягивало утверждение, ссылаясь на другие ведомства. Тогда к Прокоповичу, министру торговли и промышленности, пришли путиловцы и заявили:

— Не уйдем, пока не утвердите.

— А министерство труда? — спросил Прокопович.

Ему указали на телефон.

Министр позвонил. Затем выдал путиловцам записку в правление общества Путиловских заводов: «Уведомляю, что новая расценка, принятая в междуведомственном совещании по общему тарифу, мною, по соглашению с господином министром труда, утверждается».

Капиталисты опротестовали действия Прокоповича, слишком поспешно утвердившего соглашение. Однако премьер-министр Керенский, которому они подали жалобу, побоялся отменить новый тариф.

Из-за волокиты с тарифом по цехам и мастерским завода не прекращались забастовки. 31 июля Шляпников пришел на завод уговаривать забастовавших электриков. Но вопреки его увещаниям, электрики 1 августа вновь прекратили работу.

Соглашатели, предатели рабочего класса, уже потеряли последние крохи влияния на путиловцев. Рабочие очищали организации, в первую очередь Совет, от меньшевиков и эсеров. К концу июля Петергофский Совет рабочих депутатов почти совершенно обновился. Там сосредоточилось крепкое ядро путиловских большевиков. Кузнечная мастерская заменила депутатов-эсеров депутатами-большевиками. В башенной отозвали бывшего председателя Совета, меньшевика Кузьмина. Его заменил большевик И. И. Газа. В шрапнельной вместо эсера и меньшевика были избраны большевики. Пушечная отозвала из Совета депутата-меньшевика. Председателем районного Совета стал путиловский электрик, большевик Иван Егоров.

Полная победа путиловских большевиков в Совете имела большое значение. Говоря об усилении большевистского влияния в массах, докладчик на собрании военной организации большевиков заявил: «Путиловский завод дал тридцать три большевика в Совет». А делегат VI съезда большевистской партии от Закавказья, докладывая съезду о работе закавказских большевиков, сказал: «...Именно Петроград является мерилом подъема или упадка революционной волны. Ничто

из «Правды» не производит такого впечатления, как резолюция Путиловского завода и вообще резолюция рабочих Петрограда и Москвы». ¹

Большевистский (в большинстве) состав районного Совета определял теперь твердую революционную линию Совета. Меньшевики и эсеры выступали как оппозиция и все чаще скатывались на путь прямой провокации и открытого предательства. Особенно ярко это проявилось в вопросе о разоружении рабочих.

29 июля, в разгар заседания Петергофского районного Совета, когда по-обычному горячо обсуждался доклад продовольственной управы о недостатке продовольствия, в комнату заседаний вошло несколько солдат. Они потоптались у входа, затем отошли в сторону, а один из них, молодежавший армейский щеголь с тремя нашивками, подошел к Егорову и шепнул ему что-то на ухо. Егоров кивнул головой и, проголосовав последнюю поправку, сразу же предоставил слово «товарищу-солдату — представителю сводного отряда».

Унтер-офицер говорил недолго. Начав по-митинговому резко и крикливо, он с требовательного тона быстро перешел на тон просьбы. Он увидел, что приветливые лица членов Совета стали серьезными и нахмуренными. Кое-кто резко поворачивался, и под ним неприятно поскрипывал стул. Председатель Совета Егоров бесшумно постукивал карандашиком по бумагам. Депутат верфи Суворов задвигался на стуле. Столяр Травников, о котором говорили, что ему «ноги покоя не дают», неутомимый спорщик, поспевавший всюду, пересел поближе, как бы давая этим знать, что готов первым ввязаться в спор. Шрапнельщик Корнеев изредка поглаживал голову и пожимал плечами.

— Вы знаете, что оружие скопилось у известных анархо-большевиков, — запинаясь, говорил унтер. — Вы знаете, какое теперь страна переживает положение и как нужно теперь нашей армии оружие... Разоружение должно быть произведено. За это стоит революционная демократия, и ее волю мы исполняем... Мы просим районный Совет оказать содействие в деле разоружения рабочих. Прошу вас помочь нам и облегчить нашу задачу.

Первым отвечал Суворов:

— Мы готовы и хотим разоружить черносотенную банду, а выходит так, что нужно разоружать рабочих. Знайте, товарищи, что рабочие и крестьяне будут протестовать против такого разоружения.

Травников спросил у солдат:

— Какую же контрреволюционную банду в рабочем квартале думают разоружить товарищи солдаты? Хотелось бы знать, надо ли производить разоружение на Невском?

Корнеев заявил, что предложение разоружиться — ловушка. Рабочие понимают это и не отдадут оружия. Раз у солдат есть приказание разоружать — пусть разоружают. Какого содействия они хотят от самих рабочих?

Против разоружения высказалось еще трое. Но вдруг вскочил меньшевик Петров и разразился криком, обращаясь к солдатам:

— Товарищи солдаты, перед вами находятся анархо-большевики.

Егоров застучал карандашом. Корнеев угрожающе поднялся. За-

¹ Протоколы шестого съезда РСДРП(б), Партиздат, 1934, стр. 93.

говорили, закричали все разом, сквозь шум были слышны отдельные возгласы:

— Провокатор! Предатель!

Петрова лишили слова.

Следующий оратор, большевик Козенко, заявил:

— Оружие, находящееся у рабочих, оплачено рабочей кровью, и рабочие не отдадут этого оружия. Какие казенные образцы хотят отбирать? Казенного нет — есть наше.

Меньшевики Копьев и Глебов выступили за содействие солдатам. Их резко обрывали.

Иван Егоров сурово обратился к пришедшим.

— Зачем вы пришли к нам? Вы можете разоружать и без нас. Мы — революционеры и революционных рабочих обезоруживать не хотим.

Районный комитет большевиков, предугадывая, что разоружители после Московской заставы могут появиться и за Нарвской, в этот день дал председателю Совета Егорову директиву: пояснить разоружителям, что в район Путиловского завода им соваться не следует, но отношения не обострять, может быть даже кое-что пообещать, чтобы они ушли поскорее и без шума. Это необходимо потому, что происходящий сейчас съезд партии возможно перенесет свою работу за Нарвскую заставу.

Егоров предложил Совету принять резолюцию о содействии в разоружении контрреволюционеров, бандитов и хулиганов. Резолюция была принята против голосов меньшевиков и эсеров, требовавших разоружения рабочих. Солдатам же было сказано, что выполнение постановления принимает на себя полностью Совет.

Солдаты сводного отряда ушли. Разоружение не состоялось.

VI СЪЕЗД БОЛЬШЕВИСТСКОЙ ПАРТИИ

После июльских событий каждый митинг на заводе превращался в суд над эсерами и меньшевиками. Путиловский завод клекотал ненавистью к шайке палачей революции, стоявших у власти. Общегородская конференция чернорабочих Петрограда, созванная путиловцами на заводе, присоединила свой голос к протесту «против травли товарища Ленина, против разгрома наших политических и профессиональных организаций». Путиловцы показали, что они твердо стоят на боевых позициях большевистской партии. Завод стал крепостью большевизма.

28 июля на общезаводском митинге делегат VI съезда партии большевиков Антон Слуцкий рассказал путиловцам о решении съезда партии: Ленину скрываться от ищек Керенского и не являться на буржуазный суд. Путиловцы приветствовали мудрое решение съезда большевиков:

«... Как один, все становимся под знамя партии пролетариата (большевики) для борьбы с контр-революцией и изменнической политикой руководящих верхов и вождей оборонческих партий (эсеров и меньшевиков) и все присоединяем свой пролетарский голос к приветствиям и резолюциям съезда по делу т. Ленина и др. Мы приветствуем съезд, как единственного верного, идейного и боевого вождя пролетарских масс в их борьбе с контр-революцией за полное торжество революции».¹

¹ «Рабочий и солдат» № 7, 30 июля 1917 г.

Восьмое заседание партийного съезда открылось по регламенту утром 29 июля, но тотчас же был объявлен перерыв для совещания президиума и членов Центрального комитета. В этот день Временное правительство опубликовало постановление, в котором военному министру и министру внутренних дел предоставлялось право запрещать и закрывать неудобные правительству собрания и съезды. Это постановление было прямо направлено против большевистского съезда. Каждую минуту можно было ожидать нападения и ареста делегатов. Съезд спешно избрал новый Центральный комитет.

В Нарвский районный комитет большевиков неожиданно приехал секретарь Центрального комитета партии Яков Михайлович Свердлов. Он показал членам комитета номер «Новой жизни», в котором было опубликовано постановление Временного правительства о закрытии съездов. Секретарь районного комитета Эмиль Петерсон, сдержанный и суровый, сжал кулаки.

— Прихлопнут съезд, сволочи, — пробормотал он.

— А вот мы не дадим прихлопнуть съезд, — заметил Свердлов. — Вспомним старое время, перейдем на нелегальное положение. Нужно перенести место работы съезда. Выборгская сторона уже известна властям. Съезд переедет за Нарвскую заставу. Районный комитет должен позаботиться об удобном помещении, должен организовать охрану съезда, найти квартиры для приезжих делегатов, подумать о снабжении делегатов питанием.

Свердлов говорил так, будто сам долгое время работал здесь в районе. Он знал, сколько за Нарвской боевых дружин, в чьих руках находятся органы самоуправления района, где лучше расставить патрули. Попутно Свердлов познакомился с каждым членом комитета: долго ли работал в подполье, что делал, в чем считает себя подготовленным — в агитации, в пропаганде, в организаторской работе. За короткое время, которое он побывал в районном комитете — не более часа, — он сказал именно то, что нужно было каждому, и каждому дал точные и ясные директивы.

За Нарвской заставой, в окружении десятков тысяч рабочих, съезд мог работать спокойно. Нарвская застава уже служила убежищем для городских партийных организаций: здесь была проведена конференция военной организации большевиков, здесь нашел временное местопребывание Петербургский комитет большевиков. И теперь, по зову партии, на защиту съезда большевиков хлынули бы из ворот Путиловского завода десятки тысяч рабочих.

30 июля VI съезд партии возобновил свои работы на новом месте, за Нарвской заставой — в районе Путиловского завода. Сначала он заседал в доме № 23 по Новосивковской улице, затем переехал на Петергофское шоссе (ныне улица Стачек) в дом № 2, напротив Нарвских ворот (где теперь стоит Дом культуры имени М. Горького). Патрули со всех сторон охраняли дом. Из числа дружинников красногвардейских отрядов в охрану отбирали тех, кто имел револьвер — предпочтительно наган, маузер или крупнокалиберный смит-вессон. По своей инициативе и без ведома руководителей съезда красногвардейцы из дружины районного комитета установили в окне чердака пулемет, замаскировали его, но решили не пускать его в действие без разрешения руководителей съезда.

Охрана съезда дежурила круглые сутки: днем — чтобы оберегать съезд в часы его занятий, ночью — чтобы наблюдать, нет ли передвижения войск и карательных отрядов, не окружают ли они заставу. Красногвардейцы готовы были в любую минуту отстоять небольшой домик, где посланцы партийных организаций страны намечали новую тактику партии, вырабатывали курс, по которому партия поведет пролетариат к победе.

Разместить приезжих делегатов, не имевших ночлега, районному комитету большевиков не представило большого труда. Члены районного комитета приходили к рабочим, имевшим квартиру или комнату, и говорили: «Надо дать товарищу приют на несколько ночей». И рабочий предоставлял свою квартиру, не расспрашивая, — эта конспиративная привычка крепко держалась у старых рабочих кадровиков. Школа нелегальной работы в годы самодержавия пригодилась теперь, в послеиюльские дни.

Путиловцы и рабочие других заводов окружили делегатов съезда вниманием и заботой. Работники продовольственной управы заготавливали для делегатов съезда хлеб, консервы, сахар. Несколько дружинников каждый вечер отправлялись на хлебозавод Путиловского общества потребителей, в районные продовольственные базы и, нагрузив двуколку продуктами, привозили ее к помещению съезда.

31 июля делегация путиловцев приветствовала VI съезд:

«Выражаю уверенность, — говорил представитель путиловцев, — что избранные товарищи делегаты из армии сознательного пролетариата преодолению все трудности, ввиду создавшейся реакционной атмосферы, и укажут путь для дальнейшей борьбы с угнетателями капиталистами, путь, по которому все как один, весь российский пролетариат, высоко подняв красное знамя, пойдет организованно на борьбу с хищниками в защиту своих классовых интересов, и еще сильнее раздастся клич российского пролетариата на весь мир: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

Да здравствует Всероссийский съезд РСДРП!

Да здравствует российская революция!

Да здравствует III Интернационал!

Беспощадная организованная борьба пролетариев и беднейших слоев крестьянства против капиталистов, помещиков, кадетов и К^а! Беспощадная критика разлагателей революции — социалистов-революционеров и меньшевиков.¹

Для ответного приветствия VI съезд послал на Путиловский завод делегатов съезда — В. Володарского и Е. Ярославского. Эта делегация выступала на общезаводском митинге путиловцев.

Большевики Путиловского завода внимательно следили за работами съезда по газете «Рабочий и солдат». Каждый вечер, по окончании заседания, Эмиль Петерсон приводил кого-нибудь из делегатов съезда от района на Новосивковскую № 23, и тот подробно рассказывал партийным работникам района о докладах и прениях на съезде.

Ленина на съезде не было. Преследуемый ищейками Временного правительства, Ленин скрывался и из подполья руководил съездом через своих соратников и учеников: Сталина, Свердлова, Молотова и Орджоникидзе.

¹ Протоколы шестого съезда РСДРП (б), стр. 141.

Из печати и рассказов делегатов перед путиловцами вырисовывалась огромная роль Сталина — докладчика по основным вопросам VI съезда партии. Сталин дал четкий ленинский анализ развития революции, разгромил оппортунистов — троцкистов и бухаринцев, пытавшихся протащить свои предательские, капитулянтские установки. Сталин отбил наскоки предателей на ленинскую теорию возможности победы социализма в одной стране, разоблачил их буржуазное отрицание социалистического характера грядущей революции.

Некоторым путиловцам — членам районного комитета — удалось побывать на съезде, когда Сталин произносил заключительное слово и когда он защищал резолюцию по своему докладу «О политическом положении». С удивительной четкостью Сталин формулировал свои доводы — ясные, простые, убедительные: на очереди дня — подготовка всех сил к вооруженному восстанию, необходима организация пролетариата и беднейшего крестьянства для свержения буржуазного правительства и захвата власти.

«Все решения VI съезда были направлены на подготовку пролетариата и беднейшего крестьянства к вооруженному восстанию. VI съезд нацелил партию на вооруженное восстание, на социалистическую революцию».¹

Неделю спустя после VI съезда партии, 11 августа, на Путиловский завод пришел Серго Орджоникидзе. Он явился как агитатор Петербургского комитета на собрание активных работников заводских организаций — цеховых комитетов, примирительных камер, уполномоченных больничной кассы, заводского комитета. Обстановка на заводе к этому моменту особенно обострилась. При прямом попустительстве Временного правительства завод шел к неминуемому краху. Угроза безработицы нависла над путиловцами. В особенно тяжелом положении находились чернорабочие, готовые забастовать в любую минуту. Заводский комитет едва удерживал их от объявления стачки.

Свой доклад Орджоникидзе посвятил решениям VI съезда партии. Он развернул перед собранием задачи предстоящей борьбы за социалистическую революцию. Перед рабочими со всей очевидностью предстала неизбежность вооруженного восстания. Как непреложный вывод, из слов Серго вытекало: нет другого выхода из капиталистической кабалы, из ужасов войны, кроме революционного свержения власти капитала.

Серго говорил, что популярный и близкий массам лозунг «Вся власть Советам» теперь необходимо снять. Каким Советам теперь передать власть? Тем, во главе которых стоят предатели эсеры и меньшевики, запятнавшие себя кровью рабочих? Тем Советам, которые вместе с Временным правительством на московском Государственном совещании освящают подготавливающийся поход контрреволюции? Разве возможно сейчас мирное развитие революции? Власть теперь находится в руках контрреволюционной буржуазии. Задача встает сейчас другая — полностью ликвидировать диктатуру контрреволюции, не надеясь на мирный переход власти в руки Советов. Ибо он невозможен.

Чтобы подчеркнуть значительность этого вывода, Серго привел заключительную фразу из доклада Сталина VI съезду партии:

«Мирный период развития революции кончился, наступил период мирный, период схваток и взрывов...»²

¹ История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков), Краткий курс, 1938, стр. 191.

² И. Сталин, На путях к Октябрю, 1925, стр. 102.

Серго шагал по помосту старого путиловского театра. Не торопясь, бросал он горячие слова, сопровождая их широким жестом своих больших сильных рук. Вдохновенная речь Серго захватила слушателей.

— Перед нами открывается широкий победный путь, — это Серго повторил несколько раз.

И рабочие понимали: победа в сплочении, в организации, в подъеме всего народа против контрреволюции.

В президиум с мест посыпались предложения — немедленно созвать общезаводский митинг. Пусть представитель Петербургского комитета, делегат большевистского съезда, товарищ Серго расскажет путиловцам об истинном положении в стране.

Собрание представителей путиловских цехов решило созвать общезаводский митинг. Серго охотно согласился выступить с докладом.

В три часа дня у трибуны в центре завода собрался многотысячный митинг. Серго легко взшел на трибуну и улыбнулся необъятной толпе, блеснув крепкими белыми зубами.

— Хо-орош митинг, — сказал Серго и, порывисто подойдя к барьеру, начал свою речь.

Он обличал предательство меньшевиков и эсеров, авал к упорной, настойчивой борьбе за завоевание широких народных масс. Он говорил:

— Вы, путиловцы, пролетарии, должны позаботиться, чтобы солдаты и крестьянская беднота пошли за вами в решительный момент борьбы. Когда за пролетариатом пойдет весь народ, тогда под его натиском рухнет вековой строй насилия и рабства.

На следующий день в Петроградский комитет большевиков явился представитель лафето-снарядной мастерской.

— В цеху сегодня собрание, — сообщил он. — Рабочие хотят выслушать отчет своего депутата в Петроградский Совет рабочих депутатов. Необходим агитатор. Мастерская просит прислать товарища Серго.

12 августа на митинге лафетчиков Серго Орджоникидзе развернул перед путиловцами картину предательства эсеров и меньшевиков, превративших боевой орган рабочего класса и солдатских масс в безвольный и безвластный придаток к контрреволюционному Временному правительству. Перед путиловцами он поставил задачу: добиться, чтобы их представители в Совете рабочих депутатов дрались за превращение Совета в боевой орган восстания и власти. Тут же, осуществляя призыв Серго, лафетчики отозвали из Совета своего депутата-меньшевика, лишили его полномочий и выбрали депутатом в Совет рабочего-большевика В. Мещерского.

Речи Серго еще больше сплотили путиловцев на борьбу за решения большевистского съезда. Подготовка к вооруженному восстанию сделалась основной боевой задачей всего путиловского рабочего коллектива.

Последующие события показали, что указания Ленина и Сталина и решения VI съезда большевистской партии были хорошо усвоены многотысячным коллективом путиловцев, показавшим немало примеров пролетарского героизма в борьбе за социалистическую революцию.

VI съезд партии большевиков принял особое решение «О союзах молодежи». Это решение положило основу, на которой вырос Коммунистический союз молодежи. Партия ставила задачей перед пролетарскими юношескими организациями добиваться «...по преимуществу цели развития классового самосознания пролетарского юношества путем пропаганды

Коллектив Социалистического союза рабочей молодежи путиловской мастерской

идей социализма, энергичной борьбы с шовинизмом и милитаризмом и одновременной защиты экономических и политических правовых интересов несовершеннолетних рабочих и работниц». ¹

На основе решений VI съезда большевики повели широкую работу среди молодежи, закрепляя пролетарские юношеские организации за партией как партийный резерв.

Юношеская организация, возникшая на Путиловском заводе в апреле и вскоре превратившаяся в Петергофско-Нарвский социалистический союз рабочей молодежи (ССРМ), с самого начала твердо стала на большевистские позиции. Во главе союза стояли молодые путиловские большевики.

Вплоть до августа Союз молодежи вел упорную борьбу с буржуазными агентами, проникшими в петроградскую юношескую организацию «Труд и свет». Путиловцы добивались четкой классовой революционной линии в этой организации. Они разоблачали враждебные рабочему классу и молодежи буржуазные установки руководителей организации «Труд и свет», пытавшихся свести молодежь с революционного пути, вырвать молодежь из-под влияния большевиков и повернуть ее на путь «самоусовершенствования» и культурничества.

Вооруженные решениями VI съезда партии, молодые путиловские большевики во главе с Васей Алексеевым с помощью партийных организаций сумели добиться самороспуска организации «Труд и свет». Одновременно они готовили объединение всех пролетарских юношеских организаций Петрограда в единый классовый Социалистический союз рабочей молодежи.

¹ Протоколы шестого съезда РСДРП(б), стр. 251.

18 августа, две недели спустя после VI съезда партии, за Нарвской заставой в помещении районного комитета большевиков состоялась первая общегородская конференция пролетарских юношеских организаций. На этой конференции оформился Петроградский социалистический союз рабочих молодежи. В резолюции о задачах организации конференция определила цели и задачи ССРМ:

«Социалистический Союз Рабочей Молодежи есть классовая организация пролетарского юношества, имеющая своей главной целью развитие классового самосознания подрастающего поколения рабочего класса, поднятие уровня его культурного развития, как необходимое условие подготовки к сознательной и решительной борьбе за освобождение всех угнетенных и эксплуатируемых от ига капитала, — борьбе за социализм».¹

Решения VI съезда партии «О союзах молодежи» начали проводиться в жизнь. Петроградская рабочая молодежь становилась надежным резервом и помощником партии большевиков в борьбе за социалистическую революцию.

КОРНИЛОВЩИНА

Революция нарастала — и в ответ спланивались силы контрреволюционной буржуазии. 3 августа 1917 года в Москве состоялся 2-й всероссийский торгово-промышленный съезд. Заводчик Рябушинский открыто провозгласил на нем программу капиталистов: костлявой рукой голода, народной нищеты и разрухи задуть революцию. Вслед за этим, 12 августа, Временное правительство созвало в Москве Государственное совещание, которое Ленин назвал «коронацией» контрреволюционного правительства. На совещание съехались представители буржуазии, помещиков, генералитета, офицерства, казачества, представители соглашательских партий. Целью совещания было — мобилизовать все контрреволюционные силы и договориться о способах подавления нарастающей революции. Единственной действенной мерой совещание сочло военную диктатуру. Будущим диктатором намечался главнокомандующий армии генерал Корнилов.

На тайном предварительном совещании в вагоне у генерала Корнилова присутствовал и А. И. Путилов, бывший хозяин Путиловского завода. Он мог бы стать снова настоящим хозяином — Керенский охотно отдавал ему завод обратно и пригласил участвовать в его управлении. Но Путилов отказался. Он заявил:

— Путиловский завод — загнанная лошадь, его остается только продать цыгану.

В Корнилове банкир Путилов увидел подходящего человека, способного стать палачом революции. Путилов присутствовал на совещании у Корнилова как человек, могущий финансировать контрреволюционный заговор. Он не был новичком в заговорах, — в свое время он имел отношение к клике, готовившей дворцовый переворот. Теперь он выплыл на съезде промышленников и на московском Государственном совещании. По словам генерала Алексеева, одного из крупнейших атаманов контрре-

¹ «Рабочий» № 6, 29 августа 1917 г.

волюции, Путилов был связан с корниловцами «общностью идей и подготовки» заговора. После Октябрьской революции роль Путилова в корниловской аванюре была вскрыта. Путилов бежал от ареста за границу. Советская власть постановила объявить Путилова врагом народа и конфисковать все его имущество.

На Государственном совещании Корнилов требовал введения «железной дисциплины в армии и твердой власти в тылу». Это означало открытый белый террор против революционных народных масс. Одновременно Корнилов сговаривался с Временным правительством о практических шагах к введению диктатуры: в первую очередь намечали «упразднить Комитеты и Советы». «Демократическое» правительство Керенского вместе с царским генералом тайно готовило установление кровавой военной диктатуры.

Еще 11 августа, накануне открытия совещания, многотысячный митинг путиловцев по докладу Серго Орджоникидзе принял резолюцию, основной пункт которой — о Государственном совещании — гласил:

«Протестовать против Московского совещания, как попытки подменить всенародную волю отложенного созывом Учредительного собрания волей помещиков и капиталистов всех четырех царских Государственных дум и организаций торгово-промышленного класса, и в знак протеста отчисляем однодневный заработок на рабочую печать».

13 августа центральный орган большевистской партии «Пролетарий», публикуя эту резолюцию путиловцев, обратился к рабочим и солдатам Петрограда с призывом:

*«Присоединяйтесь к путиловцам и организуйте сегодня в знак протеста против «совещания» сборы в пользу гонимой и преследуемой партийной печати».*¹

О московском совещании заговорили в цехах завода. Турбинная мастерская верфи заявила:

*«Принимая во внимание, что Исполнительный комитет Совета Рабочих и Солдатских Депутатов принял участие в московском совещании, не ознакомившись предварительно с мнением общего собрания С. Р. и С. Д... протестуем против такого образа действий Исполнительного комитета и требуем его полного переизбрания».*²

16 августа путиловцы на общезаводском митинге вновь слушали доклад о московском совещании. Зловещая формула Рябушинского, введение смертной казни, слухи о планах генерала Корнилова воспринимались как открытое объявление войны революционному народу.

Выступал Володарский. После него на трибуну поднялась взволнованная, плачущая женщина-финка. Она рассказала о разгоне финляндского сейма, о рабочей крови, которую проливает на улицах Гельсингфорса правительство буржуазии.

Собрание постановило: на выборах в городскую думу голосовать за список большевиков № 6; протестовать против разгона финляндского сейма; выразить сочувствие финскому пролетариату.

Теперь, приезжая в Петербургский комитет после митингов на Путиловском заводе, большевистские агитаторы — Володарский, Серго, Слуцкий, Урицкий — вносили в журнал записей митингов и лекций свои краткие замечания о путиловских собраниях:

¹ «Пролетарий» № 1, 13 августа 1917 г.

² Там же, № 4, 17 августа 1917 г.

«Успешно».

«Принята наша резолюция».

«Противникам не давали говорить».

Уже не только Путиловский завод был крепостью большевизма. Крепостью партии большевиков становилась вся Нарвская застава. 23 августа были опубликованы результаты выборов в Петергофскую районную думу. Выборы дали большевикам 17 254 голоса. Эсеры получили 8807 голосов, кадеты — 964 голоса, меньшевики — ничтожное количество, до двухсот голосов. Районная дума, ранее бывшая в руках эсеров, теперь стала большевистской. Все решающие организации района — Совет, продовольственная управа, профессиональные союзы, дума — находились в руках большевиков.

Каждый день приносил все новые сведения о приготовлениях контрреволюции. Большевики предупреждали рабочих о возможном выступлении буржуазии. Все это заставляло рабочие массы быть настроенными решительно.

И все же весть о выступлении генерала Корнилова поразила своей внезапностью. В день, когда намечалось празднование полугодовщины свержения самодержавия — 27 августа, — Корнилов, сняв войска с фронта, двинулся на Петроград.

— Что теперь делать? — спрашивали друг у друга рабочие.

Большевистская газета «Рабочий», выпущенная в этот день, ответила на все недоуменные вопросы, дала четкую боевую линию. Рабочие не допустят осквернения столицы России грязными руками врагов революции. Они грудью будут отстаивать боевое знамя революции.

Призывы большевиков, разъяснения агитаторов районного и заводского комитетов на летучих митингах сводились к одному:

— Отбить Корнилова! Организовать сокрушительный отпор контрреволюции.

Утром 28 августа в путиловском театре собралась очередная конференция чернорабочих — двести делегатов от пятидесяти девяти заводов. На конференции присутствовали путиловские большевики. Конференция приняла решение разойтись по заводам и поднять рабочих против Корнилова.

Цеховые комитеты Путиловского завода получили задание готовить и формировать отряды; во главе дружин ставить солдат; заняться военным обучением рабочих. По цехам шли митинги под лозунгом: «Все на борьбу против Корнилова!»

Против контрреволюции выступили полки Петроградского гарнизона. Завод снабдил Измайловский полк походными кухнями. Измайловцы благодарили путиловских рабочих за внимание, товарищескую связь и помощь. В ответ заводский комитет написал солдатам Измайловского полка:

«Путиловский заводский комитет и впредь будет рад поделиться с дорогими товарищами-измайловцами как кухнями, так и более серьезными военными предметами, в случае выступления одного из многих расплодившихся авантюристов-контрреволюционеров среди генералов, мечтающих о самодержавии и народном рабстве.

Заводский комитет жмет вашу товарищескую руку и надеется, что сердца измайловцев горят тем же святым революционным огнем, каким

горят сердца путиловцев, и что эти сердца, в момент опасности для революционного народа, составят единое могучее, пламенное сердце». ¹

В Павловский полк поехали представители Совета и заводского комитета. Там им сказали:

— Не отставали от вас до сих пор, не отстанем и теперь. К нам пришел приказ из ставки выступить в город Юрьев. Как видите, приказа мы не выполнили.

Завод поднимался, увлекая за собой революционные солдатские полки, с которыми он побратался во время февральских боев.

Координацию действий районных Советов против Корнилова взяло на себя Междурайонное совещание Советов, во главе которого стояли большевики. К вечеру 28 августа оттуда пришли директивы: тщательно отбирая лучших, вооружить небольшое количество рабочих и создать районный революционный комитет.

Вооружение рабочих, организация отрядов, обучение их — на заводе были в разгаре. Экстренный выпуск большевистской газеты «Рабочий», расчерченный карандашом, лежал на столе в заводском комитете. Его статьи становились директивами. Революционный комитет был избран из восемнадцати большевиков. Он сразу же забрал в свои руки дело снабжения, создал комендатуру, объединявшую все вооруженные силы Петергофского района и Путиловского завода. В районе были введены круглосуточные патрули. На улицах, площадях, внутри завода маршировали с винтовками отряды красногвардейцев. В заводском комитете подвели итог: записалось свыше двух тысяч человек.

— Оружие! Дайте оружие! — требовали рабочие.

Оружия нехватало. Толпами стояли путиловцы на заводском дворе. Часами ждали уехавших за оружием. Депутаты Совета Степан Корнеев и Иван Газа отправились в Смольный, в «Комитет народной борьбы с контрреволюцией». Большевики участвовали в этом комитете, созданном ВЦИКом на условиях вооружения рабочих. В Смольном путиловцы встретились с членом комитета Ф. Э. Дзержинским, снабдившим их ордером на получение оружия. Узнав, что у путиловцев есть связи с войсками Ораниенбаума и Петергофа, Дзержинский дал путиловцам ответственное поручение: изолировать Ораниенбаумскую школу прапорщиков, чтобы она не выступила на стороне корниловцев; окружить ее бдительным надзором солдат Ораниенбаумского гарнизона и разоружить ее, если она попытается восстать.

Степан Корнеев уехал в район за грузовиками, Иван Газа — в Ораниенбаум выполнять поручение Дзержинского.

По ордеру депутат Совета Ф. Лемешев и рабочий И. Смолин привезли с Малой Охты два грузовика с винтовками. Нагружая автомобили, они посмеивались:

— Пригодится и не только для Корнилова.

Керенский, сам участвовавший в заговоре Корнилова, в последний час испугался. Он понял, что выступление Корнилова подымает народные массы, которые заодно с Корниловым сметут и всех соглашателей. Он круто изменил фронт: обратился к рабочим за помощью и робко открыл для них военные склады.

«Насмерть перепуганные эсеро-меньшевистские лидеры, в том числе

¹ ЦВИА, Фонд л. г. Измайловского полка, д. № 2.

Керенский, искали в эти дни защиты у большевиков, ибо они убедились, что единственная реальная сила в столице, способная разбить Корнилова, — это большевики.

Но, мобилизуя массы на разгром корниловщины, большевики не прекращали борьбы и с правительством Керенского». ¹

Рабочие, приезжавшие на склад, брали оружие без счета, не глядя на цифру, поставленную в наряде. Путиловцы привезли на завод военное обмундирование, патронташи, баклажки, подсумки. Отрыли законпанные пулеметы. В Петропавловской крепости группа рабочих получила большое количество револьверов, винтовок, ручных гранат, пулеметных лент. Из Шлиссельбурга в Петроград прибыла баржа с пироксилиновыми пашками, капсюлями и бикфордовым шнуром. Шлиссельбуржцы явились к председателю Петроградского Совета Чхеидзе. Чхеидзе посовещался с ним ехать обратно, заявив, что исполнительный комитет, когда будет нужно, вызовет их в Петроград.

Шлиссельбуржцы пошли к большевикам Выборгского районного Совета. Оттуда позвонили в Петергофский районный комитет большевиков. Петроградские рабочие разгрузили баржу. Путиловцы привезли грузовой с четырнадцатью ящиками шашек по сто штук в каждом. Их стащили в одну из комнат комитета и в переднюю квартиры союза металлистов. Несколько ящиков попало в заводский комитет Путиловского завода.

«Главное теперь — готовить пушки», — сказал районный комитет большевиков. «Дать орудия!» — такой приказ от заводского комитета получила пушечная мастерская.

И пушечная заработала, как никогда за все время своего существования. Казалось, по-обычному стояли пушечники у своих станков, внимательно вглядываясь в размеренный ход резцов. Вагонетки, груженные готовыми изделиями, как всегда подкатывались к сборке и вновь уходили за другими деталями. Тихоходные краны попрежнему перекачивались с места на место, волоча тяжелые тела орудий. На деле опытный взгляд улавливал нечто новое, особенное в темпе работ мастерской.

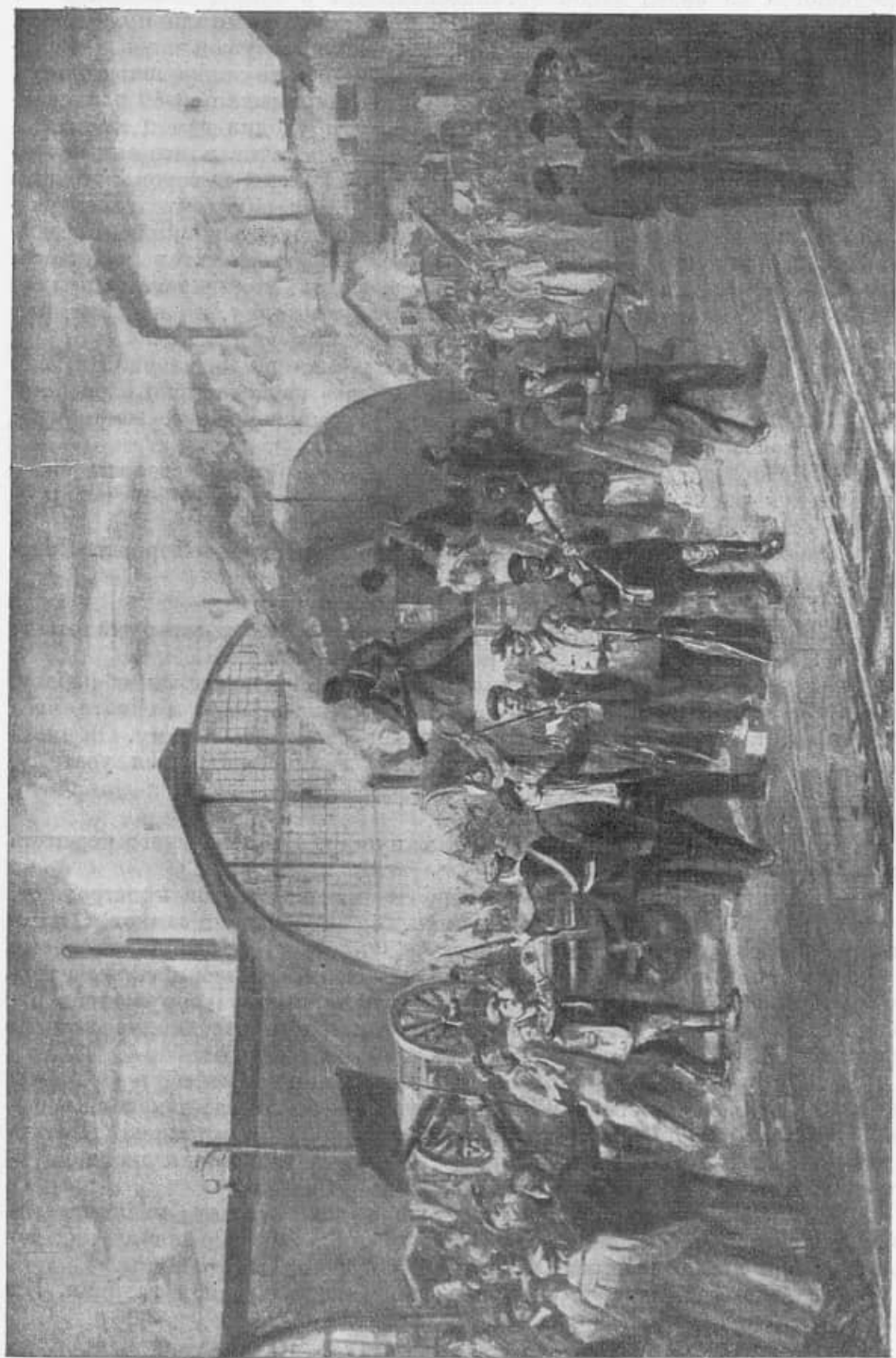
Старик-слесарь на сборке никогда раньше не поднял бы сам тяжелую деталь. Это было ниже его достоинства. Он позвал бы чернорабочих или долго приспособлял бы переносные тали. А теперь этот слесарь со своим помощником укладывает крупную часть пушки без талей, без чернорабочих, без привычной мысли: работа не волк, в лес не убежит.

Тяжелые лафеты и блестящие тела орудий вручную подавали к сборке; вручную выкатывали орудия для отправки на полигон. Пришедшие с полигона пушки, требовавшие обычно небольших доделок и исправлений, сразу же брали в работу. Без понуканий и приказов быстро сновали чернорабочие, перебрасывая в нужные места детали, механизмы, собранные орудия, и выкатывали «систему» за «системой», выстраивая их у выхода из мастерской.

Все видели: вчера было лишь несколько готовых да десятки полусобранных орудий, сегодня готовых уже десятки, а через несколько часов число готовых и пристрелянных (опробованных) превысит первую сотню.

По большому пролету сборки растерянно ходил старый мастер пушечной. Он видал виды в этой мастерской, сам не раз работал «экстру»,

¹ История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков), Краткий курс, 1938, стр. 192—193.

Вооружение путловских рабочих в дни борьбы с корниловщиной. (С картины художника Толмачева.)

но никогда не видел такой организованности и такой, незаметной неопытному глазу, расторопной быстроты, с какой работали пушечники.

Старик долго ходил по мастерской, как лишний и чужой человек. Всматриваясь в людей, он пытался разгадать, какая пружина движет ими, что вдохновляет их? В этот бурный 1917 год старик жил своей размеренной жизнью. Приходил во-время на работу и уходил домой также во-время. Он считал себя уже прожившим свой век, считал, что ему нечего путаться в политику, от которой он всегда был далек за сорок с лишним лет работы на Путиловом. Но поневоле иногда и ему приходилось участвовать в решении политических вопросов. Он кое-что понимал, изредка ввязывался в разговоры, но активной деятельности не хотел проявлять.

Впервые старый мастер был не у дел. Видел, что не так уж нужен. Он с удовольствием ушел бы домой или в конторку, но не знал, как это сделать ему, ни разу не уходившему со своего участка.

«Что ему, таракану, надо?» — подумал мастер, когда увидел, как усатый слесарь, прекрасный работник, немного грубоватый и насмешливый, закончив операцию, откатил пушку и громко, радостно вскрикнул:

— Готово, забирай!

— Я его в экстру, — бормотал мастер, — просил три сделать, он — больше как две не могу, говорил, а теперь, ишь, таракан, без экстры — пятую гонит...

Одиноким мастер ходил по пролету, но, наконец, не выдержал. Подошел к усатому и спросил:

— Чего гонишь-то?

Впервые в стенах пушечной мастерской послышался гордый ответ:

— Не для хозяина, для себя работаем.

Мастер отошел. Потом скинул пиджак и сам ввязался в работу. Он давно привык только распоряжаться, но не прошло и одного часа практики, как вся сноровка прошлых лет вернулась к нему. Он окончил первое орудие, откатил его и нарочно громко, подражая усатому, крикнул:

— Готово, забирай! Вези!

Полигон не успевал пристреливать пушки. Из заводского комитета пришло распоряжение:

— Отсылайте их как есть. На фронте против кадетов пристреляют.

Много пушек вывезли без пристрелки, без опробования замков. С ними отправлялись слесаря с инструментами для отрегулирования на месте.

Трое суток, не умолкая ни на минуту, гудели артиллерийские мастерские Путиловского завода, трое суток безостановочно вооружались рабочие. Сотня пушек вышла из стен Путиловского завода для защиты революции.

В Центральном совете фабзавкомов, в районном Совете, в районном комитете большевиков, в союзе металлистов — везде, где узнавали о выпущенной сотне пушек и готовящейся второй, изумлялись. Прежде на выпуск такого количества пушек тратили не три дня, а около двух-трех недель.

Автомобильная мастерская ремонтировала грузовые машины, собирала «Уайты», закупленные за границей, и устанавливала на них зенитные орудия. Башенная ремонтировала броневые машины.

Ежечасно формировались отряды и команды Красной гвардии. Их вооружали и немедленно отправляли на фронт.

Команда тарутинцев и шестьсот рабочих с пулеметами и орудиями отправились под Лугу. Был создан отряд кавалеристов. Не дождавшись коней, он ушел на фронт пешком. Артиллеристы уходили с пушками. Отдельный отряд связи растянулся по всему фронту, занятому путиловцами, от Дудергофа до Пулковских высот. Он же осуществлял связь с заводом.

Появились саперы. Они уводили с собой толпы рабочих для рытья окопов и устройства заграждений. Железнодорожный цех был мгновенно очищен от кирок, мотыг, лопат и других инструментов железнодорожного ремонта. Забрали для рытья окопов все лопаты из цеховых кладовых.

У Нарвских ворот и у Шелкова переулка революционный комитет открыл питательные пункты. Руководство ими взяли в свои руки работницы.

Под Пулково отправился женский санитарный отряд, за несколько часов обученный лазаретным фельдшером правилам оказания первой помощи раненым.

В течение трех суток с завода ушло больше десяти отрядов. Во главе каждого из них был член заводского комитета. Общая численность отрядов определялась в восемь тысяч человек.

29 августа происходили собрания по мастерским. Везде подтверждали: «Включаемся в оборону Петрограда от Корнилова».

В эти дни путиловцы разогнали отделение кадетской партии, которое обосновалось в районе по Петергофскому шоссе в доме священника и состояло из нескольких десятков домовладельцев, лавочников и местной служилкой интеллигенции. Кадетам предложили убраться, и район очистился от кадетской нечисти.

Корниловщина была отбита. Главные массы корниловских войск, задержанные железнодорожниками и распропагандированные рабочими и революционными солдатами, так и не подошли к Петрограду. На всем протяжении линии фронта рабочим не пришлось применять огнестрельное оружие. Они действовали оружием революционного слова. И этого оказалось достаточным, чтобы разложить обманутые Корниловым войска. «Дикая дивизия», на которую особенно надеялся Корнилов, была оставлена делегацией от мусульманских народностей, посланной по инициативе С. М. Кирова. Контрреволюционная авантюра провалилась.

Подводя итоги корниловщины, Ленин писал:

«Историческое значение восстания Корнилова состоит именно в том, что оно с чрезвычайной силой открыло массам народа глаза на ту истину, которая была прикрыта и прикрывается до сих пор соглашательской фразой эс-эров и меньшевиков, именно: помещики и буржуазия с партией к.-д. во главе и стоящие на их стороне генералы и офицеры организовались, они готовы совершить и совершают самые неслыханные преступления, отдать Ригу (а затем и Петроград) немцам, открыть им фронт, отдать под расстрел большевистские полки, начать мятеж, повести на столицу войска с «дикой дивизией» во главе и т. д. — все это ради того, чтобы захватить всю власть в руки буржуазии, чтобы укрепить власть помещиков в деревне, чтобы залить страну кровью рабочих и крестьян».¹

Корниловщина окончательно решила бесславную судьбу эсеров-меньшевистского руководства Петроградского Совета. Рабочие и солдаты отзывали меньшевиков и эсеров десятками, заменяя их большевиками.

¹ Ленин, Сочинения, т. XXI, стр. 138—139.

31 августа Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов впервые за время своего существования принял большевистскую резолюцию.

5 сентября меньшевистско-эсеровский президиум подал в отставку. Отставка соглашателей получила следующую оценку путиловцев:

«Этим мелкобуржуазным коллегам давно бы пора уйти из революционного органа, который является представителем передовых революционных рабочих, солдат и крестьян. Своим соглашательством с контрреволюционерами, — кадетами и угнетателями пролетариата, они лишь предавали революцию».¹

После разгрома корниловщины необычайно выросло влияние большевиков. Оживились Советы, вышедшие на широкую дорогу революционной борьбы. По всей стране большевизировались профессиональные союзы, фабрично-заводские комитеты, Советы. Революционизировалась армия. Повсеместно поднимались крестьянские восстания. Деревенская беднота теснее сплачивалась вокруг партии большевиков. Росло движение угнетенных национальностей. Партия большевиков создавала свою политическую армию для свержения власти буржуазии и передачи всей власти Советам, руководимым большевиками.

Лозунг «Вся власть Советам!», вновь выдвинутый партией большевиков после разгрома корниловщины, стал лозунгом подготовки вооруженного восстания.

РАБОЧИЙ КОНТРОЛЬ

Повседневно осуществляя рабочий контроль над производством, заводский комитет сталкивался все с большим сопротивлением генералов из путиловского правления. Для подлинного контроля необходимо было вмешаться в общее руководство заводом — проверить его действительное состояние, его заказы, финансы и задолженность. Но именно к этому старательно не допускали рабочих генералы из путиловского правления.

— Вы убеждаете нас, — говорили им члены заводского комитета, — что работаете в убыток и постоянно испытываете недостаток средств. Мы хотим проверить это. Нам известно, что совсем недавно завод работал с большими прибылями и может работать дальше. Вы же не обеспечиваете его ни сырьем, ни топливом, ни деньгами и предлагаете увольнять рабочих.

Но не в интересах генеральского правления было раскрыть перед рабочими тайны своего хозяйничания, направленного к разрушению и закрытию завода. Правление отказалось открыть перед рабочими бухгалтерские книги, мотивируя невозможностью нарушить коммерческую тайну. Но члены заводского комитета твердо настаивали на этом. Они понимали, что именно здесь, как говорил Ленин, «...ключ ко всякому контролю. Именно здесь самое чувствительное место капитала, грабящего народ и саботирующего производство».²

Все хуже становилось положение завода. К осени 1917 года разруха в стране, усугубляемая контрреволюционной политикой саботажа, достигла угрожающих размеров. В Петрограде иссякли последние запасы топлива и металла, а разбитый транспорт не мог доставлять даже ничтож-

¹ «Рабочий путь» № 10, 14 сентября 1917 г.

² Ленин, Сочинения, т. XX1, стр. 171.

ные грузы продовольствия, шедшие в столицу. Особые совещания по обороне и по топливу, вкупе с саботажниками из общества заводчиков и фабрикантов, стремились путем дезорганизации производства привести рабочий класс к массовой безработице, обессилить и разгромить пролетариат. Капиталисты закрывали завод за заводом. Росла безработица, усиливался голод.

В этих условиях борьба за рабочий контроль приобретала исключительное значение. Ленин писал:

«Путь к спасению от катастрофы лежит только в установлении действительно рабочего контроля за производством и распределением продуктов».¹

Лозунг рабочего контроля был непосредственно связан с лозунгом диктатуры пролетариата. Он ставился большевиками «...всегда рядом с диктатурой пролетариата, всегда *вслед* за ней...»² На VI съезде большевистской партии товарищ Сталин, разоблачая предательские, капитулянтские позиции троцкистов, подчеркивал неразрывность лозунга рабочего контроля с лозунгом борьбы за власть. Говоря об условиях, благоприятствующих прорыву в России цепи империализма, товарищ Сталин показал, что вмешательство рабочих в хозяйственную жизнь создало реальную основу «...постановки вопроса о социалистической революции у нас в России. Поскольку рабочие вмешиваются активно в процесс организации контроля, обмена, постольку у нас ставится практический вопрос о социалистической революции».³

То обстоятельство, что хозяином Путиловского завода являлось Временное правительство, делало для каждого рабочего особо ощутимой связь рабочего контроля с задачей борьбы за власть. На Путиловском заводе рабочие быстрее и отчетливее постигали классовую сущность Временного правительства. Они видели, как каждое рабочее предложение или требование встречало сопротивление то одного, то другого министерства, то нескольких министерств сразу, как это было в тарифном вопросе.

Борьба за контроль между путиловскими рабочими и правлением общества Путиловских заводов все обострялась. Заводский комитет все решительнее и энергичнее забирал в свои руки управление внутризаводскими делами. Цель была — не дать заводу окончательно разрушиться, не дать генералам закрыть завод.

В первую очередь встал топливный вопрос. Нужда завода в топливе была велика. Путиловский завод потреблял около десяти процентов количества топлива, расходуемого во всем Петроградском промышленном районе. Для нормальной работы всех станций, кочегарок, печей и паровозов ему ежемесячно требовалось 1750 тысяч пудов угля и нефти. В начале 1917 года Особое совещание по топливу установило заводу норму в один миллион пудов в месяц. На август ее сократили до 550 тысяч. Но и этой сокращенной нормы завод не получал и работал с большими перебоями. В сталепрокатной мастерской 87 процентов всех простойных дней явились результатом отсутствия топлива. То же было и в других мастерских. В августе и сентябре выпуск продукции по заводу сократился вдвое-вчетверо против марта месяца. Несколько цехов вовсе не работало. Мартеновские печи на заводе потухли.

¹ Ленин, Сочинения, т. XX, стр. 422.

² Там же, т. XXI, стр. 259.

³ И. Сталин, На путях к Октябрю, 1925, стр. 98.

Саботаж правительственного правления достиг крайних пределов. Генералы не заботились о добыче металла и топлива, не появлялись на заводе, месяцами задерживали выполнение любого требования, не отвечали даже на запросы заводской администрации. Но, чтобы создать видимость работы, они регулярно заседали и выносили решения по совершенно пустячным вопросам. Так, 6 августа правительственное правление общества Путиловских заводов обсуждало вопрос о приеме мальчика в контору железнодорожного отдела. Было постановлено: «Утвердить с 1 августа 1917 года мальчика Константина Березина в штат прислуги железнодорожного отдела с окладом жалованья в 20 рублей в месяц». 28 августа правление занималось не менее «важной» проблемой: дать или не дать Московско-Виндавской железной дороге в аренду железнодорожные домкраты за плату в 100 рублей. После долгих разговоров решено было: дать домкраты.

Рабочие сами заботились о добыче топлива. В Донбасс отправился председатель заводского комитета Антон Васильев. Члены топливной комиссии разъехались по окрестностям Петрограда доставать уголь, разыскивать запасы нефти, добывать дрова. Специально созданная техническая комиссия разрабатывала план перевода кочегарок с минерального на дровяное топливо. Обнаруженные на заводе богатые залежи лома и старого металла были подготовлены к переплавке.

Розыски топлива увенчались успехом. Заводский комитет нашел миллион пудов угля и нефти. Но, когда дело коснулось покупки топлива, правление безапелляционно заявило, что денег у него нет.

Возмущенные путиловцы бросились в высшие правительственные учреждения: к военному министру, в Особое совещание по обороне, в министерство торговли и промышленности и в министерство труда. Всюду встречали они холодный прием и формальные разъяснения о том, что, очевидно, финансовые дела правления плохи, раз оно отказывается покупать топливо. Путиловцы настаивали на предоставлении им права проверить финансы завода, но в этом им категорически отказали. Тогда рабочие заявили, что превратят этот конфликт в общепитерский и все-таки поставят на своем — топливо будет, и завод не остановится.

Опасаясь выступления путиловцев, Особое совещание по обороне сделало вид, что заинтересовалось судьбой завода, и предложило членам заводского комитета явиться на специальное по этому поводу заседание. Инженер Пальчинский, руководитель Особого совещания, заявил представителем рабочих:

— Правительство согласно дать Путиловскому заводу восемьдесят восемь миллионов рублей и все необходимое на окончание работ в текущем году, но ставит непременным условием: во-первых, заводскому комитету принять на себя организацию расчета десяти-двенадцати тысяч рабочих; во-вторых, принять на себя ответственность за ход работ и производительность завода; в-третьих, не вмешиваться в общее руководство заводом.

В своей работе «Грозная катастрофа и как с ней бороться» Ленин писал о контрреволюционных действиях Пальчинского, стоявшего за спиной Временного правительства: «Пальчинский тормозил и срывал всякие серьезные меры самочинных демократических организаций, ибо ни одна серьезная мера не могла состояться без «ущерба» безмерных при-

былей и самодурства Кит Китычей. А Пальчинский именно верным защитником и слугой Кит Китычей и был...

Вся история «царствования» Пальчинского — а он «царствовал» много месяцев и как раз тогда, когда Церетели, Скобелев, Чернов были «министрами», — есть один сплошной, безобразный скандал, срыв воли народа, решения демократии *в угоду* капиталистам ради их грязной корысти.¹

Якобы для осуществления рабочего контроля, Пальчинский предлагал путиловцам создать «заводское совещание», в котором рабочим представлялось бы пять мест без права решающего голоса.

Это было явно провокационное предложение: Пальчинский думал путем привлечения рабочих в заводское совещание свалить на них ответственность за развал завода. Предложения Пальчинского были решительно отвергнуты рабочими. Заводский комитет не мог и не хотел принимать на себя ответственность за разруху на заводе, созданную генералами, и не хотел принять на себя расчет одной трети рабочих. В ответ на предложения Пальчинского заводский комитет заявил, что возьмет на себя всю ответственность лишь в том случае, если орган управления заводом будет составлен из представителей рабочих и представителей заинтересованных министерств, причем две трети решающих голосов будет за рабочими. Поняв, что путиловцы не поддаются на провокацию, Пальчинский стал затягивать переговоры, ссылаясь на необходимость согласования вопроса о положении Путиловского завода с военным и другими министерствами.

Между тем правление завода по указке Пальчинского и общества заводчиков и фабрикантов официально уведомило администрацию о расчете одиннадцати тысяч рабочих.

Весть об увольнении вызвала целую бурю. Толпами шли рабочие в заводский комитет, требуя немедленно дать отпор зарвавшимся контрреволюционерам. В заводском комитете уже была ясная программа действий: расчета не допускать, а в случае дальнейшего ухудшения с толпилом — еще раз очистить мастерские от чуждых и посторонних людей, поступивших на завод в годы войны, чтобы укрыться от мобилизации.

Во всех газетах было опубликовано сообщение о том, что «мерами, принятыми рабочими организациями, расчет пока отклонен». Заводский комитет создал комиссию для установления действительно возможного и необходимого сокращения рабочих. Это было сделано для того, чтобы разоблачить провокационные слухи и клевету меньшевистской и черносотенно-буржуазной печати о том, будто на Путиловском заводе держат тысячи лишних людей и рабочие организации своим вмешательством в хозяйственные дела ухудшают положение завода.

На третьей Петроградской конференции фабрично-заводских комитетов, 10 сентября, эта клевета получила достойную отповедь. Представитель путиловцев подробно рассказал, как хозяйничают генералы и как они подвели завод к пропасти. Если бы не заводский комитет — Путиловский завод уже давно был бы закрыт или сожжен, а его революционный сорокатысячный рабочий коллектив распылен. Отвечая на инсинуации меньшевистской печати, будто заводский комитет превышает свои права, представитель путиловцев в заключение сказал:

¹ Ленин, Сочинения, т. XXI, стр. 180—181.

— А кто дежурить на заводе будет, как это делаем мы, чтобы не сожгли завод сами его хозяева?

В конце сентября вопрос о сокращении числа рабочих на заводе обсуждался на объединенном заседании заводских организаций и районного Совета рабочих депутатов. Здесь со всей резкостью вскрылась подлая, предательская роль меньшевиков. Меньшевик Глебов требовал принять предложения Пальчинского. В момент, когда в Петрограде рабочие под руководством большевиков готовились к решительному штурму власти капитала, он заявлял, что «улучшение фабричного законодательства — вот наша задача». Он выступал на совещании, выступал в печати, сея провокацию, и дал этим пищу буржуазно-меньшевистской печати для клеветнических обвинений рабочих и заводского комитета.

Совещание решило: сокращению могут быть подвергнуты тысяча двести «учетчиков». Кроме того, следует считать уволенными две тысячи добровольно ушедших. Все остальные рабочие должны остаться на заводе.

В центр обсуждения естественно встал вопрос о рабочем контроле. Представитель шрапнельной М. Горелик решительно требовал «во что бы то ни стало столкнуть, выбить правительственное правление — эту тормозящую дело кучку бездарных генералов».

Обсуждая предложения Пальчинского, рабочие говорили:

— Мы можем быть в заводском совещании лишь с совещательным голосом до тех пор, пока не завоюем весь контроль полностью. Наш лозунг — контроль, и мы должны его проводить. Этот лозунг создала сама жизнь.

Путиловцы понимали, к чему может привести их участие в совещании, предлагаемом Пальчинским.

— Цель капиталистов, — указывали рабочие, — создать новую палку для того, чтобы подгонять рабочих... Пальчинский большинства нам не даст ни в правлении, ни в других местах... нам рекомендуют быть погонялкой. Штрафы, репрессии — вот будет неизбежный путь при рекомендуемом контроле. Если будет дана возможность полного контроля, тогда — да. Но кудый контроль неприемлем.

Долго бились путиловцы над выработкой действенных форм рабочего контроля, возможных в существующих условиях. Избрали несколько уполномоченных для выработки проекта положения о рабочем контроле. Поручили им ознакомиться с практикой контроля на других заводах и посоветоваться с научными силами.

В министерстве труда, возглавляемом меньшевиком Гвоздевым, куда явились уполномоченные, им дали ответ:

«Сейчас революция не социальная, а буржуазная; институт собственности не нарушен. Если вы хотите полного контроля, т. е. захвата завода, то министерство с вами не идет. Если же вы добиваетесь только контроля с сохранением старого института заводууправления, с этим можно согласиться».

В поисках «научных сил» уполномоченные набрали на меньшевистского экономиста Базарова и меньшевистствующего работника профессиональных союзов Д. Рязанова. Оба «ученые» заявили: «Вопрос этот новый — его сначала надо проработать в литературе. Посоветовать ничего не можем».

Путиловцы махнули на «ученых» рукой. Когда же об этом они рассказали в заводском комитете, ответ «ученых» мужей был встречен презрительными насмешками:

— Жизнь требует, живая жизнь идет, а они о книжках ведут речь. Живая жизнь! Революционное творчество новых форм борьбы, выдвигаемых жизнью, — вот что было лозунгом путиловских большевиков. В мае 1917 года по их инициативе была созвана Петроградская конференция фабзавкомов, создавшая постоянный орган — Центральный совет. Этот Совет сыграл не малую роль в прояснении сознания петроградских рабочих. В августе путиловцы организовали регулярные конференции чернорабочих. Теперь путиловские большевики решили в вопросе рабочего контроля действовать сообразно «велениям жизни» и указаниям Ленина о самочинном самоуправлении.

Перед путиловцами были два ярких примера самочинного революционного управления заводами. Как раз в это время на Путиловский завод приехали представители московского завода «Гужон». Они рассказали путиловцам о борьбе рабочих против капиталиста Гужона за рабочий контроль. Следуя тактике фабрикантов, Гужон, в ответ на требования рабочих допустить их к контролю, закрыл завод. Рабочие решили взять завод в свои руки.

— Необходимо доказать, — говорил представитель гужоновцев, — что рабочие могут вести дело без предпринимателей. Путиловцы должны помочь нам людьми, ибо Гужон перед закрытием разогнал с завода много специалистов-прокатчиков.

Путиловцы горячо откликнулись на просьбу рабочих «Гужона». Заводский комитет постановил: «Принять все меры к тому, чтобы необходимое количество рабочих — прокатчиков, вальцовщиков, сварщиков и чернорабочих — было предоставлено на помощь товарищам завода «Гужон» для дальнейшей совместной работы в борьбе с капиталом».¹

Путиловцы дали заводу «Гужон» свыше ста пятидесяти рабочих, связали представителей московского завода с рабочими Василеостровского проволоочно-гвоздильного завода, где также охотно выделили около шестидесяти рабочих на помощь в борьбе за рабочий контроль. Завод «Гужон» продолжал работать без капиталистов, под руководством самих рабочих.

Другим близким для путиловцев примером было создание рабочего управления на небольшом металлическом заводе Бреннера, тут же за Нарвской заставой. 7 июля капиталист Бреннер объявил расчет всем своим рабочим. Но рабочие, по совету путиловцев, избрали руководителей работ и, как сообщало официальное извещение главного управления милиции, продолжали «работать, довольствуясь не принадлежащими им материалами, инструментом и инвентарем». Капиталист, увидя такой результат, решил смошенничать. Через главное управление милиции Временного правительства он упросил районный Совет и рабочих возвратить ему завод. Он повел работы, приналег на выполнение заказов, ни в чем не перечил своему заводскому комитету. Но, когда основные заказы были выполнены, он снова объявил завод закрытым, оставив на этот раз завод без заказов и материалов.

Рабочие завода Бреннера снова явились за помощью в путиловский заводский комитет. Путиловцы вместе с районным Советом помогли им взять завод в свои руки. Снабдили небольшой суммой денег для закупки материалов и расчетов по заказам. Привлекли к помощи фабричный

¹ ЛОАОР, Фонд Петергофского районного Совета, 1917, д. № 17.

комитет Резиновой мануфактуры, который выдал рабочим завода Бреннера пятнадцать тысяч рублей для этой же цели. Рабочие завода Бреннера продолжали работать, самостоятельно набирая заказы и создав свое рабочее управление.

Пойти по пути рабочих заводов «Гужон» и Бреннера путиловцы не могли: Путиловский завод был казенным, огромным, и для организации работ на нем нужны были не тысячи, а десятки миллионов рублей. Но всей силой большого коллектива, представляемого заводским комитетом и сорока пятью цеховыми комитетами, они отстраняли от руководства заводом саботажников и контрреволюционеров.

Рабочие, видя упорную борьбу заводского комитета за контроль над производством, с каждым днем все больше убеждались в необходимости вырвать, отобрать у капиталистов фабрики и заводы.

— Главное — захватить власть, — так заключали рабочие каждую речь, связанную с проведением рабочего контроля.

Временное правительство, в целях разгрома нарастающей пролетарской революции, в это время попыталось осуществить эвакуацию крупнейших петроградских заводов в глубь страны. Необходимость этой меры оно мотивировало близостью Петрограда к фронту, продовольственным кризисом, трудностью доставки топлива и металла.

На Путиловском заводе еще с начала сентября тайком от заводского комитета, по распоряжению правления, начали составлять списки оборудования, намечаемого к эвакуации в первую очередь. Путиловцы разглядели тайный маневр врагов. Заводский комитет через большевистскую газету «Рабочий путь» разоблачил махинации правления и твердо заявил, что эвакуировать завод не позволит. По всем мастерским были проведены митинги протеста против политики Временного правительства, пытавшегося разгрузить Петроград от революционного пролетариата. В своих резолюциях рабочие заявили:

«...Затевается колоссальная, бесполезная для народа трата денег обнищавшего народа и трата дорогого времени. Единственная цель предположенной меры [эвакуации] — цель явно контр-революционная: разгрузить Питер, этот центр революции от революционного пролетариата.

Совершиться этой эвакуации мы не дадим, не допустим. Настаиваем же на эвакуации тех жителей Питера, кои не занимаются производительным трудом...»¹

Подготовку к эвакуации Путиловского завода пришлось приостановить. Настороженность и бдительность рабочих чрезвычайно возросли. В цехах они следили за каждым шагом администрации. Старались задерживать на заводе орудия, автомобили, броневые машины. Особенно острым было столкновение между рабочими и правлением в сентябре в связи с попыткой администрации увезти не принадлежащие заводу, но хранившиеся на нем ящики со станками. Башенщик Иван Газа, предупрежденный рабочими о производящейся погрузке на баржи, сообщил об этом заводскому комитету.

На берегу канала, где производилась погрузка, загораживая сходни на баржи, толпились рабочие. Они упрекали грузчиков. Грузчики смущенно оправдывались:

— Нам сказали — носить, мы и носим.

¹ «Рабочий путь» № 8, 12 сентября 1917 г.

— Знать должны, что носите. Теперь это ваше дело. Не слышали разве, что заводы увозить хотят? Не знаешь — спроси! — укоряли грузчиков из толпы.

Заводский комитет запретил погрузку и выделил комиссию для выяснения дела. Комиссия пошла к директору.

— Я выполняю приказ правления. Чьи станки, что за станки — не знаю, — ответил директор.

Комиссия пошла в правление.

— Выполняю распоряжение Главного артиллерийского управления, — сказал генерал Дроздов и больше не захотел разговаривать с рабочими.

Комиссия отправилась в Главное артиллерийское управление. Там ответили, что рабочим и заводскому комитету беспокоиться нечего. Правление знает, зачем и куда отправляют станки.

Комиссия вернулась к Дроздову.

— Дойдем до конца, а потом мы ему покажем, кто сила на заводе.

Генерал вновь сослался на распоряжение артиллерийского управления, но узнав, что рабочие там были, и поняв, что дальше ему не отвертеться, заявил:

— Станки прибыли в 1916 году из Англии через Архангельск. Предназначены были для одного из строящихся в провинции заводов. По предписанию Главного артиллерийского управления их сложили на Путиловском заводе. Сейчас пришло время их отправить в Саратов.

Дроздова попросили предъявить документы о принадлежности станков артиллерийскому управлению.

— Я не обязан отчитываться перед вами. То, что сообщил вам, было не больше, как любезность.

— А документы все-таки представьте.

— Документов не дам.

— Станков не дадим.

— Вы мне обязаны верить.

— Возможно. Только документы на стол.

— Не могу дать.

— Ладно, — сказали путиловцы. — Не будем спорить. Документы все равно принесете.

Правлению был послан ультиматум: если к 25 сентября не будут представлены документы, выясняющие куда и кому эвакуируются станки и машины и кому они принадлежат, — отправка барж будет задержана.

Правление и Главное артиллерийское управление в ответ засыпали заводский комитет бумажками, подтверждающими правильность заявления Дроздова.

Но рабочие настойчиво требовали документов. Экспедиция завода не выпускала баржи из завода. 4 октября за ними пришел пароход, но уехал без них. 5 октября он прибыл вновь и опять ушел ни с чем. Генерал Дроздов был обескуражен. Он пригласил председателя заводского комитета Антона Васильева для объяснений.

— Мы осуществляем рабочий контроль, — сказал Васильев. — Разгрузки завода не допустим.

7 октября в кабинете Дроздова на столе были разложены документы, доказывающие принадлежность станков Главному артиллерийскому управлению. Комиссия заводского комитета рассматривала документы. Ге-

генерал нервничал. Рабочие внимательно и подробно знакомились с бумагами.

— Это какого времени документ? — спросил один из членов комиссии. — Сейчас написан или в 1916 году? — и он ткнул пальцем в какую-то бумажку.

— Там есть дата, — зло буркнул Дроздов.

— Хотелось бы железнодорожные накладные поглядеть, — настаивал тот же член комиссии.

Накладные были найдены. Грузополучателем действительно числилось Главное артиллерийское управление.

— Ну, теперь возите, видим, что не наши. Давно бы так, а то целый месяц канителились.

— Нет ничего вашего в заводе, — заметил Дроздов.

— Нет — так будет, — ответили ему рабочие.

Вечером того же дня буксирный пароход увел баржи из заводского канала. Инцидент был исчерпан. Рабочие остались довольны:

— Почувствовал генерал, что такое рабочий контроль и где настоящая сила.

Но осуществлять полный рабочий контроль путиловцы не могли. Тайники финансовой деятельности завода оставались для них закрытыми. Для того чтобы проникнуть в эти тайники, нужна была сила, власть. Это заводский комитет понимал и в борьбе за рабочий контроль спланировал путиловцев вокруг главной задачи, поставленной партией большевиков перед рабочим классом, — задачи подготовки пролетарской социалистической революции.

БОЕВАЯ ПОДГОТОВКА

Член Центрального комитета партии большевиков Яков Михайлович Свердлов встретил представителей путиловцев густым, громяющим басом:

— А, путиловцы, наконец пришли! Ну, садитесь. Как у вас дела с боевой подготовкой? Рассказывайте.

И сразу же стал расспрашивать, сколько отрядов Красной гвардии создано на заводе, как они снабжены оружием, какую артиллерию изготавливает завод, есть ли на примете люди, умеющие стрелять из пушек.

Свердлов требовал точных данных: у кого путиловцы добывают винтовки, сколько их счетом в районе, какие люди руководят боевыми дружинами и сколько собрано настоящих артиллеристов, действительно умеющих стрелять из пушек.

Старик Швецов, смущенно поглаживая бороду, ответил, что он лично занимается агитацией, притом секретарствует в заводском комитете и об артиллерии не думал. Он не знает, сколько орудий и каких систем изготавливает сейчас завод, не может сказать и об артиллеристах. Остальные путиловцы смущенно молчали, зная немногим более Швецова.

— Недалекий у вас прицел, товарищи, — покачал головой Свердлов. — Давно уже прошло время одной агитации и разговоров. Нужны действия, нужна тщательная подготовка восстания. А вы как будто в стороне от этого дела. Путиловскому заводу вдвойне не пристало отставать. Завод огромный, и притом пушечный. Этого нельзя забывать.

Свердлов рассказал путловцам о последнем письме Ленина, в котором вождь партии требовал тщательно готовиться к восстанию, относясь к нему, как к искусству. Свердлов долго объяснял, каковы задачи путловского заводского комитета. Надо знать свои силы, знать силы врага, где и как они расположены; уметь воспользоваться всеми боевыми ресурсами у себя на месте; прежде всего укрепить Красную гвардию, сделать ее массовой, подвижной, способной быстро выполнять любые приказы; закрепить связи с солдатами, чтобы в нужный момент и они выступили с оружием в руках за социалистическую революцию.

— А вы упускаете простые вещи, которые руководителям заводского комитета следовало бы всегда иметь в виду, — упрекнул Свердлов путловцев.

О требованиях Свердлова и его указаниях Швецов и Анатолий Богданов рассказали на очередном собрании активных работников районной организации, состоявшемся 19 сентября. Собрание было посвящено обсуждению писем Ленина, присланных им из подполья Центральному, Петроградскому и Московскому комитетам большевиков.

В этих письмах Ленин, зорко следивший за ходом развития революции, писал, что момент для решительного выступления вполне назрел.

«Получив большинство в обоих столичных Советах Рабочих и Солдатских Депутатов, большевики могут и должны взять государственную власть в свои руки».¹

Ленин указывал, что все предпосылки для победоносного восстания налицо. Партия должна поставить на очередь дня вооруженное восстание. С гениальной прозорливостью Ленин разгадал планы контрреволюционного Временного правительства, собиравшегося сдать Петроград немцам, с тем, чтобы сапогом немецкого империализма раздавить революционный пролетариат столицы. Ленин призывал партию предупредить планы контрреволюции решительным выступлением.

На собрании нарвских большевиков письма Ленина читали несколько раз. Завязалась беседа долгая и страстная, временами переходившая в дискуссию. Как-то само собой получилось, что каждый, почувствовав ответственность этих минут, счел нужным доложить о настроениях рабочих того цеха, который он представлял, воинской части, с которой был связан. Агитаторы и организаторы, приводя факты один за другим, доказывали глубокую правоту Ильича. Кризис назрел. Народный гнев кипит. Наступило время для восстания.

— За большевиками пойдет, по меньшей мере, девять десятых нашей мастерской, — сказал представитель пушечной, той самой пушечной, которая всего три месяца назад считалась меньшевистской мастерской.

Иван Газа говорил о том, что в башенной, где еще недавно главенствовали эсеры, влияние их окончательно пало. Рабочие настолько ненавидят Временное правительство, что больше не хотят принимать резолюций о взятии власти Советами.

— Хватит резолюций, — говорили башенщики. — Их столько принимали, — дальше некуда. Довольно бумажных резолюций, давайте дело.

До глубокой ночи обсуждали нарвские большевики, как действовать, чтобы полностью осуществить практическую подготовку восстания. На-

¹ Ленин, Сочинения, т. XXI, стр. 193.

метили первоочередные задачи: укрепить Красную гвардию партийными силами, исподволь готовить пушки и не выпускать их из стен завода, для чего решительно проводить рабочий контроль. Говорили о связи с воинскими частями и наметили в ближайшее время провести давно задуманный обмен знаменами между Путиловским заводом и Павловским полком.

Широко развернулась за Нарвской заставой подготовка к вооруженному восстанию. Красная гвардия собиралась и обучалась открыто. Путиловцы приходили на работу с винтовками, ставили их у станков и верстаков, готовые в любую минуту, по первому сигналу, выступить на защиту революции.

Пройдя через июльский расстрел, через корниловщину, — рабочие на собственном опыте познали настоятельную необходимость вооружаться, учиться стрелять, отбивать врага. Тысячи путиловцев вливались в красногвардейские отряды, упорно стремясь овладеть военными знаниями.

Перед большевиками встала серьезная задача — перестроить и сплотить рабочие отряды. По расчетам комендатуры боевых дружин района, создавшейся в дни корниловщины, за Нарвской насчитывалось не менее десяти тысяч винтовок и револьверов. Каждый пятый путиловец имел оружие. В любой момент путиловский заводский комитет мог собрать по крайней мере пять-шесть тысяч вооруженных рабочих. Но эти тысячи людей, полные готовности драться и умирать за пролетарскую революцию, еще не представляли собою, за исключением дружинников красногвардейских отрядов, боеспособной армии. Большинство из них не имело никакого боевого опыта, многие едва умели заряжать винтовку; за необходимость воинской дисциплины и подчинение приказам начальников приходилось вести упорную агитацию. Нужно было сформировать постоянные дисциплинированные рабочие отряды, обучить их стрельбе, боевому строю, правилам уличного боя.

В течение короткого времени большевики, бросив свои лучшие силы на дело укрепления Красной гвардии, создали на заводах района крепкие боевые рабочие дружины. Тимофей Барановский и другие старые большевики-дружинники 1905 года сейчас снова стали в ряды путиловских боевиков.

К концу сентября на Путиловском заводе было сформировано двенадцать красногвардейских «сотен», в том числе на верфи — четыре. В каждой «соте» числилось от ста двадцати до ста пятидесяти человек, а в некоторых — и до двухсот. «Сотня» состояла из «десятков» — человек по пятнадцать-двадцать в каждом, почти всегда из одного цеха или даже из одной рабочей бригады.

Отдельный отряд Красной гвардии составляла дружина районного комитета большевиков. В нее также входили путиловцы, большей частью из числа тех, кто постоянно работал вне завода — в районном Совете, в комитете большевиков, в профессиональных союзах, в клубе. В районной дружине были пулеметчики, вооруженные двумя пулеметами.

Каждый день после гудка по немощным улицам заставы проходили красногвардейские отряды, направляясь то на стрельбище, то на взморье, то на площадки, пригодные для перебежек и строевых занятий. Там, разбившись на «десятки», красногвардейцы учились заряжать винтовки, рассыпаться цепью, переползать с места на место по всем правилам военной науки.

Четвертая «сотня», составленная из рабочих пушечного округа, занималась на территории завода — на площадке у директорского пруда. Одна из «сотен» Путиловской верфи проводила строевые занятия и обучение штыковому бою в гулком, пустующем помещении лопаточного отделения турбинного цеха. Для тактических занятий и стрельбы шла к взморью, на поле.

Передние ряды рабочих отрядов шли с винтовками, задние — с палками: для всех оружия нехватало. Строевые занятия красногвардейцев проводились три-пять раз в неделю по несколько часов. После двух-трехнедельного обучения «сотни» приобретали воинский вид: дружинники научались молодежато шагать в строю, быстро вскидывать винтовки «на руку» для штыкового удара, переползать значительные расстояния и производить перебежки, применяясь к местности. Гранатометчики практиковались сначала деревянными гранатами, изготовленными в мастерских завода, затем метали настоящие.

В план строевых занятий некоторых «сотен» входило изучение расположения улиц и знакомство с тактикой баррикадных боев. Однако эта часть занятий не пользовалась особой любовью красногвардейцев. Они рвались к наступательному бою, не желая думать об оборонительных действиях. Приходилось убеждать дружинников, что бывает необходимость и при наступлении закрепить позиции, а в уличных сражениях, которые предстоит вести Красной гвардии, тактика баррикадных боев наверняка пригодится.

Путиловец Тимофей Барановский, прикомандированный от комитета большевиков к штабу Красной гвардии, часто приходил на занятия дружин и беседовал с красногвардейцами. Он сообщал новости. В его обязанности, еще со времени корниловщины, входило наблюдать за передвижением и настроением войск, расположенных за Нарвской заставой. Он рассказывал о том, что и в Петергофском районе Керенский понемногу накапливает силы. Нужно быть осмотрительными и зоркими. Баррикада —

Военные занятия красногвардейцев

дело, конечно, для многих не заманчивое, но на случай внезапной атаки контрреволюции надо суметь построить и баррикаду.

Барановский спрашивал у красногвардейцев, где можно будет достать бревна, доски и всякий другой материал для баррикад, как легче всего задержать войска, если они двинутся по Петергофскому шоссе, где расставить пулеметы, где сосредоточить силы.

Он доказывал, что изучение этих вопросов — обязательно. Вот, например, на Шереметьевской даче зачем-то появилась казачья сотня. В разговоры с рабочими казаки вступают неохотно, на расспросы не отвечают. Изредка проводят они учения, но чаще всего полеживают в покоех графского особняка. Их кормят отлично, не в пример другим воинским частям. Что будет, если эти казаки вдруг ринутся на красногвардейские отряды? Рабочие должны суметь сразу же дать им должный отпор.

Такие беседы постепенно превращались в политические занятия, в обсуждения текущих событий. Во время этих бесед проверялась политическая устойчивость красногвардейцев. Колеблющихся, неустойчивых и недисциплинированных отсылали обратно в мастерские, заменяя их более выдержанными рабочими. В кругу руководителей Красной гвардии это получило название «фильтровки». Проводить фильтровку обязали всех командиров красногвардейских «сотен». Сотники отвечали не только за боевое состояние дружин, но и за политическую устойчивость красногвардейцев.

Во главе отряда Путиловского завода был поставлен член заводского комитета — солдат М. Войцеховский.

Перед красногвардейцами Войцеховский появлялся в полной военной форме, всем своим видом подчеркивая необходимость выдержки и воинской выправки. В роли начальника отряда Красной гвардии Войцеховский чувствовал себя уверенно, проявлял достаточную твердость и гибкость и во всех случаях сохранял невозмутимость.

Главной заботой Войцеховского было — вооружение. Военным обучением занимались инструкторы из солдат, работавших на заводе; политической работой среди красногвардейцев ведали члены партии, непосредственно выделенные районным комитетом большевиков. У Войцеховского были организаторские задачи: формирование «сотен», подбор инструкторов и, главное, — доставка оружия. Винтовки он получал через солдат, связанных со своими частями.

Путиловцы завязали связь с Сестрорецким оружейным заводом: дважды получили оттуда некоторое количество винтовок. Солдат команды Петропавловской крепости Я. Кулешов доставил винтовки из складов крепости. Путиловцы часто появлялись в казармах гарнизона и заводили с солдатами разговоры, сводившиеся в итоге к просьбе ссудить винтовки.

Инструктору районной дружины Ивану Гилю сообщили, что в районе есть оружие, но взять его нужно умеючи. Речь шла об оружии, хранившемся у эсеров в «Марьиной роще». Винтовки были получены ими из Петропавловской крепости во время корниловщины.

Гиль решил добыть эти винтовки для Красной гвардии. Как-то вечером он позвонил эсерам по телефону, представился комендантом Петропавловской крепости и предупредил, что придет осмотреть состояние винтовок.

Громыхая кривой офицерской пашкой, Гиль явился в «Марьину рощу» с группой красногвардейцев из числа бывших солдат. Дежурные

дружинники — эсеры — приняли его почтительно. Осмотрев несколько ружей, «комендант» заявил, что они содержатся безобразно, не по уставу, и поэтому он обязан немедленно забрать их на хранение в крепость. Когда винтовки понадобятся, их можно будет получить обратно. «Солдаты» стали выносить винтовки, укладывая их на заранее приготовленный автомобиль. Растерявшиеся эсеры робко попросили у «коменданта» расписку. Гиль дал расписку в получении двухсот винтовок, распрощался и ушел. Автомобиль развил большую скорость и скрылся из глаз опарашенных эсеровских дружинников.

Необычайную активность в добыче оружия развил шрапнельщик Григорий Самодед. Всюду, где он появлялся, разговор обязательно сводился к вопросу о вооружении рабочих. Самодед неумоимо агитировал: доставайте оружие, вооружайтесь, готовьте силы для выступления. Целыми днями рыскал он по воинским частям. У него появились закадычные друзья — оружейники, милиционеры и всякого рода люди, имевшие отношение к оружию. Он добывал винтовки, револьверы, холодное оружие. На собственные, заработанные на заводе деньги он покупал револьверы и отдавал их красногвардейцам, не имевшим оружия. Самодед радовался каждой гранате, каждой однозарядной берданке, каждому даже плохонькому револьверу. И когда однажды над ним подшутили: что, мол, можно сделать старым «бульдогом»? — Самодед серьезно ответил:

— Я с этим «инвалидом» в боевой час двадцать офицеров обезоружу и буду иметь двадцать наганов. С однозарядной берданкой можно пятизарядную трехлинейку добыть.

Самодед был одним из многих неумоимых строителей и организаторов Красной гвардии, которые отдавали все свое время и силы делу подготовки вооруженного восстания.

Постепенно во всех красногвардейских «сотнях» палки были заменены винтовками. Временами в районной комендатуре и путиловском заводском комитете создавались даже некоторые запасы оружия. Но эти запасы быстро таяли. Цеховые комитеты присылали все новых и новых рабочих с ходатайством зачислить их в ряды рабочей Красной гвардии.

В конце сентября районный комитет большевиков поручил группе членов Совета разработать устав и положение об устройстве Красной гвардии. Такие уставы создавались и в некоторых других районах Петрограда и имели целью превратить отряды рабочей гвардии в единую боевую силу под единым командованием. При этом учитывалась необходимость еще более широкого вовлечения рабочих в ряды Красной гвардии.

Устав рабочей Красной гвардии Нарвско-Петергофского района был выработан в соответствии с решением III общегородской конференции большевиков. Первый пункт устава гласил: «Рабочая Красная гвардия есть организация вооруженных сил пролетариата». Задачи Красной гвардии были сформулированы следующим образом: подавление провокационной деятельности темных сил; защита свободы от покушений контрреволюции; отстаивание завоеваний революции.

Особая инструкция под названием «Условия активного выступления Красной гвардии» определяла технические и тактические мероприятия, связанные с переходом боевых дружин к выполнению их основной за-

дачи — к вооруженному восстанию. Открыто об этом в уставе не говорилось. Готовясь к решительному бою с буржуазией, рабочие маскировали свои наступательные действия под вид обороны революционных завоеваний. На собраниях же красногвардейцев об этом говорили почти открыто. Докладчик об уставе Барановский, а вслед за ним представитель районного комитета большевиков И. Генслер прямо заявили, что момент активного выступления может наступить каждый день. Отсюда задача: не теряя ни минуты, энергично взяться за перестройку Красной гвардии.

Барановский рассказал собранию, как будет построена реорганизованная Красная гвардия и в чем сущность разработанного большевиками устава.

Весь наличный состав Красной гвардии будет состоять из кадровых и запасных частей. Каждый красногвардеец, пробыв десять дней в кадровой части, уходит на тридцать дней в запас, затем снова возвращается в свою часть.

Основной боевой единицей устанавливается кадровая дружина в составе четырех кадровых «сотен». «Сотня» имеет четыре «десятка» по пятнадцать бойцов в каждом, всего шестьдесят штыков. Дружина — двести сорок штыков.

При таком построении на Путиловском заводе создаются шесть кадровых дружин общей численностью в тысячу пятьсот человек. При мобилизации или боевой тревоге запас присоединяется к кадру: «десяток» разворачивается во взвод числом в шестьдесят штыков; «сотня» — в роту в двести сорок штыков; дружина — в батальон в девятьсот шестьдесят штыков. На одном Путиловском заводе будет шесть батальонов — два полка рабочей Красной гвардии — численностью почти в шесть тысяч штыков, не считая технических команд — подрывников, телеграфистов, пулеметчиков, санитаров и артиллеристов.

Расчеты Барановского еще больше подняли боевой дух красногвардейцев. Рабочие завода «Тильманс» закричали с мест, что обещают организовать дружину у себя на заводе. Член Совета от мелких предприятий прислал в президиум собрания записку: он берет на себя обязанность собрать отдельный батальон Красной гвардии из рабочих разных небольших заводов района.

Собрание одобрило план реорганизации Красной гвардии и утвердило устав, предложенный большевиками. Лозунг о всеобщем вооружении пролетариата становился практическим, реальным делом. Красногвардейцы уходили с этого собрания с глубокой верой в партию большевиков, твердо убежденные, что в предстоящем решительном сражении за власть рабочих и крестьян они безусловно победят.

ВЫСТУПАЕМ ПО ПЕРВОМУ ЗОВУ

Готовясь к решительному бою, путиловцы не забывали своих задач в отношении крестьян. В резолюциях заводских и цеховых митингов рабочие неизменно подчеркивали, что спасти революцию может только единственная сила — пролетариат в союзе с деревенской беднотой. Только пролетариат и поддерживающие его слои беднейшего крестьянства свергнув

власть буржуазии, обеспечат народу мир, землю, хлеб и устранят разруху и развал народного хозяйства.

И теперь, когда все помыслы и деятельность рабочих организаций были обращены на организацию вооруженного восстания, путиловский заводский комитет обратился с воззванием к рабочим. В воззвании говорилось: «Товарищи, не забывайте, что интересы трудового крестьянства тесно связаны с нашими».

В ответ на обращение собрание четырех мастерских вынесло резолюцию о необходимости отправить для помощи крестьянству рабочих-агитаторов. «Мы должны отдать все свои силы на его организацию, повести крестьянство по правильным путям», — писали рабочие.

На митинге девятого округа Путиловского завода, куда входили мартеновская, чугунолитейная, меднолитейная, модельная, термическая и другие мастерские, в резолюцию был включен следующий пункт:

«...Считая, что полное освобождение трудового народа возможно только совместно с трудовым крестьянством, необходимо всеми силами и всеми мерами поддерживать крестьян в их борьбе за полную и безвозмездную передачу всей земли в руки трудового крестьянства».¹

Чтобы установить еще более тесную связь с крестьянами, путиловские большевики организовали по заводу сбор железных обрезков, в которых сильно нуждалась деревня для ремонта сельскохозяйственного инвентаря. Таких обрезков собрали более шестидесяти пяти тысяч пудов и отправили их, в сопровождении своих агитаторов, в разные концы Петроградской и других губерний.

Большую помощь оказывали большевики-путиловцы землячествам — смоленскому, белорусскому, пензенскому и другим. Солдаты-пензенцы собирались в помещении районного комитета большевиков, смоленцы — в путиловском театре. Через землячества путиловцы посылали в деревню большевистскую литературу. Из деревни прибывали письма с просьбами дать совет, оказать помощь. Время от времени путиловцы направляли в деревню своих агитаторов. На Путиловский завод приходили ходоки — смоленские, калужские, тверские крестьяне. Для калужан через министерство земледелия путиловцы с боем добыли семена, в которых крестьяне ощущали острую нужду.

Однажды на завод пришел ходок из Черниговщины. Он рассказал, что в их Глуховском уезде бедноте нет ходу. В уездном Совете власть захватили кулаки, помещики и офицеры. Земли нет, голод, беднота стоит, а в помещичьих скирдах лежит немолоченный хлеб. Нельзя ли, чтоб питейцы-путиловцы помогли бедноте?

Ходока направили в районный Совет. Там его выслушали и решили послать своих депутатов в Глуховский уезд для проверки положения на месте. В Черниговскую губернию выехали два путиловца — И. Травников и Д. Евдокимов.

На месте депутаты Совета выяснили, что в Глухове действительно верховодили кулаки и помещики. Путиловцы ездили по деревням, выступали на собраниях и всюду прямо говорили крестьянам:

— Берите хлеб и землю. Нечего ждать Учредительного собрания.

Глуховские власти, напуганные большевистской агитацией, поспешили арестовать путиловцев. Отобрали у них оружие, мандаты и под

¹ «Рабочий путь» № 45, 25 октября 1917 г.

конвоем отправили в Петроград. Высылка путиловцев из уезда превратилась в настоящую демонстрацию: их провожало несколько сот крестьян, благодаривших представителей революционного Петрограда за совет и науку.

Глуховские власти полагали, что в Петрограде над путиловцами учинят расправу. Но районный Совет, куда доставили Травникова и Евдокимова, стал на сторону своих депутатов, целиком одобрив их деятельность среди крестьян.

Еще более тесной была связь путиловцев с крестьянами, одетыми в солдатские шинели: измайловцами, гренадерами, пулеметчиками-оранienбаумцами, много раз выступавшими вместе с ними под общими лозунгами. Крепче всего была дружба путиловцев с солдатами Павловского полка, с которым в знак верной дружбы решено было обменяться знаменами.

В мастерских собирали деньги на знамя Павловскому полку. Рабочие стремились сделать это знамя лучшим из знамен, которые видела до тех пор революция. По рисунку приглашенного художника, золотом вышили воина в броне и рабочего с молотом, пожимающих друг другу руки. Золотом же вышили надпись: «Героям гвардейцам-павловцам от рабочих Путиловского завода» и лозунги «Да здравствует социализм!», «Да здравствует Интернационал!» Изготовили грамоту, вложили ее в сафьяновый бювар.

1 октября состоялся торжественный церемониал обмена знаменами. На Марсово поле вышел весь полк. Гремели военные марши. Полк вытянулся, образовав каре. Путиловцы замыкали каре. Члены заводского комитета и представители районного и петроградского Советов прошли вперед. Прозвучало низко и протяжно: «Полк, смирно!» Затихли разговоры, вооруженная команда взяла «на караул». Блистало тяжелое знамя павловцев, расшитое белыми полосами.

Член заводского комитета А. Богданов, приветствуя павловцев, поздравил их от имени «первого завода-революционера». Медленно и раздельно произносил он торжественные слова путиловской грамоты:

«Дорогие товарищи павловцы!

В знак нашего священного союза, закрепленного кровью в исторические февральские дни 1917 года, мы, рабочие Путиловского завода, вручаем вам наше знамя. Пусть оно всегда и непоколебимо свидетельствует, что священный союз рабочих и солдат, сваливших самодержавие, — нерасторжим. Пусть начертанные на нем наши общие лозунги: «Да здравствует Интернационал!», «Да здравствует Социализм!» — будут гореть ярким пламенем в наших сердцах. Клянемся под этим знаменем, товарищи, добиться братства всех народов.

*Рабочие-путиловцы».*¹

В сопровождении всего состава заводского комитета и Совета Богданов подошел к членам полкового комитета, держа грамоту и знамя. Знамя путиловцев и грамота перешли к павловцам. Так же торжественно и сердечно было передано путиловцам знамя Павловского полка.

Начался митинг. Солдаты клялись в верности революции, клялись вместе с рабочими двигать революцию вперед. По рукам ходили специально отпечатанные листовки и брошюры, популяризирующие лозунг «Да здравствует Интернационал!»

¹ «Пролетарий» № 6, 19 августа 1917 г.

За товарищеским обедом путиловцы вспоминали геройскую 4-ю роту, которая первой выступила в февральские дни, вспоминали июльский расстрел, корниловскую авантюру. Обед сменился плясками под гармонь. Расставались нехотя. Возвращаясь за Нарвскую заставу, путиловцы уверенно говорили:

— Павловцы пойдут с нами до конца.

Чем ближе подходили решающие дни, тем чаще бывали рабочие в казармах Павловского полка, в Ораниенбауме у пулеметчиков и в других воинских частях. На заводских митингах неизменно присутствовали солдаты; вместе с рабочими они требовали перехода власти в руки большевистских Советов.

К главному лозунгу дня — вопросу о власти — неизменно сводился теперь любой вопрос на митинге. 3 октября в пушечной состоялся митинг-концерт на тему «Пролетариат и искусство». Докладчик, присланный Петербургским комитетом большевиков, не был специалистом в области искусства. Но он смело пришел на митинг и уверенно поднялся на трибуну. Он знал, что путиловцы не посетуют на него, если он поведет речь о другом искусстве, о котором так настойчиво напоминал Владимир Ильич, — об искусстве вооруженного восстания.

Первые слова докладчика о том, что музыка, литература, живопись и театр должны принадлежать пролетариату, были встречены аплодисментами.

— Велика тяга рабочего класса к искусству, — говорил оратор. — Ведь не случайно именно сейчас за Нарвской заставой создан кружок молодых писателей и артистов. Но искусство находится в руках у богатых. Даже то небольшое, чего добился рабочий класс, он приобрел в жестокой борьбе, добыл своей кровью, своими мозолистыми руками. Когда же будет уничтожен капитализм и эксплуатация, тогда невиданно расцветут рабочие таланты, расцветет искусство, оплодотворенное революцией. И час этот близок. Но пока — сегодня, завтра, ближайшие недели — пролетариат должен посвятить себя другому искусству, к которому зовет всех трудящихся партия большевиков. На очереди дня — вооруженное восстание, свержение власти капиталистов. А эта величайшая задача требует напряжения всех сил и энергии рабочего класса.

И собрание рабочих пушечной мастерской, посвященное искусству, единодушно проголосовало за власть Советов.

Ничтожная кучка меньшевиков, злобствуя, порой пыталась поднять свой голос в пушечной, но ей не удавалось сделать это. На Путиловском заводе меньшевики были уже окончательно изолированы от массы рабочих. Они не могли собрать теперь ни одного своего митинга, не в состоянии были протащить ни одной своей резолюции. Ряды меньшевистской организации сильно поредели. На их районные собрания приходило всего пятьдесят-шестьдесят человек. Созывая собрания, меньшевистский районный комитет писал в своих приглашениях: «События требуют, чтобы мы, с.-д. меньшевики, не являли бы собою зрелища растерянности, позорного бегства с арены политической жизни».¹

Секретарь Нарвской организации меньшевиков Н. Супонев получил директивы от Ф. Дана, подлейшего предателя, впоследствии ставшего

¹ Материалы Ленинградского института истории ВКП(б), Фонд Кировского завода.

наймистом фашистской разведки. Директива состояла в следующем: «Раз не удастся созывать своих собраний, срывают большевистские. Не удастся срывать и их, выступайте на собраниях, но не ругайте большевиков, ибо рабочие лишат вас слова, но сеите сомнения и колебания в рядах рабочих. Главное — породить в среде рабочих сомнения и дезорганизацию».

Однако, как ни старалась кучка озлобленных врагов рабочего класса, прикрывавшихся рабочим званием, внести разложение в среду путиловцев, — им это ни в малейшей степени не удавалось.

Такой же процесс идейного и организационного распада, как у меньшевиков, происходил и у эсеров. Эсеровская районная организация, когда-то насчитывавшая несколько тысяч членов, к началу октября имела всего двести-триста человек. Большинство из них примкнуло к «левому» крылу эсеровской партии. Рабочие, обманутые эсерами, массами уходили из этой партии. Четырнадцать эсеров-рабочих из новоснарядной мастерской явились в комитет большевиков и подали заявление о своем переходе к большевикам. Два дня спустя это заявление было опубликовано в «Рабочем пути». С бывшими эсерами долго беседовали, предупреждали их: они должны доказать, что окончательно разделились со своим соглашательским прошлым. Каждому из них вместе с большевистским партийным билетом вручили по винтовке, и все они были зачислены в один из отрядов Красной гвардии.

— Знайте, на что идете, — сказали им. — И помните о своих обязанностях.

На III Петроградской городской партийной конференции путиловские представители говорили о полном и безраздельном влиянии большевиков за Нарвской заставой. Число членов организации достигло 7200 человек. Боевые силы в районе растут с каждым днем.

В эти дни — 9 и 10 октября — на заводе состоялись общезаводские митинги, показавшие, что путиловцы твердо стоят на большевистских позициях.

11 октября — на другой день после решения Центрального комитета большевистской партии о вооруженном восстании — рабочие всех цехов снова собрались на митинг. Этот митинг еще раз показал, что нет на заводе и в районе другой силы, кроме большевиков. Боевая резолюция, подводившая итог требованиям рабочих, единогласно была принята многотысячным митингом путиловцев:

1. Мы, рабочие Путиловского завода, требуем передачи всей власти Совету Рабочих, Солдатских и Крестьянских депутатов.

2. Требуем на всех фронтах перемирие.

3. Требуем предъявить всем воюющим державам мир на демократических началах.

4. Требуем немедленно передачи земель помещичьих, кабинетских, удельных и церковных земельным крестьянским комитетам.

5. Требуем немедленный контроль над производством.

6. Требуем немедленного съезда Всероссийских Советов.

7. Требуем немедленного освобождения всех заключенных членов земельных комитетов, арестованных правительственными комиссарами.

8. Требуем освободить всех заключенных по политическому делу 3—5 июля, которые томятся в ... тюрьмах.

9. Протестуем против вывода войск петроградского гарнизона; мы требуем, чтобы петроградский гарнизон был вооружен всеми родами ору-

Обмен знаменами между рабочими Путиловского завода и солдатами Павловского полка
1 октября 1917 г.
(С картины А. Жабо)

жия, а также требуем вооружения всего революционного рабочего класса для отражения внутреннего врага революции, а также врага внешнего против немецкого кайзера.

10. И вполне присоединяемся ко всем решениям Совета. *Да здравствует Совет. Вся власть Совету!»*¹

После решения Центрального комитета от 10 октября районная организация получила от Петербургского комитета большевиков четкие указания — усилить подготовку боевых сил. В свою очередь районный комитет дал соответствующие указания цеховым партийным коллективам Путиловского завода.

Каждый цеховой большевистский коллектив энергично взялся за выполнение директив Петербургского комитета: в автомобильной на грузовые машины «Уайт» устанавливали зенитные орудия; в пушечной готовили орудия всех калибров — легкие трехдюймовки, тяжелые гаубицы и сорокадвухлинейные пушки; в вагонных мастерских начали сооружать из простых угольных площадок типа «Фокс-Арбеля» блиндированные площадки — броневой поезд; в других мастерских, где не было производства орудий, изготовляли полевые двуколки, походные кухни, санитарные повозки, зарядные ящики и т. п.

Заводский комитет организовал боевые и вспомогательные команды — команду связи, санитарные, артиллерийские, пулеметные, даже кавалерийские, хотя лошадей на заводе не было.

Все это делалось без шума и суеты, делалось добротнo, с уверенностью, что труды не пропадут даром. В эту работу включились сотни и тысячи рядовых рабочих, чувствовавших приближение решающих дней революции.

Ни одно орудие, ни одна боевая машина не были выпущены из стен завода в распоряжение командования войск Временного правительства. Завод был целиком в рабочих руках.

«16 октября состоялось расширенное заседание ЦК партии. На нем был избран *Партийный центр* по руководству восстанием во главе с тов. Сталиным. Этот Партийный центр являлся руководящим ядром Военно-революционного комитета при Петроградском Совете и руководил практически всем восстанием».²

Партия большевиков под руководством Ленина и Сталина подготовила все силы для решающего сражения за власть.

Против Ленина, против решения Центрального комитета о восстании выступили два предателя — Зиновьев и Каменев. Еще 10 октября партия отвергла их капитулянтские предложения, 16 октября они вторично выступили против восстания, и Центральный комитет снова отверг их паникерские доводы. Тогда они совершили неслыханное предательство: опубликовали в меньшевистской газете письмо, в котором выдали контрреволюции решение партии о вооруженном восстании.

Узнав об изменническом поступке Зиновьева и Каменева, путиловские большевики собрались в районном комитете партии. Возбужденные и взволнованные, они единодушно клеймили позором подлый поступок предателей.

¹ «Рабочий путь» № 35, 13 октября 1917 г.

² История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков), Краткий курс, 1938, стр. 197.

— Тысячи рабочих, — говорил Иван Газа, — отдавали все свои силы одной задаче — подготовке к переходу власти в руки Советов. Весь Петроград, вся страна — в огне. Все подготовлено. Рабочие массы, вся партия находятся в небывалом напряжении, необходимом для нанесения врагу внезапного удара. И вдруг враг узнает о предстоящем ему ударе! Он предупрежден!

Газа клеймил изменников, предавших дело рабочего класса в самый решающий момент. Он выражал уверенность, что партия отбросит изменников и ни на минуту не замедлит дела свержения ненавистного всему народу Временного правительства.

Все выступавшие большевики утверждали, что предательство перетрусивших капитулянтов ни в малейшей степени не поколебало боевого духа рабочих.

— Ничто, никакая измена не должна повлиять на исход вооруженного выступления. Мы должны победить, — убежденно и страстно говорил Эмиль Петерсон. — Но чтобы предупрежденный враг не мог воспользоваться плодами измены, надо еще больше организовать свои силы для нанесения врагу последнего и решающего удара.

18 октября большевики созвали общее собрание красногвардейцев. Собрание было посвящено проверке боевой готовности отрядов. Рабочие-красногвардейцы твердо заявили: «Мы готовы выступить по первому призыву Военно-революционного комитета». Было условлено: привести в полный порядок оружие; каждой красногвардейской «сотне» определить свое место сбора и ждать сигнала, который может последовать в любую минуту.

На следующий день в железнодорожном депо цеховая большевистская организация созвала солдат Тарутинского полка, работавших на заводе по ремонту путей.

Перед ними был поставлен вопрос: близится бой, — пойдут ли они, опытные фронтовики, вместе с рабочими? Солдаты ответили: «Пойдем». И тут же, назвав себя боевой красногвардейской дружиной, избрали начальника дружины и взводных командиров. Путиловский отряд пополнился еще одной боевой красногвардейской «сотней», численностью в двести шестьдесят пять человек.

Чтобы проверить настроения солдат воинских частей, расположенных в районе Нарвской заставы и в пригородах, районный комитет большевиков и районный Совет решили организовать разведку. Руководил разведкой член районного комитета Барановский, проводил ее Иван Газа.

В помощь Газа выделили отряд путиловских красногвардейцев. Газа распорядился: оставить винтовки в штабе и идти безоружными. Одну часть красногвардейцев направил в Стрельну, Петергоф и Ораниенбаум, с другой пошел сам в район Обводного канала и на Лермонтовский проспект, где были расквартированы два донских казачьих полка и 86-я Вологодская пешая дружина.

В казармы 1-го донского полка путиловцев не пустили. Газа завязал беседу с казаками у ворот. Казаки недоброительно отзывались о Керенском, но на прямой вопрос, будут ли они защищать Временное правительство — давали уклончивые ответы: несем воинскую службу, обязаны подчиняться начальству.

— Напрасно, казачки, на дисциплину ссылаетесь, — говорили им

путиловцы. — Вот павловцы, измайловцы, гренадеры тоже несут воинскую службу, а контрреволюции подчиняться не будут. Разве вы хуже их? Не видите, какая шайка сидит у власти? Зачем вам за чужое дело подставлять свои головы!

Казаки цепко ухватились за удобное слово «нейтралитет». Они упрямо твердили: «Наше дело сторона, ни за вас, ни за них — нейтралитет...» Такой же ответ получили путиловцы от казаков 4-го донского полка. Очевидно, у них был сговор — действовать совместно.

Было ясно, что казаки представляют большую опасность. С ними надо поступить осторожно и вместе с тем решительно. Они не станут драться за Временное правительство лишь в том случае, если увидят против себя реальную силу. Их надо окружить пикетами Красной гвардии, надо показать, что при малейшей попытке выступить на стороне контрреволюции они встретят серьезнейшее сопротивление рабочих.

Вологодские дружинники, наоборот, встретили путиловцев дружелюбно. Это были запасные, ратники второго разряда, давно жаждавшие окончания войны. Вологодцы заявили, что у них есть комиссар Военно-революционного комитета и они готовы выступить по первому его приказу.

Николаевское кавалерийское училище, как и предполагали, осталось со времени корниловщины опасным гнездом контрреволюции. Однако путиловцы нашли возможность создать в самом училище противодействующую контрреволюции силу. Они связались с обслуживающей юнкеров солдатской командой, заручились словом солдат, что те не допустят выступления против восставшего пролетариата и в случае опасности немедленно сообщат о ней Советам Московской и Нарвской застав.

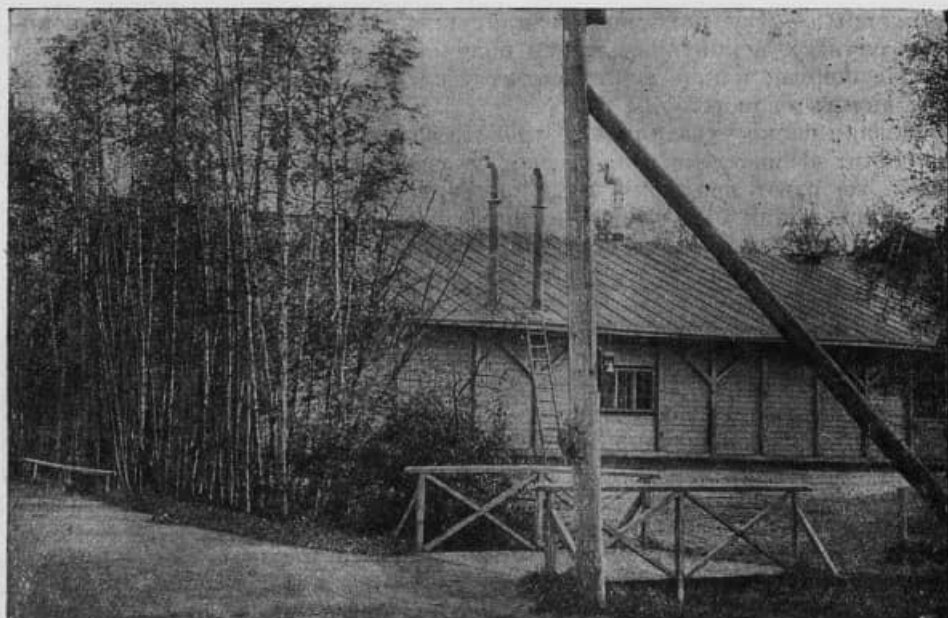
Разведка в пригородах дала положительные результаты: за исключением офицерских школ, гарнизоны Стрельны, Петергофа и Ораниенбаума целиком стоят за Советы. Каждая воинская часть имеет комиссара, присланного Военно-революционным комитетом.

Собрав все данные, Газа пошел с докладом в районный штаб. Там уже спешно разрабатывался план выступления. Все сведения, сообщенные Газой, были точно учтены: намечены отряды для окружения казачьих полков, установлены группы связи с солдатами кавалерийского училища и пригородными гарнизонами.

Шли последние приготовления к восстанию. По всему Петрограду в рабочих районах спешно вооружались рабочие, разрабатывались планы захвата важных участков, создавались боевые штабы. За Нарвской уже не слышно было разговоров о нехватке оружия. 18 октября дважды из разных мест — с Охты и из арсенала — прибыло несколько грузовиков с винтовками. Пулеметная дружина Нарвского комитета большевиков получила еще несколько пулеметов.

Решающая проверка подготовки к восстанию была проведена 22 октября. Этот день был провозглашен «Днем Петроградского Совета» — днем пролетарских сил. По всем фабрикам и заводам, по всем воинским частям гарнизона происходили митинги. Путиловцы организовали большое собрание в своем театре. Тысячи рабочих столпились вокруг деревянного здания. Не имея возможности попасть внутрь помещения, они образовали многолюдный митинг на улице.

Театр был заполнен до отказа. Представители Петербургского комитета партии большевиков, Петроградского Совета, путиловского заводского комитета призывали рабочих выступить в последний и решительный раз.

Путиловский театр

тельный бой против капитализма. На их речи откликались с бурной радостью:

- Наконец-то.
- С мест неслись возгласы:
- Выступать!
- Сами возьмем власть!
- Хоть сейчас выступим!

На трибуне появился оратор. Он заговорил о Парижской коммуне, славил геройство коммунаров. Его слушали внимательно, — о Парижской коммуне знали немногие. Но лишь только оратор — это был неизвестный меньшевистский литератор Гарви — стал пророчить выступлению петроградских рабочих участь Парижской коммуны, возмущенные путиловцы с поднятыми кулаками бросились к трибуне. Меншевик робко попытлся назад. Только вмешательство председателя избавило его от суровой расправы.

Митинг принял решение: «Выступаем по первому зову Петроградского Совета».

В этот день рабочие Путиловской верфи опубликовали свою резолюцию:

«Горячо приветствуем Российскую Соц.-Дем. Раб. Партию (большевиков) как истинную поборницу интересов рабочего класса.

Пусть крепнут ряды пролетарской партии.

Мы просим принять нашу лепту в сумме 10.171 руб. 64 коп. как материальную поддержку партии».¹

¹ «Рабочий путь» № 43, 22 октября 1917 г.

Сумма, собранная рабочими Путиловской верфи, превышала их полудневный заработок.

Ленин придавал огромное значение выражениям энтузиазма и доверия рабочих в форме отчислений на партию. В одной из своих статей, написанных незадолго до восстания, Ленин писал: «...Сознательность участия масс в партии, при отсутствии всякой статистики по движению числа членов в партии, по посещению собраний и т. п. можно проверить на фактах, лишь по опубликованным сведениям относительно денежных сборов на партию. Эти сведения показывают громадный и массовой героизм большевистских рабочих в сборе денег на «Правду», на закрываемые газеты и т. п.»¹

23 октября более двух тысяч дружинников собралось в путиловском театре, чтобы выслушать доклады своих представителей о работе общегородской конференции Красной гвардии. Пришли с винтовками. В ответ на каждый призыв к выступлению, красногвардейцы вставали с мест. Лес винтовок высылся в поднятых руках. Тысячи людей одновременно кричали:

— Выступаем, — пусть только дадут сигнал. Выступаем по первому сигналу большевистской партии!

Путиловский завод — завод-большевик — и вся Нарвская застава были готовы к решающей схватке с буржуазией.

В ДНИ ОКТЯБРЬСКОГО ШТУРМА

Рано утром 24 октября, после попытки Временного правительства закрыть большевистскую газету «Рабочий путь», Центральный комитет партии большевиков принял решение о переходе к активным действиям. Военно-революционный комитет тотчас же дал сигнал к выступлению. От штаба революции — Смольного — во все концы Петрограда помчались связисты, представители районов, разнося весть о начале вооруженного восстания. Приказ Военно-революционного комитета был краток: выслать в Смольный отборные отряды красногвардейцев и привести все вооруженные силы в полную боевую готовность.

Восстание началось.

Известие о переходе в наступление всколыхнуло рабочие районы. К сборным пунктам, волоча пулеметы, потянулись красногвардейцы. У деревянного здания путиловского театра — условного места сбора — собрались все двенадцать красногвардейских «сотен» завода и верфи. Командиры боевых дружин выделяли лучших красногвардейцев в формирующийся сводный отряд для отправки в Смольный. Тут же раздавали брезентовые патронташи с патронами, подсумки, поясные ремни, пулеметные ленты, штыки. Устаревшие однозарядные берданки заменяли настоящими, новенькими русскими винтовками, только что привезенными из Охтенских складов.

Настроение путиловцев было приподнятое: вокруг стоял шумный, веселый говор. Раздавались слова воинской команды. Красногвардейцы выстраивались «сотня за сотней» и с песнями уходили к Совету — районному штабу восстания, в Смольный и в другие, заранее определен-

¹ Ленин, Сочинения, т. XXI, стр. 203.

ные места. Несколько отрядов отправилось в район Обводного канала, к казармам донских казачьих полков. Там, соединившись с красногвардейцами Московской заставы, они образовали густую цепь вооруженных пикетов, установили наблюдательные посты и связь со своими районными штабами. Связь была зрительной — через дозоры, разбросанные по всему пути с таким расчетом, чтобы один дозор видел другой.

На улицах, по стенам домов, были расклеены воззвания: «Контрреволюция подняла свою преступную голову...» Плакаты от имени Военно-революционного комитета извещали, что дело защиты революции находится в твердых руках. Контрреволюция, мобилизующая свои силы для разгрома петроградского пролетариата, встретит решительный отпор со стороны рабочих, возглавляемых Военно-революционным комитетом. Воззвание носило, казалось, оборонительный характер. На самом деле было иное: «Революция как бы маскировала свои наступательные действия оболочкой обороны для того, чтобы тем легче втянуть в свою орбиту нерешительные, колеблющиеся элементы».¹

В Смольный вместе с путиловским отрядом ушла часть пулеметной дружины районного комитета большевиков. Они пришли туда в момент, когда со всех концов города к штабу революции сходились красногвардейские отряды, солдатские батальоны и команды моряков. Приходившие располагались во дворе. Командиры вместе со связными уходили внутрь здания. По гулким сводчатым коридорам Смольного сплошными потоками взад и вперед двигались вооруженные рабочие, солдаты и матросы. Без суеты и излишней торопливости тут же формировались патрули и отряды для выполнения различных боевых операций.

Пока путиловцы ждали распоряжений Военно-революционного комитета, из здания вынесли литературу и листовки. Принесли и первые, пахнувшие краской номера газеты «Рабочий путь». Газету встретили радостными криками: «Появилась! Вышла все-таки!»

Всем уже было известно, что на заре этого дня Временное правительство прикрыло газету и опечатало типографию. Вокруг каждого экземпляра «Рабочего пути» собирались толпы. Газету читали вслух. Особенное внимание привлекала передовая статья «Что нам нужно?», написанная Сталиным.

Лозунги и требования сталинской статьи звучали мощным призывом к немедленному свержению власти капиталистов и помещиков:

«Настал момент, когда дальнейшее промедление грозит гибелью всему делу революции.

Нужно нынешнее правительство помещиков и капиталистов заменить новым правительством рабочих и крестьян...

Нужно нынешнее самозванное правительство, народом не избранное и перед народом не ответственное, заменить народом признанным правительством, избранным представителями рабочих, солдат и крестьян и ответственным перед этими представителями.

Нужно правительство Кишкина — Коновалова заменить правительством Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов».²

Ежеминутно к Смольному прибывали все новые отряды. Путиловский

¹ И. Сталин, Об Октябрьской революции, 1932, стр. 64.

² И. Сталин, На путях к Октябрю, 1925, стр. 215.

сводный отряд был разбит на части и отправился в указанные ему места. Одна часть красногвардейцев вместе с рабочими других районов ушла захватывать мосты через Неву. Другая направилась к Марсову полю, чтобы действовать вместе с Павловским полком в первой цепи, окружавшей Зимний дворец. Третья получила задание патрулировать по определенным улицам, охраняя подступы к Смольному институту. Она же явилась звеном второй цепи окружения главных районов контрреволюции.

С полудня начался планомерный захват важнейших учреждений и решающих в стратегическом отношении пунктов города. План вооруженного восстания, разработанный Партийным центром во главе с товарищем Сталиным и утвержденный Лениным, был приведен в действие. План предусматривал внезапное окружение и захват важнейших пунктов столицы: телефонной станции и телеграфа, вокзалов и железнодорожных станций, правительственных учреждений, почтамта, Государственного банка, мостов, дворцов. Отдельным районам и полкам даны были особые задания. Нарвско-Петергофскому и Московскому районам совместно с Петроградским и Измайловским полками поручили укрепиться на подступах к Петрограду — защитить их от возможного подхода контрреволюционных войск со стороны Варшавской и Балтийской железнодорожных линий и Петергофского шоссе.

Для этой цели путиловцы тотчас создали новый сводный отряд. В районном Совете к нему присоединили красногвардейцев мелких заводов заставы. Отряд занял позиции, удобные для того, чтобы держать железнодорожные пути под ружейно-пулеметным и артиллерийским огнем. Часть

Путиловские красногвардейцы у входа в Смольный

отряда была снабжена инструментами и взрывчатыми веществами, для того чтобы в случае необходимости прервать движение на линии. На Путиловском заводе в полной боевой готовности стояло несколько автомобилей с орудиями.

В заводском комитете кипела лихорадочная деятельность: создавали группы рабочих для доставки оружия и снарядов, для добычи медикаментов и перевязочных средств, для устройства питательных пунктов; комплектовали орудийные расчеты (команды артиллеристов) для пушек, изготовленных заводом; формировали слесарно-ремонтные бригады, которые должны были сопровождать орудия и исправлять их на месте; рассылали связистов во все организации — в районный Совет, в Центральный совет фабзавкомов, в Павловский и Измайловский полки, в Смольный и в различные места города, где действовали путиловцы.

Недостатка в людях не ощущалось. Как только получалось предписание выслать отряд, из цехов, по телефонному звонку, мигом появлялись сотни рабочих. Если оружия в заводском комитете не было, отряды уходили без него в районный штаб или прямо в Петропавловскую крепость, где каждому, по предъявлении рабочего номера, выдавали винтовку и патроны.

Срок обучения стрельбе для таких красногвардейцев исчислялся минутами. На ходу, где-нибудь на привале или даже у самого места боевых действий, рабочие учили друг друга, как заряжать, прицеливаться и стрелять. В мастерских, не прекращаясь ни на минуту, шли спешные работы. По распоряжению заводского комитета в цехах оборудовали бронеплощадки, производили ремонт автомашин, собирали орудия, готовили санитарные повозки, походные кухни, полевые ремонтные мастерские.

Центром боевых сил Нарвской заставы был районный Совет рабочих депутатов. Сюда стекались все сведения о ходе работ на заводах. Отсюда во все концы заставы разносился клич: «Мобилизуйте все силы, создавайте отряды, вооружайтесь!» Сюда приходили все приказы и распоряжения Военно-революционного комитета, и здесь они тотчас же находили своих исполнителей. Все наличные силы районного комитета большевиков находились либо здесь, либо рядом, в доме комендатуры Красной гвардии. Мотоциклисты, приданные районному Совету из Смольного, стремительно мчались то в город, то обратно, служа надежной и быстрой связью между Нарвской заставой и боевым центром восстания.

Председатель районного Совета Иван Егоров с членами районного комитета большевиков разрабатывали детальный план осуществления власти Совета на месте — за Нарвской заставой. Намечали пункты, подлежащие захвату в первую очередь. Подсчитывали боевые силы. Распределяли обязанности между членами Совета: кому чем заняться, когда пролетариат Петрограда возьмет власть в свои руки. Для связи со Смольным отправили несколько депутатов. В цеха Путиловского завода послали членов Совета проверить, как идет производство орудий.

Депутат второго округа, объединявшего несколько крупных мастерских, организовал митинг. Боевая резолюция была принята единогласно. В ответ на призыв быть готовыми выступить в любую минуту, рабочие постановили: «беспрекословно подчиняться Революционному комитету при Петроградском Совете. Требуем от Всероссийского Совета Депутатов, чтобы власть была только Советам. Требуем вооружения всех рабочих».

На Путиловской верфи общее собрание рабочих вынесло решение о поддержке Военно-революционного комитета. Путиловцы предлагали немедленно принять решительные меры к скорейшему разоружению юнкерских училищ, являвшихся опорными пунктами контрреволюции.

В шесть часов вечера 24 октября в помещении районного комитета большевиков состоялось экстренное собрание представителей цеховых партийных коллективов и активных работников организации. Докладчик, представитель Петербургского комитета, предупредил собравшихся, что это собрание — последнее, на котором следует говорить о задачах партийных организаций в восстании. В дальнейшем нужно *действовать*, и только *действовать* — осуществлять практический план восстания. Докладчик огласил резолюцию Петербургского комитета большевиков, принятую утром этого дня:

«Петербургский Комитет считает необходимой задачей всех сил революции — немедленное свержение правительства и передачу власти Советам рабочих и солдатских депутатов как в центре, так и на местах. Для выполнения этой задачи Петербургский Комитет считает необходимым перейти в наступление всей организованной силой революции, без малейшего промедления, не дожидаясь, пока активность контр-революции не уменьшит шансы нашей победы.¹

Собрание постановило немедленно разойтись по местам — на заводы, в цеха и в рабочие организации. Было установлено, что ни одна боевая операция не должна пройти мимо внимания большевиков. Каждый большевик, в красногвардейском ли отряде, в цеху ли, или единолично выполняющий поручение, обязан доводить до сведения боевого центра района о ходе работ и боевых действий на его участке.

Правление районного отделения союза металлистов, собравшееся после партийного совещания, решило: временно работу в союзе прекратить; всем членам правления включиться в работу боевых организаций; технический аппарат отправить в Смольный вместе с пишущими машинками, в которых ощущается сильная нужда.

Вечером за Нарвскую заставу начали приходить первые вести об успехах восстания. В пять часов вечера был захвачен телеграф. Один за другим наведены мосты, разведенные еще с утра юнкерами. Самокатчики, охранявшие Зимний дворец, оставили его, отказавшись защищать Временное правительство. Во всех рабочих районах по улицам расставлены красногвардейские патрули. Рабочие заводов Коломенского района заняли линию улиц от Фонтанки до Крюкова канала.

Все эти вести вносили бодрость и уверенность в окончательной победе. Путиловцы не уходили домой, оставались в цехах, продолжая работы. В деревянном здании театра и в помещении заводского комитета расположились резервные красногвардейские «сотни». На свободных площадках у мастерских и в центре заводского двора, не взирая на надвигающуюся темноту, производили воинские учения. Завод превратился в вооруженный лагерь, готовый каждую минуту сняться с места и двинуться туда, куда укажет боевой руководитель восстания — Военно-революционный комитет.

Чем ближе к ночи, тем напряженней становилась обстановка. Председатель Совета Иван Егоров оставил депутата от башенной мастерской

¹ Первый легальный П. К. большевиков в 1917 г., 1927, стр. 326.

Ленин в Смольном в Октябрьские дни. (С картины художника М. Соколова.)

Ивана Газа при себе. «Будешь у меня адъютантом для особых поручений, — сказал он Газа. — К утру, очевидно, закончатся главные операции. Горячая предстоит ночка».

Иван Газа не уходил из помещения Совета. Он сидел у телефонного аппарата — принимал распоряжения из Смольного. Осуществляя приказы из центра, он писал записки на реквизицию фуража, бензина, продовольствия, лошадей. Снаряжал красногвардейские отряды для взятия в гараже «Транспорт» всех автомашин для обследования района дачи графа Шереметьева, где разместилась какая-то подозрительная казачья часть.

Поздно вечером сообщили, что Военно-революционный комитет вызывает ответственного представителя района в Смольный. Уехал Иван Егоров. Вернулся он поздней ночью. Собрал всех работников Совета и комитета большевиков. Рассказал о новых успехах восстания: войсками Военно-революционного комитета взят почтамт, захвачены вокзалы, мосты. Окружается главный район контрреволюции — Зимний дворец и штаб Петроградского военного округа.

Но самой волнующей вестью было сообщение Егорова о беседе его с Лениным. Ленин вызвал к себе представителей районов. Подробно расспрашивал, что делается на местах для обеспечения победы восстания, мобилизованы ли все силы, какова самостоятельность и активность масс.

Егоров доложил Ленину о мерах, проведенных и намеченных районным Советом.

— Важно создать подавляющий перевес сил на каждом участке сражения. Вот чего требует Ильич, — рассказывал Егоров. — Ленин учит нас проявлять больше инициативы и самостоятельности. Посылать побольше отрядов для боевых действий в центре, но вместе с тем не забывать, что следует захватить абсолютно все мало-мальски важные пункты в районе — почтовые отделения, станцию Пушино, комиссариаты милиции. Путиловскому заводу самым энергичным образом надо готовить орудия.

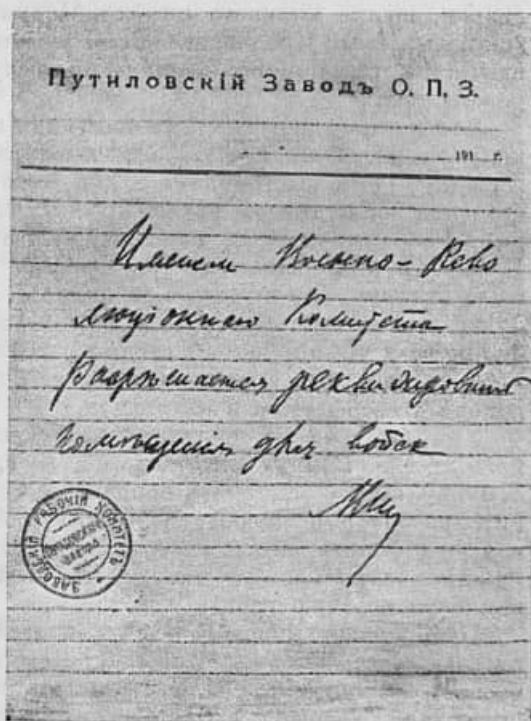
В соответствии с указаниями Ленина, тотчас же был дополнен план действий, разработанный районным Советом. Созданы отряды для захвата всех учреждений в районе. Заводскому комитету Путиловского завода сообщили, что главной его задачей является выпуск орудий, — впредь формирование новых красногвардейских отрядов следует производить только в тех мастерских, которые не имеют отношения к пушечному производству.

Ночью из Путиловского завода сообщили в районный Совет, что готово около десятка автомашин с зенитными орудиями. Машинам необходимо сделать пробегку, опробовать установку орудий. Машины надо заправить бензином, чтобы завтра отослать их по назначению Военно-революционного комитета, а бензина в заводе нет. Нужна срочная помощь.

Дежурный член исполнительного комитета, путиловец Степан Корнеев, быстро справился в записях. Оказалось, что в порядке подготовки к восстанию взяты на учет все пункты, где можно достать бензин. Он ответил путиловцам, чтобы сейчас же прислали ответственных людей и грузовые автомобили, — бензин будет.

Два члена заводского комитета, М. Розенштейн и Кузьмин, поехали в Совет. Их ожидал небольшой красногвардейский наряд. Был заготовлен ордер на реквизицию бензина. Направились в ближайшее «бензиновое» место — на кабельный завод, помещавшийся на Балтийской улице. Там были большие запасы бензина. Путиловцы возили его всю ночь, обеспечив завод бензином чуть ли не на две недели.

В это же время Иван Газа выполнял приказ Военно-

Документ Октябрьских дней

революционного комитета о доставке продовольствия для телефонисток центральной телефонной станции, которая должна быть захвачена этой же ночью.

Члены районной продовольственной управы, охотно снабжая продуктами своих красногвардейцев, отказались выдать их для нужд городских телефонисток. Они заявили: продовольствие получено для района и отдавать его на сторону нельзя. Такое вредное местничество взорвало Ивана Газа: телефонная станция обеспечит постоянную связь Смольного с районами и заводами, — станция должна работать бесперебойно.

Газу послал в продовольственную управу отряд красногвардейцев.

— Категорически заявите, — сказал он красногвардейцам, — что если тотчас не выдадут продуктов, виновные будут вами арестованы, а продовольственная база реквизирована на месте.

Продукты — 300 банок консервов, 300 буханок хлеба, мешок сахара — были выданы. Приехавшие за ними рабочие Трубочного завода увезли их на телефонную станцию.

К утру 25 октября все важнейшие пункты столицы были захвачены красногвардейцами, революционными солдатами и матросами. Вокзалы и железнодорожные станции, телеграф, телефон, Государственный банк, почтамт, правительственные учреждения, электрические станции и заводы, арсенал, переправы и оружейные склады, все подступы к Петрограду — все это находилось в руках восставшего народа.

Единственными еще не захваченными пунктами оставались: Зимний дворец, здание Главного штаба и Марининский дворец, в котором заседал так называемый Предпарламент — учреждение, созданное эсерами и меньшевиками, при помощи которого они безуспешно пытались приостановить революцию.

Вести о победном шествии восстания приходили на Путиловский завод непрерывно. Они возбуждали небывалый прилив рабочей энергии: десятки пушек выстроились в ряд, готовые к отправке; в вагонных мастерских из платформ «Фокс-Арбеля» выглядывали дула зенитных орудий. Рабочим удалось, наконец, решить главное — установить пушки. Именно в этом состояла серьезнейшая трудность: самим рабочим надо было впервые, без технической помощи, определить и рассчитать, какова будет отдача при стрельбе, какой толщины следует сделать защитную броню из шпал и мешков с песком, где следует установить пушки, выдержат ли вагонные скаты стрельбу из орудий. До всего этого надо было доходить своим умом и смекалкой.

Уже вырисовывались контуры будущего путиловского блиндированного поезда. Вокруг него сутками, не выходя из цеха, сновали рабочие, стараясь скорее закончить бронеплощадки. Было ясно, что контрреволюция, разбитая в Петрограде, не успокоится. Она попытается привести войска с фронта, чтобы разгромить революцию. Уже ползли слухи, распространяемые врагами народа, что вызванные Керенским казаки дивизии идут на Петроград.

Путиловские красногвардейские отряды через связных, или, как их называли, «рассыльных», сообщали своим товарищам по заводу о ходе боевых операций, просили присылать табак, продовольствие. Известия приходили отовсюду: с Варшавского вокзала, захваченного путиловцами совместно с красногвардейцами Московского района; из дома градоначальника, где дежурили рабочие Путиловского завода, еще с ночи вы-

бывшие оттуда контрреволюционную городскую милицию; из военной гостиницы «Астория», за обладание которой происходил сильный бой между рабочими — Коломенского района, путиловцами, эриксоновцами — и офицерами, засевшими там; с телефонной станции, где вместе с солдатами Кексгольмского полка находилась красногвардейская «сотня» Путиловской верфи; из Павловских казарм; из типографии «Биржевых ведомостей»; с площади Мариинского дворца; из застав, расположенных вдоль железных дорог; из многих участков красногвардейских цепей, окружавших район Зимнего дворца.

В десять часов утра Военно-революционный комитет опубликовал обращение «К гражданам России!», написанное Лениным:

«Временное правительство низложено. Государственная власть перешла в руки органа Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов — Военно-революционного комитета, стоящего во главе петроградского пролетариата и гарнизона.

Дело, за которое боролся народ: немедленное предложение демократического мира, отмена помещичьей собственности на землю, рабочий контроль над производством, создание советского правительства, это дело обеспечено.

Да здравствует революция солдат, рабочих и крестьян!»¹

Получив это обращение, путиловцы собрались на короткий митинг. Они подтвердили свою готовность к боям, одобрили действия Военно-революционного комитета и приветствовали созыв II съезда Советов.

В тот момент, когда рабочие расходились с митинга, из ворот автомобильной мастерской выехали одиннадцать автомашин с установленными на них зенитными орудиями. Новенькие, собранные на заводе пятитонные грузовые автомобили и сработанные своими руками зенитные пушки произвели необычайный эффект, еще выше подняли боевое настроение путиловцев. Одна за другой под непрерывные крики «ура» медленно проезжали машины сквозь толпу рабочих.

Автомобильная батарея ушла в распоряжение Военно-революционного комитета; ее направили в район Гатчины — Красного села для защиты подступов к столице от внезапного налета контрреволюционных войск.

Днем путиловцы-депутаты поехали в Смольный на торжественное заседание Петроградского Совета. Проезжая по главным улицам, путиловцы с любопытством смотрели вокруг. Кое-где торопливо шли красногвардейские отряды. Изредка с тяжелым грохотом проносились стальные коробки-броневики, грозно выставив дула своих пулеметов. Бешеным ходом мчались мотоциклисты — связисты Военно-революционного комитета. В остальном все оставалось прежним, обычным. Все магазины от Садовой до Николаевского вокзала были открыты. На перекрестках, как и прежде, среди обывателей происходили ожесточенные споры. Сейчас эти споры были посвящены лишь одному вопросу: как долго большевики удержатся у власти.

На улицах, примыкающих к Смольному, картина была иная. От штаба революции и по направлению к нему шли красногвардейские отряды и воинские команды. Мчались мотоциклы и автомобили. Спешили одиночки и группы вооруженных людей.

¹ Ленин, Сочинения, т. XXII, стр. 3.

НАЧАЛЬНИК

ШТАБА

Гатчинского

ОТРЯДА

В. Р. Комитета.

22 Октября 1917 г.

№ 136.

Удостоверение

Сие выдано 22 ноября 1917 г. Путьловскому заводу, в том, что они были прикомандированы на боевую линию Красновско-Гатчинское в распоряжение В. Р. Комитета, с 25 октября до 22 ноября с.г. на полную боевую обязанность добросовестно, и откомандированы обратно на Путьловский завод.

Начальник штаба
Комитет В. Р.

Удостоверение, выданное шоферам Путьловского завода, выезжавшим с 11 зенитными орудиями на боевой участок Гатчина — Красное село

А у самого Смольного перед путильовцами предстало необычайное зрелище. Броневики, пушки, пулеметы стояли попеременно с солдатскими, матросскими и красногвардейскими частями. Легковые автомобили с санитарами готовились к отъезду. Приезжали грузовики с оружием, литературой и продовольствием. Дымили походные кухни. Тут же на ограде и на земле обедали рабочие и солдаты, делясь последним куском хлеба. Ежеминутно раздавались команды; часть, получившая наряд, строилась и уходила. Из ворот Смольного выезжали грузовики авторемонтной роты, увозя в разные концы города отряды красногвардейцев.

В зале заседаний Петроградского Совета было шумно и многолюдно. Царили боевое настроение, необычайный подъем. Внезапно гул особенно усилился. Со всех сторон понеслись приветственные крики:

«Да здравствует вождь пролетариата!»

«Да здравствует Ленин!»

Громовое «ура» потрясало стены большого зала.

Ленин стоял на трибуне. Тысячи глаз с любовью смотрели на Ильича. Наконец, когда буря восторгов и приветствий чуть стихла, Ленин начал свою историческую речь о совершившейся революции и задачах новой власти — власти Советов:

«Отныне наступает новая полоса в истории России, и данная третья русская революция должна в своем конечном итоге привести к победе социализма...

В России мы сейчас должны заняться постройкой пролетарского социалистического государства». ¹

Путиловские депутаты, торопясь, возвращались за Нарвскую заставу. Им хотелось скорее и наиболее ясно и четко передать мысли Ильича своим товарищам. На ходу вырабатывали первое обязательное постановление районного Совета. И как только депутаты вернулись за Нарвскую, это постановление было широко распространено по всей заставе: единственной властью в районе является Совет рабочих депутатов; исполнению подлежат только распоряжения Совета.

Вечером районный Совет «для лучшего осуществления власти на деле» образовал отделы — военно-административный, продовольственный и отдел передвижения (транспортный). Эти отделы впоследствии стали комиссариатами. Наряду с ними были созданы другие комиссариаты, охватившие все области хозяйственной и общественной жизни района.

Пока за заставами формировались первые ячейки Советской власти, а в цехах заводов кипела работа, вокруг островков недобитой власти буржуазного Временного правительства сжималось кольцо осады. Красногвардейцы, матросы судна «Полярная звезда», солдаты-кексгольмцы и солдаты броневых частей захватили Марининский дворец и разогнали убылочный Предпарламент.

Ленин потребовал от Военно-революционного комитета, чтобы поскорее было ликвидировано последнее убежище Временного правительства — Зимний дворец. Члены Военно-революционного комитета разъехались по заводам собирать новые красногвардейские отряды, чтобы огромным перевесом сил сломить сопротивление юнкеров, хорошо защищенных баррикадами и каменными стенами дворца.

Представители Военно-революционного комитета прибыли на Путиловский завод. В заводском комитете они собрали командиров вновь сформированных рабочих отрядов. Командиру одной из «сотен» Е. Суркову было приказано немедленно отправиться на Морскую улицу, под арку Главного штаба. Путиловцам придется быть впереди солдатских цепей. Нужно взять поэтому наиболее крепких и выдержанных людей, лозунгом которых будет — «только вперед». К Зимнему вызвалась пойти вся «сотня» Суркова. На осаду Зимнего дворца отправили несколько отборных отрядов. Путиловцы, ушедшие в течение предыдущих двух дней в Смольный и на другие участки боев, также в конце концов очутились в цепи окружения последней крепости Временного правительства.

Еще в ночь на 25 октября вокруг района Зимнего дворца образовалось полукольцо, упиравшееся концами в Неву. С восточной стороны, у Марининской площади, стояли красногвардейцы 2-го городского (Коломенского) района; с западной стороны, на Марсовом поле, были исходные позиции солдат Павловского полка. В центре находились многочисленные пикеты Красной гвардии и отряды заводов Выборгской стороны, Невской заставы и других районов.

Вторая цепь окружения располагалась неподалеку от Смольного института. Это были дозоры, охранявшие подступы к штабу революции. По мере захвата важнейших пунктов войсками Военно-революционного комитета, эти отряды приближались к первой цепи. К утру 25 октября обе цепи настолько сблизились, что местами образовывали одну, а к полу-

¹ Ленин, Сочинения, т. XXII, стр. 4—5.

Путиловские красновардейцы у ограды Смольного

дню слились окончательно. Однако замкнутой цепи окружения еще не было. Лишь с трех часов дня, когда прибыли новые отряды Красной гвардии, свободные промежутки начали заполняться. Была занята Казанская площадь. Павловский полк выдвинул заставы по Конюшенной улице, вплоть до Невского проспекта. Кексгольмский полк занял улицы, примыкавшие к Александровскому саду. Отряды рабочих и матросы прибывшего из Кронштадта десанта расположились в Александровском саду и заняли позиции по набережной вдоль адмиралтейства.

К вечеру сомкнулись все звенья красновардейской цепи. На Неве, замыкая цепь и направив дула своих дальнбойных орудий на последнюю твердыню власти капиталистов, стоял крейсер «Аврора». Зимний дворец был полностью окружен. Началась осада. Кольцо осаждающих постепенно сжималось. Передовые части красновардейцев и революционных войск подошли непосредственно к Дворцовой площади. Начались боевые действия.

В числе петроградских рабочих, солдат и матросов, окружавших Зимний дворец, находились в разных местах отряды путиловских красновардейцев. Со стороны Александровского сада, рядом с рабочими Коломенского, Василеостровского и Нарвского районов, вместе с кексгольмцами, броневым дивизионом и моряками-кронштадтцами выступали рабочие

Путиловского завода и пулеметная дружина Нарвского районного комитета большевиков. Вдоль Адмиралтейской набережной, в рядах матросов, против Зимнего дворца действовал сводный отряд Петергофского района, состоявший главным образом из путиловцев. На правом участке, со стороны Миллионной улицы и Дворцовой набережной, вместе с павловцами, солдатами Литовского полка, матросами Ревельского ударного батальона и рабочими Петроградской стороны наступал красногвардейский отряд путиловцев во главе с прапорщиком Григорием Самодедом. От Певческого моста и из-под арки Главного штаба среди отрядов Выборгской стороны, Рождественского, Городского и Московского районов юнкеров осаждала и путиловская красногвардейская «сотня» под командой Е. Суркова. С Полицейского моста через Мойку, против Зимнего дворца, выставили свои грозные дула трехдюймовые пушки и зенитные орудия, установленные путиловцами на автомобилях.

Долго тянулась осада. Перестрелка вначале велась вяло с обеих сторон. Но с часу на час она становилась жарче. С наступлением темноты в ход пошли пулеметы. Юнкера поливали огненным дождем пустынную, открытую площадь, не давая возможности революционным войскам продвинуться вперед. Укрывшись за баррикадами из дров и мешков с песком, юнкера держали под прицелом все выходы на Дворцовую площадь. Каждый появившийся на открытой площади человек представлял собою прекрасную мишень.

Красногвардейцы подвигались вперед небольшими перебежками. Путиловцы, находившиеся под аркой Главного штаба, были в самой передовой цепи наступающих. При перебежках они подымались первыми и, пробежав пять-восемь шагов, валились на камни, ожидая, пока подтянутся остальные цепи. Затем снова поднимались, бежали и снова падали на мокрую, холодную мостовую.

Дул холодный октябрьский ветер. Накрапывал осенний, пронизывающий до костей дождь. Но красногвардейцы не обращали внимания ни на грязь, ни на дождь. Медленно и упорно подвигались вперед. Они говорили, указывая на Александровскую колонну с фигурой ангела, стоящую в центре Дворцовой площади:

— Добраться нам только до ангела. Тогда легче будет. Не миновать царскому дворцу красного флага.

Стрельба временами затихала, чтобы затем разгореться с новой силой. Отряд Григория Самодеда вместе с павловцами, пробираясь вдоль стен Эрмитажа, обстреливал юнкеров с флангов. Матросы вырывались вперед и гранатами забрасывали баррикады юнкеров. Путиловцы вздумали пустить в ход артиллерию, стоявшую под аркой Главного штаба. Но этого им не разрешили. Была надежда, что юнкера и женский батальон, защищающие дворец, сдадутся. Их осталось во дворце немного. Еще в самом начале боевых действий некоторые части школ прапорщиков покинули дворец.

Временное правительство не сдавалось. Надеясь на Керенского, бежавшего из Петрограда, оно ожидало прихода войск. На ультиматум Военно-революционного комитета о сдаче министры последнего правительства буржуазии ответили отказом.

Военно-революционный комитет отдал по красногвардейским цепям приказ: готовиться к штурму; сигнал — пушечные выстрелы Петропавловской крепости и «Авроры». В девять часов вечера из орудий крепости

был дан холостой выстрел. Вслед за ним грянули орудия «Авроры». Под прикрытием пулеметов цепи осаждающих бросились на штурм. Но юнкера и женский батальон ответили сильным огнем. Наступающие откатились назад. Началась сильная перестрелка. Красногвардейцы, строго следуя переданному по цепи приказу, накапливали силы для решающего удара.

В десять часов вечера женский батальон выбросил белый флаг о сдаче. Вслед за ними ушли из Зимнего дворца юнкера школы Северного фронта. Защитники Временного правительства, напуганные и дезорганизованные решительным нажимом осаждающих, покидали дворец. Ряды контрреволюционных войск в Зимнем редели.

В одиннадцать часов прекратившаяся было перестрелка возобновилась с новой силой. Отряд путиловца Суркова скопился у подножья Александровской колонны. Путиловские пулеметчики, установив пулемет на ограде Александровского сада, обстреливали дворец фланговым огнем. С Петропавловской крепости и из-под арки Главного штаба гремела артиллерия. До часу ночи длилась ружейно-пулеметная перестрелка, изредка прерываемая орудийными выстрелами.

Во втором часу, наконец, по цепям осаждающих передали приказ: прекратить стрельбу, ждать сигнала к штурму.

Площадь приумолкла. В тишине раздался резкий винтовочный выстрел-сигнал. Одновременно с криками «ура» двинулись со всех сторон красногвардейские отряды, солдаты и матросы. Лавина штурмующих обрушилась на дворец. Сломали ворота, ринулись во двор, затем в здание. Сотни красногвардейцев рассыпались по этажам и по комнатам дворца. Небольшая группа путиловцев преследовала юнкеров внутри. Гнались за ними с первого на второй этаж, со второго — на третий, затем — на чердак и даже на крышу, куда забирались некоторые перепуганные юнкера. Григорий Самодед со своим отрядом занял все ходы и выходы, шедшие на площадь и в сторону Эрмитажа. По многочисленным комнатам огромного дворца разошлись красногвардейцы, солдаты и матросы, вылавливали спрятавшихся юнкеров. В одной из комнат путиловцы наткнулись на раненых из дворцового лазарета. Солдаты приветствовали рабочих.

— Главное, чтобы войне конец настал, — говорили они.

В этом рабочие уверили солдат. Недаром сам народ берет власть в свои руки. Большевики уж добьются, чтобы был положен конец преступной империалистической войне.

После ареста министров Временного правительства и полного очищения дворца от контрреволюционных юнкеров красногвардейцы начали возвращаться в свои районы и в Смольный. Часть путиловцев, вошедших в состав сводного отряда, осталась на охране дворца.

Зимний дворец — многолетний оплот царизма и последняя твердыня буржуазного правительства — был в руках рабочих и крестьян.

В это время в Смольном заседал II всероссийский съезд Советов. Военно-революционный комитет передал власть II съезду — верховному органу народов России. Известие о взятии Зимнего дворца и аресте министров Временного правительства съезд встретил восторженной овацией.

II съезд Советов принял написанное Лениным воззвание «Рабочим, солдатам и крестьянам!» Это воззвание открывало новую эпоху в истории народов России и всего мира:

«...Опираясь на волю громадного большинства рабочих, солдат и кре-

стьян, опираясь на совершившееся в Петрограде победоносное восстание рабочих и гарнизона, Съезд берет власть в свои руки...

Съезд постановляет: вся власть на местах переходит к Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, которые и должны обеспечить подлинный революционный порядок.¹

Пролетарская социалистическая революция, подготовленная, организованная и осуществленная под руководством партии большевиков, победила.

ПЕРВЫЙ ФРОНТ

Спустя день после победы социалистической революции в столице, Керенский, бежавший из Петрограда, двинул против молодой Советской власти 3-й казачий корпус генерала Краснова. Никаких других сил, кроме этого единственного корпуса казаков, у бывшего главковерха не было. Рухнули его надежды снять с фронта войска и сильным ударом разгромить революцию. Несмотря на грозные приказы, ни Северный, ни Западный, ни Юго-западный фронты не могли выполнить требований Керенского — выслать в его распоряжение надежные части. Воинских частей, поддерживающих контрреволюцию, на фронтах не находилось.

Однако конный корпус, двигавшийся на Петроград, представлял серьезнейшую опасность для революции. Утром 27 октября эшелоны Краснова подошли к Гатчине и заняли ее, намереваясь затем захватить Царское село и ударить по революционному Петрограду.

По призыву Петроградского Военно-революционного комитета на встречу мятежникам выступила петроградская Красная гвардия. На Путиловском заводе загудели тревожные гудки. Снова, как три дня назад, со всех концов Нарвской заставы собирались красногвардейцы к путиловскому театру. Завод превратился в вооруженный лагерь. Одна за другой ушли все красногвардейские «сотни», чтобы в составе сводных отрядов немедленно выехать на линию Гатчина — Красное село, по которой, как предполагалось, мятежники пойдут на Петроград. Несколько путиловских «сотен» ушло походным порядком к Пулковским высотам, где сосредоточились войска Военно-революционного комитета.

Петроградский Совет выпустил приказ всем районным Советам и фабрично-заводским комитетам. Приказ требовал от районных Советов и фабрично-заводских комитетов организовать рытье окопов, устраивать баррикады и колючие заграждения, не останавливаясь, в случае нужды, и перед прекращением работ на предприятиях. Приказ требовал соблюдать строжайшую дисциплину и быть готовыми всеми средствами поддерживать революционную армию и Красную гвардию.

Путиловский заводский комитет вместе с районным Советом установил единый план действий. Был создан революционный комитет и штаб, в руках которых сосредоточилась вся боевая работа в районе и на заводах. Революционный комитет усилил охрану всех важнейших пунктов заставы. Выделил энергичных депутатов Совета для наблюдения за выпуском орудий в военных мастерских завода. На Путиловском заводе образовали специальную комиссию, которая формировала новые красногвардейские отряды, тотчас же уходившие на участки «петроградской оборонительной линии».

¹ Ленин, Сочинения, т. XXII, стр. 11.

Путиловский Заводъ О. П. 3.

24 Октября 1917 г.

Уважаемый Александр Шир-
шев, удержат ли пулеметчики эти
железнодорожные станции в случае
продвижения казаков. Если есть хоть
малейшее сомнение — с Путиловского
завода придут отряды Красной
гвардии. Пулеметчики ответили, что
все их пулеметы в исправности,
патронов достаточно. Но от пушек
не отказались. В тот же вечер
туда были привезены орудия — по
два на каждую станцию.

Труден О. П. 3.

Рекомендация в Красную гвардию

Оружие поступало за Нарвскую огромными партиями. Задержек в формировании отрядов из-за отсутствия винтовок не было. За три дня, с 28 октября, помимо ушедших четырех тысяч красногвардейцев, были вооружены две с половиной тысячи рабочих. В случае необходимости, можно было вооружить еще несколько тысяч человек. И в заводском комитете, и в районном Совете, и в штабе Красной гвардии — всюду комнаты полны были ящиками с винтовками и патронами. Путиловцы снабжали оружием мелкие предприятия заставы, где также создавались красногвардейские отряды. Иногда винтовки шли и за пределы района: для отрядов станций Токсово и Мельничий ручей дали двадцать семь винтовок, несколько десятков винтовок выдали безоружным солдатам 511-го Сычевского полка и рабочим автомобильных мастерских Земсоюза.

В комитеты пулеметных частей, расположенных в Ли-

гове, Сергиеве и Стрельне, отправились представители заводского комитета, чтобы узнать — удержат ли пулеметчики эти железнодорожные станции в случае продвижения казаков. Если есть хоть малейшее сомнение — с Путиловского завода придут отряды Красной гвардии и будут присланы орудия. Пулеметчики ответили, что все их пулеметы в исправности, патронов достаточно. Но от пушек не отказались. В тот же вечер туда были привезены орудия — по два на каждую станцию.

Между тем банды красновцев, закрепившись в Гатчине, атаковали и захватили Царское село. 28 октября на участке Гатчина—Царское село произошли крупные столкновения рабочих отрядов с казаками.

В Петрограде буржуазия вкупе с эсерами и меньшевиками распускала панические слухи, пытаясь дезорганизовать рабочие массы: «У Краснова первоклассные рубяки — донцы и кубанцы, забайкальские, енисейские, уссурийские казаки. Не устоять Советам против казачьих полков. Через сутки Краснов будет в Петрограде».

Но эти слухи вызвали только обратное действие: путиловцы сотнями вступали в боевые отряды, еще энергичнее вели работу по выпуску пушек.

Женщины-работницы и домохозяйки — жены рабочих — создавали санитарные отряды и питательные пункты для красногвардейцев и проходящих мимо Нарвской заставы революционных войск. Петергофское шоссе было одной из главных магистралей, по которым двигались петроградские рабочие отряды, воинские части, обозы, артиллерия и броневики, отправлявшиеся под Пулково и Гатчину. Здесь, на шоссе у Нарвских ворот или у Путиловского завода, обычно устраивали передышку, привал. Семь питательных пунктов, в которых хозяйничали женщины, снабжали рабочих и солдат хлебом, горячей кашей, селедкой. За пять дней, с 28 октября по 2 ноября, было роздано свыше трех тысяч пудов хлеба, сто пудов крупы и десять бочек сельдей.

Настроение рабочих было боевое. Все твердо верили в победу над контрреволюцией. Петербургский комитет большевиков, проверяя положение в районах, обратился к районным комитетам партии с вопросами: каково настроение масс, высказываются ли рабочие за соглашение с эсерами и меньшевиками или против?

Нарвский районный комитет большевиков ответил Петербургскому комитету:

«Против казаков озлобление... На соглашение масса смотрит с точки зрения сохранения и проведения в жизнь завоеваний Октябрьской революции. При малейшей возможности уступить что-либо — отношение резко отрицательное... К эсерам и меньшевикам отношение враждебное, доходящее до ненависти».¹

28 октября, осуществляя приказ Военно-революционного комитета, путиловский заводский комитет объявил мобилизацию рабочих на окопные работы. В цеха бросили агитаторов. Были проведены митинги под лозунгом «Все на защиту революции!» Цеховые комитеты предупреждали: необходимо дать наибольшее количество людей, но при этом обязательно «принять во внимание, чтобы производство, имеющее военное значение, не приостанавливалось». Главной своей задачей заводский комитет считал снабжение революционных войск артиллерией.

Враги революции — эсеры и меньшевики — попытались сорвать мобилизацию путиловцев на окопные работы. Меньшевик Деулин на митинге в пушечной мастерской выступил с заявлением, что «созданная власть не выражает интересов всей демократии». Он клонил к тому, что такую власть защищать не следует и идти рыть окопы не надо. Открыто заявить об этом он боялся. Но рабочие уже хорошо понимали смысл подобных речей. Рядовые беспартийные рабочие, отвечая меньшевику Деулину, говорили, что Советская власть — народная власть. Выступая против власти народа, меньшевики и прочие соглашатели, запятнавшие себя рабочей кровью, снова показывают, что они на стороне свергнутой буржуазной власти. Один из выступавших рабочих вспомнил, как отвечал Володарский на подобные выпады меньшевиков. Теперь он так же ответил Деулину:

— Вы говорите, что власть Советов не выражает интересов всей демократии. Кого же в Советах нет? Буржуазии. Единственно ее нет. Значит, выходит, что, заботясь о «всей демократии», меньшевики пекутся о буржуазии, ставят ее интересы превыше интересов всего народа. Они поэтому и являются теми же контрреволюционерами, что и капиталисты.

¹ «Красная летопись» № 2—3, 1922, стр. 311

Рабочие приняли резолюцию: всем, без кого пушечное производство не остановится, немедленно отправиться на рытье окопов.

Около двух тысяч путиловцев, забрав лопаты, кирки и жерди для кольев, отправились в район оборонительной линии. Шли пешком за много верст под пронизывающим осенним дождем. Приходя мокрыми до нитки, немедленно приступали к рытью окопов и к постройке проволочных заграждений.

Грязь прилипала к лопатам. На руках набухали водяные мозоли. Копать приходилось часто по колено в воде. Но путиловцы работали напряженно. Рядом с путиловцами, не покладая рук, трудились рабочие из других районов столицы. Издалека доносилась артиллерийская стрельба. Это еще сильнее подстегивало рабочих. Надо было успеть создать укрепления, чтобы в случае прорыва контрреволюционные войска встретили здесь непреодолимое препятствие. Работали весь день и всю ночь. Сооружали второй ряд окопов, строили второй ряд проволочных заграждений. Работы были закончены лишь после того, как саперы, руководившие всем делом, заявили, что в окопы можно сажать бойцов, а колючие заграждения способны задержать красновскую конницу.

Первые вести, пришедшие с фронта, говорили о том, что Красная гвардия и революционные части армии без помощи артиллерии не могут задержать казаков. Прикрываясь артиллерийским огнем, казаки, хотя и с меньшим успехом, но продолжают продвигаться. Артиллерии красновцев надо было противопоставить артиллерию революции. Военно-революционный комитет затребовал из Гельсингфорса орудия.

28 октября Ленин, непосредственно руководивший разгромом антисоветского мятежа, вызвал к себе путиловцев:

— У нас нехватает пушек, а вы делаете пушки. Добейтесь, чтобы пушки на чем угодно, но были отправлены на позиции. Если нет коней — берите их у извозчиков. Где нельзя проехать — берите канаты и тащите пушки на канатах.

Путиловцы заверили Ильича, что к утру следующего дня можно будет вывезти из завода несколько батарей. Эти батареи будут обязательно доставлены на фронт.

В Военно-революционном комитете путиловцам дали дополнительное задание — обеспечить артиллерию фуражом, связью и продовольствием. Так появился приказ Совета Народных Комиссаров и Петроградского Военно-революционного комитета о пушках: к утру 29 октября Путиловскому заводу и Петергофскому районному Совету рабочих депутатов достать и доставить в указанные Военно-революционным комитетом пункты: легких и тяжелых орудий с боевой прислужкой и снарядами в возможно большем количестве, телефоны с проводами на 50—100 верст, разного фуража 5—10 тысяч пудов, продовольствия, колючей проволоки, двести пятьдесят кавалерийских оседланных лошадей.

Приказ вручили председателю Совета Ивану Егорову. Егоров тотчас же собрал всех членов Совета. Прочитал приказ. На мгновение в комнате заседаний стало тихо: все задумались о том, где достать фураж, телефоны, проволоку, лошадей. О пушках не беспокоились — Путиловский завод даст их к сроку.

Все зашумели, заговорили разом, высказывая свои предположения. Иван Егоров остановил членов Совета, — обсуждать не следует, надо действовать. Он сказал:

— Выполнить приказ нужно завтра к шести утра. Часов двенадцать, следовательно, у нас есть. Сделаем так: каждому депутату будет своя задача — доставить сюда то, что ему будет поручено.

Членам Совета выдали мандаты на право реквизиции. Распределили задания. В помощь членам Совета придали небольшие отряды красногвардейцев на случай, если придется применять силу. В заключение председатель сказал:

— Помните, приказ Ленина нужно выполнить во что бы то ни стало и в срок.

Литейщик Максим Анисимов, которому поручили достать лошадей, стоял немного растерянный. Он получил ордер: «Предъявитель сего по приказу Народных Комиссаров имеет право пользоваться и реквизировать верховых лошадей, что подписью и приложением печати удостоверяется». Но где достать коней — Анисимов не знал и смущенно разводил руками. После долгого раздумья подошел к коменданту боевых дружин и спросил:

— Где коней достать? Десяток — это еще туда сюда — добудем. А то, шутка сказать, двести пятьдесят! Да еще верховых, с седлами!

Комендант молча и укоризненно посмотрел на Анисимова.

— Коней, скажем, реквизирую, как-нибудь найду, — сдавался Анисимов, — а седла где?..

— Район тебе не заказан, не найдешь за Нарвской, в город поедешь. Захочешь — так найдешь.

На помощь Анисимову вызвался один красногвардеец.

— Я знаю, где кони есть.

Анисимов обрадовался:

— Идем, идем со мной. Ты, видать, парень дельный.

Депутаты Совета разошлись выполнять приказ. На Путиловском заводе все внимание заводского комитета было сосредоточено на пушечной. Единственно, в чем ощущалась нужда, это — транспорт для переброски орудий на позиции. Об этом сообщили в Совет Народных Комиссаров. Управление делами Совнаркома, по указанию Ленина, через профессиональный союз транспортных рабочих направило на Путиловский завод реквизированных ломовых лошадей и повозки для снарядов.

Всю ночь путиловцы-депутаты Совета металась по району и городу, выполняя приказ. Колючую проволоку нашли на одном из складов за Московской заставой. Проволоку выдали без задержек. С помощью Совета Московского района по всей заставе были собраны ломовики, и к утру проволока была доставлена к Нарвским воротам.

Фураж реквизировали у местных извозпромышленников. Балтийская и Новосивковская улицы были густо заселены извозчиками. Из складов и амбаров грузили овес и сено на подводы, взятые тут же с постоянных дворов. Продовольствие отпустила районная продовольственная управа, во главе которой стояли большевики. Телефонные аппараты и провода, с помощью Выборгского районного совета, раздобыли на телефонном заводе «Эриксон».

Самым трудным делом было достать верховых коней. Путиловцы направились по верному адресу — в Николаевское кавалерийское училище.

Лошадей пришлось брать чуть ли не с бою. Красногвардейцы с заряженными винтовками, при поддержке солдат из команды, обслуживающей училище, выводили коней из конюшни. Юнкера злобно смотрели на рабо-

Пикет путиловских красногвардейцев

чих. Временами казалось, что вот-вот они бросятся отнимать лошадей и начнется бой. Но начальство училища благоразумно сдерживало юнкеров. По цепи дозоров, продолжавших еще наблюдать за училищем и казачьими полками, Анисимов установил сигнал на случай опасности. По сигналу все дозорные красногвардейцы должны были окружить училище, а последний дозор — сообщить районным Советам о завязавшемся сражении.

Рано утром 29 октября председатель Совета и комендант боевых дружин вышли

проверить, как выполнен приказ Совета Народных Комиссаров. Огромный обоз тянулся от Нарвских ворот до Путиловского завода. Впереди стояли возы с сеном и овсом. За ними тянулись подводы с продовольствием — хлебом, консервами, сахаром — и длинная вереница телег с колючей проволокой, телефонным проводом и аппаратами. А у самого завода в два ряда стояли тяжелые и легкие пушки, зарядные ящики со снарядами, санитарные повозки и санитарные автомобили, полевые кухни и походные мастерские для ремонта автомобилей и орудий.

День только начинался. Рабочие, шедшие на завод, изумленно смотрели на необычайный обоз, растянувшийся на целую версту: «Откуда все это, куда?..» Красногвардейцы охотно объясняли, что этот обоз и орудия собраны путиловцами по приказу Ленина в одну ночь и предназначены к отправке на передовые позиции против контрреволюционных банд Керенского.

То обстоятельство, что артиллерия и боевое снаряжение собраны по приказу Ленина, наполняло сердца путиловцев гордостью. И все это сделано в одну ночь! В этом сравнительно небольшом факте путиловцы почувствовали силу организованности рабочего класса, способного творить чудеса.

Особое внимание привлекали кони, красивые и выхоленные, предназначавшиеся раньше для юнкеров. Теперь на них сидели одетые не по военному красногвардейцы. Это были первые путиловские кавалеристы.

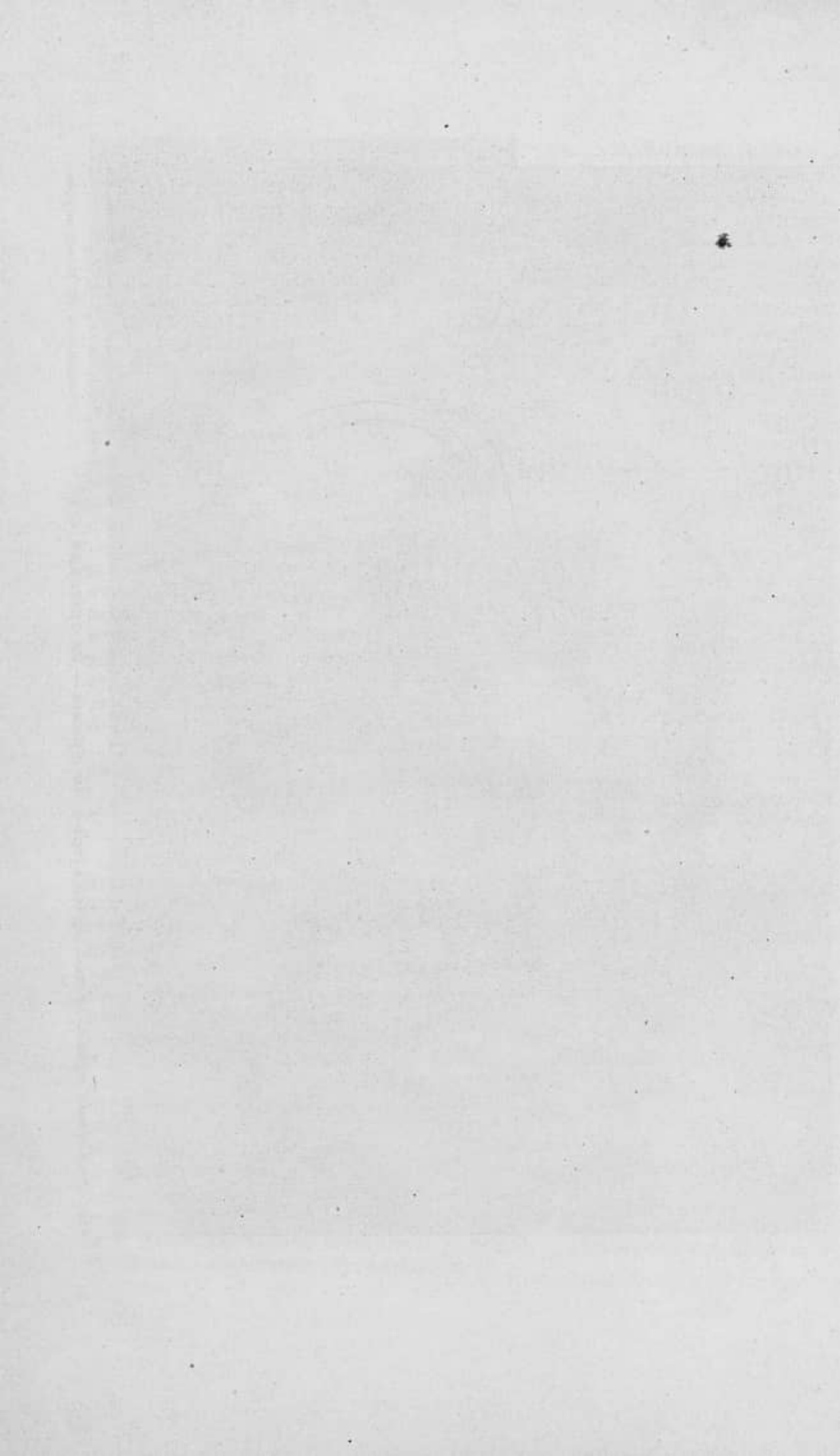
Проверив наличие телефонов, проволоки, фуража и продовольствия и убедившись, что всего собрано с избытком, председатель Совета и комендант Красной гвардии отдали распоряжение — трогать. В сторону Гатчины, провожаемые криками «ура», потянулись путиловская артиллерия и необычайный обоз. Приказ Совета Народных Комиссаров был выполнен полностью и в срок.

В эту же ночь, с 28 на 29 октября, члены Военно-революционного комитета докладывали Ленину о положении дел на фронте. Следовало бы, говорили они, закрепить Колпино и прикрыть связь с Москвой. Этому мог бы содействовать бронепоезд — точнее бронеплощадка с зенитными орудиями, обещанная путиловцами.

Отправление путилевской артиллерии на фронт — 29 октября 1917 г.

(С картины И. Владимиров)

Ленин потребовал, чтобы путиловцев поторопили. Спросил, уверены ли члены Военно-революционного комитета, что путиловцы выполняют свое обещание.

— Они делают, что могут, но не мешало бы подтолкнуть.

Ленин выразил желание лично поехать на завод, чтобы проверить, как идет работа над бронепоездом.

В открытом автомобиле ночью поехали на Путиловский завод. Погода была сырая, мокрый ветер пронизывал до костей. У Нарвских ворот автомобиль проехал мимо рабочих патрулей, гревшихся у костров, мимо революционного штаба Нарвской заставы, где и ночью кипела работа.

Когда Ильич появился в дверях путиловского заводского комитета, находившиеся там рабочие не узнали его сразу. Потом взволновались: почему Ленин приехал на завод так поздно, — не случилось ли чего-нибудь необычайного? Но Ильич с первой же приветственной фразы рассеял появившиеся было опасения. Сразу же начал разговор о положении на заводе, о бронеплощадках, о душках. Путиловцы рассказали Ленину о задержке с площадками, и твердо заявили, что к утру следующего дня бронепоезд будет в бою против мятежных генералов. Рабочие поняли острую нужду в бронепоезде, — ведь не даром приехал по этому поводу Ленин, — и горячо доказывали, что осталось дооборудовать сущие пустяки.

Ленин, улыбаясь, поглядывал на рабочих. Было видно, что он верит им, в то же время его взгляд говорил: «Слова проверяются делами. Посмотрим, товарищи-путиловцы, как вы выполните свое обещание». Ленин стал расспрашивать, каково настроение рабочих, сколько их ушло на фронт, как они дерутся против контрреволюции.

В это время принесли печеную картошку и кипяток. Путиловцы предложили Ильичу разделить с ними скромную трапезу. Ленин присел и, продолжая беседу, съел несколько картофелин и выпил кружку горячей воды. Уезжая, Владимир Ильич сказал путиловцам, что надеется на них и напоминает об обещанных ими орудиях.

Слово, данное Ленину, путиловцы сдержали. Утром 29 октября, лишь только ушла последняя повозка собранного рабочими обоза и артиллерия, члены заводского комитета пошли отправлять первый путиловский бронепоезд. Они взбирались на площадки, откидывали железные борты и перекрытия, мерили толщину «брони» — шпал и мешков с песком, пробовали крепость всей установки.

Бронепоезд был признан вполне пригодным, сделанным добротнo, на совесть, хоть и выглядел немного неказисто. Бронепоезд состоял из двух бронеплощадок, изготовленных из полуоткрытых американских платформ типа «Фокс-Арбель», двух открытых железнодорожных площадок, приспособленных под снаряды, нескольких товарных вагонов и обыкновенного небронированного паровоза. Команда бронепоезда — сорок человек — почти целиком состояла из рабочих железнодорожного цеха, в том числе из работавших там солдат Тарутинского полка.

Узнав о предстоящей отправке бронепоезда, вокруг него собрались рабочие всех цехов. Больше всего было вагонщиков, руками которых эти угольные платформы были превращены в боевые артиллерийские площадки. Представители заводского комитета сочли необходимым сказать несколько слов уезжающей команде. Коротко информировали о положении на фронте. Рассказали о ночном посещении Ленина, специально приехавшего, чтобы подтолкнуть отправку бронепоезда. Призывали

команду быть в первых рядах бойцов за Советскую власть и метким огнем бить врага. Объявили пролетарскую благодарность рабочим, сумевшим в предельно короткий срок выполнить боевое задание революции.

Поезд двинулся. Под крики «ура», медленно набирая ход, он направлялся к станции Пущино. Рабочие бежали вслед за ним и долго махали шапками, провожая свой первый бронированный поезд, уходивший на передовые позиции борьбы против остатков контрреволюционной власти буржуазии.

Одновременно с наступлением корпуса генерала Краснова, контрреволюция готовила удар по революционному Петрограду с тыла. Верные псы буржуазии — эсеры и меньшевики — образовали «Комитет спасения родины и революции», вооружили юнкеров и утром 29 октября подняли контрреволюционный мятеж. Восстали Владимирское и Павловское пехотные, Николаевское инженерное, Михайловское артиллерийское училища и Пажеский корпус. Юнкера захватили в Михайловском манеже броневики и с их помощью овладели центральной телефонной станцией; захватили военную гостиницу «Астория» и Царскосельский вокзал, который считали важным пунктом, полагая, что именно по Царскосельской ветке придут красновские казачьи эшелоны.

Все главные силы Красной гвардии к моменту юнкерского восстания были на фронте. Однако Военно-революционный комитет, еще ночью узнавший о предстоящем выступлении юнкеров, сумел предупредить контрреволюционных мятежников и организовать стремительный и сокрушающий отпор.

Тревожные гудки обрывали ночные работы. В утренней полумгле, отзываясь на призыв, к сборным пунктам собирались рабочие, тотчас же, разбирая винтовки, строились, и к утру новые тысячи красногвардейцев стояли под ружьем.

На Путиловском заводе рабочие сбегались к зданию заводского комитета. Там стоял человек и беспрерывно кричал:

— В театр, в театр!

В путиловский театр набилось свыше двух тысяч человек. На подмостки театра вышел член районного революционного комитета. Коротко обрисовав положение в Петрограде, он сказал:

— Надо разгромить юнкерские гнезда. От вас, путиловцев, нужно пятьсот человек, которые сейчас же двинутся к забунтовавшимся офицерским школам. Кому дорога революция, пусть выйдет на улицу — строиться. Время не ждет.

Более чем полуторатысячная колонна выстроилась перед театром. Член революционного комитета, улыбаясь, посмотрел на колонну и, определив на глаз пятьсот человек, отделил их, предложив остальным разойтись по цехам:

— Больше пока не надо. Остальные могут вернуться на работу.

Но тут произошла неожиданная передвижка. Из задних рядов колонны рабочие начали перебегать в передние. Вместо пятисот человек собралось семьсот-восемьсот. Представитель революционного комитета не стал задерживаться и тотчас же отправил всех их в районный Совет. Оттуда одна часть вооруженных рабочих вместе с резервной четвертой «сотней» и отрядом санитарок двинулась к Владимирскому и Павловскому юнкерским училищам на Петроградскую сторону. Другая — к Инженерному замку, третья — к Пажескому корпусу, на Садовую улицу.

Училища уже были окружены красногвардейцами ближайших заводов. Военно-революционный комитет прежде всего позаботился о том, чтобы отрезать мятежные центры юнкеров один от другого. Михайловское артиллерийское училище оцепили выборжцы и шлиссельбуржцы. Инженерное училище было отрезано заставами красногвардейцев и солдат Павловского полка. Владимирское и Павловское училища окружили рабочие Петроградской стороны, солдаты Гренадерского полка и Огнеметнохимического батальона.

Контрреволюционный мятеж, организованный эсерами и меньшевиками в Петрограде, с первого же шага потерпел неудачу. Окруженные со всех сторон, юнкерские училища вынуждены были вместо нападения, как они замыслили, перейти к обороне и забаррикадироваться. Красногвардейцы повели осаду этих контрреволюционных гнезд.

Уже к двенадцати часам дня сдалось Михайловское училище. После двух часов — Павловское. Дольше всех отбивались юнкера Владимирского и Николаевского училищ. Несколько раз бросались красногвардейцы в атаку на Владимирское училище, но всякий раз вынуждены были отходить назад. Взять прямой атакой юнкеров было трудно. Они умело расставили пулеметы и даже одиночкам не давали подойти близко. Все дома вокруг училища были заняты офицерами и юнкерами. Оттуда они стреляли по Красной гвардии. Так, то ослабевая, то усиливаясь, перестрелка продолжалась свыше четырех часов. Обе стороны вели упорную борьбу. Среди осаждающих было уже немало раненых, были и убитые.

Высокий героизм проявили женщины-санитарки, пришедшие с путиловской красногвардейской «сотней», и работницы-санитарки Петроградской стороны. Когда революционные войска бросались в атаку, женщины шли вместе с ними. Перебегая с места на место, они относили раненых или перевязывали их под огнем. Одна из путиловских сани-

Путиловские красногвардейцы

тарок, сама раненная в ногу, так и не ушла с места сражения до тех пор, пока все раненные не были подобраны и перевязаны.

Вдруг над забором юнкерского училища появился белый флаг — знак сдачи. Солдаты и красногвардейцы пошли к училищу. Но коварные враги тотчас же открыли беглый ружейный и пулеметный огонь. Было убито человек пятнадцать рабочих и солдат.

Провокация юнкеров страшно озлобила рабочих. Они рвались на штурм, но штурмовать училище было нецелесообразно. Решили выбить юнкеров пушками. Появились трехдюймовые орудия. Их установили напротив училища и выпустили первый снаряд, врезавшийся в каменную стену училища. После каждого выстрела незакрепленное орудие далеко откатывалось назад по панели. Стрелять было небезопасно. Но это не смущало артиллеристов.

Одновременно часть путиловцев, матросов и солдат зашла с Малого проспекта в тыл юнкерам. Гренадеры и красногвардейцы пошли в наступление со стороны Спасской улицы. Ударная группа после нескольких орудийных выстрелов двинулась в атаку с фронта. Через ворота ворвались во двор училища. Юнкера, видя безнадежность своего положения, в рукопашную борьбу не вступили. Беспорядочными группами выходили с поднятыми руками и растерянными лепетали:

— Больше стрелять не будем. Сдаемся.

Юнкеров увели в Петропавловскую крепость.

В училище были найдены огромные запасы продовольствия. Мука была белая, какой давно не видали рабочие Петрограда. Из этой муки для юнкеров были изготовлены лепешки. В толпе раздавались негодующие возгласы:

— Своих-то юнкеров Керенский всем обеспечил, а народ голодает!

Красногвардейцы успокаивали публику: больше Керенскому не быть в Питере; теперь сам народ будет строить свою справедливую жизнь.

Путиловский отряд ушел к Инженерному замку. Там уже была установлена артиллерия, и под угрозой орудий Инженерное училище сдалось. В пять часов тридцать минут дня была взята телефонная станция. Немного позже от юнкеров очистили Царскосельский вокзал. К этому же времени был взят Пажеский корпус. Все гнезда эсеров-меньшевистского «Комитета спасения» были разгромлены, контрреволюционный мятеж юнкеров в Петрограде подавлен.

В этот же вечер путиловцы решили окончательно рассчитаться с казаками и у себя за Нарвской заставой. Если они и живут пока мирно, то, очевидно, потому, что боятся рабочих. Поэтому лучше уж их разоружить, чем постоянно опасаться внезапного удара в спину.

На дачу графа Шереметьева послали одну из вернувшихся резервных «сотен». Красногвардейцы под покровом темноты вплотную подошли к каменному особняку, окружили его и внезапно обезоружили часовых. Казаки, заспанные, полуодетые, перепуганные, выбежали, разбуженные шумом. Все они были вооружены.

Командир красногвардейского отряда заявил казакам, что рабочие пришли их разоружить, а затем пусть казаки уезжают домой. Казаки зашептались: перспектива отправиться домой им улыбалась. Но сдавать оружие они не соглашались. Рабочим пришлось убеждать казаков, что сопротивление бесполезно, а воля Совета — тверда. В конце концов оружие

было сдано, и через несколько дней дача опустела. Казаки, примирившись с обстоятельствами, уехали домой — на Кубань.

Разгром юнкерского восстания в Петрограде и появление артиллерии на фронте решили судьбу антисоветского мятежа. Артиллерия, пришедшая из Петрограда — с Обуховского, Путиловского заводов — и из Гельсингфорса, внесла растерянность в ряды войск контрреволюции. Красногвардейцы переходили в наступление. На фронте произошел перелом.

До прихода Красной гвардии настроение воинских частей гарнизонов Царского Села и Гатчины было выжидательным. Под влиянием офицеров они решили блюсти нейтралитет. Но как только среди воинских частей появились петроградские красногвардейцы, солдаты тотчас перешли на сторону революции и вместе с рабочими сдерживали продвижение казаков.

Путиловский бронепоезд приказом командования был выдвинут вперед, имея задачу обстрелять казачьи позиции, посеять в них панику. Из всех четырех орудий путиловцы начали стрельбу. Наблюдателей почти не было. Разведка давала неточные сведения о попаданиях. Несмотря на это, оруди́нная стрельба производила на войска Керенского угнетающее впечатление.

Вскоре путиловцы обнаружили, что захваченных ими снарядов оказалось недостаточно. К тому же заводской паровоз, имевший небольшие водяные баки, требовал частого пополнения водой, за которой надо было ехать обратно к станции. Бронепоезд вернулся в Петроград на завод. Взял снаряды, прицепил две запасных цистерны воды и снова выехал на фронт.

На этот раз бронепоезду пришлось действовать совместно с пехотными красногвардейскими и матросскими частями. Возле линии железной дороги уже были вырыты неглубокие окопы. В окопах засели красногвардейцы, отражая конные атаки казаков. Бронепоезд, отойдя назад, открыл огонь по казачьим цепям. Прямой наводкой бил шрапнелью на короткие дистанции. Там же, в районе Пулково, шли бои с казаками. В числе многих отрядов петроградских рабочих были и путиловцы.

30 октября войска Военно-революционного комитета перешли в наступление по всему фронту. По склонам Пулковских высот, вдоль линии железных дорог, в направлении к Царскому селу двинулись революционные отряды. Впереди всех шли рабочие и матросы. Неопытные, но полные решимости, они с криками «Не быть Керенскому в Питере!» бежали в наступление, выпрямившись во весь рост. Это приводило к большим потерям, но рабочие и матросы бежали вперед, не останавливаясь. Именно это наступление — во весь рост с открытой грудью под пулеметным огнем — больше всего подавляло казаков и наводило на них страх и панику. Позже казаки рассказывали рабочим: «Прете вы, как черти, и оторопь нас взяла: как их побьешь? Дорвутся до нас, таких клинком не возьмешь, погибнешь!»

Поддерживаемые артиллерийским огнем, войска Советской власти теснили казаков. К вечеру 30 октября они заняли Царское село, а утром 31 октября — Гатчину. Генерал Краснов со своим штабом был взят в плен. Бывший главковерх и премьер-министр Керенский, переодевшись в женское платье, трусливо и позорно бежал.

Молодая Советская власть, опираясь на рабочие массы и революционный гарнизон Петрограда, подавила антисоветский мятеж.

Первый бронепоезд, сделанный путиловскими рабочими

Диктатура пролетариата победила.

2 ноября отряды путиловских красногвардейцев возвращались за Нарвскую. У Триумфальных ворот, построенных почти сто лет назад в честь возвращавшейся после марша в Париж русской гвардии, народ с триумфом встречал новую русскую *Красную гвардию* после ее победного марша против контрреволюции. Представители рабочих организаций приветствовали солдат революции. Толпы народа кричали им «славу», и долго на старой Нарвской площади слышен был радостный гул рабочих толп, празднующих свою большую победу.

Вечером вернулся на завод и первый путиловский бронепоезд. Весть о возвращении бронепоезда мгновенно облетела все цеха. Своему бронированному первенцу путиловцы устроили торжественную встречу.

А на следующий день бронепоезд получил почетное задание: в составе Петроградского сводного отряда революционных войск выехать на помощь московским рабочим, сражавшимся за власть Советов.

По пути в Москву путиловцы вместе с матросами, составлявшими главную часть сводного отряда, нагнали бронепоезд Керенского.

У станции Куженькино с помощью железнодорожников и революционных солдат этот бронепоезд был загнан в западню и захвачен. Матросы перебрались на захваченный бронепоезд и на стенках его вывели надпись: «На Москву».

Два революционных поезда — блиндированный, сделанный путиловцами, и бронированный, отвоеванный у контрреволюции — помчались

вперед. В Москву они прибыли к самому концу боев московских рабочих с юнкерами, заседавшими в Кремле.

Советская власть, победившая в Петрограде и Москве, начала свое триумфальное шествие по всей стране. Путиловский бронепоезд выехал на юг, чтобы оказать помощь украинским рабочим и крестьянам, боровшимся за власть с буржуазной Украинской радой. Путиловский бронепоезд участвовал в занятии Харькова, дрался за станцию Лозовую, первым вошел в Павлоград, занял с бою станцию Синельниково. Он принимал участие в освобождении

Екатеринослава от гайдамаков, в составе I-й армии участвовал в боях за Александровск, Полтаву, станцию Бахмач и в шестидневном бою за обладание Киевом, вместе с другим советским бронепоездом, обеспечил занятие всех подступов к столице Украины.

Так путиловский бронепоезд, рожденный в дни первого фронта гражданской войны, стал боевой единицей зарождавшейся Рабоче-крестьянской Красной армии. Путиловские рабочие, обогащенные опытом первого фронта под Гатчиной и Пулковом, вслед за своим первым блиндированным поездом стали строить другие — целое авто-бронь-артиллерийское соединение, впоследствии названное: «Путиловский стальной артиллерийский дивизион автожелезнодорожных, зенитных и полевых батарей».

Печать бронепоезда

НОВАЯ ВЛАСТЬ

На другой день после Великой Октябрьской революции встали новые, гигантские задачи. «Пред угнетенными массами встала в высшей степени трудная задача — самим строить государство».¹

Изменился характер Советов: из органов восстания они превратились в органы новой государственной власти. Необходимо было разбить старый и построить новый аппарат управления, создать первое в истории человечества социалистическое государство рабочих и крестьян.

Эту задачу путиловцы-депутаты Совета представляли себе ясно. Еще в первый день победоносного восстания на торжественном заседании Петроградского Совета вождь революции Ленин выдвигал ее как первоочередную и призывал массы немедленно начать строить свои революционные органы управления. В этот день, 25 октября, вернувшись в район, путиловцы организовали первые такие органы, а когда контрреволюционная авантюра Керенского — Краснова была разгромлена, приступили к созданию крепкого аппарата Советской власти в своем районе. Было образовано одиннадцать комиссариатов, охвативших и объединивших в одно целое все отрасли хозяйственной и административной деятельности за Нарвской заставой.

Все одиннадцать районных комиссаров были рабочие-путиловцы, а из двадцати помощников комиссаров только шестеро были рабочие дру-

¹ Ленин, Сочинения, т. XXII, стр. 98.

тих заводов заставы. Такое преобладание путиловцев показывало их авторитет, вес и влияние в районе.

Новые районные комиссары с большим рвением принялись за работу. Комиссар торговли, литейщик Максим Анисимов, стал проверять торговые заведения: не прячут ли продукты, не вздувают ли цены. Комиссар порядка, пушечник Степан Корчагин, в первую очередь принялся за милицию, представлявшую собой неустойчивую массу, развращенную прежним эсерово-меньшевистским руководством. Комиссар почт и телеграфа, бывший солдат Моисей Горелик, установил тщательный контроль в почтово-телеграфных отделениях. Комиссары просвещения и медико-санитарный начали свою работу с того, что пошли по своим учреждениям — школам и больницам — выяснять их нужды. Комиссар промышленности и труда, шрапнельщик Иван Панов, улаживал конфликты на заводах и главной своей задачей поставил проведение рабочего контроля.

Трудней всего было комиссару финансов Степану Корнееву и его помощнику Ивану Газа. За Нарвской не было ни казначейства, ни банка, ни кредитных учреждений. А денег в кассе Совета было чрезвычайно мало. Иван Газа шутливо говорил:

— Ну как финансами заведывать? Их нет. Когда своей получкой заведывали, и то больше денег было.

А между тем из всех комиссариатов поступали требования денег — на оборудование и содержание канцелярий, на поддержку школ и больниц, на посылку агитаторов в деревню. Комиссар транспорта требовал средств для ремонта автомашин. Комиссар порядка — на оплату милиционеров.

Комиссар финансов объединил все средства, имевшиеся в районном Совете, в штабе Красной гвардии, в продовольственной управе, в милиции и создал единый финансовый орган. Но денег было совершенно недостаточно. Тогда Газа отправился к народному комиссару финансов В. Р. Менжинскому с просьбой об отпуске средств для нужд района. Подписывая распоряжение о выдаче денег, Менжинский сказал:

— Даю вам деньги, хотя ясно, что комиссариат финансов не может и не должен снабжать ими районные Советы. Это — дело Петроградского Совета. Но пока при существующем неустойстве вы добьетесь денег, пройдет много времени, а дело не ждет. Вот, получайте. Только помните: деньги — государственные, народные, расходуйте их экономно.

Уменья управлять еще не было у рабочих. В сложнейшем деле устройства первых органов власти вставало много препятствий. Нехватало знаний, нехватало опыта. Рабочие сами, подчас без помощи центральных органов, должны были решать сложные вопросы управления новыми для них отраслями работы. В центре — в Петрограде — молодой Советской властью еще не были разрушены учреждения Временного правительства, полностью сохранившие облик царского аппарата угнетения. Широко разлилась мутная волна саботажа — явного и тайного сопротивления чиновничества и буржуазной интеллигенции.

Но рабочие верили в свои силы. Настойчиво, не смущаясь неудачами и ошибками, они налаживали новые органы Советской власти. На собственном опыте, преодолевая массу препятствий, они строили и овладевали построенными ими аппаратами управления. Другого пути не было и не могло быть.

«Мы знаем, — говорил Ленин рабочим и крестьянам, — лишь один

путь пролетарской революции: овладеть неприятельской позицией — научиться власти на опыте, на своих ошибках».¹

Председатель районного Совета Иван Егоров перешел на работу в профессиональный союз младших служащих «ведомства императрицы Марии», объединявший низший персонал больниц, лазаретов, домов слепых, увечных воинов, приютов и других подобных учреждений. В первые же дни после Октябрьской революции он явился к народному комиссару государственного призрения (позже Наркомсобес) А. Колонтай:

— Надо действовать. А то если пойдут скандалы по части государственного призрения да выйдут на улицу инвалиды, рабочие с Карточной фабрики, няньки да кормилицы с криками, что мы их голодом морим, — это будет почище, чем войска Керенского — моральный подрыв Советской власти.

Но народный комиссар находился в трудном положении: чиновники министерства призрения не хотели признавать Советской власти. Вместе с Егоровым Колонтай пошла к Ленину за советом — как быть: занимать министерство силой или нет? Занять — чиновники и служащие разбегутся, а дела остановить нельзя. Больницы, приюты, богадельни, увечные воины могут остаться совсем без надзора...

Ленин выслушал Колонтай и Егорова. Узнав, что Егоров председатель союза младших служащих, тотчас же дал ответ:

— Егорова назначить заместителем народного комиссара. Обязать его немедленно организовать младших служащих, занять министерство и, в случае злого саботажа и сопротивления, силами младших служащих выгнать старших чиновников.

Во время этого разговора в кабинет Ленина вошли Сталин и другие народные комиссары. Егоров тут же был утвержден заместителем народного комиссара государственного призрения и сразу отправился в союз. Через день здание министерства было занято младшими служащими. Чиновники бежали. Народный комиссариат начал работать.

Меньшевики злобно пророчествовали о крахе Советской власти, всячески пытались вредить новому делу государственного строительства. В своих газетах они упрямо и озлобленно повторяли «теории» о невозможности управлять государством без буржуазии. Они радовались трудностям, не замечали величайших успехов Советской власти, разбудившей живое революционное творчество масс. В своей подленькой газетке они крикливо писали о большевиках:

«Они не могут взять государственную власть. Вокруг них пустота, созданная ими самими. Весь служебный и технический аппарат отказывается им служить... и министерские канцелярии, и почта и телеграф, и железные дороги. Они проваливаются... в пропасть...»

А на деле рабочие с каждым днем все крепче брали в свои руки рычаги управления. Никакой саботаж и никакие вопли социал-предателей не останавливали энергии рабочих. В самой жизни, в работе своих товарищей из других районов и городов они стремились найти формы, способы и практику управления и, найдя хоть крупницу полезного, тотчас же применяли это у себя.

Комиссар суда услышал о том, что на Выборгской стороне выработали

¹ Ленин, Сочинения, т. XXII, стр. 214—215.

форму пролетарского коллегиального суда. Он ознакомился с ней и сразу же применил ее в судах Нарвского района.

Места судей заняли рабочие Иван Генслер, Василий Алексеев, Григорий Самодед, Федор Лемешев. В судебных камерах мировых судей их встретили озлобленно и неприязненно. В одном случае судья исчез. В другом — все служащие отказались работать с новым советским судьей. В третьем — в камере на Ушаковской улице — судья отказался дать ключи от столов и шкафов.

— Сломаем, — сказали ему и начали ломать.

Судья сдался и написал расписку: «Подчиняюсь силе оружия».

Несколько служащих остались работать при новом суде. Судьей на Ушаковской улице стал Василий Алексеев.

Алексеев, как и все рабочие судьи, проводил линию классового суда. За одни и те же преступления он осуждал трудящихся и эксплуататоров по-разному. Он долго объяснял в своих речах, что буржую не прощается то, что неграмотному рабочему может быть простительно.

Камеры суда заполнялись толпами народа. Это была глубоко заинтересованная, активная аудитория, приходившая послушать, как будет судить советский суд.

Ссадив с судейских мест мировых с золочеными цепями, сломав старый судебный аппарат, уничтожив напыщенность и судебную формалистику, путилевские рабочие-судьи внесли в судебный процесс подлинно пролетарский демократический дух. Судебная процедура была чрезвычайно проста. После опроса свидетелей и обвиняемых судьи совещались. Затем председатель произносил речь о суде буржуазном и суде пролетарском, переходил к делу, устанавливал виновность подсудимых и произносил приговор. Авторитет народного суда был чрезвычайно велик:

— Свои судьи, — говорили рабочие. — По-нашему судят, по-правильному.

Формула приговора не определилась. Ее варьировали по-разному, но в основном она содержала следующие, торжественно произносимые слова: «Именем Трудовой Народной власти Советов народно-революционный суд по закону революционной совести (чести) приговаривает гражданина (такого-то) к.... (следовала мера наказания)».

Эсеры Бурштейн и Вуколова (оба были работниками продовольственной управы) за распространение ложных слухов о наступлении немцев и за созданную ими панику приговорили к двум месяцам общественных работ.

В большинстве случаев суд выносил мягкие приговоры. Хулиганов, воров, спекулянтов присуждали к общественным работам, за которыми к тому же некому было еще следить. Зато провокаторов не щадили.

Меньшевики и эсеры встретили первый декрет Советской власти о суде неистовыми воплями. Ленин отвечал на это: «Пусть кричат, что мы, не реформируя старый суд, сразу отдали его на слом. Мы расчистили этим дорогу для настоящего народного суда...»¹

Комиссар порядка взялся за милицию. Ее нужно было окончательно вырвать из-под влияния городского самоуправления. Милиция в районе никогда не пользовалась полным доверием большевиков Совета. На руководящих постах в ней удержались эсеры. В июле и августе заводский

¹ Ленин, Сочинения, т. XXII, стр. 212.

комитет Путиловского завода пытался воздействовать на милицию, но больших результатов это не дало. Посланные в Октябрьские дни комиссары встретили сопротивление. Среди милиционеров оказалось немало шкурников. Начальник 3-го подрайона Петергофской милиции, эсер Богданов, долго не сдавал дел комиссару районного Совета. Богданов не хотел подчиняться Совету, признавая лишь власть контрреволюционной городской думы.

Комиссары начали очищать милицию от неустойчивых людей и шкурников. Богданов был арестован. Каждый милиционер для продолжения службы должен был получить ходатайство от заводского комитета. На Путиловском заводе характеристики давали цеховые комитеты, заводский комитет подтверждал их, и лишь тогда милиционер оставался служить. Новый набор милиционеров, большей частью из состава красногвардейцев, проходил таким же порядком. Милиция укреплялась, превращаясь под руководством большевистских комиссаров в настоящий орган революционной власти в районе.

Главной же опорой Совета оставалась рабочая Красная гвардия. Пока реорганизовали милицию на Красную гвардию, пала труднейшая задача установления революционного порядка и борьбы с контрреволюцией. В те дни буржуазия пыталась спаивать вином несознательных солдат. На улицах города появились тысячи пьяных. Темные личности приводили их к винным складам, пивным и разливочным заводам. Караулы из солдат, приставленные к складам, переписывались. Склады превращались в кабаки, где пили прямо из бочек и разливали вино ведрами. Слухи

Отряд рабочей Красной гвардии Путиловского завода

о даровом вине разносились с неимоверной быстротой. Туда сбегались с бидонами, кувшинами, бутылками и выносили вино и пиво. Наиболее предприимчивые выкатывали вино бочками. Пьяные бродили по улицам, хулиганили, стреляли и грабили. Тогда по распоряжению Военно-революционного комитета дело охраны пивных, винных складов и заводов передали красногвардейцам.

В штаб Красной гвардии приходили донесения о бесчинствах хулиганов, контрреволюционных вылазках, грабежах. На все это штаб тотчас же откликался. Однажды сообщили, что в Торговом порту отряд автомотористов грабит пакгаузы. Красногвардейский отряд в двадцать пять человек с двумя пулеметами под командой члена штаба И. Киселева срочно выехал в порт. Грабёж был приостановлен.

Самым тяжелым из нарядов была охрана градоначальства. Стояло зимнее время, метели, вьюги. Пешком тащились красногвардейцы от Новосивковской на Гороховую. В доме градоначальства не было света. Развод производили при свечах. В здании, кроме пятнадцати красногвардейцев, не было ни души.

Изо дня в день красногвардейцы шли с караула в наряд, с наряда — в патруль. Их не сменяли сутками, — не было смены. А получали они на день полуфунтовый паек хлеба. Чтобы укрепить и дисциплинировать боевые отряды, районный Совет постановил реорганизовать Красную гвардию, создать постоянный кадр и одновременно очистить Красную гвардию от затесавшихся в нее анархистствующих и недисциплинированных людей.

В ноябре в заводском отряде Красной гвардии было восемьсот человек и столько же в районе, — количество, достаточное для несения всех необходимых району нарядов. Красногвардейцы продолжали, наряду с работой по установлению революционного порядка и борьбой с контрреволюцией, учиться военному делу, твердо памятуя, что враг еще не разбит окончательно.

В конце ноября путиловцам пришлось вновь мобилизоваться для отпора контрреволюции на юге. Две «сотни» красногвардейцев были посланы в Гатчину и там, докомплектованные солдатами, составили «Гатчинский боевой отряд». В декабре отряд был уже в Москве и вскоре сражался в Ростове-на-Дону. «Отзывы о нашей Красной гвардии с Каледнинского фронта хороши», — сообщал Петергофскому Совету штаб Красной гвардии.

Штаб Красной гвардии переместился на завод. Он был пополнен несколькими большевиками-путиловцами и продолжал вести свою организационную работу, укрепляя отряды и обучая красногвардейцев.

Путиловцы были готовы каждую минуту встать на защиту пролетарской революции.

Рабочие активно поддерживали все мероприятия молодой Советской власти. Несмотря на чрезвычайно трудные условия жизни — голод, нагнущуюся безработицу, разруху, вопреки уверениям соглашателей, что рабочие лишь временно увлечены большевиками, петроградский пролетариат все тесней сплачивался вокруг большевистской партии.

Это особенно ярко проявилось в ноябре при выборах в Учредительное собрание. По Петергофскому району — району Путиловского завода — за большевиков голосовало около 29 тысяч человек, т. е. почти 70 процентов всех голосовавших. «Левые» эсеры, которые в это время решили

не ссориться с большевиками и пока сохраняли единый фронт с ними, получили только 7900 голосов, меньшевики — всего 353 голоса.

Почти такое же соотношение голосов было в Нарвском и в других пролетарских районах Петрограда. Это еще раз показывало полную поддержку рабочими власти Советов. Голосуя за большевиков на выборах в Учредительное собрание, рабочие понимали, что именно вокруг Учредительного собрания контрреволюция пытается мобилизовать свои силы. На Путиловском заводе, в пушечной, рабочие заявили по этому поводу: «Постановляем: считать кадетов врагами народа, и таким господам нет места в Учредительном собрании. Учредительное собрание признаем постольку, поскольку оно станет на защиту трудового народа, т. е. признает все завоевания 25 октября, которые получил рабочий, солдат и крестьянин и объявленные в декретах Совета народных комиссаров».¹

Борясь против контрреволюции и требуя решительных мер против нее, путиловцы прежде всего обращали внимание на необходимость парализовать контрреволюционный саботаж внутри завода. 4 декабря 1917 года на заседании рабочей секции Петроградского Совета депутаты — путиловцы, обуховцы, лесснеровцы и рабочие других заводов — получили от Ленина четкие директивы. Вновь и вновь повторяя о необходимости борьбы с «предрасудком, что управлять может только буржуазия», Ленин говорил:

«Капиталисты делают решительно все, чтобы затруднить задачи рабочего класса. И каждой рабочей организации — профессиональным союзам, фабрично-заводским комитетам и др. — предстоит дать решительный бой в экономической плоскости».²

Внутри завода фактическим хозяином давно уже стал заводский комитет. По декрету советского правительства от 14 ноября путиловский заводский комитет становился почти полновластным хозяином завода и получал доступ к делам правления. Декрет предоставлял рабочим право контроля «над производством, куплей-продажей продуктов и сырых материалов, хранением их и их финансовой стороной предприятия». Декрет был первым шагом к экспроприации экспроприаторов, к национализации заводов и фабрик. Это хорошо поняли капиталисты и реакционно настроенные административно-технические работники. Общество фабрикантов и заводчиков разослало циркуляр:

«Предвидя, что русский пролетариат, совершенно неподготовленный для руководства сложным механизмом промышленности, приведет ее к быстрой гибели, Общество отвергает классовый негосударственный контроль рабочих и предлагает в случае предъявления в предприятиях требований о введении рабочего контроля — такие предприятия закрывать».

Получив циркуляр, в правлении общества Путиловских заводов положили плечами: «Попробуй, закрой Путиловский завод!» — и переслали циркуляр заводууправлению. Инженерно-технический союз на заводе принял этот приказ к руководству. Собрание союза постановило: признавать лишь «государственный контроль общепризнанной власти», то есть признаваемой ими власти буржуазии, и отказалось «от всякого участия в контрольных комиссиях, созданных большевиками».

¹ ЛОАОР, 1917 г. Материалы заводского комитета Путиловского завода 1917—1918 гг., л. 698.

² Ленин, Сочинения, т. XXII, стр. 125.

Техническая и служебная верхушка завода перешла к активному саботажу. Служащие являлись на работу с большими опозданиями и целыми днями слонялись без дела.

Заводский комитет отмечал: «На занятиях читают романы и зати-вают иные дела на недели».

Положение завода резко ухудшилось. Еще в октябре закрылось десять мастерских из-за отсутствия топлива. Не работало около двенадцати тысяч рабочих. Генеральское правление окончательно перестало вмешиваться в дела завода.

Заводский комитет принял на себя непосредственное руководство заводом. Он прежде всего разослал людей на поиски топлива. Антон Васильев снова поехал в Донбасс. Вернувшись, он сделал заводскому комитету подробный доклад о положении Донецкого бассейна и выдвинул перед заводским комитетом три основных задачи: перевод завода на новую производственную программу мирного строительства (производство и ремонт паровозов, вагонов и возобновление довоенных производств); борьба за дисциплину; борьба за культуру и просвещение.

Вместе с тем не снималась задача производства пушек.

Председатель Всероссийского Центрального Исполнительного комитета Я. М. Свердлов дал Путиловскому заводу задание выпустить как можно больше пушек. Но на заводе не было ни топлива, ни денег. За деньгами отправилось два члена заводского комитета — Н. Шлопаков и В. Смирнов. За топливом поехал комиссар завода. Пути их сошлись в Смольном, в кабинете председателя Совета Народных Комиссаров — Владимира Ильича Ленина.

Путиловцы рассказали Ленину о финансовом положении завода: до двухсот миллионов задолженности и ни копейки в кассе. Платить рабочим нечем.

Ленин спросил путиловцев:

— А что вы можете дать?

Они рассказали о пушках, о бронеплощадках, о паровозах и вагонах.

— А не расхищается ли имущество завода?

— Бывает, к сожалению, — ответил, смущаясь, Смирнов.

— С этим надо беспощадно бороться, — сказал Ленин. Он распорядился вызвать Менжинского — народного комиссара финансов. Менжинский пригласил путиловцев к себе и по письменному распоряжению Ленина отдал приказ Государственному банку выдать путиловцам пять миллионов рублей. Получка была обеспечена. Работы пушечной и других мастерских не прекращались.

По вопросу о топливе комиссар завода обратился также к Владимиру Ильичу:

— Завод замерзает, — доложил он и просил содействия в получении топлива.

Владимир Ильич позвонил в управление Балтийского флота и предложил отпустить уголь из угольной базы у Морского канала.

Со своим заводским транспортом и грузчиками отправились путиловцы на угольную базу. Моряки не хотели давать топлива. Лишь после того, как матросы узнали, что на это есть приказ Ленина, они поспешно выдали уголь:

— Только потому, что Ленин распорядился, иначе не дали бы.

Шестьдесят вагонов угля прибыло на завод в ноябре.

Контрреволюция не дремала, пытаясь сорвать работы на Путиловском заводе. Заводский комитет предупредил рабочих: «Есть данные о готовящемся взрыве завода. Примите меры».

Проверили все земляные работы завода. Перекопали подозрительные места вокруг электростанций. Цеховые комитеты установили круглосуточное дежурство в своих мастерских. Заводский комитет вывесил объявление:

«Поставленные вами на стражу наших интересов и защиту революционных завоеваний организации — заводский комитет и комиссар завода — обращаются к вам, товарищи, проявить в эти великие страдные дни всю вашу бдительность и гражданский долг, зорко всматриваться в действия и поведение подозрительных и незнакомых лиц... От вашей, товарищи, бдительности будет зависеть многое».¹

Путиловцы насторожились. Попасть на завод постороннему теперь уже было невозможно. Зорко и бдительно охранялся завод многотысячным коллективом рабочих.

Кое-какие анархизирующие рабочие стали хватать всякого почему-либо казавшегося им подозрительным. Однажды они арестовали заводского техника и, угрожая пыткой, привели в штаб Красной гвардии. Их пристыдили. Тем не менее, ссылаясь на объявление, они задерживали всякого более или менее прилично одетого служащего и даже рабочего, измывались над ним.

Заводский комитет вновь обратился с воззванием, предупреждая о недопустимости формального понимания революционной бдительности.

«К прискорбию, среди товарищей рабочих встречаются такие умники (правда, их очень мало), которые классовую принадлежность людей определяют по их костюму и внешности — носит котелок, крахмалку и толстый, значит буржуй. Такие товарищи не хотят понять, что... можно носить фуражку и блузу и быть в талии 30 сантиметров, но убеждения и душу иметь, что твоя дымогарная труба. И наоборот, — носить крахмалку и котелок и быть толстым, как дамба, но убеждения иметь кристально-чистые. Котелки и крахмалки носят и рабочие, и таких не мало».

Товарищи, будьте осторожней в определении классовой принадлежности людей по внешности, по впечатлению».

Наряду с огромной работой по упорядочению заводской работы, путиловцы уделяли много внимания делу просвещения и образования рабочих. Буквально на другой день после победы социалистической революции в заводский комитет явилась группа рабочих с требованием — теперь, когда власть в руках у пролетариата, поставить перед рабочими задачу овладения знаниями и культурой.

Заводский комитет подхватил инициативу рабочих и 3 ноября 1917 года обратился с воззванием ко всем путиловцам:

«Вопросы культуры и просвещения являются теперь вопросами жгучими и самыми животрепещущими...

Товарищи, не упускайте случая почерпнуть научные знания. Не теряйте бесплодно ни одного часа. Каждый час нам, пролетариям, дорог.

¹ Материалы Ленинградского института истории ВКП(б), Фонд Кировского завода.

Нам надо не только догнать, но и перегнать борющиеся с нами классы. Таково веление жизни, таков ее указующий перст.

Мы теперь хозяева жизни и потому должны быть во всеоружии знаний, — оживить, вдохнуть душу живую в хозяйство страны может только организованный, обладающий знаниями народ. Могучим взмахом революции оковы сброшены, и открылся свободный путь к знанию, — теперь каждый имеет полную возможность приобщиться тех знаний, которые добыты тысячелетней историей человечества.¹

Об огромной тяге рабочих к знанию Ленин в это время писал:

«... Талантов в крестьянстве и рабочем классе много, и эти таланты только-только начинают сознавать себя, просыпаться, тянуться к живой, творческой, великой работе, браться самостоятельно за строительство социалистического общества... Ни на минуту не забудут рабочие, что им нужна сила знания. Необыкновенное рвение, которое проявляют рабочие в деле образования, проявляют как раз сейчас, доказывает, что на этот счет заблуждений в среде пролетариата нет и быть не может».²

Путиловский заводский комитет стал вдохновителем большого похода рабочих за культуру, за овладение знаниями, за пролетарскую дисциплину труда. В своих полных пафоса воззваниях о дисциплине заводский комитет писал:

«Завоеванная свобода есть величайшее благо, но завоевать — это дело одно, а владеть ею — другое. Свобода обязывает прежде всего к водворению в каждом из нас дисциплины, порядка в умственных и волевых поступках. Свобода же и гражданский долг требуют от нас, не задумываясь, не колеблясь, когда это надо, поступаться своими личными интересами... ради общего народного блага...

... Его величество, рабочий класс, пролетариат, только тогда является вполне величеством, когда он действует едино, не разрознено, солидарно, когда воля тысячных масс представляет волю единую... Теперь при новом строе жизни, когда он еще неоформлен, когда революция продолжается и властно диктует нам борьбу за расширение своих державных прав, далеко еще не завоеванных, когда старые формы разрушаются, а новые создаются, — теперь особенно необходимо, особенно ценно организованное единство действий, единая воля масс, как могучее орудие для победы».³

Заводский комитет принимал решительные меры к установлению твердой революционной дисциплины. Было решено призвать рабочих, не имеющих работы по своей профессии, к безоговорочному выполнению всех необходимых работ по заводу. Заводская центрально-следственная комиссия принялась за проверку наличного и числящегося состава рабочих. Работы на заводе было много, но отдельные квалифицированные и малоквалифицированные рабочие из неработающих цехов не хотели идти на черную работу по разгрузке и распиловке дров для кочегарок. За простой платили две трети заработка (среднего), и отдельные рабочие предпочитали гулять, получая заработную плату по простойному тарифу. Отказывающимся от работы решено было не оплачивать простой, а при повторном отказе увольнять с завода.

¹ ЛОАОР, Фонд Петергофского районного Совета, д. № 17, 1917.

² Ленин, Сочинения, т. XXII, стр. 162.

³ ЛОАОР, 1917 г. Материалы заводского комитета Путиловского завода 1917—1918 гг., лл. 225—228.

Однако самые героические мероприятия не могли при существующем положении вещей вытащить завод из туши, куда его завели генералы из путиловского правления. Основной вопрос — о дальнейшем управлении заводом — оставался не разрешенным. В начале декабря из-за отсутствия топлива и общей разрухи Путиловский завод временно приостановил работы.

15 декабря Совет Народных Комиссаров обсуждал вопрос о перерыве работ на Путиловском заводе. Выяснилось, что без решительной помощи правительственных органов, заводу не подняться. Почти такое же положение было и на многих других заводах. По предложению Ленина Совет Народных Комиссаров принял постановление «Об организации комиссии практиков», в задачу которой входило: собирать у всех ведомств заказы и распределять эти заказы среди безработных и закрываемых заводов. В постановлении было указано: «Комиссия должна, руководясь общим хозяйственным планом Высшего Совета Народного Хозяйства, предлагать Совету Народных Комиссаров революционные меры для неотложного выполнения своей задачи...»¹

Морозным декабрьским вечером несколько членов заводского комитета во главе с председателем Антоном Васильевым обходили мастерскую за мастерской. Им предстояло подробно осмотреть завод и затем составить доклад о положении мастерских, о состоянии оборудования и путей. Доклад нужно было направить в правительственные органы — Народный комиссариат труда, Народный комиссариат торговли и промышленности и Совет Народных Комиссаров.

Члены заводского комитета окидывали взглядом цеха и всюду замечали прорехи в крышах, бездействующие сломанные станки, полуогнившие деревянные стены, ямы и выбоины в полах. Новая электрическая станция имела в капитальной стене большую трещину. В механической мастерской трансмиссии готовы были сорваться каждую минуту. У паровозного депо образовалось кладбище «кукушек» и паровозов. Подъездные пути к мастерским были распатаны. Краны в мастерских хрипели и гремели, — они долгое время находились без ремонта. Мартеновские, тигельные, прокатные и нагревательные печи стояли холодные, застывшие, полуразрушенные. Тигельно-литейная угрожала обвалом. Паровое отопление было выключено. Многие кочегарки бездействовали, а некоторые работали лишь в полсилы. Вместо парового отопления кое-где были установлены жаровни — в них жгли кокс, уголь, а чаще всего доски и дрова. Цеховые кладовые не имели исправных инструментов. Вместо них валялись горы инструментального лома.

Несколько мастерских стояли заколоченными, все цеха шрапнельного завода были закрыты.

Члены заводского комитета проводили на заводе иной раз по несколько суток подряд. Но, занятые многими делами, они не замечали степени разрушения мастерских, агрегатов, станков, паровозного хозяйства. Только теперь, обойдя весь завод, они ужаснулись тому, до какого состояния довели завод генералы. Они возвращались понурые и печальные, чувствуя себя в какой-то степени виноватыми в том, что не смогли воспрепятствовать правлению и администрации систематически разрушать

¹ Ленинский сборник, т. XXI, стр. 121.

завод. Некоторые из членов заводского комитета только сейчас поняли, что при контроле без власти они лишь затыкали явно зияющие дыры.

Когда члены комиссии вернулись, у всех была одна мысль: надо забирать завод окончательно в свои руки, быстрее взяться самим за управление заводом, построенным руками целых поколений путиловцев.

27 декабря 1917 года судьба завода была решена. Совет Народных Комиссаров под председательством народного комиссара И. В. Сталина принял декрет о национализации Путиловского завода:

«В виду задолженности Акционерного Общества Путиловских заводов казне Российской Республики, Совет Народных Комиссаров постановляет: принять Путиловские заводы со всем имуществом Акционерного Общества Путиловских заводов, в чем бы оно ни состояло, в собственность Российской Республики.

Организация управления заводами и делами означенного Акционерного Общества возлагается на Народного Комиссара Торговли и Промышленности.

За председателя Совета Народных Комиссаров

И. Сталин».¹

Открылась новая страница в истории старого завода, шестьдесят лет существовавшего как крепостное и шестьдесят восемь лет как капиталистическое предприятие.

Началась новая эпоха — эпоха социализма, и старый, дряхлый завод вышел на новый путь развития.

Путиловский завод стал советским.

В огне трех революций, в жестоких классовых битвах складывался и закалялся рабочий коллектив Путиловского завода. Со времени первых своих массовых выступлений до победы Великой Октябрьской социалистической революции рабочие-путиловцы всегда шли в первых рядах петербургского пролетариата, возглавлявшего рабочее революционное движение в России. Путиловский завод был на вышке, на виду у всей страны. Имя путиловских рабочих стало синонимом имени отважных бойцов за освобождение трудящихся от гнета капиталистической эксплуатации. Сила и стойкость, мужество и организованность, безграничная преданность делу социализма и беззаветный героизм — эти боевые революционные качества путиловцев были воспитаны в них большевистской партией — партией Ленина—Сталина. Путиловская большевистская организация с первых своих шагов до октября 1917 года возглавляла все революционные выступления путиловцев. За тринадцать лет (1904—1916) путиловская большевистская организация вырастила и воспитала значительные кадры революционеров-подпольщиков — около пятисот активных большевиков — сплотивших весь путиловский рабочий коллектив на борьбу за Октябрьскую революцию.

Путиловцы свято хранили боевые революционные традиции в последующей гигантской борьбе за дело Ленина—Сталина, за победу социализма в СССР. В годы гражданской войны и иностранной военной интервенции де-

¹ Декреты Октябрьской революции, Партиздат, 1933, стр. 389.

сятки тысяч путиловцев сражались на всех фронтах, кровью своей отстаивая завоевания Октября. В период восстановления народного хозяйства, в борьбе с разрухой путиловцы в короткий срок полностью восстановили разрушенный, доведенный капиталистами до развала старый Путиловский завод. В период реконструкции народного хозяйства страны, в период сталинских пятилеток путиловцы до основания перестроили старый завод, превратили его в могучий гигант социалистической индустрии, с гордостью носящий имя пламенного трибуна революции Сергея Мироновича Кирова.

Завод — крупный индустриальный гигант, завод — школа большевистских кадров, завод — техническая лаборатория, пионер новых производств, завод — большевик, хранитель революционных традиций петербургских пролетариев, — таков сейчас Кировский завод, крепкий оплот большевизма, крепость несокрушимой партии Ленина—Сталина.

ОСНОВНЫЕ ИСТОЧНИКИ

1. КНИГИ

- Ленин В. И.** Сочинения, тт. I, II, III, IV, V, VI, VII, VIII, IX, X, XI, XII, XIV, XV, XVI, XVII, XVIII, XIX, XX, XXI, XXII, XXV.
- Сталин И. В.** Вопросы ленинизма, изд. 40. Партиздат, 1935.
- Сталин И. В.** На путях к Октябрю. Статьи и речи. Март—октябрь 1917, 2-е изд., ГИЗ, Л., 1925.
- Сталин И. В.** Об Октябрьской революции. Сборник статей и речей. Партиздат, М., 1932.
- Сталин И. В.** Марксизм и национально-колониальный вопрос. Сборник избранных статей и речей. Партиздат, 1937.
- История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков).** Краткий Курс, под редакцией комиссии ЦК ВКП(б). Одобрен ЦК ВКП(б). Госуд. издательство политической литературы, 1938.
- История гражданской войны в СССР (1917—1922).** Т. I. Подготовка Великой пролетарской революции. (От начала войны до начала октября 1917 г.) ОГИЗ-ИГВ, М., 1935.
- Краткий курс истории СССР,** под ред. проф. А. В. Шестакова. Учпедгиз, М., 1937.
- Ленинский сборник,** т. XXI, М., 1932.
- Авдеев Н.** Революция 1917 г. (Хроника событий). Т. I. Январь—апрель. Т. II. Апрель—май. ГИЗ, М.—П., 1923.
- Бадаев А.** Большевики в Государственной думе. Большевицкая фракция в IV Государственной думе и революционное движение в Петербурге. Воспоминания. Партиздат, [М.], 1937.
- Барсуков Е.** Подготовка России к мировой войне в артиллерийском отношении. Гос. воен. изд., 1926.
- Берия Л.** К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье. Доклад на собрании Тбилисского партактива 21—22 июля 1935 г. 4-е издание, Госуд. издательство политической литературы, [М.], 1938.
- Бернштейн-Коган С.** Численность, состав и положение петербургских рабочих-металлистов. Изд. Политехнического института, СПб, 1910.
- Большевизация Петроградского гарнизона (в 1917 году).** Сборник материалов и документов. Леноблиздат, 1932.
- Буйко А.** Путь рабочего. Записки старого большевика. Изд. «Старый большевик», М., 1934.
- Варенцова О.** Стачки и демонстрации 1912—1914 гг. Изд. «Старый большевик», М., 1933.
- Варвар В.** Статистика стачек рабочих на фабриках и заводах за 1905 год. СПб, 1908.
- В дни Великой пролетарской революции.** Эпизоды борьбы в Петрограде в 1917 году. ОГИЗ-ИГВ, М., 1937.
- Владимирова В.** Контр-революция в 1917 г. (Корниловщина). Изд. «Красная новь», М., 1924.
- Владимирова В.** Революция 1917 г. (Хроника событий). Т. III. Июнь—июль. ГИЗ, М.—П., [1923]. Т. IV. Август—сентябрь. ГИЗ, Л., 1924.
- Воспоминания И. Бабушкина (1893—1900 гг.).** Изд. «Прибой», Л., 1926.
- Вторая и Третья Петроградские общегородские конференции большевиков в июле и октябре 1917 года.** Протоколы и материалы. ГИЗ, М.—Л., 1927.
- Гуляев А.** Боевые дружины большевиков. Работа боевой организации большевиков Нарвской заставы г. Петербурга в 1905—1907 гг. Изд. «Молодая гвардия», [Л.], 1935.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	9	Школа и кружки	324
От авторов	11	Два собрания	334
<i>Глава первая. 1789—1880</i>	<i>13</i>	Типография	339
На седьмой версте от столицы	13	Новые силы	344
Четвертый миллион	21	<i>Глава шестая. 1912 — июль 1914</i>	<i>353</i>
Путиловская получка	30	Торговцы смертью	353
<i>Глава вторая. 1880—1899</i>	<i>39</i>	А. И. Путилов	361
Рельсы, паровозы, пушки	39	Новые корпуса	372
Хозяин Ляшка	55	Овальные номера	381
Застава	64	Лена	390
Василий Буянов	81	Первое мая	395
Маевка петербургских рабочих	95	Четвертая дума	402
Первая ячейка	101	Милостивые государи	415
Кружок «Союза борьбы»	105	Забастовка солидарности	422
Продолжатели	115	Наступление мастерских	428
Группа Михаила Калинина	124	Страховая кампания	438
<i>Глава третья. 1900—1904</i>	<i>141</i>	Завоевание большинства	447
Новый век	141	Георгий Шкапин	458
День зрителя Чачи	153	Улица Стачек	471
Пушка образца 1902 года	163	Путиловский инцидент	478
Большевики и меньшевики	170	Июльские события	486
«Старый Ташкент»	180	<i>Глава седьмая. 1914—1917</i>	<i>497</i>
<i>Глава четвертая. 1905—1907</i>	<i>191</i>	Кому нужна война?	497
Смерть или свобода	191	Война и завод	511
Борьба продолжается	208	Царь на заводе	518
Организация	222	Лето 1915 года	528
Локаут	233	Большевики поднимают завод	534
Совет рабочих депутатов	243	«Военно-промышленные социалисты»	544
Боевые дни	258	«Сделаем большого Круппа»	551
1906 год	269	Армия в тылу	555
Дача «Ваза»	276	Пусть сильнее грянет буря!	564
<i>Глава пятая. 1907—1912</i>	<i>287</i>	<i>Глава восьмая. 1917</i>	<i>573</i>
Поклонись силе	287	Путиловцы идут	573
Парфут	297	Боевые дни	582
Чистка	300	Нарвская площадь	590
Шура Буйко	303	Первое легальное	595
III Государственная дума	310	Долой империалистическую войну!	604
Люди и связи	318	Приезд Ленина	613
		Антон Васильев	617
		Заводский комитет	622

Первый взрыв	630	Рабочий контроль	686
Володарский	639	Боевая подготовка	694
Митинг 12 мая	642	Выступаем по первому зову	700
«Конфликт 7 марта»	647	В дни Октябрьского штурма	709
Июльские дни	657	Первый фронт	723
Побили, но не разбили	664	Новая власть	735
VI съезд большевистской пар- тии	672	Основные источники	748
Корниловщина	678	Список цветных иллюстраций	754

42863

Отв. редактор Э. А. Корольчук. Внешнее оформление и художественная редакция Ю. Ф. Слепян.
Техн. ред. П. С. Смирнов. Отв. корректор С. М. Панус. Заставки к главам худ. Д. Е. Кутателадзе.
На форзаце репродукция с барельефов здания клуба им. И. Газа

Сдано в набор 9/1 1939 г. Подписано к печати 27/III 1939 г. Соцэкиз № 1679. Лениблгорлит № 632.
Тираж 20 000 экз. Объем 62,14 уч.-изд. л., 47 1/4 п. л. + 15 вклеек. Формат бумаги 70×108 1/16. 24 1/8
бум. л. Тип. зн. в 1 бум. л. 106 000. Цветные автокопии исполнены 21 типографией ОГИЗа РСФСР
и. И. Федорова. Бумажка Красновишерского и Камского бумкомбинатов.

Цена книги 14 р. 50 к., переплет 2 р. 50 к.

2-я типография ОГИЗа РСФСР треста «Полиграфкнига» «Печатный Двор» им. А. М. Горького,
Ленинград, 1-я татинская, 26. Заказ № 733. Отпечатано с матриц во 2-й тип. ГОНТИ им. Евг. Соколовой,
Ленинград, пр. Красных Командиров, 29. Заказ № 1394.

1789

1917

